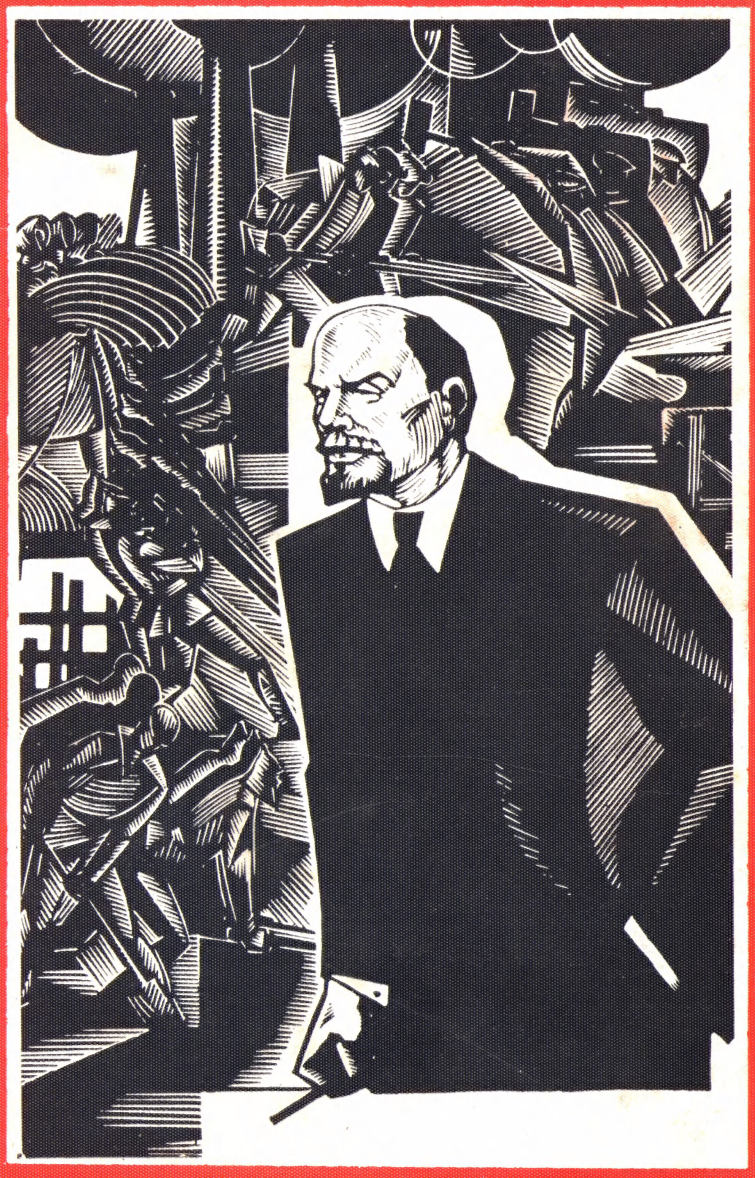

АКАДЕМИК
И. И. МИНЦ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

После победы Октября в Петрограде пролетарская революция, по словам В. И. Ленина, триумфальным шествием прошла по России. Всесторонний показ этого процесса составляет основное содержание настоящего третьего тома «Истории Великого Октября». В нем освещаются победа Советской власти в Москве, разгром первых антисоветских мятежей, ход социалистической революции на фронте, а также на всей огромной территории бывшей Российской империи. Целостная картина установления власти Советов в период с 25 октября 1917 г. по январь 1918 г. дается в советской исторической литературе впервые.

Том завершается главами о создании нового, Советского государства и проведении первых социалистических преобразований, открывших эпоху строительства социализма и заложивших основы для возникновения Союза Советских Социалистических Республик.

В центре исследования — организаторская деятельность Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина, своим гением освещавшего неизведанные пути создания нового общества.

На суперобложке:
гравюра на дереве
худ. В. А. Носкова

1917–1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО КОМПЛЕКСНОЙ
ПРОБЛЕМЕ
«ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

АКАДЕМИК
И. И. МИНЦ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

МОСКВА
1979

АКАДЕМИК
И. И. МИНЦ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

М $\frac{10604-181}{042(02)-79}$ 42—79 0505030101

© Издательство «Наука», 1979 г.

Владимир Ильич

ЛЕНИН

1918 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОСКВЕ

«Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем»,—

гордо зазвучали под сводами Смольного слова великого пролетарского гимна после того, как В. И. Ленин в первой своей речи 25 октября 1917 г. от имени победившего народа провозгласил: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства» [1].

26 октября 1917 г., на второй день после победы вооруженного восстания в Петрограде, было опубликовано написанное Лениным обращение II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» [2].

Установление диктатуры пролетариата в России коренным образом изменило политическую обстановку в стране: пролетариат, вынесший основную тяжесть борьбы и сплотивший вокруг себя крестьянскую бедноту,— большинство народа, стал господствующим классом. Перед ним встала задача создания нового общественного и государственного строя.

Но для создания нового строя предстояло закрепить победу, завоеванную в Октябрьском вооруженном восстании. Надо было прежде всего подавить сопротивление господствовавших классов. Разбитые в открытом бою буржуазия и помещики не примирились со своим поражением. Напротив, поражение еще больше усилило их сопротивление революционным силам. Мелкобуржуазные лидеры — «поборники демократии», кричавшие о необходимости подчинения большинству, не посчитались с волей II Всероссийского съезда Советов, представлявшего подавляющее большинство трудящихся, и открыто пошли вместе с контрреволюцией против народа.

Подавление сопротивления бывших господствовавших классов стало основной задачей победившей Советской власти. Об этом Ленин прозорливо предупреждал задолго до победы пролетарской революции. Еще

---

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 3.
[2] Там же, стр. 11.

в 1916 г., доказывая, что лозунгом партии должно быть «вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию», Ленин писал в статье «Военная программа пролетарской революции»: «И с научной точки зрения будет совершенно неправильно и совершенно нереволюционно, если мы будем обходить или затушевывать как раз наиболее важное: подавление сопротивления буржуазии,— наиболее трудное, наиболее требующее борьбы при *переходе* к социализму» [3].

Формы сопротивления контрреволюционных сил носили самый различный характер — от открытых вооруженных выступлений с целью свержения победившей Советской власти или недопущения ее установления до саботажа и срыва ее мероприятий. Самой серьезной и опасной формой сопротивления были, разумеется, вооруженные выступления контрреволюции, в первую очередь в Москве, под Петроградом, в армии и в ряде мест по стране.

Москва — второй после Петрограда политический, промышленный и культурный центр страны — играла важнейшую роль в стратегическом плане пролетарской революции. Без участия трудящихся Москвы и Московской области [4] (этим термином Ленин обозначал Центральный промышленный район) в подготовке и проведении всеобщего вооруженного восстания, без их поддержки нельзя было рассчитывать на установление Советской власти по всей стране. Достаточно напомнить первые строки известного письма Ленина, в котором он призвал к вооруженному восстанию: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки» [5].

К этому необходимо добавить, что, начиная восстание, Центральный Комитет партии большевиков утром 24 октября постановил «немедленно информировать Москву» и поручил членам ЦК, москвичам В. П. Ногину и А. Ломову (Г. И. Оппокову), выехать в Москву: первому — немедленно, а второму — на следующий день [6].

Ввиду особого значения Москвы, в отличие от общепринятой схемы изложения, согласно которой вслед за победой восстания в Петрограде рассказывается о выступлении контрреволюции на подступах к столице, мы сначала остановимся на переходе власти к Советам во второй столице. Такая последовательность тем более целесообразна, что этот переход произошел раньше, чем контрреволюционные части появились около Петрограда.

До февраля 1918 г. даты в настоящем томе даются по старому стилю, но факты или материалы, связанные с иностранными сюжетами, даются по новому стилю. В тех случаях, где требуется учет синхронности событий, в скобках приводится и старый стиль.

---

[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 135, 134.
[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 240.
[5] Там же, стр. 239.
[6] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 120—121.

1

ЗНАЧЕНИЕ МОСКВЫ С ОБЛАСТЬЮ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва революционная

О месте, которое занимала Москва в жизни страны, и роли ее рабочего класса в революции мы уже писали [7]. Напомним лишь некоторые данные.

В начале 1917 г. в Москве проживало немногим более 2 млн. человек. К осени численность населения уменьшилась. По переписи, проведенной летом 1917 г., население Москвы исчислялось в 1 849 916 человек. По сравнению с переписью в феврале этого же года население Москвы сократилось на 2,5% за счет ухода рабочих с закрывшихся предприятий, летнего перерыва занятий в высших учебных заведениях и отъезда части рабочих семей в другие места из-за продовольственных затруднений [8].

На 1063 промышленных предприятиях города к началу 1917 г. трудилось 287 824 рабочих, из которых, по данным фабрично-заводской инспекции, 187 150 работали на фабриках и заводах [9]. К ним необходимо добавить рабочих казенных предприятий, предприятий военного ведомства, заводов и фабрик, эвакуированных в Москву [10], и предприятий, вошедших в городскую черту Москвы в мае 1917 г. Следует учесть и рост числа рабочих в связи с введением в 1917 г. 8-часового рабочего дня. Все это позволяет уточнить данные о числе предприятий в Москве (не менее 1150) и числе наемной рабочей силы (пролетарское и полупролетарское население города составляло почти 0,5 млн., в том числе более 300 тыс. промышленных рабочих) [11].

Во всей Московской губернии (вместе с Москвой) только на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции, было занято 411 070 рабочих [12].

В годы войны значительно усилилась концентрация московского пролетариата: в среднем на каждое предприятие города приходилось 270 рабочих [13]. В Москве было 56 фабрик и заводов с числом рабочих более 1 тыс. человек.

Крупнейшими рабочими районами Москвы были Замоскворецко-Даниловский (300 предприятий, 65 тыс. рабочих), Рогожско-Симоновский

---

[7] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. М., 1977, стр. 537; т. 2. М., 1978, стр. 715.

[8] «Вперед», 5 октября 1917 г.

[9] «История Москвы», т. VI, кн. 1. М., 1957, стр. 16, 25; *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве. М., 1961, стр. 13.

[10] К началу 1917 г. их число достигало 192 (*Т. А. Логунова.* Московская Красная гвардия в 1917 г. М., 1960, стр. 6).

[11] *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.). Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 8.

[12] «Фабрично-заводская промышленность Москвы и Московской губернии в 1917 г.». М., 1927, стр. 78.

[13] *Л. С. Гапоненко.* Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции.— «Рабочий класс и рабочее движение в 1917 году». М., 1963, стр. 38.

(более 200 предприятий, более 50 тыс. рабочих), Благуше-Лефортовский (75 предприятий, более 30 тыс. рабочих), Сокольнический вместе с Богородским (82 предприятия, почти 30 тыс. рабочих), Хамовнический вместе с Дорогомиловским (более 20 предприятий, около 20 тыс. рабочих) и Пресненский (50 предприятий, около 20 тыс. рабочих) [14].

Значение Москвы многократно возрастало вследствие того, что она являлась центром крупнейшего в стране Центрального промышленного района. Он включал в себя 13 губерний: Московскую, Владимирскую, Воронежскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Нижегородскую, Орловскую, Смоленскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тверскую, Ярославскую. Здесь было сосредоточено 33% фабрично-заводских предприятий России, дававших почти 50% промышленной продукции страны; на них трудилось свыше 1 млн. промышленных рабочих России [15].

Крупнейшим отрядом рабочих Центрального промышленного района были текстильщики (более 65% общего числа рабочих). Здесь было сосредоточено до 300 тыс. (около 30% общего числа рабочих) металлистов [16], в том числе не менее 80 тыс. в самой Москве [17]. Металлисты за годы войны стали первым по численности, революционной активности и организованности отрядом рабочих Москвы. На втором месте в Москве стояли текстильщики, число которых с 70 тыс. к осени 1917 г. сократилось до 50 тыс. Но по революционной активности они не уступали металлистам.

В. И. Ленин всегда отмечал тесную связь Москвы с Центральным промышленным районом и именно поэтому, характеризуя роль Москвы в революции 1917 г., всегда говорил о «Москве с областью». Немалое значение при этом имело то обстоятельство, что московские рабочие меньше других порвали «связи с землей» [18], т. е. с деревней. В условиях революции это приобретало определенное положительное значение, так как способствовало вовлечению в движение широких крестьянских масс.

Следует напомнить, что в губерниях Центрального промышленного района проживало свыше 23 млн. сельских жителей [19].

В гарнизонах района дислоцировалась значительная часть солдатских масс армии. Так, в сентябре 1917 г. в войсках Московского военного

---

[14] *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.), стр. 8, 9. Вопрос о районировании Москвы еще до конца не исследован. Город делился на разные районы: по муниципальной, советской, партийной и милицейской линиям. Советских районов было 11, а 12-й был создан для железнодорожников Московского узла. Наиболее полно изучен этот вопрос Ф. Л. Курлатом. См. также: *А. Я. Грунт.* Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, стр. 26—27.

[15] *Л. С. Гапоненко.* Российский пролетариат, его численность и территориальное размещение по основным промышленным районам накануне социалистической революции, стр. 47; *он же.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 113, 114.

[16] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году, стр. 110.

[17] «Очерки истории Московской организации КПСС». М., 1966, стр. 259. Ф. Л. Курлат, опираясь на архивные данные, в том числе на материалы профсоюзов, считает, что металлистов в Москве было не менее 100 тыс. (*Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.), стр. 45); Л. С. Гапоненко пишет, что в Москве и ее окрестностях было около 135 тыс. металлистов (*Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году, стр. 110).

[18] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 313; т. 34, стр. 278.

[19] *Г. А. Трукан.* Центральная Россия накануне Октября.— «История СССР», 1966, № 5, стр. 3.

округа числилось около 300 тыс. солдат и офицеров, т. е. более трети личного состава всех 8 военных округов [20]. Общая численность Московского гарнизона в июне 1917 г. составляла около 100 тыс. солдат и офицеров [21], но она постоянно сокращалась из-за отправки на фронт маршевых рот. Москва являлась крупнейшей тыловой базой Западного фронта и была теснее, чем Петроград, связана с Юго-Западным и Румынским фронтами.

В октябре 1917 г. в большевистской городской организации Москвы насчитывалось не менее 20 тыс. членов. В Замоскворецкой и Лефортовской районных парторганизациях состояло до 3 тыс. большевиков в каждой; в Басманном районе — 1700; в Сокольническом, Бутырском и Железнодорожном — по 1500; в Рогожском — 1200; в Хамовническом — 100; в Пресненском — 700; в Сущевско-Марьинском — 600 большевиков [22].

В состав Московского комитета РСДРП(б), избранного 1-й Московской общегородской конференцией в апреле 1917 г., входил 21 человек, в том числе Р. С. Землячка, М. С. Ольминский, Н. С. Ангарский, Я. Я. Пече, И. А. Пятницкий, А. Я. Аросев, П. К. Штернберг, Г. К. Голенко, А. Андреев, П. Владимиров, В. В. Сахаров. В дальнейшем в состав Московского комитета вошли также М. Ф. Владимирский, И. В. Цивцивадзе, Г. А. Усиевич, И. Арманд, И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, Е. М. Маленков, Ф. О. Крюков [23].

МК РСДРП(б) имел парторганизаторов во всех районах города.

Партийными организациями центрального промышленного района руководило Московское областное бюро ЦК РСДРП(б), находившееся в Москве. В его состав входили П. Г. Смидович, Н. И. Бухарин, Г. И. Оппоков (Ломов), В. Н. Яковлева, В. Н. Подбельский, И. Н. Стуков, А. А. Сольц, И. С. Кизельштейн, В. Л. Осинский [24].

Партийную организацию Московской губернии возглавлял Окружной комитет РСДРП(б) в составе 11 членов [25], в том числе Н. Л. Мещеряков, В. П. Ногин (Москва), В. Н. Барышников, Е. И. Бумажный (Орехово-Зуево), И. А. Кокушкин (Серпухов), И. И. Матросов (Подольск) и др.

Революционную работу среди солдат гарнизонов Москвы и губернии возглавляло Военное бюро МК РСДРП(б), в состав которого в 1917 г. входили Е. М. Ярославский, О. А. Варенцова, М. Ф. Шкирятов, А. Я. Аросев, Н. И. Муралов, И. Н. Чиненов, Ф. О. Крюков, Н. И. Смирнов, С. Я. Будзынский [26].

Характеристика рабочих масс Москвы и области останется явно неполной, если не указать на их прочные революционные традиции. Еще живо было то поколение, которое участвовало в героической битве в декабре 1905 г. Оно воспитывало народные массы в духе преданности революции. Партия большевиков, верная своему долгу хранить и закреп-

---

[20] Там же, стр. 4.
[21] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 17 июня 1917 г. См. также: *Т. Ф. Кузьмина.* Революционное движение солдатских масс центра России накануне Октября. М., 1978.
[22] *В. В. Аникеев.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 146—148.
[23] МПА, ф. 3, оп. 1, д. 2.
[24] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 2, д. 2, лл. 1—39.
[25] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». М., 1957, стр. 516.
[26] «Октябрь в Москве». М., 1967, стр. 43, 192.

лять революционные традиции, не позволила реакции вытравить из сознания масс память о великих днях декабрьского восстания. Трудящиеся помнили героев революции и гордились ими. «В трудящиеся массы города и деревни подвиг московских рабочих,— писал В. И. Ленин,— внес глубокое брожение, следы которого уже не замирали, вопреки всяческим преследованиям» [27]. Живучесть этих боевых традиций являлась одной из причин быстрого успеха Февральской революции.

Многочисленность пролетарских масс, сознание которых непрерывно и быстро революционизировалось; наличие одного из крупнейших отрядов большевистской партии, неутомимо и успешно проводившего огромную политическую работу среди трудящихся,— все это объясняет то значение, которое, как уже отмечалось, придавал борьбе московского пролетариата Ленин. Говоря о Москве как центре крупнейшего в России промышленного района, Ленин называл ее «громадным пролетарским центром, который больше Петрограда» [28]. Ленин указывал, что Москва наряду с Петроградом, Северным и Западным фронтами являлась тем «решающим пунктом», где партия формировала «*политический «ударный кулак»*» пролетарской революции и создавала «подавляющий перевес сил... в решающий момент» [29].

Завоевание большевиками трудящихся Москвы и области

Московские большевистские организации на протяжении всего 1917 г. вели усиленную и успешную борьбу за руководство пролетариатом, солдатскими и крестьянскими массами города, губернии и области.

Ярким свидетельством успешности этой борьбы явилась всеобщая политическая стачка 12 августа 1917 г., когда Москва стала центром борьбы против контрреволюционного Государственного совещания [30].

«Всеобщая забастовка московского пролетариата выражает мысли и волю всего сознательного пролетариата России, разгадавшего игру контрреволюции. Боевому кличу мобилизовавшейся буржуазии рабочий класс противопоставил свой лозунг пролетарско-крестьянской революции» [31],— отмечалось в декларации большевиков — членов делегации на Государственное совещание.

С особой убедительностью рост революционного сознания московских рабочих масс подтвердился во время борьбы с корниловщиной. Рабочие Москвы, руководимые большевиками, взяли в свои руки охрану фабрик, заводов, районов города. Из Москвы в Могилев для участия в подавлении центра мятежа были направлены революционные войска.

Контрреволюция, в течение всего 1917 г. считавшая Москву «спокойной» и противопоставлявшая ее революционному Петрограду, убедилась в том, что столица не является исключением, что московский пролетариат охвачен тем же революционным порывом. Контрреволюция вынуж-

---

[27] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 386.
[28] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 77.
[29] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 10.
[30] Подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 715.
[31] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 257.

дена была на время отложить свои планы переворота и отказалась от провозглашения генерала Корнилова военным диктатором.

В дни борьбы с корниловщиной главным стало требование вооружения рабочих и легализации Красной гвардии. С этим требованием на заседание пленума Московских Советов рабочих и солдатских депутатов 31 августа явились сотни представителей районов.

Решительный поворот масс в сторону партии большевиков ярко проявился в ходе массовой кампании перевыборов депутатов Московского Совета рабочих депутатов и районных Советов в сентябре — октябре 1917 г. Только в первой половине сентября 1917 г. перевыборы депутатов прошли на 25 фабриках и заводах, а также в профсоюзах металлистов, текстильщиков и кожевников. Так, делегатское собрание текстильщиков области, состоявшееся 3 сентября, избрало в Московский Совет рабочих депутатов 30 представителей, все они были большевиками [32]. Этот факт явился убедительным свидетельством отхода огромного числа крестьян, работавших в текстильной промышленности, от партии эсеров. Уже в начале сентября большевистская фракция Московского Совета рабочих депутатов стала крупнейшей и насчитывала 246 членов. В ее состав входили выдающиеся большевики-ленинцы, ветераны партии: В. А. Обух, П. Г. Смидович, Н. А. Семашко, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Н. Л. Мещеряков, А. А. Сольц, Е. М. Ярославский, С. И. Мицкевич, М. Ф. Владимирский, Р. С. Землячка, И. Арманд, В. П. Ногин, В. П. Милютин, И. В. Русаков, А. Ломов, Г. А. Усиевич.

Пролетариат Москвы направил в большевистскую фракцию замечательных вожаков масс из рабочих: Н. Т. Меркулова, А. Д. Блохина, А. С. Ведерникова, В. В. Сахарова, А. М. Орехова, К. Г. Максимова, К. В. Уханова, И. В. Косиора, Ю. Ф. Шиллерта, А. А. Алешина.

19 сентября был избран новый состав исполкома Московского Совета рабочих депутатов. В него вошло 32 большевика, 16 меньшевиков, 9 эсеров, 3 объединенца. В президиум исполкома было избрано 5 большевиков, 2 меньшевика, эсер и объединенец. Председателем президиума стал большевик В. П. Ногин [33].

Но в исполкоме Совета солдатских депутатов, существовавшего, как известно, в Москве отдельно от Совета рабочих депутатов, все еще сохранялось эсеровское большинство. На перевыборах исполнительного комитета, состоявшихся 19 сентября, эсеры получили 26 мест, большевики — 16 (было 8), меньшевики — 9, беспартийные — 9 [34]. Председателем был избран эсер Б. Урнов, заместителями — эсер Н. В. Шубников (впоследствии перешел в большевистскую партию) и большевик Н. И. Муралов [35]. Если в президиуме и в исполнительном комитете Совета рабочих депутатов большевики имели серьезное преобладание над соглашателями, то в исполнительном комитете Совета солдатских депутатов они составляли примерно 27%. Это объяснялось тем, что Совет солдатских депутатов образовался еще в марте — апреле 1917 г., и хотя его состав менялся,

---

[32] Там же, стр. 305.

[33] «Социал-демократ», 20 сентября 1917 г.

[34] Там же. В перевыборах исполнительного комитета Совета солдатских депутатов участвовал 471 человек, не явились на собрание 142 человека («Солдат-гражданин», 19 сентября 1917 г.).

[35] «Солдат-гражданин», 21 сентября 1917 г.

но Совет не переизбирался. Настроение левеющего с каждым днем гарнизона Совет солдатских депутатов явно не отражал, что и показали ближайшие выборы в районные думы. На объединенных заседаниях исполнительных комитетов обоих Советов большевистская фракция была самой крупной, но она все же оставалась в меньшинстве против блока эсеров и меньшевиков (48 против 63). Однако на пленуме обоих Советов, начиная с 5 сентября, когда впервые была принята большевистская резолюция, большевики преобладали за счет привлечения беспартийных.

К осени еще более укрепились позиции большевиков во всех 12 районных Советах Москвы. Завершилась большевизация Московского губернского Совета рабочих депутатов. Председателем его был избран Н. Л. Мещеряков, а с 21 октября ввиду перегруженности работой он был заменен М. Ф. Владимирским [36].

Задаче сплочения трудящихся Москвы вокруг лозунга борьбы за власть Советов московские большевики подчинили и избирательную кампанию по выборам в районные думы.

Выборы, состоявшиеся 24 сентября, принесли большевикам замечательную победу. Только три месяца прошло со времени выборов в городскую думу Москвы (25 июня 1917 г.), на которых большевики получили около 12% голосов. Теперь же за большевиков голосовало около 52% избирателей! Хотя общее число голосовавших сократилось — в июне в выборах участвовало около 647 тыс., а в сентябре — без малого 386 тыс., но в абсолютных цифрах число голосов, поданных за большевиков, выросло с 75 тыс. до 200 тыс., т. е. почти в 3 раза [37]. В результате в 11 районных думах из 17 большевики получили абсолютное большинство мест и еще в 3 — большевистские фракции вышли на первое место. За кадетов было подано 25% голосов, за меньшевиков и эсеров — 16% [38]. Примечательно, что за большевиков голосовало свыше 80% солдат гарнизона, участвовавших в выборах [39]. Голосование убедительно свидетельствовало о том, что Московская большевистская организация накануне Октября добилась безраздельного руководства пролетариатом и завоевала подавляющее большинство солдат Московского гарнизона. В отдельных частях за большевиков высказалось 95% голосовавших солдат [40].

В. И. Ленин очень высоко оценил значение этой «гигантской победы», одержанной московскими большевиками. «Это голосование на выборах в районные думы в Москве,— писал он,— является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении» [41].

---

[36] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 22 октября 1917 г.
[37] «Русское слово», 29 сентября 1917 г.
[38] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 и 28 сентября 1917 г.
[39] «Рабочий путь», 14 октября 1917 г.
[40] «Социал-демократ», 28 сентября 1917 г. Буржуазные газеты признавали огромный успех большевиков в гарнизоне. «Большевики обеспечили себе почти поголовно (едва ли не 95%) голоса солдат»,— писала газета «Русское слово» 26 сентября 1917 г.
[41] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 278.

Мобилизация сил контрреволюции в Москве

Московская буржуазия по численности, экономической мощи и политическому влиянию была одной из сильнейших группировок всероссийской буржуазии. Временное правительство всегда прибегало к ее прямой и непосредственной поддержке в наиболее критические моменты. После июльских событий, готовя корниловский мятеж для полного закрепления своей власти, буржуазия организовала Государственное совещание в «спокойной», как ей казалось, «купеческой» Москве.

В августе же 1917 г. здесь было созвано так называемое совещание общественных деятелей. В состав этого совещания не были допущены даже правые лидеры эсеров и меньшевиков, ревностно боровшиеся за сохранение коалиции с буржуазией; в него вошли лишь промышленные и финансовые тузы и избранные деятели правых партий — кадетов, октябристов, притаившихся монархистов: П. П. Рябушинский, М. В. Родзянко, С. Н. Третьяков, Н. М. Кишкин, П. Н. Милюков, Н. Н. Кутлер, П. Б. Струве. Совещание должно было играть роль противовеса Советам и другим демократическим организациям, укрепить Временное правительство, не позволить ему поддаваться давлению слева, стать своего рода балластом в трюме корабля, не дающим ему крениться в одну сторону. Совещание избрало из своего состава постоянное бюро, куда были введены и перечисленные выше лица. На деле это был, так сказать, легальный центр контрреволюции, формулировавший требования и пожелания буржуазии [42].

Хотя августовская всеобщая политическая забастовка в Москве сорвала тогда замыслы контрреволюции, последняя не отказалась от надежд опереться в своих планах на Москву. Временное правительство, задумав покинуть Петроград, где бурно нарастал революционный взрыв, 4 октября приняло тайное решение перебраться в Москву, считая, что там силы буржуазии не подорваны и оттуда легче будет бороться с революцией. Что касается Петрограда с его революционными рабочими и солдатами, то, как об этом откровенно говорил М. В. Родзянко, его намеревались сдать немцам. Именно отсюда, из Москвы, Керенский в сентябре 1917 г. ввел в состав своего последнего коалиционного правительства представителей местной буржуазии. Шаг этот был предпринят с общего согласия сговаривающихся сторон — буржуазных и мелкобуржуазных, эсеро-меньшевистских лидеров. Введенный в последнее коалиционное Временное правительство от московской буржуазии, министр государственного призрения Н. М. Кишкин, выступая на X съезде кадетов 14 октября, откровенно признал, что с новым правительством буржуазия нашла общий язык. «В составе правительства,— говорил Кишкин о прежних его составах,— постоянно находились такие элементы, с которыми никак нельзя было сговориться. Теперь в новом правительственном составе нет крупных имен, но ясно чувствуется, что по многим вопросам можно будет столковаться» [43].

Так сам член правительства подтвердил характеристику, данную Лениным сговору буржуазных и мелкобуржуазных лидеров против рево-

---

[42] Подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 714.
[43] «Русское слово», 15 октября 1917 г.

люции. Ленин, как известно, назвал его «второй корниловщиной», а членов последнего Временного правительства — корниловцами [44].

По мере приближения развязки буржуазные круги все больше сосредоточивали внимание на второй столице. В Москве буквально накануне восстания состоялось один за другим, а то и одновременно несколько съездов, на которых контрреволюционные деятели вырабатывали меры борьбы с революцией, мобилизовывали свои силы.

12 октября открылось второе Всероссийское совещание общественных деятелей. С трибуны его раздавались проклятия Советам и другим демократическим организациям — фабрично-заводским комитетам, профессиональным союзам, комитетам в армии. Обнаглев под покровительством и при попустительстве Временного правительства, бывшие и настоящие члены которого присутствовали на совещании, участники московского сборища открыто произносили контрреволюционные речи и с таким же откровенным цинизмом формулировали в резолюциях свои требования. Буржуазная печать широко публиковала эти речи и резолюции, мобилизуя тем самым на активную борьбу с революцией всех ее противников. По своему содержанию все резолюции совещания общественных деятелей — это единый вопль: долой революцию! По политическим целям все они были пронизаны единым требованием: установить в стране военную диктатуру.

Резолюция по политическому вопросу требовала «восстановления твердой и единой власти» сверху донизу. Обращает на себя внимание, что резолюция говорила не об установлении, а именно о восстановлении твердой власти, т. е. недвусмысленно призывала возвратиться к власти старого типа. Кроме того, она подчеркивала необходимость восстановления единой власти по всей стране, т. е. ликвидацию и тех жалких, безвластных национальных институтов, которые возникли после Февральской революции. Резолюция взывала к восстановлению старой карательной, полицейской системы: она настаивала на активизации деятельности уголовного, гражданского и административного суда и на объявлении населению, что «все существующие и неотмененные законы и ответственность в неисполнении их, гражданская и уголовная, остаются в полной силе» [45].

Особенно наглядно проявилась тоска по военной диктатуре в следующем пункте резолюции: «Местности, охваченные анархией, объявить на военном положении и восстановить порядок, нарушенный буйством черни, силою оружия» [46]. А где же не «буйствовал» народ, о котором контрреволюционеры говорили языком царских сатрапов, привыкших считать и называть трудящихся чернью? Дело шло, таким образом, о введении военного положения практически по всей России. С неприкрытой ненавистью говорилось в резолюции о Советах, которые лидеры контрреволюции считали самовольными организациями: «Необходимо покончить с влиянием в деле управления самочинных организаций и с потворством произволу».

Содержание резолюции по военному вопросу сводилось к одному: «Армия должна стоять вне партий и партийных влияний» [47]. А для этого

---

[44] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 393, 404.
[45] «Русское слово», 15 октября 1917 г.
[46] Там же.
[47] Там же.

необходимо восстановить дисциплину в строю и вне строя, т. е. вернуться к старым порядкам, когда солдат оставался «нижним чином» и не пользовался никакими гражданскими правами. Комитеты в армии милостиво допускались, но только как «временные организации», притом их деятельность ограничивалась лишь культурно-просветительными вопросами. Резолюция требовала «пересмотреть списки уволенных офицеров», т. е. требовала возвращения в армию бездеятельных и бездарных командиров, офицеров, отличавшихся зверским обращением с солдатской массой, которых даже первый военный министр Временного правительства октябрист А. И. Гучков не счел возможным оставлять в рядах войск.

Главным содержанием резолюции об экономическом положении страны являлось требование не допустить социалистического переустройства общества. «Буржуазный характер переживаемой нами революции, признаваемый даже последовательными представителями социализма, исключает возможность реорганизации экономического строя страны на началах социалистических»,— значилось в принятом решении [48].

О том, кто эти «последовательные представители социализма», резолюция открыто не говорила, хотя деятели контрреволюции относили к ним Плеханова и других лидеров меньшевизма. Большевики, как известно, не отрицавшие буржуазный характер Февральской революции 1917 г., уже на своей Апрельской конференции провозгласили курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Но здесь хотелось бы отметить другое: в своей ненависти к социализму контрреволюция была не прочь даже использовать марксистскую терминологию (буржуазная революция!), хотя во всех других случаях открещивалась от слова «буржуазия».

Резолюция категорически требовала отвергнуть «всякие опыты переустройства экономических отношений на социалистических началах, хотя бы частичного характера, как в области промышленности, так и земледелия».

«Общественные деятели» не сказали, что это за «социалистические опыты» и кто их проводил (не правительство же Керенского?). Но следующий пункт проливал свет на эту нарочито туманную формулировку: резолюция решительно выступала против «захватов», т. е. против отобрания земли у помещиков и изгнания с предприятий их владельцев, и требовала «поддержки», притом «деятельной», «частной предприимчивости, основанной на капитале и знании и широких социальных реформах, отвечающих справедливым интересам трудящихся классов» [49].

Что касается «широких социальных реформ», то саботаж, закрытие заводов, искусственно создаваемая безработица с целью «костлявой рукой голода» задушить революцию, как нагло выразился один из лидеров «общественных деятелей» Рябушинский, убедительно свидетельствовали о том, какие «социальные реформы» имела в виду буржуазия. Но важно другое: основным требованием резолюции было провозглашение безраздельной власти капитала.

Такую программу реставрации старых, дореволюционных порядков объявили лидеры совещания общественных деятелей от имени всей контрреволюции.

---

[48] Там же.
[49] Там же.

Едва закончилось второе совещание общественных деятелей, как открылся X Всероссийский съезд членов кадетской партии. Он был очень многочисленным: свыше тысячи участников. Руководство кадетов явно хотело продемонстрировать единство и силу своей партии. Съезд принял резолюцию, предложенную П. Н. Милюковым, в которой одобрил «действия представителей партии как во время пребывания их в правительстве прежнего состава, так и во время переговоров, закончившихся образованием Временного правительства нового состава и учреждением Совета республики» [50].

Говоря о содержании резолюций X съезда кадетов, достаточно отметить, что его лидеры принимали активное участие в составлении единодушно принятых резолюций второго совещания общественных деятелей. Речь председателя съезда князя П. Д. Долгорукова, открывшего съезд, ничем по существу не отличалась от тех, которые произносились в течение двух дней на втором совещании общественных деятелей. «Россия сейчас не только летит в пропасть, как это обычно принято говорить,— сказал он,— она находится уже на дне пропасти, тяжело израненная, переживающая невыносимые страдания» [51].

Не сказав, разумеется, ни слова о том, что кадеты, руководящая партия во Временном правительстве, несут полную ответственность за положение в стране, П. Д. Долгоруков наметил задачи, почти дословно повторяющие те, которые были поставлены на предыдущем сборище контрреволюции: «Это — борьба с разрухой в стране, восстановление армии и утверждение твердой власти в стране, чтобы у нас была, наконец, именно власть, а не суррогат власти, как было до сих пор» [52].

По предложению Ф. И. Родичева съезд кадетов единодушно принял резолюцию против «погромов», как именовались захваты крестьянами помещичьих земель, изгнание буржуазных саботажников с предприятий и т. п.

Большое место в решениях кадетского съезда занял аграрный вопрос. Известно, что за все время революции 1917 г. кадеты так и не удосужились разработать свою программу по аграрному вопросу, хотя обязались дать ее на предыдущем съезде, однако мощный подъем крестьянского движения не позволял кадетам отстраниться от земельной проблемы. По докладу А. А. Кауфмана съезд решил сформулировать лишь первые два пункта аграрной программы, но программу в целом не утверждать, а разослать ее проект на места, поручив окончательное редактирование Центральному Комитету.

Явно под влиянием массового революционного движения крестьянства съезд сформулировал первые два пункта так, чтобы создать впечатление, будто кадеты стоят за наделение крестьян землей:

«§ 1. Земли сельскохозяйственного пользования, а равно земли, необходимые для разработки под пашню и сенокос, должны принадлежать трудовому земледельческому населению.

§ 2. Неотложной мерой в этом направлении должно быть осуществление земельной реформы, ближайшим образом имеющей в виду удов-

---

[50] «Русское слово», 15 октября 1917 г.
[51] Там же.
[52] Там же.

летворение нужды в земле малоземельного и безземельного населения, занимающегося земледельческим трудом» [53].

Замахнувшись, таким образом, чуть ли не на отчуждение помещичьих земель в пользу малоземельного и безземельного населения, кадеты дальше в своей резолюции стали перечислять не те земли, которые следует передать крестьянам, а те, которые не подлежат принудительному отчуждению: земли сельских обществ, все не превышающие трудовой нормы мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; земли под фабриками и заводами; усадьбы, сады, виноградники, огороды и т. д.; земли, принадлежащие городам, земствам и находящимся в их ведении учреждениям; земли других учреждений, предназначенных для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общеполезных целей, и т. п. В специальной резолюции о казачьих землях, предложенной А. И. Шингаревым, отмечалось, что принудительному отчуждению не подлежат не только станичные наделы, но и войсковые запасные земли.

Словом, если бы аграрный вопрос решали кадеты, помещики и другие крупные землевладельцы могли спать спокойно, ничто их землям не угрожало.

Очень точно определила суть всех решений кадетского съезда одна из московских буржуазных газет: доведение войны совместно с союзниками до победного конца, восстановление боеспособности армии, единство власти, переход власти к принудительному способу воздействия там, где морально воздействовать нельзя, восстановление власти в провинции [54].

Лидеры контрреволюционных съездов в Москве, забыв недавние уроки разгрома корниловщины, заговорили таким же языком, как и после июльских дней. Но буржуазия, как известно из истории, сама по себе не является боевой силой, не борется с оружием в руках: ей нужны массы, которые сражались бы за ее интересы. Лидеры буржуазии по-прежнему рассчитывали на эсеров и меньшевиков, полагая, что они еще способны обеспечить поддержку масс.

Меньшевистские организации Москвы, Московской губернии и Центрального промышленного района были наиболее крупными организациями партии меньшевиков. Во главе меньшевистских организаций Центрального промышленного района находился областной комитет, избиравший областное бюро. Во главе меньшевистских организаций Московской губернии стояли губернский комитет и его исполнительный орган — бюро губернского комитета в составе 5 человек (4 из них избирались губернской конференцией, а 1 делегировался городской организацией). Губернский комитет посылал своего представителя в областное бюро.

Различия между оборонцами и левыми меньшевистскими группировками в Москве проявлялись слабее, чем в столице, и тенденции к расколу хотя и существовали, но ощущались не столь явственно [55]. Используя свое влияние, меньшевики Москвы даже пытались как-то предотвратить усиливающиеся раскол и разброд в меньшевистской партии. Так, в начале августа городская конференция меньшевиков направила общегородской конференции меньшевистских организаций Петрограда теле-

---

[53] Там же, 17 октября 1917 г.
[54] «Утро России», 17 октября 1917 г.
[55] *Н. В. Рубан.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968, стр. 249—250.

грамму, в которой призывала «положить все усилия к сохранению единства партии, несмотря на остроту разногласий, существующих в рядах меньшевиков...» [56].

7—8 августа состоялась конференция меньшевиков Московской губернии. На ней присутствовало 35 представителей от 17 организаций, в которых насчитывалось 2086 человек. Наиболее крупные организации существовали в Богородске, Звенигороде, Можайске, Подольске, Серпухове, Коломне, Мытищах, Орехово-Зуеве и других городах. Как говорили докладчики с мест, большинство этих организаций возникли сравнительно недавно. На конференции были 6 представителей московской городской организации меньшевиков, в составе которой находилось 4500 членов [57]. Конференция приняла специальную резолюцию, призывавшую к сплочению рядов партии на предстоящем объединительном съезде. На этом съезде, состоявшемся 16—29 августа, от Центрального промышленного района присутствовало 35 делегатов от 21 организации (в том числе 6 объединенных), насчитывавших 29 962 человека [58].

Однако призывы и резолюции об объединении не помогли. После объединительного съезда меньшевистской партии орган московских меньшевиков газета «Вперед» писала: «Формально партия осталась единой, но ни средней тактической линии съезд не нашел, не достиг он и большей терпимости во взаимоотношениях обоих течений партии. С невеселым чувством разъезжались делегаты съезда. Исполняя категорическую волю партийных низов, мы сохранили формальное единство партии, но мы увидели до очевидности, что наша партия, мощная количественно, серьезно больна внутренними разногласиями, сектантством, кружковщиной» [59].

Корниловские события нанесли меньшевикам, в том числе московским, тяжелый удар. Их влияние стало быстро падать. Нередко собрания и конференции меньшевиков срывались из-за отсутствия кворума. В отчете секретаря комитета московской губернской организации меньшевиков, относящемся к ноябрю 1917 г., отмечалось, что «число членов, подсчитанное на I губернской конференции 7—8 августа (около 3 тыс.). катастрофически падало за август и начало сентября» [60].

Состоявшиеся 24 сентября выборы в районные думы Москвы со всей очевидностью выявили кризис в меньшевистских рядах. Московские меньшевики прилагали все усилия, чтобы сохранить свои позиции. «Завтра бой! — писала накануне выборов газета «Вперед».— Бой за районные думы... Товарищи и граждане! Голосуйте за список № 4 Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной)... Не голосуйте за большевиков, за список № 5!» [61] 26 сентября газета еще хорохорилась, опубликовав заметку под угрожающим заголовком «Накануне расплаты». «Неизбежен и близок час вашего банкротства»,— писала газета, обращаясь к большевикам. Но, как говорится, подсчитав, газета прослези-

---

[56] «Вперед», 5 августа 1917 г.
[57] Там же, 20 августа 1917 г.
[58] Там же, 29 августа 1917 г.; см. также: *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России. М., 1967, стр. 158.
[59] «Вперед», 31 августа 1917 г.
[60] *П. И. Соболева.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968, стр. 121.
[61] «Вперед», 23 сентября 1917 г.

лась. Большевики, как мы уже отмечали, получили более 50% всех голосов, в то время как меньшевики — лишь 4,4%. Меньше них получили лишь объединенцы: всего 1765 голосов [62]. Газета «Вперед» писала: «Самостоятельное выступление объединенцев на выборах показало, что политически их нет... Они, последние могикане объединенной организации, должны учесть уроки выборов и прекратить свое самостоятельное существование, чем в известной степени ослабят организационный разброд нашей партии» [63].

По существу меньшевики потерпели сокрушительный разгром, после которого они уже не могли оправиться. Организации меньшевиков Москвы быстро таяли. Рядовые меньшевики, главным образом на заводах и фабриках, покидали партию, публикуя в газетах коллективные письма о разрыве с меньшевистской организацией и переходе в ряды большевиков. Другие меньшевики прекращали платить членские взносы и переставали посещать собрания. Бывали случаи, когда Центральный Комитет исключал видных деятелей из партии. Так, в конце октября газеты обошло сообщение, что министрам П. Н. Малянтовичу, С. Н. Прокоповичу и А. М. Никитину вручено постановление ЦК меньшевиков покинуть партию, так как «их деятельность признается не соответствующей общей партийной программе и тактике» [64].

В 20-х числах ноября число членов меньшевистской организации Московской губернии, согласно упомянутому отчету секретаря Московского губернского комитета меньшевиков, составляло лишь 1300 человек. К тому же, как указывал секретарь, «подсчет фактических сил затрудняется инертностью товарищей, не ушедших из организации, но и не проявляющих никакой активности» [65]. Надо полагать, что таково было состояние меньшевистской организации и в октябре.

Таким образом, к октябрьским дням московские меньшевики подошли, как и вся меньшевистская партия, в состоянии ослабления, упадка и разброда.

Вряд ли можно лучше и точнее охарактеризовать состояние партии, чем это сделал видный ее деятель А. Югов в конце октября 1917 г. Требуя созыва экстренного съезда, он писал: «Наша партия больна и больна тяжело». Рассказав далее о нарушениях решений партии как отдельными министрами-меньшевиками, так и целыми организациями, которые выставляли по два списка кандидатов в Учредительное собрание от одной и той же партии, автор статьи продолжал: «Но еще страшнее отдельных ошибок, совершаемых нашей партией, тот идейный разброд и организационный развал, который ярко вскрылся за последние недели и с каждым днем делается все более грозным».

И в заключение в полном отчаянии автор восклицал, подводя итоги: «У нас нет единой партии, она разбилась на течения; хуже, на кружки и группки!» [66]

Накануне Октябрьской революции меньшевистская партия состояла из формально объединенных разнородных групп. И тем не менее в на-

---

[62] Там же, 28 сентября 1917 г.
[63] Там же.
[64] Там же, 27 октября 1917 г.
[65] *Н. В. Рубан.* Октябрьская революция и крах меньшевизма, стр. 349.
[66] «Вперед», 22 октября 1917 г.

пряженных октябрьских событиях, развернувшихся в Москве, меньшевики все же сумели сыграть свою роль пособников контрреволюции.

Эсеровские организации Центрального промышленного района, Московской губернии и Москвы летом 1917 г. составляли еще относительно внушительную силу. По данным на июль, в Центральном промышленном районе насчитывалось 109 эсеровских организаций, что составляло 25% всех организаций эсеров. Областная конференция эсеров, которая проходила в июле, представляла 14 тыс. членов, а в городской московской организации эсеров состояло в это же время 5 тыс. человек [67].

Однако после корниловщины кризис эсеровской партии стал проявляться не менее явственно, чем кризис в партии меньшевиков. В сентябре делегаты Московского областного бюро большевиков В. Н. Манцев, М. П. Янышев и А. К. Сафонов, объехавшие ряд городов Центрального промышленного района, сообщали в своих докладах о значительном сокращении численности эсеровских организаций [68]. На выборах в районные думы Москвы эсеры получили 14,1% всех голосов [69], в то время как в июле на выборах в городскую думу Москвы они собрали 58% голосов [70].

Газета «Труд» (орган Московского комитета партии эсеров) писала 18 октября: «Мы уже отмечали в «Труде» ряд постановлений партийных организаций на местах по поводу создавшегося идейного разлада. Все эти постановления отличаются одним общим для всех стремлением: сохранить единство партии» [71]. Но точно так же, как и у меньшевиков, одних благих стремлений к единству явно не хватало для того, чтобы удержать партийные организации от развала, чтобы предупредить раскол партии. По официальным сведениям эсеровских руководителей, сообщенным 8-му съезду партии, многие организации эсеров, в том числе организации Центрального промышленного района, находились в состоянии полного упадка; здесь активно шел процесс выделения самостоятельных левоэсеровских организаций. К осени он увенчался успехом в Твери, Владимире, Московском уезде [72].

Сохранившиеся к октябрьским дням эсеровские организации заняли по отношению к возглавляемым большевиками революционным массам резко враждебную позицию. Считаясь советской партией, но чувствуя, что они окончательно теряют почву под ногами, московские эсеры бесцеремонно отбросили в сторону все свои прежние слова о значении Советов. «Организованная революционная демократия,— писали они,— должна отныне поставить большевиков в такие условия, при которых более было бы невозможно их насилие над волею и жизнью народа. Довольно игры в политику; надо идти возможно скорее к Учредительному собранию. Надо выкинуть из головы призывы большевиков «Вся власть Советам» и надо окончательно и безоговорочно провозгласить: «Вся власть Учредительному собранию»» [73].

---

[67] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 158—159.
[68] *П. И. Соболева.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей, стр. 123—125.
[69] «Вперед», 28 сентября 1917 г.
[70] *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве, стр. 65.
[71] «Труд», 18 октября 1917 г.
[72] *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977, стр. 85—88.
[73] «Труд», 29 октября 1917 г.

Изоляцию меньшевиков и эсеров, потерю их влияния в массах показал состоявшийся в Москве почти одновременно с X съездом кадетов и совещанием общественных деятелей (с 14 по 16 октября 1917 г.) VII съезд Союза городов. Он был созван по решению Главного комитета Союза городов, руководство которым находилось в руках кадетов. Это был первый съезд городов после демократизации городского самоуправления. К 2 октября, как сообщил в речи на съезде бывший городской голова Москвы и председатель Главного комитета кадет Н. И. Астров, из 738 городов городские думы были переизбраны в 643 [74]. VII съезд отразил изменения, происшедшие после перевыборов. В его составе преобладали эсеры и меньшевики: при открытии съезда было зарегистрировано 29 народных социалистов, 48 эсеров, 69 социал-демократов, в том числе около 15 большевиков, 48 кадетов и 23 беспартийных. Затем число делегатов поднялось до 270, причем преобладание соглашателей сохранилось.

VII съезд Союза городов обсудил организационные вопросы. Он избрал новый Главный комитет, в который вошли: 7 народных социалистов, 26 эсеров, 21 социал-демократ (в том числе 4 большевика), 22 представителя так называемой муниципально-демократической группы, в которую входили и кадеты. В Главном комитете преобладали эсеры и меньшевики. Председателем Главного комитета был избран В. В. Руднев [75]. В руководство Главного комитета кадеты не попали. Съезд утвердил резолюцию о политическом положении, предложенную меньшевиками. Она призывала укреплять городское общественное самоуправление по всей стране и выдвигала перед ним в качестве основной задачи поддержку «начал коалиции всех преданных революционных сил, совместные действия которых могут предотвратить государственную катастрофу, грозящую при обостряющемся хозяйственном кризисе гибелью основных завоеваний революции» [76].

Под этой многословной фразой меньшевики скрывали все ту же политику соглашения с буржуазией, которая привела их в лагерь контрреволюции. Но уже без всяких обиняков меньшевистская резолюция обрушилась на большевиков. «Съезд считает,— категорически и резко говорилось в резолюции,— что раздающиеся в момент кануна созыва Учредительного собрания призывы к захвату власти и тем самым к провозглашению гражданской войны являются преступлением против революции и родины, восстанием против принципа всеобщего избирательного права и презрением к народной воле».

Верные своему принципу поведения, который народ метко окрестил «и нашим, и вашим», меньшевики высказались и против наступающей контрреволюции, но в этом случае у них не нашлось нужных слов для ее резкого и недвусмысленного осуждения. «Попытка расстроить,— указывалось далее в резолюции,— и дискредитировать исключительно трудную, но великую творческую работу демократии, все усиливающаяся со стороны контрреволюционных элементов, встретит со стороны организованных революционных масс решительный отпор» [77].

---

[74] «Русское слово», 15 октября 1917 г.
[75] Там же, 17 октября 1917 г.
[76] «Вперед», 19 октября 1917 г.
[77] Там же.

Контрреволюция выступала с открытым забралом и нагло требовала установления военной диктатуры. Ее деятели уже думали о столбах, на которых собирались вешать революционеров, а меньшевики грозили им пальцем и слегка журили за попытку всего-навсего «расстроить и дискредитировать» работу демократии. Буржуазия уже настолько привыкла к этим угрозам и так мало считалась с ними, что одна из центральных ее газет презрительно назвала решения съезда «обычной меньшевистской резолюцией» [78]. Газета даже не привела текста меньшевистской резолюции, хотя аккуратно печатала постановления всех других съездов.

Большевики на VII съезде Союза городов резко критиковали меньшевистскую резолюцию и отказались участвовать в голосовании. Кадеты под предлогом, что их до этого не ознакомили с проектом резолюции, также не приняли участия ни в обсуждении, ни в голосовании. Резолюция была принята 79 голосами против 11 при 16 воздержавшихся, хотя на съезде числилось до 270 делегатов, т. е. в голосовании участвовало менее 40% состава съезда, а принята резолюция была менее чем 30% делегатов. Это еще раз показывало, как низко пали роль и авторитет соглашателей и в городских думах, где еще так недавно они составляли подавляющее большинство.

Знали ли в лагере буржуазии об утрате влияния меньшевиков и эсеров в массах? Разумеется, знали: об этом писалось во всех газетах. И кадеты, как и другие правые партии, немало издевались над потерями и просчетами соперничавших с ними союзников. Но буржуазные партии и сами переживали разброд и шатания и потому цепко держались за былых «властителей дум» в мелкобуржуазных массах населения. Лидеры буржуазных партий, как уже отмечалось, надеялись, что хотя ореол меньшевиков и эсеров сильно потускнел и ряды их значительно уменьшались, но они сумеют все же обеспечить некоторую поддержку в нужный момент. Да и сами соглашатели, боясь расплаты со стороны обманутых масс, теснее жались к партиям контрреволюции.

В эти же дни в Москве состоялся всероссийский церковный собор. Собрался он для решения вопроса о выборе патриарха, но в нем принимали участие такие видные лидеры контрреволюции и в таком количестве, что это придало ему определенный политический характер.

Без преувеличения можно сказать, что в октябре 1917 г. в Москве собирались на свои съезды и совещания представители всех тех классов и общественных слоев, которые объединились в борьбе против революции за свои классовые привилегии: крупнейшие землевладельцы, магнаты финансового капитала, промышленные тузы, церковные иерархи и прочно приковавшие себя к капиталистической колеснице соглашательские лидеры мелкобуржуазных партий. Этот слет черных сил свидетельствовал о замыслах контрреволюции: осуществляя план «второй корниловщины», вдохновителем и организатором которой было Временное правительство, контрреволюция готовилась нанести основной удар против революционных центров страны — Петрограда и Москвы. При этом она стремилась превратить Москву в свой общероссийский центр, противостоящий Петрограду, в том случае, если в нем победит революция. С этим было свя-

---

[78] «Русское слово», 18 октября 1917 г.

зано и намерение Временного правительства бежать из революционной столицы в Москву.

Напомним, что как раз к этому времени относится создание плацдарма контрреволюции на Дону: 20 октября был подписан договор об организации Юго-Восточного союза, в состав которого вошли донское, кубанское, терское и астраханское казачьи войска, а также калмыки, горцы Северного Кавказа и Дагестана и несколько позже — уральские казачьи войска [79]. Юго-Восточный союз должен был обеспечивать тыл контрреволюции в Москве и оказывать сдерживающее влияние на ее революционные силы. Целью Юго-Восточного союза была объявлена «борьба с анархо-большевизмом», взаимная поддержка входивших в союз казачьих войск для сохранения «порядка и законности» и «доведение России до Учредительного собрания». В ноябре 1917 г. было образовано «объединенное правительство» Юго-Восточного союза под председательством В. А. Харламова [80]. Местопребыванием «правительства» был Екатеринодар.

Все это следует иметь в виду при объективной оценке соотношения классовых и прежде всего вооруженных сил революции и контрреволюции, сложившегося в Москве к моменту начала вооруженного восстания.

Контрреволюция наступает. Разгром Калужского Совета

На какие военные силы рассчитывала контрреволюция? Мы говорим о расчетах, а не о тех силах, которые действительно выступили на ее стороне. Как и в Петрограде, контрреволюция опиралась прежде всего на офицерские школы — юнкерские училища и школы прапорщиков, а также старшие классы кадетских корпусов. Это, во-первых, Александровское военное училище, помещавшееся на углу Арбатской площади, и Алексеевское военное училище, расположенное в Лефортове. В составе этих двух училищ насчитывалось примерно 3200 юнкеров. Во-вторых, 6 школ прапорщиков общей численностью 3600 человек. 1-я школа располагалась в Аптекарском переулке; 2-я, 3-я и 4-я — в Александровских казармах на Серпуховской улице; 5-я — во 2-м Смоленском переулке, 6-я — в Крутицких казармах на Спасской заставе. В-третьих, 3 кадетских корпуса, из старших классов которых можно было набрать до 300 кадетов [81].

Всего юнкеров и учащихся школ прапорщиков было до 7 тыс., но они были вышколены и хорошо вооружены. О надеждах контрреволюции на юнкеров откровенно писала газета «Власть народа», хотя и носившая подзаголовок «демократическая и социалистическая», но не за страх, а за совесть служившая буржуазии. Нападая на солдат, выступавших на стороне революции, за «неорганизованность», «расхлябанность», газета противопоставляла им юнкеров, о которых с нескрываемым восторгом писала в начале восстания: «Яркий контраст — юнкера, пришедшие к Кремлю

---

[79] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 791.

[80] «Донская летопись». Сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 г., 1923, № 3, стр. 284—285. В состав Юго-Восточного союза вошло оренбургское казачье войско, но оно не успело прислать своих представителей.

[81] *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве, стр. 152, 138.

стройными рядами, с хорошей песней. Только к ним публика и выказывала интерес. Раздавались голоса: «Этот — один на сотню справится!»»[82] Всего через несколько дней спесь с этих «героев» была сбита рядовыми бойцами революции.

В Москве находились три казачьи сотни — 14-я Донская, размещавшаяся на Усачевке, 28-я Донская — на Салтыковской улице и 15-я Оренбургская — в Останкине[83].

Большие надежды возлагала контрреволюция на гарнизон Москвы. Более или менее точное число его солдат и офицеров до сих пор неизвестно и в литературе приводятся разноречивые сведения. По архивным данным удалось установить, что в середине мая 1917 г. в 8 запасных пехотных полках (55-м, 56-м, 84-м, 192-м, 193-м, 194-м и 251-м) числилось до 57 тыс. солдат и офицеров, из которых налицо имелось около 34 тыс., а остальные находились в командировках (9803), в госпиталях и околотках (4281), в отпуске (4999), в самовольном отпуске (1673)[84]. К осени 1917 г. состав полков, видимо, уменьшился, ибо на фронт регулярно отправлялись маршевые роты. К запасным полкам следует прибавить артиллерийскую запасную бригаду, ряд других подразделений — солдатские дружины, московскую конвойную команду, военно-фельдшерскую школу, авиационную школу воздухоплавания и т. п. В общей сложности гарнизон Москвы осенью превышал 100 тыс. человек[85]. Но это

---

[82] «Власть народа», 27 октября 1917 г.

[83] *Г. С. Игнатьев.* Октябрь 1917 г. в Москве. М., 1964, стр. 136. А. Я. Грунт считает, что в Москве располагались две казачьи сотни, но архивные данные подтверждают наличие трех казачьих сотен (ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 47). В этих же архивных источниках указывается еще на наличие дивизиона 7-го Сибирского казачьего полка.

[84] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 979, л. 4.

[85] Эти цифры подтверждаются косвенными данными, правда, неполными — сведениями об участии гарнизона в выборах в московские районные думы. Большевистская газета «Социал-демократ» сообщала, что на выборах 24 сентября по 15 из 24 избирательных участков всего голосовало 17 819 солдат, из них за большевиков — 14 467 («Социал-демократ», 27 сентября 1917 г.). Данные эти были приведены В. И. Лениным (см.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 278). Авторы ряда работ приняли эти данные за общее число солдат в Москве. Возможно, это недоразумение было вызвано тем, что в сборнике «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» (стр. 317), где опубликованы эти данные, не подчеркнуто, что речь идет об итогах выборов лишь по 15 из 24 избирательных участков.

Однако количество голосовавших было меньше, чем числилось в избирательных списках. Так, в Кремлевских казармах в избирательных списках значилось 3080, а голосовало — 2020 (т. е. примерно 65%), в Покровских — соответственно 1419 и 1007 (около 70%), в Фанагорийских — 1397 и 903 (65%), в Спасских — 3464 и 1085 (31%), в казармах в доме Великан на Садовой улице — 3080 и 1160 (37%), во 2-х военных мастерских и 661-й дружине — 3059 и 965 (32%), в 675-й дружине — 1250 и 587 (47%) (составлено по газетам: «Социал-демократ», 27 сентября 1917 г.; «Русское слово», 26 сентября 1917 г.; «Труд», 26 сентября 1917 г.; «Вперед», 27 сентября 1917 г.). Воздержание от голосования колебалось в разных частях от 30 до 70%. Объяснялось оно главным образом потерей доверия в массах к таким учреждениям, где занимались бесконечными разговорами, в то время как обстановка требовала действий. Если вывести средний процент воздержания — около 50, то тогда зачисленных в список по 15 избирательным участкам окажется около 35 тыс. солдат. К ним надо прибавить данные, выявленные еще по 4 избирательным участкам,— около 8 тыс. («Вперед», 27 сентября 1917 г.). Следует учесть также 5 тыс. солдат Хамовнических казарм, где стоял 193-й пехотный запасный полк (выборы у них состоялись не 24, а 25 сентября.— «Труд», 26 сентября 1917 г.). Таким образом, всего в 20 избирательных участках числилось около

был, как принято говорить в военной литературе, списочный состав, т. е. число едоков, а не штыков. В гарнизоне Москвы были нестроевые команды, госпитали и лазареты с большим числом обслуживающего персонала. Немало солдат находилось в отпуску или в лазаретах. Из общего числа гарнизона надо исключить юнкеров и офицеров. В общем можно считать, что число способных носить оружие солдат было 45—50 тыс.

Контрреволюция знала о нарастающем революционном настроении солдат: только недавно на сентябрьских выборах в районные думы солдаты дружно, в подавляющей массе проголосовали за большевиков. Но контрреволюция надеялась на офицеров, которых много было в частях: во всех военных учреждениях и полках гарнизона в Москве и губернии офицеров было более 16 тыс.[86] Полагали, что им удастся вывести против революции если не всех, то значительную часть солдат гарнизона, или во всяком случае удержать их от активного участия в восстании. Это казалось тем более вероятным, что в исполкоме Совета солдатских депутатов и его президиуме преобладали эсеры, а они явно были в одном лагере с буржуазией. Лидеры контрреволюции считали также, что с помощью хорошо обученных и вооруженных юнкеров удастся запугать солдат и вынудить их к повиновению.

В то же время, опасаясь большевизации солдат, командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев отдал 15 октября приказ о расформировании 17 полков, часть которых входила в Московский гарнизон, и об отправке «ненадежных» частей на фронт. Среди намеченных к отправке был и 193-й пехотный запасный полк. Ему приказано было отправиться 25 октября[87]. Против этого решительно выступили рабочие и солдаты Москвы.

Одновременно штаб Московского военного округа под предлогом, что после подавления корниловского мятежа войскам оружие не нужно, фактически разоружил бóльшую часть гарнизона[88]. Почти все имевшееся в полках оружие было переправлено в юнкерские училища, а частично передано так называемой «домовой охране».

---

50 тыс. солдат. В приведенных нами 20 участках находились самые крупные воинские части, все основные полки. В остальных 4 избирательных участках располагались менее крупные воинские части. Общая их численность не превышала 10 тыс., если исходить из того, что избирательные участки были примерно равны. Следует учесть, что самые молодые солдаты — 18 и 19 лет по возрасту в выборах в районные думы не участвовали.

Приведем, наконец, данные о выборах в Московском гарнизоне в Учредительное собрание, состоявшихся 19 ноября 1917 г., через две с небольшим недели после победы революции. По всем воинским избирательным участкам голосовало 61 037 человек, из них за большевистский список № 5 голосовало 49 406 человек — 80% («Известия Московского Совета рабочих депутатов», 24 ноября 1917 г.). Вряд ли за столь короткий срок — 15—16 дней — могла серьезно измениться численность гарнизона. Поэтому, учитывая воздержание от голосования, можно считать, что численность гарнизона Москвы к октябрьским дням была немногим больше 100 тыс. человек. Разумеется, вопрос этот требует дальнейшего исследования.

[86] ЦГВИА, ф. 1607, оп. 4, д. 29, лл. 30—31.

[87] «Красный архив», 1933, т. 61 (6), стр. 53.

[88] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 273. Полковник Рябцев выступил 15 сентября в Совете солдатских депутатов с докладом о состоянии войск Московского военного округа. Ему был задан вопрос: «Почему революционные полки, участвовавшие в ликвидации корниловской истории, разоружаются?». На это Рябцев ответил: «Они не разоружаются, а у них отбирается лишнее оружие, которое было выдано на время» («Солдат-гражданин», 16 сентября 1917 г.).

«Домовая охрана» состояла при домовых комитетах, создание которых началось летом 1917 г. Во главе домовых комитетов стоял Московский союз домовых комитетов. Он получил от московских банков кредит в размере 1 млн. руб.[89] Набиралась «домовая охрана» из офицеров, студентов, чиновников, гимназистов старших классов, торговцев в кварталах, населенных преимущественно буржуазными и мелкобуржуазными слоями населения. Правда, «домовая охрана» могла быть использована только в пределах отдельных кварталов или крупных домов, главным образом в центре Москвы.

Говоря о военных силах контрреволюции, нельзя сбрасывать со счетов гарнизоны и военные училища, дислоцированные в области, например, в Твери, Кашире, или Чугуевское военное училище под Харьковом. Не зря командующий войсками Московского военного округа полковник К. И. Рябцев часто посещал гарнизоны области, а перед решающими днями побывал в Харьковском гарнизоне[90]. В расчеты контрреволюции входили 1-й запасный сибирский казачий дивизион в Твери и 7-й Сибирский казачий полк в Кашире[91].

Контрреволюция рассчитывала также на поддержку студенческих отрядов, состоявших из буржуазной молодежи и насчитывавших примерно 3 тыс. человек[92].

Одной из первых мер корниловцев второго призыва явилось распространение на Москву статута прифронтовой полосы. С 17 октября в Москву запрещался въезд без специального разрешения властей. Вокруг города устанавливалась «заградительная полоса» радиусом 50—70 км. Командующему Московским военным округом предоставлялось право объявлять Москву на чрезвычайном положении[93].

Как ни много казалось было боевых сил, на которые рассчитывала контрреволюция, но командующий войсками Московского военного округа Рябцев считал, что в его распоряжении мало кавалерии. 23 октября, на следующий день после того, как в газете большевиков «Социал-демократ» была полностью напечатана резолюция пленума Московских Советов, принятая 19 октября, Рябцев срочно запросил присылки кавалерии с Юго-Западного фронта для усиления правительственных войск[94].

Ставка и сама принимала меры, чтобы не допустить перехода власти в Москве к Советам. О том значении, какое Ставка в своих планах придавала Москве, мы еще будем говорить, а сейчас отметим лишь следующее: в Ставке знали, что Временное правительство собирается покинуть Петроград и бежать в Москву, и уже по одной этой причине старались обеспечить в ней «спокойствие».

По распоряжению Временного правительства Ставка стягивала к Москве и ее окрестностям ударные батальоны, специальные части, казаков. В самой Москве находились центры по формированию добровольцев, ударников, георгиевских кавалеров.

---

[89] *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве, стр. 153; *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.). Канд. дисс. М., 1963, стр. 248.

[90] «Русское слово», 15 октября 1917 г.

[91] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 55.

[92] *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве, стр. 152.

[93] «Русское слово», 15 октября 1917 г.

[94] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 213.

2 октября Н. Н. Духонин приказал командующему Юго-Западным фронтом перебросить в распоряжение Рябцева одну из регулярных кавалерийских дивизий, а затем направить в Калугу 4-й Сибирский казачий полк [95].

В целях быстрой и беспрепятственной переброски войск Ставка стремилась сохранить в своих руках узловые станции на железных дорогах, ведущих к Москве. Военные власти считали необходимым привести в покорность гарнизоны городов, находившихся вокруг Москвы, чтобы не позволить им оказать помощь восстанию.

Нарастание революционных событий в Москве заставляло торопиться: надо было предупредить события. Первый удар решено было нанести по гарнизону Калуги, расположенной на одной из железных дорог, ведущих от фронта к Москве.

Калужский совет солдатских депутатов стал большевистским в 20-х числах сентября. С тех пор между ним и Калужской городской думой начались конфликты. Эсеро-меньшевистская городская дума Калуги предпринимала все меры, чтобы навести в городе «порядок».

В начале октября делегация городской думы во главе с ее председателем меньшевиком Фоссом посетила Минск и просила прислать в Калугу надежные части [96]. Формальным поводом для присылки карательного отряда явилось освобождение Советом солдатских депутатов четырех «анархистов», как именовали в официальных бумагах арестованных военными властями еще в мае за участие в «аграрных беспорядках» [97].

Другим поводом для присылки карателей была попытка Совета совместно с профсоюзом типографов реквизировать губернскую типографию для нужд Совета.

Но суть дела была, конечно, не в этих мелких конфликтах, а в большевизации гарнизона, в котором числилось 11 тыс. человек [98], а он прикрывал дорогу на Москву. Штаб Минского военного округа требовал отправки на Западный фронт все новых и новых маршевых рот из состава 26-й запасной пехотной бригады (в бригаде было 4 полка: 286-й, 288-й, 301-й и 302-й), дислоцированной в Калуге. Члены исполкома Совета солдатских депутатов справедливо рассматривали эти требования как попытку ослабить большевизированный гарнизон города. 15 октября на собрании солдат Калужского гарнизона была вынесена резолюция о необходимости установления власти пролетариата и трудящегося крестьянства. «Политика компромиссов и соглашательства с буржуазией,— указывалось в ней,— ведет страну к гибели, останавливает революцию и создает почву для контрреволюции. Спасти Родину от гибели, сокрушить гидру контрреволюции, прекратить кошмарную войну и, укрепив завоевания революции, дать дальнейший ход революционному движению может лишь власть самого народа, власть революционного пролетариата и трудового крестьянства» [99]. Опираясь на полную поддержку гарнизона, Ка-

---

[95] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 272.

[96] *С. Херсонский.* Разгром Калужского Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г.— «Партийная мысль». Юбилейный выпуск, 1917—1927. Калуга, 1927, стр. 21; *М. П. Артемов.* В единых рядах.— «В борьбе за Октябрь». Сборник воспоминаний. Калуга, 1957, стр. 17.

[97] «Установление Советской власти в Калужской губернии». Документы и материалы. Калуга, 1957, стр. 147—148.

[98] «Утро России», 24 октября 1917 г.

[99] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 155.

лужский Совет солдатских депутатов становился все более решительным. 16 октября он отказался выполнить приказ штаба округа о расформировании 2-й пулеметной роты [100].

Само командование подчеркивало, что дело не в мелких конфликтах, а в большевизации гарнизона. Командующий войсками Минского военного округа Киселевский послал в начале октября в штаб Западного фронта телеграмму, в которой говорилось: «Ввиду явно большевистского настроения всего гарнизона (Калужского.— *И. М.*) туда послать малые силы нельзя. В своем распоряжении не имею ничего туда послать. Запасная пехота совершенно для этого непригодна. Прошу направить туда, если признаете возможным, целый полк из числа предназначенных Вами в мае..., усилив потом, если нужно и возможно, и броневиками из Ржева» [101]. 13 октября комиссар Минского военного округа, полковник эсер Галин получил от комиссара Западного фронта В. А. Жданова следующую телеграмму: «Главкозап приказал: необходимо привлечь к ответственности членов Калужского Совдепа, которые, применив к начальнику калужской тюрьмы насилие, выпустили из тюрьмы четырех анархистов, содержавшихся в предварительном заключении...» [102].

В ночь на 17 октября и в последующие дни в Калугу начали прибывать каратели. Вначале прибыли две сотни 2-го Кубанского полка, а затем «дивизион смерти» и 17-й драгунский Нижегородский полк с тремя броневиками и скорострельной пушкой [103]. Командовал карательным отрядом полковник Брандт, которому вменялось в обязанность «содействовать успокоению Калуги и ее гарнизона», после чего принять на себя обязанности начальника Калужского гарнизона [104].

17 и 18 октября состоялось несколько экстренных заседаний Совета солдатских депутатов, на которые были приглашены представители прибывавших войск. Члены исполкома Совета доказывали им, что никакой «анархии» в Калуге нет, и требовали удалить казаков из города. Была принята соответствующая резолюция. Но каратели пришли, конечно, не для заседаний и переговоров. 18 октября вместе с комиссаром Минского военного округа Галиным в Калугу прибыл Брандт. Вечером приказом начальника Минского военного округа Калуга была объявлена на военном положении, а Галин опубликовал распоряжение о роспуске Калужского Совета солдатских депутатов, хотя не имел никакого права распускать общественную организацию. В объявлении говорилось: «Вследствие ряда незаконных действий со стороны исполнительного комитета Совета солдатских депутатов г. Калуги последнего состава и неправильности избрания Совета, объявляю этот Совет распущенным» [105].

Совет с некоторым опозданием стал принимать оборонительные меры: в «Дом свободы», где помещался Совет, начали доставлять ору-

---

[100] *С. Херсонский.* Разгром Калужского Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., стр. 21.
[101] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 147—148.
[102] *С. Херсонский.* Разгром Калужского Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., стр. 20.
[103] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 17; «Русское слово», 25 октября 1917 г.
[104] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 170.
[105] Там же, стр. 160.

жие, из казарм вызвали около 400 солдат во главе с унтер-офицером Зубатовым. Но, как вспоминает активный член большевистской организации Калуги П. О. Логачев, «ответственных за оборону Совета не было выделено. Солдаты не были обеспечены питанием. Словом, защита Совета и его оборона шли самотеком. Эта ошибка дорого обошлась» [106].

В 7 час. вечера 19 октября присланные в город казаки и драгуны оцепили «Дом свободы». Членам исполкома, находившимся в здании, был предъявлен ультиматум: в течение 5 мин. они должны были очистить помещение. Однако члены Совета отказались выйти. Тогда после трех сигналов по Совету был открыт ружейный и пулеметный огонь.

«Не успел я договорить,— вспоминал старый большевик М. П. Артемов, бывший в октябре 1917 г. заместителем председателя Калужского Совета рабочих депутатов,— как комнату, в которой помещался комитет большевиков, обстреляли. Пули пробивали дверь, люди упали на пол, поползли к выходу...» [107] Огонь повторялся несколько раз. Затем каратели ворвались в здание, учинив там полный разгром.

20 октября Брандт телеграфировал в штаб Минского военного округа: «Ввиду незакономерной позиции, занятой местным Совдепом без крестьянской и рабочей секций, к Совету после ультиматума комиссара мной было применено оружие. В результате почти весь Совет арестован и передан в распоряжение следственной комиссии...» [108] Назначенная следственная комиссия, возглавленная полковником Нижегородского полка Деном, вынуждена была подтвердить факт разгрома и грабежа в здании Совета [109].

Разгон Совета солдатских депутатов вызвал возмущение солдат гарнизона. «В местном гарнизоне в четырех полках,— сообщал в упомянутой выше телеграмме полковник Брандт,— начались выступления... Около 500 человек окапывается, не входя в город, по городу стрельба. Желательно скорейшее прибытие сюда...» [110]. Однако попытки сопротивления карателям носили неорганизованный характер и были быстро подавлены. Функции разгромленного Совета солдатских депутатов были возложены на бригадный комитет 26-й запасной пехотной бригады, который действовал под непосредственным контролем карателей.

20 октября эсеро-меньшевистская городская дума Калуги приняла резолюцию, одобрявшую действия контрреволюционеров. «Городское самоуправление,— говорилось в ней,— приносит прибывшим частям свою благодарность и видит в этом приходе начало оздоровления, отрезвления и прекращения Временным правительством анархии не только в Калуге, *но и по всей стране...*» [111]

Калужские эсеры и меньшевики в радостном волнении выболтали планы корниловцев второго призыва, который состоял в том, чтобы, разогнав Советы в городах вокруг Москвы и в самой Москве, изолировать революционный Петроград. Это подтвердил сам «герой» калужского

---

[106] *П. О. Логачев.* Работа в армии.— «В борьбе за Октябрь», стр. 30.
[107] *М. П. Артемов.* В единых рядах, стр. 19.
[108] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 162.
[109] *С. Херсонский.* Разгром Калужского Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., стр. 24.
[110] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 163.
[111] *И. О. Серкин.* Первый год.— «В борьбе за Октябрь», стр. 47 (курсив наш.— *И. М.*).

разгрома полковник Галин, заявивший, что «за Калугой последуют 12 городов Центрально-промышленного района» [112].

Полковник Галин пытался позднее опровергнуть это хвастливое заявление. Он прислал в штаб Московского военного округа телеграмму с просьбой сообщить, что никакого карательного отряда не было, а были-де присланы войска, «преданные революции», что не было и заявления о «карательной экспедиции в 12 губерний, а предпринимались лишь меры убеждения (это пулеметным огнем? — *И. М.*)» и т. п.[113]

Однако, не говоря уж о том, что буржуазная пресса подтверждала широкий характер экспедиции (газета «Русское слово» писала: «Отряд полковника Брандта выступил из Калуги далее»), сам Галин оставил неопровержимые доказательства того, что план разгрома касался не только Калуги. Выступая после разгрома в Калужской городской думе, Галин доказывал, что ему «как члену партии с.-р. было очень тяжело отдавать приказание об обстреле «Дворца свободы»» [114], но он якобы исчерпал все мирные средства и вынужден был прибегнуть к силе оружия. Ибо, говорил Галин, «это было необходимо для поддержания авторитета власти в ее борьбе с анархией; если идти по пути большевиков и ставить в основу все то, что *творилось в Калуге и стране*, то мы скоро можем прийти к самодержавному строю» [115].

Обращает на себя внимание, что в речи Галина и в резолюции городской думы повторялась одна и та же мысль о борьбе с «анархией» не только в Калуге. Последовавшие в спешном порядке опровержения Рябцева и самого Галина лишь подтверждали тайные замыслы контрреволюции: Калуга должна была стать началом широкого наступления на революционные силы с целью их разгрома. «То, что случилось в Калуге...,— радостно писала буржуазная газета, выдавая надежды всей контрреволюции,— очень возможно послужит поворотным этапом в течении нашей революции и нашей анархии» [116].

Соединенное заседание исполнительных комитетов Московских Советов рабочих и солдатских депутатов, заслушав делегацию, посланную в Калугу, приняло резолюцию, в которой требовалось: 1) освободить арестованных, 2) немедленно отменить «позорное контрреволюционное постановление о роспуске солдатской секции Калужского Совета депутатов», 3) предать суду погромщиков, 4) добиваться отмены военного положения в Калуге [117].

Газета большевиков «Социал-демократ» в статье «Громят Советы» правильно оценила суть событий: «Помните: сегодня Калуга, а завтра Москва» [118].

---

[112] «Партийная мысль». Юбилейный выпуск, 1917—1927, стр. 68.
[113] «Социал-демократ», 24 октября 1917 г.
[114] «Русское слово», 22 октября 1917 г. Приводя эту телеграмму Галина, редакция буржуазной газеты добавила от себя, что «ложные сведения, которые опровергает г. Галин, появились в социалистической печати».
[115] «Утро России», 24 октября 1917 г. (курсив наш.— *И. М.*).
[116] Там же, 22 октября 1917 г.
[117] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 24 октября 1917 г.
[118] «Социал-демократ», 22 октября 1917 г.

2

МОСКВА ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ

Рабочие требуют взятия власти Советами

Во второй половине октября революционный кризис достиг особой остроты. Осуществляя план удушения революции, буржуазия использовала провокационную тактику организации голода и хозяйственной разрухи. Удар локаутчиков прежде всего был направлен против рабочих Петрограда, Москвы и Центрального промышленного района. Локаут угрожал металлистам, текстильщикам, кожевникам, пищевикам.

В этих условиях резко усилилась стачечная борьба московского пролетариата. Она отличалась массовым характером, стойкостью, политической направленностью. В октябре в политических стачках участвовало свыше 500 тыс. рабочих Центрального промышленного района. Основными требованиями рабочих были введение нового тарифа заработной платы, установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов, передача всей власти Советам, т. е. осуществление программы большевиков.

В ответ на упорное сопротивление локаутчиков-капиталистов рабочие приступили к осуществлению секвестра предприятий. На собственном опыте рабочие убеждались, что прежние формы борьбы уже не достигали цели, нужны решительные меры не только для обуздания саботирующих промышленников, но и для ликвидации власти буржуазии. 9 октября делегатское собрание московских текстильщиков и представителей фабричных комитетов текстильных предприятий приняло резолюцию, ярко характеризующую настроение рабочих масс. В ней говорилось: «Страна по вине буржуазии и Временного правительства, а также соглашательской политики вождей мелкобуржуазных партий, находится на краю гибели». Собрание решительно заявляло, что вывести страну из «ужасного положения» может только новая власть, образованная Советами: «Поэтому делегатское собрание заявляет исполнительному комитету Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, что 200 тыс. организованных текстильщиков готовы во всякую минуту выступить по первому призыву Совета на борьбу за власть Советов, и призывает Советы к решительным действиям в борьбе с саботажем промышленников и предательской деятельностью Временного правительства» [119].

Это был голос не отдельных предприятий или передовых рабочих, а заявление всей армии текстильщиков, организованных в профсоюзы.

Революционное настроение рабочих масс поднялось еще на одну ступень. Они поняли, что одними своими силами им не справиться с положением: поток грозит захлестнуть все, а его пытаются остановить плотинами в отдельных местах; нужен общий натиск всех революционных сил, чтобы ликвидировать власть Временного правительства. 15 октября делегатское собрание текстильщиков Москвы с негодованием осудило

---

[119] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М., 1957, стр. 344.

предписание Временного правительства, требующее под предлогом отсутствия топлива разработать план закрытия металлообрабатывающей и текстильной промышленности Москвы и области. Делегатское собрание правильно оценило, что Временное правительство пытается подавить революционные силы в Москве, подобно тому, как под видом необходимости эвакуации промышленности из Петрограда оно хотело задушить революцию в столице. «Сознавая всю важность и ответственность положения,— говорилось в резолюции,— делегатское собрание находит, что выступлением одних лишь текстильщиков за экономические требования мы не добьемся улучшения своего положения. Необходимо начать наступление всем фронтом революционного пролетариата, необходимо обратиться через Центральное бюро профессиональных союзов и революционные рабочие организации ко всему пролетариату с призывом к немедленному выступлению с требованием: «Вся власть — революционной демократии в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»» [120]

Эта высокая классовая сознательность характеризовала не только текстильщиков, но и весь пролетариат.

В тот же день, 15 октября, московское общегородское делегатское собрание металлистов также приняло резолюцию, протестующую против «катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты», и призывающую пролетариат сохранить и организовать производительные силы, спасти страну от гибели. «Но эта задача,— гласила резолюция,— неразрешима силами рабочих лишь одного производства и обычными методами экономической борьбы и требует для своего разрешения объединения всех сил рабочего класса в общероссийском масштабе».

Металлисты в своей резолюции заявляли, что борьба за повышение заработной платы, за тарифный договор и т. п. является теперь полумерой и не может избавить пролетариат от дороговизны и голода. Резолюция предупреждала против отдельных, разрозненных забастовок, подчеркивая, что они выгодны теперь буржуазии, что капиталисты провоцируют частичные забастовки с целью дальнейшего подрыва и без того расстроенного хозяйства и стремятся таким путем подавить революцию. «Все это вместе взятое,— указывалось в резолюции,— ставит перед пролетариатом следующие задачи — путем организованного выступления через Советы: захват власти совместно с беднейшими слоями деревни и немедленная творческая работа над организацией производства и распределением продуктов» [121].

Такое ясное понимание задач и такой решительный язык могли быть лишь у класса, который убедился в правильности политики большевиков, доказывавших, что весь ход революции возлагает на пролетариат миссию спасения страны. Все группы московских рабочих требовали активности от своих организаций, настаивали на том, чтобы Советы стали единственной властью, подавили контрреволюционные силы, взяли на себя регулирование промышленности.

В гуще рабочих масс родилась идея приступить к революционной организации промышленной жизни путем издания специального декрета, обязательного для всех капиталистов. Эта идея поддерживалась многими предприятиями — достаточно прочитать лишь несколько номеров «Со-

---

[120] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 362.
[121] Там же, стр. 361.

циал-демократа» за середину октября, откуда взята нами бóльшая часть резолюций. Особенно выразительно эта идея проводилась в резолюции делегатского собрания металлистов: «...делегатское собрание Московского союза металлистов требует от Совета рабочих депутатов немедленно встать на путь революционной организации всей промышленной жизни, действуя в согласии с Петербургским Советом рабочих депутатов, революционной властью, немедленно прекратить забастовки, заставив [предпринимателей] удовлетворить все экономические требования рабочих и, в частности, издать декрет о контроле заводских комитетов над наймом и увольнением» [122].

Активную роль в организации стачечной борьбы играли профсоюзы и фабзавкомы. 13 и 20 октября вопрос о тактике экономической борьбы рассматривался в Центральном бюро профсоюзов Москвы. Большевики В. И. Полонский (профсоюз металлистов), Я. Э. Рудзутак (профсоюз текстильщиков), А. Ломов и А. С. Ведерников (Московское областное бюро и Московский комитет РСДРП(б)) призывали Центральное бюро возглавить подготовку рабочих к восстанию за власть Советов и установить тесный контакт с профсоюзами Петрограда и других городов [123].

Большевистские резолюции по вопросам экономического положения, безработицы, рабочего законодательства, перехода всей полноты власти в руки Советов приняла от имени всех рабочих Москвы 2-я общегородская конференция фабзавкомов, проходившая с 12 по 16 октября 1917 г. [124] О почти безраздельном влиянии большевиков среди рабочих Москвы свидетельствовал состав делегатов этой конференции: 534 большевика, 97 меньшевиков, 68 эсеров [125].

Все это позволяет прийти к выводу, что стачки пролетариата Москвы и Центрального промышленного района в сентябре — октябре 1917 г. были не обычными, а революционными стачками, конкретно ставившими вопрос о власти. Они служили средством боевой мобилизации масс на вооруженное восстание за власть Советов.

Показателем революционного настроения рабочих масс может служить резолюция, принятая совместным заседанием Совета рабочих депутатов Наро-Фоминска, правления союза текстильщиков и районного комитета партии большевиков. «Обсудив создавшееся положение и ответ фабрикантов на предъявленный минимум,— говорилось в резолюции,— мы единогласно требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов «декрета» об исполнении требований союза текстильщиков хотя бы насильственными методами».

Охарактеризовав далее контрреволюционную политику Временного правительства (затягивание им преступной войны, поддержку саботажа буржуазии), резолюция заявляла: «Мы требуем, чтобы Центральные Советы рабочих и солдатских депутатов немедленно приступили к выполнению своего долга перед революцией: взяли всю власть в свои руки. А мы со своей стороны клянемся и обещаем оказать поддержку и вести

---

[122] Там же.
[123] «Московский Совет профессиональных союзов в 1917 году». Протоколы. М., 1927, стр. 100—111.
[124] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 366—368.
[125] Там же, стр. 523.

борьбу на жизнь и смерть до тех пор, пока не засияет над всем миром солнце святого социализма и братской любви всех народов» [126].

Таков был общий голос рабочих масс Москвы и всего Центрального промышленного района: пусть Советы декретируют, т. е. введут законом требования пролетариата в жизнь, а для этого они должны взять всю власть в свои руки.

Партия большевиков, выражая коренные, насущные интересы рабочих масс, учитывала эту растущую активность трудящихся, принимала самое деятельное участие в формировании политической сознательности широких масс и возглавила революционную борьбу за реализацию их требований.

19 октября был созван пленум Совета рабочих и Совета солдатских депутатов Москвы. Большевики предложили принять постановление, требующее от предпринимателей под угрозой ареста немедленно прекратить локауты и удовлетворить требования рабочих. Меньшевики и эсеры категорически высказались против принятия такого постановления. После бурных прений пленум принял резолюцию, предложенную большевиками. За нее высказалось 332 депутата, против 207 при 12 воздержавшихся. В резолюции отмечалось, что капиталисты пытаются организовать грандиозный локаут и тем обречь сотни тысяч рабочих на безработицу и голод; промышленники провоцируют рабочих на стачки «в целях обострения кризиса», а Временное правительство поддерживает капиталистов и выступает против рабочих. «Исходя из этого,— гласила резолюция,— исполнительные комитеты Советов рабочих и солдатских депутатов:

1) декретируют по соглашению с Центральным бюро профессиональных союзов удовлетворение требований рабочих в тех отраслях, где назревает и идет стачка;

2) приглашают под руководством профессиональных союзов явочным порядком осуществить постановления декретов на заводах и фабриках;

3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, перед угрозой немедленного ареста их Советами;

4) одновременно выпускают декрет о моратории за квартирную плату;

5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии.

Исполнительному комитету в кратчайший срок разработать и издать вышеназванные декреты и соответствующие воззвания» [127].

После голосования резолюция снова подверглась атаке соглашателей: объединенцы внесли поправку, требующую послать резолюцию на утверждение предстоящего II Всероссийского съезда Советов. Пленум отклонил поправку. Вслед за этим Б. С. Кибрик от имени меньшевиков зачитал резолюцию, протестующую против принятого пленумом решения. Он говорил, что меньшевики будут требовать от рабочих отозвания тех делегатов Советов, которые голосовали за резолюцию, а в профессиональных союзах добиваться переизбрания правлений, поддержавших резолюцию, «обрекающую рабочий класс на неизбежное поражение». Меньше-

---

[126] «Социал-демократ», 27 октября 1917 г. Резолюция была принята 21 октября 1917 г.

[127] «Социал-демократ», 22 октября 1917 г. В сборнике «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» (стр. 370—371) опущен последний пункт и неточно указан источник: «Социал-демократ», 21 октября 1917 г. вместо 22-го.

вики заявили, что остаются в Советах, «чтобы ослабить гибельные последствия мероприятий, осуществляемых большевиками» [128].

Д. А. Черепанов по поручению эсеров заявил, что «принятая настоящим собранием резолюция конкретно является по существу неорганизованным захватом власти на местах» и может привести к срыву Учредительного собрания. Поэтому фракция эсеров решила «продолжать органическую работу в Советах, но слагает с себя всякую ответственность за могущие произойти отсюда тяжелые последствия» [129].

Таким образом, меньшевики и эсеры, являясь членами Советов, призывали к неподчинению их решениям. Эта линия была немедленно разоблачена. Выступив от имени большевиков, В. А. Аванесов заявил: «Мы ответственности не боимся и берем ее на себя, но эта ответственность также ложится на Московские Советы рабочих и солдатских депутатов». Аванесов прямо поставил вопрос перед соглашателями: будут ли эсеры и меньшевики подчиняться постановлениям Советов, или, возлагая ответственность на большевиков, откажутся от работы?

Припертые к стенке, меньшевики заявили, что подчинятся решению Советов, «не беря на себя руководства осуществлением предложенных мер». Кибрик, однако, повторил, что меньшевики приложат все усилия, «чтобы парализовать гибельные последствия принятой сегодня резолюции» [130].

Эсеры отмалчивались, ничего не отвечали на прямой вопрос большевиков, давая тем самым понять своим сторонникам, что они не должны подчиняться постановлениям Советов, хотя и остаются в их составе.

Объединенное заседание обоих Советов своей резолюцией удовлетворило требования рабочих, предъявленные в ходе стачек и экономической борьбы. Капиталистам, не подчиняющимся и не желающим немедленно удовлетворить требования рабочих, грозил арест. Объявив мораторий на квартирную плату, т. е. отсрочив неимоверно повышенную домовладельцами квартирную плату, Советы облегчили положение огромной массы трудящихся, завоевав их доверие. Рабочие и вся масса трудящихся сразу убедились, что в лице Советов они имеют свою власть, целиком защищающую интересы народа. Наконец, резолюция пленума Советов объявила об активном переходе к борьбе за полноту власти и объявила в пункте пятом о создании органов этой борьбы. На деле это означало, что Москва, как и Петроград, создает Военно-революционный комитет, который возглавит борьбу за переход власти к Советам.

Большевики, инициаторы принятия этого постановления, полностью отдавали себе отчет в том, что оно еще не означает установления власти Советов. В резолюции Московского городского комитета партии от 7 октября, начавшей ту политическую кампанию, которая завершилась решением пленума Советов от 19 октября, определенно говорилось: «Московский комитет считает необходимым немедленно начать борьбу за власть. Для этого МК считает необходимым:

1) немедленно открыть массовые кампании — жилищную, продовольственную и общехозяйственную. Массы должны требовать от Советов конкретных революционных мер для разрешения насущных вопросов.

---

128 «Вперед», 20 октября 1917 г.
129 Там же.
130 Там же.

Советы должны проводить эти меры явочным путем, путем декретов, захватывая таким способом власть;

2) один из крупных конфликтов на этой почве — поставить и заставить разрешить вопрос о захвате центральной власти» [131].

Для объединения и согласования действий в общероссийском масштабе Московский комитет считал необходимым соглашение Советов Москвы и Петрограда, а также посылку представителей в Харьков, Киев, Екатеринослав.

В резолюции Московского комитета большевиков, таким образом, ясно различались задачи *борьбы за власть и взятия власти* Советами. Основной признак перехода власти к Советам — это прежде всего свержение существовавшей власти, признание недействительными ее распоряжений. Политическая борьба за власть, явочное проведение революционных мер для разрешения насущных вопросов, декретная кампания, острые конфликты с правительственными органами на этой почве, отстранение правительственных органов на местах от решения практических вопросов — все это должно было вплотную подвести массы к необходимости взять власть в свои руки. Постановление пленума Советов 19 октября поэтому еще не было решением о взятии власти, но это был смелый шаг по пути перехода к взятию всей власти, притом не только в Москве, но и по всей стране.

В большевистской газете была опубликована передовая статья «19 октября в Московских Советах». В ней подчеркивалось: «Московский Совет рабочих и солдатских депутатов сделал решительный шаг, дающий новое направление всей экономической борьбе московских рабочих, шаг, необходимо ведущий Советы к непосредственной борьбе за власть в общерусском масштабе» [132]. Рассказав о мерах, предложенных в большевистской резолюции, передовая статья отмечала: «Но проведение этих мер, несомненно, ставит перед Московскими Советами, как и перед Советами всей России, вопрос о немедленном переходе власти в их руки. Начинается решительная борьба».

21 октября во исполнение резолюции пленума от 19 октября Г. А. Усиевич от имени большевиков огласил на заседании исполнительного комитета Совета рабочих депутатов проект декрета о приеме и увольнении рабочих и служащих только с ведома фабрично-заводских комитетов, а также проект воззвания с объяснением причин принятия декрета. Меньшевики на этом заседании заявили, что отказываются входить в комиссию Совета по редактированию декретов.

Переход московских большевиков к решительным действиям не мог остаться незамеченным в лагере противника. Влиятельная буржуазная газета «Русское слово» поместила сообщение о резолюции пленума Советов от 19 октября под броским заголовком: «Постановление Московских Советов о захвате власти» [133]. Никакого постановления о захвате власти, как уже отмечалось, еще не было: речь шла об обуздании предпринимателей — мародеров и саботажников, но буржуазная пресса уже запугивала обывателя «захватами», арестами, обысками, «грядущими гибельными последствиями» и т. п.

---

[131] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 343.
[132] «Социал-демократ», 21 октября 1917 г.
[133] «Русское слово», 20 октября 1917 г.

В том же номере «Русского слова» было помещено интервью с городским головой эсером В. В. Рудневым, целиком выдержанное в таком же духе запугивания обывателя. «Принятие Московскими Советами постановления,— говорил Руднев,— я рассматриваю как часть общей системы, которую решили проводить в жизнь. Начнут с захватов предприятий, надо перейти к захватам банков и т. д.». Руднев угрожающе предупреждал, что городская управа и городская дума «не могут и не должны признать подобный шаг Советов» [134].

Другой орган буржуазии — «Утро России» — сообщил: «Вчера вечером большевистское большинство Московских Советов рабочих и солдатских депутатов вынесло резолюцию, объявляющую Московские Советы единственными носителями власти в Москве» [135]. Газета «Утро России» объявила это решение «попыткой поднять чернь, вызвать погромы, провоцировать смуту» и категорически требовала от правительства «действовать». «Правительство, именно уже потому, что оно — *правительство* (газета выделила это слово курсивом, чтобы подчеркнуть, что другой власти нет и не должно быть), носитель государственной власти, не может и не смеет допускать беспредельно «углубления революции»». Буквально захлебываясь от ненависти к народным массам, газета взывала: «Есть предел и работе «углубителей». Предел этот давно достигнут нашей революцией, и если находились до сих пор вне сфер большевизма люди не прозревшие, то сейчас и они должны прозреть» [136].

Находившиеся «вне сфер большевизма» не нуждались в уговаривании и подстегивании. Меньшевики также оценили резолюцию от 19 октября как переход к взятию власти Советами. Они попытались даже подвести «теоретическую» базу под свою оценку: профессиональные союзы в России молоды, не имеют опыта борьбы; этой слабостью профессиональных союзов и воспользовались-де большевики, решившие взять власть. «Практикуемые декреты,— с глубокомысленным видом писали меньшевики в статье «Очередная авантюра»,— следует поэтому рассматривать как начало гражданской войны, ставящей себе целью признать власть исключительно рабочего класса» [137].

Почему власть переходит «исключительно» к рабочему классу, меньшевики не объяснили, хотя хорошо знали, что Советы, боровшиеся за власть, представляли и крестьян в лице солдат, и другие слои трудящихся. Тем не менее философствующие меньшевики вслед за буржуазией перешли к запугиванию: рабочие вступят в противоречие со всем населением — вот и Совет солдатских депутатов уже против них. В данном случае меньшевики явно искажали факты: не Совет солдатских депутатов, а эсеро-меньшевистские члены его президиума высказались против резолюции, принятой 19 октября, но они уже давно ни в коей мере не представляли солдатской массы, а солдаты на пленуме голосовали вместе с рабочими.

Известие о решительном шаге большевиков Москвы вызвало большую тревогу и в Петрограде. По поручению А. Ф. Керенского состоявший при нем для поручений генерал Б. А. Левицкий 23 октября обратился в

---

[134] Там же.
[135] «Утро России», 20 октября 1917 г.
[136] Там же.
[137] «Вперед», 20 октября 1917 г.

Ставку к начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину с просьбой сообщить, как идет переброска войск с фронта для подавления ожидающегося выступления большевиков. Б. А. Левицкий сказал, что беспокоит Ставку «в связи с несколько неприятными сведениями из Москвы, где большевики начинают проявлять свое существование» [138]. Выслушав сообщение Духонина для доклада Керенскому, генерал Левицкий выразил надежду, что «завтра ничего серьезного не произойдет», но настойчиво просил ускорить продвижение войск. Левицкий оказался плохим пророком — 24 октября началось вооруженное восстание в столице, но важно отметить, что контрреволюция чрезвычайно внимательно следила за событиями в Москве, тесно связывая их с положением в Петрограде.

Приведем еще одно свидетельство тревоги, вызванной в Петрограде активными действиями московских большевиков. Поздно вечером 23 октября начальник политического управления военного министерства поручик В. В. Шер связался с Московским военным округом и просил сообщить «о положении в Москве в связи с предполагаемым выступлением большевиков». «Спокойно ли прошел сегодняшний день и что можно ожидать завтра?» — беспокоился Шер. Ему ответил по поручению помощника командующего Московским военным округом, начальника политического отделения штаба поручика Ровного дежурный по отделению Синани: «Сегодня день прошел совершенно спокойно». Затем он сообщил подробности, которые свидетельствовали не только о наблюдении за деятельностью Советов, но и о том, что контрреволюция не останавливалась перед «добыванием» нужных документов. Синани доложил, что на совместном заседании исполнительных комитетов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов обсуждался декрет об удовлетворении требований профессиональных союзов и об аресте предпринимателей в случае их отказа подчиниться проведению декрета в жизнь, а также рассматривалось выработанное по этому поводу воззвание. «Содержание воззвания,— сообщал с огорчением дежурный,— точно установить не удалось, так как заседание было закрытое, а декрет и проект воззвания были в одном экземпляре. Удалось лишь выяснить, что воззвание написано в демагогическом плане» [139]. Синани добавил, что меньшевики и эсеры отказались участвовать в голосовании, поэтому вопрос переносится на обсуждение завтрашнего пленума Советов.

Поблагодарив за информацию, Шер попросил сообщить о настроении воинских частей. «Приказания и наряды в общем исполняются,— ответили из Москвы.— Небольшие конфликты удается ликвидировать мирным путем. Общее настроение — жажда мира». Далее представитель Московского военного округа хвастливо заявил: «Можем с уверенностью сказать, что в Москве имеется достаточно военных сил для поддержания революционного порядка» [140]. Через два-три дня эта хвастливая уверенность сменилась панической растерянностью: так мало знало командование о действительном настроении солдат в Москве.

Приведенные выдержки из переговоров двух офицеров не только подтверждают существование тесной связи между военными властями обеих

---

[138] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 7.
[139] Там же, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 60.
[140] Там же.

столиц, но и проливают свет на ту роль, которую играла Москва в расчетах правительственных властей: она должна была по меньшей мере обеспечить тыл Временного правительства, готовившего разгром большевиков в Петрограде.

Между тем события в Москве продолжали бурно нарастать.

24 октября пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил «Декрет № 1» о приеме и увольнении рабочих и служащих только с ведома и согласия фабрично-заводских комитетов, постановления которых были обязательными для предпринимателей.

На этом же заседании пленум принял воззвание «Ко всему трудящемуся населению», в котором заявлялось, что «Совет вмешивается в борьбу», чтобы обуздать капиталистов, добиться мира и передачи земли крестьянам [141].

В том же номере большевистской газеты, где были напечатаны постановления пленума Московских Советов, под рубрикой «Вся власть Советам!» публиковалось более 50 резолюций о передаче власти Советам. Среди них резолюции общего собрания рабочих и служащих завода «Проводник» (1000 человек), рабочих Дедовской мануфактуры (2500 человек), общих собраний 193-го, 56-го, 86-го запасных пехотных полков, крестьян 10 деревень и сел Владимирской губернии, завода Бромлея, рабочих Невского стеаринового товарищества. «Мы требуем,— говорилось в резолюции этого предприятия,— чтобы Советы взяли власть в свои руки, но пусть помнят Советы, что время не терпит: откладывание захвата власти Советами может быть предательством нашей революции» [142].

Московские большевики понимали, что принятие декретов, а тем более введение их в действие будет воспринято капиталистами, на стороне которых выступало Временное правительство, как взятие Советами власти в свои руки, что контрреволюция, несомненно, усилит мобилизацию своих сил и поторопится перейти в наступление. Поэтому большевикам также необходимо было укрепить свои вооруженные силы.

Московские большевики много внимания уделяли организации Красной гвардии. По их предложению еще 3 сентября исполком Московского Совета рабочих депутатов, обсуждавший устав Красной гвардии, постановил: «Устав отпечатать и разослать по районам с предложением приступить немедленно к организации дружин и штабов на местах» [143]. На следующий день, 4 сентября, по предложению большевиков был создан Центральный штаб Красной гвардии при исполкоме Московского Совета рабочих депутатов. Начальником Красной гвардии Москвы стал большевик А. С. Ведерников, начальником штаба — большевик Я. Я. Пече. В президиум штаба вошли большевики И. Г. Слесарев, Г. Коган, Е. Н. Игнатов. В состав штаба были введены по одному представителю от районных Советов, 8 — от исполкома Совета рабочих депутатов, 6 — от исполкома Совета солдатских депутатов, 2 — от Центрального бюро профсоюзов Москвы [144].

---

[141] «Социал-демократ», 25 октября 1917 г. Текст воззвания был опубликован в газете 26 октября 1917 г.

[142] Там же.

[143] ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 13, л. 44.

[144] «Революционное движение в России в сентябре 1917 года». Документы и материалы. М., 1959, стр. 332.

Всего в состав Центрального штаба Красной гвардии входило 22 человека, в том числе: П. К. Штернберг, Я. Я. Пече, П. Г. Добрынин, Н. Н. Зимин, Е. М. Маленков, Э. И. Юревич, Ю. К. Квесис, Г. А. Усиевич, С. Демидов, О. А. Варенцова и др.[145]

Из-за скудости источников трудно с точностью установить количественный состав Красной гвардии Москвы накануне Октябрьской революции. Приводимые в литературе цифры колеблются весьма значительно — от 4 тыс. до 15 тыс. красногвардейцев. По последним подсчетам, число красногвардейцев накануне решающих событий доходило до 10 тыс.[146]

Костяком Красной гвардии были рабочие-большевики и члены союзов рабочей молодежи. Только в Замоскворечье, Рогожском и Благуше-Лефортовском районах отряды Красной гвардии имелись на 72 предприятиях. Выделялись также дружины Хамовнического, Сокольнического, Железнодорожного районов. В сентябре — октябре во всех районах были избраны штабы Красной гвардии. Центральный и районные штабы руководили формированием и обучением Красной гвардии, разрабатывали оперативные планы.

Красная гвардия Москвы имела четкое организационное строение. Она подразделялась на районные дружины, которые в свою очередь были разбиты на сотни и десятки. Была налажена регулярная учеба красногвардейцев. Они изучали топографию города, составляли карты, планы и схемы с указанием местонахождения важнейших объектов, обучались стрельбе и тактике уличных боев. Повсеместно заготовлялось оружие. Центральный штаб Красной гвардии разрабатывал план предстоящего восстания и определял задачи каждого района.

---

[145] «Пролетарская революция», 1927, № 11, стр. 172.

[146] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 278. Ф. Л. Курлат, изучивший вопрос о численности Красной гвардии по архивам районных Советов Москвы, подсчитал, что перед Октябрем в Москве было 10—12 тыс. бойцов. Наиболее крупные отряды Красной гвардии были: в Замоскворецком районе — до 3000 человек (организатор В. П. Файдыш), в Рогожском и Симоновском — до 1500 (организаторы Р. С. Землячка, Н. Н. Прямиков, В. Войтович), в Благуше-Лефортовском — до 1000 (организатор В. П. Демидов), на Пресне — до 1000 (организатор И. Г. Слесарев), в Сокольниках — около 1500 (организаторы И. В. Русаков, Е. М. Маленков, П. В. Ростовщиков), в Хамовниках — до 600 (организаторы Н. С. Ангарский и А. С. Савельев (Шелехес)), в Железнодорожном — до 1500 (организаторы И. А. Пятницкий, Н. Н. Зимин, А. С. Гусев, А. И. Горбунов, Н. Воробьев). В других районах и подрайонах организаторами Красной гвардии были О. К. Верземнек, Ю. К. Квесис, Г. А. Усиевич (*Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.), стр. 240—245). Но если к этому числу красногвардейцев прибавить отдельные отряды Красной гвардии, существовавшие при профсоюзах, и отряды рабочей милиции при ряде крупных предприятий (их не следует смешивать с наемной вооруженной охраной, они находились под руководством фабзавкомов), то численность вооруженных сил революции в Москве накануне Октября составит не менее 30 тыс. человек (*Л. С. Гапоненко.* Революционное творчество российского пролетариата накануне Великого Октября.— «Вопросы истории», 1962, № 7, стр. 47; *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов (февраль — ноябрь 1917 г.), стр. 245). Г. А. Цыпкин, исследовавший вопрос о Красной гвардии в Центральном промышленном районе, полагает, что численность Красной гвардии достигла 30 тыс. человек во время боев в Москве в конце октября — начале ноября 1917 г. (*Г. А. Цыпкин.* Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1967, стр. 106); А. Я. Грунт в своей работе приводит те же данные («Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция», стр. 295). Бурный рост Красной гвардии в октябрьские дни в значительной степени объясняется наличием боевых сил накануне восстания.

В конце октября красногвардейские отряды были переведены на мобилизационное положение. Были установлены непрерывные дежурства членов исполкомов городских и районных Советов, Центрального и районных штабов Красной гвардии [147]. Красногвардейцы и революционные солдаты несли охрану Советов и большевистских комитетов. В ряде районов были налажены охрана фабрик и заводов, патрулирование улиц и площадей. Важно отметить быстрый рост рядов Красной гвардии Москвы накануне вооруженного восстания.

Формирование Красной гвардии встречало сопротивление меньшевиков и эсеров. Меньшевики в принципе возражали против создания боевых сил революции, утверждая, что они не нужны, поскольку вся армия стала революционной. Но идея создания рабочей гвардии настолько глубоко проникла в сознание пролетариата, а развитие революции и особенно борьба с корниловщиной так убедительно показали необходимость Красной гвардии, что меньшевики все же не осмеливались выступать против ее создания, но старались при этом выхолостить классовую суть этой организации. Московский областной комитет меньшевиков 11 октября принял резолюцию, в которой повторил, что опорой революции должна являться армия, но не возражал против вооружения наиболее сознательных рабочих «для поддержания революционного порядка, так часто нарушаемого темной массой под влиянием черносотенной и анархистской агитации» [148]. По мнению меньшевиков, таким образом, Красная гвардия должна была стать подсобной силой буржуазной милиции, выполнять полицейско-охранительные функции. При этом меньшевистский комитет добавлял, что даже в этом случае оружие не должно выдаваться на руки рабочим, а находиться в распоряжении Советов или созданных ими органов.

Преодолевая сопротивление лидеров эсеров и меньшевиков, большевики не раз ставили вопрос о Красной гвардии перед Советами. 10 октября большевики предложили пленуму обоих Советов утвердить устав Красной гвардии, но эсеры и меньшевики устроили обструкцию: они требовали снять вопрос под тем предлогом, что Совет солдатских депутатов еще не обсудил его. После острых прений большевики предложили резолюцию, в которой говорилось: 1) решение об уставе Красной гвардии не терпит отлагательства; 2) оно должно быть принято совместно рабочими и солдатами; 3) идя навстречу желанию президиума Совета солдатских депутатов обсудить вопрос предварительно, пленум постановляет «обсуждение и решение вопроса об уставе Красной гвардии, отнюдь не являющегося вопросом фракционным или вопросом одной из частей Совета, отложить до следующего общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов» [149].

Эсеры покинули заседание, заявив, что настаивают на снятии самого вопроса о создании Красной гвардии в принципе, а в предложенной ре-

---

[147] По воспоминаниям участников событий и работам Т. А. Логуновой, П. М. Чиркова, Г. А. Цыпкина, Ф. Л. Курлата. Новые данные, вовлеченные в научный оборот, свидетельствуют о недооценке военно-технической подготовки московских большевиков, свойственной ряду вышедших ранее работ об Октябре в Москве, в том числе и второму тому «Истории гражданской войны».

[148] «Вперед», 13 октября 1917 г.; см. также передовую этой газеты от 11 октября 1917 г.

[149] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 344.

золюции речь идет лишь об ее уставе. Меньшевики не покинули заседания, но отказались участвовать в голосовании резолюции. Большевистское предложение было утверждено 330 голосами при 2 воздержавшихся [150].

После очередного поражения меньшевики и эсеры развернули кампанию против организации Красной гвардии. Меньшевики опубликовали упомянутую нами резолюцию от 11 октября, а эсеры провели через Совет солдатских депутатов, где они все еще преобладали, резолюцию, в которой говорилось, что большинство Совета солдатских депутатов не считает возможным участвовать в обсуждении и голосовании устава Красной гвардии и предоставляет Совету рабочих депутатов решить этот вопрос самостоятельно, «слагая все нежелательные последствия от организации Красной гвардии на Совет рабочих депутатов» [151].

Борясь против организации Красной гвардии, эсеры и меньшевики утверждали, будто солдаты выступают против ее создания. Но вот действительное мнение солдат, высказанное как раз в дни наиболее яростной борьбы соглашателей против формирования Красной гвардии. Резолюция представителей 12 перевязочных отрядов Московского военного округа, принятая 11 октября, требовала: «Вооружения Красной гвардии из рабочих и крестьян как передовых борцов революции» [152]. 13 октября на общем митинге 85-го запасного полка была принята резолюция, в которой наряду с требованием перехода всей власти к Советам и передачи всей земли трудящимся указывалось: «Немедленное создание Красной гвардии во всероссийском масштабе; все оружие в руки пролетариата и беднейших крестьян» [153]. В тот же день полковой комитет 193-го запасного пехотного полка принял резолюцию, в которой определил причины, требующие создания Красной гвардии, и отношение к этому солдат. «Организация Красной гвардии,— говорилось в резолюции,— есть дело рабочего класса, направленное к защите завоеваний революции и отражению всех нападений международной реакции. Красная гвардия не враг солдата, а друг ему.

В то время, когда солдаты, стоя на страже революции, могут быть уволены, распределены, откомандированы, когда наша революционная армия может быть свободно под разными предлогами явных и тайных корниловцев отодвинута от революции, в эти дни, переживаемые революцией, мы приветствуем создание Красной гвардии и требуем немедленной ее организации» [154].

Высокая политическая сознательность солдат подтверждает, что большевикам удалось разъяснить им классовую суть Красной гвардии и классовый смысл борьбы эсеров и меньшевиков против ее организации. Попытка соглашателей противопоставить солдат рабочим провалилась.

Устав Красной гвардии был утвержден на том же объединенном заседании Советов, что и «Декрет № 1»,— 24 октября. Представитель большевистской партии доложил, что принципиальная необходимость создания боевой силы революции была признана еще 5 сентября, когда

---

[150] «Октябрь в Москве». М., 1967, стр. 297.
[151] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 25 октября 1917 г.
[152] «Деревенская правда», 17 октября 1917 г.
[153] Там же, 18 октября 1917 г.
[154] Там же.

объединенное заседание Советов впервые приняло большевистскую резолюцию, но эсеры и меньшевики более полутора месяцев противодействовали принятию устава. Хотя события в Калуге ясно говорили о наступлении контрреволюции, соглашатели продолжали свою борьбу против вооружения революции. Меньшевики повторили свои прежние возражения, а эсеры огласили резолюцию Совета солдатских депутатов от 12 октября. Большевик Н. И. Муралов немедленно разоблачил попытку эсеров выдать свою резолюцию за мнение Совета солдатских депутатов, заявив, что большевики не принимали участия в голосовании этой «позорной резолюции» [155]. Устав Красной гвардии был принят 374 голосами, против 8 при 2 воздержавшихся [156].

Утверждение устава, хотя и с запозданием, после долгой борьбы с эсерами и меньшевиками превратило Красную гвардию в четко организованную боевую силу Советов.

Большевики выступили также против попыток отправки на фронт революционно настроенных частей. Пленум Московского областного бюро большевиков, состоявшийся еще 27—28 сентября 1917 г., обсудил вопрос об участившихся требованиях Ставки выслать на фронт не только маршевые роты, но и целые запасные полки (такой приказ был получен, например, в революционно настроенном гарнизоне Владимира) и принял следующую резолюцию: «Стремясь к сохранению всех революционных сил для предстоящего проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам», областное бюро предлагает местным организациям решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путем вывода из них революционных частей войск» [157].

Московские большевики решительно выступили против намерения властей вывести из Москвы революционно настроенных солдат артиллерийской бригады. В такое время, писали большевики в передовой статье «Гражданская война началась», «ни одна революционная часть войска не имеет права уходить из Москвы, несмотря ни на какие приказы... Война объявлена... Время разговоров прошло, надо начинать действовать» [158].

Большевики готовятся взять власть

Большевики Москвы были тесно связаны с Центральным Комитетом и петроградской организацией.

Письмо Ленина о вооруженном восстании было адресовано Центральному Комитету, а также Петроградскому и Московскому комитетам партии. Представители московских большевиков В. П. Ногин, А. Ломов (Г. И. Оппоков) присутствовали на заседании Центрального Комитета 15 сентября 1917 г., на котором обсуждались письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Эти письма, как и другие выступления Ленина, были известны и большевикам Москвы.

---

155 «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 25 октября 1917 г.
156 Там же.
157 «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. «Общенациональный кризис». Документы и материалы. М., 1961, стр. 107.
158 «Социал-демократ», 24 октября 1917 г.

27—28 сентября 1917 г. состоялся пленум Московского областного бюро большевиков. Подводя итоги развитию революционного движения в стране, пленум признал, что сейчас «важнейшей задачей является борьба за власть». Московское областное бюро призвало к организации революционного движения и «к превращению его в решительное революционное выступление» [159]. С этой целью рекомендовалось создание боевых центров на местах, в крупных промышленных центрах и установление между ними тесной связи.

В резолюции пленума подчеркивалось, что «одним из главных препятствий на пути революционного движения, идущего под лозунгом «Вся власть Советам», является международный капитал» [160]. В силу этого одним из первых шагов Советской власти должны были стать полный разрыв с союзными империалистами и открытое провозглашение всеобщего демократического мира.

Таково было решение всех большевистских организаций Центрального промышленного района, в том числе представителей партийной организации Москвы, участвовавших в работах пленума. По окончании пленума Московское областное бюро приняло постановление в развитие резолюции пленума. Боевые центры рекомендовалось создать в Москве, Петрограде, Харькове и в других крупных промышленных центрах из представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, профессиональных организаций и фабрично-заводских комитетов. Боевые центры должны были устанавливать между собой связь и немедленно рассылать своих эмиссаров в районы с целью их организованного привлечения к выступлению. Опираясь на свои боевые центры, Советы должны были направлять массовое движение на свержение органов буржуазной власти, приступать «к аресту старых властей во главе с Временным правительством», брать под свой контроль все правительственные учреждения. «Немедленно же,— гласила резолюция,— организуется центральными Советами Всероссийский съезд Советов, объявляющий себя верховным, общегосударственным органом власти и, как таковой, издающий манифест о перемирии, переходе всей земли в руки крестьянских земельных комитетов, о 8-часовом рабочем дне и отмене смертной казни [161].

Примерно в конце сентября — начале октября 1917 г. руководящий актив Московского областного бюро и Московского комитета, собравшись на квартире большевика В. А. Обуха, обсуждал письма Ленина о восстании [162]. На совещании выявились две точки зрения. Члены Москов-

---

[159] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 326.

[160] Там же.

[161] Там же, стр. 328. Имеющийся в резолюции пленума пункт «Немедленный созыв Всероссийского съезда Советов, на котором наша партия потребует провозглашения перехода всей власти в руки Советов» не следует расценивать как свидетельство того, что участники пленума откладывали восстание до II Всероссийского съезда Советов. В приведенном выше постановлении Московского областного бюро, принятом на следующий день в развитие резолюции пленума, четко проводилась мысль о том, чтобы не откладывать проведения восстания и взятия власти до созыва II съезда Советов.

[162] Участники совещания в своих воспоминаниях называют оба срока, но второй, видимо, более достоверен, во-первых, потому, что на совещании упоминалось письмо Ленина от 1 октября, во-вторых (и главным образом), потому, что участникам совещания уже было известно решение пленума Московского областного бюро о поддержке восстания, и дискутировался лишь вопрос, поставленный Лениным: может ли Москва выступить раньше Петрограда?

ского областного бюро, особенно А. Ломов (Г. И. Оппоков), Н. Осинский (В. В. Оболенский), настойчиво высказывались за выступление, ссылаясь на расхлябанность, неподготовленность военных властей в Москве. Но большинство присутствующих поддержали доводы секретаря Московского комитета И. А. Пятницкого, доказывавшего, что Москва не может взять на себя инициативу выступления, но может и должна поддержать восстание, как только оно начнется в Петрограде. «Сторонники этого мнения,— вспоминал Пятницкий,— приводили в основном следующие аргументы: во-первых, рабочие Москвы слабо вооружены; во-вторых, у Московского комитета слишком слаба связь с гарнизоном, в то время как президиум и исполнительный комитет Совета солдатских депутатов находится в руках эсеров и меньшевиков, наконец, сам гарнизон недостаточно вооружен» [163].

Военная организация Московского комитета большевиков в свою очередь обсуждала вопрос о подготовке восстания. Член президиума Совета солдатских депутатов Н. И. Муралов вспоминал, что в конце сентября в Белом зале Московского Совета состоялось совещание работников Военки под председательством П. Н. Мостовенко. Доклад сделал А. Я. Аросев. «После дебатов и прений,— пишет Муралов,— никакой резолюции не приняли. Но общее мнение о необходимости захвата власти было единодушное. Попытка решить вопрос конкретно, как этот захват произвести, осталась нерешенной. Но все присоединились к мнению, что нужно захватить аппараты управления, особенно военные (штабы округа, бригады запасных войск, комендатуры и т. п.), и создать свои» [164].

Подводя итог обсуждению вопроса о восстании, можно сказать, что подавляющее большинство руководителей московских большевиков не разделяло ни позиции Каменева и Зиновьева против необходимости восстания, ни легалистско-парламентской точки зрения Троцкого, заключавшейся в том, чтобы передать вопрос о власти II Всероссийскому съезду Советов, и позволявшей правительству собрать силы для подавления восстания. Большевики Москвы спорили только по одному важному вопросу: могла ли Москва начать?

3 октября на заседании Центрального Комитета А. Ломов (Г. И. Оппоков) от имени Московского областного бюро сделал доклад о положении в Центральном промышленном районе. В протоколе об этом докладе кратко записано: «Выясняется, что в области настроение крайне напряженное. Во многих местах мы в большинстве в Советах. Выдвигается массами требование о каких-либо конкретных мероприятиях. Всюду занимаем выжидательное положение. Прений по докладу решено не вести» [165].

Как ни кратко изложено содержание доклада А. Ломова, но и в таком виде протокольная запись дает представление о революционном настрое-

---

[163] *И. А. Пятницкий.* Подготовка большевиками Октябрьского восстания.— «Историк-марксист», 1935, № 10, стр. 27; см. также: *он же.* Из моей работы в Московском комитете.— «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1957; *М. Ф. Владимирский.* Октябрьские дни в Москве.— «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М., 1927; *В. Яковлева.* Подготовка Октябрьского восстания в Московской области.— «Пролетарская революция», 1922, № 10; *Н. Норов.* Накануне.— «Москва в Октябре». М., 1919.

[164] *Н. Муралов.* Из впечатлений о боевых днях в Москве.— «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 307—308.

[165] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 74.

нии в Центральном промышленном районе, о преобладании большевиков в Советах, а главное о том, насколько тесна была связь между московскими большевиками и Центральным Комитетом партии и какое внимание уделял ЦК Москве: только что закончился пленум Московского областного бюро, а через 3—4 дня итоги его работы докладывались на заседании Центрального Комитета [166].

На историческом заседании Центрального Комитета 10 октября, на котором было принято предложение Ленина о вооруженном восстании, присутствовал А. Ломов; он информировал «о позиции Московского областного бюро и МК, а также и о положении в Москве вообще» [167]. Надо полагать, что информация Ломова вполне соответствовала анализу, данному в выступлении Ленина. Не случайно в заключительном абзаце ленинской резолюции, где говорилось, что «восстание неизбежно и вполне назрело», Центральный Комитет предлагал «всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы», в том числе вопрос «выступления москвичей...» [168]. Центральный Комитет знал, что московские большевики готовят выступление.

Вторично в той же резолюции Москва упоминалась в связи с сентябрьскими выборами в районные думы, итоги которых оценивались как свидетельство поворота «народного доверия к нашей партии» [169].

В тот же день, когда в Петрограде Центральный Комитет утвердил резолюцию Ленина о восстании, общегородская конференция московских большевиков приняла резолюцию о текущем моменте, в которой поручала Московскому комитету «принять меры... к приведению революционных сил в боевую готовность» [170]. Резолюция почти полностью повторяла проект резолюции, написанный Лениным 7 октября для Петроградской общегородской конференции [171]. Это еще раз свидетельствует о тесной связи Московской большевистской организации с Центральным Комитетом и большевиками Петрограда: уже через три дня после того, как Ленин написал проект резолюции, он уже был принят Московской общегородской конференцией.

14 октября состоялось заседание Московского областного бюро, на котором В. Н. Яковлева сделала краткий доклад о заседании Центрального Комитета 10 октября. Было принято решение: «Без всяких прений област-

---

[166] Буржуазные фальсификаторы не упустили возможности использовать в целях извращения истории Октября эту краткость протокола заседания ЦК. Р. Дэниелс, приведя из протокола фразу: «Всюду занимаем выжидательное положение», сделал вывод, что партия, и в том числе Московская организация, были якобы против предложения Ленина о восстании. «Комитет был так расстроен,— комментирует Дэниелс,— что его члены решили не открывать прений по докладу (*R. Daniels.* The Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967, p. 63). Но ведь Ломов делал доклад о работе пленума, а на нем было постановлено, как мы отмечали, считать, что сейчас «важнейшей задачей является борьба за власть». Дэниелс об этом умалчивает и таким образом лишь проявляет свое незнание элементарных фактов истории Октябрьской революции: приведенная нами резолюция давно опубликована.

[167] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 85. На этом же заседании присутствовала от Московского областного бюро В. Н. Яковлева.

[168] Там же, стр. 86.

[169] Там же.

[170] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 351.

[171] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 348—350.

ное бюро целиком присоединяется к резолюции ЦК, ибо она вполне совпадает с принятой на пленуме 27—29 сентября резолюцией» [172].

Вторым обсуждался вопрос «О проведении в жизнь резолюции ЦК от 10 октября». Московское областное бюро приняло предварительно два общих пункта. Первый: «считая желательным и в высшей степени необходимым общее выступление», предложить местным организациям связывать начало своего выступления с выступлением в центре. Рекомендовать все возникающие спорные вопросы, например, вывод войск, разоружение гарнизонов и т. п., разрешать, не останавливаясь даже перед открытыми конфликтами с представителями центральной власти, но не переводя их «в кровавое столкновение, допустимое лишь в условиях и в интересах общего выступления». Второй: в тех местах, где Советы фактически являются властью, провести кампанию за провозглашение Совета единственной властью при условии, что это не вызовет вооруженного столкновения, допустимого лишь при общем выступлении.

Областное бюро разработало ряд практических мер: разослать своих представителей, список которых тут же утверждался, по крупнейшим организациям для информирования о принятых решениях и инструктирования; поручить этим представителям собрать все необходимые военно-технические сведения, чтобы знать, на какие части можно опереться в случае выступления в Москве; создать на местах «рабочие центры» по образцу тех, которые были организованы во время борьбы с корниловщиной, т. е. революционные или военно-революционные комитеты; рекомендовать крупным организациям посылать своих представителей для инструктирования более мелких организаций. Решено было также заранее заготовить текст условных телеграмм, извещающих о начале выступления.

В заключение Московское областное бюро приняло решение в целях координации действий в момент выступления и для руководства им создать партийный боевой центр из двух представителей от областного бюро, двух — от Московского городского и одного — от Московского окружного комитета. Задача партийного центра состояла в том, чтобы направлять работу большевиков, входящих в боевой центр Московского Совета рабочих депутатов, и координировать все действия в момент выступления по всей области. «Центр этот,— гласила резолюция,— должен обладать диктаторскими полномочиями» [173].

Резолюция 10 октября, принятая Московской общегородской конференцией, и постановление Московского областного бюро, связанного со всеми организациями области, свидетельствовали об активной подготовке выступления.

Возможно, эту активность москвичей имел в виду Я. М. Свердлов, когда 16 октября на расширенном заседании Центрального Комитета сообщал, что «в Москве в связи с резолюцией ЦК предприняты шаги для выяснения положения о возможном восстании» [174].

Примерно в это время (к сожалению, точная дата до сих пор не установлена, но не раньше 10 октября и не позже 16 октября) в Петроград

---

[172] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания». Документы и материалы. М., 1962, стр. 82.
[173] Там же, стр. 83.
[174] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 96.

в целях информации Центрального Комитета по вопросу о вооруженном восстании выезжали И. А. Пятницкий и В. Н. Яковлева. Яковлева присутствовала на заседании Центрального Комитета 16 октября. Пятницкий встречался с многими членами Центрального Комитета, несколько раз беседовал с Лениным. По воспоминаниям Пятницкого, Ленин очень подробно расспрашивал его о Московской организации, соотношении сил в Советах, профсоюзах, районных думах и других организациях. «Речь зашла о выступлении. Я изложил мнение активных работников Московской организации о том, что Москва начать выступление не может, но что Москва поддержит сейчас же выступление, если оно где-нибудь начнется» [175].

Когда Пятницкий выразил сомнение в том, что большевики удержат власть, Ленин посоветовал ему ознакомиться с рукописью только что написанной брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?» По указанию Ленина М. И. Ульянова передала Пятницкому рукопись брошюры. Вскоре она была напечатана в Москве [176].

Пятницкий не сообщает, согласился ли Ленин с его доводами о том, что Москва не сможет проявить инициативы в организации восстания. Следует, однако, отметить, что последний по времени документ, в котором Ленин говорил о возможности начать восстание в Москве,— это письмо от 7 октября к Петроградской городской конференции. «Надо обратиться к московским товарищам,—писал Ленин,— убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора». Ленин тут же добавил: «Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь» [177].

После 7 октября такой постановки вопроса о Москве в работах Ленина уже нет. Но, не выдвигая больше предложения об инициативе большевиков Москвы, Ленин отнюдь не снимал вопроса о подготовке и участии в восстании московских трудящихся. Восстание должно было стать всеобщим, всероссийским, и готовила его вся партия. «Дело не в голосованиях,— писал Ленин,— не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель». Подчеркнув всеобщий характер подготовляемого восстания, Ленин делал вывод: «*Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее» [178].

Тем временем в Москве подготовка к восстанию принимала все более активный характер. В нее включались широкие слои партийной организации. 20 октября состоялось собрание межрайонного актива большевиков, заслушавшее отчет Пятницкого и Яковлевой об их поездке в Петроград и решениях Центрального Комитета о восстании.

---

[175] *И. А. Пятницкий.* Из моей работы в Московском комитете.— «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сборник воспоминаний, стр. 374.
[176] Там же.
[177] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 348.
[178] Там же, стр. 390.

«Несмотря на то, что после обмена мнений,— писал Пятницкий,— выяснилось, что боевых сил у нас мало, для всех участников было ясно, что сегодня-завтра выступать нужно будет, а потому каждый член партии напрягал все силы и умение, чтобы работать и работать для выступления» [179].

В ближайшие день-два районные собрания обсудили вопрос о выступлении и единодушно высказались за решительные действия. При некоторых районных комитетах были созданы комиссии по разработке конкретного плана передачи власти районным Советам [180].

20 октября Московский городской комитет обсуждал вопрос о готовящейся стачке городских служащих. Конфликт служащих с городской управой по вопросу о заработной плате и праве профсоюза участвовать в приеме и увольнении был одним из дополнительных свидетельств кризиса старой власти. Учитывая, что пленум Московских Советов 19 октября принял решение издать декреты об удовлетворении требований рабочих, Московский комитет постановил: Совет должен взять «дело стачки в свои руки» и гарантировать «разрешение конфликта удовлетворением требований рабочих» [181].

На этом же заседании Московского комитета было решено организовать секретариат «для ведения текущей и организационной работы». Были избраны И. А. Пятницкий, И. В. Цивцивадзе и М. Ф. Владимирский [182]. Секретариату было поручено подготовить план организационной перестройки Московского городского комитета партии. Переход к восстанию требовал более четких и оперативных форм руководства партийной работой.

Московский городской комитет партии 22 октября обсудил представленный секретариатом проект реорганизации, подвергнув его критике за недостаточный учет обстановки. «Нужно в первую очередь выделить боевой орган, который бы немедленно приступил к работе, и перевести организацию на боевое положение,— говорила Р. С. Землячка (Самойлова).— Боевой орган должен непрерывно заседать» [183]. В. М. Лихачев (Влас) настаивал, чтобы в отделы Московского комитета партии (они назывались тогда комиссиями) были введены рабочие, тесно связанные с массой и потому быстрее и доступнее умеющие разъяснять декреты, резолюции, постановления большевиков. В. Н. Подбельский рекомендовал объединить работу большевистских фракций в Советах и городской думе, чтобы избежать разногласий или несогласованности между ними. Т. Ф. Людвинская (Таня) и Г. Я. Беленький говорили о необходимости тесной связи с районами и о более равномерном распределении сил по районам.

В основном замечания сводились к усилению руководящей роли Московского городского комитета партии, к тому, чтобы сделать его боевым, оперативным органом, отвечающим задачам и требованиям восста-

---

[179] «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сборник воспоминаний, стр. 374.
[180] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 113.
[181] Там же, стр. 107.
[182] Там же; «Октябрь в Москве», стр. 299.
[183] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 113.

ния. Утвердив план организационной перестройки с учетом всех замечаний и предложений, Московский комитет перешел к вопросу о создании партийного центра по руководству восстанием. Принятое постановление гласило: «Организуется боевой орган из пяти [лиц], в который входит секретариат, член Военного бюро и член комиссии Красной гвардии» [184].

В тот же день, 22 октября, военное бюро Московского комитета созвало конференцию военных организаций гарнизона Москвы и Московского военного округа. Из докладов с мест выяснилось, что подавляющее большинство солдат готовы выступить за переход власти в руки Советов [185]. Это настроение подтвердилось и на совещании Московского городского комитета партии с представителями районов и воинских частей, состоявшемся вечером 23 октября. Представители частей гарнизона заявили, что момент благоприятный, солдаты готовы с оружием в руках вступить в бой [186].

Следующий день, 24 октября, принес новые успехи в мобилизации народных масс на вооруженное восстание. Решения Московского комитета сообщались районным партийным организациям. На ряде предприятий и в частях гарнизона состоялись собрания и митинги, выносившие резолюции о поддержке Советов. Газета большевиков «Социал-демократ» в передовой статье «Война объявлена» писала: «В Калуге разогнаны Советы... От Калуги до Москвы несколько часов езды, и у нас не может быть никакой уверенности, что в ближайшие же дни казацкие орды в сопровождении какого-нибудь мерзавца комиссара, сидящего в тылу и гордо называющего себя представителем фронта, не появятся в Москве... Война объявлена. Правительство, капиталисты, помещики сомкнутым строем идут против крестьян, солдат и рабочих. Необходим немедленный отпор. Время разговоров прошло, надо начинать действовать» [187].

Днем 24 октября по Москве стали распространяться слухи о восстании в столице. Телефон между Москвой и Петроградом не работал. Оказалось, телефонная связь не прерывалась, но к телефону не допускали ни корреспондентов, ни частных лиц: сведения для газет передавались Петроградским телеграфным агентством (ПТА) по телеграфу [188].

Поезда приходили, но пассажиры еще не могли знать о событиях

---

[184] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 114. Это был боевой партцентр для Москвы, что противоречило постановлению областного бюро 14 октября о создании пятерки для города и области (два представителя от областного бюро, два — от Московского городского комитета и один — от окружного комитета). Выяснилось, что В. Н. Яковлева из-за болезни не успела предупредить об этом решении Московский городской комитет. Областное бюро на заседании 23 октября постановило войти в переговоры с Московским комитетом о создании общего центра. На следующий день переговоры результатов не дали. Решено было их продолжить 25 октября на совместном заседании всех трех комитетов («Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 118, 122—123).

[185] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 272.

[186] Там же; «Октябрь в Москве», стр. 307.

[187] «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 194—195.

[188] В газете «Русское слово» 25 октября 1917 г. сообщалось: «Вчера днем и ночью телефон между Москвой и Петроградом не работал, и сообщения наших петроградских корреспондентов получены не были». Но в том же номере сообщалось, что телефон работал, однако к нему не допускали корреспондентов и частных лиц.

этого дня. В редакции большевистской газеты тоже не было сведений. По городу шли слухи о захвате большевиками правительственных учреждений и даже об аресте Временного правительства. Вечером политический отдел штаба Московского военного округа, имевший доступ к телефону, опубликовал опровержение: «По городу циркулируют слухи об аресте в Петрограде представителей высшей правительственной власти. По имеющимся в штабе точным сведениям, сообщения эти вымышлены и носят явно провокационный характер» [189]. Командующий войсками К. И. Рябцев обратился по телефону к частям гарнизона с приказом, в котором, явно имея в виду передовую большевистской газеты, говорил:

«В обществе и, к сожалению, в некоторой части печати распространяются слухи, будто бы округу, в частности Москве, кто-то, откуда-то и чем-то грозит». Объявив эти слухи неверными, Рябцев заявил, что, «стоя во главе революционных сил и на страже истинных интересов народа», он не допустит «никаких погромов, никакой анархии». Так, подобно царским сатрапам, эсеровский полковник именовал революционные выступления. Свой приказ Рябцев закончил хвастливой угрозой тому самому революционному народу, «стражем истинных интересов» которого он себя объявил: «В частности, в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно» [190].

В тот же день, 24 октября, как уже отмечалось, пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил «Декрет № 1», устав Красной гвардии и принял специальное обращение «Ко всему трудящемуся населению», в котором отмечалось: «Калуга взята опричниками... Теперь Керенский, получивший власть от Советов, предательски ведет войну против Советов. Теперь его казаки пытаются убивать наших товарищей, и его комиссары обещают такую расправу всем Советам, в том числе и Московскому... Натиск со стороны врагов громаден. Вооруженные и невооруженные корниловцы наступают со всех сторон. Будем готовы, товарищи, ответить на их атаку дружной и стройной контратакой по всему фронту» [191].

Наступил решающий момент: силы революции и контрреволюции стояли друг против друга, готовые к схватке.

---

[189] «Русское слово», 25 октября 1917 г.
[190] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1943, стр. 71.
[191] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 379.

3

МОСКОВСКИЕ СОВЕТЫ БЕРУТ ВЛАСТЬ

Большевики начинают восстание

Утром 24 октября 1917 г. в Петрограде состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков, принявшее решение начать восстание. На заседании присутствовали А. Ломов и В. П. Ногин. Как уже отмечалось, им было поручено «немедленно информировать Москву обо всем здесь происходящем» и выехать в Москву — одному из них немедленно, другому на следующий день — для участия в руководстве восстанием московского пролетариата и солдат [192].

Весь день московские члены ЦК пытались позвонить в Москву. Только утром 25 октября, когда столица была уже в руках восставших, Ногин смог связаться с Москвой и передать первую телефонограмму о победе вооруженного восстания.

Руководители московских большевиков с нетерпением ожидали сообщений из Петрограда. Всю ночь они не покидали помещений Московского городского и районных комитетов партии. На 3 часа дня 25 октября созывался пленум обоих Советов: Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. В связи с этим в 10 час. утра намечалось совещание большевистской, эсеровской и меньшевистской фракций Советов. Но большевистская фракция была созвана в 9 час. утра.

В гостинице «Дрезден», находившейся напротив Московского Совета рабочих депутатов, с утра 25 октября началось объединенное заседание Московского областного бюро, Московского городского и Московского окружного комитетов партии большевиков. Члены большевистской фракции Совета, не входившие в состав руководящих партийных органов, собрались в одной из комнат верхнего этажа бывшего генерал-губернаторского дворца, где находится ныне Московский Совет [193]. Здесь, как и в районных центрах и комитетах, на предприятиях царила взволнованная, напряженная атмосфера. Обменивались сведениями о мобилизации сил революции, проверяли ход подготовки, уточняли вопросы, связанные с организацией немедленного вооруженного выступления.

На объединенном заседании трех руководящих большевистских коллективов — Московского областного бюро, Московского городского и Московского окружного комитетов — обсуждался вопрос об организации партийного центра по руководству восстанием. Большинство приняло предложение Областного бюро о совместном органе для Москвы, Московской губернии и всего Центрального промышленного района. В его состав вошло два представителя от Областного бюро, два — от Московского городского комитета и один — от Окружного комитета партии. Было также принято предложение о наделении партийного центра диктаторскими полномочиями. Затем по предложению членов Московского городского комитета было решено пополнить партийный центр представителями

---

[192] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 120—121.
[193] *П. Виноградская.* Октябрь в Москве.— «Новый мир», 1966, № 4, стр. 143—145.

Военной организации при МК и Центрального совета профессиональных союзов (всего 7 человек) [194].

Вслед за объединенным совещанием началось заседание Московского городского комитета партии под председательством В. М. Лихачева [195]. Обсуждались вопросы: о создании боевого центра Совета, т. е. Военно-революционного комитета, и боевого центра партии. В прениях по первому вопросу одни заявляли, что Военно-революционный комитет должен быть создан из одних большевиков, так как считали, что эсеры и меньшевики вряд ли войдут в его состав (М. Ф. Владимирский, А. Г. Шлихтер, Р. С. Землячка, В. М. Лихачев); другие же возражали: Совет солдатских депутатов находится в руках эсеров, его необходимо переизбрать, к тому же не следовало исключать из советского центра другие партии (И. В. Цивцивадзе). Было и третье предложение: избрать боевой центр, одновременно организовать перевыборы Совета солдатских депутатов и ввести в состав Военно-революционного комитета представителей железнодорожного союза (И. А. Пятницкий). Но общим во всех предложениях была мысль об избрании боевого центра немедленно и обязательно с преобладанием большевиков. «В области такое положение,— говорил Шлихтер,— что массы едва-едва удерживаются от выступления. Еще четыре дня тому [назад] говорили о создании центра, и теперь опять разговоры. Каждый день дорог, и центр немедленно нужно создать» [196]. Ему вторил В. М. Смирнов: «Немедленно нужно организовать военно-революционный центр, создать советскую пятерку. Революционный центр должен созвать полковые комитеты» [197].

Во время обсуждения на заседании появился начальник штаба Красной гвардии Москвы А. С. Ведерников. В то утро он был дежурным членом исполкома Московского Совета рабочих депутатов. В 11 час. 45 мин. Ведерников принял телефонограмму, переданную из Петрограда председателем Московского Совета рабочих депутатов В. П. Ногиным и членом ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов В. П. Милютиным:

«Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено. Сегодня в 5 час. открывается съезд Советов. Ногин сегодня ночью выезжает. Переворот произошел совершенно спокойно, ни одной капли крови не было пролито, все войска на стороне Военно-революционного комитета» [198].

Записав телефонограмму, Ведерников немедленно направился из здания Московского Совета в гостиницу «Дрезден».

В. М. Лихачев прочитал участникам заседания телефонограмму об успехе восстания в Петрограде [199]. Свершилось то, чего с таким нетер-

---

[194] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 1. М., 1963, стр. 253.

[195] Доказательством такой последовательности заседаний служит то, что на заседании Московского комитета уже фигурировало его прежнее решение от 22 октября о создании партийного центра из 5 человек и без прений было принято постановление объединенного заседания трех комитетов об общем центре из 7 человек («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 252).

[196] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 252.

[197] Там же.

[198] Там же, стр. 251. В газете «Социал-демократ» от 26 октября 1917 г., на которую ссылается ряд авторов, имеются небольшие разночтения.

[199] «Октябрь в Москве», стр. 315.

пением ждали. Все стало ясным: надо было оказать поддержку Петрограду, бросить все силы на вооруженное восстание в Москве.

Заседание было быстро завершено. Московский комитет постановил: «Поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из трех большевиков, меньшевика и эсера, красногвардейца, одного от штаба. Соотношение сил: 4 и 3» [200] (т. е. 4 большевика.— *И. М.*).

В постановлении Московского комитета подчеркивалась необходимость закрепить влияние в гарнизоне. «Работа Военной организации продолжается,— отмечалось в постановлении МК.— Поручается военному бюро поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без Совета не подчиняются».

Тут же были намечены большевистские кандидаты в состав Военно-революционного комитета.

Сразу же без прений было принято решение о боевом центре партии в том виде, как это было согласовано на утреннем объединенном заседании трех комитетов: «Составляется [из] 7 : два из МК, два из областного бюро, один из окружного комитета, один из профсоюзов, один из военного бюро». В состав боевого центра партии вошли: от Московского комитета — М. Ф. Владимирский и И. А. Пятницкий, от областного бюро — И. Н. Стуков и В. Н. Яковлева [201], от Московского окружного комитета — В. И. Соловьев, от Центрального бюро профессиональных союзов — Б. Г. Козелев, от военного бюро при МК — Е. М. Ярославский. Кандидатами в члены советского центра были избраны: от областного бюро — И. С. Кизельштейн, от окружного комитета — Т. В. Сапронов [202].

Только что избранный партийный центр немедленно приступил к работе.

Что же нужно было делать? Если ждать, пока соберется пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов и изберет свой орган — Военно-революционный комитет, то пройдут часы, а события стремительно развивались. Если Ногин успел передать телефонограмму из Петрограда, то официальные власти, которые имели доступ к телефону и телеграфу, несомненно, уже узнали о событиях в столице и, следовательно, немедленно примут меры против восстания, усилят охрану почты, телеграфа, вокзалов. Позволить сделать это только потому, что еще нет решения Совета, значило упустить драгоценное время, дать противнику захватить инициативу, что могло принести много лишних жертв восставшим. Уже теперь становилась ясной ошибка, выразившаяся в запоздании организации штаба восстания — Военно-революционного комитета. В Петрограде Военно-революционный комитет был создан заранее, но москвичи этот опыт не учли.

Партийный центр, исходя из того, что за большевиками идет подавляющее большинство обоих Советов (только на вчерашнем пленуме Со-

---

[200] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 252.

[201] На дневном заседании областного бюро было решено: «Ввиду отсутствия Осинского и Ломова представителями областного бюро в партийный центр избираются Стуков и Яковлева, а кандидатом к ним — Кизельштейн» («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 253).

[202] На следующий день экстренное заседание Московского городского комитета, областного бюро и Московского окружного комитета утвердило членом партийного центра В. П. Подбельского («Октябрь в Москве», стр. 317).

ветов большевики получили почти четырехкратное большинство), решил взять на себя осуществление срочных мер и прежде всего занять почту и телеграф. Это было поручено А. С. Ведерникову и А. Я. Аросеву. Им было выдано удостоверение: «Московский комитет, областной комитет, окружной комитет и Военная организация при МК РСДРП поручают тт. Ведерникову и Аросеву предпринять все необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны» [203]. Ведерников и Аросев тотчас же направились в Покровские казармы, где размещались штаб и два батальона 56-го запасного пехотного полка [204]. В штабе они застали заседание полкового комитета. Ведерников рассказал о событиях в Петрограде. Офицеры — члены полкового комитета — высказались против выступления и потребовали продолжать заседание. Но рядовые члены комитета покинули заседание и спешно направились в казармы. Через 15 мин. две роты (11-я и 12-я) двинулись выполнять боевой приказ. К 3 час. дня солдаты подошли к почтамту и Центральному телеграфу на Мясницкой, заняли все входы и выходы и расставили караулы [205]. Насколько предусмотрительно поступил партийный центр, можно судить по тому, что вскоре после занятия почтамта и телеграфа революционными частями сюда подоспели юнкера. Солдаты взяли ружья на изготовку. Офицер увел отряд юнкеров.

Одновременно солдаты заняли междугородную телефонную станцию. Но Центральная телефонная станция в Милютинском переулке не была занята. Кроме того, на почтамте и телеграфе установили только наружный караул. Контроля за работой телеграфа не было. Этим воспользовались служащие телеграфа, умышленно задерживавшие телеграммы Советской власти и передававшие телеграммы контрреволюционеров. Контрреволюция в Москве беспрепятственно пользовалась главным телеграфом. Даже 27 октября 1917 г. после полудня старший адъютант штаба Московского военного округа говорил по прямому проводу со Ставкой и сообщил, что на почтамте дежурят «две роты большевистских войск, но не допущены в аппаратную и внутренние помещения» [206]. Осажденное в Зимнем дворце, низложенное Временное правительство связывалось через Ставку с Москвой [207].

Пока происходило занятие почтамта и телеграфа, партийный центр развивал свою деятельность. В районы в 12 час. дня была разослана телефонограмма № 1: «Борьба за власть в Петрограде началась.

Правительство сопротивляется. Город в руках революционного центра.

Московским Советом принимаются соответствующие меры.

Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из центра никаких действий не предпринимать. Восстановить дежурства круглые сутки членов исполнительного комитета.

Созвать пленарное собрание Совета по возможности быстро, в крайности завтра 26/X.

---

[203] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 283—284.

[204] Остальные подразделения 56-го запасного пехотного полка располагались: 1-й батальон и 8-я рота 2-го батальона — в Кремле, остальные роты 2-го батальона — в Замоскворечье.

[205] «Пролетарская революция», 1927, № 12, стр. 173.

[206] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 214—214 об.

[207] Там же, л. 92.

Сегодня в 3 часа пленум Центрального Совета в Политехническом музее. Присутствие членов Центрального Совета рабочих и солдатских депутатов обязательно всем» [208].

Партийный центр постановил усилить охрану Московского городского комитета партии и Московского Совета рабочих депутатов. Было решено установить охрану у Политехнического музея, где было назначено объединенное пленарное заседание Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. К зданию Московского Совета вызвали батальон самокатчиков, а к Политехническому музею — 100 самокатчиков.

Члену партийного центра В. И. Соловьеву поручили закрыть буржуазные газеты [209]: это рекомендовал Ленин в своих письмах о восстании. На следующий день не вышли газеты «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости» и «Раннее утро». Они не выходили до 8 ноября 1917 г.

Партийный центр принял меры к тому, чтобы обезопасить Москву от присылки правительственных войск из других гарнизонов области, а также закрыть доступ войскам с фронта. Он обратился с просьбой в областное бюро, связанное со всеми губерниями Центрального промышленного района, отправить немедленно своих представителей в Орел и Брянск, чтобы «создать из этих городов оборонительные пункты на случай наступления на Москву, не присылая в Москву никаких подкреплений» [210]. Кроме того, партийный центр просил командировать кого-либо в Александров за ручными бомбами. Областное бюро немедленно направило своих представителей выполнять это поручение: члена областного бюро М. П. Янышева — в Александров, а В. Н. Максимовского — в Орел и Брянск. В Смоленск был направлен находившийся в Москве член смоленского землячества, председатель Смоленского Военно-революционного комитета С. С. Иоффе. Секретарю областного бюро поручили инструктировать приехавшего из Тулы большевика Ф. М. Бундурина, ставшего членом Тульского Военно-революционного комитета.

Областное бюро также постановило разослать по области давно заготовленные условные телеграммы: в Иваново-Вознесенск — «Высылаем сегодня», во Владимир — «Докладчик будет», в Орел — «Литературу пошлем», в Тверь — «Газеты высылаем» и т. п. У нас имеются сведения о 18 таких телеграммах, посланных партийным комитетам, и трех телеграммах Владимирскому, Костромскому и Нижегородскому Советам («Петрограде власть перешла Советам») [211]. Это простое перечисление дает, может быть, и неполное, но ясное представление о тесных связях Москвы с областью, и о том, какие боевые силы подготовлялись к восстанию.

Партийный центр поручил Московскому губернскому Совету рабочих депутатов, руководимому большевиками, предупредить о восстании все города Московской губернии. Днем губернский Совет разослал следующую телеграмму:

«Сегодня ночью петроградские рабочие и солдаты заняли все государственные учреждения, вокзалы, занимают и Зимний дворец. Временное правительство будет низложено, порядок в Петрограде полный. Крово-

---

[208] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 384.
[209] «Октябрь в Москве», стр. 319.
[210] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 254.
[211] Там же. В литературе называют 19 телеграмм, но это объясняется неточным подсчетом.

пролития не было. В Москве Советы принимают меры к взятию всей власти» [212]. В телеграмме указывались следующие меры для немедленного осуществления: создать на местах революционные комитеты — «пятерки», берущие всю власть; образовать там, где ее нет, Красную гвардию, реквизировав для ее вооружения от имени Совета все частное оружие; организовать охрану телеграфа, телефона; охранять казначейство и станции; подчинить себе милицию, а если необходимо, то разоружить ее; строжайше охранять винные и пивные склады; установить в Советах постоянное дежурство их членов.

Советам рекомендовалось обеспечить тесную связь с войсками, а о ненадежных, не согласных с выступлением частях сообщить губернскому Совету. «Вместе с тем,— гласила телеграмма,— губернский Совет рабочих депутатов настаивает, чтобы работы на заводах ни в коем случае не прекращались. Соблюдение порядка — главный залог удачи и сохранения победы».

Этот пункт показывал, что организаторы восстания заботились о широких массах населения: прекращение работы на заводах, фабриках и других предприятиях могло отрицательно сказаться на интересах народа. Забота о порядке и спокойствии вызывалась и тем, что последние недели буржуазная и мелкобуржуазная пресса непрестанно запугивала хаосом, анархией, беспорядками, которые якобы неизбежно наступят, если начнется восстание и власть перейдет к Советам.

По указанию партийного центра к вечеру 25 октября отряды Красной гвардии и солдаты заняли почти все вокзалы и Государственный банк [213].

Одно перечисление всех решений, принятых партийным центром, свидетельствует о том, что большевики Москвы готовились к восстанию давно и заранее разработали соответствующие меры.

Военно-революционный комитет — орган власти Советов

Днем 25 октября (не ранее 2 час.) состоялось заседание бюро всех фракций Московского Совета рабочих депутатов [214]. На нем присутствовали московский городской голова В. В. Руднев и командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев. Оба они категорически опровергали сведения В. П. Ногина о положении дел в Петрограде. Руднев сообщил о своих переговорах с министром внутренних дел осажденного в Зимнем дворце Временного правительства А. М. Никитиным, который отрицал сведения о занятии правительственных органов. Рябцев заявил, что по его более поздним данным Временное правительство не арестова-

---

[212] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 384—385. Имеются разночтения с телеграммой, опубликованной в сборнике «Триумфальное шествие Советской власти» (ч. 1, стр. 267—268).

[213] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 274.

[214] Точных данных о времени этого заседания в литературе нет, имеются лишь косвенные. Во-первых, на пленуме обоих Московских Советов, открывавшемся в 6 час. вечера, меньшевик И. А. Исув говорил, что бюро всех фракций заседало «пару часов тому назад» («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 256); во-вторых, на заседании бюро фракций В. В. Руднев сообщал о своих переговорах с Петроградом, которые проходили в час дня («Исторический архив», 1960, № 6, стр. 42).

но; силы сторон мобилизованы, но ни та, ни другая сторона якобы не решается сделать первый шаг. Рябцев добавил, что к Петрограду подходят две или полторы верные правительству дивизии, что руководит ими армейский комитет и что они уже находятся под столицей [215]. Выступления Руднева и Рябцева явно были рассчитаны на запугивание большевиков.

В конце заседания была создана комиссия, которая внесла следующее предложение, заранее подготовленное меньшевиками и эсерами: «Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контрреволюционных сил в Москве образуется временный демократически-революционный орган, составленный из представителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городских и земских самоуправлений, Всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа» [216].

Эсеры и меньшевики попытались повторить то, что безуспешно испробовали их коллеги в Петрограде: обмануть народные массы видимостью уступок и тем отколоть их от большевиков. Всего сутки назад в Петрограде поздно вечером 24 октября доживший свои последние часы Предпарламент принял эсеро-меньшевистскую резолюцию, осуждавшую восстание, но одновременно призывавшую Временное правительство издать декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительно выступить с предложением начать мирные переговоры. С этой резолюцией лидеры эсеров и меньшевиков Н. Д. Авксентьев, А. Р. Гоц и Ф. И. Дан помчались в Зимний дворец уговорить Керенского принять предложение. Как уверял Дан, оно необходимо, чтобы ослабить влияние большевистской пропаганды, «вырвать почву из-под ног большевизма» и создать перелом в настроении масс [217].

Московские соглашатели знали об этом маневре и решили пойти еще дальше. Их маневр сводился к тому, чтобы не допустить передачу власти Советам: создать орган власти, в котором Советы потонут — войдут в новый орган власти, наряду с другими организациями, по виду демократическими, но на деле поддерживающими Временное правительство. В проектируемый орган не должны были входить официальные представители власти.

Резолюция эсеров и меньшевиков не обсуждалась и не голосовалась. Большевики заявили, что передадут ее на обсуждение своей фракции. Разумеется, такого заявления было недостаточно; надо было высказать свое отрицательное отношение к этому предложению, если оно и не обсуждалось. Этим воспользовались эсеры и меньшевики и в тот же вечер на пленуме Советов упорно старались доказать, будто большевики согласились с их предложением. На самом пленуме член Московского городского комитета РСДРП(б) Н. С. Ангарский опроверг эту инсинуацию: «Эта резолюция, которая предлагалась и которая вновь предлагается, она принципиально в своей общей части не обсуждалась и была снята, и нами было предложено передать этот вопрос на решение фракции» [218].

---

[215] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 256.
[216] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 26 октября 1917 г.
[217] Подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 1056—1058.
[218] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 264.

На том же пленуме большевики вторично протестовали против заявления меньшевиков и эсеров, будто соглашательское предложение было принято единодушно, т. е. и большевиками, ибо «голосования не было» [219].

В 6 час. вечера в Большой аудитории Политехнического музея открылся пленум Московских Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов. Присутствовало более 600 человек. Все были необычайно встревожены. В кулуарах обменивались противоречивыми сведениями. Каждую минуту подходили депутаты и приносили новости.

Собрание открыл П. Г. Смидович. В кратком вступительном слове он заявил, что речь пойдет о власти. «Наш Совет неоднократно уже формулировал своим большинством,— говорил Смидович,— что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [220]. Он призывал всех осознать значение этого вопроса, понять ответственность каждого перед русским народом, перед русской историей. Заканчивая свое выступление, Смидович подчеркнул: «Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра в Москве». В качестве председателя он предложил такой порядок дня: заслушать информацию о событиях, затем разойтись по фракциям, чтобы выработать план организации этой власти. Он призвал «принять единогласно план организации этой власти».

Пленум приступил к заслушанию информации. Н. И. Муралов рассказал о сведениях, полученных из Петрограда. Сразу после него от эсеров выступила Е. М. Ратнер и от меньшевиков — И. А. Исув, рассказавшие о тех сведениях, которые они слышали от Руднева и Рябцева на заседании бюро фракций. Представитель почтово-телеграфного союза заявил, что по сведениям, полученным в 1 час. дня, почта и телеграф в Петрограде якобы еще не были заняты, а их сотрудники стоят за Временное правительство.

Чувствовалось, что соглашатели хотят повлиять на депутатов, уверить, что большевики вводят их в заблуждение.

В ответ на стремление создать сумятицу и неуверенность от большевиков выступил А. С. Ведерников, чтобы ознакомить с настроением служащих недавно занятого телеграфа и почты Москвы. Тут ему учинил форменный допрос лидер меньшевиков Исув. Исполком Советов не посылал занимать почту и телеграф, говорил он, от чьего имени вы действовали? Занимая почту, заявили ли вы, что нет еще мнения Совета? Ведерников рассказал, как обстояло дело: «В такой тревожный момент у нас не было никакой власти, не было ни Советов, ни исполнительных комитетов, которые мы не могли собрать. Нам пришлось действовать самостоятельно». Под бурные аплодисменты Ведерников закончил: «Теперь

---

[219] Там же, стр. 266. Возможно, Ангарский выступал еще раз, ибо в стенограмме о нем записано: «...уже заявлял перед перерывом и прошу занести это в протокол...». В советской литературе было высказано мнение, будто большевики голосовали за эсеро-меньшевистское предложение. И. А. Пятницкий объяснял это тем, что большевики не знали о решении МК, ибо бюро фракций заседало в то же время, что и Московский комитет («Коммунистический Интернационал», 1933, № 31, стр. 24). Но в 1963 г. была полностью опубликована стенограмма пленума, откуда мы взяли новые данные («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 255—266).

[220] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 255.

я думаю и надеюсь, что Советы рабочих и солдатских депутатов утвердят эти действия и признают их правильными, что нужно было сделать в это военное время» [221].

Горячая поддержка аудиторией выступления Ведерникова и сами его объяснения были настолько убедительны, что даже меньшевики предложили считать инцидент исчерпанным.

После перерыва, в течение которого проходили совещания фракций, начались прения. Представитель большевиков внес следующий проект резолюции: «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из семи лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Советов рабочих и солдатских депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского СР и СД» [222].

Вслед за большевиками с декларацией от эсеров выступила Ратнер. Эсеры призывали, как это они делали в течение всей революции, отложить вопрос о власти до Учредительного собрания. Как и раньше, они пугали «правой опасностью»: контрреволюция воспользуется расколом, который вызовет выступление рабочих и солдат. Эсеры полностью поддерживали резолюцию бюро фракций о создании общедемократического органа [223].

Исув, выступив от меньшевиков, также повторял старые доводы об опасности справа и изоляции пролетариата. Важно отметить, что в своей борьбе против восстания меньшевики использовали аргументы Троцкого, предлагавшего отложить восстание до II съезда Советов. Исув дважды ссылался на Троцкого. «Вы слепы,— говорил Исув,— даже гораздо больше, чем ваши единомышленники в Петрограде. Ибо если там Троцкий категорически заявил «мы власти не захватываем», если там происходит съезд Советов, если там происходит общий Совет и не произойдет развал, то это будет голос наших советских организаций» [224]. Предлагая голосовать за формулу меньшевиков и эсеров, принятую бюро фракций, о создании общедемократического органа, Исув добавил: «Если мы это скажем, тогда, товарищи, мы будем сильны и даже с вашей точки зрения, если вы, сторонники захвата власти Советами, выждете решения съезда Советов». Так меньшевики раскрыли гибельный для революции смысл требования Троцкого отложить вопрос о власти до съезда Советов. Позиция Троцкого стала, таким образом, позицией меньшевиков.

Лидер московских меньшевиков откровенно раскрыл в своем выступлении смысл соглашательского маневра с общедемократическим органом, который противопоставлялся Военно-революционному комитету. «Вместе с тем для нас ясно,— говорил Исув,— что и сейчас, до Учредительного собрания, та власть, которая есть, не соответствует потребностям новой России. Она при данных условиях не может оставаться. Значит для нас выход ясный, нам нужно не говорить о захвате власти отдельными груп-

---

[221] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 257.
[222] «Октябрь в Москве», стр. 321.
[223] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 260.
[224] Там же, стр. 262.

нами, хотя бы и революционными, но все-таки меньшинством народа, а создать общую демократическую власть без цензовых элементов» [225].

Меньшевики соглашались на любые уступки, только бы не допустить восстания. Так же было и в корниловские дни: когда революционная волна грозила смести соглашателей с политической сцены, они объявили, что согласны на создание власти без цензовых элементов, но уже через день-два, когда угроза миновала, снова горой стояли за соглашение с буржуазией.

Представитель фракции объединенцев В. Я. Ясенев заявил, что они «должны пойти с теми рабочими, солдатами и крестьянами, которые поддерживают Петроград» [226] и примут участие в создании революционного органа власти. Но он рекомендовал ввести в него наряду с представителями Центрального бюро профессиональных союзов представителей городских дум, земств, железнодорожного союза, т. е. по существу высказался за эсеро-меньшевистское предложение.

С каждой минутой нарастало напряжение на пленуме. Все яснее и отчетливее определялось, кто за восстание, а кто остается по ту сторону революционных баррикад. Фракция эсеров начала таять: многие ее члены торопились на заседание городской думы.

Большевики внесли предложение перед голосованием произвести подсчет присутствующих. «Не надо забывать,— говорил председательствовавший в тот момент Е. Н. Игнатов,— что настоящее заседание историческое, и кто присутствовал и решал судьбу, нам важно это знать» [227]. Эсеры и меньшевики всполошились: они явно старались уйти от ответственности. Д. А. Черепанов, выступая от эсеров, сказал, «что совершенно не интересно, сколько здесь присутствует с.-р., а важно то, что от всей фракции вам было сделано заявление, что эта фракция не принимает участия в голосовании» [228]. Ратнер заявила, что эсеры не могут идти в контакте с большинством Совета по такому важному и серьезному вопросу и не примут участия в голосовании. «Мы заранее предупреждаем,— подчеркнула она,— что мы оставляем за собой по этому вопросу свободу действий...» [229] Эсеры фактически порывали с Советом в важнейшем вопросе о власти и даже пытались угрожать ему.

Особенно обострилось положение, когда стали обсуждать, в каком порядке голосовать резолюции. Меньшевики настаивали на том, чтобы прежде всего голосовалась резолюция бюро фракций о создании общедемократического органа. При этом Исув, ранее утверждавший, что она была принята якобы и большевиками, теперь признал, что это было не так, что она была только оглашена: «Бюро, которое обсудило и решило, что мы ее только оглашаем и потом устраиваем перерыв. Вот как обстояло дело в бюро». Собрание с его предложением не согласилось.

Поздно ночью пленум Советов перешел к голосованию резолюций. Первой голосовалась резолюция большевиков. В притихшем зале председатель огласил результаты: большевистская резолюция получила 394 голоса, 106 против и 23 воздержались. За резолюцию меньшевиков

---

[225] Там же, стр. 261—262.
[226] Там же, стр. 260.
[227] Там же, стр. 265.
[228] Там же, стр. 266.
[229] Там же.

голосовало 113 человек, в том числе объединенцы и часть беспартийных, и 376 против [230]. Эсеры не участвовали в голосовании. Таким образом, большевиков поддержало почти $^4/_5$ участвовавших в голосовании.

После перерыва меньшевики выступили с декларацией. В ней говорилось, что они не отказываются участвовать в революционном комитете, но, подчеркивали меньшевики, мы «войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы» [231].

Пленум Советов приступил к избранию Военно-революционного комитета. В его состав вошли 7 членов и 6 кандидатов. Членами ВРК были избраны: от большевиков — артиллерийский прапорщик, член Военного бюро при МК В. М. Смирнов; солдат Московского гарнизона, член Военного бюро при МК Н. И. Муралов; член партии с 1908 г., направленный в Москву после Апрельской конференции, Г. А. Усиевич; член Центрального Комитета и Московского областного бюро А. Ломов (в это время находился на II съезде Советов, откуда вернулся в Москву 27 октября); от меньшевиков — М. И. Тейтельбаум и М. Ф. Николаев; от объединенцев — И. К. Константинов. Кандидатами в члены ВРК были избраны: от большевиков — прапорщик А. Я. Аросев; солдат 5-й мастерской 2-й запасной автомобильной роты П. Н. Мостовенко; солдат 55-го запасного пехотного полка С. Я. Будзынский; заместитель председателя Московского Совета А. И. Рыков (делегат II Всероссийского съезда Советов, на котором его избрали народным комиссаром внутренних дел, остался в Петрограде); от меньшевиков-объединенцев — Л. Е. Гальперин и В. Я. Ясенев [232].

То, что в состав ВРК были допущены меньшевики, являлось ошибкой, ибо они сами заявили, что входят в Военно-революционный комитет для борьбы с большевиками. Присутствие меньшевиков и объединенцев ослабляло боеспособность Военно-революционного комитета. Такая же ошибка повторилась и в некоторых районах. Она была исправлена только в ходе вооруженной борьбы с контрреволюционными мятежниками.

Вновь избранный Военно-революционный комитет направился в здание Моссовета и немедленно приступил к работе. Здесь же работал и партийный боевой центр.

---

[230] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 266.

[231] Там же, стр. 267.

[232] «Октябрь в Москве», стр. 322. В соответствии с решением пленума Московских Советов нередко без согласования с партийным центром и без утверждения пленумом в состав Военно-революционного комитета позже был введен ряд других большевиков, среди них начальник Красной гвардии А. С. Ведерников, члены исполкома Московского Совета рабочих депутатов П. Г. Смидович и Е. Н. Игнатов, от профсоюзов — М. В. Рыкунов, П. И. Кушнер и Г. Н. Мельничанский (по другим сведениям, он являлся кандидатом), от солдат — Н. П. Плеханов, С. А. Савва-Стельняк, П. К. Штернберг и левый эсер Ю. В. Саблин (подробнее об этом см.: «Московский Военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 года». М., 1968, стр. 272—273).

Состав ВРК требует дальнейшего уточнения. Так, Э. В. Рожен (Андреев) считает, что Ю. В. Саблин был членом штаба ВРК, а не самого ВРК. Хотя по протоколу ВРК от 28 октября 1917 г. он был утвержден членом ВРК (см. в той же книге, стр. 72), но сам протокол, по заявлению секретаря А. А. Додоновой, составлялся по памяти уже после победы Советской власти в Москве, и в нем имеется ряд неточностей («Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 190, 192).

В резолюции пленума Советов о создании ВРК нет указания о передаче ему власти (хотя речь об этом шла на пленуме), не говорится в ней и о начале вооруженного восстания. На этом основании в исторической литературе высказывается мнение, что образование Московского ВРК еще не означало перехода к восстанию. Но ведь в резолюции ясно и определенно сказано, что созданный ВРК «начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Всем было известно, что в Петрограде вооруженное восстание уже началось и успешно развивается. Оказать ему всемерную поддержку значило не что иное, как присоединиться к нему, т. е. также вступить на путь восстания с целью взятия власти. Докладывая об этом решении пленума Советов на заседании исполкомов обоих Советов 7 ноября, Г. А. Усиевич так оценил резолюцию от 25 октября: «Подавляющее большинство Совета стало на точку зрения, на которую только могла встать революционная демократия: не ждать, пока наши петроградские братья будут разбиты, поддержать их всеми силами, которые у нас имеются, и помочь им одержать победу, чтобы власть Советов была распространена по всей России. Эту линию поддержало большинство Советов» [233].

Это хорошо понимали все противники революции. Эсеры выпустили 26 октября экстренный выпуск своей газеты с аншлагом «Восстание большевиков» [234]. Буржуазная пресса так же оценила создание ВРК. «Этим актом избрания революционного комитета,— писала газета «Утро России»,— Совет рабочих и солдатских депутатов положил начало вооруженному восстанию в Москве и захвату местной власти» [235].

Переход власти к Советам был настолько очевидным фактом, что американский генеральный консул в Москве Саммерс в телеграмме, посланной в США 8 ноября (26 октября) 1917 г., сообщал: «Революционная партия во главе с Советом рабочих и солдатских депутатов, поддержанная гарнизоном, взяла власть в Москве, включая почту, телефон. Закрыты все консервативные газеты. Все произошло относительно спокойно» [236].

Вопреки сопротивлению меньшевиков Военно-революционный комитет с первых своих шагов начал действовать как орган революционной власти. На первом же заседании ВРК совместно с партийным центром (в ночь на 26 октября) было принято и немедленно сообщено в районы распоряжение «собраться и избрать революционный центр в районе, определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в Совете и партии» [237].

По гарнизону был разослан приказ о приведении всех частей в боевую готовность («каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета» и исполнять

---

[233] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 448.
[234] «Труд», 26 октября 1917 г.
[235] «Утро России», 8 ноября 1917 г.
[236] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I. Washington, 1931, p. 226.
[237] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 21. Возможно, что эта телефонограмма, как и приказ по гарнизону, была составлена еще в Политехническом музее, где заседал пленум Московских Советов.

приказы и распоряжения, исходящие только от ВРК или скрепленные его подписью) [238].

Солдаты гарнизона сразу отозвались на этот приказ. Так, С. Я. Будзынский, выбранный солдатами командиром 55-го запасного пехотного полка, расположенного в Замоскворечье, 25 октября привел к Московскому Совету 1500 солдат, но бóльшая их часть была возвращена в казармы [239].

Военно-революционный комитет подготовил четыре воззвания к трудящимся Москвы (они были опубликованы уже 26 октября), написанные ясным, доходчивым языком. Для каждой группы трудящихся авторы воззваний находили доводы, затрагивающие их особые, специальные интересы.

В обращении к солдатам Военно-революционный комитет напомнил о затягивании войны Временным правительством, его отказе передать землю крестьянам. «Хотите ли вы, чтобы вся земля немедленно и бесповоротно перешла к народу? — говорилось в обращении.— В таком случае поддержите Петербургский Совет. Хотите ли вы, чтобы развернулась решительная революционная борьба против подлой, преступной войны? В таком случае поддержите ваши Советы, эти органы народной революции» [240].

В обращении к крестьянам Военно-революционный комитет писал: «Временное правительство, в котором ваши враги находили опору, низложено.

Теперь в Петербурге нет помех тому, чтобы земля возвратилась к народу.

Но пусть же петербургская победа будет всероссийской победой народного дела...

Не допускайте же, чтобы помещики посредством голода опять отняли у вас землю и власть!» [241]

В обращении к железнодорожникам Военно-революционный комитет напоминал о той роли, которую они сыграли в разгроме корниловщины, и призвал их не допускать «калединско-корниловских подкреплений до петербургских и других укрывателей и покровителей корниловщины» [242].

Почтово-телеграфных работников ВРК предупреждал, что революции грозит опасность: «Смертельный удар революции хотели нанести те самые силы, которые больше полгода выматывали из вас душу пустыми посулами и нескончаемыми оттяжками» [243].

Работникам почты и телеграфа рекомендовалось задерживать телеграммы и сообщения контрреволюционеров, все подозрительные документы передавать Советам.

---

[238] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 22. Помимо публикации в газетах, приказ был напечатан плакатом тиражом 100 тыс. экземпляров. Это говорит о том, что он был рассчитан не только на гарнизон Москвы.

[239] ГАМО, ф. 180, оп. 3, д. 222, л. 124. Факт этот подтверждает О. М. Берзин, назначенный в ночь на 26 октября комиссаром по выдаче оружия из Кремлевского арсенала и ставший комендантом Кремля. Он писал, что ВРК отослал полк обратно в казармы, «не дав определенного поручения» (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 517, л. 25). Правда, Берзин отмечал, что полк был приведен к Московскому Совету 26 октября.

[240] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 388.

[241] Там же, стр. 390—391.

[242] Там же, стр. 389.

[243] Там же.

Указанные обращения были образцами революционной агитации, направленной на вовлечение широких масс в восстание и обеспечение за собой важных средств связи и транспорта.

Развертывая всестороннюю организационную работу, Военно-революционный комитет одновременно создавал свой аппарат, в чем очень полезным оказался опыт работы в Советах. Поздно вечером 25 октября уже была создана комиссия по организации районных органов Военно-революционного комитета. Комиссия состояла из сотрудников соответствующего отдела Московского Совета рабочих депутатов. Вечером и всю ночь 25 октября комиссия рассылала в районы телефонограмму, подписанную уполномоченным Военно-революционного комитета, членом исполкома Московского Совета рабочих депутатов С. Е. Богровым. В ней предлагалось наметить районных комиссаров и сообщить их фамилии для утверждения Военно-революционным комитетом. Каждому районному комиссару предписывалось немедленно разослать комиссаров во все войсковые части, в милицию, на почту и телеграф, организовать при помощи Красной гвардии охрану района [244]. Уже 25 октября комиссарами были утверждены старый большевик, член райкома и исполкома районного Совета С. Д. Фельдман (Замоскворецкий район); старый большевик, член райкома и исполкома районного Совета Н. Н. Прямиков (Рогожский район); член Московского городского комитета РСДРП(б) врач И. В. Русаков (Сокольнический район). 26 октября комиссарами были утверждены И. М. Голубев (Басманный район); член партии с 1907 г., член райкома РСДРП(б) и исполкома районного Совета А. С. Савельев (Шелехес) (Хамовнический район); старый большевик А. С. Гусев (Железнодорожный район); секретарь Городского райкома РСДРП(б) В. Д. Тверитин (Городской район); М. А. Розенштейн (Лефортовский район); И. Г. Слесарев (Пресненский район); Н. К. Гончаров (Симоновский район); А. А. Кольцов (Сущевско-Марьинский район); Е. Е. Ефремов (вскоре по болезни замененный С. Е. Богровым-Сергеевым) (Бутырский район); член партии с 1906 г. Г. И. Самарин (Алексеевский подрайон); член Московского Совета рабочих депутатов А. Н. Телешев (Дорогомиловский подрайон).

Таким образом, в первые же сутки восстания комиссары были назначены почти во всех районах города и в ряде подрайонов. В других подрайонах комиссары были назначены 27 октября: Я. Шляпников (Всехсвятский подрайон) и И. Р. Стефашкин (Мызораевский подрайон). В ночь на 28 октября был назначен Е. Л. Афонин (Петровский подрайон) [245].

Уже 26 октября была принята и на следующий день опубликована инструкция районным комиссарам ВРК, в которой указывалось:

1) комиссар назначается и увольняется распоряжением ВРК по предложению районного Совета или непосредственно;

2) районный комиссар — высший представитель комитета в пределах района;

3) комиссар имеет право назначать и увольнять комиссаров по различным отраслям гражданского управления районов; занимать в порядке реквизиции для нужд революции частные, правительственные и общест-

[244] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 25—26.
[245] Там же, стр. 31, 32, 273—275.

венные помещения, а также средства передвижения и телефоны; представлять ВРК во всех местных учреждениях, как военных, так и гражданских; производить «в случаях исключительной срочности» аресты «с обязанностью немедленного сообщения о каждом данном случае в ВРК на предмет дальнейшей инструкции» [246].

Почти одновременно с комиссией по районам — ночью 25 октября — был организован Центральный боевой штаб на базе штаба Красной гвардии. В его состав вошли члены и кандидаты Военно-революционного комитета: А. С. Ведерников, А. Я. Аросев, на которых было возложено общее руководство военными операциями; В. М. Смирнов, ведавший артиллерией и организацией резервов; С. Я. Будзынский, отвечавший за связь с воинскими частями и районами. К работе в штабе были привлечены старые большевики и несколько военных: солдат 2-й автомобильной роты А. Д. Блохин, один из руководителей Красной гвардии Я. Я. Пече, Г. К. Голенко, Я. Э. Рудзутак, солдаты П. Ф. Федотов и Н. П. Плеханов, А. Л. Владимирский, юнкер Александровского военного училища В. П. Перлин, В. П. Янушевский. Начальником штаба был утвержден Я. М. Познанский — большевик, имевший опыт работы в армии, секретарь Центрального бюро профессиональных союзов Москвы. В штабе были созданы отделы: оперативный, разведки, по связи с войсковыми частями и Красной гвардией, по охране Московского Совета, по учету боевых сил (всего около 15 отделов), что превратило штаб в широко разветвленный, хорошо организованный боевой орган [247].

Штаб организовал охрану Московского Совета. Она состояла из солдат-двинцев [248] и артиллеристов с Ходынского поля, установивших у здания три пушки.

Утром 26 октября штаб ВРК усилил охрану почты и телеграфа, установленную в предыдущий день распоряжением партийного центра. Утром был послан отряд двинцев под командованием С. Я. Будзынского, чтобы захватить городскую телефонную станцию в Милютинском переулке и тем исправить ошибку отряда, который не занял ее 25-го. Однако взять станцию не удалось: ее уже успели занять юнкера, вооруженные несколькими пулеметами. В последующих боях это создало определенные преимущества силам контрреволюции. Небольшая недоработка плана (недостаточно было изучено расположение городских центров связи) в ходе боев обернулась в крупную неудачу для восставших.

---

[246] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября 1917 г. Небольшие разночтения оригинала с газетным вариантом отмечены в книге «Московский Военно-революционный комитет» (стр. 31).

[247] «Октябрь в Москве», стр. 150; «Московский Военно-революционный комитет», стр. 43—44.

[248] Двинцами называли революционных солдат Северного и Западного фронтов, арестованных в июльские дни за большевистскую агитацию и посаженных в тюрьму в Двинске. Большинство их были членами и председателями ротных и полковых комитетов в разных полках. 869 заключенных солдат были переведены из Двинска в Москву в Бутырки, где находились в заключении без предъявления им обвинения. В знак протеста солдаты объявили голодовку. Московский городской комитет большевиков возглавил кампанию за освобождение двинцев. Под давлением рабочих и солдат Московского гарнизона власти вынуждены были освободить их. Около 400 двинцев были расположены в Замоскворечье, в госпитале на Озерковской набережной, остальные — в Бутырском районе. В лице двинцев пролетариат Москвы имел верного боевого союзника.

Буквально в каких-нибудь день-два определилась структура Военно-революционного комитета Москвы как чрезвычайного органа исполнительной власти, наделенного распорядительными и военными функциями. Это еще раз говорит о том, какое значение имело для революции наличие готового аппарата власти в виде Советов, какой огромный опыт накопили большевики и рабочие массы в дни московской всеобщей стачки в августе 1917 г. и особенно в борьбе с корниловщиной [249].

Работа в Военно-революционном комитете, как и в партийном центре, шла непрерывно. Сюда поступали сведения из всех районов города, из городов области, с фронта. Скобелевская (ныне Советская) площадь была постоянно заполнена народом. На площади шли митинги. К зданию Моссовета подходили отряды, получали задания и отправлялись на их выполнение.

Отовсюду — из районных ВРК, из штабов Красной гвардии, из войсковых частей — звонили, присылали нарочных с требованием оружия. О недостатке оружия знали и до начала восстания. Достать оружие было предметом особых забот.

Вечером 25 октября Московский городской комитет партии, ВРК и Центральный штаб Красной гвардии созвали в гостинице «Дрезден» экстренное совещание представителей воинских частей и Красной гвардии. Выяснилось, что в Красной гвардии насчитывается до 10—12 тыс. бойцов, что на вооружении ее находятся около 1 тыс. винтовок, до 9 тыс. револьверов, 5 пулеметов, орудия, свыше 600 ручных гранат [250]. Представители с мест сообщали, что десятки тысяч рабочих и работниц желают вступить в Красную гвардию, но оружия не хватает. Представители гарнизона доложили, что запасные полки вооружены только на 20% и меньше [251].

Необходимо было срочно решить вопрос об оружии. Ввиду особого стратегического значения Кремля и Арсенала, где было сконцентрировано к тому же большое количество винтовок и пулеметов, было решено закрепиться в них.

Охрану Кремля несли 5 рот 56-го полка. Арсенал охраняла арсенальная команда. ВРК решил усилить гарнизон Кремля надежными частями. Остановились на 193-м запасном пехотном полку, стоявшем в Хамовнических казармах. Комиссаром Кремля был назначен Е. М. Ярославский, а комиссаром по выдаче оружия из Арсенала — прапорщик 8-й роты 56-го запасного полка большевик О. М. Берзин. Ярославскому поручили

---

[249] Помимо штаба с оперативными функциями и комиссии по районам, при Военно-революционном комитете были созданы: информационный отдел, в задачу которого входила организация своевременной и точной информации трудящихся Москвы и губернии о событиях в Москве, Петрограде, в других городах, на фронте, пропаганда первых декретов Советской власти, разоблачение лживых сообщений буржуазной печати; продовольственный отдел, ведавший делом продовольственного снабжения населения столицы; транспортный отдел, в функцию которого входили реквизиция и использование для нужд революции всех видов транспорта; юридическая комиссия, исполнявшая функцию следственных и судебных органов власти. Примерно такой же была структура и районных военно-революционных комитетов. Для организации службы связи и разведки широко привлекалась пролетарская молодежь столицы. Связисты и разведчики использовали все средства транспорта: велосипеды, мотоциклы, грузовики, трамваи и др.; позже, начиная с 30 октября, была налажена телефонная связь, а затем и радиосвязь.

[250] «Пролетарская революция», 1927, № 11, стр. 174.

[251] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 175.

привести одну из рот в Кремль. На рассвете 26 октября рота солдат 193-го полка вошла в Кремль, получила оружие и заняла караулы. Всем районным Советам было предложено направить в Кремль грузовики за оружием.

Первые три грузовика, на которых находились двинцы, прибыли в Кремль и быстро были нагружены винтовками. Закончив погрузку, машины направились к Троицким воротам, но ворота оказались закрытыми: их заперли снаружи подоспевшие рано утром 26 октября юнкера. По распоряжению Рябцева крупный отряд юнкеров блокировал выезды из Кремля.

Военно-революционный комитет знал о приготовлениях контрреволюции: об этом было известно и по поведению ее организаторов, и по сообщениям рабочих, видевших передвижения отрядов юнкеров ночью, и по донесениям разведчиков. Но задержка оружия, которое было затребовано официальным органом, избранным пленумом Советов, отмена его распоряжения говорили о том, что контрреволюционеры переходят к активным действиям. Военно-революционный комитет решил не допустить выступления контрреволюции, принять меры к подавлению ее сопротивления. Г. А. Усиевич тут же написал распоряжение, которое по телефону немедленно стали передавать в районы:

«Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать Военно-революционный комитет. На митингах, по фабрикам и заводам надо выяснить это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти Советов районов, занимать комиссариаты». Далее в телефонограмме приводились сообщения из Петрограда о низложении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета [252].

Призыв к активному выступлению был подхвачен массами.

26 октября на совместном экстренном заседании правлений всех профсоюзов Москвы был избран боевой революционный центр в составе 9 человек для оказания всемерной поддержки в организации и проведении вооруженного восстания в Москве [253]. В его состав вошли: Андреев, Б. Г. Козелев, П. И. Кушнер, Кошутин, Г. Н. Мельничанский, Мышкис, М. В. Рыкунов, Шуленков, Шалаев. «Девятка» выделила трех представителей в ВРК: Кушнера, Мельничанского, Рыкунова [254].

В своем воззвании к трудящимся Москвы Центральный совет профсоюзов, обращаясь к миллионной армии пролетариев Москвы и области, писал: «Настал великий час революции! Революционный пролетариат и армия в лице Советов взяли власть в свои руки». Отмечая, что борьба еще не закончена, что буржуазия и помещики выступают против рево-

---

[252] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 176. В книгах «Московский Военно-революционный комитет» (стр. 35), где этот документ перепечатан из «Красного архива», и «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» (стр. 386), где документ дан по подлиннику, начало распоряжения излагается несколько иначе: «Есть попытка задержать Военно-революционный комитет на митингах и фабриках, надо выяснить это положение...».

[253] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 393—394.

[254] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 184.

люционной власти, Московский совет профсоюзов призывал рабочих и работниц сплотиться вокруг революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, соблюдать величайший порядок и строжайшую дисциплину, бдительно охранять орудия производства, пути сообщения, предприятия, быть готовыми к активному выступлению по первому призыву ВРК [255].

С каким единодушием все профсоюзы поддержали ВРК, можно судить хотя бы по следующему факту. Полковник Рябцев потребовал от союза шоферов не предоставлять автомобили ВРК и подчиняться лишь распоряжениям штаба военного округа. Союз шоферов обсудил распоряжение Рябцева 27 октября. На заседании было заслушано обращение Центрального бюро профсоюзов, которое от имени 55 союзов, объединявших около миллиона рабочих, выражало надежду, что шоферы не посчитаются с распоряжением Рябцева. Союз шоферов постановил подчиняться только приказам ВРК [256].

Сложнее оказалось с воинскими частями. В Совете солдатских депутатов и в его исполкоме, как уже отмечалось, преобладали эсеры и меньшевики. Требование солдатских масс, отдавших почти все свои голоса большевикам на сентябрьских выборах в районные думы, переизбрать Совет солдатских депутатов не было выполнено. Вести перевыборы в день восстания было невозможно.

Видимо, еще утром 26 октября по всем воинским частям была разослана телефонограмма о свержении власти Временного правительства и о переходе власти к Советам. Подтверждением этому является донесение 5-го артиллерийского дивизиона: «Заслушав телеграмму ВРК от 26 октября за [почтовым] № 7526 о низвержении контрреволюционного правительства Керенского и переходе всей власти в руки Советов, с чувством восторга приветствуем ВРК и Всероссийский съезд Советов» [257]. Это донесение было типичным для настроения солдат гарнизона.

В тот же день, 26 октября пленарное заседание всех комитетов артиллерийской бригады высказалось за оказание полного доверия ВРК и подчинение только его распоряжениям. «Избран Военно-революционный комитет,— сообщалось в газете,— который фактически управляет бригадой» [258].

ВРК и партийный центр решили собрать 26 октября совместное собрание всех ротных комитетов войсковых частей. Руководили собранием Г. А. Усиевич и П. Н. Мостовенко.

Собрание почти единогласно (212 за, 1 против, 22 воздержавшихся) постановило: ротные комитеты признают единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов, будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного комитета, требуют слияния Советов и перевыборов их состава. Было также постановлено послать представителей к полковнику Рябцеву с требованием отвести юнкеров от Кремля и освободить осажденных солдат 56-го пехотного полка. В случае отказа ВРК должен принять самые решительные меры. Резолюция требовала немедленно вооружить рабочих и солдат [259].

---

[255] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 399—400.
[256] «Социал-демократ», 29 октября 1917 г.
[257] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 40.
[258] «Социал-демократ», 27 октября 1917 г.
[259] Там же.

Позже, 28 октября, на собрании ротных, полковых и бригадных комитетов по предложению Усиевича был избран «временный орган для контакта с ВРК». В его состав вошло 10 человек: солдат 2-й автомобильной роты А. Д. Блохин, солдат 55-го запасного пехотного полка С. Я. Будзынский, двинец Н. Кудрин, солдат 5-й мастерской 2-й запасной автомобильной роты П. Н. Мостовенко, солдат И. Нахгальцев, солдат 251-го запасного пехотного полка П. С. Пальгунов, солдат из команды охраны Кремля Н. П. Плеханов, солдат 85-го запасного пехотного полка С. А. Савва-Степняк, В. Усаков и офицер В. В. Артишевский [260]. «Десятке», как именовали комитет, давались все полномочия по руководству воинскими частями вплоть до переизбрания исполкома Совета солдатских депутатов. «Десятка» обратилась к Московскому гарнизону с призывом подчиняться только распоряжениям ВРК, распоряжений же штаба Московского военного округа и Комитета общественной безопасности не признавать. Под воззванием стояла подпись: «Временный орган Совета солдатских депутатов» [261].

Приказом Военно-революционного комитета 26 октября эсер-максималист, позже большевик, член исполкома Московского Совета рабочих депутатов, один из руководителей профсоюза московских почтово-телеграфных служащих С. Л. Пупко был назначен комиссаром милиции Москвы [262].,

Военно-революционный комитет всемерно стремился обеспечить безопасность населения. Напряженным положением в городе пытались воспользоваться бандитские элементы. Контрреволюция со своей стороны прибегала к таким мерам, как организация грабежей, нападение на винные склады. Контрреволюционеры неоднократно пытались устраивать погромы, спаивать неустойчивых, несознательных людей и натравливать их на революционные учреждения и революционных руководителей. ВРК через газеты и объявления, расклеенные по улицам, строго предупреждал, что «всякая попытка погрома, всякая попытка грабежа и буйства будет подавлена самыми беспощадными мерами» [263]. ВРК призывал районные Советы всеми мерами охранять склады спирта, а жителей — задерживать пьяных. Надо отметить, что решительные меры, принятые Центральным и районными военно-революционными комитетами, обеспечили на улицах революционной Москвы несравненно бóльшую безопасность, чем до восстания. Об этом свидетельствуют донесения в революционные органы власти.

Вечером 26 октября на расширенном заседании ВРК совместно с представителями районов был утвержден общий план наступательных операций:

«1. Все военные действия направляются к одному центру.

---

[260] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 123.

[261] «Социал-демократ», 29 октября 1917 г. В инструкции по перевыборам Совета солдатских депутатов (состоявшимся уже после подавления мятежа юнкеров), утвержденной на общем собрании представителей полковых, ротных, бригадных и командных комитетов Московского гарнизона, по предложению Саввы-Степняка было записано: «Подтвердить постановление от 28 октября, что Совет солдатских депутатов прежнего состава с его Исполнительным комитетом и президиумом считать упраздненными» («Социал-демократ», 8 ноября 1917 г.).

[262] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 38. Максималисты — отколовшаяся от эсеров левая группа, близкая по взглядам к анархистам.

[263] «Социал-демократ», 27 октября 1917 г.

2. Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3. Не упускать из виду, что тыл для районов не безопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4. Действовать решительно и энергично.

5. Наивозможно меньшее пролитие крови.

6. Охрана безопасности населения» [264].

ВРК принимал меры по установлению регулярной связи с Петроградом. Об успешном восстании в столице уже знали из телеграммы В. П. Ногина и В. П. Милютина, присланной 25 октября. Утром 26 октября из Москвы в Петроградский ВРК была послана телеграмма: «Каково положение в Петрограде и на фронте, что происходит на съезде Советов? Каково постановление съезда об организации власти? Московский Военно-революционный комитет» [265]. На телеграмме имеется резолюция члена Петроградского ВРК М. М. Лашевича: «Сообщить по прямому проводу».

В документе нет сведений о том, было ли выполнено это поручение, но известно, что 26 октября в 8 час. 45 мин, утра в Москве была получена следующая радиограмма Петроградского ВРК [266]: «Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшего против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное правительство, прошел бескровно. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов торжественно приветствовал совершившийся переворот и признал впредь до создания правительства Советов власть Военно-революционного комитета» [267]. Петроградский ВРК сообщил программу новой власти: немедленное предложение демократического мира, немедленная передача помещичьих земель крестьянам, передача всей власти Советам и созыв Учредительного собрания. ВРК призвал все армейские комитеты и Советы солдатских депутатов бдительно следить за поведением командного состава и не допускать отправки с фронта ненадежных частей на Петроград.

В московских газетах, вышедших 26 октября, имелась информация о событиях в столице. Несмотря на перебои, вызванные саботажем определенной группы чиновников почты и телеграфа, Московский ВРК имел связь со столицей.

Протоколы Военно-революционного комитета первых дней восстания не сохранились [268]: они были уничтожены в критические часы в ночь на 29 октября, когда всем, кроме тех, кто руководил боевыми операциями, было приказано покинуть здание Московского Совета. Но основные решения ВРК публиковались в газете «Социал-демократ». Сохранились доклады и отчеты руководителей, сделанные в Московском Совете или на партийных совещаниях непосредственно после победы революции в Москве.

---

[264] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 45. Составитель сборника В. А. Кондратьев считает, что последние два пункта были приняты на самом совещании.

[265] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1. М., 1966, стр. 153—154.

[266] Она была опубликована 26 октября в вечернем выпуске газеты «Социал-демократ».

[267] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 107.

[268] Этим и объясняется обилие в настоящем томе критических замечаний по поводу документов и детальный анализ источников.

Все это позволяет восстановить историю первых двух дней деятельности ВРК и партийного центра.

Яркое представление о работе ВРК дает случайно сохранившийся протокол его заседания от 27 октября (копия протокола была выдана на руки Е. М. Ярославскому). На этом заседании обсуждалось около 30 вопросов: об охране Кремля и Арсенала, о поведении президиума исполкома Совета солдатских депутатов, о положении рабочих конфискованных типографий, о допустимости стачек, о прокламациях, враждебных ВРК, о меньшевиках, о предложении эсеров (левых и центра) «расширить базу власти», о продовольственном положении и т. п.[269]

Очень важен был вопрос о продовольственном положении, которому уделялось большое внимание. ВРК получил сообщение, что на железнодорожных станциях имеется много продовольственных грузов. Железнодорожное начальство скрывало эти сведения от советских властей, но разрешило вывоз продовольствия земскому союзу. ВРК постановил сообщить об этом председателю продовольственного комитета Москвы М. Е. Шефлеру, которого уполномочили заниматься снабжением революционных частей и районов. Однако комитет не организовал снабжения продовольствием. С 29 октября комиссаром по продовольствию был назначен старый большевик А. Г. Шлихтер, впоследствии народный комиссар продовольствия. ВРК поручил группе работников вместе с представителями продовольственного комитета и железнодорожного союза провести ревизию всех товарных станций Московского железнодорожного узла и пристаней. Все военные грузы предписывалось направить на фронт, а «все подозрительные грузы в смысле спекуляции» передать населению Москвы. ВРК предписал всем чинам милиции и воинским частям оказывать всемерное содействие выполнению этого решения[270]. Большую работу по снабжению населения проводил продовольственный отдел ВРК. По его приказу были произведены учет и реквизиция всех продовольственных запасов в магазинах, булочных, на складах и железнодорожных путях.

Во всей своей многообразной деятельности Военно-революционный комитет выступал как орган, установивший в Москве Советскую власть.

Районные Советы и организация власти

В установлении Советской власти Центральный ВРК опирался прежде всего на районные Советы Москвы.

В Москве, кроме городских Советов — Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов, действовало 11 районных Советов и 1, созданный для железнодорожников: Басманный, Благуше-Лефортовский, Бутырский, Городской, Железнодорожный, Замоскворецкий, Пресненский, Рогожский, Симоновский, Сокольнический, Сущевско-Марьинский и Хамовнический. Во многих из них влияние большевиков было значительным еще в марте—апреле, а в сентябре 1917 г. уже все районные Советы шли за большевиками.

Районные Советы, среди депутатов которых были секретари заводских партийных ячеек и председатели фабзавкомов, имели тесную связь с ра-

---

[269] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 49—54.
[270] Там же, стр. 50.

бочими предприятиями, расположенными в районах. В дни восстания они являлись связующим звеном между Московским центральным ВРК и массами рабочих и солдат, возглавив вооруженное восстание в районах.

По получении телефонограммы партийного центра, предложившего собрать пленарные заседания районных Советов, вечером 25 октября, в ночь на 26 октября или утром 26 октября во всех районах были созваны экстренные пленарные заседания совместно с фабзавкомами. На многих из них уже в эти часы были избраны районные военно-революционные комитеты. По приказу из центра районные штабы Красной гвардии распорядились приступить к рытью окопов, сооружению баррикад, мобилизации транспорта.

Поздно вечером 25 октября состоялось пленарное заседание Замоскворецкого районного Совета совместно с Калужской и Пятницкой думами, в которых преобладали большевики, и представителями фабзавкомов. От имени всех трудящихся крупнейшего пролетарского района Москвы Замоскворецкий Совет выразил одобрение действиям Петроградского и Московского ВРК. Собрание приняло воззвание «К гражданам Замоскворечья», в котором призвало трудящихся района теснее сплотиться вокруг революционных органов, поддержать борьбу за народную власть.

На заседании был избран ВРК Замоскворецкого Совета, в состав которого первоначально вошли председатель Совета И. В. Косиор, рабочий телефонного завода Ю. Ф. Шиллерт, рабочий трамвайной электростанции К. Ф. Витковский [271], а также меньшевик Еремин и левый эсер Судаков, но последние два не работали [272]. В состав ВРК также вошли начальник Красной гвардии В. П. Файдыш и рабочий телефонного завода В. И. Ротшильд [273]. Секретарями ВРК были К. В. Островитянов и А. Гуревич-Борисов.

Позже в состав ВРК Замоскворечья были введены П. К. Штернберг, Б. М. Волин, И. В. Цивцивадзе.

ВРК Замоскворецкого Совета разместился в здании районного Совета в ресторане Полякова на Калужской площади (ныне Октябрьская площадь, д. 3). На первом же заседании районным комиссаром ВРК был назначен член райкома партии и исполкома районного Совета С. Д. Фельдман (утвержденный центром) [274]. Было отдано распоряжение о занятии комиссариатов милиции, почтовых отделений, районного телефонного узла. Штабу Красной гвардии района приказали обеспечить охрану зданий районного Совета, райкома партии, Павелецкого вокзала, электростанции «Общества 1886 г.», фабрик и заводов на территории района. Электростанция «Общества 1886 г.» охранялась Красной гвардией, сформированной из рабочих станции. Ее занятие обеспечивало охрану Замоскворечья в случае наступления белогвардейцев со стороны Каменного моста, а главное — позволяло регулировать освещение города, оставлять без света, как это было во время боев, помещения, занятые мятежниками (например, городскую думу, штаб Московского военного округа). Учитывая значение электростанции, П. К. Штернберг распорядился уси-

---

[271] «Октябрь в Замоскворечье». М., 1957, стр. 34—36.

[272] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 41. Составы районных ВРК, как и Центрального, в ходе революции изменялись. Пока наиболее полные, но еще не окончательные данные имеются в указанном сборнике (стр. 272—278).

[273] «Октябрь в Москве», стр. 328.

[274] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 41.

лить ее охрану 50 солдатами 55-го запасного пехотного полка под командой прапорщика Я. А. Грицмана [275].

Немедленно после организации ВРК Замоскворечья приступил к формированию отрядов в помощь центру [276]. Районный Совет установил, сколько продовольствия находится в районе [277]. При ВРК была создана продовольственная комиссия. ВРК района утвердил состав Красного Креста, созданного Союзом молодежи, и поручил ему организацию санитарных пунктов [278]. В одном из санитарных пунктов наряду со студентами и курсистками работал видный хирург Б. С. Вейсброд [279].

В течение ночи на 26 октября ВРК и революционные «тройки» избирались на всех предприятиях района, расположенных в Замоскворечье. Районным Советом были назначены комиссары во все войсковые части, расположенные в районе, за исключением 2-й, 3-й и 4-й школ прапорщиков. Одним из первых в Москве на сторону революции перешел 55-й запасный пехотный полк, расположенный в Александровских казармах. Солдаты избрали ВРК полка и объявили полк на мобилизационном положении. Комиссаром полка был назначен рабочий завода Михельсона Н. Стрелков [280].

Милиция района признала власть ВРК, но в нескольких комиссариатах пришлось арестовать и сместить комиссаров или их помощников (в 1-м и 2-м Пятницких, в 1-м и 2-м Серпуховских). Управам районных дум в Замоскворечье ВРК поручил срочно подобрать комиссаров в те участки, где они были смещены или сложили свои полномочия [281].

На фабриках и заводах не прекращалась работа. Проходили митинги, на которых рабочие требовали вооружить их для борьбы за Советскую власть [282].

К. В. Островитянов (один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Москве) отмечал в своих воспоминаниях, что Замоскворецкий районный Военно-революционный комитет, созданный 25 октября 1917 г., «кроме чисто боевых функций..., выполнял также функции правительства». «При нем,— пишет Островитянов,— был создан трибунал, называвшийся юридической комиссией, которая допрашивала арестованных. Ревком должен был снабжать рабочее население продовольствием, выполнять некоторые чисто административные функции, наблюдать за порядком в районе и т. д. Задача Военно-революционного комитета внутри района свелась главным образом к охране революционного порядка. На всех центральных пунктах стояли патрули из красногвардейцев и солдат» [283].

Характеристика работы ВРК, данная Островитяновым, типична и для других районных ВРК: всюду они действовали как органы власти, руководя жизнью всего района. Районные ВРК, как правило, состояли из старых большевиков, имевших огромный опыт революционной борьбы

---

275 «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 167, 178.
276 «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 28 октября 1917 г.
277 Там же, 27 октября 1917 г., стр. 2.
278 «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 168.
279 «Октябрь в Москве», стр. 329.
280 «Октябрь в Замоскворечье», стр. 246.
281 «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 167, 168.
282 «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 276.
283 *К. Островитянов.* Большевики Замоскворечья в Октябрьской революции.— «Октябрь в Замоскворечье», стр. 36.

и руководства массами. В некоторых районах в ВРК входили эсеры и меньшевики (Замоскворецкий и Хамовнический районы). В данном случае сказалось решение пленума Советов, согласно которому в Центральный ВРК вводились представители этих партий. Однако никакого участия в работе районных ВРК соглашатели не принимали. В подавляющем большинстве районных ВРК соглашателей не было, что обеспечило бесперебойную боевую работу.

Вечером 25 октября состоялось заседание Хамовнического районного Совета совместно с фабзавкомами. Был избран ВРК района, разместившийся в доме № 1 по Хамовнической улице (ныне улица Л. Толстого). Председателем ВРК был избран рабочий-большевик Л. А. Саврасов. В состав ВРК вошли большевики Н. С. Ангарский, З. П. Соловьев, И. И. Лихачев, Я. И. Лебедева и начальник Красной гвардии В. Т. Лысов[284]. Районным комиссаром стал А. С. Савельев (Шелехес). В районе размещался 193-й запасный пехотный полк, намеченный штабом военного округа к расформированию, но солдаты не подчинились этому распоряжению. 26 октября на общеполковом собрании был избран революционный комитет[285].

В состав ВРК Пресненского района, сформированного вечером 25 октября, вошли А. К. Александров, Г. Я. Беленький, В. А. Емельянов, Ф. М. Шеногин, Н. Т. Меркулов, М. В. Рыкунов[286]. Районным комиссаром был избран И. Г. Слесарев[287]. ВРК Пресни разместился в здании большевистского райкома на Переведеновской улице (ныне Большевистская улица, д. 4). Тотчас же была установлена тесная связь с солдатами 1-й запасной артиллерийской бригады на Ходынке.

В Городском районе находился ряд объектов, представлявших исключительное значение для исхода восстания: почтамт, телеграф, телефонная станция. Здесь же были опорные пункты контрреволюции: городская дума, градоначальство. 26 октября был создан Военно-революционный комитет Городского района, в который вошли: комиссар района, секретарь Городского райкома РСДРП(б) В. Д. Тверитин, А. С. Борщевский, С. И. Филлер, М. Н. Монахов, О. В. Пилацкая. В состав ВРК вошел также начальник Красной гвардии района член ВРК Алексеевско-Ростокинского подрайона О. К. Вирземнек[287а] (он погиб при взятии телефонной станции в Милютинском переулке). Затем в ВРК были введены польский интернационалист С. Я. Бобинский, возглавлявший «запасный штаб» ВРК С. Ф. Шоричев, солдат 55-го пехотного полка И. Н. Чиненов. В работе ВРК и штаба Красной гвардии активно участвовала член Военного бюро при Московском городском комитете партии О. А. Варенцова. ВРК разместился в здании трактира Романова на углу 1-й Мещанской улицы (ныне проспект Мира) и Сухаревской площади[288].

Мы подробно остановились на составе и первых мероприятиях ВРК четырех районов, в которых позже развернулись основные бои с контр-

---

[284] «Хамовники в октябре 1917 г.». М., 1922, стр. 3.

[285] «Октябрь в Москве», стр. 332.

[286] «За власть Советов!». М., 1957, стр. 254. В книге «Московский Военно-революционный комитет» указан также В. М. Калачев (стр. 274).

[287] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 274.

[287а] *А. Абрамов.* У Кремлевской стены. М., 1974, стр. 28.

[288] «Октябрь в Москве», стр. 340; «Московский Военно-революционный комитет», стр. 32, 68, 74, 275. В этой книге членом ВРК Городского района указан также И. И. Скраме.

революционными мятежниками. Но и в остальных районах ВРК принимали самое активное участие в победе над контрреволюцией, хотя на их территории не было боевых операций. Здесь также устанавливалась власть Советов, формировались отряды Красной гвардии, принимались отряды, пришедшие из области, шло снабжение боеприпасами и оружием; в Симоновском районе находились пороховые склады, в Благуше-Лефортовском районе — артиллерия.

В районах Лефортова, Благуши и Рогожском районе уже к вечеру 25 октября появились первые окопы и баррикады.

В ВРК Благуше-Лефортовского района входили большевики М. А. Розенштейн (районный комиссар), А. А. Знаменский, И. Ф. Петров, В. П. Демидов, С. Н. Петров. В работе ВРК активно участвовали Ш. Н. Ибрагимов, П. П. Щербаков, солдат Н. Туляков [289]. Важное значение имел переход на сторону революции Мастерских осадной артиллерии (Мастяжарт), в которых находилось до 70 артиллерийских орудий. Мастяжарт был превращен в крупнейший артиллерийский арсенал восставшего пролетариата Москвы.

ВРК Рогожского района (Р. С. Землячка, Н. Н. Прямиков (районный комиссар), М. А. Мальков, О. Ю. Калнин, М. Г. Свободин) установил непрерывное наблюдение за юнкерами Алексеевского училища и за кадетскими корпусами. В Рогожском районе представителями Военно-революционного комитета без всякого сопротивления были заняты четыре комиссариата милиции [290].

В Басманный ВРК, избранный пленумом районного Совета, входили И. А. Зеленский, И. М. Голубев, А. В. Мандельштам (Одиссей), В. И. Иванов и В. А. Забродин [291].

Утром 26 октября 1917 г. в клубе Военно-промышленного завода было созвано собрание членов Басманного райисполкома, райкома, представителей заводских комитетов и заводских парторганизаций. Представитель Московского комитета партии сообщил о победе социалистической революции в Петрограде и призвал рабочих к вооруженному восстанию. Тут же на собрании был избран ревком, утверждены комиссары по продовольственному снабжению населения района, милиции и др.[292]

В ВРК Сущевско-Марьинского района вошли: К. Я. Аболь, И. Г. Батышев, Сидоров, И. И. Ходоровский, Т. Ф. Людвинская, Лисовский, Прохоров [293].

В бурные дни революции состав районных ВРК (выше говорилось то же самое и о Центральном ВРК) часто менялся: одни посылались на другую работу, привлекались новые представители от заводов и фабрик. Член Сущевско-Марьинского ВРК М. Нефедов в своих мемуарах нарисовал картину деятельности своего комитета в дни революции — она типична для районов, в которых не было активных боевых действий. «В ночь на 26 октября Московский Совет постановляет захватить власть

---

[289] «Октябрь в Москве», стр. 335; «Московский Военно-революционный комитет», стр. 68. В этом сборнике членами Благуше-Лефортовского ВРК названы также А. Шленов и Коренной (стр. 274).

[290] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 28 октября 1917 г., стр. 3.

[291] «Октябрь в Москве», стр. 337. В книге «Московский Военно-революционный комитет» указаны также И. Т. Маркин-Панкратов и А. М. Цихон (стр. 273).

[292] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 386—387.

[293] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 275.

в свои руки и выбирает Военно-революционный комитет,— писал Нефедов. По окончании этого исторического собрания мы получаем директивы от фракции большевиков Московского Совета разойтись немедленно по своим фабрикам и заводам, по районам и, призывая массы к борьбе за власть Советов, вести организационную работу по захвату власти в своих районах» [294].

Всю ночь 25 октября районный Совет рабочих и солдатских депутатов рассылал своих представителей для предупреждения рабочих. В свою очередь в районный Совет приходили за информацией делегации от фабрик и заводов. На следующий день, 26 октября, состоялось заседание районного Совета с представителями предприятий. Присутствующие заслушали краткую информацию о событиях. «Передается неуклонная директива Военно-революционного комитета Московского Совета,— вспоминает Нефедов,— об организации рабочих масс, об их вооружении, о том, что районный Совет должен избрать районный ревком, который должен взять власть в свои руки в районе и быть надежной опорой Московского ревкома» [295].

Затем были сделаны доклады с мест. Депутаты сообщали, что рабочие охвачены энтузиазмом и готовы по первому призыву ревкома выступить за завоевание власти. В заключение был избран районный ВРК, в состав которого вошли представители самых крупных предприятий района. По сообщению М. Нефедова, в состав ВРК были избраны: от Военно-артиллерийского завода — большевики Прохоров и К. Я. Аболь, от завода Ильина — левый эсер Кузнецов, от одного из профсоюзов — большевик Щербаков-Сидоров, от исполнительного комитета районного Совета — И. И. Ходоровский (в рукописи Нефедова — Ходырев), от Московского комитета — А. А. Кольцов [296], от Бутырского района — Т. Ф. Людвинская [297].

По окончании заседания районный ВРК в 5—6 час. вечера 26 октября приступил к работе. Распределили между собой обязанности. Обсудили самые спешные и важные вопросы, в первую очередь о необходимости подчинить себе все четыре милицейских комиссариата. В 1- и 2-м Марьинских комиссариатах милиционеры «охотно отдали себя и оружие в распоряжение ревкома» [298]. 3-й Сущевский комиссариат под влиянием эсеров объявил себя нейтральным. После убеждения районного ВРК милиционеры согласились послать представителя в правление своего профсоюза: если там признают Московский ВРК, то и Сущевский комиссариат поддержит районный ВРК. Как известно, правление союза милиционеров в этот же день признало руководство ВРК.

В районный ВРК непрерывно приходили с заводов и фабрик с требованием оружия. Помещение районного Совета было переполнено народом. Решили занять кинотеатр «Олимпия» на Александровской улице. В кинотеатре в тот день должен был состояться концерт оркестра юнкеров из Александровского училища. То ли по жалобе владельца кинотеатра, то ли по инициативе самих юнкеров попытке занять кинотеатр было оказано

---

[294] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 518, л. 4.
[295] Там же, л. 5.
[296] А. А. Кольцов был назначен комиссаром Сущевско-Марьинского района, как и А. Пузанцев («Московский Военно-революционный комитет», стр. 275).
[297] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 518, л. 5.
[298] Там же, л. 6.

сопротивление. Началась перестрелка. ВРК вызвал отряд красногвардейцев. Юнкеров прогнали и заняли кинотеатр. Началась усиленная работа по формированию и вооружению Красной гвардии. Дополнительно были проведены выборы в районный ВРК: от фабрики Густава Листа избрали большевика Якуненко, от фабрики Богатова — объединенца-интернационалиста М. Нефедова и анархиста Ермолаева [299].

Районный ВРК Сущевско-Марьинского района сосредоточил в своих руках всю власть.

ВРК Сокольническо-Богородского района был избран в следующем составе: Д. И. Ефремов, С. А. Бродская, П. Г. Пресняков, Ф. Д. Медведь [300]. Районным комиссаром стал И. В. Русаков.

В течение 26 октября были избраны также ВРК Бутырского и Симоновского районов. Председатель ВРК Бутырского районного Совета С. Е. Богров-Сергеев объявил, что вся власть в районе переходит к Военно-революционному комитету. Ревком командировал в Бутырскую тюрьму уполномоченных для немедленного освобождения политических заключенных [301].

26 октября состоялось экстренное заседание Симоновского районного Совета с представителями фабзавкомов «Динамо», АМО и других предприятий. Был создан ВРК Симоновского района в составе: комиссар района Н. К. Гончаров, Р. М. Азарх, А. А. Алешин, И. И. Борисов, К. В. Уханов и А. Ю. Лидак [302]. ВРК немедленно приступил к формированию отрядов для посылки в центр. Штаб Красной гвардии получил задание обеспечить их оружием. Некоторым предприятиям предложили начать изготовление холодного оружия. ВРК поручил фабзавкомам организовать охрану заводов.

В установлении Советской власти, а затем в борьбе против контрреволюции большую роль сыграли железнодорожники самого крупного в стране Московского узла. В специально образованном (не по территориальному, а по производственному принципу) Железнодорожном районе числилось до 1500 большевиков. В союзе мастеровых и рабочих железнодорожного транспорта, находившемся под руководством большевиков, насчитывалось более 20 тыс. членов [303].

Железнодорожным районным комитетом партии по образцу Московского городского комитета была создана партийная «пятерка»: И. А. Пятницкий, Н. Н. Зимин, М. И. Черняк, А. М. Амосов и Г. Н. Аронштам. «Пятерка» почти полностью вошла в военно-революционный комитет, созданный районным Советом рабочих депутатов.

В ВРК Железнодорожного района входили: И. А. Пятницкий, Н. Н. Зимин, М. И. Черняк, Г. Н. Аронштам, А. И. Горбунов и В. Воропаев [304]. Комиссаром Московского железнодорожного узла был назначен Т. Гусев.

---

[299] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 518, лл. 11—12. Секретарем ВРК был назначен анархист Д. Факторович.

[300] «От Февраля к Октябрю». М., 1957, стр. 100.

[301] *С. Г. Альтман.* Большевизация районных Советов Москвы и их деятельность в марте — октябре 1917 года. Канд. дисс. М., 1963, стр. 247.

[302] «Октябрь в Москве», стр. 339; «Московский Военно-революционный комитет», стр. 274.

[303] «Железнодорожники и революция». М., 1952, стр. 64.

[304] «За власть Советов!», стр. 285. В сборнике «Московский Военно-революционный комитет» отсутствуют фамилии А. И. Горбунов и В. Воропаев (стр. 275).

На железных дорогах были созданы свои революционные комитеты, работавшие под руководством районного комитета. Основной задачей районного ВРК был захват вокзалов и предотвращение продвижения контрреволюционных войск в Москве. Эта задача была в своей первой части выполнена 26 октября [305]. В этот день красногвардейцы-железнодорожники заняли все вокзалы, обезоружили милицию. Был установлен контроль над телеграфом Московско-Казанской, Николаевской и Александровской дорог. Установление контроля над вокзалом Северной железной дороги позволило наладить телефонную связь Московского ВРК с Петроградом. По указанию ВРК контроль над телеграфным сообщением установили на ряде станций в пределах Московского узла и за его пределами по линии железных дорог. В дальнейшем это помогло Московскому ВРК своевременно узнавать о движении эшелонов с фронта на помощь контрреволюции. В мастерских дорог и на станциях стали формироваться отряды красногвардейцев: на станции Сортировочная — до 120 бойцов [306], на станции Перово — 160 [307].

Деятельность железнодорожных ВРК обеспечила беспрепятственное продвижение революционных отрядов на помощь Москве.

При активной поддержке рабочих и солдат ВРК во всех районах приступили к исполнению своих функций как революционных органов власти на местах.

Члены Московского городского комитета партии, большевистской фракции исполкома Московского Совета рабочих депутатов и члены партийного центра И. А. Пятницкий, Р. С. Землячка, В. М. Лихачев (Влас), Е. М. Маленков, П. К. Штернберг, Б. М. Волин и другие направились в районы города для руководства революционными действиями на местах.

Райкомы партии, райисполкомы и районные ВРК 26 октября, когда был получен приказ Московского ВРК о переходе к активным действиям: занятию комиссариатов, осуществлению фактической власти Советов [308], немедленно направили своих представителей на заводы и фабрики или по телефону известили рабочих о победе социалистической революции в Петрограде и о решении Московского Совета начать вооруженное восстание [309].

Как только эта весть доходила до рабочих, собирались митинги, участники которых приветствовали победу своих товарищей в Петрограде и заявляли о готовности с оружием в руках бороться за власть Советов в Москве.

Назовем несколько типичных резолюций. Рабочие фабрики Симано, собравшись 26 октября на митинг (1000 человек), одобрили переход власти к Советам, которые дадут народу мир, хлеб, свободу. Единствен-

---

[305] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября 1917 г., стр. 2; *И. Зимин.* В Железнодорожном районе.— «За власть Советов», стр. 285—286.

[306] «Железнодорожники и революция», стр. 87.

[307] Там же, стр. 88.

[308] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 35.

[309] «Подполье. Из жизни революционного движения в Сокольниках». М., 1926; «Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе». М.— Л., 1928; «Красная Пресня в 1905—1917 гг.». М., 1930; «Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г.». М., 1930; «Старая и новая Даниловка». М., 1940; «Октябрь в Замоскворечье»; «За власть Советов!»; «Свет над заставой». М., 1959; «Динамо» в годы строительства социализма. История завода». М., 1964

ной властью в Москве рабочие признали ВРК. 1300 рабочих завода Бромлея 26 октября приветствовали петроградский пролетариат, поднявший «знамя международной пролетарской революции» [310]. На фабрике Даниловской мануфактуры была также принята большевистская резолюция. Настроение участников митинга было столь единодушным, что рабочие-меньшевики решили, как они заявили, «ради сохранения революционного фронта всецело поддерживать большевиков» [311].

Заводские партийные ячейки и фабзавкомы создавали революционные комитеты (на ряде предприятий они назывались военно-революционными комитетами или революционными тройками), которые становились фактической властью на заводе. Они разоружали старую охрану, отстраняли от управления предприятием администрацию или ставили ее под контроль фабзавкома. Авторитет революционных властей был непререкаем: служащие предприятий хотя и были против занятий фабрик рабочими, но не осмелились покинуть заводы и фабрики. 26 октября состоялось общее собрание Совета депутатов фабрично-заводских служащих и технических контор. Выступавшие на собрании сообщали о занятии предприятий рабочими. Совет служащих выступил против «захвата рабочими предприятий» и призвал своих членов «не поддерживать этих захватов, но оставаться на местах, исполняя прежние обязанности в целях сохранения предприятий до решения этого вопроса в общегосударственном порядке» [312].

Повсюду сотни новых рабочих вступали в ряды Красной гвардии. Часть из них оставалась на предприятии, брала на себя охрану порядка на заводе и прилегающей к нему территории. Другие красногвардейцы поступали в распоряжение районных ВРК.

На ряде предприятий по предложению районных ВРК была объявлена забастовка с тем, чтобы рабочие этих заводов и фабрик могли активно участвовать в борьбе за власть Советов.

Действуя как власть, районные ВРК приказали не объявлять забастовку рабочим пекарен, водопровода, электростанций.

В течение 26 октября, по сообщению газеты «Известия», во всех «районных Советах рабочих депутатов... кипела организационная жизнь: устанавливалась связь с Военно-революционным комитетом Московского Совета, выбирались районные комиссары, поддерживался порядок, неуклонно приводились в исполнение постановления руководящего революционного органа. Эксцессов нигде не наблюдалось» [313].

Уже вечером 26 октября состоялось совещание районных комиссаров, выбранных районными Советами и утвержденных Московским Военно-революционным комитетом [314]. К этому времени в городе заводы и фабрики находились в руках рабочих. Во всех районах города были созданы ВРК, под руководством которых красногвардейцы заняли все комиссариаты милиции, вокзалы, почтовые отделения, районные телефонные станции. Все районные Советы города 26 октября стали властью. Правда, в этот день еще не были разоружены юнкера Александровского

---

[310] «Социал-демократ», 27 октября 1917 г.
[311] Там же.
[312] «Труд», 27 октября 1917 г.
[313] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября 1917 г., стр. 2.
[314] Там же.

и Алексеевского училищ курсанты школ прапорщиков. Совещание районных комиссаров обсудило меры по укреплению власти Советов в городе и борьбе с очагами контрреволюции.

Революционные власти в районах вместе с Центральным ВРК активно занимались продовольственным снабжением населения. На учет были взяты все продовольственные запасы, над столовыми и ресторанами установлен контроль.

Е. Туманов, председатель завкома, начальник штаба Красной гвардии металлургического завода Гужона (ныне «Серп и молот»), писал в своих воспоминаниях, что заводскую «столовую» мы взяли целиком в свои руки. Без наших записок из столовой ничего не имели права выдавать... Учет всему, что выдавали, вел Крысяков. Кормили мы человек 500 в день. Каждый красногвардеец получал у нас ежедневно белую булку, определенное количество хлеба и сколько угодно чаю, обедали только вечером» [315].

Красногвардеец находившегося в Замоскворечье завода «Поставщик» Ф. Солодов вспоминает, что 27 октября группе красногвардейцев завода «было поручено реквизировать в бакалейных лавках, прилегающих к заводу (на Ивановской улице), продукты: мясоизделия, чай, сахар, крупы и др.; владельца булочной обязали всю выпекаемую продукцию выдавать только по распоряжению оперативного штаба завода» [316].

Огромную роль в организации продовольственного снабжения сыграли районные думы, в большинстве своем действовавшие совместно с районными Советами. 27 октября вечером состоялось общее собрание гласных всех 17 московских районных дум, на котором присутствовало около 400 человек. Председателем собрания был А. Г. Шлихтер.

Гласные от кадетов, эсеров и меньшевиков пытались сорвать собрание: бывший министр, кадет князь Д. Н. Шаховской заявил, что состав собрания будто бы подтасован. Это заявление вызвало бурные протесты. Председатель потребовал от Шаховского взять свои слова обратно. Сконфуженный оратор оправдывался: он якобы хотел сказать, что не все гласные были предупреждены о собрании [317]. Несмотря на протесты кадетов и соглашателей, подавляющее большинство собрания выразило «полное доверие Московскому Военно-революционному комитету как единственному местному органу правительственной власти» [318].

В принятой собранием резолюции отмечалось, что «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов совместно с Московским гарнизоном присоединились к выступлению революционного Петрограда и решили поддержать его всеми силами, имеющимися в их распоряжении». Далее говорилось, что районные думы, «которым московская городская беднота дала большинство гласных», должны прийти на помощь Московским Советам и армии в деле организации продовольствия и снабжения Москвы, финансов и охраны революционного порядка. В резолюции подчеркивалось, что «осуществление этих задач, не терпящих отлагательства, требует особенной спешности еще и потому, что Центральная городская дума,

---

[315] *Е. Туманов.* На заводе Гужона.— «За власть Советов!», стр. 298.
[316] *Ф. Солодов.* Рабочие завода «Поставщик» в октябрьские дни.— «Октябрь в Замоскворечье», стр. 97.
[317] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября 1917 г.
[318] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 276.

уже давно потерявшая всякую связь с широкими демократическими массами Москвы, встала на сторону контрреволюционной буржуазии».

Гласные районных дум, таким образом, понимали, что в Москве происходит вооруженное восстание, направленное на свержение власти Временного правительства, что ВРК является «единственным органом правительственной власти», что в этой борьбе городская дума поддерживает контрреволюцию. Собрание постановило организовать межрайонный совет районных дум (по два человека от каждой районной думы: один — избирался всей районной думой, второй — ее управой). Совет должен был выбрать из своей среды «исполнительное революционно-хозяйственное бюро (из семи человек)», которому вменялось в обязанность «немедленно выработать проект мероприятий по вопросам: продовольственного распределения и снабжения, городских финансов и охраны революционного порядка в г. Москве и окрестностях» [319].

Это решение по сути дела устраняло городскую думу. Прибывший в конце собрания член партийного центра М. Ф. Владимирский во внеочередном заявлении сообщил, что полковник Рябцев, действовавший по полномочию городской думы, предъявил ультиматум о роспуске ВРК. Постановление районных дум об устранении городской думы оказалось, таким образом, крайне своевременным.

Важно отметить, что 25—27 октября 1917 г. жизнь города не была нарушена: торговали продуктовые и промтоварные магазины; только на рабочих окраинах по распоряжению районных ВРК во избежание пьяных беспорядков были закрыты винные лавки, пивные, кабаки и некоторые торговавшие водкой трактиры. Шли спектакли в многочисленных театрах и представления в цирке Саламонского [320].

Трамвайное движение не прекращалось [321]. Трамвайная электростанция, управление которой в первые же дни перешло в руки рабочих, действовала бесперебойно, несмотря на требование городской управы прекратить подачу энергии и на попытки белогвардейцев вывести станцию из строя [322].

Настроение в районах было приподнятое, боевое. Трудящиеся активно включались в строительство новой власти. Даже враждебно настроенные газеты вынуждены были признать общий подъем, царивший в массах. Редакция эсеровской газеты «Труд», открыто ставшей рупором контрреволюции, запросила Рогожско-Симоновский и Сокольнический районы, каково там положение и настроение. Оттуда ответили: «...положение превосходное, настроение отличное — большевистское» [323].

Надо напомнить, что в Москве в отличие от центральных Советов районные Советы были объединенными, они включали представителей

---

[319] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 277.

[320] Объявления о зрелищных мероприятиях, происходивших 25—27 октября, печатались в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов» и других московских газетах. 27 октября в Малом театре при участии П. М. Садовского шла «Флорентийская трагедия» О. Уайльда; в театре Совета рабочих депутатов (бывший театр Зимина) 25 октября шла «Богема», а 26 октября — спектакль Художественного театра «Вишневый сад».

[321] Оно было прервано в ночь на 28 октября, и то лишь в центре города, из-за начала боевых действий («Утро России», 8 и 17 ноября 1917 г.).

[322] *А. Кулюкин.* Трамвайная электростанция в Октябре.— «Октябрь в Замоскворечье», стр. 113—114.

[323] «Труд», 28 октября 1917 г.

рабочих и армии. Воинские части находились поэтому под руководством районных Советов. Это имело тем большее значение, что районам Москвы предстояло вынести на себе основную тяжесть борьбы с мятежом контрреволюции.

* * *

Было бы неправильным искать в московских событиях подобие петроградских событий. В столице находилась центральная власть, причем Временное правительство обосновалось в Зимнем дворце, который пришлось подвергнуть артиллерийскому обстрелу и брать штурмом. В Москве к этому прибегать не пришлось: восстание здесь победило бескровно, без применения оружия. В первые же два дня восстания были заняты Центральный телеграф, почта и все отделения связи в районах. Все вокзалы были захвачены революционными органами. Солдаты гарнизона перешли на сторону революции и дружно выступили с поддержкой Советов. Милиция перешла в руки советских властей. Неподчинившихся начальников освобождали от исполнения обязанностей, а упорствовавших арестовывали. Профсоюз милиционеров поддержал ВРК. «Представители местных комитетов городской милиции,— сообщалось в «Труде»,— из всех 52 комиссариатов совместно с Центральным союзом городских служащих заявили о своем подчинении Военно-революционному комитету» [324].

То же самое произошло во всех городах Московской губернии и в подавляющей части всего Центрального промышленного района. Важнейшие ключевые позиции оказались в руках Советской власти.

В Москве, как и в Петрограде, а потом и во всей стране, быстрый успех социалистической революции объяснялся в первую очередь тем, что в руках трудящихся находился готовый аппарат власти. Московские Советы за время революции занимались всеми вопросами жизни трудящихся, начиная от жгучих проблем мира, хлеба, свободы и кончая удовлетворением культурных запросов населения. Они накопили богатый, разносторонний опыт управления. В Советах вырастали кадры будущих организаторов власти, руководителей производства, культуры. Это привело к тому, что с началом свержения власти Временного правительства Советы, прежде всего районные, сразу установили свой контроль над городом с его огромным хозяйством.

Насколько Советы были подготовлены к взятию власти в свои руки, можно, в частности, судить по одному любопытному свидетельству. На второй день после создания ВРК, к которому перешла вся власть в Москве, большевистская газета опубликовала статью о ближайших задачах новой власти.

«Вся власть в России,— писала газета,— переходит в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они становятся распорядителями всего государственного хозяйства. Для спасения революции необходимо, чтобы новая власть имела деньги на государственные расходы».

Газета рекомендовала всем Советам «спешно занять казначейство и контору Государственного банка, а также Дворянского и Крестьянского

---

[324] Там же.

земельных банков». Никакой расход средств не может производиться без разрешения Совета. Предлагалось запретить в первую очередь следующие расходы: оплату купонов по всем займам; выдачу жалованья некоторым категориям чиновников, прежде всего земским начальникам, директорам и инспекторам народных училищ; всем высшим чиновникам и военным, получавшим заработную плату свыше 750 руб. в месяц, выдавать не более 700 руб., а если они занимают казенные квартиры, то производить из их жалованья вычеты за квартиру; прекратить выдачу пенсий тем, кто получает более 200 руб. в месяц, впредь до рассмотрения заслуг, за которые назначены пенсии.

Далее предлагалось отделить церковь от государства (еще до принятия декрета), прекратить выдачу из казны денег монастырям, архиерейским домам и вообще духовенству всех вероисповеданий.

Из других мероприятий особое значение имело предложение «обязать предприятия немедленно перейти к выработке продуктов, полезных для деревни», обратить внимание на казенное имущество и запасы.

Газета предлагала упразднить ненужные должности и учреждения, не допускать излишние расходы по бывшему удельному ведомству, по бывшему ведомству учреждений императрицы Марии и пр., при этом черносотенных заправил из этих учреждений удалить. «В каждом городе,— призывала газета,— Советы сами должны обсудить подробности, а в случае ошибки дело будет исправлено правительством» [325].

Мы, быть может, слишком подробно изложили содержание этой инструкции, но очень важно показать, что в ней перечислялись меры, давно продуманные и обсужденные в Советах. Публикация этой инструкции, перечисляющей первые необходимые меры новой власти, подтверждает не только факт перехода власти к Советам, но и то, что Советы пришли к руководству государственной жизнью, обогащенные известным опытом управления без буржуазии и против буржуазии.

Старые власти в Москве были в основном устранены. В районах их не существовало: они исчезли, как высохшие листья при первом дуновении свежего ветра. Да и в центре с ними никто не считался. Московского городского комиссара Б. Н. Григорова и московского губернского комиссара А. А. Эйлера даже не пригласили на заседание городской думы вечером 25 октября, где обсуждался вопрос о Временном правительстве, официальными представителями которого они являлись. Так низко пал авторитет буржуазного правительства [326].

---

[325] «Социал-демократ», 26 октября 1917 г. Вечерний выпуск.

[326] *А. Н. Вознесенский.* Москва в 1917 году. М., 1928, стр. 159. В литературе городским комиссаром почему-то назван Григорьев. Один из первых публикаторов документов о московских октябрьских событиях, Э. В. Рожен-Андреев, отмечал: «О назначении городским комиссаром Григорьева в московских газетах того времени никаких указаний не находим» («Красный архив», 1933, т. 6, (61), стр. 48). Фамилия комиссара указана неправильно, как неправильно и то, что в газетах не было сообщений о назначении городского комиссара. В конце сентября 1917 г. московские газеты сообщали: «Ввиду назначения комиссара Временного правительства Н. М. Кишкина министром призрения в составе нового правительства обязанности комиссара временно будет исполнять в Москве помощник Б. Н. Григоров. Б. Н. Григоров останется в качестве заместителя до назначения Временным правительством особого полномочного комиссара для Москвы» («Русское слово», 28 сентября 1917 г.). Утверждение Григорова комиссаром, по сообщению другой буржуазной газеты, состоялось накануне Октября. «Исполняющий обязанности

Городская дума принимала резолюции, постановления, рассылала телефонограммы, но их негде было публиковать: буржуазные газеты были закрыты на рассвете 26 октября. Деятели городской думы писали и печатали листовки и расклеивали их на стенах домов, но и то лишь в центре: в районах их немедленно срывали или заклеивали. Правда, эсеровская газета «Труд» услужливо печатала распоряжения и призывы городской думы, но население с негодованием уничтожало газету, выступавшую в роли пособника контрреволюции. Вопрос «об отобрании и уничтожении населением «Труда» на улицах» обсуждался на заседании Центрального ВРК 27 октября. Решено было выпустить воззвание «с указанием, что все газеты, допущенные ВРК к выпуску, помимо распоряжения ВРК, конфискованы никем быть не могут» [327]. От эсеровской газеты не отставала и меньшевистская газета «Вперед!» Но и ее постигла та же участь: трудящиеся уничтожали ее.

Московский ВРК и его районные органы были единственной реальной властью. Это вынуждены были признать даже противники Советской власти в Москве. Буржуазия и ее меньшевистско-эсеровские сообщники, как уже выше отмечалось, считали, что Военно-революционный комитет в Москве взял власть в свои руки. Видели это и представители иностранных держав, находящиеся в городе: американский генеральный консул сообщал своему правительству уже 26 октября 1917 г. о том, что в Москве Совет рабочих и Совет солдатских депутатов бескровно взяли власть в свои руки. На страницах советской и партийной прессы в первые же дни после Октябрьской победы сообщалось о строительстве Советской власти в Москве. Газета «Известия», например, 27 октября приводила решение Московского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов о переходе власти в губернии к Советам, а на следующий день она уже передавала сообщение о положении в Москве к полуночи 26 октября, явно свидетельствовавшее о том, что вся власть в Москве находилась в руках Военно-революционного комитета.

Никаких сомнений в этом не было у Центрального Комитета большевиков, у В. И. Ленина. Это полностью вытекало из той оценки соотношения классовых сил в Москве, которую давал В. И. Ленин, начиная с августовской всеобщей политической стачки и кончая поразительным успехом большевиков на сентябрьских выборах в районные думы. Напомним, что В. И. Ленин писал в первом письме о восстании: «Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы» [328].

В. И. Ленин ясно подтвердил, что сразу после победоносного восстания в столице власть в Москве перешла в руки Советов и что именно против Советской власти и подняли контрреволюционный мятеж юнкера в Москве.

Выступая в апреле 1918 г. в Алексеевском манеже в Москве на митинге, посвященном протесту против расстрела рабочих меньшевистским правительством Грузии, В. И. Ленин говорил о тактике меньшевиков и

правительственного комиссара по г. Москве Б. Григоров,— писала газета «Утро России» 25 октября 1917 г.,— вчера утвержден в этой должности».

[327] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 50.

[328] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 239.

эсеров, стремившихся свергнуть Советскую власть: «Их тактика — это тактика Дутова и Корнилова, *тактика юнкеров, восставших в Москве против Советской власти*» [329].

Нет необходимости добавлять, что раз юнкера подняли мятеж против Советской власти в Москве, значит, она там существовала [330]. Следует, однако, отметить, что, взяв власть в свои руки, Московский Военно-революционный комитет оставил нетронутыми некоторые очаги, в которых могло вспыхнуть пламя контрреволюции с помощью поддержки извне. Среди них прежде всего были штаб Московского военного округа и городская дума. Но борьба с ними становилась уже не только задачей революционной Москвы, но и общей задачей подавления сопротивления всероссийской контрреволюции, поднявшейся против Советской власти.

[329] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 214. (Курсив наш.— *И. М.*)

[330] Большинство специалистов, изучающих историю Октябрьской революции в Москве, поддерживает эту точку зрения об установлении Советской власти во второй столице. Не согласен с ней А. Я. Грунт, выдвинувший следующее положение: «Таким образом, еще до того момента, когда в ход было пущено оружие, два органа — революции и контрреволюции — встали друг против друга, выражая политические устремления тех сил, которые их выдвинули и на которые они опирались» («Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция». М., 1976, стр. 294). Такая постановка вопроса не учитывает, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, революция, как известно, решает проблему власти. В чьих же руках находилась власть в Москве 25—27 октября? Или в эти дни создалось новое двоевластие? Во-вторых, сосредоточившись на событиях в Москве, А. Я. Грунт меньше внимания уделил связи этих событий с общероссийскими и петроградскими событиями. Между тем в Москве уже утром 25 октября знали о низложении Временного правительства, а ночью и резолюцию II Всероссийского съезда Советов о переходе власти по всей стране к Советам; следовательно, и к Совету Москвы. Так воспринимались московские события и в Петрограде. «В Москве продолжается борьба между Советской властью, опирающейся на солдат и рабочих, и контрреволюционным штабом, опирающимся на юнкеров и казаков» («Военно-революционные комитеты действующей армии 25 октября 1917 г.— март 1918 г.» М., 1977, стр. 31). Да и сам мятеж юнкеров отнюдь не был только московским явлением, а является звеном в общем выступлении контрреволюционных сил Краснова — Керенского под Петроградом и в других местах, как об этом подробно говорится во второй и третьей главах данной работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА И ИХ ПРОВАЛ

1

ПОХОД КРАСНОВА — КЕРЕНСКОГО

Вновь 3-й кавалерийский корпус

Победа вооруженного восстания в Петрограде и установление Советской власти в Москве убедительно показали, что в столицах контрреволюция не располагала серьезными силами, способными не допустить перехода власти к Советам. У нее оставалась надежда поднять против победившего народа армию.

Около полудня 25 октября бывший глава низложенного Временного правительства А. Ф. Керенский бежал из революционного Петрограда. Перед бегством он послал телеграмму в штаб Северного фронта и непосредственно командиру 3-го конного корпуса генералу П. Н. Краснову с приказанием немедленно выслать все полки 1-й Донской казачьей дивизии (она входила в состав 3-го конного корпуса) с артиллерией в Петроград. Они должны были прибыть на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского военного округа полковника Г. П. Полковникова. В случае невозможности переброски военных частей по железной дороге им предписывалось следовать походным порядком. Кроме Керенского, телеграмму подписал исполняющий должность председателя Союза казачьих войск войсковой старшина А. Греков [1].

Во исполнение приказа генерал Краснов в 11 час. утра 25 октября отдал распоряжение отправить 1-ю Донскую казачью дивизию по железной дороге в район Гатчина — Александровская. Она должна была сосредоточиться в районе Пулково — Царское Село и оттуда походным порядком двигаться к Петрограду [2].

Одновременно в то же утро 25 октября Керенский приказал командующему Северным фронтом генералу В. А. Черемисову немедленно направить 5-ю Кавказскую казачью дивизию с артиллерией, 23-й Донской казачий полк и все казачьи части, расположенные в Финляндии, в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение Г. П. Полковникова. И в этом приказе, подписанном, помимо Керенского, комиссаром Союза казачьих войск при верховном главнокомандующем сотником Поночев-

---

[1] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 593.

[2] Там же, стр. 593—594.

ным, предлагалось идти походным порядком в случае невозможности перевозки войск по железной дороге [3].

На подавление Советской власти в Петрограде, как видим, вызывались одни казаки. В одном этом факте проявлялся антинародный характер бывшего Временного правительства: оно опиралось лишь на казаков. Пытаясь как-то объяснить это, комиссар Северного фронта меньшевик В. С. Войтинский телеграфно просил Краснова передать казакам: «В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи части». Какие «другие части», Войтинский не называл (он не мог, конечно, сознаться, что больше не на кого было надеяться), но просил казаков не обращать внимания на протесты против использования их для подавления народной власти. «Пусть злобствуют против казаков,— писал он,— окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца» [4].

Такова ирония истории: «социалист», долгие годы протестовавший против использования царизмом казачьих частей для подавления революционного движения, сам взывал к ним о помощи. Но дело здесь не в неожиданных исторических поворотах. Логика политики соглашения с буржуазией неизбежно привела меньшевиков в лагерь контрреволюции [5].

Отправив приказы о вызове казаков (копии их были посланы в Ставку генералу Духонину), штаб Северного фронта попытался также двинуть на Петроград 4-й и 5-й самокатные батальоны, которые стояли в эшелонах на станции Передольская, примерно в 70 км от столицы [6], хотя они уже заявили о своем переходе на сторону революции.

Тайком покидая столицу, Керенский остался верным своей хлестаковской манере: он бахвалился перед сотрудниками американского посольства, что скоро вернется и все уладит. Однако посол Д. Френсис, хорошо знавший бывшего председателя Временного правительства, не очень-то верил ему. «Это будет зависеть от того,— скептически сообщал он в Вашингтон,— какое количество войск последует за ним» [7].

Сам Керенский скоро убедился в том, как далеки его хвастливые заявления от действительности: при выезде из города его машина была обстреляна. «У контрольного пункта на Московской заставе,— пишет Керенский,— мы подверглись обстрелу, но выбрались в Гатчину без других помех» [8].

Прибыв в Гатчину, он не застал там никаких эшелонов с войсками, спешащими на помощь низложенному Временному правительству. Напротив, в городе уже знали о бегстве Керенского, и солдаты местного гарнизона собирались его арестовать. «Там,— пишет Керенский о своем пребывании в Гатчине,— нас пытались арестовать, но мы сумели продолжить наш путь без трудностей» [9].

---

[3] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 399.
[4] Там же, стр. 593.
[5] Генерал Краснов включил телеграмму Войтинского в свой приказ о движении казачьей дивизии на Петроград. «Оправдание» Войтинского лишь резче подчеркивало, какова та «демократия», от имени которой выступали меньшевики и эсеры совместно с казачьим генералом.
[6] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 399.
[7] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I. Washington, 1931, p. 224.
[8] *A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire. Plon, 1967, p. 577.
[9] Там же.

Едва избежав ареста, Керенский помчался в Псков, где находился штаб Северного фронта. Он прибыл туда поздно вечером 25 октября. Тут его ждал настоящий удар: он покидал Петроград, еще будучи председателем Совета министров, а в Пскове узнал, что Временное правительство низвергнуто. «Верховный главнокомандующий» побоялся явиться в штаб Северного фронта и укрылся на частной квартире у своего родственника, бывшего начальника кабинета военного министра, генерал-квартирмейстера Северного фронта В. Л. Барановского. На эту квартиру был вызван командующий войсками фронта генерал В. А. Черемисов; сюда же явился и комиссар фронта меньшевик В. С. Войтинский. От них Керенский узнал о занятии правительственных учреждений, окружении и штурме Зимнего дворца, а также о том, что в Пскове уже создан Военно-революционный комитет, который установил контроль на телеграфе и над штабом фронта. Керенскому рассказали о позиции, занятой комитетами всех трех армий Северного фронта. Комитет 5-й армии заявил, что пошлет войска не на защиту Временного правительства, а в помощь Петроградскому Военно-революционному комитету; комитет 1-й армии высказался против посылки войск в столицу. Лишь комитет 12-й армии соглашался выделить отряд на подавление революции, но, по мнению генералов Черемисова и Барановского, солдатская масса не поддержит комитет. Генералы подтвердили, что правительство уже арестовано и вся власть в руках Военно-революционного комитета. Учитывая это, он выражал сомнение относительно посылки войск в столицу: солдаты могли подвергнуться влиянию революционной агитации и перейти на сторону Советской власти.

Растерявшийся Керенский нехотя согласился с необходимостью отменить приказ об отправке войск. Более того, он решил отказаться от поста верховного главнокомандующего и передать этот пост генералу Черемисову, которому лично об этом сказал. Черемисов собрал представителей комитетов фронта и объявил об отмене посылки войск. В Ставку были отправлены копии приказов об этой отмене [10].

---

[10] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 604, 605. В зарубежной исторической литературе до сих пор бытует утверждение, что Черемисов по своей инициативе приостановил отправку войск в столицу. Буржуазные авторы все еще гадают, в чем была причина отмены распоряжений Керенского: одни считают Черемисова изменником, другие полагают, что склонный к карьеризму генерал возомнил себя верховным главнокомандующим и стремился сохранить свой пост путем уступок победителям. Сам Керенский усиленно поддерживает версию об инициативе Черемисова в отмене его приказа. «Я заметил,— пишет он о своем разговоре с Черемисовым,— что он (Черемисов.— *И. М.*) уже втянулся во «флирт» с большевиками. Войска, которые я ожидал в Петрограде, были остановлены уже в движении по его приказам» (*A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire, p. 577). Это утверждение Керенского совершенно не соответствует действительности. Когда генерал Черемисов был вызван Духониным к прямому проводу 25 октября в 12 час. ночи, то на вопрос, кем отменена посылка войск, ответил: «Это сделано с согласия главковерха (т. е. Керенского.— *И. М.*), полученного мною от него лично». Черемисов добавил: «Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же». Далее кандидат в главнокомандующие заговорил уже повелительным тоном: «Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены...» («Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 412, 595). В свою очередь генерал Барановский в разговоре с Духониным сутки спустя (ночью 26 октября) подтвердил, что Керенский дал согласие Черемисову на отмену отправки войск (там же, стр. 605; см.

О положении, сложившемся в ночь на 26 октября в Пскове, можно судить по переговорам с представителем Петроградского ВРК А. Н. Падериным и штабом Северного фронта. После занятия штаба Петроградского военного округа Падерин связался со штабом Северного фронта и спросил, известно ли в Пскове, что происходит в столице. Ему ответили, что в штабе знают обстановку в Петрограде из телеграммы ВРК, и сообщили, что в Пскове создан ВРК «с целью прежде всего помешать посылке усмирительных эшелонов». В этот момент к проводу подошел комиссар Северного фронта Войтинский. Он подтвердил, что Черемисов отменил приказ о посылке войск в Петроград, что в Пскове организован ВРК, в состав которого вошел и он сам. «Я заявил,— добавил Войтинский,— о сложении своих полномочий и комиссаром себя не считаю. Прошу, если это входит в круг вашего ведения, прислать мне заместителя возможно скорее» [11].

Обстановка в Пскове оказалась настолько неблагоприятной для Керенского, что и здесь он оказался под угрозой ареста. Когда поздно ночью 25 октября Духонин, удивленный распоряжением об отмене отправки войск, вызвал Черемисова и спросил, можно ли пригласить к аппарату Керенского, генерал ответил: «Невозможно в его интересах» [12]. Керенскому рекомендовали уехать из Пскова.

Всю ночь на 26 октября штаб Северного фронта вел переговоры с Военным министерством в Петрограде, где прямой провод еще находился в руках сторонников Временного правительства, с командующим войсками Западного фронта генералом П. С. Балуевым и со Ставкой. Выяснилось, что контрреволюция и в Петрограде, и в Ставке считает необходимым применить против Советской власти силу. Генерал Барановский сообщил об этом Керенскому. «Вернувшись к Керенскому,— докладывал Барановский Духонину,— и переговорив по дороге с Войтинским, вместе с последним настаивал на необходимости ликвидировать Петроград силой, для чего мы предлагали Керенскому ехать в Остров к генералу Краснову и переговорить с последним о настроении его войск, двинуться в Петроград для выполнения задачи, казавшейся нам требующей совершенно определенного твердого решения силой» [13]. Быстро переходивший от отчаяния к надеждам, Керенский согласился с доводами генерала и меньшевика. Он и сам думал о том, чтобы пробраться в штаб 3-го конного корпуса. «Если Краснова там не застанем,— рассуждал Керенский,— то поедем в Могилев, чтобы встретиться с Духониным, начальником штаба Верховного главнокомандующего» [14].

Еще во время своего двукратного разговора с Черемисовым Керенский спрашивал, где находится командир 3-го конного корпуса генерал П. Н. Краснов и согласен ли он с отменой посылки войск. Черемисов ответил, что Краснов скоро должен прибыть в Псков. Действительно, удивленный отменой приказа о выступлении на Петроград, лично полу-

---

также разговор генерал-квартирмейстера Ставки М. К. Дитерихса с командующим Западным фронтом генералом П. С. Балуевым 26 октября.— Там же, стр. 600). Позиция генерала Черемисова объясняется главным образом тем, что он не был хозяином положения: Псковский Военно-революционный комитет уже установил контроль над работой штаба и над передвижением войск.

[11] «Рабочий и солдат», 27 октября 1917 г.: «Социал-демократ», 1 ноября 1917 г.

[12] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 412.

[13] Там же, стр. 605.

[14] *A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire, p. 578.

ченного им от Керенского, Краснов на рассвете 26 октября прибыл в Псков. Не добившись толку в штабе фронта, он направился к комиссару фронта Войтинскому. Генерал знал, к кому обращаться: ведь именно Войтинский благословил казаков на поход в Петроград. Войтинский сообщил ему по секрету, где скрывается Керенский. Краснов направился на частную квартиру Керенского и позвонил буквально за несколько минут до его отъезда. Краснов сообщил, что казаки уже находятся в эшелонах. Обрадованный встречей с Красновым, которого сопровождал и начальник штаба корпуса подполковник С. П. Попов, Керенский вместе с ними немедленно помчался в Остров, чтобы организовать наступление 3-го конного корпуса на революционный Петроград.

Кстати, это полностью перечеркивает все те книги и статьи, которые в течение десятков лет написал бывший премьер Керенский, пытаясь доказать, будто в 1917 г. он боролся на два фронта — против большевиков и против контрреволюции справа. Керенский обратился за помощью к тому самому конному корпусу, который он в полном согласии с Корниловым в конце августа 1917 г. вызвал в Петроград на подавление революции. После разгрома корниловщины Керенский вопреки протесту революционных масс оставил корпус недалеко от столицы. Теперь Керенский сам пролил свет на вопрос, почему тогда корпус не был уведен на фронт: его еще рассчитывали использовать для борьбы с революцией.

Перед отъездом в Остров в 5 час. 30 мин. утра 26 октября Керенский оставил Черемисову следующее распоряжение: «Приказываю с получением сего продолжить перевозку 3-го конного корпуса к Петрограду». Он уже не вспоминал о своем решении оставить пост и подписал распоряжение: «Верховный главнокомандующий» [15]. Передать приказ в Остров не удалось: на телеграфе находились посты Военно-революционного комитета. Пришлось послать в Остров начальника военных сообщений, чтобы организовать отправку эшелонов [16].

В Пскове Керенский издал также приказ по армии, призывая сохранять порядок и боеспособность войск, всем начальникам и комиссарам «сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост верховного главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства республики» [17]. Любопытно, что в этом приказе Керенский ничего не говорил о сохранении им поста председателя Временного правительства. Напротив, он признал, что правительства не существует. «В настоящее время,— говорилось в приказе,— впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной родиной». Керенский уже знал об аресте почти всего состава правительства, и его приказ был подтверждением этого факта. Вместе с тем приказ Керенского являлся своеобразной формой его отказа от поста премьер-министра. Псков, таким образом, вторично стал местом отречения от власти: первый раз — венценосца Николая Романова, второй — кандидата в диктаторы Керенского.

Но распространить и этот приказ Керенского сначала не удавалось: мешали контролеры Военно-революционного комитета. С большим тру-

---

[15] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 595.
[16] Там же, стр. 605.
[17] Там же, стр. 594.

дом Войтинский успел напечатать приказ, а позже передать его открытой радиотелеграммой [18].

Прибыв в Остров, Керенский выступил на заседании местного исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями казаков. Во время речи ему был задан вопрос, зачем он прибыл в Остров. «Искать помощи у казаков для подавления большевистского восстания»,— прямо ответил Керенский. Это заявление вызвало бурный протест собрания. Потерявший самообладание Керенский пытался перекричать протестующих: «Я подавил корниловщину, я и большевиков сотру...» На этом речь его была оборвана, и он вынужден был покинуть собрание. Солдаты и часть казаков требовали его ареста, но казаки Донской дивизии помогли Керенскому добраться до эшелона. Днем 26 октября в Острове был образован ВРК, постановивший арестовать Керенского, но сделать это ВРК уже не успел [19].

26 октября днем казачьи части Краснова двинулись к Петрограду. Командный состав корпуса не забыл позора неудачи под Петроградом в дни корниловского мятежа. Офицеры и генералы помнили, что командир корпуса Крымов застрелился не то от отчаяния, убедившись в провале контрреволюционной авантюры, не то от позора: корпус был остановлен главным образом рабочими столицы. Офицеры-корниловцы охотно согласились снова двинуться в Петроград. Рядовых казаков обманули, сказав им, что с фронта вызваны и скоро прибудут к Петрограду много других верных «законному» правительству частей.

С первым эшелоном отбыл и Керенский. По данным штаба Северного фронта, к Петрограду предполагалось направить 24 казачьи сотни с пулеметами и 12 орудиями. Кроме того, из Ревеля вызвали 8 сотен и 6 орудий [20]. В распоряжении Краснова были также бронепоезд и броневик [21].

Замысел занять такими силами революционный Петроград, в котором находились десятки тысяч красногвардейцев, только что одержавших по-

---

[18] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 598.

[19] «Правда», 31 октября 1917 г.; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 599.

[20] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 607. Керенский, пытаясь как-то оправдать провал похода, пишет, что в Острове было всего 5 или 6 казачьих сотен (*A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire, p. 580). Фальсификаторы истории Октябрьской революции на этом основании утверждают, что на Петроград шли всего 700 казаков (см., например: *R. Daniels.* The Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967, p. 203).

Точных данных о силах Керенского — Краснова нет; они колеблются от 700 человек до 6 тыс. («Военно-морской революционный комитет». Л., 1975, стр. 37).

ВРК считал, что на Петроград наступало около 5 тыс. человек, а Военно-морской революционный комитет называл 6 тыс. («Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». М.— Л., 1957, стр. 311). Эти данные, видимо, близки к истине. К тем 24 сотням и артиллерии, о которых сообщал штаб Северного фронта, следует прибавить 700 юнкеров школы прапорщиков Северного фронта (о чем будет сказано дальше), около 350 солдат из Луги, несколько небольших отрядов добровольцев из числа офицеров и юнкеров, бежавших из Петрограда и собранных на месте, а также небольшую часть солдат гарнизона Гатчины, силой привлеченных к «походу». Всего в авантюрном походе у Краснова — Керенского было примерно от 4 до 5 тыс. человек, если учесть подходившие небольшие отряды добровольцев, необходимость оставлять части для караулов и охраны тыла (см. *В. Д. Поликарпов.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976, стр. 88—89).

[21] «Октябрь в Петрограде». Л., 1933, стр. 298.

беду, и многочисленные полки и отряды революционных солдат и моряков, дружно выступивших за Советскую власть, был явной авантюрой. Организаторы контрреволюционного мятежа рассчитывали, однако, на внезапность нападения и обман. Они полагали, что у Советской власти еще нет военного аппарата. Их сторонники в столице обнадеживали возможной поддержкой из Петрограда. Но казачьи эшелоны продвигались медленно: посты военно-революционных комитетов фронта и тыла, а также железнодорожники задерживали их.

Однако пользуясь тем, что в армейских штабах и комитетах еще сидели сторонники бывшего Временного правительства (в частности, передвижением войск ведали скрытые корниловцы), Керенский и Краснов все же сумели протолкнуть немногочисленные эшелоны корпуса через Псков.

«Первый эшелон, при котором находятся главковерх и Краснов,— сообщал 26 октября в Ставку комиссар Северного фронта Войтинский,— уже миновал Псков и с особыми предосторожностями двигается дальше» [22]. К 10 час. вечера из Острова вышло шесть эшелонов с пятью сотнями, тремя батареями и пулеметной командой. Все они прошли через Псков. В дороге к ним присоединились шесть сотен из Новгорода, Старой Руссы и Торопца [23].

Утром 27 октября казаки неожиданно появились под Гатчиной. Им удалось захватить врасплох и разоружить только что прибывших сюда роту Измайловского полка и отряд моряков. Казаки захватили Гатчину, где находился ничего не подозревавший гарнизон. Город был объявлен на осадном положении, Совет рабочих и солдатских депутатов разогнан, а его депутаты-большевики арестованы по спискам, заранее переданным Керенскому.

Бывший премьер немедленно обосновался в Гатчинском дворце. В 7 час. 06 мин. он назначил командира корпуса генерала Краснова командующим «всеми вооруженными силами Российской республики Петроградского округа» [24], приказав ему идти прямо на Петроград.

В 16 час. 25 мин. Керенский разослал телеграмму: «Всем, всем, всем». В ней говорилось: «Город Гатчина занят войсками, верными правительству, без кровопролития. Роты кронштадтцев, измайловцев и моряков сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам правительства. Предписываю все эшелоны продвигать вперед. От Военно-революционного комитета Петрограда солдаты получили приказание отступать» [25].

Керенский сообщал о «ротах» революционных воинов, хотя карателям удалось захватить внезапным налетом только один отряд; о присоединении революционных солдат к его войскам, хотя пленных пришлось содержать под караулом; о приказе ВРК отступать, хотя такого распоряжения не было и в помине. Все эти сообщения являлись либо плодом воображения Керенского, либо сознательной мистификацией.

Одновременно с сообщением о захвате Гатчины Керенский 27 октября в 16 час. 25 мин. послал телеграмму, услужливо переданную Викжелем

---

[22] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 598.
[23] Там же, стр. 614.
[24] Там же, стр. 609.
[25] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 236. В «Рабочей газете» от 28 октября 1917 г., где впервые опубликована телеграмма, неправильно указан адресат — главнокомандующему Северным фронтом — и имеются разночтения с подлинником.

по всей сети железных дорог: «Войскам Петроградского военного округа, всюду и всем, всем, всем...

Объявляю, что я, министр-председатель Временного правительства и верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданного Родине. Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумению или заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга» [26].

Керенский уже видел себя въехавшим в Петроград на белом коне и потому составлял приказы в напыщенном стиле победителя, «железной рукой» наводящего «порядок» и жестоко карающего побежденных.

Замыслы контрреволюции

Первые успехи Керенского и Краснова ободрили всю контрреволюцию. Еще накануне комиссар Северного фронта Войтинский и командующий фронтом Черемисов признавали положение безнадежным, отказывались от своих постов, а всего через сутки стали собирать войска для поддержки Керенского.

Командующий Западным фронтом П. С. Балуев утром 26 октября на вопрос генерала М. К. Дитерихса из Ставки, имеются ли у него части, которые «безусловно бы поддержали Временное правительство», ответил: «Ни за одну часть ручаться не могу, большинство из частей безусловно не поддержит, даже те части, которые находятся около меня, и те годны разве только для того, чтобы остановить погромы и беспорядки, но для поддержки Временного правительства навряд ли они пригодны» [27]. А к вечеру 27 октября Балуев уже сообщал, что на Западном фронте армия «поборола большевистское выступление», и обещал послать войска против Советской власти в Петрограде и Москве [28].

Под влиянием первых успехов контрреволюционного отряда Краснова быстро поднялось настроение и в самой Ставке. 26 октября утром Духонин, узнав об отмене посылки войск к столице и о поездке Керенского в Остров, собирался послать ему следующую телеграмму через генерал-квартирмейстера Северного фронта С. Г. Лукирского: «Прошу вас немедленно по прибытии [в] штасев переговорить со мной по аппарату. Желая вам доложить, вчера лично я просил об этом главкосева (т. е. Черемисова.— *И. М.*), но он не признал возможным. Полагаю необходимым выдвижение [к] Петрограду не только 3-го корпуса, но и других назначенных частей» [29]. Но продиктовав телеграмму, Духонин тут же спохватился, попросил Лукирского вычеркнуть упоминание о посылке «других назначенных частей» и вообще уничтожить этот кусок телеграфной ленты. Он боялся, что телеграмма будет задержана представителями Военно-революционного комитета. А после первого успеха отряда Керенского — Краснова Духонин стал усиленно и открыто формировать отряды на помощь 3-му конному корпусу.

---

[26] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 72, лл. 35, 36. Телеграмма дается по архиву, как более полная, и с указанием даты.

[27] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 600, 602.

[28] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 30.

[29] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 596.

В Петрограде созданный по постановлению городской думы Комитет общественной безопасности на своем первом заседании 25 октября постановил «считать вопрос о положении Временного правительства открытым и действовать в сфере ограждения населения от возможных случаев насилия со стороны хулиганско-погромных элементов, прибегая к содействию и принимая в этом отношении помощь от обеих борющихся властей» [30]. А созданный сутки спустя «Комитет спасения родины и революции» приступил к организации контрреволюционного мятежа в столице в помощь Керенскому — Краснову и послал к ним своего представителя для уточнения срока выступления.

Все контрреволюционные организации пришли в движение. Они срочно приступили к согласованию своих действий и созданию руководящих центров. Одним из главных таких центров стал «Комитет спасения родины и революции».

Комитет общественной безопасности, созданный Петроградской городской думой поздно вечером 24 октября, был местной организацией: в его состав входили 20 гласных Центральной городской думы, 17 гласных районных дум, а также представители штаба Петроградского военного округа, градоначальства и прокурорского надзора. Председателем комитета стал городской голова Г. И. Шрейдер. Правда, в состав комитета предполагалось включить 21 представителя от других организаций. В связи с этим, например, Предпарламент и ЦИК Советов первого созыва своих органов для борьбы с победившей революцией не создавали, а посылали представителей в петроградский Комитет общественной безопасности [31].

Днем 25 октября комитетом было принято решение приступить к организации гражданской охраны, начальником которой был назначен эсер поручик Ю. П. Мазуренко, прибывший в столицу с Северного фронта. В его полномочия входили «непосредственные распоряжения по охране населения и городских учреждений» [32]. Комитет общественной безопасности, как видим, сам ограничил свою деятельность вопросами «безопасности» населения столицы. Единственной активной мерой комитета явилась попытка организовать шествие членов городской думы, присоединившихся к ним членов Предпарламента и покинувших II съезд Советов эсеров и меньшевиков в Зимний дворец, чтобы «умереть» вместе с Временным правительством. Красногвардейский патруль помешал им выполнить этот акт «самосожжения» — они оказались лишь наблюдателями конца Временного правительства. В ночь на 26 октября процессия вернулась в городскую думу. Началось заседание Комитета общественной безопасности. Было решено превратить комитет в более широкий орган, объединяющий все организации, готовые бороться с победившей Советской властью. В 3 часа ночи был создан «Комитет спасения родины и революции». В его состав вошли представители городской думы, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва (хотя фактически его полномочия кончились, ибо собрался уже II съезд Советов, избравший новый исполнительный комитет), исполкома Всероссийского Совета крестьянских де-

---

[30] Там же, стр. 405—406. Комитет постановил избрать двух эмиссаров городской думы в качестве осведомителей, направив одного во Временное правительство, а другого — в Военно-революционный комитет.

[31] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 1059.

[32] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 406.

путатов, ЦК партий эсеров и меньшевиков, плехановской группы «Единство», фракций эсеров, меньшевиков, народных социалистов, покинувших II съезд Советов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, кооперации, разогнанного Предпарламента (Совета Российской республики) и фронтовых организаций.

Этот орган был задуман как всероссийский. Свои воззвания и распоряжения он так и подписывал: «Всероссийский комитет спасения родины и революции». На ночном заседании было избрано бюро комитета и постановлено создавать местные комитеты по всей стране. Председателем «Комитета спасения» стал правый эсер Н. Д. Авксентьев. «В ответ на большевистский переворот,— писал один из лидеров партии эсеров, В. М. Зензинов,— мы объединились все вместе в «Комитет спасения родины и революции». Председателем был избран Авксентьев, ...руководители партии социалистов-революционеров, социал-демократов и других социалистических и революционных партий вошли в этот комитет» [33].

«Комитет спасения» был поддержан ЦИК первого созыва, лишенным полномочий, но незаконно продолжавшим свою деятельность. Его представители не только вошли в состав «Комитета спасения». 26 октября в 12 час., через несколько часов после создания «Комитета спасения», ЦИК разослал циркулярную телеграмму всем Советам рабочих и солдатских депутатов и армейским комитетам. В телеграмме отмечалось, что II съезд Советов собрался в условиях гражданской войны, «вызванной захватом власти большевиками». Сообщив далее, что съезд покинули эсеры, меньшевики и меньшевики-интернационалисты, но, разумеется, не указав, что ушло всего с полсотни человек, что бóльшая часть эсеров, а именно левые эсеры, остались, ЦИК объявлял: «Вследствие этого ЦИК считает II съезд Советов не состоявшимся и рассматривает его как частное совещание делегатов-большевиков, и решения этого съезда как незаконные ЦИК объявляет необязательными для местных Советов и армейских комитетов». ЦИК обещал созвать новый съезд, «как только создадутся условия для правильного его созыва» [34].

Необходимо напомнить, что 25 октября ЦИК официально открыл заседания II съезда Советов, т. е. признал его полномочия правильными. Объявить через сутки съезд «несостоявшимся» значило уподобиться на практике помпадуру Салтыкова-Щедрина, требовавшему считать Америку не существующей, «закрыть Америку!»

Намерения эсеро-меньшевистских помпадуров из ЦИК сводились к тому, чтобы облегчить работу контрреволюции: оторвать хотя бы часть Советов от поддержки революции или вызвать замешательство.

Создание «Всероссийского комитета спасения родины и революции» вовсе не означало ликвидации других органов контрреволюции. Очень активную роль продолжала играть городская дума, находившаяся в тесной связи с «Комитетом спасения» [35]. Но именно этот последний стал основным руководящим центром.

В первом же воззвании «К гражданам Российской республики» «Комитет спасения», призвав к свержению Советской власти, объявил: «Сохраняя преемственность единой государственной власти, «Всероссийский

---

[33] *В. Зензинов.* Из жизни революционера. Париж, 1919, стр. 95.

[34] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 154.

[35] Подробнее см.: *А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции. Л., 1969, стр. 42, 43.

комитет спасения родины и революции» возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии» [36].

Все контрреволюционные группы и партии — от кадетов до меньшевиков — объединились вокруг единого органа — «Всероссийского комитета спасения родины и революции» и поставили перед собой одну цель: воссоздать буржуазное Временное правительство. (Между прочим, это не означало отказа контрреволюции от попыток организации Временного правительства или какой-то его части в Москве. Напротив, с началом контрреволюционного мятежа там появлялись шансы на возобновление его деятельности.) В ряде городов и на фронте стали создаваться такие же «Комитеты спасения», вступившие в связь с «Всероссийским комитетом спасения». Он в свою очередь рассылал уполномоченных по стране для организации своих отделений.

Следует отметить, что «Комитет спасения» был построен по тому же принципу коалиции мелкой буржуазии с крупной (т. е. блок эсеро-меньшевистских партий с кадетами), который лежал в основе формирования всех составов Временного правительства, начиная с мая 1917 г. [37]

Все участники единого контрреволюционного блока опубликовали свои воззвания и резолюции. При этом кадеты, народные социалисты, меньшевики-оборонцы безоговорочно требовали восстановления Временного правительства, а эсеры (правые и центр) и меньшевики-объединенцы (центр) пытались прикрыть свою позицию лжереволюционными фразами. Они писали о «революционно-демократической власти», об объединении всей демократии и т. п. [38] Но эти партии входили в состав «Комитета спасения», призывали к его поддержке, поручали ему создание власти, т. е. откровенно поддерживали коалицию с буржуазией.

Буржуазные периодические издания, продолжавшие выходить и после победы вооруженного восстания, а также газеты эсеров и меньшевиков печатали бесчисленные призывы и постановления «Комитета спасения». Все же широкого распространения эти злобные, переполненные клеветой воззвания не имели и влияния на массы, охваченные могучим революционным подъемом, почти не оказывали. Да и какое чувство, кроме презрения, они могли вызвать, если ЦК эсеров клеветнически утверждал, будто в резолюции II съезда Советов о власти нет ни слова об Учредительном собрании, между тем как петроградцы хорошо знали напечатанную во всех газетах ленинскую резолюцию, в которой говорилось, что Советская власть «обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания» [39]. Меньшевики лгали, будто Советская власть захватила «400 вагонов с продовольствием, шедших на Северный фронт для нужд армии» [40], а тру-

---

[36] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот (Факты и документы)». Пг., 1918, стр. 339.

[37] Центральный Комитет партии кадетов формально не был представлен в «Комитете спасения», но туда вошли представители городской думы, Предпарламента, кооперации и т. п., где было много кадетов. В своих воззваниях и резолюциях ЦК партии кадетов призвал к полной поддержке «Комитета спасения», неподчинению Совету Народных Комиссаров и восстановлению Временного правительства («Вестник партии народной свободы», 9 ноября 1917 г., стр. 24).

[38] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот», стр. 324.

[39] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 11.

[40] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот», стр. 333.

дящиеся сами на своем опыте убеждались, насколько упорядочивалось снабжение населения хлебом, и видели, с какой энергией обеспечивался фронт продовольствием. Подобные клеветнические измышления лишь разоблачали их авторов, свидетельствуя о глубине морального падения партий, все еще прикрывавшихся «демократическими» и даже «социалистическими» званиями.

В «Комитете спасения» численно преобладали правые эсеры, а вместе с меньшевиками они составляли в нем подавляющее большинство. «Партия социалистов-революционеров,— писал В. М. Зензинов,— была в этой борьбе с большевиками в первых рядах» [41–42]. Но в этом контрреволюционном сборище, похожем на Ноев ковчег по разнообразию представленных пар, но отличавшемся от него тем, что собраны были одни нечистые пары, главной силой являлась партия кадетов. У нее были источники средств, так как за ней стояли капиталисты. Лидеры кадетов были тесно связаны с генеральской верхушкой армии. За кадетами группировались все другие правые организации вплоть до монархистов.

Связь с «Комитетом спасения» установил генерал М. В. Алексеев, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего при царизме и Временном правительстве. Совместно с Алексеевым действовал ближайший соратник Керенского корниловец Б. В. Савинков. Они пригласили представителей Совета союза казачьих войск на тайное совещание, на котором было решено послать двух представителей навстречу войскам Краснова — Керенского [43]. С помощью кадетов «Комитет спасения» вступил в контакт с откровенно монархической организацией черносотенца В. М. Пуришкевича, которая была создана в октябре 1917 г., еще до перехода власти к Советам. В ее состав вербовались офицеры и юнкера в столице, в Москве и на фронте [44]. Целью этой организации, как признал один из ее активных участников, Н. Граф, было «установление в стране твердой власти в целях победоносного окончания войны и в дальнейшем непременного восстановления в России монархии» [45].

Пуришкевич предлагал немедленно выступить против Советской власти, пока она еще не окрепла. Надо, говорил другой участник организации, Е. В. Зелинский, ударить в тыл большевикам «и уничтожить их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами» [46].

Однако партия кадетов, вдохновлявшая и возглавлявшая борьбу против революции, была уже настолько разоблачена в глазах народных масс, что предпочитала на какое-то время выдвинуть вперед правых эсеров и меньшевиков, охотно и рьяно взявшихся выполнять общее дело контрреволюции.

Пока партии мелкобуржуазных «спасителей революции» захлебывались «демократическими» речами, «Комитет спасения» призвал чиновников всех министерств и ведомств бывшего Временного правительства к саботажу, постановил считать всех бастующих чиновников на «государ-

---

[41–42] *В. Зензинов.* Из жизни революционера, стр. 91.
[43] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1943, стр. 324.
[44] Там же.
[45] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 175.
[46] Там же, стр. 183.

ственной службе» и объявил, что «передача дел» в руки новых властей или «подача заявлений об отставке» является недопустимой [47].

«Комитет спасения» вступил в связь с иностранными представителями, добиваясь помощи иностранных держав. Этим контрреволюция еще раз подтвердила, что одними своими силами ей не справиться с Советской властью. Видный эсер Г. Семенов, один из руководителей военной подготовки свержения новой власти, признал, что лидеры «Комитета спасения» с самого начала своей организации считали приемлемой «помощь союзников в вооруженной борьбе с большевиками» [48].

26 октября «Комитет спасения» послал делегацию к английскому послу Д. Бьюкенену. Состав делегации был подобран с таким расчетом, чтобы создать впечатление, что большевики изолированы, против них все партии, все так называемые демократические учреждения и их видные руководители. Среди членов делегации были эсеры: председатель «Комитета спасения» и председатель ликвидированного Предпарламента Н. Д. Авксентьев и городской голова Г. И. Шрейдер; меньшевик, председатель президиума городской думы А. А. Исаев; кадет, бывший управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков.

Делегация «Комитета спасения» заверила английского посла, что большевики «совершенно изолированы»: эсеры и меньшевики покинули II съезд Советов. Они добавили (это особенно обрадовало посла), что «Керенский ведет целый корпус на выручку Петрограда и Временного правительства» [49]. Сам Бьюкенен не сообщает в своем дневнике, что он ответил Авксентьеву, но своему коллеге начальнику французской военной миссии генералу Г. Нисселю он подтвердил, что поддерживал связь с «Комитетом спасения» и атаманом Калединым и оказывал им финансовую поддержку [50].

Представители «Комитета спасения» беседовали также с английским военным атташе генералом А. Ноксом. «Я видел Авксентьева, Набокова, Гальперина и других,— записал Нокс в своем дневнике 26 октября (8 ноября).— Они сообщили, что все небольшевистские социалисты вышли из состава Советов (имеется в виду II съезд Советов.— *И. М.*) и образовали «Комитет общественной безопасности». Этот комитет в настоящее время не имеет сил, но надеется на поддержку войск с фронта... Ожидается, что они будут здесь завтра или на следующий день. Авксентьев добавил, что он дает большевикам «не более двух дней»» [51].

Встречи иностранных представителей с деятелями «Комитета спасения» носили, по-видимому, не только информационный характер. В недрах английского Форин Оффис, видимо, на основе донесений посла была составлена 30 октября (12 ноября) 1917 г. записка о положении в России. Авторы ее уверяли, что Советское правительство накануне краха, что Россия будет спасена армиями, которые ведет на столицу Керенский,

---

[47] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот», стр. 343.

[48] *Г. Семенов* (*Васильев*). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922, стр. 12.

[49] *В. Д. Набоков*. Временное правительство.— «Архив русской революции», т. I, стр. 87—88. Английский посол в своем дневнике в основном подтвердил содержание беседы, но датировал ее 27 октября (9 ноября) (*Д. Бьюкенен*. Мемуары дипломата, изд. 2-е. М., [б. г.], стр. 282).

[50] *В. С. Васюков*. Предыстория интервенции. Февраль 1917 — март 1918. М., 1968, стр. 213.

[51] *A. Knox*. With the Russian Army, vol. II. London, 1921, p. 712.

что новое правительство будет составлено из «комбинации крайних монархистов — генералов Корнилова и Каледина с адвокатом-социалистом и премьер-министром Керенским» [52]. Представители «Комитета спасения» посетили и американского посла. «Только что,— телеграфировал Френсис 28 октября (19 ноября) 1917 г. в Государственный департамент,— меня посетил член «Комитета безопасности» Виленкин и сообщил, что солдаты покидают большевиков, что новое правительство фактически не существует, а Савинков и Керенский с войсками находятся лишь в 20 километрах от Петрограда». Френсис подчеркнул в своей телеграмме: «Виленкин сообщил, что он имеет инструкции информировать меня официально» [53].

Вряд ли необходимо добавлять, что «официально» можно уведомлять о таких событиях тех, кто в них заинтересован и оказывает поддержку. Действительно, на следующий день, 29 октября (11 ноября), американский посол в Швеции Моррис, с помощью которого нередко сносились с Вашингтоном его представители, телеграфировал государственному секретарю Лансингу, что «Комитет спасения» создан для борьбы с большевиками и «получает поддержку американского и английского посольств» [54]. Итак, Френсис и Бьюкенен не ограничивались получением информации: они оказывали поддержку антисоветским мятежникам.

В правительственных кругах Вашингтона, по свидетельству американской печати, не сомневались в «полном падении» Советской власти и только «спорили о том, будет ли новым руководителем Керенский, Корнилов или какая-нибудь менее известная фигура» [55].

Советским властям было известно, что иностранные офицеры присутствовали в качестве советников на заседаниях «Комитета спасения», а некоторые из них приняли участие в мятеже юнкеров и подверглись аресту [56].

Заручившись обещанием поддержки со стороны иностранных представителей, «Комитет спасения» обратил главное внимание на организацию боевых сил. В его составе был создан военный отдел на базе политического управления Военного министерства. В тесном контакте с ним работала военная комиссия ЦК партии эсеров [57].

Прежде всего «Комитет спасения» установил связь с юнкерскими училищами. После взятия Зимнего дворца юнкера были разоружены и отпущены. С помощью «Комитета спасения» их вновь снабдили оружием. (Юнкера, которые не участвовали в защите Зимнего и остались в своих казармах, сохранили свое оружие.) «Комитет спасения» пытался связаться с полками гарнизона главным образом через эсеровские ячейки, но безуспешно: гарнизон в целом оставался верным революции. Сочувственный отклик контрреволюционеры нашли только в батальоне «увечных воинов», состоявшем из раненых солдат. Но в нем едва ли можно было набрать 1,5 сотни человек. Казачьи полки, расположенные в столице, сохраняли нейтралитет, хотя их командный состав был готов помочь контрреволюционным заговорщикам. Таким образом, в Петрограде контрреволюция могла опереться только на военные училища. Тем не менее

---

[52] *О. Ф. Соловьев.* Великий Октябрь и его противники. М., 1968, стр. 70.
[53] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 229.
[54] Там же.
[55] *А. В. Березкин.* Октябрьская революция и США. 1917—1922. М., 1967, стр. 80.
[56] *О. Ф. Соловьев.* Великий Октябрь и его противники, стр. 81.
[57] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 156, 175.

«Комитет спасения» назвал эти незначительные силы «армией спасения», создал военный штаб и даже наметил командующего — полковника Г. П. Полковникова, хотя он лишь днем 25 октября был смещен Временным правительством с поста главного начальника Петроградского военного округа.

Главные надежды контрреволюция возлагала на подход фронтовых войск. «Комитет спасения» связался со штабом Северного фронта, откуда получил сведения о движении частей к Петрограду. Немедленно на все окраины и въезды в Петроград комитет выслал своих представителей для встречи войск, посланных Ставкой [58].

Ставка, активно боровшаяся против революции и до Октябрьского вооруженного восстания (именно здесь был подготовлен мятеж генерала Корнилова), после победы большевиков заняла ведущее положение в антисоветском движении. Если «Комитет спасения» становился политическим центром организации всероссийской контрреволюции, то Ставка была ее штабом, исполнительным органом, в руках которого находился весь аппарат командования многомиллионной армией.

Было бы неправильным полагать, что расчеты Ставки в борьбе против Советской власти строились только на таких авантюрах, какой был, по крайней мере вначале, поход Краснова — Керенского, или на отдельных, изолированных актах сопротивления. К такому представлению подталкивает разрозненность документов Ставки (они публиковались в недостаточном количестве и притом в разных органах печати) и отсутствие глубокого анализа ее деятельности в Октябре (эта тема еще ждет серьезного исследования) [58а]. Конечно, свержение Временного правительства расстроило планы контрреволюции: не стало единого организующего центра, и это не могло не вызвать известного замешательства в лагере контрреволюции. Но враждебность имущих классов к революции усилилась в результате свержения их власти. Их главная партия — кадеты — с новым усердием взялась за организацию контрреволюционной борьбы. Мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков превратились в прямых помощников контрреволюции.

Ставка, как уже упоминалось, недолго находилась в состоянии замешательства. Взятие Гатчины укрепило надежды командной верхушки армии на скорую ликвидацию власти Советов. Ставка развернула кипучую деятельность по собиранию сил контрреволюции и по переходу в наступление против победившей революции. Деятельность Ставки состояла не в отдельных, изолированных актах сопротивления, а в организации общего контрреволюционного натиска. Ее главной задачей была ликвидация Советской власти в Петрограде и Москве. Во время переговоров со штабом Северного фронта в полночь 26 октября Духонин сказал генерал-квартирмейстеру Барановскому: «Мы вошли в связь с Москвой, там захвачен большевиками Кремль... Пошлем туда помощь, так же как и Александру Федоровичу (т. е. Керенскому.— *И. М.*)...» [59] Генерал Барановский со-

---

[58] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 596.

[58а] С того времени, как было высказано это замечание, вышло несколько книг, заполнивших указанный пробел, и среди них ценное, богатое новыми документами исследование В. Д. Поликарпова «Пролог гражданской войны в России» (М., 1976). Однако еще очень мало обобщающих работ о гражданской войне, которая происходила в самой армии.

[59] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 606.

гласился с этим. «Нужны меры воздействия физического [порядка],— говорил генерал,— я думаю, если Петроград и Москва были бы действительно усмирены, то это отразилось бы к лучшему и в армии...» [60]

Но Ставка не ограничивалась этим: она готовилась к подавлению движения солдатских масс на фронте, к борьбе с властью Советов в тылу фронтов, охватывавшем огромный район, в гарнизонах и городах России. Во время своих переговоров с Одесским военным округом Духонин, раскрывая планы Ставки, прямо заявил, что борьба с большевистским движением «ныне является одной из главных задач тыла фронтов и внутренней России» [61].

В действительности борьба с «внутренним врагом», с властью Советов становилась главной задачей Ставки. С этой целью в Ставке издавались свои военные сводки, в которых, по всем правилам военного искусства, перечислялись «фронты», где шла внутренняя война: «петроградский район», «московский район», «киевский район» [62]. В сводках и распоряжениях Ставки упоминались десятки дивизий, корпуса, армии, в которых подавлялись революционные выступления солдат; десятки городов, куда направлялись войска или уже шла борьба с революционным народом: Петроград, Москва, Минск, Киев, Одесса, Таллин (Ревель), Валк, Винница, Смоленск, Двинск, Орша, Ржев, Вязьма, Севастополь и др. О борьбе с революцией в этих городах будет говориться в соответствующих разделах. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что контрреволюционные мятежи во всех этих местах являлись не изолированными, а тем более не местными вспышками, а звеньями в общей цепи антисоветских выступлений. Это подтвердила и Ставка своими приказами. Но, разумеется, основное внимание было сосредоточено на борьбе с революционным Петроградом.

Наступление контрреволюционных войск на Петроград

После захвата Гатчины Керенский торопил Краснова идти на Петроград. Но первый успех принес с собой и первую неудачу, значение которой поняли не сразу: гарнизон Гатчины наотрез отказался присоединиться к отряду Краснова. Даже школу прапорщиков удалось привлечь только к несению караулов.

Генерал Краснов, который больше разбирался в военной обстановке, чем Керенский, понимал, что тыл надо закрепить, а для этого необходимы дополнительные силы. Подкрепления нужны были и для продвижения вперед. Между тем помощь могла прийти только с фронта.

Ставка непрерывно вела переговоры со всеми фронтами об отправке воинских частей в помощь Краснову — Керенскому. Приказы чаще всего направлялись в штаб ближайшего к столице Северного фронта. Днем 26 октября комиссар Северного фронта Войтинский сообщил в Ставку, что в 12-й армии готовится отряд для отправки в Петроград [63]. Ночью

---

[60] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 608.
[61] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 160.
[62] Там же, стр. 174.
[63] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 598.

26 октября генерал-квартирмейстер Барановский докладывал Духонину, что «завтра будет направлен пехотный сильный отряд» под командованием генерала Врангеля [64]. Духонин настаивал, чтобы в состав отряда входили отборные части, лучше всего ударные батальоны. Он советовал также послать «один-два, но вполне надежных броневика», так как вести бои придется на улицах, а «тактика уличных боев [в] значительной степени будет зависеть» от бронированных автомобилей [65]. Это указание Духонина весьма примечательно: лидеры контрреволюции хорошо понимали, что развязывают гражданскую войну против победившего городского пролетариата.

Распоряжение о направлении надежных частей из 12-й армии было отдано в 2 часа ночи на 27 октября [66]. Но уже в тот же день в Ставке начали понимать действительное положение в войсках. В ночь на 26 октября выяснилось, что 5-я Кавказская дивизия, затребованная Керенским из Финляндии, отказалась выступить на его стороне и постановила послать помощь Петрограду. Командование отказалось также от посылки под Петроград 43-го Донского полка, опасаясь, что гарнизоны городов, через которые он должен был проходить, не пропустят казаков [67]. Узнав об этом, Ставка распорядилась послать вместо 43-го полка 17-ю кавалерийскую дивизию. Кроме того, Ставка категорически потребовала от штаба Северного фронта отправить в Гатчину казачью бригаду 1-й Донской дивизии, задержанную местными военными властями под Таллином (Ревелем), для борьбы с революционным движением [68].

Ставка непрерывно связывалась со штабом Северного фронта, требуя быстрее двигать эшелоны 3-го конного корпуса. К прямому проводу вызывали то Войтинского, то Барановского, то Лукирского. В Псков из Ставки направили специальных представителей: побывали там председатель общеармейского комитета С. В. Перекрестов, помощник Духонина В. В. Вырубов. Временами Духонин оставлял командирский тон и переходил к попыткам убеждать.

«Пожалуйста,— убеждал он по прямому проводу начальника штаба Северного фронта генерала Лукирского,— наблюдайте за безостановочным следованием эшелонов 3-го конного корпуса из Острова. *Этот вопрос приобретает чрезвычайное значение.* И необходимо настоять на немедленном отправлении эшелонов по назначению» [69].

Одновременно Ставка и состоящий при ней Общеармейский комитет принимали меры к недопущению большевистских выступлений в армии. Командующим армиями и армейским комитетам рекомендовалось обратить особое внимание на местные гарнизоны и армейские корпуса, в которых было сильно влияние большевиков; командировать туда «своих уполномоченных, ибо возможно, что известие о выступлении большевиков в Петрограде будет воспринято кое-где на местах и особенно в частях, зараженных большевистским настроением, как сигнал к анархическим выступлениям против командного состава» [70]. На всех телеграфах пред-

---

[64] Там же, стр. 607.
[65] Там же, стр. 607, 608.
[66] Там же, стр. 615.
[67] Там же, стр. 614, 615.
[68] Там же, стр. 601, 624.
[69] Там же, стр. 615 (курсив наш.— *И. М.*).
[70] Там же, стр. 601.

лагалось установить контроль и постоянные дежурства, чтобы преградить доступ в армию советских воззваний и распоряжений, а на узловых станциях поставить надежные заградительные отряды.

Духонин требовал отправки войск на Петроград не только с Северного фронта. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Г. Володченко и комиссар фронта меньшевик Н. И. Иорданский уже с утра 26 октября стали запрашивать армии: какой из них может быть оказана помощь Краснову. Командующий 7-й армией генерал Я. К. Цихович в 10 час. 45 мин. 26 октября уже телеграфировал в штаб фронта: «Немедленно может быть двинут в Петроград 22-й корпус, если необходимо. Жду распоряжений» [71]. 27 октября Духонин послал телеграмму «вне всякой очереди» главнокомандующему Юго-Западным фронтом, копии — комиссару фронта и фронтовому комитету с приказанием срочно сформировать отряд из 8 батальонов, 6 сотен и 18 орудий «для отправки в Петроград на поддержку Временного правительства и подавление мятежников, захвативших самовольно [в] Петрограде власть».

В ответ на распоряжение Духонина штаб Юго-Западного фронта сообщил 27 октября в 23 час. 15 мин., что вместо отдельных батальонов лучше послать 3-ю Финляндскую дивизию. Предполагали также послать 1-й ударный полк под командованием полковника Нежинцева и еще несколько надежных частей, но ударники уже начали погрузку на Киев, где тоже требовалась помощь в борьбе против большевиков. К тому же в ударном полку насчитывалось всего 1500 штыков, а в 3-й Финляндской дивизии — 6000 «более или менее надежных» [72]. Направить дивизию можно было через Коростень на Могилев. Кроме того, штаб Юго-Западного фронта предложил послать на Петроград из Черкасс еще три ударных батальона, «выразивших согласие».

Ставка утвердила отправку 3-й Финляндской дивизии и наметила срок ее прибытия в Царское Село. От посылки ударных батальонов из Черкасс Ставка отказалась, так как имела сведения об их невысокой боеспособности [73]. Вместо них Ставка предложила послать 17-й Донской казачий полк. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом Н. Г. Володченко немедленно распорядился: «На основании приказания Ставки... приказываю командарму 7 немедленно погрузить 3-ю Финляндскую стрелковую дивизию с дивизионом артиллерии [и] обозами первого разряда для отправки [в] Петроград; командующему войсками Киевского военного округа перевести [в] Петроград 17-й Донской казачий полк; 3) названные части [под] общим начальством начальника 3-й Финляндской генерала Ахвердова составят отряд для поддержки Временного правительства, [для] подавления мятежников, захвативших власть [в] Петрограде; 4) при частях должны быть представители соответствующих армейских организаций и правлений казаков» [74].

Сразу после переговоров с Юго-Западным фронтом Ставка связалась с Псковом, где к проводу, воспользовавшись отсутствием контроля, подошел поручик Данилевич, офицер для поручений при начальнике кабинета военного министра (он выехал из Петрограда после взятия Зимнего дворца и направлялся к Керенскому). Данилевич сообщил, что выезжает

[71] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 143.
[72] Там же, л. 238.
[73] Там же, л. 249.
[74] Там же, л. 193.

из Пскова к Керенскому, и спросил, что ему передать. Данилевичу поручили сообщить Керенскому, что на помощь высылается 3-я Финляндская дивизия вместе с 17-м Донским полком и что к Петрограду они подойдут вечером 29 октября. Далее Данилевич сказал: «В Псков прибыл Чернов, который теперь, как это ни странно, стал нашим человеком и будет организовывать противодействие захватчикам власти» [75]. Для контрреволюции лидер эсеров Чернов являлся «своим» человеком. Чего стоят после этого многословные и крикливые заявления эсеровского центра о борьбе на два фронта: против «опасности» справа и слева? Впрочем, руководители контрреволюции придавали значение не словам, а делам, а эсеры действовали вместе с ними.

Помощник главнокомандующего Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачев (командующим фронтом номинально считался румынский король) сообщил Ставке, требовавшей от него присылки войск, что на помощь Краснову — Керенскому формируются особые роты при каждом корпусе во всех армиях фронта [76].

Таким образом, в организации контрреволюционных сил для посылки на Петроград и Москву приняли участие почти все фронты: Северный, Западный, Юго-Западный и Румынский. Не привлекались лишь войска Кавказского фронта, который находился слишком далеко, к тому же там нужны были военные силы для борьбы с революцией на месте. Главнокомандующий Кавказским фронтом генерал М. А. Пржевальский и комиссар фронта Д. Д. Донской прислали Керенскому телеграмму, в которой осуждалось восстание в Петрограде и декларировалась поддержка Временного правительства. Керенский поблагодарил Пржевальского и Донского, не преминув заявить, будто «вся действующая армия охвачена тем же порывом» [77].

Все распоряжения Ставки и штаба Северного фронта немедленно сообщались Керенскому, с которым держали связь и по телеграфу, и с помощью курьеров. 27 октября в Гатчину прибыл и присоединился к отряду Войтинский, бежавший из Пскова под угрозой ареста местным ревкомом [78].

Войтинский подробно информировал Керенского о мерах, принятых командованием Северного фронта. Осведомленный обо всех планах Ставки, Керенский со своей стороны предпринимал меры к поискам «надежных» частей, ибо поддержка нужна была немедленно, дорог был каждый час. Кто-то из свиты Керенского сообщил, что, по имеющимся слухам, какие-то добровольцы приняли резолюцию об оказании ему поддержки. В воспаленном воображении Керенского эти добровольцы превратились в батальоны волонтеров. Около 12 час. дня 27 октября он телеграфировал

---

[75] Там же, лл. 241, 242.
[76] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 158.
[77] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 329.
[78] Арестованный советскими властями после разгрома войск Краснова — Керенского Войтинский на допросе подтвердил, что сразу после Октябрьского вооруженного восстания он отказался от звания комиссара, ибо был назначен на этот пост ЦИКом первого созыва, а тот прекратил свое существование в связи с выбором нового ЦИК II Всероссийским съездом Советов. Но узнав, что ЦИК первого созыва продолжал существовать и объявил II съезд Советов «несостоявшимся», Войтинский «поспешил взять свое заявление об отставке назад, так как считал для себя недопустимым уклониться от участия в борьбе, начатой ЦИК первого состава» («Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 188).

Духонину: «Приказываю принять немедленно меры к пропуску через Оршу всех батальонов волонтеров в направлении Гатчина — Царское Село в мое распоряжение» [79].

Другой офицер из окружения Керенского вспомнил, что в 5-м броневом дивизионе служит его товарищ, преданный Временному правительству. Керенский послал телеграмму Черемисову с требованием «приказать командарму 12 немедленно выслать в мое распоряжение 5-й броневой дивизион в направлении Гатчина — Царское Село» [80]. По распоряжению Керенского офицер, сообщивший ему сведения о 5-м броневом дивизионе, послал телеграмму непосредственно в дивизион, минуя все инстанции, с приказанием подготовить броневики к отправке [81]. Приближенные Керенского писали частные записки знакомым офицерам в Петроград и на фронт, упрашивая их прийти на помощь [82]. Из Луги, где председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был правый эсер Н. Воронович, пришло сообщение, что в Гатчину готовится эшелон 1-го осадного артиллерийского полка в составе 800 человек [83].

Все было сделано, чтобы ускорить присылку войск. В 9-м часу вечера 27 октября Духонин послал телеграмму Керенскому, копию — Черемисову: «Все распоряжения сделаны, главкосеву лично подтверждено мною сегодня о точном выполнении вашего приказа номер 315 (о продолжении переброски 3-го конного корпуса к Петрограду.— *И. М.*). На прочих фронтах настроение спокойное. Организуем совместно [с] комитетами и комиссарами дальнейшее усиление ваших средств» [84].

Надеясь, что на следующий день начнут подходить подкрепления, генерал Краснов в 2 часа ночи на 28 октября отдал приказ о выступлении казаков на Царское Село, чтобы атаковать его гарнизон на рассвете. Он рассчитывал и на неожиданность, и на то, что в предрассветном тумане не видна будет малочисленность его отряда. К рассвету 28 октября казачьи сотни появились под Царским Селом. Но повторить гатчинский налет — ворваться в город неожиданно — не удалось: Военно-революционный комитет принял необходимые предупредительные меры, приведя части гарнизона в полное боевое состояние. Началась оружейная перестрелка. Казаки вынуждены были залечь на подступах к городу. Повторная попытка атаковать Царское Село в конном строю также оказалась неудачной. Бой затянулся.

Чтобы сломить сопротивление гарнизона, хотя и выступившего против казаков, но явно недостаточно организованного, контрреволюционеры решили воздействовать на офицеров царскосельских частей. В Царское Село из Петрограда на автомобиле прорвался комиссар при верховном главнокомандующем В. Б. Станкевич, избежавший ареста после взятия Зимнего дворца. Обманув недостаточно бдительный контроль революционных постов, в Царском Селе появился и Б. В. Савинков. Вдвоем они убеждали офицеров уговорить солдат объявить нейтралитет. Краснов, еще подходя к Царскому Селу, обещал гарнизону, что «части, находящиеся в казармах и несущие караульную службу, при условии мирного отноше-

---

[79] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 609.
[80] Там же, стр. 610.
[81] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 330.
[82] Там же, стр. 329—330.
[83] Там же, стр. 331.
[84] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 610.

ния к казакам могут спокойно оставаться на своих местах. К движению на Петроград их принуждать не будут» [85]. Керенский, нетерпеливо ждавший в Гатчинском дворце сообщения о взятии Царского Села, неожиданно сам прибыл к месту затянувшегося сражения и под охраной сотни казаков даже пытался произнести речь перед солдатами и дать им свои воззвания [86]. Уговоры не помогли. Солдаты гарнизона по распоряжению членов Военно-революционного комитета продолжали сопротивление и стали окружать казаков. Тогда в действие вступила казачья артиллерия. Наступающих солдат обстреливали картечью. Использовав свое преимущество в артиллерии, отряд Краснова захватил железнодорожную станцию, вступил в город, занял телефон и местную радиостанцию. Царское Село было объявлено на осадном положении, был учрежден «военно-революционный» суд.

Взятие Царского Села, расположенного менее чем в 25 км от Петрограда и насчитывавшего почти 20 тыс. солдат и офицеров гарнизона, было крупным успехом контрреволюции. Над революционным Петроградом нависла серьезная угроза.

В стан контрреволюции стали стекаться ее лидеры из столицы. В Гатчину пробралась делегация «Комитета спасения», которая, как телеграфировал «Всем, всем, всем» В. Б. Станкевич, установила «непосредственные отношения» с Керенским. «Министр-председатель все время подробно осведомляется о деятельности комитета,— писал Станкевич,— и, наоборот, комитет в курсе всех шагов и предположений министра-председателя. Это дало возможность теснейшим образом объединить и координировать действие выступления комитета в Петрограде и отряда войск, действующих по направлению в Петроград» [87].

«Комитет спасения» назначил делегацию для посылки в Гатчину еще 27 октября. В ее состав входили лидеры правых эсеров А. Р. Гоц и В. М. Зензинов. Но попасть в Гатчину ей не удалось: она была арестована постами ВРК. «Гоц и я,— признавал Зензинов,— решили присоединиться к нему (Керенскому.— *И. М.*), но на Балтийском вокзале, который уже в руках большевиков, мы были задержаны» [88]. Членов делегации освободили, а Гоца направили в Смольный для допроса следственной комиссией, но он сумел бежать и прибыл к Керенскому. «У Гоца в кармане,— вспоминал Зензинов,— были бумаги, которые он не хотел показывать большевикам...» [89]

В Царском Селе появился и председатель разогнанного Предпарламента правый эсер Н. Д. Авксентьев [90]. «Личные переговоры,— сообщал Станкевич о согласовании действий Керенского и делегации «Комитета спасения»,— дали возможность установить полное совпадение взглядов и намерений по вопросу о возлагании государственной власти (так в тексте.— *И. М.*) и объединении всех сил революционной демократии» (т. е. контрреволюции.— *И. М.*) [91].

---

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 12, л. 137.
[86] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 338.
[87] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 643.
[88] *В. Зензинов.* Из жизни революционера, стр. 96.
[89] Там же.
[90] «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. II. Л., 1967, стр. 378.
[91] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 643.

28 октября Петроградская городская дума также послала своих представителей к Керенскому информировать его о положении в столице [92]. В Царское Село стекались офицеры и юнкера из Петрограда. Из них формировали отряды и вливали в войска Краснова — Керенского.

Однако этого было мало: для решающего наступления нужны были силы с фронта.

Как уже отмечалось, Керенский получал сведения обо всех мероприятиях Ставки и торопил генералов. В 21 час 28 октября он телеграфировал генералу Черемисову: «Категорически приказываю без всякого промедления продвигать эшелоны, как пехотные, так и кавалерийские, к Петрограду» [93]. Керенский уже знал о препятствиях со стороны революционных властей продвижению войск и приказывал генералам: «Всякая попытка противодействия должна пресекаться в корне, а попытка посылки контротрядов (т. е. посылка помощи революционному Петрограду.— *И. М.*) караться как государственная измена». В то же время Керенский сам продолжал искать верные части и подсказывал, какие из них нужно срочно прислать. «Считаю желательным посылку 17-й кавалерийской дивизии»,— требовал он от Черемисова. Узнав, что на станции Тосно находится какой-то эшелон кавалерии, он потребовал от коменданта станции немедленно отправить его в Гатчину. Генералу Черемисову в 22 часа 28 октября Керенский приказал срочно выслать бронепоезд с тем расчетом, чтобы он прибыл не позже 5 час. утра 29 октября. Через час генерал Краснов по приказанию Керенского предписал командиру 1-го броневого автомобильного дивизиона срочно погрузить 6 броневиков и «самым спешным образом следовать ко мне в Царское Село, стараясь прибыть 30 октября к вечеру» [94].

Общие данные о положении с присылкой помощи Керенский сообщил Краснову:

«1) К рассвету (29 октября.— *И. М.*) подойдет 4-й осадный полк при 4 орудиях» (из Луги.— *И. М.*).

2) Предполагается прибытие кавалерии из Тосно...

3) Из Луги прибудет еще одна легкая батарея.

4) 3-я Финляндская дивизия с 17-м Донским полком в пути и подойдут к Петрограду 29-го вечером.

5) В Москве большевики сдались сегодня днем» [95].

Из этих данных можно сделать вывод, что решающие операции под Петроградом предполагались 30 октября. На основании всех сведений о движении эшелонов Керенский в записке генералу Краснову ночью 28 октября предлагал: «По обстановке в движении эшелонов полагаю необходимым, чтобы завтра с утра (29 октября.— *И. М.*) Царское Село было окончательно закреплено и можно было бы приступить к подготовке ликвидации Петербурга» [96].

Вечером 29 октября офицер для поручений поручик Данилевич, пробравшийся в Гатчину к Керенскому, говорил по прямому проводу с генералом Барановским о планах мятежников: «Сегодня очищаем станцию

---

[92] *О. Ф. Соловьев.* Великий Октябрь и его противники, стр. 80.
[93] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 620.
[94] Там же, стр. 620, 621.
[95] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 337.
[96] Там же, стр. 339.

Александровскую. Других действий не было. Ночью думаем произвести операцию (т. е. начать наступление на столицу.— *И. М.*), дабы использовать царящую в Петрограде растерянность» [97]. В Гатчине верили измышлениям агентов контрреволюции о какой-то «растерянности» в столице, хотя на деле революционные массы Петрограда были охвачены порывом подавить сопротивление свергнутых классов. Но здесь важно отметить, что осведомленный участник мятежа прямо подтверждал, что решающий удар намечался не ранее 30 октября. Передавая содержание этого разговора, Барановский говорил в ночь на 29 октября (между 23 час. 50 мин. и 1 час. 50 мин.) Духонину о намерениях Керенского: «С нетерпением ждут подхода пехоты, которая двигается очень медленно. Только завтра к вечеру можно ожидать подхода головы пехоты 17-го корпуса» [98].

Настроение у Керенского было настолько приподнятым, он так был уверен в близком вступлении в столицу, что ему уже виделись полная изоляция, распад и крах Советской власти. В 23 часа 28 октября он телеграфировал в Ставку: «Считаю необходимым указать, что большевизм распадается, изолирован и как организованной силы его нет уже и в Петрограде» [99]. Ставка распространила это сообщение по всему фронту и телеграммами, и в переговорах по прямому проводу с командующими фронтами [100].

Уверовав в близкую победу, Керенский в 23 час. 10 мин. 28 октября разослал всем губернским комиссарам и губернским продовольственным комитетам предписание посылать продовольственные грузы на фронт, «а также усиленно возобновить посылку хлеба в Петроград, *не смущаясь создавшимся положением, которое решительно пресекается властью*» [101]. В 23 час. 25 мин. он даже послал в Петроград телеграмму, призывающую служащих всех правительственных учреждений не выполнять распоряжений советских властей, не вступать с ними в переговоры и не допускать их представителей в учреждения [102].

В Петрограде городская дума 29 октября уже обсуждала вопрос, как поступить с революционными рабочими, моряками и солдатами, когда войска Краснова — Керенского займут столицу. Все ораторы — и кадеты, и эсеры, и меньшевики — считали неизбежной расправу с революционными властями. И в этом вопросе между членами общего контрреволюционного блока установилось все то же «разделение» труда, которое существовало в ходе всей революции: кадеты без оговорок требовали «перебить этих мятежников», а эсеры и меньшевики прикрывали эти намерения ничего не значащими и никого не обязывающими пожеланиями, «чтобы кровопролитие, елико возможно, было более бескровным» [103]. Эсер Я. Т. Дедусенко, внося эту лицемерную оговорку, не скрывал ее фальшивого характера. «Елико возможно»,— подчеркивал он.

Приподнятое, уверенное настроение царило и в Ставке.

---

[97] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 158.
[98] Там же.
[99] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 338.
[100] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 156.
[101] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 339 (курсив наш.— *И. М.*).
[102] Там же; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 626.
[103] «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 2, стр. 383.

Помощник Духонина Вырубов 28 октября говорил комиссару Юго-Западного фронта Иорданскому: «С часу на час ждем известия о входе в Петроград» [104]. В тот же день, 28 октября, во время переговоров с комиссаром Румынского фронта Э. П. Тизенгаузеном Вырубов сообщил, что от комиссара Западного фронта В. А. Жданова из Минска поступила телеграмма: «Получено сейчас вполне проверенное сведение о взятии Петрограда войсками Керенского» [105].

В силу изолированного рассмотрения событий под Петроградом, без учета общего положения и общего плана контрреволюции в исторической литературе сложилось представление о событии под Петроградом как о серьезном, но все же местном успехе войск Краснова — Керенского. На деле взятие Царского Села являлось отнюдь не местным успехом: оно стало началом цепной реакции наступательных операций всероссийской контрреволюции.

Вся деятельность контрреволюционной Ставки особенно ярко подчеркивает, что события на подступах к революционному Петрограду имели всероссийское значение.

Весь день 28 октября Ставка неустанно разыскивала части для посылки под Петроград. По приказу Духонина из Витебска вызвали Приморский драгунский полк, приказав начать погрузку утром 28 октября [106]. Командиру 17-го армейского корпуса было приказано выделить один «вполне надежный» батальон с пулеметной командой для прочного занятия станции Дно и два батальона — на станцию Орша. «На указанные отряды,— говорилось в распоряжении, подписанном Духониным и Дитерихсом,— возлагается охрана этих важных железнодорожных узлов от попыток захвата их с чьей бы то ни было стороны и обеспечение их во власти законного Временного правительства и верховного главнокомандующего» [107].

Командиру 17-го корпуса было отдано распоряжение командировать в Царское Село и Витебск «иключительно лишь надежные части с представителями полковых, дивизионных и корпусных комитетов». Командованию корпуса предписывалось установить связь с Керенским, сообщить ему о выделенных в его распоряжение частях. Духонин рекомендовал «исполнять получаемые из Ставки приказания, касающиеся назначения войск, не придерживаясь строго буквы их в отношении численного состава и сосредоточивая особое внимание на прочность и надежность частей» [108].

По приказанию Духонина штаб Северного фронта вел 29 октября переговоры о посылке войск из всех трех армий фронта. Помимо приказа 12-й армии о выделении войск (о котором уже говорилось), начальник штаба Северного фронта генерал С. Г. Лукирский потребовал от штаба 5-й армии прислать «ввиду назревающих беспорядков в Пскове» все части 3-го Уральского казачьего полка, а также вполне надежную пехотную часть — полк или ударный батальон. Лукирский повторил также приказ о срочной посылке броневого дивизиона. Когда начальник штаба

---

[104] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 156.
[105] Там же, стр. 157.
[106] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 623. Это, видимо, описка. По данным штаба Северного фронта, погрузку предполагали начать утром 29 октября (там же, стр. 622).
[107] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 200.
[108] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 621.

5-й армии генерал В. Н. Попов выразил сомнение в возможности выслать части, так как армейский комитет высказался против поддержки Временного правительства, Лукирский заявил, что указание о посылке войск «не должно было бы подлежать обсуждению как распоряжение с политической подкладкой» [109].

В тот же день, 29 октября, генерал Лукирский запросил штаб 1-й армии, какие полки он может послать на помощь Керенскому. Начальник штаба 1-й армии генерал Н. В. Пневский ответил, что «безусловно надежных полков в армии нет вовсе», из более же мелких частей «к числу надежных могут быть отнесены батальон смерти 28-го корпуса, 6 украинских рот 60-й дивизии, 5 ударных рот 22-й пехотной дивизии и ударный батальон 24-й пехотной дивизии» [110]. Лукирский распорядился выслать все названные части, а также прибавить к ним все полки 4-й кавалерийской дивизии, если настроение ее «действительно благоприятное» [111].

Как ни много частей вызывалось на помощь Керенскому, Ставка не довольствовалась этим и пыталась искать силы вне действующей армии. Утром 29 октября Духонин послал телеграмму в Новочеркасск атаману войска Донского генералу А. М. Каледину: «Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряда казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова?» [112].

Помощь Каледина имела тем большее значение, что донских казаков можно было использовать и против Москвы, и против Петрограда.

Атаман Каледин еще 25 октября обратился с воззванием к населению, в котором объявлял свержение Временного правительства «недопустимым и гибельным для России» и угрожал, что примет все меры «к подавлению малейшей попытки с чьей бы то ни было стороны произвести в Донской области выступление против Временного правительства» [113]. В тот же день Каледин разослал приказ всем войсковым частям, расположенным в Донской области. В нем говорилось: «Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщений с центральной государственной властью войсковое правительство впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 25 сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области» [114].

Каледин оправдывал свой шаг временными обстоятельствами, но по сути дела контрреволюция сразу вступила на путь расчленения страны, хотя постоянно и настойчиво обвиняла в этом большевиков. Чтобы не допустить распространения революции в Донскую область и создать плацдарм для борьбы с революционным движением, казачья контрреволюция с такой же легкостью пошла на отрыв Донской области от России, с какой она немного позже с готовностью отдавала ее иностранным интервентам — немцам, французам или англичанам, кто был ближе и больше обещал.

---

[109] Там же, стр. 632.
[110] Там же, стр. 634.
[111] Там же, стр. 635.
[112] Там же, стр. 627.
[113] ЦГАОР СССР, ф. 1255, оп. 1, д. 91, л. 1.
[114] «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1940, стр. 36.

На следующий день, 26 октября, товарищ атамана Донского войскового правительства М. П. Богаевский, находившийся в Ростове, телеграфировал Керенскому об образовании областной власти и призвал его «без всяких колебаний искать поддержки в казачьих войсках», приглашая Временное правительство и Предпарламент на Дон.

«Так как мы не питаем уверенности,— сообщал Богаевский,— что Временному правительству удастся начать восстановление и укрепление государственной власти не только в Петрограде, но и в Москве, то мы полагаем, что члены Временного правительства и Совета республики могли бы найти на некоторое время более спокойное место для этого в Новочеркасске...» [115].

Вызвано ли было это сомнение в успехе контрреволюции пониманием действительного положения в стране или стремлением самим уцелеть в разбушевавшемся революционном море, но любопытно, что контрреволюционные лидеры казачества признавали борьбу против Советской власти безнадежной. Вслед за Богаевским отдельные казачьи дивизии и полки наперебой стали приглашать Керенского и Временное правительство на Дон. Во второй половине дня 26 октября Ставка связалась с Ростовом и сообщила Богаевскому о движении войск Керенского на Петроград, причем его внимание было обращено на колебание казачьих полков в столице. Председатель Всероссийского казачьего съезда Агеев назвал их поведение «провокацией» [116].

Получив просьбу Духонина прислать помощь, Каледин сообщил, что отправка казаков за пределы области требует постановления казачьего круга, для сведения которого просил дать характеристику общей обстановки. Если и возможна посылка казаков, разъяснял он, то только на смену каких-либо казачьих частей. Атаман просил также учесть, что железнодорожники, возможно, откажутся перевозить казаков. Каледин выразил уверенность, что «большевистское движение идет быстро к ликвидации» [117].

В своем ответе Духонин стал объяснять причину обращения к Каледину: «Моя просьба была вызвана очень тяжелым положением небольшого отряда верных правительству войск. Отряду этому удалось кровопролитными боями очистить от большевиков Кремль и центр города, но подавляющая масса красногвардейцев, черни и пьяных солдат владеют всей окраиной и вокзалами города...» [118] По старой, порожденной классовой ненавистью привычке генерал еще именовал народные массы, поднявшиеся за свободу, презрительными барскими кличками, не замечая даже противоречия в своих словах: как могли неорганизованные «чернь и пьяные солдаты» справиться с отлично организованными будущими офицерами?

Далее генерал пожаловался, что хотя войска с фронта посылаются, но железные дороги забиты, местные выступления большевиков «парализуют своевременное прибытие на помощь Москве наших сил». Духонин закончил телеграмму повторением просьбы о присылке казаков с Дона: «Помощь ваша необходима до крайности, иначе Москва перейдет во

[115] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы», ч. 2. М., 1963, стр. 140.
[116] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, лл. 174—175.
[117] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 170.
[118] Там же, 1933, т. 6 (61), стр. 39.

власть большевиков и пьяной черни. Взамен посылаемых вами при первой возможности будут возвращены на Дон части с фронта» [119].

Эта мольба о помощи возымела действие: войсковое правительство решило направить два полка в Воронеж, а затем в Москву «для подавления анархии и ограждения от нее Дона» [120].

Решение Каледина оказать помощь в подавлении Советской власти лишний раз подтверждало всеобщий характер действий контрреволюции, всероссийский размах планов Ставки. Посылка казаков с Дона свидетельствовала не только о желании поддержать мятежников в Москве, но и о стремлении Ставки отрезать Петроград от остальной страны, изолировать и окружить его со всех сторон. Генерал Барановский из штаба Северного фронта советовал Керенскому послать бронепоезд в Финляндию для порчи железнодорожного пути, чтобы не допустить подхода оттуда революционных частей на помощь Петрограду. Он сообщал, что штаб Северного фронта примет и другие меры [121].

Мобилизуя все силы на подавление Советской власти в Петрограде и Москве, Ставка принимала меры по ликвидации революционного движения в армии и ее тылах. Эта сторона деятельности Ставки мало освещена, по крайней мере с точки зрения ее организационной роли. Ставка требовала от всех фронтов активной борьбы с революцией, и командование фронтов пыталось проводить эту директиву в жизнь. Типичным в этом смысле был приказ, изданный 28 октября комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским. «Сегодня,— сообщал он Ставке,— я опубликовал объявление для фронта и прифронтовых губерний, что военная власть в крае принадлежит только военным начальникам и комиссарам. Никакие захватные попытки и никакие политические соглашения для военной власти недопустимы» [122]. На деле это означало провозглашение военной диктатуры, которой добивался еще генерал Л. Г. Корнилов. То, что не удалось контрреволюционному генералу, пытались делать социал-корниловцы, как В. И. Ленин называл меньшевистских и эсеровских соратников Корнилова.

Приказ комиссара объявлял незаконными все комитеты, или, как выразился Иорданский, «всякие самочинные организации», кроме тех, которые являются «формой сотрудничества и содействия законным представителям власти на Ю[го]-З[ападном] фронте и [в] прилегающих губерниях» [123].

То же происходило и на других фронтах. По приказанию Ставки в те города и районы, где происходили революционные выступления, были посланы войска.

---

[119] Там же.

[120] ЦГАОР СССР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 78. Это подтверждается и приказом Каледина начальнику 7-й Донской дивизии от 31 октября: «Войсковое правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежем и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге» («Пролетарская революция на Дону», т. II. Ростов-на-Дону, 1922, стр. 110). Но прежде чем дивизия выступила в поход, Каледин узнал, что Краснов разбит под Петроградом, а в Москве победили большевики; 3 ноября экспедицию на Воронеж и на Москву пришлось отменить (*Ю. К. Кириенко.* Крах калединщины. М., 1971, стр. 59—60.

[121] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 628.

[122] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 156.

[123] Там же.

Особое внимание было уделено Ставкой подавлению Советской власти в Москве. Подробнее о московских событиях будет рассказано в следующей главе, но сейчас отметим, что Ставка требовала от командующего Московским военным округом полковника К. И. Рябцева начать выступление против Советской власти, обещая прислать необходимую помощь. С этой целью велись, в частности, переговоры с атаманом Калединым, о которых говорилось выше.

Помимо организации контрреволюционного мятежа в Москве, Ставка приняла меры по подавлению революционного движения в Киеве. Оттуда поступили сведения о подготовляемом большевиками выступлении. «С Юго-Западного фронта,— сообщал Духонин в штаб Северного фронта,— посланы части в Киев, дабы заставить притихнуть большевиков» [124]. Верные Временному правительству войска вечером 28 октября неожиданно начали наступление на здание Совета рабочих и солдатских депутатов. Совет рабочих и солдатских депутатов был разогнан. Часть депутатов-большевиков была арестована. Возмущенные этим нападением, рабочие и солдаты на следующий день поднялись на восстание, о ходе которого будет рассказано дальше.

В Виннице власть перешла в руки Совета. Командующему 7-й армией Я. К. Циховичу штаб Юго-Западного фронта приказал подавить движение. Вечером 28 октября по приказанию штаба Юго-Западного фронта началось наступление контрреволюции. Революционные части оказали сопротивление. В боевых действиях с обеих сторон участвовали все рода войск, включая авиацию и броневики.

В Минске Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя властью, как только узнал о победе восстания в Петрограде. Был создан Военно-революционный комитет. Он установил свои посты на почте и телеграфе. ВРК намеревался арестовать контрреволюционное командование Западного фронта. Но едва в Минске узнали об успехах войск Краснова — Керенского, как командующий фронтом генерал П. С. Балуев при поддержке фронтового комитета и по настоянию Ставки перешел в контрнаступление. 27 октября Балуев вызвал в город войска и в ультимативной форме потребовал от Совета подчиниться. Не имея достаточно сил, Военно-революционный комитет, чтобы выиграть время, согласился войти в состав созданного комиссаром и штабом фронта «Комитета спасения». Начальник штаба фронта генерал Вальтер 27 октября сообщил Духонину, а также всем армиям фронта и штабу Московского военного округа: «Фронтовой комитет, армейские комитеты 2, 3, 10 и окружком Минского [округа] высказались против выступления большевиков и за поддержку Временного правительства. В Минске Совдеп вчера, 26 октября, сделал попытку захвата власти и ареста штаба. Фронтком не допустил ареста штаба. Организован «Комитет спасения революции», куда входит комиссар Зап[адного фронта]. Этим комитетом вызваны войска, коими сняты все посты Совдепа. Совдепу предложено подчиниться. Требование исполнено» [125].

Контрреволюция чувствовала, что успех ее в Минске был непрочным, о чем 29 октября Балуев доносил Духонину. В ответ Духонин стал подбадривать Балуева, сообщив ему об успехе под Петроградом; о Москве,

---

[124] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 626.
[125] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 63.

где правительственные войска отбили Кремль у большевиков; о Киеве и Виннице. «Мы все сейчас находимся в тяжелой обстановке,— говорил Духонин,— но необходимо победить, и для этого стремления — все наши чувства и вся наша жизнь» [126].

«Комитет спасения» был создан после взятия Гатчины и в Смоленске, где размещался штаб Минского военного округа [127].

Штаб Румынского фронта с согласия комиссара и комитета выразил намерение послать кавалерийские части к Одессе «для водворения порядка» [128].

Ставка требовала «закрепить положение» в городах, через которые направлялись карательные отряды к обеим столицам: в Орше, Дно, Жлобине, Витебске, Смоленске, Вязьме и др.

Мы выбрали только несколько важнейших пунктов (ниже об этом будет рассказано более подробно), где происходила борьба за власть. Но и этого достаточно, чтобы сделать вывод: контрреволюция на фронте явно переходила в общее наступление. Взятие Гатчины, Царского Села и выход войск Краснова — Керенского на ближние подступы к Петрограду усилили активность Ставки. К 12 час. дня 29 октября «главнокомандующий внутренним фронтом» генерал Дитерихс составил свою первую «победную реляцию». Вначале речь шла о «петроградском районе», где были заняты Гатчина и Царское Село. «К Петрограду,— говорилось в сводке,— по двум линиям, Варшавской и Виндаво-Рыбинской железной дорог, а также с Северного фронта направлено вполне достаточное количество верных правительству и надежных войск». Генерал добавлял, будто бы «в самом Петрограде среди большевиков наблюдаются явные признаки разложения, растерянности» [129].

Далее в сводке сообщалось о «московском районе». Кремль и вся центральная часть города, за исключением небольшого района у дворца (где находился Совет рабочих депутатов), заняты правительственными войсками, но окраины, а также Курский и Александровский вокзалы находятся в руках революционных отрядов. По сведениям из Москвы, после взятия Кремля якобы «движение большевиков приняло дезорганизованный характер». Этот раздел сводки завершался следующим сообщением: «К Москве по железной дороге направлены с фронта эшелоны верных правительству войск» [130]. Далее в сводке упоминался «киевский район». Здесь говорилось об окружении Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов и аресте свыше 400 человек. «Правительство располагает в городе,— отмечалось в сводке,— достаточными верными силами для поддержания полного порядка».

Затем сообщалось о «поражении мятежников» после боя в Виннице. «В Одессу,— заключала сводка,— направлены верные правительству воинские части с фронта». Под победной сводкой стоит: «Ставка, 29 октября 1917 г.» [131] Всероссийская контрреволюция перешла в наступление, развязывая гражданскую войну против Советской власти.

---

[126] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 166, 167.
[127] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 63.
[128] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 157.
[129] Там же, стр. 174.
[130] Там же.
[131] Там же.

2

РАЗГРОМ ВОЙСК КРАСНОВА — КЕРЕНСКОГО

В. И. Ленин руководит подавлением контрреволюции

Готовя вооруженное восстание в столице, Военно-революционный комитет отдавал себе отчет в том, что Временное правительство вызовет войска с фронта. Поэтому еще в первый день восстания, 24 октября, были приняты меры, чтобы не допустить подхода частей из действующей армии. Объявив о начале восстания, ВРК постановил: все гарнизоны вокруг Петрограда привести в «полную боевую готовность»; на станциях железных дорог выставить усиленные караулы; не пропускать к столице ни одной воинской части, «которая неизвестна заранее преданностью революции»; навстречу эшелонам высылать «десятками агитаторов, которые должны разъяснить направляемым на Петроград частям, что их хотят превратить в орудие корниловцев». ВРК требовал силой задерживать эшелоны, не поддающиеся убеждениям. «Действовать твердо и осмотрительно,— рекомендовалось в воззвании,— а где нужно, беспощадно», обо всех передвижениях войск немедленно сообщать [132].

Воззвание ВРК было принято к исполнению Советами и комиссарами ВРК близлежащих городов.

Комиссар Гатчинского Совета рабочих и солдатских депутатов разослал во все части Гатчинского гарнизона и начальникам станций северо-западных железных дорог распоряжение: «Точно исполнять предписание революционного комитета. Не допускать эшелоны, идущие на Петроград с фронта. Все сопротивления будут подавлены революционным комитетом, виновных немедленно арестовывать» [133].

В Красном Селе общее собрание полкового и ротных комитетов 171-го пехотного полка, заслушав телефонограмму ВРК о низложении Временного правительства и о принятии необходимых мер против подхода ненадежных частей с фронта, постановило создать военную комиссию из пяти членов и президиума полкового комитета, поручить ей организацию обороны Красного Села [134].

Утром 24 октября ВРК назначил комиссаром в Царское Село И. Е. Георгенбергера. Комиссару и полковому комитету 2-го пулеметного полка было поручено занять и охранять станции Стрельна, Сергиевская пустынь, Лигово. «Не пропускать юнкеров из школ прапорщиков из Ораниенбаума и Петергофа. Взять под контроль шоссе на Петергоф» [135],— требовал ВРК.

Морякам, вызванным из Кронштадта в столицу для участия в восстании, поручили сначала высадиться в Ораниенбауме. Они заняли город и, оставив там часть отряда, двинулись затем к Петергофу [136]. Вскоре и Петергоф был занят матросами.

---

[132] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 1. М., 1966, стр. 85.
[133] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 666.
[134] Там же, стр. 669.
[135] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 89, 96.
[136] Там же, стр. 122.

Узнав о бегстве Керенского на фронт, ВРК принял дополнительные меры. 26 октября он обратился к железнодорожным служащим с призывом, в котором говорилось: «Никакие передвижения войск в направлении к Петрограду недопустимы. Все эшелоны войск, двигающиеся в этом направлении, должны быть немедленно приостановлены и задержаны в пути» [137]. ВРК выразил надежду, что Всероссийский железнодорожный союз (Викжель) окажет «всемерную поддержку» и призовет «к бдительности всех железнодорожных служащих и рабочих, верных делу революции».

Полагая, что Керенский направился через Гатчину в Лугу за казачьими частями, ВРК и Центральная комендатура Красной гвардии поручили заводским комитетам Московского района «усилить дозоры и патрули» и немедленно отправить по железной дороге «не менее 300 красногвардейцев в Гатчину» [138]. В тот же день, 26 октября, ВРК призвал Лужский Совет рабочих и солдатских депутатов «не пропускать в Петроград эшелоны, которые направляются туда по повелению низложенного правительства» [139].

В. И. Ленин придавал огромное значение организации борьбы против попыток контрреволюции прислать войска с фронта. Об этом, в частности, можно судить по решению II Всероссийского съезда Советов. В обращении, сообщавшем о низложении Временного правительства и о переходе всей полноты власти к Советам (оно было написано В. И. Лениным и опубликовано 26 октября), говорилось: «Корниловцы — Керенский, Каледин и др.— делают попытки вести войска на Петроград». Обращение призывало солдат оказать активное противодействие контрреволюции, а железнодорожников — останавливать все эшелоны, направляемые Керенским на Петроград. «*Солдаты, рабочие, служащие,*—напоминал съезд,— *в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира*!» [140]

Обращение II съезда Советов имело огромное влияние на ход революции. Оно ускорило процесс перехода власти к Советам. По всей стране Советы становились властью. Этот процесс охватил города и железнодорожные станции, через которые направлялись эшелоны с фронта. Генерал Духонин уже через два-три дня после опубликования обращения съезда Советов сообщал Керенскому: «В тылу фронта почти во всех городах и железнодорожных узлах большевистское движение взяло верх, захватывает в свои руки управление и распорядительную часть» [141].

Выступление контрреволюции, как видим, не исключалось ВРК. Считать его неожиданным не приходится. К тому же немало было и других предупреждений о готовящемся контрреволюционном выступлении. 26 октября находившийся в Гельсингфорсе Центробалт перехватил радиограмму генерала Духонина, призывавшую всех командующих фронтами двинуть войска на Петроград. Центробалт телеграфно просил исполком Кронштадтского Совета предупредить об этом ВРК [142]. ВРК направил в Псков в качестве своих комиссаров Б. П. Позерна и В. Л. Панюшкина.

---

[137] Там же, стр. 133.
[138] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 663.
[139] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 128.
[140] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 12.
[141] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 646.
[142] Там же, стр. 664.

Они должны были создать там революционный комитет и установить контроль над штабом Северного фронта [143].

По линиям Николаевской и Балтийской железных дорог были посланы эмиссары ВРК. Комиссарам вокзалов и станций предлагалось оказывать им всяческое содействие [144].

С получением первых известий о занятии казаками Гатчины ВРК принял ряд новых срочных мер. 27 октября был сформирован отряд из батальона кронштадтцев, батальона гельсингфорсцев, имевших 8 пулеметов, и Выборгской батареи (6 орудий и 4 броневика). Перед ним была поставлена задача «отобрать станцию обратно и отбросить противника» [145]. Бойцы должны были отправиться в Красное Село эшелонами, но по прибытии туда не высаживаться из вагонов до получения дальнейших указаний. Видимо, ВРК еще не знал, какое направление избрал Краснов для основного удара по столице.

В тот же день ВРК приказал комиссару 2-го запасного пулеметного полка выслать в распоряжение комиссара Красносельского гарнизона четыре пулеметные команды в распоряжение Царскосельского гарнизона — две команды и одну команду в Петергоф [146].

Полкам гарнизона столицы ВРК приказал отменить «все излишние караулы и наряды и тем привести себя в полную боевую готовность» [147]. Штабу Красной гвардии вменялось в обязанность мобилизовать все вооруженные силы и необходимые вспомогательные отряды рабочих. Получив распоряжение ВРК, штаб Красной гвардии Выборгского района в тот же день, 27 октября, предписал всем заводским комитетам и отрядам Красной гвардии выслать к штабу «отряды заводов в полной боевой готовности», при вооружении, а также немедленно добыть «всеми способами и средствами железные лопаты в возможно большем количестве и превратить их в шанцевые инструменты (отрезать ручки)» [148]. Кроме того, было предложено немедленно организовать дружины по рытью окопов и прислать их к штабу Красной гвардии Выборгского района.

Войскам Северного фронта и Балтийскому флоту ВРК направил приказ: «Казачьи войска заняли Гатчину, и с ними сильная артиллерия. Организуйтесь немедленно их отразить. Отрежьте их от тыла» [149].

Приказ свидетельствовал о том, что ВРК встревожен наступлением казаков и спешно организовывал силы для отпора не только в столице.

27 октября ВРК поручил одному из своих членов, прапорщику И. П. Павлуновскому, контроль «организации военной обороны подступов к Петрограду» [150].

Таким образом, неизбежность сопротивления свергнутой власти была понятна руководителям победившего вооруженного восстания. Меры против выступления контрреволюции были приняты, как требовали марксистско-ленинское учение о революции и опыт революционной борьбы.

---

[143] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 123.
[144] Там же, стр. 141.
[145] Там же, стр. 165.
[146] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 679.
[147] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 164.
[148] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 680.
[149] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 165.
[150] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 677.

Но занятие Гатчины и быстрое продвижение войск Краснова — Керенского к революционной столице коренным образом меняли сложившееся положение. Принятых мер оказалось явно недостаточно, нужны были более решительные действия.

Наступление войск Краснова — Керенского оживило притаившуюся контрреволюцию. Захватив мощную царскосельскую радиостанцию, Керенский заполнил эфир бесконечным числом хвастливых заявлений о своих успехах и скорой победе. Немногочисленные сторонники низложенного Временного правительства подняли яростную кампанию в связи с мнимыми победами Краснова — Керенского. Располагая массовыми средствами информации и агитации, прежде всего газетами (Советская власть закрыла лишь откровенно контрреволюционные печатные органы), они повели широкое идеологическое наступление против Советской власти. Газеты эсеров и меньшевиков публиковали донесения Керенского и свои прогнозы по поводу скорой гибели новой власти. Представители «Комитета спасения» распространяли свои контрреволюционные листовки. Под влиянием этой кампании, имевшей целью посеять панику в обывательской среде, на предприятиях и в воинских частях осмелели эсеры и меньшевики. Некоторые из них даже пытались выступать открыто.

Нельзя было допустить этих попыток сеять панику и внести колебания даже в отсталые слои населения. Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района столицы обратился со специальным воззванием к населению, призывая к разоблачению меньшевиков и эсеров. «Они вместе с кадетами, с их ставленниками,— отмечалось в воззвании,— с бежавшим и ведущим теперь против революционеров казаков предателем Керенским думают насладиться нашей кровью, кровью рабочего, солдата и крестьянина, они из наших трупов хотят создать себе лестницу, которая привела бы их к личной победе, к власти и помогла бы продолжать обманывать народ» [151].

Военно-революционный комитет также обратился к трудящимся, призывая их пригвоздить к позорному столбу эсеров и меньшевиков, полностью примкнувших к корниловцам. «Они печатают приказы изменника Керенского,— говорилось в обращении ВРК,— и сеют панику в городе, распространяя самые вздорные слухи о мнимых победах этого ренегата» [152].

Неистовый шум, поднятый всеми участниками общего фронта контрреволюции, говорил о тех надеждах, какие вызвал поход войск Краснова — Керенского, и о широте и размахе замыслов контрреволюции. Меры, принятые ВРК по борьбе с контрреволюцией, оказывались недостаточными. Нужно было привлечь к этой борьбе новые силы, развернуть более широкую и всеобъемлющую политическую работу, поднять и организовать народные массы. Не следует недооценивать и того обстоятельства, что бойцы Красной гвардии и солдаты гарнизона Петрограда были утомлены напряженными революционными боями, несением большого количества караулов и нарядов по охране захваченных учреждений, предприятий, складов оружия. К тому же Советской власти приходилось создавать новые государственные органы. Они строились на базе Советов, приобретших большой опыт управления в революции. Но теперь, когда

---

[151] Там же, стр. 676.
[152] Там же, стр. 674.

Советы становились единственными и полновластными органами власти, требовалось время на создание единой системы управления.

Для военного руководства новая власть использовала занятый во время штурма Зимнего дворца штаб Петроградского военного округа.

26 октября В. И. Ленин поручил В. А. Антонову-Овсеенко поставить штаб Петроградского военного округа на службу революции. В. И. Ленин «рекомендовал мне,— писал В. А. Антонов-Овсеенко,— немедленно попытаться овладеть аппаратом военного округа, перебраться для этого из Смольного в помещение окружного штаба» [153]. Многие чиновники после занятия революционными войсками штаба округа, Военного и Морского министерств не являлись на работу. Понадобилось специальное предписание от новых властей 27 октября, чтобы все они немедленно приступили к исполнению своих обязанностей; неявившихся грозили предать революционному суду. В тот же день, 27 октября, был отдан приказ № 1 по штабу Петроградского военного округа о том, что во главе его Военно-революционный комитет поставил четырех комиссаров ВРК: В. А. Антонова-Овсеенко, гвардии гренадерского полка штабс-капитана И. Л. Дзевялтовского, рядового гвардии Преображенского полка Г. И. Чудновского и полковника Бойе [154]. Однако, явившись в штаб и назначив комиссаров в его многочисленные отделы, новое руководство не стало фактическим хозяином штаба. Его чиновники выражали видимую готовность выполнять приказы, а на самом деле либо саботировали, либо так долго решали различные вопросы, что сводили на нет все распоряжения. «По внешности,— признавал В. А. Антонов-Овсеенко,— достигнуты полная подчиненность, полное овладение аппаратом. На деле малейшие наши распоряжения безнадежно застревали» [155]. В условиях непосредственной военной угрозы Петрограду оказался ошибочным и сам принцип коллегиального руководства боевыми действиями. Как писал В. А. Антонов-Овсеенко, «печален оказался и опыт руководства втроем [156]. И здесь Владимир Ильич оказался целиком прав. Керенский надвигался на Питер. А мы всю первую ночь проспорили с Чудновским и Дзевялтовским» [157].

В силу временно сложившихся условий (Совет Народных Комиссаров только организовывался) после победы революции ВРК выполнял функции центрального государственного органа. Он руководил гарнизоном, ведал продовольственным снабжением армии и населения, рассылал по стране и на фронт комиссаров и агитаторов для освещения политического положения и помощи в организации новой власти, на местах подавлял контрреволюцию. Занятый выполнением огромного числа все увеличивающихся и все более разнообразных обязанностей, ВРК не поставил борьбу с войсками Краснова — Керенского в центр своей деятельности. К наступлению казачьих войск он отнесся как к серьезной, но все же обычной военной операции, не рассматривая ее как начало гражданской войны, развязываемой всероссийской контрреволюцией.

Необходимо было коренным образом изменить подход к задаче разгрома войск Краснова — Керенского.

---

[153] *В. А. Антонов-Овсеенко.* В революции. М., 1957, стр. 176.
[154] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 166, 180.
[155] *В. А. Антонов-Овсеенко.* В революции, стр. 176.
[156] На деле в составе штаба было четыре человека.
[157] *В. А. Антонов-Овсеенко.* В революции, стр. 176.

Для этого потребовалось решительное вмешательство Центрального Комитета партии, Совнаркома и лично В. И. Ленина. В ночь на 28 октября Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров образовали комиссию во главе с В. И. Лениным для руководства разгромом войск Керенского — Краснова. Поздно ночью Ленин приехал в штаб Петроградского военного округа и заслушал доклады Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко и К. А. Мехоношина о положении на фронте и мерах, принятых для отпора мятежникам. После докладов Ленин подробно расспросил руководителей ВРК и штаба округа об охране важнейших пунктов города, защите подступов к столице, охране железнодорожных станций, привлечении красногвардейцев и матросов из Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса, наличии артиллерии, организации штаба по руководству боевыми операциями, политической работе среди солдат и населения.

Всесторонний характер вопросов свидетельствовал о том, что Ленин был в курсе военно-технической подготовки и проведения вооруженного восстания. Но Ленин проявил себя не только как военный руководитель: он поднял вопрос об обороне Петрограда на уровень крупнейшего политического события. «Политический вопрос,— говорил Ленин на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября,— теперь вплотную подходит к военному» [158].

Для Ленина было ясно, что Керенский — пустышка, что его разрекламированный, встреченный шумным ликованием контрреволюции поход является авантюрой, что массы его не поддерживают. «Слишком ясно,— говорил Ленин,— что Керенский привлек корниловцев, кроме них ему опереться не на кого. В Москве они взяли Кремль, а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти. На фронте за Керенским нет никого» [159].

Но успех войск Краснова — Керенского породил большие надежды у контрреволюционных элементов, усилил их сплочение и организованность. Трудности революции в значительной степени усугублялись колебаниями попутчиков, нестойких сторонников революции. Левые эсеры, хотя и с колебаниями, но поддержали большевиков на II Всероссийском съезде Советов, так как они видели, что политика большевиков отвечает интересам масс, что это политика народа. «Это не политика большевиков,— говорил Ленин на совещании представителей Петроградского гарнизона,— вообще не политика «партийная», а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа» [160]. Идти против этой политики значило идти против народа, потерять какое бы то ни было влияние в массах, оказаться перемолотыми жерновами революции, как это случилось с другими мелкобуржуазными партиями, выдававшими себя за социалистов. Именно поэтому левые эсеры на II съезде Советов не осмелились выступить против политики Советской власти. Но поддержав эту политику, левые эсеры не захотели полностью порвать с правыми эсерами, старались сохранить с ними единство. Напомним, что, соглашаясь с решениями II съезда Советов, левые эсеры отказались войти в состав Советского правительства. Оправдывая это, их лидер Карелин говорил

---

[158] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 36.
[159] Там же.
[160] Там же.

на съезде: «Левые эсеры отклонили предложение вступить в министерство, так как вступление в большевистское министерство создало бы пропасть между ними и ушедшими со съезда отрядами революционной армии, пропасть, которая исключила бы возможность посредничества их между большевиками и этими группами» [161].

Приближение контрреволюционных войск Керенского — Краснова усилило колебания левых эсеров в сторону своих прежних коллег по партии. Они первыми заговорили о приглашении в правительство покинувших съезд правых эсеров и меньшевиков. А первые трудности революции и колебания левых эсеров повлияли и на неустойчивых членов партии большевиков: Каменев, Зиновьев стали сползать на путь соглашения с эсерами и меньшевиками, подтвердив тем самым, что их позиция перед Октябрем не была случайной. Их поддержали прибывшие из Москвы Ногин, Рыков и некоторые другие.

Преодолеть все эти трудности можно было только быстрой и решительной ликвидацией наступления контрреволюции, подняв и организовав народные массы на полный разгром войск Краснова — Керенского. «Повторяю,— говорил Ленин,— политическое положение свелось теперь к военному. Мы не можем потерпеть победы Керенского: тогда не будет ни мира, ни земли, ни свободы» [162].

Н. И. Подвойский, вспоминая о том, как Ленин поздно ночью 27 октября в штабе Петроградского военного округа добивался ответов на вопросы о состоянии обороны столицы и о необходимых мерах для ее улучшения, писал: «Вопросы Ленина с такой ясностью раскрывали существо его стратегического и тактического плана, а план этот так явно был рассчитан на решительный и быстрый разгром банд Краснова — Керенского, что хотелось одного: быстрее закончить это совещание и немедленно же приступить к осуществлению ленинских идей» [163].

По указанию Ленина главнокомандующим Петроградским военным округом был назначен Н. И. Подвойский, являвшийся председателем Военно-революционного комитета [164]. Сам штаб решено было перевести в Смольный. Аппарат штаба Петроградского военного округа, как уже отмечалось, не был перестроен и поставлен на службу революции. К тому же полки гарнизона относились к нему с недоверием, ибо накануне и в ходе Октябрьского восстания убедились в его контрреволюционности. Назначение Подвойского и перемещение штаба в Смольный позволяли широко использовать как аппарат штаба, так и авторитет и большой опыт Военно-революционного комитета, приобретенный в дни Октября.

После совещания представителей Петроградского гарнизона Ленин не уехал из штаба: он распорядился поставить стол в кабинете главнокомандующего округом и взял в свои руки руководство обороной Петрограда. Связавшись по прямому проводу с областным комитетом армии и флота в Гельсингфорсе, Ленин потребовал немедленно направить в Петроград революционные войска, отряды матросов, боевые корабли, оружие и продовольствие [165].

---

[161] «II Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов». М., 1928, стр. 83.
[162] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 37.
[163] *Н. И. Подвойский.* Год 1917. М., 1958, стр. 164.
[164] *И. С. Луговинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова. М., 1965, стр. 26—27.
[165] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 32—35.

Вызвав представителей Военно-морского революционного комитета, созданного во время работы II съезда Советов, И. И. Вахрамеева и Ф. Ф. Раскольникова, Ленин разработал с ними диспозицию расстановки кораблей на Неве. Было отдано распоряжение о присылке двух миноносцев с выдвижением их по Неве к селу Рыбацкому для охраны подступов к железной дороге Петроград — Москва. Крейсер «Аврора» и линейный корабль «Республика» (вместо него был прислан крейсер «Олег») должны были охранять подступы к Петрограду из района Николаевского моста. Кронштадту было поручено сформировать сильный матросский отряд с пулеметами и орудиями. В ту же ночь Ленин предложил членам исполнительной комиссии Петроградского комитета большевиков немедленно организовать рытье окопов и установку проволочных заграждений на подступах к Петрограду [166].

28 октября Ленин провел совещание представителей партийных, советских, профсоюзных, рабочих и военных организаций города, обсудив с ними мероприятия по обороне Петрограда.

На заводах и фабриках развернулась кипучая работа по мобилизации сил и боевых средств. Рабочие Путиловского завода сформировали отряд добровольцев и отправили его на фронт против Керенского и Краснова. Рабочие Кабельного завода постановили вооружить всех рабочих, способных носить оружие, и направить их на защиту столицы. Такое же решение было принято на Арсенале Петра Великого и на множестве других предприятий Петрограда.

Были мобилизованы все отряды Красной гвардии, численность которых быстро росла. Оружие они получали из Арсенала Петропавловской крепости и полков гарнизона. Одновременно по распоряжению ВРК на фабриках и заводах шло формирование отрядов для рытья окопов, изыскивались оружие и боеприпасы, создавались санитарные отряды и т. д.[167] Около 20 тыс. человек были направлены на сооружение оборонительной линии, протянувшейся от Финского залива до Невы [168].

Однако нельзя было ограничиться лишь мобилизацией революционных войск. Нужно было обеспечить их всем необходимым. Это было тем более важно, что отряд Краснова первоначально имел преимущество в артиллерии и боевой технике.

В. И. Ленин обратился к руководителям партийных и профсоюзных организаций ряда крупных заводов Петрограда, призывая их «пустить в ход все имеющиеся на заводах ресурсы для разгрома поднявшей голову контрреволюции» [169]. По его предложению Путиловский и Обуховский заводы срочно приступили к оборудованию бронепоезда. Другие заводы Петрограда обеспечили революционные войска оружием, боеприпасами, средствами связи. Было налажено снабжение революционных войск продовольствием, организованы питательные пункты, сформированы санитарные отряды.

Организуя оборону Петрограда, Ленин 28 октября дал директивы о мобилизации людей и о подготовке технических средств для рытья окопов и устройства проволочных заграждений. В тот же день Лениным

---

[166] Там же, стр. 548.
[167] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 700—705.
[168] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 232.
[169] *Н. И. Подвойский.* Год 1917, стр. 170.

были вызваны рабочие-путиловцы, которым было дано задание доставить орудия на позиции [170]. В ночь на 29 октября он сам приехал на Путиловский завод и предложил путиловцам ускорить отправку бронепоезда против контрреволюционных войск Керенского — Краснова.

В. И. Ленин внимательно следил за обеспечением революционных отрядов артиллерией и изыскивал возможности отправки орудий на фронт. 29 октября он отдал приказание комиссару отряда, разоружавшего по распоряжению ВРК юнкеров Михайловского артиллерийского училища, выступить с отобранными у юнкеров орудиями против войск Керенского — Краснова [171]. В тот же день, 29 октября, Ленин предписал Охтинскому складу взрывчатых веществ немедленно выдать представителю штаба Красной гвардии и Совета Выборгского района ручные гранаты и артиллерийские снаряды фугасного действия [172].

Под влиянием Ленина активизировал свою деятельность ВРК. 28 октября ВРК обратился с воззванием к трудящимся Петрограда, в котором извещал их, что «бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским съездом,— Совету Народных Комиссаров». Сообщая, что «фронт отказал Керенскому в поддержке», а Советская власть уже победила во многих городах, ВРК призывал население Петрограда к революционной бдительности и отпору мятежникам [173].

Особое внимание ВРК уделял вопросам вооружения. Его посланцы осматривали все склады, артиллерийские полигоны, собирая нужные боеприпасы, особенно артиллерию. В целях обеспечения безопасности Петропавловской крепости комиссару Морского полигона было приказано прислать артиллеристов в распоряжение члена ВРК Э. М. Склянского. В крепость были также вызваны отряд артиллеристов из гвардии гренадерского резервного полка и отряд с крейсера «Авроры». Для того чтобы не только усилить крепость, но и создать в ней артиллерийский резерв, было приказано привести в полную боевую готовность гвардейский запасный артиллерийский дивизион. Полевые орудия вызвали с артиллерийского полигона Усть-Ижорских лагерей [174], из Кронштадта и с форта Ино. Всем авиационным частям 29 октября штаб округа приказал «привести в боевую готовность все самолеты; четырем из них на рассвете быть на корпусном аэродроме и ждать распоряжений, а остальным оставаться готовыми в резерве» [175].

ВРК предписал заводскому комитету Ижорского завода немедленно выслать броневики в Петроград, а комиссару 1-й запасной автомобильной школы — откомандировать 10 шоферов в Колпино на Ижорский завод для обслуживания броневиков [176].

---

[170] На приказе ВРК, требующем доставить на позиции под Царское Село артиллерию, автомашины, полевые телефоны, бензин, Ленин 27 или 28 октября сделал приписку о принятии всех мер к немедленному исполнению приказа (см. «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 7).

[171] Там же, стр. 8.

[172] См.: *В. И. Ленин.* Военная переписка (1917—1920). М., 1956, стр. 9.

[173] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 688.

[174] Там же, стр. 691, 693, 698.

[175] Там же, стр. 718.

[176] Там же, стр. 696, 697.

ВРК принял меры по приведению в боевую готовность войсковых частей, расположенных на дальних подступах к Петрограду. Командиру гвардейского запасного кавалерийского полка, Новгородскому Совету, расположенным недалеко от Новгорода гарнизонам сел Селищино и Медведь 28 октября было отдано распоряжение сформировать батальоны для отправки в Петроград и для занятия станции Дно. В Новгородскую губернию и на Николаевскую железную дорогу ВРК назначил комиссарами солдата В. Г. Ромма и подпрапорщика И. Ф. Николаева [177]. Новгородский гарнизон поддержал ВРК и не допустил выступления из города 3-го ударного батальона в Гатчину на помощь Краснову. Солдаты 175-го запасного пехотного полка, расположенного в селе Медведь, выслали отряд для задержания бронированного поезда. Солдаты Куженкинского гарнизона задержали бронированный поезд красновцев и арестовали его команду [178].

Совету солдатских и крестьянских депутатов города Старицы Военно-революционный комитет предписал взять в свои руки власть в городе и уезде, не исполнять никаких приказаний Керенского, не пропускать мимо Старицы войска, идущие против революционного Петрограда [179].

На ближайший к столице Северный фронт ВРК продолжал посылать требования не допускать отправки помощи Керенскому и принять меры по подавлению мятежа. 28 октября Н. В. Крыленко от имени ВРК послал туда радиограмму: «В Гатчине стоят эшелоны Керенского с артиллерией, сам он там и издает приказы. Двиньте ему в догонку верные революционные полки и накажите предателя и изменника» [180].

Для ускорения помощи со стороны Северного фронта и Эстонии были посланы Я. Х. Петерс и М. М. Лашевич. Так как прямой путь на Таллин был отрезан войсками Краснова — Керенского, то представители ВРК были отправлены по железной дороге в Гельсингфорс, а оттуда миноносцем доставлены в Таллин [180а].

В ответ на призыв ВРК из полков, дивизий, корпусов и армий, а также с Балтийского флота стали поступать сообщения о готовности прислать помощь. Из Нарвы 28 октября сообщили, что местный гарнизон в составе 30 тыс. человек «предоставляет все свои боевые силы в распоряжение Военно-революционного комитета» [181]. Общее собрание представителей всех войсковых частей, судов, береговых частей армии и флота Таллина (Ревеля) 28 октября приняло резолюцию: «По первому зову Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов во всякое время готовы с оружием в руках подавить всякие контрреволюционные попытки» [182]. Военно-революционный комитет Эстонии, созданный 22 октября, оказал большую помощь Петрограду. Он не допустил отправки двух казачьих полков из 3-го конного корпуса, задержал отправку броневого дивизиона, вызванного Керенским из Хаапсалы. ВРК Эстонии до-

---

[177] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 237—238.

[178] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 619; см. также: *В. Д. Поликарпов.* Из летописи триумфального шествия Октября.— «Великий Октябрь. История, историография, источниковедение». М., 1978, стр. 296—309.

[179] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 235.

[180] Там же, стр. 240.

[180а] *В. Д. Поликарпов.* Из истории Петроградского ВРК (новые источники).— «Вопросы истории», 1977, № 11, стр. 26.

[181] Там же, стр. 263.

[182] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 710.

бился отказа солдат 49 корпуса. Революционные части ВРК Эстонии помогли ВРК XII армии не допустить посылки помощи Керенскому [182а].

В столице были приняты меры против публикации и распространения приказов и листовок Керенского. 27 октября Совет Народных Комиссаров принял подписанный Лениным декрет о печати. В соответствии с ним закрывались те буржуазные органы печати, которые призывали к сопротивлению или неповиновению Советскому правительству или печатали клевету на новую власть. На основании этого декрета 28 октября Совет Народных Комиссаров запретил выход в свет следующих газет (ранее закрытых Военно-революционным комитетом) [183]: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Живое слово», «Петроградский листок», «Петроградская газета», «Современное слово», «День», «Новая Русь», «Копейка» [184]. ВРК предписал штабу Красной гвардии установить караулы у типографий закрытых газет, чтобы не допустить печатания приказов Керенского, а в Государственной типографии произвести обыск, проверить шрифт и закрыть ее, если будет обнаружена запрещенная литература. «Для остановки печатания и конфискации приказа Керенского» был назначен специальный комиссар Н. Н. Николаев [185].

По плану Ленина на защиту Петрограда были подняты три основные революционные силы столицы: рабочие, солдаты, матросы. Нарвская застава направила на фронт около 4 тыс. вооруженных рабочих и на сооружение оборонительных рубежей — около 2 тыс.[186] Выборгский район отправил на фронт 2,5 тыс. рабочих [187]. Красногвардейские отряды были мобилизованы на борьбу с мятежниками и в других районах Петрограда. Общая численность отправленных на фронт красногвардейцев составляла около 10 тыс. человек [188]. Их формированием и действиями руководили активные партийные работники Петрограда: Е. Н. Егорова, М. И. Лацис, И. Д. Чугурин, Н. И. Кучменко, И. М. Гордиенко, Н. Ф. Егоров, В. Ф. Малаховский, В. К. Слуцкая и др. Работы по строительству оборонительной линии возглавляли В. И. Зоф и К. С. Еремеев. В строй встали члены ВЦИК, избранные на съезде. Это были делегаты Киевского Совета М. С. Богданов и В. М. Примаков, Одесского — П. И. Старостин, Николаевского — В. Ф. Ваничков, Смоленского — В. А. Смольянинов, Оршанского — А. В. Галкин, Омского — А. А. Звездов, Владимирского — Д. Г. Евсеев и т. д. [189]

[182а] *И. Саат, К. Сийливаск.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977, стр. 250—255.

[183] «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 539.

[184] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 239.

[185] Там же, стр. 237, 246.

[186] «Бастионы революции». Л., 1957, стр. 116—118.

[187] *Н. И. Злодеев.* Красная гвардия. М., 1957, стр. 43.

[188] В нашем распоряжении нет более точных данных. Е. Пинежский, выпустивший два издания своей книги еще в 1929 и 1933 гг., считал, что на Пулковско-Царскосельский фронт было отправлено около 10—12 тыс. красногвардейцев (*Е. Пинежский.* Красная гвардия. М., 1933, стр. 83). Эти данные стали на время общепризнанными. В. И. Старцев, специально исследовавший вопрос о Петроградской Красной гвардии, полагает, что непосредственное участие в боях против войск Краснова — Керенского принимали 8—10 тыс. красногвардейцев (*В. И. Старцев.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.— Л., 1965, стр. 200, 275). Хотя разница между цифрами обоих авторов не очень велика, мы останавливаемся на данных В. И. Старцева, как наиболее обоснованных при данном состоянии источников.

[189] *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 32—33, 81—82, 173—176.

Меньшевики на следующий день в бессильной злобе клеветали в плехановской газете «Единство», будто на фронт шли дети 15—16 лет. Меньшевистский автор назвал свою пасквильную заметку «Библейское преступление», намекая на то, что большевики якобы посылали детей на «заклание». Он умолчал, что меньшевики вместе с эсерами помогли организовать поход контрреволюции против революционного Петрограда, вынудив рабочих к обороне. Что касается «детей», о которых писали меньшевики, то действительно в рядах Красной гвардии было много молодежи. По подсчетам произведенным к 15-летию Октября, среди петроградских красногвардейцев было до 40% рабочих моложе 23 лет. На фронт вместе с основными кадрами рабочих пошла и рабочая молодежь, прежде всего члены Союза молодежи. Это только свидетельствовало о единодушии в пролетарской среде: на оборону своей, пролетарской власти поднялся весь рабочий класс: и стар, и млад, отцы и дети. Как и в ходе восстания, огромную роль в борьбе с контрреволюцией сыграли женщины. Они формировали санитарные отряды, создавали перевязочные пункты. Работницы завода «Сименс и Гальске» в одну ночь создали отряд в 200 медицинских сестер. Завод «Скороход» организовал санитарный отряд, в котором было 100 женщин. «Новая бумагопрядильня» снарядила отряд из 80 женщин [190].

Плечом к плечу с рабочими Петрограда на защиту города встали моряки Балтийского флота (необходимо иметь в виду, что процент рабочих в составе моряков был весьма высок). На фронт отправились матросские отряды, находившиеся в дни революции в столице. К ним присоединялись новые отряды, прибывавшие по вызову Ленина из Кронштадта и Гельсингфорса, а в Неву вошли боевые корабли. В одном только сводном Кронштадтском отряде на 28 октября числилось до 3200 моряков [191]. Отряды продолжали идти из Гельсингфорса. 28 октября Подвойский послал комиссару форта Ино приказ: «Положение в Гельсингфорсе надежное. Немедленно высылайте с фронта в Петроград в распоряжение Военно-революционного комитета 3 тыс. вооруженных человек с артиллерией» [192]. Во главе сил флота, привлеченных на борьбу с мятежом Керенского — Краснова, находились испытанные руководители революционных балтийцев: П. Е. Дыбенко, С. Г. Рошаль, И. П. Флеровский, Т. И. Ульянцев и др.

Несколько сложнее обстояло дело с привлечением на борьбу с мятежниками солдат Петроградского гарнизона. Некоторые воинские части выступили навстречу войскам Керенского сразу же после получения приказа [193]. Однако в ряде частей имели место колебания [194].

---

[190] *И. С. Лутовинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 33.

[191] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 706—707.

[192] Там же, стр. 690. Точных данных о том, сколько войск было послано с форта Ино, нет. И. С. Лутовинов называет около 400 человек («Ликвидация мятежа Краснова — Керенского», стр. 33). С форта Ино сообщали, что на 29 октября был послан 371 человек при 8 пушках и 4 пулеметах («Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». М.— Л., 1957, стр. 306).

[193] «Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета». М., 1957, стр. 99, 161.

[194] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 334, 355, 421, 422, 508 и др.

Одной из основных причин этих временных колебаний являлось то, что солдаты, активно участвовавшие в Октябрьском вооруженном восстании, были сильно утомлены. Ленин еще 27 октября отмечал, что «часть петроградских войск утомлена» [195]. Кроме того, Военная организация большевиков ослабила политическую работу в полках гарнизона. С прежней задачей — подготовкой гарнизона к восстанию — Военная организация справилась успешно. Но новую задачу — привлечение солдат к подавлению сопротивления контрреволюции — Военка поставила не сразу. Многие ее видные работники были отвлечены на общеполитическую работу. Все это сказалось на ослаблении политической работы в гарнизоне. В результате часть солдат явно недооценивала опасности наступления Керенского — Краснова. Подвойский писал, что «упоенные только что добытой победой солдаты не хотели видеть надвигавшейся опасности. Полки, совершившие в союзе с питерскими рабочими и под их руководством социалистическую революцию, считали свое дело законченным, а себя — героями. Защиту Петрограда от врагов, находящихся в нем самом, они готовы были признать своим кровным делом. А против войск Керенского, которые еще где-то в Гатчине, пускай воюют местные гарнизоны, им ближе...» [196] Между тем идеологическая работа, как известно, «пустоты не любит»: там, где эта работа была ослаблена, ее усилил противник. В полках гарнизона развернули агитацию участники контрреволюционного блока, главным образом эсеры и меньшевики, призывавшие не разжигать «братоубийственной войны».

Особое внимание контрреволюция уделяла командному составу. Младший и частично средний командный состав, тесно связанный с солдатами, оставался с ними и после восстания, выполняя распоряжения ВРК и полковых комитетов. Значительная часть среднего и старшего командного состава выжидала исхода борьбы. Высший комсостав в большей части становился на сторону контрреволюционного «Комитета спасения», убеждал солдат оставаться в казармах и не выступать против казаков Керенского — Краснова. Представитель гвардии Финляндского полка на совещании представителей гарнизона 29 октября довольно точно определил расслоение в среде командного состава: «Офицерство раскололо на три части, из них одна вполне солидарна и идет вместе с солдатами, другая осторожно пытается действовать против новой власти, и часть офицерства заняла выжидательную позицию» [197]. Эта характеристика вполне применима и к другим полкам. На упомянутом гарнизонном совещании приводились данные о попытках городской думы как якобы организации «нейтральной», стоящей всего только за «порядок» в городе, пригласить делегацию Литовского полка. Представитель Финляндского полка сообщал, что некоторые офицеры «предлагали солдатам, когда будут звать к выступлению, прийти к ним осведомиться, когда придет Керенский душить большевиков». Представители Егерского полка говорили, что «командир старается изобразить дело так, что надо защищать лишь казармы, а все остальное бросить» [198]. Делегаты Измайловского полка также докладывали, что «офицеры колеблются» [199].

---

[195] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 32.
[196] *Н. И. Подвойский.* Год 1917, стр. 161.
[197] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 713.
[198] Там же.
[199] Там же, стр. 714.

Но вопреки всем стараниям контрреволюции бóльшая часть солдатской массы осталась глуха к ее агитации. Сами солдаты изобличали офицеров, если они вели контрреволюционную пропаганду, отстраняли их от командования, нередко арестовывали. Солдатские комитеты зорко следили за поведением офицерства.

Необходимо было разоблачить и пресечь попытки контрреволюции вызвать колебания в Петроградском гарнизоне. По предложению Ленина в казармы были срочно направлены большевистские агитаторы. Среди них были видные партийные работники: В. Володарский, Г. К. Орджоникидзе, М. К. Муранов, Г. И. Чудновский, Н. В. Крыленко и др. 29 октября с ними беседовал Ленин [200]. Огромную работу провели в войсках районные комитеты партии, районные Советы и заводские партийные организации, тесно связанные с частями гарнизона.

Большое значение для вовлечения Петроградского гарнизона в активную борьбу с мятежниками и для организации разгрома мятежа Керенского — Краснова имело созванное вечером 29 октября уже упоминавшееся гарнизонное совещание, на котором присутствовало 40 представителей воинских частей Петрограда. Активное участие в совещании принял Ленин: он сделал доклад о текущем моменте и дважды выступил по вопросу о вооружении частей и о водворении порядка в городе.

В. И. Ленин разъяснил, в чем смысл событий под Петроградом: поход Керенского — Краснова — «это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова». Вместе с тем Ленин подчеркивал, что «момент теперь трудный... Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского» [201].

В своем выступлении Ленин разоблачил эсеров и меньшевиков, которые утверждали, будто они покинули II съезд Советов потому, что большевики ни с кем не захотели делить власть и проводят только свою партийную политику. «Весь народ,— говорил Ленин,— именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах» [202]. Эсеров и меньшевиков никто не отстранял, они сами покинули съезд, так как остались в меньшинстве и не захотели подчиниться воле большинства. «Не наша вина,— говорил Ленин,— что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть, но они хотят подождать, как кончится борьба с Керенским.

К участию в правительстве мы приглашали всех. Левые эсеры заявили, что они хотят поддерживать политику Советского правительства. О несогласии с программой нового правительства они не решались даже заявить» [203].

Указав далее на имеющиеся недостатки в организации обороны Петрограда, В. И. Ленин выдвинул ряд неотложных задач: необходимость срочной организации штаба революционных войск, сосредоточения ма-

---

200 «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 172. Совет Народных Комиссаров направил члена штаба Петроградского военного округа Г. И. Чудновского «для переговоров с Измайловским и другими полками для достижения соглашения в целях немедленных действий по обороне Петрограда от контрреволюционных войск» («Петроградский военно-революционный комитет», т. 1, стр. 310).

201 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 37.

202 Там же.

203 Там же, стр. 36.

териальных средств, обеспечения войск всем необходимым и т. п.[204]

Речь Ленина произвела огромное впечатление. Выступившие на совещании представители полков гарнизона заявили о готовности их частей выступить на фронт против войск Керенского — Краснова.

«Настроение солдат бодрое и крепкое. Все стоят за новую власть»,— говорил представитель гвардии Финляндского полка. Делегаты Егерского полка сообщали: «У солдат недовольство тем, что их долго не посылают на борьбу с Керенским. Настроение твердое. Есть желание биться до конца». «Команды все как один человек,— говорили представители 2-го флотского экипажа,— стоят за защиту Советского революционного правительства. Офицерство идет вместе с командой». Представитель крейсера «Аврора» сказал: «Настроение очень бодрое. Наши пушки к вашим услугам. Представитель «Комитета спасения» был встречен свистками и протестами». Делегат Преображенского полка заявил: «Настроение твердое. Офицеры действуют заодно с солдатами. Телеграмма «Комитета спасения» передана в Военно-революционный комитет»[205]. То же говорили о настроениях солдат посланцы Павловского, Измайловского, 3-го запасного, 170-го запасного, запасного моторного и других полков.

Так провалилась контрреволюционная кампания, направленная на то, чтобы удержать солдат от выступления против Керенского — Краснова. На защиту Петрограда вышли революционные солдаты Измайловского, Петроградского, Семеновского, Егерского, Волынского, Литовского, Павловского, Кексгольмского, 180-го и 1-го запасных пехотных полков, 6-го саперного запасного батальона и ряда других частей[206]. На фронт прибыли также войска из Гельсингфорса и Выборга. К началу решающего сражения только непосредственно на фронте под Петроградом насчитывалось 10—12 тыс. революционных солдат[207], не считая отрядов, находившихся в резерве и несших патрульную службу на пути к городу.

---

[204] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 38.

[205] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 713, 714.

[206] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 506. В списке отправленных на фронт, составленном Н. И. Подвойским, числилось 17 полков и частей, в том числе кронштадтцы и артиллерия. В столице остались: Финляндский, Преображенский, Московский, Гренадерский, 9-й кавалерийский, 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки и ряд других частей. Некоторые из оставшихся частей приняли участие в подавлении мятежа юнкеров (*А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции, стр. 66).

[207] Точных данных о числе солдат, вышедших на фронт, а следовательно, об общем количестве революционных войск под Петроградом, пока нет. В различных источниках называются разные цифры. Керенский позднее писал, что, по разведывательным данным генерала Краснова, против контрреволюции «было сосредоточено 12—15 тыс. войск всякого рода оружия» (*А. Керенский.* Гатчина. М., 1922, стр. 29). Во 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР» (без ссылки на источник) говорилось: «Общее число революционных войск составляло около 10 тыс. человек» («История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 368). Н. Мамай полагает, что 29 октября на фронте было 8 тыс. человек (эти данные он взял из материалов ВРК, требовавшего от окружного интендантства доставить продовольствие на 8 тыс. человек.— «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 304, 305), а 30 октября число бойцов увеличилось до 10—12 тыс. («Военно-исторический журнал», 1968, № 4, стр. 12—13). По сведениям Н. Злодеева, без указания, откуда взяты данные, общее число бойцов, выставленных на фронт, доходило даже до 50 тыс. (*Н. Злодеев.* Красная гвардия. М., 1957, стр. 45).

О числе солдат гарнизона на фронте мы располагаем сегодня следующими данными: Измайловскому полку ВРК приказал отправить на фронт не менее

29 октября, как и рекомендовал Ленин, был создан штаб революционных войск. Начальником обороны Петрограда, а затем главнокомандующим войсками Петроградского военного округа был назначен левый эсер подполковник М. А. Муравьев (впоследствии изменивший Советской власти), комиссаром — большевик К. С. Еремеев, а начальником штаба — полковник П. Б. Вальден [208]. Руководящие посты в войсках занимали большевики Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, Г. И. Чудновский и другие партийные работники, активно участвовавшие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания.

По решению гарнизонного совещания была создана контрольная комиссия из пяти представителей гарнизона, в задачи которой входили надзор за действиями штаба, назначение в согласии с Советом Народных Комиссаров на высшие военные посты, собирание сведений о наличии оружия в частях гарнизона [209].

Огромная работа, проведенная под руководством Ленина, создала необходимые предпосылки для разгрома мятежа Керенского — Краснова.

Мы привели только те данные о деятельности Ленина, которые имеются в литературе. (Несомненно, что в те критические, насыщенные быстро сменяющимися событиями дни не все ленинские указания были зафиксированы). Но и эти данные позволяют судить о той поистине титанической работе, которую проводил Ленин, и о тех сторонах его руководства, которые раскрылись в новых условиях, после перехода власти к Советам. До этого народные массы знали Ленина как создателя и вождя

---

1 тыс. с пулеметами и кухнями («Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 168—169); павловцев на фронте была 1 тыс. солдат при 5 пулеметах (там же, стр. 573); Московский полк отправил 160 человек (там же, стр. 358); в 171-м и 176-м полках на Красносельском фронте было по 350—400 человек, но на фронт были посланы не все (там же, стр. 520). Если исходить из средних данных в 200—300 человек от каждого полка, то в 16 полках — 14 (из списка Н. И. Подвойского) и 2 красносельских — в общем было 4—5 тыс. солдат.

Еще сложнее подсчитать число матросов на фронте. Здесь цифры колеблются от 10 тыс. (*С. С. Хесин.* Матросы революции. М., 1958, стр. 47) почти до 30 тыс. («Первый день нового мира». Воспоминания и материалы об участии моряков Балтийского флота в Октябрьском восстании. Таллин, 1970. Сборник воспоминаний. Приложение, стр. 255). В одной и той же работе даны разные данные: на 28 октября в Кронштадтском отряде числилось 3199 моряков и солдат, а на 1—2 ноября 2384 («Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 305, 319). Сопоставление и анализ всех материалов позволяют сказать, что цифра 10 тыс. ближе к истине. Таким образом, вместе с моряками и красногвардейцами непосредственно против войск Керенского — Краснова было сосредоточено более 20 тыс. бойцов. Следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о численности войск, действовавших против Керенского — Краснова, требует дальнейшего исследования.

208 П. Б. Вальден командовал 2-м Царскосельским гвардейским резервным полком, в боях против войск Краснова — Керенского был начальником отряда солдат гарнизона и красногвардейцев. После демобилизации Царскосельского полка в 1918 г. остался в Красной Армии и преподавал в военно-учебных заведениях стрелково-пулеметное дело («Вопросы истории», 1971, № 3, стр. 164; «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 348, 459, 530).

209 К сожалению, материалов о составе и деятельности контрольной комиссии, существовавшей и после разгрома контрреволюционных войск Краснова — Керенского, очень мало (*Е. Н. Городецкий.* В. И. Ленин в Петроградском Военно-революционном комитете.— «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1964, стр. 156—159). В документах ВРК имеется удостоверение, выданное И. К. Кротову как члену контрольной комиссии, подписанное В. И. Лениным («Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 311).

партии, вдохновителя и руководителя Октябрьского вооруженного восстания. Сейчас Ленин предстал перед трудящимися как руководитель обороны Советского государства, как государственный деятель. Уже в эти первые дни Советской власти, когда Ленину пришлось решать разнообразные задачи — от вопросов государственной деятельности до военно-технических вопросов, раскрылись все грани его государственного гения. Особо следует отметить его искусство как военачальника, его знания и анализ военно-политических вопросов. Неисчерпаемая энергия Ленина, его несокрушимая вера в правильность избранного пути, умение предвидеть развитие событий, настойчивость и требовательность вселяли уверенность в народные массы, повышали их боеготовность, усиливали стремление руководителей всех звеньев советского государственного аппарата добиться успеха в борьбе с контрреволюцией.

Военно-революционный комитет работал, как и в дни Октябрьского восстания.

За два дня, прошедшие после победы Октября, Петроград переродился. Известная дезорганизация, сопровождавшая крутой переход от старой власти к новой, сменилась революционной организованностью. Попытки внести колебания в ряды революционных борцов были сорваны решительностью и стойкостью Советского правительства. Широкая разъяснительная кампания, проведенная партией большевиков, всеми верными революции политическими деятелями, укрепила в массах веру в свои силы, в неотвратимость победы. Неполадки в военной организации были устранены. Создан штаб. Город ощетинился штыками. Выше поднялось политическое сознание трудящихся.

Уже одна та быстрота, с которой были преодолены трудности, с чрезвычайной убедительностью говорила всем, умеющим читать книгу жизни, о народном характере революции и о доверии, которым пользовалась партия большевиков.

«Последние два дня,— подводил итоги напряженной и энергичной деятельности Советской власти и партии большевиков штаб ВРК,— были для нашего штаба днями усиленной борьбы по обеспечению революционных войск необходимым количеством орудий, пулеметов, полевых телефонов и пр. Когда эта работа при энергичнейшем содействии районных Советов и заводов (Путиловский, Обуховский и др.) была совершена, исход предстоящего столкновения не мог более оставлять сомнений: на стороне революционных войск имелся не только численный перевес, не только такая могучая материальная база, как Петроград, но и огромный моральный перевес» [210].

Подавление юнкерского мятежа

Пока шла быстрая и энергичная мобилизация революционных сил, в Петрограде не дремала и контрреволюция.

Не ограничиваясь антисоветской пропагандой, «Комитет спасения» лихорадочно готовил вооруженное выступление в городе, приурочивая его к моменту предполагавшегося подхода войск Керенского — Краснова.

Организаторы этого выступления за два-три дня подготовки убедились, что, кроме юнкеров и небольшого отряда увечных воинов, у них

---

[210] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 794.

никого не было. В «мобилизационном плане» Полковникова, найденном в его бумагах, числилось 800—900 юнкеров и увечных воинов [211]. Предполагалось, что к ним присоединятся офицеры, из которых можно будет создать новые отряды. Всего рассчитывали набрать примерно 1,5 тыс. человек, хотя руководители заговора уверяли В. Б. Станкевича, что обладают «весьма солидной вооруженной силой» [212].

Быстрые и решительные меры Советской власти по мобилизации революционных сил лишали заговорщиков серьезных надежд на успех: их выступление с самого начала было обречено на провал. Оставалось надеяться только на подход войск Керенского — Краснова.

27 октября главари заговора запрашивали Краснова: «Крайне необходимо знать, когда ваши войска будут в Петрограде...» Краснов в тот же день самоуверенно ответил им: «Завтра в 11 часов выступаю на Петроград. Буду идти, сбивая и уничтожая мятежников. Буду занимать позиции по рубежам. Прибытие в Петроград вполне зависит от активности верных присяге войск гарнизона, по прибытии в Петроград вы должны занять все караулы, посты и принять на себя разведочную службу» [213].

Телеграмма Краснова не давала точной ориентировки, но вечером 28 октября в Петроград прибыл посланный Керенским Станкевич и уточнил, что войска Краснова подойдут к столице примерно 30 октября. К этому сроку и приурочивалось выступление юнкеров.

Заговорщики рассчитывали прежде всего на внезапность удара. Они надеялись также, что отвлечение революционных отрядов на фронт оставит столицу без вооруженной силы или во всяком случае значительно ослабит ее. К тому же офицеры казачьих полков, дислоцированных в Петрограде, уверяли, что появление войск Керенского — Краснова в предместьях города и выступление юнкеров прекратят колебания казаков и они окажут поддержку мятежникам [214].

План Полковникова, помощником которого был назначен эсер подполковник А. А. Краковецкий, сводился к тому, чтобы объединенными силами юнкеров всех военных училищ Петрограда занять телефонную станцию, Петропавловскую крепость, Смольный, арестовать Советское правительство и руководителей большевистской партии.

Взять Петропавловскую крепость мятежникам нужно было для того, чтобы освободить находившихся там министров свергнутого Временного правительства. Видимо, не случайно в 11 час. 28 октября в ВРК в Смольный явилась делегация городской думы с просьбой об освобождении «арестованных бывших министров или о допущении представителей думы в Петропавловскую крепость для постоянного там пребывания и наблюдения за содержанием арестованных». Вероятно, думцы хотели предупредить арестованных о мятеже и возможном их освобождении [215].

---

[211] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 344.

[212] Там же.

[213] «Красный архив», 1927, № 5 (24), стр. 204.

[214] Один из участников контрреволюционного мятежа, народный социалист В. И. Игнатьев сообщил, что эсеры Чайковский и Авксентьев ездили в Союз казачьих войск уговаривать казаков выступить на помощь юнкерам (*В. И. Игнатьев.* Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921 гг.). М., 1922, стр. 6).

[215] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 242. ВРК отклонил просьбу делегации, но разрешил ее членам посещать (каждый раз с согласия ВРК) крепость. Первое посещение переносилось на 29 октября.

Взятие Петропавловской крепости передавало ее Арсенал в руки заговорщиков и позволяло ударникам, расположенным во дворце Кшесинской и находившимся под угрозой пулеметного обстрела со стороны крепости, соединиться с юнкерами. Штаб мятежников предполагалось расположить в Инженерном замке, где находилось Николаевское инженерное училище. Составной частью плана являлся захват Михайловского манежа, где стоял броневой отряд. Офицеры отряда были связаны с «Комитетом спасения», передали ему план размещения отряда и обещали оказать помощь в захвате броневиков.

28 октября училищам был отдан приказ немедленно подготовиться к выступлению [216], в них были назначены комиссары «Комитета спасения».

Но одно непредвиденное обстоятельство заставило заговорщиков ускорить выступление. В ночь на 29 октября красногвардейский патруль задержал у дворца Кшесинской двух подозрительных лиц и доставил их к комиссару Петропавловской крепости Г. И. Благонравову. У одного из них (это был видный деятель правых эсеров, член «Комитета спасения» А. А. Брудерер) были найдены документы, содержавшие данные о планах мятежа.

Благонравов передал захваченные документы в Смольный. Там уже были получены сведения об агитации агентов «Комитета спасения» в воинских частях, о задержании юнкерами отдельных милиционеров и красногвардейцев. Так, Петроградский комитет большевиков сообщил в Смольный телефонограмму партийного комитета 2-го Городского района о том, что на Невском в ночь на 29 октября юнкерами разоружен отряд Красной гвардии в составе 50 человек, во время столкновения несколько человек было ранено.

Сведения, доставленные Благонравовым, лишь подтверждали данные о готовности контрреволюционеров выступить. Военно-революционный комитет предупредил Петроградский комитет большевиков и штаб Красной гвардии о намерениях контрреволюции и немедленно принял меры для предотвращения выступления заговорщиков. ВРК, в частности, приказал окружить юнкерские училища революционными войсками.

Брудереру удалось ускользнуть из-под ареста и предупредить «Комитет спасения» о случившемся [217]. Заговорщики, узнав о своем разоблачении, решили выступать, не дожидаясь подхода войск Краснова. В 2 часа ночи на 29 октября Полковников издал приказ № 1, в котором предлагал частям гарнизона не исполнять распоряжений ВРК, арестовать его комиссаров и прислать своих представителей в Инженерный замок, где расположился центр мятежа [218]. «Комитет спасения» отдал распоряжение начальнику типографии эсеровской газеты «Дело народа» немедленно напечатать 500 экземпляров приказа, и его развозили по юнкерским училищам на автомобиле. В ту же ночь юнкерам Влади-

---

[216] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 816.

[217] *И. Кремлев.* Былое. М., 1959, стр. 49; *И. С. Луговинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 50—51.

[218] Дальнейшие события излагаются по материалам следующих работ: «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 817—844; «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 340—351; «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 273—354; *И. С. Луговинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 49—60.

мирского военного училища было приказано по прибытии увечных воинов соединиться с юнкерами Павловского училища и поступить в распоряжение подполковника А. Н. Куропаткина и комиссара А. А. Брудерера. Комиссару были «даны определенные задачи» [219]. На этот отряд возлагалась задача занятия Петропавловской крепости, а после присоединения ударников из дворца Кшесинской они совместными усилиями должны были овладеть Смольным. Юнкерам Николаевского инженерного училища, которым отводилась роль резервов, было приказано спать одетыми, поставив винтовки у постелей.

Ночью руководители мятежа, члены «Комитета спасения», прибыли в Инженерный замок. На рассвете 29 октября юнкеров Николаевского училища разбудили по тревоге. Перед ними выступил член училищного комитета полковник Б. М. Муфель, от имени «Комитета спасения» заявивший, что войска Керенского ожидаются в городе к 11 час. утра. Юнкерам поручалось занятие Михайловского манежа и телефонной станции.

Вскоре отряд юнкеров, который сопровождал один из офицеров бронедивизиона, скрытно подошел к задним воротам Манежа. Часовой, оказавший сопротивление, был убит, а находившиеся в Манеже солдаты арестованы. С помощью офицера из бронедивизиона юнкера захватили несколько легковых машин и три исправных броневика, в том числе вооруженный пушкой броневик «Ахтырец». По возвращении в Инженерный замок отряд юнкеров был пополнен и в сопровождении «Ахтырца» направлен на Центральную телефонную станцию. Офицеры отряда переоделись в форму Семеновского полка, солдаты которого стояли в карауле у станции. Предварительно узнав пароль, они сняли караул и без сопротивления заняли телефонную станцию, отключив телефоны Смольного, Петропавловской крепости и Зимнего дворца. Другой отряд юнкеров захватил военную гостиницу «Асторию», где арестовал проживавших там комиссаров. На улицах юнкера арестовывали членов Петроградского Совета, обезоруживали и убивали отдельных красногвардейцев и матросов.

После первых успехов заговорщики, чтобы ободрить своих сторонников, в 8 час. 30 мин. утра 29 октября послали лживую телеграмму, в которой говорилось «об освобождении всех юнкерских училищ и казачьих частей» (на самом деле казачьи полки не приняли никакого участия в мятеже). Сообщив о занятии Михайловского манежа, захвате «броневых и орудийных автомобилей» и занятии телефонной станции, авторы телеграммы далее писали, что «стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института, последних убежищ большевиков» [219а]. В телеграмме предлагалось оказывать всемерную поддержку

---

[219] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 816.

[219а] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 818. Телеграмма была передана и в другие города; например, она опубликована 30 октября 1917 г. «Киевской мыслью». На телеграмме стояли подписи председателя разогнанного Предпарламента Н. Д. Авксентьева, председателя «Комитета спасения», хотя он им не являлся, А. Р. Гоца, комиссара «Комитета спасения» при командующем армией спасения, члена военного отдела «Комитета спасения» Синани и члена военной комиссии ЦК партии эсеров М. Броуна-Ракитина. При посылке телеграммы штабс-капитан М. Броун, в спешке составлявший ее текст, не успел получить подписи А. Р. Гоца и Н. Д. Авксентьева. Телеграмма была послана с их фамилиями, напе-

комиссарам «Комитета спасения» и арестовывать комиссаров Военно-революционного комитета. Всем частям, «опомнившимся от угара большевистской авантюры», приказывалось «немедленно стягиваться к Инженерному замку».

В действительности успехи мятежников ограничились набегом на бронедивизион и захватом телефонной станции. Юнкера Владимирского училища в 7-м часу утра разоружили караул, охранявший училище, арестовали комиссаров ВРК И. Кремлева, В. Лебедева и Рогачевского и пытались захватить склад оружия, находившийся поблизости под охраной советских войск. Дорогу им преградили пулеметчики училищной команды, и хотя их сопротивление было сломлено, к этому времени уже подоспели красногвардейцы Петроградской стороны под командованием председателя районного Совета П. А. Скороходова и начальника штаба Красной гвардии М. Н. Моисеева [220]. Юнкера были вынуждены вернуться в училище. Приказ Полковникова о соединении Владимирского училища с Павловским не был выполнен: осадить Петропавловскую крепость юнкерам не удалось, они сами оказались осажденными. Несмотря на все усилия и провокации «Комитета спасения», ни одна воинская часть Петроградского гарнизона не поддержала мятежников.

С первых же часов своего выступления они оказались в полной изоляции. «Наш штаб,— вспоминал один из участников мятежа, Краковецкий,— был маленьким островком, окруженным враждебной стихией; нас просто обволакивали — шла сама вооруженная масса» [221].

Тем не менее юнкерский мятеж в Петрограде представлял серьезную опасность для революции. Он произошел в момент мобилизации революционных сил для отпора наступлению войск Керенского — Краснова. Советская власть еще не окрепла, не наладила аппарата управления. Петроград еще кишел контрреволюционными элементами, готовыми поддержать мятежников. Нужно было быстро и беспощадно подавить выступление юнкеров.

Как только ВРК получил сведения о юнкерском заговоре, он выпустил воззвание к населению Петрограда, извещая трудящихся о том, что «против власти, установленной Всероссийским съездом Советов и принятой большинством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов готовили руками корниловцев разбойничий удар». ВРК по-

---

чатанными на машинке. В связи с этим оба они в эсеровской газете «Дело народа» 31 октября категорически отрицали свое участие в мятеже. Это ввело в заблуждение следственные власти, и революционный трибунал позже освободил эсера Брудерера из заключения и передал его на поруки партии эсеров. Но на процессе эсеров в 1922 г. М. Броун-Ракитин и А. Краковецкий полностью раскрыли подробности подготовки мятежа и ту роль, которую в нем сыграли эсеры и их лидеры Авксентьев и Гоц (*Д. Л. Голинков.* Кто был организатором юнкерского восстания.— «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 202—205. По амнистии к 1 мая 1918 г. дело о юнкерском восстании было прекращено). Кадетский лидер П. Н. Милюков позже признавал, что «военная комиссия социалистов-революционеров разработала даже целый план вооруженного свержения большевиков в согласии с казачьим отрядом ген. Краснова» (*П. Н. Милюков.* Россия на переломе, т. II. Париж, 1927, стр. 10).

[220] *И. С. Лутовинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 56.

[221] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 349.

становил «арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду» [222].

Петроград был объявлен на осадном положении. Отряды красногвардейцев направлялись к юнкерским училищам. Путиловский завод должен был выделить 500 красногвардейцев, но явилось 1,5 тыс.

Член районного ВРК Е. Трифонов отобрал 500 человек, но из задних рядов стали пристраиваться другие рабочие, и отряд вырос до 800 человек. Его направили в районный Совет, откуда часть отряда двинулась к Владимирскому и Павловскому училищам, другая группа — к Инженерному замку и третья — к Пажескому корпусу [223]. Обуховский завод выслал отряд с пулеметом. Красногвардейские отряды шли с Выборгской и Петроградской сторон, а также из других районов столицы. Вместе с красногвардейцами на подавление мятежа были направлены отряды матросов и революционных солдат.

Советские отряды блокировали юнкерские училища и приступили к решительному подавлению мятежа. Наиболее упорные бои произошли у Владимирского училища, где были сосредоточены крупные силы мятежников. Ими руководил подполковник А. Н. Куропаткин, назначенный «Комитетом спасения».

Кроме красногвардейцев Петроградской стороны и путиловцев, в осаде приняли участие Обуховский отряд, солдаты Гренадерского полка и огнеметно-химического батальона и моряки школы моторных машинистов. Позже подошли пулеметчики, присланные Благонравовым.

Юнкерам сначала предъявили ультиматум — сложить оружие в течение 20 мин. Они ответили огнем и попытались неожиданной атакой прорвать кольцо окружения. Революционные части отбили атаку. Потеряв несколько десятков убитыми и ранеными, юнкера вернулись в училище. Им вторично было предложено сдаться, но они продолжали отстреливаться. Осаждающие несли потери. По указанию Ленина, переданному через Подвойского, было решено применить артиллерию. После первых же орудийных выстрелов юнкера подняли белый флаг, но, когда подошли парламентеры, юнкера обстреляли их, убив и ранив несколько красногвардейцев и солдат. Возмущенные вероломством юнкеров, революционные части вновь подвергли училище артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Среди юнкеров началась паника, и атакующие ворвались в училище. Несмотря на продолжавшееся упорное сопротивление офицеров, юнкера были разоружены и отправлены в Петропавловскую крепость. Среди них оказались десятки лиц, арестованных еще при взятии Зимнего дворца и отпущенных под честное слово в том, что они не поднимут оружия против власти Советов. Раненых юнкеров перевезли в госпиталь. В здании Владимирского училища было изъято 11 пулеметов, 7 тыс. винтовок, много патронов и орудие [224].

---

[222] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 841. В воззвании сообщалось, что план заговорщиков «оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости прапорщиком Благонравовым благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено». К сожалению, узнать его имя не удалось.

[223] *М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский.* История Путиловского завода. М., 1961, стр. 696; *И. С. Лутовинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 55—56.

[224] *И. С. Лутовинов.* Ликвидация мятежа Керенского — Краснова, стр. 56—58.

Почти одновременно революционные войска овладели Павловским, Константиновским, Михайловским училищами. Михайловское артиллерийское училище по приказу ВРК было разоружено Красной гвардией заводов «Розенкранц», «Феникс» и Петроградского металлического. Юнкера Николаевского кавалерийского училища выступить не успели: они были окружены революционными войсками и оказались под угрозой пулеметного огня.

Инженерный замок, где находился штаб мятежников, был окружен. Ударники из дворца Кшесинской сдались под угрозой пулеметного обстрела со стен Петропавловской крепости. Комиссар Николаевского училища А. В. Лебедев так описал в своем донесении последние минуты мятежников в Инженерном замке: «В конце концов эти авантюристы из «Комитета спасения» отдают приказ: сдавайся и спасайся кто может, и сами первые удирают из замка. Паника среди юнкеров. Срывают погоны и бегут. Кто плачет, кто бранит Полковникова, и, как говорили некоторые юнкера, если бы они его нашли, то убили бы его за его провокацию» [225].

Полковников и другие лидеры мятежа, а также большинство офицеров бежали, бросив спровоцированных на антисоветскую авантюру юнкеров. Значительная часть юнкеров скрылась, а остальные к 5 час. вечера были разоружены и отправлены в Петропавловскую крепость.

Недолго пробыла в руках юнкеров и Центральная телефонная станция [226]. Заняв ее, юнкера с помощью броневика стали останавливать проезжающие машины. В одной из них находился В. А. Антонов-Овсеенко. Он был арестован, и его втолкнули в помещение, где находились арестованные солдаты из караула телеграфа, с торжествующим криком: «Вот вам ваш военный министр!»

К полудню телефонная станция была окружена революционными войсками. ВРК приказал 2-му пулеметному полку выслать две пулеметные команды на Морскую улицу, где находилась Центральная телефонная станция, а комиссару Петропавловской крепости направить туда же броневик. Мятежникам предложили сложить оружие. Еще так недавно торжествовавшие юнкера послали американского журналиста, проникшего на станцию под видом санитара, просить «арестованного» Антонова-Овсеенко взять на себя обязанности парламентера. Центральная телефонная станция была освобождена без потерь.

С юнкерским мятежом в Петрограде было покончено в течение нескольких часов. Но этот мятеж вызвал больше жертв, чем за все дни Октябрьского вооруженного восстания. По далеко не полным данным, опубликованным 2 ноября 1917 г. в «Известиях», при подавлении мятежа только революционные войска потеряли 24 человека убитыми и 17 ранеными. Немало жертв насчитывается и среди юнкеров.

Контрреволюционная печать, в том числе эсеровская и меньшевистская, умалчивая о потерях революционной стороны, подняла неистовый шум по поводу «насилий» над юнкерами, «самосудов» над ними и т. п. Городская дума, представители которой участвовали в организации юнкерского мятежа, спешно создала комиссию для расследования дела о «насилиях» над юнкерами и офицерами. Комиссия под руководством то-

---

[225] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 837—838.
[226] «Правда», 2 ноября 1917 г.

варища городского головы А. Аргутинского при участии трех гласных думы явилась в ночь на 30 октября в Михайловское артиллерийское училище. Начальник училища генерал-майор И. И. Михайловский в присутствии офицеров и юнкеров опроверг все слухи о насилии над юнкерами и офицерами и заявил, что обратился с просьбой в ВРК принять меры по охране училища. Просьба начальника была удовлетворена: после обыска ВРК установил в училище охрану [227]. Обвинения в насилиях и самосудах лопнули, как мыльный пузырь.

Поражение контрреволюционных войск под Пулковом

Выступление юнкеров не прервало концентрацию революционных сил на фронте против войск Керенского — Краснова. Напротив, в день мятежа эта концентрация происходила наиболее интенсивно.

Отряды Красной гвардии, моряков и части Петроградского гарнизона направлялись в намеченные командованием районы. Это был нелегкий путь. Бойцы часто шли под проливным дождем. Многие красногвардейцы, торопясь на фронт, не взяли верхней одежды и промокли насквозь. В некоторых отрядах не было кухонь, и люди долгое время оставались без продовольствия. Дороги размыло. Приходилось тратить много сил, чтобы вытащить застрявший в грязи грузовик или орудие.

Со стороны движение революционных отрядов могло казаться неорганизованным. И действительно, кое-кто из враждебных наблюдателей говорил о хаосе, якобы царившем в советских частях.

Но эти наблюдатели не замечали создания новой дисциплины: старая дисциплина слепого военного подчинения сменялась новой, сознательной. Бойцы стойко выносили все невзгоды боевой обстановки. Делегат Василеостровского районного Совета Петрограда И. Кузьмин, посланный на фронт с целью поддержки революционного настроения, писал, что он «по прибытии на позиции убедился в ненужности данной работы». Красногвардейцы, солдаты и моряки сами понимали, какая ответственная задача возложена на них, и рвались в бой.

К 30 октября была создана сильная линия фронта, протянувшаяся в направлении Пулково — Красное Село. Вдоль этой линии располагались две основные группировки советских войск — Пулковский и Красносельский отряды. Главные силы были сосредоточены в Пулковском отряде, занимавшем рубежи на Пулковских высотах перед Царским Селом и станцией Александровская. На левом фланге этой группировки находились Измайловский, Петроградский и 2-й Царскосельский полки. Центр позиции занимали отряды красногвардейцев и матросов под командованием В. А. Антонова-Овсеенко, а на правом фланге действовали отряды гельсингфорсских и кронштадтских матросов под командованием П. Е. Дыбенко. В Красносельский отряд, который возглавляли офицеры-большевики Ф. П. Хаустов и В. В. Сахаров, входили 176-й, 171-й, Егерский и Павловский полки, а также отряд матросов.

30 октября от имени Советского правительства было передано написанное Лениным радиосообщение о мятеже Керенского и о подавлении

---

[227] «Правда», 31 октября 1917 г.; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 841.

контрреволюционного выступления юнкеров. «Советское правительство мобилизовало силы для подавления нового корниловского похода на Петроград»,— говорилось в нем. Сообщив далее, что к столице вызваны боевые корабли, что пленные из лагеря Керенского — Краснова заверяют о колебаниях обманутых казаков, Ленин от имени Советского правительства заявлял, что оно «принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие». Но если отряды Керенского будут наступать, то «Советское правительство не остановится перед беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода» [228].

Лихорадочную активность проявили в эти часы подготовки решающего удара и контрреволюционные деятели. Они узнали о преждевременном выступлении юнкеров в Петрограде 29 октября. В день разгрома Войтинский телеграфировал на Северный фронт своему помощнику Д. В. Савицкому (копия генералу Барановскому): «В Петрограде сегодня разгромлены два юнкерских училища. Была сильная стрельба, много жертв, производятся аресты среди наших» [229]. Но оказать помощь юнкерам не могли: части с фронта не подошли, а своих было мало.

Надежды нанести Советской власти удар в спину исчезли. Теперь все зависело от скорейшего продвижения войск с фронта. Для этого были приняты новые меры. Особое старание наряду с Керенским проявлял Войтинский. В упомянутой телеграмме своему помощнику он требовал: «С величайшей спешностью пришлите все, что можно...» [230]

Понимая, что пехота может опоздать, Войтинский передал распоряжение Керенского, чтобы все годные для боевых действий аэропланы Северного фронта были немедленно присланы в Царское Село в распоряжение генерала Краснова. «Это должно быть выполнено сегодня же утром (т. е. 30 октября.— *И. М.*)»,— настаивал Войтинский. Он требовал также присылки всей авиации и с Западного фронта. «Наш отряд,— телеграфировал Войтинский,— приобретает значение решающее. Имейте это в виду и делайте все для усиления. Против лиц, противодействующих или отказывающих в содействии, принимайте решительные меры» [231]. Примечательно, что в той же телеграмме Войтинский с удовлетворением сообщал, что «на юге, вокруг Новочеркасска, организуется не на шутку новый государственный центр с углем и хлебом». Оказывается, меньшевик не зря обращался к казакам с просьбой «спасти революцию»: для него революция воплотилась в казачьем царстве.

Тревога в Гатчине нарастала по мере того, как проходило 29 октября, а никаких сведений о прибытии обещанных воинских частей не поступало. В ответ на требование Керенского, направленное в 9 час. вечера 28 октября прислать с Северного фронта 17-ю кавалерийскую дивизию, генерал Барановский сообщал в 2 часа 29 октября: «Ввиду только что переданных командармом XII сведений о брожении среди латышских полков и начавшихся в них эксцессах с арестами офицеров не представляется возможным послать ныне 17-ю кавдивизию как единственно надежную часть в

---

[228] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 41.

[229] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 641. На телеграмме указана дата 30 октября, но процитированные нами слова говорят о том, что она была послана в день разгрома юнкеров, т. е. 29 октября. Видимо, она ушла после полуночи или на рассвете 30 октября.

[230] Там же.

[231] Там же, стр. 642.

руках командарма XII»[232]. В 4 часа того же 29 октября начальник 2-й Кубанской дивизии генерал А. М. Николаев телеграфировал в Ставку, что станция Орша занята солдатами 623-го пехотного полка. (Это был полк из 156-й дивизии 17-го корпуса, части которого направлялись под Петроград на помощь Керенскому. Всего в полку было 800 человек, вооруженных 22 пулеметами.) Солдаты полка заявили, что дальше не пойдут и не допустят переброски других частей на подавление революции в Петрограде и Москве. Они связались с местным Военно-революционным комитетом и приняли участие в охране порядка в городе[233].

Таким образом, первый же направленный на помощь мятежникам полк перешел на сторону революции.

Наступил вечер 29 октября, когда по сообщениям Ставки должны были подойти 3-я Финляндская дивизия и 17-й Донской казачий полк, но об их прибытии ничего не было слышно. Не имелось никаких сведений и о подходе 17-го корпуса. Керенский поручил Войтинскому по телеграфу выяснить непосредственно у начальника военных сообщений Северного фронта, «где находятся эшелоны 17-го корпуса генерала Шиллинга и сколько их в пути»[234]. (Ставка, видимо, еще не успела сообщить Керенскому, что один из посланных ему на помощь полков этого корпуса (632-й) перешел на сторону революции.)

В телеграмме Войтинский предупреждал, что железнодорожное движение может приостановиться, «поэтому необходимо спешить сосредоточением войск»[235]. Войтинский сообщал, что Викжель, о чем будет сказано дальше, под угрозой всеобщей забастовки требует объявления перемирия и образования единого социалистического правительства широкого состава: от народных социалистов до большевиков. Для меньшевика Войтинского переговоры с большевиками были недопустимы, и поэтому он требовал оказать скорейшую помощь отряду Керенского — Краснова, чтобы покончить с революционным Петроградом.

Эта телеграмма (копию которой Войтинский просил передать Барановскому) содержит, кстати, определенный ответ на вопрос, кому на деле была выгодна угроза Викжеля о железнодорожной стачке, если обе стороны не прекратят боевых действий. «На случай прекращения движения,— телеграфировал Войтинский,— прошу заранее принять меры к обеспечению продвижения наших эшелонов, не останавливаясь ни перед чем». Контрреволюционеры понимали, что угрозы Викжеля прекратить железнодорожное движение им не помешают: передвижение войск можно было продолжать под предлогом оперативных заданий.

Штаб Северного фронта как ближайший к месту развертывания решающих событий работал с большим напряжением. Знакомство с материалами штаба показывает, что его активность в эти дни была несравненно выше, чем во время наступления немцев. О существовании внешнего фронта, казалось, забыли. О нем вспоминали только в пропагандистских целях, когда призывали войска сохранять спокойствие, не участвовать в революционных событиях, ибо этим может воспользоваться внешний враг. Руководители штаба (его начальник генерал Лукирский,

---

[232] Там же, стр. 627.
[233] Там же, стр. 628.
[234] Там же, стр. 642.
[235] Там же.

генерал-квартирмейстер Барановский и все их помощники) по целым суткам проводили у прямого провода. Они говорили с Петроградом, непрерывно связывались с Гатчиной, торопили командующих армиями своего фронта. Генерал Черемисов, словно пытаясь оправдать себя за недавние колебания, активно включился в мобилизацию сил на помощь Керенскому. Он выполнял приказы о срочной отправке войск и проявил инициативу в выделении новых частей на помощь Керенскому. Вечером 29 октября он приказал начальнику гарнизона Старой Руссы срочно погрузить и направить в Царское Село в распоряжение генерала Краснова три сотни 1-го Нерчинского казачьего полка [236].

В этот момент у мятежников появилась надежда использовать еще некоторые части. Эсер поручик Ю. П. Мазуренко успел побывать в 49-м корпусе, офицеры которого выразили согласие на выступление в помощь Керенскому и потребовали у командира корпуса направить войска в Гатчину. Узнав об этом, Керенский поручил Войтинскому просить штаб Северного фронта прислать «хоть несколько батальонов» из 49-го корпуса. «Примите все меры, чтобы ускорить дело» [237],— требовал Войтинский.

Всю ночь Керенский и его окружение искали воинские части, вели бесконечные переговоры со штабами, требовали, уговаривали, умоляли поторопиться, но почти безрезультатно. А стоять на месте было нельзя: казаки уже узнали об отсутствии поддержки со стороны других частей и о провале юнкерского мятежа. Во всех местах стоянки казаков в Гатчине, в Царском Селе и во всех окружающих деревнях — шла настойчивая революционная агитация. Казаки начинали понимать, что они изолированы: у них появились первые признаки недовольства [238]. Во избежание его углубления и дезорганизации Краснов решил перейти в наступление на Петроград, несмотря на немногочисленность своего отряда и отсутствие обещанной пехоты. Его не оставляла надежда, что с часу на час подкрепления с фронта все же подойдут. Краснов рассчитывал на свое превосходство в артиллерии, подвижность казачьих частей и слабую организованность отрядов, оборонявших Петроград. В целях внесения дезорганизации в ряды революционных войск решено было применить авиацию. В 5 час. 45 мин. 30 октября Керенский приказал начальнику Гатчинской авиационной школы «немедленно установить на двух аэропланах пулеметы и тотчас же направить их в распоряжение генерала Краснова в Царское Село» [239].

---

[236] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 190.

[237] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 642, 645.

[238] О положении в лагере противника один из очевидцев событий, директор музея Гатчинского дворца, пишет: «...29 октября Керенский решительно отказался сопровождать войска, сражавшиеся за него; он оставался в своей комнате, лежа на кушетке и глотая успокоительные капли. О его времяпровождении я был подробно осведомлен через Книрша (сопровождавший Керенского прапорщик Б. И. Книрш, адъютант управления заведующего автомобильной частью Петроградского военного округа.— *И. М.*), который весьма потешался на счет своего начальника... Краснов и его офицеры были возмущены его (Керенского.— *И. М.*) поведением, многие из них громко говорили, что он уже раз предал кавалерийскую дивизию и теперь опять ввел ее в заблуждение. Среди казаков начинал распространяться сепаратистский дух: «Какое нам дело до России, Керенского и большевиков! Уйдем на Дон, туда большевики не придут!» (*В. П. Зубов.* Страдные годы России. Мюнхен, 1968, стр. 23).

[239] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 635.

Наступление на Пулково Краснов наметил на 11 час. утра 30 октября. Он решил вложить в удар все силы, расположенные в районе Пулково — Царское Село. В 9 час. 20 мин. войсковому старшине Лаврухину был отдан приказ: «Со всеми своими сотнями идите переменными аллюрами прямо на Александровскую и Пулково» [240]. Краснов сообщал, что соберет свой отряд к Александровской к 11 час. и оттуда пойдет на Пулково. «Очень было бы хорошо, если бы Вы поспели к 11 час. к Александровской. Ответьте с мотоциклетом. Я буду в Александровской» [241],— добавил он. В Старую Руссу войсковому старшине Закржевскому начальник Уссурийской конной дивизии генерал-майор Б. Р. Хрещатицкий послал в этот же день срочную телеграмму: «Немедленно [по] приказанию главковерха со своим отрядом каким угодно способом, во что бы то ни стало идти на Царское Село — Пулково» [242]. Точно такие же телеграммы были посланы в Осташков подъесаулу Емельянову и в Боровичи начальнику отряда Уссурийской дивизии есаулу Вериго [243].

В намеченное время, в 11 час. утра 30 октября, Краснов начал «генеральное наступление». Оно велось по трем основным направлениям: на Новые Сузы — Красное Село, на Редкое Кузьмино и на Славянку — Колпино. Наступление поддерживалось мощным бронепоездом, курсировавшим по Варшавской железной дороге, и артиллерией, расположенной за деревней Редкое Кузьмино.

Кроме казаков, в наступлении участвовало около 700 юнкеров школы прапорщиков Северного фронта и 150 «партизан» из Луги [244].

Главный удар Краснов направил против пулковской группировки на деревню Новые Сузы, которую оборонял отряд матросов. Но атака казаков оказалась безуспешной. Вот как ее описывал сам Краснов: «Сотня оренбургских казаков с беззаветной лихостью развернулась в лавину и двинулась на деревню Сузы, занятую моряками... Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики побежали вперед, чтобы помочь оренбургской молодежи пулеметным огнем. Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами едва не в упор падают люди. Командир сотни убит. И сотня — кто верхом, кто, соскочив с лошади, пешком — побежала назад. Освободившиеся от всадников лошади, задрав хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов» [245].

Тогда Краснов сосредоточил свои усилия в направлении Пулкова. Четыре раза бросал он казачьи сотни в атаку на этом участке, но все они были отбиты советскими войсками, проявившими в бою революционную стойкость, героизм и отвагу.

В разгар боев под Пулковом в расположение советских войск явилась меньшевистско-эсеровская делегация «Комитета спасения» и предложила от имени Керенского прекратить боевые действия на следующем условии: революционные войска отходят в Петроград, куда вступают войска Керенского — Краснова. За это «гарантировалась» неприкосновен-

---

240 Там же.
241 Там же, стр. 636.
242 Там же.
243 Там же.
244 Там же, стр. 649.
245 «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Мемуары», т. I. М.— Л., 1926, стр. 73.

ность всем участникам Октябрьского восстания, «кроме вожаков, вызвавших бунт против законного правительства». Наглое предложение было, конечно, отвергнуто, и соглашателям было заявлено, что боевые действия будут прекращены только после того, как Керенский сложит оружие [246].

Тем временем на фронт прибыла артиллерия, которой так не хватало советским войскам. Под ее прикрытием революционные отряды сами перешли в наступление. Они освободили от казаков деревню Большое Кузьмино, вышли на Варшавскую железную дорогу и вплотную подошли к станции Александровская.

Краснов решил для нанесения удара стянуть все силы 3-го конного корпуса, разбросанные по ближайшим городам, для борьбы с революционным движением и для обеспечения тыла.

В 16 час. 30 мин. Керенский также отправил Духонину приказ «весьма срочно» прислать ударные части и кавалерию «в случае каких-либо затруднений с посылкой пехоты» [247–248]. В его сознание начинала проникать мысль о беспочвенности надежд на помощь пехоты [249].

Помыслы контрреволюционеров опять обратились к кавалерии. Через полчаса после отправки указанной телеграммы Керенский приказал Духонину срочно прислать уже затребованную, но задержанную на месте 17-ю кавалерийскую дивизию, которая, по его данным, не использована в 12-й армии, а состав ее якобы «решительно против большевиков» [250].

Представление об отчаянии, начавшем охватывать лагерь контрреволюции, может дать следующее распоряжение Керенского в той же телеграмме: «Если сведения о наступлении полного успокоения в Москве верны, то для ускорения ликвидации бунта прикажите полковнику Рябцеву сформировать отряд разных родов оружия с броневиками и спешно его направить в Петроград по Николаевской железной дороге, войдя в связь с отрядом генерала Краснова через Тосно — Гатчину».

Расчет на Рябцева, который сам взывал о помощи, был настолько нереален, что Керенский решился на крайний шаг, послав в 20 час. 30 октября приказ начальнику Польской пехотной дивизии (корпуса генерала И. Р. Довбор-Мусницкого): «Предлагаю Вам спешно погрузить свою дивизию и следовать с нею в Гатчину» [251].

---

[246] «Правда», 1 и 2 ноября 1917 г.

[247–248] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 636.

[249] В сохранившемся первоначальном варианте этой телеграммы были следующие строки: «Получив сведения о начинающемся брожении в пехоте 17-го корпуса, которая направлялась к Петрограду», и дальше: «направляемая пехота начинает колебаться, и расчеты на ее поддержку могут оказаться ошибочными» (там же).

[250] Там же, стр. 637.

[251] Там же. Контрреволюция еще до победы Октября в своих расчетах исходила из того, что командир Польского корпуса генерал Довбор-Мусницкий выступит на ее стороне, и усиленно помогала ему в борьбе против проникновения революционных идей в корпус. Расчеты эти оказались правильными. 27 октября ночью Довбор-Мусницкий прислал Духонину телеграмму, в которой говорилось, что корпус не вмешивается во внутренние дела, но тут же разъяснялось: «К такого рода делам я (т. е. Довбор-Мусницкий.— *И. М.*) не причисляю насилие над мирными жителями и тем более над высшим командным составом, коему польские войска, преследуя общую цель борьбы с внешним врагом, подчинены».

Довбор-Мусницкий приказал частям 1-й Польской дивизии «принять энергичные меры, не останавливаясь перед употреблением оружия в защите Ставки и верховного главнокомандующего, если бы они оказались в опасности» (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 204, л. 32).

Приказ Керенского срочно прислать Польскую дивизию означал признание того, что контрреволюция оказалась изолированной, что она лишалась поддержки и в армии и была вынуждена прибегнуть к помощи национальных частей.

Убедившись в том, что выделенные ему в помощь пехотные части запаздывают, Керенский стал требовать срочной присылки хотя бы артиллерии этих частей в надежде, что она сможет оказать устрашающее, деморализующее действие. В 20 час. 45 мин. 30 октября он приказал главнокомандующему Северным фронтом генералу Черемисову направить в Гатчину 17-й мортирный дивизион, не ожидая отправления пехоты 17-го корпуса [252].

Но пока рассылались все эти приказы и строились планы использования различных воинских частей, революционные войска продолжали развивать наступление из-под Пулково.

Одновременно начал наступление и Красносельский отряд, стремясь выйти в тыл противника. Почувствовав угрозу окружения, Краснов вечером 30 октября оставил Царское Село. В 11—12 час. ночи оно было занято революционными войсками.

По приказанию Керенского его адъютант прапорщик Я. Миллер на рассвете 31 октября донес Духонину, что накануне «произошел сильный бой с противником в районе Царского Села, Александровской и Пулково». Он сообщал, что в результате обстрела двух батарей и конной атаки двух сотен сводного гвардейского казачьего полка революционные части в одном месте отошли. Но после подхода подкреплений перешли в контрнаступление по всей линии, стремясь обойти казаков с фланга. Прикрываясь огнем бронепоезда и броневика, казаки отступили в Царское Село. Разведка сообщила, что революционные войска сосредоточиваются в районе Колпина для нанесения удара в тыл. «Принимая во внимание все вышеизложенное,— доносил адъютант,— генерал Краснов отошел в Гатчину, оставил Царское Село для ожидания пехоты и привозки необходимых запасов снарядов из Лужского склада». Донесение заканчивалось «усиленной просьбой» ускорить присылку пехоты, пользуясь для этого пассажирскими поездами, и броневиков [253].

Так выглядели события в освещении представителя контрреволюционного лагеря. В действительности бои на подступах к Петрограду были весьма напряженными. Колпинский отряд Красной гвардии с двумя броневиками действовал в решающий момент под Пулковом. «Гвардейцы держались доблестно»,— писал 2 ноября в газете «Известия» представитель комендатуры Красной гвардии поселка Колпино [254]. Был случай, когда казачья артиллерия, повредив дорогу, заставила остановиться

Духонин тогда выразил Довбор-Мусницкому благодарность. Позднее, получив телеграмму о занятии Орши восставшим 623-м полком, он послал начальнику 1-й Польской дивизии (в 6 час. 30 мин. 29 октября) распоряжение «очистить» станцию Орша. В другой телеграмме Духонин просил, чтобы в случае, если польские части примут на себя охрану станций Орша и Жлобин, «не трогать для этой цели войска из Быховского района» (там же, лл. 53, 79). Нетрудно понять смысл этой просьбы, если вспомнить, что в Быхове сидели под арестом генерал Корнилов и его сообщники. Ставка имела в виду их охрану от революционных солдат.

[252] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 214.

[253] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 649.

[254] Там же, стр. 793.

броневик. Казаки, решив, что броневик подбит, бросились в атаку и попали под губительный огонь пулемета из броневика.

Все донесения комиссаров в один голос говорили о ведущей роли Красной гвардии. Комиссар одного из красногвардейских отрядов Богданов сообщал в том же номере «Известий»: «В полдень (30 октября.— *И. М.*) противник в конном строю под прикрытием артиллерийского огня повел наступление по направлению дер. Редкий Кузьминок [255] и был встречен нашим отрядом, давшим достойный отпор, какого противник, очевидно, не ждал». Оставив раненых и убитых, казаки «позорно бежали с поля битвы». Сообщая о боях, комиссар подчеркивал: «...я уверен, что участие красногвардейцев решило исход боев за Царское Село и Александровку в нашу пользу, а потому считаю необходимым подчеркнуть желательность дальнейшей боевой работы товарищей рабочих» [256].

Геройски вели себя на всех участках фронта моряки. По донесению комиссара Гельсингфорсского отряда В. Трушина, в бою 30 октября отряд потерял 5 убитыми и 25 ранеными, но не отступил [257]. «Один товарищ матрос,— писал в «Правде» И. Кузьмин,— будучи тяжело ранен..., по словам работницы завода «Сименс и Гальске», подбиравшей раненых, повторял: «Сестра, неужели наши отступают? Неужели Петроград возьмут изменники народа? Если да, то все погибло, предатель Керенский покроет Россию виселицами». Призывая рабочих, крестьян, солдат и матросов поддерживать Советы, товарищ скончался» [258].

Стойко вели себя и солдаты революционных полков. Бывали случаи, когда в бою офицеры покидали революционные части или переходили на сторону противника [259]. Но это не вызывало растерянности: солдаты выдвигали командиров из своей среды, а чаще из среды младших командиров, продолжавших руководить боем. Комиссары частей представляли в Военно-революционный комитет списки солдат и младших командиров для присвоения им офицерских званий за доблесть и воинский опыт.

Комиссар Красносельского отряда Г. И. Чудновский был ранен в бою, но не оставил позиции и наблюдал, как бойцы «мужественно в полном сознании своего долга, [в] бесконечном самообладании вели бои...» «Без командиров, руководимые лишь революционным гением толпы,— писал Г. И. Чудновский,— они своими телами закрыли Керенскому путь к Петрограду и дали возможность доблестным войскам, стоящим у Пулкова, нанести удар войскам самозванца» [260].

ВРК сообщал в своем бюллетене, что «в развернувшейся борьбе все части войск: моряки, солдаты и красногвардейцы обнаружили беззаветную храбрость» [261].

---

[255] Так в тексте названа деревня Редкое Кузьмино.

[256] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 795.

[257] Там же, стр. 793.

[258] Там же, стр. 812—813.

[259] 29 октября около полуночи Барановский докладывал по прямому проводу Духонину, что разговаривал с поручиком Данилевичем, находившимся в Гатчине, который передал, что к Керенскому «прибыли два офицера-перебежчика, сообщившие подробное расположение повстанческих войск... Старший их начальник ушел, а начальник штаба перебежал на нашу сторону».— «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 158.

[260] *Г. Чудновский.* На Гатчинском фронте.— «Правда», 2 ноября 1917 г.; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 796.

[261] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 794.

Поражение, понесенное под Пулковом, обескуражило мятежников. Как показывал впоследствии барон Н. Н. Боде, в штабе Керенского «растерянность царила полная. Строились фантастические планы о передвижении корпусов. Каждый распоряжался как умел и как хотел» [262].

Стали искать виновников, на ком сорвать зло. Бранили генералов за нераспорядительность. Керенский обвинял Черемисова, ему поддакивал Войтинский: еще до своего бегства он говорил по прямому проводу с Духониным, убеждая его убрать Черемисова. Войтинского поддерживал генерал Барановский.

Черемисов, как отмечалось, активно включился в организацию разгрома революции, но ему не хотели простить отмены посылки войск 25 октября, хотя это было сделано с ведома Керенского. Поручик Данилевич, ночью 27 октября разговаривая перед отъездом из Пскова с генералом Дитерихсом, сказал о Черемисове: «Лицо вам известное, которое меня удивило при первом моем с вами разговоре, пытается пересесть на правый стул, но получается неискренне и забавно». На это Дитерихс ответил: «Да, но это лицо нам доставило за эти дни наибольшие затруднения для скорейшего наведения порядка, и по поводу его речь еще впереди» [263].

Теперь решили привести угрозу в действие. В устранении Черемисова активное участие принимал и лидер эсеров Чернов. Стали обдумывать способ отставки, стремясь переложить друг на друга эту миссию. Духонин доказывал, что не имеет права сменять командующего фронтом, что это должен сделать главковерх, только не следует при нынешних условиях его арестовывать и отправлять в Ставку, так как это может вызвать эксцессы; лучше освободить от должности и выслать его из действующей армии. Наконец, в 23 час. 50 мин. 30 октября Керенский предложил Черемисову сдать дела начальнику штаба фронта генералу С. Г. Лукирскому и «выбыть из района действующей армии» [264].

Но приказ о снятии Черемисова не мог, конечно, улучшить положение. Керенский, метавшийся в поисках войск, приказал непосредственно командиру 17-го Нижегородского гусарского полка, намеченного к посылке в Москву, немедленно прибыть в Гатчину «пассажирскими поездами» [265].

Видя, что ни приказы Ставки, ни распоряжения и мольбы Керенского ни на шаг не продвигают вперед части с фронта, организаторы контрреволюции 30 октября послали коллективное обращение ко всей действующей армии. От имени разогнанного Предпарламента, лишенного полномочий ЦИК Советов первого созыва, доживавшего последние часы «Всероссийского комитета спасения» Керенский, Авксентьев, Гоц, Войтинский, Станкевич и Семенов призвали «немедленно действующую армию прислать войска, хотя по одному пехотному полку от ближайшей армии...» Отчаяние, охватившее контрреволюционных заговорщиков, выдает заключительная фраза обращения: «Возможно срочно самыми действительными средствами, не останавливаясь ни перед чем, курьер-

---

[262] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 174.
[263] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 161.
[264] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 640, а также стр. 603, 604, 605, 648, 657, 658.
[265] Там же, стр. 644.

скими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчину»[266]. Походным порядком, пассажирскими поездами, курьерскими составами — такова была градация нарастания отчаяния.

Викжель в роли спасителя контрреволюции

В этот момент меньшевики и эсеры предприняли новый маневр, казавшийся якорем спасения для терпящей крах контрреволюции: от имени Викжеля, где они господствовали, было выдвинуто ультимативное, под угрозой немедленного объявления всеобщей железнодорожной забастовки, требование о заключении перемирия и создании «однородного социалистического правительства».

Викжель — Всероссийский Исполнительный комитет союза железнодорожников — был избран на Учредительном съезде союза железнодорожников, проходившем с 15 июля по 25 августа 1917 г.[267] Выборы на съезд проходили после июльских событий, в разгар репрессий против большевиков. Это сказалось на партийном и социальном составе съезда: соглашатели составляли примерно 65% делегатов, кадетов было более 15%, беспартийных — более 20%. От большевиков присутствовало лишь 2 представителя — С. М. Бальбатов и Н. Г. Кравец, от межрайонцев тоже 2— П. А. Вомпе и И. А. Грунин[268]. На съезде присутствовало всего лишь 50 рабочих, или 14% состава съезда. Остальные делегаты являлись административными служащими, инженерами, юристами, конторщиками и т. п.

Характер съезда ярко проявился в его решении исключить упоминание о классовой борьбе из устава железнодорожного союза, принятого на конференции в апреле 1917 г. Тем самым соглашательское большинство съезда фактически призвало железнодорожников к сохранению «классового мира», т. е. к поддержке блока с контрреволюционной буржуазией[269].

Съезд избрал свой исполнительный орган — Викжель из 40 человек: 12 эсеров, 6 меньшевиков, 2 большевика, 3 народных социалиста, 2 межрайонца и 15 беспартийных[270]. В состав Викжеля вошло также 6 представителей производственных железнодорожных профсоюзов — мастеровых, рабочих, телеграфистов, железнодорожных служащих и др. Викжель всячески тормозил революционизирование железнодорожных масс и поддерживал Временное правительство. В известной сентябрьской стачке 1917 г., начатой изголодавшейся и вышедшей из терпения массой железнодорожников, Викжель принял участие нехотя, опасаясь потери своего влияния[271]. И как только Временное правительство пошло на минимальные уступки, он немедленно призвал к прекращению стачки.

---

[266] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 641.
[267] «Голос железнодорожника», 7 сентября 1917 г.
[268] *П. Ф. Метельков.* Железнодорожники в революции. Февраль 1917 — июнь 1918. Л., 1970, стр. 111.
[269] «Голос железнодорожника», 5 августа 1917 г.
[270] *П. Ф. Метельков.* Железнодорожники в революции. Февраль 1917 — июнь 1918, стр. 117.
[271] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники. М., 1924, стр. 10.

Во время вооруженного восстания в Петрограде Викжель поддерживал обанкротившийся старый, эсеро-меньшевистский ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

В день открытия II съезда Советов Викжель разослал телеграмму по сети дорог, в которой высказался за власть «большинства революционной демократии», а не «меньшинства или политической партии» и призвал «поддерживать всецело Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов как в настоящем его составе, *так и в том, в каком будет он избран съездом Советов*» [272]. В телеграмме сообщалось, что Викжель установил контакт с ВРК при Петроградском Совете и со II съездом Советов. Такую межеумочную позицию Викжель занял, не зная еще состава II съезда Советов и опасаясь потери влияния среди железнодорожников. Но на этой позиции он оставался недолго.

Члены Викжеля, прибывшие на II съезд Советов, по телефону пригласили весь остальной его состав приехать из Москвы в столицу. Вечером 12 членов Викжеля отправились в Петроград экстренным поездом. В Москве было оставлено бюро из 5 человек [273]. 26 октября в Петрограде состоялся пленум Викжеля, на который был делегирован член ЦК партии большевиков А. С. Бубнов. Он призвал Викжель к сотрудничеству с властью Советов, но руководители Викжеля не приняли этого предложения [274]. В тот день, когда выяснилось преобладание на II съезде Советов большевиков, Викжель в новой телеграмме на места выразил сомнение в правомочности съезда Советов. К переходу власти к Советам Викжель отнесся отрицательно. «Власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии,— говорилось в резолюции.— Вперед до организации такой власти все распоряжения по ведомству путей сообщения, в том числе и по сети железных дорог, подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от Викжеля» [275]. Викжель взял на себя общее руководство железнодорожным транспортом.

27 октября Викжель еще более откровенно определил свою позицию, выделив трех своих представителей в состав «Комитета спасения родины и революции» [276]. Он разослал телеграмму «Комитета спасения» о борьбе с Советской властью по всем железнодорожным организациям.

Однако ход бурно развивавшихся событий быстро показал, что такое присоединение к откровенно контрреволюционной организации сужает возможность воздействия на массы. Лидеры мелкобуржуазной контрреволюции попытались использовать новый маневр, разделив труд между отдельными своими группами: эсеры и меньшевики, руководившие «Комитетом спасения», должны были продолжать прямую атаку Советской власти, а их коллеги, стоявшие во главе Викжеля, предпринять обходное движение. 28 октября Викжель объявил о своем «нейтралитете», высказавшись против передвижения войск как в помощь Керенскому — Краснову, так и в поддержку Советской власти. Он призвал своих предста-

---

[272] «Социал-демократ», 26 октября 1917 г. (курсив наш.— *И. М.*).
[273] «Власть народа», 26 октября 1917 г.
[274] *А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции, стр. 45.
[275] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 16, см. также: «Власть народа», 28 октября 1917 г.
[276] «Рабочая газета», 28 октября 1917 г.

вителей на местах выйти из всех организаций, участвовавших в гражданской войне, и сообщил, что принимает меры к прекращению кровопролития [277]. На следующий день, 29 октября, Викжель предъявил согласованный с руководителями «Комитета спасения» ультиматум большевикам и Керенскому: объявить перемирие с 12 час. ночи 29 октября и приступить к переговорам о создании однородного социалистического министерства. В тот же день Викжель направил телеграмму по всей сети дорог с объявлением о занятой им позиции и «с приглашением обсудить и быть готовым к возможности всеобщей забастовки, цель коей — прекратить гражданскую войну и вынудить восстановление единства демократического фронта для спасения страны и отражения контрреволюции» [278].

На самом деле контрреволюционные отряды находились под Петроградом, и для отражения контрреволюции достаточно было не мешать действиям революционных войск.

Среди части контрреволюции предложение Викжеля создать «однородное социалистическое правительство» сначала вызвало недоумение. 31 октября Духонин с удивлением спрашивал у Барановского, что это значит и разделяет ли Керенский эту точку зрения? Скоро, однако, все сомнения исчезли. Кадеты и их сторонники поняли, что предложение соглашателей является средством спасения: оно позволяет выиграть время, пока подойдут воинские части. Лидер эсеров В. М. Чернов в присутствии члена ЦК партии эсеров, члена «Комитета спасения» А. Фейта и члена фронтового комитета Я. А. Хараша растолковывал Духонину: «Не исключена возможность мирной ликвидации петроградских событий путем переговоров, но только при условии скорейшей присылки серьезных подкреплений с пехотными частями. Повторяем еще раз, больше всего необходима быстрота, нельзя терять ни минуты» [279].

Керенский ухватился за предложение Викжеля. В штабе мятежников состоялось совещание Керенского с Красновым, Б. В. Савинковым, В. Б. Станкевичем, представителем Совета Союза казачьих войск А. П. Аникеевым и др. Было решено, используя переговоры как прикрытие, держаться в Гатчине, пока подойдет Польский корпус под командованием Довбор-Мусницкого. Войтинского предполагали направить в Псков и Ставку добиваться присылки войск [280]. Генерал Краснов сказал Керенскому: «Если бы не было предложения Викжеля, наше положение было бы отчаянным» [281].

Большевики знали, что Викжель — это верхушечная организация, не представлявшая интересы масс. Ленин говорил на заседании ЦК партии 1 ноября: «Викжель не имеет опоры в массах» [282]. На том же заседании Ленин подчеркнул, что, если большевики обратятся к массам, Викжель будет «сброшен». Но для перевыборов нужно было время, а контрреволюционные войска находились у ворот Петрограда. Главная задача состояла в том, чтобы подавить их сопротивление. Большевики решили вступить в переговоры с Викжелем и стоявшими за ним поли-

[277] *В. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 18.
[278] «Октябрьские дни в Москве и районах». М., 1922, стр. 21.
[279] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 659.
[280] *П. Н. Краснов.* На внутреннем фронте.— «Октябрьская революция». М.— Л., 1927, стр. 78.
[281] *П. Н. Милюков.* Россия на переломе, т. II. Париж, 1927, стр. 272.
[282] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.

тическими партиями, ни на минуту не прекращая мобилизации сил для разгрома мятежников. К тому же переговоры с викжелевцами давали возможность разоблачать соглашателей, которые клеветали, будто большевики узурпировали власть и не желают допускать в правительство представителей каких-либо других партий. Это было неверно хотя бы потому, что левым эсерам было предложено послать своих представителей в Совнарком, а II съезд Советов никого не исключил из своего состава: обанкротившиеся соглашатели сами покинули съезд.

Перед началом переговоров 29 октября состоялось заседание ЦК партии большевиков, которое дало большевистским представителям на совещании следующие директивы: 1) признать «необходимым расширение базы правительства» и возможным изменение его состава [283]; 2) правительство создается ЦИК Советов и ответственно перед ним; 3) правительство подтверждает декреты о земле и мире; 4) ЦИК должен быть пополнен в пропорциональном количестве представителями ушедших со II съезда Советов партий; 5) в ЦИК должны быть введены представители железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других подобных организаций; 6) допускается право взаимного отвода кандидатур.

От ЦК большевиков на совещание с Викжелем были делегированы члены ЦК Г. Я. Сокольников и Л. Б. Каменев. Кроме того, на совещании присутствовали А. И. Рыков — от Совета Народных Комиссаров, С. А. Лозовский — от Совета профсоюзов и Д. Б. Рязанов — от ЦИК Советов.

Получив согласие сторон на переговоры, Викжель разослал по железнодорожным организациям сообщение, что забастовка откладывается в связи с началом переговоров, но стачечные комитеты, созданные для руководства забастовкой, должны оставаться «в полной готовности» [284].

Переговоры с Викжелем начались вечером 29 октября. Кроме представителей Викжеля и большевиков, в них приняли участие правые и левые эсеры, все разновидности меньшевиков, «Комитет спасения родины и революции», центральные комитеты служащих государственных учреждений и почтово-телеграфных работников [285].

Всего на переговорах присутствовал 71 человек. В повестку дня был включен один вопрос: обсуждение текущих событий в Петрограде и Москве. Открыв заседание от имени Викжеля, его председатель эсер А. Л. Малицкий заявил, что железнодорожный союз «как профессиональная и внепартийная организация, в которую входят люди разных партий», взял на себя примирение враждующих сторон и прекращение гражданской войны. «Викжель стал на нейтральную позицию,— говорил Малицкий,— он ее сохраняет до сих пор, но он предъявляет борющимся партиям свои требования, направленные к созданию однородной социалистической власти из представителей всех социалистических партий — от большевиков до народных социалистов — и всей силой своего авторитета поддержит ту группу, которая согласится действовать на основе этой программы» [286].

---

[283] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 122.

[284] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 22.

[285] ЦК партии народных социалистов отказался прислать отдельного представителя на совещание, но народные социалисты были представлены в «Комитете спасения» и в Викжеле.

[286] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 27.

Как можно объявить себя нейтральным и в то же время заявить о поддержке определенной группы, этого противоречия Малицкий, как и все его сторонники, не объяснил.

Представители политических противников победившей социалистической революции изложили свои взгляды на организацию власти. Все они различались только одним — с большевиками или без них, но в остальном они сходились на стремлении ликвидировать достижения Октябрьской революции.

Меньшевик С. М. Вайнштейн от имени «Комитета спасения» заявил, что платформа комитета — создание однородного правительства без большевиков, и предложил Викжелю присоединиться к ней [287]. К предложению комитета присоединился представитель ЦК союза служащих государственных учреждений, которые, как известно, получали средства от комитета на организацию саботажа. Почтово-телеграфный союз высказался за предложение Викжеля. М. Я. Гендельман от правоэсеровского ЦК предложил создать однородное социалистическое министерство и признать выступление большевиков в октябрьские дни авантюрой. Лидер эсеров откровенно заявил, что его партия будет добиваться своего силой оружия. «Неверно,— говорил он,— что всегда можно сговориться: и в среде демократии бывают моменты, когда приходится решать спор оружием» [288]. Совещание было созвано для примирения, а меньшевики и эсеры открыто призывали к оружию. Их циничное поведение настолько бросалось в глаза, что даже соратники организаторов гражданской войны из числа меньшевиков-интернационалистов и меньшевиков-объединенных интернационалистов выразили протест. Вайнштейн и Гендельман вынуждены были оправдываться: они-де говорили не о применении оружия, а лишь предлагали большевикам сложить оружие.

Л. Мартов от имени меньшевиков-интернационалистов отстаивал ту же платформу, которая была предложена Керенскому 24 октября Предпарламентом: требование переговоров о немедленном мире, передача помещичьей земли в ведение крестьянских комитетов и безотлагательный созыв Учредительного собрания [289]. Мартов предлагал создать правительство, опирающееся не только на Советы, но и «на учреждения, вышедшие из всеобщего избирательного права» [290], т. е. прежде всего на городские самоуправления. Это правительство должно было пообещать провести ряд радикальных мер, чтобы таким образом попытаться оторвать от большевиков определенные слои трудящихся.

Наиболее откровенно общую платформу всех противников Октября изложил Ф. И. Дан, выступивший от ЦК меньшевиков. Он требовал ликвидации «заговора», как он именовал Октябрьскую революцию, роспуска Военно-революционного комитета и признания II съезда Советов несостоявшимся. Главным для меньшевиков была ликвидация Октябрьской революции. «Повторяю,— говорил Дан,— ликвидация заговора есть первое предварительное условие. Если это условие будет выполнено, тогда мы все соединенными усилиями будем бороться против грядущей контрреволюции» [291]. В запальчивости Дан не хотел признать, что ликвидация

---

[287] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 27.
[288] Там же, стр. 27—28.
[289] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 1055—1058.
[290] *П. Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники, стр. 31.
[291] Там же, стр. 28.

Октябрьской революции — это и есть контрреволюция. «На какой же программе возможно соглашение?» — спрашивал Дан и отвечал: «На программе «Комитета спасения», т. е. образования демократической власти без большевиков, которые в настоящий момент являются в глазах населения виновниками, несущими ответственность за события последних дней. Участие большевиков оттолкнуло бы массы от правительства» [292]. Это была откровенная программа не «грядущей», а настоящей контрреволюции.

Суммируя все предложения так называемых социалистических партий, можно сказать, что они сводились к одному: вырвать власть из рук Советов, отстранить большевиков, вдохновителей и организаторов Октября, от власти, в крайнем случае растворить их в массе мелкобуржуазных противников социалистической революции, которые войдут в новое правительство.

Поведение на совещании представителей большевиков было явно ошибочным, по существу направленным против интересов и намерений партии. Они, правда, настаивали на ответственности вновь создаваемого правительства перед ВЦИК, избранным II съездом Советов, требовали сохранить программу и декреты II съезда. Но они не разоблачили замыслов контрреволюции, не заклеймили контрреволюционного характера предложений меньшевиков и эсеров, не вскрыли и классовой сути «нейтралитета» Викжеля. Напротив, Каменев высказывался за предложение Викжеля, а Сокольников также заявил, что «в основе вполне разделяет программу Викжеля» [293]. Рыков в ответ на обвинения в терроре оправдывался тем, что «происходит ряд нападений на представителей новой власти и им приходится отвечать на это репрессиями» [294]. Вместо обвинения соглашателей в организации контрреволюционного мятежа он дал повод говорить, что Совнарком якобы сам признал применение репрессий, это и отметил Дан под общий гул восклицаний своих сообщников: «Верно! Правильно!» [295] Каменев, Сокольников и Рыков участвовали в деловой работе совещания, создавая впечатление, что можно сговориться с контрреволюционерами.

Левые эсеры опять заняли колеблющуюся позицию. Б. Ф. Малкин предлагал реорганизовать ВЦИК и правительство на следующих основаниях: 40% большевиков, 40% оборонцев, 20% интернационалистов и на таких же основах построить правительство. Такие пропорции совершенно не вытекали из соотношения классовых сил, выявленного II съездом Советов. На деле это предложение было равносильно ликвидации победы Октября, сдаче позиций контрреволюции.

Колебания левых эсеров были широко использованы их недавними коллегами по партии и соглашательскому блоку — правыми эсерами и меньшевиками — с целью оторвать их от большевиков и вернуть их на путь соглашения с буржуазией.

Первый день совещания закончился принятием решения о выборе комиссии из представителей крупнейших партий и организаций для подготовки предложения о составе власти и мерах по прекращению гражданской войны.

---

[292] Там же.
[293] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 67, л. 8.
[294] Там же, л. 2.
[295] Там же, л. 9.

Комиссия собралась 30 октября в 7 час. 30 мин. утра. К этому времени выяснилось, что юнкерский мятеж в столице подавлен. Удар контрреволюции изнутри с целью помочь войскам Керенского — Краснова был сорван. Несмотря на это, Дан от имени «Комитета спасения» предъявил большевикам следующие требования: 1) передать революционные войска в распоряжение городской думы; 2) разоружить рабочих и отказаться от сопротивления войскам Керенского; 3) выпустить воззвание о прекращении «самосудов»; 4) освободить арестованных членов Временного правительства; 5) открыто выступить в поддержку «однородного социалистического правительства» [296].

Со своей стороны «Комитет спасения» брал на себя обязательства: 1) не принимать мер к вооружению; 2) предложить Керенскому передать власть новому правительству; 3) образовать министерства без буржуазии и без большевиков; 4) немедленно приступить к переговорам о мире; 5) принять меры к проведению земельных реформ [297].

Это был наглый ультиматум, предусматривавший полную ликвидацию Советской власти. Однако Каменев решительно выступил только против требования разоружения рабочих. «Правительство,— говорил он,— должно быть создано заново и ответственно перед правомочным органом демократии. Таким органом большевики считают орган, избранный на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [298]. Таким образом, Каменев по сути дела склонялся к принятию ультиматума контрреволюции. Рязанов и Лозовский фактически солидаризировались с Каменевым, возражая лишь против разоружения рабочих и вступления войск Керенского в Петроград. «Керенский может и не возвращаться для формальной передачи власти новому правительству»,— говорил Лозовский [299]. Поведение Каменева и других большевиков — участников переговоров — было по сути дела изменой лозунгу Советской власти, ибо они отказывались от чисто большевистского правительства, между тем именно большевикам вручило власть большинство II съезда Советов. Более того, их поведение было изменой и демократизму, ибо они подчинялись ультиматумам и угрозам меньшинства, проявляя боязнь опереться не шедшее за ленинской партией большинство. Именно так расценил их позицию Центральный Комитет РСДРП(б) в написанной Лениным резолюции по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2(5) ноября 1917 г.[300]

Между тем участники созданной на совещании комиссии сошлись на образовании «однородного социалистического правительства», оставив вопрос о вхождении в него большевиков открытым. Было также принято решение заключить перемирие сроком на три дня (большевики голосовали против) [301].

30 октября в 11 час. утра состоялось объединенное заседание Вик-

---

[296] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 67, л. 10.

[297] Любопытно привести аргументы в пользу разоружения рабочих, которыми пользовался бывший «марксист»: «Это обязанность каждого социал-демократа, так как сопротивление буржуазным войскам немыслимо для пролетариата» (там же, л. 13).

[298] Там же, л. 11.

[299] Там же, л. 12.

[300] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 44—46.

[301] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 67, л. 24.

желя с представителями политических партий и общественных организаций. Представитель Викжеля В. А. Плансон сообщил о своей поездке 29 октября из Петрограда в Гатчину к Керенскому. «Дисциплина в лагере Керенского,— признал Плансон,— ниже дисциплины в лагере Петрограда, в котором рядом с солдатами стоят рабочие» [302]. Плансон передал Керенскому «ультиматум» Викжеля. Керенский сказал, что сразу ответа дать не может — обычно дается 24 часа на размышление. Он хочет посоветоваться с коллегами — министрами, оставшимися на свободе (в Ставке либо в Гатчине). «Мы ответили ему,— сообщал далее Плансон,— что в настоящее время происходит совещание политических партий с Викжелем, которое предлагает не капитуляцию какой-либо одной стороны перед противной, а создание третьей» [303]. Заявление, что от него не требуют капитуляции, приоткрывало Керенскому действительный смысл посредничества Викжеля.

Представители «Комитета спасения» на объединенное заседание, созванное Викжелем 30 октября, не явились, как сообщил председатель Малицкий, «по обстоятельствам переживаемых событий» [304]. Дело в том, что после подавления юнкерского мятежа Военно-революционный комитет распорядился арестовать организаторов мятежа из «Комитета спасения».

На совещании эсеры и меньшевики продолжали ту же линию, что и на предыдущем заседании. Дан повторил свои условия, добавив лишь: потребовать от Керенского: «а) по вступлении в город воздержаться от насилий и репрессий, б) до полного успокоения не занимать вооруженной силой рабочих кварталов» [305]. Само вступление войск Керенского, таким образом, оставалось одним из важнейших условий платформы соглашателей. Совещание 9 голосами высказалось за установление перемирия без всяких условий. За перемирие, обусловленное предложениями соглашателей, голосовало 5 человек, воздержалось 3.

В тот же день, 30 октября, в 8 час. 30 мин. вечера состоялось еще одно соединенное заседание Викжеля с представителями политических партий и общественных организаций. К этому времени выяснилось, что контрреволюция потерпела поражение и под Пулковом. На совещании меньшевики и эсеры резко выступили против приказа Военно-революционного комитета об аресте руководителей юнкерского мятежа. Они требовали отказаться от репрессий. Лидеры Викжеля поддержали их, заявив, что они не остановятся «даже перед забастовкой» [306]. Малицкий внес предложение, чтобы «обе стороны не принимали агрессивных действий против участвующих в переговорах организаций», что и было принято [307].

---

[302] Там же, л. 12.
[303] Там же, л. 15.
[304] Там же, л. 16.
[305] Там же, л. 17.
[306] Там же, л. 22.
[307] Насколько тесна была связь между викжелевцами и Керенским, можно судить по тому, что, узнав об этом решении, Керенский телеграфировал «председателю Викжеля и соединенного совещания» Малицкому на рассвете 1 ноября: «Террор отрицаю. К нему не прибегал и прибегать не считаю возможным» (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 72, л. 40). Что касается насквозь лживого отрицания Керенским террора, то об этом правду могли бы сказать расстрелянные солдаты и арестованные члены земельных комитетов.

Затем совещание перешло к вопросу об организации власти. Малицкий сообщил, что на прошлом заседании обе стороны согласились с необходимостью создания «однородного социалистического правительства», включая народных социалистов. Разногласия касались лишь вопроса о включении большевиков. Дан заявил, что народные социалисты и Совет крестьянских депутатов не войдут в одно правительство с большевиками, а без народных социалистов и представителя Совета крестьянских депутатов нельзя создавать правительство, поэтому меньшевики против введения большевиков. Ракитников, выступая от правых эсеров, сказал, что его партия не войдет в правительство, которое «по своему происхождению исходило бы из большевистского переворота... Официальное участие большевиков сделало бы всякую комбинацию неприемлемой» [308]. Однако ввиду трудностей соглашения ЦК партии правых эсеров предлагает заключить трехдневное перемирие и создать социалистическое правительство, «персонально избранное комиссией, которую выделит настоящее собрание. В такой форме может быть дано удовлетворение большевикам». При этом делался прозрачный намек на то, что некоторые лица неприемлемы для этого нового правительства: речь явно шла об устранении Ленина. Правительство, еще раз подчеркнул Ракитников, должно исходить «не из переворота» (т. е. Октябрьской революции.— *И. М.*), а из Совета Российской республики, так называемого Предпарламента, состав которого мог быть пополнен. Дан от имени меньшевиков заявил, что в этот контролирующий орган могут быть допущены цензовые элементы, т. е. представители буржуазии. Плансон (от народных социалистов) поддержал это предложение.

Таким образом, эсеры и меньшевики добивались ликвидации завоеваний Октябрьской революции и возвращения к дооктябрьскому положению. Представлявший ЦК большевиков Каменев не вскрыл классовых целей замыслов меньшевиков и эсеров, повторив, будто бы большевистская партия в своей линии исходит «из формулы Викжеля». По поводу персонального состава правительства и стремления соглашателей устранить Ленина Каменев ограничился лишь следующим заявлением: «Заменить все личными комбинациями в обход партий, входящих в Совет, вряд ли удачно» [309]. Такой «протест» фактически являлся согласием на исключение Ленина из будущего правительства.

Совещание единодушно (без протеста со стороны Каменева и других большевиков) приняло решение обратиться с воззванием о прекращении военных действий. Каменев при этом предложил выпустить воззвание от имени Викжеля. Решено было 1 ноября направить делегацию в Ставку «для информации фронтовых и армейских организаций и предъявления требования о перемирии» [310]. Следующее заседание было намечено на 7 час. вечера 1 ноября.

Позицию Викжеля полностью поддерживал Центральный исполнительный комитет почтово-телеграфного союза. 31 октября он принял резолюцию, в которой требовал прекратить гражданскую войну и создать «однородное социалистическое правительство». ЦИК почтово-телеграфного союза настаивал, чтобы с почты, телефона и телеграфа были отозваны

---

[308] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 67, л. 24.
[309] Там же, л. 25.
[310] Там же, д. 67, л. 31.

комиссары. Если требования, изложенные здесь, говорилось в резолюции, не будут проведены в жизнь в течение срока, объявленного совместно с Викжелем, то он объявит всероссийскую почтово-телеграфную забастовку. «Если в течение одних суток со дня вручения Военно-революционному комитету этой резолюции,— угрожал почтово-телеграфный союз,— не будут отозваны из всех учреждений почтово-телеграфного ведомства комиссары, то объявляется частичная забастовка всех почтово-телеграфных учреждений Петрограда» [311].

Керенский, войска которого потерпели поражение, попытался усилить позиции Викжеля и «Комитета спасения», выразив притворное согласие на прекращение военных действий. В 21 час 30 мин. 31 октября он послал телеграмму Викжелю и «Комитету спасения», в которой говорилось, что он приостанавливает военные действия и посылает Станкевича вести переговоры об условиях перемирия. Условия эти были изложены в телеграмме, посланной пять минут спустя после телеграммы Керенского генералом Красновым «Комитету спасения»: «Штабу отряда мятежников (так он именовал революционные войска.— *И. М.*) отозвать свои войска [в] Петроград, установить линию Лигово — Пулково — Колпино нейтральной и допустить беспрепятственно для обеспечения спокойствия в Царском Селе военные авангарды правительственных войск» [312]. Ответ предлагалось прислать к 8 час. утра 1 ноября.

Нетрудно видеть, что условия были составлены так, чтобы они были наверняка отвергнуты. Впоследствии Керенский признал это сам: «Используя в качестве курьера комиссара при верховном главнокомандующем Станкевича, я направил этому комитету («Комитету спасения».— *И. М.*) мои условия, которые, как это видно, были абсолютно неприемлемы для большевиков» [313].

Викжель разослал обе телеграммы всем железнодорожным комитетам, всем «комитетам спасения», всем Советам и армейским организациям, призвав поддержать вновь образуемое правительство, ответственное перед народным представительством «на основании вырабатываемой в настоящее время новой формы правления страны» [314].

Но весь этот план «мирной ликвидации» Советской власти «путем переговоров» рухнул.

Поведение Каменева было обсуждено в Центральном Комитете партии 1 ноября. Придавая большое значение обсуждаемому вопросу, ЦК пригласил на заседание представителей ПК, Военной организации, профсоюзов и трех членов Совнаркома, не входивших в состав ЦК. «Тов. Ленин считает,— записано в протоколе этого заседания ЦК,— что переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий» [315]. Но Каменев и его сторонники нарушили эту директиву ЦК партии и серьезно обсуждали предложения контрреволюции.

---

[311] Там же, д. 70, л. 5.

[312] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 799, 800.

[313] *A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire, p. 583–584. О заинтересованности Керенского в перемирии можно судить по его нетерпению. Послав телеграмму 31 октября о согласии вести переговоры, Керенский на следующий день, 1 ноября, в 10 час. 10 мин. утра телеграфировал Викжелю: «Ваше предложение принято. Вчера выслан мой представитель комиссар В. Станкевич. Жду ответа» (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 72, л. 42).

[314] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 71, л. 29.

[315] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.

Ленин призвал прекратить переговоры с Викжелем, который явно стоит на стороне калединых и корниловых, «уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными». «Нужно прийти на помощь москвичам,— говорил Ленин,— и победа наша обеспечена».

Большинство ЦК осудило политику Каменева и его сторонников. Ф. Э. Дзержинский предложил «выразить недоверие делегации, отозвать ее и послать других» [316]. Каменев, Милютин, Рыков, Рязанов отстаивали продолжение переговоров. Рыков признал, что «он относился серьезно к переговорам». «Если,— заявил он,— мы прекратим их, то от нас отшатнутся и те группы, которые нас поддерживают, и мы не в состоянии будем удержать власти» [317]. В принятой резолюции Центральный Комитет разоблачил классовые цели организаторов переговоров, подчеркнув, «что соглашательские партии ведут эти переговоры не с целью создания объединенной Советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва Советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией». ЦК постановил разрешить принять участие в последней попытке создать однородную власть «с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти» [318].

Вечером 1 ноября состоялось заседание ВЦИК, которое приняло большевистскую резолюцию о ходе переговоров. Она гласила: «Считая соглашение социалистических партий желательным, ЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто на следующих условиях:

1. Признание программы Советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле.

2. Признание необходимости беспощадной борьбы с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Каледин).

3. Признание II Всероссийского съезда единственным источником власти.

4. Правительство ответственно перед ЦИК.

5. Отклонение представительства в ЦИК организаций, не входящих в состав Советов.

6. Дополнение ЦИК представителями от непредставленных в нем Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, всероссийских профессиональных организаций, как-то: Совета профессиональных союзов, союза фабрично-заводских комитетов, Викжеля и почтово-телеграфного союза; при условии и только после перевыборов — Всероссийского совета крестьянских депутатов и тех войсковых организаций, которые не переизбирались за последние три месяца» [319].

При голосовании большевистская резолюция получила 38 голосов, эсеровская — 29. Большевистская резолюция была принята за основу и после голосования по пунктам утверждена единогласно при одном воздержавшемся [320].

---

[316] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 125.
[317] Там же, стр. 127.
[318] Там же, стр. 130.
[319] «Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва». М., 1918, стр. 13.
[320] Там же, стр. 15. 5-й и 6-й пункты были соединены.

Последнее объединенное заседание Викжеля с представителями политических партий и демократических организаций, в котором участвовали большевики, состоялось 3 ноября. На нем присутствовала делегация Путиловского завода, на помощь которой надеялись лидеры Викжеля. Но путиловцы огласили большевистскую резолюцию, принятую ВЦИК 1 ноября [321].

Попытка Викжеля получить поддержку рабочих кончилась, таким образом, провалом. Тем не менее представитель Викжеля сообщил, что комиссия разработала вопрос об организации власти: правительство будет ответственно перед так называемым «Временным Народным советом». В его состав должны были войти представители ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Московской и Петроградской городских дум, Викжеля, Всероссийского совета профсоюзов и почтово-телеграфного союза — всего 425 человек. Введение в состав этого органа, перед которым должно было быть ответственно «новое правительство», представителей Петроградской и Московской городских дум, организовавших контрреволюционное восстание юнкеров в столицах, особенно ярко показывало суть замысла викжелевцев.

Сразу же после этого большевики огласили резолюцию ВЦИК от 1 ноября и потребовали, чтобы присутствовавшие на заседании представители всех политических партий выразили к ней свое отношение. В ответ Абрамович и Мартов ультимативно призвали прервать переговоры до тех пор, пока большевики не прекратят арестов, не разрешат выпуск буржуазных газет, не откажутся от введения революционных судов и т. д. «На совещание 3 ноября,— писал Ленин в воззвании «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России»,— явились господа Абрамович и Мартов и предъявили ультиматум: никаких переговоров, пока наше правительство не прекратит арестов и закрытия буржуазных газет.

И наша партия и ЦИК съезда Советов *отказались* исполнить этот ультиматум, явно идущий от сторонников Каледина, буржуазии, Керенского и Корнилова» [322].

---

[321] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 67, л. 33. Викжелевцы усиленно распространяли клеветнические слухи, будто их поддерживают рабочие многих заводов, в том числе Путиловского и Обуховского. Каменев поверил в эту клевету и на заседании ЦК, добиваясь соглашения с Викжелем, ссылался на обуховскую делегацию и уверял, «что в руках Викжеля большая сила» («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 129). Разумеется, на заводах действовали соглашатели, пытавшиеся привлечь рабочих на сторону Викжеля, но общее настроение рабочих передала упомянутая нами резолюция путиловцев. Такое же положение было и на Обуховском заводе, красногвардейский отряд которого героически сражался против войск Краснова — Керенского. 31 октября состоялось общее собрание рабочих Обуховского завода, созванное заводским комитетом и представителями партийных организаций большевиков, меньшевиков и эсеров. Подавляющим большинством была принята резолюция о создании социалистического министерства на пропорциональной основе, ответственного перед Советами, со следующей программой: немедленные предложения демократического мира, передача всех земель в ведение земельных комитетов, конфискация помещичьих земель, установление рабочего контроля с преобладанием в его органах рабочих. «В настоящий же момент,— говорилось в резолюции,— мы считаем долгом отдать все силы на защиту Петрограда от идущих войск, введенных в заблуждение Керенским» (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 70, л. 3).

[322] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 75.

План Викжеля, разработанный эсерами и меньшевиками, провалился. Попытка, как откровенно говорил Духонину Чернов, ликвидировать Октябрьскую революцию «путем переговоров» потерпела полный крах. Убедившись в этом, Викжель 5 ноября разослал комитетам железных дорог, армейским комитетам и другим соглашательским организациям телеграмму, в которой сообщал о созыве совещания и о его работе. «Совещание это,— говорилось в телеграмме,— вынуждено было прекратить свои работы после того, как ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов незначительным большинством принял такие решения, которые делают фактически невозможным какие-либо соглашения...» [323] Спасти войска Краснова — Керенского от полного разгрома Викжелю не удалось.

Маневр с «мирными» предложениями, как выше отмечалось, был рассчитан на то, чтобы под его прикрытием дать возможность Краснову привести в порядок свои потрепанные части и дождаться подкреплений. Однако единственное, что Краснов дождался, это прибытия из Острова двух сотен казаков 10-го Донского полка, которые уже никак не могли повлиять на ход событий.

Представители иностранных держав пытались как-то поддержать потерпевших поражение мятежников. 31 октября из Ставки в Гатчину к Керенскому прибыл французский генерал Ниссель. «Он долго говорил с Керенским,— писал впоследствии генерал Краснов,— потом пригласил меня. Я сказал Нисселю, что считаю положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушал меня, ничего не сказал и поспешно уехал» [324]. Таким образом, после первого же сражения гражданской войны главари контрреволюции поняли, что без вооруженной помощи иностранных империалистов им не приходится рассчитывать на успех в борьбе против социалистической революции.

Иностранные империалисты были подавлены разгромом Керенского — Краснова. У. Черчилль, буквально задыхаясь от ненависти, писал, что Керенский бросился на фронт, собрал войска для похода на Петроград, но был разбит советскими частями под столицей. О том, какие надежды возлагали они на мятеж Керенского и как восприняли его разгром, можно судить хотя бы по следующему признанию Черчилля: «Впоследствии британский апелляционный суд постановил, что при рассмотрении дел британских подданных, имеющих отношение к России, датой фактического перехода власти к Советскому правительству следует считать 14 ноября 1917 г.» [325] В бессильной злобе Черчилль хотел «исправить» календарь революционных событий: пусть хоть на одну неделю позже считается, что Советская власть победила — не 7, а 14 ноября.

---

[323] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 72, л. 10. Викжель не остановился перед извращением фактов: резолюция ВЦИК 1 ноября была принята единогласно.

[324] *П. Н. Краснов.* На внутреннем фронте, стр. 79; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 807.

[325] *У. Черчилль.* Мировой кризис. М., 1932, стр. 43.

Армия на стороне революции

Пока заканчивался последний акт похода Керенского — Краснова на Петроград, в армии стремительно развертывались революционные события. Дело тут не в одновременности, а в однотипности событий: и то, и другое вызвано было одинаковым соотношением классовых сил. В обоих случаях исход событий определялся народными массами, свершившими революцию.

Мы оставили Ставку в апогее радужных надежд. Оперативная сводка о положении на внутреннем фронте в 12 час. 29 октября носила характер победной реляции: в «петроградском районе» по трем направлениям двигались правительственные войска на подавление восстания в столице, в «московском районе» движение большевиков «дезорганизовано», в «киевском районе» арестован Совет, в Виннице «мятежники» подавлены, а в Одессу идут верные части с фронта. Сутками в штабах не спали сотни офицеров, велись бесконечные переговоры по прямым проводам, из одного штаба в другой мчались нарочные, составлялись графики движения эшелонов. Генералы передвигали на картах флажки, означавшие корпуса, дивизии, полки, батальоны, казачьи сотни. А результат был таким же, как при работе портных в сказке Андерсена: король оказался голым. Приказы, распоряжения, директивы — все оставалось на бумаге. На деле не нашлось ни одной более или менее крупной части, которая подоспела бы на помощь войскам Керенского — Краснова.

Мы уже отмечали, что не прошло и нескольких часов после победной сводки Ставки, как из штаба Северного фронта в 2 часа 30 октября Керенскому сообщили, что 17-ю кавалерийскую дивизию, лично им вызванную, прислать нельзя в связи с революционными событиями в латышских частях. Еще через два часа поступило сообщение, что станция Орша блокирована восставшим полком: возможность присылки войск Керенскому — Краснову исчезла. Вслед за этим неудачи, отказы воинских частей выступать приходили в Ставку один за другим, нарастая, как волны в море при усиливающемся ветре.

Вечером 29 октября выяснилось, что комитет 5-й армии Северного фронта получил телеграмму об отправке частей в Петроград на помощь Военно-революционному комитету и что комитет предполагает направить 4-ю Особую дивизию. Командующий армией принял меры к тому, чтобы не допустить посылку дивизии. Он просил штаб Северного фронта вообще не посылать воинских частей Керенскому, так как, по его мнению, армейский комитет использует это как предлог для направления войск в помощь революционному Питеру.

На следующий день, 30 октября, выяснилось, что на 17-й корпус также не осталось надежд. Была выделена бригада 3-й пехотной дивизии, но подвижного состава не оказалось, а за это время под воздействием агитаторов 12-й Великолукский полк выехать отказался. Выделили другую бригаду из 35-й дивизии того же корпуса; ее предполагали послать утром 31 октября. На вопрос штаба фронта, имеется ли уверенность в отправке, последовал не очень определенный ответ (который, кстати, раскрывает еще один, притом крайне важный, просчет организаторов контрреволюционного мятежа): «До некоторой степени обеспечена эта уверенность ввиду того, что 137-й Нежинский полк вынес очень благоприятную резолюцию против большевиков, а потому мы надеемся,

что этот полк, а также и 140-й Зарайский обязательно завтра выступят» [326]. Следовательно, вся уверенность в выполнении приказов о выступлении основывалась на настроении полка, но оно менялось так же, как у солдат Великолукского полка, в течение нескольких часов после встречи с большевистскими агитаторами. Ставка не учитывала этой быстроты распространения правдивых сведений о революции. Точнее, дело было не в быстроте распространения известий — в век радио удивляться этому не приходилось, а в быстроте восприятия революционных лозунгов. Именно эта быстрота усвоения в свою очередь подтверждала, насколько лозунги большевиков отвечали интересам народных масс: мир, земля, свобода были кровными требованиями народа.

Ставка явно не понимала народного характера революции. Она по-старому, как и царские власти, считала происходившие события результатом деятельности «зловредных смутьянов», «кучки» большевиков и применяла старые меры: «не позволять», «не допускать», «изолировать», а нарушителей «правопорядка» арестовывать. Генерал Барановский 30 октября требовал от Керенского принять меры, «чтобы Царскосельская мощная радиостанция мешала бы действию Кронштадтской и других радиостанций при передаче таковыми большевистских телеграмм, которые распространяются в армиях и приносят неисчислимый вред» [327]. Все распоряжения Ставки и командующих фронтами и армиями были полны требований «изъять» агитаторов, «очистить» от них посылаемые отряды. Настаивая на отправке бронедивизиона в помощь Керенскому, Духонин 31 октября говорил Барановскому: «Все большевики изъяты из него, и через полчаса поезд должен тронуться в путь. Я приказываю это от имени верховного главнокомандующего и об исполнении прошу телеграфировать, ибо это крайне необходимо» [328]. Но вместо «изъятых» агитаторов появлялись другие, в еще большем числе; их выдвигали сами народные массы. Командующий 5-й армией генерал В. Г. Болдырев вынужден был, сам того не желая, признать народный характер большевистских лозунгов: «Организация большевистской пропаганды при бездействии других партий и полной неориентированности относительно событий в Петрограде создает благоприятные условия для провокаций и ложных слухов, будирующих войсковую массу, идущую всецело за брошенными большевиками лозунгами — немедленный мир и отобрание помещичьих земель» [329].

Бороться с этой агитацией, шедшей в широких народных массах, путем «изъятия» отдельных агитаторов было равносильно попытке остановить весенний паводок несколькими мешками с песком.

События под Петроградом приобрели общероссийское значение: тут решалась основная задача революции — сохранение власти в руках Советов. На помощь Петрограду поднялись революционные части не только фронта, но и всей страны, прежде всего рабочий класс близлежащих районов, руководимый большевистскими организациями. Военно-революционный комитет в Ревеле, узнав о попытках некоторых частей 49-го корпуса, куда прибыл посланец Керенского Мазуренко, грузиться для

---

[326] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 638.
[327] Там же, стр. 643.
[328] Там же, стр. 650.
[329] Там же, стр. 656.

следования на Петроград, приказал революционным частям Нарвы вооруженной силой задержать выступление контрреволюционных отрядов. ВРК Ревеля усилил охрану тех станций, через которые могли следовать войска в помощь Керенскому [330].

Большое значение в срыве посылки контрреволюционных отрядов под Петроград сыграли латышские стрелки. По предложению В. И. Ленина из Петрограда в латышские полки был послан старый большевик К. А. Гайлис, чтобы выяснить их настроение и организовать присылку одного из полков на помощь революции [331]. Латышские полки дружно поддержали революцию, о чем подробнее будет сказано дальше. Приведем только свидетельство командующего 12-й армией Я. Д. Юзефовича от 30 октября: «Кроме 1-го и 3-го Латышских стрелковых полков, самовольно перешедших вчера с фронта в Венден, сегодня самочинные действия распространились и на вторую бригаду. Сегодня 6-й и 7-й Латышские полки самовольно ушли со своих мест, арестовали штаб бригады с начальником бригады и передали управление бригадой выбранному офицеру. Дальнейшее движение этих полков еще не выяснено. Имеются сведения, что эти полки имеют целью захват Вольмара и Валка. Поступили сведения, еще не проверенные, что станция Юрьев захвачена латышами запасного полка» [332].

Латышские большевики организовали помощь революционному Петрограду. Так было и во многих других случаях. Один из партийных руководителей Новгорода, М. Г. Рошаль, вспоминает: получив сообщение о событиях под Петроградом и приказе Керенского об отправке в Гатчину офицерского батальона и ударников, срочно созвали заседание Совета, пригласив представителей гарнизона, и постановили не выпускать из города ни одной части, собирающейся поддержать Керенского [333].

На стороне контрреволюции не оказалось почти никого, а за революционный Петроград выступали и армия, и тыл. В этой тесной связи революционных частей армии и тыла одна из причин провала антисоветского похода и успеха социалистической революции.

Всего через сутки с небольшим после посылки победной реляции генерала Дитерихса о положении на «внутреннем фронте» Духонин передал Керенскому новую общую сводку о положении дел в армии [334].

На «петроградском направлении» послать никого не удалось; даже 13-й и 15-й Донские полки «не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайшей станции для погрузки вне района Ревеля» [335]. Комитет 5-й армии высказался за посылку войск в помощь Петроградскому ВРК. Комитет 1-й армии занял в общем пассивную позицию и ни одной части из обещанных не послал. Ничего не было послано и из 12-й армии. В самом Пскове настроение неопределенное, во всяком случае не против большевиков. «Общее настроение частей фронта,— подвел

---

330 *А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции, стр. 48.
331 «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М., 1967, стр. 307.
332 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 248; «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 158—159.
333 *М. Г. Рошаль.* На путях революции. М., 1957, стр. 184—185.
334 В тексте стоит дата 29 октября, но разговор Духонина с Барановским по прямому проводу, во время которого передавалась сводка, состоялся 31 октября в 1 час.— 2 час. 40 мин., а в самой сводке речь идет о событиях, происходивших вечером 30 октября.
335 «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 646.

Духонин итог положению на Северном фронте,— скорее пассивное к текущим событиям, и во всяком случае [стремления] решительно поддержать правительство в борьбе против все более и более охватывающего страну большевистского влияния не проявляется» [336].

На «московском направлении» в самой Москве «положение тяжелое». Войска Рябцева «напрягают последние усилия», «силы верных правительству войск тают, и если [в]ближайшие два дня не подойдет помощь, то законные власти должны будут капитулировать» [337]. Западный фронт не может оказать поддержки Москве; в тылу фронта и почти во всех городах и на железнодорожных узлах установилась новая власть. По сведениям Каледина, в Харькове, Воронеже, Курске власть находится в руках Советов.

На «киевском направлении» на Юго-Западном фронте «положение [в] общем наиболее благоприятное для правительства», но имели место кровопролитные столкновения. В Виннице был бой, в котором приняли участие проходившие эшелоны 3-й Финляндской дивизии, «что задержало тече[ние] движения на Петроград». В Виннице большевики, хотя и потерпели поражение, но потери и утомление «правительственных войск» помешали преследовать большевистские части, и они «внесут анархию в тылу фронта» [338].

В Киеве положение сложное; Центральная рада выставила «свои лозунги против большевиков» и стала вызывать себе на помощь украинизированные части, в силу чего 156-я пехотная дивизия требует посылки на Киев. В городе происходят отдельные стычки, «но заметна подготовка более серьезного выступления большевиков».

На Румынском фронте, несмотря на твердое обещание и неоднократные напоминания не удалось сформировать ни одного отряда. В Одессе «пассивное положение».

Мы нарочито расположили все сведения сводки по тем же направлениям, что и в предыдущей «победной реляции», чтобы легче было сравнить, какие коренные изменения внесла революция в оценки Ставки. Суммируя общее положение в армиях фронта, Духонин писал: «Волна большевизма, идущая с тыла, постепенно приближается, и я считаю себя обязанным доложить, что если кризис затянется еще на два-три дня, то нельзя поручиться за спокойствие на позициях».

Духонин продолжал обещать сделать «все, что возможно при наличии сложившейся обстановки для подавления большевистского движения и для оказания поддержки вам», т. е. Керенскому. Он все еще сообщал, что пехотная бригада 17-го корпуса подойдет к Царскому Селу, но только позже — к утру 1 ноября, и то «если не возникнет новых препятствий», а к вечеру 1 ноября начнут подходить и 3-я Финляндская дивизия с 17-м Донским полком. Но заканчивал Духонин свою сводку буквально мольбой поскорее покончить с большевиками под Петроградом, иначе весь план ликвидации революции рухнет. «Но напряжение на всем фронте,— резюмирует Духонин,— и главное, препятствия растут, и задержка в ликвидации движения позже 1 ноября может сильно отразиться на положении войск на позициях, тем более что расстроен-

---

[336] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 646.
[337] Там же, стр. 647.
[338] Там же.

ный окончательно подвоз Северному фронту может вызвать голод для войск этого фронта» [339]. Так один из ведущих деятелей контрреволюции, глава Ставки, признал: армия осталась на стороне революции, ни одна часть не выступила в поддержку похода Керенского — Краснова. Они оказались в полной изоляции.

Ликвидация контрреволюционного мятежа

Поражение под Пулковом сильно повлияло на моральное состояние казаков. Среди них началось разложение. «Все одно,— говорили они, как свидетельствует сам Краснов,— нам, одним казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними, что же будем делать?» [340] Вечером 31 октября в Царское Село из Гатчины прибыла делегация казаков, предложившая начать переговоры о прекращении военных действий.

Встретившийся с казачьей делегацией П. Е. Дыбенко принял смелое решение: в сопровождении комиссара Гельсингфорсского матросского отряда В. Трушина он отправился в Гатчину для переговоров с казаками. Делегатов разоружили и повели в штаб на допрос. Дыбенко заявил, что приехал разговаривать не с офицерами, а с казаками, и потребовал созвать митинг. По настоянию казаков митинг был собран, и Дыбенко рассказал на нем о действительном положении дел. Многие казаки говорили, что не хотят быть орудием Керенского в борьбе против революционного народа. После митинга состоялось заседание дивизионного комитета, на котором появились представители 5-й армии. Они заявили, что армия, оставив заслон против немцев на фронте, пошлет войска против казаков. Это произвело сильное впечатление. Среди казаков углубился раскол; большинство заявило, что не хочет участвовать в гражданской войне. После нескольких часов напряженных разговоров советские делегаты сумели убедить казаков сложить оружие и арестовать Керенского.

Краснов, видя, что ему не удастся снова повести свой отряд против Советской власти, предложил Керенскому поехать в Петроград и начать переговоры с ВРК. Керенский на словах принял это предложение [341].

Оказалось, однако, что согласие Керенского, как и поведение Краснова, было лицемерным. Главари мятежа рассчитывали выиграть время, ожидая прибытия в Гатчину ударников из Луги, все еще уповая на прибытие войск с фронта и надеясь вернуть на свою сторону колеблющихся казаков. Многие из казаков продолжали верить клеветническим измышлениям об «измене Ленина», царящем в Петрограде терроре, преследованиях казаков и т. п. Они требовали, чтобы в составе правительства не было Ленина, чтобы им разрешили вернуться с оружием на Дон и Кубань, чтобы был прекращен «террор» в Петрограде и т. д.

Дыбенко решил пойти на «дипломатический шаг», чтобы заставить казаков прекратить сопротивление. «Нужно,— писал Дыбенко,— с одной стороны, выиграть время для подхода отряда моряков, чтобы Гатчину

---

[339] Там же. Расстройство подвоза продовольствия на фронт было вызвано действиями самой Ставки, выступлением контрреволюции против Советской власти.
[340] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 376.
[341] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 803.

захватить врасплох, с другой — без промедления, до прибытия ударников, арестовать Керенского... Для достижения своей цели, совершая «стратегический ход», я решаюсь подписать договор» [342].

Этот договор предусматривал арест Керенского, передачу его в распоряжение ВРК для суда над ним и прекращение казаками вооруженной борьбы с советскими войсками. Но в договоре был и такой ошибочный пункт, как невключение Ленина в состав правительства [343]. Это было уступкой предрассудкам обманутых контрреволюционной пропагандой казаков. Дыбенко, как он разъяснял, «из тактических соображений» согласился на включение в договор такого пункта. «Не казаки избирали Ленина,— писал он,— не они и будут его отстранять» [344]. Уступая настроениям казаков, договор предусматривал все же достижение главной цели: казаки прекращали вооруженную борьбу и соглашались арестовать Керенского.

Керенский, узнав о заключении этого договора, написал одно распоряжение о сложении с себя звания министра-председателя и второе — о передаче должности верховного главнокомандующего генералу Духонину «ввиду отъезда моего [в] Петроград», как гласил его приказ [345].

И этот последний приказ Керенского оказался таким же лживым, как и все его поведение в революции: в Петроград, как он обещал Краснову, Керенский не поехал. Когда в комнату пришли казаки, выделенные Красновым для сопровождения Керенского в Петроград, они его не застали: около 3 час. 1 ноября он бежал, облачившись в форму ненавистных ему моряков. «Я превратился в моряка,— писал впоследствии Керенский,— крайне смешного вида. Рукава моей майки были слишком коротки; мои коричневые туфли и мои гетры не подходили к общему виду; мой матросский берет был очень мал и с трудом держался на голове. В добавление, чтобы покончить с моей маскировкой, мне надели автомобильные очки» [346].

К вечеру 1 ноября в Гатчину вступили революционные солдаты Финляндского полка и отряд матросов. Подходившие к Гатчине ударники после переговоров с посланной им навстречу делегацией советских войск также перешли на сторону революции. Краснов, Войтинский и адъютанты Керенского были арестованы и отправлены в Петроград. Генерал

---

[342] *П. Е. Дыбенко.* Балтийский флот в дни Великого Октября.— «Октябрь в Петрограде». Сборник. Л., 1933, стр. 276.

[343] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 18.

[344] *П. Е. Дыбенко.* Балтийский флот в дни Великого Октября, стр. 276.

[345] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 800. Уже упоминавшийся нами один из активных участников контрреволюционного мятежа народный социалист В. И. Игнатьев утверждает в своих мемуарах, что В. Б. Станкевич на автомобиле прорвался в Гатчину и привез письмо от Керенского, в котором тот заявлял о своем уходе с поста председателя Совета министров и о передаче «Комитету спасения родины и революции» полномочий на образование новой власти (*В. И. Игнатьев.* Некоторые факты и итоги 4-х лет гражданской войны (1917—1921 гг.). М., 1922, стр. 5).

[346] *A. Kerenski.* La Russie au Tournant de L'Histoire, p. 587. Дней сорок Керенский скрывался в лесу между Гатчиной и Лугой, а затем перебрался к знакомому лесопромышленнику, сын которого служил в Лужском гарнизоне. Бывший премьер собирался появиться на открытии Учредительного собрания, но его отговорили лидеры эсеров. Некоторое время он скрывался то в Москве, то в Петрограде и, наконец, через Мурманск, занятый интервентами, и с их помощью бежал в Англию.

Краснов был затем отпущен под «честное слово» не поднимать оружия против Советской власти, но, как известно, он вероломно нарушил его.

Ставка по инерции еще продолжала настаивать на посылке войск с фронта. Духонин несколько раз (31 октября и 1 ноября) вел переговоры с Северным фронтом, добиваясь ускорения отправки войск. Но с каждым новым разговором выяснялось, что войска на помощь отряду Керенского — Краснова не придут. Броневики были задержаны солдатами, и в конце концов 1-й и 5-й бронедивизионы перешли на сторону революции. Части, намеченные к отправке из 1-й и 5-й армий, не двинулись с места. Не были отправлены ни 17-я кавалерийская дивизия, ни части 49-го корпуса. Удалось двинуть 1-й ударный батальон, но ему пришлось тайком уйти из-под Валка, и он добрался только до Пскова. Солдаты 3-й Финляндской дивизии, посланной с Юго-Западного фронта (на нее возлагали особые надежды), перешли на сторону Советской власти. Даже упорствовавшей Ставке, наконец, стало ясно, что поход против революции полностью провалился. 1 ноября Духонин был вынужден приказать прекратить боевые действия под Петроградом и «остановить дальнейшую отправку войск на Петроград» [347]. 2 ноября ВРК опубликовал сообщение о том, что «авантюра Керенского считается ликвидированной. Революция торжествует» [348]. В этот день революционный Петроград торжественно встречал победителей, возвращавшихся с фронта. Депутации от районных Советов, Красной гвардии, моряков и полков гарнизона с развернутыми знаменами, с оркестрами пришли на Царскосельский, Варшавский и Балтийский вокзалы, куда к 3 час. дня прибыли эшелоны. На привокзальных площадях состоялись митинги, в которых участвовали десятки тысяч людей. Под крики «Привет победителям!» выступали представители революционных частей, разгромивших контрреволюционный мятеж. Такая же триумфальная встреча состоялась в Кронштадте, куда вернулись моряки — участники боев против Керенского — Краснова. На всех кораблях были подняты красные флаги в честь победителей.

Потери советских частей были несравненно больше, чем в дни вооруженного восстания. По сообщению ВРК, только 30 октября в бою у станции Александровская революционные части потеряли около 200 человек. Потери противника были еще более крупными [349]. Это лишний раз подтверждает, что революция принесла меньше жертв, чем начало гражданской войны, вызванной буржуазией и помещиками.

* * *

Разгром мятежа Керенского — Краснова, поддержанного всей контрреволюцией, со всей очевидностью показал, что внутри страны нет серьезных сил, способных задушить социалистическую революцию. Он показал также, что ее противники не могут рассчитывать на поддержку армии, в составе которой фактически не оказалось частей, готовых вы-

---

[347] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 805.
[348] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 519.
[349] Там же, стр. 409. Пока установлены имена 38 убитых и 115 раненых. Значительная часть погибших была похоронена в Царском Селе, Павловске, Красном Селе и Гатчине (*А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции, стр. 76).

ступить против Советской власти. Контрреволюции не помогли и маневры соглашателей, открыто перешедших в стан оголтелых врагов трудящихся.

Поражение контрреволюции под Петроградом было не только проигрышем военного сражения. Это был ее политический провал. Контрреволюционеры не сделали выводов ни из всего развития революции, ни из корниловщины в конце августа 1917 г. С одержимостью обреченных руководители контрреволюции действовали по-старому и пользовались старыми методами.

Антикоммунисты до сих пор гадают, почему контрреволюции не удалось найти на многомиллионном фронте никаких частей в поддержку похода Керенского — Краснова [350]. Они не понимают, что это было результатом подлинно народного характера революции. С этим фактом огромного значения русские контрреволюционеры не захотели считаться и, причинив большие страдания и вызвав массовые жертвы, потерпели полное поражение. Пустой фразой осталось решение ЦК меньшевиков, еще 2 ноября пытавшихся спасти уже разгромленные силы контрреволюции и заявлявших, что «ни захват власти большевиками, ни передача ее Советам ни в коем случае не могут быть признаны другими частями демократии и громадным большинством страны...» [351]. Быстрое поражение контрреволюции как раз показало, что Советская власть признается громадным большинством населения страны. Социалистическая революция уверенно начала свое триумфальное шествие по всей необъятной стране.

---

[350] *R. Daniels.* The Red October. The Bolshevik Revolution of 1917, p. 203.
[351] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 49, л. 2.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО МЯТЕЖА В МОСКВЕ

1

НАЧАЛО АНТИСОВЕТСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Организация мятежа

Как ни усердно готовилась контрреволюция в Москве, но все же к решающему моменту мобилизация ее сил не была завершена. Главную роль при этом сыграло быстрое свержение Временного правительства: оно застигло контрреволюцию врасплох. Военные власти на местах по самому характеру своей организации привыкли получать приказы и распоряжения «сверху», «по команде». Но главковерх Керенский находился в бегах: он покинул Петроград утром 25 октября и объявился только через сутки, да и то не в штабе Северного фронта, а в 3-м конном корпусе. Военное министерство в Петрограде было занято войсками Военно-революционного комитета. Ставка молчала. Главнокомандующий войсками Западного фронта генерал П. С. Балуев еще 29 октября говорил начальнику штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину: «Следовало бы нам почаще давать сведения из Ставки... Керенский молчит, и благодаря этому у нас нет почвы под ногами, чтобы можно было на что опереться...» [1] В заключение беседы Балуев с нескрываемым огорчением говорил: «...я не особенный пессимист и уверен, что в конце концов все войдет в норму, но *мне необходимо, чтобы было какое-нибудь правительство,* от имени которого я мог бы действовать» [2].

Комиссар Временного правительства на Румынском фронте Э. П. Тизенгаузен 28 октября говорил помощнику Духонина В. В. Вырубову, что он занимал «довольно странное положение, так как являлся представителем несуществующего правительства» [3].

В таком же положении оказался и командующий войсками Московского военного округа полковник К. И. Рябцев: он не имел никаких распоряжений «сверху». Весь день 25 октября и добрую часть ночи с 25-го на 26-е он не принимал каких-либо решительных мер против восстания, хотя знал, что революционные части заняли почту и телеграф.

---

[1] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 166.
[2] Там же, стр. 167 (курсив наш.— *И. М.*).
[3] Там же, стр. 158.

Не в лучшем положении находились и гражданские власти Москвы. Официальные представители Временного правительства попросту исчезли с политической сцены, показав тем самым полное падение авторитета последнего буржуазного правительства. С ними не считались даже те, кто еще недавно так рьяно их поддерживал: как мы уже писали, городского и губернского комиссаров не пустили на заседание Комитета общественной безопасности, созданного в ночь на 26 октября Московской городской думой.

Московская городская дума тоже не сразу пришла в себя от неожиданности. Ее председатель городской голова, правый эсер В. В. Руднев, 25 октября трижды разговаривал с фактически свергнутым Временным правительством, еще находившимся в Зимнем дворце. Первый раз его вызвал из Зимнего около 1 час. дня министр меньшевик А. М. Никитин. Руднев сказал Никитину, что в Москве положение еще не определилось, что «никаких явных выступлений большевиков еще нет» [4]. Выслушав сообщение министра об осаде Зимнего, Руднев посоветовал правительству продержаться 24 часа (видимо, в расчете на подход помощи извне). Второй раз Руднев говорил с Никитиным около 7 час. вечера, когда осажденное Временное правительство еще не получило ультиматума Петроградского ВРК о сдаче. Наконец, третий разговор состоялся после 8 час. вечера. Никитин сообщил о получении ультиматума и решении министров не сдаваться. По-видимому, во время этого разговора Рудневу было предложено принять все меры по подавлению восстания в Москве, а в случае ареста министров в Петрограде создать новое правительство из остатков бывшего Временного правительства в Москве [5].

Вскоре после разговора с Зимним дворцом в 9 час. вечера открылось заседание Московской городской думы. Она была избрана еще 25 июня 1917 г., когда началось казавшееся на первый взгляд успешным наступление русских войск на фронте. Правящим кругам тогда удалось создать и широко использовать шовинистическое настроение в мелкобуржуазных слоях населения. В Москве на выборах в думу эсеры получили 58% голосов, меньшевики — 12%, кадеты — 17%. За большевиков голосовало 11% [6]. Городская дума стала эсеро-меньшевистско-кадетской, так как кадеты полностью поддерживали соглашательский блок.

С тех пор соотношение классовых сил в Москве резко изменилось, и на сентябрьских выборах в районные думы эсеры и меньшевики потерпели сокрушительное поражение. Но состав городской думы не менялся. Хотя городская дума кичилась своей «демократичностью», но в ней в отличие от Советов не существовал действительно демократический принцип — право отзыва депутатов в случае изменения взглядов избирателей.

На заседании городской думы Руднев доложил о своем последнем разговоре с Зимним дворцом. Руднев добавил, что Предпарламент разогнан, телеграф и вокзалы в руках восставших, что власть фактически находится в руках Петроградского Совета, но Временное правительство еще не сдалось. «Хотя Московская дума бессильна помочь Временному правительству,— откровенно заявил Руднев об отсутствии сил,— но на ней как на единственной представительнице законной власти лежит долг сделать

---

[4] «Исторический архив», 1960, № 10, стр. 42.
[5] «Очерки истории Московской организации КПСС». М., 1967, стр. 277.
[6] «Октябрь в Москве». М., 1967, стр. 136.

все, что она может» [7]. Затем городской голова рассказал, что в Москве телеграф и почта заняты большевиками, происходит занятие и других правительственных помещений. Руднев охарактеризовал все эти акты как «насилие меньшинства над большинством» [8].

Несколько раз Руднев усиленно подчеркивал, что городская дума будто бы является «законной» властью, «единственной верховной» властью, избранной всем населением Москвы. Вместе с тем в прямом противоречии со своим утверждением он вынужден был признать, что эта «законная» и «единственная верховная» власть никакой реальной властью не обладает.

«Московская дума не располагает физической силой,— говорил Руднев,— но она есть единственная верховная власть в городе и не может дать санкции тому, что происходит сейчас в Петрограде. Кроме того, на думе лежит конкретная задача охраны безопасности населения столицы, перед которым она ответственна» [9].

С резкой отповедью Рудневу от фракции большевиков выступил активный участник революционного движения, старый член РСДРП(б), видный марксист И. И. Скворцов-Степанов, высмеявший утверждение городского головы, будто восстание подняло меньшинство. Он напомнил, что тот же Руднев назвал «анархическим выступлением меньшинства» всеобщую политическую стачку протеста против Государственного совещания. Выборы в районные думы, говорил Скворцов-Степанов, показали, что это «меньшинство» является большинством и что городская дума не представляет население Москвы. Теперь большинство берет власть в свои руки. События в Петрограде, где правительственные учреждения заняты революционным народом, а сопротивляется лишь небольшая кучка, подтверждают такой вывод. «Это значит,— сказал Скворцов-Степанов,— что народ не с Временным правительством. Это Временное правительство не волей народа, а помазанники милостью Родзянко». Заканчивая свою речь, он заявил: «Принимайте свою резолюцию. Мы не будем участвовать в ее голосовании. Но помните ответственность, которую берете на себя. То, что могло произойти без пролития крови, может сейчас стоить громадных жертв, если вы будете вызывать войска во имя меньшинства» [10].

После выступления Скворцова-Степанова начались прения. Представитель эсеров повторял клевету своего коллеги по партии Руднева, будто восстание в Москве подняло меньшинство. Он пугал большевиков изоляцией, утверждая, что крестьянство не поддержит их.

Меньшевики и на этом заседании не могли высказать общую точку зрения: одни из них призывали поддерживать Временное правительство, угрожая в противном случае уходом из партии, другие требовали создать общедемократический орган, заявляя, что выйдут из него, если он начнет применять репрессии. Кадеты настаивали на безоговорочной поддержке Временного правительства. Народные социалисты, взгляды которых трудно было отличить от кадетских, выступили с тем же требованием.

В заключение прений эсеры предложили резолюцию, осуждавшую восстание, которое якобы ставило под угрозу созыв Учредительного собрания, ослабляло фронт и открывало дорогу контрреволюции. Для защи-

---

[7] «Утро России», 8 ноября 1917 г.
[8] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 26 октября 1917 г.
[9] «Утро России», 8 ноября 1917 г.
[10] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 26 октября 1917 г.

ты Временного правительства эсеры призывали сплотиться вокруг Московской городской думы, которую они вслед за Рудневым и вопреки фактическому положению называли «единственным представителем воли всего московского населения и единственным полномочным органом государственной власти в Москве» [11].

В последовавших перед принятием резолюции заявлениях фракций левые эсеры объявили, что воздержатся от голосования, считая единственным выходом переход власти к «органам революционной демократии, однородно составленным из партий, имеющих влияние на народные массы». Меньшевики-объединенцы, осудив выступление большевиков, все же высказались против эсеровской резолюции [12]. Остальные депутаты городской думы голосовали за резолюцию.

В 3-м часу ночи собрание по предложению Руднева приняло постановление об организации при городской думе Комитета общественной безопасности. «Орган этот,— говорил Руднев,— имеет своей задачей охрану безопасности московского населения» [13]. В ту же ночь комитет был создан и приступил к работе. Председателем комитета стал городской голова В. В. Руднев. Перед революцией 1917 г. он работал врачом в Московском уездном земстве, членом партии эсеров состоял с 1904 г. От городской думы в комитет вошли все три товарища городского головы: текстильный фабрикант кадет П. А. Бурышкин, санитарный врач, народник, считавшийся в партии эсеров с 1899 г., И. Н. Коварский и С. А. Студенецкий, до выборов в городскую думу — председатель профсоюза городских служащих Москвы, член партии эсеров с 1902 г. [14]

В состав Комитета общественной безопасности вошли также по три представителя Исполкома Совета солдатских депутатов, Всероссийских железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, исполкома Совета крестьянских депутатов, штаба Московского военного округа и представитель от уездной земской управы. Решено было пригласить в состав комитета представителей всех фракций городской думы, кроме большевиков. Кроме того, приглашались представители губернского исполнительного комитета, милиции и продовольственного комитета [15].

Организаторы комитета утверждали, что городская дума представляет все население, а следовательно, и ее орган — Комитет общественной безопасности — является общедемократической организацией. «Что такое комитет общественной безопасности? — говорил В. В. Руднев на заседании совета московской организации эсеров уже после разгрома мятежа в Москве.— Необходимо было соблюсти демократичность его состава. Мы были обязаны отмежеваться от контрреволюционных элементов» [16]. Дальше он перечислил организации, представители которых вошли в комитет. Но на деле в его состав ввели только представителей учреждений и ведомств, где преобладали эсеры и меньшевики. В комитете не было делегатов от районных дум, районных Советов и Московского Совета рабочих депутатов, т. е. органов, действительно выражавших волю рабочих

---

[11] «Утро России», 8 ноября 1917 г.
[12] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 26 октября 1917 г.
[13] Там же.
[14] Сведения о профессии и партийности указанных лиц взяты из газеты «Русское слово» от 7, 12 и 29 июля 1917 г.
[15] «Утро России», 8 ноября 1917 г.
[16] «Труд», 9 ноября 1917 г.

и солдат Москвы. Комитет общественной безопасности во всех своих заявлениях и призывах всячески старался замаскировать свою контрреволюционную суть, создать впечатление, будто его единственная цель — предотвращение «анархии», защита безопасности населения. «На защиту порядка и безопасности граждан,— говорилось в одном из его заявлений,— встал Комитет общественной безопасности» [17]. Даже позднее, когда контрреволюционное выступление обошлось народу в несколько сот жертв, Руднев в упомянутом докладе на совете московской организации эсеров, говоря о деятельности Комитета общественной безопасности, повторял: «Мы стремились лишь сохранить возможность спокойствия в городе» [18].

На деле же созданный якобы исключительно «для обеспечения безопасности населения» Комитет общественной безопасности являлся руководящим, исполнительным органом контрреволюционной буржуазии в городе, предпринимавшей отчаянные попытки удержать власть в своих руках.

Утром 26 октября Комитет общественной безопасности обратился к населению с воззванием сплотиться вокруг него и считать обязательными только его распоряжения; приказы, отданные Военно-революционным комитетом, не должны были исполняться. В. В. Руднев как председатель Комитета общественной безопасности обратился ко всем участковым комиссарам милиции с призывом продолжать свою деятельность, не считаясь с распоряжениями Военно-революционного комитета [19].

Таким образом, Комитет общественной безопасности с самого начала противопоставил себя Военно-революционному комитету и действовал как орган, защищающий контрреволюционное Временное правительство.

Одним из первых мероприятий комитета было распоряжение штабу округа объявить военное положение по Москве и Московскому военному округу и организовать военные силы для борьбы с восстанием. Штаб 11-й запасной пехотной бригады, в состав которой входили все запасные части, разослал телефонограмму: «По постановлению Комитета общественной безопасности по г. Москве и Московскому военному округу объявлено военное положение. Организованы воинские части для борьбы с захватом власти большевиками. С фронта идут преданные революции войска. Солдаты и офицеры обязаны сохранять порядок, быть на местах и исполнять приказания Московского штаба, действующего в полном контакте с фронтом и Комитетом общественной безопасности».

В качестве основания для издания этого приказа штаб запасной бригады указал на телефонограмму Московского Комитета общественной безопасности № 1 [20].

Соглашатели из исполкома Совета солдатских депутатов фактически включились в контрреволюционную деятельность Комитета общественной безопасности. Еще 25 октября по всем частям Москвы Совет солдатских депутатов разослал телефонограмму: «Московский Совет солдатских депутатов предлагает товарищам воздержаться от всяких выступлений без призыва солдатских депутатов» [21].

---

[17] Там же, 27 октября 1917 г. Экстренный выпуск.
[18] Там же, 9 ноября 1917 г.
[19] Там же.
[20] ЦГВИА, ф. 7792, оп. 2, д. 3, л. 5 об.
[21] Там же, л. 4 об.

Важно, кстати, отметить, насколько лицемерными были заявления эсеров и меньшевиков о «верности демократии»: всего несколько часов назад они устроили шумную обструкцию большевикам за то, что почта и телеграф были заняты без постановления Советов рабочих и солдатских депутатов, а на другой день, не опросив членов Совета и даже не поставив в известность его исполком, в котором находилось более 25% большевиков, соглашатели рассылали распоряжения от имени Совета солдатских депутатов. Эсеры и меньшевики, таким образом, руководились принципом: что выгодно, то и демократично. Они взяли на себя и организацию антибольшевистской кампании. Солдатским комитетом всех частей Московского гарнизона рассылалась следующая «информация»: «Президиум Московского Совета солдатских депутатов для информации извещает: [Военно]-революционный комитет организован только из большевиков, социалисты-революционеры и беспартийные в него не вошли, а меньшевики вошли с целью идейно противодействовать его вредным начинаниям» [22].

Ультиматум Рябцева

По указанию Комитета общественной безопасности Рябцев лихорадочно собирал силы. Поздно ночью 26 октября отряды юнкеров, вооруженные пулеметами, заняли здание городской думы и Манеж. Со всех концов Москвы в Александровское военное училище, где был создан полевой штаб, стали собираться офицеры и контрреволюционные «добровольцы» из гражданских лиц, студентов, учащихся. Их разбивали на взводы, вооружали винтовками, заранее отобранными у солдат гарнизона и доставленными в училище. Из офицеров и юнкеров комплектовались ударные роты.

Считая это недостаточным, Рябцев вызвал войска из других городов Московского военного округа. Командиры частей получили распоряжения высылать в Москву кадровые роты [23]. В ночь на 26 октября была вызвана украинская рота из Шуи. Командованию военного училища в Чугуеве (Харьковская губерния), в котором числилось до 1200 юнкеров, приказали с орудиями и пулеметами также направиться в Москву [24]. Из Орловского гарнизона затребовали присылки 300 солдат. Одновременно штаб округа неоднократно просил Ставку ускорить присылку фронтовых частей.

Но для мобилизации своих сил и подхода помощи контрреволюции нужно было время. Поэтому Рябцев стремился оттянуть столкновение и искал повода для его отсрочки [25]. Такой повод был найден утром 26 ок-

---

[22] ЦГВИА, ф. 7792, оп. 2, д. 3, л. 4 об. В такой же телефонограмме 193-му полку дважды — и в указании от кого послана, и в тексте — сказано: «Совет рабочих и солдатских депутатов». Если это не описка принимавшего телефонограмму, то открытый подлог («Красный архив», 1934, т. 4-5 (65—66), стр. 183).

[23] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1211, л. 38.

[24] «Власть народа», 8 ноября 1917 г.

[25] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1. М., 1963, стр. 319. В это же время полковник Рябцев решил привлечь на свою сторону членов контрреволюционного «Союза бежавших из плена» (его комитет находился в гостинице «Дрезден» на Скобелевской площади). По свидетельству активной деятельности союза М. Не-

тября. Юнкера, занявшие Манеж и находившиеся в нескольких шагах от Троицких ворот Кремля, увидели, как к Кремлю прошла рота солдат 193-го полка, а ранним утром подъехали грузовики. Три из них проехали в Кремль к Арсеналу. Рябцеву, который находился в Кремле, сообщили, что на автомашины стали грузить винтовки и патроны. Он позвонил в Московский Совет рабочих депутатов и попросил к телефону его председателя. К телефону позвали В. П. Ногина, только что приехавшего из Петрограда: он выехал 25 октября в 8 час. вечера и прибыл в Москву утром.

Рябцев заявил Ногину официальный протест против «расхищения» оружия, настаивал на прекращении выдачи оружия и отозвании из Кремля солдат 193-го полка. Но при этом он добавил, что согласен рассмотреть вопрос о нормах выдачи оружия рабочим, предложив обсудить его в дальнейших переговорах.

В ряде воспоминаний и исследований этот первый разговор Рябцева с Ногиным рассматривается как предъявление ультиматума [26]. Однако в тот момент Рябцев не был готов на такой шаг: у него еще не было достаточных сил, да и Руднев признавал, что Комитет общественной безопасности не располагал «физической силой», поэтому Рябцев был крайне заинтересован в выигрыше времени.

Узнав о том, что Рябцев задерживает вывоз оружия, а юнкера окружили Кремль, Военно-революционный комитет, как уже отмечалось, призвал район к активным действиям: «показать штабу действительную силу», «осуществить фактическую власть», занимать милицейские комиссариаты.

Одновременно, видимо, по предложению Ногина, ВРК согласился начать переговоры с Рябцевым. Вести переговоры поручили В. П. Ногину и М. Ф. Владимирскому [27].

стерович-Берг, члены этого союза несколько раз обращались к Рябцеву с просьбой вооружить их, но Рябцев не решился прибегнуть к помощи союза, придерживавшегося явно корниловской ориентации. Лишь 26 октября в 11 ч. утра он вызвал в штаб МО представителей комитета и спросил, можно ли рассчитывать на то, что «Союз бежавших из плена» встанет на защиту Временного правительства. Ему ответили, что он сделал ошибку, не обратившись к Союзу раньше и не предоставив ему оружие.— Да, но вы забываете, что я всецело подчиняюсь Совету депутатов,— ответил Рябцев (*М. Нестерович-Берг.* В борьбе с большевиками. Париж, 1931, стр. 31).

[26] Так утверждает один из секретарей ВРК А. А. Додонова («Говорят участники Октябрьской революции». М.— Л., 1957, стр. 254—255). Возможно, ее мнение основывается на записанном в протоколе ВРК от 27 октября заявлении заместителя председателя исполкома Совета солдатских депутатов Н. Шубникова «об ультиматуме Рябцева разгрузить грузовики с винтовками под угрозой оставления за собой свободы действия» («Московский Военно-революционный комитет». М., 1968, стр. 50). По-видимому, Додонова смешала два разных факта: утренние переговоры 26 октября и вечерние 27 октября, когда Рябцев действительно предъявил ультиматум. В обоих случаях переговоры велись по телефону, и оба раза разговор вел В. П. Ногин.

[27] Эти две фамилии названы Ногиным в его официальном отчете Московскому Совету 9 ноября 1917 г. («Московский Военно-революционный комитет», стр. 55). В литературе называются и другие имена. О. М. Берзин писал, что в Кремль в полдень 26 октября приехали В. П. Ногин, Н. И. Муралов, А. Д. Блохин и, возможно, И. Н. Стуков (*Я. Я. Пече.* Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь. М., 1929, стр. 100); П. Виноградская пишет о комиссии из 6 человек, выделенной ВРК: 2 — от Совета рабочих депутатов (В. П. Ногин и М. Ф. Владимирский), 2 — от солдат (Н. И. Муралов и А. Я. Аросев), меньшевик и эсер (*П. Виноградская.* Октябрь

Во время переговоров Рябцев требовал, чтобы большевики вывели из Кремля роту 193-полка и прекратили вывоз оружия. Представители ВРК со своей стороны настаивали на том, чтобы штаб округа снял блокаду Кремля юнкерами и не мешал вооружению рабочих. В крайнем случае большевики соглашались на восстановление прежнего положения: роту 193-го полка уведут из Кремля, если будет снята его осада юнкерами.

Об этих переговорах Ногин позже рассказывал на совместном заседании исполнительных комитетов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, состоявшемся в 5 час. вечера 27 октября.

На заседании с сообщением о положении в Петрограде выступил Ногин. Его выступление носило примирительный характер. Он даже утверждал, будто в Петроградском ВРК представлены эсеры и меньшевики и что они якобы войдут в состав Советского правительства. Информацию Ногина дополнила представительница эсеров Е. М. Ратнер. Она заявила, что ЦИК Советов первого созыва не признает II Всероссийский съезд Советов и что исполком Совета крестьянских депутатов тоже не признает II съезда Советов и протестует против восстания.

Затем Ногин рассказал о положении в Москве и о переговорах с Рябцевым. По его словам, когда представители ВРК прибыли в Кремль, Рябцев заявил им, что он «не относится враждебно к Военно-революционному комитету и не желает идти против воли демократии» [28]. На вопрос Ногина, что он понимает под «волей демократии», Рябцев ответил, что «под волей демократии он подразумевает решения, вынесенные с. д.-большевиками и меньшевиками, с. р. и партией трудовиков», т. е. проект резолюции, выработанный бюро фракций Советов днем 25 октября до заседания пленума обоих Советов. Таким образом, эсеровская резолюция стала программой всей контрреволюции. Об исходе переговоров Ногин сказал: «Стороны пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть ликвидированы. Юнкера будут уведены, а Военно-революционный комитет отведет свои части». Вопрос об оружии, по словам Ногина, был решен в переговорах следующим образом: «По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил прислать представителя Военно-революционного комитета, чтобы совместно выработать норму вооружения рабочих» [29]. Свой доклад о положении в Москве Ногин закончил сообщением, что к нему явились представители частей Московского гарнизона с требованием «передачи всей власти в руки Советов».

в Москве.— «Новый мир», 1966, № 4, стр. 159). Так как переговоры с Рябцевым велись два дня, то не исключена возможность, что в разное время в них участвовали разные лица. Так, 27 октября утром ВРК обсуждал вопрос об охране Кремля и Арсенала. Было постановлено: «Поручается тт. Ногину, Емельянову (Ем. Ярославскому.— *И. М.*) и Смирнову урегулировать вопрос об отозвании из Кремля 193-го полка и 56-го полка путем переговоров с этими полками и Рябцевым» («Московский Военно-революционный комитет», стр. 49).

[28] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 27 октября 1917 г.

[29] Там же. Обращает на себя внимание, что в разговоре с Ногиным Рябцев скрывал свои контрреволюционные намерения, стремясь создать впечатление, что он заинтересован только в обсуждении чисто технических вопросов: о сохранности оружия и его распределении среди рабочих. Это еще раз свидетельствует о том, что Рябцев не хотел преждевременного разрыва, пытаясь маневрировать до укрепления своих позиций. Вряд ли можно считать такое поведение предъявлением ультиматума.

Затем, по сообщению «Известий», «были выслушаны делегаты от частей Кремлевского гарнизона, которые заявили, что они не покинут Арсенала и не отдадут его в руки юнкеров и казаков» [30].

Рябцев, еще не получивший в помощь никакой реальной силы или даже заверений Ставки о скорой присылке войск, продолжал тянуть время, ведя переговоры с ВРК. Член партийного центра от Московского областного бюро В. Н. Яковлева докладывала на расширенном пленуме Областного бюро, проходившем 9—10 ноября 1917 г.: «...26 октября вечером Рябцев предложил Военно-революционному комитету вступить в переговоры о способах ликвидации происшедшего» [31]. Предложение Рябцева обсуждалось на совместном заседании партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета, в состав которого к этому времени были кооптированы новые члены. На заседании выявилось два противоположных мнения. Одни настаивали на прекращении переговоров и необходимости начать решительное наступление. «Передышка в гражданской войне,— утверждали они,— несет выгоды не нам, а нашим противникам, которые во время нее стягивают и организуют свои силы; нас же передышка только дезорганизует, ибо массы организуются на действии, а не на переговорах в четырех стенах; кроме того, пойти назад — значит оставить без поддержки Петроград...» [32]. Другие, напротив, доказывали, что необходимо вести переговоры с Рябцевым, так как сил мало и нужна передышка для их организации. Г. А. Усиевич, разделявший эту точку зрения, позднее, в своем докладе объединенному заседанию исполнительных комитетов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов 7 ноября 1917 г. говорил: «Мы знали, что юнкера мобилизуются, для того, чтобы они пошли против Советов, достаточно было приказа их штаба, а нам нужно было еще собрать силы. Мы знали, что хотя за нами громадное большинство Московского гарнизона, что хотя за нас стояло громадное большинство рабочих, но это большинство было почти безоружно» [33].

Это мнение было поддержано большинством: 9 голосами против 5 было принято решение продолжать переговоры с Рябцевым [34].

---

[30] Там же.
[31] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 313.
[32] Там же.
[33] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». М., 1957, стр. 450.
[34] «Октябрь в Москве», стр. 354. По поводу даты этого заседания в литературе имеются разногласия. Авторы очень обстоятельной и хорошо документированной работы «Октябрь в Москве» считают, что заседание состоялось 27 октября, а поздно вечером 26 октября происходило экстренное заседание Московского городского комитета партии, Окружного комитета партии и Московского областного бюро РСДРП(б), участники которого «вынесли категорическое постановление о прекращении всяких переговоров с Рябцевым и дали наказ боевым центрам начать решительные действия» (стр. 353). При этом авторы монографии ссылаются на статью И. А. Пятницкого, помещенную в журнале «Коммунистический Интернационал» (1933, № 31, стр. 27). Составитель документов ВРК и автор примечаний к ним Э. В. Андреев-Рожен, писавший в 1934 г. и несомненно знавший статью из «Коммунистического Интернационала», с большим основанием к 26 октября относит заседание партийного центра и большевистских членов ВРК («Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 178—179). Член партийного центра В. Н. Яковлева еще в ноябре 1917 г. также указывала, что решение о продолжении переговоров с Рябцевым состоялось 26 октября вечером на совместном заседании партийного центра и большевистских членов ВРК («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 313).

Военно-революционный комитет разослал по районам телефонограмму, требующую приостановить наступление и занять строго выжидательную позицию [35]. Вечером в Кремль прибыли Н. И. Муралов и А. Я. Аросев и после новых переговоров с Рябцевым предложили вывести роту 193-го полка из Кремля. Рябцев также настаивал на выводе рот 56-го полка и замене их юнкерами, но солдаты с негодованием отвергли это предложение и едва не расстреляли Рябцева. Было согласовано, что Рябцев снимет оцепление Кремля юнкерами для пропуска роты 193-го полка. Рота стала готовиться к выходу, хотя солдаты 56-го полка были против этого [36]. Вечером Ярославский вместе с Аросевым уехали из Кремля. Рота 193-го полка ушла лишь 27 октября утром, когда юнкера сняли оцепление [37].

Постановление ВРК о прекращении наступления и занятии выжидательной позиции вызвало в массах недоумение, протесты, даже негодование: лишь несколько часов назад районы были призваны к решительным действиям, на местах с энтузиазмом принялись за выполнение призыва, и вдруг столь резкий поворот. Делегаты партийных организаций и военных частей беспрерывно прибывали в Московский Совет рабочих депутатов, настойчиво добиваясь отмены нового распоряжения. Так, делегация Замоскворецкого района потребовала немедленного прекращения переговоров и перехода в наступление [38].

Переговоры с Рябцевым, как показали события, с самого начала были ошибкой. Нарушалось одно из основных положений марксистского учения о восстании как искусстве, четко сформулированное Лениным: «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*» [39]. Поведение ВРК было отступлением и от другого марксистского положения о восстании: «Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны» [40]. Переговоры давали возможность контрреволюции выиграть время, мобилизовать свои силы, укрепиться в центре города и сохранить за собой инициативу наступательных действий. Тактика переговоров могла ослабить революционный порыв и дезориентировать массы, с такой решимостью поднявшиеся на восстание. Но в тот момент — утром 26 октября — переговоры еще могли быть маневром, прикрывающим наступление революционных сил: ведь Военно-революционный комитет одновременно призывал к наступлению. Такую тактику

Если согласиться с первым мнением, т. е. с тем, что 26 октября было вынесено решение о прекращении переговоров и они были прерваны, то трудно объяснить, во-первых, почему вечером того же дня ВРК разослал телефонограмму о занятии «выжидательной позиции», прекращении наступательных операций (наличие такого приказа ничем не подвергается сомнению); во-вторых, почему 27 октября утром ВРК поручил Ногину, Ярославскому и Смирнову «урегулировать вопрос» в переговорах с Рябцевым. По-видимому, постановление трех комитетов большевистской партии о прекращении переговоров относится к более позднему их этапу.

[35] «Очерки истории Московской организации КПСС», стр. 280.

[36] *Ем. Ярославский.* Как пролилась кровь.— «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 303.

[37] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 55.

[38] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 179.

[39] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 383.

[40] Там же.

Ленин, например, допускал при известных переговорах с Викжелем, когда они использовались как дипломатический маневр для прикрытия военных действий [41].

Г. А. Усиевич в своем докладе 7 ноября 1917 г. на заседании исполкомов обоих Советов подчеркивал, что переговоры в первый период сопровождались мобилизацией сил. «Мы шли во всем навстречу в этих переговорах. Это было необходимо, но, ведя эти переговоры, мы все-таки поставили на ноги весь Московский гарнизон. Это было необходимо, потому что, с одной стороны, мы имели вооруженную силу юнкеров против невооруженной силы солдат и рабочих. Ясно, что для того, чтобы с нами считались как с силой, чтобы Рябцев, Руднев и другие не думали, что они могут диктовать какие угодно условия, мы мобилизовали все свои силы» [42].

Но продолжать переговоры, призвав революционные войска занять выжидательную позицию, означало превратить сравнительно быстро поправимую ошибку в серьезную. А уроки гражданских войн учат, что карой за ошибки является поражение, во всяком случае огромные потери, ненужные жертвы.

Нельзя отрицать, что поведение руководителей московского восстания в какой-то степени объяснялось общим настроением: в Петрограде восстание победило быстро и на редкость бескровно, страна дружно поддержала его. На заседании ВРК утром 27 октября Усиевич сообщал, что 50 городов, среди них такие, как Киев и Харьков, уже присоединились к новой власти и что в Москве победа также обеспечена. В таких условиях старались избежать лишних жертв. Поэтому во всех документах Московского ВРК первых двух дней восстания говорилось о необходимости избежать кровопролития. «Они были готовы по первому сигналу пойти в бой,— говорил Усиевич в докладе 7 ноября о рабочих и солдатах,— но мы, товарищи, повторяю, всеми средствами этого боя избегали» [43]. Даже в план наступательных операций, разработанный штабом ВРК и обсужденный на совещании с представителями районов, был внесен пункт: «Наивозможно меньшее пролитие крови» [44].

Некоторые руководители московского восстания нередко поддавались иллюзиям, будто контрреволюция может мирно подчиниться смене властей: стремясь достигнуть победы «малой кровью», они вовлекли народные массы в длительную борьбу, стоившую много крови.

Большое значение в ошибочном поведении ВРК сыграло влияние В. П. Ногина, П. Г. Смидовича и группы их сторонников, которые занимали примиренческую позицию. Достаточно напомнить доклад Ногина на объединенном заседании исполкомов Московских Советов 26 октября, в котором он говорил, что в Петроградский ВРК вошли соглашатели и что они будут введены в Совет Народных Комиссаров, или заявление Смидовича на заседании ВРК 27 октября о том, «что до получения директив из Петрограда вся линия поведения с переходом к наступлению, принятая Военно-революционным комитетом, считается им ошибочной» [45].

---

[41] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.
[42] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 452.
[43] Там же.
[44] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 45.
[45] Там же, стр. 52.

Тем не менее это не помешало кооптации Смидовича в состав ВРК.

При оценке линии ВРК необходимо учесть и ту роль, которую играли меньшевики. Согласившись войти в состав ВРК, меньшевики, как уже отмечалось, заявили, что будут бороться против тех целей, для осуществления которых он создан. Они с лихвой выполнили свою угрозу. Уже на первом заседании ВРК в ночь на 26 октября меньшевики организовали обструкцию, произнося бесконечные речи, внося все новые и новые предложения, дезорганизующие его работу: они требовали пополнить состав Военно-революционного комитета представителями Викжеля и таких «демократических» учреждений, как земство и городская дума. При обсуждении приказа ВРК о подчинении ему войск гарнизона меньшевики настаивали на необходимости предварительно договориться со штабом военного округа. Оба предложения были отвергнуты.

Утром 26 октября меньшевики продолжили свою дезорганизаторскую деятельность: они потребовали приостановить движение революционных войск к Кремлю и раздачу оружия рабочим, вновь предлагали послать делегацию к Рябцеву, «чтобы столковаться с ним о мерах, могущих предотвратить кровопролитие» [46]. Большевики ответили, что будут «разговаривать со штабом после того, как уже будут приняты некоторые меры» [47].

Меньшевики выступали против закрытия буржуазных газет, настаивая в крайнем случае на перенесении вопроса в исполком Совета рабочих депутатов, резко возражали против призыва большевиков перейти к активным действиям. «Мы боремся против этого, энергично протестуем,— писали в своем обращении к населению меньшевистские представители в ВРК,— но не покидаем пока комитета, исполняя волю пославшей нас организации» [48].

Днем меньшевистские члены ВРК не явились на заседание, но вместо них пришли лидеры меньшевиков (И. А. Исув) и эсеров (Е. М. Ратнер), которые навязывали свое посредничество в переговорах с Комитетом общественной безопасности.

Комитету общественной безопасности, куда они также входили, меньшевики никаких условий не ставили. Правда, при обсуждении вопроса о создании комитета они грозились немедленно покинуть его, если он перейдет к репрессиям против рабочих, но затем дружно, без всяких обструкций работали с контрреволюционными деятелями в составе Комитета общественной безопасности. Это само по себе являлось еще одним подтверждением классовой сути меньшевиков: клясться именем пролетариата, а служить буржуазии. Эта классовая суть еще определеннее вскрылась на следующий день. 27 октября меньшевики предъявили Военно-революционному комитету следующий ультиматум: «Условием совместной работы в Военно-революционном комитете меньшевики ставят:

1. Подпись всех семи (членов Военно-революционного комитета.— *И. М.*) на исходящих от комитета бумагах, а при подписании двух-трех лиц оставляют за собой право апеллировать к населению при помощи газет и отдельных листков.

---

[46] «Вперед», 27 октября 1917 г.
[47] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 24.
[48] «Вперед», 27 октября 1917 г.

2. Делегирование от Совета рабочих депутатов представителя в «Комитет спасения» при думе (Комитет общественной безопасности.— *И. М.*).

3. Выполнение всех соглашений, достигнутых со штабом» [49].

Нетрудно видеть, что речь в этих предложениях шла о фактической ликвидации ВРК или как минимум о том, чтобы парализовать его деятельность: какой же это боевой орган, если ему придется во время боя разыскивать меньшевиков и бесплодно и бесконечно дискутировать, посылать ли тот или иной отряд для занятия правительственных учреждений?

Военно-революционный комитет поручил переговоры с меньшевиками П. Г. Смидовичу. Переговоры не увенчались успехом, и меньшевики вышли из состава ВРК.

Свой уход они мотивировали надуманными доводами. Во-первых, их-де не включили в состав делегации от Военно-революционного комитета на состоявшееся днем 27 октября гарнизонное совещание Совета солдатских депутатов совместно с полковыми и ротными комитетами. В действительности меньшевики принимали участие в гарнизонном совещании как члены представленных на нем организаций. Во-вторых, Военно-революционный комитет будто бы «отказался от рассмотрения их ультиматума», но ведь ВРК поручил одному из своих членов, Смидовичу, вести с ними переговоры» [50].

Уход меньшевиков, видимо, объяснялся не только провалом их попыток сорвать деятельность ВРК. Очень вероятно, что они были в курсе подготовляемого Рудневым и Рябцевым выступления против ВРК. Косвенным подтверждением этому служит второй пункт ультиматума меньшевиков: делегировать от Совета рабочих депутатов представителя в «Комитет спасения» при думе. Меньшевики знали, что Руднев прислал 27 октября письмо в Совет рабочих депутатов с предложением выделить своего представителя в КОБ [51]. Они тем самым фактически выступили в роли пособников контрреволюции. Их уход расчищал и облегчал дорогу контрреволюционерам: арестовать и предать суду оставалось только большевистских членов ВРК. Такой вывод подтверждается и тем, что меньшевики покинули ВРК утром 27 октября, а в Комитете общественной безопасности они оставались вплоть до начала контрреволюционного мятежа, способствуя подготовке выступления против рабочих и крестьян. Они ушли из КОБ только тогда, когда всеобщее негодование против пре-

---

[49] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 54. В обращении меньшевиков «Ко всем рабочим, солдатам и ко всему населению г. Москвы» ультиматум изложен несколько по-иному, но суть его та же:

«1. Все решения Военно-революционного комитета принимают только на его заседаниях после совместного обсуждения.

2. Официальными решениями комитета считаются только те, которые приняты единогласно и под которыми имеются подписи и меньшевиков.

3. Немедленно должны быть прекращены все действия, направленные к захвату Кремля и Арсенала.

4. Военно-революционный комитет с целью восстановления единства революционного фронта немедленно предлагает исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов принять меры к организации общедемократического комитета с участием представителей всех революционно-демократических организаций» («Вперед», 28 октября 1917 г.).

[50] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 54.

[51] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 183.

ступного нападения контрреволюции охватило народные массы. Отозвав после этого своего представителя из Комитета общественной безопасности (там сидел от меньшевистской фракции Совета солдатских депутатов К. В. Калмыков), они ни звуком не обмолвились о своем пособничестве контрреволюции, но зато ханжески уверяли, будто партия меньшевиков считает недопустимым присутствие ее членов в таких учреждениях, «действия которых выражаются в применении вооруженной силы против рабочего класса, хотя бы и заблуждающегося в своем выступлении» [52].

Правые эсеры, войдя в состав Комитета общественной безопасности, стали его руководящей силой не только потому, что преобладали в нем количественно. Они с особой активностью проводили его контрреволюционную политику. В деятельности московских эсеров наглядно проявилась общая закономерность развития эсеровской партии. Руководители Комитета общественной безопасности Руднев, Коварский и Студенецкий были не «мартовскими» эсерами, а являлись старыми деятелями партии, той партии, которая начала свой путь с индивидуального террора против сатрапов царизма, а завершила его массовым террором против московских рабочих. От партии радикальной мелкой буржуазии, левого крыла буржуазной демократии в условиях буржуазной революции к партии реакционной мелкой буржуазии в условиях пролетарской революции — такова была эволюция правых эсеров.

Эсеры в Комитете общественной безопасности незаконно прикрывались авторитетом Совета солдатских депутатов, ибо в состав Комитета общественной безопасности входили только представители от эсеро-меньшевистской части президиума исполкома Совета солдатских депутатов, но сам Совет и его президиум на заседании полковых и ротных комитетов уже 26 октября были лишены полномочий.

Помогало эсерам и то, что их левое крыло было слабо организационно оформлено, не проявляло себя активно. Лишь убедившись, что солдаты поддерживают ВРК, и боясь окончательной изоляции от масс, левые эсеры попытались установить с ним более тесную связь. Утром 27 октября три эсера — два от Совета солдатских депутатов и один от Совета рабочих депутатов — явились в ВРК и заявили о желании войти в его состав при условии его реорганизации на следующих основаниях: «7 членов от Советов рабочих и солдатских депутатов, выбранных на основе пропорционального представительства, член от Совета крестьянских депутатов, 1 — от думы, 1 — от земства, 1 — от Викжеля, 1 — от союза почтово-телеграфных служащих, 1 — от Центрального бюро союза горслужащих, 1—от Центрального бюро профессиональных союзов, 1— от Красной гвардии, все с правом решающего голоса, и 1 — от военного штаба с правом совещательного голоса».

В своем заявлении, кроме предложения о реорганизации ВРК, эсеры намечали и его политику: «В основу работы кладутся следующие принципы: вооружение рабочих; комитет является полновластным органом впредь до создания центральной власти; создание в центре однородной социалистической власти» [53].

Это был серьезный шаг в сторону организации действительно революционного органа власти: полный отказ от коалиции с буржуазией,

---

[52] «Вперед», 28 октября 1917 г.
[53] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 53.

преобладание в ВРК представителей Советов при ослаблении роли штаба Московского военного округа, представителю которого давалось лишь право совещательного голоса.

Военно-революционный комитет решил обсудить предложение левых эсеров. Было постановлено принять его в принципе, но внести поправки, подчеркивающие безусловно революционный характер нового органа власти. Предлагалось, во-первых, дополнительно ввести в Военно-революционный комитет одного представителя от Совета районных дум и одного — от губернского Совета рабочих депутатов (этими организациями руководили большевики). Военно-революционный комитет, таким образом, добивался безусловного преобладания большевиков в революционном органе.

Вторая поправка касалась принципа работы революционного органа. Она гласила: «Признать основным принципом совместной работы поддержку Петроградского Совета рабочих депутатов; если же социалисты-революционеры будут настаивать на отсутствии этого указания, то при признании этого принципа на словах не упоминать об этом, в то же время исключив и простое указание на создание однородной социалистической власти» [54].

Переговоры с левыми эсерами было поручено вести Г. А. Усиевичу. Левые эсеры приняли поправки, и соглашение можно было считать состоявшимся. Участники переговоров направились на гарнизонное собрание, назначенное на 3 часа дня 27 октября. Созыв его был намечен еще президиумом исполкома Совета солдатских депутатов, который надеялся отменить решение солдатских комитетов от 26 октября о выполнении только приказов ВРК. Но после того как члены президиума исполкома Совета вошли в состав Комитета общественной безопасности и тем самым открыто перешли на сторону контрреволюции, президиум стал рассылать телефонограммы против подчинения гарнизона приказам ВРК, эсеры сами отказались от созыва гарнизонного собрания. Тогда его созвал ВРК. На собрании присутствовало более 2 тыс. представителей гарнизона. Доклад о достигнутом с левыми эсерами соглашении сделал Усиевич (вместе с П. Н. Мостовенко он был официально направлен на это совещание постановлением ВРК) [55]. «Насколько уже всем казалось тогда, что соглашение близко к осуществлению,— докладывал Усиевич после разгрома мятежников 7 ноября на объединенном заседании исполкомов обоих Советов,— видно из того, что после этого многие представители всех фракций и большевиков и меньшевиков, эсеры и беспартийные отправились вместе на гарнизонное собрание... Что все были согласны, видно из того, что мне, большевику, было поручено сделать от имени всех фракций доклад о положении дел и о том, что соглашение почти состоялось... Это сообщение я и сделал на гарнизонном собрании» [56]. Постановление ВРК о соглашении с левыми эсерами было известно меньшевикам: их представители присутствовали на гарнизонном совещании. Условия соглашения с левыми эсерами были сообщены в Комитет об-

---

[54] Там же, стр. 53—54. Таким образом, ВРК выступил против создания в центре «однородной социалистической власти», понимая, что таким маневром меньшевики и эсеры хотят растворить большевиков в общей массе «социалистов», не допустив установления диктатуры пролетариата.

[55] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 451, 452.

[56] Там же, стр. 51.

щественной безопасности в письме П. Г. Смидовича, которому ВРК поручил «войти в переговоры с меньшевиками по поводу их ультиматума» [57]. В письме Смидовича излагалось постановление ВРК о принципах создания органа власти и предлагалось предварительно созвать особое совещание из представителей Советов, городской думы и партий (фракций большевиков, меньшевиков и эсеров), первой задачей которого должна была стать выработка мер, «гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями» [58]. О самом органе власти в письме говорилось, что «созданный орган является единственным и высшим органом г. Москвы, распоряжениям которого все учреждения и организации г. Москвы, как частные, так и общественные и государственные, безусловно подчиняются». Состав органа утверждается пленумом Советов, он может утверждаться и организациями, представленными в Особом совещании [59].

Оказалось, однако, что левые эсеры переоценили свою роль. Их правые коллеги, заседавшие в Комитете общественной безопасности и сохранившие руководство в президиуме исполкома Совета солдатских депутатов, категорически высказались против соглашения. Отверг соглашение и Комитет общественной безопасности. Его цели определенно были выражены в письме Руднева, присланном в Московский Совет рабочих депутатов 27 октября. «В связи с производимой партией социал-демократов-большевиков попыткой захвата власти в Петрограде и на местах,— писал Руднев,— по соглашению нижеследующих организаций в Москве образован Комитет общественной безопасности». Далее Руднев перечислял эти организации: 1) городская дума, 2) уездное земство, 3) президиум исполкома Советов солдатских депутатов, 4) исполнительный комитет крестьянских депутатов, 5) Московский совет Всероссийского почтово-телеграфного союза, 6) Центральное бюро всероссийских железных дорог. Упустив в перечислении состава КОБ нарочито, а может быть, случайно штаб округа, председатель Комитета общественной безопасности изложил задачу комитета: охрана безопасности населения в период кризиса власти впредь «до разрешения его компетентными органа-

[57] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 51.

[58] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 190.

[59] В литературе высказано предположение, что письмо Смидовича было ответом на предъявленный позже — в 7 час. вечера — ультиматум Рябцева: оно было направлено через меньшевика И. А. Исува в Комитет общественной безопасности в ночь на 28 октября («Октябрьское восстание в Москве». М., 1922, стр. 199—200; *Е. Н. Игнатов*. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г. М., 1925, стр. 371—372).

Такое предположение как будто бы находит подтверждение в одной из телеграмм, рассылавшихся по области Московским областным бюро Советов (МОБЮС), находившимся в руках эсеров и меньшевиков: «[В] Москве «Комитет спасения» (речь идет о Комитете общественной безопасности.— *И. М.*) предъявил революционному комитету ультиматум о роспуске. Революционный комитет отвергнул ультиматум, предложил организовать новый общедемократический комитет в составе Советов, самоуправлений, партий. «Комитет спасения» этого предложения не принял, настаивая на ультиматуме» (ГАМО, ф. 683, оп. 3, д. 105, л. 13).

Но вряд ли это верно. Во-первых, в самом письме Смидовича говорится о создании особого совещания для принятия «спешных мер, гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями», а между тем сразу после ультиматума Рябцева начались столкновения; во-вторых, ультиматум Рябцева был отвергнут ВРК единодушно, и никто не мог без его ведома продолжать в ту же ночь переговоры с контрреволюционерами.

ми демократии». В письме подчеркивалось, что «комитет устраняет какую-либо политическую платформу». Но в противоречии с этим в письме говорилось: «Организации объединены, кроме вышеуказанной текущей задачи, только одним гражданским убеждением: не может быть в республике признан законным способ насильственного захвата власти меньшинством против воли большинства, каковыми являются действия Военно-революционного комитета».

Письмо заканчивалось предложением Совету рабочих депутатов послать своих делегатов в комитет, но было оговорено, что посылать нужно не тех, кого Совет найдет нужным, а тех, «кто стоит на вышеуказанной точке зрения» [60].

Сомнений не было: восстание народных масс объявлялось выступлением меньшинства, Военно-революционному комитету приписывался насильственный «захват власти», и он, следовательно, подлежал роспуску, а вся партия большевиков, почти четырехкратным большинством пленума Московских Совета рабочих и Совета солдатских депутатов получившая полномочия на создание органа власти, исключалась из числа тех, кто должен был «организовать власть».

Эсерам и кадетам уже мерещилась не только власть в Москве, но и принятие «бремени» управления всей страной. В Москву приехал бывший министр продовольствия С. Н. Прокопович [61] и приступил к «созданию» нового правительства. Из Петрограда были вызваны оставшиеся на свободе бывшие товарищи министров. В Москву срочно прибыли товарищи министров: финансов Ф. Г. Хрущев, исповеданий С. А. Котляревский, торговли и промышленности Л. Б. Кафенгауз, земледелия Н. Д. Кондратьев, юстиции Г. В. Филатьев [62].

Прежде всего предполагалось (благо налицо был бывший министр) создать Министерство продовольствия; для него уже подбирали штат сотрудников. Штаб Московского военного округа, хорошо осведомленный о планах Комитета общественной безопасности, 27 октября сообщал: «Все (министерства.— *И. М.*), кроме Министерства иностранных дел, представлены в данное время в Москве, завтра приедут остальные, и здесь, в Москве, будет, по-видимому, объявлено временным правительством Министерство продовольствия со всем техническим аппаратом. Уже здесь налаживается технический центр, остальные приедут с минимальным техническим аппаратом» [63].

Руднев в качестве недавно избранного председателя Главного комитета Союза городов, как это было условлено с министром низложенного

---

[60] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 189. Э. В. Рожен предположил, что письмо Смидовича могло быть ответом на это письмо Руднева, предлагавшего Совету рабочих депутатов прислать представителей в состав Комитета общественной безопасности. На основании имеющихся в настоящее время данных можно считать, что письмо Смидовича не являлось ответом ни Рябцеву, ни Рудневу. Во-первых, условия создания органа власти были утверждены ВРК на заседании утром 27 октября; во-вторых, они были оглашены Усиевичем на гарнизонном собрании в 3 часа дня 27 октября, на котором присутствовали эсеры и меньшевики; в-третьих, в протоколе утреннего заседания ВРК записано, что Смидовичу поручаются переговоры с меньшевиками, во время которых он и мог передать письмо для Комитета общественной безопасности.

[61] Прокопович был арестован во время восстания в Петрограде, но, как и другие министры-«социалисты», освобожден ВРК.

[62] «Труд», 28 октября 1917 г.

[63] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 50—51.

Временного правительства А. М. Никитиным, разослал в городские думы и земские учреждения страны телеграммы, предлагавшие «немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву съедутся для организации поддержки Учредительному собранию» [64].

Съезд представителей городских управлений и земств в Москве не только противопоставлялся II Всероссийскому съезду Советов, но на него возлагалась задача, как в свое время на земские соборы, учредить, «короновать» новое правительство. В телеграмме Духонину 27 октября Руднев следующим образом охарактеризовал планы контрреволюции: «Помимо задачи борьбы с большевиками, *перед Москвой встала необходимость организовать временное правительство.* Комитет (общественной безопасности.— *И. М.*) предполагает создать немедленно технический аппарат для обслуживания продовольствия и снабжения фронта и страны, обеспечив в ближайшем же будущем возможность демократии выразить свою волю относительно характера будущего правительства путем созыва съезда общественных организаций, демократического управления и Советов» [65].

Эти данные убедительно говорят, насколько неправильным было бы рассматривать историю установления Советской власти в Москве изолированно от общеполитической борьбы в стране. Они подтверждают, что антисоветский мятеж в Москве являлся звеном общих замыслов контрреволюции.

Выполнение последних требовало подавления Советской власти в Москве. Руднев в вышеприведенной телеграмме подчеркивал это. «Но дальнейшие планы по спасению родины,— телеграфировал он,— зависят от успехов, от того, *удастся ли подавить решительно большевизм в Москве*» [66].

Рябцева торопили начинать военные действия. Впрочем, полковник и сам не мешкал.

Используя переговоры для прикрытия, Рябцев спешно собирал силы. Были взяты на учет офицеры, находившиеся в отпусках или на излечении в Москве. Многие из них сами являлись с предложением услуг. Их направляли в Александровское военное училище, где было припасено оружие. «У входа в училище,— рассказывал один из офицеров, участник событий,— густая толпа: не пройти... Вокруг нас — обычная суета штабов: взад и вперед мчатся вестовые и адъютанты. В это же время множество офицеров толчется без дела, скучая и мешая другим. За большим столом в глубине канцелярии капитан Генерального штаба чрезвычайно воинственного вида с нетерпением ищет что-то в груде бумаг. Нас подвели к нему.

— Желаете сражаться?.. Имя, фамилия?

Он мельком оглянул нас и записал в большую книгу.

— Вот возьмите ружье,— он показал на груду винтовок в углу,— и идите наверх, там вас куда-нибудь пристроят» [67].

В распоряжении Рябцева были многие генералы и штабные офицеры. Он заранее подготовил план боевых действий.

---

[64] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 26.
[65] Там же, стр. 31 (курсив наш.— *И. М.*).
[66] Там же (курсив наш.— *И. М.*).
[67] ЦГАОР СССР, ф. 6720, оп. 1, д. 2, л. 9.

Штаб округа приступил к массовому вооружению контрреволюционно настроенных групп студенчества и молодежи. Из них формировались боевые дружины. Запись в дружины производилась с 26 октября по инициативе студентов, членов партии кадетов. 27 октября в Богословской аудитории Московского университета состоялось собрание представителей разных факультетов. Заслушав доклады студентов Лазаревского и Коммерческого институтов, а также предложение представителя Московского военного округа всем записавшимся в дружины явиться в Александровское военное училище, контрреволюционные группы студенчества приняли резолюцию о вооруженной поддержке штаба, городской думы и Временного правительства [68].

То, что контрреволюционерам приходилось использовать такие случайные, наспех сколоченные формирования, свидетельствовало о том, что у нее явно недоставало боевых сил. Надежда на помощь постепенно исчезала. Уже 27 октября стали поступать неутешительные известия из гарнизонов области. Командир 89-го запасного пехотного полка телеграфировал из Костромы, что не может прислать в Москву кадровую роту «за неимением таковой» [69]. Из Орла Рябцев затребовал 300 солдат, но созданная Советом «пятерка» запретила выезд, приняв постановление о подчинении гарнизона только ее распоряжениям [70]. Юнкера из Чугуева в числе 1200 с орудиями и пулеметами собрались было в Москву, но комитет железнодорожников отказался дать им вагоны [71]. Лишь из Галича 27 октября пришла телеграмма о том, что «выслано 74 человека и 3 офицера ввиду просьбы о помощи для подавления беспорядков» [72], но это еще раз показывало, как мало можно ждать от гарнизонов области. Оставалась надежда на присылку войск Ставкой.

С фронтовым командованием говорили по прямому проводу неоднократно: Рябцев — со Ставкой, а Руднев — с Минском, где помещался ближайший к Москве штаб Западного фронта.

В течение первого дня после создания в Москве ВРК, 26 октября, сама Ставка еще выжидала развития событий: ответы, которые она давала Рябцеву, были весьма неопределенными. В 5 час. вечера помощник начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубов сообщал комиссару Юго-Западного фронта меньшевику Н. И. Иорданскому: «[В] Москве положение еще не определилось. Кремль и штаб округа в руках восставших. Городская дума объединила вокруг себя все преданные Временному правительству элементы. Положение выясняется» [73].

Позднее Ставка получила очень тревожную телеграмму о положении в Москве. Московский городской комиссар Б. Н. Григоров и губернский комиссар А. А. Эйлер, представители бывшего Временного правительства, не допущенные на заседание городской думы, минуя все инстанции, обратились непосредственно в Ставку с мольбой о помощи. «Московский штаб округа,— телеграфировали они верховному главнокомандующему Н. Н. Духонину уже 26 октября,— бессилен оказать противодействие мятежникам, которыми захвачен Кремль. Фактически командного соста-

---

[68] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 181; «Октябрь в Москве», стр. 355.
[69] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1211, л. 38.
[70] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 319.
[71] «Власть народа», 8 ноября 1917 г.
[72] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1211, л. 39.
[73] Там же, ф. 2103, оп. 2, д. 202, лл. 154—155.

ва нет. Вокруг городской думы, верной Временному правительству, образовался Комитет общественного спасения. Воинские части, верные Временному правительству, не имеют руководства. Необходима срочная помощь фронта» [74].

Ночью 26 октября, как говорится выше [75], Ставка решила помочь Москве. Уже утром на следующий день из Ставки в Москву полетела телеграмма, в которой властям предлагалось немедленно прекратить «насильственные большевистские действия», добиться отказа восставших от вооруженного захвата власти и их безусловного подчинения Временному правительству [76]. Телеграмма была адресована «Всем, всем, всем» и подписана Духониным, Вырубовым, временно исполнявшим обязанности верховного комиссара при Ставке подполковником Ф. М. Ковалевским и председателем Общеармейского комитета С. В. Перекрестовым. Видимо, Ставка начала выходить из временного шока, вызванного победой восстания в столице. Но в этой телеграмме еще не говорилось о помощи Москве извне. Только несколько часов спустя последовал ответ Духонина на призыв московских городского и губернского комиссаров Григорова и Эйлера: «Совместно с армейскими комитетами принимаю меры помощи Москве и освобождения ее от мятежников» [77].

С этого момента Ставка стала развивать энергичную деятельность по оказанию помощи Рябцеву. Юго-Западному фронту было приказано направить в Москву бригаду кавалерии. Командующий Западным фронтом генерал П. С. Балуев, с которым непосредственно сносился Руднев, знал, в чем нуждается московская контрреволюция. В срочной телеграмме Духонину Балуев, ссылаясь на сообщение Руднева, писал: «Вокруг думы образовался Комитет общественной безопасности, но не надеется своими силами побороть выступление большевиков и просит дать для поддержки войск и, главное, артиллерию. С фронта могу послать только артиллерию, на что прошу указания» [78]. Рудневу 27 октября генерал Балуев прислал срочную телеграмму: «На помощь против большевиков в Москву двигается кавалерия». Относительно артиллерии он сообщал: «Испрашиваю разрешения Ставки выслать артиллерию». Балуев выразил уверенность, что «Москва как собирательница России соединит всех верных сынов ее и спасет родину» [79]. Разрешение на посылку артиллерии с Западного фронта было дано: она должна была подойти к Москве 28 октября.

Положению в Москве придавали столь большое значение, что Духонин не ограничился только этими силами. 27 октября в 13 час. 20 мин. он послал телеграмму в штаб Румынского фронта с пометкой: «Срочно, вне всякой очереди». «Благоволите в контакте с комиссаром и комитетами,— говорилось в ней,— немедленно избрать части и сформировать отряд, примерно 6 батальонов, 18 орудий, 6 сотен, для отправки [в] Москву с целью подавления мятежников, восставших против Временного прави-

---

[74] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 272—273.
[75] См. стр. 115.
[76] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1943, стр. 404; «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 29.
[77] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 30. Последовательность телеграмм устанавливается по исходящим номерам.
[78] Там же, стр. 31.
[79] Там же, стр. 30.

тельства и захвативших власть» [80]. Духонин, следовательно, не сомневался в том, что в Москве произошло восстание и власть перешла в руки восставших.

Между тем в Москве контрреволюционеры проявляли нетерпение, добиваясь более точных данных о количестве войск и сроках их прибытия. Старший адъютант штаба Московского военного округа Тишенинов по поручению Рябцева в 13 час. 40 мин. 27 октября вызвал начальника связи Ставки Сергиевского и спросил его о местонахождении эскадронов, запрошенных еще 23 октября с Юго-Западного фронта. Из Ставки ответили, что эскадроны будут погружены в эшелоны 28 октября [81]. На вопрос Ставки, откуда Тишенинов ведет разговор, адъютант сообщил, что он говорит с Главного телеграфа Москвы, который занят большевиками, но их караул находится только снаружи. Адъютант закончил просьбой ускорить присылку войск. Таким образом, около 2 час. дня Рябцев уже знал, что кавалерия скоро начнет движение к Москве.

Сразу после разговора с Москвой Ставка связалась со штабом Юго-Западного фронта. Оттуда подтвердили, что эшелоны с кавалерийской бригадой будут двинуты на Москву 28 октября. Ставка решила ускорить отправление.

Часа через два после разговора со штабом Юго-Западного фронта генерал-квартирмейстер Ставки М. К. Дитерихс вызвал Москву. Прежде всего он проверил, с кем говорит: очевидно, в Ставке опасались, что большевики исправили свою ошибку и ввели караул в аппаратную штаба округа. Убедившись, что разговор идет с представителем штаба Московского военного округа, генерал Дитерихс попросил срочно передать Рябцеву следующее: «Сейчас начала погрузку бригада кавалерии с артиллерией, направленная нами в ваше распоряжение. Начнет прибывать утром 30 [октября]. Благоволите принять меры, чтобы бригада была встречена до прибытия в Москву представителями Комитета общественной безопасности, дабы оградить ее от влияния посторонних смутьянов» [82].

Генералы учли неудачный опыт посылки войск на Петроград и, опасаясь влияния революционной агитации, требовали, чтобы на этот раз прибывающие части были встречены до подхода к Москве.

Дитерихс попросил также передать Керенскому телеграмму о выполнении всех его распоряжений. Через Москву, следовательно, шел главный канал связи с бежавшим Керенским, так как прямой связи с ним Ставка в эти дни не имела. Затем генерал спросил о положении в Москве. В этот момент впервые и совершенно неожиданно для себя Ставка получила информацию совсем иного характера. Москва сообщала: «Громадное большинство войск [на] стороне Временного правительства. Большевики покинуты почти всеми. Мечутся туда и сюда, но бесполезно». Это было не официальным донесением, а выражением настроения говорившего с Дитерихсом, обрадованного сообщением о присылке помощи с фронта, а главное, только что полученными в Москве сообщениями Керенского. «Вот последняя новость от Керенского, телеграмму которого вы скоро получите»,— сказали из Москвы.

---

[80] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 201.
[81] Там же, лл. 213, 214.
[82] Там же, л. 216.

Действительно, в 16 час. 25 мин. Керенский, как уже указывалось, разослал телеграмму «Всем, всем, всем». В ней говорилось о взятии Гатчины войсками, верными Временному правительству.

Взятие Гатчины войсками Керенского существенно меняло положение контрреволюции в Москве: казалось, что часы революционного Петрограда сочтены, а с его падением все силы контрреволюции могут быть обращены против Москвы.

Наконец, из Ставки поступила официальная телеграмма командующему войсками Московского военного округа Рябцеву (копия городскому голове Рудневу): «Для подавления большевистского движения Ставкой посылается в ваше распоряжение гвардейская бригада с артиллерией с Юго-Западного фронта, начнет прибывать в Москву 30 октября, и с Западного фронта — артиллерия с прикрытием» [83].

Генерал Духонин, как и Дитерихс, рекомендовал встретить войска до прибытия в Москву. «Необходимы решительные действия совокупными силами,— требовал он,— для полного подавления мятежников, поднявших смуту в сердце России».

В Москву с Юго-Западного фронта направлялась 4-я кавалерийская бригада, состоявшая из Гродненского гусарского и Варшавского уланского полков с артиллерией (их прибытие намечалось 30 октября), с Западного фронта — Сибирская казачья артиллерийская батарея с взводом Кавказской кавалерийской дивизии (они должны были прибыть 28 октября). К этим частям следует прибавить отряд, направлявшийся с Румынского фронта. Всего, таким образом, в первые же два дня восстания только с фронта (не считая войск, вызванных из области) предполагалось послать в Москву 6 батальонов пехоты, 19 кавалерийских эскадронов и казачьих сотен и почти 30 орудий. Кроме того, атаман Каледин согласился прислать с Дона казачью дивизию.

Контрреволюции в Москве удалось оттянуть решительное сражение, создать свой центр — Комитет общественной безопасности, под прикрытием переговоров организовать свои военные силы — отряды юнкеров, офицеров и добровольческие дружины.

В то же время Комитет общественной безопасности и штаб Московского военного округа видели, что власть Советов укрепляется. Уже действовали районные ВРК, ставшие фактической властью; комиссариаты милиции были заняты восставшими; буржуазные газеты закрыты. Районные думы уже признали власть Московского ВРК и подчинялись его постановлениям. Полки и части гарнизона заявили, что выполняют приказы лишь ВРК, и избрали большевистские комитеты, отказавшись считаться с эсеро-меньшевистским Советом солдатских депутатов. Запасная артиллерийская бригада полностью перешла на сторону ВРК, избрав большевистский комитет. Среди эсеров начались колебания: левые группы вступили в переговоры с Военно-революционным комитетом.

Ждать дальше прибытия войск с фронта значило для контрреволюции дать Советской власти время, в течение которого она могла бы еще более укрепиться. «Двухдневные попытки предотвратить гражданскую

---

[83] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 19. В исторической литературе указывается, что эта телеграмма поступила 27 октября, до выступления юнкеров, но в деле, из которого взята телеграмма, указано точное время ее отправления: 4 час. 11 мин. 28 октября. Впрочем, это не меняет дела: Рябцев знал о присылке войск с фронта уже днем 27 октября.

войну привели только к усилению позиции большевиков и уменьшили наши шансы» [84],— сообщал Руднев в штаб Западного фронта для передачи Духонину. В этой телеграмме, посланной около полуночи 27 октября, Руднев с сожалением отмечал, что помощь придет только 30 октября. «Поддержите прежде всего телеграммой»,— просил Руднев.

Телеграмма с обещанием помощи, как отмечалось, пришла, но главным было, пожалуй, сообщение о занятии Гатчины Керенским; полагали, что войска Временного правительства уже через день-два вступят в Петроград. И контрреволюция в Москве решила выступить. «Сегодня,— сообщал Руднев в той же телеграмме,— Комитет (общественной безопасности.— *И. М.*) принял решение: опираясь на вооруженную силу, попытаться сломить большевиков» [85]. По указанию Комитета общественной безопасности Рябцев прервал переговоры с восставшими и в 7 час. вечера 27 октября предъявил ультиматум: «распустить Военно-революционный комитет», отдать Кремль, революционным частям сдать оружие, взятое в Арсенале [86].

Комитет общественной безопасности немедленно объявил:

«После деятельной попытки путем соглашения с Военно-революционным комитетом большевиков предотвратить гражданскую войну, попытка, которая была использована Военно-революционным комитетом не для ликвидации, а для дальнейшего развития мятежных действий, Комитет общественной безопасности предложил командующему войсками объявить военное положение.

С настоящего момента военное положение объявлено. Вся политическая власть в Москве сосредоточивается в руках Комитета общественной безопасности, вся военная власть — в руках командующего войсками округа подполковника Рябцева.

Военно-революционному комитету предложено сдаться, очистить Кремль и телеграфную станцию.

Комитет общественной безопасности.
27 октября, 19 часов» [87].

Военно-революционный комитет и члены партийного центра, обсудив ультиматум, единодушно отвергли его. Ногин по телефону сообщил Ряб-

---

[84] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 30.

[85] Там же.

[86] «Социал-демократ», 28 октября 1917 г. Дополнительный листок.

[87] «Солдат-гражданин», 28 октября 1917 г. Документа с текстом самого ультиматума в нашем распоряжении нет. Все участники событий сообщают, что ультиматум был передан по телефону, хотя называют разные сроки его предъявления (*Г. Ломов.* В дни бури и натиска.— «Москва в октябре 1917 г.» Сборник. М., 1919, стр. 42; *Н. Муралов.* Октябрь — ноябрь.— Там же, стр. 56; *В. П. Ногин.* Отчет Московскому Совету 9 ноября 1917 г.— «Московский Военно-революционный комитет», стр. 55; *В. Яковлева.* Доклад о деятельности ВРК на пленуме Московского областного бюро 9 ноября 1917 г.— «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 314). Мы приводим сообщение об ультиматуме в том виде, в каком оно было опубликовано газетой «Социал-демократ» (см. сн. 86). Оно мало чем отличается от приведенного в объявлении Комитета общественной безопасности. В. Н. Яковлева в своем докладе говорила, что в ультиматуме был пункт о следствии над виновниками начала гражданской войны и предании их суду. Об угрозе ареста во время последних переговоров с Рудневым упоминает и Г. Ломов. Если даже этого пункта в тексте ультиматума и не было, все поведение контрреволюции указывает на то, что он подразумевался.

цеву о категорическом отказе принять ультиматум. Тогда по приказанию Рябцева контрреволюционные силы немедленно перешли в наступление. Об этом Рябцев сообщил в Ставку (его телеграмма была получена там в 21 час 25 мин.): «Военные действия начаты. Требуется скорейшее прибытие вашей поддержки». Духонин наложил на телеграмме резолюцию: «Помощь послана» [88].

Руднев со своей стороны сообщил об ультиматуме в Ставку. В телеграмме, отправленной в штаб Западного фронта и оттуда по его просьбе пересланной в Ставку (27 октября в 23 час. 45 мин.), Руднев писал: «Предъявлен ультиматум. В 7 час. вечера по истечении срока начались военные действия против Кремля. Есть раненые. Ввиду настроения в гарнизоне и в рабочих кругах задача овладеть положением в Москве нелегкая. Не теряем мужества, но категорически требуем поддержки с фронта» [89].

Антисоветский мятеж в Москве при поддержке контрреволюционной Ставки начался [90].

Об ультиматуме Рябцева знали меньшевики. Выйдя из состава ВРК, они, однако, оставались в Совете рабочих депутатов, продолжая вести свою дезорганизаторскую работу среди красногвардейцев и солдат. Полукадетские коллеги меньшевиков писали не без иронии в своей газете: «Меньшевики, вышедшие из состава «семерки» (т. е. ВРК.— *И. М.*), считают невозможным покинуть территорию Совета, чтобы не уходить от пролетариата в трагический момент его истории» [91].

Меньшевики вновь стали стучаться в двери ВРК, назойливо предлагая свое посредничество в переговорах с Комитетом общественной безопасности. «Представители партии меньшевиков,— так писали они сами о своей инициативе,— после получения этого ультиматума революционным комитетом... для предотвращения грозящего кровопролития решили принять на себя переговоры по этому поводу...» [92].

ВРК не стал обсуждать предложения меньшевиков. Пользуясь тем, что Смидовичу было поручено вести переговоры с меньшевиками по поводу их требований, лидер меньшевиков Исув предложил ему свои услуги для передачи Комитету общественной безопасности условий, на которых ВРК согласен ликвидировать «конфликт». Смидович вручил Исуву письмо, в котором излагалось известное нам постановление ВРК о принципах создания органа власти в Москве.

Поздно вечером 27 октября Исув отправился с письмом Смидовича в Комитет общественной безопасности. Там отказались его обсуждать, по-

---

[88] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 243.

[89] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 31. В телеграмме вместо «категорически» написано «катастрофически».

[90] Насколько в Ставке были уверены в скором подавлении революции, можно судить по ответу начальника связи Ставки полковника Сергиевского московскому Комитету общественной безопасности: «Сведения из Москвы доложены генерал-квартирмейстеру главнокомандующего. Повсюду сегодня успех в борьбе с... большевиками. От них освобожден штаб Западного фронта. С минуты на минуту ожидаем водворения власти Временного правительства в Петрограде. Дело большевиков проиграно» («Солдат-гражданин», 28 октября 1917 г.). Ответ этот еще раз подтверждает, что в Ставке считали мятеж в Москве, как и все другие контрреволюционные выступления, звеньями единого плана.

[91] «Власть народа», 28 октября 1917 г.

[92] «Вперед», 28 октября 1917 г.

требовав безоговорочного выполнения ультиматума Рябцева. В Комитете общественной безопасности представителю меньшевиков заявили «совершенно категорически, что в какие бы то ни было дальнейшие переговоры до исполнения ультиматума он вступать отказывается» и Комитет, таким образом, занял совершенно непримиримую позицию [93]. С этим ответом Исув к 3 час. утра 28 октября вернулся в Совет, который был осажден и подвергался обстрелу юнкерами, поднявшими мятеж против Советской власти в Москве.

Главным опорным пунктом мятежников было Александровское военное училище у Арбатской площади. Сюда доставили оружие, здесь шло формирование добровольческих отрядов. Училище находилось в центральном районе, где преобладало зажиточное население: крупные чиновники, промышленные и торговые тузы и т. п. Руководители мятежа рассчитывали на помощь созданной во всех больших домах домовой охраны, в состав которой входило много офицеров и студентов.

Второй опорный пункт мятежников был создан в Лефортове, где находилось Алексеевское военное училище. Сюда также завезли оружие — винтовки и пулеметы, причем их хватало не только для вооружения юнкеров, но и для вновь формировавшихся отрядов мятежников.

Свой третий опорный пункт штаб округа решил организовать в Замоскворечье, имевшем для Москвы примерно то же значение, что Выборгский район для Петрограда. Очагом мятежа в Замоскворечье должны были стать Коммерческий институт, в котором правая часть студенчества активно поддерживала Временное правительство, и 4-я школа прапорщиков в Александровских казармах. Бо́льшая часть юнкеров 2-й и 3-й школ прапорщиков, также располагавшихся в Александровских казармах, была направлена в центр города в течение 26 и 27 октября.

План выступления был разработан заранее чинами штаба Московского военного округа, а также генералами и офицерами, находившимися в Москве в отпуске, на излечении, в командировке. Цель наступательной операции заключалась в следующем: захватить центр города, продвинуться как можно дальше по улицам, радиусом расходившимся от центра к Бульварному кольцу (так называемое кольцо А). Прежде всего предполагалось окружить Скобелевскую площадь, разгромить Московский Совет и установить связь с подходящими с фронта войсками. Затем намечалось начать полную ликвидацию Советской власти во всех районах города.

Как уже говорилось, вечером 27 октября Рябцев подписал приказ о введении военного положения в Москве и во всем Московском военном округе. В газетах он появился 28 октября, а до этого передавался по телефону, телеграфу и рассылался курьерами. Командующий округом приказывал исполнять только его распоряжения, поскольку Военно-революционный комитет «подлежит ликвидации». Рябцев требовал во всех гарнизонах Московского военного округа выделить воинские части, «верные революции и правительству», и по первому зову направлять в Москву. В приказе отмечалось, что с фронта в Петроград и Москву посылаются правительственные войска. Требуя прочитать приказ во всех ротах, эскадронах и командах, Рябцев грозил: «Все сопротивляющиеся

---

[93] Там же.

этому приказу будут рассматриваться как противники страны и ее законной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями» [94].

Одновременно Комитет общественной безопасности обратился к полковым, ротным и командным комитетам с воззванием, в котором требовал не исполнять распоряжений Военно-революционного комитета, а выполнять приказы штаба округа. «Штаб Московского военного округа,— подчеркивалось в этом обращении,— действует в полном согласии с Комитетом (общественной безопасности.— *И. М.*)» [95].

Сразу после предъявления Рябцевым ультиматума заранее сформированные отряды юнкеров на автомашинах и в пешем строю двинулись по радиальным улицам от центра, городской думы, Манежа и главным образом от Александровского военного училища, в котором находился штаб мятежных сил.

На уличных перекрестках юнкера оставляли патрули с пулеметами. На крышах домов, откуда можно было вести огонь вдоль улиц, также устанавливали пулеметы. У прохожих проверяли документы. Красногвардейцев, работников Советов, большевиков обыскивали, отбирали оружие, арестовывали и отправляли в Александровское военное училище. Арестованных запирали в специально подготовленные комнаты, тщательно охраняемые караулом. С помощью домовой охраны производились обыски в домах.

Первое вооруженное столкновение произошло на Красной площади, через которую следовал отряд двинцев, вызванных для охраны здания Московского Совета. По приказу Военно-революционного комитета двинцы выделили 4 взвода (около 150 бойцов) под командованием солдата, члена партии большевиков с 1917 г. Е. Н. Сапунова [95а]. Отряд был вооружен винтовками из арсенала завода Михельсона (ныне имени Владимира Ильича) [96]. Вместе с двинцами выступил также небольшой отряд красногвардейцев завода Михельсона [97].

В 10 час. вечера отряд двинцев вышел на Красную площадь. Здесь им преградили дорогу юнкера.

Полковник, командовавший юнкерами, потребовал от двинцев пропуск и сдачи оружия. Один из командиров двинцев, М. Зеленов, сняв с плеча винтовку, ответил полковнику: «Вот мой пропуск» [98]. Полковник выхватил револьвер, выстрелил и смертельно ранил Сапунова. Но двинцы не растерялись. Командир 1-го взвода Павлов скомандовал: «В цепь!» Двинцы были окружены втрое превосходящими силами противника. Несмотря на это, гранатами и штыковой атакой они прорвали цепь юнкеров и пробились к Московскому Совету. Большую помощь двинцам оказали солдаты 56-го полка, открывшие огонь по юнкерам со стен

---

[94] «Власть народа» (Москва), 28 октября 1917 г.

[95] Там же. Приказ Рябцева и воззвание Руднева 28 октября были опубликованы также в эсеровской газете «Труд» и меньшевистской «Вперед».

[95а] *А. Абрамов.* У Кремлевской стены. М., 1974, стр. 32.

[96] «В боях за власть Советов». М., 1957, стр. 28. В воспоминаниях называется разная численность отряда, но указанная нами, видимо, ближе к истине, о чем можно судить по следующему документу. 27 октября Военно-революционный комитет приказал Совету Замоскворецкого района «вооружить команду двинцев имеющимися у комитета винтовками и боевыми патронами». На документе резолюция: «125 штук выдать» («Московский Военно-революционный комитет», стр. 57).

[97] «Имени Владимира Ильича». М., 1962, стр. 94.

[98] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 510, л. 7. Воспоминания М. Зеленова.

Кремля. В этом бою отряд двинцев потерял до 45 человек убитыми и ранеными [99], юнкера — до 20 человек [100].

Штаб Московского военного округа предпринял попытку овладеть артиллерией и важнейшими складами боеприпасов. Отряд юнкеров был послан на Ходынку, где находилась 1-я артиллерийская бригада. По боевым масштабам того времени это был крупный отряд: он состоял из двух рот юнкеров и двух сотен 7-го Сибирского казачьего полка [101].

Накануне Пресненский ВРК направил в бригаду своих представителей. Солдаты-артиллеристы единодушно приветствовали установление Советской власти и обещали ей полную поддержку, но офицеры спешно покинули бригаду и отдали себя в распоряжение Рябцева. Так как они хорошо знали расположение бригады, им и было поручено руководить захватом артиллерии.

В ночь на 28 октября отряд юнкеров напал на охрану и, разоружив ее, ворвался в расположение 2-го дивизиона. Одна группа юнкеров начала снимать замки с орудий, другая бросилась в конюшню и стала выводить лошадей. На шум выскочили солдаты и открыли огонь. Юнкера бежали. Им удалось захватить с собой лишь два орудия и несколько орудий вывести из строя [102].

В ту же ночь юнкера произвели налет на самокатную роту, стоящую в Петровском парке, и захватили пулеметы. Они напали также на Симоновские пороховые склады, откуда им удалось вывезти патроны.

Отряды юнкеров заняли район Большой Никитской улицы и прилегающие к ней переулки.

Мятежники начали продвижение от Москворецкого, Большого Каменного и Крымского мостов с тем, чтобы закрепиться на противоположном берегу Москвы-реки, овладеть электростанцией и разгромить революционный центр Замоскворечья на Калужской площади.

В Хамовниках юнкера напали на районную думу, захватили Дорогомиловский Совет и арестовали нескольких членов подрайонного ВРК. Курсанты 5-й школы прапорщиков захватили Дорогомиловский (ныне Бородинский) мост. В руках юнкеров оказался Брянский вокзал. На Пресне юнкера заняли Кудринскую площадь.

В течение ночи отряды юнкеров прочно закрепились в центре города, в пределах Бульварного кольца. Под их контролем оказались районы Арбата, Тверской, Никитской, Поварской, Остоженки и Пречистенки, Крымской, Зубовской и Смоленской площадей. Пикет и патрули юнкеров появились в ряде других мест города, главным образом в районе Садового кольца.

Развивая операции по занятию центра, штаб МВО сосредоточил свое внимание на захвате Кремля. И это понятно. Отсюда мятежники могли

---

[99] «Пролетарская революция», 1927, № 11, стр. 80. М. Зеленов в упомянутой работе пишет, что убитых и раненых было более 80.

[100] «Русское слово», 8 ноября 1917 г.

[101] «Труд», 29 октября 1917 г.

[102] Помощник командующего войсками Московского военного округа полковник Г. Г. Кравчук, вырвавшийся из Москвы в Смоленск, докладывал в Ставку 30 октября: «Ночью [на 28 октября] казакам, юнкерам и добровольцам из студентов и жителей удалось атаковать на Ходынке 1-ю запасную артиллерийскую бригаду и с боем захватить два орудия со снарядами и двадцать четыре замка» («Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 40).

ожидать нанесения удара с тыла; к тому же осада Кремля отвлекала много сил.

В Кремле находились 1-й батальон, 8-я рота 2-го батальона 56-го запасного пехотного полка и арсенальная команда. Солдаты были настроены большевистски и полны решимости сражаться до конца. Однако следует учесть, что в Кремле были расположены офицерский лазарет, дворцовая охрана, чиновники окружного суда, офицерская команда двух броневиков, офицеры 56-го полка. Среди солдат велась активная контрреволюционная агитация. Более того, самому Рябцеву в течение 25—27 октября удавалось несколько раз побывать в Кремле.

С вечера 27 октября кольцо юнкеров, осаждавших Кремль, стало еще более плотным. Из зданий Манежа, Исторического музея, Верхних торговых рядов они вели обстрел Кремля.

К 3-м час. ночи на 28 октября перестрелка в центре города стихла. Юнкерам было поручено прервать телефонную связь между Кремлем и Московским Советом, чтобы гарнизон Кремля оказался отрезанным от революционной Москвы и находился в неведении относительно положения в городе.

Рано утром 28 октября коменданта Кремля О. М. Берзина вызвали в офицерскую команду броневиков. Один из офицеров сообщил ему, что командующий войсками полковник Рябцев, передав по телефону, что гарнизон Москвы сдался, солдаты обезоруживаются, почта и телеграф заняты, потребовал сдачи Кремля. «Вся внешняя обстановка: затишье в городе, отсутствие связи с центром благодаря перерыву связи с Советом (Центральная станция телефона не соединяла меня с Советом),— писал позже Берзин,— все это заставило меня подумать, что офицер броневиков говорит правду. Не рассчитывая, что имею возможность силами одного Кремлевского гарнизона продержаться, я решил подчиниться приказу и сдать Кремль, чтоб спасти солдат от расстрела, избегнуть бессмысленного пролития крови. Я знал, что моя участь все равно горька» [103]. Когда Берзин сообщил на собрании ротных комитетов о решении сдаться, солдаты наотрез отказались. Но Берзину удалось уговорить солдат, стоявших у Троицких ворот, открыть ворота. В Кремль сначала через Троицкие, а затем через Боровицкие ворота вступили юнкера. Они жестоко избили самого Берзина, и только его заявление, что не все караулы предупреждены, прекратили дальнейшую расправу.

Берзин писал далее, что у него была связь с ВРК и он знал, что ему готовят помощь. «По телефону сообщили мне,— писал Берзин,— что 55-й полк у Чугунного моста и 251-й полк движется к Лубянской площади» [104]. Кроме того, член партийного центра по руководству восстанием в Москве В. Соловьев в своих воспоминаниях отмечает, что из Кремля звонили в ВРК, проверяя сообщение Рябцева о сдаче и обезоружении гарнизона. ВРК, опровергнув это провокационное сообщение, потребовал от гарнизона Кремля продолжать борьбу, обещая помочь [105].

---

[103] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 96.

[104] «Деревенская правда», 8 ноября 1917 г.

[105] «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1957, стр. 395—396. А. Г. Шлихтер в свою очередь утверждал, что 27 октября вечером гарнизону Кремля было приказано не сдаваться и обещано на помощь прислать войска («Пролетарская революция», 1922, № 5, стр. 249). В архивах сохранился дополнительный материал, позволяющий предположить, что ВРК требовал от Берзина не сдавать-

Так или иначе, но комендант Кремля, поддавшись обману или струсив, сдал врагу крепость без боя.

Незначительные разрозненные группы солдат все же пытались оказать сопротивление. Вскоре, однако, перестрелка затихла. Юнкера выставили свои караулы у Кремлевских ворот и приказали солдатам 56-го полка выстроиться якобы для проверки у памятника Александру II, а арсенальской команде — у ворот Арсенала.

В 8 час. 45 мин. утра по строю солдат 56-го полка без всякого предупреждения был открыт ружейный и пулеметный огонь. Солдаты арсенальской команды также подверглись расстрелу.

Зверский расстрел безоружных солдат продолжался около 15 мин., после чего оставшимся в живых солдатам было приказано с поднятыми руками идти во двор окружного суда. Десятки трупов остались на месте этого чудовищного преступления [106].

Контрреволюция торжествовала победу. В приказе «Всем, всем, всем» Рябцев сообщал: «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено. Но в Москве еще продолжается уличная борьба» [107]. Приказом командующего войсками округа запрещались «сборища» и выход на улицу без пропуска домового комитета. Гражданам предлагалось немедленно уведомлять командующего по телефону городской думы обо всех домах, где замечались вооруженные люди. «Предупреждаю,— угрожал Рябцев,— что в от-

---

ся. В 1927 г., к 10-летию Великого Октября, Г. Н. Мельничанский, входивший в состав ВРК, написал воспоминания об октябрьских днях в Москве. «Происходят переговоры,— писал Мельничанский в неопубликованных воспоминаниях,— с тов. Берзиным, комендантом Кремля, который, кажется, сообщает о предъявлении ему ультиматума сдать Кремль юнкерам. Его просят подождать минут пятнадцать, так как мы (ВРК.— *И. М.*) совещались совместно с военным штабом о том, что можно предпринять, чтобы выручить Берзина с 56-м полком. Так совещание и окончилось без намечения практических мер помощи сидевшим в Кремле, было только решено дать приказ не сдаваться, но телефон уже не работал, и приказ не был передан» (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 517, л. 9). Воспоминания Мельничанского были посланы редакцией «Пролетарской революции» на просмотр Берзину. Он прислал ответ, утверждая, что «такого приказа» он не получал (там же, л. 25). Мельничанский, однако, остался при том мнении, что Берзин имел какое-то указание, во всяком случае разговаривал с ВРК о требовании Рябцева сдать Кремль. Добавим, что ВРК знал о готовящемся захвате Кремля. В записях одного из представителей ВРК (фамилия осталась неизвестной) о заседании Центрального ВРК 27 октября говорится: «Заявление Перлина. Ночью предполагается окружить Кремль» («Московский Военно-революционный комитет», стр. 67). В. П. Перлин — большевик, юнкер Александровского военного училища, был назначен адъютантом штаба ВРК.

[106] Сколько человек погибло во время расстрела, установить пока не удалось. Берзин видел только у ворот Арсенала 15 убитых и раненых («Москва в октябре 1917 г.», стр. 97). Начальник Арсенала генерал Кайгородов в своем рапорте 8 ноября 1917 г. писал о «горе мертвых тел» перед воротами Арсенала («Борьба классов», 1931, № 6-7, стр. 99). Солдат 56-го запасного пехотного полка, которому удалось уйти из Кремля, сообщил ВРК, что число убитых составило 250—300 человек («Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 435). Число жертв действительно, видимо, было очень велико. Красногвардеец Пресненского района Жаров, посланный в Кремль еще 26 октября за оружием и попавший в плен к юнкерам, писал: «В ночь на понедельник (29 октября.— *И. М.*) были назначены люди (из пленных.— *И. М.*) для уборки трупов и рытья могил. Ходили всего человек 40 и с сумерек работали до 2 часов ночи... В ночь с понедельника на вторник (30 октября.— *И. М.*) опять гоняли зарывать трупы» («Октябрьские дни в Москве и районах». По воспоминаниям участников. М., 1922, стр. 41).

[107] «Труд», 29 октября 1917 г.

вет на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома».

Председатель Комитета общественной безопасности Руднев со своей стороны также обратился к населению с объявлением. В нем говорилось: «Восставшие и засевшие в Кремле 6 рот сдались без выстрела...» Руднев сообщал, что в Москве в разных местах имеются группы людей, «вооружившихся расхищенным из Кремля и магазинов оружием», и что для осмотра и освобождения улиц направлены броневики, которые немедленно откроют огонь, как только обнаружат вооруженных людей.

Как можно было взять оружие из Кремля, если он был полностью блокирован юнкерами, Руднев не объяснял, но заверял, что революционное выступление в Москве подавлено. Действия мятежников Руднев (как и его коллега по партии Керенский) пытался оправдать тем, что они якобы борются против контрреволюции. «Комитет признает нужным,— писал Руднев,— теперь же заявить, когда можно считать мятеж в Москве подавленным, что он не допустит никакого контрреволюционного движения и все попытки к погрому будут беспощадно прекращены» [108].

О взятии Кремля Рябцев немедленно сообщил в Ставку. Придавая этому огромное значение, Ставка передала сообщение об успехе московской контрреволюции по всем фронтам. Отсюда радостное известие поспешили разослать по армиям. При этом успех все более раздувался: взятие Кремля путем обмана превратилось в штурм и полный разгром революции в Москве. Так, комиссар Западного фронта В. А. Жданов днем 28 октября телеграфировал комиссарам армий: «Передаю последние сообщения: в Москве большевики сегодня сдались «Комитету спасения революции» — Кремль освобожден. Оружие сдается» [109]. А исполнительный комитет Юго-Западного фронта сообщал: «В Москве в ночь на 28 [октября] взят с боем Кремль. Большевики сдались». Общеармейский комитет при Ставке поздравил Рябцева с «подавлением всех попыток захватить власть» в Москве и заверил, что войска Керенского «идут на Петроград, где восстановят законную власть» [110].

Взятие Кремля, несомненно, имело большое значение для контрреволюции. Оно избавило мятежников от угрозы удара в тыл со стороны революционного гарнизона Кремля (вспомним, что революционные солдаты Кремля своим огнем помогли двинцам прорваться через оцепление юнкеров на Красной площади), освобождало значительные силы осаждавших Кремль. В руки мятежников перешел Кремлевский арсенал с большим количеством боеприпасов, в которых юнкера ощущали острый недостаток. Немаловажную роль играл и моральный фактор. Сознание, что в их руках оказалась опорная база советских войск, поднимало боевой дух юнкеров. Но настроение поднялось не только у юнкеров. Например, до падения Кремля бывший комиссар градоначальства А. Н. Вознесенский не решался воспрепятствовать занятию районными ВРК комиссариатов милиции, смещению начальников милиционных участков. Фактически он лишь регистрировал жалобы смещенных милиционеров и рекомендовал им вернуться к исполнению своих обязанностей, «уступая при необходимости только насилию» [111]. Вознесенский знал, что про-

[108] «Труд», 29 октября 1917 г.
[109] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 55.
[110] Там же.
[111] «Вперед», 29 октября 1917 г.

фессиональный союз милиционеров, входивший в Центральный союз городских служащих и рабочих, поддерживал ВРК. Успех юнкеров резко изменил положение: 28 октября тот же Вознесенский приказал всем комиссарам милиции не только не исполнять распоряжений ВРК, но угрожал увольнением со службы, арестом и преданием суду чинов милиции, не исполняющих приказов Временного правительства [112].

Оживились все элементы, поддерживающие контрреволюцию. Возник студенческий Комитет общественной безопасности, приступивший к организации добровольческих студенческих дружин в помощь мятежникам [113]. По сообщению печати, в «белую гвардию» записалось около 600 студентов [114]. В Художественном электротеатре на Арбатской площади открылся пункт для формирования «белой гвардии в противовес Красной гвардии» [115]. Штаб округа распорядился выдать дополнительное вооружение, в том числе пулеметы, домовым комитетам в центре города. Домовые комитеты стали вооружать квартиронанимателей [116]. Московский областной комитет по организации добровольческой армии обратился с воззванием к населению Москвы с предложением «приступить к организации добровольческих отрядов из граждан г. Москвы для поддержки Временного правительства и охраны порядка в г. Москве» [117]. Соглашательская пресса, которая не была запрещена ВРК, не только публиковала приказы и распоряжения Комитета общественной безопасности, но и откровенно торжествовала по поводу успехов юнкерского мятежа.

Захватив Кремль и расправившись с безоружным гарнизоном, мятежное командование приступило к «очистке» близлежащего района от революционных частей. Освободившиеся после захвата Кремля отряды юнкеров Рябцев бросил на взятие Московского Совета. Юнкера окружали Скобелевскую площадь со стороны Тверской улицы, вели наступление от Никитских ворот. Они стремились переулками соединиться с белогвардейскими отрядами, двигавшимися от центра по другим улицам, выйти на Садовое кольцо и отрезать ВРК от районов.

Положение красногвардейских и солдатских отрядов, отстаивавших район вокруг генерал-губернаторского дома, где находились ВРК и партийный центр (Скобелевская площадь), стало очень тяжелым. После полудня 28 октября Рябцев, считая положение ВРК безнадежным, предложил ему сложить оружие и сдаться. «Как нам передали по телефону,— сообщала эсеровская газета, осведомленная о планах своих сообщников,— около 1 часа дня полковником Рябцевым предъявлен ультиматум заседавшему в доме бывшего генерал-губернатора Военно-революционному комитету с требованием сдачи в определенный срок. При неполучении удовлетворительного ответа дом бывшего генерал-губернатора будет обстрелян из орудий» [118].

Днем 28 октября штаб Московского военного округа вызвал к прямому проводу генерала Дитерихса. По приказанию помощника командую-

---

[112] «Красный архив», 1934, т. 4-5 (65-66), стр. 180.
[113] «Вперед», 28 октября 1917 г.
[114] «Труд», 5 ноября 1917 г.
[115] «Власть народа», 28 октября 1917 г.
[116] Там же.
[117] «Труд», 28 октября 1917 г.
[118] Там же, 29 октября 1917 г.

щего войсками поручика П. И. Ровного генералу Дитерихсу сообщили сведения о ходе событий в Москве (об образовании ВРК, об ультиматуме Рябцева и о взятии Кремля юнкерами) [119]. Указав, что телеграф занят юнкерами, из штаба передали общий итог положения в Москве: «Мятежники (советские войска.— *И. М.*) потеряли почву, и восстание приняло неорганизованный характер. Есть попытки собраться около здания Совета депутатов в генерал-губернаторском доме. По отношению к мятежникам, засевшим там, тоже предъявлен ультиматум» [120].

Весьма обрадованный полученными сведениями, Дитерихс пообещал, что к Москве «сегодня вечером сможет начать подходить артиллерия с прикрытием, высланная с Западного фронта», и тут же посоветовал не тратить время на ультиматумы, а подавлять революционное движение «быстрыми и решительными действиями». «Дело ясное,— требовал Дитерихс, прибегая к привычному лексикону карателей,— мерзавцы должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть» [121]. Но контрреволюция в Москве не нуждалась в понукании: из штаба округа заверили, что «приступлено к подавлению мятежа самыми решительными мерами и с мятежниками расправляются беспощадным образом».

Условившись о новом разговоре часов в 10 вечера, Дитерихс добавил: «Будьте добры передать наш привет командующему войсками и скажите, что мы, насколько можем — физически, а морально — в полной мере, готовы его поддерживать и вполне понимаем всю трудную задачу, которая выпала на его долю» [122].

Хотя потеря Кремля крайне затруднила положение Советской власти в Москве, но торжество контрреволюции было явно преждевременным. Мятеж белогвардейцев, их варварская расправа с безоружными солдатами Кремлевского гарнизона вызвали бурное возмущение широких рабочих масс и солдат. Революционная Москва поднялась на борьбу с мятежниками.

---

[119] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 32—33. Видимо, пытаясь как-то оправдать зверский расстрел безоружных солдат в Кремле, из штаба округа сообщали Дитерихсу, будто бы после сдачи Кремля «солдаты снова захватили винтовки и вероломно напали на часть юнкеров» (там же, стр. 33). Эсеровская газета повторила эту версию и даже указала, что солдаты убили 4 юнкеров и ранили 10 («Труд», 29 октября 1917 г.). Но это «оправдание» вымышленное: солдаты были выстроены на площади безоружными.

[120] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 33. Обращает на себя внимание, что для штаба округа деятельность ВРК являлась восстанием против Временного правительства.

[121] Там же, стр. 33.

[122] Там же, стр. 34.

2

РЕВОЛЮЦИЯ ОТБИВАЕТ НАТИСК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Организация отпора контрреволюции

Отвергнув наглый ультиматум Рябцева, Военно-революционный комитет разослал всем районным комиссарам Москвы приказ: «По приказанию Военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к Совету в распоряжение Военно-революционного комитета» [123].

Воинским частям московского гарнизона была послана срочная телефонограмма, опубликованная на следующий день в печати, с предложением подчиняться распоряжениям только Военно-революционного комитета. «Ни одно распоряжение,— говорилось в телефонограмме,— без утверждения Военно-революционного комитета не должно приводиться в исполнение» [124].

В ночь на 28 октября состоялось совместное заседание Военно-революционного комитета и партийного центра. Было решено призвать рабочих Москвы к всеобщей политической забастовке и мобилизовать все силы для разгрома мятежников. Совместное заседание утвердило тексты воззваний к рабочим и солдатам.

В воззвании «К рабочим» от имени ВРК, Центрального совета профсоюзов Москвы, Центрального союза городских служащих и рабочих, Московского комитета большевиков и Московской организации социал-демократии Польши и Литвы указывалось, что контрреволюционеры не примирились со свержением Временного правительства. «Они,— говорилось в обращении,— постараются повернуть все дело и раздавить Петербург. В Москве уже начались стычки между юнкерскими отрядами и революционными солдатами. Уже пролилась солдатская кровь» [125]. От поддержки рабочих и всех трудящихся Москвы зависит исход борьбы.

«Не до работы теперь!— говорилось в воззвании.— 28-го дружно, как один человек, оставим фабрики и заводы и по первому призыву Военно-революционного комитета сделаем все, что он укажет».

Призывая к всеобщей стачке, руководящие революционные органы ни на минуту не забывали об интересах широких масс. В обращении предлагалось «обычным и даже усиленным ходом» вести работы, связанные с городским освещением, канализацией, водопроводом; должны были продолжать работу аптеки, больницы, санитарные трамваи, все предприятия, обеспечивающие трудящихся продовольствием: пекарни, трактиры 3-го разряда и «низшие столовые», обслуживающие трудящихся, вок-

---

[123] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 59.

[124] Там же, стр. 60; «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», 28 октября 1917 г.

[125] Это воззвание, как и следующие, опубликовано в «Известиях Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» 28 октября 1917 г. и перепечатано в сборнике «Московский Военно-революционный комитет» (стр. 61—62).

зальные буфеты (по указаниям профессиональных союзов), а также пожарные, милиция и печатники, работающие в социалистических изданиях; не приостанавливалась работа на Московском железнодорожном узле.

«Решается судьба революции, решается судьба нашей страны, а вместе с тем на долгое время решается и судьба человечества»,— такими словами, свидетельствующими о глубоком понимании значения октябрьских событий в Москве, заканчивалось воззвание к рабочим.

Военно-революционный комитет обратился с воззванием и к солдатам. Сообщив об антисоветском мятеже юнкеров, о предъявлении Рябцевым ультиматума, требующего через 15 мин. распустить комитет, и о категорическом отказе принять этот ультиматум, Военно-революционный комитет призывал солдат: «Товарищи, перед нами две возможные дороги. Или буржуазия с помещиками будут по-прежнему гнать нас броневиками и юнкерскими отрядами в окопы, где мы, голодные и раздетые, найдем увечье и смерть за их интересы. Тогда мы будем опять рабами господ, лишенными всех прав, земли и свободы... Или же мы отстоим Советы — этих часовых народного дела, а вместе с ними отстоим немедленный созыв Учредительного собрания, отстоим немедленную передачу всей земли народу, отстоим ту власть, которая поведет решительную борьбу против войны» [126].

С призывом «К оружию!» Военно-революционный комитет обратился ко всем трудящимся. Сообщив об опубликовании Декрета о мире и Декрета о земле и призвав поддержать Советское правительство, ВРК писал: «Московские Советы выбрали Военно-революционный комитет, который все усилия направляет к тому, чтобы в Москве укрепилась та власть, которая сейчас организована в Петрограде» [127]. В простых, доступных словах, дав классовый анализ тем, кто стоит на стороне новой власти — все рабочие, солдаты, трудящиеся, и тем, кто против — все имущие, все богатые классы, кому выгодна война, кому дороги помещичьи интересы, кто за безудержную эксплуатацию рабочих, ВРК призвал к беспощадной и непримиримой борьбе против контрреволюции. «Нужно бороться и в центре, и в районах,— говорилось в воззвании,— не должно быть никакой жалости и никакого малодушия...

Районы должны собрать вокруг себя все активные силы и в виде лучей от себя посылать партизанские отряды.

В Петрограде крепкая революционная власть и порядок. Еще одно усилие — и в Москве мы ее тоже получим» [128].

Как уже говорилось, бóльшая часть документов Военно-революционного комитета, отражающих его деятельность с 25 октября по 28 октября включительно, погибла. Они были сожжены в ночь на 29 октября, когда здание Московского Совета покинули все, не имеющие непосредственного отношения к боевым операциям. Сохранились лишь те документы, которые уже тогда были опубликованы в печати, и немногочисленные материалы из личных архивов. Исследователи истории Октября в Москве вынуждены были пользоваться главным образом воспоминаниями активных участников событий, написанных к тому же несколько лет

---

[126] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 63—64.
[127] Там же, стр. 64—65.
[128] Там же, стр. 65.

спустя. Как ни ценны эти исторические материалы (без них в сущности невозможно представить драматизм революционных событий и прежде всего героизм и самоотверженность их бойцов), но они все же остаются мемуарами людей, участвовавших, как правило, в отдельных событиях. А так как эти события происходили в разных районах (центр был захвачен юнкерами), то описание истории октябрьских боев в Москве нередко носило «лоскутный характер», выглядело как сумма разрозненных, не связанных общим планом боевых действий.

На самом деле картина была иной. Чтобы убедиться в этом, следует, во-первых, обратиться к печати того времени (московской центральной и областной). Разумеется, она носила ярко выраженный классовый характер, но именно поэтому в ней имеется всесторонний материал, дающий представление о том, что делалось в лагере революции и в лагере контрреволюции. Во-вторых, за годы, прошедшие с октябрьских событий, проделана огромная работа по выявлению, накоплению и вовлечению в научный обиход значительной части неизвестных ранее материалов, проливающих новый свет на историю Октября в Москве. В-третьих (что представляется особенно важным) исследователи московского Октября обращали мало внимания на ту огромную работу, которую успели проделать за время до получения ультиматума Рябцева, т. е. за полных двое суток (а в условиях революции это срок немалый!), Центральный и районные ВРК. За это время были созданы боевые штабы, расставлены руководящие кадры, обсуждены планы деятельности. В каждом районе знали, что делать: были взяты на учет все военные школы, все войсковые соединения, склады вооружения и боеприпасов, шло формирование новых отрядов Красной гвардии, устанавливалась связь с Центральным ВРК и с соседними районными комитетами.

Центральный и районные ВРК действовали не от случая к случаю, хотя приходилось считаться и с быстро меняющейся обстановкой, не стихийно, а исходя из общего плана.

Мы уже писали, что общий план был принят на совместном заседании Военно-революционного комитета с представителями районных комитетов. Он был хорошо известен в районах. Основное его содержание было изложено в воззвании ВРК «К оружию!» В ночь на 28 октября ВРК вновь рассматривал вопрос об общем плане борьбы. После длительного обсуждения было решено «установить тесную связь с районами, обеспечив себе базу в одном из них: начать наступательные операции в центре и партизанскую войну — в районах» [129]. Каждый район должен был находиться в боевом порядке. При ВРК срочно создавался штат инструкторов для посылки их в районы, особенно в те, где боевая работа была еще недостаточно развернута. Районным комиссарам поручалось полностью подчинить себе милицию, занять все комиссариаты милиции или направлять в них контролеров. В каждом районе необходимо было взять в свои руки почту и телеграф. ВРК рекомендовал при каждой воинской части иметь представителя районных властей, взять на учет все продовольствие, но конфискацию и распределение его производить только через центральные органы. Предлагалось конфисковывать запасы спирта, закрывать чайные и кофейни, в которых продавались алкогольные напитки. За торговлю водкой владельцы трактиров подлежали аре-

[129] Там же, стр. 71—72.

сту. ВРК рекомендовал организовать патрулирование улиц в целях охраны населения и пресечения любой попытки учинить погром или грабеж.

Всю ночь на 28 октября члены ВРК и боевых штабов районов не смыкали глаз. Из Центрального ВРК требовали присылки красногвардейцев и солдат. Непрерывно подходили отряды красногвардейцев из районов. Кроме двинцев, подошли солдаты 1-го телеграфно-прожекторного полка. Они привезли с собой несколько ящиков патронов и прожекторы, установив их на крыше Московского Совета [130]. Как правило, воинские части приходили без офицеров, которые либо покинули свои посты, либо были арестованы солдатами за противодействие Советской власти. Но было немало отдельных офицеров, приходивших в Совет с солдатами. Прапорщик Р. И. Жаворонков привел роту 192-го запасного пехотного полка. Штабс-капитан Л. И. Лозовский вместе с двумя взрослыми сыновьями явился в штаб Сокольнического ВРК, заявив, что хотя он не большевик, а меньшевик-интернационалист, но «в момент, когда рабочий класс вышел с оружием в руках на баррикады», он не может стоять в стороне [131]. Капитан Шуцкий и поручик Богословский привели в распоряжение Замоскворецкого ВРК солдат 196-й запасной дружины [132].

О случаях перехода офицеров на сторону революции сообщали из 665-й запасной дружины, 193-го полка и других частей [133]. Возмущенные вероломством мятежников, убедившись в справедливости борьбы масс, честные офицеры (даже выходцы из буржуазии) переходили на сторону революции.

В ночь на 28 октября ВРК направил одного из своих членов, В. М. Смирнова, на Ходынку в 1-ю запасную артиллерийскую бригаду за пушками [134]. Утром 28 октября к Совету подошла 5-я батарея под командованием большевика Я. Л. Давыдовского, назначенного комиссаром артиллерийской бригады [135].

Тревожно встречала пролетарская Москва хмурый рассвет 28 октября. То здесь, то там в разных районах города вспыхивала и замолкала перестрелка. Районные ВРК и Советы вызывали отряды Красной гвардии, устанавливали охрану предприятий, отбирали людей для посылки в центр. Вот типичное донесение в Центральный ВРК: «27 октября в 10 час. вечера по постановлению, вынесенному собранием 17 районных дум, члены управы нашей думы возвратились на свои посты. Созвав милиционеров, вынесли постановление о верности делу революции, всемерно поддерживать ВРК. Организовав охрану помещения и телефонов, наладили связь с воинскими частями. Все дело военного характера и дело продовольствия решено поручить образовавшемуся революционному комитету из 3—4 лиц» [136]. Подписал документ комиссар Петровского революционного комитета, рабочий-большевик, участник революционного движения на юге России в 1905 г. Е. Л. Афонин.

---

130 «Московский Военно-революционный комитет», стр. 69.
131 «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 422. Позже Лозовский и один из его сыновей участвовали в гражданской войне и погибли на фронте.
132 Там же.
133 ГАМО, ф. 2329, оп. 1, д. 5, л. 3.
134 «Москва в октябре 1917 г.», стр. 61.
135 «За власть Советов!». М., 1957, стр. 190—191.
136 «Московский Военно-революционный комитет», стр. 68—69.

Рабочая Москва горячо откликнулась на призыв к забастовке. 28 октября по всей Москве зазвучали тревожные гудки. Остановились фабрики и заводы. Но рабочие не расходились. Они направлялись в завкомы и в районные Советы с требованием оружия. Только в Замоскворечье в очередь на получение оружия записалось более 2 тыс. человек [137]. Оружие требовали мужчины и женщины, пожилые рабочие и подростки, большевики и беспартийные.

Повсеместно создавались новые отряды Красной гвардии и Красного креста.

В распоряжение Центрального и районных военно-революционных комитетов непрерывно прибывали наскоро вооруженные рабочие отряды. Завод Михельсона выделил 200 красногвардейцев и 150 сандружинниц. 250 бойцов дал завод «Поставщик». Хорошо дисциплинированный боевой отряд сформировал завод «Каучук» (Хамовники), где большевики давно пользовались большим авторитетом. С завода Второва (Хамовники) пришел вооруженный отряд красногвардейцев в составе 200 человек. Около 1 тыс. вооруженных красногвардейцев и солдат выделил Благуше-Лефортовский район [138].

Рабочие Усачевского и Шаболовского трамвайных парков развозили оружие, боеприпасы и продовольствие, доставляли в госпиталь раненых, часто под сильным обстрелом. Замоскворецкие трамвайщики обшили вагоны досками, насыпали толстую песчаную прослойку и, пользуясь таким прикрытием, попытались было наступать через Большой Каменный мост. Но юнкерские пули перебили трамвайный провод, и «блиндированный» трамвай замер посередине моста. Трамваи использовались и в разведывательных целях.

По заранее разработанным планам рабочие и солдаты рыли окопы, строили проволочные заграждения. На грузовиках перебрасывались революционные отряды, пулеметы, боеприпасы. На мотоциклах, велосипедах, автомобилях мчались связисты. Разведчики смело проникали в расположение противника.

Врагу не удалось застать врасплох рабочие окраины. К утру 28 октября отряды Красной гвардии заводов Михельсона, Густава Листа, «Поставщик», Варшавского, Даниловской мануфактуры, «Электростанции 1886 г.», Шаболовского трамвайного парка и других предприятий Замоскворечья вместе с солдатами 55-го запасного пехотного полка (этими отрядами командовал П. Г. Добрынин) отбросили юнкеров от Крымского вала, Малого Каменного и Чугунного мостов, прочно закрепились на подступах к Москворецкому и Большому Каменному мостам.

Попытка юнкеров создать в Замоскворечье своей опорный пункт, используя белогвардейский отряд в Коммерческом институте и в 4-й школе прапорщиков, разбилась о стойкость и мужество рабочих и солдат. В ночь на 28 октября здесь был разгромлен и разоружен белогвардейский отряд, укрепившийся в Коммерческом институте. Солдаты 55-го пехотного запасного полка блокировали и отрезали от центра 4-ю школу прапорщиков.

---

[137] «Красное Замоскворечье». М., 1927, стр. 167.

[138] Данные взяты из воспоминаний участников событий, в частности И. А. Пятницкого («Борьба классов», 1934, № 7—8).

Действуя совместно с красногвардейцами Хамовников, революционные силы Замоскворечья очистили от противника лицей у Крымского моста, где взяли в плен около 40 юнкеров [139].

Группа бойцов телефонного завода и «Электростанции 1886 г.» занимала участок у Чугунного моста. Меткий огонь не позволял юнкерам подойти к мосту. Рабочие электростанции регулировали освещение города и выключали свет в местах расположения белогвардейцев. Ночью юнкерам приходилось действовать в полной темноте. Красногвардейцы трамвайной электрической станции держали участок фронта у Малого Каменного моста. Противник сосредоточил крупные силы за Москвой-рекой, у храма Христа Спасителя. Рабочие заняли вышку трамвайной станции, где установили пулемет и, открыв огонь, заставили замолчать юнкерские пулеметы.

Замоскворецкий ВРК предпринял также срочные меры для организации обороны на Софийской набережной. Красногвардейцы заняли крыши и чердаки жилых зданий, колокольню Софийской церкви и взяли под надзор и обстрел позиции белых в Кремле и на предмостных участках. Хорошо вооруженные михельсоновцы наладили прочную связь с 55-м полком и вместе выступили против юнкеров.

Сильные бои происходили в районе Смоленской площади. Брянский вокзал был захвачен юнкерами. При поддержке броневика белые перешли в наступление на Плющихе. Команды гранатометчиков, наскоро созданные из старых солдат, забросали броневик гранатами и заставили его отойти. Ночью красногвардейцы оцепили район кольцом наспех вырытых траншей. Из Замоскворечья были привезены громадные тюки хлопка. Из них соорудили непроницаемые для пуль баррикады. Натиск контрреволюционных частей был приостановлен, и Брянский вокзал отбит.

В Лефортове была ликвидирована попытка юнкеров создать себе опорный пункт: революционные части окружили Алексеевское военное училище. Районный ВРК занял Московскую радиостанцию во Введенском народном доме. Она была использована для приема радиограмм из Петрограда, с фронта, из городов области и для передачи приказов и распоряжений Московского ВРК [140].

В Рогожском районе юнкеров отбросили от Симоновских пороховых складов. От контрреволюционных частей была очищена Таганская площадь. Красногвардейцы-железнодорожники прочно удерживали в своих руках важнейшие вокзалы Москвы.

Ни вероломство, ни внезапность нападения не дали юнкерам быстро реализовать задолго и тщательно подготовленный план разгрома революции. Уже первые боевые действия показали контрреволюционному командованию силу и организованность революционных масс Москвы.

Сложнее оказалось положение в центре, где юнкера, овладев Кремлем, сосредоточили большие силы для взятия Московского Совета. Он был окружен контрреволюционными частями и почти отрезан от рабочих окраин. Юнкера наступали на Московский Совет от Охотного ряда по Тверской улице (ныне улица Горького) и по переулкам со стороны Никитской улицы (ныне улица Герцена). Они захватили и укрепили

---

[139] «Красное Замоскворечье», стр. 142.
[140] ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 329.

Никитские ворота. Броневики юнкеров прорывались по переулкам к самому зданию Московского Совета и подвергали его пулеметному и орудийному обстрелу. В тылу у революционных войск, оборонявших Московский Совет, мятежники укрепились в градоначальстве в Большом Гнездниковском переулке, где находилось более 200 белогвардейцев.

Хотя к Московскому Совету непрерывно подходили революционные части, но их не хватало для перехода в наступление. Создалось тревожное положение.

В этот критический момент на сцене вновь появились ходатаи «по делам примирения». Представители Викжеля совместно с левыми эсерами предложили вести переговоры с Комитетом общественной безопасности «при условии роспуска ВРК». Ходатаям ответили категорическим отказом [141]. Затем левые эсеры заявили, что Комитет общественной безопасности «решил вести переговоры, не устанавливая характера власти. Советы остаются, переговоры ведутся с ВРК, который подлежит суду» [142]. Подчеркивалось, что это предложение носит ультимативный характер и что при отклонении ультиматума начнется наступление на Совет. И это предложение ВРК признал неприемлемым и отверг его.

Вечером 28 октября пришли меньшевики со старым предложением взять на себя посредничество в переговорах Военно-революционного комитета с Комитетом общественной безопасности на основе того предложения, которое уже выдвигалось большевиками: создание революционного органа власти с преобладанием большевиков.

В 8 час. вечера 28 октября В. П. Ногин и А. Ломов поехали в городскую думу в сопровождении меньшевиков. Большевики предложили Комитету общественной безопасности положить в основу переговоров те же условия, которые были выработаны и утверждены гарнизонным собранием днем 27 октября; эти же условия были предложены большевиками в письме П. Г. Смидовича через меньшевика Исува и вечером 27 октября.

Сообщая об этих переговорах по прямому проводу в Ставку генералу Дитерихсу, помощник командующего Московским военным округом поручик Ровный в ночь на 29 октября говорил: «В 8 час. вечера в Комитет общественной безопасности явились руководители большевиков Ногин и Ломов вместе с представителями партии меньшевиков (последние — в качестве нейтральных лиц) и запросили пощады, предложив следующие условия: [Военно]-революционный комитет распускается, распускается также Комитет общественной безопасности, и должен быть создан новый, коалиционный, орган и немедленное перемирие» [143].

О какой «просьбе пощады» можно было говорить, если большевики настаивали на создании органа власти, в котором они должны были преобладать, т. е. на сохранении власти в руках Советов?

Впрочем сам поручик в своем сообщении Ставке опроверг свою клевету о «просьбе пощады»: он признал, что представители ВРК требовали роспуска Комитета общественной безопасности и создания «коалиционного органа», т. е. органа, согласованного и утвержденного гарнизонным совещанием.

---

[141] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 70.
[142] Там же, стр. 72.
[143] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 35.

Меньшевики в своей газете также подтверждали, что речь шла не о «просьбе пощады»: большевики отстаивали свои предложения о создании революционного органа власти. «Представители Московского комитета РСДРП (большевиков) и Военно-революционного комитета тов. Ногин и Ломов,— писала газета меньшевиков,— возбудили перед Комитетом общественной безопасности вопрос о ликвидации восстания.

Условия, выставленные большевиками, те самые, которые были предъявлены Комитету общественной безопасности через т. Исува (в письме П. Г. Смидовича.— *И. М.*) и были опубликованы во вчерашнем номере «Вперед»» [144].

Комитет общественной безопасности отказался принять предложение представителей ВРК. В ответ председатель комитета В. В. Руднев предложил большевикам следующие восемь пунктов требований:

1) Полная безоговорочная сдача всего «революционного комитета».
2) Суд над членами комитета и участниками мятежа.
3) Подтверждение большевиками факта, что борьба велась с большевиками, а не с Советами.
4) Сдача всего оружия, находящегося в Совете рабочих депутатов.
5) Возврат всего разграбленного оружия.
6) Вопрос о расформировании большевистских полков передается в ведение военного штаба.
7) Вся власть в Москве передается городской думе.
8) Осуществление «перемирия» ввиду объявленного в Москве военного положения будет проводить не Комитет общественной безопасности, а военная власть [145].

Речь, таким образом, шла о полной капитуляции Советской власти. Ногин и Ломов с негодованием отвергли эти наглые требования и покинули городскую думу. «Разговор наш быстро оканчивается,— писал в своих воспоминаниях Ломов.— Эти господа, оказывается, считают нас уже по-

---

[144] «Вперед», 29 октября 1917 г. В газете не указывалось то, что инициатива переговоров была проявлена меньшевиками, однако поручик Ровный говорил об этом.

[145] «Труд», 29 октября 1917 г. О дате посещения Ногиным и Ломовым Комитета общественной безопасности существует ряд версий. Е. Игнатов считал, что переговоры состоялись 29 октября. «Когда вечером 29 октября,— писал он,— товарищи Ногин и Ломов явились в Комитет общественной безопасности, то Руднев выставил такие требования, судьба которых, можно сказать, была заранее предрешена...» Далее перечислены вышеприведенные 8 пунктов В. В. Руднева (*Е. Игнатов.* Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г. М., 1925, стр. 381). Эта версия о дате переговоров явно неверна, ибо вечером 29 октября положение мятежников было столь тяжелым, что Руднев не мог осмелиться предлагать такие требования: Комитет общественной безопасности в этот момент ухватился за предложение Викжеля о перемирии. Участник переговоров с Рудневым Г. И. Ломов (Оппоков) утверждал, что встреча с Рудневым, предъявившим свои 8 требований, состоялась еще до получения ультиматума Рябцева, т. е. вечером 27 октября (*Г. Ломов.* В дни бури и натиска, стр. 42. Воспоминания Г. И. Ломова в расширенном варианте напечатаны в книге «За власть Советов!». Саратов, 1968). Но эта версия также не может быть принята, ибо в 8 требованиях не говорится о введении в Москве военного положения; оно уже было введено после ультиматума Рябцева; в ультиматуме Рябцева от 27 октября не было тех требований, которые предъявил Руднев. Поручик Ровный, говоривший со Ставкой сразу после переговоров с представителями ВРК, назвал их точную дату: 20 час. 28 октября. В газетах того времени датой встречи также названо 28 октября («Труд», 29 октября 1917 г.; «Вперед», 29 октября 1917 г.). В «Труде» говорится, что переговоры состоялись в 10 час. вечера 28 октября. Вечером 28 октября положение белых было таково, что они еще могли предъявить свои требования.

бежденными и требуют ареста Военно-революционного комитета. Резко обрываем переговоры и уезжаем к себе. Юнкера и офицеры пытаются по дороге нас прикончить, несмотря на честное слово Руднева» [146].

О попытках белогвардейцев, взбешенных стойкостью большевиков, расправиться с советскими парламентерами говорил и поручик Ровный. «Комитету общественной безопасности,— сообщал он генералу Дитерихсу,— с трудом удалось гарантировать безопасность явившимся большевикам» [147].

Вернувшись в Московский Совет, Ногин и Ломов доложили о переговорах. Предложения Руднева об условиях сдачи были отвергнуты без обсуждения. Учитывая, однако, что ВРК находится на передовой линии сражения, стали обсуждать возможность его перехода в какой-либо район, чтобы оттуда руководить боевыми операциями. Большинство ВРК и партийного центра склонялось к переходу. Но когда об этом узнали красногвардейцы и солдаты, находившиеся в здании и во дворе Московского Совета, они запротестовали. «Наш резерв, расположенный в доме и во дворе Совета,— вспоминал Н. Муралов,— узнав о нашем решении оставить Совет, решительно заявил о своем желании лучше умереть здесь — в родном Совете, чем малодушно отдать его белогвардейцам. Участь дома Совета была решена. Мы остались, почуяв силу и твердость, подсказанную нам солдатами-революционерами. Гремели орудия, трещали пулеметы, приближались белые. С большим трудом удалось уговорить часть наших товарищей оставить нас и уйти в районы» [148].

Члены партийного центра перешли в Городской район, а оттуда в Замоскворечье [149]. Из здания Совета удалили всех, не имеющих непосредственного отношения к боевым операциям. Покинули здание и работники секретариата [150].

Оставшиеся в здании члены ВРК продолжали свою самоотверженную борьбу. Штаб ВРК срочно принял дополнительные меры для защиты здания Совета. На окнах установили добавочные пулеметы. Артиллерию на улице усилили пехотными прикрытиями. Спешно подвозились снаряды. Быстро формировались новые отряды из резерва и под огнем противника уходили в темноту ночи, направляясь в указанные им места. С ними нередко уходили члены ВРК и его штаба, личным примером вдохновляя бойцов. Работники ВРК тщательно проверяли, как охраняются подступы к зданию, и все время усиливали охрану. Из ближайших районов вызывали на помощь красногвардейцев и солдат. В наиболее важных местах рылись окопы и устанавливались заграждения.

Уделяя много внимания обороне здания Совета, ВРК и его штаб ни на минуту не прекращали деятельности по общему руководству подавлением мятежа. В районные штабы посылались связные, чтобы передать указа-

---

[146] *Г. Ломов.* В дни бури и натиска, стр. 42.
[147] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 35.
[148] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 58.
[149] Член партийного центра и член ВРК Б. Г. Козелев вспоминал, что некоторые из членов партийного центра (М. Ф. Владимирский, В. Н. Яковлева, И. Н. Стуков) сначала были переведены им в помещение правления Московского союза металлистов на Троицкой улице (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, д. 380, л. 16).
[150] При этом неизвестно, по чьему распоряжению были уничтожены дела ВРК. Но сделано это было, вероятнее всего, из опасения, что при переходе они могут попасть в руки противника.

ния или получить сведения о ходе боев. Члены партийного центра держали тесную связь с ВРК, постоянно информируя его о положении дела.

ВРК не упускал из виду и возможность удара белогвардейцев с тыла: из градоначальства. Поэтому, несмотря на трудное положение у здания Московского Совета, ВРК не снимал своих отрядов, осаждавших градоначальство, а, напротив, усиливал их.

Защитники Московского Совета держались стойко и решительно, отбив все атаки юнкеров, прорывавшихся с разных направлений.

Вопрос о причинах неудачи юнкеров, основные силы которых были направлены на взятие Московского Совета, всегда вызывал большой интерес у современников и исследователей событий.

Один из активных деятелей мятежа, комиссар градоначальства А. Н. Вознесенский, объяснял неудачу юнкеров следующим образом. «Здание Совета на Тверской было слабо защищено, но отряды Рябцева не сумели *вовремя* захватить его, хотя первые дни сам Военно-революционный комитет, опасаясь за свое существование, собирался перевести свой штаб из дома Совета в Замоскворечье» [151].

Но, как показали события, здание Совета было заблаговременно хорошо подготовлено к обороне, а его гарнизон полон решимости не сдаваться юнкерам.

Руководители мятежа вынуждены были признать, что свой план им не удалось выполнить ни в районах (отсюда велось наступление на белогвардейцев), ни в центре, где не удалось взять здание Московского Совета и тем, как им казалось, завершить взятие Кремля полным разгромом большевиков [152].

Ночью 28 октября состоялся второй разговор штаба Московского округа со Ставкой (о первом разговоре утром 28 октября говорилось выше). На этот раз с Дитерихсом говорил поручик Ровный. Хотя прошел целый день после взятия Кремля, но поручик так и не мог похвастать новыми

---

[151] *А. Н. Вознесенский.* Москва в 1917 году. М., 1928, стр. 175 (курсив наш.— *И. М.*).

[152] В литературе известен документ, приводимый для характеристики настроения ВРК. «Ночью того же дня (28 октября) я решил запросить Москву о положении дела,— пишет в своих воспоминаниях бывший комиссар Петроградского телеграфа С. Пестковский.— Послал следующую записку: «Москва, Совдеп. Мы здесь в Питере справились с юнкерским восстанием. Как дело у вас? Комиссар телеграфа Пестковский».

Через несколько часов был получен ответ: «Дела неважны. У них юнкера, артиллерия; думаем кончить компромиссом. Смирнов» («Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 28).

Пестковский срочно доставил записку в Смольный. Там он встретил Н. В. Крыленко, который сообщил, что «в Москву отправляются подкрепления: матросы, броневики...» Я. М. Свердлов, к которому также обратился Пестковский, подтвердил слова Крыленко.

Обмен этими записками между Петроградом и Москвой не мог состояться ночью 28 октября. Во-первых, мятеж юнкеров в Петрограде начался рано утром 29 октября, и справились с ним к вечеру; во-вторых, вряд ли разговор Петрограда с Москвой состоялся и 29 октября, ибо в этот день положение в Москве резко изменилось к лучшему и ответ оттуда не мог быть столь пессимистическим; в-третьих, отряд красногвардейцев и моряков из Петрограда прибыл в Москву 31 октября, т. е. выехал не ранее 30 октября (*С. С. Хесин.* Матросы революции. М., 1958, стр. 58).

Видимо, в сообщении Пестковского смешаны разные даты или факты, но все же оно позволяет сделать вывод, что между Москвой и Петроградом в эти дни существовала более или менее постоянная связь.

успехами юнкеров. «Центр главным образом в наших руках,— докладывал Ровный,— за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора.

Окраины — в руках Красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат. Замоскворечье — не в сфере нашего воздействия...» [153]

Мы еще будем говорить о некоторых буржуазных историках, пытающихся и в наши дни выдать революционные события в Москве за «солдатский бунт». Пока же отметим, что один из организаторов контрреволюционного мятежа, хорошо знавший положение дел, подчеркивал, что главную боевую силу революции в Москве составляла Красная гвардия. О солдатах Ровный докладывал: «Большинство войск находится у себя в казармах, и только незначительная часть выходила на улицу и выходит». Это утверждение не соответствует действительности. Не «незначительная часть» солдат, а бóльшая часть гарнизона Москвы принимала активное участие в борьбе. Но тот факт, что руководящая роль в октябрьских боях в Москве принадлежала пролетариату и созданным им красногвардейским отрядам, один из главарей контрреволюции отметил совершенно правильно.

В том же разговоре Ровный не раз подчеркивал роль красногвардейцев. «В руках большевиков в центре,— говорил он, в частности,— не находится ни одно из казенных или общественных учреждений. Вокзалы же Курский и Александровский заняты красногвардейцами».

По сравнению с предыдущим во втором разговоре проскальзывает новая нотка: Ровный предостерегал против преувеличенных надежд на якобы быстрое подавление революции в Москве. «Ввиду недостатка сил и переутомленности верных правительству войск,— говорил он,— не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших» [154]. Правда, Ровный утверждал, что после взятия Кремля «движение большевиков начинает принимать дезорганизованный характер», что «массы вышли уже из подчинения» руководителей восстания. Не остановился он и перед клеветой, подхваченной эсеровской газетой «Труд» и меньшевистской «Вперед», сообщив, будто на улицах Москвы появились «целые роты и взводы пьяных солдат, а также толпы пьяных рабочих» [155]. Сообразив, однако, что эта заведомая ложь не может быть оправданием для затяжки подавления революционного движения, Ровный передал также, что «из района Владимирской губернии — Иваново-Вознесенского фабричного, где находится вся власть в руках большевиков, двигается батальон красногвардейцев».

Дитерихс, видимо, почувствовал в донесении Ровного неуверенные нотки и счел нужным «подбодрить» московских контрреволюционеров, угрожая снятием с постов нерешительных. Генерал передал «для личного сведения» приказ Керенского «в случае надобности... устранять от факти-

---

[153] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 35.

[154] Там же, стр. 34.

[155] Там же, стр. 35. В тексте журнала, где опубликованы переговоры Ровного со Ставкой, сказано, что эти сведения даются «по сообщениям наших союзников», а в примечании 3 на стр. 53 разъясняется, что речь идет якобы о дипломатических и военных агентах Франции и Англии в Москве, а в журнале «Красный архив» (1925, т. 1 (8), стр. 158), где впервые напечатан этот документ, ясно сказано: «По сообщениям наших связников». Клеветнические сообщения о пьянстве вызвали настолько бурный протест рабочих, что меньшевистская газета «Вперед» вынуждена была дать опровержение и извиниться.

ческого исполнения обязанностей всякого начальника без исключения с последующим мне и начальнику штаба верховного главнокомандующего донесением» [156].

В разговоре поручик Ровный сообщил, что потери юнкеров и среди населения «в среднем около 30 человек убитых и более сотни раненых» [157].

Наступление революционных войск

Рано утром 29 октября революционные части во всех районах, где происходили боевые действия, перешли в наступление.

В центре, отстояв Московский Совет, революционные войска, пополненные за ночь подкреплениями, подошедшими из районов, перешли в наступление от Скобелевской площади в направлении Театральной площади, Никитской улицы, Тверского бульвара. Позиции юнкеров были подвергнуты усиленному обстрелу артиллерии и пулеметов. Нередко переходя в штыковые атаки, наступающие выбили юнкеров из окопов и очистили от них всю Тверскую улицу. Белогвардейцам удалось закрепиться только в гостинице «Националь» на углу Охотного ряда.

«В центре города,— говорилось в оперативной сводке ВРК за 29 октября,— в ночь на 29 октября положение революционных советских войск стало критическим.

Утром 29 октября революционным войскам удалось героическим натиском очистить от юнкеров и буржуазной гвардии Тверскую улицу» [158].

Отряд пресненских рабочих и самокатчиков занял гостиницу «Люкс» на Тверской улице и здание Малого театра [159].

Дальнейшее развитие наступления в центре сдерживалось опасением удара белогвардейцев с тыла. Надо было подавить их сопротивление в здании градоначальства, выходившем на Тверской бульвар (д. 26) и на Большой и Малый Гнездниковские переулки.

Штаб Рябцева придавал большое значение сохранению за собой градоначальства. В здании находился довольно большой гарнизон: около 200 милиционеров и офицеров. Сюда подошел отряд конных милиционеров. Штаб Рябцева прислал в подкрепление два отряда студентов и два отряда юнкеров с пулеметами — один отряд до начала операций и второй в ходе осады градоначальства. Юнкера укрепились также между Леонтьевским и Чернышевским переулками. Во главе гарнизона градоначальства стоял полковник [160]. Осажденные имели регулярную связь со шта-

---

[156] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 35—36.

[157] Там же, стр. 35. В переговорах помощника начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубова с комиссаром Румынского фронта Э. П. Тизенгаузеном также указывается: «Потери правительственных войск: 30 убитых и 100 раненых» («Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 158).

[158] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 412. Сводка ВРК была опубликована в «Социал-демократе» 31 октября 1917 г. Она была напечатана также в «Бюллетене ВРК Совета рабочих депутатов Городского района» 30 октября, выходившем в связи с затруднениями и задержкой регулярной публикации «Социал-демократа» и «Известий Совета рабочих депутатов». Всего ВРК Городского района с 30 октября по 6 ноября выпустил 6 бюллетеней («Московский Военно-революционный комитет», стр. 79).

[159] «За власть Советов!», стр. 256—257.

[160] *А. Н. Вознесенский.* Москва в 1917 году, стр. 181—185.

бом мятежников в Александровском училище. Им удалось под покровом темноты послать в штаб автомобиль и привезти патроны.

Еще утром 28 октября ВРК послал к градоначальству революционный отряд и предложил белым сдаться. Гарнизон градоначальства отказался. Началась осада. Осаждающие революционные части захватили высокий дом Нирензее-Рубинштейна в Большом Гнездниковском переулке (д. 10). Он господствовал над большим районом. Если бы дом находился в руках мятежников, то с его крыши можно было подвергнуть пулеметному огню Страстную площадь, где находилась артиллерия большевиков. Но штаб Рябцева не торопился занять этот дом, надеясь на то, что там находится большой отряд домовой охраны под командованием офицера. Этот офицер хвастливо клялся, что «не позволит большевикам занять дом, что в его распоряжении боевой отряд, что можно быть спокойным и т. д.» [161]

Однако революционные части 28 октября сумели обезоружить домовую охрану, которая не проявила особой стойкости, а ее хвастливый командир скрылся. На крыше здания красногвардейцы установили пулеметы и начали обстрел двора градоначальства. В результате его гарнизон был лишен возможности развивать боевые действия против здания Московского Совета.

29 октября после перехода в общее наступление ВРК распорядился взять градоначальство, чтобы полностью устранить угрозу белых с тыла. Для выполнения этой задачи ВРК сформировал специальный отряд из красногвардейцев и солдат под командованием левого эсера (впоследствии коммуниста) прапорщика Ю. В. Саблина, только что вернувшегося со II съезда Советов и кооптированного в члены ВРК.

Наступление на градоначальство велось по Тверскому бульвару и от Большого и Малого Гнездниковских переулков. Градоначальство было подвергнуто артиллерийскому обстрелу. Под его прикрытием красногвардейцы и солдаты прорвались к самому зданию. Саблин предложил его гарнизону сдаться под угрозой продолжения артиллерийского огня. В гарнизоне начались колебания, часть рядовых милиционеров побросала оружие. Со Страстной площади ударила артиллерия. Начался штурм дома. Бойцы отряда Саблина ворвались в градоначальство. Одновременно со стороны Тверского бульвара наступали красногвардейцы Сокольников под командованием Е. Маленкова. Впереди шли красногвардейцы, увлекая за собой солдат. Смелая атака завершилась взятием градоначальства. В плен сдалось около 200 юнкеров и других белогвардейцев, которых под конвоем отправили в Московский Совет.

При взятии градоначальства погибли молодые рабочие-красногвардейцы из Сокольников, члены союза рабочей молодежи «III Интернационал» большевик С. Д. Барболин и А. Жебрунов.

«Заноза» в тылу штаба ВРК была ликвидирована, а освободившиеся революционные части использованы на других боевых участках.

Развивая наступление, красногвардейцы и солдаты очистили переулки между Тверской и Никитской улицами, вышли на Большую Никитскую и закрепились на ней.

По Тверскому бульвару красногвардейцы продвинулись вперед к Никитским воротам, где захватили сильно укрепленный юнкерами угловой

---

[161] Там же, стр. 183.

дом Гагарина. Здесь наступлением руководили Ю. В. Саблин, Кузьмин, Зайцев [162].

К вечеру 29 октября Красная гвардия Городского района с боем вновь заняла почту и телеграф на Мясницкой улице. Была налажена почтовая и телеграфная связь между Москвой и другими городами, в которых Советская власть уже победила.

В 9 час. вечера 29 октября революционные части подвергли артиллерийскому обстрелу гостиницу «Метрополь», где находился сильный отряд белогвардейцев.

В Замоскворечье 29 октября штаб района начал операции против важнейших опорных пунктов контрреволюции — штаба МВО и Александровского училища.

Сводный отряд красногвардейцев и солдат Замоскворечья под командованием рабочего телефонного завода большевика П. Г. Добрынина, очистив от юнкеров Крымский мост и лицей, соединился с революционными войсками Хамовников и начал совместное наступление на штаб МВО на Пречистенке.

На Хамовническом плацу возле казарм 193-го запасного пехотного полка, полностью перешедшего на сторону ВРК, была установлена артиллерия для обстрела штаба МВО, Кремля и района Никитской. Хамовнический ВРК запросил у Центрального ВРК разрешение открыть артиллерийский огонь [163].

В 10 час. утра 29 октября красногвардейцы Замоскворечья и Хамовников овладели Провиантскими складами, где находились большие запасы продовольствия и боеприпасов. Вплоть до 1 ноября юнкера не оставили попыток отбить склады, но все они оказались безуспешными.

Сводный отряд красногвардейцев завода «Поставщик» и солдат 2-го взвода 3-го Ржевского саперного батальона под командованием рабочего Ф. С. Смирнова в 10 час. вечера 29 октября начал наступление на Зачатьевский монастырь. Здесь находилось два взвода юнкеров. Поздно ночью красногвардейцы ворвались в монастырь через южные ворота. Юнкера бежали в направлении штаба МВО.

Но дальнейшее продвижение отрядов Замоскворечья и Хамовников к штабу МВО было приостановлено. Белые организовали здесь оборону, вели огонь из чердаков и подвалов, с колоколен церквей. Только за один день отряды Замоскворечья потеряли в этих боях 225 человек [164].

Красногвардейцы и солдаты закрепились на углу Коробейникова переулка. В чайной Бахтина (д. 33) был расположен штаб Остоженского отряда. Подвезли тюки с хлопком и под их прикрытием вырыли окоп. В 200 шагах от него находился окоп противника. Бой в районе Остоженки и Пречистенки принял позиционный характер.

Второй отряд красногвардейцев Замоскворечья под командованием Н. Сычева начал наступление от Малого Каменного моста в направлении Пречистенки. Юнкера закрепились за оградой храма Христа Спасителя. Здесь обе стороны также залегли в окопы.

Боевые действия происходили в тяжелых условиях. Стояла сырая, холодная осень. То и дело шел дождь. Неглубокие окопы быстро заполня-

---

[162] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 27.
[163] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 88.
[164] *А. Я. Грунт.* Победа Октябрьской революции в Москве. М., 1961, стр. 174.

лись водой. Но революционные бойцы стойко переносили все трудности. Они методично продвигались вперед, рыли новые окопы, укрепляли их и с новых позиций делали следующий бросок вперед. Что руководило ими? Выполнение воинского долга? Воинская дисциплина? Но большинство красногвардейцев только что вступили в отряды и еще не знали этого долга, а солдаты, которых покинули командиры, носители этого долга, от него уже стали отвыкать.

В боях за власть Советов рождалась новая дисциплина — сознательная. Бойцами руководило сознание, что они воюют за свои идеалы — создание общества, не знающего ни эксплуатации человека человеком, ни угнетения одного народа другим.

Из Замоскворечья подавлением мятежа в Москве руководил партийный боевой центр. Здесь находились выдающиеся большевики М. Ф. Владимирский, М. С. Ольминский, И. А. Пятницкий, В. Н. Подбельский, И. И. Скворцов-Степанов. Здесь издавались газеты «Социал-демократ» и «Известия Московского Совета», листовки и воззвания МК РСДРП(б) [165]. Замоскворечье оправдало свое значение ведущего пролетарского района Москвы в борьбе за упрочение Советской власти.

Перешли в наступление и революционные отряды рабочей Пресни. Здесь были заняты комиссариаты милиции, Александровский вокзал. Тяжелые бои шли на подступах к Кудринской площади. Юнкера, наступавшие по Поварской и Никитской, закрепились в районе Кудринки, заняли Казанскую и Девятинскую колокольни. В ночь на 30 октября по приказу Пресненского ВРК в район были доставлены трехдюймовые орудия. Под их прикрытием революционные отряды начали наступление на Кудринку и на район Смоленского рынка. Штаб Красной гвардии Пресни 30 октября перешел ближе к месту боев и разместился в здании бывшего комиссариата милиции (Кудринская улица, д. 4). Боевыми операциями руководили члены ВРК и штаба Красной гвардии Пресни Ф. Шеногин и М. О. Златоверов.

Совместными действиями отрядов Пресни, Городского и Бутырского районов были очищены от небольших групп противника районы Тверской заставы и Садово-Триумфальной площади. Тем самым восстановилась связь центра с Пресней, Сокольниками, Сущевско-Марьинским и Бутырским районами.

В Сущевско-Марьинском районе белогвардейцы заняли здание Инженерного училища. Красногвардейские части окружили их и после ожесточенного боя принудили капитулировать.

Сокольнический район представлял собой тыловую, резервную базу революционных войск. В Сокольнических вагоноремонтных мастерских формировались отряды красногвардейцев. Здесь они обучались военному делу, вооружались и отсюда шли в бой. Сюда же прибывали и отсюда направлялись в центр отряды, подходившие из других городов. За время боевых операций из Сокольнического района в центр было отправлено до 5 тыс. красногвардейцев и солдат [166].

В Лефортове отряды Басманного, Благуше-Лефортовского и Рогожского районов продолжали борьбу с юнкерами Алексеевского училища.

---

[165] «Октябрь в Замоскворечье». Воспоминания К. Островитянова, И. Пятницкого, В. Файдыша, Я. Пече и др.

[166] «Борьба классов», 1932, № 7-8, стр. 157.

Более 400 юнкеров и кадетов старших классов, вооруженных пулеметами, укрепились в зданиях Алексеевского училища, вырыли окопы, подготовились к длительной обороне.

Для руководства борьбой с юнкерами был создан объединенный штаб трех районов: Рогожского, Лефортовского, Басманного. В наступление против Алексеевского военного училища были двинуты красногвардейские отряды трех районов, самокатчики, солдаты 85-го запасного пехотного полка и мастерских тяжелой осадной артиллерии («Мастяжарт»). В руководстве отрядами участвовали солдаты «Мастяжарта», член ВРК Лефортовского района, впоследствии видный организатор артиллерийских частей Красной Армии В. П. Демидов и Н. Туляков.

В 6 час. утра 29 октября революционные части в Лефортове приступили к подавлению сопротивления юнкеров Алексеевского военного училища. Бойцы «Мастяжарта» подвезли две пушки.

К офицерам и юнкерам была послана делегация с предложением сдаться, выдать оружие и боеприпасы; всем сдавшимся гарантировалась безопасность. Часть офицеров соглашалась капитулировать, но большинство высказалось против. Вероломно, без предупреждения, осажденные открыли огонь, убив 5 и ранив более 10 человек. Тогда революционные части ввели в действие артиллерию. После нескольких артиллерийских выстрелов юнкерам снова предложили сдаться. Но из училища вышли лишь кадеты и служители [167]. Беспрепятственно пропустив их, осаждающие возобновили артиллерийский обстрел. В час дня белогвардейцы оставили три корпуса и попросили «прекратить огонь, так как среди них имеются дети» [168]. О детях белые вспомнили только тогда, когда поняли, что их авантюра обречена на провал. Но кадеты уже были выпущены из училища и получили продовольствие на красногвардейских кухнях. Кстати, после взятия Алексеевского училища жертв среди детей не оказалось. Но контрреволюция муссировала выдумку о «насилиях над детьми» в клеветнических целях.

После оставления мятежниками трех корпусов командование революционных частей снова предложило сдать оружие, прекратить сопротивление, но и на этот раз согласия не последовало. Осада продолжалась.

В Рогожском районе к вечеру 29 октября от юнкеров был очищен район Таганской площади.

Красногвардейцы Симоновской слободы и Кожевнического подрайона окружили 6-ю школу прапорщиков в Крутицких казармах.

В ходе борьбы силы врага таяли, надежда на помощь слабела, а революционная армия непрерывно росла. Она увеличивалась прежде всего за счет трудящихся столицы. На всех фабриках и заводах формировались красногвардейские отряды. В полках и подразделениях гарнизона все бóльшая часть солдат принимала участие в боевых операциях. Росла революционная армия и за счет постоянного притока пополнения из Петрограда, из городов и поселков Центрального промышленного района. В течение 28—29 октября в революционной армии рабочих и солдат Москвы насчитывалось до 50 тыс. активных бойцов [169]. «В общем мы имели в Москве абсолютно верных нам бойцов не менее 50 тыс. человек,— писал в

---

[167] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 415.
[168] Там же, стр. 413, 423.
[169] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 312.

1922 г. первый советский командующий Московским военным округом Н. И. Муралов,— и столько же близких к нам, колеблющихся и во всяком случае не наших противников, а скорее друзей, как потом и оказалось». Автор не характеризует состав сражавшихся, но в своих воспоминаниях, опубликованных ранее, он писал: «У наших врагов были силы, по моим вычислениям, около 10 тыс. человек, не считая командного состава... У нас... до 15 тыс. вооруженных активных и больше 25 тыс. резервных неактивных, около 3 тыс. вооруженных рабочих, 6 батарей трехдюймовых и несколько тяжелых орудий без прислуги или с неумелой прислугой» [170]. Эти данные позже были использованы белогвардейцами для того, чтобы доказать, будто Октябрь в Москве являлся «солдатским бунтом». Бывший эсер Д. Анин, подвизавшийся затем в Западной Германии, в 1967 г. писал: «В. Руднев, эсеровский городской голова Москвы, цитирует показания известного большевика Н. Муралова..., в соответствии с которыми главные силы большевиков в Москве состояли из 40 тыс. солдат запасных частей и только 3 тыс. рабочих» [171]. Вряд ли нужно напоминать, что характер революции определяется не составом боевых сил, а классовым составом движущих сил революции, руководством передового класса — пролетариата и стоящими перед ним задачами.

Что касается цифр Муралова, то они абсолютно неверны. Вооруженных рабочих в Москве было не менее 25 тыс.[172]

Эту многочисленную армию необходимо было вооружить, а Арсенал, на который возлагали столько надежд, захватили в Кремле юнкера.

Из всех районов поступали требования на оружие. Его искали повсюду. Вооружались винтовками, захваченными в милицейских участках и отобранными у задержанных офицеров. Разыскивали оружие, припрятанное еще со времени борьбы с корниловщиной. Но этого было недостаточно. По приказу ВРК красногвардейцы и солдаты осматривали склады, обыскивали вагоны на железнодорожных станциях, производили обыски в буржуазных кварталах города. Поиски оружия дали хорошие результаты. Особую роль при этом сыграли железнодорожники.

28 октября ВРК Московско-Казанской железной дороги сообщил в центр, что на запасных путях станции Сокольники слесарь И. Маркин обнаружил вагоны с винтовками (около 40 тыс.). Солдаты охраны сдались красногвардейцам-железнодорожникам, которыми командовал Уткин, без боя [173]. Два вагона с винтовками были обнаружены на Саратовском вок-

---

[170] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 56.

[171] *D. Anin.* The February Revolution. Was the Collapse Inevitable? — «Soviet Studies», 1967, vol. 18. New York, p. 455. Д. Анин извлек эти данные из журнала «Современные записки» (т. 50. Париж, 1932).

[172] Член ВРК, начальник Красной гвардии А. С. Ведерников привел эти данные в своем докладе в ноябре 1917 г. (ЦГАСА, ф. 31773, д. 5, лл. 4—8). Относительно реальной численности противника также существуют серьезные разногласия. И. А. Пятницкий считал, что у белых было до 20 тыс. человек: 15 тыс. юнкеров, солдат и офицеров и до 5 тыс. прочих белогвардейцев. А. Н. Вознесенский со слов Н. И. Муралова писал, что численность белогвардейцев составляла 10 тыс. («Москва в 1917 году», стр. 170). Сами белые считали, что на их стороне сражалось около 8 тыс. («Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 47). Иностранные корреспонденты, видимо, по белогвардейским источникам, тоже считали, что белых было 10 тыс. (7 тыс. юнкеров и 3 тыс. других белогвардейцев). Мы остановились на цифре 10 тыс., так как она наиболее полно подтверждается документами.

[173] «За власть Советов!», стр. 286—287.

зале. Винтовки были найдены также на Брянском и Александровском вокзалах [174]. На путях Савеловской железной дороги у Яхромской фабрики нашли эшелон со снарядами. Они были доставлены в Москву и поступили на вооружение революционной артиллерии [175]. На станции Сходня Николаевской железной дороги обнаружили 45 вагонов снарядов, а на станции Лосиноостровская Северной железной дороги — склад с боеприпасами [176]. Широко были использованы Симоновские пороховые склады, занятые красногвардейцами Симоновского подрайона.

Таким образом, оружие и патроны были найдены. Началось массовое вооружение революционной армии рабочих и солдат. Член ВРК, начальник Красной гвардии А. С. Ведерников писал, что за время с 25 октября по 16 ноября рабочим и солдатам было роздано более 100 тыс. винтовок и 10 тыс. револьверов, из них до 4 ноября — около 50 тыс. винтовок [177].

Как уже отмечалось, боевые операции велись систематически и целенаправленно. Районы выполняли планы, разработанные под руководством Центрального ВРК. Районные штабы поддерживали с ним постоянную связь. При необходимости штабы различных районов и подрайонов объединялись для проведения совместных операций. Так, три района — Благуше-Лефортовский, Рогожский и Басманный — создали объединенный штаб. Согласовывали свои боевые операции ревкомы Бутырского и Сущевско-Марьинского районов, Пресненского и Городского районов. Совместные, скоординированные операции вели отряды Замоскворецкого и Хамовнического районов. ВРК Железнодорожного района направлял действия всех ревкомов отдельных железных дорог. Эти совместные, объединенные действия, о которых сообщалось Центральному ВРК и которые нередко предписывались оттуда, убедительно свидетельствуют о наличии у революционных войск единого плана.

Основная задача операций в каждом районе сводилась к освобождению территории района от белогвардейцев и организации последующего наступления с целью их окружения в центре.

Подводя итоги двухдневным наступательным действиям, Центральный ВРК сообщал в оперативной сводке: «К вечеру 29 октября положение революционных войск укрепилось по всему городу. С районов к центру города направляются наши войска, занимая улицы и дома» [178]. Далее в сводке особо отмечалось общее наступление 29 октября: «В боевом отношении истекшие сутки были чрезвычайно благоприятны для войск Советов рабочих и солдатских депутатов: дружные действия солдат и рабочих-красногвардейцев все больше сжимают кольцо, окружающее юнкеров» [179].

Развитие событий в Москве 29 октября свидетельствовало о том, что Центральный ВРК имел все необходимое для организации дальнейшего наступления с целью полного разгрома врага.

Мятежники сами вынуждены были признать тяжесть своего положения. Вечером 29 октября в 21 час. 10 мин. помощник Рябцева поручик Ровный связался со Ставкой. Телеграф уже находился в руках революци-

---

[174] *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов. Канд. дисс. М., 1963, стр. 286.
[175] «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1957, стр. 427.
[176] «Железнодорожники и революция», изд. 2-е. М.— Л., 1925, стр. 66, 69.
[177] «Пролетарская революция», 1922, № 4, стр. 170.
[178] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 413.
[179] Там же, стр. 415.

онных войск, но контрреволюционно настроенные телеграфисты, видимо, сумели обмануть бдительность неопытного караула и включили в прямой провод телеграфный аппарат, находившийся в штабе Московского военного округа. На этот раз в сообщении помощника Рябцева не осталось и следа от вчерашнего бахвальства. Он заявил, что Рябцев ниоткуда не получал никакой поддержки. «Силы наши,— говорил поручик,— состоящие только из юнкеров, казаков, количество коих вам известно, а также добровольческих дружин, постепенно тают и страшно переутомлены. С другой стороны, силы противника увеличиваются, и он становится с каждым шагом наглее» [180].

Поручик доложил, что большевистские части заняли все вокзалы, а в центре — градоначальство, почтамт и телеграф. Алексеевское военное училище еще защищается, но артиллерия большевиков разрушила верхнюю часть здания и вызвала пожары. В сообщении Ровного уже ничего не говорилось о наступлении юнкеров. Напротив, он признал: «Окраины для нас совершенно недоступны. Приходится защищать центр и от поры до времени делать нападение на окраины». Поручик настойчиво просил поскорее прислать помощь. «Необходима крайне помощь,— убеждал он,— так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих». Заканчивая свою информацию, помощник Рябцева снова просил сообщить Духонину, что «Москва нуждается в крайне спешной поддержке. Иначе, если таковой не будет, результаты сражений для нас очень неопределенны, чтобы не сказать больше» [181].

Таким образом, положение мятежников, по их собственному признанию, стало безнадежным.

Но в Москве, как и под Петроградом, на помощь контрреволюции поспешил Викжель, ультимативно потребовавший прекращения военных действий под угрозой объявления всеобщей железнодорожной стачки.

Перемирие

Московское бюро Викжеля, оставшееся после отъезда почти всего его состава в Петроград, находилось в полной изоляции. Хозяевами положения на вокзалах Москвы и ближайших станциях являлись железнодорожные военно-революционные комитеты. Они регулировали движение эшелонов: задерживали карательные или подозрительные воинские поезда и продвигали эшелоны, шедшие на помощь революционной Москве. Железнодорожные ревкомы обеспечивали связь Москвы с Петроградом и городами Центрального промышленного района. По указанию ревкомов осматривались вагоны и склады на станциях в поисках оружия. Красногвардейские отряды железнодорожников не только охраняли вокзалы, но и принимали активное участие в боях с мятежниками.

Сами члены Московского бюро Викжеля в переговорах с петроградскими коллегами не скрывали своей изоляции. Узнав о предполагаемом объявлении железнодорожной забастовки, они всячески открещивались от инициативы в ее проведении. «Призыв к забастовке должен исходить из центра,— упрашивали московские викжелевцы петроградских, откровенно

[180] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 38.
[181] Там же.

сообщая о своей растерянности и бессилии,— настроение у нас в бюро крайне напряженное и нервное... Наше помещение рядом со штабом большевиков..., где живет более тысячи человек красногвардейцев и солдат... Всякие действия с нашей стороны могут быть парализованы, и мы арестованы» [182].

Питерским викжелевцам приходилось ободрять своих растерявшихся коллег. На причитания о трудностях они даже разразились бранью: «Не говорите глупостей. И прежде, чем говорить, соображайте» [183].

Утром 29 октября по прямому проводу состоялись переговоры между петроградскими и московскими членами Викжеля. П. Вомпе из Петрограда сообщил, что вопрос о предъявлении ультиматума с требованием прекратить военные действия под угрозой забастовки решен. Ультиматум вручается большевикам и Керенскому. Вомпе предложил Московскому бюро Викжеля объявить об ультиматуме враждующим сторонам в Москве. Он рекомендовал в целях оказания давления на Военно-революционный комитет сослаться «на позицию большевистского Центрального Исполнительного Комитета, от которого мы вчера в лице Каменева получили официальное сообщение о принятии нашей платформы» [184].

Враги, таким образом, широко использовали отступничество капитулянтов в столице и советовали викжелевцам Москвы сыграть на колебаниях московских сторонников линии Каменева.

Видимо, стремясь поднять настроение московских викжелевцев, их петроградские коллеги пошли на явную клевету. «Пригороды Петрограда подвергаются обстрелу» [185],— сообщали из столицы, хотя к этому времени мятеж юнкеров в Петрограде был подавлен, а наступление войск Керенского — Краснова уже выдохлось.

Член Московского бюро Викжеля передал Вомпе, что представитель бюро О. Б. Гар огласил ультиматум на заседании Комитета общественной безопасности. Его члены чрезвычайно обрадовались своевременной помощи Викжеля. Дело в том, что Комитет общественной безопасности знал о переговорах со Ставкой, знал и о том, что помощнику Рябцева Г. Г. Кравчуку удалось вырваться в Смоленск и оттуда связаться со Ставкой. Там заверили, что войска с фронта подойдут к Москве 30 октября. Поэтому предложенное Викжелем перемирие вполне отвечало интересам мятежников: они охотно согласились немедленно начать переговоры в надежде выиграть время.

Согласился на переговоры и ВРК. Вечером 29 октября состоялось его срочное заседание с участием членов партийного центра, на котором после долгого обсуждения был утвержден следующий приказ: «Всероссийский железнодорожный союз предложил Военно-революционному комитету посредничество в переговорах с противной стороной.

Согласившись на ведение переговоров, Военно-революционный комитет объявляет перемирие до 12 час. ночи 30 октября с/г., в течение этого времени будут вестись переговоры.

---

[182] «Очерки истории Союза. (Очерки по истории рабочих железнодорожного транспорта)». Сборник 2. М., 1924, стр. 104, 105.

[183] «Октябрьские дни в Москве и районах». По воспоминаниям участников. М., 1922, стр. 21.

[184] Там же.

[185] «Октябрьские дни в Москве и районах». По воспоминаниям участников, стр. 21.

Военно-революционный комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу. За председателя — А. Ведерников, Г. Усиевич, М. Рыкунов. Секретарь — П. Кушнер» [186].

Приказ был размножен на машинке и разослан по районам, где его перепечатывали для пересылки в воинские части.

Штаб мятежников также издал приказ о прекращении боевых действий на время перемирия.

В комиссию по переговорам ВРК направил П. Г. Смидовича, П. И. Кушнера и Н. И. Муралова [187].

Переговоры начались утром 30 октября в так называемом «царском павильоне» на Николаевском вокзале. Представителям ВРК противостояло около 20 представителей Комитета общественной безопасности во главе с его председателем В. В. Рудневым. Среди них были викжелевцы, являвшиеся инициаторами перемирия.

Советские представители выдвинули те условия перемирия, которые заранее были сформулированы на заседании ВРК:

«1. Вся власть в Москве находится в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. [Военно]-революционный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов пополняется кооптированными представителями других демократических организаций.

2. Сводные части (как офицерские, так и солдатские) распускаются.

3. Красная гвардия в интересах защиты революции не уничтожается; белая гвардия распускается. Оказавшееся излишним оружие передается в Арсенал.

4. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям» [188].

Делегация противника отказалась не только принять советские условия, но даже обсуждать их. Она вела себя вызывающе, словно являлась командующей стороной. «Очевидно, противники наше положение представляли почему-то очень плохим» [189],— писал Смидович.

В поведении противной стороны, несомненно, было немало шантажа: напускной уверенностью в своем превосходстве она стремилась запугать советских представителей и вынудить их к уступкам. Во время переговоров рудневцы не раз подчеркивали, что они представляют и Комитет общественной безопасности, и Викжель, и президиум Совета солдатских депутатов, и т. п., а советская делегация — якобы лишь партию большевиков. На самом деле все перечисленные организации либо вообще нико-

---

[186] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 412.

[187] В исторической литературе называют другой состав делегации. Одни авторы пишут, что представителями ВРК на переговорах явились В. П. Ногин и П. Г. Смидович («Октябрь в Москве». М., 1967, стр. 371). П. Г. Смидович в своих воспоминаниях, кроме себя, назвал членом делегации П. И. Кушнера (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 530, л. 1). В. В. Руднев, возглавлявший делегацию противника, в своем докладе 7-го ноября также называет представителями ВРК на переговорах Смидовича и Кушнера («Труд», 9 ноября 1917 г.). Но в 1922 г. Н. И. Муралов писал: «Вести переговоры уполномочили П. Г. Смидовича, Кушнера и меня». Далее он перечисляет тех, кто входил в состав делегации противника, подробно излагает ход переговоров и т. д. («Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 314). Вхождение Муралова в делегацию подтверждается протоколом согласительной комиссии от 30 октября 1917 г. (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 77, л. 1; д. 78, л. 19).

[188] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 81.

[189] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 530, л. 1.

го не представляли (например, президиум уже распущенного Совета солдатских депутатов), либо представляли имущие слои населения (например, городская дума). В то же время советская делегация выступила от имени огромного большинства трудящихся, объединенного Советами рабочих и солдатских депутатов.

На поведении делегации мятежников сказывались также надежды на подход подкреплений. Батальон ударников уже прорвался в Москву (о чем будет сказано дальше), да и викжелевцы уверяли, что откроют проезд по железной дороге правительственным войскам. Оказывали влияние и слухи о мифических победах Керенского, распространенные в среде противника. Так, эсеровская газета «Труд» накануне перемирия вышла с аншлагом: «Петроград взят верными правительству и демократии войсками. Большевистский «революционный комитет» бежал. Повстанческие войска сдают оружие» [190]. А на следующий день после перемирия та же газета распространяла известие, что «войска Временного правительства вошли в Петроград. А. Ф. Керенский на Балтийском вокзале» [191].

Отвергнув условия советских представителей, мятежники выдвинули проект, авторами которого были викжелевцы. Их условия были таковы:

«1. Сводные части (как солдатские, так и офицерские) распускаются.

2. Обе стороны издают постановление о сдаче захваченного оружия для организации дружин в период боевых действий.

3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и Викжеля.

4. В Москве создается орган, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти и обладающий чрезвычайными полномочиями. Этот орган сохраняется впредь до решения центральным правительством вопроса об организации власти на местах. Состав его: от городского самоуправления семь представителей, от Московских Советов рабочих и солдатских депутатов семь, от губернского земства один, от губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов по одному, от Центрального Совета профсоюзов, почтово-телеграфного союза и Викжеля по одному; при этом ВРК и КОБ упраздняются.

5. Этим комитетом создается специальная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве и ответственность отдельных лиц и учреждений.

6. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям и остаются в распоряжении Рябцева, действующего по полномочию временного комитета» [192].

Даже при беглом сравнении советских предложений с условиями Викжеля ясно виден его классовый расчет. Викжель предлагал восстановить положение, существовавшее до начала социалистической революции: Советская власть устраняется, ВРК упраздняется, а вместо него создается

---

[190] «Труд», 28 октября 1917 г.

[191] «Труд», 31 октября 1917 г.

[192] Этот документ был опубликован с пропусками и ошибками в 1922 г. («Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 23). В более полном виде он воспроизведен в сборнике «Московский Военно-революционный комитет» (стр. 81). Мы цитируем его по протоколу согласительной комиссии (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 75, лл. 1, 2).

орган, в котором должны преобладать старые власти. Что касается войск, то по условиям перемирия они вновь передавались под командование Рябцева.

Эсеры из Комитета общественной безопасности могли быть спокойны и не затруднять себя выработкой предложений: их работу выполняли эсеры из Викжеля.

Проект Викжеля не был принят обеими сторонами. Советские представители согласились с пунктами 1, 5 и 6-м. Относительно состава временного комитета (пункт 4-й) советские представители высказались против, но Викжель и делегаты, как они себя называли, нейтральных организаций настояли на его принятии. Ввиду приближения окончания срока перемирия (было уже 21 ч. 33 м.) обе стороны (КОБ и ВРК) приняли решение продлить его до 12 ч. дня 31 октября, а в случае обоюдного согласия в 23 ч. 30 м. у Большого театра обменяться приказами о продлении перемирия [193]. Условились также о разграничении зон враждующих сторон. В юнкерский район в центре входили: Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуэктов переулок, Пречистенка, Мертвый переулок, Старо-Конюшенный, Кривоникольский, Большая Молчановка, проход через церковный двор и переулок, Хлебный переулок, Никитский бульвар, Калашников переулок, проезд Театральной площади, гостиница Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд у Метрополя, Третьяковский проезд [194].

Фактически перемирие не наступило. Нарушили его прежде всего юнкера. Штаб Рябцева узнал, что из Брянска в Москву должен прибыть отряд ударников. Был сформирован отряд юнкеров под командой прапорщика Петрова, получивший приказ обеспечить прибытие ударников. В 10 часов вечера 29 октября юнкера атаковали Дорогомиловский мост, охраняемый отрядом красногвардейцев в 40 человек, захватили 5 пленных, из которых, как признавался в своем победном донесении Петров, двоих утопили в реке, а остальных пристрелили. Прорвавшись к Брянскому вокзалу, юнкера стали ждать прибытия ударников. Часть юнкеров направилась на Плющиху, где разгромила 2-й Хамовнический комиссариат. В 6 часов утра 30 октября 170 ударников прибыли на вокзал. Часть из них прапорщик Петров привел в Александровское военное училище, но другая часть отказалась следовать за прапорщиком и передала себя в распоряжение Дорогомиловского ВРК [195].

Узнав о провокации юнкеров, Московский ВРК в 6 час. 35 мин. утра 30 октября обратился к красногвардейцам и солдатам с воззванием: «Мы верно исполнили все условия перемирия, а наши враги их нарушили. На Брянский вокзал явилось (приведено по ж.д.) 155 человек солдат-ударников с офицерами... Условие ими нарушено. Надо готовить отпор...

Скорей. Время не ждет» [196].

Днем 30 октября бойцы ВРК Дорогомиловского подрайона освободили Брянский вокзал, очистили от юнкеров район за Дорогомиловским мостом и заняли половину моста. Для продолжения наступления ВРК Дорогомиловского подрайона просил помощи [197]. Центральный ВРК направил подкрепление из центра, а из Хамовнических казарм выслал роту солдат

---

[193] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 75, л. 2.
[194] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 35.
[195] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 85—86.
[196] Там же, стр. 85. Ударников, как отмечалось, прибыло 170, а не 155.
[197] Там же, стр. 92, 93.

193-го запасного пехотного полка под командованием прапорщика большевика Сулацкого.

Юнкера нарушили перемирие и в других местах. Обстреляв картечью позиции революционных отрядов Замоскворечья, юнкера предприняли попытку захватить мосты через Москву-реку. В центре города они повели наступление от Никитских ворот и Арбата, напали, в частности, на дом Гагарина у Никитских ворот, занятый красногвардейцами. У почтамта открыли огонь, атаковали прикрытие артиллерии на Страстной площади. На Остоженке пытались отбить Провиантские склады. «Провиантский интендантский склад у Крымской площади прочно занят нами,— сообщала большевистская газета.— Голодные юнкера делали 30 (октября.— *И. М.*), во время перемирия, отчаянные попытки пробиться сюда, хотели, вероятно, достать муки. Они взяли один наш окоп на Пречистенке, но затем были прогнаны» [198].

Как вел себя противник во время перемирия, рассказывал кооптированный в состав ВРК член «десятки» солдат 85-го запасного пехотного полка С. А. Савва-Степняк. Днем 30 октября он был послан вместе с одним викжелевцем устанавливать нейтральную зону. Юнкера захватили его в плен и повели в Александровское военное училище. По пути он увидел, что юнкера грабят продовольственный магазин. «Это направляется в Александровское военное училище, в штаб, ибо там нечего есть»,— ответил на протест Саввы-Степняка офицер, руководивший грабежом. На вопрос представителя ВРК, почему юнкера продолжают стрельбу, несмотря на перемирие, прапорщик ответил: «Никакого перемирия, пока не перебьем проклятых большевиков».

Когда Савва-Степняк, доставленный к Рябцеву, стал требовать прекращения огня, тот ответил, что соответствующий приказ издан, но его не выполняют потому, что большевики якобы продолжают стрельбу [199].

Становилось совершенно ясно, что перемирие выгодно только юнкерам. Для революционных частей оно не вызывалось никакой необходимостью. Если в первые два дня революции переговоры оправдывались отсутствием оружия и необходимостью собрать силы, то 29 октября заметное превосходство в силах было уже на стороне ВРК. К тому же у мятежников не было никаких перспектив на реальную помощь с фронта, а в распоряжение ВРК поступали все новые боевые части.

Предположить, что кто-либо из членов ВРК всерьез считался с угрозой Викжеля прекратить железнодорожное движение и приостановить эшелоны с революционными частями, совершенно невозможно. Жалкая роль викжелевцев была очевидна. Контролировали движение поездов железнодорожные военно-революционные комитеты, революционные эшелоны шли беспрепятственно.

Можно было оправдывать перемирие тем, что Центральный Комитет большевистской партии согласился вести переговоры с Викжелем. Это верно. ЦК партии по предложению В. И. Ленина принял решение начать переговоры, но подчеркивал, что их необходимо использовать как прикрытие для наступательных действий. И именно 30 октября утром началось решительное наступление под Пулковом против мятежных войск Краснова и Керенского.

---

[198] «Социал-демократ», 1 ноября 1917 г.
[199] Там же.

Московский Военно-революционный комитет неправильно понял тактику ЦК партии и, вступив в переговоры с противником, одновременно заключил с ним перемирие на сутки. В приказе Московского ВРК о прекращении боевых операций даже не говорилось о том, что войска должны находиться в боевой готовности. Районным ВРК приходилось поправлять Центральный Военно-революционный комитет. Так, Замоскворецкий ВРК, передавая распоряжение о прекращении боевых действий, приказывал своим отрядам «сохранять полную боевую готовность и закрепляться на занимаемых позициях» [200].

Выступая в Московском Совете 7 ноября 1917 г., Г. А. Усиевич так объяснял согласие ВРК на переговоры: «На нас сыпалось много нареканий... что этого перемирия не нужно было заключать. Я опять-таки, товарищи, говорю, что если Военно-революционный комитет заключил перемирие, что если Военно-революционный комитет вел все время эти переговоры, то он делал это исключительно с целью избежать кровопролития или сделать его возможно меньшим» [201].

Вся история революций свидетельствует о высоком гуманизме народных масс, убежденных в том, что они борются за правое дело. В Москве, например, победивший народ воздержался от мести за расстрелы юнкерами безоружных солдат и за другие факты белого террора.

Но та же история дает немало примеров, когда гуманность в отношении врага, применяемая без учета конкретных обстоятельств и условий, превращается в свою противоположность. В данном случае в Москве позиция ВРК, о которой говорил Усиевич, привела лишь к затягиванию боевых действий: до перемирия вооруженные столкновения шли двое суток, а после перемирия — трое с половиной. Результатом были лишние жертвы с обеих сторон.

Заключение перемирия в момент, когда развернулось общее наступление революционных войск, было еще одной ошибкой Московского ВРК. В данном случае он нарушил одно из основных положений марксистско-ленинского учения о восстании, согласно которому восстание, если оно началось, должно непременно носить наступательный характер [202].

Районные Советы и ВРК, штабы районных ВРК и боевые части отнеслись к перемирию с недоумением и высказывались против него. «Перемирие встретило у рабочих и солдат вполне отрицательное отношение» [203],— так оценил настроение масс ВРК Городского района.

Команда батареи, расположенной на Страстном бульваре, получив приказ о перемирии, заявила: «Мы никакого перемирия не будем вести, пока противник не выйдет на дорогу и не сложит оружие. Если нам через 8 часов не сдадут оружие, то мы откроем ураганный огонь...» [204].

Бывали и другие случаи отказа выполнить приказ о прекращении огня. В таких случаях вмешивался Центральный ВРК. Так, отряд, действовавший против телефонной станции, где шли упорные бои, продолжал обстрел. Туда был послан член ВРК Е. Н. Игнатов с приказом прекратить огонь [205].

---

200 Там же, 31 октября 1917 г.
201 «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 454.
202 См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 383.
203 «Московский Военно-революционный комитет», стр. 96.
204 Там же, стр. 82.
205 Там же, стр. 84.

Против перемирия выступили и районные партийные организации. Объединенное заседание Замоскворецкого райкома партии и ВРК в ночь на 30 октября приняло решение прекратить переговоры и использовать против мятежников артиллерию. Постановили также направить в Петроград к В. И. Ленину своего представителя с информацией о положении дел в Москве и просьбой о помощи [206].

С протестом против перемирия выступил Лефортовский райком. В районе, как уже отмечалось, шли бои против юнкеров Алексеевского военного училища, которые на предложение сдаться ответили огнем, выведя из строя 15 человек.

Когда В. П. Демидов, руководивший осадой Алексеевского военного училища, получил распоряжение прекратить артиллерийский огонь, он удивился: почти все корпуса были заняты революционными частями, требовалось еще одно усилие, чтобы вынудить юнкеров к сдаче. И Демидов приказал продолжать обстрел. Из ВРК по полевому телефону (городская сеть не работала, так как юнкера, заняв телефонную станцию, отключили Московский Совет) позвонил А. Я. Аросев. Между ним и Демидовым произошел следующий диалог:

«— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение комитета, будешь строго отвечать за неподчинение...

— Не слышу!..

— Именем Военно-революционного комитета приказываю тебе прекратить огонь!..

— Ни черта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле...

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда...» [207]

Демидова поддержал Лефортовский ВРК, приславший в Центральный ВРК постановление об отказе прекратить наступление.

В 11 час. утра 30 октября состоялось совместное заседание ВРК Благуше-Лефортовского района, представителей районного штаба Красной гвардии и районного штаба воинских частей. Совещание приняло следующее постановление об условиях соглашения с противником: признание власти съезда Советов и ответственного перед ним правительства; вся власть в Москве, включая управление военным штабом и городской милицией, принадлежит Московскому Совету рабочих и солдатских депутатов; все мятежные части разоружаются, военнослужащие задерживаются, но им гарантируется безопасность; члены Комитета общественной безопасности подвергаются аресту. Судьба арестованных должна быть решена съездом Советов или созданным им правительством. Доведя свое постановление до сведения Центрального ВРК, собрание требовало, «чтобы последний руководствовался в своих действиях этими решениями» [208].

Объединенный штаб трех районов продолжал осаду Алексеевского военного училища. В 3 часа дня юнкерам предложили сдаться. Начались переговоры. К вечеру был подписан договор о сдаче. Он был утвержден

---

[206] «Красное Замоскворечье», стр. 85.
[207] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 79—80.
[208] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 87.

на совместном совещании представителей ВРК Лефортовского и Басманного районов, начальника Алексеевского военного училища полковника Овсюка, комиссара училища от штаба округа подпоручика Рогали-Левицкого, офицеров из командного состава училища и начальника гарнизона Лефортовского района В. Демидова.

Освободившиеся революционные части были направлены в другие районы боевых действий.

Вечером 30 октября Смидович и Кушнер доставили в ВРК условия Викжеля о перемирии, обсуждавшиеся в «царском павильоне». ВРК отверг их и не согласился на просьбу Викжеля продлить перемирие еще на 12 час. В Комитет общественной безопасности была передана телефонограмма об окончании перемирия в 12 час. ночи. Если будет решено продолжать переговоры, то только на основе платформы Советов, подчеркивалось в телефонограмме.

Рудневу была послана резолюция, предлагавшаяся большевиками с 27 октября: признание перехода власти к Советам, расширение ВРК за счет представителей других демократических организаций, но с обязательным преобладанием большевиков [209].

ВРК поручил И. А. Пятницкому, М. Ф. Владимирскому и П. Н. Мостовенко связаться с ЦК партии большевиков в Петрограде и сообщить о положении дел в Москве. Разговор по прямому проводу состоялся после заседания ВРК 30 октября с Николаевского вокзала.

Пятницкий задал вопрос: «Как себе представляет ЦК создание центральной власти и власти на местах?» [210]. Далее он спросил, достигнуто ли соглашение с другими партиями, о котором говорится в телеграмме Викжеля, и известна ли телеграмма Викжеля об установлении перемирия. «Наше положение хорошо,— говорил Пятницкий,— мы прочно укрепились в Совете на Скобелевской площади» [211]. Спросив далее, могут ли московские большевики «согласиться на образование центрального органа в Москве», что делается в Гатчине, каково военное положение и каковы вести с фронта, Пятницкий сообщил о решениях ВРК: «Мы отвергли предложение перемирия и условия мира, предложенные нам в шести пунктах... Мы согласились [на] продолжение переговоров при продолжающихся военных действиях на основе всей власти Советам. Переговоры прерваны. Одобряется ли наше поведение».

Пятницкий, таким образом, отметил, что партийный центр, а среди участников переговоров с ЦК были два члена партийного центра, выправил линию ВРК, предложив в дальнейшем, если представится необходимым, вести переговоры, не прекращая военных действий.

Из Центрального Комитета партии ответили, что после низвержения правительства Керенского власть была передана II Всероссийскому съезду Советов, в котором участвовали все социалистические партии. «Таким образом,— говорили из Петрограда,— наш ЦК не исключал социалистической коалиции на основе определенной программы. Коалиция была отвергнута. После того мы предложили коалицию левым эсерам, железнодорожному, почтово-телеграфному союзам и остаемся на этой позиции сейчас» [212].

---

[209] Там же, стр. 104—105.
[210] *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов, стр. 341.
[211] Там же.
[212] Там же.

Это был ясный ответ на вопрос о том, согласны ли большевики допустить к участию во власти другие социалистические партии, почему и на каких условиях начались переговоры с Викжелем и левыми эсерами.

Далее ЦК четко определил тактику большевиков на переговорах: «Мы считаем, что ход переговоров не может парализовать нашу борьбу против контрреволюционных войск Керенского. Всякая нерешительность... (дальше в тексте неразборчиво.— *И. М.*) погубила бы все дело демократии. Переговоры с демократическими партиями и организациями ведутся, но никаких переговоров с корниловцами мы не допускаем» [213].

Линия Московского ВРК и партийного центра, прервавших переговоры и продолживших боевые действия против контрреволюционных мятежников, соответствовала тактике ЦК партии большевиков [214].

В 10 час. вечера 30 октября был подписан приказ «Всем революционным войскам и Красной гвардии г. Москвы». В нем говорилось: «Военно-революционный комитет объявляет, что с 12 час. ночи 30 октября перемирие окончено, и Военно-революционный комитет призывает верные революции части и Красную гвардию стоять твердо за правое дело.

С этого момента мы вступаем в полосу *активных действий*» [215].

Ставка пытается организовать помощь контрреволюции в Москве

Роль перемирия как передышки для мятежников в целях собирания сил особенно наглядно видна в деятельности Ставки. Она находилась в тесной связи со штабом Московского военного округа, постоянно информировала его о положении под Петроградом и на всех фронтах. В свою очередь мятежники из Москвы сообщали Ставке о происходивших в городе событиях. Ставка с восторгом встретила известие о падении Кремля и с радостью информировала об этом Керенского и все фронты.

Но вдруг положение в Москве резко изменилось. Вечером 29 октября в 21 час. 10 мин., как уже отмечалось, помощник Рябцева поручик Ровный связался со Ставкой и стал жаловаться, что войска штаба округа никакой поддержки до сих пор не получили, что положение их крайне трудное.

---

[213] *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов, стр. 341. Курлат, впервые вовлекший в научный обиход этот интересный и ценный документ, отмечает, что на нем нет даты. Но документ легко поддается датировке. Во-первых, в нем упоминаются шесть пунктов условия мира, о которых шла речь 30 октября 1917 г. во время переговоров с мятежниками в «царском павильоне» и которые только что были отвергнуты ВРК и партийным центром; во-вторых, в документе упоминается телеграмма Викжеля, рассылавшаяся днем 29 октября. Все это позволяет сделать вывод, что переговоры состоялись не раньше 29 и не позже вечера 30 октября, когда вновь начались боевые действия.

[214] 30 октября на вечернем или ночном заседании Петроградского ВРК выступили представители Московского ВРК и Викжеля (фамилии их не установлены), выехавшие накануне из Москвы. Они сообщили об установлении перемирия и его условиях. Это были те шесть пунктов, которые разработали викжелевцы и которые отверг Московский ВРК. Решения Петроградского ВРК относительно этого сообщения москвичей в протоколе нет («Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1. М., 1966, стр. 357).

[215] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 103—104 (курсив наш.— *И. М.*).

В Ставке встревожились. Всего несколько часов назад там считали, что революция в Москве терпит поражение. Керенский из Гатчины уже требовал от Ставки направить ему освободившиеся в Москве части, а их, оказывается, самих надо спасать. Встревоженная Ставка срочно обратилась к штабу Западного фронта — ближайшему к Москве — с требованием принять срочные меры помощи. Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта генерал Б. С. Малявин ответил, что при выполнении приказов встречаются затруднения. «Наш Комитет спасения мешает» [216],— заявил он (фронтовой комитет запретил отправить назначенную в Москву батарею.— *И. М.*).

Решили подыскивать части, которым не придется следовать через Минск, где их мог задержать фронтовой Комитет спасения. Остановились на карательном отряде, который расправился с революционным Советом в Калуге. Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балуев телеграфировал начальнику Калужского гарнизона, командовавшему карательной экспедицией, полковнику Брандту: «Необходимо спешно помочь Москве в борьбе с большевиками, немедленно отправить в Москву три эскадрона нижегородцев и две сотни кубанцев» [217].

Но этого явно было недостаточно. В Ставке буквально метались в поисках где-то застрявших частей, направленных в Москву. Снова посыпались телеграммы главнокомандующим фронтами об очистке и охране узловых станций, через которые должны были следовать в Москву воинские части. А там настроение становилось все тревожнее. Мятежники все настоятельнее взывали о помощи. 30 октября (в этот день состоялось перемирие, но мятежники, как уже отмечалось, с этим не считались) поручик Ровный прислал в Ставку телеграмму: «Командующий войсками Московского округа просит Вашего приказания отряду, находящемуся в Калуге в распоряжении главнокомандующего западным фронтом, прибыть скорее с броневиками на помощь [в] Москву. Если не всему отряду, то хотя бы части» [218].

Генерал Духонин немедленно ответил поручику Ровному: «Распоряжение, просимое Вами, сделано» [219].

Но положение менялось с каждым часом. Керенский из Гатчины потребовал к себе Нижегородский полк, намеченный к отправке в Москву. Выяснилось также, что в Смоленске начались революционные выступления. Штаб Западного фронта, выполняя приказ Керенского, распорядился задержать отправку нижегородцев в Москву. Рябцеву сообщили: «Вследствие распоряжения Ставки и тревожного положения [в] Калуге в Москву надлежит отправить немедленно только сотни кубанцев из Калуги. Делается распоряжение отправлению одного казачьего полка в Смоленск» [220].

А Рябцев из Москвы снова и снова требовал от Ставки помощи. Не довольствуясь переговорами и телеграммами, он приказал своему второму

---

[216] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 99.
[217] Там же, ф. 2049, оп. 1, д. 637, л. 652.
[218] Там же, л. 178. На телеграмме поручика Ровного стоит резолюция генерала Дитерихса: «Запросить штазап, исполнено ли отданное уже распоряжение».
[219] Там же, л. 207. Телеграмма поручика Ровного пришла в 15 час. 20 мин., а ответ ушел в 17 час. 30 мин. Это говорит о том, что Ставка с полной готовностью и быстротой реагировала на просьбы мятежников в Москве.
[220] Там же, л. 179.

помощнику полковнику Г. Г. Кравчуку любым путем выехать из Москвы и лично связаться со Ставкой. Пользуясь перемирием, Кравчук выбрался из Москвы и утром 30 октября оказался в Смоленске. Комиссар Минского военного округа Галин, который руководил разгромом революционного гарнизона и Совета в Калуге накануне Октябрьского вооруженного восстания, связался с верховным комиссаром при Ставке, сообщил ему о «тревожном положении» и просил о присылке одного из полков Туркестанской дивизии. «Смоленск как центр округа,— убеждал Галин,— необходимо удержать [в] наших руках». Затем он добавил, что в Смоленск прибыл полковник Кравчук: «Удалось прорваться из Москвы. Желает выяснить, [в] каком положении эшелоны, двигающиеся на Москву, когда можно ожидать их [в] Москве, там положение тяжелое» [221].

Из Ставки спросили, каково положение в городах, через которые можно направлять помощь: в Орше, Ржеве, Вязьме и Рославле. Смоленск ответил, что эти города в руках большевиков. Далее из Смоленска снова спросили, идут ли на Москву эшелоны и где находится кавалерийская бригада, предназначенная для Москвы. «Все наше внимание,— ответили из Ставки,— сосредоточено на Орше и на очистке ее узла. Войск посылается достаточно. Известно ли вам, что большевиками послан сводный отряд в Гатчину?..» Из Смоленска с нескрываемым раздражением прервали: «Это известно. Просите начальника штаба, какие будут распоряжения помощнику командующего московским округом и что Москва может удержаться не более двух дней» [222].

Позже к прямому проводу подошел генерал Дитерихс. Он сообщил, что гвардейская кавалерийская бригада начала проходить через Жлобин, направляясь на Оршу — Смоленск — Москву. Однако он тут же с сокрушением добавил: «Движение по железным дорогам встречает на сегодняшний день серьезные затруднения вследствие обстоятельств текущего времени». Из-за этого, разъяснял Дитерихс, не удалось отправить батарею с Западного фронта. Вчера (29 октября) мы обратились к генералу Каледину с просьбой направить в Москву донских казаков, но ответа еще нет.

На вопрос из Смоленска, что слышно под Петроградом, Дитерихс ответил, что войска Керенского подходят к городу, но неизвестно, вошли ли они в него. «Движение, по-видимому, ослаблено,— говорил Дитерихс о революционных событиях в Петрограде,— но еще не ликвидировано. На фронтах эксцессы латышей, в Орше, Жлобине, Киеве, Виннице. Все это очень осложняет дело. Однако есть полная уверенность, что главная масса на фронтах останется спокойной» [223].

Сведения генерала Дитерихса о помощи Москве были, таким образом, не очень определенные. Из Москвы для поддержки полковника Кравчука прислали члена «Комитета спасения революции», председателя окружного комитета подпоручика Тюлина [224]. Вместе они добились связи с Духониным. Спросив генерала, доложить ли ему содержание предыдущего разговора, Кравчук заявил: «Положение московского отряда тяжелое за отсутствием достаточного количества патронов и продовольствия. Настроение

---

[221] ЦГВИА, ф. 2049, оп. 1, д. 637, л. 184.
[222] Там же, л. 185.
[223] Там же, л. 188.
[224] По-видимому, речь идет о председателе Московского областного комитета по формированию добровольческой армии, организовавшего отряды в помощь Рябцеву.

твердое и устойчивое. Патронные склады и продовольственные заняты большевиками. При моем отъезде формировался отряд для нападения на склады. Мне неизвестно, удалось ли его осуществить. Если нет, долго держаться отряд не может, и, весьма возможно, придется пробиваться из Москвы».

Полковник Кравчук еще продолжал храбриться, говоря о «твердом и устойчивом» настроении мятежников, о каком-то «разложении» среди большевиков, но в заключение откровенно признал: «Наш отряд окружен и чрезвычайно утомлен бессменной, крайне утомительной работой. Потери отряда — около 100 человек.

«Комитет спасения революции» настоятельно просит самой спешной и энергичной поддержки» [225].

Духонин в ответ заверил, что «все распоряжения — и самые категорические — были отданы Ставкой своевременно и после этого неоднократно подтверждались и подтверждаются». Он говорил, что к Москве идут эшелоны гвардейской кавалерийской бригады с артиллерийской батареей, хотя из-за перерыва связи с югом трудно сказать, где они находятся, Сибирская казачья батарея с прикрытием и три эскадрона Нижегородского драгунского полка из Калуги. Кроме того, штабу Румынского фронта приказано срочно отправить в Москву примерно шесть батальонов пехоты с артиллерией, а с Дона просили направить в Москву казаков «и сейчас вновь подтверждаем эту просьбу...» [226].

Отметив, что отправка войск затрудняется сопротивлением местных властей (например, минский «Комитет спасения» не пропускает воинские части, но ему послано категорическое приказание от имени верховного главнокомандующего), Кравчук просил, если будут новые данные, сообщать ему или комиссару штаба Минского военного округа в Смоленск, а также в Москву Рябцеву. «Но это надо сделать осторожно,— указывал он,— так как я не уверен, что телеграф в наших руках».

Духонин рекомендовал своим собеседникам самим «говорить с Минском». Эта рекомендация свидетельствовала о том, что Ставка начала понимать свое бессилие.

Духонин кончил разговор заверением: «Мы все время помним о Москве и делаем и будем делать все возможное, чтобы облегчить ее положение». Полковник Кравчук бодро закончил разговор: «С вашей помощью отстоим Москву».

Но резкий переход от недавних успехов к столь серьезным неудачам в Москве привел к тому, что Духонин начал терять надежду на благоприятный исход.

30 октября, сообщая о своем разговоре с полковником Кравчуком начальнику штаба Юго-Западного фронта генералу Стогову, Духонин говорил: «В Москве положение напряженное. Большевики усилились, но правительственные войска ведут ожесточенную борьбу. К сожалению, пока не получили предназначенных для них подкреплений с фронта. Говорил с Кравчуком. Продержаться еще два дня» [227].

---

[225] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 41.
[226] Там же, стр. 42.
[227] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 282. Во всяком случае, Духонин счел нужным в тот же день предупредить Керенского, что сведения о наступлении спокойствия в Москве неверны, что, напротив, там ведется «чрезвычайно упорная борьба».

Однако Ставка по-прежнему делала все возможное, чтобы обеспечить помощь Москве. 30 октября Духонин вторично обратился с просьбой к атаману Каледину ускорить посылку казаков в Москву. Атаман согласился и отдал приказ о выступлении казачьей дивизии на Воронеж и далее на Москву.

30 октября Духонин предписал заместителю главнокомандующего Румынским фронтом генералу Д. Г. Щербачеву выслать отряд на Москву: «Благоволите ускорить формирование и отправку [отряда], в чем встречается настоятельная необходимость»[228]. Из Ясс, где находился штаб Румынского фронта, запросили, куда именно и в чье распоряжение должен быть отправлен отряд, а относительно времени его отправки сообщили, что это выяснится завтра, 31 октября, так как неоперативная переброска войск зависит от решения общефронтового съезда. На этой телеграмме Духонин написал резолюцию: «В Москву, в распоряжение командующего войсками, но только поскорее»[229].

В тот же день, полный тревог и неожиданных осложнений, от генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта генерала Б. С. Малявина в Ставку пришла телеграмма о том, что фронтовой «Комитет спасения революции» отменил посылку в Москву трех эскадронов нижегородских гусар. Малявин рекомендовал подтвердить распоряжение от имени главковерха, «приказы которого мы обязаны исполнять беспрекословно»[230]. Генерал Духонин вместе с председателем общеармейского комитета С. В. Перекрестовым немедленно послал приказ главнокомандующему Западного фронта генералу П. С. Балуеву: «Именем главковерха срочно направьте в Москву эскадроны нижегородцев в распоряжение командвойск для подавления большевистского движения»[231].

В поисках войск для мятежников Москвы в Ставке ухватились за предложение, поступившее из Черкасс, где формировались ударные батальоны. Комиссар формирований Краменчов прислал в Ставку телеграмму, сообщавшую о готовности трех батальонов выступить на защиту Временного правительства. Генерал Дитерихс наложил резолюцию на телеграмме: «Сообщить им, что железные дороги на Петроград сейчас заняты. Лучшее содействие для данного момента — это пойти помочь Москве»[232].

30 октября в Могилев, в Центральный исполнительный комитет революционных батальонов, явился делегат Московского областного отдела этого же комитета и передал просьбу Комитета общественной безопасности прислать в Москву батальоны для усиления войск мятежников. Председатель ЦИК обратился к Духонину с просьбой разрешить отправить 5-й, 7-й и 9-й батальоны из Черкасс в Москву. Обрадованный неожидан-

---

большевики получили подкрепление, а «наши войска настоятельно нуждаются сами в скорейшем подкреплении». «Силы Московского гарнизона (читай: силы мятежников.— *И. М.*),— говорил Духонин,— начинают уже иссякать, и положение в Москве [становится] угрожающим» («Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 42). Впрочем, Керенскому теперь было не до Москвы: он уже обдумывал, как ему скрыться от правосудия народа.

228 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 221.

229 Там же. Затем с Яссами говорил начальник связи Ставки и оттуда повторили свой запрос.

230 Там же, л. 222.

231 Там же, л. 220.

232 Там же, л. 190.

ной «находкой», Духонин распорядился «о срочном направлении из Черкасс в Москву в распоряжение командующего войсками для подавления большевиков трех революционных батальонов, дважды выразивших горячее желание поддержать Временное правительство»[233]. Скоро выяснилось, что эти батальоны с разрешения Духонина уже получили распоряжение двигаться на Киев[234]. Ставка приказала штабу Юго-Западного фронта выслать в Москву взамен их три других «вполне надежных» батальона[235].

Тем временем полковник Кравчук, выполняя рекомендацию Духонина, 30 октября в 23 часа связался по прямому проводу со штабом Западного фронта. Оттуда ему сообщили, что через Минск начали проходить эшелоны Финляндской дивизии, гвардейская кавалерийская бригада уже прошла Гомель, а из Калуги направлены воинские части[236].

Эти сведения Кравчук немедленно сообщил в Ставку, выразив опасение, что не сумеет разыскать указанные части. Он просил приказать начальникам отрядов, двигающихся на Москву, «пробиться к Кремлю». Кравчук добавил: «Отсутствие определенной задачи может вызвать нерешительные действия подходящих войск»[237].

Против революционной Москвы были направлены крупные силы — не менее 15 тыс. солдат, главным образом кавалеристов и ударников в сопровождении значительного количества артиллерии[238]. Но ни одна из намеченных войсковых частей не достигла даже дальних подступов к Москве. Одни части — батальоны с Румынского фронта и бóльшая часть ударников — вообще не двинулись с места. Другие — гвардейская кавалерия — не могли пробиться через узловую станцию Орша. Солдаты революционного 623-го пехотного полка блокировали станцию и твердо заявили, что не пропустят части, идущие на подавление революции в Москве и Петрограде. Но если бы некоторым частям и удалось «выбить пробку» в Орше (Ставка принимала к этому меры), то движение карателей застопорилось бы в Смоленске, в Вязьме или в других пунктах, где были созданы военно-революционные комитеты. Свидетельством бессилия Ставки в борьбе против революции являются собственные признания тех, кто пытался поднять армию против народа. 31 октября состоялись переговоры по прямому проводу между генералами Дитерихсом и Малявиным. Малявин сообщил Духонину донесение главнокомандующего Западным фронтом генерала Балуева. Балуев признавал, что «все распоряжения о перевозке войск исполнять крайне затруднительно»[239]. Далее он объяснял, почему ни одна из намеченных частей не могла прибыть в Москву. «Две сотни кубанцев из Калуги, назначенные в Москву,— доносил генерал,— командир Нижегородского полка полковник Брандт по приказанию Керенского направил в Гатчину. Сомневаюсь, чтобы они были пропущены далее Вязьмы». «Сам

---

[233] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 43, 44.
[234] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 180.
[235] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 44, 45.
[236] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 205, л. 68. На следующий день штаб Западного фронта сообщил Кравчуку, что Финляндская дивизия идет на Петроград, а гвардейская кавалерийская бригада направляется через Оршу в Смоленск, где ее и следует встретить.
[237] Там же, лл. 68—69.
[238] Один из первых исследователей истории Октябрьской революции в Москве, Э. Рожен, полагал, что всего к Москве предполагали направить около 10 тыс. человек, но он не учел казаков с Дона («Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 28).
[239] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 205, л. 124.

он с нижегородцами,— говорил Балуев о Брандте,— тоже идет [в] Гатчину. В Калуге по уходе его положение станет тревожным».

Лучшего доказательства бесплодности усилий Ставки изменить ход событий в пользу контрреволюции едва ли найдешь.

Генерал Балуев подтвердил, что гвардейская кавалерийская бригада через Оршу так и не пробилась, ибо железнодорожный узел не удалось очистить от восставших солдат. «[В] Оршу,— говорил он,— были назначены два эскадрона северных драгун и уже погружены, но фронтовой комитет отменил их посылку».

В заключение своего донесения Балуев подчеркнул, что революция охватывает и те города, где находятся штаб фронта и управления его тылов: «[В] Минске ввиду последних событий [с] Петроградом состояние самое напряженное. [В] Смоленске вчера был бой, по городу была артиллерийская стрельба из тяжелых орудий» [240].

Не довольствуясь переговорами Рябцева и его помощников со Ставкой, Комитет общественной безопасности сам развернул кипучую деятельность в поисках поддержки. Он рассылал своих представителей в города области, добиваясь присылки контрреволюционных отрядов. Два его представителя — Четвериков и Снарский — 1 ноября прибыли в Калугу с просьбой срочно направить в Москву войска, так как белогвардейцы в Москве могут продержаться не дольше 3 ноября. В тот же день начальник гарнизона, занявший этот пост после ухода Брандта с эшелонами кубанцев и драгун, полковник Петин вызвал штаб Западного фронта и сообщил, что эшелоны Брандта застряли в 30 км от Вязьмы, весь гарнизон которой на стороне большевиков. Из штаба Западного фронта ответили, что на пути в Гатчину Брандта, кроме Вязьмы, встретит препятствие и в Ржеве, где «Комитет спасения» арестован и власть находится в руках местного ВРК. Петин стал советовать штабу фронта послать драгун, казаков и броневики в Москву «как к центру важнейшего политического значения в данный момент». Это тем более важно, говорил он, «что подход подкреплений к Москве со стороны Калуги, по словам прибывших делегатов, наиболее удобен для соединения с правительственными войсками, занимающими Арбат и Кремль. Все вокзалы в руках большевиков, и прорваться легче всего из Брянского вокзала» [241].

Этот разговор дает дополнительные объяснения на вопрос, почему юнкера потратили столько усилий на захват Брянского вокзала.

Мольбы из Москвы о помощи становились все настойчивее и отчаяннее. Ставка выбивалась из сил, рассылая все более требовательные распоряжения и приказы об ускорении отправки воинских частей в Москву. Но это был бег на месте, так же как и при организации помощи Керенскому под Петроградом. Верхние «этажи» армейской организации — штабы фронтов и армий — еще ощущали эту нервную, тревожную деятельность Ставки. Но чем ближе к воинским частям и подразделениям, тем все менее настойчивыми становились распоряжения, тем чаще они сменялись уговорами, просьбами, а в самом низу солдатская масса досадливо отмахивалась от них и с энтузиазмом приветствовала Декреты о мире и о земле.

Несмотря на лихорадочную деятельность, Ставке так и не удалось двинуть на помощь мятежникам в Москву ни одной части.

[240] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 205, л. 124.
[241] «Красный архив», 1933, т. 6 (61), стр. 47.

3

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЙСКА ПЕРЕХОДЯТ В РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Коренной перелом в борьбе

Перемирие кончилось. В 12 час. ночи 30 октября революционные войска перешли в наступление.

Весь предыдущий день был использован для подготовки решающего удара по мятежникам. ВРК требовал прислать к Московскому Совету освободившиеся в районах отряды. Вызывались и невооруженные: арсенал, специально созданный при ВРК (им ведал К. Г. Розенталь), накопил достаточное количество оружия и в любой момент мог получить новые его партии из захваченных военных складов и найденных на вокзалах вагонов.

Штаб ВРК принял дополнительные меры для укрепления здания Московского Совета и для постройки баррикад.

ВРК вызывал сотни людей для рытья окопов в заранее намеченных местах. Так, 30 октября начальник Центрального штаба ВРК Я. М. Познанский приказал штабу Красной гвардии Пресни: «Отпустите в распоряжение Военно-революционного комитета 400 человек для рытья окопов, снабдив их лопатами и кирками» [242]. Окопы рыли не только у Московского Совета, но и в районах.

По распоряжению М. И. Рогова, заведующего Красным Крестом при ВРК, формировались новые санитарные отряды. В их состав входили работницы, курсистки и студенты-медики. Районные власти призывали женщин вступать в санитарные отряды. ВРК Городского района обратился с воззванием к населению. «Героически сражается наше революционное войско...,— говорилось в нем.— Товарищи женщины, идите в районные Советы, помогите нашим раненым» [243]. Немало врачей и сестер приняли активное участие в организации отрядов Красного Креста. В Хамовниках организовал работу врач З. П. Соловьев, член районного ВРК, будущий заместитель народного комиссара здравоохранения и начальник Военно-санитарного управления Красной Армии.

Особое внимание ВРК и партийный центр уделяли уточнению плана боевых действий. Центральный штаб ВРК созывал на совещания представителей районов для учета опыта предыдущих операций и детальной разработки плана наступления.

Руководители боевых операций учитывали, что борьба шла не в полевых условиях, где можно было применять большие силы. Бои велись в городских условиях. Здесь небольшие отряды, укрываясь за стенами построек или прикрывшись баррикадами, могли оказывать длительное сопротивление. Приходилось действовать малыми отрядами, хорошо знающими местность и умело пользующимися переулками и проходными дворами для обхода укреплений врага. Поэтому особенно ценились красногвардейцы, которые являлись не только наиболее сознательными бойцами, увлекав-

---

[242] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 93.
[243] Там же, стр. 104.

шими и вдохновлявшими солдат, но и были хорошо знакомы с районами боев. Командиры знали это и соответствующим образом формировали свои отряды.

Уличные бои требовали и применения соответствующего оружия. Большим преимуществом революционных войск являлось значительное превосходство в артиллерии: она была незаменима для обстрела Кремля и каменных зданий, за стенами которых укрывались юнкера. Необходимо было правильно распределить пушки по районам и умело выбрать артиллерийские позиции. Этот вопрос тщательно изучался командованием, о чем свидетельствуют документы ВРК.

Разработанный план был рассмотрен на совещании партийного центра с участием представителей районов и утвержден Военно-революционным комитетом.

В ходе прошлых боев план прошел проверку на практике и выдержал испытание: районы очищались от мятежников, их опорные пункты подавлялись, юнкеров гнали к центру. Создалась новая обстановка. Хотя сопротивление юнкеров в районах было сломлено, значительная их часть сумела отойти в центр. Поэтому главной целью стало развертывание наступления против основных опорных пунктов врага в центре с тем, чтобы окончательно подавить мятеж.

Каждому району необходимо было уточнить его боевую задачу. ВРК при этом учитывал, что в результате сжимания кольца вокруг юнкеров их силы неизбежно должны были концентрироваться и сопротивление усиливаться. Это требовало не только концентрического наступления, но и такого направления ударов, которое позволило бы расчленить силы мятежников и покончить с контрреволюционными очагами раздельно.

Насколько позволяют судить документы центральных и районных ВРК, а также ход военных операций, уточненный план принял следующий вид.

Революционным частям Городского района была поставлена задача овладеть сильно укрепленной и упорно обороняемой юнкерами телефонной станцией и районом вокруг нее с тем, чтобы развернуть наступление на городскую думу и Кремль. Отряды Лефортовского, Рогожского, Бутырского и Сокольнического районов должны были оказывать поддержку отрядам Городского района.

Объединенным отрядам, действовавшим в районе Тверского бульвара — Никитской улицы, ставилась задача овладеть сильным опорным пунктом юнкеров у Никитских ворот, повести наступление на Арбат, создав угрозу штабу Московского военного округа и основной базе мятежников — Александровскому военному училищу.

Отряды Пресненского района, взаимодействующие с революционными частями, наступавшими на Никитские ворота, и с отрядами Хамовнического района, получили распоряжение захватить участок Кудринки — Смоленского рынка.

Частям Хамовнического и Замоскворецкого районов предписывалось подавить сопротивление мятежников на Остоженке и Пречистенке и начать наступление на штаб Московского военного округа и Александровское военное училище.

Таким образом, по плану ВРК наступление революционных войск должно было привести к окружению юнкеров в центре, к последующему расчленению сил мятежников на отдельные звенья и их полной ликвидации.

Учитывая удавшийся прорыв ударников в Москву, ВРК поручил железнодорожным организациям еще бдительнее следить за движением эшелонов, не допускать помощи мятежникам и быстро продвигать части, вызванные из разных городов области на помощь революционной Москве.

Районные штабы на месте уточняли полученные боевые задания, проверяли состояние боевых сил и проводили необходимое передвижение отрядов. Все с нетерпением ждали сигнала к наступлению. Но готовился к схватке и противник. «Комитет общественной безопасности,— писала буржуазная газета,— решил энергично продолжать борьбу с мятежниками» [244].

Полковник Рябцев обратился к войскам с приказом, в котором вину за нарушение перемирия возлагал на большевиков, клеветнически обвинял их «в зверствах» и призывал к продолжению борьбы. «Мы не одни,— говорилось в приказе.— К нам подошла и еще подойдет так долго ожидаемая помощь». Рябцев, конечно, не сообщал, что в Москву прорвалось всего несколько десятков ударников, и крайне неопределенно говорил о том, когда же, наконец, придет долгожданная помощь. Закончил он призывом полагаться на собственные силы: «Офицеры, юнкера и солдаты, призываю вас к полной готовности, бодрости и решимости. В нашей организованности, дисциплинированности и единении — сила. И мы восстановим государственный порядок» [245].

Рябцев обратился также с воззванием к гражданам Москвы. В нем уже не было тех бравурных нот, которыми отличался приказ о взятии Кремля. Напротив, оно свидетельствовало о тяжелом положении мятежников. Рябцев призвал домовые комитеты оказать мятежникам «вооруженное содействие», а всех граждан — «и словом убеждения, и силой оружия не допускать установки артиллерии на улицах Москвы». В заключение, обращаясь, видимо, к железнодорожникам, Рябцев писал о необходимости «ускорить прибытие подходящих с фронта и других пунктов верных порядку войск, часть которых подошла уже, но большинство искусственно задержано постановлением Викжеля в пути» [246].

В полночь 30 октября орудийные выстрелы возвестили начало наступления революционных войск. Оно развернулось во всех намеченных районах.

В центре города революционные отряды стремительно двинулись вперед. Были заняты Рождественка вплоть до Театрального проезда и Большая Дмитровка. Укрепившись на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда, красногвардейцы подвергли обстрелу гостиницы «Метрополь» и «Континенталь», занятые юнкерами.

Между тем красногвардейцы и солдаты, находившиеся в Малом театре, начали обстрел городской думы. Комитет общественной безопасности покинул ее и укрылся в Кремле.

ВРК поручил двум отрядам, наступавшим от Московского Совета вниз по Тверской, занять гостиницу «Националь» и здание продовольственной управы в начале Тверской улицы.

На усиление частей Городского района ВРК направил подкрепление из Лефортова и Рогожского района: отряд лефортовцев, насчитывавший

---

[244] «Утро России» 8 ноября 1917 г.
[245] Там же.
[246] Там же.

450 человек, вел наступление с нескольких сторон на телефонную станцию, рогожский отряд наступал на район Солянки — Ильинки — Лубянской площади.

Весь день 31 октября продолжались упорные бои в районе Никитских ворот. Юнкера хорошо укрепились здесь. Вырыли окопы в полный профиль. В их распоряжении было много и бомбометов, и пулеметов, а также броневики. Полевые телефоны соединяли юнкеров с Александровским училищем и Кремлем.

Следя за развитием боев у Никитских ворот, ВРК прислал приказ: революционному отряду отступить от Никитских ворот вдоль Тверского бульвара к памятнику Пушкину и соединиться там с двинцами, находившимися у Страстного монастыря. Это необходимо было сделать для усиления отряда, а с другой стороны, чтобы предоставить возможность артиллерии начать обстрел.

Приказ отряду, действовавшему у Никитских ворот, завершался распоряжением: когда начнется артиллерийский обстрел позиций юнкеров, продвинуться вперед, затем окопаться по обеим сторонам Тверского бульвара, установить пулеметы и открыть огонь из пулеметов по зданиям, занятым юнкерами [247]. После артиллерийского обстрела красногвардейцы и солдаты повели наступление вдоль Тверского бульвара с целью овладеть домом Гагарина (ныне не существует), накануне захваченным юнкерами. Под пулеметным огнем врага красногвардейцы пошли на штурм. Юнкера не выдержали натиска и отступили. Часть их сдалась в плен. Дом Гагарина был взят. На верхнем этаже красногвардейцы установили пулеметы.

Чтобы оказать помощь отрядам, действующим у Никитских ворот, ВРК приказал отрядам с Пресни наступать по Поварской улице. Начальник штаба пресненской Красной гвардии М. О. Златоверов, сообщив о выполнении задания, просил прислать 300 бойцов, так как революционные войска Пресни с отрядами Хамовнического района наступали и к Смоленскому рынку [248].

Одновременно ВРК поставил перед штабом Хамовников задачу выяснить, кем занята часть Никитской улицы между Никитскими воротами и Кудринской площадью и развить наступление к Смоленскому рынку, взаимодействуя с революционными частями Пресни [249].

Приказы ВРК свидетельствовали о слаженной работе штаба и возросшем боевом опыте революционных частей. Члены ВРК и его штаба часто появлялись на месте боев и нередко возглавляли штурмующие отряды, как это, например, сделал Усиевич во время боя у телефонной станции.

Революционные отряды Замоскворецкого района в течение 31 октября развивали наступление на штаб Московского военного округа, на Александровское училище и Кремль. Как только выяснилось успешное продвижение частей, Центральный ВРК дал району следующую боевую задачу: занять угол Волхонки и Ленивки и район Музея изящных искусств, установить артиллерию с левой стороны Бабьегородской плотины, обстрелять Кремлевскую стену, выходящую к Манежу, и пробить брешь у Троицких ворот. Кроме того, предлагалось занять артиллерийскую позицию с правой стороны Бабьегородской плотины и обстрелять район Ленивки, чтобы поддержать огнем продвижение пехоты на Волхонку. Одно орудие предла-

[247] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 113.
[248] Там же.
[249] Там же, стр. 114.

галось установить у Музея изящных искусств для обстрела основной базы мятежников — Александровского военного училища [250].

В ночь на 31 октября по приказу Замоскворецкого ВРК был занят и укреплен район Воробьевых гор, где была установлена батарея тяжелой артиллерии. Здесь расположился сводный отряд красногвардейцев и солдат в количестве 250 человек [251]. Японские гаубицы были доставлены сюда из Лефортова под руководством большевика, солдата 2-й автомобильной роты, члена «десятки» А. Д. Блохина [252].

Упорные бои шли в районе Большого Каменного моста и особенно в районе Остоженки. И здесь перевес был на стороне революционных частей.

Утром 31 октября юнкера при поддержке артиллерии и кавалерии предприняли попытку рассечь боевые порядки красногвардейцев и отрезать бойцов Замоскворечья от Хамовнического отряда, укрепившегося на Пречистенке. Но красногвардейцы, заняв многоэтажные дома на углу Мансуровского и Еропкинского переулков, не позволили юнкерам выполнить их план. Понеся потери, юнкера отступили.

Артиллерийские орудия, установленные у Крымского моста и недалеко от фабрики Эйнема, подавили пулеметные гнезда белогвардейцев в районе храма Христа Спасителя. Согласно указанию ВРК, огонь артиллерии был перенесен на Александровское училище.

В 4 часа ночи 31 октября из штаба Хамовнического района в Центральный ВРК сообщили, что революционные части заняли приблизительно половину Остоженки и Пречистенки, колокольню на Остоженке и продолжают наступать.

В тот же день капитулировали юнкера 6-й школы прапорщиков, окруженные отрядами Рогожско-Симоновского и Хамовнического районов. Красногвардейцы и солдаты заняли Крутицкие казармы.

На Пресне красногвардейцы успешно отразили все атаки юнкеров и, перейдя в наступление, значительно улучшили свои позиции.

Юнкера сражались с отчаянием обреченных. Они знали, какую бурю негодования вызвал расстрел ими безоружных солдат в Кремле. Революционным бойцам были известны и случаи кровавых репрессий, которым подвергали белогвардейцы сторонников Советской власти.

Пленных и арестованных юнкера перевели из Александровского военного училища, где они томились в первые дни, в Кремль. Белогвардейцы создали следственную комиссию, в которой орудовал бывший царский прокурор А. Ф. Стааль, прославившийся своей жестокостью и при режиме Временного правительства [253]. В состав комиссии входил и правый эсер Шмерлинг, член смещенного президиума Совета солдатских депутатов. Эсеры и монархисты вместе подняли мятеж, вместе выступали и в роли тюремщиков.

Каждую ночь из камер уводили на расстрел арестованных.

Белогвардейское командование распространяло клевету, будто юнкеров ждет уничтожение, не доводило до их сведения неоднократные предложения советских властей гарантировать юнкерам личную безопасность, если они сдадут оружие.

Белое командование уверяло, что Керенский находится у ворот Петро-

---

[250] Там же, стр. 112.
[251] ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 300.
[252] «Новый мир», 1955, № 11, стр. 108.
[253] «Земля и воля», 4 ноября 1917 г.

града, где с часу на час ждут его вступления в столицу, после чего быстро подойдут войска на помощь юнкерам в Москве.

Однако, несмотря на эти заверения, в среде юнкеров постепенно появлялись признаки разложения. В ряде случаев они сдавались в плен не только одиночками, но и группами. 1-я школа прапорщиков, состоявшая из георгиевских кавалеров, объявила о своем нейтралитете. Ее не послали на боевые позиции, а оставили в Кремле охранять арестованных и пленных [254]. Были случаи отказа юнкеров выступить против Советской власти [255].

Но это были лишь первые проявления колебаний. Основная масса юнкеров продолжала упорное сопротивление.

31 октября в 5 час. 45 мин. вечера в Москве была получена телефонограмма за подписью Дыбенко о разгроме сил Керенского [256]. Известие о победе питерского пролетариата было встречено трудящимися старой столицы с огромным подъемом. Революционные бойцы буквально рвались в бой, стремясь не отстать от питерских товарищей и разгромить мятежников в Москве.

В ночь на 1 ноября на заседании партийного центра и Замоскворецкого Военно-революционного комитета были подведены итоги первого дня наступления. Было установлено, что для достижения успеха необходимы дополнительные меры, ибо противник обладал системой оборонительных сооружений, предельно насыщенных пулеметными гнездами; юнкера по-прежнему укрывались за толстыми стенами Кремля, против которых трехдюймовые орудия не давали должного результата. Решено было предложить Центральному Военно-революционному комитету ввести в дело шестидюймовые орудия.

От имени Замоскворецкого ВРК П. К. Штернберг обратился в Центральный ВРК с письмом, в котором указывалось: «Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма губительно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий революционный комитет предлагает начать работу шестидюймовых орудий и просит высказать свое мнение. ВРК со своей стороны предложит сдаться юнкерам и в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 час. утра» [257].

Центральный Военно-революционный комитет немедленно ответил, что он вполне разделяет мысль о необходимости быстрых и решительных действий. «Поэтому,— говорилось в ответе,— мы еще вчера послали Вам спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москве-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Большого Каменного моста. Если есть артиллерия и в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю и сделать это надо не к 10 час., а гораздо раньше...» [258].

---

[254] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 138, 116.

[255] После подавления мятежа 6 ноября ВРК выдал удостоверение юнкерам Александровского военного училища Северьянову, Жуку, Харламову, Вноровскому в том, что они были арестованы за отказ выступить против Советов и освобождены революционными войсками («Московский Военно-революционный комитет», стр. 213).

[256] «Красный архив», 1935, т. 71, стр. 163.

[257] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 129.

[258] Там же, стр. 128. В тексте публикации имеются небольшие разночтения с подлинником, находящимся в архиве Государственного музея революции СССР (инв.

С утра 1 ноября заговорила тяжелая артиллерия. Этот день стал днем решающей победы советских войск. ВРК получал сведения об успешном продвижении революционных частей на всех участках боев.

Красная гвардия Городского района в течение нескольких дней вела тяжелые бои на подступах к телефонной станции в Милютинском переулке. Штаб Рябцева часто менял здесь состав сражающихся юнкеров. Им непрерывно подбрасывали оружие, боеприпасы и продовольствие. Все подступы к телефонной станции были укреплены. Революционные силы вели наступление и со стороны бульваров, и по Мясницкой улице, и от Лубянской площади. Красногвардейцы Лефортовского района пробивались от Покровки и Маросейки. От юнкеров очищались дом за домом, переулок за переулком. Красногвардейцы, отбив дом или колокольню, устанавливали пулеметы и бомбометы и вели огонь по телефонной станции. Утром 1 ноября после обстрела красногвардейцы во главе с Г. А. Усиевичем вплотную пробились к зданию телефонной станции [259]. Засевшим там юнкерам предложили сдаться. Они сначала ответили, что переговоры должны вестись между штабами. Усиевич потребовал безусловной сдачи, обещая капитулировавшим безопасность. Юнкера «попросили 10 мин. на размышление,— докладывал он в тот же день на заседании ВРК.— Через 9 мин. стали выходить и сдавать оружие группы офицеров и юнкеров совершенно безболезненно» [260]. Часть юнкеров, правда, успела отступить, но в плен сдалось более сотни. ВРК решил направить на станцию комиссара, поручив ему организовать охрану и поддерживать порядок. Комиссаром телефонной станции был назначен С. Л. Пупко.

Вскоре после взятия телефонной станции красногвардейцы заняли Политехнический музей, соединились с лефортовским отрядом и начали совместную атаку на Ильинские и Проломные ворота Китай-города.

В 9 час. вечера красногвардейцы прорвались на территорию Китай-города через Ильинские ворота. Затем были взяты Средние и Владимирские ворота.

Красная гвардия начала также наступление по Никольской улице на Кремль. В гостинице «Славянский базар» засел отряд юнкеров, но после непродолжительной перестрелки он капитулировал. К ночи очистили от юнкеров всю Никольскую улицу и заняли Верхние торговые ряды.

Почти одновременно на территорию Китай-города через Варварские ворота прорвались красногвардейцы Рогожского района. Здесь они соединились с отрядами из Замоскворечья, которые вели наступление по Москворецкой улице.

Отряд красногвардейцев, наступавший по Тверской, занял гостиницы «Националь» и «Лоскутная» и закрепился в здании «Гранд-отеля».

Сильные бои развернулись в районе Кудринской площади. Отряд юнкеров закрепился в бывш. Вдовьем доме и простреливал всю площадь. С утра 1 ноября юнкера попытались наступать от Арбата по Кудринке, стремясь пробиться к Александровскому вокзалу и уйти из Москвы. На-

---

№ 315-в). Составитель сборника «Московский Военно-революционный комитет» В. А. Кондратьев полагает, что упомянутый в письме ВРК приказ в Замоскворечье не поступил (стр. 129), но, судя по содержанию ответа ВРК, речь идет о приказе от 31 октября, помещенном на стр. 112 сборника и приведенном нами на стр. 268.

[259] «Пролетарская революция», 1929, № 11, стр. 94—95.

[260] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 141.

чальник Красной гвардии Пресненского района М. О. Златоверов в ночь на 2 ноября сообщал в штаб ВРК: «Ввиду того, что у юнкеров единственный выход через нас, они направили все свои силы на нас... Сегодня отбили четыре атаки, сейчас же против нас на всех высотах устанавливаются пулеметы, постараемся утром предупредить их артиллерией» [261]. Златоверов просил прислать еще одно орудие, так как у пресненцев было всего два орудия, а также отряд бойцов, пулеметы и боеприпасы. Помощь Пресне была оказана. После упорного боя Кудринка была полностью очищена от врага.

В соответствии с планом пресненцы в свою очередь развивали наступление по Никитской и Поварской — на район Никитских ворот и по Новинскому бульвару и переулкам на район Смоленского рынка. В этот район пробивались также дорогомиловские отряды, занявшие с утра 1 ноября Дорогомиловский мост [262].

Напряженные бои продолжались 1 ноября на Остоженке. Здесь был смертельно ранен командир отряда рабочий-большевик П. Г. Добрынин, первым поднявшийся в атаку на врага. Командование перешло к двум студентам-большевикам — П. Арутюнянцу и Ю. Мышкину [263]. 1 ноября тут же, на Остоженке, погибла студентка-большевичка Люсик Лисинова, одна из активисток Замоскворецкого РК РСДРП(б). В дни октябрьских боев Лисинова организовывала санотряды, ходила в разведку, участвовала в атаках. Здесь же погиб и юный герой Октября, «московский Гаврош», рабочий завода Михельсона Павел Андреев.

Кольцо вокруг юнкеров сжималось все теснее. В наступлении были использованы все силы и технические средства. На сторону революции перешли летчики авиационной школы. ВРК решил использовать их в целях разведки. 1 ноября ВРК отдал приказ «авиационной школе на Ходынке произвести разведку в районе Кремля» [264]. Высказывалось предложение применить авиацию для бомбежки Кремля, но ВРК отверг его, опасаясь разрушения исторических памятников.

Вечером 1 ноября ВРК собрал представителей районных штабов. Подводя итог боевым операциям за два дня наступления, все присутствовавшие подчеркивали, что в борьбе с мятежниками наступил коренной перелом.

До полного разгрома оставались считанные часы.

Петроград и Центральный промышленный район организуют помощь Москве

Огромную помощь революционной Москве оказали города, расположенные вокруг нее, и Петроград.

В столице знали об общем положении в Москве. В бюллетенях ЦК большевиков, которые из-за затруднений с рассылкой газет стали издаваться с 29 октября для информации местных партийных организаций,

---

[261] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 294.
[262] ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 162.
[263] Там же, д. 5, л. 200.
[264] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 111.

почти регулярно сообщались сведения о Москве [264а]. В первом же номере бюллетеня ЦК 29 октября сообщалось: «В Москве... власть перешла в руки Советов» [265]. В бюллетене № 3 от 31 октября отмечалось: «В Москве бой на улицах продолжается. Есть сведения, что в помощь Москве идут войска из ближайших городов» [266]. В других номерах бюллетеня сообщались сведения о подходе к Москве войск из провинции, о посылке помощи Москве из столицы, о подавлении мятежа юнкеров.

Вопрос о положении в Москве несколько раз обсуждался на заседаниях ЦК РСДРП(б), Совнаркома и Петроградского Совета. Почти всеми заседаниями руководил В. И. Ленин. Он неоднократно встречался с московскими партийными работниками [267].

В ночь на 29 октября В. И. Ленин руководил заседанием ЦК РСДРП(б) и Петроградского ВРК, на котором обсуждалось положение в Москве. Выступая 29 октября 1917 г. на совещании представителей Петроградского гарнизона, В. И. Ленин говорил: «Слишком ясно, что Керенский привлек корниловцев, кроме них ему опереться не на кого. В Москве они взяли Кремль, а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти» [268].

Таким образом, В. И. Ленин, характеризуя соотношение и расстановку сил в Москве, подчеркивал решающее значение пролетарского населения московских окраин.

Днем 29 октября в Смольном В. И. Ленин обсуждал вопрос о ходе боев в Москве с членами Петроградского ВРК [269].

Партийный центр и ВРК Московского Совета со своей стороны уделяли особое внимание обеспечению связи с Петроградом. 28 октября на заседании партийного центра было решено установить непосредственный контакт с Центральным Комитетом партии и Петроградским ВРК. В Петроград были посланы М. П. Томский и И. С. Вегер («Отец») [270].

Днем 29 октября В. И. Ленин беседовал в Смольном с Томским [271]. Вегер был принят В. И. Лениным утром 30 октября. Он рассказал об обстановке в Москве и, по заданию В. И. Ленина, письменно изложил соображения москвичей о необходимой им военной помощи.

Внимательно изучив доклад московских представителей, В. И. Ленин на следующей встрече сообщил Вегеру: «Мы даем вам для Москвы все, что вы просили, да еще бронированный поезд» [272].

Положение в Москве в связи с позицией Викжеля вновь рассматривалось на заседании ЦК РСДРП(б) 1 ноября 1917 г. На этом заседании трижды выступал В. И. Ленин. «Ясно,— говорил он,— что Викжель стоит

[264а] Пока найдено 6 номеров. Но А. С. Бубнов, опубликовавший бюллетени, полагает, что их было больше («Октябрьские бюллетени ЦК большевиков».— «Пролетарская революция», 1921, № 1).

[265] Там же, стр. 11.

[266] Там же, стр. 12.

[267] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43, 50; см. также материалы к научной биографии В. И. Ленина: «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1967; «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. V. М., 1961; *Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов, стр. 295—296, 298, 300—304.

[268] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 36.

[269] *И. Вегер.* Из хроники Октября.— «Каторга и ссылка», 1932, № 11—12, стр. 79—80.

[270] «Красный архив», 1934, т. 65-66, стр. 188.

[271] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 549.

[272] «Пролетарская революция», 1922, № 9, стр. 299.

на стороне Калединых и Корниловых. Колебаться нельзя. За ними большинство рабочих и крестьян и армии... Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят» [273].

В. И. Ленин несколько раз повторил мысль о необходимости отправить войска в Москву. «Нужно прийти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [274],— указывал он.

Помощь Москве была оказана, несмотря на тяжелое положение под Петроградом: столица отражала натиск войск Керенского — Краснова. Сначала в Москву был направлен отряд радистов для обслуживания радиостанции, занятой революционными войсками. 30 октября вечером в Москву прибыло более 500 матросов-балтийцев. Второй отряд матросов и петроградских красногвардейцев прибыл в Москву 1 ноября. Вскоре эти отряды уже активно участвовали в боевых операциях.

31 октября в 12 час. дня в штабе Петроградского военного округа под председательством В. И. Ленина открылось совещание по вопросу об оказании дополнительной помощи Москве. Было принято решение немедленно послать в Москву еще несколько отрядов моряков. Организация отправки отрядов была возложена на комиссара Варшавской железной дороги Н. К. Белякова, мандат которому был подписан В. И. Лениным [275].

В. И. Ленин лично следил за формированием и снаряжением отряда, а перед его отправкой беседовал с И. С. Вегером [276]. Комиссаром по формированию и отправке эшелонов был матрос И. Н. Колбин. 2 ноября Петроградский ВРК направил сводный отряд красногвардейцев, солдат и матросов и бронированный поезд в помощь московским рабочим. Начальником сводного отряда был назначен полковник Потапов, начальником головного эшелона матросов и кронштадтцев — мичман Ф. Ф. Раскольников. Комиссарами отрядов стали И. С. Вегер, К. С. Еремеев и М. Д. Пригоровский. В дороге, за станцией Бологое-II петроградский отряд нагнал и захватил бронепоезд, вызванный Керенским с Румынского фронта. В плен взяли 150 солдат и 3 офицеров, остальные офицеры скрылись [277].

Сводный отряд насчитывал до 5 тыс. штыков. Отряд прибыл в Москву 4 ноября. Хотя он не участвовал в операциях — к тому времени они уже закончились, но прибытие сводного отряда было ярким свидетельством того большого значения, которое придавала Москве революционная столица — Петроград.

Серьезную помощь Москве оказали железнодорожники важнейших узловых станций: Орши, Витебска, Гомеля, Брянска, Смоленска, Вязьмы и других городов. Они, как уже отмечалось, быстро пропускали к Москве эшелоны с красногвардейцами и революционными отрядами солдат и матросов и в то же время задерживали эшелоны, которые направляла к Москве Ставка. Так, в Смоленске было остановлено 15 вагонов с кавалеристами [278]. Под Гжатском были задержаны эшелоны с контрреволюционными частями [279]. В Вязьме после боя были разоружены казаки трех

---

[273] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.
[274] Там же.
[275] «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 175.
[276] Там же, стр. 177.
[277] «Социал-демократ», 8 ноября 1917 г.
[278] ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 5.
[279] «Борьба классов», 1932, № 7-8, стр. 158.

эшелонов, пулеметные части, броневой отряд и ударники. В Орше задержали кавалерийскую бригаду [280].

В Можайске, Подольске, Коломне, Люберцах, Лосиноостровской находились железнодорожные пикеты, бдительно охранявшие подступы к Москве. Так, по Курской дороге к Москве пытались прорваться два эшелона посланных командованием сербских войск. Их два дня гоняли по путям вокруг города, а затем направили на север. На станции Лосиноостровская революционные части задержали вражеский эшелон и после перестрелки разоружили до 200 человек [281].

Военно-революционные комитеты направляли навстречу частям, идущим с фронта к Москве, большевистских агитаторов. Так, делегация Замоскворецкого ВРК остановила 7-й Сибирский казачий полк, продвигавшийся по Каширскому шоссе. Центральный ВРК направлял под Гжатск и в другие места К. Г. Максимова. Ему удавалось не только останавливать эшелоны казаков, улан и других частей, но иногда добиваться их перехода на сторону революции [282].

Агитаторы ВРК и железнодорожники распространяли на станциях, в селах, деревнях и рабочих поселках сотни и тысячи экземпляров листовок с текстами декретов о мире и о земле. Десятки тысяч крестьян и солдат с волнением читали эти документы и под их воздействием становились на сторону социалистической революции.

Из революционного центра Белоруссии и Западного фронта — Минска в Москву были направлены две роты солдат, утром 29 октября прибывшие в распоряжение Московского ВРК [283]. Московские большевики в свою очередь помогли Минску установить прямой контакт с Петроградом [284].

Подготавливая решительное наступление, Московский Военно-революционный комитет вызывал отряды и воинские части из рабочих центров и гарнизонов области. В течение 31 октября — 1 ноября были вызваны революционные отряды из Подольска, Серпухова, Ржева, Савелова, Кольчугино, Мызы-Раево, Тулы, Твери и других мест [285].

К этому времени определилась победа Советской власти в важнейших городах Московской губернии и Центрального промышленного района.

25—26 октября Советская власть была установлена по Московской губернии: в Богородске, Бронницах, Верее, Волоколамске, Звенигороде, Клину, Коломне, Люберцах, Можайске, Мытищах, Подольске, Рузе, Серпухове, Орехово-Зуеве, во всем Московском уезде; по области — во Владимире, Шуе, Иваново-Вознесенске, Рязани.

28—31 октября власть перешла к Советам в Дмитрове, а в области — в Воронеже, Вязьме, Нижнем Новгороде, Ржеве, Смоленске, Твери, Ярославле [286].

---

[280] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 436, 502, 509.
[281] «Борьба классов», 1932, № 7-8, стр. 158.
[282] *П. Виноградская.* Октябрь в Москве.— «Новый мир», 1966, № 4, стр. 153.
[283] «Социал-демократ», 31 октября 1917 г.
[284] «Красный архив», 1934, т. 65-66, стр. 188.
[285] «Документы Великой пролетарской революции», т. II. М., 1948, стр. 128—147.
[286] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России. М., 1967, стр. 328, 331; «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 395—396; «Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918)». Владимир, 1957

Через эти советские города и железнодорожные узлы невозможно было пробиться без боя ни одному контрреволюционному отряду.

Пролетариат всей области готов был прийти на помощь революционной Москве. А. Кокурин рассказывает, как ответили рабочие Кольчугинского завода на просьбу о помощи Москве: «С красными знаменами и с пением революционных песен рабочие провожали на вокзал первый свой отряд красногвардейцев... На вокзале прощальный митинг... Красногвардейцы клянутся умереть в бою или вернуться с победой на завод» [287].

Кольчугинцы приняли участие в боях за Малый театр, гостиницы «Метрополь» и «Континенталь». «После занятия нами «Метрополя»,— вспоминает Кокурин,— было объявлено перемирие, и больше стрельба не возобновлялась... Юнкера сдались. Через два дня наш отряд, вооруженный винтовками и двумя пулеметами, вернулся с победой на завод, встреченный объятиями и приветствиями рабочих» [288].

Тверские большевики, получив призыв о помощи Москве, направили в Старицу, где находился 5-й запасный саперный полк, старого большевика М. Константинова (Михеева). Было созвано общее собрание солдат, постановившее послать 300 саперов, а если понадобится, то и весь полк. Быстро создали отряд и отправили в Москву. В Лихославле начальник станции пытался задержать эшелон, но рядовые железнодорожники охотно поддержали революционных солдат. Эшелон прибыл на Николаевский вокзал. Командование связалось с ВРК, и вскоре саперы приняли участие в боях против юнкеров [289].

Бойцы, торопившиеся на помощь Москве, были охвачены революционным энтузиазмом. Об одном типичном эпизоде рассказывает М. И. Петраков. Орехово-зуевский отряд, прибывший в Москву, влился в революционные части Хамовников. Ему поручили занять Дорогомиловский мост. Во время боя заметили, что один из бойцов не выполнил приказа стрелять. Стали выяснять, в чем дело. Оказалось, что у него сведены пальцы и он не может нажать курок. «Почему же ты поехал с нами на баррикады?» — удивились товарищи. «Я не хотел прослыть трусом» [290],— последовал ответ. Его назначили связистом, так как он наотрез отказался возвратиться в Орехово-Зуево. Отряды уходили в Москву, провожаемые музыкой и добрыми напутствиями, словно на торжественный праздник, а не на фронт. А ведь совсем недавно из этих же мест новобранцы отправлялись на империалистическую войну под плач и причитания родных.

Эшелоны с революционными отрядами непрерывно прибывали на вокзалы Москвы. Из Подольска прибыло три отряда общей численностью 650 человек [291], из Серпухова — два отряда (около 350 бойцов) [292], из Мызы-Раево — 1000 бойцов и 12 вагонов с боеприпасами [293], из Коврова —

стр. 111—112; «Документы Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии». Горький, 1945; «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сборник документов и материалов. Калинин, 1960, стр. 286—287.

[287] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 514, л. 3.

[288] Там же, л. 4.

[289] Там же, ф. 71, оп. 15, д. 69, лл. 1—14; см. также: «На путях к Октябрю». Владимир, 1957.

[290] Там же, ф. 70, оп. 3, д. 519, лл. 7, 8.

[291] «1917 г. в Московской области». М., 1937, стр. 169—170.

[292] Там же, стр. 229.

[293] «Красный архив», 1932, т. 5-6, стр. 139—143.

400 бойцов, из Александрова — 300. Из Кимр в Москву были направлены броневики, из Савелова — саперы. Прибыли также отряды из Кольчугина, Раменского, Люберцев, Павлово-Посада, Коломны, Тушина, Солнечногорска, Щелкова, Клина [294].

М. В. Фрунзе привел в Москву солдат и красногвардейцев Шуйско-Владимирского района, в том числе украинскую роту, которую вызвал в Москву Рябцев, но которая перешла на сторону революции. Шуйский отряд соединился с Владимирским и Ковровским, всего в Москву прибыло из Владимирской губернии до 2000 бойцов.

«Когда отряд подходил к Москве,— писал М. В. Фрунзе,— то на Нижегородском вокзале и в прилегающих районах распространился слух, что идут с фронта войска Керенского для подавления большевистского восстания. Такое представление создалось ввиду действительно настоящего походного боевого вида нашего отряда. Тем резче проявился перелом, когда узнали, что это не войска Керенского, а, напротив, прибыли революционные войска для того, чтобы поскорее покончить с сопротивлением белых» [295].

Особое внимание было обращено на связь с Тулой, куда на грузовиках были посланы солдаты-двинцы и красногвардейцы. Член Тульского ревкома М. Ф. Шкирятов руководил занятием Тульского арсенала и выдачей оружия. По шоссе Москва — Серпухов — Тула непрерывно шли грузовики с оружием и боеприпасами для революционных отрядов.

Рябцев получил в помощь какую-то сотню ударников, а на поддержку революционной Москве было направлено не менее 12 тыс. красногвардейцев и солдат. 29 октября — 3 ноября они активно участвовали в подавлении белогвардейского мятежа в Москве [296].

Последние попытки спасти мятежников

Провал «миссии» Викжеля активизировал попытку найти пути к «примирению», а вернее к спасению потерпевших поражение мятежников. Кого только не было среди «спасителей»! Предлагали свои услуги присяжные ходатаи по делам примирения — меньшевики. Неоднократно предпринимали усилия, направленные к примирению, левые эсеры. В последние дни особенно усердствовали левые группы и группки меньшевиков.

---

[294] Там же, стр. 145.

[295] *М. В. Фрунзе.* Собрание сочинений, т. 1. М.— Л., 1929, стр. 7. В литературе высказано сомнение в участии М. В. Фрунзе в московских боях. В. А. Кондратьев, ссылаясь на «Рабочий путь» (Иваново) от 6 ноября 1922 г., пишет: «На самом деле М. В. Фрунзе не был в те дни в Москве, о чем он пишет в воспоминаниях «Октябрь в Шуе», опубликованных еще в 1922 г.» («Советские архивы», 1970, № 5, стр. 37). Нам не удалось выяснить, как попали воспоминания М. В. Фрунзе на страницы ивановской газеты; в это время он был не в Иванове, а на Украине командующим войсками Украины и Крыма. Однако хорошо известна автобиография М. В. Фрунзе, написанная им в 1921 г. Там говорится: «В момент Октябрьской революции стал во главе вооруженных сил Шуйско-Ивановского района и *привел* в Москву 30 октября двухтысячный вооруженный отряд из рабочих и солдат. *Принимал* непосредственное участие в октябрьских боях» (*М. В. Фрунзе.* Избранные произведения. М., 1965, стр. 29 (курсив наш.— *И. М.*); см. также: *М. В. Фрунзе.* Собрание сочинений, т. 1, стр. 3).

[296] «1917 г. в Московской области»; «Красный архив», 1932, т. 5-6 (54-55) и др.

прикрывавшиеся вывеской интернационализма. Вмешивались и духовные пастыри. К делу спасения мятежников пытались привлечь и иностранные миссии. Можно сказать, что все силы старого мира — от явных контрреволюционеров до самых «левых» соглашателей с буржуазией — выступили единым фронтом, чтобы спасти мятежников от полного разгрома.

31 октября в 4 часа дня в Военно-революционный комитет явился социал-демократ-интернационалист Литкенс и предложил вступить в переговоры с губернским Советом крестьянских депутатов. Поскольку переговоры предлагалось вести не с Рудневым и Рябцевым, а с Советом крестьянских депутатов, ВРК согласился. Ведя борьбу с мятежниками, большевики не упускали возможности раскалывать лагерь противника. Переговоры казались тем более целесообразными, что в Совете крестьянских депутатов происходили колебания: официально он не посылал своих представителей в контрреволюционный Комитет общественной безопасности [297].

В 6 ч. вечера 31 октября в ВРК прибыла делегация губернского Совета крестьянских депутатов, в том числе Литкенс. Переговоры вели член ВРК А. Ломов и член партийного центра И. Н. Стуков.

Делегация Совета крестьянских депутатов предложила обсудить следующие условия перемирия:

1. Прекращение боевых действий.
2. Немедленная организация однородного революционного министерства из социалистических партий.
3. Восстановление Советов и предоставление им свободы деятельности.
4. Немедленное усиление подготовки выборов в Учредительное собрание.
5. Разведение войск по своим казармам, причем штаб приступает к осуществлению этой задачи при посредстве и контроле Совета солдатских депутатов.
6. Возобновление работы городской думы [298].

По сути дела делегация Совета крестьянских депутатов, хотя она всячески отказывалась от связей с Комитетом общественной безопасности, предлагала вернуться к условиям, существовавшим до восстания, т. е. спасти мятежников от полного разгрома.

В ходе длительных переговоров делегаты ВРК разъяснили крестьянским депутатам объективный смысл их предложений и выдвинули свою платформу. Она сводилась к следующему:

1. Вся власть как в центре, так и на местах принадлежит Советам. Советы создают однородное социалистическое министерство из всех социалистических партий, кроме народных социалистов. Однородное социалистическое министерство ответственно перед Советами.

---

[297] В протоколе переговоров по этому поводу записано: «На вопрос делегатов Военно-революционного комитета, каким образом участвует в «Комитете спасения» (Комитете общественной безопасности.— *И. М.*) представитель Совета крестьянских депутатов, делегаты крестьянского Совета заявили, что они не давали ему мандата на борьбу с советскими войсками» («Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 17). Выходит, что эсеры включили в рудневский комитет самозванца.

[298] «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 17.

2. Власть в Москве принадлежит органу, образованному Советами, который расширит свой состав за счет других демократических организаций, с сохранением преобладания большевиков.

3. ВРК также настаивает на скорейшем созыве Учредительного собрания.

4. Против восстановления работы городской думы ВРК не возражает.

5. Войска после заключения мира разводятся по казармам штабом, созданным Советом, и вся его работа проходит под контролем и при посредстве Советов рабочих и солдатских депутатов.

Основным требованием в платформе ВРК явилась передача всей полноты власти Советам в центре и на местах. Отдельные уступки крестьянским делегатам (например, согласие на образование однородного социалистического министерства), как объясняли авторы платформы, были вызваны стремлением нейтрализовать Совет крестьянских депутатов или перевести его на «сочувствующую позицию» [299].

Переговоры эти ничего не дали мятежникам — подавление мятежа продолжалось с неослабевающей силой, зато для сторонников революции они имели известные положительные последствия. Протокол переговоров завершается следующим выводом: «После переговоров делегаты Совета крестьянских депутатов заявили, что они доложат исполнительному комитету Совета кр[естьянских] деп[утатов] о результатах своих переговоров, причем выяснилось, что делегация в значительной мере соглашается с многими положениями, за которые борются революционные рабочие и солдаты под знаменем Советов» [300].

Утром 1 ноября в Московский Совет пришел митрополит Платон и предложил ВРК посредничество для переговоров с Комитетом общественной безопасности. Ему ответили, что условиями переговоров является признание Советской власти и сдача оружия. Вечером того же дня пришел другой представитель церкви, на этот раз член церковного совета генерал Артамонов, с таким же предложением посредничества в мирных переговорах. Однако ему дали тот же ответ, что и митрополиту Платону [301].

В ночь на 2 ноября сошлись «примирители» всех толков. На совещании присутствовали представители меньшевиков-объединенцев, Бунда, Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-цион), Областного бюро Советов, Викжеля и почтово-телеграфного союза. Обменялись мнением о положении дел. Большинство участников совещания пришли к следующему выводу: раз ВРК не пошел ни на один из предложенных ему компромиссов, то во избежание дальнейших разрушений в Москве следует поставить вопрос о сдаче Комитета общественной безопасности. Но представители меньшевиков, Бунда и Областного бюро, в котором преобладали эсеры и меньшевики, «определенно заявили, что они без особых полномочий от своих организаций не могут предъявлять такого ультиматума» [302]. Это свидетельствовало о том, что «примирение» было для контрреволюции лишь прикрытием ее действительных намере-

---

[299] Там же, стр. 18. Кстати, и в эту «поправку» представители ВРК внесли оговорку: однородное министерство, но без партии энесов, ничем, кроме фразеологии, не отличавшихся от кадетов.

[300] «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 18.

[301] «Социал-демократ», 3 ноября 1917 г.

[302] «Вперед», 3 ноября 1917 г.

ний: спасти Комитет общественной безопасности. В конце концов было решено попытаться еще раз уговорить ВРК.

В ночь на 2 ноября [303] в Военно-революционный комитет явилась делегация «примирителей», на этот раз одних «левых»: объединенцы и левые эсеры [304]. Объединенец Вольский, прибывший из Петрограда, в искаженном свете обрисовал политическое положение в столице. Он уверял, что в Петрограде якобы достигнуто соглашение с меньшевиками и эсерами. Далее Вольский «живописал» продовольственный кризис, развал политического и военного аппарата, отказ полков гарнизона участвовать в гражданской войне. Он запугивал сообщением, что Германия готовит десант в Финляндию, и настаивал на немедленном перемирии. «В Петрограде приходили в ужас все,— говорил он,— узнав, что дел[ается] в Москве. Стороны вчера пришли к соглашению, а в Москве продолжается баррик[адная] борьба. Мы рассм[атривали] вопрос о перемирии у вас — вопрос жизни или смерти» [305].

Клеветническое выступление Вольского вызвало возмущение членов ВРК. Ходатаям по делу прекращения борьбы с мятежниками категорически заявили, что о перемирии не может быть и речи, ибо мятежники опять постараются использовать его для получения помощи от Ставки. Говорить можно только о мире, условиями которого являются: 1) признание перехода власти к Советам, 2) роспуск Комитета общественной безопасности, 3) разоружение мятежников, при этом им гарантируется личная безопасность.

Члены делегации пытались торговаться об условиях и добивались скорейшей посылки советских представителей на переговоры с Комитетом общественной безопасности. Но ВРК повторил, что до принятия его условий он отказывается вести какие-либо переговоры и отдать приказ о прекращении стрельбы.

С тем «примирители» и покинули ВРК, чтобы передать его ответ мятежникам.

Наконец, была предпринята попытка привлечь к спасению мятежников представителей иностранных держав. События в Москве привлекли к себе внимание правящих кругов в лагере Антанты. В свое время намерение Временного правительства перенести столицу в Москву вызвало их одобрение. Влиятельная французская буржуазная газета «Тан» правильно оценила его подлинный замысел. «Это не только военные соображения,— писала газета 22 (9) октября 1917 г.,— заставляют Россию эвакуировать столицу, это прежде всего соображения политического «порядка». Из Москвы легче будет повести борьбу с все еще сильным большевистским влиянием» [306]. После победы восстания в Петрограде другая круп-

---

[303] По сведениям меньшевистской газеты, после 3 час. ночи («Вперед», 3 ноября 1917 г.).

[304] В газете «Социал-демократ» от 3 ноября 1917 г. сообщалось: «В 12 час. ночи на 2 ноября в ВРК явилась делегация — Волгин, Вольский, Сысин, Романов и два левых эсера». А в протоколах ВРК записано: «Делегация от объединенцев: Волгин, Вольский, Заблоцкий, Ломтатидзе, Романов» («Московский Военно-революционный комитет», стр. 144). Далее в протоколах назван эсер Черепанов (стр. 146). Возможно, что сначала пришли объединенцы, а потом появились и представители левых эсеров.

[305] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 144.

[306] Цит. по ст.: *В. Фридлянд.* Французская печать об Октябре.— «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 77.

ная французская буржуазная газета, «Матэн», в передовой статье с большой тревогой писала, что победа большевиков открыла гражданскую войну в стране, что «ужас победы не в том, что Россия прекратила свое участие в войне, но в том, что инсургенты имеют в виду подлинный и полный социальный переворот наряду с требованием немедленного мира» [307].

Единственную надежду газета видела в том, что крестьянское население России и буржуазные классы скоро свергнут правительство большевиков и что «национальный центр России — Москва — сделается крепостью» в организации сопротивления большевикам [308].

Сами революционные события в Москве освещались в иностранной прессе нерегулярно (связь, естественно, в те дни работала с большими перебоями), но и те немногие сведения, которые попадали в печать, позволяют судить о том значении, которое империалисты придавали мятежу в Москве. 8 ноября (26 октября) американский генеральный консул в Москве М. Саммерс сообщал в государственный департамент о создании Военно-революционного комитета и переходе всей власти к Совету, поддержанному гарнизоном, о занятии революционными войсками почты и телеграфа. Консул отмечал, что «все произошло относительно спокойно...» [309].

Генеральный консул США сразу понял то, что оказалось недоступным для буржуазной печати и остается предметом извращения современных фальсификаторов: создание ВРК 25 октября 1917 г. и начало его деятельности означали переход власти в Москве к Советам.

Это известие, разумеется, не вызвало радости в США. Тем с большим удовлетворением встретили в американских правительственных кругах сообщение о мятеже против Советской власти в Москве и о наступлении войск Керенского — Краснова на Петроград. Из Вашингтона, видимо, требовали от дипломатов дополнительных сведений. Американский посол в Швеции Моррис 30 октября (12 ноября) телеграфировал, что он добился телефонной связи с Торнео и узнал следующее: Керенский контролирует телеграф, а союзные послы в Петрограде «поддерживают связь с Керенским, который создал правительственные центры в Москве и Новочеркасске...» [310] Это известие под аншлагом «Москва — новое местопребывание правительства» было помещено в американской прессе. «Москва,— писали нью-йоркские газеты,— которая находится в руках казаков, верных Керенскому, будет новой столицей...» [311]

15 (2) ноября американская пресса опубликовала новое сообщение, полученное из Петрограда: «7 тыс. юнкеров и 3 тыс. солдат осаждены в Кремле в Москве 18 тыс. большевиков, которые бомбят древние стены и строения тяжелой артиллерией» [312].

В тот же день, 15 (2 ноября), американский посол Френсис телеграфировал государственному секретарю: «На улицах Москвы сражения. Число убитых оценивается в 5 тыс. Отель «Националь», Большой театр,

---

[307] Там же, стр. 80.
[308] Там же, стр. 77.
[309] «Papers Relating to the Foreign Relations. Russia, 1918», vol. I. Washington, 1931, p. 226.
[310] Там же, стр. 230.
[311] «Revolution in Russia. As Reported by the New York Tribune and the New York Herald». Ed. by E. Pearlstein. New York, 1967, p. 186—187.
[312] «Papers Relating to the Foreign Relations. Russia, 1918», vol. I, p. 190.

телефон и почта повреждены артиллерией большевиков. Сведений о пострадавших в Москве американцах нет. Прямой информации от (консула) Саммерса нет с 11 ноября (29 октября)» [313].

Эти данные при всей их разрозненности дают представление о том, с каким вниманием следили на Западе за ходом событий в Москве.

Здесь следует коснуться упоминания Френсиса об американцах, находившихся в Москве. В старой столице имелось немало дипломатических представителей — консулов, чиновников, их аппарата и т. д. Кроме того, в Москве — центре одного из крупнейших военных округов — находились представители военных миссий союзников России. В частности, здесь находилась специальная французская артиллерийская миссия, приехавшая обучать русских военнослужащих обращению с присланными из Франции пушками.

Как раз в дни мятежа в Москву для приемки аэропланов с завода «Дукс» приехал один из французских офицеров (русский по национальности), Федоров. Узнав о событиях, он сразу явился в Александровское военное училище и предложил свои услуги для борьбы с большевиками. Это было прямым нарушением общего указания дипломатическим миссиям не вмешиваться во внутреннюю борьбу политических партий в России. Француза направили в офицерский батальон.

Узнав о добровольном вступлении в ряды мятежников французского офицера, Рябцев пригласил его к себе.

«Полковник Рябцев, командующий войсками Московского округа,— пишет в своих мемуарах французский офицер,— вышел ко мне в канцелярию своего штаба.

— Здравствуйте! Вы — французский офицер? — начал он с деланной простотой, как мне показалось.

— Так точно, господин полковник!

— Ну, что французы?

— Я, господин полковник, только что с вокзала и никого из членов французской военной миссии еще не видел.

Полковник Рябцев принял задумчивый вид, слегка притаптывая каблуками и оседая при этом назад.

— Так-с,— проговорил он.— Как вы думаете, помогут нам французы? Нам бы одну роту дисциплинированных людей... Оружие у вас есть? Сколько у вас народу?..

— Я ничего этого не знаю, господин полковник, но могу сказать, что симпатии французов безусловно на стороне Временного правительства.

Полковник Рябцев открыл дверь в соседнюю комнату, где на кроватях и креслах среди невероятного беспорядка сидело с полдюжины генералов, и торжественно объявил:

— Господа! Нашего полку прибыло: французы с нами...» [314]

Весь этот разговор и особенно вырвавшаяся буквально из сердца реплика Рябцева «французы с нами!» (хотя пришел всего-навсего один французский офицер, да и тот говорил лишь о симпатиях своих коллег) является еще одним свидетельством неуверенности мятежников в своих силах, сознания того, что без иностранной помощи им не справиться с революционным движением.

---

[313] «Papers Relating to the Foreign Relations. Russia, 1918», vol. I, p. 232.
[314] ЦГАОР СССР, ф. 6720, оп. 1, д. 2, л. 10.

Французский офицер попытался разъяснить, что он ничего не знает о реальной позиции французов, но готов выполнить поручение Рябцева и поехать в миссию. Рябцев приказал подготовить автомобиль, выделил своего офицера для сопровождения и направил Федорова на Ходынку просить помощи у французских артиллеристов. С трудом, минуя многочисленные посты красногвардейцев, посланцы Рябцева добрались до Ходынки. Офицер передал просьбу Рябцева. Ему ответили, что получена инструкция из Петрограда «оставаться нейтральными во внутренней борьбе русских», но посоветовали переговорить лично с майором, начальником миссии.

«Господин майор! — рассказывает о беседе Федоров.— Я явился к вам по поручению командующего войсками Московского военного округа» [315].

Расспросив офицера, как он попал в Москву, майор сказал: «Скажите командующему войсками, ...что мы находимся здесь, чтобы научить русских артиллерийскому делу, и что в наши задачи не входит мешаться во внутренние ссоры русских...» [316]

Посланец Рябцева стал убеждать майора и объяснять, почему он как французский офицер счел «долгом чести вступить активно в борьбу в Москве». При этом он приводил доводы, которыми долгие годы интервенты оправдывали свое вмешательство в дела России. «Я говорил о том,— пишет Федоров,— что вспыхнувшая гражданская война есть продолжение войны на фронте, что московское восстание есть эпизод всемирной войны, что присутствие немецких военнопленных офицеров в рядах восставших есть блестящая иллюстрация моих утверждений и что, на мой взгляд, долг союзников — спешно прийти на помощь русским, которым общий враг наносит тягчайший, может быть, решительный удар, что неприятеля бьют, где бы он ни встретился» [317].

Таким образом, буквально уже в первые часы революции была пущена в ход клевета (ставшая составной частью всей позднейшей идеологической антисоветской борьбы и оправдания интервенции), будто германские военнопленные составляли активную, боевую силу советской революции.

Посланец Рябцева, на обратном пути преодолевая те же трудности, из которых он выпутывался главным образом ссылкой на то, что он — французский офицер, лицо «нейтральное», вернулся в Александровское военное училище, вероломно захватив с собой и двух красногвардейцев, выделенных для его сопровождения. Он доложил Рябцеву о неудаче: французские артиллеристы, ссылаясь на инструкцию о невмешательстве, отказались выступить на стороне мятежников [318].

Капитуляция мятежников

Пока «примирители» сменяли друг друга, выдвигая все новые предложения, наступление революционных войск не прекращалось ни на минуту. Продолжался и артиллерийский обстрел мятежников. Ввод в действие

---

[315] Там же, л. 16.
[316] Там же, лл. 16—17.
[317] Там же, л. 18.
[318] О приезде французского офицера с поручением Рябцева просить помощи французской миссии рассказывает также Р. Эрваль, присутствовавший при беседе

тяжелой артиллерии усилил разложение в стане врага. Дальнейшее сопротивление становилось все безнадежнее. Делегация объединенцев и левых эсеров, посетившая ночью ВРК, сообщила Рудневу и Рябцеву, что ВРК отказывается от переговоров до принятия его условий капитуляции. Стало ясно, что все попытки спасти мятежников провалились. Белые решили сдаться. Но и агонизируя, они стремились выторговать как можно лучшие условия. Рано утром 2 ноября на совещание «примирителей» прибыл товарищ городского головы С. Студенецкий и огласил письмо Руднева, посланное в ВРК. В письме говорилось, что артиллерийский обстрел Кремля и Москвы не приносит вреда мятежникам, а якобы лишь разрушает памятники старины и приводит к «избиению мирных жителей». «Поэтому,— писал Руднев,— в интересах населения Москвы Комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких конкретных условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия» [319].

Эти убеждения Руднева были насквозь лицемерными: во-первых, условия ВРК были известны; во-вторых, Комитет общественной безопасности не вспоминал «об интересах населения», когда начал свою преступную авантюру.

«Со своей стороны Комитет общественной безопасности заявляет,— написал далее Руднев,— что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политическим и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах» [320].

Убедившись в полной безнадежности своего положения, Комитет общественной безопасности тем не менее продолжал маневрировать: в письме Руднева говорилось лишь о прекращении вооруженной борьбы, но не было ни слова о роспуске Комитета общественной безопасности. Видимо, комитет хотели сохранить как центр дальнейшей политической борьбы против Советской власти.

Ответ ВРК был категоричен: вся власть Советам, роспуск Комитета общественной безопасности, разоружение юнкеров и белой гвардии, «стрельба прекращается с момента принятия ультиматума» [321].

Утром 2 ноября в ВРК снова явилась делегация, на этот раз всех шести партий, в разное время выступавших в роли «примирителей» — объединенцев, объединенцев-интернационалистов, левых эсеров, Бунда, Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-цион), Польской социалистической партии (левицы). Среди них был и представитель Комитета общественной безопасности С. Студенецкий.

Во время этой встречи были оглашены письмо Руднева и ответ ВРК. Члены делегации вновь пытались изменить условия. Студенецкий заявил, что Комитет общественной безопасности «ни под каким условием не

(*René Herval.* Huit mois de revolution russe (Iuin 1917 — Janvier 1918). Librairie Hashette et C°, St. Germain. Paris, 1918).

[319] «„Труд“ и „Земля и воля“» (так назывался общий орган эсеров), 3 ноября 1917 г.

[320] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 153.

[321] Там же; «Социал-демократ», 3 ноября 1917 г.

может признать власти Советов»[322]. Его поддержали другие делегаты. Но ВРК заявил, что «никаких уступок не будет» и что первый же пункт будущего договора должен говорить о роспуске Комитета общественной безопасности.

В комиссию по выработке договора ВРК выделил П. Г. Смидовича и В. М. Смирнова. Заседание комиссии назначили на 10 час. 30 мин. утра 2 ноября в зале губернской земской управы.

ВРК обратился с приказом к артиллеристам: «Ввиду того, что сейчас происходят переговоры о сдаче Комитета общественной безопасности ВР комитету, который устанавливает власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, ВРК приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу впредь до особого распоряжения, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы»[323].

В полдень 2 ноября состоялось заседание ВРК, на котором В. М. Смирнов сообщил, что Комитет общественной безопасности согласен принять условия ВРК, но просит продлить срок переговоров до 14 час., чтобы уговорить юнкеров прекратить сопротивление, и на это же время продлить отмену артиллерийской стрельбы. Военно-революционный комитет согласился.

Как раз в то время, когда в зале губернской земской управы встретились представители сторон, военные действия приняли интенсивный характер. С раннего утра 2 ноября повсеместно возобновились наступательные бои. Начался штурм гостиницы «Метрополь». В 10 час. 55 мин. Центральный ВРК получил донесение о том, что гостиница «Метрополь» взята. Было освобождено до 200 солдат и красногвардейцев, попавших ранее в плен к юнкерам[324]. Развивая успех, красногвардейцы заняли думу и Исторический музей. В 13 час. 25 мин. они вышли на Красную площадь через Иверские ворота и закрепились здесь[325].

К 14 час. 30 мин. 2 ноября завершилось полное окружение юнкеров в районе Кремль — Манеж[326].

Отряд красногвардейцев и солдат Замоскворечья занял угол Волхонки и Ленивки. Здесь было установлено одно орудие. Второе орудие, как распорядился ВРК, поставили у Музея изящных искусств. Развивая наступление, красногвардейцы заняли Университет на Моховой и начали продвижение по Никитской улице к Никитским воротам.

На подступах к штабу МВО и Александровскому училищу продолжались тяжелые бои.

В 2 часа дня, как предусматривалось в решении ВРК, возобновился артиллерийский обстрел. Он положил конец всем попыткам продолжать торговлю вокруг условий сдачи: в 5 час. вечера 2 ноября был подписан договор об условиях капитуляции[327]. Комитет общественной безопасности прекращал свое существование. Пленные обеих сторон немедленно

---

322 «Московский Военно-революционный комитет», стр. 154.
323 Там же, стр. 157.
324 ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 200.
325 Там же, д. 4, л. 190.
326 Там же, л. 196.
327 По другим данным, в 7 час. вечера («Утро России», 8 ноября 1917 г.; «Вперед», 4 ноября 1917 г. называют две даты).

освобождались. Белая гвардия распускалась. Юнкерам гарантировались свобода и личная неприкосновенность. Офицерам оставлялось соответствующее их званию оружие. В юнкерских училищах сохранялось лишь то оружие, которое было необходимо для обучения, все остальное оружие юнкера сдавали. Для решения вопроса о способах разоружения создавалась комиссия из представителей ВРК, командного состава мятежников и тех организаций, которые принимали участие в посредничестве. С момента подписания договора обе стороны отдали приказ о прекращении всяких военных действий [328].

К договору было приложено «сопроводительное заявление» капитулировавших: «Все военнослужащие и белая гвардия заявляют, что они вели борьбу не для достижения политических целей, а для водворения государственного порядка и охраны жизни и имущества жителей города Москвы.

Подпоручик Якулов, юнкер Кобро» [329].

«Сопроводительное заявление» было явно рассчитано на то, чтобы снять с белогвардейцев ответственность за мятеж: мы-де только выполняли приказ.

Договор о капитуляции был встречен многими революционными бойцами с недоумением и даже возмущением.

Дружина Красной гвардии при исполнительном комитете латышских объединенных секций Московской организации большевиков единогласно от имени 193 человек категорически потребовала, чтобы юнкера и все другие участники мятежа были преданы революционному суду с участием представителей революционных организаций и Красной гвардии, который определит виновность каждого. «Что касается предводителей корниловцев,— говорилось в резолюции,— Рябцева и его товарищей, которые первые подняли бунт против революционного народа, то они должны быть судимы тем судом, какого они требовали для рабочих, солдат и крестьян» [330].

---

[328] «Социал-демократ», 3 ноября 1917 г. Договор подписали: от ВРК — В. Смирнов и П. Смидович; от Комитета общественной безопасности — В. Руднев, И. Сорокин, С. Студенецкий; от Соединенного комитета войск, оставшихся верными Временному правительству,— подпоручик Якулов, юнкер Кобро, солдат Кунгуров. Договор подписали также представители организаций, выступавших посредниками: от Московской организации объединенных интернационалистов РСДРП — В. Вольский, А. Плесков; от объединенцев — Михалевский, В. Моргунов; от Польской социалистической партии (левицы) — Р. Я. Пуздорский, Дрениц; от Бунда — К. Гольдман; от Московского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — В. Агапов; от Викжеля — Я. Верветченков; от информационного бюро социалистов-революционеров (так называла себя группа левых эсеров) — Д. Черепанов; от Московской организации Еврейской социал-демократической организации (Поалей-цион) — Рабинович. В газетах приведены и другие имена: так, от объединенных интернационалистов вместо Вольского называется В. Волгин («„Труд“ и „Земля и воля“», 3 ноября 1917 г.), от левых эсеров — также В. Ф. Зитта («Вперед», 3 ноября 1917 г.) и т. д. Мы даем фамилии подписавших по подлиннику с автографами («Московский Военно-революционный комитет», стр. 161—162).

[329] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 162. По другим источникам, заявление подписали Вакутов и Бобров (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 75, л. 7). В ряде газет («Социал-демократ», 3 ноября 1917 г.; «„Труд“ и „Земля и воля“», 3 ноября 1917 г.) «сопроводительное заявление» опущено.

[330] «Социал-демократ», 4 ноября 1917 г.

Напечатав этот протест, редакция газеты «Социал-демократ» сопроводила его заметкой, согласованной с ВРК: «ВРК считал нужным ликвидировать восстание буржуазии с наименьшим количеством жертв. Ввиду этого и не нашел нужным настаивать на предании суду участников восстания. Теперь, когда договор подписан, не может быть и речи о нарушении его условий».

Эта приписка лишний раз свидетельствует о мирных иллюзиях некоторых руководителей московских большевиков.

Ряд районных ВРК также выступил с протестами против договора. ВРК Басманного района совместно с районным партийным центром протестовал против того, что мнение районов не было заслушано, и требовал, чтобы Комитет общественной безопасности был не только распущен, но арестован и предан суду, а юнкера и офицеры привлечены «к ответственности за совершенные преступления» [331].

Поздно ночью 2 ноября на заседание ВРК явились работники районов с протестом против договора. Председатель Рогожского ВРК Н. Н. Прямиков говорил на заседании: «Приказу не стрелять район подчиняется, но он настаивает на аресте штаба Комитета спасения и аресте юнкеров и белогвардейцев» [332]. Его поддержали представитель Городского района, с возмущением говоривший об издевательствах юнкеров над пленными; секретарь Пресненского райкома партии М. М. Костеловская; член МК Р. С. Землячка. Против договора высказывался даже штаб ВРК.

Г. А. Усиевич, выступивший на заседании ВРК ночью 2 ноября, объяснил, что на принятие договора пошли под влиянием известий о приближении казаков, очевидного утомления войск, опасения погромов и т. п. Он повторил свои доводы и позже — 7 ноября, выступая на пленуме Московских Советов.

«Этот договор опять-таки вызвал самые большие нарекания со стороны наших воинов, со стороны солдатской и рабочей массы,— признавал Усиевич.— Военно-революционный комитет и здесь пошел на уступки вопреки требованиям масс, потому что желал избежать лишней крови и лишнего разрушения, а полная победа и без того была в наших руках. Поэтому Военно-революционный комитет счел возможным принять условия, которые были выгодны в известной степени для юнкеров и офицеров, которые давали им больше, чем они могли ожидать» [333].

Разумеется, после драки кулаками не машут... Раз договор был подписан, то нарушать его не следовало. Но поблажки мятежникам ничем не оправдывались. «Приближение казаков» являлось непроверенным слухом. С погромами и уголовными элементами велась успешная борьба. Утомление войск восполнялось прибытием новых подкреплений из области. В то же время оставление вожаков контрреволюции безнаказанными, а их боевой силы — всех юнкеров и офицеров — на свободе означало сохранение кадров контрреволюции, готовых снова пойти с оружием в руках против Советской власти. Недаром некоторые юнкера, сдавая оружие и прощаясь друг с другом, нагло говорили: «Через месяц встретимся на Дону» (там уже создавалась база контрреволюции) [334].

---

[331] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 297—298.
[332] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 174.
[333] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 457.
[334] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 37.

В 9 час. вечера Московский ВРК издал приказ, в котором сообщал о победе социалистической революции в Москве. «Революционные войска победили,— говорилось в приказе, юнкера и белая гвардия сдают оружие. Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в Москве в руках Военно-революционного комитета» [335].

ВРК приказал прекратить всякие военные действия — оружейный, пулеметный и орудийный огонь, но войскам не расходиться, а оставаться на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией.

В тот же день, 2 ноября, ВРК разослал по стране радиограмму всем воинским частям, Советам рабочих и солдатских, крестьянских и казацких депутатов. «В Москве,— говорилось в ней,— восстали против народного правительства юнкера, офицеры и буржуазные белогвардейцы. Уличные бои длились около 6 суток. Ни один солдат, ни один казак не присоединился к бунтовщикам». ВРК сообщал далее, что юнкера и офицеры сдались и разоружаются. Комитет общественной безопасности распускается, а вся власть находится в руках Военно-революционного комитета [336].

Рябцев в свою очередь издал приказ прекратить боевые действия, но войскам оставаться на местах. В приказе, как и в письме Руднева о согласии капитулировать (видимо, оба документа были согласованы), было выражено стремление сохранить Комитет общественной безопасности. Приказ Рябцева заканчивался словами: «Гражданская борьба, согласно постановлению высшего в Москве политического органа — Комитета общественной безопасности, окончена» [337].

Однако борьба еще не была завершена. В районах Кремля, штаба МВО, Александровского училища, Арбата и Никитских ворот разрозненное сопротивление юнкеров продолжалось.

Красногвардейцы и солдаты продолжали развивать наступление. Вечером 2 ноября был очищен от белых район Никитских ворот. Красногвардейцы Пресни, Дорогомилова и Хамовников овладели 5-й школой прапорщиков.

Революционные части тесным кольцом окружили Кремль. Ночью группа разведчиков Городского района проникла в Кремль через Никольские ворота. Почти одновременно через Спасские ворота в Кремль вступили красногвардейцы Замоскворечья, а через Троицкие и Боровицкие — отряды Городского района, Замоскворечья, Хамовников, Пресни.

В 12 час. 15 мин. 3 ноября в Центральный ВРК поступило донесение: «Штаб юнкеров на Пречистенке сдался сегодня утром» [338]. Взятием штаба руководили Ф. Смирнов и П. Арутюнянц. Через 25 минут поступило новое донесение: «На Красной площади спокойно. В Кремле наши солдаты и Красная гвардия» [339].

У здания Александровского училища и у Манежа красногвардейцы и солдаты принимали оружие у капитулировавшего врага [340].

---

[335] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 165.
[336] Там же, стр. 166.
[337] «„Труд“ и „Земля и воля“», 3 ноября 1917 г.
[338] ЦГАОР СССР, ф. 1, оп. 1, д. 4, лл. 220—222.
[339] Там же.
[340] Судьба Рябцева неизвестна. По неофициальным данным, группа офицеров, участников мятежа в Москве, после захвата войсками Деникина в 1919 г. Украины арестовала Рябцева в Харькове и расстреляла без суда (*А. Н. Вознесенский.* Москва в 1917 году, стр. 158).

В связи с победой Военно-революционный комитет 3 ноября обратился к трудящимся Москвы и области и солдатам гарнизона с манифестом, в котором сообщалось:

«После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценой крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизона...

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело — делом живущих!» [341]

10 ноября вся Москва в торжественно-траурной обстановке провожала в последний путь октябрьских героев, павших в борьбе за власть Советов. На похороны специальной телеграммой были приглашены представители многих городов страны. Прибыли делегаты от Петрограда, Иваново-Вознесенска, Тулы, Нижнего Новгорода, Рязани, Одессы и других городов. Шествие продолжалось весь день. Процессии шли из всех районов Москвы. В тот день в братских могилах у Кремлевской стены было похоронено 238 красногвардейцев, солдат, матросов [342].

Московская городская дума по решению Военно-революционного комитета была распущена, так как большинство ее, как говорилось в постановлении, «выступило во главе юнкеров и белой гвардии против рабочих и крестьян» («Социал-демократ», 5 ноября 1917 г.). Юнкерские училища приказом штаба Московского военного округа 10 ноября были закрыты. Всем юнкерам предложено было явиться по месту жительства к уездным воинским начальникам для зачисления в запасные части; неявившиеся к 20 ноября объявлялись дезертирами («Социал-демократ», 16 ноября 1917 г.). Многие юнкера, как известно, уехали на Дон, где вступили в белые войска.

[341] «Социал-демократ», 4 ноября 1917 г.

[342] Американский писатель Джон Рид, участвовавший в похоронах, писал, что в братские могилы в течение дня похорон опустили 500 гробов (*Джон Рид.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 212). Вообще число жертв до сих пор не уточнено. Уже в 1917 г. назывались разные цифры. Газета «Власть народа» писала о 1500 пострадавших. «Наиболее пострадали большевики,— отмечала газета,— затем войска, верные Временному правительству. На третьем месте случайные жертвы» («Власть народа», 8 ноября 1917 г.). Иностранные наблюдатели считали, что в Москве было 5000 жертв. В архиве сохранились материалы Комиссии по организации помощи жертвам революции, которая была создана в ноябре 1917 г. при Исполнительном комитете Московского Совета. В списках этой комиссии названо 650 раненых и 228 убитых и умерших от ран красногвардейцев, солдат и матросов. Среди погибших 123 красногвардейца и 105 солдат (*Ф. Л. Курлат.* Рабочие Москвы в борьбе за власть Советов, стр. 318, 348—351). Важно отметить, что цифры погибших подтверждают ведущую роль Красной гвардии.

Нет, однако, сомнения, что общее число жертв было гораздо бóльшим. В списки, например, попали не все солдаты, расстрелянные юнкерами в Кремле. Многие погибшие были похоронены в других местах. Так, рабочие Люберецкого завода похоронили красногвардейца В. Зубарева в Люберцах 5 ноября («Деревенская правда», 9 ноября 1917 г.), похороны Л. Лисиновой были назначены на 14 ноября («Социал-демократ», 12 ноября 1917 г.). С. Д. Барболин похоронен на Дорогомиловском кладбище («Социал-демократ», 8 ноября 1917 г.), Шурик Алексеев — в Симоновском монастыре («Социал-демократ», 19 ноября 1917 г.), Шитов — солдат 2-й запасной автомобильной роты, организатор Благуше-Лефортовского района — на Семеновском братском кладбище («Социал-демократ», 10 ноября 1917 г.).

Контрреволюционеры хоронили свои жертвы отдельно. 13 ноября 1917 г. на братском кладбище во Всехсвятском в могилы были опущены 53 гроба убитых

Сражающаяся Москва

Бои в Москве продолжались более шести суток. Они шли день и ночь. Артиллерийская стрельба сотрясала город. Даже 30 октября, в день перемирия, боевые операции хотя и стали менее интенсивными, но не прекратились полностью. Сражения, особенно в первые дни, охватили все районы огромного города.

Буржуазная пресса изображала положение в Москве как хаос, бессмысленную стрельбу, приведшие к большим потерям среди мирного населения. Московский викжелевец горько жаловался петроградскому коллеге Вомпе: «За вчерашний день (28 октября.— *И. М.*) убитых и раненых в Москве 700 человек, а сегодня, сейчас только возвратился из Московской городской управы тов. ..., который даже с ужасом не может описать того, что происходит...» [343] Буржуазные газеты писали о тысячах «внутренних беженцев», т. е. жителях, покидавших центральные кварталы и вынужденных искать приют и пропитание в других районах [344].

В советской историографии давно разоблачены эти клеветнические измышления. Она показала героизм, самоотверженность и организованность революционных борцов. Но и в ней мало материала о том, как жили трудящиеся Москвы в грозные дни непрерывных боев, как управлялся огромный город, как обеспечивалось продовольственное снабжение сотен тысяч находившихся в нем людей.

Прежде всего следует отметить, что за эти несколько дней был в значительной степени сломан старый государственный аппарат и на его месте приступили к созданию нового. Народ на собственном опыте убедился в необходимости решительно сломать аппарат насилия буржуазии — без этого нечего было и думать об укреплении народной власти.

Мятеж юнкеров ускорил этот процесс.

В Москве старая армия как основное орудие классового насилия буржуазии перестала существовать. Она распалась: офицеры, покинув полки, в большинстве своем перешли на сторону контрреволюции, а солдаты (в основном трудящиеся крестьяне и рабочие) поддержали революцию. В частях были избраны новые командиры, главным образом из старослужащих солдат, младшего командного состава и небольшой части офицерства, оставшегося лояльным или открыто объявившего себя сторонниками новой власти. Без разрешения ВРК ни один офицер не мог быть принят в полк.

Милиция была полностью изъята из ведения буржуазии. Районные ВРК заняли все милиционные участки. Командный состав милиции был устранен — его заменили представители Советов, а рядовой состав в большей своей части перешел на сторону революции, а также пополнился красногвардейцами и солдатами.

Старые суды прекратили работу. Верхушка судебно-карательных органов по примеру прокурора А. Ф. Стааля приняла участие в юнкерском

юнкеров, офицеров и студентов («Русское слово», 14 ноября 1917 г.). Данные о погибших не полны. Буржуазные газеты называли 80 убитых одних студентов. На кладбище с речами выступали организаторы мятежа, на чьей совести были эти жертвы: эсер В. В. Руднев и кадет Н. И. Астров.

[343] «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 21. В тексте не указана фамилия. По другим данным: О. Б. Гар (ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 78, л. 3).

[344] «Утро России», 8 ноября 1917 г.

мятеже. Борьбу с погромщиками и хулиганами успешно вели районные Советы и созданные при них следственные комиссии.

Власть перешла к Советам уже в первые дни революции — 25 и 26 октября 1917 г. Выделенные Советами районные военно-революционные комитеты сосредоточили в своих руках все управление районами города. Почти все ВРК быстро приняли одинаковую структуру. Они состояли из оперативного отдела, отдела для ведения боевых операций, отделов связи, разведки, информации, транспорта, санитарной и продовольственной комиссий. Имелись также административно-следственные части, носившие, впрочем, как и другие отделы, различные наименования в разных районах. Они ведали установлением порядка, приемом, допросами и охраной арестованных, нередко хранением и выдачей оружия. Районные Советы и ВРК опирались в своей деятельности на районные думы и разветвленный аппарат заводских комитетов.

В чрезвычайно короткий срок были заложены основы нового государственного аппарата диктатуры пролетариата на месте сломанного в основном аппарата диктатуры буржуазии. Объяснялось это не только тем, что мятеж юнкеров ускорил ликвидацию органов власти буржуазии, но главным образом тем, что в Советах революция имела более или менее готовый аппарат власти, приобретший за долгие месяцы — с февраля по октябрь — огромный опыт руководства массами и организации управления без буржуазии и против буржуазии.

Новые органы власти охватили не только управление всей жизнью Москвы. Центральный ВРК заботился об установлении отношений с дипломатическими представителями союзных стран. В Москве, как уже отмечалось, находились консульства и миссии многих стран. Расположены они были в основном в центре города, где шли особенно ожесточенные бои. ВРК распорядился установить охрану у шведского консульства в Брюсовском переулке и у дома на Большой Никитской, где жили сотрудники шведского консульства, у французского консульства, подвергшегося случайному обстрелу [345]. Иностранным подданным выдавались пропуска для свободного передвижения по городу. Такое же внимание было уделено итальянскому, бельгийскому, аргентинскому и другим консульствам. Американскому генеральному консулу М. Саммерсу к тому же был выдан пропуск для входа в помещение ВРК [346].

Были приняты меры, чтобы организовать охрану имущества и личной безопасности иностранных подданных (ВРК поручил это комиссару по гражданской части Москвы М. И. Рогову). Как только гостиница «Националь» была освобождена от юнкеров, ВРК распорядился вернуть туда иностранцев, живших там до мятежа белогвардейцев. Имущество английской авиационной компании было объявлено неприкосновенным.

О том, как внимательно относилась новая власть к установлению правильных отношений с иностранными консульствами, дает представление следующий эпизод. В редакционной статье под заголовком «Работа „союзнических“ правительств» «Социал-демократ» сообщал, что французские артиллеристы помогали юнкерам, обслуживая орудия на броневиках [347].

---

[345] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 127—128, 158.
[346] Там же, стр. 208.
[347] «Социал-демократ», 1 ноября 1917 г. Р. Робинс, заместитель главы американской миссии Красного Креста, находившийся в Москве в дни сражений, писал

1 ноября, в день помещения статьи, на заседании ВРК выяснилось, что приведенный факт не соответствует действительности. ВРК предложил редакции опровергнуть сообщение об участии французских артиллеристов на стороне белых [348].

При ВРК была создана специальная «комиссия по установлению взаимоотношений с консулами» во главе с известным ученым-историком М. Н. Покровским. Несколько дней спустя — 6 ноября — Покровский был назначен московским комиссаром по иностранным делам, а его заместителем — историк Н. М. Лукин [349].

Первоочередной задачей Советской власти являлось подавление сопротивления контрреволюции, об этом уже говорилось при изложении хода военных операций. Но исключительно важной и крайне сложной задачей оставалась организация продовольственного дела. Сложность ее определялась тем, что бывшее буржуазное правительство поставило Москву, как и всю страну, перед голодом, надеясь таким путем обуздать и сломить революционные массы. Сложность заключалась и в том, что контрреволюционный мятеж разделил город на части, нарушив продовольственное снабжение; кормить приходилось многие сотни тысяч населения и десятки тысяч красногвардейцев и солдат.

Формально снабжением Москвы занимался продовольственный комиссар при городской думе. Но эсеро-кадетская дума встала во главе контрреволюционного мятежа. Это не могло не сказаться на деятельности продовольственной управы. Достаточно сказать, что общее собрание сотрудников продовольственного комитета приняло резолюцию против вмешательства советских властей в дело снабжения и угрожало поддержать свой протест «всеми имеющимися в его распоряжении средствами, вплоть до всеобщей забастовки» [350]. Очень скоро в ходе вооруженной борьбы выяснилось, что продовольственные органы не только не справляются со своими обязанностями, но открыто поддерживают контрреволюцию. Так, 29 октября Московский городской продовольственный комитет довел до сведения всех жителей, что на 30 и 31 октября хлебный паек уменьшается до $^1/_4$ фунта (100 г) в день. «Причиной уменьшения пайка, — сообщал продовольственный комитет, — является затруднение с доставкой муки со станций и развозкой к местам продажи *в связи с захватом власти большевиками*» [351].

Продовольственный комитет ставил население под угрозу голода, а виновной в этом объявлял Советскую власть. Сообщив далее, что «запасы хлеба в Москве незначительны», продовольственный комитет явно призвал население к борьбе и свержению Советской власти: «Надеяться на усиление подвоза нельзя, если не восстановится нормальная жизнь, которая даст возможность принять необходимые меры к усилению подвоза и для разгрузки Московского железнодорожного узла». Свергните власть Сове-

---

в своем дневнике, что 1 ноября ночью в гостиницу «Националь»,— он жил там вместе с членами французской артиллерийской миссии,— явился представитель революционных войск. «Он сказал,— писал Робинс,— что прибыл для того, чтобы задать несколько вопросов. Правда ли, что французская артиллерийская миссия снабжала снарядами юнкеров и оказывала им помощь?» («Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 126).

348 «Московский Военно-революционный комитет», стр. 141.

349 Там же, стр. 209.

350 «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 212.

351 «Труд», 29 октября 1917 г. (курсив наш.— *И. М.*).

тов, восстановите нормальную жизнь — получите хлеб, с поразительным цинизмом писали «отцы города».

Руководители продовольственного комитета действовали вместе с лидерами контрреволюции. Они откровенно проводили в жизнь преступный замысел московского туза Рябушинского: костлявой рукой голода схватить за горло революцию. Оставлять в таких условиях снабжение населения продовольствием органу, действовавшему совместно с контрреволюционной городской думой, значило обрекать трудящихся города на голод. «Центральным продовольственным комитетом,— говорилось в «Бюллетене ВРК Совета рабочих депутатов Городского района»,— не только не приняты никакие меры для правильной организации продовольственного вопроса, но устроен своего рода саботаж снабжения населения хлебом» [352].

Продовольственное дело было изъято из ведения продовольственного комитета. Как уже отмечалось, старый большевик, впоследствии видный деятель Совнаркома и министр земледелия Украинской Советской социалистической республики, А. Г. Шлихтер был назначен комиссаром ВРК по разгрузке Московского железнодорожного узла. Ему было поручено организовать под своим руководством все управы районных дум в качестве продовольственного совета при ВРК [353]. Шлихтер был назначен комиссаром по продовольствию Москвы и окрестностей [354].

Опираясь на аппарат Лефортовской районной управы (в этом районе находилась единственная мельница, моловшая зерно для хлебопекарен Москвы), привлекая необходимую помощь из других районов, продовольственный комиссариат развернул энергичную работу по разгрузке и доставке продовольствия. Для этой цели были мобилизованы и посланы на железнодорожные станции сотни рабочих [355]. Были найдены запасы хлеба, скрывавшиеся старым продовольственным комитетом. Чтобы увеличить эти запасы, ряд фабрично-заводских комитетов сообщил ВРК, что рабочие отказываются от своего дополнительного пайка (кроме полуфунта общего для всех хлебного пайка, рабочие получали еще полфунта хлеба дополнительно) с тем, чтобы все население получало равный паек в полфунта. Это был акт высокой сознательности рабочего класса, ярко свидетельствовавший о роли пролетариата как руководителя общей борьбы.

Все это дало возможность ВРК распорядиться со 2 ноября выдавать всему населению одинаковый (полфунта) хлебный паек. В рестораны 1-го и 2-го класса, которые посещали имущие слои населения, отпуск хлеба и муки прекращался. Рестораны 3-го разряда, где обедала беднота, получали хлеб по-прежнему.

В противоположность своекорыстной политике буржуазного продовольственного комитета, не останавливавшегося перед тем, чтобы оставить без хлеба районы и тем помочь контрреволюционному Комитету общественной безопасности, советские продовольственные органы старались снабжать продовольствием и население центра, занятого юнкерами. 30 октября ВРК заготовил специальные пропуска для представителей домовых комитетов, разрешив «свободный проход для закупки продуктов» и предписав «булочным и лавкам выдачу таковых» [356].

---

[352] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 98.
[353] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1 ноября 1917 г.
[354] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 204—205.
[355] А. Г. Шлихтер называет 700—800 человек (там же, стр. 208).
[356] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 94.

Районные ВРК немедленно отдавали распоряжения открыть все продовольственные предприятия, как только хоть на время прекращались боевые операции или район освобождался от белогвардейцев. 30 октября ВРК Городского района, объявив в приказе № 1, что вся власть находится в его руках, потребовал «немедленного открытия продовольственных лавок, булочных, харчевен, трактиров для правильного снабжения населения продовольствием во время революции» [357]. Едва был подписан договор о капитуляции белых, как Центральный Военно-революционный комитет распорядился с 3 ноября открыть все магазины, лавки, трактиры, молочные и чайные. Наблюдение за выполнением приказа возлагалось на районные комиссариаты [358].

Благодаря исключительной энергии революционных властей и всемерной поддержке всех трудящихся удалось наладить регулярное снабжение продовольствием населения и войск Москвы. Как тут не вспомнить штрейкбрехеров Зиновьева и Каменева, выдвигавших против восстания довод, что революция якобы не справится с «продовольственным вопросом». События в Москве показали, что без свержения диктатуры буржуазии, без привлечения самых широких масс трудящихся к делу организации продовольственного снабжения, без обуздания спекулянтов и держателей хлеба невозможно покончить с голодом. «Нет и быть *не может*,— прозорливо писал В. И. Ленин против штрейкбрехеров еще до перехода власти в руки Советов,— иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет *нельзя*» [359]. Жизнь полностью оправдала предвидение В. И. Ленина.

Вопрос о привлечении масс к разрешению сложнейшего продовольственного вопроса подводит нас к одной из важнейших черт Октябрьской революции — ее общенародному характеру. Рабочий класс вдохновлял, возглавлял и направлял революционное движение. Из его среды вербовались наиболее активные революционные борцы — красногвардейцы, основная боевая сила революции. Рабочие охраняли заводы, рыли окопы, строили баррикады. Они создавали специальные отряды для борьбы с погромщиками и хулиганами.

На долю пролетариата выпала основная работа по управлению огромным городом и всей областью. Он выдвигал руководителей в аппарат новой городской власти. Во главе административных учреждений, в осуществлении рабочего контроля на производстве, в продовольственных органах находились испытанные политические деятели, прошедшие школу революции.

Деятельность московских рабочих становилась образцом и примером для других городов. Из Центрального промышленного района приезжали перенимать опыт в Москву. Отсюда посылались представители для оказания помощи в создании новой власти на местах.

Московский пролетариат отчетливо сознавал свою роль руководителя в социалистической революции. В передовой статье «Бюллетеня ВРК Со-

---

[357] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 160 (фотокопия приказа № 1).
[358] Там же, стр. 183.
[359] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 410.

вета рабочих депутатов Городского района» 1 ноября говорилось: «Московская революция своим победоносным шествием знаменует один из крупнейших этапов к торжеству социализма над капитализмом» [360].

О победе революции в Москве была разослана радиотелеграмма всем Советам. В похоронах героев Октябрьской революции в Москве участвовали представители Петрограда, городов Центрального промышленного района и всей страны.

Пролетариат проявил себя гегемоном, руководителем борьбы за победу революции и строителем нового общества. В огне боев в Москве закреплялся союз пролетариата с крестьянством. Солдаты, по классовому своему составу в большинстве трудящиеся крестьяне, разделяют с рабочими славу победителей над контрреволюцией. Они обучали, нередко под огнем противника, рабочих владению оружием и вместе с ними сражались за мир народу, за землю крестьянам. Из среды передовых солдат вышли организаторы и руководители новой армии — защитницы совместно добытой трудящимися свободы. Немало солдат приняли участие в строительстве Советской власти в Москве. Другие, прошедшие через испытания борьбы, понесли идеи революции в деревню, где явились зачинателями великой освободительной борьбы за ликвидацию вековой эксплуатации помещиков.

Вместе с рабочими всю тяжесть борьбы выносили работницы. Немало женщин с оружием в руках сражались на баррикадах. Многие вступали в отряды сандружинниц. В районах было создано по нескольку отрядов Красного Креста и пунктов первой помощи раненым. Работа была крайне напряженной, ибо число раненых росло с каждым днем, а госпитали и больницы, особенно частные, если и брали раненых революционных солдат и красногвардейцев на излечение, то относились к ним небрежно. В революционной печати приводился ряд примеров недобросовестного лечения красногвардейцев и солдат, отказа принимать их в больницы. Бывали случаи, когда под видом оказания медицинской помощи создавались санитарные отряды, но они занимались отнюдь не лечением. Об одном таком «лечебном» отряде сообщает П. Фомин, активный участник революции в Благуше-Лефортовском районе. «В самый разгар борьбы с юнкерами,— рассказывает он,— вдруг в наш революционный штаб заявляется целый отряд Красного Креста, организованный главным образом из меньшевичек Центросоюза... Пятерка нашего района (ВРК района.— *И. М.*) отлично знала, что представляли из себя меньшевички, и естественно сторонилась. Осторожность наша как раз была уместна, ибо вместо действительной работы по оказанию помощи раненым, которые уже были в райсовете, вся эта милая компания занялась митингованием на ту тему, что большевики ведут на авантюру рабочий класс, губят дело революции и пр., и пр. Пятерка, видя их «работу», была вынуждена силой удалить подобных «исцелителей и помощников»» [361].

Помимо санитарной службы, работницы участвовали в организации и обслуживании питательных пунктов. В силу особенностей уличной борьбы эти пункты приходилось создавать на самих позициях или очень близко от них. Под огнем противника, нередко рискуя жизнью, в самое различное время — днем и ночью — работницы самоотверженно несли свою вахту, выполняя эту несложную, но важную работу.

---

[360] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 120.
[361] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 533, л. 3 об.

Активное участие в революции принимала молодежь, прежде всего члены союза рабочей молодежи «III Интернационал». Уже 26 октября проходили районные собрания союза. Они принимали решения о предоставлении всех своих сил в распоряжение ВРК. Члены союза работали в качестве агитаторов на заводах и фабриках, в казармах. Кроме агитационной работы, Союзу рабочей молодежи поручалась организация санитарных пунктов и летучек. Группами по 3—4 человека ночью и днем дежурили они на боевых постах в непосредственной близости от мест военных действий. Организованная молодежь выполняла большую работу в качестве связистов. Телефонная станция была несколько дней в руках юнкеров. Поэтому связь между ВРК и районами, между районами и отдельными боевыми отрядами поддерживали молодые рабочие, нередко разносившие приказы и распоряжения штабов под огнем, а зачастую доставлявшие патроны, снаряды, оружие и продовольствие.

Но особо важную роль сыграла молодежь в разведке. При Центральном ВРК было организовано Бюро разведывательной службы во главе с К. Г. Максимовым и солдатом-двинцем большевиком П. Ф. Федоровым. Они быстро и умело подобрали людей, привлекая смелую, инициативную молодежь. Разведчики были разбиты на небольшие отряды, каждый из которых получал для разведки определенный район — несколько улиц, переулков. При районных ВРК существовали свои разведывательные группы. Разведчики проникали в тыл юнкеров и приносили ценные сведения о численности противника, его вооружении, расположении и т. п. Все разведывательные данные направлялись в Бюро разведки, где подвергались систематизации и сообщались штабу ВРК.

Кроме членов союза молодежи, в разведке принимали участие многочисленные добровольцы из числа молодых рабочих, подростков и даже детей.

Молодежь принимала и непосредственное участие в боях. Райкомы союза молодежи в эти дни превратились в боевые штабы: по требованиям ВРК они создавали отряды, которые шли в бой. Многих не досчитались союзы молодежи.

Все слои и группы трудящихся активно участвовали в революции. Они проявляли самую широкую самодеятельность в создании нового аппарата власти. Они помогали революционной власти разрешить продовольственный вопрос, участвуя в поисках хлеба, в учете и правильном его распределении среди населения. Трудящиеся выступали в роли добровольных помощников созданной ими власти, следили за выполнением ее постановлений, строго взыскивали с нарушителей, привлекая к ответственности погромщиков и хулиганов; смело и мужественно сражались передовые представители трудящихся на улицах и баррикадах.

В революции развернулись все творческие силы народа, скованные гнетом помещиков и капиталистов, еще раз подтвердилась правильность характеристики В. И. Лениным ее роли в жизни народа.

«Революции,— писал В. И. Ленин,— праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса» [362].

---

[362] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 103.

Необыкновенно быстро росла политическая сознательность масс, что характерно для эпохи революций. На предприятиях, несмотря на бои в городе, проходили митинги, собрания, где докладчики сообщали о ходе борьбы, о политическом положении. Сама жизнь, собственные наблюдения раскрывали глаза широким массам, делали для них ясным то, что противники пытались топить в потоке фраз, клеветы, угроз.

«Население...,— говорилось, например, в газете «Социал-демократ»,— всецело на нашей стороне; не говорят вовсе о борьбе большевиков, а о борьбе рабочих и солдат с буржуазией», граждане, «далекие от политики, часто арестуют лиц, агитирующих против Советов, и приводят их в районный Совет со словами: «Теперь, когда идет бой рабочих и солдат с буржуазией, кто против Советов, тот на стороне буржуазии и, значит, враг народа»» [363].

Сколько усилий было потрачено буржуазией и ее идеологами, чтобы уверить народ, что они борются против одной партии большевиков, якобы насильственно захватившей власть. Все соглашательские газеты (буржуазные были закрыты в дни революции) пытались изобразить мятеж юнкеров как борьбу против «захватчиков» власти. В. В. Руднев в своем ультиматуме ВРК требовал «подтверждения большевиками факта, что борьба велась с большевиками, а не с Советами» [364]. Белогвардейцы в договоре о капитуляции тоже требовали снять с них ответственность за мятеж указанием на то, что они сражались только с партией большевиков.

Но этот политический обман не принес никакого успеха. Широкие слои трудящихся сумели разобраться в лживости буржуазной пропаганды: на своем опыте они убедились, что антисоветский мятеж был поднят буржуазией в целях возвращения ее господства.

Сознание своей роли руководителя проявили широкие слои рабочего класса. По призыву партии и ВРК рабочие дружно бастовали 28 октября. ВРК определял, какие предприятия должны возобновить работу. Так, 30 октября ВРК постановил, что 31 октября не будут работать те же заводы, которые не работали и 30 октября, кроме трамвайных мастерских и отдела снабжения; все предприятия, связанные с обеспечением населения продовольствием, должны были работать усиленным темпом; предписывалось привести в готовность вагоны трамвая по линии Большого Садового кольца и за его чертой для обслуживания нужд каждого районного революционного штаба [365].

В Лефортовском районе, где было сломлено сопротивление юнкеров Алексеевского военного училища, районный союз текстильщиков 31 октября постановил начать работу фабрик с 1 ноября. Текстильщики заявляли, что по первому новому требованию Совета работы будут прекращены [366]. Вопрос о прекращении забастовки не только в одном районе Москвы, но во всем Иваново-Кинешемском районе был поставлен представителями союза текстильщиков перед ВРК. 1 ноября 1917 г. ВРК, занятый ликвидацией мятежа, тем не менее обсудил вопрос и предложил Всероссийскому центральному совету союза по обработке волокнистых веществ совместно

---

[363] «Социал-демократ», 1 ноября 1917 г.; «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 423.
[364] См. стр. 234.
[365] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 107.
[366] «Социал-демократ», 1 ноября 1917 г.

с ивановцами внести на ВРК в кратчайший срок проект декрета по установлению минимума заработной платы [367]. Еще шли бои, а пролетариат уже приступил к наведению порядка, к пуску в ход предприятий, обеспечивающих интересы широких масс.

Революционные власти наладили работу московского трамвая. Администрация трамвайных парков отказывалась оформлять выход трамваев на линии, но рабочие организации взяли в свои руки управление движением. Трамваи шли даже в занятый юнкерами центр, где рабочие одновременно с развозкой хлеба производили разведку. Часть вагонов использовались как санитарные [368]. Как только в том или ином районе заканчивались бои, трамваи выходили на линию для обслуживания населения.

Назначенный комиссаром почт и телеграфа в Москве В. Н. Подбельский уже 1 ноября обратился к служащим с призывом, в котором говорилось: «Необходимо немедленно же начать правильную работу Центрального московского телеграфа. Безопасность и спокойствие в районе расположения Центрального телеграфа обеспечены революционными войсками» [369]. Заботясь о личной безопасности служащих, Подбельский в объявлении даже указывал, как пройти к телеграфу: по линии Б (Большого Садового кольца) можно пройти из любого района города.

С. Л. Пупко, назначенный 1 ноября комиссаром телефонной станции, уже на следующий день обратился с объявлением к служащим и рабочим только что освобожденной станции. Сообщив о своем назначении комиссаром, он просил всех «явиться для несения своих обязанностей» [370]. Далее следовало предупреждение, что неявившиеся или не представившие документы, объясняющие причины неявки, будут считаться покинувшими службу.

Районные Советы и ВРК в свою очередь принимали меры к восстановлению деятельности местных предприятий и заводов, как только позволяла боевая обстановка.

В этом всеобщем стремлении восстановить нормальную работу всего городского хозяйства, бережно относиться к удовлетворению нужд масс проявилась закономерность нового общества, в котором народ стал распорядителем своей судьбы.

В напряженные и суровые дни московских событий всесторонне раскрылся моральный облик народа, сражающегося за свою власть, во имя реализации своих чаяний: стойкость и мужество в боях, терпение и выдержка в неимоверно тяжелых условиях, а также великодушие к побежденным. Сражающаяся Москва знала о терроре белогвардейцев. Всем был известен варварский расстрел юнкерами безоружных солдат в Кремле [371].

---

[367] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 136.

[368] «Октябрь в Замоскворечье», стр. 255.

[369] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 136.

[370] «Бюллетень ВРК Совета рабочих депутатов Городского района», 2 ноября 1917 г.; «Московский Военно-революционный комитет», стр. 148.

[371] Это настолько общеизвестный факт, что даже фальсификатор истории американский профессор Р. Дэниелс вынужден признать его. Правда, он пытается ослабить свое признание оговоркой, что террор был свойствен впоследствии и белым, и красным. «Кремлевский гарнизон капитулировал,— писал Дэниельс,— только для того, чтобы оказаться под пулеметным огнем, когда юнкерам показалось, что их обстреляли. Это была первая огромная жестокость, которая предвещала будущий террор белых и красных одинаково» (*R. V. Daniels.* The Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967, p. 207).

Знали в Москве и о других случаях зверств белогвардейцев. Штаб ВРК вынужден был обрататиться в Комитет общественной безопасности с требованием гуманного отношения к пленным: прекратить избиения и сообщить, в каких госпиталях находятся раненые и ведется ли необходимое лечение. «Штаб Военно-революционного комитета,— говорилось в письме,— требует немедленного прекращения избиений и полного обеспечения жизни арестованным. В противном случае штаб Военно-революционного комитета снимает с себя ответственность за неприкосновенность лиц, содержащихся у него под стражей» [372].

Буржуазия и ее сторонники пытались свалить вину со своих «доблестных героев», приписав жестокое обращение с пленными юнкерами революционным войскам. Но те немногие примеры, которые приводились ими в подтверждение, при проверке оказались вымышленными.

А вот одно из многих свидетельств действительного отношения народа к побежденным мятежникам.

Солдат 192-го запасного пехотного полка, стоявшего в Спасских казармах, активный участник событий М. П. Караваев пишет в своих мемуарах: «Юнкера телефонной станции сдались. Их направили под конвоем в райсовет, помещавшийся у Сухаревской башни, чтобы отправить в Бутырскую тюрьму» [373]. Пока выполнялись формальности, вокруг юнкеров собрались красногвардейцы и солдаты. Кое-кто из толпы стал теснить караул. В это время из здания Совета вышел член исполнительного комитета и, обратившись к собравшимся, разъяснил, что юнкерам дано обещание сохранить им жизнь. «Пролетариат беспощаден в бою,— говорил он,— но великодушен к пленным, пленных он не убивает, а только обезоруживает». Толпа успокоилась, расступилась и пропустила сдавшихся юнкеров в Бутырскую тюрьму. «Несмотря на всю злобу, накопившуюся на сердце у солдата,— продолжает Караваев,— некультурные и грубые солдаты поняли своим пролетарским сердцем, что им не подобает мстить пленным за убитых своих товарищей».

О высоком гуманизме победившего народа говорил В. И. Ленин на заседании Петроградского Совета совместно с фронтовыми представителями 4 ноября — на второй день после капитуляции контрреволюционеров в Москве:

«Юнкера попробовали устроить восстание, но мы справились с ними; они в Москве устроили бойню и расстреливали на кремлевской стене солдат. Но когда уже народ победил, он сохранил врагам не только воинскую честь, но и оружие» [374].

Два мира — две морали: система капитализма на крови строилась и кровью омывала свое падение, система социализма открывала дорогу подлинному гуманизму.

Это сказалось и в отношении новой власти к культурным ценностям. Уже в дни сражений в Москве проявилось то особое отношение к культуре, которое с каждым годом существования Советской власти вызывает все большее уважение и признание всего человечества. Во время боев служащие театра Совета рабочих депутатов, организованного до Октября, оказались в трудном продовольственном положении. Узнав об этом, ВРК

---

[372] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 134.
[373] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 315, л. 3.
[374] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 63.

1 ноября постановил «реквизировать столовую вблизи их района и обеспечить их обедом в течение недели» [375]. Старый большевик Е. К. Малиновская была назначена комиссаром театров Москвы. 5 ноября, едва окончились бои, как ВРК назначил широко известного артиста Л. В. Собинова уполномоченным по Большому театру, а другого известного артиста, А. И. Сумбатова-Южина,— по Малому театру [376]. На второй день после окончания боев ВРК разрешил митрополиту Платону и сопровождавшим его лицам осмотреть соборы Кремля, чтобы удостовериться, что они вопреки утверждениям буржуазной прессы почти не пострадали; 7 ноября по инициативе ВРК начались работы по ремонту Успенского собора [377]. ВРК позаботился об охране таких культурных ценностей, как имение Юсупова в селе Архангельском под Москвой. 13 ноября ВРК назначил комиссара театров Е. К. Малиновскую комиссаром по охране всех художественных, научных и исторических ценностей [378].

* * *

Октябрьские события в Москве, как и в Петрограде, показали, насколько созрели объективные и субъективные условия для перехода власти в руки Советов. Трудящиеся, на собственном опыте убежденные в правильности большевистских лозунгов, поняли, что для обеспечения мира, получения земли, хлеба и свободы иного средства, кроме свержения Временного правительства, нет. Пролетариат, все слои трудящихся дружно поднялись на борьбу и ценой больших жертв и огромных усилий добились победы.

Организатором и вдохновителем победы московского пролетариата была партия большевиков. Мужественно и смело шли московские большевики во главе народных масс на штурм старого строя. Московская организация большевиков выдвинула из своей среды талантливых руководителей: опытных пропагандистов, инициативных вожаков масс, способных военных руководителей.

Московские большевики получили необходимую помощь и поддержку со стороны Центрального Комитета партии и лично В. И. Ленина. Его уверенность в успехе, поддержка им боевого настроения москвичей и направление в Москву петроградских отрядов сыграли выдающуюся роль в победе Советской власти в Москве.

Октябрьские события в Москве были составной органической частью социалистической революции.

Борьба за переход власти в Москве к Советам, начавшаяся 25 октября, и подавление сопротивления контрреволюции, завершившееся окончательной победой 3 ноября, затянулись на восемь дней в отличие от Петрограда, где победа была одержана в течение первых же суток восстания, а контрреволюционное выступление юнкеров было подавлено буквально в несколько часов.

Зарубежные буржуазные историки Октябрьской революции объяс-

---

[375] «Московский Военно-революционный комитет», стр. 142.
[376] Там же, стр. 205.
[377] Там же, стр. 222.
[378] Там же, стр. 265.

няют затяжку борьбы в Москве тем, что «старая столица» была якобы более консервативной, чем Петроград. Английский дипломатический представитель в России Б. Локкарт (впоследствии один из главных организаторов антисоветского заговора и, видимо, на этом основании считающий себя «специалистом» по истории революции 1917 г.) утверждает, что московские рабочие были менее проникнуты «революционным духом», чем их питерские товарищи[379]. Ничего оригинального в этом объяснении нет: Локкарт просто повторил версию Временного правительства, которое тоже исходило из этого мнения, решив перед своим крахом бежать из революционной столицы в «менее революционную» Москву.

Отнюдь не отрицая известной разницы между рабочими обеих столиц, необходимо в то же время подчеркнуть, что московские рабочие были настроены так же революционно, как и их петроградские братья по классу. Напомним хотя бы, как московские рабочие поднялись на всеобщую политическую стачку в августе 1917 г. и сорвали заговор контрреволюции, направленный на установление военной диктатуры в России. Еще ярче свидетельствует о том же их героическая борьба в октябрьские дни.

Подлинная причина затягивания борьбы в Москве состоит в том, что московскому пролетариату пришлось иметь дело с более подготовленным и сплоченным отрядом контрреволюции. Московский плацдарм был ею заранее укреплен. Накануне Октября здесь состоялись сборища контрреволюции, на которых разрабатывались планы борьбы с революцией.

В Москве были заранее подготовлены боевые силы контрреволюции (прежде всего юнкера), хотя и не очень многочисленные, но зато вышколенные и хорошо вооруженные.

Большое, можно сказать, решающее значение в задержке победы революции в Москве имело то обстоятельство, что контрреволюция в своих расчетах отводила «второй столице» особое место. Сражение в Москве отнюдь не было местным: тут всероссийская контрреволюция выступила против революции. Бои в Москве были звеном в общей цепи контрреволюционного сопротивления. Это отмечали в лагере международных империалистов, мечтавших, что «национальный центр России — Москва — сделается крепостью в организации сопротивления большевикам». Не случайно Ставка, этот штаб всероссийской контрреволюции, пыталась столь большие силы прислать в помощь мятежникам. Это оказалось невыполнимым. Армия осталась верна революции. Трудящиеся Москвы, руководимые большевиками, при поддержке Петрограда и всего революционного народа сорвали планы контрреволюции и превратили Москву в крепость революции — в этом непреходящее значение их подвига. Тем не менее попытки использовать фронтовые части для помощи Рябцеву в Москве, несомненно, сыграли свою роль в затяжке подавления мятежа хотя бы потому, что усиливали сопротивление контрреволюции, ждавшей подхода войск.

Из других причин затяжки борьбы можно указать и на то, что в Москве расслоение в среде мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков было меньше, чем в Петрограде. Левые эсеры стали оформляться как особая, самостоятельная партия только в ходе октябрьских событий,

---

[379] *B. Lockart.* The Two Revolutions. London, 1957, p. 80, 81.

да и то к их концу. Контрреволюция здесь благодаря этому получила более существенную помощь от соглашателей.

Ко всему этому следует добавить, что руководящий центр восстания — Московский ВРК — допускал в своей деятельности непоследовательность, колебания и ошибки.

Это проявилось еще в период военно-технической подготовки к восстанию, которая в Москве была явно недостаточной. В результате накануне восстания не оказалось руководящего центра, а создание и вооружение революционных войск завершились уже в ходе восстания.

В дни октябрьских сражений колебания и нерешительность проявлялись в том, что члены Военно-революционного комитета в определенные периоды поддавались иллюзиям, будто можно добиться победы мирным путем, и вместо решительных и энергичных действий по подавлению контрреволюции вступали в переговоры, заключали перемирие, нарушая тем самым коренные положения марксистского учения о восстании как искусстве. Сам председатель ВРК Г. А. Усиевич в отчете о деятельности возглавляемого им органа признал, что центральный ВРК «сделал много, страшно много ошибок» [380].

Необходимо также отметить, что отношение со стороны некоторых работников ВРК к соглашателям было более уступчивым, чем этого требовала обстановка. Можно сказать, что некоторые из руководителей московских событий не поняли до конца предательской политики соглашателей: меньшевиков ввели и терпели в составе ВРК, поддерживали с ними контакты, приглашали на совещания. Один из руководителей ВРК, А. Я. Аросев, рассказывал, что 25 октября, когда большевики заняли почту и телеграф, ему пришлось ехать вместе с поручиком Ровным.

«На обратном пути Ровный, тогда помощник командующего войсками и, кажется, меньшевик,— писал Аросев,— заговорил со мной о надвигающихся событиях.

— Ну, неужели суждено, чтобы социалисты дрались против социалистов же? Неужели мы, две половины когда-то одной социалистической семьи, неужели мы будем убивать друг друга? Ну, в это я не верю, не верю! И мы не дойдем до этого» [381].

А через несколько дней Аросев, назначенный в штаб Московского военного округа, нашел в столе Ровного телеграфные ленты, на которых были записаны «переговоры по прямому проводу с фронтом, откуда он вызывал на нас самые отсталые части» [382]. Как будто можно было ожидать иного от видного представителя партии, которая еще до Октябрьской революции перешла в лагерь контрреволюции!

Конечно, сводить причину затягивания борьбы главным образом к ошибкам руководства значило бы отдать преимущество субъективным факторам. Но не считаться с этими ошибками, сбрасывать их со счетов значило бы нарушить одно из положений марксизма, требующее всестороннего анализа событий.

В условиях временных колебаний в ВРК еще более возросла роль партийного боевого центра и военно-революционных комитетов районов, осуществлявших наступательную тактику, действовавших решительно

---

[380] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 462.
[381] «Москва в октябре 1917 г.», стр. 72.
[382] Там же.

и энергично. Возросла также роль руководимых большевиками масс, беззаветно преданных революции и выражавших неодолимую волю к победе. Революционная инициатива, массовый героизм и самоотверженность рабочих и солдат помогли преодолеть ошибки и колебания и одержать победу.

Победа в Москве закрепила успех петроградского пролетариата и создала благоприятные предпосылки для триумфального шествия Советской власти по всей стране [383].

---

[383] Вопреки всему изложенному, советологи, которые в последнее время стали чаще обращаться к истории «московского Октября», стоят на иной точке зрения. По их мнению, события в Москве являются наиболее типичными для революционного движения Октября 1917 г. и потому дают возможность глубже понять его «в широкой национальной перспективе». («Slavic Review», 1978, vol. XXXV, N 1, p. 236). Это типичное, по их мнению, состояло в том, что борьба за Советскую власть в Москве вовлекла лишь «небольшое число людей с обеих сторон», что большинство оставалось «пассивным» и отнюдь не было готово «идти на улицу и умирать за большевиков во время недельных боев в Москве» (там же). Как мы увидим дальше, этот тезис характерен для буржуазной историографии, занявшейся недавно изучением истории Октябрьской революции на местах. «Откровения» подобного рода сопровождаются у некоторых авторов непомерными претензиями: утверждается, например, что для усвоения «сбалансированной» (т. е. объективной!) интерпретации истории Октября в Москве (и в других местах) следует обращаться не к трудам советских историков, а... к диссертациям и книгам советологов, написанным на эту тему!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЧАЛО БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЗА ВСЕОБЩИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

1

БЛОК ИМПЕРИАЛИСТОВ АНТАНТЫ И РОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

Народы приветствуют Декрет о мире

Придя к власти, партия большевиков сразу же приступила к реализации своих обещаний покончить с империалистической войной и заключить мир.

Уже в первом советском обращении «К гражданам России!» утром 25 октября, извещавшем о низвержении Временного правительства и о переходе власти в руки Военно-революционного комитета, новое правительство своей первой задачей объявило «немедленное предложение демократического мира» [1]. В тот же день Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в резолюции, написанной В. И. Лениным, провозгласил: «Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам» [2]. Еще через день, 26 октября, II Всероссийский съезд Советов, представлявший Советы всей страны, принял ленинский Декрет о мире, который и являлся официальным предложением «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» [3].

Вместо пустых разглагольствований о мире, которыми Временное правительство обманывало массы, новая власть буквально в первые же часы своего существования открыто предложила мир.

«Мы считали первым долгом нашего правительства,— говорил Ленин 4 ноября на заседании Петроградского Совета совместно с представителями фронта,— предложить мир немедленно, и это сделано» [4].

Борьба Советской власти за мир началась. Она происходила в крайне трудных условиях. Против советской политики мира ополчились как свергнутые классы внутри страны, так и иностранные империалисты.

Буржуазная и мелкобуржуазная пресса в России подняла клеветническую кампанию, пытаясь уверить народ, будто большевики обещали

---

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 1.
[2] Там же, стр. 4.
[3] Там же, стр. 13.
[4] Там же, стр. 62.

«немедленный мир», а, придя к власти, заговорили о трудностях заключения мира и необходимости бороться за него. Но большевики нигде и никогда не говорили о заключении мира немедленно: вся большевистская агитация сводилась к обещанию немедленно предложить мир и подкрепить это предложение публикацией тайных договоров.

Кадетская печать, а вслед за нею соглашательские газеты в один голос твердили, будто большевики призывают солдат покинуть фронт, оставляют страну без защиты и тем выдают ее на милость победителя. Но В. И. Ленин еще в сентябрьских письмах о переходе к вооруженному восстанию заявил, что большевики, придя к власти, станут оборонцами [5]. В первом же советском документе — резолюции Петроградского Совета о победе Октябрьского вооруженного восстания — содержался призыв ко всем рабочим и всему крестьянству «со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию» [6]. II Всероссийский съезд Советов, сообщая о взятии власти в свои руки, писал: «Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма...» [7]

Иностранные империалисты утверждали, будто В. И. Ленин с самого начала социалистической революции выступил за заключение сепаратного аннексионистского мира. Влиятельная буржуазная газета Англии «Таймс» через день после Октябрьской победы уверяла, будто бы большевики стремятся к сепаратному миру с Германией [8].

Империалистическая пресса стран Антанты вновь и вновь повторяла клевету о связях большевиков с германским генеральным штабом. Но большевики всегда настойчиво разъясняли массам, что империалисты Германии являются такими же хищниками, как и империалисты Антанты, и нигде и никогда не говорили о немедленном заключении сепаратного мира.

Речь шла не об одностороннем прекращении войны, не о том, чтобы, «воткнув штыки в землю», распустить армию по домам. В Декрете о мире Советское правительство предлагало всем воюющим народам и их правительствам заключить всеобщий демократический мир.

В борьбе за такой мир с особой яркостью проявился международный характер Октябрьской революции. Империалисты, с трудом сдерживавшие революцию в своих странах, теперь лицом к лицу столкнулись с победившей в России Советской властью, которая призвала все народы к миру. Именно поэтому империалисты обоих враждующих лагерей пытались скрыть от народных масс Декрет о мире или извратить его содержание.

Первые сведения о социалистической революции в России не были пропущены, например, австро-венгерскими властями, и социал-демократическая газета «Арбайтерцайтунг» вышла с белыми полосами [9]. Пресса Антанты, не передавая точного содержания декрета, объявила его «происками немцев». Однако прозорливость В. И. Ленина, настаивавшего на предложении мира не только правительствам, но и народам, сорвала попытку скрыть Декрет о мире от трудящихся.

---

[5] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 245.
[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 4—5.
[7] Там же, стр. 12.
[8] «Times», 9.XI 1917.
[9] «Arbeiterzeitung», 8.XI 1917.

В нейтральной прессе Декрет был опубликован полностью. В передовой статье органа шведской социал-демократической партии от 10 ноября (28 октября), сообщавшей о победе большевиков и предложении мира, говорилось: «Было бы очень поверхностно видеть в этом победу немецких агентов. Агитатором была сама война» [10].

11 ноября (29 октября) орган австро-венгерских социал-демократов смог, наконец, сообщить о событиях в России и о ее предложении демократического мира, «который не удерживает в государственном союзе ни одного народа против его воли и не включает в какой-либо государственный союз какой-либо народ против его желания» [11].

Победа русской революции и предложение Советской властью всеобщего мира вызвали бурное движение пролетариата во всех странах.

Начнем с Австро-Венгрии, еле переносившей тяжесть войны.

В Вене уже 11 ноября (29 октября) состоялись митинги, а затем и демонстрации, в которых приняло участие свыше 20 тыс. рабочих. В резолюции, принятой многотысячным собранием, его участники приветствовали рабочих и солдат Петрограда, вырвавших власть из рук буржуазии, и Советское правительство, предложившее мир без аннексий и контрибуций. Демонстранты требовали от своего правительства немедленно начать переговоры со всеми правительствами на основе советского предложения.

Вслед за Веной митинги и демонстрации произошли в Линце, Граце, Виннер-Нейштадте, Зальцбурге, Нейкирхене и других городах. Когда ораторы упоминали о России, о советских предложениях мира, раздавались бурные овации. В австрийских газетах появился специальный отдел «Движение австрийского пролетариата за мир». Ни одного дня не обходилось без митингов. Революционное движение масс приняло такой размах, что ЦК немецкой социал-демократии Австро-Венгрии вынужден был послать через Стокгольм приветственную телеграмму II Всероссийскому съезду Советов [12]. В телеграмме сообщалось о согласии с советскими предложениями мира и о мощных демонстрациях рабочих Вены, требовавших немедленного заключения перемирия.

Германские социал-демократы поняли маневр своих австрийских коллег. Центральный орган СДПГ заявил, что согласен с телеграммой австрийцев [13]. Дело в том, что шейдемановцы сами всеми силами стремились удержать массы от революционных выступлений.

Из Австрии движение перекинулось в Венгрию. О событиях, происходивших в Будапеште, газеты писали, что подобного в столице Венгрии не было никогда. Резолюции участников митингов требовали принятия русских предложений.

С энтузиазмом встретили русскую революцию и предложение Советской власти о мире рабочие Германии. Даже те скудные сведения, которые все же просачивались в печать в условиях военной цензуры, давали представление о размахе начавшегося движения. Уже 9 ноября (27 октября) центральный орган правых социал-демократов писал, что по всей Германии состоялись многолюдные митинги и собрания рабочих, поддерживавших советскую формулу мира и требовавших ее осуществления.

---

[10] «Socialdemokraten», 10.XI 1917.
[11] «Arbeiterzeitung», 11.XI 1917.
[12] Там же, 13 ноября 1917 г.
[13] «Vorwärts», 15.XI 1917.

Митинги и демонстрации происходили в Берлине, Эссене, Золингене, Бремене, Гамбурге, Хемнице, Майнце и многих других городах. В них участвовало более миллиона рабочих. Газета «Vorwärts» признала, что «рабочие Германии без различия социалистического направления приветствуют предложения русских и готовы решительно поддержать их» [14].

В воскресенье 25(12) ноября на многих площадях Берлина состоялись народные демонстрации за мир. Демонстранты требовали также освобождения Карла Либкнехта.

Власти перешли к репрессиям. Полицейские арестовывали всех, кто раздавал листовки или читал их. Но репрессии не запугали рабочих. Митинги и демонстрации продолжались с нарастающей силой. На помощь властям пришли лидеры правых социал-демократов, прибегнувшие к обычному маневру: они попытались поставить выступления рабочих под свой контроль, обкарнав их революционные лозунги. Центральный орган правых социал-демократов писал: «События в России побуждают нас особенно тщательно организовать последующие собрания...» [15]. Что имели в виду вожди правых социал-демократов, можно понять из воззвания их ЦК, которое призывало членов партии поддерживать на собраниях формулу «за мир по соглашению» [16]. Таким образом, социал-шовинисты пытались выдать бурные революционные демонстрации за движение в поддержку июльской резолюции рейхстага о мире, получившей одобрение Вильгельма II. Они организовывали митинги на тему «Социал-демократия, мир по соглашению и права народов», на которых выступали Шейдеман, Носке, Эберт и др.

Так называемые «независимые» социал-демократы — центристы — на словах пытались критиковать правых, но на деле помогали тормозить движение, предлагая в качестве решительной меры «усиленное воздействие на правительство Гертлинга, чтобы оно ответило согласием на мир без аннексий и контрибуций...» [17] Подобную же политику «воздействия» на буржуазное правительство безрезультатно проводили в свое время в России эсеры и меньшевики.

Широкий отклик нашли русские события в Болгарии, вовлеченной своими правителями в войну на стороне Германии. Болгарские трудящиеся встретили советскую революцию с восторгом. «С ноября Великая русская революция,— говорилось в центральном органе ЦК Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков),— идет по новому, ясному, строго намеченному пути. Это — путь мира. Русский революционный пролетариат приближает конец страшной, опустошительной мировой войне, и в этом его незабываемая историческая заслуга перед человечеством. Мы горячо приветствуем тебя, русский пролетариат, как носителя мира, свободы и братства народов» [18].

Советский Декрет о мире был опубликован в центральном органе тесняков уже 10 ноября. Парламентская группа тесняков потребовала немедленного созыва Народного собрания Болгарии для обсуждения советского предложения мира. На первом же заседании Народного собрания

---

[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] «Leipziger Volkszeitung», 9.XI 1917.
[18] «Работнически вьстник», 10 ноября 1917 г.

Д. Благоев от имени тесняков предложил рассмотреть Декрет о мире, но его предложение было отклонено. Тогда ЦК партии тесняков постановил созвать в Софии митинг трудящихся. Правительство запретило митинг, угрожая репрессиями. Но 2 декабря (19 ноября) около Народного дома по призыву тесняков собралось более 10 тыс. трудящихся. Полиция не осмелилась напасть на присутствующих. На митинге выступили Д. Благоев, Г. Димитров и Хр. Кабакчиев, рассказавшие о значении Великой Октябрьской социалистической революции и призвавшие трудящихся к ее поддержке. «Трудящиеся Софии от имени подавляющего большинства болгарского народа,— говорилось в резолюции митинга,— посылают братское поздравление русскому пролетариату и заявляют, что болгарские рабочие и работницы считают дело русского пролетариата своим собственным делом и готовы приложить все усилия для полного его торжества» [19].

Трудящиеся Софии требовали от Народного собрания принять советское предложение мира, отменить военное положение, восстановить в стране конституцию и вести переговоры о мире под контролем народа. 3 декабря (20 ноября) Д. Благоев огласил эту резолюцию в Народном собрании, добавив, что весь болгарский народ «полностью принимает и поддерживает программу мира русского рабоче-крестьянского правительства...» [20]

ЦК партии тесняков отпечатал резолюцию софийского митинга от 2 декабря (19 ноября) в виде листовки под названием «Русская революция и мир». Листовка была распространена по всей стране и через солдат-отпускников попала на фронт. Массовые митинги с требованием мира были организованы в Сливене, Старо-Загоре и других городах [21].

Широкий отклик встретил Декрет о мире в странах Антанты. Мощные демонстрации рабочих происходили в Париже, Лионе и других городах Франции. Прессе было запрещено упоминать о рабочих волнениях. Но сведения о них все же проникали за границу [22]. Швейцарские газеты писали, что парижские рабочие вышли на демонстрацию 12 ноября (30 октября). Выступление повторилось на следующий день, причем полиция произвела многочисленные аресты [23].

В ноябре и декабре массовые забастовки охватили военные заводы Франции. Они приняли такой характер, что Клемансо вызвал руководителей Конфедерации труда во главе с Л. Жуо и пригрозил, что «наводнит Париж войсками и возложит ответственность на Конфедерацию труда» [24]. Под давлением рабочих масс в декабре была созвана профсоюзная конференция в Клермон-Ферране. Конференция не случайно собралась в провинции: роководство профсоюзов боялось влияния революционных рабочих Парижа. Но и в провинции чувствовалось дыхание революции. Как ни старались шовинисты протащить своих делегатов, рабочее движение под-

---

[19] *В. И. Владимирская.* Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесняков) в период первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Канд. дисс. М., 1952, стр. 346—347.

[20] Там же, стр. 348.

[21] *М. А. Бирман.* Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание.— «Ученые записки Института славяноведения», т. V. М., 1952, стр. 18.

[22] «Arbeiterzeitung», 16.XI 1917.

[23] «Leipzigerzeitung», 16.XI 1917.

[24] *Ф. Берти.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. М.— Л., 1927, стр. 161.

нялось так высоко, что на конференции пришлось принять резолюцию, осуждавшую тайную дипломатию и требовавшую от правительства опубликования условий, на которых может быть заключен всеобщий прочный и справедливый мир. Формально конференция даже приняла советскую формулу («мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, восстановления независимости и территориальной неприкосновенности захваченных стран»), но один из пунктов резолюции свидетельствовал о непонимании или искажении этой формулы. Резолюция называла указанные требования «формулами, выдвинутыми президентом Вильсоном и русской революцией» и утверждала, что принятие этих предложений является «средством избежать заключения сепаратного мира» [25].

Объявив, что советские условия мира родственны империалистическим предложениям Вильсона, социал-шовинисты пытались сыграть на пацифистских иллюзиях масс, обмануть их и сохранить контроль над движением трудящихся.

Тем временем французские власти расширяли репрессии против революционных рабочих. Собственно сам приход к власти реакционера Клемансо был в какой-то мере ответом французских империалистов на известие об Октябрьской революции в России. В первой же своей правительственной речи Клемансо заявил, что он не будет давать народу никаких обещаний. «Я буду вести войну,— заявил он,— войну на фронте и войну в тылу». Начались аресты, штрафы, высылки, увольнения рабочих с заводов и отправка их на фронт. Особенно тяжело пришлось русским рабочим-эмигрантам: с ними обращались, как с военнопленными.

Французские «социалисты» не вошли в правительство Клемансо, но поддерживали общее направление его политики.

Массовое движение за мир, усилившееся после опубликования ленинского Декрета о мире, развернулось и в Великобритании. На новую ступень поднялось стачечное движение. Если в ноябре 1916 г. в стачках участвовало только 31,5 тыс. рабочих, то в ноябре 1917 г.— почти 240 тыс. Во многих районах страны проходили митинги и демонстрации в поддержку мирной инициативы Советского правительства. Так, 17 ноября 1917 г. в Ковентри состоялась демонстрация 30 тыс. машиностроителей, которая прошла под лозунгами: «Долой секретную дипломатию!», «Ллойд Джордж должен уйти!» «Британия должна протянуть руку России!» [26]

В поддержку Октябрьской революции выступила газета «The Call» — орган Британской социалистической партии. Уже 15 ноября газета писала: «Мы знаем, что влияние большевиков быстро распространяется на всю Россию. Рабочие, крестьяне и солдаты остаются верными революции... Демократия России вновь протягивает свою руку народам Европы. Теперь глазам народов открыт действительный характер этой войны» [27]. В декабре газета «The Call» поместила статью известной деятельницы рабочего движения З. Коутс, которая писала о Советском правительстве: «Главное состоит в том, что мы имеем правительство, которое не только говорит о благе мира, но приступает к переговорам для заключения немедленного мира...» «Давайте,— призывала З. Коутс,— всеми средствами, которыми

---

[25] «L'Humanité», 27.XII 1917.

[26] *М. М. Карлинер.* Первые отклики в Великобритании на Великую Октябрьскую социалистическую революцию.— «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 95.

[27] *А. О. Чубарьян.* Брестский мир. М., 1964, стр. 49.

мы располагаем, поможем победе русской революции и нашему собственному освобождению, заставив Британию вступить вместе с Россией в мирные переговоры» [28].

Британское правительство ответило на новую волну рабочего движения за мир репрессиями. Участились аресты руководителей стачек, суровым наказанием подвергались лица, распространявшие листовки о мире.

Ведя борьбу против движения за мир, империалисты пытались прикрыть свои действия клеветническими утверждениями, будто Советская власть, заключая мир, позволит Германии перебросить свои войска с востока на запад и тем добиться победы. При этом скрывалось, что Советская Россия предлагала всеобщий мир. Истинная причина репрессий состояла в том, что борьба за мир была борьбой против империализма. Член военной миссии США, прибывший в Европу как раз в день победы Советской власти, Т. Н. Перкинс в письме к главе миссии полковнику Э. Хаузу так охарактеризовал переполох в лагере империалистов: «Мне кажется, что, кроме опасности победы Германии, имеется еще другая опасность, заслуживающая рассмотрения, а именно, что народы некоторых стран, истощенных войной, могут свергнуть свои правительства, так что мир в большей или меньшей степени столкнется лицом к лицу с условиями, создавшимися сейчас в России. Я думаю, что чем долее длится война, тем больше эта опасность» [29].

Трудящиеся нейтральных стран также не остались в стороне от общего движения в поддержку советской мирной политики.

Бурные демонстрации в честь русской революции произошли в Швейцарии. 17 (4) ноября в Цюрихе был организован митинг перед зданием, в котором находились арестованные участники недавней демонстрации против войны. Митинг был посвящен русской революции. Демонстранты требовали практической борьбы за мир. Часть из них направилась к военным заводам и заставила администрацию двух заводов прекратить работу ночных смен. На следующий день демонстрация возобновилась. Рабочие пытались приостановить работу на всех заводах, но встретили сопротивление полиции. Начались столкновения. Полиция открыла огонь, в ответ демонстранты соорудили баррикады. Было убито 6 человек и более 30 ранено, десятки демонстрантов были арестованы. Только после полуночи, когда прибыли воинские части, улицы были освобождены от взявшихся за оружие демонстрантов. На следующий день аресты продолжались. Местные социал-демократы поспешили отмежеваться, заявив, что не имеют «ничего общего с событиями последних дней», и призвали рабочих сохранять спокойствие. 20 (7) ноября состоялось заседание правления Социал-демократического союза. Его вожди приняли все меры, чтобы спустить движение на тормозах. В то же время они потребовали вывода войск, справедливого распределения запасов продовольствия, установления минимума зарплаты, установления налогов на военную прибыль [30].

Декрет о мире усилил революционное движение во всех странах. Трудящиеся вопреки стараниям правых лидеров социал-демократии начинали понимать, что в России впервые создано правительство, не только провозгласившее своей задачей борьбу за всеобщий демократический мир, но и перешедшее от слов и обещаний к делу.

---

[28] *А. О. Чубарьян.* Брестский мир, стр. 50.
[29] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III. М., 1939, стр. 219.
[30] «Vorwärts», 20, 21, 22, 23.XI 1917.

Силы контрреволюции против мира

Для русской контрреволюции борьба за свержение Советской власти была одновременно борьбой против мира.

Несмотря на первые неудачи, лидеры контрреволюции отнюдь не признали себя побежденными. Они рассчитывали, что генералы еще сумеют поднять армию против Советской власти. Оставалась надежда и на помощь союзников. Потеряв в лице Временного правительства организующий центр, контрреволюционеры еще настойчивее стали стучаться в двери союзных посольств.

Между тем стало известно, что вскоре после победы восстания в Петрограде союзные послы собрались на совещание, где обсуждали вопрос об отъезде из страны «ввиду безнадежности положения России с точки зрения интересов коалиции» [31]. Это сообщение крайне взволновало контрреволюционно настроенных генералов: отъезд послов лишал или во всяком случае очень затруднял организацию контрреволюционной борьбы. Начальник Генштаба генерал В. В. Марушевский под предлогом того, что Наркоминдел якобы еще не возобновил работу, приказал 2-му генерал-квартирмейстеру, ведавшему отделом внешних сношений Генштаба, вступить в связь с иностранными посольствами «для продолжения возможной текущей ежедневной работы» [32]. 5 ноября полковник Голеевский посетил английского посла Дж. Бьюкенена как старейшину дипломатического корпуса и предложил ему «ввиду временного перерыва деятельности Министерства иностранных дел обращаться в Главное управление Генерального штаба по текущим вопросам, не терпящим отлагательства». В числе таких неотложных дел назван вопрос о союзной конференции в Париже, на которую русский делегат не мог выехать из-за революции. Полковник подчеркнул, что в интересах самих союзников крайне нежелательно поддерживать впечатление, будто Россия уже вышла из состава коалиции, поэтому, поскольку русского представителя на Парижской конференции не будет, надо либо отложить конференцию, либо параллельно организовать в Петрограде официальное совещание хотя бы только по военным вопросам, уже вполне разработанным Генштабом, с тем, чтобы информировать конференцию и в свою очередь получить необходимые сведения от нее.

В заключение Голеевский перешел к основной цели своего посещения. Он убеждал посла не покидать Россию, доказывая, что отъезд из России может затруднить положение самих союзников. «Если в русском общественном сознании установится впечатление,— говорил Голеевский,— что союзники покинули Россию в настоящую критическую минуту, громадное большинство нации может встретить освобождение наше от союзных обязательств с чувством радостного облегчения, тем более, что, если союзники первые покинут Россию, они освободят ее от нравственной ответственности за распад коалиции...»

Английский посол быстро понял цель посещения полковника Голеевского и с радостью ухватился за предложение «совместной работы с Глав-

---

[31] *И. И. Минц.* Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти.— «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», 1953, т. XXVI, вып. 3, стр. 4.

[32] Там же.

ным управлением Генерального штаба по текущим вопросам». Он заверял, что послы «не собираются пока покинуть» Россию. Отложить союзную конференцию, продолжал посол, нельзя, она уже начинается. О предложении же связи с конференцией и обмена информацией посол заявил, что союзные правительства «не решатся сообщить» в Петроград результаты секретных совещаний, касающихся планов продолжения войны», пока во главе фактического правительства стоит Ленин. Фактически это было слегка завуалированным призывом к борьбе с Советским правительством.

Телеграмму с подробным изложением всей беседы Генштаб 22 (9) ноября разослал русским военным представителям в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Токио, Афинах и Риме с просьбой уведомить послов свергнутого Временного правительства. Вскоре стали поступать ответы. Военный агент из Вашингтона сообщил, что посол Б. А. Бахметьев доложил содержание телеграммы государственному секретарю Р. Лансингу 27 (14) ноября [33]. Таким образом, правительство США официально было уведомлено о связях англичан с Генштабом. Узнали об этом и во Франции, и в Японии, и, разумеется, в Англии, поскольку беседа велась с ее послом. Франция даже приняла меры к устранению всяких помех в деле установления связи с Генштабом: в ответ на жалобу Генштаба, что французский военный атташе в России генерал Ниссель ведет себя не вполне доброжелательно (раздражен, не появляется в Генштабе, не принимает у себя русских военных), из Парижа обещали указать Нисселю «на нежелательность занятого им положения» [34].

Так в первые же дни пролетарской революции за спиной Советской власти представители Антанты вступили в сношения с работниками Генштаба. С его помощью они могли добывать сведения об общем положении в стране, об армии, о планах советского правительства по ее реорганизации.

Действуя в контакте с представителями Антанты, контрреволюция развернула широкую деятельность, чтобы поднять армию против Советской власти. Как только стал очевидным провал авантюры Керенского — Краснова, ее незадачливые организаторы направились в Ставку. В Могилев прибыл бывший министр Временного правительства и председатель опять-таки бывшего Совета республики Н. Д. Авксентьев. В Ставке появились лидеры эсеров и меньшевиков: М. И. Скобелев, Б. О. Богданов, Н. И. Ракитников, В. М. Чернов, А. Р. Гоц и др. Приехала в Ставку и делегация контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции», созданного в Петрограде. Начались совещания о мерах дальнейшей борьбы с Советской властью. После долгих дискуссий было решено созвать в Мо-

---

[33] *И. И. Минц.* Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти, стр. 5. Телеграмма от 2 декабря (20 ноября). Телеграмма Генштаба, переданная Бахметьевым в Госдепартамент, опубликована в «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I (Washington, 1931, p. 240—241). Составители этого тома документов отмечали, что телеграмма не имеет подписи и неизвестно, от кого она исходит. Американский историк Д. Кеннан писал, что этот документ исходил «от подпольного Временного правительства» (*G. F. Kennan.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 82). Но опубликованный в американском издании документ полностью совпадает с текстом телеграммы Генштаба.

[34] *И. И. Минц.* Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти, стр. 5.

гилеве съезд крестьянских депутатов, на котором провозгласить создание «общесоциалистического правительства».

Еще в первые дни после победы Октябрьского вооруженного восстания контрреволюционный блок носился с планом создания «единого социалистического правительства»: от народных социалистов до большевиков. Таким путем намеревались «растворить» большевиков среди соглашательских партий, изолировать большевиков от масс и ликвидировать Советскую власть. Теперь руководители Ставки и соглашатели решили создать «общесоциалистическое правительство» уже без большевиков. На пост председателя этого «правительства» выдвигалась кандидатура эсера В. М. Чернова. Будущему правительству наметили и временную столицу. Московская газета «Русское слово» сообщала: «Обсуждается вопрос о временном перенесении резиденции правительства в Киев. На этих днях возможен поэтому приезд в Киев из Петрограда послов союзных и нейтральных держав» [35]. В Киев предполагали перевести и Ставку.

За организацию нового правительства взялся и Общеармейский комитет при Ставке. Он состоял из представителей от каждого фронта, отдельных армий, флота и учреждений Ставки. Большинство в нем составляли соглашатели. Общеармейский комитет решительно поддерживал Ставку во главе с генералом Н. Н. Духониным. Уже после краха похода Краснова — Керенского этот комитет пытался взять на себя роль руководящего органа в целях объединения всех сил контрреволюции. 3 ноября Общеармейский комитет послал телеграмму Викжелю, в которой сообщал: «...с радостью мы примем в наш руководящий орган вашего представителя для совместной деятельности по спасению родины в борьбе с анархией и контрреволюцией» [36].

Едва завершились переговоры о создании социалистического «правительства» Чернова без и против большевиков, Общеармейский комитет обратился 9 ноября к армии и народу. В телеграмме утверждалось, что большевики якобы не получили признания страны и поэтому необходимо создать настоящую власть. «Все ждут решительного слова от вождей партий и влиятельных демократических организаций,— говорилось далее.— Это слово сказано. Общеармейский комитет взял на себя почин сплочения всех политических течений на практическом и реальном шаге образования центра, около которого должны сплотиться все живые государственные силы революционной демократии. Теперь слово за армией и страной» [37].

Общеармейский комитет стал запрашивать верхушечные армейские комитеты, поддержат ли они идею формирования нового правительства. Еще не переизбранные комитеты, в которых господствовали эсеры и меньшевики, ответили согласием.

К переговорам о создании правительства были привлечены представители Украинской Центральной рады. 7 ноября делегация Рады вела переговоры с генералом Духониным и представителями Общеармейского комитета.

Учитывая быстрое распространение большевистских идей на Северном и Западном фронтах, Ставка решила создать центр сопротивления Советской власти на юге. Намечалось перебросить все украинские части

---

[35] «Русское слово», 12 ноября 1917 г.

[36] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, л. 68.

[37] Там же, л. 66. Общеармейский комитет издавал свои бюллетени. Приведенная выше телеграмма имеет подпись: «Бюллетень № 12».

на Юго-Западный и Румынский фронты. Оба фронта в дальнейшем предполагалось объединить в единый Украинский фронт, командующим которым должен был стать генерал Д. Г. Щербачев, о чем подробнее будет сказано дальше. В украинских частях действующей армии высший командный состав должен был назначаться по согласованию с Генеральным секретариатом Центральной рады, за исключением отдельных случаев, вызываемых боевой обстановкой. Так, Ставка, начавшая борьбу с большевиками под предлогом сохранения единства армии и ее военно-технического аппарата, на деле сама стала разваливать армию, ибо перевод украинских частей с северных фронтов на юг, несомненно, дезорганизовывал ее[38].

Представители иностранных империалистов были не только в курсе этой деятельности контрреволюционеров, но и принимали в ней активное участие.

Расчеты и происки дипломатии стран Антанты

Пролетарская революция не явилась неожиданностью для иностранных империалистов. Весь истекший 1917 год политические и военные представители Антанты провели в бурной деятельности, стремясь не допустить победы пролетариата в России и тем самым способствовать подавлению революционного движения на Западе. Они всячески поддерживали Временное правительство в его борьбе против большевистской партии, сами устанавливали связи со всеми группами, выступавшими против большевизма. Из американских, английских, французских источников финансировалась кампания клеветы и запугивания. На окраинах страны создавались узлы сопротивления на случай победы большевиков. Казалось, все было сделано, чтобы предупредить революцию. Позднейшие «предсказания» лидеров Антанты о том, что Советская власть продержится недолго — несколько дней, максимум две-три недели, в значительной степени опирались на эту подготовительную работу против большевиков.

Но победа пролетарской революции в России создала совершенно новую ситуацию для руководящих деятелей империализма. Не стало правительства, тесно связанного с иностранными союзниками; исчез центр, объединявший все контрреволюционные группы. Коренным образом изменилось соотношение классовых сил в стране. Пролетариат взял в свои руки власть, его организующая сила и воздействие на трудящихся гигантски возросли. Советская власть стала центром притяжения и для мирового пролетариата.

Словом, дело шло уже не о предупреждении грядущей, а о борьбе с победившей пролетарской революцией. И в эту борьбу с лихорадочной поспешностью вступили представители обоих враждующих лагерей Антанты и германского блока.

В буржуазной историографии интервенции мало проблем, столь тщательно скрываемых или извращаемых, как начало преступной войны империалистов против Советской власти. Это сокрытие имеет определен-

---

[38] На основе этих решений генеральный секретарь Украинской Центральной рады по военным делам С. Петлюра 11 ноября направил командующим войсками всех фронтов телеграмму с требованием перевести украинских солдат на Юго-Западный и Румынский фронты.

ный политический смысл. Раскрыть тайну начала интервенции — значит признать истинную цель этой войны, которая велась три года, войны, направленной на ликвидацию Советской власти.

Правительства союзных стран были в основном информированы о положении в Советской стране. Их послы телеграфировали о важнейших событиях довольно регулярно. В случае затруднений или перерыва связи информация поступала от дипломатов, находившихся в нейтральных странах, прежде всего в Стокгольме. Военные представители союзных держав также сообщали данные не только о событиях на фронте, но и об общем политическом положении. Многочисленные корреспонденты крупных газет посылали свои материалы.

Американский посол Д. Френсис уже в первый день победы революции, 7 ноября (25 октября), в 5 час. пополудни телеграфировал в Вашингтон о том, что секретарь посольства Ш. Уйтгауз утром видел Керенского, который просил «не признавать Советское правительство, если оно будет создано в Петрограде, так как он надеется, что все дело будет ликвидировано в пять дней» [39]. От себя Френсис не без скептицизма добавил: «Но это, по-моему, зависит от числа солдат, которые подчинятся его (Керенского.— *И. М.*) приказу».

Час спустя, в 6 час. вечера, американский посол сообщал: «Большевики здесь контролируют все. О министрах ничего не известно» [40]. В 10 час. вечера Френсис телеграфировал: «Сообщают, что все министры арестованы, кроме Керенского, который направился в Лугу, 80 миль от Петрограда, по дороге к Северному фронту» [41].

8 ноября (26 октября) днем американский посол в Швеции Моррис сообщил, что связь посольства в Петрограде с Вашингтоном затруднена. Однако, по его сведениям, «переворот» в Петрограде увенчался успехом [42]. В тот же день Френсис сообщил, что английский посол как старейшина дипломатического корпуса собирает вечером всех глав дипломатических миссий. На действительно состоявшемся совещании дипломатов никакого общего решения принято не было; согласились на том, что каждый руководитель миссии будет действовать, как сочтет нужным, о новом правительстве и о его признании ничего не говорилось [43].

9 ноября (27 октября) Моррис опять телеграфировал в Вашингтон об окончании заседаний II Всероссийского съезда Советов и принятии им Декрета о мире [44], а на следующий день сообщил подробное содержание ленинского декрета [45].

Официальные и неофициальные представители Антанты пытались связаться со всеми контрреволюционными силами России. Прежде всего представители Антанты повели переговоры с кадетами — главной партией контрреволюции. Ее деятели буквально обивали пороги союзных посольств, информируя о положении, требуя помощи.

---

[39] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 224.
[40] Там же.
[41] Там же, стр. 224—225.
[42] Там же, стр. 225.
[43] Там же, стр. 226, 228.
[44] Там же, стр. 227.
[45] Там же, стр. 242—243.

В гостиных этих посольств частыми гостями бывали и обанкротившиеся соглашатели, приходившие с предложениями своих услуг. Английский посол в России Д. Бьюкенен, вообще чрезвычайно скупой на сообщения о своей деятельности после революции, признал, что 20 (7) ноября его посетили бывший министр М. И. Скобелев и Н. В. Чайковский. Отрекомендовав себя «представителями рабочего класса и крестьянства», они сообщили английскому послу, что предстоит образование «социалистического правительства» без большевиков, но включающее представителей казаков. Новому правительству, заявили они, гарантирована поддержка кадетов. На вопрос Бьюкенена, каким образом произойдет смена Советской власти, последовал ответ: силой, с помощью войск. В заключение Скобелев и Чайковский подчеркнули, что переворот будет успешным только в том случае, если можно будет объявить о том, что союзники готовы провозгласить условия мира. «Такое заверение,— сказали они,— даст им большое преимущество над большевиками, с которыми союзные правительства не захотят вступить в сношения». В ответ Бьюкенен предупредил, что союзники не могут дать гарантий быстрого окончания войны, и посоветовал приложить все усилия, чтобы удержать русские войска на фронте до победы над Германией. В то же время, желая помочь контрреволюции в обмане масс, Бьюкенен сказал, что союзные правительства «могут согласиться на обсуждение условий мира с новым правительством, когда оно образуется» [46]. Таким образом, Бьюкенен дал понять, что заговорщики могут приступить к действию.

В тот же день Скобелев и Чайковский были у американского посла. «Чиновник старого правительства в сопровождении Чайковского посетил меня сегодня от имени Комитета спасения»,— телеграфировал Френсис в Вашингтон 20 (7) ноября 1917 г. [47] Они сообщили, что положение в России может быть «спасено», если союзные страны соберут конференцию, на которой продемонстрируют стремление кончить с войной. Френсис ответил, что Соединенные Штаты объявили о своих целях при вступлении в войну и неоднократно подтверждали их. Посетители возразили, что им это известно, но они считают «абсолютно необходимым» созыв конференции, которая возвестит об условиях мира. Если Германия откажется их принять, то это «вдохновит» Россию на продолжение войны. Посланцы эсеров и меньшевиков добивались согласия на проведение общего плана контрреволюции, направленного на то, чтобы вырвать у большевиков инициативу мира и, изолировав их от масс, покончить с революцией. Скобелев и Чайковский сообщили далее, что они были у английского посла, который согласился с их предложением и обещал послать об этом телеграмму в Лондон. «Я не вижу, что мы теряем от созыва такой конференции»,— телеграфировал Френсис государственному секретарю и просил полномочий, «чтобы сдержанно изложить нашу точку зрения по этому вопросу» [48].

Вечером того же дня Скобелев уехал в Ставку, где сообщил о переговорах с Бьюкененом и Френсисом. Узнав о поддержке глав дипломатических миссий в Петрограде, Ставка приступила к выполнению намеченного плана.

---

[46] *Дж. Бьюкенен.* Мемуары дипломата. Изд. 2-е. М., [б. д.], стр. 290.
[47] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 238.
[48] Там же.

Общеармейский комитет обратился по радио к солдатам с воззванием, в котором утверждал, что якобы единственным препятствием к заключению мира является Советское правительство, с которым союзники не будут вести переговоры. Воззвание призывало солдат требовать немедленного образования «общесоциалистического правительства» и ухода Советского правительства во главе с Лениным. Новое правительство, уверял Общеармейский комитет, «будет признано и страной, и иностранными державами и немедленно приступит к мирным переговорам» [49].

Весь смысл этого обращения состоял в том, чтобы, пообещав народу мир (якобы с полного согласия «союзников»), оторвать от большевиков массы или по крайней мере, внеся в их ряды смятение, развязать гражданскую войну и ликвидировать Советскую власть.

Даже американский историк Д. Кеннан, который никак не может быть заподозрен в симпатиях к большевикам, вынужден признать, что план русской контрреволюции создать новое правительство вместо Советского был задуман совместно с дипломатами Антанты. «Большевикам было ясно, что эти активные шаги,— пишет Кеннан о деятельности Ставки, направленной на формирование нового правительства,— были предприняты с ведома по крайней мере некоторых союзных дипломатов в Петрограде, а может быть, с их поддержкой» [50].

В сговоре против Советской власти приняли участие дипломатические представители, назначенные бывшими царским и Временным правительствами в союзные и нейтральные страны. Подавляющее большинство русских послов и посланников враждебно встретило Октябрьскую революцию. Всего через день после ее победы — 27 октября — русский посол во Франции В. А. Маклаков обратился к представителям в Англии В. Д. Набокову, в Италии — М. Н. Гирсу и в США — Б. А. Бахметьеву с предложением занять единую позицию непризнания по отношению к Советскому правительству. «Насильственное свержение Временного правительства,— писал Маклаков,— нарушив законную преемственность власти в России, поскольку такая преемственность может существовать в революционное время, выдвинуло вопрос о том, может ли правительство, которое будет создано этим новым переворотом, считаться всенародным, общепризнанным правительством России, *подобно правительству, образовавшемуся после отречения Николая II*» [51]. Сам он давал на него отрицательный ответ. Добавив, что возможно создание «нового правительства на почве компромисса между большевиками и менее крайними элементами», Маклаков предлагал определить свое отношение к нему в зависимости от его программы. Послы, к которым обратился Маклаков, ответили согласием на его предложение (к ним присоединился и К. Н. Гулькевич — посланник в Швеции).

Правительства союзников, конечно, знали о позиции русских дипломатов. Так, американский посол в Нидерландах Гаррет телеграфировал Лансингу, что, по словам русского поверенного в делах в Голландии Г. Г. Баха, все русские посольства в Европе (кроме одного) связались

---

[49] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 196. В воззвании особо подчеркивалось, что от большевистского правительства «отказались даже их (большевиков.— *И. М.*) благоразумные единомышленники». Так контрреволюция использовала в своих целях штрейкбрехерство кучки сторонников Зиновьева и Каменева.

[50] *G. F. Kennan.* Russia Leaves the War, p. 90.

[51] «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 61 (курсив наш.— *И. М.*).

друг с другом и решили «не признавать правительства Ленина и не исполнять никаких поручений, которые будут от него получены» [52].

Участие русских посольств и миссий в контрреволюционном сговоре выразилось не только в том, что они соответствующим образом информировали иностранные правительства. Через французского посла Нуланса и французскую военную миссию они пытались сноситься с остатками низложенного Временного правительства [53] и поддерживать связь со Ставкой, где шло формирование контрреволюционного правительства [54]. Им было известно о посещении Скобелевым и Чайковским английского посла. В. А. Маклаков, одобряя их переговоры с Бьюкененом, выразил лишь недоумение, почему союзники не соглашаются объявить на конференции о целях войны. «Полагаю,— телеграфировал он Набокову,— что отказ союзников даже обсуждать цели войны в настоящее время мог бы дать оружие в руки большевиков, позволяя им изобразить дальнейшее участие России в войне как служение исключительно интересам союзников» [55].

Советское правительство знало о контрреволюционной деятельности русских послов. 22 ноября Совет Народных Комиссаров предложил всем служащим посольств немедленно ответить, согласны ли они проводить международную политику, провозглашенную II Всероссийским съездом Советов, и поддержать действия, направленные на скорейшее заключение мира. Если они не соглашались, то должны были немедленно устраниться от работы, сдав дела низшим служащим и прекратив производить выдачи из государственных средств. Попытки продолжать свою враждебную деятельность, подчеркивал Совнарком, будут считаться «тягчайшим государственным преступлением» [56].

Не получив ответа о согласии работать под руководством Советской власти, Наркоминдел 26 ноября уволил всех не согласных с советской политикой мира послов, посланников и членов посольств [57]. Никто из уволенных не посчитался с приказом Наркоминдела. Все они с согласия и при поддержке иностранных правительств продолжали свою антисоветскую деятельность, отдавая народные средства на дело контрреволюции.

Так с первых же дней существования Советской власти в борьбе против ее мирной политики стал складываться враждебный ей блок иностранных империалистов и российской контрреволюции. Позднее он стал основной силой интервенции и гражданской войны в России в 1918—1920 гг.

---

[52] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 230.

[53] «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 62.

[54] Там же, стр. 62, 63.

[55] Там же, стр. 63.

[56] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 41.

[57] Там же, стр. 43. Только поверенный в делах в Португалии П. Л. Унгерн-Штернберг и поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев поддержали советскую мирную политику, но их ответы были задержаны правительствами союзных стран, а другие русские дипломатические представители обвинили их «в измене России и Временному правительству» и подвергли травле («Исторический архив», 1961, № 6, стр. 65).

2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

Большевики срывают расчеты контрреволюции

После того как бесславно закончились авантюра Керенского — Краснова на Пулковских высотах и мятежи юнкеров в Петрограде и Москве, генералы в Ставке совместно с «Комитетом спасения родины и революции», при участии Общеармейского комитета разработали новые планы разгрома революционного Петрограда силами войск, вызванных с Юго-Западного и Румынского фронтов. Им стало ясно, что Советская власть опирается на массы рабочих и солдат, контрреволюция же располагает ничтожными силами и для успеха войны против власти Советов нужна лучшая подготовка, чем это было в первую неделю борьбы.

Известен замысел создания так называемого «лужского кулака»: решено было сосредоточить в районе Луги значительные силы надежных войск, прежде всего 3-ю Финляндскую стрелковую и 35-ю пехотную дивизии, вести среди них агитацию против большевиков и продолжать стягивать там кулак, угрожая Петрограду, но не двигаясь немедленно на столицу, чтобы не распылять сил и дождаться лучшей обстановки для нанесения удара. Во исполнение этого замысла в Лугу успели проскочить до шести эшелонов (около полка пехоты, ударный батальон и штаб дивизии); вслед за ними двигались по железной дороге еще двадцать два эшелона, но с ними повторилось то, что уже привело к крушению поход Керенского — Краснова: военно-революционные комитеты преграждали путь эшелонам, не пропуская их с юга через Псков. Ставка, «Комитет спасения» и Общеармейский комитет прилагали отчаянные усилия, чтобы протолкнуть эшелоны к Луге,— все было тщетно: представители армий Северного фронта заявили командованию, что если войска с южных фронтов будут продолжать двигаться на север, то армии Северного фронта ударят им в тыл. «Лужский кулак» создать так и не удалось, а застрявшие на железнодорожных путях эшелоны пришлось возвращать в места расквартирования.

На смену этому замыслу «Комитет спасения» по согласованию со Ставкой принял другой план: теперь решено было сосредоточить «здоровые» (в представлении контрреволюции) части «в большей отдаленности от большевистских центров»: в Везенберге (ныне Раквере), Невеле, Старой Руссе и в районе Вязьмы [57а]. Но и этот план оказался плодом фантазии заговорщиков.

Сведения о производимых Ставкой перебросках войск в интересах якобы оперативно-стратегических соображений, направленных на борьбу с внешним врагом, доходили до Советского правительства, и оно предупреждало Духонина, дав понять, что он играет с огнем. Но тот не хотел признавать рабоче-крестьянского правительства и продолжал втайне от него вершить контрреволюционное дело. В конце концов после очередных

[57а] *В. Д. Поликарпов.* Пролог гражданской войны в России, стр. 152—160.

переговоров Духонина и народного комиссара по военным делам Н. В. Крыленко, стало абсолютно необходимо убрать Духонина. Орган ВЦИК и Петроградского Совета «Известия», комментируя эти переговоры, заявил, что генерал, не признавший власть Советов, не может более оставаться на посту верховного главнокомандующего.

В. И. Ленин понимал расчеты врагов Советской власти. Нужны были срочные и решительные меры, чтобы сорвать их.

На рассвете 8 ноября Советское правительство направило исполнявшему должность верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину предписание немедленно вступить в предварительные переговоры о заключении перемирия с военными властями неприятельских армий. Ему было приказано непрерывно докладывать о ходе переговоров, но сам акт перемирия подписать только со специального согласия Совнаркома. Одновременно всем послам союзных государств была послана нота с указанием, что Декрет о мире является формальным предложением немедленно начать мирные переговоры.

Духонин получил предписание Совнаркома в 5 час. 05 мин. утра 8 ноября. В течение целого дня он не сообщал в Петроград ни о прибытии телеграммы, ни о своих намерениях, но не забыл предупредить своих соучастников по заговору о предписании Совнаркома. «Духонин немедленно сообщил об этом союзным военным представителям при Ставке, а через них и их правительствам»,— пишет Д. Кеннан [58]. Тем временем в Ставке продолжалась лихорадочная деятельность по созданию нового правительства. 8 ноября в Могилевском Совете даже выступил кандидат в председатели нового правительства В. М. Чернов.

Только вечером в 19 час. 50 мин. Духонин сообщил — и то не Совнаркому, а управлявшему Военным министерством генералу А. А. Маниковскому — о получении телеграммы «государственного значения» без указания номера и даты. Духонин просил Маниковского «эту телеграмму передать в зашифрованном виде, чтобы сличить ее текст и установить подлинность» [59]. Маниковский ответил, что ему телеграмма неизвестна.

Становилось ясно, что Ставка умышленно затягивает дело, стараясь сорвать мирное предложение Советской власти. Около 2 час. ночи на 9 ноября В. И. Ленин, И. В. Сталин и Н. В. Крыленко по поручению Совета Народных Комиссаров вызвали Духонина к прямому проводу и потребовали объяснения, почему не выполнено распоряжение Советского правительства о предварительных переговорах с неприятельским командованием. Боясь возмущения солдат, Духонин не осмелился открыто заявить о неподчинении Советской власти. Он спрашивал, получено ли согласие союзников на мирные переговоры, как предполагается поступить с румынской армией, входившей в состав фронта, добивался ответа на технические вопросы, короче, всячески затягивал разговор. Но Ленин потребовал прямого и точного ответа на вопрос: выполнит ли Духонин предписание Советского правительства. Тогда Духонин заявил, что мир может быть дан только «центральной правительственной властью, поддержанной армией и страной», т. е. отказался признать Советскую власть.

Тут же, не отходя от провода, Ленин отстранил Духонина от исполне-

---

[58] *G. F. Kennan.* Russia Leaves the War, p. 91.
[59] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 198.

ния обязанностей верховного главнокомандующего, приказав ему под страхом ответственности продолжать ведение дел, пока в Ставку не прибудет новый главнокомандующий. Верховным главнокомандующим был назначен старый большевик, активный участник революции и видный деятель военной организации партии прапорщик Н. В. Крыленко.

В тот же день, 9 ноября, Ленин от имени Совнаркома обратился по радио к солдатам и матросам. Сообщив, что контрреволюционные генералы хотят сорвать великое дело мира, глава Советского правительства призвал массы взять его в свои руки. С этой целью Совнарком давал полкам право немедленно выбрать уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем о перемирии, сообщая всеми способами о каждом шаге этих переговоров. Подписание окончательного договора о перемирии на фронте оставлялось за Совнаркомом [60].

Духонин снова связался с Военным министерством, где к проводу подошли генералы А. А. Маниковский и В. В. Марушевский. Он сообщил о своем смещении и заявил, что не подчинится ему, так как вступил в исполнение должности главковерха на основании закона, по «Положению о полевом управлении войск в военное время». «Могу сдать эту должность также в том случае,— говорил Духонин,— если от нее буду отстранен, новому лицу, на нее назначенному в законном порядке, то есть указом Сенату, распубликованным этим последним, являющимся высшим блюстителем законности в стране, дотоль неупраздненным» [61]. Духонин, таким образом, официально подтвердил, что не признает Советского правительства. Он добавил, что большевистское правительство «совершенно не признают казаки, Украина, Кавказ; о том же имеются сведения с Румынского фронта» [62].

О ленинском обращении к солдатам Духонин говорил с ненавистью: «Этого рода действия исключают всякое понятие о государственности и обозначают совершенно определенно анархию и могут быть на руку не русскому народу, комиссарами которого себя именуют большевики, а, конечно, только Вильгельму».

В. В. Марушевский, продолжавший разговор в связи с вызовом Маниковского, уверил Духонина, что все чины Военного министерства считают его «законным главковерхом», поощряя генерала на борьбу против Советской власти.

Обращение Ленина к солдатам с призывом взять ведение переговоров в свои руки, отстранив контрреволюционных генералов, было изумительным по смелости и глубочайшим по замыслу политическим шагом. Оно свидетельствовало о глубокой вере в народ, в его мудрость; оно развязывало творческую инициативу, самодеятельность масс, изверившихся в обещаниях и жаждавших конкретной деятельности в борьбе за мир. Противники Советской власти пугали анархией, взрывом стихии, которую якобы вызовет обращение Совнаркома. Но они упускали из виду ту организованность, которую вносили в армию низовые солдатские комитеты, ставшие фактическими руководителями всей ее жизни и направляемые большевиками. «Я считаю,— говорил Ленин на заседании ВЦИК 10 ноября, докладывая о переговорах с Духониным,— что любой полк достаточно

---

[60] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 81—82.
[61] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 199.
[62] Там же, стр. 200.

организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок» [63].

Передача дела мира в руки масс окончательно вырывала армейские массы из-под влияния командования, разрушала его замыслы поднять войска против Советской власти. «С момента предоставления этого права полкам и дивизиям,— писал о ленинском обращении к солдатам первый советский верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко,— и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции безнадежно проиграно» [64].

Огромную роль в ознакомлении солдат на фронте с ленинской политикой мира сыграли «солдатские ходоки», как можно назвать делегатов с фронта. В Петрограде находилось множество военных делегаций. Корпуса, дивизии, отдельные полки присылали сюда своих представителей, чтобы ознакомиться с политикой новой власти и убедиться в том, что дело мира — в надежных руках. Солдатских делегатов принимали в Военно-революционном комитете. Только за одну неделю, с 31 октября по 6 ноября 1917 г., в ВРК перебывали представители почти 50 воинских частей [65].

Многие делегаты с фронта участвовали в заседании Петроградского Совета 4 ноября, слышали речь В. И. Ленина о программе и задачах Советского правительства, прежде всего о политике мира. 12 ноября Ленин принял делегатов 49-го армейского корпуса и вручил им разъяснение о советской политике [66].

Н. В. Крыленко вспоминал: «В Петрограде 9 ноября состоялось заседание делегатов с фронта, на котором всем делегатам были выданы особые именные мандаты, подписанные новой властью; этими мандатами делегатам поручалось проводить на местах образование военно-революционных армейских комитетов, предназначенных заменить старую власть» [67]. Мандаты также уполномочивали делегатов начинать непосредственные мирные переговоры с неприятелем и проводить выборное начало в армии.

Делегаты разъехались по частям и приступили к выполнению порученного. В разговоре с Духониным 13 ноября В. А. Черемисов докладывал: «Из Петрограда прибыли какие-то делегаты в 4-ю кавалерийскую дивизию (на Северном фронте.— *И. М.*) и вводят выборное начало. Заявляют, что таких делегатов разъехалось по всему фронту 150 человек» [68].

---

[63] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 88.

[64] *Н. В. Крыленко.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 58.

[65] Подсчитано по материалам книги «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1. М., 1966.

[66] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 62—63, 553.

[67] «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 57. Рукопись Н. В. Крыленко редактировалась Н. И. Подвойским, который сделал к этому месту следующее примечание: «Владимир Ильич Ленин сам лично рассказал им о том, что свершилась Октябрьская революция, что она дала народу, и научил их, что они должны сделать на фронте, как должны взять в свои руки власть и управление в армии, отстранив и арестовав их офицеров, которые будут сопротивляться этому». По смыслу этого замечания следует, что Ленин выступал на заседании делегатов фронта 9 ноября. Но это не подтверждается другими источниками. Возможно, речь идет о выступлении Ленина 4 ноября на заседании Петроградского Совета совместно с делегатами фронта.

[68] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 224.

Солдаты с восторгом приняли обращение Ленина и стали требовать от командования вступить в переговоры о перемирии.

Уже 10 ноября, т. е. сразу после того, как на фронте было получено ленинское обращение, солдатский исполнительный комитет Гренадерского корпуса (2-я армия Западного фронта) добился от штаба своего корпуса посылки неприятельской армии, которой командовал генерал Войрш, радиограммы с предложением немедленно приступить к переговорам о перемирии на участке корпуса [69].

Исполнительный комитет 5-й армии, сыгравшей авангардную роль в борьбе за Советскую власть на фронте, 10 ноября обсудил радиограмму Совнаркома и принял решение: «Взять на себя ведение переговоров. До объявления выработанного плана армиском (армейский исполнительный комитет.— *И. М.*) предлагает частям быть бдительными и осторожными и воздерживаться от сепаратных выступлений» [70].

11 ноября назначенный Советом Народных Комиссаров верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко выехал на Северный фронт, «чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие». Вместе с ним выехала на фронт член Бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б) Е. Ф. Розмирович [71–72].

Перед отъездом Крыленко опубликовал приказ № 1 с сообщением об отстранении Духонина и своем назначении. 11 ноября вечером Крыленко прибыл в Псков.

Как и следовало ожидать, генералы отнеслись враждебно к решительным шагам Советской власти по заключению перемирия. Командующий Северным фронтом В. А. Черемисов отказался явиться на вызов нового верховного главнокомандующего. «После ряда переговоров, телеграммы и письменного предписания явиться,— телеграфировал Крыленко в Совнарком,— Черемисов бесконечными отговорками старался оттянуть решительный ответ и, наконец, отказался» [73]. После этого Черемисов за саботаж был отстранен от должности. Одновременно был отстранен и комиссар бывшего Временного правительства на Северном фронте Шубин, а на его место назначен Б. П. Позерн.

На следующий день Крыленко прибыл в Двинск. Его встретили представители комитета 5-й армии, большинство членов которого принадлежало к партии большевиков. Председателем комитета являлся Э. М. Склянский. Армейский комитет взял на себя организацию перемирия на фронте 5-й армии. Командующий 5-й армией генерал В. Г. Болдырев не явился на вызов главкома, заявив, что ждет его в штабе. Не явился Болдырев и на заседание армейского комитета, где был намечен доклад Крыленко об организации перемирия. Тогда Болдырев был отстранен от должности и арестован.

---

[69] *Д. В. Озноби шин.* От Бреста до Юрьева. М., 1966, стр. 33.

[70] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 285.

[71–72] *Э. Финн.* Как свершилось великое дело.— «Неделя», 1975, № 49, стр. 20—21.

[73] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот (факты и документы)». Пг., 1918, стр. 246. Сам генерал Черемисов о своем саботаже докладывал Духонину: «Вчера приезжал в Псков Крыленко, требовал, чтобы я его встретил, а затем по прибытии приглашал по телефону через адъютанта, а затем присылал адъютанта ко мне; я не поехал и звал его к себе, чтобы объяснить ему, насколько его желание заключить мир отдельными полками неосуществимо и к чему оно может привести...» («Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 224).

По распоряжению Крыленко утром 13 ноября из Двинска на фронт 19-го армейского корпуса выехали парламентеры, уполномоченные «запросить высшее командование германской армии, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начала затем мирных переговоров» [74]. С белым флагом и трубачом, как полагалось по правилам международной конвенции, парламентеры вышли из окопов на участке Московского полка и у проволочных заграждений неприятельского участка были встречены германскими офицерами. С завязанными глазами парламентеры были доставлены в штаб батальона, занимавшего этот участок. Их уже ждали два офицера Генерального штаба, прибывшие из штаба дивизии. В 5 час. 40 мин. парламентеры вручили германским офицерам документы, удостоверявшие их полномочия предложить переговоры о перемирии. Советское предложение было передано в штаб немецкой дивизии, а оттуда — в штаб главнокомандующего Восточным фронтом. В 6 час. 20 мин. вечера парламентеров доставили на автомобиле в штаб дивизии, где их встретил командир дивизии генерал-лейтенант Гофмейстер с чинами своего штаба. Он объявил, что полномочия советской делегации признаны действительными, а предложения начать мирные переговоры переданы высшему командованию, ответ которого последует через 24 часа. В действительности согласие германского верховного командования вести переговоры о перемирии на принципах, изложенных в письме Крыленко, было получено очень скоро — уже в 7 час. 50 мин. Германское командование поручило генералу Гофмейстеру совместно с парламентерами выработать подробности «следующей встречи представителей воюющих сторон» [75].

В 12 час. 20 мин. ночи генерал Гофмейстер вручил официальный ответ на советское предложение о переговорах. В нем говорилось: 1) главнокомандующий Восточным фронтом уполномочивается верховным главнокомандующим германской армии вести переговоры о заключении перемирия; 2) главнокомандующий Восточным фронтом просит советское командование прислать делегацию в его штаб в Брест-Литовске и со своей стороны выделяет делегацию; 3) день и час встречи делегаций назначает советское командование; 4) советской делегации будет предоставлена возможность установления прямого провода для связи с советским командованием [76].

Завершив предварительные переговоры, советская делегация 14 ноября вернулась в Двинск. На следующий день Н. В. Крыленко и сопровождающая его Е. Ф. Розмирович выехали в Петроград, где 17 ноября Совет Народных Комиссаров заслушал их отчет [77].

Советское правительство предложило отложить начало общих переговоров до 2 декабря (19 ноября), чтобы, как сообщалось в его обращении к правительствам и народам воюющих стран, снова предложить союзникам «определить свое отношение к делу мирных переговоров» [78].

Тем временем переговоры о перемирии велись снизу: на уровне диви-

---

[74] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 25.
[75] Там же, стр. 27.
[76] Там же, стр. 28.
[77] *Д. В. Озноби шин.* От Бреста до Юрьева, стр. 35.
[78] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 28.

зия — корпус — армия. Скоро стали подписываться и первые соглашения о перемирии во фронтовом масштабе. 14 ноября было заключено перемирие на Северном фронте, 18—21 ноября — на Юго-Западном, 21 ноября — на Западном, 26 ноября — на Румынском [79] и, наконец, 5 декабря — на Кавказском [80].

Державы Антанты открыто выступают против всеобщего мира

Ленинское обращение к армии заставило представителей Антанты сбросить маски и открыто выступить против советской политики мира.

9 ноября после полудня в Петрограде состоялось совещание союзных послов. На нем присутствовали дипломатические представители Англии, Франции, США, Италии, Бельгии, Сербии, Японии, Бразилии, Румынии, Португалии, Китая, Греции и Сиама. Обсуждался вопрос, как быть с советской нотой, призвавшей союзные державы принять участие в переговорах о перемирии. Было решено посоветовать правительствам союзных стран не отвечать на ноту, ибо Советское правительство создано силой и якобы на признано народом России [81].

На следующий день, 10 ноября, начальники иностранных военных миссий при Ставке, действуя «на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных представителей в Петрограде», заявили смещенному генералу Духонину протест против нарушений договора от 23 августа (5 сентября) 1914 г., согласно которому союзники обязывались не заключать сепаратного мира или перемирия.

Иностранные представители не посчитались с фактом смещения Духонина с поста, т. е. открыто игнорировали распоряжение Советского правительства. Союзные генералы грозили, «что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой самые тяжелые последствия...» [82] Нота протеста была подписана военными представителями Англии, Франции, Японии, Италии, Румынии и Сербии.

Два дня спустя, 12 ноября, начальник французской военной миссии в России генерал Ж. Лавернь сообщил Духонину телеграмму, полученную им от премьер-министра и военного министра Франции Ж. Клемансо: «Прошу Вас уведомить русское военное командование, что Франция не признает правительство Совета Народных Комиссаров и, вполне доверяя патриотизму русского верховного командования, ожидает, что последнее категорически отвергнет всякие преступные переговоры и сохранит русскую армию на фронте против общего врага» [83].

Заявления союзных держав, как видим, содержали не только открытый отказ участвовать в переговорах о мире. Они прямо провозглашали не-

---

[79] *Е. Н. Дану.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Канд. дисс. Кишинев, 1970, стр. 229.

[80] *А. О. Чубарьян.* Брестский мир, стр. 60.

[81] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 245.

[82] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 25. В «Russian-American Relations. March 1917 — May 1920» (New York, 1920, p. 50) со сылкой на «Известия» от 27 (14) ноября 1917 г. ошибочно указано, будто заявление было подписано начальником французской военной миссии в Яссах при правительстве Румынии генералом Бертело.

[83] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 215.

признание Советского правительства и фактически подстрекали русское верховное командование к неповиновению законным советским властям.

Среди подписавших ноту протеста Духонину не было американского представителя. Это, однако, не значит, что США не разделяли позиции своих союзников. США не подписывали договора от 5 сентября (23 августа) 1914 г. (тогда они еще не участвовали в войне) и потому воздержались от участия в коллективном демарше. Но правительство США заняло столь же враждебную, как и державы Антанты, позицию по отношению к Советской России сразу после Октябрьской революции. Сначала в американской прессе появилось сообщение, что правительство США прекратит посылку боеприпасов и продовольствия в Россию, пока там не будет восстановлено «твердое» правительство, признанное США. Из 325 млн. долларов кредита, выданного Временному правительству, сообщалось в этом заявлении, 191 млн. уже израсходован. Бóльшая же часть оставшегося кредита истрачена на приобретение боеприпасов, корабли с которыми готовы в путь, но задержаны в портах. Если большевики сохранят власть и будут добиваться мира с Германией, то запрещение вывоза из США в Россию останется в силе.

Это заявление 25 (12) ноября было доведено до сведения русского Генерального штаба в Петрограде американским военным атташе генералом У. В. Джедсоном. Сообщая о нем, Джедсон добавил, что хотя он не имеет официального подтверждения, но он не сомневается в том, что это появившееся в печати заявление верно отражает позицию США [84].

Американское правительство как бы подсказывало своим союзникам формы и методы борьбы против мирной политики Советской власти, и угроза империалистов США прекратить снабжение России скоро стала общим лозунгом всех участников кампании против мира. Другие «союзные» представители подхватили ее. Для распространения в русской армии и в стране они составили специальную справку, которая разъясняла, во что обойдется России подписание мира. В ней указывалось: 1) что союзники прекратят доставку товаров в Россию; 2) что условия мира будут крайне тяжелыми, ибо Германия постарается захватить на Востоке как можно бóльшую территорию, чтобы усилить свои позиции в переговорах со своими западными противниками; 3) что год назад Германия предлагала мир трем великим державам Запада, выгодный для них, но не выгодный для России; однако западные державы якобы отвергли это предложение [85].

Но одна угроза прекратить снабжение и тем сломить волю трудящихся России к миру показалась правящим кругам США недостаточной.

Американский посол Френсис, узнав на совещании с представителя-

---

[84] «Russian-American Relations», p. 47. Ноту генерала Джедсона апробировал американский посол Френсис (*G. F. Kennan.* Russia Leaves the War, p. 103).

[85] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 213—214. В архиве не сохранился подлинник этого документа, с которого сделан перевод, поэтому нельзя определить его авторство. Но содержание справки позволяет сказать, что документ вышел из союзнических кругов. Обращает на себя внимание, что авторы документа совершенно определенно сообщают о сепаратных переговорах между Германией и Антантой (которые велись примерно весной 1917 г.), о возможности заключения мира за счет России. Ранее этот факт тщательно замалчивался (подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 208—209).

ми Англии, Франции и Италии о том, что их военные атташе вручили протест Духонину против мирных переговоров, сообщил в Вашингтон 22 (9) ноября: «Сейчас телеграфирую в Ставку майору Керту присоединиться к протесту» [86].

27 (14) ноября военный представитель США при Ставке подполковник М. Керт вручил генералу Духонину официальное заявление: «Согласно совершенно определенным указаниям моего правительства, переданным мне послом Северо-Американских Штатов, имею честь довести до Вашего сведения, что мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией» [87].

Реакция генерала Духонина на обращения союзных военных представителей была совсем иной, чем на предложение Совнаркома начать переговоры о мире.

В ночь на 11 ноября он связался по прямому проводу с Военным министерством и сообщил генералу Марушевскому о получении ноты от союзнических военных миссий, с которой Духонин ознакомил всех главнокомандующих «для оповещения войск». В ходе разговора Марушевский высказал мнение, что «комиссары несколько поторопились в разговорах с вами предыдущей ночью и с новым назначением на пост главковерха». Он считал, что можно было оставить Духонина на его посту или назначить вместо него генерала Щербачева. На это Духонин ответил: «Я могу вам повторить почти то, что я сказал и народным комиссарам,— передача мною должности может быть только той властью (так в источнике.— *И. М.*), которая будет способна привести Россию к миру в согласии с нашими союзниками и опираться, как я уже сказал, в своем авторитете (так в источнике.— *И. М.*) на большинство народа» [88].

Не теряя времени, Духонин откликнулся на призыв союзных военных атташе. Во второй половине дня 12 ноября фронтам из Ставки была передана телеграмма, в которой содержалось обращение смещенного главковерха к солдатам. В нем Духонин призывал солдат соблюдать обязательства царского и Временного правительств о продолжении войны и грозил расправой за ведение мирных переговоров с противником. Вместе с тем обращение Духонина было контрреволюционным призывом, направленным против Советской власти. «Дайте время истинной, русской демократии,— говорилось в обращении Духонина,— сформировать власть и правительство, и она даст нам *немедленный мир совместно с союзниками...*» [89]. Генерал Духонин подготовил также специальное обращение ко всем партиям с призывом ускорить формирование нового правительства. В этом обращении он, с одной стороны, призывал к продолжению войны совместно с союзными державами, с другой — намекал на возможность немедленного мира, заключенного в согласии с союзниками.

В тот же день в беседе с генералом В. В. Марушевским Духонин заметил: «Насколько мне известно, хотя и не из официальных источников, что у союзников есть также мысль о необходимости для нас мира, но, ко-

---

[86] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 245.

[87] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 33; «Russian-American Relations», p. 53—54.

[88] «Красный архив», 1927 г., т. 4 (23), стр. 206.

[89] Там же, стр. 220 (курсив наш.— *И. М.*).

нечно, в полном согласии с ними»[90]. В. Б. Станкевич — верховный комиссар бывшего Временного правительства при Ставке — прямо писал в своих воспоминаниях, что маневр с миром предпринимался «с согласия военных кругов Ставки и даже союзнических миссий»[91]. Принял участие в этом маневре и сам Станкевич. Он написал записку об образовании при Ставке особого Совета для разработки условий мира в тесном контакте с представителями союзных правительств. Редактировал записку Станкевича сам Духонин.

13 ноября Духонин говорил по прямому проводу с командующим Северным фронтом генералом Черемисовым о союзных представителях: «Насколько можно понять, они ничего не имели бы против заключения мира при их участии в этом вопросе, но не сепаратно»[92].

Советское правительство внимательно следило за тем, как развертывались события, и решительно протестовало против незаконных действий иностранных миссий. Уже 11 ноября 1917 г., т. е. сразу после того, как в Петрограде стало известно о рассылке Духониным ноты союзных миссий, Советское правительство обратилось ко всем Советам и солдатским комитетам со специальным воззванием. В нем говорилось: «Обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению правительства, означало бы с формальной стороны недопустимое вмешательство во внутреннюю жизнь страны с целью вызвать гражданскую войну». Далее, характеризуя акцию иностранных дипломатов, обращение указывало, что она является попыткой союзных представителей «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Милюкова — Керенского — Терещенко»[93].

Выступления антантовских и американского военных представителей вызвало возмущение трудящихся Советской республики. По предложению делегатов заводских партийных коллективов Петрограда совместно с районными комитетами города была начата кампания протеста по заводам. Выборгский районный комитет просил Петербургский комитет партии организовать демонстрацию в общегородском масштабе[94].

Армия также поддержала протест Советского правительства. Фронт ответил Ставке десятками и сотнями протестующих телеграмм, резолюций и постановлений. Вот типичный для тех дней документ — телеграмма в Совет Народных Комиссаров от Военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта: «Предложение Общеармейского комитета фронтовым и армейским комитетам наметить кандидата на пост министра-председателя и выдвижение с его стороны на этот пост эсера Виктора Чернова является не прекращением братоубийственной войны, а именно ее продолжением в самом широком масштабе». Настаивая перед Совнаркомом на прекращении контрреволюционной деятельности Ставки и Общеармейского комитета, на их ликвидации, ревком 2-й армии заявлял, что армия

---

[90] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 211.
[91] «Октябрьская революция». Мемуары. М.— Л., 1926, стр. 229.
[92] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 226.
[93] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 23—24.
[94] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году». М.— Л., 1927, стр. 359.

не признает никакой власти, кроме Советской — «истинно народной власти» [95].

Приведем еще один характерный для революционных организаций армии документ — постановление исполкома 27-го армейского корпуса в ответ на телеграмму Духонина:

«1) Внешняя политика Российской республики (Декрет о мире) выражает волю организованной революционной демократии, которая выявилась на II съезде Советов.

2) Осуществлением этой воли, проводником и единственным полномочным представителем перед иностранными державами и союзниками, в частности, является революционное правительство в лице Совета Народных Комиссаров, т. е. верховная власть Российской республики, к которой только должны обращаться представители иностранных держав по вопросам международного характера». Корпусной комитет подчеркивал, что союзные военные миссии, обращаясь к Духонину, минуя Советское правительство, «не считаются, следовательно, с волею революционного народа».

«Против сознательного игнорирования революционного правительства Российской республики и вероломного покушения на ее суверенные права как самостоятельного государства,— говорилось далее в постановлении,— революционная армия должна самым решительным образом протестовать» [96].

Между тем первые заявления американских дипломатов не прошли незамеченными. Официальная пресса других союзных стран стала с удовлетворением подчеркивать, что американская «демократия» также выступает на стороне противников мира. Но это срывало расчеты американских империалистов, прикрывавших свое вмешательство показным миролюбием. Они принялись спешно маскировать свою позицию. 24 (11) ноября государственный секретарь США Лансинг направил Френсису следующую телеграмму: «Для Вашего сведения. В ответ на вопрос, присоединимся ли мы к соглашению союзников не признавать самостоятельно какое-либо новое русское правительство, Государственный департамент информировал французского посла, что был бы рад в любое время обменяться с союзниками мнениями по этому вопросу, но мы не свяжем себя курсом, который мог бы показаться России мерой принуждения» [97].

Френсис немедленно поторопился объяснить Лансингу, чем он руководствовался, требуя от военных представителей США при Ставке протестовать против мирных переговоров. 28 (15) ноября он телеграфировал Лансингу: «Я поручил Джедсону уполномочить Керта протестовать против перемирия, которое в тот момент мыслилось и означало сепаратное перемирие. *Теперь, однако, большевистское правительство утверждает, что оно никогда не намеревалось вести переговоры для заключения сепаратного перемирия*».

Френсис далее добавил, что, по его мнению, Россия, начиная переговоры о перемирии, нарушает свое обещание союзной верности, «так как

---

[95] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 1. М., 1963, стр. 17—18.

[96] *С. М. Майоров.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, стр. 103—104.

[97] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 248.

все наши ссуды России были сделаны для ясно выраженной цели продолжения войны. Мои рекомендации основывались на определенном и многократно повторенном обещании России продолжать войну всеми силами, имеющимися в ее распоряжении» [98].

Мы привели ответ Френсиса не для того, чтобы показать, как американский дипломат выкручивался из неловкого положения, вызванного его откровенно враждебным отношением к Советской власти, хотя это тоже представляет известный интерес. Главное, что следует подчеркнуть, это то, что Френсис определенно знал действительное содержание мирной политики Советского правительства, состоящей в борьбе за всеобщий мир.

Знал об этом и другой американский дипломат — посол США в Швеции Моррис. Независимо от Френсиса он еще 17 (4) ноября сообщал в Госдепартамент: «Из моей телеграммы вы заметите, что новое правительство (в России.— *И. М.*), каков ни будет его состав, видимо, провозгласит мир, но не сепаратный. Первым актом, который был разослан по радио ночью 8 ноября, новое правительство предложило *мир всем воюющим державам*» [99].

Целая библиотека была создана буржуазными учеными и политиками, чтобы доказать, будто большевики всегда стояли за сепаратный мир с Германией, а официальные представители американской дипломатии, принимавшие участие в создании этой легенды, оказывается, хорошо знали ее лживость.

Возвратимся, однако, к Френсису. Он сразу понял, в чем смысл указания Госдепартамента, и принял срочные меры к его исполнению. Уже в день получения телеграммы Лансинга генерал Джедсон, который только недавно прислал угрожающее письмо русскому Генеральному штабу, начал заметать следы. 28(15) ноября, всего через три дня после своего угрожающего письма, он направил в Генштаб второе послание. Генерал писал, что его могли неправильно понять и поэтому он считает необходимым разъяснить, что правительство США не желает вмешиваться во внутренние дела России и не поддерживает какой-либо русской партии [100].

Однако злоключения генерала Джедсона на этом не кончились. 18 ноября 1917 г. в газетах было опубликовано заявление НКИД по поводу вмешательства иностранных дипломатов в дела Советской республики. Это заявление давало одинаковую оценку позиции и французского генерала Лаверня, и американского подполковника Керта. В нем говорилось: «Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические агенты во имя тех или других целей вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны». «Дальнейшие шаги на этом пути,— указывалось далее в заявлении,— неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя» [101].

Реакция американского посольства была мгновенной. 1 декабря

---

[98] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 252 (курсив наш.— *И. М.*).
[99] Там же, стр. 236(курсив наш.— *И. М.*).
[100] «Russian-American Relations», p. 53—54.
[101] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 33.

(18 ноября) генерал Джедсон явился в Наркоминдел и разыграл «примирительную» сцену. Джедсон заявил, что не имеет права говорить от имени правительства США, ибо оно не признало Советской России, но хотел бы установить связи с Советским правительством и разъяснить некоторые недоразумения. Джедсон добавил, что время протестов и угроз, если оно и существовало, теперь миновало [102]. Отсюда видно, какое значение придавала американская дипломатия прикрытию своей действительной позиции, если она поставила своего официального представителя в столь незавидное положение. Не довольствуясь частным «разъяснением» своего генерала, правительство США предприняло более решительный шаг. 4 декабря (21 ноября) президент В. Вильсон обратился с посланием к конгрессу. Вильсон признал, что во всех странах все громче раздаются требования мира «без аннексий и контрибуций». Германия, по его словам, пытается использовать эту формулу, чтобы «сбить с пути Россию и народы других стран, в которые могут проникнуть германские агенты» [103]. Нужно, чтобы справедливая идея, заявил Вильсон, находилась «под протекторатом действительных друзей». Президент намекал на то, что лозунг «мир без аннексий и контрибуций» якобы приемлем и для США. Речь Вильсона была подхвачена всей империалистической прессой, его даже объявили «апостолом мира» [104].

Американские историки до сих пор все еще пытаются оправдать внешнюю политику США этого периода. Чаще всего говорят, что из России после Октябрьской революции поступало мало точных сведений, к тому же информация из различных источников была противоречивой. Это якобы и вызывало зигзаги и колебания в дипломатии США. Д. Кеннан перечисляет многочисленные американские организации и учреждения, снабжавшие информацией правительство США: посольства, военные миссии, Комитет публичной информации, миссия сенатора Э. Рута, железнодорожная миссия Д. Стивенса, представители министерства финансов, Ассоциация молодых христиан, Красный Крест. «Все они,— пишет Д. Кеннан,— как и различные русские миссии, присланные в США, участвовали в наших сношениях с Россией. Не было успешных попыток согласовать все эти различные каналы. В результате внимание президента занимала путаница в надоедливой манере, раздражая его и создавая у него чувство, будто расстраиваются планы» [105]. Стремясь обелить свое правительство, справедливо обвиняемое в участии в интервенции, американский историк не остановился перед тем, чтобы уронить его престиж: объявил его несведущим, путающимся в противоречивых донесениях.

Но главное, конечно, было не в плохой информированности американского правительства, а в его определенном расчете: прикрыть свою политику дымовой завесой «мирных» стремлений, а на деле поддержать борьбу за срыв мира.

Проведению этой линии помогло заявление Троцкого. Выступая 8 ноября на заседании Центрального Исполнительного Комитета с изложением внешней политики Совета Народных Комиссаров и давая анализ

---

[102] «Russian-American Relations», p. 55.
[103] Там же, стр. 57—58.
[104] В России вице-президент американского Комитета общественной информации майор Э. Сиссон перевел речь президента на русский язык и издал миллионным тиражом.
[105] *G. F. Kennan.* Russia Leaves the War, p. 78.

отношения правительств различных стран к Советской России, Троцкий сказал о США: «Америка не ставит себе целью территориальных завоеваний, Америка может терпимо отнестись к факту Советского правительства, так как она достаточно удовлетворена истощением союзных стран и Германии, кроме того, Америка заинтересована в помещении своих капиталов в России» [106].

Выступление Троцкого, занимавшего тогда пост наркома иностранных дел, не могло пройти незамеченным. Френсис дважды передал его полностью в Вашингтон [107]. «Содержание этого выступления заслуживает внимания», — пишет 40 лет спустя американский историк [108].

Официальное заявление Троцкого о том, что США не имеют агрессивных намерений и могут «терпимо отнестись» к существованию Советской власти, шло навстречу намерениям правительства США прикрыть свои империалистические планы и было им широко использовано. Видимо, не случайно к Троцкому с этого момента зачастили американские дипломаты.

Пока в Ставке велись переговоры о создании нового «правительства», революция стремительно распространялась по фронту. Задержать советские части, идущие на Могилев, не удалось. Дни существования Ставки были сочтены. Контрреволюционные генералы собирались бежать в Киев. В столицу Украины уже были отправлены эшелоны с некоторыми чинами Ставки и документами.

В этот критический момент на помощь контрреволюции снова пришли «союзные» послы. Еще 27 (14) ноября Бьюкенен телеграфировал министру иностранных дел Англии о необходимости пересмотреть политику английского правительства, цель которой состояла в насильственном удержании России в войне. «По моему мнению,— советовал Бьюкенен,— единственный правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы возвратить России ее слово и сказать ее народу, что, понимая, как истощен он войной и дезорганизацией, неразрывно связанной с великой революцией, мы предоставляем ему самому решить, захочет ли он добыть себе мир на условиях, предложенных Германией, или продолжать борьбу вместе с союзниками...» [109] Это предложение также было направлено против Советской власти. Сам посол категорически отрицал, что речь шла о каком-либо соглашении с большевистским правительством. «Напротив,— телеграфировал Бьюкенен,— я думаю, что принятие указанного мною курса выбьет из их (т. е. большевиков.— *И. М.*) рук оружие...» [110]

Вечером 17 ноября в Ставке распространилось известие (со ссылкой на итальянскую миссию) о том, что союзники согласны «вернуть России слово». Духонин собрал офицеров Ставки и сообщил им сенсационную новость. Она была встречена восторженными овациями.

На следующий день Духонин вызвал к прямому проводу генерала Щербачева и сообщил ему, что начальник итальянской военной миссии

---

[106] «Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот», стр. 236.

[107] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 246.

[108] *G. F. Kennan.* Russia Leaves the War, p. 88. Рассматривая это выступление Троцкого, Кеннан обходит как раз приведенное нами место, а останавливается на других местах: причинах вступления в войну США в апреле 1917 г., положении в России к тому времени и др.

[109] *Д. Бьюкенен.* Мемуары дипломата, стр. 292.

[110] Там же, стр. 293.

генерал Ромеи получил из Петрограда телеграмму об освобождении России от союзных обязательств и предоставлении ей возможности заключить сепаратный мир, а до него — перемирие. Условиями заключения мира должны быть оставление русских войск на нынешних позициях, запрещение обмена военнопленными и отказ от снабжения Германии хлебом и сырьем. Возможно, говорил Духонин, что эти предложения уже переданы через генерала Нисселя генералу Марушевскому; во всяком случае союзные представители в Ставке не отрицают подлинности сообщения [111].

В тот же день генерал-квартирмейстер Ставки М. К. Дитерихс беседовал с генералом А. С. Лукомским и командиром Польского корпуса генералом И. Р. Довбор-Мусницким. Сообщив о согласии союзников на вступление России в сепаратные переговоры, Дитерихс добавил: «Ждут, что завтра утром (т. е. 19 ноября, день, на который было назначено начало мирных переговоров в Брест-Литовске. — *И. М.*) получат здесь официальное об этом оповещение. Таким образом, приходится признать совершающийся факт почти реализованным...» [112]

Обрадованные поддержкой союзников, руководители Ставки приказали отменить эвакуацию в Киев. Но ожидавшееся официальное подтверждение так и не последовало. Генерал Щербачев сообщил, что начальник французской военной миссии в Яссах Бертело категорически отрицал факт согласия союзников на освобождение России от военных обязательств. Дитерихс снова вызвал Довбор-Мусницкого. «Дело в том, — говорил Дитерихс, — что союзники решили больше не протестовать против заключения нами сепаратного перемирия не в смысле согласия на такие переговоры с нашей стороны, а в том смысле, что, раз протестовавши, они не считают нужным высказывать новые протесты» [113].

Впоследствии переданная через Ромеи телеграмма была объявлена фальшивкой. Однако история с предложением союзников отнюдь не была досужей фантазией деятелей контрреволюции, терявших под ногами почву. Все дело в том, что маневр с целью «перехватить» большевистский лозунг мира провалился. Сказались результаты ленинского обращения к солдатам с предложением взять дело мира в свои руки. Контрреволюционные генералы были изолированы. Фронтовые части приступили к непосредственным переговорам с германскими и австро-венгерскими войсками. Было заключено перемирие на ряде фронтов. От германского блока уже 14 ноября поступило согласие на ведение переговоров о мире с Советским правительством, и был намечен точный срок начала переговоров — 2 декабря (19 ноября). В таких условиях изолированная Ставка уже ничего не могла сделать.

Поиски Антантой путей свержения Советской власти

Империалисты продолжали искать пути для борьбы с большевиками, воспользовавшись конференцией в Париже. Эта конференция готовилась уже давно: она была намечена еще до Октябрьской революции.

---

[111] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 236—237.
[112] Там же, стр. 238.
[113] Там же, стр. 241.

Союзники долго торговались с правительством Керенского о том, на каких условиях может быть допущена на конференцию Россия. Требовали, в частности, чтобы главой русской делегации был консервативный по своим убеждениям политический деятель, не желали допускать посланца соглашателей.

Большинство союзных стран было представлено на конференции главами правительств. А из США в Париж прибыл советник и личный друг Вильсона полковник Э. Хауз с большой свитой военных и политических сотрудников.

Накануне конференции крупнейшие буржуазные газеты начали обработку общественного мнения. Парижская «Тан» писала, что «Франция возьмет на себя инициативу протестовать против Советской власти, нарушившей обязательства России не вступать в переговоры о мире» [114]. Английская «Таймс» в день открытия конференции призывала оказать полную поддержку румынской армии, Украинской Центральной раде, Каледину. «Игра не потеряна,— писала газета,— она проиграна пока только наполовину... Для союзников весьма важно всеми возможными средствами связаться со всеми этими лояльными элементами через Париж и через Транссибирскую железную дорогу, предоставив всякого рода поддержку всем тем, кто считает священными обязательства России» [115]. Газета рекомендовала прибегнуть к такому испытанному средству борьбы, как голод. «Консервативный блок на Юге России,— писала «Таймс»,— контролирует в значительной степени все источники продовольствия России и может многого добиться, ограничив снабжение Севера».

Американская буржуазная печать шла еще дальше: она прямо требовала рассматривать Россию как врага. Хауз даже посоветовал президенту прекратить «подобную критику», ибо, по мнению полковника, пропаганда подобных взглядов могла бросить Россию «в объятия Германии» [116].

От империалистов не отставали их «социалистические» пособники. Они также призывали к свержению Советской власти. Орган французских правых социалистов требовал поддержать все контрреволюционные «образования» на юге России. «Большевики не кажутся прочной властью, но правильно ли дожидаться, пока она падет сама?» [117] — вопрошали ренегаты.

Межсоюзная конференция открылась 29 (16) ноября. На ней присутствовали представители более полутора десятка стран, в том числе Либерии и Сиама, но не было представителя России. Тем самым «союзники» сами фактически исключили Россию из числа воюющих вместе с ними держав. Правда, спохватившись, руководители конференции пригласили посла бывшего Временного правительства, но и то в качестве неофициального представителя, ибо у него не было соответствующих полномочий.

Устроители конференции постарались свести ее к парадному представлению и притом чрезвычайно краткому. Клемансо открыл заседание кратким приглашением к работе; вслед за ним французский министр

---

[114] «Temps», 26.XI 1917.
[115] «Times», 29.XI 1917.
[116] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 198.
[117] «L'Humanité», 29.XI 1917.

иностранных дел Пишон рассказал о порядке заседаний. Через 8 мин. торжественный пленум был закрыт. «Я никогда не видел столь удивленных делегатов»,— писал Хауз [118].

Вся практическая работа по предложению Хауза, поддержанному Ллойд Джорджем, была перенесена в комиссии — финансовую, импортную и транспортную, вооружений, снаряжений и авиации, продовольствия, блокады и др. Американский представитель не скрывает причины, по которой работа пленума была сведена к минимуму (всего было два пленарных заседания, второе состоялось 3 декабря (20 ноября)). «Он,— писал Хауз о Ллойд Джордже, предложившем выступить с резолюцией о перенесении работы в комиссии,— видит опасность речей на конференции. Если начнут говорить речи, то общественное внимание будет привлечено к русскому вопросу и будет сказано много неосторожных вещей, которые могут превратить конференцию скорее в орудие зла, чем добра» [119].

Одновременно с межсоюзной конференцией 1 декабря (18 ноября) в Версале заседал Верховный военный совет Антанты, состоявший из представителей Англии, Франции, Италии и США. Его целью было согласование планов ведения войны, в том числе обсуждение вопроса о том, «что должно быть предпринято, чтобы вернуть Россию в ряды союзников» [120]. Вопрос о России обсуждался главным образом в узком кругу руководителей — Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, В. Орландо, Э. Хауз и министры иностранных дел [121].

При обсуждении этого вопроса сначала возник спор о том, какой ответ следует послать России в связи с ее мирными предложениями. Бальфур огласил телеграмму Бьюкенена, предлагавшего освободить Россию от обязательства продолжать войну и тем помочь русской контрреволюции. Соннино и Клемансо высказались против этого предложения. Пригласили бывшего русского посла В. Маклакова. Он также высказался против предложения Бьюкенена. Ему и поручили написать проект меморандума.

На следующий день Маклаков принес несколько проектов. Вопрос обсуждался в течение трех дней. В конце концов сошлись на том, что каждая страна пошлет собственный ответ своему послу в Петрограде, но смысл всех ответов должен быть один: союзники готовы обсудить цели войны совместно с Россией, «как только она будет иметь устойчивое правительство, с которым они (союзники.— *И. М.*) смогут совместно действовать» [122]. Это означало замаскированный призыв к свержению Советской власти.

Руководители Антанты обсуждали и методы, с помощью которых можно было бы добиться этого свержения. Речь шла не только о поддержке боярской Румынии, калединцев и всех других контрреволюционных «образований». Клемансо настаивал на японской интервенции. В связи с этим была обсуждена возможность совместной «защиты» Сибири от большевизма, «охраны» Сибирской железной дороги и владивостокских военных складов. Ссылаясь на это обсуждение, французский посол в США

---

[118] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 188.
[119] Там же, стр. 187.
[120] Там же, стр. 175.
[121] В этом отношении ноябрьская конференция послужила прецедентом для будущей мирной конференции 1919 г., на которой решения также принимались верхушкой руководителей Антанты.
[122] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 199—201.

Жюссеран в письме Лансингу 8 января 1918 г. просил сотрудничества в выполнении указанного замысла [123].

Решения Парижской конференции и Верховного военного совета были окружены такой тайной, что в печать проникли лишь частичные сведения о результатах работ комиссий.

Относительно России печать хранила молчание. На этом основании даже некоторые советские историки сделали вывод, что ноябрьская конференция якобы «обошла» русский вопрос. В действительности же руководители Антанты в Париже обсудили меры борьбы против Советской России.

Насколько русский вопрос занимал державы Антанты и США, можно судить хотя бы по тому, что американские и английские политические деятели пытались привлечь к борьбе с Советской властью своего противника — Германию: ее руками или с ее помощью свергнуть Советскую власть. И тут империалистические противоречия отходили на второй план, а на первое место выдвигалась совместная борьба империализма против Советской власти.

В день открытия конференции, 29 (16) ноября, в печати выступил лорд Лэнсдаун, один из лидеров консервативной партии, бывший министр иностранных дел Англии. Обращаясь к участникам конференции, Лэнсдаун предлагал обсудить не столько вопросы ведения войны, сколько цели и условия возможного мира с Германией [124]. По его мнению, следовало заявить, что Германия не будет уничтожена как великая держава, что ей не навяжут республиканский строй, что она останется морской державой и будет обсужден вопрос о свободе морей. Словом предлагалось договориться с Германией на Западе, чтобы развязать ей руки на Востоке.

Выступление Лэнсдауна своей откровенностью вызвало возмущение в буржуазных кругах Англии. Печать поторопилась заявить, что идеи Лэнсдауна являются его личным мнением. В полуофициальном коммюнике английское правительство сообщило, что лорд Лэнсдаун ни с кем не консультировался и ни с кем из министров не связывался [125]. Но Лэнсдаун был влиятельным политическим деятелем, и значение его выступления, конечно, выходило за рамки личного мнения отставного политика. Письмо Лэнсдауна свидетельствовало о том, что среди английских империалистов имеется влиятельная группа, которая считала нужным попытаться заключить мир с Германией для совместной борьбы с Советской Россией. Сходную позицию занимал и американский представитель Хауз. Позднее выяснилось, что прежде, чем опубликовать свою статью, Лэнсдаун 14(1) ноября посетил полковника Хауза. «Он (т. е. Лэнсдаун.— *И. М.*) особенно выдвигает пять или шесть пунктов,— записал в своем дневнике Хауз,— которые, по его мнению, обязательно должны быть выполнены, и, что довольно странно, будучи консерватором, он почти во всем сходится со мной» [126].

Лэнсдаун со своей стороны подчеркивал, что пункт о «свободе морей» он взял у Хауза.

---

[123] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 21.
[124] «Daily Telegraph», 29.XI 1917.
[125] «Times», 1.XII 1917.
[126] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 167.

Пробный ход Лэнсдауна — Хауза не был в тот момент поддержан большинством империалистов. К нему вернулись немного позже — в период Брест-Литовских переговоров.

Немедленно по окончании Парижской конференции союзники занялись реализацией обсуждавшихся там замыслов. Французский министр иностранных дел Пишон послал французскому послу в Петрограде Нулансу инструкцию в духе принятого решения [127]. Во исполнение этой инструкции Нуланс 23 ноября собрал представителей русских буржуазных газет и иностранных журналистов. Посол сообщил, что «союзники не желают вмешиваться во внутренние дела России», но тут же разъяснил, как его правительство понимает «невмешательство». Он заявил, что международное признание может получить лишь правительство, пользующееся авторитетом во всех странах и признанное всем народом. «Как только Россия,— заявил Нуланс,— будет иметь правительство, которое ответит этим условиям, я уверен, что союзные державы будут согласны пересмотреть цели войны и создадут условия для прочного и почетного мира» [128]. «Невмешательство» фактически сводилось к призыву организовать борьбу против Советской власти.

Бальфур со своей стороны послал соответствующую инструкцию Бьюкенену [129]. 25 ноября Бьюкенен также собрал представителей русских газет. Он долго говорил «о любви Англии к русскому народу», уверял, что Англия не собирается вмешиваться во внутренние дела России, выразил удивление тем, что советские газеты полны нападок на Англию. Посол пытался представить другом русского народа и себя самого. После такого «предисловия» Бьюкенен заявил протест против попытки Совнаркома вести переговоры о перемирии и закончил заявлением, что союзники готовы рассмотреть цели войны, как только в России установится прочная власть, признанная всем русским народом [130]. Затем Бьюкенен ответил на вопросы журналистов, в частности на вопрос, как поступит Англия, если Учредительное собрание будет распущено и не создаст правительства. Он заявил, что будет признано «всякое правительство независимо от того, как оно будет организовано». Тем самым Бьюкенен дал понять, что дело не в созыве Учредительного собрания, а в свержении Советской власти и замене ее любым буржуазным правительством.

В целях срыва мирной политики Советской России американские империалисты рекомендовали своим союзникам использовать королевскую Румынию, объединив румынские армии с русскими контрреволюционными отрядами. Вторжение румынских войск в Бессарабию было одним из звеньев этого нового провокационного замысла.

Американские империалисты и здесь действовали со свойственным им лицемерием. Полковник Хауз, внесший предложение о Румынии, писал: «Я энергично настаивал на том, чтобы не упоминать имен...» [131]

Предпринималась также попытка в целях срыва мирных переговоров Советской России с Четверным союзом отколоть Австрию от Германии. Эта идея встретила противодействие Италии. Франция также колебалась,

---

[127] «Annales des la chambre des deputées». Ses. ord., 1917. Tom unique, 3 partie, p. 3794.
[128] «Утро России», 24 ноября 1917 г.
[129] *Д. Бьюкенен.* Мемуары дипломата, стр. 297.
[130] «Русское слово», 26 ноября 1917 г.
[131] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 169.

но вмешалась Америка и поддержала Англию. Тогда Франция присоединилась к ним, Италия оказалась изолированной и принуждена была уступить. «В конце концов,— писал Хауз,— мы заставили Соннино и Орландо (представителей Италии.— *И. М.*) согласиться на предложение...» [132].

Сообщая об этом президенту, полковник Хауз подчеркнул, что целью было помешать России заключить мир. «Мы приняли эту меру,— телеграфировал полковник Хауз Вильсону,— ввиду возможности скорого заключения сепаратного мира Россией» [133].

Американские и англо-французские империалисты боялись, что выход России из войны усилит Германию, дав ей возможность перебросить войска на Запад. Русская армия приковывала к себе добрую треть германских и австро-венгерских войск. «Союзные» империалисты хотели сохранить русскую армию на фронте по крайней мере до весны 1918 г., когда, по их расчетам, Соединенные Штаты Америки должны были перебросить в Европу значительную часть своих войск и необходимых боеприпасов.

Большую тревогу вызывала у американских и англо-французских империалистов возможность того, что Германия постарается использовать временную слабость России в своих хищнических интересах, вернув и усилив свои экономические позиции в России.

Но эти обстоятельства, как ни серьезно было их значение, носили все же преходящий характер. В лагере англо-франко-американского блока знали, что ресурсы Германии истощены, что она не выдержит длительного напряжения. В крайнем случае державы Антанты надеялись сговориться с германским агрессором о дележе добычи.

Основная причина антисоветской активности иностранных империалистов состояла в другом. Они опасались, что заключение мира укрепит Советскую власть, что, вырвавшись из империалистической войны, Советское правительство приступит к социалистическому строительству и быстро покажет всему миру преимущества нового общественного и государственного строя. Они боялись также, что Советская власть покончит с зависимостью старой России от иностранного империализма, что база мировой революции и влияние Советской России на мировой пролетариат усилятся. Именно поэтому «союзные» империалисты выступили против Советской власти с первых же дней ее существования. Борьба против ее мирной политики была войной за ликвидацию Советской власти, за подавление революционного движения у себя дома. Требования Советского правительства открыто и прямо высказаться за или против мира потому и вызвали столь сильное раздражение империалистов Англии и США, что разоблачали их политику и политику социал-шовинистов.

Завершение переговоров о перемирии

Германские империалисты также считали мирную политику Советской власти крайне опасной. Их ни на минуту не покидала мысль о нанесении сокрушительного удара по Советской республике, чтобы парализовать ее революционизирующее влияние на пролетариат Германии и улучшить

---

[132] *Э. Хауз.* Архив полковника Хауза, т. III, стр. 195.
[133] Там же.

свое военное и экономическое положение. Но сил для борьбы на два фронта явно не хватало. Германия не хотела втягиваться в длительную кампанию на Востоке, ибо это позволило бы ее противникам накопить силы для перехода в наступление на Западе. Поэтому германские империалисты выбрали другой путь борьбы с Советской страной: они надеялись быстро заключить с ней мир, перебросить значительную часть войск на Запад для победы над США, Англией и Францией, а тем временем на Востоке подготавливать условия для свержения Советской власти. Таким образом, для германских империалистов заключение мира было средством борьбы с Советской властью и с революцией внутри своей страны.

Среди германских империалистов существовали разногласия лишь по вопросу о том, как навязать Советской России угодный им мир. Одна группа, главным образом военщина, настаивала на том, что мира надо добиться силой: не ввязываясь в длительную кампанию, нанести сокрушительный удар по русским армиям, захватить Петроград, свергнуть Советскую власть и навязать новому правительству откровенно грабительские условия. Другая группа, представлявшая интересы тех крупных промышленников, которые ранее вели торговлю с Россией или имели в ней свои капиталовложения, также выступала за империалистический мир, но старалась прикрыть его агрессивный характер, придав ему видимость «мира по соглашению». Во всяком случае обе группы настаивали на скором заключении мира в целях ослабления быстро назревавшего революционного движения у себя в стране.

В результате ответ германской стороны на предложение о перемирии последовал с неслыханной быстротой: утром 13 ноября советские предложения были официально вручены представителям немецкого командования, а уже вечером было получено предварительное согласие. Верховное командование германских войск соглашалось вести переговоры на принципах, которые были предложены советскими парламентерами. Несколькими часами позже последовал официальный ответ германского командования.

Вслед за Германией поступило согласие австро-венгерского правительства, сообщившего, что русские условия мира создают «подходящую основу» для ведения мирных переговоров [134].

В ночь на 14 ноября состоялись краткие предварительные переговоры, в ходе которых было согласовано, что переговоры правительственных делегаций о заключении перемирия начнутся через 5 дней — 19 ноября 1917 г. [135]

Предложение отложить начало переговоров на 5 дней исходило от Советского правительства, которое стремилось привлечь к переговорам и союзников России. С этой целью 15 ноября было опубликовано специальное обращение Советского правительства к правительствам и народам воюющих стран [136]. Однако оно осталось без ответа. Та же судьба постигла и официальное обращение Народного комиссариата иностранных дел к союзным дипломатическим представительствам [137]. В этих условиях Советское правительство решило приступить к переговорам с немцами в на-

---

[134] «Известия», 18 ноября 1917 г.
[135] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 26—27.
[136] Там же, стр. 28—30.
[137] Там же, стр. 31—32.

меченный срок, надеясь, что, быть может, союзники России в ходе переговоров еще пересмотрят свою позицию.

В. И. Ленин лично контролировал ход подготовки к переговорам. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве его записка генералу С. И. Одинцову от 15 ноября. В ней В. И. Ленин просит Одинцова созвать утром 16 ноября комиссию штабных офицеров и генералов для разработки военно-технических вопросов перемирия с Германией, а к вечеру прислать ему хотя бы краткий конспект основных пунктов предполагаемого договора о перемирии и указать лиц, которые могли бы с полным знанием дела участвовать в переговорах с противником [138].

Переговоры о заключении перемирия начались в Брест-Литовске 20 ноября 1917 г. С советской стороны их вела представительная делегация, сформированная из членов и кандидатов ВЦИК второго созыва. В нее от фракции большевиков входили солдат Н. К. Беляков, рабочий Н. А. Обухов, матрос Ф. В. Олич, а также А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, Л. М. Карахан (секретарь делегации) и Г. Я. Сокольников. Левоэсеровская фракция была представлена А. А. Биценко и С. Д. Мстиславским. Крестьянская часть ВЦИК послала в состав делегации беспартийного Р. Н. Сташкова. Кроме того, в делегацию входили 9 военных консультантов, старшим из которых являлся контрадмирал В. М. Альтфатер [139].

Делегации Германии и ее союзников состояли исключительно из военных, что должно было подчеркнуть чисто военно-технический характер переговоров. Фактическим главой делегации был германский генерал Макс Гофман, начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом.

Первый этап переговоров продолжался всего три дня — до 22 ноября, причем в течение всех этих дней дипломатическая инициатива находилась в руках советской делегации.

Уже на первом заседании советские представители предложили принять декларацию о принципах мира, в интересах которого предлагалось перемирие. Однако делегаты австро-германского блока ответили, что это дело политиков, между тем как они — люди военные, уполномочены говорить только о военных условиях перемирия и поэтому ничего не могут добавить к заявлениям своих министров иностранных дел [140]. Было отклонено и другое предложение советской делегации — обратиться к «государствам, на конференции не представленным», с предложением принять участие в переговорах [141].

У немцев давно были заготовлены условия перемирия, но они не рискнули предъявить их сразу: не хотели преждевременно раскрыть свои агрессивные замыслы. На втором заседании, 21 ноября, свои условия перемирия огласила советская делегация. Они сводились к следующему: перемирие заключается на 6 месяцев; военные действия приостанавливаются на всех фронтах; немцы очищают Моонзундские острова и Ригу; запрещаются любые переброски немецких войск на Западный фронт [142].

Эти условия свидетельствовали о том, что Советская власть защищает интересы трудящихся России, интересы трудящихся всего мира и что

---

[138] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 6—7.
[139] *Д. В. Однобишин.* От Бреста до Юрьева, стр. 44; *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 33.
[140] «Документы внешней политики СССР, т. 1, стр. 39.
[141] Там же.
[142] «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 68.

главной ее задачей является заключение всеобщего мира. Требование очищения Моонзундских островов, занятых немцами из-за предательства контрреволюционного командования, диктовалось тем, что нельзя было оставлять в руках Германии плацдарм для наступления на революционный Петроград.

Демаркационную линию на Балтийском море тоже предлагалось установить с таким расчетом, чтобы лишить немецкий флот возможности легко высадить десант на советском побережье.

Требование длительного перемирия означало, что Советское правительство добивается срока, достаточного для привлечения к мирным переговорам всех стран.

Наконец, одно из главных условий перемирия — не перебрасывать германские и австро-венгерские войска с Восточного фронта на Западный — еще раз показывало трудящимся всего мира, что Советская власть борется за всеобщий мир, что она отстаивает интересы всех народов и не хочет содействовать одной империалистической группировке в борьбе против другой.

Текст советских условий читался по-русски. Но большинство представителей стран Четверного союза знали русский язык и поняли смысл предложений. Это было видно по их нервозному поведению еще до того, как переводчики приступили к работе. Генерал Гофман еле сдерживался, но все же дождался, пока закончился перевод. Затем в наступившей тишине он запальчиво выразил свое удивление по поводу содержания советских предложений. «Генерал Гофман,— записано в протоколе,— выражает прежде всего, с точки зрения верховного командования, свое удивление, что со стороны русской делегации предлагаются условия, как будто Германия и ее союзники были бы побеждены» [143].

Казалось, судьба переговоров висит на волоске. Но немцы остро нуждались в перемирии. Гофман, с большим трудом удержавшийся от дальнейших резкостей, не отверг советского проекта в целом, а перешел к обсуждению отдельных пунктов (заставить противника обсуждать свои условия — одно это уже было несомненным успехом советской делегации).

Прежде всего Гофман высказался против предложений о длительности перемирия. Напомнив, что русская делегация неоднократно выражала желание перейти от перемирия непосредственно к переговорам о всеобщем мире, и указав, что это будто бы соответствует и желаниям Германии, Гофман настаивал на более коротком сроке перемирия.

Он считал недостаточным трех суток для предупреждения о возобновлении военных действий и требовал в случае разрыва переговоров и возобновления боевых действий предупредить противника об этом по крайней мере за семь дней (впоследствии немцы нарушили свое же собственное условие, предупредив о начале боевых операций лишь за два дня).

Далее Гофман категорически заявил, что считает неприемлемым пункт об очищении Моонзундских островов. Он предложил считать демаркационной линией на суше передовые заграждения обеих сторон, а на Балтийском море — 15° восточной долготы по Гринвичу.

Особенно резкие возражения у немцев вызвал пункт о запрещении переброски войск с Восточного фронта на Западный. Гофман объявил это условие неприемлемым, потому что в отличие от России Германия сра-

---

[143] *С. Д. Мстиславский.* Брестские переговоры. СПб., 1918, стр. 76.

жалась на двух фронтах и в течение всей войны практиковала переброску войск на отдых с более активного на менее активные фронты. Гофман доказывал, что и России невыгоден этот пункт: ей ведь понадобится в будущем передвигать войска в тыл (Гофман намекал на гражданскую войну внутри страны). Генерал даже пытался апеллировать к интересам солдатских масс. Запрещение переброски войск, убеждал он, вынудит как немецких, так и русских солдат провести еще одну зиму в окопах.

После перерыва в заседании делегаты германского блока представили следующее контрпредложение: «Центральные державы, Болгария и Турция, обязуются не усиливать своих войск против России во время перемирия и не предпринимать никаких переброс войск, имеющих своей целью подготовку наступления на русском фронте между Черным и Балтийским морями, а также на русско-турецком фронте в Азии. Точно так же и Россия обязуется во время перемирия не предпринимать никаких войсковых передвижений, которые могли бы облегчить нападение на армии четырех союзных держав. Стороны, заключающие договор, сохраняют за собой полную свободу действий в вопросе освобождения и расквартирования войсковых частей» [144].

Это контрпредложение предоставляло Германии полную возможность перебрасывать войска на Запад в любом количестве и в любое время. Советская делегация отказалась принять такое условие, предложив отложить окончательную редакцию спорного пункта до согласования других условий.

Советская делегация сообщила о возникших разногласиях в Петроград. В ответ председатель Совнаркома В. И. Ленин предложил воздержаться от подписания перемирия, в вопросе о перебросках войск не уступать и прервать переговоры на неделю. «Когда немцы,— говорил В. И. Ленин на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября 1917 г.,— на наши требования не перебрасывать войска на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя» [145].

22 ноября советская делегация выехала в Петроград. В Бресте осталась лишь небольшая группа военных экспертов.

На время перерыва в заседаниях боевые действия прекращались, причем было согласовано, что обе стороны могут возобновить их не иначе, как предупредив об этом за три дня.

Перед отъездом советская делегация подтвердила, что она настаивает на запрещении переброс войск. Кроме того, она предложила разрешить «в целях развития и укрепления дружественных отношений между народами договаривающихся сторон» «организованные сношения между войсками» [146]. Это предложение об организованном братании войск вызвало, однако, резкие протесты со стороны делегаций противника.

Советское правительство ставило в известность о ходе переговоров весь мир. В специальном правительственном заявлении от 22 ноября оно сообщило о своих условиях перемирия, о начале переговоров и об отказе «союзных» правительств принять в них участие. «Союзные народы должны знать,— отмечалось в сообщении,— что переговоры начались и что они

---

[144] «Протоколы ВЦИК 2-го созыва». М., 1918, стр. 97—98.
[145] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 117.
[146] «Протоколы ВЦИК 2-го созыва», стр. 103.

будут продолжаться независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и тех воюющих народов, дипломатия которых сейчас остается в стороне от переговоров» [147]. Советское правительство предлагало народам всех стран, их парламентам и в первую очередь социалистическим партиям ответить на вопрос, совместима ли такая линия союзной дипломатии с интересами народов.

«Отстаивая в переговорах интересы союзных народов,— говорилось в сообщении Советского правительства,— русское правительство одним из главных условий перемирия поставило непереброску армий с Восточного фронта на Западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в какой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру» [148].

24 ноября после возвращения советской делегации состоялось объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета, заслушавшее отчет о ходе переговоров. На следующих двух пленарных заседаниях (25 и 27 ноября) состоялось обсуждение отчета и по нему был принят ряд резолюций. Одобрив действия делегации, ВЦИК уполномочил ее принять все меры для осуществления скорейшего перемирия. ВЦИК выработал специальный «Наказ» для делегации в Брест-Литовске. Кроме того, пленум поддержал предложенное большевиками Воззвание к народам мира, одобряющее мирную политику Советского правительства и предлагающее им требовать от своих правительств принять участие в мирных переговорах [149].

Вместе с тем по инициативе В. И. Ленина решено было продолжить обсуждение военных условий перемирия. В связи с этим В. И. Ленин вызвал на 26 ноября в Смольный военных консультантов для составления проекта договора о перемирии [150]. 27 ноября состоялось заседание Совнаркома, на котором утверждались полномочия мирной делегации и рассматривался вопрос об инструкции для нее. Постановили, что в случае подписания перемирия советская делегация получит право немедленно приступить к переговорам о мире [151]. В решении заседания указывалось: «Инструкция о переговорах — на основе Декрета о мире» [152]. На основании этого решения В. И. Лениным и был написан набросок инструкции советским делегатам, известный под названием «Конспект программы переговоров о мире» [153].

Тем временем из Брест-Литовска прибыло сообщение, что делегации Четверного союза, хотя и с оговоркой, согласились принять советскую формулировку пункта о непереброске войск с Восточного фронта на Западный. «Договаривающиеся стороны,— говорилось в согласованном тексте,— обязуются до 30 декабря 1918 г. не производить никаких опера-

---

147 «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 40.
148 Там же.
149 *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 269—270, 314—316.
150 «Декреты Советской власти», т. I, стр. 547.
151 «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 45.
152 *Д. В.Ознобишин.* От Бреста до Юрьева, стр. 47.
153 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 121—122.

тивных войсковых переброс с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты» [154].

Советская дипломатия вторично добилась успеха: Германия в одном из главных вопросов мирных переговоров вынуждена была пойти на уступки.

Прошла неделя, а страны Антанты так и не изъявили желания принять участие в переговорах. В этих условиях Советское правительство решило пойти на заключение сепаратного перемирия, оставляя за союзниками возможность присоединиться к нему позже. «Перемирие получает в настоящее время сепаратный характер,— говорилось в сообщении Народного комиссариата иностранных дел о выезде советской делегации после недельного перерыва в Брест-Литовск,— так как с нашей стороны оно заключается только армиями России и Румынии. Ответственность за сепаратный характер перемирия падает целиком на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира, которые продолжают скрывать от своих и чужих народов те цели, во имя которых должна продолжаться война» [155].

Сообщая, что Советское правительство будет и дальше добиваться всеобщего демократического мира, Наркоминдел призвал рабочих союзных государств обеспечить «участие в мирных переговорах действительных уполномоченных народами представителей Франции, Италии, Великобритании и всех остальных союзных стран», а пролетариат Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции — обеспечить «действительное, а не словесное только признание начал демократического мира представителями этих стран» [156].

В сообщении подчеркивалось, что настоящий демократический мир может быть осуществлен при условии решительной и мужественной борьбы рабочих всех стран против своих империалистов.

«Сепаратное перемирие не есть еще сепаратный мир,— говорилось в обращении.— Но оно означает опасность сепаратного мира. Предупредить эту опасность могут только сами народы» [157].

Вечером 27 ноября советская делегация выехала в Брест-Литовск, а 30 ноября переговоры возобновились. На этот раз они оказались непродолжительными. Уже 2 декабря было заключено перемирие на 28 дней — с 14 час. 4 декабря 1917 г. до 14 час. 1 января 1918 г. Договаривающиеся стороны имели право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за семь дней до возобновления военных действий. Перемирие автоматически продлевалось, если ни одна из сторон не заявляла за семь дней о своем желании его прервать.

Спорный пункт о запрещении переброс войск был принят в следующей формулировке: «Договаривающиеся стороны обязуются до 1 января 1918 г. (14 января 1918 г.) не производить никаких оперативных воинских переброс с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты» [158]. Насколько настойчиво Советское правительство отстаивало

---

[154] «Протоколы ВЦИК 2-го созыва», стр. 108—109.
[155] «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 45.
[156] Там же, стр. 46.
[157] Там же.
[158] Там же, стр. 47.

интересы союзников, можно судить по тому, что в договоре о перемирии между русскими и турецкими войсками, действующими на кавказско-турецком театре войны, подписанном 5 декабря 1917 г., имелся следующий пункт: «С момента вступления настоящего договора в силу обе стороны взаимно обязуются не производить никаких оперативно-стратегических передвижений, перегруппировок и перевозок, выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии частями из резерва, *и особенно в целях переброски их на Месопотамо-Сирийский фронт*. Нарушение этого пункта должно знаменовать собой возобновление военных действий» [159]. Речь шла о запрещении переброски войск на английский фронт.

Согласно договору, в двух или трех пунктах каждой русской дивизии допускались в дневные часы встречи воинских чинов не более 25 человек с каждой стороны. Людям, участвовавшим в этих встречах, разрешалось обмениваться газетами, журналами, открытыми письмами, а также предоставлялось право торговли и обмена предметами первой необходимости.

В договоре о перемирии отмечалось, что обе стороны непосредственно после его подписания приступают к мирным переговорам.

Один из пунктов договора гласил: «Исходя из принципов свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии, русское и турецкое верховные командования выражают готовность вывести свои войска из Персии» [160].

В добавлении к договору о перемирии предусматривалось в целях облегчения ведения мирных переговоров принимать меры к восстановлению культурных и хозяйственных сношений, облегчению почтовых и торговых сношений, пересылке книг, газет и пр.

Русско-турецкий договор исходил из общего соглашения о перемирии, но срок действия его был иным — с 1 часа 5 декабря «до заключения окончательного мира», а нарушение договора допускалось «лишь с предупреждением за четырнадцать (14) суток до начала боевых действий» [161].

Так закончился первый этап борьбы Советской власти за всеобщий мир.

* * *

Перемирие на фронте еще не означало мира, но являлось серьезным практическим шагом к нему. В течение своего существования Временное правительство всех составов обманывало народ обещаниями заключить мир. «Во имя мира» было предпринято июньское наступление, принесшее народу новые страдания и жертвы, но так и не приблизившее страну к заключению мира. А Советская власть, преодолев сопротивление внутренних и внешних врагов, всего за месяц с небольшим добилась перемирия.

Борьба Советского правительства за всеобщий мир разоблачила клевету империалистов, будто большевики стремятся к заключению сепаратного мира. Трудящиеся всех воюющих стран убеждались, что Советская власть отстаивала интересы своего народа и одновременно боролась и за их интересы.

---

[159] Там же, стр. 54 (курсив наш.— *И. М.*).
[160] Там же, стр. 51.
[161] Там же, стр. 53.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ФРОНТЕ

Успешная борьба Советской власти за мир в огромной степени ускорила переход армии на сторону революции.

Победа революции на фронте означала завершение создания и укрепление союза пролетариата и беднейшего крестьянства, ибо в армии находились и рабочие, и самая активная и передовая часть крестьянства, составлявшего огромное большинство солдат. С первых же дней Октябрьской революции борьба за солдатские массы, непрестанно нараставшая в течение всего 1917 г., приняла характер ожесточенной классовой войны: силы революции возглавлялись большевиками, в лагере контрреволюции объединились русская и национальная буржуазия, помещики, представлявший их интересы командный состав и лидеры мелкобуржуазных партий.

В силу классового состава армии, огромное большинство которой составляли крестьяне и рабочие, главная политическая партия контрреволюции — кадеты не имела здесь серьезной опоры. О ее слабом влиянии на солдатские массы свидетельствует тот факт, что при выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. кадеты едва набрали на фронте около 50 тыс. голосов — и это в многомиллионной армии [1]. Поэтому здесь на первую линию огня в борьбе против Советской власти выдвинулись, даже более откровенно, чем в тылу, соглашательские партии, поддержанные всеми другими участниками лагеря контрреволюции.

25 октября фронтовая группа старого ЦИК Советов обратилась к населению Петрограда с воззванием, в котором якобы от имени всей армии выступила против восстания, называя его ударом в спину армии. Председатель Общеармейского комитета при Ставке штабс-капитан С. В. Перекрестов в совместной с генералом Духониным телеграмме требовал «немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти» и «безусловного подчинения» Временному правительству, угрожая, что «действующая армия силой поддержит это требование» [2].

---

[1] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 9.

[2] «Октябрьский переворот». Факты и документы. Пг., 1918, стр. 360.

Общеармейский комитет был поддержан рядом фронтовых и армейских комитетов, в которых преобладали эсеры и меньшевики. В силу этого важной задачей революции на фронте стала борьба против верхушечных соглашательских комитетов, за которыми стоял лагерь контрреволюции.

От результатов борьбы на фронте в значительной степени зависел конечный исход восстания в Петрограде и Москве и успех социалистической революции во всей стране.

Понимая это, Петроградский Военно-революционный комитет и II Всероссийский съезд Советов во всех своих призывах и обращениях к народу с первых же часов вооруженного восстания обращались как к тылу, так и к фронту. Уже в первом обращении Петроградского ВРК «К тылу и фронту» (25 октября 1917 г.) говорилось:

«В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие рабочие и солдаты победили безо всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться на провокации, а поддерживать Петроградский Совет и новую, революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание. Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [3].

В тот же день, 25 октября, Петроградский ВРК направил телеграммы всем фронтовым и армейским комитетам, в которых призывал их бдительно следить за поведением комсостава, арестовывать контрреволюционно настроенных офицеров, разъяснять солдатам характер и значение революции [4].

Петроградский ВРК осуществлял непосредственное руководство развитием революции на фронте как посредством прямой радио- и телеграфно-телефонной связи, так и путем посылки на фронт своих комиссаров, эмиссаров и агитаторов.

В течение нескольких недель после 25 октября 1917 г. на фронт было послано 30 комиссаров и 24 эмиссара Военно-революционного комитета, в том числе:

а) на Северный фронт: в 1-ю армию — 2 комиссара, в 12-ю армию — 2 комиссара; по одному — в 42-й армейский и в 3-й кавалерийский корпуса, в 511-й пехотный полк, в авточасти и школу прапорщиков фронта;

б) на Западный фронт: в штаб фронта, в Военно-революционный комитет, в 10-ю и в 3-ю армии (2 комиссара и 2 эмиссара);

в) на Юго-Западный фронт: в 7-ю армию — 3 комиссара и эмиссар, в 11-ю армию — 2 комиссара и, кроме того, комиссар в 126-ю пехотную дивизию Особой армии и три эмиссара в невыясненные части фронта;

г) на Румынский фронт: помимо комиссара фронта (С. Г. Рошаля), был назначен комиссар в 4-ю армию [5].

Кроме того, с 25 октября по 25 ноября 1917 г. агитационная комиссия Петроградского ВРК направила в район фронта и в прифронтовые губернии 298 агитаторов (из общего числа 643), в том числе: в район Северного фронта — 189 человек, Западного фронта — 83, Юго-Западного —

---

[3] «Рабочий и солдат», 25 октября 1917 г.

[4] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1. М., 1966, стр. 107—108.

[5] Подсчитано нами на основании данных, приведенных в сборнике «Установление Советской власти на местах» (вып. 1. М., 1953, стр. 163—165).

22, Румынского — 2 и Кавказского — 2[6]. Большинство этих посланцев пролетарского Питера остались на фронте и активно участвовали в развитии социалистической революции. Таким образом, попытки командования и соглашательских комитетов отрезать армии фронта от начавшейся в тылу революции, от воздействия решений II Всероссийского съезда Советов окончились неудачей.

Напомним, что лидеры соглашательского ЦИК старого состава долгое время вообще отказывались созвать II съезд Советов. Фронтовая группа ЦИК, правда, незначительным большинством (16 за, 9 против, 6 воздержавшихся) вынесла решение не принимать участия в съезде. Армейские комитеты почти всех армий (кроме 5-й и 12-й) также высказались против созыва II съезда Советов. Соглашательские комитеты сначала вообще пытались скрыть от солдат сообщение о созыве съезда.

Но когда лидеры соглашательских партий убедились, что II съезд Советов вопреки их сопротивлению соберется, они спешно перенесли срок его созыва с 20 на 25 октября и призвали все соглашательские Советы и армейские комитеты послать своих делегатов, чтобы добиться большинства на съезде.

В соответствии с этим соглашательские армейские комитеты круто изменили свою линию и стали спешно направлять своих представителей в Петроград на съезд Советов.

По нормам представительства, утвержденным Бюро ЦИК, армии фронта должны были направить одного делегата от 25 тыс. избирателей[7].

Фактически действующая армия направила туда около 200 делегатов, среди которых было 65 большевиков, 20 левых эсеров и 55 правых эсеров и меньшевиков. Уже эти цифры ясно показывают, что число сторонников перехода власти к Советам (большевиков и левых эсеров) намного превышало число противников Октября. Главная масса большевистских делегатов прибыла на съезд от моряков Балтийского фронта, от солдат 42-го корпуса, стоявшего в Финляндии, от войск 5-й армии, от левого блока 12-й армии, от 2-й армии Западного фронта и гвардейских частей Юго-Западного фронта. Несколько десятков солдат-большевиков представляли гарнизоны тыла[8].

В острой борьбе, развернувшейся на съезде, представители верхушечных эсеро-меньшевистских комитетов (Г. Д. Кучин, Я. А. Хараш) вначале пытались выступать от имени всей армии. Однако тут же они получили решительную отповедь от представителей солдатской массы. Делегат латышских стрелков К. Петерсон, поддержанный другими делегатами фронта, заявил на съезде, что они не представляют солдат: «Пусть они уходят, армия не с ними»[9].

И, осознав свое поражение, кучины и хараши ушли со съезда вместе с кучкой эсеров и меньшевиков, а революционная армия в лице своих лучших представителей осталась с большевиками, чтобы довести революцию до конца. Предвидение В. И. Ленина, что солдатская масса всей

---

[6] «Установление Советской власти на местах», вып. 1, стр. 158.
[7] «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 4 октября 1917 г.
[8] *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция. Март 1917 — апрель 1918 г. М., 1967, стр. 230.
[9] Там же; см. также: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». М.— Л., 1928, стр. 38.

своей силой поддержит правительство мира [10], подтвердилось с необычайной точностью.

Фронтовые делегаты II съезда Советов приняли активное участие в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Делегаты-большевики, вернувшись по окончании съезда на места, сыграли активную роль в пропаганде декретов II съезда Советов и в развитии революции на фронте.

Соглашательские комитеты в армии, большей частью давно не переизбиравшиеся, тешили себя иллюзией, что они все еще остаются «владыками дум» солдатских масс; между тем настроение солдат изменилось — они резко разошлись с комитетами. Это и сказалось в провале попыток соглашателей организовать «заговор молчания» вокруг II съезда Советов.

Такой же провал потерпели соглашатели в своих попытках скрыть правду о победе революции в Петрограде, Москве и других местах страны. В век радио, телеграфа, массовой печати и других средств связи и информации это было невозможно. Как ни пыталась Ставка и штабы фронтов скрыть от солдат правду о событиях в Петрограде, добиться этого им не удалось. Так, главком Западного фронта генерал П. С. Балуев вынужден был признать: «Телеграммы Военно-революционного комитета скрыть от войск не могу» [11].

Как только на фронте стало известно о революции в Петрограде, в столицу хлынули солдатские делегации от различных частей и соединений. Лишь за месяц, с 29 октября по 28 ноября, Петроградский ВРК принял около 100 солдатских делегаций, в том числе 26 — с Северного фронта, 28 — с Западного, 23 — с Юго-Западного, 4 — с Румынского и 3 — с Кавказского [12]. Скудость информации, которой располагал фронт о событиях в революционном Петрограде, приводила к тому, что вначале многие делегации являлись в ВРК с документами, в которых предписывалось «выяснить положение в Петрограде и Москве», а ряд делегаций даже пытался выступить в качестве посредника между Советами и Керенским. Так, с целью «примирить стороны» явилась в ВРК делегация соглашательского комитета Северного фронта [13]. Однако довольно скоро серия «выясняющих» и «примиряющих» делегаций сменилась бурным потоком солдатских делегаций, решительно заявлявших о поддержке Советского правительства и его программы мира. В защиту власти Советов высказывались солдаты всех фронтов и многих тыловых прифронтовых гарнизонов.

Так были сорваны старания командования и верхушечных соглашательских комитетов замолчать революцию и тем остановить ее дальнейшее развитие.

Провалились и расчеты контрреволюционеров двинуть войска в помощь мятежникам на Петроград и Москву. Ставка пыталась сколотить из более «надежных» фронтовых частей сильные соединения для удушения восстания в столицах. Министры бывшего временного правительства, Петроградский «Комитет спасения», Московский «Комитет общественной безопасности» и штаб Московского военного округа буквально засыпали Ставку и штабы фронтов телеграммами с требованием помощи.

---

[10] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 326, 382 и др.
[11] «Архив русской революции», т. VII. Берлин, 1922, стр. 305.
[12] Подсчитано нами на основании документов, опубликованных в сборнике «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1—3. М., 1966—1967.
[13] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 424.

26 октября генерал Н. Н. Духонин телеграфировал всем командующим фронтами: «Ставка, комиссарверх и общеармейский комитет разделяют точку зрения правительства и решили всемерно удерживать армию от влияния восставших элементов, оказывая в то же время полную поддержку правительству»[14]. Это была первая после победы восстания в Петрограде боевая схватка на фронте между силами революции и контрреволюции. Кто кого? Сумеет ли контрреволюция сломить волю солдат к сопротивлению и послать военные силы на подавление революции или солдаты устоят и сломают волю командования, не выступят в роли карателей?

Мы уже писали о лихорадочной деятельности Ставки по посылке помощи Керенскому — Краснову под Петроград и Рябцеву в Москву и подсчитали, какое количество войск получило приказы немедленно грузиться для отправки[15]. Все силы контрреволюции на фронте сплотились, чтобы двинуть войска: Ставка, командование армий, соглашательские комитеты всех рангов. Но расчеты контрреволюционеров оказались битыми. В своей радиограмме армейским комитетам и Советам солдатских депутатов от 25 октября Петроградский ВРК призвал все революционные организации фронта установить контроль над продвижением воинских частей, «действовать словом и убеждением, а где не помогает — препятствовать отправке (контрреволюционных частей) беспощадным применением силы»[16].

Большевики фронта подняли солдатские массы на борьбу за власть Советов, сумели превратить фронт в мощный резерв пролетарской революции. Большевики проявили в этой борьбе ясное понимание интересов трудящихся, выдающуюся энергию, смелость, умение вести массы за собой. О масштабах партийной работы в армии в тот момент говорят следующие цифры: в ноябре — декабре состоялось 3 фронтовых, 6 армейских, много корпусных и дивизионных конференций большевистских военных организаций; за это же время большевики приняли участие в 7 фронтовых (областных), 2 флотских, 18 армейских и многих корпусных и дивизионных солдатских съездах, добиваясь сплочения фронтовиков вокруг лозунгов Октябрьской революции[17]. Фронтовые и армейские военно-революционные комитеты Северного и Западного фронтов, а также Военно-революционные комитеты, созданные в важнейших прифронтовых гарнизонах и на железнодорожных станциях, оказали большую помощь пролетариату Петрограда, отражавшему попытки Керенского — Краснова пробиться к Питеру и пролетариату Москвы, подавлявшему антисоветский мятеж.

Над важнейшими железнодорожными станциями: Псковом, Полоцком, Великими Луками, Витебском, Оршей, Жлобином, Гомелем и другими был установлен революционный контроль. Почти все эшелоны, которые Ставка пыталась продвинуть к Петрограду и Москве, были задержаны, а солдаты и казаки в значительной части были распропагандированы и перешли на сторону Советской власти.

Так, когда Ставка и штаб Северного фронта попытались бросить на помощь Керенскому 49-й армейский корпус, а также 13-й и 15-й Донские казачьи полки, они довольно быстро убедились в невозможности сдвинуть

---

[14] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1947, стр. 439.
[15] См. стр. 115—130 настоящего тома.
[16] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 108.
[17] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1. М., 1965, стр. 385.

войска с места. Уже через день штаб Северного фронта сообщал в Ставку: «Никак не можем двинуть 13-й и 15-й Донские казачьи полки, застрявшие в Ревеле» [18]. Все объяснялось довольно просто: корабли ревельской базы и крепостная артиллерия, находившиеся над контролем ВРК Эстонского края, взяли казачьи части на прицел. А 49-й корпус, размещавшийся в районе Раквере, оказался отрезанным от Петрограда в результате того, что станции Нарва и Тапа были захвачены революционными войсками. Десятки большевистских агитаторов, брошенных в корпус Нарвским ВРК, быстро нейтрализовали его [19]. Выборгский ВРК не допустил отправки 5-й Кавказской казачьей дивизии. Более того, казаки заявили о готовности направить в распоряжение Петроградского ВРК свою артиллерию [20]. ВРК 12-й армии задержал 17-ю кавалерийскую дивизию [21]. Так же решительно действовали и большевики 5-й армии, ВРК которой задержал 3 казачьих полка и 16 броневиков, направленных на Петроград [22]. В то же время в распоряжение Петроградского и Московского военно-революционных комитетов пришла значительная помощь с фронта, о чем мы уже говорили.

По сути дела это было первое серьезное поражение, которое потерпела фронтовая контрреволюция. Оно свидетельствовало об обреченности контрреволюции. Тем не менее ослепленная ненавистью контрреволюция неистово продолжала борьбу за армию.

Первое поражение Ставки и соглашательских комитетов широко распахнуло двери революции на фронт. Ход ее на разных участках зависел, во-первых, от близости фронтов к центрам революции, от влияния Петрограда и Москвы, откуда шли не только революционные идеи, но и агитаторы, организаторы; во-вторых, ход революции на фронте был тесно связан с событиями в прифронтовых районах, с большей или меньшей активностью местных большевистских организаций; в-третьих, очень большую роль в развитии революции имело национальное движение, наличие национальных формирований. Одни из них (латышские полки и эстонские солдаты) сразу приняли участие в революции; в других (украинизированных) частях тот же процесс революционизирования шел несколько медленнее. Центральной раде удалось использовать некоторые части в своих целях. По-иному сложилось положение в Польском корпусе, где генерал И. Р. Довбор-Мусницкий успел поднять против Советской власти ряд полков; в-четвертых, серьезное влияние на события имели иностранные империалисты и иностранные войска, например румынские части на Румынском фронте; в-пятых, успешность революции на фронте во многом, если не в решающей степени, зависела от численности и деятельности военных большевистских организаций, от опыта, смелости и инициативы их руководителей.

Уже одно это перечисление условий, а к ним необходимо добавить и активность противника, его силы и опыт, который был неодинаков в разных армиях и соединениях, требует рассмотрения революционных собы-

---

[18] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 167—168.
[19] *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция, стр. 251.
[20] *М. Х. Киуру.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Петрозаводск, 1965, стр. 180.
[21] «Правда», 5 ноября 1917 г.
[22] «Красный архив», 1937, т. 5 (84), стр. 179.

тий по отдельным фронтам и армиям с привлечением в нужных случаях данных по корпусам и дивизиям.

События развивались по-разному на различных фронтах. На Северном и Западном фронтах, где большевики сумели добиться решающего перевеса сил еще накануне Октября, пролетарская революция завершилась в течение первых же двух-трех недель и произошла почти бескровно.

Сложнее обстояло дело на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах, которые были отдалены от революционных столиц, где было еще сильно влияние меньшевиков и эсеров и где большевикам предстояло завоевать солдатские массы в ходе самой революции. Следует учесть и тот факт, что здесь контрреволюционное командование выступало в союзе с национальной буржуазией окраин и контрреволюционными организациями мелкобуржуазных националистических партий: Украинской Центральной радой, Закавказским комиссариатом и др. Быстрая победа революции в столицах и на наиболее близких к столицам фронтах — Северном и Западном — создали благоприятные предпосылки для завершения процесса большевизации солдатских масс и этих трех фронтов и для успешного развития и победы здесь социалистической революции. К середине декабря победила революция на Юго-Западном фронте. Попытка Центральной рады создать из Юго-Западного и Румынского фронтов Украинский фронт и продолжать войну в интересах западного империализма провалилась, а Центральная рада окончательно разоблачила себя как орудие империалистической контрреволюции.

На Румынском и Кавказском фронтах развитию революции препятствовало яростное сопротивление командования, использовавшего против солдат румынские и национальные части. Здесь переворот затянулся до конца года. Главными задачами большевиков этих фронтов в условиях сепаратистской деятельности Центральной рады и меньшевиков Закавказья стали недопущение разоружения и разгрома революционных частей и организация отвода их в тыл для соединения революции на фронте с пролетарской революцией в тылу.

Органами проведения революции на фронте были Военно-революционные комитеты. Второй Всероссийский съезд Советов принял 26 октября специальное постановление: «всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возлагается ответственность за сохранение революционного порядка и твердость фронта». Вся власть на фронте была передана революционным комитетам, которые стали называться Военно-революционными (ВРК). В постановлении второго съезда говорилось: «Главнокомандующие обязаны подчиняться распоряжениям комитетов» [22а]. Создание ВРК на фронте шло неравномерно. Некоторые из них организовались до Октябрьской революции, но подавляющее большинство было создано после вооруженного восстания в Петрограде. Особенно успешной деятельность ВРК была там, где они составлялись из представителей армии и местных большевистских организаций. Например, в ВРК 12-й ар-

---

[22а] «Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г.— март 1918 г.», стр. 30. В обширной литературе о революции на фронте (впрочем, как правило, освещающей отдельные фронты) есть много данных о Военных революционных комитетах, но не было сводной, обобщающей работы, что затрудняло анализ событий в действующей армии. Только в 1977 г. появилась первая — и притом удачная — книга о ВРК действующей армии. Надо надеяться, что поиски новых данных о ВРК в армии будут продолжены.

мии входили представители ЦК социал-демократии Латвии и местных Советов; в ВРК 5-й армии были представители большевиков Двинского Совета рабочих депутатов; в ВРК Западного фронта входили большевики минской и других большевистских организаций. Образование ВРК зависело и от состояния большевистских организаций в армейских частях. Особенности организации ВРК более подробно могут быть выявлены при изучении года революции по фронтам и армиям.

1

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

Положение на Северном фронте имело особое значение для закрепления успеха вооруженного восстания в Петрограде. Между тем оно было довольно сложным. Массовые репрессии, обрушившиеся на партию большевиков после июльских дней, паровым катком прошлись по ее военным организациям на Северном фронте. Сотни видных большевиков были арестованы и брошены в казематы Двинской крепости и камеры военных тюрем, тысячи сочувствовавших большевикам солдат были изъяты из своих частей. Новый удар по Военной организации большевиков 12-й армии нанесли августовские бои под Ригой, когда преданные по сути дела своим командованием революционные солдаты пытались отстоять город. Потеря Риги привела к новому ослаблению того руководящего коллектива, который вел большевистскую работу в частях армии. Группа членов ЦК Социал-демократии Латышского края осталась в оккупированной кайзеровскими войсками Риге для подпольной работы, другая часть была вынуждена эвакуироваться в тыл. На некоторое время было приостановлено издание большевистской газеты «Окопный набат» — преемницы «Окопной правды».

После разгрома корниловщины начался быстрый рост большевистских организаций. В мощную политическую силу превратилась, в частности, Военная организация большевиков 12-й армии; в ее составе было около 50 первичных организаций, работавших непосредственно в воинских частях [23]. А всего на Северном фронте действовало свыше 13 тыс. большевиков (в том числе 9 тыс. в 42-м корпусе, дислоцированном в Финляндии и в Балтийском флоте; 2 тыс. в 5-й армии и 2 тыс. в 12-й и 1-й армиях). О росте влияния большевиков на солдатскую массу ясно говорит тот факт, что резолюция левого блока на сессии исполнительного комитета Совета солдатских депутатов (Искосола) 12-й армии, проходившей в начале октября, собрала почти треть голосов, т. е. значительно больше, чем на предыдущей сессии. Большим успехом левого блока было принятое на этой же сессии решение о созыве 27 октября V съезда Советов 12-й армии и переизбрания Искосола [24].

---

[23] *Я. Каймин.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918. Рига, 1961, стр. 288.

[24] Там же, стр. 290.

Для последующего развития событий важное значение имело создание еще 18 октября ВРК района 12-й армии [25]. В него вошли представитель ЦК СДЛК Я. Круминь (Пилат), представитель исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколата) К. А. Гайлис, представитель Военной организации большевиков 12-й армии А. Г. Васильев, представитель левого блока С. М. Нахимсон, представитель Совета рабочих депутатов армии Ф. Маркус, а также представители исполнительного комитета Объединенного совета латышских стрелковых полков (Исколастрела) и некоторых других организаций. ВРК объединил все революционные силы армии, установил связь с Петроградом, откуда получил конкретные указания, как действовать в случае восстания. В начале ВРК действовал нелегально, опираясь на Исколастрел и проводя свои постановления от его имени, и только после известия о начале революции в Петрограде он вышел из подполья.

В соответствии с указаниями ЦК РСДРП(б) была разработана программа действий ВРК, которую он должен был выполнять с началом вооруженного восстания. В первую очередь ВРК следовало парализовать деятельность контрреволюционного Искосола и штаба 12-й армии, занять все стратегически важные пункты и не допустить отправки контрреволюционных войск на Петроград. ВРК должен был далее установить Советскую власть в 12-й армии и ее районе, куда входили Северная Латвия и Южная Эстония [26].

В 5-й армии, второй по величине и значению на Северном фронте, центром подготовки восстания стал армейский комитет, в котором после 3-го армейского съезда (16—18 октября) самую сильную фракцию составляли большевики. Используя колебания меньшевиков-интернационалистов и «левизну» части эсеровской фракции, большевики повели армиском за собой [27]. Председателем его стал врач-большевик Э. М. Склянский.

Большевики Северного фронта, ближе всего расположенного к Петрограду, прежде других узнали о начале вооруженного восстания в столице. Уже 26 октября газета «Окопный набат» в специальном выпуске сообщила солдатам фронта о начале вооруженного восстания в Петрограде и опубликовала бюллетень Петроградского ВРК [28]. В последующих номерах газета подробно публиковала материалы II Всероссийского съезда Советов, освещала ход событий в Петрограде и Москве, напечатала полный текст декретов о мире и о земле, сообщала о развитии революции в стране и в армиях фронта [29]. Большевики фронта призывали солдат к активной поддержке рабоче-крестьянского правительства, к решительной борьбе за власть, за мир, за землю.

Командование и верхушечные армейские организации с преобладанием соглашателей стремились нейтрализовать основную массу солдат и двинуть отборные части на спасение власти буржуазии.

---

[25] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 989; *А. А. Дризул.* Великий Октябрь в Латвии. Рига, 1977, стр. 273—302.

[26] *Я. Каймин.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции, стр. 304.

[27] В составе комитета после выборов оказалось 28 большевиков, 23 эсера, 7 интернационалистов и 2 меньшевика-оборонца (*М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 236—237).

[28] «Окопный набат», 26 октября 1917 г. и добавление к этому номеру.

[29] Там же, 29—31 октября 1917 г.

Упорная борьба разгорелась в Пскове, где находилась ставка главнокомандующего Северным фронтом. Настроение солдат здесь было таково, что командующий генерал В. А. Черемисов, как уже говорилось, не советовал бежавшему в Псков Керенскому открыто показываться войскам.

26 октября состоялось совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов города с ротными и полковыми комитетами гарнизона. Соглашательское большинство собравшихся попыталось занять промежуточную позицию. Оно не признало власти Советов, но в то же время высказалось против посылки войск на Петроград. Меньшевики и эсеры, желая перехватить инициативу, спешно объявили о создании ВРК Северо-Западной области в составе комиссара фронта (меньшевик В. С. Войтинский) и представителей верхушечных фронтовых организаций. Однако этот фальсифицированный ВРК распался, не просуществовав и одного дня[30]. Наследником его стал созданный 27 октября по инициативе исполнявшего обязанности комиссара фронта меньшевика Д. В. Савицкого[31] контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». В состав последнего вошли представители Комитета объединенных организаций армии и тыла Северного фронта, штаба Двинского военного округа и Северного фронта, комитета 12-й армии, соглашательских фракций Советов Северо-Западной области, Пскова и губернии, Псковской думы и т. д.[32]

Между тем Петроградский ВРК по указанию ЦК РСДРП(б) направил в Псков своих представителей, которые, опираясь на местную большевистскую организацию и революционных рабочих и солдат города, добились быстрого перелома. Уже вечером 26 октября по инициативе Псковского комитета большевиков и большевистской фракции Псковского Совета был образован новый ВРК, руководимый большевиками. Он взял власть в городе в свои руки, установил контроль над штабом Северного фронта, над телеграфом и организовал перевыборы Совета, которые принесли победу большевикам[33]. На следующий день возник и большевистский ВРК всего Северного фронта (Северо-Западный ВРК). Псковский и Северо-Западный ВРК видели свою первоочередную задачу в том, чтобы поддержать революцию в Петрограде и не допустить продвижения к столице и Гатчине войск, верных свергнутому правительству[34].

К вечеру 27 октября в Псков вошли вызванные комиссаром фронта четыре сотни казаков и батальон ударников, которые стали опорой «Комитета спасения». Они захватили вокзал, артиллерийский склад, телеграф, арестовали нескольких членов ВРК.

Все же взять власть «Комитету спасения» не удалось. В самом Пскове продолжал работу Военно-революционный комитет, сообщавший в Петроград, что фактическая власть остается в его руках. По приказу ВРК из каторжной тюрьмы были освобождены и стали его опорой 206 политзаключенных — солдат 120-пехотного полка, на защиту революции были мобилизованы запасной батальон и автомастерские[35].

---

[30] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 251—252.

[31] Комиссар В. С. Войтинский отбыл в Гатчину на помощь Керенскому.

[32] «Рижский фронт», 31 октября 1917 г.

[33] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 451.

[34] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 252—253.

[35] *Л. А. Вершинин, С. А. Иванов.* Большевики Псковской губернии в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Псков, 1957, стр. 32—34.

Рядом находились армии фронта, готовые в любую минуту поддержать большевиков Пскова. Учитывая это, штаб фронта не решился подчиниться приказу «Комитета спасения» о направлении войск на Петроград.

Попытка переговоров между «Комитетом спасения» и ВРК успеха не имела, так как соглашатели не желали отказаться от активной поддержки контрреволюции. 29—30 октября в городе шла перестрелка между казаками и «ударниками», с одной стороны, и солдатами частей гарнизона, стоявших за большевиков,— с другой. 31 октября и 1 ноября она переросла в вооруженное столкновение с участием рабочих-красногвардейцев. Главным объектом боев был вокзал [36].

1 ноября в Псков вступили латышские полки, прибытие которых предопределило окончательный успех Советской власти в городе. Опираясь на революционные войска, ВРК вывел из Пскова казачьи части, распустил «Комитет спасения», установил контроль над штабом фронта, железнодорожной станцией и телеграфом.

Командующий фронтом генерал Черемисов вынужден был беспрекословно подчиниться власти Военно-революционного комитета.

3 ноября начальник Псковского гарнизона рапортовал Черемисову о том, что гарнизон города «полностью находится во власти революционных организаций крайнего направления и в контакте с Военно-революционным комитетом Петрограда» [37].

Из Пскова большевики руководили развитием революции в армиях фронта и в прифронтовом тылу. Уже в течение первых 10 дней революции во всех трех армиях Северного фронта и более чем в 20 гарнизонах прифронтового тыла были созданы ВРК, которые фактически взяли власть в свои руки.

Вот как, например, развивались события в одном из важнейших центров Прибалтики — в Ревеле. В Эстонии ВРК, по согласованию с Петроградом, был создан 22 октября. Получив известия о восстании в Петрограде, он обратился с воззванием 26 октября к солдатам и всему населению, сообщив о победе революции и переходе всей власти в его руки [37а]. 27 октября солдаты Ревельского гарнизона, собравшись на митинг, приняли резолюцию, в которой выражали готовность поддержать Советскую власть силой оружия. В тот же день состоялся митинг солдат Ревельского эстонского полка. В резолюции этого митинга солдат-эстонцев говорилось: «Мы поддерживаем новую революционную власть и будем поддерживать осуществление народных требований» [38]. Власть комиссара Временного правительства была упразднена, и управление Эстляндской губернией уже 27 октября перешло в руки комиссара ВРК большевика В. Э. Кингисеппа [39].

Большое значение в обороне Петрограда от войск Керенского — Краснова имел Псков, через который шла помощь контрреволюции. Учитывая

---

[36] Подробнее см. *И. С. Луговинов.* Установление Советской власти на северо-западе России. Воронеж, 1970, стр. 163, 226—230.

[37] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 454.

[37а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 138. Подробнее см. гл. VI.

[38] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии». Сборник документов и материалов. Таллин, 1968, стр. 264—275.

[39] *Н. М. Якупов.* Борьба за армию в 1917 году. М., 1975, стр. 194.

это значение, ВРК Петроградского Совета послал в Псков большевика-матроса В. Л. Панюшкина. 26 октября Псковским Комитетом большевиков и большевистской фракцией Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов в Пскове был создан ВРК, опубликовавший воззвание, в котором поставил задачу «остановить движение воинских частей на Петроград, чтобы не допустить... разгрома сердца революционной России»[39а]. 27 октября в Пскове из представителей Псковского ВРК, частей Северного фронта и Кронштадта и Гельсингфорса был сформирован ВРК Северо-Западного района. Но командование фронтом ввело в Псков казаков, занявших вокзал и арестовавших пять членов ВРК. Революционные солдаты гарнизона разоружили казаков и освободили арестованных. ВРК установил контроль над военными властями, приостановил движение контрреволюционных частей, двинутых на Петроград, для чего приказал разобрать железнодорожную линию севернее Пскова. 6 ноября в Пскове проходила конференция представителей ВРК Северо-Западной области и частей Северного фронта. Присутствовали делегаты от ВРК 5-й и 12-й армий и ревкомов около 20 городов тыла: Ревеля, Юрьева, Валка, Пскова, Луги, Режицы, Нарвы, Острова, Витебска и др.

Конференция поручила всем ВРК установить контроль над средствами связи (телеграфом, телефоном, радиотелеграфом) и транспортом; организовать перевыборы Советов там, где они не отражали настроения и интересы масс; руководить демократизацией армии; взять под контроль действия военных властей; назначить комиссаров гарнизонов и частей; обследовать склады; взять на учет продовольственные запасы и руководить их распределением[40].

12-я армия

Ближе всех других армий фронта к Петрограду была расположена 12-я армия, командование и армейский комитет которой заняли явно враждебную позицию по отношению к революции.

Несмотря на то, что армейский комитет 12-й армии установил контроль над телеграфом, уже утром 25 октября в редакцию газеты «Латышский стрелок» (Венден) поступила телеграмма Петроградского ВРК о налете на редакцию «Правды» и о начале вооруженного восстания в Петрограде.

Созданный еще в ночь на 19 октября ВРК района 12-й армии вышел из подполья и объявил себя органом революционной власти. 26 октября он обратился с «манифестом» к солдатам и рабочим 12-й армии с призывом поддержать вооруженное восстание в Петрограде и не допустить посылки войск на подавление революции. В «манифесте» сообщалось о создании ВРК района 12 армии, в состав которого входят представители ЦК РСДРП, социал-демократии Латвии, военной организации большевиков 12-й армии, Исполнительного комитета латышских стрелков (Исколатстрел), Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов 12-й армии (Искорад 12-й армии), Советов солдатских, рабочих и безземельных

[39а] «Октябрьское вооруженное восстание. Документы и материалы». М., 1957, стр. 754; «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 146, 150.
[40] «Установление Советской власти на местах», вып. 1. стр. 154.

депутатов городов Вендена, Вольмара, Юрьева и бюро левого блока 12-й армии. Учитывая значение 12-й армии, Петроградский ВРК направил на помощь военной организации большевиков в качестве эмиссара большевика, члена ЦК Социал-демократии Латышского края К. А. Гайлиса, получившего личные указания В. И. Ленина. Посланник Петрограда был введен в состав ВРК 12-й армии [40а]. Совет рабочих депутатов 12-й армии (председатель большевик Ф. Маркус) в тот же день принял резолюцию о переходе власти к Советам [41]. С фронта были вызваны 1-й и 3-й латышские стрелковые полки, которые заняли Венден, установили контроль над железнодорожной станцией, телеграфом, арестовали много офицеров. Город Венден стал базой дальнейшего развития революции в районе 12-й армии.

После оставления Риги штаб 12-й армии и Искосол (армейский комитет) находились в Валке под охраной батальона «ударников». Искосол вступил в переговоры с ВРК в Вендене. Переговоры должны были прикрыть лихорадочные меры, предпринимаемые командармом генералом Я. Д. Юзефовичем и Искосолом по мобилизации сил контрреволюции. 27 октября в Валке был создан контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», который ультимативно предложил Псковскому Военно-революционному комитету, являвшемуся фронтовым центром, снять все караулы и немедленно самораспуститься [42]. Я. Д. Юзефович вызвал в Валк 20-й драгунский полк и части 17-й кавалерийской дивизии. Однако 17-я дивизия отказалась выступить и вынесла решение о сохранении нейтралитета [43]. Это сразу же заставило «Комитет спасения» сбавить тон.

С 28 по 31 октября в Вендене заседал Большой совет 12-й армии, заменивший в этой армии армейский съезд. На его заседаниях присутствовали комиссар армии меньшевик-оборонец Г. Д. Кучин, В. М. Чернов и др. [44] В президиум было избрано 7 человек, в том числе 3 большевика. Председателем вначале был избран большевик С. М. Нахимсон. Однако затем правым эсерам удалось провести свою кандидатуру — М. А. Лихача. Совет раскололся на левый блок (большевики и левые эсеры) и правый блок (меньшевики и правые эсеры) [45].

Большой совет работал в обстановке необычайного подъема революционной активности солдат. Здание, где проходили заседания, было окружено делегациями «окопников», требовавшими передачи всей власти Советам. Это отразилось и на настроении делегатов Большого совета. При голосовании резолюции по текущему моменту левый блок собрал 248 голосов, правый — 243 [46].

Острая борьба разгорелась и при выборах нового армейского комитета. Левый блок предложил не выбирать ни одного из прежних членов Искосола. Договорились сформировать временный исполнительный комитет на паритетных началах (22 — от левого блока, 22 — от правого). Он имел двух председателей: от правого блока эсера М. А. Лихача, от левого —

[40а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», с. 136, 149, 618.
[41] «Окопный набат», 25 октября 1917 г.
[42] «Рижский фронт», 28—29 октября 1917 г.
[43] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 443—444.
[44] «Окопная правда», 31 октября 1917 г.
[45] «Рижский фронт», 2—4 ноября 1917 г.
[46] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 444.

С. П. Медведева[47]. Был отстранен с поста комиссара армии Г. Д. Кучинь, который выступил на II съезде Советов с заявлением в поддержку Временного правительства[48].

Большевики добились решения о созыве в ближайшее время армейского съезда.

Временный исполнительный комитет оказался недееспособным. Он занял позицию строгого нейтралитета.

За спиной бездействовавшего комитета контрреволюция готовилась к нанесению удара. «Комитет спасения родины и революции» и командование армии пытались стянуть к Валку «надежные» части. Тогда ВРК дал указание о занятии Валка революционными войсками. Руководители временного исполнительного комитета старались помешать этому. Однако революционные части заявили, что подчиняются не временному исполнительному комитету, а ВРК[49].

7 ноября в Валк вступили Тукумский латышский полк и два батальона 436-го Новоладожского полка[50]. Соотношение сил в городе сразу же изменилось в пользу революции. Фактически уже с этого момента руководство перешло к левому блоку, возглавляемому большевиками. Левый блок подготовил созыв Чрезвычайного армейского съезда 12-й армии, который проходил в Валке 14—15 ноября 1917 г. Из 545 делегатов съезда около 400 шли за большевиками. Съезд послал приветствие В. И. Ленину и Н. В. Крыленко, одобрил решения II съезда Советов и подавляющим большинством голосов принял резолюцию о поддержке рабоче-крестьянского правительства[51].

Из 60 членов вновь избранного армейского комитета 48 представляли левый блок. Председателем был избран большевик С. М. Нахимсон, товарищем председателя — большевик Ян Фабрициус. Армейский комитет взял в свои руки всю полноту власти в армии. Вскоре он переименовал себя в Совет солдатских депутатов 12-й армии и руководил демократизацией армии, заключением перемирия и демобилизацией солдат.

1-я армия

Центральную часть Северного фронта занимала 1-я армия, штаб которой находился в местечке Альтшванненбурге. На нее командование возлагало особые надежды. Однако в течение первого же месяца пребывания на Северном фронте эта армия превратилась из резерва контрреволюционного командования в «неблагонадежную». Уже накануне октября левый блок получил большинство мест в составе ее армейского комитета. Правда, большевистская армейская организация еще не была оформлена.

При первых же известиях о начале вооруженного восстания в Петро-

---

[47] «Рижский фронт», 7 ноября 1917 г.
[48] «Окопная правда», 2 ноября 1917 г.
[49] «Рижский фронт», 5 ноября 1917 г.
[50] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 271—272; 6-й Тукумский полк по указанию В. И. Ленина был вскоре переведен в Петроград («Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 176, 620—621). Подробнее см.: *А. А. Дризул.* Великий Октябрь в Латвии, стр. 295—297.
[51] «Окопная правда», 17 ноября 1917 г.

граде состоялось экстренное заседание армейского комитета, на котором было принято решение о признании новой, революционной власти [52].

Армейский комитет объявил себя революционным органом власти, отстранил комиссара Временного правительства и взял в свои руки власть в районе 1-й армии.

Однако в дальнейшем армейский комитет изменил свою тактику и встал на соглашательскую позицию «нейтралитета» и требования «однородного социалистического правительства». 29 октября под давлением меньшевиков и эсеров армейский комитет принял постановление:

1. Считать армиском органом, руководящим всей политической жизнью в армии;
2. Власть Военно-революционного комитета не признавать.
3. Все приказы, изданные Военно-революционным комитетом, отменить.
4. Комиссаров ВРК в армию не допускать [53].

Большевики армии потребовали созыва чрезвычайного армейского съезда. 30 октября — 6 ноября в Альтшванненбурге проходил 2-й армейский съезд 1-й армии. На съезде присутствовало 258 делегатов, из которых было 134 большевика и сочувствующих им, 112 левых эсеров [54], около 20 меньшевиков-интернационалистов, оборонцев уже не было.

В принятом съездом воззвании к фронту говорилось: «Власть Керенского считаем низложенной, просим присоединиться к 1-й армии и оказать поддержку Военно-революционному комитету» [55].

31 октября на съезде была оглашена телеграмма Керенского с требованием направить войска под Гатчину. Съезд единогласно постановил ни одной части не посылать. Более того, съезд указал, что в случае продвижения контрреволюционных войск на Питер в помощь Петроградскому ВРК будет направлена половина армии [56]. Вместе с тем по вопросу о конструировании власти в армии левые эсеры поддержали резолюцию, требующую создания «однородной социалистической власти, причем партии должны быть представлены пропорционально представительству на II съезде Советов».

В состав нового армейского комитета вошло 60 человек, в том числе 35 большевиков, 19 эсеров, 6 меньшевиков. Таким образом, в армейском комитете большевикам принадлежало свыше половины голосов. В состав президиума было избрано 5 человек, в том числе 2 большевика, 2 левых эсера и 1 меньшевик. Председателем был избран большевик А. Войтов [57].

22 ноября армейский комитет делегировал во ВЦИК 5 человек, в том числе 3 большевиков (Кашицын, Смирнов, Зайцев), эсера (подполковник А. И. Егоров) и меньшевика (солдат Новоторяев) [58]. В тот же день Малый совет армискома утвердил комиссара в 1-ю Кавказскую дивизию, было решено также приступить к расформированию ударных батальонов [59]. В отличие от 12-й и 5-й армий, 1-я армия не создала ВРК. 28 ноября

---

[52] «Рижский фронт», 31 октября 1917 г.
[53] Там же.
[54] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 475.
[55] «Правда», 5 ноября 1917 г.
[56] Там же.
[57] «Известия армейского комитета 1-й армии», 23 ноября 1917 г.
[58] Там же, 24 ноября 1917 г.
[59] Там же, 28 ноября 1917 г.

армейский комитет телеграфировал Совету Народных Комиссаров, что создает боевую комиссию, которой поручает организовать революционные силы для посылки в распоряжение правительства на борьбу с контрреволюцией. Одной из первых частей, направленных против Каледина, была 4-я кавалерийская дивизия [59а].

5-я армия

5-я армия занимала левый фланг фронта. Штаб ее находился в Двинске. Армейский комитет еще накануне восстания встал на позицию Советской власти и обещал полную поддержку Петрограду. В ночь на 25 октября делегаты II съезда Советов от 5-й армии Э. М. Склянский, Никитин и другие дали телеграмму из Петрограда в комитет 5-й армии и Двинский Совет, в которой сообщили о начале восстания. На экстренном заседании армейского комитета был избран Военно-революционный комитет, который установил контроль над штабом армии, над телефоном, телеграфом и железнодорожной станцией и приступил к формированию революционного корпуса в Двинске. В ночь на 26 октября ВРК, получив сведения о посылке войск на подавление революции в столице, приказал разобрать железнодорожный путь Северо-Западной ж. д. между станциями Александровская — Ижора на протяжении 10 километров [60].

27 октября ВРК 5-й армии сообщил в столицу о возможности послать помощь в распоряжение Петроградского ВРК. Вечером 29 октября армейский комитет принял решение послать в Петроград отряд в составе 12 батальонов с пулеметами, кавалерией и артиллерией [60а]. Однако направить его в Петроград не удалось вследствие обострения борьбы в самой армии.

Командарм генерал В. Г. Болдырев попытался выполнить приказ Ставки об отправке войск на помощь Керенскому. В первую очередь был двинут бронедивизион в составе шести машин. Так как вокзал и станция в Двинске находились в руках ВРК, бронедивизион был отправлен по шоссе, но в Режице его остановил специальный отряд революционных войск, и он вынужден был вернуться обратно. В Режице была установлена Советская власть и избран ВРК. Бронедивизион же перешел на сторону революции и принял участие в аресте комиссара 5-й армии Пирогова. Новым комиссаром армии был назначен солдат-большевик Н. Д. Собакин [61].

1 ноября генерал Болдырев вынужден был признать в телеграмме командующему фронтом: «Все руководство пока в руках большевиков армискома» [62].

В начале ноября армейский комитет издал приказ № 1, обращенный ко всем комитетам и командирам частей армии. В нем провозглашалось: «Вся верховная власть в 5-й армии принадлежит ВРК при армискоме 5.

[59а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 199, 622.

[60] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 478; «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 147.

[60а] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 190; решение об организации отряда в помощь Петрограду приняли полковой и ротный комитеты 480-го пехотного Даниловского полка и 38-я пехотная дивизия («Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 617).

[61] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 24, л. 253.

[62] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 450; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 24, л. 40.

ВРК 5-й армии действует в полном согласии с СНК... ВРК предлагает всем комитетам и комиссарам 5-й армии неуклонно контролировать действия комсостава в хозяйственном и оперативном отношении...» [63].

IV Чрезвычайный армейский съезд 5-й армии закрепил победу большевиков. Он проходил в Двинске 18—20 ноября 1917 г. На нем присутствовало 370 большевиков, 60 эсеров и 10 меньшевиков-интернационалистов. По соглашению фракций, места в президиуме были распределены следующим образом: большевики получили 6 мест, эсеры — 2, меньшевики-интернационалисты — 1. Председателем съезда был избран большевик Э. М. Склянский. За резолюции, предложенные большевиками, голосовало подавляющее число делегатов. Съезд избрал новый состав армейского комитета в составе 101 человека, три четверти из которых были большевики, а председателем — вновь Э. М. Склянского [64].

В состав Северного фронта входил отдельный 42-й армейский корпус, расположенный в Финляндии. Так как он являлся отдельным корпусом, то его комитет действовал на правах армейского и имел тесную связь с Областным комитетом большевиков. 26 октября на экстренном заседании комитета 42-го армейского корпуса (под председательством большевика Г. З. Заонегина) было принято решение «образовать Революционный Комитет» и сообщить Петроградскому ВРК, что корпус «всеми силами будет поддерживать его». Частям корпуса было приказано быть в полной готовности к отражению сил контрреволюции. На следующий день ВРК корпуса разослал всем частям телеграмму о победе Октябрьской революции и призвал «всех, кому дороги свободы и мир, земля и воля, равенство и братство, приложить все силы, все уменье к проявлению революционной воли и порядка». В помощь Петрограду были посланы из гарнизонов Финляндии солдаты 422-го Колпинского и 424-го Чудского полков, а также почти в полном составе 509-й Гжатский и 511-й Сычевские полки. Во всех частях 42-го корпуса были созданы ВРК [65].

Быстрое развитие революции в армиях Северного фронта, решительная поддержка широкими солдатскими массами большевистской партии и декретов Советской власти нашли свое отражение в итогах выборов в Учредительное собрание, проходивших здесь 26 ноября.

Голоса распределились здесь следующим образом:

Войсковое соединение	*Большевики*	*Кадеты*	*Эсеры*	*Меньшевики*	*Националистические партии*	*Всего подано голосов*
12-я армия	205 954	6 513	123 818	4 603	40 053	383 456
5-я »	159 516	4 774	48 786	2 645	22 615	239 433
1-я »	79 302	1 612	61 656	2 412	24 174	170 744
42-й корпус	20 809	718	11 034	640	1 252	35 018
Итого по фронту	465 581	13 617	245 294	10 300	88 094	828 651

[63] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 284.
[64] *С. Н. Базанов.* Солдаты 5-й армии Северного фронта в борьбе за власть Советов в 1917 г. (март — ноябрь). Канд. дисс. М., 1979, с. 167.
[65] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 137, 139, 617.

Таким образом, за большевиков было отдано около полумиллиона голосов, что составляло 56,2% общего числа участвовавших в выборах [66].

В 5-й армии большевики получили свыше $^1/_3$ всех голосов. За большевиками шло до 60% солдат 12-й армии и 42-го армейского корпуса, до 50% солдат 1-й армии.

28 ноября в Пскове открылся 1-й съезд солдатских депутатов Северного фронта, который работал до 2 декабря и подвел итоги развития революции на этом фронте. На съезде присутствовало 532 делегата, из которых 80% входили во фракцию большевиков и 20% — во фракцию левых эсеров. Съезд встал на позиции поддержки Советской власти и политики Совета Народных Комиссаров и указал, что для доведения до конца борьбы за мир необходимо сохранение целостности фронта. Делегаты утвердили «Основы переустройства армии на выборных началах», предусматривавшие коренную демократизацию армии. Съезд избрал фронтовой комитет в составе 26 большевиков, 11 левых эсеров и беспартийного казака. 8 мест было оставлено для представителей от Балтийского флота.

Фронтовой комитет должен был контролировать и направлять деятельность высшего комсостава и руководящих учреждений фронта. На него возлагалась также задача организовать управление Северным фронтом на коллегиальных началах. Вскоре во исполнение этого указания была избрана коллегия в составе 3 человек [67]. Она осуществляла руководство демократизацией армий фронта, заключением перемирия и демобилизацией личного состава.

2

ОКТЯБРЬ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Революционные события на фронте и в прифронтовом тылу так тесно связаны между собой, что их нередко довольно трудно разделить: солдаты ближайших тыловых гарнизонов и трудящиеся прифронтовой полосы помогали солдатам-окопникам, а последние принимали непосредственное участие в установлении Советской власти в прифронтовой полосе. В этом находил одно из проявлений союз рабочих и трудящихся крестьян.

Особенно тесной была связь фронта и тыла на Западном фронте. Известно, что еще до Октября здесь была создана единая большевистская партийная организация, в которую входили большевики Белоруссии и фронта. Она и выступила основной организующей силой революции. Возглавляли ее Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) и фракция большевиков во фронтовом комитете. Это была самая многочисленная из фронтовых организаций партии — к началу октября она насчитывала свыше 21 тыс. членов и более 27 тыс. сочувствующих [68].

---

[66] *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция, стр. 206.

[67] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 309, л. 336; *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 302—305.

[68] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 388.

Центром борьбы за солдатские массы стал Минск, где находился штаб фронта. Острые события развернулись в Минске уже 25 октября. В городе в это время завершал свою работу созванный эсерами съезд солдат-крестьян Западного фронта. Как вспоминал впоследствии А. Ф. Мясников, эсеры говорили солдатам: вот большевики на крестьян не обращают внимания, не хотят дать им земли, а мы, эсеры, дадим. Одним из основных ораторов на съезд был приглашен В. М. Чернов. Против него выступили местные большевики и, по словам Мясникова, «три дня бились на этом съезде» [69]. Когда 25 октября стало известно, что Временное правительство свергнуто, Чернов и председатель съезда Николаев призвали делегатов «не поддерживать восстание большевиков». С ответом выступил Мясников. Он рассказал о победе революции в Петрограде и предложил порвать всякую связь с буржуазией и следить за работой II Всероссийского съезда Советов. С разоблачением антинародной политики эсеров на заседании выступили также большевики В. В. Фомин, Алешкин, Сидоров, Осипов, Коргунов, Дахин, Богомаз и др. Однако большинство делегатов съезда, находившихся под влиянием соглашателей, приняли предложенную Черновым резолюцию, осуждающую восстание в Петрограде. В ней говорилось, что съезд «сумеет в случае надобности силой обуздать тех, кто не захочет с ним считаться» [70]. В другой резолюции съезд призвал отложить решение земельного вопроса до Учредительного собрания. За нее было подано 257 голосов, против — 23, 16 человек воздержались. Вечером 25 октября съезд закончил работу, делегаты разъехались, а Чернов отправился в Ставку [71]. С возвращением делегатов на места известие о революции в Петрограде распространилось по фронту.

Между тем сразу по получении телеграммы Петроградского ВРК об успехе восстания в столице большевики Минска создали Военно-революционный комитет при Минском Совете, который взял власть в городе в свои руки, установил контроль над штабом фронта, освободил арестованных большевиков из минской тюрьмы и сформировал из них 1-й революционный полк им. Минского Совета [72]. Полк был вооружен 30 пулеметами и 1500 винтовками, изъятыми из армейских складов.

27 октября на заседании Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), большевистских фракций Минского Совета и фронтового комитета был создан ВРК Западного фронта и области под председательством А. Ф. Мясникова. В его состав вошли М. И. Калманович, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер и другие руководители областной партийной организации.

Командование фронта совместно с оборонческим крылом верхушечных армейских организаций попыталось вырвать власть у Минского Совета и разгромить большевиков.

Если центром большевиков был Минский Совет, то центром притяжения сил контрреволюции стал фронтовой комитет, в котором имелось прочное соглашательское большинство. 26 октября при штабе фронта и фронтовом комитете был создан «Комитет спасения» под председательством помощника комиссара фронта меньшевика Т. М. Колотухина. В состав

---

[69] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 13, лл. 9—10.
[70] «Труд», 26 октября 1917 г. Экстренный выпуск.
[71] *Н. М. Якупов.* Борьба за армию в 1917 году, стр. 194.
[72] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). М., 1953. стр. 116.

комитета вошли представители эсеров и меньшевиков из фронтового комитета, Минского Совета, Совета крестьянских депутатов, представители штаба фронта и т. д. Фактически руководителем «Комитета спасения» и вдохновителем контрреволюции на Западном фронте стал комиссар фронта эсер В. А. Жданов, который вызвал с фронта в Минск «надежные» части.

27 октября в город прибыла 2-я Кавказская кавалерийская дивизия; в Минске были сосредоточены также три эскадрона польских улан, отряд осетин, две роты «ударного» батальона и охрана штаба фронта с броневиками и артиллерией, всего около 20 тыс. человек.

ВРК мог противопоставить силам контрреволюции солдат 37-го и 289-го запасных полков, 1-й революционный полк им. Минского Совета и отряд железнодорожников, примерно около 5 тыс. бойцов. Опираясь на военное превосходство, «Комитет спасения» предъявил ВРК ультиматум, в котором требовал признания своей власти и роспуска революционных отрядов.

В таких условиях для минских большевиков было важно: 1) выиграть время в расчете, что армии фронта окажут помощь минскому пролетариату; 2) не допустить отправки эшелонов контрреволюционных войск с фронта в Петроград и Москву.

27 октября между ВРК Западного фронта и области и «Комитетом спасения» было подписано соглашение, сводившееся к следующему:

1. «Вопрос о власти окончательно решается в столицах; временно власть в области и на фронте переходит к «Комитету спасения».

2. «Комитет спасения» отказывается от посылки и пропуска войск через Минск в Петроград и Москву» [73]. Для контроля за осуществлением 2-го пункта соглашения в состав «Комитета спасения» было введено 2 представителя ВРК [74].

Соглашение представляло собой временный компромисс, не удовлетворявший ни одну из сторон. «С создавшейся обстановкой бороться очень трудно...»,— доносил в Ставку командующий фронтом П. С. Балуев. Минский Совет «сдался только видимо..., власть почти находится в его руках. Сам я занял выжидательную позицию и изображаю человека, сидящего на бочке пороха с подожженным шнуром» [75]. Исход продолжавшейся скрытой борьбы зависел от того, кого поддержат части фронта и соседние гарнизоны. Представители Областного и Минского комитетов большевиков были посланы на фронт за подкреплениями. Армейские большевики оказали помощь Минску. Для поддержки Минского ВРК были сформированы революционные отряды во всех трех армиях Западного фронта. 2-я армия направила в Минск бронепоезд, которому было присвоено имя В. И. Ленина. Кроме того, в город на помощь сторонникам революции прибыли батальон 60-го Сибирского полка и зенитная батарея. Тем временем большевики Минска сумели нейтрализовать кавалерийские части гарнизона. Все это предопределило исход борьбы за власть.

Между тем главари контрреволюции считали, что победа над большевиками уже практически одержана и ее только нужно довести до конца. На заседании городской думы меньшевики и бундовцы даже предложили ликвидировать Минский Совет, а «Комитет спасения» ультимативно по-

[73] «Пролетарская революция», 1927, № 12, стр. 114.
[74] Там же, стр. 115.
[75] «Красный архив», 1929, т. 1 (8), стр. 165, 166.

требовал от него прекратить публикацию распоряжений СНК и Петроградского ВРК. Однако большевики решительно отвергли ультиматум. 1 ноября на заседание «Комитета спасения» явился представитель Гренадерского корпуса и зачитал резолюцию корпусного съезда, требовавшую признания совершившейся революции. Он предупредил, что в случае отказа признать революцию комитет будет разогнан силой. В ночь на 2 ноября в город прибыли новые революционные части [76].

2 ноября ВРК восстановил Советскую власть в Минске, арестовал комиссара Временного правительства и распустил «Комитет спасения». Комиссаром штаба фронта стал член областного комитета большевиков С. Е. Щукин [77].

В тот же день большевистская фракция фронтового комитета обратилась к солдатам с воззванием, в котором сообщала о своем выходе из состава контрреволюционного фронтового комитета и призывала к созыву нового фронтового съезда «для организации фронта, для создания революционного органа фронта» [78].

4 ноября 1917 г. ВРК издал приказ, в котором говорилось, что «ввиду перехода всей власти на Западном фронте в руки Военно-революционного комитета... предписывается всем учреждениям, организациям и лицам не исполнять ничьих распоряжений и приказов, за исключением приказов штаба в части чисто оперативной и боевой, кроме распоряжений Военно-революционного комитета» [79].

Вынужденный подчиниться распоряжению ВРК, генерал П. С. Балуев издал 5 ноября следующий приказ по фронту: «Так как вся власть перешла в ВРК..., предлагаю... обратить все свое внимание и употребить все силы на то, чтобы удержать войска на фронте и без вызова революционного комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений их, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армии военно-революционных комитетов» [80].

Однако сам П. С. Балуев лишь формально признал власть ВРК. На деле руководимый им штаб фронта продолжал быть агентурой Ставки в революционном Минске. Вокруг штаба были сосредоточены контрреволюционные части — отряд в составе двух ударных рот (16 пулеметов), отряды осетин, три эскадрона польских улан генерала И. Р. Довбор-Мусницкого и некоторые другие.

Перед ВРК встала задача ликвидации этого контрреволюционного гнезда на фронте.

ВРК Западного фронта и области сосредоточил в Минске силы, достаточные для овладения штабом фронта. В его руках теперь были два запасных полка, революционный полк имени Минского Совета, батальон 60-го Сибирского стрелкового полка, отряд бронемашин и бронепоезд [81].

Вечером 12 ноября на основании предписаний СНК ВРК вновь предложил генералу П. С. Балуеву немедленно приступить к переговорам о перемирии. В связи с категорическим отказом последнего ВРК опубли-

---

[76] *Н. М. Якупов.* Борьба за армию в 1917 году, стр. 196.
[77] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 389.
[78] «Звезда» (Минск), 2 ноября 1917 г.
[79] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. II. Минск, 1957, стр. 97.
[80] «Разложение армии в 1917 г.» М.— Л., 1925, стр. 168.
[81] «Красный архив», 1927, т. 4 (23), стр. 217.

ковал приказ № 11, которым Балукеву предписывалось сдать должность большевику подполковнику В. В. Каменщикову [82].

В тот же день Северо-Западный областной комитет большевиков телеграфировал В. И. Ленину о завершении революционного переворота в Минске и переходе штаба фронта в руки ВРК [83].

В ночь на 13 ноября В. В. Каменщиков приступил к исполнению обязанностей командующего фронтом. Его приказ № 1 уполномочивал ВРК армий фронта приступить к переговорам о перемирии и предлагал им выделить с этой целью соответствующие комиссии. Приказ № 4 вводил в действие в районе Западного фронта «Временные положения о командном составе», утверждавшие порядок назначения командиров войсковыми комитетами [84].

Таким образом, первыми мерами революционного командования фронта были практические шаги по осуществлению декрета о мире и демократизации армии.

Одновременно ВРК Западного фронта и области проводит ряд мер по наведению революционного порядка и по обезвреживанию легальных очагов контрреволюции.

ВРК объявил распущенными все «Комитеты спасения» на территории области и фронта. По инициативе ВРК в городах и уездах создавались отряды Красной гвардии.

Большевики Минска возглавили борьбу за победу революции в армиях фронта. Эта борьба протекала в сложных условиях, так как верхушечные армейские организации поначалу находились в руках оборонцев.

Согласно инструкциям, полученным 26 октября от В. М. Чернова и фронтового комитета Западного фронта, соглашательские армейские комитеты образовали во всех трех армиях фронта — 2-й, 3-й и 10-й — «комитеты спасения». Их деятельность была направлена на изоляцию фронта от революционного тыла и предотвращение развития революции на фронте путем распространения клеветнических и ложных сообщений Ставки и минского «Комитета спасения». В то же время под их прикрытием штабы армий спешно мобилизовывали контрреволюционные силы.

В руках соглашателей были все нити связи, армейская и фронтовая печать. Это давало им в первые дни революции определенное преимущество. Например, наиболее доступная для солдат по условиям доставки газета «Голос 10-й армии» в своих номерах за 25—26 октября печатала задним числом ответы о заседаниях уже разогнанного Совета республики, постановления Временного правительства, приказы по фронту и т. д. Такой подбор материала призван был создать видимость спокойного течения жизни в стране.

Но вопреки всем препятствиям известия о революционных событиях в Петрограде, Москве, Минске проникали в солдатскую толщу. И уже 28—29 октября газете приходится менять тон. Теперь подбор материала призван был дезориентировать солдат, служа той же цели борьбы с развивающейся революцией.

Газета печатает воззвания исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, фронтового «Комитета спасения револю-

---

[82] «Бюллетень ВРК Западного фронта», 14 ноября 1917 г.

[83] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 147.

[84] «Звезда», 26 октября 1917 г.

ции» и генерала Духонина с призывом к вооруженным силам республики встать на защиту контрреволюционного Временного правительства, публикует ложные сообщения Ставки верховного главнокомандующего, Общеармейского комитета при Ставке, минского «Комитета спасения», союза офицеров армии и флота и других контрреволюционных организаций.

31 октября газета со ссылкой на Минск сообщила о вступлении Керенского в Петроград (!). О положении в Москве в той же телеграмме сообщалось: «Большевики сдались и разоружены. В Минске,— говорилось далее,— порядок» [85].

Той же цели дезориентации солдат служил подбор материала о положении в соседних армиях и на других фронтах. Газета публиковала контрреволюционные резолюции соглашательских комитетов 1-й армии, Кавказского фронта и т. д. и ни слова о сотнях резолюций целых соединений и частей, выражающих полное доверие Совнаркому.

Так, сквозь призму контрреволюционной печати доходили до окопов первые сведения о пролетарской революции. Но соглашательские комитеты оказались бессильными противостоять бурному натиску революции на фронте. Встав на его пути, они были сметены им.

Областной комитет большевиков и Минский ВРК обратились через голову штаба фронта и верхушечных комитетов к солдатам с воззванием:

«Товарищи! Свершилось великое! Петроград и Москва во власти революционного пролетариата, солдат и крестьян. Поддержите свое правительство и ваши комитеты, идущие к этому... Опрокидывайте противные комитеты, создавайте новые» [86].

В октябрьские дни в район расположения армий фронта неоднократно выезжали с докладами А. Ф. Мясников, Н. В. Рогозинский, С. Г. Могилевский, И. Я. Алибегов, Н. С. Тихменев, агитаторы областного и Минского городского комитетов большевиков.

Разоблачая провокационные сообщения Ставки, штаба фронта и фронтового «Комитета спасения», большевики знакомили солдат с воззваниями к фронту Петроградского Военно-революционного комитета и II Всероссийского съезда Советов, с декретами этого съезда, с ходом событий в столицах и в Минске.

В помощь им прибывали эмиссары Петроградского ВРК, делегаты от солдат и рабочих Москвы, Минска, Северного фронта и Балтики.

2-я армия

Наиболее быстро и безболезненно произошел переворот во 2-й армии.

26 октября армейский комитет вынес резолюцию о «резком осуждении большевиков и подчинении ЦИК» (старого состава.— *И. М.*) [87].

В знак протеста против принятия контрреволюционной резолюции большевики вышли из состава комитета. Совместно с большевизированным Несвижским Советом рабочих и солдатских депутатов они создали

[85] «Голос 10-й армии», 31 октября 1917 г. В этом номере газеты имелись и другие сообщения, более объективно отражавшие положение вещей, но сам факт помещения корреспонденции о вступлении Керенского в Петроград весьма показателен.

[86] «Звезда», 26 октября 1917 г.

[87] «Голос 10-й армии», 28 октября 1917 г.

Временный ВРК Несвижа и района, который объявил о созыве 1 ноября 1917 г. Чрезвычайного армейского съезда и взял на себя его подготовку. В самом Несвиже, где дислоцировался штаб армии, была провозглашена власть Совета. ВРК подтянул к городу 32-й Сибирский полк и с его помощью установил контроль над штабом армии. Он овладел типографией армейского комитета и приступил к изданию своего бюллетеня. В сводке о настроении войск Западного фронта за последнюю декаду октября отмечалось, что в частях Гренадерского корпуса, особенно в комитетах, «наблюдается полное торжество большевиков». Далее в сводке говорилось, что в 1-м Гренадерском полку, который еще недавно считался самым надежным из всех частей корпуса, «толпа солдат сейчас же после первых известий о выступлении большевиков в Петрограде ворвалась в офицерское собрание и изорвала портреты Керенского, Скобелева, Чернова и других... В 8-м Гренадерском полку революционные комитеты захватили все телеграфные аппараты» [88].

Большевистский комитет 2-й армии бросил основные силы в корпуса и дивизии, где с 27 октября по 1 ноября проходили съезды солдатских депутатов. Солдаты с восторгом встречали вести о революции, и большевики добивались на съездах решительных успехов.

Во всех дивизиях Гренадерского корпуса 2-й армии правые эсеры потерпели полное поражение; были избраны большевистские дивизионные комитеты и делегации на корпусной съезд.

Этот съезд, открывшийся 30 октября, принял большевистскую резолюцию поддержки Петроградского ВРК и Совнаркома, передал власть в корпусе большевистскому ВРК и избрал большевистскую делегацию на съезд армии [89]. Съезд также резко осудил контрреволюционную деятельность минского «Комитета спасения» и постановил оказать вооруженную поддержку минским большевикам. Во время работы съезда гренадеры проявили образец революционного героизма, отбив немецкое наступление с применением удушливых газов на участке 7-го Таврического полка [90].

Подобным же образом развивались события в 50-м корпусе 2-й армии. Настроение солдат здесь отражают, в частности, два документа: сообщение делегата 515-го полка Петроградскому ВРК, оканчивающееся заверением: «Весь полк на стороне новой власти», и приветствие солдат 17-го полка рабочим Москвы: «Мы с вами с первого момента пролетарской революции» [91].

В 9-м армейском корпусе установлению революционной власти пытались помешать украинские националисты. Однако вопреки их сопротивлению власть перешла в руки Военно-революционного комитета. Командир 5-й дивизии и группа офицеров, не признавшие власть ВРК, были арестованы [92]. На корпусном съезде прежний комитет, боясь подвергнуться критике, сам сложил свои полномочия [92а]. Тактика большеви-

---

[88] *Н. М. Якупов.* Борьба партии большевиков за завоевание войск прифронтовых районов в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 649.

[89] «Звезда» (Минск), 7 ноября 1917 г.

[90] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 127.

[91] «Социал-демократ», 5 декабря 1917 г.

[92] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 130—131.

[92а] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2. М., 1966, стр. 260.

ков 2-й армии, как и везде на фронте, себя оправдала: они занимали, путем перевыборов, первые «этажи» системы воинских комитетов, после чего армейский комитет рухнул как здание, у которого подточили опоры.

Только в 3-м Сибирском корпусе 2-й армии соглашателям удалось провести решение о создании «паритетного корпусного комитета» из представителей всех социалистических партий. Вскоре обнаружилась его полная неработоспособность.

1 ноября в Несвиже открылся съезд делегатов 2-й армии. В его работе приняли участие представители Петроградского и Минского ВРК. На съезд прибыло 211 делегатов, в основном большевики.

После открытия съезда прежний армейский комитет, как и в ряде корпусов, побоялся делать отчет и добровольно сложил свои полномочия. Соглашатели признали, насколько они далеки от широких солдатских масс.

В резолюции по вопросу о текущем моменте съезд признал Совнарком высшим органом исполнительной власти в республике и приветствовал первые шаги Советской власти. В своей декларации съезд записал: «Всякий военнослужащий, открыто не признающий власти народного правительства, подлежит аресту» [93]. Тем самым съезд санкционировал имевшие место в армии аресты контрреволюционного офицерства. Съезд присоединился к резолюции Гренадерского корпуса, требующей разгона «Комитета спасения» и переизбрания Искомзапа, постановил помочь Минскому ВРК и гарнизону Петрограда в их борьбе с контрреволюцией [94].

Принятая съездом декларация вводила во 2-й армии выборность комсостава, определяла компетенцию войсковых комитетов и их взаимоотношения между собой. Так, в ходе пролетарской революции параллельно революционному отрицанию принципов построения старой армии разрабатывались принципы строительства новой, демократической армии. Решения съезда 2-й армии легли в основу наказа 2-му фронтовому съезду о демократизации армии.

Съезд избрал большевистский ВРК 2-й армии, поручив ему проведение принятых резолюций в жизнь. В первом же приказе армейский ВРК, председателем которого был избран большевик Н. В. Рогозинский, распорядился немедленно освободить всех солдат, арестованных за революционные выступления, а лиц командного состава, не подчиняющихся распоряжениям революционных властей, «немедленно отстранить от должности и арестовать» [94а].

Следует отметить крайне важную деятельность армейского ВРК. В одном из первых своих приказов ВРК 2-й армии вменил в обязанность всем воинским комитетам выполнить указание «Декрета о земле» о переходе помещичьих имений в распоряжение земельных комитетов, принять участие в их работе и оказать помощь, а там, где они не созданы, взять на себя инициативу их образования. Это решение, как и подобные же постановления ВРК в других армиях, имели огромное значение: прежде всего они оказывали помощь крестьянству в проведении в жизнь «Декрета о земле», а кроме того, подготовляли из солдат кадры для руководства (после демобилизации) революцией на местах.

---

[93] «Социал-демократ», 7 ноября 1917 г.
[94] Там же.
[94а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 258, 265.

10-я армия

В соседней 10-й армии, менее связанной с крупными большевистскими центрами, развитие революции сначала натолкнулось на более действенное сопротивление соглашателей.

27 октября армейский комитет созвал экстренное совещание членов корпусных и дивизионных комитетов, которое потребовало «образования однородной демократической власти».

Однако даже на этом соглашательском по составу совещании, не отражавшем истинное настроение армии, обнаружилась оппозиция армейскому комитету, которую возглавили большевики. Они предложили резолюцию, выражавшую недоверие комитету и требовавшую созыва Чрезвычайного армейского съезда. Зачитав свою резолюцию, большевики покинули совещание, уведя за собой третью часть делегатов.

В сообщении в Ставку от 1 ноября 1917 г. командующий 10-й армией генерал Шихлинский сообщал: «В 3-м корпусе, до сего времени наиболее спокойном, сейчас полный развал... В 38-м корпусе резко выраженное большевистское настроение» [95].

Об отправке войск для подавления революции в тылу генерал не решался и объявить, ибо, по его заключению, это могло «привести к самовольному уходу с фронта целых частей» для поддержки большевиков [96]. Настроение солдатских масс армии было таково, что армейский комитет вскоре признал необходимым «сложить свои полномочия и... созвать армейский съезд для переизбрания комитета» [97].

В период подготовки съезда, намеченного на 7 ноября, большевики провели полковые и дивизионные съезды, организовали ВРК и широко пропагандировали декреты Советской власти. Дивизия за дивизией принимали большевистские резолюции. Так, в резолюции съезда делегатов одной из пехотных дивизий отмечалось, что съезд признает восстание в Петрограде «фактом, вызывающим сочувствие всего фронта», «воспрепятствует попыткам подавить движение, откуда бы они ни исходили..., съезд находит нужным образование полковых, дивизионных и выше Военно-революционных комитетов для контроля распоряжений комсостава, согласования действий частей и предупреждения контрреволюционных выступлений».

«Признавая действия армискома...,— говорилось в резолюции,— явно игнорирующие волю и интересы представляемых им масс, съезд требует переизбрания армискома в наикратчайший срок» [98].

Большевистские резолюции принимают и корпусные съезды 10-го армейского и 1-го Сибирского корпусов 10-й армии.

Большевикам 10-й армии оказали большую помощь делегаты II Всероссийского съезда Советов, рабочие и солдатские делегации из Москвы, Минска, представители Балтфлота и 2-й армии.

Ко дню открытия армейского съезда революция победила в столицах, в Минске и в важнейших центрах прилегающей области. Все это сказалось на соотношении сил. 3-й съезд 10-й армии открылся 7 ноября

---

[95] «Красный архив», 1937, т. 5 (84), стр. 180.
[96] Там же.
[97] «Голос 10-й армии», 31 октября 1917 г.
[98] Там же, 8 ноября 1917 г.

в г. Молодечно. Более половины (54%) делегатов шли за большевиками. Из докладов с мест выяснилось, что все наказы делегатам от полков, за исключением одного «ударного», требовали голосовать за поддержку Советской власти и за перевыборы армейского комитета [99].

С докладом о текущем моменте выступил тепло встреченный присутствовавшими А. Ф. Мясников. В резолюции, принятой 326 голосами против 160, съезд постановил:

свергнутую буржуазно-коалиционную власть считать безвозвратно ликвидированной. Приветствовать первые шаги Советского правительства и обещать ему полную поддержку;

считать «комитеты спасения» противореволюционными и объявить им открытую борьбу;

признать необходимой немедленную организацию ВРК при армейских, корпусных и дивизионных комитетах [100].

Съезд избрал новый армейский комитет 10-й армии, который выделил из своего состава ВРК.

Так победой большевиков завершилась двухнедельная борьба за переход 10-й армии на сторону пролетарской революции.

Характеризуя то или иное типичное явление, т. е. относящееся ко всей армии или к большей ее части, автор обычно (во избежание повторения) говорит о нем в одном месте, не забывая указать на его общее значение. В данном случае необходимо обратить внимание на борьбу ВРК за революционный порядок. Изгнанные из армии или отстраненные от должностей генералы и офицеры в своих мемуарах впоследствии писали о хаосе, беспорядках, эксцессах, якобы сопровождавших процесс революции в армии. Фальсификаторы истории и поныне подхватывают эти клеветнические измышления. Отдельные факты дезорганизации действительно имели место в армии, но как раз именно те, кого революция вычистила из армейских рядов, зачастую и толкали неустойчивые или преступные элементы на погромы, кражи, поджоги и т. д. ВРК 10-й армии обратился к военнослужащим с приказом, в котором говорилось: «Неправильное понимание нового революционного порядка и гражданского долга повлекло за собой ряд начальных событий, выразившихся в грабежах и разгромах отдельных имений в районе 10-й армии. Враги народа и революции, преступные провокаторы толкают малосознательных граждан на гнусное дело грабежей и насилий...» [100а]. ВРК призвал к решительной борьбе с преступниками и подстрекателями беспорядков. Такой же приказ был отдан другими армиями и фронтами. Практически не было ни одного ВРК, который не призывал бы к революционному порядку и не обеспечивал бы его. Когда в одном из полков был ранен при аресте солдатами полковник Желевский, фронтовой ВРК создал комиссию для расследования обстоятельств дела и призвал к прекращению самочинных арестов без письменных ордеров.

То же можно сказать и о другом явлении, дезорганизовавшем армию — дезертирстве. Явление это, весьма сложное по характеру и причинам, слабо исследовано. Во всяком случае его нельзя сводить только к «голо-

---

[99] «Известия ВЦИК», 12 ноября 1917 г.

[100] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 142.

[100а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 275.

сованию ногами»: солдаты-де самовольно покидали фронт, не желая воевать и боясь, что при разделе помещичьих имений они будут обойдены. Нельзя забывать, что часто контрреволюционный командный состав, особенно после Октября, поощрял дезертирство, чтобы развалить армию.

Все ВРК вели систематическую, настойчивую борьбу с дезертирством. ВРК 10-й армии в приказе к солдатам резко осудил дезертирство и комитеты, поощряющие его своими распоряжениями: «Самовольное увольнение со службы некоторыми комитетами солдат различных годов,— гласил приказ,— способствует окончательному развалу армии и производит вследствие непланомерного массового движения полнейшую разруху и беспорядок на железных дорогах» [100б].

ВРК всех рангов принимали ряд мер против дезертирства, предавали дезертиров суду революционных трибуналов, вели постоянную агитацию с разъяснением всех последствий дезертирства, сообщали о дезертирах по месту жительства и т. п. Именно настойчивой, всесторонней деятельностью ВРК, в которых преобладали солдаты, можно объяснить, что армия в основном была удержана на фронте. Вряд ли нужно объяснять, какое это имело значение для завоевания армии на сторону революции.

3-я армия

Наиболее напряженно протекала борьба в 3-й армии Западного фронта. Силы контрреволюции группировались здесь вокруг полоцкого «Комитета спасения», созданного 26 октября на совместном заседании эсеровского армейского совета и меньшевистской фракции Полоцкого Совета при активном участии члена ЦК меньшевиков Дементьева.

«Комитет спасения» опирался на силы «ударного» батальона и 2-й Туркестанской дивизии, дислоцированных в районе Полоцка. Первым шагом комитета было издание специального бюллетеня под характерным заголовком «Как идет ликвидация большевистского мятежа».

Контрреволюционному комитету полоцкие большевики противопоставили Временный ВРК. В помощь им в Полоцк прибыли эмиссар Петроградского ВРК А. Ф. Боярский и делегаты II Всероссийского съезда Советов от 10-й армии. Большевики развернули широкую агитацию в войсковых частях. В специальных бюллетенях ВРК публиковал декреты Советской власти и сообщения о событиях в столицах и на фронте. Под руководством членов ВРК проходили съезды в корпусах и дивизиях армии.

В 35-м корпусе, наиболее беспокойном, по свидетельству командования 3-й армии, о событиях в столице узнали 26 октября. ВРК был создан при первых же известиях о победе вооруженного восстания в Петрограде. Признав власть Совета Народных Комиссаров, ВРК отстранил и арестовал ряд командиров, назначив на их место инструкторов Военно-революционного комитета.

В Петроград корпусной ВРК послал своего представителя для получения указаний [101]. Начальник штаба 3-й армии П. П. Лебедев телеграфи-

---

[100б] Там же, стр. 353.

[101] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1. М., 1966, стр. 468.

ровал 29 октября в штаб Западного фронта о 35-м корпусе: «Положение может оцениваться серьезным, корпусной комитет и строевое начальство утратило вес и значение, верх взял особый Военно-революционный комитет, видимо случайного состава; этот комитет порвал связь с армейским комитетом и держится стороны Советов большевистского направления, а в некоторых частях произведены аресты офицеров...» [101а]. Встревоженный положением в 35-м корпусе, командующий 3-й армией генерал Д. П. Парский приказал начдиву 2-й Туркестанской дивизии послать два полка с двумя батареями (присоединив к себе и 8-й Оренбургский казачий полк) в распоряжение командира 35-го корпуса. Но контрреволюционное приказание не было выполнено. Начались революционные выступления и аресты офицеров в других частях армии.

Комитеты частей 15-го корпуса действовали в том же направлении, что и 35-й корпус. В первые же дни революции в частях армии было арестовано свыше 80 контрреволюционно настроенных генералов и офицеров.

Ставка в своих планах удушения революции на фронте и в столицах возлагала большие надежды на части 3-й армии. Но командование армии с тревогой следило за ходом событий в частях.

С 1 по 6 ноября в Полоцке работал 2-й съезд 3-й армии [101б]. Сначала за большевиками шло около половины делегатов. Перевес сил они имели только в блоке с «левыми» эсерами. В дальнейшем они сумели повести большинство делегатов за собой. Председателем съезда был избран большевик Л. В. Громашевский. Съезд принял резолюцию, выражающую доверие II Всероссийскому съезду Советов и избранному им ВЦИК. В состав избранного съездом армейского комитета вошло 29 большевиков, 23 эсера, 4 меньшевика, 4 максималиста и 4 беспартийных. Председателем был избран большевик подпоручик С. А. Анучин [102]. В таком составе армейский комитет все же не обеспечивал должного руководства развитием революции.

14 ноября большевики провели в армейском комитете резолюцию о передаче всей исполнительной власти в районе 3-й армии в руки ВРК. 17 ноября был образован ВРК. Он включал 10 большевиков (Андреева, Харитонова, Акреляна, Сазонова и др.) и 5 эсеров-максималистов. Председателем ВРК стал большевик подпоручик С. А. Анучин. Так был создан орган революционной власти в 3-й армии.

18 ноября за отказ приступить к мирным переговорам ВРК сместил и арестовал генерала Д. П. Парского. Командующим армией был назначен С. А. Анучин [103]. Председателем ВРК вместо него избрали делегата II Всероссийского съезда Советов врача-большевика И. Л. Когана [104]. Была закрыта соглашательская газета «Голос 3-й армии», начат выпуск «Известий ВРК 3-й армии».

ВРК объявил о предстоящем созыве 3-го армейского съезда. В подготовке этого съезда большевикам армии помогли эмиссары Петроградского Совета солдаты Никифоров, Новожилов, Малышев, Иванов, Захаров.

[101а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 256, 624.
[101б] «Голос 3-й армии», 3—8 ноября 1917 г.
[102] «Известия ВРК 3-й армии», 22—23 ноября 1917 г.
[103] Там же, 23 ноября 1917 г.
[104] Там же.

Особое внимание было уделено агитации среди казаков Туркестанской дивизии и в частях 15-го корпуса, где приходилось преодолевать влияние украинских националистов.

Съезд открылся 3 декабря в Полоцке. Из 370 делегатов 300 были большевиками. Съезд принял резолюцию, в которой записал, что «в своем огромном большинстве стоит за новую, Советскую власть» [105].

Он послал приветствие Совету Народных Комиссаров и Петроградскому гарнизону. Съезд одобрил деятельность ВРК и признал ее исчерпанной. Он передал власть в районе 3-й армии новому армейскому комитету, в состав которого было избрано 99 человек, в том числе 75 большевиков.

26 декабря избранный на съезде армейский комитет переименовал себя в армейский совет 3-й армии.

* * *

Так, от завоевания большевиками отдельных подразделений и частей к завоеванию руководства армиями развивалась революция на Западном фронте. Предстояло завершить переворот путем создания общефронтового революционного органа власти, функции которого временно исполнял Военно-революционный комитет Западной области и фронта. Разрешить указанную задачу призван был 2-й фронтовой съезд солдатских депутатов.

Торжественное открытие этого съезда состоялось 20 ноября. Семь месяцев ожесточенной борьбы за солдатские массы отделяли его от 1-го съезда. Он подвел блестящие итоги работы большевиков. Из 714 делегатов съезда за ленинской партией шло 473 человека. «Левые» эсеры имели 74 делегата, прочие эсеры — 25, меньшевики — 24 [106]. Фронт вверил свою судьбу большевикам. Съезд избрал своим почетным председателем В. И. Ленина, которому отправил приветственную телеграмму. Председателем съезда был единогласно избран А. Ф. Мясников.

ЦК РСДРП(б) прислал на съезд своих представителей: Г. К. Орджоникидзе и В. Володарского. Орджоникидзе приветствовал делегатов от имени Центрального Комитета партии. Володарский сделал доклад о текущем моменте.

Большинством в 500 голосов съезд принял резолюцию в которой записал: «Фронтовой съезд, считая единственно правомочным органом демократии II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов и избранный ими Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, приветствует выделенную ими новую власть — Совет Народных Комиссаров... Съезд выражает ему полное доверие, обещает ему всемерную поддержку... Отныне весь Западный фронт будет одним из оплотов народной власти» [107].

Съезд принял большевистские резолюции по вопросам о мире и пере-

---

[105] Там же, 9 декабря 1917 г.

[106] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 166.

[107] «Советская правда», 3 декабря 1917 г.

мирии, о земле, о демократизации армий, разработал конкретную программу действий по осуществлению декретов Советской власти в области и на фронте.

В резолюции по вопросу об организации Советской власти на Западном фронте съезд исходил из большевистского принципа единения революционных рабочих, солдат и крестьян.

Установка съезда на то, чтобы воинские Советы на местах сливались с Советами крестьянских и батрацких депутатов, включали в свой состав рабочих железных дорог и становились органами власти в своем районе, сыграла большую роль в деле завершения переворота и развития аграрной революции в прифронтовой полосе.

«Высшей законодательной властью в области и на фронте» съезд признал единый областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [108].

Резолюция по вопросу о демократизации армии передавала всю полноту власти в частях Западного фронта солдатским комитетам, устанавливала выборность командного состава и отменяла в армиях фронта все воинские звания и чины. Съезд практически применил свою резолюцию, избрав главнокомандующим Западного фронта А. Ф. Мясникова.

Выступая перед делегатами фронтового съезда, новый выдвинутый пролетарской революцией главнокомандующий говорил: «Я с уверенностью принимаю то, что вы мне даете, ибо знаю, что массы с нами. Только на эту солдатскую, рабочую и крестьянскую массу, совершившую Октябрьский переворот, мы и опираемся. Никакой другой поддержки нам не нужно» [109].

Съезд избрал новый фронтовой комитет в количестве 100 человек (из них 80 большевиков и 10 левых эсеров) и уполномочил его войти в единый областной орган власти — Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области.

Об успехах большевиков Западного фронта в борьбе за солдатские массы и о быстрых темпах советизации армий фронта в дни Октябрьской революции свидетельствуют данные о выборах в Учредительное собрание [110].

Из 976 тыс. солдат и офицеров Западного фронта, принявших участие в голосовании, отдали свои голоса:

	Тыс.	%
За большевиков	653,43	66,5
За эсеров	180,58	18,3
За кадетов	16,75	1,9
За меньшевиков	9,70	1,0
За националистические партии	111,55	11,4

Таким образом, за большевиков голосовало $^2/_3$ личного состава армий Западного фронта. Социалистическая революция имела здесь мощную опору и значительные резервы в лице революционных солдатских масс.

---

[108] «Советская правда», 2 декабря 1917 г.
[109] «Пролетарская революция», 1928, № 3 (74), стр. 63.
[110] *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция, стр. 206.

Успех революции на ближайших к Петрограду и Москве Северном и Западном фронтах создавал благоприятные предпосылки для торжества ее на других фронтах и в значительной мере предопределял исход борьбы за армию. В. И. Ленин писал в этой связи: «Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эсеровской партии...*» [111]

3

ЛИКВИДАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАВКИ

Выше уже отмечалось, что Ставка в первые же дни пролетарской революции превратилась в важнейший организационный центр борьбы всех сил старого мира против власти Советов.

В Могилев поспешили лидеры меньшевиков и эсеров (В. М. Чернов, М. И. Скобелев, А. Р. Гоц) и буржуазные политические деятели, чтобы под крылышком генералов сформировать контрреволюционное «правительство» взамен свергнутого. Сама Ставка не скрывала своих намерений. В ее сводке о политическом положении, выпущенной 8 ноября, указывалось, что «в Ставке собрались главнейшие лидеры партий», которые обсуждают состав нового правительства. «Энесы и правые оборонцы в соглашение с большевиками не идут... При распаде большевизма и утверждении новой власти: премьер Авксентьев, [министр] иностранных дел Церетели, [министр] земледелия Чернов» [112].

После провала двух планов подготовки карательного похода против революции — замысла создания «лужского кулака» и намерения сосредоточить контрреволюционные силы в удаленных от революционных центров районах — у Духонина возникло опасение, как бы стремительно революционизирующиеся (а на его языке «разлагающиеся» и «деморализующиеся») войска действующей армии не бросили фронт и не двинулись в тыл, уничтожая тем самым всякие имеющиеся пока надежды на восстановление прежнего «порядка» в стране. 14 и 15 ноября он дал две дополняющие друг друга секретные директивы командованию Северного фронта, которое пока еще оставалось в руках подчиненного Ставке генералитета. Смысл этих директив состоял в следующем: в случае, «если связь со Ставкой будет окончательно потеряна», а «деморализация войсковых масс достигнет высшего предела и приведет к самочинному срыву с занимаемых позиций войск Северного фронта и к началу гражданской войны», командование Северного фронта должно преградить им движе-

---

[111] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 10.

[112] *Н. М. Якупов.* Борьба партии большевиков за завоевание войск прифронтовых районов в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 694.

ние в Центр России. Для этого необходимо выставлять «верные национальной чести России войска» на позициях, прикрывающих подступы к Москве с севера и северо-запада, «имея в виду, что Россия будет продолжать борьбу до решения Учредительного собрания или правительственной властью, опирающейся на большинство страны» (под этой властью Духонин, как видно, подразумевал ту власть, которую пытались сорганизовать подвязавшиеся в Ставке меньшевики и эсеры) [113]. Левее «надежных» войск Северного фронта, по предначертанию Духонина, против революционных войск должны были действовать (теперь уже фронтом на запад, как против внешнего врага) вызванные с южных фронтов войска 17-го и 22-го армейских корпусов и 2-й Кубанской дивизии под общим командованием командира 17-го корпуса генерала Шиллинга, которому предписывалось присоединить к себе и «части верных войск Западного фронта, если бы этот фронт поддался также полной деморализации». Духонин приказывал «силой оружия» не допускать революционные войска в глубь России или, во всяком случае, прежде их обезоруживать. Он призывал верных контрреволюции генералов «спасти Москву и Юг России от гражданской войны». Этот новый безумный план показывал, что контрреволюция не собирается складывать оружие, что она пока не исчерпала сил в борьбе против власти Советов и не отказалась от мысли перерешить вопрос о власти «силой оружия» [114].

Одновременно Духонин заботился об усилении могилевского гарнизона, вызывая с фронта надежные части для охраны Ставки. В середине ноября в составе гарнизона были 4-й Сибирский казачий полк, Георгиевский батальон (неполный), четыре ударных батальона (пятый — 2-й Оренбургский — находился в Жлобине); кроме того, в Быхове стояли Текинский конный полк и 1-я дивизия польского корпуса, которые могли быть использованы в контрреволюционных целях. «Могилев превращается во второй Версаль» [115],— докладывал 12 ноября В. И. Ленину А. Ф. Мясников.

Еще 10 ноября, выступая на заседании ВЦИК'а с докладом о переговорах с Духониным, закончившихся отстранением его от должности главковерха, В. И. Ленин говорил: «Когда мы шли на переговоры с Духониным, мы знали, что идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий» [116]. Уже тогда действия против Духонина Ленин расценивал как акты войны против контрреволюционного генералитета. После сделанных Советским правительством решительных шагов в борьбе за мир и яростного сопротивления этой борьбе со стороны контрреволюционного генералитета война против него обострилась до последней степени. Совет Народных Комиссаров решил принять срочные меры для разгрома контрреволюционного гнезда в Могилеве. Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко, только что вернувшийся с Северного фронта, где удалось организовать переговоры о перемирии с германским командованием, 17 ноября со значительным отрядом балтийских моряков и солдат Петроградского гарнизона выехал из Петрограда в Могилев для овладения Ставкой. Предварительно в Полоцк, а за-

---

[113] *В. Д. Поликарпов.* Пролог гражданской войны в России, стр. 207—223.
[114] Там же.
[115] «Установление Советской власти на местах», вып. 1, стр. 212.
[116] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 87.

тем в Минск был направлен уполномоченный верховного главнокомандующего, представитель Петроградского ВРК, прапорщик М. К. Тер-Арутюнянц с директивами об организации для участия во взятии Ставки революционных отрядов из состава войск Западного фронта. На совещаниях представителей ВРК 2-й и 3-й армий в Полоцке и в ВРК Западного фронта в Минске были выделены части для наступления на Могилев и разработан план взятия Ставки, предусматривавший окружение Могилева революционными войсками. Создавались два отряда: Северный, под командованием члена ВРК 2-й армии прапорщика Р. И. Берзина, и Южный — во главе с членом ВРК фронта солдатом Е. И. Лысяковым. Северный отряд должен был охватить Могилев с севера и востока, Южный — с юга, обеспечивая выполнение главной задачи, возложенной на Петроградский отряд во главе с Крыленко. Впоследствии Крыленко так характеризовал замысел взятия Ставки: «Могилев сразу брался в клещи... Только на Смоленск и Брянск могли ускользнуть враги, но и там их должны были ждать революционные отряды, ибо и в эти пункты они могли проскользнуть только через Жлобин или Оршу, занятые революционными войсками [117].

В самом Могилеве большевики вели агитацию на предприятиях и в частях гарнизона за перевыборы соглашательского Совета и готовили силы для восстания, которое приурочивалось к моменту подхода революционных отрядов. На помощь могилевским большевикам прибыли агитаторы Северо-Западного комитета РСДРП(б), представители революционных армий Западного фронта.

Результаты большевистской агитации не замедлили сказаться. Солдаты батальона георгиевских кавалеров направили делегата в Оршу, предлагая свою помощь в случае похода на Ставку.

В ночь на 19 ноября состоялось экстренное заседание исполкома Могилевского Совета. «Благодаря энергичным действиям солдатской секции и левого крыла Могилевского Совета» сопротивление соглашателей было сломлено. Исполком вынес постановление о провозглашении в Могилеве власти Советов и избрал ВРК. В своем первом бюллетене ВРК сообщал: «В субботу 18 ноября исполнительный комитет Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов признал существующую власть, стоящую на платформе II съезда Советов..., законной.

Вся власть в городе и контроль над Ставкой перешли в руки Военно-революционного комитета...

Всякая попытка нарушения спокойствия будет подавлена революционными мерами» [118].

Приказом ВРК № 8 генерал Н. Н. Духонин объявлялся находящимся под домашним арестом с исполнением служебных обязанностей до прибытия нового главнокомандующего, назначенного Советским правительством. Тем же приказом Общеармейский комитет был объявлен распущенным, а его члены — арестованными (часть их бежала в Киев).

Временно, до созыва общеармейского съезда, назначенного на 26 ноября, Могилевский ВРК взял функции Общеармейского комитета на себя, выступая, таким образом, как орган власти общефронтового значения.

---

[117] *Н. В. Крыленко.* Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 59.

[118] «Октябрьские дни и их подготовка в Западной области (Штрихи и воспоминания)». Минск, 1968, стр. 8.

Утром 20 ноября в Могилев вступили матросы и солдаты отряда во главе с Н. В. Крыленко [119]. В тот же день был опубликован приказ революционного верховного главнокомандующего:

«Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя — последнее препятствие делу мира пало... Товарищи! С падением Ставки борьба за мир получит новую силу. Во имя революции и свободы я зову вас к революционной сплоченности и революционной дисциплине. Да здравствует власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!» [120].

Занятие Ставки имело чрезвычайно важное значение для судеб Октября на фронте. Оно не исчерпывалось тем, что была обезглавлена контрреволюция в действующей армии. Взяв в свои руки центральный аппарат управления войсками, Советское правительство могло теперь оказать более широкую поддержку завершению переворота на других фронтах, успешнее возглавить дело переговоров о перемирии и борьбу за демократизацию армии.

4

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Борьба большевиков за солдатские массы Юго-Западного фронта протекала в исключительно сложных условиях. Приходилось преодолевать яростное сопротивление контрреволюционного командования, которое поддерживали соглашатели, и в то же время вести борьбу против украинских буржуазных националистов. Последние еще до Октябрьской революции исподволь активно готовились к захвату власти. Они провели, в частности, целый ряд войсковых съездов и с согласия Ставки осуществили украинизацию шести дивизий на Юго-Западном фронте, пяти дивизий — на Румынском фронте и двух дивизий на Северном фронте [121]. Положение осложнялось тем, что Центральная рада еще имела известный авторитет в глазах рабочих, крестьян и солдат.

К началу октября 1917 г. большевистские организации фронта объединяли свыше 7 тыс. членов, причем наиболее сильные организации существовали в это время в 7-й и Особой армиях. Во главе фронтовых большевистских организаций стояло Бюро Военной организации Юго-Западного фронта, которое действовало под руководством ЦК РСДРП(б) и Юго-Западного областного партийного комитета. На помощь большевикам фронта ЦК РСДРП(б) и Петроградский ВРК направили группу комиссаров и агитаторов: И. П. Васянина, Н. П. Ворожцова, В. И. Зофа, А. К. Илюшина, Н. Н. Кузьмина, М. П. Коковихина, М. М. Лашевича, В. А. Упыря, Г. И. Чудновского.

---

[119] Подробнее о ликвидации Ставки см.: *В. Д. Поликарпов.* Революционные органы при Ставке верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.).— «Исторические записки», т. 86.

[120] «Известия ВРК 3-й армии», 24 ноября 1917 г.

[121] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 400.

Больше всего беспокойства у фронтового командования и Ставки вызывало развитие революционных событий в тылу фронта, особенно в Киеве и Виннице, где сразу после Петрограда произошли вооруженные восстания и куда по настоянию Ставки были посланы карательные экспедиции. В этих районах контрреволюция надеялась подавить революционное движение и не допустить революцию на фронт с помощью Центральной рады. О восстаниях в Киеве и Виннице и о предательской роли Украинской Центральной рады подробнее будет рассказано в главе VI [122]. Здесь же остановимся на сговоре Центральной рады с контрреволюционным командованием Юго-Западного и Румынского фронтов в целях подавления революции на Украине и создания плотины против развития революции на обоих фронтах.

Допустив, скрепя сердце, украинизацию нескольких частей, генералитет третировал деятелей Рады, высмеивал их претензии на руководство делами Украины, тормозил созывы съездов украинских солдат. Дело дошло до того, что Временное правительство под радостное одобрение генералитета перед самым своим падением приказало прокурорским властям привлечь исполнительный орган Центральной рады — Генеральный секретариат — к суду за измену.

Но с победой Октября в столицах взаимоотношения генералитета и Центральной рады круто изменились: высмеивание превратилось в восхваление, третирование сменилось любезностью, лидеров Центральной Рады, перестав обвинять в измене, стали объявлять спасителями России. Генерал Г. Н. Вирановский в разговоре по прямому проводу с генералом Б. А. Левицким заявил: «Генерал Щербачев и я считаем очень желательным организацию национальных частей; думаю, что полное единение с Украиной — залог спасения большей и лучшей половины России» [123]. Черносотенный генерал Щербачев, откровенный защитник крепостников-помещиков и их колониальной политики, на время скрыл свои великодержавные взгляды и высказался за поддержку Центральной рады. Он сообщал верховному главнокомандующему: «Считаю, что, учитывая современное положение вещей..., необходимо всячески содействовать укреплению Украины, которая может дать силы для водворения порядка в тылу» [124].

Уже 5 ноября в Бердичеве между представителями Генерального секретариата Центральной рады, с одной стороны, и командования и фронтового комитета Юго-Западного фронта,— с другой, было подписано соглашение, которое сводилось к следующему:

1) гражданское управление в районе дислокаций армий фронта находится в ведении Генерального секретариата;

2) оперативное руководство на фронте и в тылу находится в ведении военных властей;

3) Рада назначает комиссара по гражданскому управлению при главнокомандующем фронтом.

Соглашение было заключено с ведома и согласия Ставки. 6 ноября 1917 г. к Духонину в Ставку явились представители Центральной рады А. И. Лотоцкий и Д. И. Дорошенко. Было решено сосредоточить украини-

---

[122] См. стр. 480—494.
[123] «Разложение армии в 1917 г.», стр. 85.
[124] Там же, стр. 82.

зированные полки на Украине, а для этого перебросить украинизированные части со всех фронтов на Юго-Западный и Румынские фронты[125]. Заговорщики не считались с тем, что такое решение развалит армию, о сохранении которой так много разглагольствовали генералы. 8 ноября Ставка и представители Центральной рады подписали еще одно соглашение о формировании на Юго-Западном и Румынском фронтах новых украинизированных частей. Командиров украинизированных частей назначал Генеральный секретариат. Ставка приказала командирам частей всех фронтов и округов выделить украинцев для национальных формирований.

В развитие соглашения со Ставкой 11 ноября Генеральный секретарь по военным делам С. В. Петлюра послал на фронт телеграмму, в которой указывал: «Обращения к армии народных комиссаров Петрограда в лице Ленина и других... исполнению не подлежат». 23 ноября, опять-таки с согласия Ставки, Генеральный секретариат принял решение о создании из Юго-Западного и Румынского фронтов единого Украинского фронта. Генеральный секретариат приказал перевести на этот фронт все украинские части с Северного и Западного фронтов[126]. Выполнение этого приказа грозило открыть фронт и сорвать перемирие с центральными державами.

Стремясь перехватить инициативу в борьбе за солдатские массы и оказать помощь контрреволюции в столицах, штаб Юго-Западного фронта еще 26 октября создал «Комитет спасения», в состав которого вошли главкоюз генерал Н. Г. Володченко, комиссар фронта меньшевик Н. И. Иорданский, председатель фронтового комитета эсер Дашевский. «Комитеты спасения» были созданы и при штабах армий фронта — Особой, 7-й и 11-й[127].

Контрреволюционное командование при содействии соглашателей сняло ряд частей с фронта и двинуло их на помощь свергнутому Временному правительству к Петрограду и Москве. В числе этих частей находилась и 156-я украинизированная дивизия, на переброску которой Центральная рада с готовностью дала согласие. Такова была цена заявлениям Рады о «невмешательстве» в гражданскую войну в России[128].

Украинизация большей частью производилась без учета волеизъявления солдат. Дело ограничивалось соглашением между представителями Украинской Центральной рады (армейскими или нижестоящими радами) и командованием, прежде крайне отрицательно относившимся к украинизации, а после Октября увидевшим в ней способ борьбы с Советской властью. Многие полкие отказывались принять украинизацию. Делегаты агитационного Отдела ВЦИК П. Исаков и Ф. Карасев, посланные в 7-ю армию Юго-Западного фронта, сообщали в своем отчете о настроении в полках 3-го Кавказского корпуса: «Главное, всех волновали события, разыгравшиеся с Петлюрой. Фронтовики высказывали, что они приказаний Петлюры не исполняют и украинизироваться не хотят, объясняя тем,

---

[125] «Могилевская жизнь», 7 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 343, л. 117.

[126] «Киевская мысль», 12 ноября 1917 г., 29 ноября 1917 г.

[127] *Р. А. Лаевский.* Революционное движение на Юго-Западном фронте в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Канд. дисс. Львов, 1949, стр. 240—241.

[128] *П. А. Голуб.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918). Киев, 1958, стр. 190.

что не время теперь разъединяться; все видят в этом покушение на дело мира».

В 12-м армейском корпусе 253-й Перекопский полк, хотя и состоял в большинстве из украинцев, вынес резолюцию «не выделять из полка никаких национальностей и, всецело подчиняясь народной власти, повинуясь ей, пресекать всякое покушение как на Советы, так и на дело мира вплоть до (применения) вооруженной силы» [129].

Другие делегаты агитационного Отдела ВЦИК А. Мухин и А. Силкин, посетившие 8-й корпус 4-й армии на Румынском фронте, сообщали в своем отчете: «Украинизация армии в 8-м корпусе не имела успеха, большинство украинцев против этого и всецело на стороне Советов». Побывав в других частях армии, делегаты убедились, что общее настроение «до конца войны не производить никаких национальных выделений» [130].

Эти факты (число их можно легко увеличить) происходили до открытой измены Украинской Центральной рады, а когда стало известно ее предательство, по всему фронту развернулись протесты против попыток развала армии. Были соединения, которые снимали с себя звание украинских частей. 7-го декабря верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко приказал прекратить украинизацию, украинизированным частям поставить на выбор: либо признать власть Советов и отправиться на фронт, либо разоружиться; всем украинским радам поставить те же вопросы; не подчиняющихся — арестовать [130а]. Подобные же приказы были изданы в армиях, корпусах и других соединениях.

Важно подчеркнуть, что речь шла не об отказе от принципов разрешения национального вопроса. И в приказе Н. В. Крыленко, и во всех подобных распоряжениях это отмечалось весьма определенно. Приведем только один типичный пример из воззвания ВРК 3-й пехотной дивизии о прекращении украинизации: «...признание народной Украинской республики со стороны Российской власти самое полное и самое искреннее. Да иначе и не может быть! Это начало осуществления одного из благ свободной жизни Украины, и на такое же благо имеет право каждая национальность. Пусть не смутит вас коварная ложь наших буржуазных врагов, сеющая рознь между нами по вопросу об украинизации» [130б].

Речь, как это понимали широкие массы солдат, шла не о нарушении принципа национального самоопределения, а о борьбе с классовым эгоизмом, коварством Украинской Центральной рады, вступившей в союз с донской контрреволюцией и готовой предать родину иностранным интервентам, только бы сохранить власть буржуазии и помещиков.

Но совместные действия генералитета, соглашательских комитетов и Центральной рады не смогли остановить развития революции ни на Юго-Западном, ни на Румынском фронтах.

Наиболее быстро события развивались во 2-м гвардейском корпусе 7-й армии.

Корпус имел тесную и постоянную связь с Петроградом, где стояли его запасные гвардейские батальоны. Они обменивались делегациями. Большевистские организации корпуса направляли свои отчеты в ЦК пар-

---

[129] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 58.
[130] Там же, стр. 79.
[130а] Там же, стр. 61—62.
[130б] Там же, стр. 219, 220.

тии. Так большевики гвардии Преображенского полка сообщили в Секретариат ЦК партии об усилении своей организации и образовании в полку ВРК. Корпус был связан с местными организациями большевиков, особенно с киевской, откуда часто приезжали докладчики.

О событиях в Петрограде в гвардейском корпусе узнали 29 октября от приехавшего из столицы солдата: официальное сообщение о переходе власти к Советам было задержано соглашательским армейским комитетом. По инициативе большевиков, в частности, видимо, И. П. Васянина, присланного Петроградским ВРК в качестве комиссара 7-й армии, в ночь с 1 на 2 ноября был создан ВРК корпуса. На следующий день ВРК созвал представителей комитетов всех частей корпуса (за исключением двух полков и одной артиллерийской бригады). На общем собрании доклад о переходе власти к Советам сделал И. П. Васянин. Собрание приняло решение временно оставить «ВРК, возникший по личной инициативе», но пополнить его представителями всех частей. 2 ноября в корпусной ВРК поступили сведения о восстании в г. Виннице и просьба Винницкого Совета прислать помощь. ВРК распорядился двинуть в Винницу два полка и два артиллерийских дивизиона. Узнав о приближении полков, каратели из Винницы ушли. ВРК 2-го гвардейского корпуса не только оказал поддержку революционным выступлениям в Виннице, Жмеринке, Проскурове, но и помог созданию ВРК 7-й армии. 2 ноября 1917 г. на корпусном съезде 5-го армейского корпуса, где также имелась крепкая большевистская организация, был создан ВРК, взявший власть в свои руки. На корпусном съезде с докладом о событиях в Петрограде выступил делегат II Всероссийского съезда Советов Н. Бухаров. Вскоре, по постановлению корпусного ВРК, командиром корпуса был назначен младший офицер 24-го Сибирского полка А. Н. Тодорский, сочувствовавший большевикам и вступивший в партию в 1918 г.

В 22-м корпусе первыми избрали ВРК солдаты 6-го полка. Объединенное заседание корпусных комитетов 31 октября заявило о полной солидарности с Петроградским ВРК [131].

18 ноября представитель 7-й армии докладывал Петроградскому ВРК о ходе перевыборов комитетов в армии. «Стоят за Советскую власть» [132],— заявил он о настроении солдат.

В 7-й армии, как и в большинстве других, создание ВРК, т. е. большевизация армии, шла снизу.

20 ноября ВРК 7-й армии, опираясь на корпусные ВРК и с их помощью распустил армейский комитет и установил контроль над штабом армии. Большевики 7-й армии явились инициаторами создания ВРК Юго-Западного фронта.

В Особой армии уже 30 октября большевистские резолюции приняли 400-й и 403-й пехотные полки 5-го Сибирского корпуса и 690-й полк 49-го корпуса [133].

8 ноября съезд полковых и дивизионных комитетов 1-го Туркестанского корпуса выразил полное недоверие армейскому и фронтовому комите-

---

[131] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 477.

[132] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 3. М., 1967, стр. 141.

[133] *Р. А. Лаевский.* Революционное движение на Юго-Западном фронте в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции, стр. 241.

там и избрал корпусной ВРК. В резолюции съезда отмечалось, что съезд отдает себя в распоряжение Совнаркома [134].

Но армейский комитет, в котором верховодили соглашатели, не посчитался с настроением солдатских масс. Он создал в начале ноября «Комитет защиты страны и спасения революции», поручив ему борьбу с революционизированием солдат. В противовес ему 13-го ноября в Особой армии организовался временный ВРК, во главе которого находился большевик прапорщик Дмитриев, а затем — большевик Гайлис. Временный ВРК повел решительную борьбу за переизбрание армейского комитета и созыв армейского съезда.

В 11-й армии первым на сторону Советской власти перешел 5-й армейский корпус, в котором была сильная большевистская организация. Корпусной съезд, состоявшийся 2—4 ноября, принял большевистские резолюции по всем основным вопросам и избрал ВРК, которому вверил руководство корпусом. Примеру 5-го армейского корпуса последовали 5-й Сибирский и 6-й армейский корпуса. 10 ноября представители корпусов 11-й армии собрались на совещание, где было решено переизбрать армейский комитет как не выражающий воли солдатских масс. Делегаты образовали большевистский по составу ВРК и объявили его высшей политической властью в армии [135]. ВРК 11-й армии, представителем которого был поручик Устьянцев, 18 ноября обратился с приказом № 1 к солдатам и офицерам: «Считаясь с тем, что вся власть в стране и армии принадлежит самому народу в лице Правительства Народных Комиссаров, Военно-революционный комитет, поставленный волей революционной армии, с сего числа объявляет себя высшей властью в районе 11-й армии» [135а].

Проходившие во второй половине ноября на Юго-Западном фронте выборы в Учредительное собрание показывают соотношение классовых сил в армиях фронта. Из 1 007 400 солдат и офицеров, участвовавших в голосовании, отдали свои голоса:

	Тыс.	%
За большевиков	300,1	29,8
За эсеров (в том числе левых)	402,9	40
За кадетов	13,7	1,4
За национальные и другие группы	290,6	28,8[136]

Следовательно, около половины личного состава фронта поддерживало блок большевиков и левых эсеров в социалистической революции. Украинские националисты вели за собой менее чем 25% солдат и офицеров фронта. Все это свидетельствует о том, что действия Центральной рады были направлены против воли подавляющего большинства солдат Юго-Западного фронта.

---

[134] *Д. А. Гаркавенко.* Борьба большевистской партии за солдатские массы в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания (По материалам Северного и Юго-Западного фронтов). Канд. дисс. Л., 1955, стр. 336—337.

[135] *П. А. Голуб.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 194—196.

[135а] «Военно-революционые комитеты действующей армии», стр. 378.

[136] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 9 (процент выведен нами.— *И. М.*).

Итоги первого этапа революции на Юго-Западном фронте подвел Чрезвычайный фронтовой съезд, проходивший в Бердичеве с 18 по 23 ноября 1917 г. На съезд прибыло до 700 делегатов (267 большевиков, 213 эсеров (из них 50 левых), 47 меньшевиков, 73 украинских националиста) [137].

В подготовке к работе съезда участвовали члены ЦК партии эсеров Н. Д. Авксентьев и А. А. Булат, член ЦК меньшевиков С. М. Вайнштейн.

Из 24 докладчиков с мест 14, представлявших 2 армии, 2 корпуса, 150 частей, потребовали признания власти Совнаркома и поддержки Советов на местах; 11 делегатов, представлявших 3 корпуса, 102 части, высказались за «однородное социалистическое правительство». Не придя к соглашению по вопросу о власти с правой частью съезда, большевики и левые эсеры покинули съезд [138]. Но 24 ноября по соглашению между фракциями фронтового съезда был создан временный Военно-революционный комитет Юго-Западного фронта в составе 18 большевиков, 5 левых эсеров, 9 правых эсеров, 2 меньшевиков, 1 беспартийного. Председателем ВРК был избран большевик Г. В. Разживин [139].

«Приказом № 1», опубликованным 26 ноября, Военно-революционный комитет объявлял, что признает высшей властью в стране Совет Народных Комиссаров, а в армии — главковерха Крыленко. Приказом из-под ареста освобождались все политические заключенные и прекращались все дела по обвинению в политической пропаганде и в неповиновении начальству [140]. В приказе ВРК сообщалось, что ВРК «будет работать в контакте с Украинской радой».

Украинские националисты, наблюдая непрерывное падение своего влияния в солдатских массах, вели вероломную политику: часто они поддерживали резолюции большевиков и таким путем попадали в состав ВРК. Но проводя свою классовую политику союза с контрреволюцией, украинские националисты быстро разоблачали себя. Уже через два дня после образования — 28 ноября — фронтовой ВРК принял резолюцию: «Ввиду установления факта контрреволюционного движения на Дону и ввиду того, что Украинская рада содействует отправке казачьих частей на Дон, усиливая тем самым контрреволюцию, способствуя организованному дезертирству с фронта и деморализуя другие части, ВРК категорически требует от Украинской рады прекратить пропуск казачьих войск на Дон и не препятствовать передвижению советских войск». Еще через день ВРК разослал всем комитетам фронта телеграмму о том, что «голова украинской фронтовой рады, не выражающей воли солдат фронта, самовольно объявил себя комиссаром Юго-Западного фронта». ВРК предписал не исполнять никаких распоряжений самозванца [140а].

ВРК повел борьбу за завершение переворота в армиях фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление командования и Центральной рады.

Большевизация армий Юго-Западного фронта и переход их на сторону революции продолжались быстрым темпом, как свидетельствуют об этом армейские съезды, состоявшиеся после создания фронтового ВРК.

---

[137] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 480—481.
[138] «Известия армейского комитета 9-й армии», 2 декабря 1917 г.
[139] «Историк-марксист», 1937, № 4, стр. 88—89.
[140] Там же, стр. 89.
[140а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 398, 406.

2 декабря в Каменец-Подольском собрался 2-й съезд делегатов 7-й армии. Из 750 делегатов 505 были большевиками. Председателем был избран большевик С. Виллер. Съезд решил «выразить бывшему армкому (армейскому комитету.— *И. М.*) недоверие и благодарность Военно-революционному комитету армии за его энергичную борьбу с контрреволюционным армкомом...». Съезд сместил с должности командующего 7-й армией корниловца генерала Я. К. Циховича за союз с Центральной радой и саботаж приказов ВРК об отправке войск для борьбы с Калединым. Командармом был избран капитан В. К. Триандафиллов, сочувствовавший большевикам [141].

27 ноября в Ровно состоялся 4-й армейский съезд Особой армии. Съезд лишил полномочий старый армейский комитет и созданный им в начале ноября «Комитет защиты страны и спасения революции»; высказался против постановлений Генерального секретариата Украинской Центральной рады об объявлении Юго-Западного фронта с Румынским и объявление их Украинским фронтом [142]; избрал Военно-революционный комитет Особой армии, ставший высшей властью в армии; постановил ввести в армии выборное начало [143].

В Кременце 3 декабря открылся 3-й съезд 11-й армии. Большинство съезда приняло резолюцию о безоговорочном признании власти Совнаркома, утвердило положение о демократизации армии, постановило избрать постоянный ВРК армии и создать полновластные ревкомы во всех ее частях [144]. Вопрос о событиях на Дону и о борьбе с Калединым съезд 11-й армии снял с повестки дня, мотивируя тем, «что в нужный момент армия, как один человек, встанет на защиту родины и революции против контрреволюционеров».

ВРК Юго-Западного фронта, Особой, 7-й и 11-й армий руководили демократизацией армий фронта, заключением перемирия, демобилизацией личного состава. Их деятельность была неожиданно прервана новым преступлением Украинской Центральной рады.

Убедившись, что армия окончательно уходит из рук, Украинская Центральная рада, по согласованию с командной верхушкой Юго-Западного и Румынского фронтов, решилась на новый враждебный акт против революции. 3 декабря Украинская Центральная рада, воспользовавшись тем, что гарнизон г. Бердичева, где стоял штаб фронта, немногочислен, захватила штаб фронта, весь его технический аппарат и арестовала часть членов фронтового ВРК. Оставшиеся на свободе члены ВРК — Г. В. Разживин, его заместитель В. И. Киквидзе, С. П. Медведовский и другие — вынуждены были покинуть город и перебрались в штаб Особой армии. Оттуда они объявили о созыве на 30 декабря в г. Ровно III Чрезвычайного съезда армий Юго-Западного фронта. Захват штаба фронта оказался частью более широкого плана: почти одновременно налеты были произведены на штаб 11-й армии Юго-Западного фронта, на штабы 4-й, 6-й и 8-й армий Румынского фронта.

---

[141] «Известия ВРК 7-й армии», 5—6 декабря 1917 г.; «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 639.

[142] «Известия ВРК 7-й армии», 5—6 декабря 1917 г.»; «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 437.

[143] *П. А. Голуб.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 197—198.

[144] Там же, стр. 221, 232 и др.

Насильственные захваты штабов украинскими националистами, по сути дела, являлись шагом отчаяния. Они видели непрерывный рост революционных настроений солдат, убедились, что массы солдат против их предательской деятельности. Но беспринципные политиканы уже готовились переменить хозяев: от Антанты, чьи войска были далеко, украинские националисты переметнулись на сторону Германии, войска которой стояли на границе. Представители Украинской Центральной рады уже начали тайные переговоры с Германией об интервенции (подробнее об этом в следующей главе). Они стремились полностью дезорганизовать революционные армии Советской России, обеспечив тем самым быстрое продвижение австро-германских войск, а себе — возможность следовать в их обозах и вернуться к власти. Предательский акт не принес ожидаемого успеха. Хотя в какой-то степени он дезорганизовал армии фронта, но украинские националисты не добились сохранения за собой каких-либо военных сил. И все же украинские националисты-петлюровцы и позже не раз нападали на штабы революционных войск. Так, 31 декабря ночью их части ворвались в Ровно, арестовали председателя ВРК Особой армии Ю. Гузарского, выборного командующего армией Егорова и захватили 5 миллионов рублей из армейской кассы, предназначенных на выплату жалованья. Избежавшие ареста члены ВРК вызвали из Дубно два эшелона революционных солдат, которые под командованием В. И. Киквидзе разогнали петлюровские части и освободили Ровно, где затем собрался III Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта. Съезд создал новый ВРК фронта, куда вошли прежние его руководители — Разживин, Киквидзе, Медведовский, распорядился арестовать армейскую раду и обсудил вопрос о создании красногвардейской дивизии. В феврале была ликвидирована революционными частями под командованием В. И. Киквидзе и фронтовая рада. Контрреволюционные действия Рады были встречены протестом солдат всего фронта [145] и привели к гражданской войне на Украине, о чем будет рассказано дальше.

5

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ

Революция на Румынском фронте проходила в еще более сложных условиях, чем на Юго-Западном. К трудностям Юго-Западного фронта прибавилось вооруженное вмешательство иностранных войск — армии королевской Румынии. Это была первая вооруженная интервенция иностранной державы в Советскую страну. Напомним, что в Румынский фронт входили русские и румынские армии; командующим фронта считался румынский король Фердинанд, но фактически руководил фронтом его помощник генерал Д. Г. Щербачев.

---

[145] «Известия ВРК 7-й армии», 5—29 декабря 1917 г.; «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 640—642.

Отдаленность Румынского фронта от русского тыла, пребывание двух его армий (6-й и 9-й) на румынской территории, политика террора, проводившаяся контрреволюционным командованием при поддержке румынских властей, Центральной рады и соглашательских комитетов; активное вмешательство представительств и миссий Антанты, наконец, позднее оформление здесь самостоятельных большевистских организаций — все это обусловило затяжку Октябрьского переворота на Румынском фронте.

Известия об Октябрьской революции пришли на Румынский фронт тогда же, когда и на другие фронты. Уже 25 октября корпусные радиостанции 8-й армии приняли переданное из Петрограда обращение столичного ВРК к армейским комитетам действующей армии и ко всем Советам солдатских депутатов. Несмотря на строгий контроль командования, это обращение очень скоро стало известно в частях [146]. Однако командование, выступавшее при поддержке соглашателей, все же сумело на некоторое время сохранить власть в своих руках.

Командование фронта и фронтовой отдел Румчерода [146а] шли на заведомый обман солдат, прикрывая свою контрреволюционную деятельность революционными формами. Учитывая популярность Военно-революционных комитетов в солдатских массах, контрреволюционное командование решило взять в свои руки их создание. В армиях Румынского фронта ВРК создавались по приказу «сверху» — в этом была особенность положения на Румынском фронте. Так, 26 октября в Яссах, где находился штаб фронта, было создано «Временное фронтовое революционное бюро» «для охраны порядка и спокойствия» в составе представителей командования, комиссариата, фронтового отдела оборонческого Румчерода и Украинской рады [147].

Бюро предписало образовать подобные «ревкомы» во всех крупных соединениях: от дивизии и выше. Под главенством комиссаров Временного правительства такие «ревкомы» были созданы во всех четырех армиях фронта. Вот, например, как был составлен 27 октября «ревком» 8-й армии: от армейского комитета — 6 представителей украинского комитета и Совета казаков по 2 представителя и по одному представителю от армейских политических комитетов, командного состава, Могилевского Совета и вновь образуемых дивизионных и корпусных комитетов.

Вряд ли надо говорить, что «ВРК» Румынского фронта встал на позицию активной поддержки Общеармейского комитета и Ставки и запретил агитаторам тыла въезд в район фронта [148].

При прямой поддержке армейских «ревкомов» генерал Д. Г. Щербачев уже 26 октября приступил к формированию свободной (опять-таки под названием «революционной») дивизии для борьбы с большевиками и революционными солдатами [149].

---

[146] *Е. Н. Дану.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 г. Канд. дисс. Кишинев, 1970, стр. 172—173.

[146а] Напомним, что Румчерод был создан 10—27 мая в Одессе на первом съезде представителей Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. С тех пор он не переизбирался. В его составе преобладали эсеры, меньшевики, украинские националисты.

[147] «Воин-гражданин», 28 октября 1917 г.

[148] Там же, 2 ноября 1917 г.

[149] «Историк-марксист», 1937, № 4, стр. 92.

Старые армейские комитеты и новые «ревкомы» буквально с первых же дней после Октября развернули ярую антибольшевистскую кампанию, в которой широко применялись ложь и клевета, фальсификация и угрозы. В изданиях армейских комитетов Октябрьская революция изображалась как беспринципная попытка большевиков захватить власть. Большевики назывались не иначе как «анархисты» или «погромщики». ЦИК Румчерода, выполнявший функции фронтового комитета, выступил против вооруженного восстания и призывал солдат «к решительной борьбе со всякими попытками насильственного захвата власти», не исключая при этом применение вооруженной силы [150]. Фронтовой отдел Румчерода, находившийся в Яссах, также выступил с осуждением Октябрьского восстания и призывал армии сохранять спокойствие и не допускать «анархии», т. е. революционных выступлений [151].

Армейский комитет 9-й армии, обсудив вопрос о текущем моменте, постановил считать вооруженное восстание недопустимым и приложить все силы к его подавлению. Для предупреждения революционных выступлений и ведения антиреволюционной пропаганды среди солдат армейский комитет послал в корпуса своих комиссаров [152].

Армейский комитет 4-й армии осудил Октябрьскую революцию и выразил готовность оказать «самое сильное противодействие восстанию предоставлением вооруженной силы» [153].

Армейский комитет 8-й армии также призывал солдат на борьбу против Октябрьской революции, считая ее «не социальной революцией, а авантюрой и бунтарством» [154]. В обращении к армии от 9 ноября он призывал солдат поддержать его постановление об организации «однородно-социалистического правительства» во главе с лидером эсеров В. М. Черновым [155].

Армейский комитет 6-й армии прямо против восстания не выступил, но его решение поддержать «только такую власть, которая созовет Учредительное собрание в назначенный срок и поведет самую решительную борьбу за мир на принципах, провозглашенных демократией» [156], игнорировало образование Совета Народных Комиссаров. Причина половинчатой, колеблющейся позиции этого армейского комитета объяснялась, по его же признанию, стремлением соглашателей «не расходиться с солдатской массой».

И все же, несмотря на усилия командования и его соглашательских соратников, изолировать солдатские массы фронта от пролетарской революции не удалось. Большевики фронта сумели донести до солдатских масс правду о событиях в Петрограде.

27 октября в 13-м Заамурском пограничном пехотном полку 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии по инициативе председателя полкового комитета большевика И. Ф. Кучмина был создан ВРК. В приказе № 1 28 октября полковой ВРК объявил, что берет в свои руки всю власть. Хотя он был создан «по щербачевскому типу» и в нем еще преобладали соглашатели, он все же занимал большевистскую позицию. В при-

---

150 «Воин-гражданин», 28 октября 1917 г.
151 ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 14, л. 386.
152 Там же, л. 386—386 об.; «Известия армейского комитета 9-й армии», 28 октября и 3 ноября 1917 г.
153 ЦГВИА, ф. 2138, оп. 1, д. 14, л. 386.
154 «Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918)». Документы и материалы. Кишинев, 1967, стр. 183.
155 «Известия армейского комитета 8-й армии», 9 ноября 1917 г.
156 «Воин-гражданин», 31 октября 1917 г.

казе № 2 от 29 октября ВРК писал: «Солдаты Петроградского гарнизона, матросы и рабочие дают последний и решительный бой. Товарищи, и нам нужно сказать, с кем мы. С рабочими ли и с солдатами или с казаками и текинцами» [157].

28 октября представители войсковых комитетов 4-го армейского корпуса приветствовали восставший пролетариат и переход власти к Советам. 30 октября объединенное заседание комитетов 40-й дивизии, входившей в 4-й армейский корпус, поддержали переход власти к Советам и потребовали отозвать войска, подготовляемые для подавления восстания в столице. Таково было и решение корпусного комитета 4-го Сибирского корпуса.

Собрание комитетов 191-й пехотной дивизии 4-й армии выступило с протестом против действий контрреволюции. В принятой собранием резолюции говорилось: «Мы считаем, что позиция, занятая армейским комитетом, не соответствует настроению широких масс в окопах, а потому и настаиваем, чтобы натравливание армейского комитета на левое крыло демократии — большевиков — было прекращено. В противном случае постановления армейского комитета для нас необязательны, и мы отзовем своих представителей» [158].

Большинство комитетов корпусов и дивизий 6-й армии выступили против позиции армейского комитета по вопросу об отношении к Октябрьской революции и, по словам правительственного комиссара 6-й армии меньшевика Ю. Н. Липеровского, высказали «явное сочувствие большевистскому восстанию» [159].

В 8-й армии на позиции поддержки Советской власти уже 27—28 октября встали комитеты 32-й и 165-й дивизий, пославшие приветствия Петроградскому ВРК. В приветствии исполнительного комитета 32-й дивизии, в частности, говорилось, что «если Временное правительство задумает на этот раз устроить кровавую бойню, то все вооруженные силы 32-я дивизия передает в распоряжение большевиков» [160].

Под давлением солдат ВРК 6-й армии вынужден был отказаться от участия в формировании карательной дивизии [161]. Против участия в формировании этой дивизии высказались также съезд солдат-крестьян Румынского фронта и объединенное собрание полковых и дивизионного комитетов 191-й дивизии [162].

За признание Советской власти высказались Военно-революционный комитет Балтийской дивизии, Дунайской флотилии и гарнизонов Измаила, Кагула, Сулина.

Объединенное собрание исполнительного комитета гарнизона Измаила и комитета частей района Гирла Дуная в своей резолюции, принятой в первые же дни революции, признало революционную инициативу Петроградского Совета, приветствовало совершенный им переворот, обещало ему свою полную поддержку и избрало революционный комитет из 7 лиц, который ведает всеми делами г. Измаила.

Армейский комитет и комиссариат 9-й армии были очень обеспокоены положением в 26-м армейском корпусе, «где было много сторонников

---

157 «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 469, 471.
158 ЦГВИА, ф. 2345, оп. 1, д. 21, л. 450.
159 ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 114, л. 118.
160 «Историк-марксист», 1937, № 4, стр. 91.
161 «Воин-гражданин», 29 октября 1917 г.
162 «Историк-марксист», 1937, № 4, стр. 93.

Ленина», и значительным влиянием «идей большевизма» среди солдат 65-й и 3-й Туркестанской дивизии [163].

31 октября — 1 ноября в местечке Роман состоялся Чрезвычайный фронтовой съезд Румынского фронта. Состав съезда был явно подтасован командованием: делегатов посылали не солдатские массы, а комитеты. Ко дню открытия на съезд прибыл 181 делегат, в том числе 80 эсеров, 40 меньшевиков (среди которых преобладали интернационалисты) и 25 большевиков. В работе съезда участвовал генерал Щербачев, который выступил с антисоветской речью [164].

Несмотря на малочисленность, фракция большевиков упорно отстаивала свои позиции. Меньшевики-интернационалисты колебались и вели компромиссную линию. Некоторые делегаты-меньшевики жаловались на то, что наказы солдат обязывают их выступать с большевистской платформы [165]. Но общий тон задавали преобладавшие на съезде правые эсеры. Съезд большинством голосов осудил восстание в Петрограде, заявил о непризнании Совнаркома и высказался за необходимость создания «однородно-демократического» правительства. Большевики в знак протеста покинули съезд. Однако, демонстрируя свою мнимую демократичность, соглашательские заправилы съезда предложили составить комитет на паритетных началах от всех партий и предложили большевикам выделить своих представителей. Большевики согласились участвовать в этом антисоветском органе, что было, конечно, политической ошибкой, отчасти объяснявшейся недостаточной осведомленностью о положении в центре. «Революционный комитет фронта» был создан из 12 человек (4 эсера, 4 меньшевика, 4 большевика) под председательством комиссара Временного правительства при 6-й армии эсера Г. И. Лордкипанидзе [166–167].

Положительной стороной работы большевиков на съезде явилось образование первого временного фронтового комитета РСДРП(б) в составе Н. Еремеева, Ягодкина, Н. Ансерова. Комитет возглавил консолидацию сил большевиков на фронте.

Во второй половине ноября были проведены партийные конференции во всех армиях, а 27—30 ноября состоялась общефронтовая конференция большевиков в Кишиневе. На нее съехалось более 100 делегатов, представлявших около 200 частей фронта. В работах конференции участвовали представители Петроградского ВРК и Одесского комитета большевиков. Конференция заслушала доклады с мест, приняла резолюции по основным политическим вопросам и избрала фронтовой комитет, куда вошел 21 человек (П. И. Баранов, А. С. Круссер, М. Н. Троицкий, В. Г. Юдовский и др.). Конференция обобщила опыт борьбы за солдатские массы, дала местным парторганизациям политическую линию по основным вопросам, способствовала дальнейшему идейному и организационному сплочению партийных рядов [168].

Так большевистская партия готовила силы к завоеванию власти. Ее работа скоро принесла свои плоды.

---

[163] «Известия армейского комитета 9-й армии», 3 ноября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, л. 28.
[164] «Воин-гражданин», 3 ноября 1917 г.
[165] Там же, 10 ноября 1917 г.
[166–167] Там же, 9 ноября 1917 г.
[168] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 392.

8-я армия

Быстрее всего завершилась большевизация 8-й армии. Большевики армии первыми вышли из объединенной социал-демократической организации. Здесь раньше, чем в других армиях (еще 30 сентября — 1 октября), был создан комитет РСДРП (большевиков и интернационалистов). Для последующего развития событий в 8-й армии важное значение имела 2-я конференция большевиков армии, проходившая в Могилеве-Подольском с 28 по 30 октября. В ее работе приняло участие 297 делегатов, представлявших более 7 тыс. большевиков различных частей армии. Обсудив известие о переходе власти в Петрограде в руки пролетариата, конференция приняла решение об оказании поддержки восставшим рабочим и солдатам столицы и обязала армейских большевиков приложить все усилия для «сплочения революционных сил в полках, дивизиях, корпусах и во всей армии»[169]. Реализуя решения конференции, большевики 8-й армии развернули широкую организационную и разъяснительную работу.

Однако в 8-й армии, как и в других армиях фронта, борьба за власть Советов осложнялась национальной и классовой неоднородностью солдатской массы. Первые большевистские ревкомы здесь были образованы в 32-й и 165-й дивизиях и частях 33-го корпуса. В течение ноября шел процесс преодоления колебаний крестьян в серых шинелях, высвобождения их из-под влияния соглашателей и перехода на сторону революции[170].

Большевики возглавили борьбу за созыв армейского съезда, который должен был отразить происшедший сдвиг и покончить с политикой непризнания Советской власти и противодействия перемирию, проводимой эсеро-меньшевистскими армейским комитетом и ВРК.

2-й съезд 8-й армии проходил в Могилеве-Подольском с 21 по 30 ноября. Наиболее многочисленной и ведущей фракцией на съезде оказались большевики (150 делегатов), которые вместе с левыми эсерами (75 делегатов) и объединенными интернационалистами (14 делегатов) имели такое прочное большинство, какого они не имели ни в одной другой армии Румынского фронта. Правое крыло (100 правых эсеров и меньшевиков и 30 украинских националистов) оказалось бессильным помешать съезду встать на позиции Советской власти[171]. Съезд принял резолюцию: «Вполне признавая правомочность власти Совета Народных Комиссаров, армейский съезд считает себя обязанным исполнять все постановления этой власти»[172]. Был избран новый армейский комитет во главе с большевиком Б. И. Солерсом и образован новый ВРК (председатель — большевик Г. В. Знаменский). В обоих из них большинство принадлежало блоку большевиков и левых эсеров[173].

---

169 «Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов», стр. 109.

170 «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 469—560.

171 Там же.

172 «Известия армейского комитета 9-й армии», 6 декабря 1917 г.

173 Так, из 89 членов армейского комитета большевиков было 37, левых эсеров — 18, меньшевиков и правых эсеров — 25, объединенных интернационалистов — 3 и от украинской фракции — 6 («Известия 2-го армейского съезда 8-й армии», 1 декабря 1917 г.).

4-я армия

Несколько медленнее шла большевизация 4-й армии фронта. Здесь особенно крупных успехов большевики добились в 24-м корпусе. 20 ноября в состав ВРК корпуса было введено 4 большевика. ВРК распустил корпусной комитет и арестовал комкора генерала Николаева. Последний пытался прибегнуть к помощи казаков, но вызванный в село Кеменешти (место дислокации штаба) полк казаков перешел на сторону ВРК.

В тот же вечер в местечке Роман к штабу 4-й армии был двинут революционный отряд пулеметчиков 48-й дивизии в составе 70 человек. 6-тысячный гарнизон местечка не поддержал командующего генерала А. Ф. Рагозу, и он был арестован. Комиссар В. А. Алексеевский срочно вызвал ударные батальоны, но вынужден был согласиться с созданием нового временного Военно-революционного комитета 4-й армии во главе с левым эсером И. С. Кондурушкиным. ВРК сместил генерала А. Ф. Рагозу и назначил командармом генерала А. К. Байова. Вскоре революционные солдаты разогнали антисоветски настроенный армейский комитет.

23—24 ноября в Романе под председательством А. С. Круссера состоялась конференция большевиков 4-й армии. Было решено образовать новый ВРК, пополнив старый 9 большевиками (председатель большевик Старостин). Комитет большевиков 4-й армии обратился с воззванием к солдатам, призывая сплотиться вокруг большевиков и вновь образованного ВРК. «Сомкнитесь и докажите, — призывали большевики, — что и вы вместе с остальной Россией... Пусть социалисты-соглашатели увидят свое лакейство перед кучкой дармоедов, пусть все узнают, кому служат: дармоедам или пролетариату» [173а].

1 декабря в Романе открылся Чрезвычайный съезд 4-й армии. Большинство на нем принадлежало большевикам и левым эсерам. Съезд признал власть Советов и поддержал все декреты II съезда Советов и Совнаркома. «Мы поддерживаем, — говорилось в резолюции съезда, — всей своей боевой мощью как Советы, так и... Народных Комиссаров...» Командующим 4-й армией был избран И. С. Кондурушкин. В своем первом приказе он заявил: «Я, как командующий 4-й армией, признаю только власть Народных Комиссаров. Щербачева же и Украинскую раду считаю изменниками трудового народа, все их распоряжения с настоящего момента недействительны...» [174].

6-я армия

В 6-й армии ВРК был создан армейским комитетом 7 ноября по плану командования и соглашателей; в него вошли по 4 представителя от фракций эсеров, меньшевиков и большевиков и по одному от национальностей: украинской, польской и мусульманской. Председателем его был избран меньшевик Грейбер. На первом же заседании ВРК, обсуждая вопросы о мире, отказался признать Совнарком, «Декрет о мире» и назначении

[173а] «Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г.— январь 1918 г.)». Кишинев, 1967, стр. 202.

[174] *Х. И. Муратов.* Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1958, стр. 347.

Н. В. Крыленко верховным главнокомандующим [175]. Однако влияние большевиков в армии росло настолько быстро, что уже к 18 ноября армейский комитет вынужден был кооптировать в свой состав 6 большевиков — подпоручика Бутаева, солдат Гончарюка, Афиногенова, Каца, Витоля и Шишарина [176].

Это позволило армейским большевикам повести борьбу за созыв 2-го армейского съезда. В процессе подготовки к съезду оформилась армейская большевистская организация. 20—21 ноября состоялся съезд большевиков 6-й армии, созванный по инициативе члена армейского комитета большевика Воробьева. На нем присутствовало 50 делегатов.

На съезде выяснилось, что из-за преследований армейские большевики смогли выйти из подполья и оформить самостоятельные организации и фракции только накануне выборов в Учредительное собрание. Съезд выразил единодушную поддержку Советскому правительству и послал приветствие В. И. Ленину и главковерху Н. В. Крыленко.

Был принят устав Военной организации РСДРП(б) и избрана делегация на фронтовую конференцию большевиков в составе Шалаева, Ярошкевича, Павлова-Григорьева [177].

26 ноября в Галаце открылся 2-й армейский съезд 6-й армии, работавший до 4 декабря. На съезде присутствовало 715 делегатов, в том числе 341 эсер, 231 большевик (из них 110 рабочих), 78 меньшевиков, 22 «социал-демократа вне фракций», 8 народных социалистов, 2 кадета, анархист и 26 беспартийных. В ходе съезда выделилась фракция левых эсеров в составе 130 делегатов (в начале съезда объявили себя левыми эсерами только 17 участников съезда) [178].

Показателен национальный состав съезда: русских — 470, украинцев — 110, белорусов — 25, евреев — 23, латышей — 12, поляков — 11, мусульман — 9, молдаван — 5, эстонцев — 3, грузин — 3, армян — 2 [179]. Он отражает национальный состав 6-й армии и показывает, что не было никаких оснований для ее «украинизации».

На съезде оформился блок большевиков с левыми эсерами. По вопросу о мире съезд большинством (324 за, 253 — против) принял резолюцию левых эсеров, приветствующую решительные шаги Совнаркома по заключению перемирия [180]. Съезд высказал решительный протест против захвата Центральной радой власти на Украине и против создания Украинского фронта, выступил в поддержку Советского правительства и за своевременный созыв Учредительного собрания [181].

В новый состав армейского комитета было избрано 80 человек: 31 большевик, 12 левых эсеров, 10 объединенцев, 17 правых эсеров, 10 человек от национальных групп [182]. Таким образом, большевики в комитете не имели прочного большинства, что обусловило известные колебания в его работе. 9 декабря был избран президиум армейского комитета в составе 15 человек под председательством левого эсера Л. С. Дегтярева [183].

---

[175] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 478.
[176] «Воин-гражданин», 28 ноября 1917 г.
[177] Там же, 27 и 28 ноября 1917 г.
[178] «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 20 декабря 1917 г.
[179] «Воин-гражданин», 1 декабря 1917 г.
[180] Там же, 5 декабря 1917 г.
[181] Там же, 7 декабря 1917 г.
[182] Там же.
[183] Впоследствии большевик («Красная летопись», 1923, № 6, стр. 207—278).

Новый армейский комитет отстранил от командования армией генерала П. А. Коцебу, ставленника генерала Щербачева, и назначил на этот пост генерала А. А. Цурикова [184]. В частях 6-й армии вся полнота власти была передана военно-революционным комитетам нового состава. В гарнизонах армейского тыла вся власть перешла к Советам.

9-я армия

В 9-й армии большевикам фронта пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление эсеров и украинских националистов. 29 октября был избран «ревком», в состав которого вошли представители армейского комитета, командования, Украинской Центральной рады. 31 октября он постановил не проводить перевыборов комитетов до окончания выборов в Учредительное собрание, признать власть Центральной рады и «в случае потребности» двинуть «силу» в распоряжение «Комитета спасения родины и революции» [185].

Против такой позиции «ревкома» выступили комитеты одной из стрелковых дивизий, общее собрание кавалерийской дивизии, полковой комитет телеграфных частей штаба; к 1 ноября ряд частей 26-го армейского корпуса вынес постановление о поддержке правительства Ленина [186]. Настроение солдат отразилось и на позиции отдельных членов «ревкома». Так, 1 ноября один из членов «ревкома», принадлежавший к партии эсеров, заявил о выходе из армейского комитета и из партии эсеров, «так как не считает действия ревкома соответствующими своим убеждениям».

Большевики состояли в объединенной организации социал-демократов. На конференции, состоявшейся 27—29 сентября, был выбран объединенный комитет, куда вошли и большевики.

5 ноября под руководством П. И. Зуева был образован инициативный комитет организации РСДРП(б) 9-й армии, который возглавил подготовку к партийной конференции армии и к новому армейскому съезду [187].

23 ноября в Ботошанах открылась 1-я конференция РСДРП(б) 9-й армии. Председателем ее был избран Ф. И. Рогов. С 5 ноября по 23 ноября организация РСДРП(б) 9-й армии выросла более чем в 10 раз и составляла 6546 членов партии и 18758 сочувствующих им. Был избран комитет РСДРП(б) 9-й армии [188] и намечены меры по дальнейшему привлечению солдат на сторону большевиков.

18—20 ноября на чрезвычайной конференции армии, проходившей в Сучаве, блок большевиков и левых эсеров представлял уже 32 войсковые части [189]. На 1 декабря был назначен армейский съезд. За неделю до его созыва армейский «революционный комитет» и армейский комитет 9-й армии сложили с себя полномочия, признав, что «их взгляды и убеждения не соответствуют настроению масс» [190].

---

[184] «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 240.
[185] «Известия армейского комитета 9-й армии», 28 октября — 2 ноября 1917 г.
[186] «Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции». М., 1977, стр. 443.
[187] «Известия армейского комитета 9-й армии», 5 ноября 1917 г.
[188] Там же, 26 ноября 1917 г.
[189] Там же, 23 ноября 1917 г.
[190] Там же.

С 23 по 29 ноября дивизионные и корпусные съезды избирали новые военно-революционные комитеты. 29 ноября из представителей корпусных военно-революционных комитетов был создан новый временный ревком 9-й армии, подготовивший съезд армии.

2 декабря открылся 3-й армейский съезд 9-й армии. Большинство на нем принадлежало большевикам и левым эсерам. Председателем был избран большевик прапорщик Г. П. Сафронов [191]. Съезд послал приветствие ЦК РСДРП(б) и В. И. Ленину. 7 декабря съезд постановил переименовать себя в Совет солдатских депутатов 9-й армии и избрал ревком армии [192]. 9 декабря командиром русских войск 9-й армии был избран прапорщик Сафронов [193].

Член ВРК Федоров сообщил в Секретариат ЦК РСДРП большевиков: «Обрадую вас, что вся власть (в) 9-й армии находится в руках наших и вполне будьте уверены, что мы на первый ваш зов явимся. Трудно нам было бороться, но все же победили мы» [193а].

Попытка внутренней и внешней контрреволюции подавить революцию на Румынском фронте

Контрреволюция на Румынском фронте недолго щеголяла «инициативой» создания «ревкомов». «Волка в овечьей шкуре» быстро рассмотрели по его поведению и повсюду, особенно в полках, дивизиях, корпусах, создавались действительно революционные органы. Революционные волны подымались все выше, грозя смести контрреволюционное командование и Румчерод. Перед крахом контрреволюция попробовала создать новую плотину против революционного натиска. При фронтовом и армейских комитетах (там, где они еще оставались в руках контрреволюции) стали создаваться федеративно-национальные комиссариаты из представителей различных наций (великороссов, украинцев, мусульманских народов, поляков), представителей от казаков и др. И в данном случае контрреволюция пыталась прикрыться всеобще признанной национальной политикой Советской власти, ее лозунгом национального самоопределения. Готовя военные силы — ударников, украинизированные части и румынские войска — федерально-национальные комиссариаты захватывали власть в свои руки, разгоняли революционные ВРК, арестовывали их членов.

Новая попытка подавить революцию вызвала всеобщее негодование. Революционные массы солдат требовали обуздать командование, разогнать изолированный и потерявший всякое доверие Румчерод. 3 декабря было опубликовано обращение верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко и Военно-революционного комитета при Ставке о роспуске Румчерода и

---

[191] Там же, 5 декабря 1917 г.

[192] Там же, 9 декабря 1917 г.

[193] Там же, 10 декабря 1917 г. Вместе с тем необходимо отметить, что в резолюциях съезда имелся пункт, который практически санкционировал раскол армии на украинскую и неукраинскую части. Так, в резолюции об отношении к Совету Народных Комиссаров говорилось, что все, относящееся к вопросу о власти, не относится к «вполне украинизированным частям», которым предоставлялось право признавать или не признавать власть СНК (там же, 8 декабря 1917 г.).

[193а] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». М., 1957, с. 471.

созыва съезда Румынского фронта, Черноморского флота и Советов Одесской области. В обращении говорилось: «Рассматривая занятую Румчеродом политическую позицию, направленную к отрицанию ныне всеми признанной народной Советской власти, и учитывая несомненное расхождение воли широких солдатских и матросских масс Румынского фронта и Черноморского флота с действиями нынешнего состава Румчерода и, наконец, придавая громадное значение той роли, которую должен играть Румчерод как высший орган Советской власти в разрешении многосложных и ответственных задач текущего момента, Военно-революционный комитет при Ставке совместно с верховным главнокомандующим и в полном соответствии с указаниями Совета Народных Комиссаров объявляет нынешний состав Румчерода распущенным...» [194]. Обращение призывало большевиков и левых эсеров, «признанных всей Россией истинными выразителями народной власти», взять на себя инициативу образования ВРК Румынского фронта.

2 декабря фронтовой комитет РСДРП(б) созвал в Яссах расширенное совещание делегатов ревкомов фронта. На совещании был образован ВРК Румынского фронта во главе с большевиком П. И. Барановым. ВРК провозгласил переход власти на Румынском фронте к революционным солдатам. Советское правительство направило в Яссы комиссаром фронта большевика С. Г. Рошаля [194а].

С 10 по 29 декабря в Одессе работал 2-й фронтовой и областной съезд делегатов армии, флота и области. Из 1058 делегатов было 386 большевиков, 220 левых эсеров, 105 меньшевиков, 80 украинских «социалистов» (меньшевики и эсеры) [195]. В качестве представителя ЦК РСДРП(б) и ВЦИКа присутствовал В. Володарский.

Съезд большинством в 600 голосов признал Центральное рабоче-крестьянское правительство России, избрал большевистский исполнительный комитет Румынского фронта и Советов области во главе с В. Г. Юдовским и комиссию по отводу войск из Румынии в районы демобилизации.

Среди украинцев на съезде произошел раскол. Украинские большевики огласили протест против деятельности Центральной рады. Украинские эсеры и правые эсеры покинули съезд [196].

Вновь избранные революционные органы власти на фронте и в области приступили к исполнению своих функций. Во всех армиях и при фронтовом отделе ЦИК Румынского фронта были созданы комиссии по заключению перемирия и демобилизации.

ЦИК Румынского фронта и области и его фронтовой отдел действовали в чрезвычайно сложной обстановке. Им пришлось руководить борьбой за мир, демократизацией армии и осуществлением труднейшей задачи отвода войск фронта в тыл в обстановке, когда при подстрекательстве Антанты сложился союз командования Румынского фронта, Украинской Центральной рады и правительства королевской Румынии, объединенных общей ненавистью к Советской власти.

Румчерод не подчинился ни приказу Н. В. Крыленко о роспуске, ни решению фронтового съезда, он передал власть созданному при нем феде-

---

[194] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2. М., 1963, стр. 103.
[194а] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 392—393.
[195] «Воин-гражданин», 17 декабря 1917 г.
[196] Там же, 24 декабря 1917 г.

рально-национальному комиссариату, который пытался продолжать контрреволюционную деятельность на фронте, опираясь на свои организации в армиях. Он привлекал к разоружению революционных частей не только ударников и другие специально подобранные отряды, но и румынские войска.

Румынские королевские войска попытались разогнать Совет 9-й армии. Армейский революционный комитет вызвал на охрану Совета поддерживающую большевиков дивизию. Однако 18 декабря украинский комиссар 9-й армии организовал переворот. Опираясь на украинские и румынские части, он арестовал Совет солдатских депутатов 9-й армии и разоружил части, поддерживавшие большевиков[197]. При помощи румынских войск были арестованы также выборные организации 4-й армии. Контрреволюционеры совершили налет и на ВРК 8-й армии: федерально-национальный комиссариат, опираясь на украинизированные части, совершил переворот и объявил себя властью в армии. Он отдал распоряжение о роспуске солдат великороссов из воинских частей[198].

Действия контрреволюции вызвали возмущение и протест солдатских масс. Войсковые соединения стали объединяться для борьбы с захватчиками власти в 8-й армии. 14 декабря в Хотине состоялся предварительный съезд ВРК 11-го и 33-го корпусов, потребовавших переизбрать армейский комитет и созданный им федерально-национальный комиссариат. В том же Хотине 16—17 декабря собрался съезд представителей 11-го, 23-го, 33-го армейских и 2-го конного корпусов 8-й армии. Съезд осудил захват власти федерально-национальным комиссариатом, принял большевистские резолюции по демократизации и демобилизации и избрал ВРК. Съезд выбрал временным командующим 8-й армией прапорщика Л. А. Александровича, а начальником штаба армии штаб-ротмистра большевика А. И. Геккера, вскоре сменившего командующего армией. 19 декабря председатель ВРК Г. В. Знаменский телеграфно сообщил об отстранении от власти федерально-национального комиссариата, принял на себя всю полноту власти, отменил распоряжение о роспуске из воинских частей солдат-великороссов и приказал производить демобилизацию солдат всех национальностей согласно плану Ставки[199]. В тот же день ВРК 8-й армии обратился к окопникам с призывом не поддаваться на провокацию и не уезжать домой неорганизованно. «...Буржуазия всей России объединяется и с ног до головы вооружается для встречи нас: на Урале около Дутова и на Кавказе — казака Караулова, на Дону около Корнилова и Каледина, в Киеве — Центральной буржуазной рады, на фронте румыны во главе с королем и генералом Щербачевым». Воззвание подчеркивало, что буржуазия, объединяясь, не считается с национальной принадлежностью, «а нас темных людей разделяют на украинцев, великорусов, сибиряков и прочих и прочих, натравливают друг на друга, чтобы окончательно поработить нас снова». Центрами сплочения революционных сил стали 8-я и 6-я армии. Большевики 8-й армии сорвали попытку украинского буржуазно-националистического переворота в Могилев-Подольске и не только полностью восстановили Советскую власть в армии, но и делали энергичные попытки восстановить ВРК фронта и армейских комитетов 4-й и 9-й армий. В даль-

---

[197] «Известия ВРК 7-й армии», 29 декабря 1917 г.
[198] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 534.
[199] Там же, стр. 530, 531, 534.

нейшем 8-я армия прикрывала отход частей остальных армий Румынского фронта в Россию [200].

Для расправы над революционными солдатами 6-й армии генерал Щербачев также решил прибегнуть к вооруженной помощи румынских властей. В Болград были направлены румынские части. В Лоеве, Яссах, Кагуле румыны арестовали военно-революционные комитеты и утвердили власть контрреволюционного командования. Особенно жестоко каратели расправились с 4-м Сибирским корпусом, где более всего сказывалось влияние большевиков [201].

Генерал П. А. Коцебу, рассчитывая на помощь румын, отказался сдать командование. В ночь на 9 января 1918 г. специальный отряд революционных войск, посланный армейским комитетом, занял штаб 6-й армии, арестовал Коцебу и разоружил румынский гарнизон Болграда [202]. Однако колеблющаяся и непоследовательная политика армейского комитета обусловила серьезное ослабление революционных сил. Стихийная демобилизация, проходившая в течение декабря — начала января, привела к тому, что большинство частей и соединений армии утратило боеспособность и было разоружено румынскими королевскими войсками.

Тем не менее, несмотря на сопротивление сил контрреволюции, и на Румынском фронте было заключено перемирие, а к январю 1918 г. значительная часть войск фронта была отведена в тыл, где и была завершена демобилизация солдат. Вместе с организованно отошедшей 8-й армией ушли части 18-го и 40-го корпусов 9-й армии, 2-го корпуса 4-й армии и некоторых других соединений и частей. А в Донбассе, куда была переброшена основная масса войск и техники 8-й армии, на их базе была создана и вооружена 4-я Донецкая рабочая армия.

6

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ

Переход солдат Кавказского фронта на сторону революции происходил в особо трудных условиях. Фронт был отрезан от центральной России. Действующие части фронта находились на территории Персии (Ирана) и Турции. Тылы армии были разбросаны по труднодоступной местности. Железнодорожная и почтово-телеграфная связь шла через Закавказские республики, где, кроме Баку, власть находилась в руках националистов-дашнаков, мусаватистов, грузинских меньшевиков.

Революция на Кавказском фронте развивалась в обстановке жесточайшего разгула реакции, клеветы, арестов большевиков и попыток расформирования революционных частей, которыми руководил созданный 26 октября краевым советом Кавказской армии Комитет общественной безопасности, в котором преобладали соглашатели и националисты.

---

[200] *Х. И. Муратов.* Революционное движение в русской армии в 1917 г., стр. 349.
[201] «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 250—266.
[202] «Воин-гражданин», 11 января 1918 г.

Борьбу большевиков фронта возглавляло Бюро военных организаций при Кавказском краевом комитете РСДРП(б). 27 октября было опубликовано воззвание Бюро к Кавказской армии, в котором сообщалось о событиях в Петрограде и звучал призыв к армии помочь революционному Петрограду [203].

Большевики фронта и гарнизонов тыла возглавили борьбу солдатских масс за перевыборы соглашательских комитетов и за созыв 2-го армейского съезда.

В частях фронта и тыла армии проходили митинги, собрания, конференции, на которых выявлялось подлинное настроение солдатских масс. Так, 27 октября власть Совнаркома признало собрание моряков Каспийской военной флотилии, а 1 ноября 1-й съезд моряков Каспийского флота послал приветствие пролетариату, солдатам и матросам Петрограда и Советскому правительству, обещая ему полную поддержку [204].

В сводках штаба Кавказского фронта с 1 по 30 ноября отмечался рост влияния большевиков, особенно во 2-м Туркестанском корпусе и в прифронтовых гарнизонах [205].

В течение 1 ноября — 10 декабря, в поддержку Советской власти высказались гарнизоны Баку, Тифлиса, Грозного, Новороссийска, Еревана, Кутаиси, Туапсе, Георгиевска, Ахалцихе, Елизаветополя, Карса, Сарыкамыша, Александрополя, а также солдаты 6-го Кавказского корпуса, 2-го Туркестанского корпуса, Трапезундского укрепрайона, 7-й Кавказской горной дивизии, 18-го Кавказского стрелкового полка, 218-го, 220-го, 221-го запасных пехотных полков, Кавказской авиашколы и других частей [206].

В наказе делегатам на 2-й армейский съезд от Сарыкамышского гарнизона было записано: «Мы требуем безусловного признания как единственной власти власти Совета Народных Комиссаров и всех декретов и распоряжений его, немедленного роспуска Закавказского комиссариата, передачи его функций Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [207].

4(17) ноября делегатское собрание 70 частей Тифлиса потребовало перевыборов военной секции Тифлисского Совета.

Как ни скудны были сведения о ходе революции в стране, а все же известия о ней проникали в армейскую гущу Кавказского фронта. Среди немногочисленных документов Кавказского фронта (их сохранилось меньше, чем по другим фронтам) имеются сведения о создании 12 ноября 1917 г. ВРК в 156-м пехотном Елизаветпольском полку, входившем в состав 39-й пехотной дивизии, а 13 ноября и в самой дивизии. В протоколах временного ВРК 39-й дивизии (кстати, наиболее полных из имеющихся в архивах) зафиксировано объяснение причин его создания: «...чтобы передвинуть дивизию для отдыха на Северный Кавказ, нужны были решительные революционные действия, которых не выполнил наш командный состав... И видя..., что дивизия остается без управления, мы установили необходимость демократизации командного состава и созда-

---

[203] «Кавказский рабочий», 27 октября 1917 г.
[204] «Известия Бакинского Совета», 7 ноября 1917 г.
[205] «Разложение армии в 1917 г.», стр. 155; ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 40—48, 69—72.
[206] «Кавказский рабочий» за декабрь 1917 г.
[207] Там же, 13 декабря 1917 г.

ния ВРК 39-й дивизии» [207а]. Это объяснение вводит нас в историю той ожесточенной борьбы, которая шла в Закавказье за армию между силами контрреволюции и революции. Краевой Совет Кавказской армии, где преобладали соглашатели и националисты, действовал заодно с Закавказским комиссариатом. Они вооружили гарнизон Тифлиса, перешедший на сторону революции. Вместе с главнокомандующим армией генералом М. А. Пржевальским и комиссаром бывшего Временного правительства эсером Д. Д. Донским они приняли ряд мер по ликвидации революционного движения на Кавказском фронте — расформировали части, которые принимали резолюции о поддержке революционных сил, объявляли демобилизацию неугодных соединений, ввели систему национализации полков, что приводило к ослаблению и дезорганизации армии. В своей неистовой борьбе за армию контрреволюционеры клеветнически утверждали, будто мира на фронте добились соглашатели и националисты, а не Советская власть.

Первостепенная задача большевиков заключалась в том, чтобы добиться переизбрания Краевого Совета путем созыва второго съезда Кавказской армии. Этот съезд состоялся в Тифлисе с 10 по 23 декабря.

Большевики, возглавляемые членом ЦК РКП(б) С. Шаумяном, выступали на съезде в блоке с левыми эсерами.

Съезд выразил недоверие эсеровскому краевому Совету Кавказской армии и лишил его членов делегатских прав за пособничество контрреволюции. Съезд осудил политику Закавказского комиссариата, выступившего в союзе с Калединым и начавшего борьбу с революционными частями фронта. 21 декабря съезд признал власть Совнаркома и приветствовал все его декреты.

В состав краевого Совета вошло 100 человек, в том числе 52 большевика и левых эсера. Председателем Краевого Совета был избран большевик Г. Н. Корганов, секретарем — большевик И. В. Малыгин [208].

Потерпевший поражение правый блок не посчитался с волей съезда. Три дня делегаты блока не давали работать вновь избранному Краевому Совету бесконечными заявлениями о неправомерности победы левых, клеветническими выступлениями и т. п. Затем они совершили «переворот»: меньшинство нового Краевого Совета армии в составе 48 грузинских меньшевиков, эсеров, дашнаков, сторонников Украинской Центральной рады и представителей казаков, опираясь на Закавказский Комиссариат, захватили канцелярию, все средства и собственность Совета и самозванно объявили себя Советом Кавказской армии. «Переворот» был официально поддержан Краевым центром рабочих и крестьянских депутатов, в котором верховодили те же изменники революции: центр заявил, что признает Краевой Совет армии.

Левое крыло краевого Совета объявило себя революционным Краевым советом Кавказской армии, который избрал Военно-революционный комитет и повел борьбу за созыв Чрезвычайного армейского съезда. В обстановке разнузданного террора, организованного Закавказским комиссариатом, революционный Краевой Совет переехал в Баку — оплот пролетарской революции в Закавказье.

[207а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 562.
[208] «Кавказский рабочий», 29 декабря 1917 г.

Между тем Кавказская армия оказалась отрезанной от революционного тыла. Перед Военно-революционным комитетом фронта встали две задачи: не дать контрреволюции разгромить революционные части и организовать отвод частей армии с оружием в тыл. В частях фронта, в гарнизонах и на узловых станциях были созданы Военно-революционные комитеты.

Стремясь разобщить солдат фронта, командование в союзе с украинскими националистами, меньшевиками, дашнаками и мусаватистами приступило к формированию украинских, грузинских, азербайджанских и армянских национальных войск, для чего был выделен ряд воинских частей армии, в том числе 118-й, 219-й, 221-й запасные пехотные полки 2-й Закавказской пехотной запасной бригады, 5-я Кавказская стрелковая дивизия, 17-й Кавказский стрелковый полк. Но солдаты этих частей отказались выполнить приказ командования об образовании национальных формирований и сдали оружие Военно-революционным комитетам.

Военно-революционный комитет фронта приступил к формированию революционных интернациональных частей. Под его руководством был совершен организованный отвод 1-го, 4-го, 5-го, 6-го Кавказских корпусов в революционный тыл.

Вооруженные отряды буржуазных националистов по совету представителей Антанты, особенно США, совершали нападения на идущие с фронта эшелоны. Под Шамхором 7—9 января им удалось устроить жестокую резню [209].

Задача объединенной контрреволюции — местной буржуазии и иностранных империалистов — сводилась к тому, чтобы обезоружить кавказскую армию, лишить ее возможности помочь революции. Кроме Шамхора, были и другие нападения на солдат — под Елизаветполем, Далляром и в других местах. Но несмотря на успех отдельных контрреволюционных нападений, принесших много жертв, провокационный замысел контрреволюции провалился. Созданные по распоряжению Революционного Краевого Совета Кавказской армии Военно-революционные комитеты взяли в свои руки организацию отвода частей с фронта. В начале января 1918 г. в Сарыкамаше сосредоточилось более 30 тысяч солдат. Каждый день подходили новые части. ВРК района Сарыкамаш, во главе которого стоял большевик Б. П. Шеболдаев, преодолевая сопротивление командного состава, назначил своих комиссаров в гарнизоне, на станциях, на телеграфе, почте, восстановил дисциплину в частях и организовал отправку эшелонов в тыл. «Закавказскому комиссариату,— писал в 1918 г. Б. П. Шеболдаев,— пришлось дрожать полтора месяца перед проходившей в полном боевом порядке мимо Тифлиса большевистской армией... Закавказский комиссариат потерпел поражение в своих планах дезорганизовать и разоружить Кавказскую революционную армию, уничтожить ту силу, которая сможет оказать решающее значение на Северном Кавказе в борьбе с контрреволюцией» [209а]. Автор статьи оказался прав: основная масса солдат сумела с боями пробиться в Баку, на Северный Кавказ, в Причерноморье и стать там опорой Советской власти [210]. Таким образом, в течение первых 2—2,5 месяцев был завершен переворот на всех пяти фронтах русской армии. Ни один

---

[209] См. главу 6 настоящего тома.

[209а] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 602.

[210] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2, стр. 394.

фронт, ни одна армия не выступили против социалистической революции. Более того, солдатские массы Северного и Западного фронтов сразу же перешли на сторону Советской власти, что явилось одним из решающих условий закрепления победы революции в Петрограде и Москве и ее дальнейшего развития в стране. На Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах, где развитие революции натолкнулось на яростное сопротивление генералитета, выступавшего в союзе с эсерами, меньшевиками, Украинской радой и закавказскими националистами, большевики завоевали солдатские массы на сторону революции в ходе решительной и самоотверженной борьбы за мир, землю, власть Советов.

7

СОЛДАТСКИЕ МАССЫ В БОРЬБЕ ЗА ПЕРЕМИРИЕ

Для развития революции на фронте огромное значение имело заключение перемирия. Немедленное прекращение войны, по признанию самого контрреволюционного командования, было стремлением, которое затмевало в глазах солдатских масс все [211].

Как уже говорилось, Советское правительство энергично добивалось перемирия. Но успех переговоров во многом зависел от поведения солдатских масс на фронте. Советское правительство вовлекало солдатские массы в решение важнейших государственных вопросов.

Буржуазные и мелкобуржуазные партии яростно выступали против переговоров о перемирии. Когда В. И. Ленин обратился к солдатам со смелым призывом изолировать командование и взять дело мира в свои руки, контрреволюционный генералитет резко выступил против, запугивая развалом армии. Генералы утверждали, что солдаты разбегутся, дезертируют и фронт рухнет. Но они умалчивали при этом, что одной из главных причин дезертирства был отказ старых властей от действительной борьбы за мир. Солдаты видели, что еще с мая 1917 г. Временное правительство при участии соглашателей спекулировало лозунгами мира, побуждая солдат тянуть военную лямку и проливать кровь в бесплодных авантюрах на фронте. Не удивительно поэтому, что к осени солдаты почти полностью изверились в велеречивых и пустопорожних декларациях о мире и «голосовали ногами», т. е. покидали фронт.

Отмечались случаи анархического оставления позиций и постов целыми частями и подразделениями [212]. Это явление, если бы оно разрослось, действительно грозило открытием фронта со всеми пагубными последствиями для дела социалистической революции и для судеб страны.

Под влиянием и руководством солдатских организаций, во главе которых становились большевики, основная крестьянско-пролетарская масса фронтовиков проявляла сознательность и организованность. Преобладающей формой борьбы солдат за мир в конце октября — первой декаде ноября

---

[211] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 77.
[212] Там же, лл. 81—82.

1917 г. стало братание, принявшее еще невиданный размах. Так, по донесению командования, в 1-й армии Северного фронта перемирие приводилось «в исполнение явочным порядком посредством братания» (сообщение от 10 ноября) [213]. Из 69-й дивизии 10-й армии Западного фронта 1 ноября сообщали: «Солдаты стоящих на позиции полков поголовно выходят для братания с немцами». Бороться с этим при помощи артиллерии, отмечалось далее в сообщении, не удается, так как солдаты выделяют специальные команды, которые угрожают артиллеристам оружием [214]. Шло братание в 5-м Сибирском корпусе 11-й армии Юго-Западного фронта (сводка настроений за 1—8 ноября) [215]. В 8-й армии Румынского фронта, по донесению комиссара армии от 5 ноября, братание охватило 32-ю, 165-ю, 2-ю Заамурскую и 4-ю дивизии [216].

Общую картину резюмировала составленная в Ставке записка о состоянии армии за 1—15 ноября, где говорилось: «Братание широкой волной захватило все фронты» [217].

Но постепенно наиболее сознательные солдаты начинали понимать недостаточность братания для достижения желанного мира. В этом отношении чрезвычайно интересно сообщение о событиях в 165-й дивизии (11-й корпус, 8-я армия), где значительным влиянием пользовались большевики. С конца октября здесь развернулось братание. Но затем комитеты дивизии высказались против стихийного братания, предложив заменить его организованными переговорами с противником о мире (фактически, конечно, о перемирии) [218]. Таким образом, передовая часть солдат сама подходила к осуществлению того дела, которое Совнарком, В. И. Ленин предложили им брать в свои руки. Именно это обстоятельство обеспечило быстрый успех смелой инициативы Советского правительства.

Сводки о настроении армии в конце октября — начале ноября 1917 г., составленные старым командованием и комиссарами Временного правительства, единодушно констатировали, что на фронте «господствует стремление к немедленному миру», что такого мира ждут от большевистского переворота и что «жажда мира склоняет многих на сторону большевиков» [219].

Стремления фронтовиков проявлялись не только в вынесении резолюций о немедленном заключении мира, но и в конкретных, практических действиях. Этот этап борьбы за перемирие характеризуется заключением целого ряда «солдатских миров», т. е. местных перемирий фронтовых частей и соединений с противостоящими войсками противника. Совнарком и органы революционной власти на фронте направляли инициативу солдатских масс и, опираясь на нее, вели подготовку к заключению общего перемирия.

Едва ли не наибольшее распространение «солдатские миры» получили на Западном фронте. Один из первых подобных «миров» был подписан здесь 14 ноября между 67-й пехотной дивизией (35-й корпус, 3-я армия) и 31-й германской дивизией. На следующий день договор о прекращении

---

[213] Там же, д. 30, л. 73.
[214] Там же, ф. 2015, оп. 1, д. 102, л. 3.
[215] Там же, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 89—90.
[216] Там же, ф. 2015, оп. 1, д. 102, лл. 16—19.
[217] Там же, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 77—77 об.
[218] Там же, д. 27, л. 272.
[219] Там же, лл. 248, 261; д. 30, л. 42 и др.

военных действий заключили ВРК Гренадерской дивизии (Гренадерский корпус, 2-я армия) и немецкая армия генерала Войрша. ВРК 15-го армейского корпуса заключил перемирие с 57-й германской дивизией. Немного позднее 69-я пехотная дивизия (10-я армия) договорилась о перемирии с 11-й германской дивизией, а 3-й армейский корпус (10-я армия) — с 57-м германским корпусом [220].

В ревкомы армии Западного фронта один за другим поступали договоры о перемирии. Необходимо было обобщить опыт солдатских масс, придать их действиям соответствующее общегосударственным интересам направление, наконец, организационно завершить начатое дело в масштабах всего фронта. Фронтовой ВРК образовал Центральную комиссию по перемирию, которая должна была руководить деятельностью местных комиссий при ревкомах воинских соединений. Центральная комиссия под руководством А. Ф. Мясникова выработала регламент ведения переговоров. Они должны были вестись днем особо уполномоченными лицами при соблюдении строжайшей революционной бдительности и революционного порядка на фронте. Окончательное подписание договора о перемирии могло произойти лишь при условии одобрения его статей Совнаркомом.

ВРК фронта предложил всем ревкомам в целях успешного осуществления перемирия взять всю полноту власти в свои руки [221].

17 ноября ревкомы 2-й и 10-й армий обратились к командованию немецкой армии генерала Войрша и 12-й немецкой армии с предложением немедленно начать официальные переговоры о перемирии. Одновременно фронтовой ВРК направил такое же предложение командованию германской армейской группы генерала фон Эйхгорна, противостоявшей Западному фронту. Это предложение было принято, и начало переговоров было назначено на 19 ноября [222].

Центральная комиссия по перемирию выработала проект договора о перемирии, одобренный ВРК и согласованный со штабом фронта. Переговоры длились два дня. 21 ноября 1917 г. в 9 час. утра в д. Солы был подписан договор между представителями ВРК Западного фронта и немецким командованием об установлении перемирия сроком на два месяца на всем протяжении Западного фронта. Выдвинутые революцией на столь необычную для них роль солдаты-делегаты ВРК фронта и его армий одержали в неравном дипломатическом поединке с немецким командованием замечательную победу, настояв на внесении в договор важнейшего пункта, запрещавшего переброску частей на другие участки фронта [223].

На Юго-Западном фронте «солдатские миры» были заключены во второй декаде ноября отдельными частями Особой армии [224]. 18 ноября делегация ВРК Особой армии подписала в Ковеле соглашение о перемирии с представителями командующего фронтом противника генерала фон Лизингена. 20 ноября принял решение вступить в переговоры о перемирии

---

[220] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 160—161; «Известия исполнительного комитета Гренадерского корпуса». 22 ноября 1917 г.

[221] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 161—162.

[222] Там же.

[223] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, лл. 1—3, 37—37 об.

[224] *П. А. Голуб.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 205.

с противником ВРК 11-й армии, одновременно отдавший приказ о прекращении боевых действий на всем участке армии [225].

21 ноября Чрезвычайный фронтовой съезд Юго-Западного фронта постановил «предложить главнокомандующему немедленно начать переговоры о перемирии» [226]. Генерал Н. Г. Володченко пытался саботировать это решение, однако после обращения к командующим армиями, которые сообщили, что перемирие уже фактически осуществляется или будет заключено революционными организациями в ближайшее время, вынужден был подчиниться. Приступить к переговорам до заключения общего перемирия здесь, впрочем, не успели [227].

На Румынском фронте наиболее активно боролись за мир солдаты 8-й армии, где сильнее, чем в других армиях, сказалось влияние большевиков. 13 ноября Совет депутатов 32-й пехотной дивизии заключил перемирие с представителями 3-й австро-венгерской армии. 15 ноября перемирие было распространено на участок всего 11-го русского корпуса [228]. Его примеру последовал 33-й корпус [229].

В обстановке развертывавшейся борьбы за мир снизу и краха духонинской Ставки генерал Д. Г. Щербачев решил использовать перемирие в контрреволюционных целях. Щербачев призывал солдат фронта ждать исхода предстоящих переговоров, сохраняя полный порядок и боеспособность [230].

Заключение перемирия должно было дать Щербачеву важные козыри. Прикрываясь им, он надеялся укрепить верные ему национальные формирования и использовать их для разгрома «большевизированных» частей [231].

Однако маневр контрреволюции провалился. Борьба за Советскую власть на Румынском фронте продолжалась и после заключения перемирия.

На Кавказском фронте инициатива заключения перемирия исходила от турецкой стороны, передавшей 17 ноября соответствующие письменные предложения. Командующий русскими войсками, учитывая настроение солдат и вести с других фронтов, дал согласие на перемирие при условии, что не будут производиться стратегические перегруппировки и все войска останутся на занимаемых ими позициях [232].

Поскольку одновременно с переговорами в Брест-Литовске заключались частные перемирия на отдельных участках фронта [233], Советским правительством были приняты меры для введения их в единообразное русло. Сразу после овладения Ставкой Крыленко издал приказ, предписывавший при заключении местных перемирий руководствоваться рядом общих принципов: 1) все частные перемирия должны будут автоматически утратить силу с заключением общего перемирия; 2) обязательным пунктом должно быть запрещение переброс войск с фронтов договаривающихся сторон,

---

225 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, лл. 6—8.
226 «Известия армейского комитета 1-й армии», 25 ноября 1917 г.
227 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, л. 38.
228 Там же, д. 40, лл. 24, 28.
229 *М. С. Френкин.* Революционное движение на Румынском фронте, стр. 234.
230 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 50, л. 4.
231 Подробнее о ведении переговоров см. главу 4-ю.
232 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 50, л. 38.
233 Как сообщала газета «Голос революции», «по заявлению немецких парламентеров, перемирие заключено 59 русскими дивизиями» («Голос революции», 23 ноября 1917 г.).

особенно с русского, на фронты союзных армий [234]; 3) все местные перемирия должны проходить через утверждение главковерха или центральных органов власти в Петрограде; 4) желательно предварительное согласование частичных перемирий на возможно бо́льших участках фронта [235]. Реализация этого приказа облегчала задачи советской делегации в Брест-Литовске. Мы уже писали, что напряженные переговоры об общем перемирии по предложению советской стороны 22 ноября были прерваны на неделю с целью обсудить выдвинутые условия и информировать народы и правительства других воюющих стран. Тем временем на русском фронте устанавливалось перемирие на 10 дней (с 24 ноября). Согласно его условиям, обе стороны обязались издать приказ о запрещении перехода демаркационной линии. Запрещалась переброска войсковых соединений (от дивизии и крупнее), кроме тех, распоряжения о которых были отданы до 22 ноября 1917 г. Наконец, признавалось, что с достижением этого соглашения все ранее заключенные частные договоры о прекращении военных действий утрачивают силу [236].

Нежелание государств Четверного союза пойти на заключение длительного перемирия объяснялось тем, что они сомневались в силе Советской власти, ее способности обеспечить устойчивость фронта и соблюдение условий перемирия. Временным перемирием они хотели проверить, в какой мере с Советским правительством следует считаться при дальнейших переговорах. Первое пролетарское государство оказалось, таким образом, перед серьезным испытанием. Необходимо было пресечь попытки провокаций со стороны разного рода сторонников продолжения войны (а такие попытки были). Нужно было решительно бороться и с разного рода анархическими проявлениями, в первую очередь со стихийным стремлением солдатской массы после заключения перемирия двинуться по домам.

Советское правительство решало эти трудные задачи целым комплексом взаимодополняющих мер. Главнокомандующий Крыленко издал приказ, в котором под угрозой революционного суда запрещал открытие огня, переход демаркационной линии и требовал неукоснительного соблюдения условий перемирия [237]. На фронте проводилась большая разъяснительная работа. Печать подробно информировала фронтовиков о ходе переговоров с противником, о возникавших разногласиях, показывала необходимость поддержать усилия советской делегации. Широко развернулась демократизация армии, возвращавшая солдатам утраченную веру в командный состав. Была начата организованная демобилизация солдат старших возрастов. Все это хотя и не могло полностью ликвидировать дезертирства и отдельных случаев самовольного оставления позиций, но позволило сохранить фронт и обеспечить соблюдение обязательств, принятых по соглашению о перемирии.

Самоотверженная деятельность большевиков фронта, дружная поддержка солдатских масс, проявивших сознательность и организованность, позволила Советской власти добиться успеха в сложном и трудном деле заключения перемирия.

---

[234] Советское правительство настойчиво боролось за всеобщее перемирие и не хотело, хотя бы косвенно, способствовать усилению одной из империалистических группировок.

[235] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 50, л. 21.

[236] Там же, лл. 35—36.

[237] Там же, л. 36 об.

Как уже отмечалось, 2 декабря договор о перемирии между Советской Россией и странами германского блока был подписан.

Заключение перемирия оказало огромное революционизирующее влияние на солдатские массы. Оно воочию убедило изнуренных и измученных фронтовиков в том, что только Советская власть принесет долгожданный мир. В результате авторитет Советской власти и большевистской партии неизмеримо вырос. Вместе с тем солдатские массы, призванные Советской властью к активному участию в борьбе за перемирие, приобретали богатый политический опыт. Это сыграло важную роль, когда, вернувшись домой, многие солдаты включились в борьбу за установление Советской власти в деревне.

8

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ АРМИИ

Одновременно с установлением Советской власти на фронте и заключением перемирия происходил процесс демократизации вооруженных сил. Он представлял собой первый после Парижской Коммуны опыт слома постоянной буржуазной армии. Она не распускалась (хотя частичная демобилизация и проводилась), а коренным образом перестраивалась. Радикально менялись классовый характер власти в армии и формы ее осуществления: на смену назначению командного состава пришла выборность, ликвидировалось единоначалие, происходило полное уравнение солдат с офицерами в правах, старая дисциплина принудительного подчинения солдатских масс офицерству заменялась сознательным подчинением выборному командованию.

Отказ большевистской партии от роспуска старой армии объяснялся целым рядом обстоятельств. Начать с того, что речь шла не об обычной, сравнительно немногочисленной, оторванной от народа, одурманенной и вымуштрованной постоянной армии, а об армии военного времени, вобравшей в себя весь цвет народных сил, революционизированной, «наполовину большевистской» по политическим симпатиям солдат, имевшей опыт создания второй армейской власти и ее готовые организационные ячейки в виде солдатских комитетов. Кроме того, международная обстановка была такова, что распустить армию означало бы для Советской республики разоружиться перед лицом вооруженного до зубов империализма, открыть фронт, позволить германо-австрийским империалистам задушить первое в мире пролетарское государство.

Следует отметить, наконец, что демократизация армии не противоречила и программным требованиям большевистской партии о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа и, более того, могла стать (на это первое время надеялось Советское правительство) одним из главных путей к достижению названной цели.

Демократизация армии осуществлялась самими солдатскими массами под направляющим и организующим воздействием большевистской партии

и Советского правительства, причем руководящая роль пролетарского государства в этом процессе неуклонно возрастала. Ход демократизации на фронте можно условно разделить на три этапа: первый — от победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде до конца ноября, когда демократизация развертывалась преимущественно снизу и охватила наиболее революционизированные Западный и Северный фронты; второй — с конца ноября до середины декабря, когда демократизация в связи с ходом революции и под влиянием деятельности революционной Ставки ускорилась и расширилась, распространившись на Юго-Западный и отчасти Румынский фронты; третий, заключительный этап — вторая половина декабря — начало января 1918 г., когда Советское правительство издало декрет о демократизации армии, в соответствии с которым она была завершена всюду, где этому не помешала гражданская война.

Как мы видели, установление Советской власти и осуществление перемирия на фронте натолкнулись на сопротивление командования. Это не могло не привести к обострению отношений между солдатами и офицерами, к серии резких конфликтов между ними и окончательной утрате доверия к старым командирам со стороны солдат. Невыполнение приказов приняло массовый характер и стало обычным явлением. Только за первую половину ноября, по неполным данным, командование зафиксировало 25 крупных случаев «насилия» над офицерами [238]. Так, во 2-й Латышской бригаде 12-й армии за отказ подчиниться контролю ревкомов были арестованы почти все командиры [239]. В 126-й дивизии Особой армии солдаты арестовали 50 офицеров по подозрению в контрреволюционных действиях [240]. Случаи ареста офицеров и смещения командиров отмечались во всех армиях фронта. Все это вызывало необходимость коренных перемен во взаимоотношениях солдат с офицерами.

Творчество революционных солдатских масс создало несколько вариантов решения назревшей задачи: контроль над комсоставом со стороны комитетов (Советов), выборность командиров, сочетание того и другого.

Наиболее распространенным на первых порах был контроль ревкомов и комитетов за действиями командования. Так, в 3-й армии Западного фронта контроль осуществлялся с помощью института комиссаров и солдатских комитетов, охвативших всю армию снизу доверху. Но чем дальше, тем больше контроль заменялся или, скорее, дополнялся выборностью комсостава [241].

Так, солдаты 1-го дивизиона 3-й гвардейской артиллерийской бригады 11-й армии, арестовав офицеров, постановили заменить их выборными из своей среды [242]. Выборы комсостава были проведены в частях 43-го корпуса 12-й армии [243], 3-го Сибирского корпуса 2-й армии, 2-го гвардейского и 25-го корпусов 11-й армии [244] и многих других.

Одновременно возросла роль комитетов, которые нередко преобразовывались в Советы солдатских депутатов. В них наряду с революционными солдатами в качестве рядовых членов избирали и командиров. Деятель-

---

[238] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 81—82.
[239] Там же, д. 30, л. 44; д. 31, л. 78 об.
[240] Там же, д. 31, лл. 142—144.
[241] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 368.
[242] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 24, лл. 84—85.
[243] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 277.
[244] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, лл. 142—144; д. 24, лл. 69—73.

ность офицеров ставилась, таким образом, под контроль Советов. Подобным образом был решен вопрос о взаимоотношениях с офицерством в 32-й пехотной дивизии 6-й армии [245], 3-й гвардейской дивизии 7-й армии [246], 1-й Заамурской дивизии 8-й армии [247].

Помимо выборности комсостава, солдаты выдвигали требования об уравнении в правах офицеров и рядовых, ликвидации чинов и повышенных жалований, отмены института денщиков.

Однако демократизация даже на первом этапе не была чисто стихийным процессом. В известной мере она направлялась Советским государством. На другой же день после победы Октябрьского вооруженного восстания высший орган власти в стране — II Всероссийский съезд Советов — принял постановление, сыгравшее очень важную роль в демократизации фронта. Съезд предложил всем армиям создать временные ревкомы, на которые возлагалась ответственность за сохранение революционного порядка и прочность фронта. Ревкомы, таким образом, ставились над командным составом. Одновременно объявлялось о ликвидации института комиссаров Временного правительства и о замене его комиссарами II Всероссийского съезда Советов [248].

Хотя на первых порах Советскому государству больше всего приходилось заниматься центральным военным аппаратом, но уже в это время делались первые попытки обобщения опыта демократизации армии снизу. 8 и 23 ноября Совет Наркомвоена опубликовал проекты деклараций, содержавшие основные принципы армейской демократизации: расширение прав выборных солдатских организаций, полная выборность комсостава, уравнение всех военнослужащих в правах с одновременным уничтожением всех чинов и знаков отличий. Во втором проекте декларации четко формулировалась задача демократизации: «Создать свободную армию вооруженных граждан, армию рабочих и крестьян с широким самоуправлением выборных солдатских организаций», которая, «взамен господства буржуазии обеспечит власть рабочих и крестьян» [249].

Большое влияние на фронт оказали также некоторые решительные революционные шаги Советского правительства, как, например, назначение прапорщика Н. В. Крыленко верховным главнокомандующим в нарушение всех норм старой служебной иерархии.

Процесс демократизации быстрее всего шел на Западном фронте, где имелась сильная большевистская организация. Здесь раньше других организованно перешли от контроля над комсоставом к его выборности. Съезд 10-й армии, проходивший 7—10 ноября, предложил комитетам немедленно взять в свои руки управление всеми сторонами жизни армии. Все контрреволюционные элементы подлежали немедленному удалению. Комитетам предоставлялось право выбирать и отчислять начальствующих лиц, причем выборные командиры утверждались комитетами высших инстанций [250].

12 ноября новый командующий Западным фронтом подполковник В. В. Каменщиков в специальном приказе объявил временные положения

---

[245] Там же, д. 40, л. 22.
[246] Там же, д. 24, л. 74.
[247] Там же, д. 27, лл. 282—317.
[248] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 21.
[249] *С. М. Кляцкин.* На защите Октября. М., 1965, стр. 63—64.
[250] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 142—143.

о выборах командного состава [251]. Проблема выборности решалась этими положениями так же, как и в решениях съезда 10-й армии. Наконец, 2-й фронтовой съезд, открывшийся 20 ноября, принял развернутое «Положение об организации армий Западного фронта». Оно закрепляло передачу всей полноты власти в частях и соединениях солдатским комитетам и устанавливало *обязательную* выборность комсостава. Командиры (до полкового включительно) должны были избираться общим голосованием соответствующих частей, а командиры более высокого ранга — совещаниями или съездами представителей комитетов соединения. Упразднялись офицерские и унтер-офицерские звания, вводилась единообразная форма одежды без всяких знаков отличий. Все части и рода войск уравнивались в правах и условиях службы. В документе подчеркивалась необходимость строгой дисциплины в рядах войск, которая «поддерживается силой товарищеского влияния, авторитетом комитетов и действиями товарищеского суда» [252]. Значение принятого съездом «Положения» вышло за рамки Западного фронта. Его важнейшие пункты легли в основу позднейших актов Советского правительства по этому вопросу и прежде всего проекта «Положения о демократизации армии», утвержденного в конце ноября ВРК при Ставке.

На Северном фронте авангардная роль в борьбе за демократизацию принадлежала 12-й армии. 18 ноября большевистский Искосол армии принял «Временную инструкцию для производства выборов командного состава» в 12-й армии до командира полка включительно. Она устанавливала, что все командиры избираются прямым, равным и тайным голосованием по ротам или по полкам. Организация выборов возлагалась на комитеты. Офицеры, не признающие власти Совета Народных Комиссаров или выступающие против революции, подлежали немедленному отстранению. Во всех полках и соединениях избирались комиссары, пользовавшиеся большими контрольными правами [253]. Осуществление этой «инструкции» привело к столкновениям с комсоставом и массовым арестам контрреволюционно настроенных офицеров.

В других армиях Северного фронта осуществление демократизации не носило столь организованного характера и регулировалось отдельными приказами и распоряжениями различных ревкомов и комитетов. В частности, в 1-й армии получили распространение солдатские или народные суды, деятельность которых была направлена против офицерства [254].

Важное значение имел 1-й съезд Северного фронта, принявший 28 ноября «Основы переустройства армии на выборных началах». Они включали: а) отмену всех чинов, званий, знаков отличий и связанных с ними привилегий; 2) повсеместное осуществление выборного начала (порядок выборов регулировался специальной инструкцией); 3) утверждение избранных начальствующих лиц комитетами высших степеней и право смещения командиров общим собранием избравшей их части. Все военные управления и учреждения также подлежали перестройке на началах выборности. Ин-

---

[251] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 365—366.

[252] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 170.

[253] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 298—299. Е. Н. Городецкий считает, что «Временная инструкция» была принята Искосолом только 27 ноября (*Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 370).

[254] *М. И. Капустин.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 298—299.

ститут денщиков отменялся. Устанавливалось разграничение компетенций комитетов (внутренний распорядок части) и командиров (распорядок строевой жизни и оперативная деятельность). Эти «Основы переустройства армии» съезд предложил вниманию Совнаркома и просил Советское правительство о спешном издании соответствующих декретов [255].

После фронтовых съездов на Западном и Северном фронтах процесс демократизации значительно ускорился. Ее успехи позволили управлению Северного фронта поставить перед войсками задачу закончить выборы должностных лиц к 15 декабря 1917 г. В действительности к этому сроку в основном завершились выборы комсостава в низших звеньях — от роты до полка включительно, и лишь в части соединений (43-й и 13-й корпуса, Выборгская бригада) были избраны все командиры. Впереди других шли те воинские части, в которых большевики давно занимали прочные позиции [256]. На Западном фронте выборы комсостава в середине декабря шли полным ходом [257].

Развитию демократизации способствовало распространение революционной Ставкой 30 ноября — 1 декабря проекта «Положения о демократизации армии», принятого ВРК при Ставке. В основу этого проекта, как уже отмечалось, легли нормы, выработанные революционными солдатами Западного фронта. «Положение» предусматривало создание единой системы самоуправления, выборности комсостава и дисциплинарных норм для всей армии. Высшим органом солдатского самоуправления становилась солдатская секция ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. В «Положении» декларировалось, что «армия служит воле трудового народа и подчиняется власти Народных Комиссаров, опирающейся на волю Советов и их доверие» [258]. В нем, следовательно, определялось место армии в Советском государстве.

«Положение о демократизации армии» было доведено до сведения частей Юго-Западного фронта в виде приказа верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. Оно явилось дополнительным стимулом для принявшего здесь с конца ноября массовый характер избрания солдатами комсостава. В Особой армии наиболее широкий размах приобрела демократизация в 39-м и 44-м армейских и 7-м кавалерийском корпусах, где она охватила все звенья — от низших до высших. Энергично шли выборы комсостава в 7-й армии. Здесь был избран и новый командующий армией — сочувствующий большевикам офицер В. К. Триандафиллов [259]. К середине декабря выборное начало было осуществлено почти во всех частях 5-го армейского корпуса 11-й армии [260].

На Румынском фронте в конце ноября — первой половине декабря демократизация развернулась в 8-й армии, 40-м армейском корпусе 9-й армии и некоторых других соединениях. Здесь также получило распространение и оказало свое воздействие «Положение о демократизации армии» ВРК при Ставке. Однако 12 декабря генерал Д. Г. Щербачев по договорен-

---

255 Там же, стр. 303—304.
256 Там же, стр. 306—307.
257 ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 147.
258 *С. М. Кляцкин.* На защите Октября, стр. 68.
259 *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция, стр. 287.
260 *П. А. Голуб.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов, стр. 209.

ности с Центральной радой самолично отменил «Положение», встав на путь открытой борьбы с завоеваниями пролетарской революции [261].

В этот же период была осуществлена выборность командования в высшем звене управления всем фронтом. Революционная Ставка подготовила созыв съезда делегатов действующей армии, который был назначен на 5 декабря.

Но так как к 5 декабря прибыли не все делегаты, 9 декабря состоялось совещание прибывших в Ставку на общеармейский съезд делегатов от фронтов, армий и корпусов. Совещание постановило: «Впредь до созыва общеармейского съезда сконструировать из явившихся делегатов Военно-революционный комитет действующей армии и флота». Совещание избрало Военно-революционный штаб в составе Н. В. Крыленко, М. К. Тер-Арутюнянца, В. В. Каменщикова, Турчана и Сацукевича. Комиссары ВРК были назначены во все управления и отделы штаба главковерха [262].

В ночь на 14 декабря общеармейский съезд единогласно избрал на пост верховного главнокомандующего вооруженными силами Российской республики Н. В. Крыленко [263].

16 декабря 1917 г. ВРК при Ставке был переименован в Центральный комитет действующих армий и флота (Цекодарф) [264]. В состав Цекодарфа было избрано 49 человек. Председателем Цекодарфа избрали Н. В. Рогозинского. В состав бюро Цекодарфа вошло 13 человек [265].

Заключительный этап демократизации армии неразрывно связан с декретами Совнаркома «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии», принятыми 15 декабря по докладу Н. В. Крыленко. К этому времени уже был накоплен достаточный опыт, чтобы придать дальнейшему переустройству армии единый и планомерный характер.

Первый из названных декретов окончательно ликвидировал все проявления классового и политического неравенства в армии. Упразднялись все воинские чины и звания и связанные с ними преимущества, а также ордена и прочие знаки отличия. Уничтожались самостоятельные офицерские организации. Всем военнослужащим присваивалось единое почетное звание «солдат революционной армии». Подчеркивалось, что они являются свободными и равноправными гражданами [266].

Второй декрет закреплял слом старой армии и переход к принципиально новым основам управления войсками. Он провозглашал полновластие Советов и комитетов в армии. Утверждалась сложившаяся система выборности командного состава. Однако в нее вносились известные ограничения, диктовавшиеся заботой о боеспособности армии: для лиц, избираемых на должности начальников штабов, инженеров, техников и т. п., требовались специальное образование и соответствующая подготовка; штаб-

---

[261] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 51, л. 39; *М. С. Френкин.* Революционное движение на Румынском фронте, стр. 286—288.

[262] «Революционная ставка», 10 декабря 1917 г. В последующем штаб получил наименование Революционного полевого штаба при Ставке. Состав его был дополнен. Верховный главнокомандующий в состав его не включался. (Подробнее об истории РПШ см.: *В. Д. Поликарпов.* Революционные органы при штабе верховного главнокомандующего.— «Исторические записки», т. 86).

[263] «Известия ВРК 3-й армии», 14 декабря 1917 г.

[264] «Революционная ставка», 20 декабря 1917 г.

[265] Там же, 21 и 22 декабря 1917 г.

[266] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 243.

ные работники назначались начальником штаба с последующим утверждением соответствующим съездом. Все лица со специальным военным образованием подлежали учету [267].

Декреты Совнаркома внесли единообразие в дальнейший ход демократической перестройки армии, позволили широко использовать ценный опыт, накопленный на различных участках фронта. После их принятия демократизация была сравнительно быстро завершена. К 20 декабря закончились выборы комсостава во 2-й армии Западного фронта. 25 декабря рапортовал Совнаркому о завершении демократизации исполком 12-й армии Северного фронта [268]. 29 декабря закончились выборы комсостава 5-й армии Северного фронта [269]. Демократизация на Северном и Западном фронтах в целом, как свидетельствуют специальные сводки, завершилась в январе 1918 г.[270] На Юго-Западном и Румынском фронтах доведению демократизации до конца воспрепятствовали, как уже отмечалось, подрывная деятельность Центральной рады и командования Румынского фронта, вмешательство королевской Румынии и начавшаяся затем гражданская война. Но и здесь старые порядки в армии были в большей или меньшей степени сломаны, особенно в низовых звеньях. Выступая 11 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов с отчетом о деятельности Совнаркома, В. И. Ленин заявил, что «старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена» [271].

Коренная реорганизация старой армии все же не позволила спасти ее от развала, обусловленного начавшимся еще при царизме и усилившимся после июньской авантюры на фронте процессом разложения армии как боевого организма. Давая ретроспективную оценку происшедшему, В. И. Ленин позднее отмечал, что армию еще можно было спасти весной 1917 г., но военная политика буржуазии и соглашателей сделала ее крах неизбежным [272].

Характерно, что развал армии начался и принял наибольшие размеры там, где было слабее влияние большевиков и где демократизация достигла наименьших успехов,— на Румынском фронте. В конце декабря 1917 г.— январе 1918 г. произошел распад 4-й, 6-й и 9-й армий этого фронта [273], явившийся грозным сигналом. Явления разложения, хотя и в иных формах, охватили всю действующую армию. Так, на Северном и Западном фронтах за ноябрь — первую половину декабря число штыков уменьшилось более чем на 26%. Из них не свыше 11% приходилось на демобилизованных, следовательно, не менее 15% общего числа пехотинцев дезертировали. Авторитет нового командования оказался все же недостаточным для преодоления стихийных стремлений измученных войной солдатских масс. Участились случаи невыполнения приказов, отказов выступить на позиции, самовольного ухода частей с позиций [274]. Комитеты нередко шли на поводу у таких стихийных настроений. Товарищеские суды в большин-

---

[267] Там же, стр. 244—245.
[268] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 375.
[269] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 136.
[270] Там же, оп. 2, д. 768, л. 6; оп. 4, д. 31, лл. 97—98, 139.
[271] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 269.
[272] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 84.
[273] *М. С. Френкин.* Революционное движение на Румынском фронте, стр. 337.
[274] *С. М. Кляцкин.* На защите Октября, стр. 77—78.

стве случаев бездействовали. Советское государство было поставлено перед необходимостью создания новых вооруженных сил.

Неудача попытки путем реорганизации превратить старую армию в орудие защиты пролетарской страны от внешней угрозы отнюдь не означала, что курс на демократизацию армии был ошибочным. Осуществление демократизации армии имело важное значение в судьбах нашей Родины. Оно не позволило контрреволюции использовать старую армию в целях борьбы с Советской властью. Демократизация задержала процесс распада этой армии, дала возможность заключить перемирие и приступить к мирным переговорам. В ходе демократизации удалось выделить наиболее революционные элементы в старых вооруженных силах, те кадры, опираясь на которые можно было начать формирование новой армии пролетарского государства. Не без влияния демократизации демобилизованные солдаты возвращались домой сторонниками Советской власти и принимали активное участие в строительстве новой жизни, а позднее и в защите завоеваний Великого Октября.

* * *

Победа социалистической революции в армии имела огромное политическое значение. Армия за время первой мировой войны вобрала в себя цвет нации — значительные массы революционного пролетариата и передовую, наиболее активную и развитую часть крестьянства. Но эти огромные силы были скованы диктатурой буржуазии, господством реакционного офицерства, поддержанного эсерами и меньшевиками, в руках которых находилось руководство верхушечными армейскими организациями. Перед социалистической революцией стояла задача, сформулированная основоположниками марксизма,— уничтожить главную опору диктатуры буржуазии, постоянную армию, вырвать ее из рук реакционного генералитета, добиться переизбрания армейских организаций, не отражавших революционного настроения масс. Но сделать это нельзя было одним ударом, одним декретом. Нельзя было этого сделать и потому, что на границах стояли вражеские армии, готовые вторгнуться в пределы страны. Большевистская партия проявила глубокое знание законов общественного развития, мудрость, трезвость и твердость в решении этой сложнейшей задачи. Слом основной опоры диктатуры буржуазии был произведен путем демократизации армии, создания в частях Военно-революционных комитетов и передачи им власти, развязывания революционной инициативы солдатских масс, прежде всего путем вовлечения их в борьбу за мир.

Непреходящее историческое значение завоевания армии на сторону революции состоит в том, что большевистской партии впервые в истории удалось привлечь на сторону революции не отдельные части и соединения, а всю многомиллионную армию.

Завоевание армии на сторону революции имело также то значение, что оно, как уже отмечалось, завершило образование и укрепление союза пролетариата и крестьянства — этой решающей общественной силы революции. Крестьянская беднота, составлявшая подавляющее большинство армии, явилась вместе с пролетариатом и под его руководством движущей силой социалистической революции. Завоевание армии закрепило победу

в Петрограде и Москве. Контрреволюция была лишена возможности использовать армию против революции, за исключением самых незначительных сил. Революция, напротив, получила неисчерпаемые ресурсы для окончательного подавления сопротивления свергнутых классов и для формирования новой армии, целиком представлявшей интересы народа.

Быстрое развитие революции в армии объясняется не только мужественной, самоотверженной работой большевиков в дни Октября, но и работой партии в армии в течение всей революции 1917 г. Контрреволюционеры расстреливали большевиков, тысячи передовых солдат были осуждены на каторгу, но партия выдержала эти испытания и возглавила борьбу солдатских масс.

Октябрь на фронте был подготовлен богатейшим опытом партии, с самого начала своего существования приступившей к работе в старой армии. В труднейших условиях существования царизма, подвергаясь неслыханным преследованиям и свирепому террору, большевики показали непревзойденный пример и образец постановки работы в войсках, вели систематическую агитацию и пропаганду, создавали нелегальные организации, вовлекая солдат и передовую часть офицерства в борьбу за свержение царизма и Временного правительства. Недаром В. И. Ленин, обобщая гигантский опыт большевиков, в тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала требовал (и это было выполнено) включить в 21 условие приема революционных партий в Коминтерн пункт о систематической пропаганде и агитации в войсках и создании в них нелегальных революционных ячеек, как это делали большевики. «Отказ от такой работы,— писал В. И. Ленин,— был бы равносилен измене революционному долгу...»[275]

Большевики выполняли свой революционный долг с первых дней существования партии и благодаря этому опыту, расширенному и углубленному в 1917 г., добились быстрого завоевания солдатских масс.

ВРК, руководимые большевиками, проделали огромную работу. Они не позволили контрреволюции использовать армию в своих целях, добились ее перехода на сторону революции. ВРК ликвидировали попытки контрреволюции развалить армию, создать в ней хаос и разброд. Своей неутомимой деятельностью ВРК сумели сохранить целостность армии, провели планомерную демобилизацию, вывели части с чужой территории, чем создали возможность использовать революционные силы армии. По мере расформирования армии ВРК превращались в Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Переход армии на сторону Советской власти имел огромное значение для проведения социалистической революции в деревне.

Солдаты, прошедшие школу революции в армии, вернувшись домой, возглавили борьбу крестьянской бедноты, руководили Советами, создавали ячейки большевиков. Большую роль при этом сыграла массовая политико-просветительная работа большевиков: не было армии, дивизии и более мелких соединений, где не создавались бы курсы, школы, кружки, через которые прошли десятки тысяч солдат. Большинство курсов были по ликвидации неграмотности или агитационные: готовили агитаторов для разъяснения советских декретов, подготовки выборов в Учредительное собрание, разъяснения текущего момента и т. п. Но имелись и специальные курсы. Так, ВРК 5-й армии в конце декабря 1917 г. предписал «выслать от каж-

[275] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41. стр. 206.

дого полка и каждой отдельной части по одному представителю из грамотных крестьян для слушания лекций по сельскому хозяйству и кооперации» сроком на 35 дней [276]. Без преувеличения можно сказать, что за время с Октября и до окончательного расформирования армии она превратилась в своего рода народный университет, слушателями которого являлись сотни тысяч людей. В армии шел бурный процесс роста сознательности масс. В ней готовились многочисленные кадры для проведения революции в деревне.

Эта несравненная по размаху работа, к сожалению, до сих пор не получила своего освещения в литературе, хотя значение ее исключительно.

Революция в армии и активное участие передовых солдат в развертывании революционного процесса обеспечили успех борьбы за установление Советской власти по всей стране.

---

[276] «Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 234.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ СТРАНЫ

Победа вооруженного восстания в Петрограде и Москве, а также успешное завершение революции на фронте определили победу Октября и на местах. Но отсюда вовсе не следует, что провинция и национальные районы как бы автоматически последовали за центром и устанавливали Советскую власть по «телеграфу».

Революция раскрыла всю глубину классовых противоречий и привела в движение гигантские массы народа. Повсюду в стране эксплуатируемые встали лицом к лицу с эксплуататорами. Нигде эксплуататоры добровольно не отказывались от власти и безропотно не подчинялись новой, пролетарской власти. Пламя гражданской войны, зажженное помещиками и буржуазией с помощью иностранных империалистов под Петроградом и в Москве, распространялось и на другие районы. Антисоветские мятежи охватили Дон и Украину, Белоруссию и Крым, Северный Кавказ и Закавказье, Прибалтику и Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток. Действуя в различных условиях, применяя разные формы сопротивления и надеясь, главным образом, на помощь извне, ранее господствовавшие классы повсюду пытались отсрочить час своей гибели. Трудящимся везде приходилось преодолевать все эти формы сопротивления. По всей необъятной стране развернулась гражданская война, острая и напряженная борьба за установление Советской власти.

Процесс этот был чрезвычайно сложным и многообразным, но он имел единую экономическую и политическую основу.

Экономическую основу Великой Октябрьской социалистической революции составляло противоречие между производственными отношениями и производительными силами. Важно подчеркнуть, что ярко выраженное несоответствие старых, капиталистических производственных отношений характеру выросших производительных сил было главной причиной революции во всей стране: в центре, на местах и на национальных окраинах. В ликвидации этого несоответствия были заинтересованы все трудящиеся как русской, так и других национальностей.

Отдельные национальные районы, отдельные части страны не были самодовлеющими хозяйственными единицами. Развитие капитализма уже давно связало все области, в том числе национальные районы, в единую хозяйственную систему, которая в основном созрела для социалистической революции. Вся страна в целом в 1917 г. стояла перед угрозой экономической катастрофы, усугубляемой своекорыстной политикой буржуазии и помещиков, и стремление спасти страну от грозящей гибели было единым для всех трудящихся масс. Следовательно, при исследовании истории установления Советской власти на местах вопрос заключался не в том, были ли та или иная конкретная область или национальный район готовы к пролетарской революции, а в том, как проходила общая для всех революция в отдельных районах, какие местные особенности обусловили специфику революции на местах. Иной подход к вопросу о развертывании революции на местах означал бы переход к пресловутой «теории производительных сил» Каутского, требовавшей при определении готовности к социалистической революции учитывать «достаточность» экономического развития каждого конкретного района или области. В. И. Ленин давно разоблачил эту европейскую разновидность струвизма, европейскую форму преклонения перед стихийностью. Разумеется, надо изучать состояние хозяйства, численность и роль пролетариата, глубину классового расслоения в деревне и т. п. в отдельных областях и национальных районах. Но все это необходимо не для ответа на вопрос, созрело ли данное отдельное звено для социалистической революции, а для анализа специфики проведения революции, выяснения ее особенностей на местах.

На общей экономической базе возникла и общая политическая основа социалистической революции — союз рабочего класса России во главе с партией коммунистов с беднейшим крестьянством, составлявшим значительное большинство всего крестьянства. Единство всех трудящихся в борьбе против диктатуры буржуазии явилось прямым следствием объективной экономической закономерности Октябрьской революции. Трудящиеся всей страны, независимо от областных и национальных делений, вместе боролись за ликвидацию империалистической войны, за свержение буржуазной власти, не желавшей дать народу ни мира, ни земли, ни свободы. И, что особенно важно подчеркнуть, все трудящиеся боролись под руководством партии большевиков, верно учитывавшей интересы народов и указавшей правильный путь освобождения от гнета империализма.

Однако, несмотря на то, что революция развивалась на основе общих для всей страны законов, власть в руки Советов в отдельных районах переходила по-разному и в разное время, в зависимости от уровня экономического и политического развития, национального состава, характера колониального гнета, культурных различий, исторических традиций, религии и других местных условий.

В ряде крупных промышленных центров и тяготевших к ним районах, где руководство Советами принадлежало большевикам еще до 25 октября (Петроградский район, Москва с областью, Иваново-Вознесенск, ряд городов Урала и Донбасса), Советская власть установилась в первые же дни после ее провозглашения 25 октября 1917 г. в Петрограде.

В некоторых районах большевикам пришлось выдержать ожесточенную борьбу со старым, эсеро-меньшевистским руководством Советов, препятствовавшим взятию власти и применявшим различные формы сопротивления.

Значительную роль при переходе власти в руки Советов играли большевистски настроенные гарнизоны, расположенные в городах, или воинские части в прифронтовых районах.

В тех городах и районах, где пролетарская прослойка была незначительной (особенно в восточных национальных районах), где не было большевистски настроенных гарнизонов, борьба за Советскую власть была более длительной и принимала нередко характер упорных вооруженных столкновений с силами контрреволюции.

В национальных районах (за исключением такого пролетарского центра, как Баку) переход власти в руки Советов несколько затянулся. Попытки установления власти Советов встретили сопротивление не только со стороны сил общероссийской, но и местной буржуазно-националистической контрреволюции, которые объединились на Украине, на Кавказе, в Средней Азии и в других местах.

В окраинных районах большую, а нередко и решающую роль в затягивании и ожесточенности борьбы за установление Советской власти сыграли иностранные империалисты, заранее создавшие плацдармы контрреволюции (например, в Закавказье).

В некоторых местах власть Советов была сначала ненадолго провозглашена, затем временно победила контрреволюция. Так было, например, в Житомире, Ростове-на-Дону, Оренбурге, Челябинске и в некоторых других местах.

Словом, процесс установления Советской власти по всей необъятной стране был чрезвычайно многообразным. Это многообразие отражено в огромной литературе. Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной национальной республики или области, в которой не вышла бы книга, а то и несколько, по истории установления Советской власти. Исследования эти, несомненно, должны продолжаться. Если уже ряд обобщающих работ, которые освещают ход революции в ряде крупнейших республик или национальных районах[1]. Но, повторяем, Октябрьская революция не является суммой отдельных революций; она представляет собой единый процесс, охвативший всю страну. И этот процесс установления Советской власти по всей стране требует самостоятельного комплексного исследования.

Борьба за переход власти в руки Советов на местах началась сразу же по получении известий о вооруженном восстании в Петрограде[2].

---

[1] Среди них следует назвать: «Победа Советской власти на Украине». М., 1967; «Победа Советской власти в Закавказье». Тбилиси, 1971; «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967; «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967; «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М., 1967; «Октябрь в Поволжье». Саратов, 1967.

[2] В ЦГАОР СССР (ф. 393, оп. 11, д. 146) сохранились сводки НКВД об общеполитическом положении на местах со времени Октябрьской революции и по июнь 1918 г. Эти более или менее подробные сведения касаются следующих губерний и областей: Архангельской, Астраханской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Могилевской, Минской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Петербургской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тульской, Тамбовской, Тверской, Уфимской, Череповецкой, Ярославской, Енисейской, Забайкальской, Закаспийской, Иркутской, Приморской, Туркестана, Томской, Тургайской и др. («Из истории борьбы за установление Советской власти, ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.». Сборник исторических документов и материалов. М., 1943, стр. 82—103).

В основном этот переход занял три-четыре месяца — время, охарактеризованное В. И. Лениным как период победного, триумфального шествия Советской власти [3]. Его хронологические рамки вождь революции определил примерно с 25 октября (7 ноября) 1917 г. до 11 (24) февраля 1918 г.[4] (до разрыва германским блоком мирных переговоров в Брест-Литовске).

Исходя из характера экономического развития различных областей, наличия пролетариата и особенностей его состава, численности и деятельности большевистской партии, роли и влияния армии, национальных особенностей, можно разделить всю огромную страну примерно на 11 районов, каждый из которых по характеру установления Советской власти представляет определенный тип. Эти районы следующие:

1) Промышленные и близкие к ним губернии Центра (Московская, Владимирская, Костромская, Калужская, Рязанская, Тульская, Тверская, Ярославская).

2) Урал (Пермская, Уфимская, Вятская, частично Оренбургская губернии). Необходимо учитывать национальные особенности этого района.

3) Район Среднего и Нижнего Поволжья (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская губернии). Здесь также следует учитывать особенности национальных районов.

4) Центральный черноземный район (Воронежская, Орловская, Курская, Пензенская, Тамбовская губернии).

5) Юго-восточный район (Область Войска Донского, Кубанская, Терская, Дагестанская, Уральская области, Ставропольская, Черноморская, Астраханская губернии). Здесь необходимо иметь в виду как роль казачества, так и национальные особенности района.

6) Украина. Здесь можно в свою очередь наметить три подрайона в зависимости от уровня промышленного развития, национальных особенностей и влияния близости Юго-Западного и Румынского фронтов, а также Черноморского флота:

а) Правобережная Украина (Киевская, Волынская, Подольская, Черниговская, Полтавская губернии);

б) Левобережная Украина (Донбасс и различные в промышленном отношении губернии левобережья Днепра, Екатеринославская, Харьковская губернии и примыкающие к ним некоторые округа Области Войска Донского);

в) Приморский край (Херсонская, Таврическая губернии).

7) Прифронтовые районы, которые можно объединить в три группы:

а) северо-западная — Лифляндская, Эстляндская и Виленская губернии, нынешние республики Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония);

б) западная — Белоруссия (Минская, Могилевская, Витебская губернии и примыкавшие к ним Смоленская, Псковская и частично Новгородская губернии).

в) юго-западная — Молдавия (Бессарабская губерния).

8) Промышленный район Закавказья — Баку [5].

9) Слаборазвитый в промышленном отношении район Средней Азии и Казахстана: Закаспийская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферган-

---

[3] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 5.

[4] «Ленинский сборник», XI, стр. 71.

[5] Бóльшая часть Закавказья оказалась в этот период под властью контрреволюции.

ская, Тургайская, Семиреченская, Семипалатинская области (нынешние Узбекская, Туркменская, Таджикская, Казахская и Киргизская ССР).

10) Слаборазвитые в промышленном отношении губернии Северного района (Вологодская, Олонецкая, Архангельская губернии).

11) Район Сибири и Дальнего Востока (губернии и области: Акмолинская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, Якутская, Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская).

По нашему мнению, такое примерное районирование (в известной мере условное) огромной территории страны поможет объяснить специфику победы Советской власти на местах.

* * *

Мы уже не раз отмечали, что подготовка к Октябрьскому вооруженному восстанию шла по всей стране [6]. Последующая борьба большевиков за установление власти Советов направлялась ЦК партии, Совнаркомом и ВЦИК. Большевики придавали большое значение тому, чтобы преждевременные выступления масс не вызвали наступления контрреволюции, только и ждавшей повода для разгрома революции. VI съезд большевиков, нацеливший партию на подготовку вооруженного восстания, вместе с тем требовал:

«Пролетариат не должен поддаваться на провокацию буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой. Он должен направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии» [7].

Частые и настойчивые предупреждения против самочинных выступлений вовсе не свидетельствовали о том, что объективные и субъективные предпосылки революции еще не созрели. Вопрос заключался в подготовленности, организованности, единовременности всеобщего натиска на буржуазную власть. Трудящиеся повсюду готовились к свержению диктатуры буржуазии.

Связь центра с местами устанавливалась всеми доступными тогда средствами. Советская власть приняла все меры к тому, чтобы как можно быстрее распространить весть о победе революции в центре.

В районах, близких к Петрограду и Москве, и в других крупных городах широко использовался телефон. Активный участник октябрьских событий в Иваново-Вознесенске Дм. Фурманов писал, что вечером 25 октября открылось заседание Совета. Депутаты уже знали о начале восстания в Петрограде и с нетерпением ждали сообщений о его результатах. «Три раза,— рассказывал Фурманов,— пытался я связаться с Москвой телефоном — не выходило. Наконец, дали редакцию «Известий» и оттуда сообщили незабываемой силы слова: «Временное правительство свергнуто»» [8].

---

[6] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 946, 960.

[7] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 257.

[8] *Дм. Фурманов.* Незабываемые дни (Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске).— «Пролетарская революция». 1922, № 10, стр. 229.

Руководители Иваново-Вознесенского Совета немедленно стали передавать радостную весть по телефону в близлежащие промышленные города и поселки, где с таким же нетерпением ожидали вестей о победе социалистической революции, чтобы немедленно взять всю власть в свои руки. «Непрерывно работал телефон,— писал Фурманов,— это нас тревожили каждую минуту Родники, Тейково, Шуя, Вичуга, Кинешма — все крупные рабочие центры: они не давали нам покоя, точно так же, как мы Москве; что мы узнавали — сейчас же передавали дальше, и в результате весь обширный район почти в одно время узнавал самые свежие новости... На телефонах буквально висели, устанавливалась очередь, каждому отдельному рабочему центру назначали свои часы» [9].

Это была типичная картина и для других районов страны: по заранее подготовленному плану, широко использовав опыт всех политических событий революции 1917 г., Советы крупных центров связывались с уездными Советами и рабочими организациями.

Сложнее оказалось использование телеграфа. Руководство почтово-телеграфного союза, как и союза железнодорожников (Викжель), выступило на стороне контрреволюции, послало своих представителей в антисоветский «Комитет спасения родины и революции» и призвало членов своих организаций к неповиновению власти Советов. Но призывы руководителей союзов, как, впрочем, и других организаций, в которых все еще верховодили эсеры и меньшевики, отражали вчерашний день, прежние представления о соотношении классовых сил: «низы» обоих союзов уже избавились от соглашательских иллюзий и не вняли призывам своих оторвавшихся от революции вождей. Большевики вели среди рядовых членов профсоюзов разъяснительную работу и добивались полной поддержки. Преодолевая сопротивление своих бывших лидеров, их саботаж, массы почтово-телеграфных работников переходили на службу революции, передавая телеграммы из центра по всей стране.

Крупные партийные организации узнавали о начале вооруженного восстания из шифрованных телеграмм, посланных ЦК. Сообщения о событиях в Петрограде посылались также по радио. 30 октября Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина послал радиограмму, в которой сообщалось о создании Советского правительства, декретах II съезда Советов и принятых мерах по разгрому мятежа Керенского — Краснова [10].

Большую роль в оповещении народа о переходе власти к Советам играли делегаты II Всероссийского съезда Советов. Как только съезд закончил работу, делегаты начали разъезжаться на места. Здесь они выступали в качестве информаторов об исторических событиях и организаторов борьбы за власть Советов. 29 октября на заседании Самарского Совета выступил только что возвратившийся из Петрограда Н. М. Шверник [11]. На заседании Мотовилихинского Совета (Пермь) 1 ноября докладывал о событиях в Петрограде делегат II съезда Советов А. Л. Борчанинов [12].

---

[9] *Дм. Фурманов.* Незабываемые дни (Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске), стр. 232.

[10] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 41.

[11] «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 29.

[12] «Очерки по истории большевистских организаций на Урале», ч. 1. Свердловск, 1951, стр. 295.

4 ноября на заседании Царицынского Совета выступил делегат съезда Я. З. Ерман [13].

4 ноября на заседании Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов яркий доклад о событиях, происшедших 24—26 октября в Петрограде, сделал С. М. Киров. В исторические дни Октябрьского вооруженного восстания он в качестве делегата присутствовал на II съезде Советов и принимал самое активное участие в борьбе за победу пролетарской революции. С. М. Киров решительно опроверг клеветнические домыслы о петроградских событиях, которые распространяли буржуазная и мелкобуржуазная печать. «Я категорически утверждаю,— заявил он в своем докладе,— что все те сведения, все телеграммы, которыми питали нас в дни переворота, ничего общего с действительным ходом Великой революции не имеют... Перед нами не авантюра, а огромное народное революционное движение» [14].

Делегат II съезда Советов Н. М. Давыдов рассказывает в своих воспоминаниях: «В Екатеринбурге до нашего приезда ничего не знали, что происходит в Питере, и мы были первыми, кто мог подробно об этом информировать и рассказать, что надо делать на местах» [15].

Другой формой передачи информации о переходе власти в руки Советов была посылка эмиссаров и агитаторов ВРК и ВЦИКа.

Через два дня после победы революции, 27 октября 1917 г., избранный II съездом Советов Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял постановление о посылке на места специальных эмиссаров. В тот же день ВЦИК обратился ко всем Советам, рабочим, солдатам и крестьянам с воззванием: «Центральный Исполнительный Комитет обращается ко всем Советам с настоятельной просьбой доставлять ему сведения о положении дел на местах и поддерживать постоянные и тесные связи со своим центральным органом» [16]. О посылке специальных агитаторов в деревню В. И. Ленин говорил на заседании ЦК партии 1 ноября [17]. На следующий день Совнарком за подписью В. И. Ленина утвердил «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию» [18]. 3 ноября эта «Инструкция» была опубликована в газетах «Правда» и «Известия». В задачу эмиссаров ВЦИКа и Петроградского ВРК входили оповещение о победе революции, участие в организации местной Советской власти, разъяснение Декрета о земле и его осуществление на местах.

Выступая 11 января 1918 г. на III съезде Советов, Я. М. Свердлов говорил: «Для установления связей с местами, которые вначале были обычно слабы, мы командировали на места несколько тысяч эмиссаров, деятельность которых в центре объединялась иногородним отделом (ВЦИК.— *И. М.*). Эти эмиссары оказали нам громадные услуги, разъясняя истинное положение дел, которое, как нам известно, освещалось буржуазной печатью в самом фантастическом виде, помогая преодолеть саботаж телеграфных и почтовых чиновников, которые задерживали наши телеграммы и наши сообщения, и вместе с тем инструктировали местные

---

[13] *Г. Т. Гаврилов.* 1917 год в Сталинградской губернии. Хроника. Сталинград, 1938, стр. 111.
[14] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи. М., 1957, стр. 6, 9.
[15] «Очерки по истории большевистских организаций на Урале», ч. 1, стр. 293.
[16] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 23.
[17] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.
[18] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 41, 42.

органы Советской власти в борьбе с возникающими затруднениями по управлению страной» [19].

В ноябре — декабре ВЦИК направил на места и на фронт не менее трети своего состава: В. К. Аверин и Т. Я. Березин были командированы в Гельсингфорс, В. И. Азаров и А. В. Галкин — в Могилевскую губернию, В. А. Алгасов и Ю. М. Коцюбинский — в Ревель, на фронты выехали В. Володарский, Ф. Я. Гржельщак, К. А. Петерсон, В. В. Фомин и многие другие [20]. В своих отчетах делегаты сообщали о проведенных ими собраниях, о настроении солдат на фронте, о принятых резолюциях.

Кроме эмиссаров, на места посылались сотни агитаторов. 27 октября ВРК обратился в Петроградский Совет с просьбой о выдаче заимообразно 12 тыс. руб. на расходы по посылке 400 агитаторов в провинцию [21].

3 ноября агитационная комиссия при Военно-революционном комитете обратилась к рабочим и солдатам Петрограда с призывом, в котором говорилось: «Чем скорее и чем подробнее мы расскажем крестьянам, солдатам и рабочим о том, что случилось в Петрограде..., тем прочнее мы укрепим наше положение, тем скорее мы повсюду, в каждом городе, в каждой деревне, утвердим власть Советов и поможем крестьянам устроиться с землей.

Надо твердо помнить, что простое слово сознательного рабочего, работницы и солдата — лучшая агитация для общего рабочего и крестьянского дела. С этой целью Военно-революционный комитет постановил организовать рассылку агитаторов по всем концам России» [22].

Запись агитаторов производилась по рекомендации партийных, советских и заводских организаций.

5 ноября «Известия» уже сообщали: «Центральный Исполнительный Комитет и Военно-революционный комитет ежедневно отправляет в деревни агитаторов и эмиссаров для разъяснения совершившегося переворота и установления на местах нового, революционного порядка... Принимаются меры к более правильной и планомерной рассылке эмиссаров, так как это единственно может послужить связью с центром в условиях, когда почта и телеграф действуют ненормально» [23]. За один только первый месяц существования Советской власти (с 25 октября по 25 ноября) ВРК и ВЦИК направили в провинцию почти 650 агитаторов, главным образом рабочих, передовых матросов и солдат. Кроме того, в течение первых двух недель после победы Октября ВРК направил в разные города 72 эмиссара [24].

Агитаторы были направлены почти во все районы страны. Так, в Тверскую губернию выехало 54 агитатора, в Витебскую — 50, в Псковскую — 42, в Новгородскую — 39, в Петроградскую и Смоленскую — по 37, в Рязанскую — 27, в Тамбовскую — 19, в Минскую, Саратовскую и Вологодскую — по 15, в Орловскую — 14, в Московскую — 13, в Виленскую, Самарскую и Вятскую — по 12, в Калужскую и Харьковскую — по 11, в

---

[19] *Я. М. Свердлов.* Избранные статьи и речи. М., 1944, стр. 39.
[20] *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 32—33, 112—113.
[21] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 1. М., 1966, стр. 182.
[22] Там же, т. 2. М., 1966, стр. 9—10.
[23] Там же, стр. 126—127.
[24] «История гражданской войны в СССР», т. II. М., 1944, стр. 589.

Донецкий бассейн, Пермскую и Симбирскую губернии — по 10, во Владимирскую и Могилевскую — по 9, в Черниговскую и Херсонскую — по 8, в Пензенскую, Курскую и Лифляндскую — по 7, в Нижегородскую и Тобольскую — по 6, в Подольскую, Воронежскую и Уфимскую — по 4, в Екатеринославскую, Омскую и Семипалатинскую — по 3; в Казанскую, Таврическую, Ставропольскую, Оренбургскую, Томскую, Енисейскую, Бессарабскую, на Кавказ и в город Быхов — по 2, в Волынскую, Эстляндскую, Ковенскую и Алтайскую — по одному агитатору [25].

Естественно, что в те города, откуда поступали запросы, особенно из близко расположенных от центра губерний, было послано большее количество агитаторов. Иногда это зависело и от наличия людей, связанных с теми или иными районами и пунктами.

В удостоверениях, выдаваемых ВРК, говорилось о том, что Военно-революционный комитет поручает товарищу (указывалась фамилия) «совершить поездки по линиям ж.д., а также по городам, селам и деревням для широкого оповещения рабочих, солдат и крестьян и всего населения о совершившемся в России перевороте и о создании новой демократической власти» [26].

По призыву ВРК и ВЦИК заводы Петрограда направляли на места агитаторов. Так, завком завода «Зеленов и Зимин» 10 ноября послал рабочего-большевика в Тверскую губернию «в качестве информатора о происшедших событиях в Петрограде» [27]. Агитаторы утверждались на общих заводских собраниях.

Агитаторы и эмиссары проделали поистине гигантскую работу. В труднейших условиях поздней осени 1917 г. эти посланцы победившего пролетариата направлялись порой в самые отдаленные места страны, чтобы известить трудящихся о начале новой жизни. О своих поездках агитаторы и эмиссары сообщали в Петроград, во ВЦИК или ВРК. Нельзя без волнения читать эти донесения, написанные простыми, бесхитростными словами [28].

Тяжелое продовольственное положение столицы привело к принятию ВРК решения о посылке в провинцию 10 летучих отрядов, укомплектованных главным образом моряками-балтийцами [29], которые также оказывали на местах помощь в установлении власти Советов.

Документы Петроградского ВРК содержат сведения о приезде в Петроград представителей местных Советов, ВРК, воинских и других организаций, которые нередко выступали на заседаниях ВРК [30]. Большой интерес представляет даже простое перечисление городов, селений, губерний и областей, приславших своих представителей в центр: Архангельск, Белгород, Боровичи, Бельцы, Быхов, Верхотурье, Вологда, Вятка, Витебск, Владимир, Гатчина, Глухов, Гомель, Елизаветград, Елец, Екатеринослав,

---

[25] «Документы Великой пролетарской революции», т. I. М., 1938, стр. 331.
[26] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 187.
[27] ЛГАОРСС, ф. 148, оп. 1, д. 21, л. 90.
[28] См., например, «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 313; т. 2, стр. 541; т. 3, стр. 222 и др.
[29] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 109 (Протокол заседания от 5 ноября 1917 г.).
[30] *Г. Е. Рейхберг.* Протоколы Петроградского Военно-революционного комитета как исторический источник.— «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 56.

Казань, Камышлов, Кишинев, Киев, Калуга, Курск, Камышин, Кострома, Луга, Лиски, Минск, Могилев, Нарва, Новгород, Новочеркасск, Нижний Новгород, Оренбург, Орша, Пермь, Псков, Ржев, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Слоним, Смоленск, Ставрополь, Тверь, Торопец, Троицк, Чернигов, Ярославль, Донбасс, Донская область, Кубанская и Терская области, Енисейская губерния, Крым и др.

Этот перечень ярко показывает связи мест с Петроградским ВРК: фактически он являлся не только петроградским, но и в полном смысле слова всероссийским органом власти.

Большую роль в оповещении населения страны о победе Советской власти, помимо делегатов II съезда Советов, специальных агитаторов и эмиссаров ВРК и ВЦИК, сыграли также матросы и солдаты-фронтовики, возвращавшиеся в конце 1917 г. по демобилизации к себе домой. В воспоминаниях крестьян содержится масса ярких, волнующих рассказов об этом. Так, Я. Наумченков, рассказывая об антибольшевистской агитации, которую вели в Жиздренском уезде Калужской области контрреволюционные элементы, пишет: «Но все-таки эта затаенная ложная агитация ни на один час не отодвинула надвигавшуюся, грозную для помещиков революцию. Через несколько дней солдаты стали появляться с фронта целыми партиями, которые и принесли весть о выступлении большевиков, об изгнании Керенского из Петрограда, о занятии Советом Смольного института, об издании декрета об отборе и передаче земли крестьянам, о демобилизации армии и т. д.» [31]

Крестьянин П. С. Бабичев из Грайворонского уезда Курской губернии вспоминает, как в его село Вишнево приехал отряд матросов с новостью о победе Советской власти: «Несмотря на поздний приезд матросов, сейчас же устроили сход, и всю ночь до самого света лились в братском союзе речи крестьян и матросов... Никогда не было и, наверное, не будет такого схода. Сама по себе темная и осенняя ночь, передние бородатые лица мужиков вперемежку с матросами производили неизгладимое впечатление...» [32].

В. И. Ленин высоко оценил эту деятельность революционных солдат в речи на Московском Совете 12 марта 1918 г.: «Народ сумел избавиться от царского правительства, от буржуазного правительства и создать советские организации, которые только теперь, когда вернулись с фронта солдаты, дошли до последнего деревенского захолустья» [33].

Одной из основных форм оповещения широких масс трудящихся оставались митинги и собрания. Но теперь они все более принимали новый характер. Длительные диспуты о путях развития революции, характерные для дооктябрьского периода, сменялись деловыми, конкретными сообщениями, практическими советами, что́ следует делать. На митингах не только сообщалась информация о происходящем, но главным образом говорилось, как использовать завоеванную власть, какие именно шаги предпринять в целях ликвидации разрухи, прекращения войны, создания нового общества. Оставаясь формой политического воспитания масс, митинги вместе с тем превращались в своеобразные школы организации и строительства Советского государства.

---

[31] «1917 год в деревне. (Воспоминания крестьян)». М., 1967, стр. 150.
[32] Там же, стр. 36.
[33] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 85—86.

Большое значение в распространении и укреплении Советской власти имели директивы, инструкции и предписания Совета Народных Комиссаров и быстро создававшихся народных комиссариатов. В директиве, направленной Совнаркомом на места в ноябре 1917 г., говорилось: «Рабочие, солдаты и крестьяне должны понять, что теперь власть вся, сверху донизу, принадлежит им. Осуществлять эту власть они могут через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Не ожидайте, товарищи, указаний сверху, не ждите предписаний и сами на практике осуществляйте эту власть.

Только вы сами на местах сможете себе помочь, а правительственная власть будет убирать препятствия и помогать вам отбивать атаки сторонников помещиков и капиталистов путем издания общих законов» [34].

Очень важным источником информации народных масс оставалась печать: газеты, листовки, объявления, плакаты. Вот, например, как описывает крестьянин слободы Михайловка Усть-Медведицкого округа А. А. Биндусов сход, на котором было получено известие о свержении Временного правительства:

«Только хотели говорить насчет земли, влетает Савостьянов (местный большевик.-- *И. М.*).

— Товарищи! Разрешите зачитать газетное сообщение...

Гробовое молчание... Только слышно, как шелестит быстро разворачиваемый лист газеты. И четко-четко в первый раз для глаз наших крестьян выделяется заголовок «Правды». Быстро забегали глаза по черным строкам: «Рабочие Петрограда разогнали Временное правительство, вся власть Советам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Загудели несмолкаемые аплодисменты, и раздалось гулкое, радостное и вместе с тем грозное «ура»» [35].

В центральной печати — в «Правде» и «Известиях» — и в провинциальных газетах публиковались воззвания и статьи В. И. Ленина «К населению» и «Ответ на запросы крестьян», сообщавшие об отмене помещичьей собственности на землю и превращении Советов крестьянских депутатов в полномочные органы государственной власти на местах [36], и др.

Никто в истории так полно и широко не использовал все средства связи, как взявшие власть представители народа. Это свидетельствовало не только и даже не столько об организаторских талантах пришедших к власти большевиков, стремившихся к живой, действительно революционной работе, сколько о том значении, которое имели для победы революции наличие готовой формы власти — Советов — и тщательно продуманная подготовка всероссийского вооруженного восстания [37].

---

[34] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 6, Б-1917-18, лл. 7—9.

[35] «1917 год в деревне», стр. 241.

[36] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 65—69.

[37] Английский историк Р. Петибридж пишет по поводу использования средств связи большевиками: «Русская революция 1917 г. представляет интерес как первый великий взрыв нашего времени, который извлек пользу из большинства средств современной связи. Когда мы слышим о другом каком-либо перевороте где-нибудь в Африке, Южной Америке или Азии и нам сообщают, что первым делом восставших был захват радио, телевизионных, телефонных и телеграфных установок, мы можем напомнить себе, что ленинская Россия была прототипом такой стратегии (*R. Pethybridge.* The Significance of Communications in 1917.— «Soviet Studies», 1967, vol. XIX, N 1, p. 114).

1

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГУБЕРНИИ ЦЕНТРА

К их числу относились губернии, группировавшиеся вокруг Москвы и входившие в Центральный промышленный район: Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская [38].

В названных губерниях проживало 18 млн. человек (более 14% всего населения страны) и имелось почти 1 млн. рабочих (более 50% всех промышленных рабочих России) [39]. При всех различиях, существовавших между этими губерниями, им был свойствен ряд общих черт, которые и определили особенности проведения социалистической революции в указанном районе.

Прежде всего следует отметить наличие здесь сравнительно развитой промышленности, преимущественно легкой.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что центральные районы страны, обладавшие вековой промышленной культурой, сыграли большую роль в развитии такой же культуры в других частях страны [40].

В 1913 г. удельный вес продукции Центра страны в промышленном производстве всей России доходил до 40%. Около 60% этой продукции приходилось на долю текстильного производства и примерно 15% — на долю пищевой промышленности [41].

Первое место по промышленному развитию занимала Московская губерния. В 1913 г. ее промышленность составляла 6,7% общероссийской, а число рабочих — 15,4% [42]. На 1 января 1917 г. в Московской губернии насчитывалось около 400 тыс. рабочих [43]. 65% их были заняты на текстильных предприятиях. Но существовала здесь и металлообрабатывающая промышленность. Помимо Москвы, значительные отряды рабочих-металлистов имелись в Коломне, Подольске, Серпухове, Мытищах.

На втором месте по развитию промышленности стояла Владимирская губерния. Здесь насчитывалось 2894 предприятия (в основном хлопчатобумажных) с 211 тыс. рабочих. Для Владимирской губернии была харак-

---

[38] В Центральный промышленный район принято включать следующие губернии (входившие по партийной линии в Московскую областную организацию): Владимирскую, Воронежскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую (*Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России. М., 1967, стр. 4). Однако некоторые из этих губерний по своей социально-экономической характеристике ближе к другим районам принятого нами деления. Поэтому история установления в них Советской власти рассматривается в соответствующих разделах.

[39] Подсчитано по работам: *А. Г. Рашин.* Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 53—62; *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 113—114.

[40] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 336.

[41] *Г. Г. Ситников.* Центр РСФСР. М., 1954, стр. 12.

[42] «Московский край». Сборник научно-популярных очерков природы, населения и хозяйства. М., 1925, стр. 210.

[43] Там же, стр. 211.

терна как концентрация промышленности и рабочих в нескольких крупных центрах (Иваново-Вознесенске, Александрове, Шуе), так и наличие большего количества «фабричных сел», насчитывавших по 4—5 тыс. рабочих.

В Костромской губернии работали 254 крупных фабрики и завода с 93 тыс. рабочих. Предприятия концентрировались главным образом в Кинешемском, Костромском, Нерехтском и Юрьевецком уездах.

Значительная промышленность, прежде всего металлообрабатывающая, а также каменноугольная, была сосредоточена в Тульской губернии. В 1913 г. на 1500 фабрично-заводских и ремесленных предприятиях губернии работало около 40 тыс. человек. К 1917 г. только на тульских оружейном и патронном заводах уже работало около 400 тыс. рабочих [44]. Следует, однако, учесть, что состав этих рабочих изменился: вместо кадровых потомственных пролетариев, частично мобилизованных на фронт, к станкам пришло много крестьян, выходцев из мелкой буржуазии.

Калужская, Ярославская, Тверская и Рязанская губернии имели значительно менее развитую промышленность. Отдельные крупные предприятия были только в Ярославле (Корзинкинская мануфактура с 20 тыс. рабочих), Калуге и Твери. По многим уездам этих губерний были разбросаны мелкие предприятия: спичечные, маслодельные, кирпичные, мельницы и другие, на которых работали преимущественно крестьяне окружающих деревень.

Но несмотря на отсутствие крупной промышленности, и в этих губерниях чувствовалось сильное влияние пролетариата. Это объяснялось особенностями развития их экономики, прежде всего широкими и прочными связями крестьянства с промышленными предприятиями главным образом Московской и Владимирской губерний.

Сельское хозяйство всех губерний Нечерноземного центра при значительном развитии капиталистических отношений все еще находилось в путах крепостнических пережитков. Почти половина всей обрабатываемой земли была в руках крупных землевладельцев (в Московской губернии — около 50%, в Ярославской — 52, в Тульской — 45%). Значительная часть крестьянской земли принадлежала сельской буржуазии — кулакам. В крупнопомещичьем землевладении и заключалась основная причина малоземелья и безземелья крестьянства, полукрепостнических форм эксплуатации.

Земля не обеспечивала существование большей части крестьян, и они вынуждены были заниматься промыслами и отходничеством. В Московской губернии таким путем поддерживалось 94% крестьянских хозяйств [45]. Во Владимирской губернии в начале XX в. с промыслом и отходничеством было связано 89,8% хозяйств, в Костромской — 88,4, в Ярославской — 86,4% [46]. В. И. Ленин еще в «Развитии капитализма в России» отмечал, что в Ярославской губернии на сторону уходит из деревни 30—56% мужчин [47]. В Тверской губернии в 1913 г. 300 тыс. человек взрослого населения находились на отхожих промыслах [48].

---

[44] «1917 год в Московской области». М., 1937, стр. 48.
[45] «Настольный календарь Московского края на 1920 г.». М., 1920, стр. 65.
[46] *А. Г. Рашин.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 274.
[47] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 533.
[48] «Октябрь в Тверской губернии». Тверь, 1927, стр. 6.

Благодаря отходничеству бо́льшая часть крестьянства этих губерний была тесными и постоянными узами связана с рабочим классом промышленных центров страны, находилась под его влиянием и втягивалась им в борьбу под его лозунгами.

Характерным для Центрального промышленного района являлось то, что его население в национальном отношении было почти однородным. Классовая борьба в этом районе не осложнялась национальными раздорами.

В губерниях Центра к началу Октябрьской революции большевистская партия распространила свое влияние на значительные массы крестьянства. Правда, в Калужской, Ярославской, Тверской губерниях и во многих уездах промышленных губерний влияние эсеров на крестьян было еще очень сильным, но и здесь большевики имели разветвленную сеть своих партийных организаций, а основные массы крестьян поддерживали требование передать власть Советам.

Руководство партийной работой в губерниях промышленного Центра осуществляло Московское областное бюро, объединявшее 70 тыс. коммунистов.

В составе пролетариата Центрального района преобладали текстильщики. Они были наименее оплачиваемой, тесно связанной с крестьянством и в политическом отношении менее развитой группой, чем металлисты. На этом основании многие буржуазные лидеры считали, что рабочие промышленных губерний Центра, или, как они их называли, «истинно русских» областей, менее подвержены революционному влиянию (в 1917 г. Временное правительство даже собиралось покинуть революционный Петроград и перебраться в «более спокойную» Москву).

Однако такое представление оказалось ошибочным. Пролетариат Центрального района России обладал богатейшими революционными традициями. Именно здесь, в Орехово-Зуеве, в 1885 г. произошла знаменитая Морозовская стачка, знаменовавшая начало рабочего движения в России. В период первой русской революции рабочие Москвы показали образец высшей формы классовой борьбы: в декабре 1905 г. они поднялись на вооруженное восстание.

В. И. Ленин, объясняя кажущуюся «устойчивость» Центра против революционного движения главным образом тем, что массы рабочих не порвали связь с землей [49], подчеркивал в то же время, что особенно в условиях подъема революции «массовое рабочее движение здесь может получить всего скорее характер широкого народного движения» [50]. Вовлечение в движение текстильных рабочих, хуже оплачиваемых, менее активно участвовавших в предшествующем революционном движении, теснее связанных с крестьянством, как раз свидетельствовало о том, «что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде» [51].

Во время первой мировой войны стачки текстильщиков Иваново-Вознесенска и Костромы в 1915 г., беспощадно расстрелянные царской полицией, всколыхнули весь рабочий класс. Кровь, пролитая текстильщиками, показала пролетариату путь революционной борьбы против царизма, против грабительской войны.

---

[49] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 313.
[50] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 32.
[51] Там же.

Ни усилия царских властей, ни пропаганда соглашателей не могли вытравить эти революционные традиции. Революция 1917 г. подтвердила ленинское положение о том, что движение рабочих Центра охватит несравненно более широкие слои пролетариата: в августе 1917 г. рабочие «спокойной» Москвы ответили грандиозной политической стачкой протеста на попытку буржуазии подавить революцию. В стачке участвовало более 400 тыс. трудящихся, в том числе ряда городов Центра. Напуганная этой стачкой контрреволюция вынуждена была отступить, отложить на время реализацию своего плана подавления революционного движения.

Общие черты, характерные для губерний центра России (наличие значительных отрядов рабочего класса, глубокие революционные традиции, тесная связь крестьян с рабочими промышленных районов, а также большая работа, проведенная большевиками по подготовке вооруженного восстания, создание отрядов Красной гвардии в городах и селах и поддержка большевиков солдатской массой гарнизонов), определили основную особенность установления Советской власти в этом районе: она победила вслед за Петроградом и Москвой быстро, решительно и мирным путем.

Лишь в отдельных районах, где соотношение классовых сил вследствие специфических местных условий не было благоприятным для революции, борьба несколько затягивалась, хотя и в этом случае она носила мирный характер (исключением является Калуга).

В уездных и промышленных городах Московской губернии власть в руки Советов перешла почти одновременно с победой Октябрьской революции в Петрограде и Москве. В важнейших центрах губернии большевистские организации были готовы к взятию власти и ждали только сигнала. Они опирались на большинство рабочих и на войска, расположенные главным образом в уездных городах: в Мытищах стоял 190-й полк, в Коломне — 198-й, в Серпухове — 200-й, в Павловской слободе Звенигородского уезда — 195-й. Военные части находились также в Подольске, Можайске и других городах.

Выше уже говорилось, что 25 октября Московское областное бюро РСДРП(б) приняло постановление о создании партийного боевого центра для проведения восстания и о посылке в область условных телеграмм о начале выступления.

В тот же день Московский губернский Совет рабочих депутатов разослал телеграмму о победе революции в Петрограде. Губернский Совет предлагал уездным Советам осуществить ряд мер по овладению властью и соблюдению революционного порядка [52]. Эти указания послужили сигналом к действию.

Еще за несколько дней до победы Октябрьской революции большевистская организация Орехово-Зуева совместно с исполкомом Совета рабочих депутатов организовала Военно-революционный комитет [53]. Орехово-Зуевский Совет рабочих депутатов, получив вечером 25 октября сообщение о событиях в Петрограде, немедленно объявил о переходе к нему всей власти.

---

[52] См. главу 1 настоящего тома.

[53] *А. Оголблин.* Орехово-Зуево в 1917 году и теперь. М., 1957, стр. 59.

Советская власть в Орехово-Зуеве победила бескровно, не встретив вооруженного сопротивления со стороны контрреволюционных сил.

В Подольске условная телеграмма была получена в ночь на 26 октября от делегата II Всероссийского съезда Советов Эвальда. Вслед за тем была получена телефонограмма из Московского Комитета партии [54]. 26 октября Подольский Совет рабочих и солдатских депутатов создал ревком во главе с большевиком Чижовым. По призыву большевиков рабочие проводили митинги, на которых принимали резолюции о переходе власти к Совету. Солдаты на своем митинге заявили о переходе в полное распоряжение Совета.

В этой обстановке назначенные ревкомом комиссары с небольшими отрядами Красной гвардии, не встречая сопротивления, к концу дня заняли почту, вокзал, казначейство, электростанцию и другие важные объекты. Сил для противодействия Совету у контрреволюции не было. Правда, 27 октября комиссар Временного правительства Кругликов попытался предъявить ультиматум ревкому о роспуске Красной гвардии. Но уже на следующий день сам Кругликов и изменивший ревкому комиссар милиции были арестованы.

В ночь на 26 октября в большевистский комитет Серпухова из Москвы прибыл представитель ВРК с директивой о взятии власти Советом и о посылке отрядов Красной гвардии в распоряжение Московского ВРК. 26 октября Серпуховской Совет, который стал большевистским еще в августе, принял решение взять власть и избрал ревком [55]. Красногвардейцы без боя заняли все важные объекты в городе. В тот же день из Серпухова на помощь московским рабочим отправился первый отряд Красной гвардии.

В Коломне телеграмма из Москвы о событиях в Петрограде была получена в ночь на 26 октября. Немедленно собрался Совет рабочих депутатов. Новым председателем Совета был избран большевик Левшин. Совет принял постановление (манифест) о взятии власти. «Все провинции России,— говорилось в нем,— поддерживают Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и задача нашего Коломенского уезда — встать на защиту новой, революционной власти Совета рабочих и солдатских депутатов» [56].

В других уездных центрах Московской губернии — Богородске, Можайске, Бронницах, Волоколамске, Дмитрове, Звенигороде, Клину, Рузе, Верее — власть Советов также установилась в первые дни после победы революции в Петрограде и Москве. В этих непромышленных городах еще большее значение имела поддержка большевиков местными гарнизонами. В Можайске, например, гарнизон не только обеспечил быстрый переход власти в руки Совета, но и сразу же выступил против гусар и улан, двигавшихся на Москву по Александровской железной дороге [57].

Особенно большое значение имел быстрый и бескровный переход власти к Советам в Московском уезде. Из Мытищ, Люберец, Кунцева, Ту-

---

[54] *Н. Большаков.* Подольск перед октябрем и в октябре 1917 г.— «1917 год в Московской области». М., 1937, стр. 158.

[55] *С. Аристов.* Город Серпухов. М., 1947, стр. 78—80.

[56] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М., 1957, стр. 396. О положении в Коломне см. также: «Из истории революционной борьбы коломенских рабочих в 1917 г.».— «Красный архив», 1937, т. 6 (85), стр. 82—83; *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 327.

[57] «Социал-демократ» (Москва), 16 ноября 1917 г.

шина и других мест в Москву поступали лаконичные сообщения: «Вся власть в руках Совета». Ревкомы бдительно наблюдали за тем, чтобы в Москву не прорывались контрреволюционные отряды. На станции Лосиноостровская были задержаны 27 офицеров и юнкеров, следовавших в Москву. Мытищинский Совет рабочих депутатов разоружил и арестовал в Сергиевом Посаде (ныне Загорск) 250 контрреволюционеров [58].

Москва, где шли упорные бои с юнкерами, сразу же оказалась окруженной поясом советской территории, через который не могли прорваться контрреволюционные силы. В то же время со всех сторон шла помощь рабочим Москвы [59].

Во Владимирской губернии превосходство в соотношении классовых сил было на стороне большевиков. К особенностям проведения здесь социалистической революции следует отнести и то, что она началась в момент массовой и упорной политической забастовки, охватившей 114 предприятий с 300 тыс. рабочих не только Иваново-Вознесенского района, но и других мест. В этой стачке, начавшейся еще 21 октября, участвовали фабрики Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Родников, Середы, Коврова, Кохмы, Тейкова и Вичуги. В ходе забастовки рабочие установили контроль над большинством предприятий. Ряд большевистских Советов губернии фактически уже являлся властью, и как только поступали известия о восстании, их власть утверждалась официальными решениями Советов.

В Иваново-Вознесенске — крупнейшем промышленном центре Владимирской губернии — о восстании в Петрограде узнали, как уже было сказано выше, по телефону вечером 25 октября. Сообщение об этом историческом событии на заседании Совета было встречено бурей аплодисментов. Был объявлен перерыв, по окончании которого председатель Совета большевик Ф. Н. Самойлов, участник революции 1905 г., заявил, что исполком Совета и фракция большевиков приняли решение организовать временный революционный штаб, дав ему все полномочия по охране спокойствия в городе. В состав революционного штаба были избраны Ф. Н. Самойлов, Д. И. Шорохов, Д. А. Фурманов, А. И. Жугин и А. Ф. Федоров. Около 12 час. ночи 25 октября состоялось заседание революционного штаба, председателем которого был избран Д. А. Фурманов, а секретарем — А. И. Жугин. Штаб постановил послать военные караулы на телеграф, телефон и междугородную станцию. Находившийся в Иваново-Вознесенске полк солдат оказал Совету полную поддержку.

Одновременно с переходом власти в руки Иваново-Вознесенского Совета [60] власть к Советам перешла также в губернском центре — Владимире и в уездных городах: Александрове, Гороховце, Коврове, Муроме, Меленкове, Судогде, Шуе, Юрьеве-Польском, Покрове, Переяславле-Залесском и Вязниках. В конце октября — первой половине ноября в этих городах были созданы ревкомы и развернулась организация отрядов Красной

---

[58] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 328.

[59] См. стр. 245—247 настоящего тома.

[60] Об Октябрьской революции в Иваново-Вознесенске см. газеты: «Известия Иваново-Вознесенского Совета», «Наша звезда», «Шуйские известия» за октябрь — ноябрь 1917 г.; см. также: «1917 год в Иваново-Вознесенском районе (Хроника)». Иваново-Вознесенск, 1927; «Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. Иваново, 1947; «Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.)». Сборник документов. Владимир, 1957 и др.

гвардии. Местные гарнизоны полностью поддерживали Советы. Характерно, что в некоторых местах большевикам принадлежало руководство не только Советами, но и органами городских и земского самоуправлений. Так, председателем городской управы в Шуе являлся М. В. Фрунзе.

Быстрый переход власти в руки местных Советов во Владимирской губернии позволил оказать немедленную помощь Москве. Как уже отмечалось, на помощь Москве было послано до 2000 рабочих и солдат Шуи, Иваново-Вознесенска, Владимира и др. городов Владимирской губернии. Они приняли участие в разгроме мятежников.

В крупном промышленном городе Костромской губернии — Кинешме власть к Советам перешла в первые же дни после победы Октябрьской революции в центре.

28 октября был созван пленум Кинешемского Совета. По воспоминаниям одного из участников, на его заседании во время доклада о текущих событиях «все были напряжены, молчаливы и серьезны». «Заседание,— продолжает он,— затянулось далеко за полночь. Вдруг в дверях появились наши делегаты, вернувшиеся со II Всероссийского съезда Советов, которые прямо с поезда явились на заседание... Первым их встретил И. В. Беляев, который после коротких разговоров с ними с радостным криком «Ильич!» моментально занял председательское место, восстановил тишину и объявил состав народных комиссаров, ответом на что прозвучал мощный и уверенный «Интернационал»»[61]. По докладу о текущих событиях 49 голосами против 9 при 4 воздержавшихся была принята резолюция, в которой говорилось, что Кинешемский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победу рабочих и солдат в Петрограде и верит, что эта победа неминуемо придет во всю Россию[62]. Совет принял постановление взять власть в свои руки. При исполнительном комитете был создан временный революционный военный комитет. Представители меньшевиков и эсеров войти в этот комитет отказались. 30 октября Кинешемский Военно-революционный комитет принял постановление о поддержании строжайшего порядка и полнейшего спокойствия в Кинешемском районе[63].

В губернском центре — Костроме положение сложилось по-иному. Получив 26 октября телеграмму о победе революции в Петрограде, председатель Совета рабочих депутатов большевик С. Данилов предложил Совету взять власть в свои руки, немедленно занять банк, почту, телеграф и железнодорожную станцию. Совет, шедший за большевиками, принял это предложение[64]. Состоявшееся на следующий день объединенное заседание Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, исполкома Совета крестьянских депутатов, представителей профсоюзов, полковых и ротных комитетов также поддержало предложение большевиков и решило идти «вместе с революционным Петроградом в его борьбе за мир, за землю, за волю»[65]. Это решение было подтверждено и на заседании исполкомов Советов рабо-

---

[61] *А. Г. Смирнов.* Октябрьские дни в Кинешме (Воспоминания).— «Двадцать лет (1907—1917—1927)». Материалы к истории первого Совета и революционного движения в Кинешемском уезде. Кинешма, 1927, стр. 45.

[62] *М. И. Готовкин, К. И. Бахарев, М. К. Казанский.* Кинешемский район за 10 лет Октября. 1917—1927. Кинешма, 1927, стр. 12.

[63] «Известия Московского Совета», 21 ноября 1917 г.

[64] «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии». Сборник документов. Кострома, 1957, стр. 23—24.

[65] Там же, стр. 201.

чих и солдатских депутатов 29 октября, заслушавших отчет делегата II съезда Советов М. В. Коптева [66].

Большевики обладали в Костроме явным преимуществом. За ними шли рабочие и солдаты. Меньшевики и эсеры, хотя и протестовали против перехода власти к Совету, но серьезного сопротивления большевикам не оказали: у них не было сил. Тем не менее Совет действовал нерешительно: оставил на своем месте губернского комиссара Временного правительства, удовлетворившись его обещанием подчиняться новой власти.

Ревком в Костроме был создан только через месяц после перехода власти к Советам в центре — к 25 ноября и то под влиянием резкой критики костромских большевиков со стороны представителей Кинешемского Совета [67]. Лишь 29 ноября Костромской ревком постановил упразднить все старые власти в городе и вооружить Красную гвардию. Такое запоздание с ликвидацией старой власти в промышленном городе, где трудящиеся дружно поддерживали большевистскую партию, можно объяснить только нерешительностью и определенной слабостью местного партийного руководства.

В других уездных городах Костромской губернии Советская власть установилась в течение декабря 1917 г.— начала января 1918 г. [68]

В Тверской губернии, как в самой Твери, так и в большинстве уездов, власть в руки Советов перешла в течение нескольких дней после победы Октябрьской революции в Петрограде.

26 октября, когда было получено сообщение о событиях в столице, состоялось экстренное заседание Тверского Совета рабочих и солдатских депутатов. После прений 92 голосами против 9 при 15 воздержавшихся было принято следующее постановление: «Тверской Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет о своей твердой воле всеми мерами поддержать борьбу за пролетарско-крестьянскую власть...» [69]

В тот же день на заседании Тверской организации РСДРП(б) было решено создать ревком в следующем составе: три человека от Совета рабочих и солдатских депутатов, по три от Центрального бюро профсоюзов, ЦК фабзавкомов и по одному от партий большевиков, эсеров и меньшевиков [70]. При этом каждой тройке давался лишь один решающий голос. Были определены задачи ревкома: охрана и контроль над работой почты, телеграфа и железной дороги. Только от имени ревкома (совместно с комиссаром и начальником гарнизона) могли издаваться приказы, относившиеся к политическим событиям.

Эсеры и меньшевики организовали саботаж служащих на телеграфе и в некоторых других учреждениях, пытались опереться на милицию, которую возглавлял меньшевик. Но силы их были ничтожны.

Большевиков поддерживали рабочие и стоявший в городе 57-й полк. На фабриках и заводах энергично формировались отряды Красной гвардии. Эсеры и меньшевики решили организовать свой Комитет обществен-

---

[66] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 337.

[67] Там же, стр. 339.

[68] «Октябрь в Костроме». Сборник воспоминаний участников октябрьских событий. Кострома, 1957. Подробнее о победе Октябрьской революции в Костроме см.: *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 337—339.

[69] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сборник документов и материалов. Калинин, 1960, стр. 283—284.

[70] Там же, стр. 283.

ной безопасности для борьбы против ревкома. Это обстоятельство заставило Тверской Совет на своем заседании 27 октября изменить намечавшийся ранее состав ревкома[71]. В новый ревком вошли большевики и несколько левых эсеров. На этом собрании был сделан доклад о работе II Всероссийского съезда Советов, и 48 голосами против 6 при 7 воздержавшихся был принят Декрет о власти.

Тверской Совет рабочих и солдатских депутатов 28 октября объявил себя единственной революционной властью в городе и заявил, что он окажет моральную и физическую поддержку Совету Народных Комиссаров. «Тверской Совет рабочих и солдатских депутатов,— говорилось в декрете,— выбирает из своей среды временный революционный комитет с представительством от профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и социалистических партий и объявляет его временным верховным органом революционной власти в городе»[72].

Ревком немедленно принял меры, чтобы парализовать возможное выступление юнкерского училища и казачьей сотни на помощь контрреволюции в Москве (они уже получили соответствующий приказ командующего войсками Московского военного округа полковника Рябцева). Юнкерам и казакам было запрещено выступать из города. Одновременно по указанию ревкома красногвардейцы заняли железнодорожную станцию, что имело большое значение для победы революции в Москве. Занятие станции закрывало дорогу войскам бывшего Временного правительства, направляемым в Москву из районов Пскова и Смоленска, а также из Петроградского района. Через станцию Тверь не был пропущен ни один эшелон с контрреволюционными воинскими частями, а революционные отряды следовали из Петрограда в Москву беспрепятственно.

Почти одновременно с губернским центром ревкомы были созданы и в уездных городах Тверской губернии: Вышнем Волочке, Ржеве, Старице и др.[73]

Как шло установление Советской власти в уездных городах, в которых почти не было промышленности и рабочего класса и где основную массу населения составляла мелкая буржуазия, тяготевшая к меньшевикам и эсерам? В качестве примера можно привести г. Старицу. Здесь центром политической жизни был 5-й запасный саперный полк. Большое внимание полку уделял Тверской комитет большевиков. По его заданию в полк регулярно приезжал большевик Г. П. Баклаев, который организовывал полковые собрания и выступал перед солдатами с речами. К ленинской программе по вопросам войны и земли солдаты относились с одобрением. В октябре полк уже принимал большевистские резолюции. Известие о переходе власти к Советам, полученное 27 октября, было встречено солдатами сочувственно.

Вопрос о власти решался в полку 29 октября в связи с приездом большевиков Г. П. Баклаева и М. М. Михеева, имевших задание Тверского комитета большевиков организовать из солдат отряд для отправки в помощь московским рабочим. Вокруг этого вопроса в полку разгорелась борьба с офицерством и эсерами. Затем она продолжалась в исполкоме Совета крестьянских депутатов. Представители крестьян присоединились

---

[71] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 332.

[72] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии», стр. 286—287.

[73] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 332—334.

к революционно настроенным солдатам, и большевики одержали победу. На следующий день отряд в 351 человек уже направлялся в Москву. Тем самым принципиально был решен вопрос о власти и в уезде [74].

В некоторых уездных городах Тверской губернии — Бежецке, Весьегонске, Зубцове, Кашине — переход власти в руки Советов несколько задержался. Советская власть в этих уездах установилась в течение декабря 1917 г.— января 1918 г.

В Рязани после получения известий о событиях в Петрограде власть перешла к Военно-революционному комитету, созданному местным Советом 26 октября [75].

В Егорьевском, Зарайском и Скопинском уездах Рязанской губернии власть Советов установилась в конце октября — первой половине ноября 1917 г. В Егорьевске солдаты 80-го запасного пехотного полка были тесно связаны с пролетарской Красной гвардией. 21 ноября здесь был организован объединенный парад солдат гарнизона и Красной гвардии в ознаменование победы Советской власти. В остальных уездах губернии власть в руки Советов перешла позднее: в течение декабря 1917 г.— января 1918 г.

В Ярославле еще 15 октября состоялась 2-я губернская партийная конференция РСДРП(б), на которой рассматривался вопрос о подготовке вооруженного восстания [76]. К этому времени в Ярославле насчитывалось 450 членов партии большевиков [77]. Совет уже стал большевистским, его поддерживали рабочие и гарнизон. В городе был создан отряд Красной гвардии.

По получении известий из Петрограда вечером 27 октября состоялось заседание Совета рабочих и Совета солдатских депутатов совместно с представителями полковых и ротных комитетов и фабзавкомов. На нем решали вопрос о переходе власти в руки Советов: за голосовало 88 человек, против — 46, 9 воздержались. Меньшевики и эсеры в знак протеста покинули заседание Совета.

В состав вновь избранного исполкома вошло по шесть представителей от Совета рабочих и Совета солдатских депутатов [78].

28 октября был создан ВРК, председателем которого стал большевик Д. С. Закгейм.

Для борьбы против большевистского Совета городская дума, эсеры и меньшевики создали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», поддержанный губернским Советом крестьянских депутатов. Но ВРК, опираясь на Красную гвардию и солдат, немедленно распустил этот комитет.

---

[74] *И. Данилов.* Октябрьские дни в Старице.— «Спутник коммуниста» (Тверь), 1925, № 18-20, стр. 43. Г. А. Трукан называет другую цифру — 300 человек (*Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 333).

[75] «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.)». Сборник документов. Рязань, 1957, стр. 148, 392, прим. 33; *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 339—340.

[76] Еще 9 мая 1917 г. ярославские большевики вышли из объединенной социал-демократической организации. I губернская партийная конференция состоялась 4—5 октября 1917 г.

[77] «За 10 лет». Ярославль, 1927, стр. 12.

[78] «Установление Советской власти в Ярославской губернии». Сборник документов и материалов. Ярославль, 1957, стр. 269—273.

2 ноября собрание Ярославского Совета подтвердило, что вся полнота власти в городе и уезде принадлежит Советам, и одобрило действия ВРК[79].

27 октября за взятие власти высказался Совет уездного города Ростова. Близость к промышленному центру, сильное влияние большевиков и наличие революционного гарнизона — таковы были главные условия, определившие быстрый переход власти в руки Ростовского Совета.

Однако в других уездах Ярославской губернии соотношение сил было несколько иным. Здесь больше сказывались особенности Ярославской губернии как преимущественно аграрной, и борьба с эсерами и меньшевиками за власть приняла более затяжной характер. Не всюду местные революционные силы смогли решить исход этой борьбы сами. Так, в Пошехонье на помощь местным большевикам из Ярославля прибыли отряд красногвардейцев и группа членов Ярославского Совета.

На победу Октября в Калуге оказали влияние события, связанные с разгромом Калужского Совета солдатских депутатов силами Временного правительства 17—19 октября. Много большевиков тогда было арестовано, а революционные солдаты Калужского гарнизона отправлены на фронт. Калуга стала средоточием контрреволюционных сил: в городе разместилось около 40 тыс. казаков, драгун, солдат «ударных» батальонов[80]. Контрреволюции удалось не только задержать победу Советской власти в Калуге, но попытаться превратить город в один из центров борьбы против социалистической революции. Вскоре, однако, стало очевидно, что этот контрреволюционный очаг одинок: Советская власть победила во всех местах вокруг Калуги, а в самом городе под руководством ушедших в подполье большевиков рабочие готовились к восстанию.

16 ноября в Калуге был создан ревком из 8 большевиков и 4 левых эсеров. Но своими силами установить Советскую власть он не мог, так как у него не было вооруженной опоры, а в распоряжении городской думы, как уже отмечалось, находилась значительная военная сила[81].

22 ноября на заседании Петроградского ВРК было заслушано сообщение о положении в Калуге. Представитель Московского Совета доложил, что Калужский Совет обратился в Москву с просьбой прислать ему на помощь вооруженную силу[82]. В Калугу были направлены красногвардейские отряды из Москвы, Тулы и фронтовые части из Минска.

Московский отряд, имевший артиллерию, прибыл в Калугу в 2 час. дня 28 ноября, быстро занял станцию и приготовился к обстрелу опорных пунктов контрреволюционеров в городе.

Поняв безвыходность своего положения, белые разбежались. Калуга была занята революционными отрядами без кровопролития. Из перешедших на сторону Советской власти солдат был создан 1-й революционный Калужский полк. К вечеру 28 ноября при Калужском Совете организовали ревштаб.

В конце ноября — в течение декабря 1917 г. власть Советов установилась также в уездных городах Калужской губернии. В Малоярославце

---

[79] «Установление Советской власти в Ярославской губернии». Сборник документов и материалов, стр. 275, 289—290.

[80] *И. Скорбач.* Калужский гарнизон от Февраля к Октябрю.— «Партийная мысль». Калуга, 1927.

[81] «Известия Московского Совета», 24 ноября 1917 г.

[82] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3. М., 1967, стр. 258.

3 декабря состоялось общее собрание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с представителями общественных организаций. «После обмена мнениями,— сообщала «Калужская правда»,— пришли к заключению, чтобы власть перешла в ведение самого народа»[83]. Был избран ВРК из шести человек, который с 4 декабря приступил к исполнению обязанностей.

Свои особенности имел октябрьский переворот в Туле. Здесь была крупная большевистская организация: в октябре она насчитывала более 1500 членов[84]. Пролетариат Тулы был довольно многочисленным: около 70 тыс. К тому же в основном это были металлисты. Однако ко времени революции рабочий класс и большевистская организация оказались ослабленными мобилизациями в армию. Царское правительство тщательно «прочесывало» тульских рабочих, «убирая» наиболее революционные элементы. Вместо них на предприятия приходили крестьяне, выходцы из мелкой буржуазии и кулаки. Этим объясняется довольно значительное влияние эсеров и меньшевиков на рабочих Тулы, хотя основная масса рабочих и здесь шла за большевиками.

К 25 октября состоялись перевыборы Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов. Они дали большевикам 110 мест вместо прежних 45. Но меньшевикам и эсерам удалось сорвать выборы в частях Тульского гарнизона. Остались непереизбранными цеховые и железнодорожные комитеты. Вот почему и в новом составе Совета меньшевики и эсеры сохранили большинство — 140 мест[85]. Приходилось считаться также с тем, что эсеро-меньшевистские организации имели в городе и уезде крупные боевые отряды.

О событиях в Петрограде Тульская большевистская организация узнала 25 октября из телеграммы Московского областного бюро партии.

В тот же день в Москву из Тулы выехал представитель местной партийной организации Ф. М. Бундурин. Получив необходимые инструкции, он 26 октября вернулся в Тулу, где в ночь на 27 октября состоялось экстренное собрание большевистского актива. На этом собрании был избран ВРК, в состав которого вошли Прокудин, Бундурин, М. Ф. Шкирятов и др. В ответ на меры, принятые большевиками, Тульская городская дума мобилизовала силы контрреволюции. Им удалось удержать банк, почту, телеграф. Железнодорожный узел находился в руках викжелевцев. При думе был создан «Комитет общественной безопасности». Однако арсенал, где ВРК установил охрану, контрреволюционерам захватить не удалось.

30 октября на заседании пленума Тульского Совета большевистская резолюция о взятии власти Советом была отклонена. Однако 1 ноября при перевыборах исполкома большевики получили 13 мест из 23, причем председателем исполкома был избран большевик Кауль[86].

В то же время эсеро-меньшевистское большинство Совета создало в противовес большевистскому ВРК свой «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Обе стороны имели свои вооруженные силы. Но по-

---

[83] «Калужская правда», 13 декабря 1917 г.; *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 354—357.

[84] *П. Г. Богданов.* Борьба за установление Советской власти в Туле и Тульской губернии.— «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». Сборник статей, вып. 2. М., 1959, стр. 142.

[85] «1917 год в Московской области», стр. 111—112.

[86] «X годовщина Октября». Тула, 1927, стр. 21.

степенно ряд колебавшихся и соглашательских депутатов Совета под давлением рабочих перешел на сторону большевиков.

7 декабря на пленуме Тульского Совета большинством голосов была принята большевистская резолюция о роспуске «Комитета народной борьбы с контрреволюцией» и о сосредоточении всей власти в Совете. Обязанности охраны и упрочения Советской власти возлагались на ВРК [87].

В декабре Тульский городской комитет партии большевиков и ВРК направили своих эмиссаров во все уезды. К этому времени в Чернском, Веневском, Новосильском и Епифанском уездах уже побывали эмиссары Петроградского ВРК. В ряде уездов Советская власть уже была установлена. Например, в Веневском уезде, где имелась сильная большевистская организация, поддерживаемая гарнизоном, власть Совета была провозглашена в первых числах ноября 1917 г.

В течение декабря 1917 г.— февраля 1918 г. Советская власть установилась во всех уездах Тульской губернии.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что в большинстве губернских и пролетарских центров Центрального промышленного района власть к Советам перешла почти одновременно с победой Советской власти в Петрограде и Москве. Это объяснялось главным образом наличием в этом районе значительной пролетарской прослойки, крепких партийных организаций, большевистски настроенных гарнизонов.

В ряде непромышленных уездов Центрального промышленного района власть в руки Советов перешла несколько позднее, в основном в течение ноября — декабря 1917 г., а иногда и еще позже, после перевыборов Советов.

Установление Советской власти в Центральном промышленном районе закрепило победу революции в столицах. Оно сыграло важнейшую роль в победе революции в Москве. Через города и железнодорожные станции, где быстро победила Советская власть, контрреволюционные воинские части не могли пробиться на помощь московским мятежникам. Задержанные и распропагандированные в советских районах, многие из этих частей переходили на сторону Советской власти.

Быстрый переход власти к Советам в Центральной России оказал влияние на ход событий и в других районах: им оказывали помощь красногвардейскими отрядами, опытными организаторами и пропагандистами. Московские отряды наряду с питерскими принимали участие в подавлении сопротивления контрреволюции во многих районах страны.

Ход революции в центре ярко показал руководящую роль пролетариата, поднявшего и объединившего вокруг себя трудящиеся массы крестьянства.

Почти бескровный переход власти к Советам в этом районе свидетельствовал о том, что объективные и субъективные предпосылки социалистической революции созрели: трудящиеся массы убедились не только в неизбежности, но и в необходимости свержения диктатуры буржуазии как единственной возможности получить мир, землю и свободу.

---

[87] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 344—348.

2

УРАЛ

Урал охватывал в основном Пермскую, Уфимскую и частично Вятскую и Оренбургскую губернии.

Еще к началу XX г. по уровню горнозаводского и металлургического производства Урал был оттеснен Югом на второе место. Он продолжал, однако, оставаться одним из крупнейших промышленных районов страны с многочисленной армией пролетариата. К 1917 г. общее число рабочих на Урале составляло 357 тыс. человек [88].

Накануне революции 1917 г. в социально-экономическом отношении Урал представлял собой довольно пеструю картину. Промышленность здесь размещалась крайне неравномерно. Основная часть крупных заводов была сосредоточена на территории Пермской губернии: Чусовской, Лысьвенский, Верх-Исетский, Верхне-Туринский, Надеждинский, Мотовилихинский, Невьянский и другие заводы. На Южном Урале на территории Уфимской губернии также имелись крупные горнозаводские районы: Златоустовский, Белорецкий, Миньярский, Симский, Усть-Катавский, Миасский и др. Для Урала была характерна высокая концентрация рабочего класса. До 80% рабочих было сосредоточено на крупных заводах с числом рабочих свыше 500. В то же время на большей части Урала, несмотря на колоссальные природные богатства, крупной промышленности не существовало. Основная часть населения занималась сельским хозяйством и частично кустарным промыслом.

В Вятской губернии из 3813 тыс. населения (по данным на 1913 г.) только 157,5 тыс. были жителями городов (4,19%) [89]. Промышленность здесь была развита слабо и, за исключением Ижевска, Глазова и самой Вятки, состояла из небольших, технически маломощных металлургических и металлообрабатывающих заводов или была представлена отраслями легкой промышленности. Всего накануне первой мировой войны в губернии было 803 завода и фабрики с 34 611 рабочими [90]. В военные годы в связи с выполнением военных заказов на ряде предприятий число рабочих в Вятской губернии увеличилось до 75—85 тыс. Некоторая их часть прибыла из Петрограда. 900 передовых рабочих-путиловцев были высланы за революционные выступления для работы на заводах Ижевска, а всего в 1915—1916 гг. из Петрограда, Москвы и других крупных пролетарских центров в Вятскую губернию прибыло 8447 человек [91].

Для Урала было характерно также крупное землевладение, главным образом горнозаводское. Заводчики одновременно являлись и крупными землевладельцами. В. И. Ленин указывал, что при 111 уральских заводах в 1890 г. было 10,2 млн. десятин земли. Каждый завод имел до 100 тыс. десятин земли [92]. У основной же массы крестьян были нищенские наделы.

---

[88] «Победа Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск, 1967, стр. 57.
[89] «Обзор Вятской губернии за 1913 г.». Ведомость № 3. Вятка, 1914.
[90] Там же. Ведомость № 2.
[91] *С. М. Захаров.* Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957, стр. 14.
[92] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 486.

Так, в Пермской губернии крестьянам принадлежало только 29% всей земельной площади. Это накладывало отпечаток как на сельское хозяйство, так и на промышленность. Бóльшая часть крестьян вынуждена была арендовать землю у заводчиков и работать за мизерную плату на их заводах. Кроме того, часть уральских рабочих была настолько связана с землей, что работала на заводах лишь несколько месяцев в году. Дешевизна рабочих рук была одной из причин технического застоя в уральской промышленности.

Около 50% всех хозяйств в Вятской губернии составляли безземельные и малоземельные крестьяне. К началу 1917 г. более 25% крестьянства губернии не имело своего скота; нуждалось оно в лесе — из почти 2 млн. десятин лесных массивов только 2% (190 911 десятин) было в крестьянском пользовании [93].

В. И. Ленин в 1899 г. характеризовал Урал следующим образом: «Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала» [94].

К этой характеристике можно добавить, что в начале XX в. усилилась хищническая эксплуатация богатств Урала и уральских рабочих иностранным капиталом. К 1917 г. около 25% основного капитала уральской промышленности принадлежало иностранным капиталистам — английским, французским, бельгийским [95].

Особенно тяжелым было положение трудящихся национальных меньшинств Урала. Перед революцией в уральских губерниях проживало примерно 13 млн. человек [96]. В Вятской губернии в 1913 г. русские составляли 77,5% населения, удмурты, татары и другие народности — 22,5% [97–98]. Крестьяне этих национальностей страдали и от помещичье-капиталистического, и от национального гнета. Так, земли башкирских крестьян систематически расхищались как собственными богатеями, так и в результате русской колонизации края. Коренное население оттеснялось на худшие земли.

В привилегированном положении находилось оренбургское казачество, населявшее Троицкий, Верхне-Уральский и отчасти Челябинский уезды на Южном Урале. Если средний земельный надел бывших владельческих крестьян составлял здесь 6,6 десятины на двор, то у казаков он достигал 67,4 десятины [99]. Контрреволюция рассчитывала использовать казаков в своих целях.

Социально-экономические особенности Урала и разнородность нацио-

---

[93] *С. М. Захаров.* Октябрь в Вятской губернии, стр. 7—10.
[94] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 488.
[95] *В. С. Зив.* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917, стр. 34.
[96] «Победа Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 55; *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс в России в 1917 году, стр. 113—114.
[97–98] «Обзор Вятской губернии за 1913 г.». Ведомость № 3, стр. 41.
[99] *С. М. Петров.* Разгром дутовщины (Первый этап борьбы: 1917 г.— январь 1918 г.). Челябинск, 1940, стр. 10.

нального состава его населения определили расстановку классовых сил к моменту Октябрьской революции.

Многочисленный рабочий класс Урала (сообенно его кадровая часть) шел в первых рядах революционного движения России. Боевой ударной силой местного рабочего класса являлась многочисленная Красная гвардия, созданная на всех крупных заводах и во всех городах.

Урал был одним из оплотов Коммунистической партии. 30-тысячная уральская большевистская организация была одной из ведущих в стране. По численности она уступала только Петроградской и Московской [100].

Руководящий центр революционной борьбы на Урале находился в уездном городе Пермской губернии Екатеринбурге (ныне Свердловск) — крупнейшем пролетарском центре Урала. Здесь находился областной комитет партии. При районировании Советов на Всероссийском совещании Советов (29 марта — 3 апреля 1917 г.) Советы Урала были выделены в Уральскую область. В нее входили Пермская, Вятская, Уфимская и часть Оренбургской губерний. 1-й областной съезд состоялся в Перми, на нем преобладали соглашатели. Но II съезд Советов Урала состоялся в Екатеринбурге 17—21 августа. Руководящую роль на нем играли большевики. С этого времени Екатеринбург стал центром Уральской области. Здесь находился Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый большевиками.

В октябре 1917 г. накануне II Всероссийского съезда Советов большевики имели большинство во многих Советах Урала. За переход всей власти к Советам высказались Советы Екатеринбурга, Надеждинска, Чусовой, Лысьвы, Мотовилихи, Кунгура, Бисера, Миньяра, Челябинска, Верхне-Кыштыма, Верхне-Уфалея, Сысерти, Невьянска, Алапаевска [101]. По получении известий о победе Октябрьской революции в Петрограде власть Советов в этих местах установилась в течение 25—27 октября.

Особенно большое значение имел быстрый переход власти в руки Совета в Екатеринбурге.

Рабочие и солдаты Екатеринбурга с радостью встретили известие о победе вооруженного восстания в Петрограде. 26 октября на заседании городского Совета, где преобладали большевики, было принято решение о взятии власти. На следующий день Уральский областной комитет обратился по телеграфу ко всем Советам Урала с предложением взять власть в свои руки, усилить Красную гвардию, подавить всякие контрреволюционные выступления, немедленно ввести контроль над производством, организовать охрану предприятий [102].

С 26 по 30 октября на всех предприятиях Екатеринбурга проходили собрания рабочих. В принятых резолюциях рабочие единодушно приветствовали социалистическую революцию и требовали немедленной вооруженной борьбы с контрреволюцией, национализации банков и главней-

---

[100] «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск, 1961, стр. 284.

[101] Анкеты об отношении местных Советов к вопросу о власти см.: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». М., 1928, стр. 144—153; см. также: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сборник документов. М., 1957, стр. 227—398.

[102] *К. Я. Вотинова.* Борьба за победу Октябрьской революции в Пермской губернии.— «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». Сборник статей, вып. 1. М., 1953, стр. 267; «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 346, 347; «История Урала», т. II. Пермь, 1965, стр. 40.

ших отраслей промышленности. Рабочих дружно и горячо поддержали солдаты.

2 ноября на собрании солдат Екатеринбургского гарнизова была принята следующая резолюция: «Мы, солдаты Екатеринбургского гарнизона в количестве 2500 человек, выслушав доклады делегатов на II Всероссийский съезд Советов, заявляем, что мы признаем только власть Советов рабочих и солдатских депутатов, которую будем защищать всеми имеющимися у нас силами. Мы заявляем, что все те, которые пытаются восстать против этой власти, будут стерты с лица земли» [103].

Однако связь Екатеринбурга с центром была неустойчивой. Почтовые и телеграфные служащие по указанию руководства своего союза передавали лживые сведения о взятии Петрограда войсками Краснова — Керенского. Эсеры воспользовались моментом и 28 октября заявили о выходе из состава исполкома Екатеринбургского Совета, настаивая на создании «однородной социалистической власти». В этот момент некоторые руководители большевистской организации (в частности, председатель исполкома Совета Л. Сосновский) проявили колебание. В результате 31 октября был создан «Объединенный революционный комитет народной власти» [104]. Но фактическим органом власти по-прежнему оставался Совет.

Дальнейшее укрепление Советской власти в Екатеринбурге проходило в борьбе за ликвидацию «объединенного ревкома». 21 ноября екатеринбургские большевики объявили «Днем Советов» и решили провести вооруженную демонстрацию рабочих и солдат под лозунгом «Никакой другой власти в городе, кроме власти Совета!» [105] В такой обстановке «объединенный ревком» 22 ноября вынес постановление о самоликвидации.

Новым председателем Екатеринбургского Совета был избран делегат II Всероссийского съезда Советов и член ВЦИК большевик П. М. Быков. В своих воспоминаниях Быков пишет: «Получив письмо с Урала, решил ехать в Екатеринбург. Посоветовался со Свердловым, он не возражал и повел меня к В. И. Ленину, который тоже одобрил мой отъезд... Ленин лично дал мне указания и предложил Я. М. Свердлову дополнительно проинструктировать меня и выдать мне «мандат» как представителю центральной власти с полномочиями по организации Советской власти на Урале» [106].

В Уфе весть о победе Октябрьской революции в Петрограде была получена 26 октября. В тот же день Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями губернского Совета крестьянских депутатов постановил взять власть в свои руки и призвал к установлению Советской власти на территории всей губернии. Вечером 26 октября на совместном заседании исполкома губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, исполкома губернского Совета крестьянских депутатов и мусульманского военного Совета был создан Уфимский губернский ревком, председателем которого стал большевик А. И. Свидерский [107]. В состав ВРК

---

[103] «Уральский рабочий», 5 ноября 1917 г.; «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 353.

[104] «Уральский рабочий», 17 ноября 1917 г.

[105] Там же, 25 ноября 1917 г.

[106] «Новый мир», 1958, № 11, стр. 162.

[107] *Н. К. Лисовский.* Октябрь на Южном Урале. (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917—1918 гг.). Челябинск, 1957, стр. 90. В этой работе подробно изложена история установления Советской власти в Уфе.

вошел ряд крупных партийных работников, в том числе А. Д. Цюрупа, одновременно руководивший и продовольственным делом в Уфе. 28 октября Уфимский ВРК обратился к населению с воззванием о переходе власти к Советам в лице ВРК [108].

В распоряжении ВРК находилась не только Красная гвардия, но и солдаты гарнизона. 26 октября на собрании солдат 103-го полка Уфимского гарнизона было постановлено горячо приветствовать переход власти в руки Советов [109].

В Симском, Миньярском, Аша-Балашовском, Усть-Катавском и во многих других заводских районах Южного Урала Советами безраздельно руководили большевики. С получением 26—27 октября 1917 г. известий из Петрограда о победе восстания местные Советы рабочих и солдатских депутатов сразу же брали всю власть в свои руки [110].

Так же организованно и без вооруженной борьбы установилась Советская власть в большинстве остальных районов Урала.

27 октября Совет рабочих и солдатских депутатов Нижней Салды вынес постановление немедленно взять всю власть в свои руки и с оружием в руках защищать власть Советов, вооружив для этого Красную гвардию. Подобные решения были приняты на заседаниях Миньярского, Лысьвенского и Невьянского Советов. Рабочие Невьянска писали на страницах газеты «Уральский рабочий»: «Наконец, стала жизнью мечта, которую мы лелеяли 8 месяцев, в ночь на 27 октября нами была получена через ж.д. телеграмма, что власть в Петрограде перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и революционного комитета» [111]. В Невьянске немедленно был выбран ревком, арестовавший контрреволюционеров. Благодаря принятым мерам, как сообщала газета, в Невьянске соблюдался полный порядок [112].

28 октября на своем экстренном собрании Кунгурский Совет рабочих и солдатских депутатов 55 голосами против 10 принял большевистскую резолюцию. Совет избрал ревком из пяти человек [113].

В конце октября объявили себя властью местные Советы Кизеловских, Луньевских и Губахинских копей Соликамского уезда Пермской губернии. В Каслях по получении известий о событиях в Петрограде, сообщенных по телефону из Кыштыма, местный Совет 29 октября установил свой контроль над телефонной станцией, организовал охрану завода, отстранил от должности начальника милиции. Совет провел заседание совместно с представителями общественных организаций, на котором было принято решение о создании ревкома и Красной гвардии [114].

В конце октября власть в руки Советов перешла также на Кусинском заводе и в Стерлитамаке.

Сложнее протекали события в городах и на заводах, где эсеры и меньшевики еще сохраняли большинство в Советах. К таким городам

---

[108] «Вперед», 28 октября 1917 г.
[109] Там же, 29 октября 1917 г.
[110] *Н. К. Лисовский.* Октябрь на Южном Урале, стр. 92.
[111] «Уральский рабочий», 3 ноября 1917 г.
[112] Там же.
[113] Там же. Подробнее о победе Октябрьской революции в Кунгуре см.: «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 370.
[114] «Уральский рабочий», 3 ноября 1917 г.; см. также: «Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Челябинск, 1957, стр. 198.

относилась Пермь — административный центр Урала. Пермь не была тогда промышленным городом, значительную часть ее населения составляли чиновничество, купечество, кустари. Они-то и являлись социальной опорой меньшевиков и эсеров, удерживавших в своих руках окружной Совет рабочих и солдатских депутатов (Уралсовет), а также городской и губернский Совет крестьянских депутатов.

Эсеро-меньшевистский исполком окружного Совета создал 1 ноября коалиционный ревком, ставший вскоре органом борьбы с революцией. В связи с этим большевики вышли из состава ревкома [115].

Однако серьезной силы у соглашателей не было. В самом городе большевиков поддерживали рабочие и солдаты гарнизона. Пермь находилась в окружении уральских промышленных центров — Мотовилихи, Лысьвы [116] и др., где Советская власть уже установилась.

Обстановка в Совете изменилась после того, как 23 ноября произошло слияние Пермского Совета с большевистскими Мотовилихинским и Балашевским Советами. Председателем объединенного Совета был избран участник II Всероссийского съезда Советов большевик А. Л. Борчанинов [117].

16—17 декабря на губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов был создан губернский исполком Совета, в который вошли 11 большевиков и 4 левых эсера [118]. Председателем исполкома стал большевик М. Н. Лукоянов.

На помощь рабочим городов, где эсеры и меньшевики оказывали особенно упорное сопротивление, приходили красногвардейские отряды из других мест. Так, в Шадринске эсеры удерживали Совет до января 1918 г. Во второй половине января 1918 г. сюда из Екатеринбурга прибыл отряд Красной гвардии под командованием П. Д. Хохрякова. В городе был создан ревком. В январе лысьвенский отряд Красной гвардии прибыл в Соликамск и Чердынь [119]. А 18 марта Советская власть установилась в Златоусте, когда в город вступил красногвардейский отряд из Челябинска [120].

В некоторых районах на территории Башкирии пришлось преодолевать сопротивление башкирских буржуазных националистов. Созданный еще в августе 1917 г. «Центральный башкирский совет» под предлогом борьбы за автономию и независимость башкирского народа пытался не допустить здесь победы Советской власти.

Особенно большие трудности социалистическая революция встретила в ряде мест Южного Урала. И здесь Советы ряда городов находились под влиянием большевиков. Однако они не имели достаточной вооруженной

---

[115] «Пролетарское знамя», 3 ноября 1917 г.

[116] Воззвание Лысьвенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о переходе власти в руки Советов (от 28 октября 1917 г.) см.: «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1947, стр. 88.

[117] «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии». Документы и материалы. Молотов, 1957, стр. 40; *Г. П. Рычкова.* Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1947, стр. 78.

[118] «История Урала», т. II, стр. 46; «Пролетарское знамя», 17 и 21 декабря 1917 г.

[119] *Г. П. Рычкова.* Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 79.

[120] *Н. К. Лисовский.* Октябрь на Южном Урале, стр. 133—134.

силы, чтобы выдержать натиск контрреволюционных войск. Переход власти в руки Советов в Челябинске, Троицке, Орске, Верхне-Уральске Оренбургской губернии и в самом Оренбурге был осложнен борьбой, которую пришлось вести против контрреволюционных казачьих войск атамана Дутова [121], о чем будет сказано ниже.

В Челябинске местный Совет вынес постановление о взятии власти 26 октября. Комиссары и красногвардейские отряды были направлены в важнейшие учреждения города. Челябинская буржуазия поспешила установить контакт с казачьим атаманом Токаревым в Троицке. Токарев в конце октября направил в Челябинск отряд белоказаков. Они заняли поселок Шершни возле города и предъявили местному Совету ультиматум. Часть Челябинского гарнизона заняла выжидательную позицию. Контрреволюционеры организовали в городе забастовку почтово-телеграфных служащих. Челябинск оказался изолированным от центра страны. В результате местный Совет вынужден был временно отказаться от власти, передав ее городской думе [122]. Только после прибытия красногвардейских отрядов из Екатеринбурга, Уфы, Сызрани, Самары для борьбы с Дутовым власть 20 ноября снова перешла в руки Челябинского Совета. В Челябинске был создан ВРК, в состав которого вошли большевики Д. В. Колющенко, Е. Л. Васенко и др. От сводного отряда солдат в ВРК был избран В. К. Блюхер, ставший в декабре 1917 г. председателем Челябинского ВРК [123].

Установлению Советской власти на Урале помогали не только Советы близлежащих мест, но и Петроградский ВРК. 12 ноября на заседании Петроградского ВРК было принято постановление об отправке комиссара-агитатора с отрядом матросов в Архангельск. Здесь они должны были сформировать отряд в 1500 матросов и отправить его затем на Урал и в Сибирь для укрепления там Советской власти и скорейшего продвижения продовольственных грузов в центральные районы [124].

25 ноября на вечернем заседании Петроградского ВРК был поставлен вопрос о положении в Приуралье и Сибири. Выступавшие говорили о черносотенных погромах и об активизации белоказачьей контрреволюции на востоке страны. В связи с этим ВРК вновь указал за необходимость дополнительной отправки вооруженных сил (отрядов красногвардейцев и матросов), а также оружия и патронов на Урал и в Сибирь [125].

Красногвардейцами и прибывшим из Петрограда отрядом матросов под командованием мичмана С. Д. Павлова в ночь на 25 декабря от белоказаков был освобожден Троицк [126].

В Вятской губернии [127] (города Вятка, Ижевск, Глазов, Елабуга, Ко-

---

[121] Там же, стр. 137—139.

[122] «Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.)», стр. 200—202; см. также: «Уральский рабочий», 21 ноября 1917 г. (письмо Е. Л. Васенко об осаде белоказаками Челябинска).

[123] *Н. Л. Лисовский.* Октябрь на Южном Урале, стр. 93—97; см. также: *А. Баранов.* Октябрь на Урале. Свердловск, 1927, стр. 17; *Г. П. Рычкова.* Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 77 и др.

[124] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 428.

[125] Там же, т. 3, стр. 351—352.

[126] *Н. К. Лисовский.* Октябрь на Южном Урале, стр. 118—119.

[127] Во избежание разрыва в изложении мы даем историю установления власти Советов по всей губернии.

тельнич, Орлов, Сарапул, Слободской, Яранск, Малмыж, Нолинск, Уржум) власть в руки Советов перешла в октябре 1917 г.— январе 1918 г. В губернии в 1917 г. находились значительные по размерам воинские части: в Вятке (вместе с гарнизонами еще четырех городов губернии) было около 70 тыс. солдат, среди которых быстро росло большевистское влияние.

Как только началось вооруженное восстание в столице, пролетариат и крестьянство Вятской губернии под руководством большевиков перешли к решительным действиям.

25 октября в Ижевске был создан ВРК. На следующий день большевики Ижевска узнали о победе Октябрьской революции в Петрограде. 27 октября городской Совет (111 голосами против 58) взял власть в свои руки и заявил о полной поддержке Совета Народных Комиссаров. 28 октября была устроена большая демонстрация трудящихся города, которые приветствовали членов ВРК [128].

В Глазове руководимый большевиками Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов еще до Октябрьской революции был фактической властью в городе и уезде. Сразу же по получении известия о победе рабочих и солдат Петрограда Глазовский Совет официально объявил себя единственной властью в городе и уезде.

В ноябре 1917 г. по инициативе большевиков был переизбран Елабугский Совет, тогда же взявший власть в свои руки.

23 ноября 1917 г. объявил себя единственной властью в городе и Сарапульский Совет рабочих и солдатских депутатов [129].

27 октября Вятский городской комитет большевистской партии обратился с воззванием к народным массам губернии. Сообщая о свержении власти Временного правительства, комитет призвал оказать полную поддержку Советскому правительству и организовать перевыборы тех депутатов Советов, которые были противниками Советской власти [130].

В Вятке власть в руки Советов перешла в конце ноября после перевыборов местного Совета рабочих и солдатских депутатов. 25 ноября около 8 час. вечера началось и на следующее утро закончилось собрание вновь переизбранного Вятского Совета. На этом собрании было принято постановление о передаче всей власти в Вятке в руки Советов. Эта резолюция была принята большинством в 83 голоса против 37 при 2 воздержавшихся [131].

5—8 января 1918 г. состоялся Вятский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который провозгласил власть Советов на территории всей Вятской губернии [132].

---

[128] «Очерки истории Удмуртской организации КПСС». Ижевск, 1968, стр. 107, 110; *В. Сергеев.* Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть.— «Ижевск в огне гражданской войны. 1917—1918 годы». Ижевск, 1927, стр. 23 и сл.

[129] «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии». Сборник документов. Киров, 1957, стр. 112, 113—114, 115.

[130] Там же, стр. 199.

[131] «Октябрь и гражданская война в Вятской губернии». Вятка, 1927, стр. 31.

[132] «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 382. В этой работе (стр. 380—382) подробно изложена история установления Советской власти в Вятке.

* * *

Урал был третьим промышленным районом (после Петрограда и центра), где быстро установилась Советская власть. Здесь ярко проявилась общая закономерность революции: главной ее движущей силой был пролетариат. В основных пролетарских центрах Урала, в которых Советы были большевистскими, переход власти в руки Советов произошел в первые же дни после получения известий о революционных событиях в центре, причем осуществился он мирным путем [133].

В таких же городах, как Пермь, Златоуст и другие, переход власти к Советам задержался, так как у руководства местных исполкомов Советов находились меньшевики и эсеры. Но их сопротивление оказалось непродолжительным: на первых же перевыборах Советов они потерпели поражение.

Лишь в некоторых районах Южного Урала Советская власть установилась с известным запозданием вследствие контрреволюционного выступления атамана Дутова и сопротивления буржуазно-националистической контрреволюции (Челябинск, Троицк, Оренбург, Белебей, Верхне-Уральск).

Победа Советской власти на Урале закрепляла успехи социалистической революции в Петрограде и центральной части России. Она помешала объединению сибирской контрреволюции с контрреволюцией Дона и Украины, обеспечила возможность получения хлеба как с Урала, так и из Сибири. Советский Урал стал базой формирования Красной гвардии, принявшей участие в подавлении дутовщины — одного из звеньев всероссийской контрреволюции.

Наконец, победа пролетарской революции на Урале ускорила установление Советской власти в Поволжье и Сибири.

3

ПОВОЛЖЬЕ

В район Поволжья (точнее сказать, Среднего и Нижнего Поволжья) мы включаем Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую и Саратовскую губернии. Астраханскую губернию мы относим к более близкому ей Юго-восточному району по составу населения (казачество) и ее месту в революции.

По территории район Среднего и Нижнего Поволжья больше Великобритании, Италии, Бельгии и Голландии вместе взятых. В нем (без Астраханской губернии) к октябрю 1917 г. проживало более 14,5 млн. человек [134].

---

[133] По подсчетам исследователей, в горнозаводских уездах власть в руки Советов перешла в октябре и ноябре 1917 г. почти в 85% городов и поселков («Победа Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 553).

[134] «Октябрь в Поволжье». Саратов, 1967, стр. 19.

Несмотря на огромные размеры, различия в социально-экономических условиях отдельных областей, большое и многонациональное население, район Среднего и Нижнего Поволжья по характеру проведения в нем социалистической революции имел много общего. Губернии Поволжья в основном были земледельческими. Господство помещичьего землевладения сочеталось здесь с довольно большим наличием кулацких хозяйств. Например, в Казанской губернии помещикам, монастырям и казне принадлежало 40% обрабатываемой земли, 27% земли крестьянского пользования находилось в руках у кулаков (12% хозяйств). 11% крестьянских семейств совсем не имели земли [135]. В Саратовской губернии в 1917 г. безлошадные крестьянские хозяйства составляли 43%. Надо напомнить, что в Саратовской губернии, а отчасти и в Самарской, более трети крестьян были «дарственниками»: после реформы 1861 г. помещики отпустили их на волю без выкупа, «даром», но зато отобрали у них $^3/_4$ надельной земли. В Нижегородской губернии 540 помещиков владели 25% удобной земли, а все крестьяне — 44%.

Острое малоземелье крестьян, преобладание помещичьего землевладения и расслоение крестьянства стали основой острой классовой борьбы в поволжской деревне. В здешнем крестьянстве сохранялись прочные революционные традиции. Как известно, Поволжье являлось ареной крестьянских войн XVII и XVIII вв. под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Учитывая именно это, в 70-х годах XIX в. народники избрали Поволжье главным районом «хождения в народ». К началу 1917 г. среди поволжских крестьян большое влияние имели эсеры. Но в ходе революционных событий 1917 г. трудящиеся крестьяне на собственном опыте и под влиянием большевистской пропаганды убеждались в том, что эсеры не в состоянии выполнить свои обещания. Это постепенно приводило к сдвигу настроения основных масс крестьянства в сторону поддержки пролетариата и его партии.

На ход борьбы за Советскую власть в поволжских губерниях наложила отпечаток и национальная пестрота населения. На территории губерний Среднего Поволжья, кроме русских, проживали татары, чуваши, мари, мордва, немцы. В Казанской губернии нерусские народности составляли 61,6% [136].

Трудящиеся всех национальностей Поволжья вместе с русскими рабочими и крестьянами участвовали в борьбе за торжество власти Советов. В то же время буржуазно-националистическая контрреволюция, прежде всего в Татарии, играла активную роль в антисоветских выступлениях общероссийской контрреволюции.

Особенностью Поволжья было и то, что в отличие от сельскохозяйственных губерний Центрально-черноземной полосы здесь имелось несколько крупных промышленных центров со значительными отрядами рабочего класса. Это были прежде всего губернские города — Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов и уездные города: Симбирской губернии — Сызрань, Саратовской губернии — Царицын.

В районе Нижнего Новгорода в 1917 г. насчитывалось более 50 тыс. рабочих [137]. На Сормовском паровозостроительном и судостроительном за-

---

[135] «Труд и хозяйство» (Казань), 1926, № 6-8, стр. 99.

[136] «Октябрь в Поволжье», стр. 20; см. также: «Татарская АССР в цифрах за 15 лет». Казань, 1935, стр. 9.

[137] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году, стр. 113.

воде трудилось 25 тыс. рабочих. В Казани было около 25 тыс. рабочих, из них до 10 тыс. металлистов. В Самаре число рабочих в 1917 г. доходило до 60 тыс., причем основной пролетарской базой являлся трубочный завод с 28 тыс. рабочих [138]. В Саратове насчитывалось около 25 тыс. рабочих, а в Царицыне — до 35 тыс. Опорными пунктами большевиков в Царицыне были крупнейшие орудийные и металлургический заводы. Значительную часть рабочих Царицына составляли береговые рабочие-грузчики, а также рабочие лесопильных заводов.

Кроме рабочих, большевиков поддерживали солдаты тыловых гарнизонов, расположенных преимущественно в крупных городах Поволжья.

В охватывавшем все Поволжье и Приуралье Казанском военном округе к октябрю 1917 г. насчитывалось 256,5 тыс. человек [139]. Здесь дислоцировалось 60 запасных пехотных полков, входивших в состав девяти пехотных бригад, несколько кавалерийских полков, артиллерийских бригад и много технических частей. В Нижнем Новгороде военный гарнизон в 1917 г. насчитывал 30 тыс. [140], в Казани — около 40 тыс. солдат. В Саратове находилось до 75 тыс. солдат (3-й и 4-й пулеметные полки, 90-й, 91-й и 92-й запасные пехотные полки, 241-й пехотный полк и 4-я запасная артиллерийская бригада) [141]. В Самарском гарнизоне было 60 тыс., а в Царицынском — до 20 тыс. солдат. В Аткарске размещалось 9 тыс. солдат, в Петровске — 12 тыс., в Сызрани — до 30 тыс., в Николаевске — 10—12 тыс. [142]

Борьба большевиков за мир и землю приводила к большевизации поволжских гарнизонов. Например, в Самаре некоторые полки еще задолго до Октября стали принимать большевистские резолюции о переходе власти в руки Советов. Так было в 102-м, 130-м, 132-м, 143-м полках и 4-й батарее 3-й артиллерийской бригады. В Царицыне большевистскими настроениями особенно отличались 141-й и 155-й запасные пехотные полки.

Партийные ячейки большевиков имелись во всех крупных воинских частях. Через солдат, призванных в запасные полки преимущественно из местных крестьян, большевизировалось и крестьянство поволжских губерний.

Следует также учесть, что в войсках Казанского военного округа, по приблизительным данным, насчитывалось до 100 тыс. солдат нерусской национальности, главным образом татар, башкир, украинцев. Активная политическая работа, которую большевики вели среди них, облегчала вовлечение трудящихся угнетенных народов в революционное движение за власть Советов.

Наличие пролетарской базы в ряде центров Нижнего и Среднего Поволжья позволило большевикам создать здесь крупные партийные органи-

---

[138] «Октябрь в Поволжье», стр. 31.

[139] *П. Голуб.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февраль 1918. М., 1967, стр. 173.

[140] К октябрю 1917 г. численность запасных пехотных полков в связи с отправкой на фронт маршевых рот значительно уменьшилась (*Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 315).

[141] *М. И. Васильев-Южин.* Пролетарская революция в Саратове.— «Саратовские известия», 28 октября 1927 г.

[142] *И. М. Ионенко.* Борьба большевиков Казани за управление войсками и проведение демобилизации старой армии в Казанском военном округе (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.).— «Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье». Казань, 1962, стр. 32.

зации, которые развернули энергичную работу по подготовке вооруженного восстания. В Самаре к VI съезду партии насчитывалось до 4 тыс. большевиков, в Саратове — более 3 тыс., в Царицыне — до 3 тыс., в Казани — до 700 [143]. Всего на VI партийном съезде было представлено почти 13,5 тыс. большевиков Поволжья [144]. К октябрю численность большевиков значительно увеличилась.

В промышленных центрах Среднего и Нижнего Поволжья соотношение классовых сил к осени 1917 г. сложилось в пользу большевиков. Среди поволжских делегатов на II Всероссийский съезд Советов более половины были большевиками, среди остальных преобладали левые эсеры.

Указанные обстоятельства объясняют, почему в большей части городов Среднего и Нижнего Поволжья и примыкавших к ним уездах власть Советов установилась в первые же дни после победы Октября в Петрограде и Москве. В более отдаленных от центра непромышленных городах и уездах Поволжья власть к Советам перешла позднее: в течение ноября — декабря 1917 г., а в ряде мест даже в течение января — февраля 1918 г.

Большевистская организация Нижнего Новгорода была тесно связана с Московским областным бюро. Накануне Октября из Москвы в Нижний Новгород был послан Г. Л. Бабушкин. Он должен был информировать местную партийную организацию о решениях ЦК партии большевиков от 10 и 16 октября об организации вооруженного восстания и о мерах, принятых Московским областным бюро по подготовке восстания. Большевистский комитет Нижнего Новгорода также принял решение о подготовке восстания. В уезды и рабочие поселки направились представители комитета для руководства подготовкой к переходу власти к Советам [145].

Настроение рабочих выразилось в резолюции Сормовского завода, принятой 20 октября. Она требовала свержения Временного правительства и передачи власти в центре и на местах Советам [146]. Такое же настроение царило и среди солдат. Этому явно не соответствовал состав Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором преобладали соглашатели. Большевики развернули агитацию за его перевыборы. Но они еще не успели состояться, как к вечеру 25 октября губернский комитет партии большевиков узнал о восстании в Петрограде: была получена телеграмма от делегата Нижнего Новгорода на II Всероссийском съезде Советов С. А. Левита [147]. В тот же вечер, 25 октября, пришла условная телеграмма из Москвы: Областное бюро сообщало «о типографии», что означало известие о начале восстания в столице и в Москве [148]. Собравшееся вечером совещание руководящих партийных работников приняло решение предложить Совету, созванному на 26 октября, образовать Военно-революционный комитет и взять власть. Большевики направились на предприятия и в казармы организовывать митинги в поддержку Советской власти.

На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 26 октября большевистская фракция выступила с предложением организовать ВРК. Но меньшевистско-эсеровское большинство Совета проголосовало за резолю-

---

[143] «Октябрь в Поволжье», стр. 596—598.
[144] «Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков)». М., 1958, стр. 304, 307.
[145] «История города Горького». Горький, 1971, стр. 282, 283.
[146] Там же, стр. 283.
[147] Там же, стр. 284.
[148] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1. М., 1963, стр. 254.

цию, осуждавшую вооруженное восстание в столице [149]. Резолюция вызвала резкие протесты со стороны представителей заводов и полков, присутствовавших на заседании. Они требовали немедленно переизбрать Совет. Под давлением масс соглашательское большинство Совета вынуждено было согласиться на перевыборы. Но, не ожидая их исхода и учитывая всеобщую поддержку народных масс, большевистский губком еще 27 октября созвал собрание делегатов фабзавкомов и военных организаций гарнизона, которое приняло решение о создании ВРК из представителей местной организации большевиков, гарнизона, профсоюзов во главе с И. Р. Романовым и Я. З. Воробьевым. Была приведена в боевую готовность Красная гвардия. 28 октября ее отряды вместе с солдатами заняли важнейшие пункты в городе: арсенал, телеграф, почту, Кремль.

Городская дума — меньшевики, эсеры и кадеты — 28 октября создали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». Здание Думы было забаррикадировано, но силы, защищавшие ее, были ничтожны: батальон юнкеров и «окарауливающая рота». 29 октября красногвардейцы и солдаты разоружили юнкеров, остальные белогвардейцы разбежались.

ВРК выпустил воззвание к населению города, извещавшее о переходе власти в руки Советов [150].

После перевыборов Нижегородский Совет рабочих и солдатских депутатов 2 ноября принял (157 голосами против 52) [151] резолюцию о том, что власть в Нижнем Новгороде и всей губернии переходит к Советам рабочих и солдатских депутатов [152].

В некоторых уездных городах и рабочих поселках Нижегородской губернии состав Советов был большевистским еще до Октябрьской революции, среди них, например, Павловский, Лысковский, Юринский, Кулебакский Советы [153]. Здесь власть в их руки перешла в последних числах октября или в первых числах ноября 1917 г.

Казань была тесно связана с Нижним Новгородом, откуда приезжали большевистские агитаторы для оказания помощи. С августа 1917 г. Казанская партийная организация была подчинена Московскому областному комитету большевиков. Большевики вели большую работу в гарнизоне.

Уже в апреле 1917 г. в Казани возник первый во всей русской армии Военно-окружной комитет, взявший на себя представительство интересов солдатских масс. Он был создан по решению 1-й конференции делегатов солдатских организаций Казанского военного округа, состоявшейся в Са-

---

[149] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 341.

[150] «Нижегородский листок», 4 ноября 1917 г.; см. также: «Документы Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии». Горький, 1945, стр. 99; *К. П. Маслов.* Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение.— ««Красное Сормово» на великом рубеже». Горький, 1964, стр. 156; «История города Горького», стр. 287.

[151] В докладе представителя Нижнего Новгорода, члена Московского областного бюро РСДРП(б), названы неточные данные— 136 против 83 при 4 воздержавшихся («Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 317).

[152] О дальнейших событиях, связанных с укреплением власти Советов в Нижнем Новгороде, и прибытии с этой целью в 20-х числах ноября комиссара военно-политического отдела штаба МВО А. В. Мандельштама см.: «Октябрьское восстание в Москве». Сборник. М., 1922, стр. 262—264; «Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии». Сборник документов. Горький, 1957, стр. 366, 367.

[153] «Документы Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии», стр. 98.

ратове вопреки указаниям Всероссийского совещания Советов (март 1917 г.), а также противодействию командования округа и соглашательского большинства Казанского Совета [154].

Хотя его руководство находилось в руках соглашателей, но большевики пользовались все усиливающимся влиянием в гарнизоне и оказывали воздействие и на деятельность Военно-окружного комитета. К 15 октября гарнизон города перешел на сторону большевиков. В Казани политическая борьба резко обострилась во второй половине октября. Со дня на день назревало столкновение между силами Временного правительства — юнкерами, с одной стороны, и революционными частями гарнизона и Красной гвардией — с другой.

Контрреволюционная буржуазия и поддерживавшие ее меньшевики, эсеры и буржуазные националисты располагали немалой военной силой: более 5 тыс. офицеров штаба Казанского военного округа, 2 тыс. юнкеров, две школы прапорщиков, эскадрон сызранских драгун, отряд казаков. В распоряжении контрреволюционных сил были артиллерия и четыре броневика. Во главе контрреволюционных сил в Казани стоял комиссар Временного правительства при командующем войсками округа правый эсер Калинин. По его приказу 19 октября отряд юнкеров прибыл в расположение артиллерии арестовать революционно настроенного офицера. Артиллеристы отказались выдать офицера [155].

22 октября общее собрание представителей гарнизона высказалось за подчинение гарнизона Совету, за переход власти к Советам и за разоружение юнкеров [156]. 23 октября Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поддержал решение гарнизона и постановил призвать рабочих к всеобщей забастовке, привести в боевой порядок отряды Красной гвардии и вывести их на борьбу с юнкерами [157]. Кроме гарнизона, большевики располагали около 3 тыс. красногвардейцев [158].

Вечером 23 октября Казанский комитет большевиков принял решение перейти к боевым действиям и призвать рабочих к всеобщей забастовке и создал Военно-революционный комитет [159].

Утром 24 октября юнкера в сопровождении броневиков обстреляли казармы на Арском поле. Известие об этом подняло на ноги весь гарнизон. Большевики поддержали выступление солдат: в ночь на 25 октября собранные по тревоге отряды Красной гвардии заняли заранее намеченные позиции. В Казани началась вооруженная борьба между силами революции и контрреволюции.

Руководство революционными войсками осуществляла военная организация Казанского комитета партии. Штабу Казанского военного округа был предложен ультиматум: разоружить юнкеров, убрать броневики, передать все оружие Совету, отстранить комиссара Временного правительства.

Однако ультиматум был отклонен. Тогда революционные части заняли центр города и окружили Кремль, где сосредоточились юнкера. В ру-

---

[154] «Октябрь в Поволжье», стр. 133, 134.
[155] «Очерки истории партийной организации Татарии». Казань, 1962, стр. 123—124.
[156] *Е. Грачев.* Казанский Октябрь (Материалы и документы), ч. 1. Казань, 1926, стр. 208, 209.
[157] «Октябрь в Поволжье», стр. 221.
[158] *И. Ионенко, И. Тагиров.* Октябрь в Казани. Казань, 1967, стр. 200.
[159] *А. Тарасов.* Установление Советской власти в Казани.— «Исторический журнал», 1942, № 11, стр. 45; «Очерки истории партийной организации Татарии», стр. 124.

ках восставших находились почта, телеграф, вокзал, Государственный банк. Арестовали командующего войсками Казанского военного округа Архипова и комиссара Временного правительства Калинина. Газета «Социал-демократ» сообщала: «В городе установлен твердый революционный порядок, спокойствие полное, весь гарнизон в 35 тыс. штыков на стороне правительства Советов» [160].

В ночь на 26 октября была получена телеграмма о низвержении Временного правительства. К 4 час. утра 26 октября контрреволюция капитулировала. Победа была одержана совместным выступлением трудящихся разных национальностей. В боевых действиях участвовали русские, татары, украинцы, чуваши. В рядах Красной гвардии находилось до 300 рабочих-татар, а в войсках гарнизона — около 3 тыс. солдат-мусульман. Пользовавшийся влиянием среди татарских рабочих и трудящихся Мусульманский социалистический комитет призвал массы к поддержке восстания и принял активное участие в борьбе за установление Советской власти [161].

Вечером 26 октября на собрании депутатов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием представителей полковых и районных фабрично-заводских комитетов был избран временный ревком. Было также решено предоставить право всем национальным организациям прислать в ревком своих представителей. В ревком вошли большевики и поддерживавшие их левые эсеры. Среди большевиков были К. Я. Грасис, Г. Ш. Олькеницкий, Н. Е. Ершов, А. И. Бочков, Н. Я. Ежов, К. Якупов, М. Вахитов, Л. Д. Милх, А. Гинсбург и др. Прапорщик Н. Е. Ершов был избран командующим войсками Казанского военного округа [162].

30 октября 1917 г. Казанский комитет РСДРП(б) принял постановление об организации Советской власти в губернии. Выполняя это постановление, ВРК осуществил перевыборы Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и 4 ноября 1917 г. передал власть переизбранному Совету. К этому времени из Петрограда возвратился видный работник большевистской партии, участник Октябрьского вооруженного восстания Я. С. Шейнкман. Он и встал во главе Совета.

Вслед за Казанью в течение ноября Советская власть установилась в уездных городах губернии: в Спасске, где Совет еще в сентябре являлся фактической властью, в Тетюшах, Малмадыше, Свияжске, Цивильске, Чистополе, Чебоксарах [163]. В Козьмодемьянске, Лаишеве, Царевококшайске и Ядрине Советская власть установилась в декабре 1917 г.— январе 1918 г. [164]

Следует отметить роль большевиков Казани в установлении Советской власти на всей территории Казанского военного округа. После победы Советской власти в Казани руководство Военно-окружным комитетом

---

[160] «Социал-демократ» (Москва), 1 ноября 1917 г.

[161] «Октябрь в Поволжье», стр. 222—223.

[162] Там же, стр. 223.

[163] *С. А. Артемьев.* Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917—1918 гг. Чебоксары, 1965.

[164] Об Октябрьской революции в Казани и в Казанской губернии см.: «Октябрь в Поволжье», стр. 221—223. *Н. А. Андрианов, К. А. Толстяков.* Становление и упрочение Советов в Татарии. Казань, 1967, а также газеты «Рабочий» и «Знамя революции» за октябрь — декабрь 1917 г.; см. также: *С. А. Коробов.* Победа и укрепление Советской власти в Марийском крае.— «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». Сборник, вып. 1. М., 1953, стр. 362. В состав Марийской АССР входит ряд уездов бывших Казанской, Вятской и Нижегородской губерний.

перешло к большевикам. Новое руководство разослало во все гарнизоны округа указание поддержать Советскую власть. Н. Е. Ершов был направлен в Омск для оказания помощи в установлении Советской власти в Западной Сибири и объединения усилий двух военных округов — Казанского и Сибирского — по разгрому мятежа атамана Дутова на Южном Урале.

В Самарской губернии большевистские парторганизации, помимо губернского центра, были в городах Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Мелекессе, на станциях Иващенково и Абдулино. В начале октября в Самаре было 3300 большевиков, а в уездах губернии — более 1000 членов партии [165].

Имея хорошо вооруженную Красную гвардию, самарские большевики еще за несколько дней до восстания в Петрограде обсуждали на объединенном заседании губернского и городского комитетов вопрос о взятии власти.

В Самаре известия о событиях в Петрограде были получены уже утром 25 октября.

В 2 часа дня о них было сообщено на объединенном заседании исполкомов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. На Самаро-Златоустовскую железную дорогу и на правительственный телеграф сразу были командированы комиссары.

Вечером 25 октября под председательством В. В. Куйбышева состоялось экстренное объединенное заседание исполкомов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов совместно с исполкомом Совета крестьянских депутатов. На нем были оглашены телеграммы из ряда городов о переходе власти в них к Советам. Но из-за противодействия соглашателей решение о взятии Советами власти в Самаре принято не было.

На следующий день обсуждение петроградских событий продолжалось на совместном заседании пленумов Советов, представителей уездных крестьянских организаций, комитетов Самаро-Златоустовской железной дороги и почтово-телеграфных служащих, фабзавкомов, полковых и ротных комитетов местного гарнизона.

В президиум заседания были избраны четыре большевика, а его председателем — В. В. Куйбышев. С напряженным вниманием участники заседания выслушивали телеграммы о событиях в Петрограде и Москве, а также резолюции, вынесенные на заводах, фабриках и в воинских частях и требовавшие свержения буржуазного Временного правительства.

Большевики поставили вопрос о переходе власти к Советам. Их поддержали социал-демократы-интернационалисты, эсеры-максималисты и еврейские социал-демократы.

Их резолюция собрала 441 голос. В резолюции говорилось: «Собрание заявляет, что демократия находится на положении борьбы с правительством и будет стремиться к его низвержению.

Все распоряжения правительства и его агентов признаются недействительными. Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов...» [166]. Эсеровская резолюция, предложенная в коалиции с меньшевиками-оборонцами, получила 140 голосов [167].

---

[165] «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС». Куйбышев, 1967, стр. 205.
[166] *Ф. Г. Попов.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917 гг. Куйбышев, 1969, стр. 551.
[167] *В. Троцкий.* Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Самара, 1932, стр. 33; «Триумфальное шествие Советской власти,» ч. 1, стр. 376.

Сразу же был создан ревком, в состав которого должны были войти по три человека от Совета рабочих, Совета солдатских и Совета крестьянских депутатов и по одному представителю от Совета профсоюзов и других общественных организаций. Всего в ревком избрали 13 человек, из них 9 большевиков, в том числе В. В. Куйбышев, А. А. Масленников, П. А. Вавилов, М. П. Герасимов, С. Я. Тиунов [168].

В 5 час. утра 27 октября Самарский ревком провел свое первое заседание, на котором был избран президиум под председательством В. В. Куйбышева. В тот же день ревком приступил к исполнению своих обязанностей. В милицейские участки было послано 12 комиссаров с отрядами Красной гвардии [169].

Весь гарнизон, стоявший на стороне большевиков, был приведен в боевую готовность. Комиссаром гарнизона стал прапорщик С. И. Мельников, а его помощником — член Совета солдатских депутатов В. К. Блюхер.

Вслед за Самарой Советская власть установилась и в уездных городах и уездах губернии. В Бугуруслане ВРК был создан 27 октября, а 10 ноября уездный крестьянский съезд большинством голосов высказался за власть Советов. В Николаевске ВРК организовался 28 октября. На 3-м уездном крестьянском съезде Николаевского уезда 16 декабря большинством голосов (за 167, против 67) была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что «повсеместно должны быть организованы сельские, волостные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как органы революционной власти победившей демократии». 18 декабря на объединенном заседании съезда и Советов рабочих и солдатских депутатов все три Совета были объединены в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем уездного Совнаркома был избран большевик В. И. Ермощенко, а военным уездным комиссаром стал большевик В. И. Чапаев.

В Новоузенске при получении известия о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде сразу же образовался ревком, а Советская власть была установлена 10 января 1918 г. на уездном крестьянском съезде. В Бузулуке 10 ноября был создан коалиционный ревком в составе 3 большевиков, 2 левых эсеров, 2 правых эсеров, 2 максималистов, 2 меньшевиков и 2 социал-демократов-интернационалистов. 21 декабря бузулукский уездный съезд крестьянских депутатов окончательно установил Советскую власть и послал приветствие Советскому правительству [170].

22 февраля 1918 г. в Бугульме была установлена власть Советов. В ответ на это 23 февраля контрреволюционные офицеры подняли мятеж, но он был разгромлен.

11—16 марта 1918 г. уездный съезд Советов провозгласил Советскую власть во всем Бугульминском уезде и решил ликвидировать земские учреждения [171].

---

[168] «Приволжская правда», 29 октября 1917 г.; см. также «Документы Великой пролетарской революции», т. I. М., 1938, стр. 114; «Октябрь в Поволжье», стр. 230.

[169] *И. И. Блюменталь.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий), т. I. Самара, 1927, стр. 263—264; *Е. И. Медведев.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге.— «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», № 24. Куйбышев, 1958.

[170] *Е. И. Медведев.* Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970, стр. 42; «Октябрь в Поволжье», стр. 245—249, 250.

[171] Госархив Куйбышевской области, ф. 119, оп. 2, д. 7, л. 1.

В Саратове перевыборы Совета, которые состоялись еще в сентябре, дали большинство большевикам. Председателем Совета стал большевик В. П. Антонов-Саратовский.

26 октября Саратовский Совет принял решение о поддержке вооруженного восстания в Петрограде и о взятии власти в свои руки. Меньшевики и эсеры ушли из Совета и вместе с кадетами и контрреволюционным офицерством создали при городской думе «Комитет защиты революции», ставший центром борьбы с Советской властью [172].

Под утро 27 октября состоялось заседание только что избранного целиком большевистского исполкома Саратовского Совета. Было принято постановление, написанное председателем Саратовского комитета партии большевиков М. И. Васильевым-Южиным. В нем предлагалось всем служащим правительственных и общественных учреждений оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться распоряжениям Саратовского Совета и его органов.

Войскам местного гарнизона предлагалось находиться в боевой готовности и подчиняться лишь тем распоряжениям, которые будут исходить от президиума военной секции Совета [173].

Исполком принял также «Приказ № 1 о земле», написанный В. П. Антоновым-Саратовским. Он обязывал местные земельные комитеты немедленно взять на учет все помещичьи, монастырские земли и земли удельного ведомства [174].

Силы контрреволюции, руководимые «Комитетом защиты революции», насчитывали около 3 тыс. юнкеров, офицеров, чиновников, студентов и учащихся гимназий. Они забаррикадировались вокруг здания городской думы и попытались начать вооруженную борьбу. Однако революционные воинские части и красногвардейские отряды к утру 29 октября разгромили их.

Окончилась провалом и попытка захватить Саратов силами оренбургских казаков, направленных сюда атаманом Дутовым по просьбе бывшего губернского комиссара Временного правительства меньшевика Топуридзе.

30 октября части 2-й Оренбургской казачьей дивизии подошли к Саратову. Местный Совет создал штаб обороны города — Военный совет. В боевую готовность были приведены части местного гарнизона и отряды Красной гвардии. К казакам направили агитаторов.

Несмотря на призывы своих офицеров, рядовые казаки отказались наступать на Саратов. Исполком Совета потребовал от них снятия осады города и ухода на прежнее место стоянки, расположенной в Аткарском уезде. Казаки согласились и 10 ноября начали отход от города. Опасность для революционного Саратова была ликвидирована [175].

С первых же дней взятия власти Советом в Саратове большевики приступили к установлению Советской власти в уездах и волостях губернии. В села и волости направлялись агитаторы. В начале ноября в Саратовскую губернию стали прибывать и агитаторы, посланные Петроградским ВРК [176].

---

[172] «Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918)». Сборник документов. М.—Л., 1931, стр. 217, 218.

[173] «Социал-демократ», 30 октября 1917 г.

[174] «Октябрь в Поволжье», стр. 226.

[175] *М. И. Васильев-Южин.* Пролетарская революция в Саратове.— «Саратовские известия», 26—30 октября 1927 г.

[176] «Саратовский Совет рабочих депутатов. Протоколы заседаний (1917—1918 гг.)». М.— Л., 1931, стр. 229.

В течение ноября Военно-революционные комитеты были образованы в Камышине, Аткарске, Балашове, а позднее и в других уездных городах Саратовской губернии.

В Царицыне — уездном городе Саратовской губернии — перевыборы Советов проходили в сентябре. В новом Совете большевики получили 121 место, эсеры и меньшевики — 67 [177].

Назначенная Советами на 22 октября демонстрация собрала значительное число участников и прошла под лозунгом «Вся власть Советам!»

В ночь на 26 октября в Царицыне были получены известия о событиях в Петрограде. Местные большевики организовали революционный штаб, председателем которого стал член Царицынского комитета большевиков И. Ф. Павлюков. В противовес ревштабу эсеры и меньшевики организовали при городской думе контрреволюционный «Комитет спасения революции», объявили его единственным органом городской власти и призвали население не подчиняться революционному штабу [178]. Рабочие и солдаты встретили эту контрреволюционную затею с негодованием. На заводах и предприятиях, а также в гарнизоне состоялись митинги протеста. Фактически власть находилась в руках ревштаба.

4 ноября на заседании Царицынского Совета был заслушан доклад приехавшего из Петрограда делегата II Всероссийского съезда Советов Я. З. Ермана. Было вынесено постановление о переходе всей власти в руки Советов, в котором говорилось: «Власть Керенского, Кишкина привела страну к развалу, она грозила затяжкой войны, она противилась передаче земли крестьянам. В результате предательской политики этого правительства произошло восстание рабочих, солдат и крестьян...

Царицынский Совет заявляет:

1) что он поддерживает всей своей мощью народное правительство;

2) что единственной властью в городе Царицыне объявляется Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

3) что всякое противодействие установившейся власти как в центре, так и в Царицыне будет подавляться вооруженной рукой» [179].

В Камышине установление Советской власти затруднялось тем, что здесь размещались казачьи части. На помощь камышинцам Саратовский Совет прислал революционный отряд. Казачьей сотне пришлось уйти из города. 9 ноября Камышинский Совет взял власть в свои руки.

В Балашове в распоряжении контрреволюционеров также имелись казачьи части, которые разоружили два революционных полка местного гарнизона. Но когда эти казаки были вызваны из города атаманом Дутовым для похода на Саратов, контрреволюция в Балашове оказалась бессильной.

В остальных уездных центрах Саратовской губернии Советская власть установилась в течение декабря 1917 г.

Симбирская губерния по промышленному развитию отставала от других губерний Поволжья. Здесь Советская власть раньше всего (28 октября) установилась в крупном уездном городе Сызрани. В городе было свы-

---

[177] *И. Романов* и *Н. Соколов*. Очерки истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов, 1932, стр. 69.

[178] Там же, стр. 77—78.

[179] Там же, стр. 82; см. также: *Г. Т. Гаврилов*. 1917 год в Сталинградской губернии. Хроника. Сталинград, 1927.

ше 3 тыс. рабочих, до 30 тыс. солдат, имелась крепкая большевистская организация, которая объединяла в своих рядах до 600 членов. Сызранские большевики получили большинство в местном Совете еще 8 октября. По получении известий о событиях в Петрограде 28 октября состоялось общее собрание Сызранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором большинством голосов было принято решение о переходе власти в руки Советов [180], а также создан ВРК с преобладанием большевиков.

В Симбирском Совете долгое время доминировали соглашатели, образовавшие в середине ноября контрреволюционный губернский «парламент» [181]. Здесь Советская власть установилась лишь 10 декабря. Решение об этом было принято на расширенном пленуме переизбранных Советов рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями общественных организаций [182]. На следующий день был образован ревком из 5 человек (3 большевика, левый эсер и максималист) [183].

В ноябре — декабре Советская власть установилась в других уездных городах Симбирской губернии — Карсуне, Ардатове, Сенгилее, Алтыре, а в Буинске и Курмыше — в феврале 1918 г. [184]

* * *

Таким образом, в крупных городах Поволжья власть Советов установилась почти одновременно с центром, причем мирным путем (в Самаре, Царицыне, Сызрани и др.). В некоторых городах (Нижнем Новгороде, Казани, Саратове) в силу того, что там сосредоточивались значительные силы контрреволюции — офицерские, буржуазно-националистические и другие организации, действовавшие при поддержке соглашательских партий, власть в руки Советов перешла в результате вооруженной борьбы, но также быстро.

Октябрьские события в Поволжье убедительно свидетельствовали о народном характере социалистической революции: пролетариат был поддержан трудящимися всех национальностей этого района. Тесная связь пролетариата с крестьянской беднотой и систематическая работа партии большевиков среди крестьян убедили трудящиеся массы, что вопросы земли, мира и свободы могут быть решены только с переходом власти к Советам.

В завоевании трудящихся на сторону революции огромное значение имела широкая политическая деятельность среди солдатских масс, проводимая военными большевистскими организациями и группами большевиков в воинских частях. Работа велась прежде всего по разъяснению

---

[180] «Известия Сызранского Совета с., р. и к. депутатов», 2 ноября 1917 г.; см. также: «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г.— июнь 1918 г.)». Сборник документов. Ульяновск, 1957, стр. 79, 98—101.

[181] «Симбирское слово», 23 и 24 ноября 1917 г.

[182] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г.— июнь 1918 г.)», стр. 119.

[183] Подробнее о победе Октябрьской революции в Симбирске см.: «Октябрь в Поволжье», стр. 230—232.

[184] «Советская Мордовия». Сборник. Саранск, 1950, стр. 98—101.

большевистского отношения к самому жгучему для солдат вопросу—общедемократическому требованию мира. Вместе с тем важное место в большевистской агитации среди солдат — вчерашних крестьян — занимало требование большевиков реализовать вековые чаяния на получение земли.

Работа в гарнизонах не только привлекала передовых крестьян из числа солдат на сторону революции, но и помогала революционизировать армию на фронте, куда в составе маршевых рот, направляемых из тылового Казанского военного округа, попадали распропагандированные солдаты. Пропагандистская работа в войсках создавала и кадры для распространения революции на местах. Новый исполком Казанского военно-окружного комитета, избранный в ноябре 1917 г., военные секции Советов Поволжья посылали сотни агитаторов в деревни. Мы уже отмечали, что, например, военная секция Саратовского Совета направила 300 солдат местного гарнизона во все волости губернии.

Солдаты из нерусских национальностей, прошедшие школу революции вместе со всеми солдатами, становились тем «приводным ремнем», с помощью которого к революции привлекались массы угнетенных народов.

Быстрое установление Советской власти в Поволжье еще раз выявило одну из общих закономерностей социалистической революции — завершение изоляции соглашателей от масс, ликвидацию их влияния и отвоевание трудящихся на сторону социалистической революции. В большинстве городов и поселков Поволжья преобладало мелкобуржуазное население, являвшееся социальной базой соглашателей. В середине августа в Самаре имелось более 2,5 тыс. меньшевиков, в Саратове — 1 тыс., в Казани и Симбирске — по 500 членов партии, в Царицыне — 4 тыс. [185]

Эсеры вообще считали Поволжье своей «вотчиной», так как имели сильное влияние в деревне, в воинских частях и даже на некоторых заводах, например на многотысячном трубочном заводе в Самаре. Не случайно первое контрреволюционное правительство — так называемый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) — было создано в 1918 г. эсерами и меньшевиками в Самаре. Большевики вели огромную работу по разоблачению соглашателей и в Советах, и в профсоюзах, и в армии. Всюду умело и убедительно они показывали глубокое расхождение между словами и делами эсеров и меньшевиков, между их широкими обещаниями трудящимся и поддержкой капиталистов на практике.

В отдаленных непромышленных уездах губерний Среднего и Нижнего Поволжья власть Советов установилась позднее, чем в решающих пунктах района: в основном в течение декабря 1917 г.— января 1918 г., а в некоторых местах даже в феврале 1918 г. Объяснялось это не тем, что противники большевиков располагали здесь военными силами. Серьезного вооруженного сопротивления оказать они не могли и ограничивались саботажем решений Советской власти, попытками сохранить старые органы управления — городские думы, земства и т. п.

Следует подчеркнуть, что в этих городах и поселках не было большевистских организаций — партия не могла в короткий срок организационно охватить все отдаленные места России. Но по мере укрепления Советской власти в решающих центрах, возвращения революционных солдат, демобилизованных из армии, приезда организаторов из губернских центров и здесь подрывалось влияние и сопротивление эсеров и меньшевиков.

---

[185] «Октябрь в Поволжье», стр. 155.

4

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЧЕРНОЗЕМНЫЙ РАЙОН

Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская и Тамбовская губернии, входившие в Центральный черноземный район, были в основном сельскохозяйственными. Пролетарская прослойка в этих районах была незначительна. Так, в Воронежской губернии 88% населения в 1917 г. занималось сельским хозяйством. На ее территории насчитывалось всего 202 небольших предприятия с 16 тыс. рабочих [186]. В основном (на 75%) это были предприятия по переработке продукции сельского хозяйства. В Курской губернии сельское население составляло примерно 80%. Здесь насчитывалось 139 фабрик и заводов приблизительно с 27 тыс. рабочих [187]. В Орловской губернии примерно 75% всего населения было занято сельским хозяйством. Фабрик и заводов здесь насчитывалось 220 с 38 тыс. рабочих [188]. Сравнительно крупным промышленным центром (паровозостроительный, рельсопрокатный и другие заводы) был Брянск — уездный город Орловской губернии.

В Пензенской губернии сельским хозяйством занималось около 92% населения. Рабочий же класс составлял лишь 1,5% населения. Местная промышленность была связана главным образом с переработкой сельскохозяйственного сырья. В самой Пензе насчитывалось 12 относительно крупных заводов и фабрик с 3 тыс. рабочих. Всего в губернии было около 6 тыс. рабочих [189].

В Тамбовской губернии насчитывалось более 20 тыс. рабочих. Промышленные предприятия имелись в Липецке, на станции Грязи, в Козлове и Борисоглебске. В районе Тамбова во время мировой войны началась постройка военного завода, на котором работало до 10 тыс. рабочих [190].

Следует также учесть, что на территории указанных губерний находились крупные железнодорожные узлы.

Для губерний Черноземного центра было характерно крупное помещичье землевладение и сохранение значительных пережитков крепостничества. Так, из общего количества частнособственнической земли дворянам принадлежало: в Тамбовской — 72,3% [191], в Курской — 76,9%. В Воронежской губернии было почти 1860 помещичьих имений, в Курской — 3816, в Орловской — 2644, в Тамбовской — более 3 тыс. [192]

---

[186] «Население и хозяйство Воронежской губернии. Сводный статистический сборник». Воронеж, 1925, стр. 116.

[187] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году, стр. 113.

[188] Там же.

[189] *В. Шварев.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1953, стр. 5 и др.

[190] «Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии», вып. 1. Тамбов, 1922; *В. Андреев.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии. Тамбов, 1927.

[191] «Материалы надворного обследования животноводства в Тамбовской губернии с 1912 г.». Тамбов, 1914. Приложения.

[192] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1. М., 1921, стр. 188—189.

Крестьяне этих губерний страдали от малоземелья. В Воронежской губернии, например, 40% крестьянских хозяйств вынуждены были арендовать землю на кабальных условиях. В Тамбовской губернии накануне войны 35,8% хозяйств были безлошадными.

В. И. Ленин отмечал, что центральные земледельческие губернии отличаются самым низким уровнем заработной платы, и характеризовал их как главную местность, где господствовали отработки, кабала и всевозможные пережитки крепостничества [193].

Несмотря на богатейшие черноземные почвы, крестьянство названных губерний влачило полуголодное существование. Недаром в царской России Воронежская, Орловская и Тамбовская губернии считались вымирающими и даже иногда именовались «оскудевающим центром».

Губернии Черноземного центра отличались ярко выраженной дифференциацией крестьянства. Значительный слой кулачества эксплуатировал крестьянскую бедноту и сельский пролетариат. В деревне шла острая классовая борьба, но в условиях преобладающего помещичьего землевладения и отсутствия глубокого влияния промышленного пролетариата эта борьба еще не была достаточно классово сознательной.

Все это объясняет засилье здесь эсеров. Правда, значительную их часть составляли крестьяне, временно увлеченные эсеровской демагогией, а затем лишь формально числившиеся в эсеровских списках.

Большим влиянием пользовались эсеры, например, Тамбовской губернии. Оно распространялось здесь и на часть рабочих.

Социальный состав населения и экономические условия губерний Черноземного центра до Октябрьской революции не благоприятствовали росту большевистских партийных организаций.

Губернские и уездные Советы к моменту Октябрьской революции, как правило, еще находились под эсеровским руководством. После победы Октября в центре эсеры думали превратить эти Советы в базы для борьбы против Советского правительства. Этим районам, особенно Воронежской и Курской губерниям, общероссийская контрреволюция придавала особое внимание и вследствие их стратегического положения. Воронежская губерния граничила с Доном, где вспыхнул мятеж Каледина. Через нее предполагалось движение белоказаков на Москву. Курская губерния граничила с Украиной, где контрреволюция рассчитывала на войска Центральной рады.

Тем не менее и в губерниях Центрального черноземного района имелись определенные предпосылки, обусловившие победу Советской власти. Прежде всего напомним о наличии немногочисленных, но преданных большевикам отрядов рабочего класса.

Влияние большевиков на крестьянство стало расти летом и осенью 1917 г., когда эсеры своим отношением к решению вопросов о земле и мире ясно показали, что они защищают интересы не основных масс крестьянства, а буржуазии и кулачества.

В сентябре 1917 г. в Воронеже в городской организации было около 1380 большевиков и еще около 200 человек в военной партийной организации. Немало большевиков было и в уездах губернии [194].

---

[193] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 112.

[194] «Очерки истории Воронежской организации КПСС». Воронеж, 1967, стр. 116.

На проходившей 6—8 октября 1917 г. 1-й губернской партийной конференции присутствовали представители Воронежской городской, Острогожской, Новохоперской, Валуйско-Уразовской, Задонской и Коротоякской уездных большевистских организаций. На конференции был создан губком партии. В конце октября, кроме перечисленных партийных организаций, действовал еще Бобровский комитет партии большевиков. В ноябре 1917 г. в партийных организациях Воронежской губернии насчитывалось 2800 большевиков [195].

В Тамбовской губернии партийная организация сформировалась только в сентябре, причем не в губернском центре Тамбове, где преобладали эсеры, а в уездном городе Козлове.

Следует подчеркнуть, наконец, что в условиях Черноземного центра роль военных гарнизонов и запасных частей в исходе борьбы за победу революции была особенно велика. В этих губерниях были расположены большие массы солдат — свыше 30 запасных пехотных полков, много кавалерийских и артиллерийских запасных полков. Только в Воронеже было более 25 тыс. солдат, а во всей губернии, где была расположена 8-я запасная пехотная бригада,— свыше 60 тыс.[196] В Тамбове размещались три запасных пехотных полка (60-й, 61-й, 204-й) и 7-й запасный кавалерийский полк, 678-я пешая дружина и другие мелкие подразделения, а всего более 50 тыс.[197] В Усмани, уездном городе Тамбовской губернии, на 8 тыс. жителей приходилось 5 тыс. солдат. В Козлове стояли 216-й и 64-й пехотные полки и другие части, всего 10 тыс. солдат на 12 тыс. рабочих [198]. Общая численность войск в Тамбовской губернии была около 60 тыс. человек [199].

В гарнизонах всех губерний Черноземного центра большевики вели активную политическую работу.

В это время (накануне Октябрьской революции) за большевиками шли все солдаты Усмани, почти весь гарнизон Моршанска и три из четырех полков, расквартированных в Тамбове [200]. В конце сентября 1917 г. потребовал передачи всей власти Советам Козловский гарнизон.

В результате в руках большевиков оказалась мощная ударная сила. У буржуазии крупных военных сил не было. Поднять крестьянство против власти Советов эсеры не смогли, так как передовая его часть в лице солдат поддерживала революцию, а в деревне шел быстрый процесс высвобождения бедняков и середняков из-под влияния соглашательских партий. Огромную роль в этом сыграли декреты Советской власти, особенно Декрет о земле. Сложность условий определила затяжной и в ряде случаев вооруженный характер борьбы за Советскую власть в этих губерниях.

В Воронеже 25 октября на заседании губернский комитет большевистской партии постановил быть готовыми к восстанию и подготовить к выступлению рабочие боевые дружины и революционную часть местного

---

195 «Очерки истории Воронежской организации КПСС», стр. 120—121.

196 *Л. Г. Протасов.* Революционное движение в гарнизонах Воронежской губернии.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1967, № 250, стр. 8.

197 ГАМО, ф. 683, оп. 8, д. 22, л. 68.

198 Там же, оп. 11, д. 37, л. 12.

199 *А. И. Комаров.* Борьба большевиков Тамбовщины за солдатские массы в период подготовки Октября.— «Под знаменем Октября», вып. 1. Воронеж, 1966, стр. 36.

200 «Очерки истории Тамбовской организации КПСС». Воронеж, 1970, стр. 70—71.

гарнизона. Вечером того же дня губком партии решил организовать боевой центр, названный «Органом действия». В него вошли: Н. Н. Кардашев (председатель), В. Н. Люблин, В. Н. Губанов, Н. Н. Рабичев, И. Я. Врачев. Большевики создали ревком в 5-м пулеметном полку. Этот полк имел на вооружении 200 пулеметов и представлял внушительную силу не только по воронежским масштабам [201]. В Москву для согласования своих действий с Московским областным партийным бюро был послан специальный представитель.

Контрреволюция в свою очередь собирала силы. Во главе их стоял штаб 8-й запасной бригады. Командование бригады вызвало в Воронеж кавалерию из Лисок и Давыдкова [202].

27 октября на пленуме Воронежского Совета голосовалось предложение большевистской фракции о создании Военно-революционного комитета. Эсеро-меньшевистское большинство Совета отклонило его (51 голосом против 46) и создало «Комитет общественного спасения» с целью борьбы против революции. В комитет вошли эсеры, меньшевики и представители контрреволюционного офицерства. Комитет стал готовить разгром большевиков. Положение было сложным. Командование 8-й бригады получило приказ из Москвы от полковника Рябцева [203] быть готовым послать войска в Москву. Через Воронеж предполагали двинуться на Москву и Петроград контрреволюционные части с Дона. Город приобретал большое стратегическое значение.

Большевики Воронежа приняли срочные меры, расстроившие планы контрреволюции. Они обратились к рабочим Остроженских железнодорожных мастерских и других предприятий с призывом переизбрать делегатов Совета, противящихся установлению Советской власти. Возмущенные поведением соглашательских делегатов, рабочие Остроженских мастерских отозвали из Совета трех эсеров и послали вместо них большевиков. Перевыборы делегатов состоялись и на других предприятиях. В частях гарнизона солдаты стали арестовывать командиров и избирать новых [204].

29 октября губком РСДРП(б) создал ВРК; в его состав вошли 3 большевика (А. С. Моисеев, В. Н. Губанов и И. Я. Врачев) и 2 левых эсера. Была приведена в боевую готовность рабочая дружина, насчитывавшая 500 человек. Вечером того же дня состоялось заседание ВРК совместно с представителями губернского комитета партии большевиков. На нем был утвержден план выступления, намеченного на 30 октября, к моменту открытия заседания Совета. Большая роль в выступлении отводилась 5-му пулеметному полку.

Контрреволюция предприняла вечером 29 октября попытку разоружить революционно настроенные воинские части, но потерпела неудачу.

В ночь на 30 октября рабочая дружина и 5-й пулеметный полк, руководимые председателем губревкома А. С. Моисеевым, окружили штаб 8-й

---

[201] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.». Сборник документов и материалов. Воронеж, 1957, стр. 191; *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 349.

[202] *Л. Г. Протасов.* Борьба солдатских масс за Советскую власть в Черноземном центре. Канд. дисс. М., 1965, стр. 223.

[203] Воронежская губерния входила в Московский военный округ.

[204] *Л. Г. Протасов.* Революционное движение в гарнизонах Воронежской губернии в 1917 году.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 250. М., 1967, стр. 30.

запасной бригады. К 12 час. дня 30 октября штаб был разгромлен. На помощь восставшим солдатам и рабочим Воронежа прибыли 200 вооруженных дружинников Остроженских железнодорожных мастерских. Власть в Воронеже перешла в руки ревкома, ставшего органом Совета [205]. Соглашатели из Воронежского Совета, отказавшиеся признать власть ревкома, были арестованы.

Таким образом, в административном центре земледельческой Воронежской губернии революция встретила значительные трудности. Только благодаря решительности местной большевистской организации, поддержанной воинскими частями и рабочей дружиной, власть была взята так быстро. Для этого потребовалось подавить контрреволюцию вооруженным путем.

Следует отметить, что, несмотря на определенные трудности, связанные с особенностями земледельческих губерний, в отдельных пунктах, отдельных уездах и волостях соотношение классовых сил было в пользу большевиков. Причины этого были различные: наличие отдельных сильных большевистских организаций, особая острота классовых противоречий в некоторых районах, возвращение целых групп большевистски настроенных фронтовиков, влияние гарнизонов и т. д. В этих случаях Советская власть нередко побеждала в уезде раньше, чем в губернском центре, в волости раньше, чем в уезде и губернии.

Так было, в частности, и в уездном городе Острогожске, Воронежской губернии, где была влиятельная большевистская организация, опиравшаяся на рабочих железнодорожных мастерских и гарнизон. Власть к уже большевизированному Совету перешла 28 октября. Показательно, что от Острогожского Совета на II Всероссийский съезд Советов были посланы лишь большевики П. В. Крюков и С. Г. Тищенко. В уездном городе Боброве власть к Совету перешла 30 октября 1917 г. [206] В другом уездном центре, Новохоперске, большевики повели за собой Совет, взявший 2 ноября 1917 г. власть в городе [207]. В большинстве же уездных центров соотношение сил было в пользу эсеров, и Советская власть в них установилась значительно позднее — в декабре 1917 г.— феврале 1918 г.

В другой аграрной губернии Черноземного центра, Орловской, в силу причин, свойственных всему району, прежде всего малочисленности пролетарской прослойки, до октября в Советах преобладали соглашатели. Исключением был крупный промышленный центр губернии Брянск. В конце сентября в губернской организации РСДРП(б) насчитывалось 2600 членов партии [208].

В Орле при первых известиях о победе восстания в Петрограде эсеры и меньшевики при поддержке кадетов создали 26 октября «Исполнительную комиссию по охране города». В состав ее вошли представители Совета, городской думы, союзов железнодорожных и почтово-телеграфных служащих. «Исполнительная комиссия» стала органом власти в городе. Руководители ее собирались послать в Москву на помощь контрреволюции отряд в 300 солдат.

---

[205] *И. Г. Воронков.* Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952, стр. 133; «Очерки истории Воронежской организации КПСС», стр. 128.

[206] «Очерки истории Воронежской организации КПСС», стр. 132, 134.

[207] Там же, стр. 134.

[208] «Очерки истории Орловской партийной организации». Тула, 1967, стр. 95.

1 ноября состоялось заседание Совета с представителями завкомов, а также полковых и ротных комитетов. По вопросу о власти были предложены три резолюции — от большевиков, меньшевиков и эсеров. Ни одна из них большинства не получила. Тогда представители заводских и воинских комитетов потребовали и добились права участвовать в голосовании столь важного вопроса. После этого была принята резолюция большевиков о взятии власти Советом в свои руки. Прежний эсеро-меньшевистский по составу исполком Совета сложил свои полномочия [209].

Но большевики не воспользовались благоприятным моментом и не объявили перевыборов Совета. 4 ноября Совет, в котором по-прежнему преобладали соглашатели, принял резолюцию о создании «единого социалистического правительства», не посчитавшись с резолюцией от 1 ноября о переходе власти к Совету. Только после этого большевики потребовали перевыборов Совета. Вновь избранный 25 ноября Совет, в котором большевики получили преобладание, создал 25 ноября ВРК во главе с солдатом-большевиком М. Н. Буровым [210].

Власть Советов в уездах Орловской губернии установилась в период с конца октября 1917 г. по февраль 1918 г. [211]

В Курске большевики и меньшевики до 3 октября находились в единой организации [212]. К моменту выхода из нее большевиков насчитывалось всего лишь 40 человек. Это обстоятельство оказало влияние на ход установления Советской власти.

В Курске с 27 октября существовал «Комитет спасения», созданный по инициативе губернского комиссара Временного правительства. В Совете было засилье соглашателей.

20 ноября на заседании Курского Совета рабочих и солдатских депутатов большевистская фракция поставила вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров. После длительного обсуждения большевистская резолюция была принята.

Губернский съезд крестьянских депутатов, открывшийся 24 ноября, также полностью признал власть Совета Народных Комиссаров. Съезд принял постановление о создании в губернии советского органа власти — революционного Совета.

После окончания съезда крестьянских депутатов 26 ноября состоялось губернское объединенное заседание Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где был поставлен вопрос о передаче всей власти в Курской губернии в руки Советов.

По предложению большевиков объединенное заседание постановило передать всю власть в губернии Советам и организовать с этой целью

---

209 «Известия Московского Совета», 21 ноября 1917 г.

210 *Л. Г. Протасов.* Борьба солдатских масс за Советскую власть в Черноземном центре. Автореферат канд. дисс. М., 1966, стр. 234. В. Ф. Морозов в монографии «Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 г.— март 1918 г.)» (Саратов — Пенза, 1967) высказывает мнение, что Советская власть установилась в Орле лишь 10 января 1918 г. (стр. 357—363). Нам кажется, что с 1 ноября 1917 г. по январь 1918 г. правильнее говорить уже о процессе упрочения Советской власти, а не об ее установлении.

211 Об установлении Советской власти в Брянске см.: *В. Ф. Морозов.* Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 г.— март 1918 г.), стр. 230—232.

212 1-я губернская конференция РСДРП(б) состоялась лишь в июне 1918 г.

специальный орган — революционный Совет из 40 членов (20 — от Совета рабочих и солдатских депутатов и 20 — от Совета крестьянских депутатов). В революционном Совете влияние большевиков было решающим. ЦК РСДРП(б) направил из Петрограда в Курск группу товарищей, которые помогли местным большевикам упрочить Советскую власть в Курске и губернии [213].

В некоторых уездных городах Курской губернии руководство местными Советами принадлежало большевикам еще до октября 1917 г. Таким был прежде всего Белгород, где существовала крепкая большевистская организация. Здесь революционный штаб был организован еще в конце октября, когда и взял власть в свои руки [214].

В Путивле ВРК был создан в начале ноября, однако 15 ноября войска Украинской Центральной рады разогнали местный Совет и его ВРК.

В Рыльске ВРК был создан 26 ноября по инициативе солдат-большевиков. В остальных уездных городах Курской губернии Советы взяли власть в декабре 1917 г.— январе 1918 г.

В Пензенской губернии власть в руки Советов также перешла сравнительно поздно — в декабре 1917 г.— январе 1918 г.

В Пензенском Совете большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, создавшим 26 октября «Комитет спасения родины и революции». 28 октября этот комитет организовал для борьбы против перехода власти к Советам временный революционный штаб. Пензенские большевики, не сразу разобравшись в обстановке, вошли в его состав. Пребывание большевиков в ревштабе было, правда, непродолжительным. Все же оно замедлило развитие революционных событий, облегчив эсерам и меньшевикам задачу обмана масс [215].

30 октября большевики потребовали перевыборов Пензенского Совета. Это предложение было поддержано рабочей секцией Совета и в конечном счете принято. 5—10 ноября на помощь Пензенской большевистской организации прибыли уполномоченные ЦК РСДРП(б), среди них В. В. Кураев, и группа балтийских матросов-большевиков. Пензенские большевики во главе с В. В. Кураевым развернули большую работу. В течение первой половины ноября на ряде предприятий города были организованы отряды Красной гвардии, а 10 ноября при комитете РСДРП(б) был организован штаб Красной гвардии.

При перевыборах Совета большевики добились победы. 9 декабря Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стал большевистским. В ночь на 17 декабря на заседании Пензенского комитета РСДРП(б) было принято решение о ликвидации существовавших еще органов буржуазно-помещичьей власти в городе и губернии. На чрезвычайном заседании Совета 20 декабря были поставлены вопросы о ликвидации контрреволюционных органов буржуазии и о передаче всей власти Советам, а также о национализации банков.

---

[213] *Л. Д. Глебов.* Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (март 1917 г.— декабрь 1918 г.). Курск, 1952, стр. 50—56.

[214] «Известия Белгородского Совета», 29 октября 1917 г.; *Л. Д. Глебов.* Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (март 1917 г.— декабрь 1918 г.), стр. 50. В указанной работе (стр. 56—61) см. также об установлении Советской власти в уездах Курской губернии.

[215] «Октябрь в Поволжье», стр. 232—233.

Совет принял решение взять власть в губернии в свои руки, объявив созданный эсерами и меньшевиками «ревштаб» распущенным, а все учреждения, банки и казначейство занять вооруженной силой.

21 декабря отряды Красной гвардии осуществили это решение: распустили «ревштаб», арестовали губернского комиссара Временного правительства, заняли телеграф, почту, вокзал и банки [216]. Местная контрреволюция не осмелилась поднять оружие против Советской власти. Город находился в окружении уездов, где уже установилась Советская власть.

Одновременно во все уезды были направлены представители Пензенского Совета и агитаторы для подготовки крестьянского съезда, призванного закрепить установление Советской власти. 4-й общегубернский крестьянский съезд состоялся 27—31 декабря 1917 г. На нем присутствовало 420 делегатов, большинство которых было на стороне большевиков. Съезд принял решение об установлении в губернии власти Советов [217].

На Тамбовщине революция развертывалась следующим образом. Губком большевиков, находившийся в Козлове, в ночь на 26 октября получил условную телеграмму о начале восстания в Петрограде. В исполкоме Совета Козлова у соглашателей было большинство. Большевики приняли меры, чтобы на пленарном заседании Совета вечером 26 октября присутствовало много рабочих и солдат. Благодаря этому они добились решения о создании ревкома. Было избрано 9 человек (по 3 человека от Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), из них 5 большевиков (И. И. Артемов, А. С. Лавров, И. К. Тузлуков, Сарманов, Мещеряков) и 4 соглашателя. Меньшевики от участия в ревкоме отказались [218]. 29 октября ревком был преобразован в ВРК, состоявший только из большевиков.

Большевистский ВРК в Козлове обеспечил переход власти к Совету без вооруженной борьбы [219].

Советская власть утвердилась сразу и в некоторых других пунктах Тамбовской губернии. Главную роль при этом сыграли революционные гарнизоны.

Так, Усманский уезд был типично аграрным, рабочих здесь почти не было. Но в Усмани стоял большевистски настроенный 212-й запасный полк. Через солдат большевики поддерживали связи с крестьянами. В Усмани исполком Совета сразу после II съезда Советов принял решение о взятии власти. Был создан ВРК во главе с большевиком врачом Н. Н. Исполатовым [220], сформирован отряд Красной гвардии.

В рабочем поселке завода № 43 рядом с Тамбовом Совет объявил себя единственной властью на заводе и в поселке уже 28 октября [221].

---

[216] *В. В. Кураев.* Октябрь в Пензе. Пенза, 1957, стр. 53.

[217] *В. Ф. Морозов.* Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 г.— март 1918 г.), стр. 242, 243, 246, 252, 253, 255, 298—306, 345—348, 363—370; *В. Шварев.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1953, стр. 73.

[218] «Тамбовская правда», 7 ноября 192 г.; см. также: «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии». Сборник документов. Тамбов, 1957, стр. 67.

[219] «Очерки истории Тамбовской организации КПСС». Воронеж, 1970, стр. 72—73.

[220] «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии», стр. 73—74.

[221] «Путь борьбы». Сборник 1. Тамбов, 1922, стр. 15.

Однако Тамбовская губерния в целом и ее административный центр Тамбов были оплотом эсеров, и Советская власть устанавливалась здесь с большими трудностями.

В Тамбове эсеры имели не только многочисленные партийные организации, но и сильные вооруженные отряды «ударников». Соглашателей поддерживали рабочие железнодорожных мастерских и солдаты 7-го кавалерийского полка [222]. У большевиков же вооруженной силы не было.

Эсеровское руководство губернского Совета крестьянских депутатов начало яростную кампанию клеветы против пролетарской революции и большевиков. 29 октября контрреволюционные силы создали губернский «Комитет спасения родины и революции», который взял власть в губернии в свои руки и стал готовить разгром местной большевистской организации.

Губернские эсеровские власти предпринимали также попытки ликвидировать власть большевистских Советов в Усмани, Козлове и на заводе № 43. Но скоро выяснилось, что использовать войска в карательных целях «Комитет спасения» не в состоянии. Влияние большевиков среди солдат 204-го, 60-го и 61-го пехотных полков быстро росло [223]. Солдаты высказывались за поддержку Советской власти. Это заставляло эсеров действовать более осторожно. Между тем большевистская организация Тамбова крепла, влияние ее росло.

13 ноября состоялось заседание исполкома Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, на котором обсуждалось предложение большевистской фракции об упразднении «Комитета спасения родины и революции» и передаче его функций Совету депутатов. Однако это предложение не прошло.

29 ноября на расширенном заседании Тамбовского Совета совместно с представителями военных частей и общественных организаций были заслушаны сообщения из Козлова, Борисоглебска и Усмани о переходе гарнизонов на сторону большевиков. При поддержке солдат была принята резолюция о признании власти Совета Народных Комиссаров. В конце января соглашатели потеряли влияние среди рабочих железнодорожных мастерских и солдат 7-го кавалерийского полка. 23 января был переизбран исполком Совета: в его состав вошли 9 большевиков и левых эсеров и 8 меньшевиков и правых эсеров. 29 и 30 января революционные солдаты и хорошо вооруженный отряд красногвардейцев пригородного завода разоружили отряды ударников [224]. 31 января Тамбовский Совет большинством в один голос постановил взять власть в свои руки.

4 февраля в Тамбове был организован временный губернский исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором руководящую роль играли большевики.

* * *

В губерниях Центрального черноземного района Советская власть установилась хотя и позднее, чем в промышленных районах, но все же сравнительно быстро — в основном в декабре 1917 г., частично в январе 1918 г. Она побеждала в острой политической борьбе с противниками, но в об-

---

[222] «Очерки истории Тамбовской организации КПСС», стр. 75.
[223] Там же, стр. 76.
[224] Там же, стр. 77—78.

щем мирно. Только в немногих городах власть была взята вооруженным путем.

Характерной особенностью этого района являлось то, что Советская власть в губернских центрах устанавливалась почти одновременно с уездами, а иногда и позже. Объяснение этому следует искать прежде всего в небольшой численности пролетариата и большевистских организаций, в их небольшом политическом опыте. Переход крестьянства на сторону пролетариата и его партии не был в этом районе полностью завершен до социалистической революции, хотя передовая и наиболее активная часть крестьянства — солдаты гарнизонов — поддержала революцию. Значительная часть крестьянства здесь и после Октября находилась первое время под влиянием эсеров. Для установления Советской власти потребовалась энергичная работа большевиков по разоблачению эсеров и меньшевиков, а также помощь центра и соседних районов, откуда были присланы агитаторы, организаторы и небольшие вооруженные отряды.

Ход борьбы в Черноземном центре полностью подтверждает следующую очень важную мысль В. И. Ленина: «...Пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры» [225].

Этим в основном и объясняется более поздний переход власти в руки Советов в губерниях Центрального черноземного района по сравнению с промышленными губерниями.

Известную роль играла и удаленность этого района от столиц, решающих центров революции, что ослабляло их влияние и затрудняло быструю помощь.

Причину сравнительно позднего установления Советской власти в этом районе следует искать не только в малом числе пролетариата и некоторой слабости партийных организаций на местах, но и в расчетах всероссийской контрреволюции: Воронеж, Курск и Тамбов с ближайшими к ним железнодорожными узлами были в ее планах промежуточными пунктами, которые следовало захватить в целях наступления на Москву и Петроград. Достаточно напомнить те усилия, которые приложили Ставка и Каледин для занятия Воронежа и других железнодорожных узлов.

Значение победы Советской власти в Центральном черноземном районе состояло в том, что рабочие и солдаты не позволили контрреволюции оказать помощь московским мятежникам.

Стойкость трудящихся района, самоотверженная борьба немногочисленных, но героических пролетариев сыграла, как увидим ниже, свою роль и в разгроме главных очагов всероссийской контрреволюции.

Активное, а иногда и решающее участие солдат в установлении Советской власти отнюдь не означает их гегемонии в революционном движении. Гегемония класса определяется в целом по стране, а не в зависимости от соотношения сил в отдельных районах. Гегемония класса проявляется в

---

[225] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 23.

руководстве партий. Революция в Центральном черноземном районе, как и в других местах, проходила под руководством партии рабочего класса. Она стояла во главе революционной борьбы солдат, защищая интересы и пролетариев, и трудящихся масс крестьянства. К тому же в числе самих солдат было немало большевиков, мобилизованных в армию. Руководство большевиков, их умелая тактика, огромная политическая работах в массах определили успех Советской власти в Центральном черноземном центре.

5

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РАЙОН

Организация всероссийской контрреволюции

Юго-Восточный район охватывал области: Войска Донского, Кубанскую, Терскую, Дагестанскую и Уральскую, а также Ставропольскую, Черноморскую и Астраханскую губернии.

Этот район обладал специфическими чертами в экономике, для него было характерно сложное переплетение классовых и национальных противоречий. Здесь находились 5 (из 11) казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское и Уральское [226].

Сословная обособленность казачества, их относительно высокая земельная обеспеченность, наличие большой прослойки кулачества и офицерства — все это благоприятствовало сосредоточению и консолидации в этих районах контрреволюционных сил.

Контрреволюция стремилась превратить весь этот район в базу борьбы против Советской власти; центром притяжения всех антисоветских сил предполагалось сделать Область Войска Донского, во главе которого стоял атаман Каледин. Это объясняется тем, что донские казаки были самым крупным казачьим войском.

Кроме того, организация контрреволюции на Дону позволяла отрезать Россию от кавказской нефти и облегчить возможность хозяйничанья там иностранных империалистов. Каледин к тому же создавал угрозу Донбассу — основной топливной базе Советской страны, а его союз с Украинской Центральной радой затруднял подвоз продовольствия в центры Советской республики. Наконец, связь Каледина с атаманом Дутовым в Оренбурге давала возможность отрезать Советскую Россию от Средней Азии.

Напомним, что Дон был выбран плацдармом для развертывания контрреволюционных сил еще до победы Советской власти. В октябре 1917 г. был создан Юго-Восточный союз из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского казачьих войск, верхушки горцев Северного Кавказа и

---

[226] К началу XX в. было 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Амурское, Забайкальское, Уссурийское и Семиреченское. Кроме того, небольшое число красноярских и иркутских казаков образовали в 1917 г. Енисейское войско и Якутский казачий полк. Казачье население в 1916 г. составляло 4434 тыс. человек («Советская историческая энциклопедия», т. 6, стлб. 819—820).

степных народов, в том числе калмыков, а позже и уральских казаков [227]. Председателем «правительства» этого союза стал кадет В. А. Харламов.

Общефронтовой казачий съезд, начавший свою работу в Киеве еще до Октябрьской революции, после победы восстания в Петрограде получил предложение немедленно переехать на Дон. Прибыв в Новочеркасск, общефронтовой съезд обещал Каледину поддержку всех казачьих войск.

На Дон потянулись лидеры контрреволюции. В Новочеркасск прибыл генерал М. В. Алексеев. Сюда же бежали «быховские узники» Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, И. П. Романовский и другие генералы, арестованные во время корниловского мятежа в августе 1917 г. На Дон приехали лидер кадетов П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, представители торгово-промышленных кругов. Появился здесь и Б. В. Савинков.

Под защиту контрреволюционных казачьих «рад» и «кругов» из центральных районов страны на Дон бежали белогвардейцы, объединявшиеся с буржуазными националистами для борьбы против Советской власти. Тут искали спасения разгромленные в Петрограде, Москве, Киеве и других городах юнкера. Из всех этих элементов под руководством генерала Алексеева и его сподвижников было приступлено к созданию Добровольческой армии.

Еще до Октября на Дон было переправлено много казачьих частей с фронта, оружия и боеприпасов. После победы Советской власти Ставка решила отправить в распоряжение Каледина все донские казачьи части. Словом, контрреволюция на Дону стала не только локальной силой, препятствующей установлению власти Советов в этом районе. Она, как уже отмечалось, превратилась в основную базу всероссийской контрреволюции, угрожавшей распространению и укреплению Советской власти по всей стране.

Представители донской контрреволюции были посланы в Киев для сговора с Украинской Центральной радой. Посланцы Каледина были у атамана Дутова, вели переговоры с контрреволюционерами в Сибири и даже с атаманом Г. Семеновым на Дальнем Востоке.

Со своей стороны представители Антанты усиленно старались втянуть в Юго-Восточный союз буржуазно-националистические правительства Закавказских республик [228]. Велись переговоры о привлечении к союзу и контрреволюционеров Молдавии [229].

Каледин и Алексеев послали своих агентов в Петроград, Москву и другие крупные центры собирать средства на создание армии, вербовать офицеров, юнкеров, создавать подпольные организации с тем, чтобы, как только подойдут контрреволюционные войска, нанести удар Советской власти с тыла.

3 ноября 1917 г. во время попытки выкрасть бланки штаба Петроградского военного округа в Петрограде был задержан некий прапорщик Е. В. Зелинский. На допросе он заявил, что выполнял задание руководителя подпольной организации «Русское собрание» черносотенца В. М. Пуришкевича [230]. В связи с полученными данными были арестованы

---

[227] Подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 791.

[228] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 607.

[229] Там же, стр. 609.

[230] *П. Г. Софинов.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922). М., 1960, стр. 13.

В. М. Пуришкевич, Н. Н. Боде, И. Д. Парфенов, Н. Граф, П. Н. Попов, А. Б. Душкин — всего 14 человек[231]. В ходе следствия было установлено, что эта организация участвовала в мятеже юнкеров в Петрограде 29 октября и что она имела связь с Калединым. В письме Каледину от 4 ноября Пуришкевич и Боде писали, что с революцией нужно расправиться «только публичными расстрелами и виселицей». «Мы ждем Вас сюда, генерал,— призывали заговорщики,— и к моменту Вашего подхода выступим со всеми наличными силами»[232].

23—28 декабря, когда шло следствие по делу Пуришкевича, ВЧК раскрыла офицерскую монархическую организацию «Военная лига». Руководящее ядро этой организации — «Главный совет» (князь Мансыров, генерал Скалон и еще 15 человек) скрывалось после разгрома корниловского мятежа, и ВЧК удалось арестовать лишь двух членов «Главного совета» «Военной лиги» — князя Д. Н. Шаховского и Л. Л. Малеванова, а также еще четырех человек, связанных с этой организацией[233].

В ходе следствия, которое вел Ф. Э. Дзержинский, было установлено, что «Военная лига» участвовала в монархическом заговоре и корниловском мятеже. Субсидировал организацию князь Д. Н. Шаховской. «Лига» имела связь с лидером контрреволюционной организации «Русское собрание» В. М. Пуришкевичем, с калединцами, а также с английским, американским и французским посольствами[234].

В Москве посланцам генерала Алексеева после длительных переговоров удалось создать группу, состоявшую из представителей кадетов, промышленников, помещиков, националистических элементов и правых эсеров. Алексеев говорил, что «эта группа была зародышем такой организации, которая рано или поздно сможет объявить себя Временным правительством России»[235].

Приведенные данные свидетельствуют о всероссийском характере планов калединской контрреволюции. О широте этих замыслов говорят и донесения иностранных послов, которых калединцы своевременно информировали.

23 ноября (6 декабря) 1917 г. американский консул в Москве М. Саммерс, женатый на русской и имевший связи в русских буржуазных кругах, сообщал в Государственный департамент, что он встречался с некоторыми русскими генералами, осведомившими его о планах контрреволюции. Он также сообщал, что они просили его поставить американское правительство в известность о следующем. Генерал Алексеев и атаман Каледин

---

[231] ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, д. 277, лл. 1—3.

[232] «Красный архив», 1928, т. 1 (28), стр. 170—171. Все арестованные были преданы суду Ревтрибунала. 3 января 1918 г. Ревтрибунал вынес приговор. Учитывая, что контрреволюционная организация «Русское собрание» хотя и не готовила заговора с целью немедленного востановления монархии, но преследовала контрреволюционные цели, достижение которых в любой момент могло привести к кровопролитию, Ревтрибунал приговорил В. М. Пуришкевича к принудительным работам в тюрьме сроком на 4 года, а других членов «Русского собрания» — от нескольких месяцев до трех лет тюремного заключения (там же, лл. 6—8). Подробнее об этом заговоре см.: *Д. Л. Голиков.* Крах вражеского подполья. М., 1971, стр. 53—57.

[233] ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, д. 100, лл. 12, 25, 31, 71, 125.

[234] Там же, лл. 29, 31, 127. Активные участники заговорщической «Военной лиги» были осуждены.

[235] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 610.

сформировали армию из 50 тыс. кавалеристов и большого числа пехотинцев. Устанавливаются прочные связи с украинскими войсками и «надежными частями» старой армии. На стороне Алексеева и Каледина — М. В. Родзянко и другие лидеры прошлого режима. Если большевики разгонят Учредительное собрание, то будет создано правительство на Дону, откуда и начнется наступление на Москву и Петроград для восстановления «порядка». Осведомители Саммерса подчеркнули, что князь Трубецкой сообщил о планах Алексеева и Каледина английскому посольству, которое обещало финансовую помощь. Генералы просили моральной и финансовой поддержки США [236].

К этому сообщению Саммерс от себя добавил, что генерал Алексеев прислал к нему «верного друга», повторившего все изложенное и передавшего настойчивую рекомендацию занять союзными войсками Сибирскую железную дорогу, чтобы обеспечить доставку снабжения и предупредить освобождение из лагерей германских военнопленных.

О планах контрреволюционеров, собравшихся на Дону, сообщал 11 декабря (28 ноября) в Госдепартамент и американский консул в Тифлисе Ф. В. Смит. Они стали известны ему от председателя Юго-Восточного союза В. А. Харламова, изложившего их на совещании со Смитом, английским генералом Шором и французским полковником Шардиньи [237]. В сообщении Харламова подчеркивался всероссийский характер контрреволюции: он говорил, что переговоры об объединении сил велись Юго-Восточным союзом «с казаками Урала» (т. е. с атаманом Дутовым), с Украинской Центральной радой, с командиром Польского корпуса генералом Довбор-Мусницким и «с Сибирью» (речь, видимо, шла об атамане Семенове). Харламов пытался доказать, что если союзники пойдут на то, чтобы оказать поддержку людьми, деньгами и т. д., то удастся отрезать «Великороссию» от столь необходимых ей угля, нефти и хлеба.

Сколь большое значение американские дипломаты придавали событиям на Дону, видно из того, что Саммерс, не ожидая ответа от Государственного департамента, послал на Дон своего сотрудника Д. К. Пуля в Ростов, как он писал «под мнимым предлогом ознакомиться с экономическим положением, а на деле сообщать департаменту, что там происходит» [238]. Пуль прибыл в Ростов 5 (18) декабря, вел переговоры о создании здесь американского консульства, а 8(21) декабря приехал в Новочеркасск, где посетил Каледина и Алексеева. Опираясь на подробные донесения Пуля, Саммерс из Москвы бомбардировал Госдепартамент телеграммами, настаивая на немедленной помощи юго-восточной контрреволюции. «Неотложная нужда Каледина,— телеграфировал Саммерс,— деньги. Если это будет обеспечено, то направление прилива и отлива может круто измениться. Разве США не могут объединиться с другими союзниками и оказать ему (Каледину.— *И. М.*) и Алексееву немедленную помощь? Глаза всей России прикованы сейчас к югу и Украине как освободителям страны» [239].

---

[236] Там же, стр. 587.

[237] Там же, стр. 588. Копию своего донесения Смит послал американскому послу в Англии для его сведения и для сведения представителя Министерства финансов США Кросби.

[238] Там же, стр. 590. Пуль затем был направлен в Архангельск в качестве помощника американского посла Френсиса.

[239] Там же, стр. 603.

Саммерс всячески убеждал государственного секретаря, что «единственное спасение страны (России.— *И. М.*) в алексеевской армии». Он даже считал, что при определенных обстоятельствах посольству и консульству следует покинуть Москву и Петроград и направиться в Ростов с целью непосредственной поддержки антисоветских сил.

10 (23) декабря в Новочеркасск прибыл французский полковник Гюше. 14 (27) декабря он сообщил генералу Алексееву, что французское правительство предоставляет ему 100 млн. руб. «с целью восстановить порядок в России и продолжать войну против центральных держав» [240]. Алексеев информировал французского полковника, что он намеревается в период между 15 декабря 1917 г. и 15 января 1918 г. сформировать 6 батальонов пехоты и 3 артиллерийские батареи, в течение следующего месяца — 12 батальонов пехоты и 6 артиллерийских батарей, а всего к 15 апреля надеется иметь 48 батальонов пехоты (до 40 тыс.), 21 батарею (84 пушки) и 4 инженерно-технических батальона [241]. Алексеев высказал желание создать две комиссии — финансовую для контроля над расходованием денег и организационную для формирования армии — и в обе эти комиссии ввести французских офицеров.

Англичане в свою очередь направили в качестве своего представителя в Новочеркасск генерала Декандоля. Сообщая об этом Госдепартаменту, английское посольство в США отметило, что выходом из создавшегося в России положения является образование на ее территории автономных государств, главная задача которых должна состоять в том, чтобы противостоять центральным державам. Считая румынскую армию одним из важнейших элементов сопротивления Советской власти, английские дипломаты в США полагали, что ее необходимо оставить в Молдавии, снабжая из Бессарабии и Украины. Но осуществить это, по их мнению, можно было, лишь урегулировав отношения Украины с остальной Россией, признав ее независимость [242]. Англия, таким образом, откровенно выступала за расчленение России, и поддержка Каледина являлась частью реализации этого плана.

Вся империалистическая печать подняла на щит доселе малоизвестного казачьего генерала. 24 (11) ноября лорд Р. Сессиль говорил в одном из своих интервью: «Единственным лучом надежды или возможности кажется лишь то, что делает или сможет сделать казацкий вождь Каледин» [243]. Предполагалось перевести в распоряжение Каледина 70 млн. руб. румынского золота, хранившегося в Москве [244].

Особое внимание уделили Каледину и США. 2 декабря (19 ноября) Френсис на основе данных своих агентов сообщал в Вашингтон подробные сведения о деятельности Каледина. Он уверял, что под командованием Каледина находится 200 тыс. человек [245].

Государственный секретарь Лансинг дал указание предоставить Каледину заем, но действовать при этом через английское или французское

---

[240] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 609.
[241] Там же, стр. 610.
[242] Там же, стр. 608.
[243] «Daily Mail», 24.XI 1917.
[244] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. 5. М., 1938, стр. 317.
[245] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 280.

правительство. «Следует действовать без промедления,— советовал Лансинг Френсису,— и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина».

Государственный секретарь рекомендовал Френсису соблюдать чрезвычайную осторожность в сношениях с петроградскими агентами Каледина, чтобы не возбудить подозрения у большевиков. Френсис через белогвардейского полковника Калпашникова пытался снабдить Каледина автомобилями и военными материалами. Когда полковник был арестован, а советская печать обвинила американского посла в сношениях с Калединым, Френсис в точности выполнил совет Лансинга. Он категорически заявил, что не имеет никакой связи с казачьим атаманом, хотя у арестованного Калпашникова были найдены документы за подписью Френсиса. «Я даю для печати заявление,— телеграфировал Лансингу пойманный с поличным посол,— категорически отрицаю связь или осведомленность о движении Каледина, ссылаясь на ваши определенные повторные указания не вмешиваться во внутренние дела, утверждаю, что следовал им в точности...» [246].

Государственный департамент США разрешил Нью-Йоркскому городскому банку, где хранились фонды русского посольства в США, выдать 500 тыс. долларов из этих фондов Каледину, но переслать их донскому атаману не непосредственно, а через британских агентов [247].

Так создавался всероссийский центр контрреволюции, основной базой которого была Область Войска Донского.

Но контрреволюционеры и их иностранные покровители преувеличили крепость этой базы. Острая, все усиливавшаяся классовая, сословная и национальная борьба подрывала силы контрреволюции и здесь.

К 1916 г. на Дону проживало более 3400 тыс. человек, из них казачьего населения — свыше 1500 тыс. (47%). Бóльшую часть населения составляли крестьяне — «коренные» (900 тыс.) и так называемые «иногородние» (800 тыс.). Казачеству принадлежало 85% всей земельной площади. На 900 тыс. «коренных» крестьян в 1917 г. приходилось 550 тыс. десятин надельной земли. Столько же земли принадлежало 4730 помещикам. У «иногородних» крестьян своей надельной земли вообще не было [248].

Но и казачество в классовом отношении не было однородным, процесс его дифференциации зашел уже далеко. В 1917 г. в Донской области было 18% беспосевных казачьих хозяйств, 18,6% хозяйств без рабочего скота и 19,6% хозяйств без коров. Кроме того, сложилась значительная прослойка кулацкого казачества, эксплуатировавшая казачью и крестьянскую бедноту [249]. Особенно тяжелым было положение «иногородних» крестьян, арендовавших на кабальных условиях землю у зажиточных казаков и не имевших никаких политических прав.

Такова была экономическая основа острой классовой борьбы и сословных противоречий среди земледельческого населения Дона.

---

[246] Там же, стр. 321—322.
[247] *F. Shuman.* American Policy Towards Russian since 1917. New York, 1928, p. 66.
[248] *И. Разгон.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941, стр. 14, 15.
[249] «Народное хозяйство Ростовской области за 10 лет». Ростов-на-Дону, 1927, стр. 145.

Одной из особенностей Области Войска Донского была концентрация промышленного пролетариата в отдельных ее районах — в Ростове (40 тыс.), в Таганроге (40 тыс.), в части Донецкого бассейна, входившей в эту область (80 тыс.). Здесь были довольно многочисленные большевистские организации: в Ростове — 1100 членов партии, в Таганроге — 350, в Александро-Грушевском районе — около 850, в Макеевском — 1 тыс., в Кальмиусском — 1630, в Ясиновском подрайоне — 910[250]. Влияние большевиков было велико среди рабочих и солдат запасных батальонов. В Ростове большевики уже 10 октября одержали победу на выборах и возглавили Совет.

На Кубани из общего количества населения в 2940 тыс. человек казачество составляло 47%. Здесь, как и на Дону и в других районах войскового казачества, «иногородние» составляли значительную часть населения и эксплуатировались кулацкой верхушкой казаков. Кулаки-казаки эксплуатировали также и массы казачьей бедноты, составлявшей около половины всех хозяйств. Вместе с помещиками кулаки (им принадлежало 15% всех хозяйств) владели почти всей «войсковой» казачьей землей.

В отличие от Дона на Кубани не было крупных пролетарских центров. Промышленные рабочие были в Екатеринодаре, Майкопе, Армавире; преобладала же мелкая, полукустарная промышленность. На Кубани было много сезонных рабочих, сельскохозяйственного пролетариата, обслуживавшего хозяйства кулаков. Рабочие, Екатеринодарский гарнизон, казачья и крестьянская беднота сочувствовали большевикам. Большевики возглавляли Екатеринодарский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В ряде районов юго-востока к острым классовым и сословным противоречиям прибавлялись национальные противоречия. На Северном Кавказе и в Дагестане наряду с русским населением проживали десятки горских народностей, трудящиеся которых подвергались и классовому, и национальному угнетению. Здесь сохранились пережитки феодальных и родовых отношений.

Пролетарская прослойка в этом районе была незначительна и, за исключением некоторых городов (Грозного, Владикавказа, Петровска), большевистские организации были невелики. Но ход революции быстро просвещал народные массы, а помощь местным большевикам оказывалась из других районов, имевших крупные партийные организации.

Если в Донской области Каледин мог опереться на зажиточные и кулацкие слои казачества, то в районе Донбасса он не имел никакой опоры, а в лице многотысячного пролетариата встретил грозного противника, готового до последнего вздоха драться за власть Советов.

Заблуждался Каледин и в отношении казачества. Не все казаки поддержали его мятеж. Значительная часть донского казачества на первых порах заняла позицию нейтралитета, а некоторые его слои пошли за большевистскими Советами. Отмечались случаи, когда казачьи части отказывались выполнять приказы Каледина[251]. Так, Каледин, сосредоточив вокруг Ростова значительные силы казаков и имея в самом городе до 6 тыс.

---

[250] *П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко.* Очерки истории большевистских организаций на Дону. Ростов-на-Дону, 1948, стр. 220—221.

[251] *Л. Берз* и *К. Хмелевский.* Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1964, стр. 81—82.

войск [252], решил нанести удар по ростовскому пролетариату и захватить город. На Областном военном комитете он сказал: «Пока я стою во главе Донского войска, я заявляю, что мы ни перед какими мерами не остановимся для предотвращения беспорядков в Ростове; если это нужно, пусть погибнет 100 человек, чем весь край, разлагаемый анархией» [253]. 18 ноября он приказал своим войскам начать наступление на Ростов, но казаки отказались выполнить этот приказ [254].

21 ноября в штаб Каледина поступила телеграмма о неповиновении казаков 3-й и 4-й сотен, находившихся на станциях Шептуховка и Мальчевская, приказам войскового начальства. 4-я сотня, сообщалось в телеграмме, перешла на сторону большевиков, а на 3-ю сотню нет никакой надежды [255]. 22 ноября начальник Новочеркасской местной команды доложил начальнику гарнизона о том, что казаки 2-й сотни отказались подчиняться приказам командира [256]. 23 ноября командир 41-го Донского казачьего полка сообщил начальнику войскового штаба о том, что часть казаков 1-й сотни вышла из его подчинения и перешла на сторону большевиков [257]. 24 ноября генерал Назаров донес, что казаки некоторых сотен 17-го и 51-го казачьих полков отказались выполнить его приказы и открыто выразили сочувствие большевикам.

В силу всех этих причин, хотя контрреволюция сосредоточила немало вооруженных сил на юго-востоке еще до Октябрьской революции, продолжала создавать здесь новые отряды и имела поддержку иностранных империалистов, она не была в этом районе безраздельно господствующей силой. И революция имела в казачьих областях серьезную опору. Вот почему установление здесь Советской власти проходило в упорной борьбе.

Каледин развязывает гражданскую войну

Готовясь к войне против Советской власти, атаман Каледин прежде всего решил установить свой контроль над всей Областью Войска Донского. Под его командованием находились целый ряд дивизий, полков, много казачьих сотен, артиллерии и т. д. Эти войска были разбросаны по всей Области Войска Донского и в той части Донбасса, которая входила в эту область [258].

25 октября Каледин ввел военное положение в Донецком угольном районе, входившем в Донскую область; 2 ноября военное положение было введено в Таганрогском, Ростовском и Черкасском округах и, наконец, 18 ноября — во всей остальной части Донской области [259]. Атаман рассчи-

---

[252] «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.». Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 153.
[253] «Новая жизнь», 17 ноября 1917 г.
[254] *Л. Берз* и *К. Хмелевский*. Героические годы..., стр. 92.
[255] «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.», стр. 165.
[256] Там же, стр. 167—168.
[257] Там же, стр. 169.
[258] *Н. Гончаренко*. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963, стр. 57—58. Председатель Всероссийского казачьего съезда Агеев сообщал 26 октября, что к этому времени в распоряжении Донского войскового правительства находились 12 кавалерийских казачьих полков, 6 батальонов и 2 батареи («1917 год на Киевщине. Хроника событий». Киев, 1928, стр. 315).
[259] «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.», стр. 146—147.

тывал, что введением военного положения он парализует активность революционных рабочих, крестьян, трудовых казаков и солдат, поднявшихся на борьбу за власть Советов. Используя военное положение, он стал готовить силы для разгрома рабочих Ростова, Таганрога и других промышленных центров области, чтобы затем, потопив в крови сопротивление рабочих Донбасса и оказав помощь Центральной раде, все силы бросить на Москву и Петроград.

В Ростове 26 октября по получении известий из Петрограда Ростово-Нахичеванский Совет принял резолюцию, призывавшую поддержать революционных пролетариев, матросов и солдат Петрограда, и создал Военно-революционный комитет. Солдаты 252-го пехотного полка, находившегося в Ростове, заявили о поддержке ВРК. 4 ноября на заседании местного Совета обсуждался доклад делегата II Всероссийского съезда Советов. В решении, принятом на этом заседании, говорилось: «Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует Всероссийский съезд и избранное им правительство народных комиссаров и заявляет о своей готовности бороться и проводить в жизнь постановления съезда и Совета Комиссаров» [260].

Такие же решения принимали рабочие и солдаты во всех промышленных городах и районах Дона.

Опорой Ростовского ревкома были вооруженные рабочие и революционные солдаты. Под влиянием большевистской агитации на сторону Советской власти стали переходить и отдельные казачьи части. Из Севастополя на помощь ростовчанам двигались отряды революционных моряков.

Усиливался разброд в среде мелкобуржуазной демократии. В то время как правое крыло ее выступало за союз с Калединым, левое под давлением масс склонялось к совместным действиям с большевиками.

В расчете расширить антикалединский фронт и привлечь на свою сторону колеблющихся большевики Ростова и Таганрога пошли на соглашение с меньшевиками и эсерами в борьбе против контрреволюции. 15 ноября был создан «ВРК объединенной демократии», в который вместе с большевиками вошли и соглашатели.

Но этот комитет вступил в переговоры с Калединым, тем самым дав ему возможность подготовить наступление на пролетарские центры. Каледин успел разоружить революционные пехотные полки в Новочеркасске и станице Каменской, стянуть казачьи части к Ростову.

По прибытии на Дон кораблей Черноморского флота с десантным отрядом моряков большевики 24 ноября потребовали разрыва переговоров с Калединым. Соглашатели отказались и вышли из комитета. В ВРК остались большевики и левые эсеры.

Цель, которую ставили ростовские большевики, идя на соглашение с меньшевиками и эсерами (организация совместных действий против Каледина), не была достигнута из-за предательского поведения соглашателей [261].

---

[260] «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 ноября 1917 г. Подробнее о положении в Области Войска Донского см.: «Очерки истории большевистских организаций Дона». Ростов-на-Дону, 1965, а также: «История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней». Ростов-на-Дону, 1967.

[261] Подробнее об этом см.: *П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко.* Очерки истории большевистских организаций на Дону, стр. 346—350. Неубедительным

Большевистский ВРК энергично приступил к организации сил для борьбы с контрреволюцией. 25 ноября он предъявил Каледину ультиматум с требованием отказаться от власти, отменить военное положение в Донской области, освободить арестованных, возвратить оружие разоруженным частям [262].

В ответ на это требование Каледин принял решение разгромить ВРК и Совет и захватить Ростов. 25 ноября отряд казаков и юнкеров под командованием генерала Потоцкого напал на Ростовский Совет и завязал бой за город [263]. К вечеру красногвардейцам удалось занять вокзал, где находился белогвардейский отряд, и даже захватить в плен Потоцкого. В течение 27 и 28 ноября красногвардейцы, развивая успех, с боем заняли станцию Нахичевань и отбили атаки калединцев, наступавших на Ростов со стороны Новочеркасска.

Помощь ростовским красногвардейцам пытались оказать железнодорожники Юго-Восточной железной дороги. 25 ноября в Воронеже открылся 2-й делегатский съезд железнодорожников, который 28 ноября вынес постановление потребовать от войскового правительства немедленного отозвания войск из Ростова и Нахичевани. В случае отказа съезд угрожал объявлением полной остановки движения по Юго-Восточной железной дороге [264]. Каледин оставил это требование без внимания. 29 ноября разгорелись упорные бои за Ростов. Белогвардейские отряды повели наступление на город с трех сторон. В связи с нехваткой сил и вооружения областной ревком эвакуировался в Воронеж, а часть красногвардейских отрядов отошла к станице Каменской. В Ростове был создан подпольный Ростово-Нахичеванский комитет, который имел связь с большевиками Таганрога и Александро-Грушевского района. Руководили комитетом Г. П. Фадеев-Васильев и В. А. Дунаевский [265].

2 декабря Ростов был занят калединцами. Захват Ростова укрепил донскую контрреволюцию. Теперь Каледин широким фронтом повел наступление на другие рабочие районы области. Огнем и мечом он устанавливал свою кровавую диктатуру. В течение первой недели декабря калединцы разгромили Совет Прохоровского рудника, заняли Парамоновский и Марковский рудники, захватили Каменоломни, Шахты, Сулин, Зверево, Лихую, весь Александро-Грушевский район. Тяжелые бои завязались в районах Ханженкова и Макеевки [266]. Но чем дальше на север продвигались войска Каледина, тем упорнее становилось сопротивление отрядов донбасской Красной гвардии. К середине декабря Каледин достиг центральных районов Донбасса, однако дальше его войска продвинуться не смогли. Когда стало ясно, что Каледин стремится потопить в крови весь рабочий Донбасс, за оружие взялись все — от мала до велика. К концу

представляется утверждение, что тактика ростовских большевиков в связи с созданием «ВРК объединенной демократии» вполне оправдала себя, так как содействовала углублению раскола в среде мелкобуржуазной демократии.

[262] «Октябрьская революция на Дону». Сборник статей. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 188—189.

[263] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 2. М., 1963, стр. 166.

[264] «Воронежский телеграф», 26 ноября 1917 г.

[265] *П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко.* Очерки истории большевистских организаций на Дону, стр. 234.

[266] *Л. Берз* и *К. Хмелевский.* Героические годы..., стр. 97; *И. Гончаренко.* Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе, стр. 58—59.

ноября — началу декабря 1917 г. отряды Красной гвардии имелись во всех районах Донбасса. Общая численность красногвардейцев достигла почти 16 тыс. штыков [267]. Организацией красногвардейских отрядов в Донбассе занимались К. Е. Ворошилов, А. Я. Пархоменко (Луганск), М. И. Острогорский, Ш. А. Грузман, Н. И. Дубовой (Горловско-Щербиновский район), Я. В. Залмаев, Ф. И. Зайцев (Юзово), В. А. Варганов (Мариуполь), Т. Харченко (Бахмут), А. Чекирисов (Краматорск), А. Фролов (Макеевка) [268]. Отряды сводились в более крупные боевые части. Так, из красногвардейцев Горловско-Щербиновского района, Енакиева, Юзовки и Макеевки был сформирован «Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк» под командованием Д. П. Жлобы. Полк насчитывал 2 тыс. штыков и действовал под Ханженковом [269]. Общее руководство боевыми силами края осуществлял начальник Центрального штаба Красной гвардии Донбасса большевик Д. И. Пономарев [270].

В тяжелых боях красногвардейцы вынудили Каледина прекратить наступление в Донбассе. К середине декабря фронт здесь стабилизировался по линии Мариуполь — Юзово — Ясиноватая — Дебальцево — Каменская [271]. Дальше этой линии войска Каледина продвинуться не смогли.

Разгром всероссийской кадетско-калединской контрреволюции

В то время как Каледин с юга, а петлюровско-гайдамацкие войска с запада (о чем будет сказано дальше) развивали наступление на Донбасс с тем, чтобы соединиться для дальнейшего наступления на Москву и Петроград, Советское правительство готовило силы для разгрома Каледина.

Нужно было выработать соответствующий стратегияеский план, который учитывал бы особенности общего фронта борьбы с контрреволюцией и наличные вооруженные силы Советской власти. Такой план был разработан В. И. Лениным и принят партией и правительством.

План учитывал возможность соединения всех контрреволюционных очагов в единый сплошной фронт антисоветских сил и потому прежде всего был направлен на то, чтобы не допустить такой консолидации вооруженных сил контрреволюции.

Взвесив все данные, В. И. Ленин пришел к выводу, что среди всех военных очагов контрреволюции главную опасность представляет мятеж Каледина. Поэтому предусматривалось нанесение главного удара по калединщине при одновременном наступлении и на другие контрреволюционные очаги.

Оценивая сложившуюся военно-политическую обстановку в стране, В. И. Ленин безошибочно разгадал, кто стоял за спиной взбунтовавшихся генералов. С поразительной точностью он определил, что Центральный

---

[267] *Н. Гончаренко.* Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе, стр. 93.
[268] *В. Я. Борщевский.* Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. II. Днепропетровск, 1962, стр. 129—130.
[269] *Н. Гончаренко.* Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе, стр. 97.
[270] Там же, стр. 94.
[271] *В. Я. Борщевский.* Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. II, стр. 133.

комитет партии кадетов является «политическим штабом» контрреволюции в России.

«Когда говорят, что кадетская партия не сильная группа,— говорят неправду,— отмечал В. И. Ленин.— Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов» [272].

28 ноября по предложению В. И. Ленина Совнарком принял «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции». В декрете говорилось: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду её связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания» [273].

Разгром «политического штаба» контрреволюции — партии кадетов и ликвидация контрреволюционных организаций «Русское собрание» и «Военная лига» позволили Советскому правительству сосредоточить основные усилия на организации борьбы против военных очагов контрреволюции.

В. И. Ленин, зная о фактах неповиновения отдельных казачьих частей и подразделений приказам контрреволюционного командования, полагал, что успех борьбы с Калединым во многом будет зависеть от того, сумеет ли революция вовлечь в свой поток трудящихся казаков или Каледину удастся сломить непокорных и, сплотив казаков под своим знаменем, бросить их против Советской власти. Необходимо было разъяснять казакам, что такое Советская власть, что она несет трудовому казачеству, объяснить ему, кто его друг, а кто враг. Нужно было оторвать от Каледина трудовых казаков, сделать их союзниками пролетариата и трудящегося крестьянства в их борьбе за власть Советов.

26 ноября Совет Народных Комиссаров по докладу В. И. Ленина принял обращение «Ко всему трудовому казачеству». В обращении говорилось, что враги революции, обманывая казаков, клеветнически утверждают, будто Советская власть хочет лишить казаков вольности, отобрать их земли. Разъяснив казакам, что такое Советская власть и чего она добивается, Совет Народных Комиссаров призвал трудовых казаков к борьбе за мир, за землю. «Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках,— указывалось в обращении.— Наши общие враги — помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры». В обращении далее подчеркивалось, что от самих казаков зависит, будет ли дальше литься братская кровь. Советское правительство призвало трудовых казаков объединяться в Советы казачьих депутатов, брать власть в свои руки, отбирать землю, зерно и инвентарь у казаков-помещиков, богатеев, арестовывать мятежников и вместе с солдатами, крестьянами и рабочими подняться на борьбу за общенародное дело, за власть Советов, мир и братство народов [274].

Это обращение сыграло важную роль в организации разгрома калединщины.

---

[272] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 135.
[273] Там же, стр. 126.
[274] «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 174—177.

Одновременно с разъяснениями политики Советской власти в казачьих областях Советское правительство форсировало организацию революционных сил и посылку отрядов Красной гвардии на Дон для оказания помощи местным красногвардейцам в их борьбе против контрреволюции.

Еще 5 ноября рабочие Путиловского завода постановили войти с предложением в Петроградский ВРК о немедленном вооружении рабочих Донбасса под контролем Советов и партийных организаций [275]. Председатель Харьковского ВРК Ф. А. Сергеев (Артем) 19 ноября обратился с настоятельной просьбой в Московский ВРК об отпуске рабочим Донбасса пулеметов, винтовок, патронов, револьверов. В обращении говорилось, что Харьковский ВРК «надеется, что просьба его будет уважена, так как в планомерной и спокойной работе Донецкого бассейна заинтересована вся революционная демократия» [276]. 25 ноября В. И. Ленин направил письмо фабрично-заводскому комитету Тульского оружейного завода с просьбой снабдить винтовками, наганами и другим оружием Красную гвардию Боковского горного района Донской области [277].

Из Петрограда, Москвы, Воронежа, Харькова, Брянска и других городов на юг началась отправка оружия и отрядов Красной гвардии. 21 ноября «Правда» сообщала, что 18 ноября из Петрограда для борьбы с Калединым отправлен сводный отряд революционных гвардейских полков.

В связи с создавшимся положением и началом вооруженной борьбы с донской и уральской контрреволюцией Совнарком 25 ноября выпустил обращение «Ко всему населению». В обращении говорилось, что Каледин собирает силы и угрожает Екатеринославу, Харькову и Москве, препятствует доставке хлеба на фронт. Дутов арестовал исполком и ВРК в Оренбурге и угрожает захватом Челябинска, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Центральная рада на Украине помогает Каледину стягивать войска на Дон. Поэтому, говорилось в обращении, Совнарком постановил:

«1. Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти» [278].

---

[275] «Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917—февраль 1918)». Сборник исторических документов и материалов. М., 1943, стр. 106, 107. Позднее, 6 января 1918 г., рабочие Путиловского завода приняли резолюцию «требовать всеобщей петроградской мобилизации против Каледина» («Организация Красной Армии». Сборник документов. М., 1943, стр. 14).

[276] «Из истории борьбы за установление Советской власти», стр. 106.

[277] *В. И. Ленин.* Собр. соч., т. 26, стр. 513.

[278] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 155.

В. И. Ленин поручил В. А. Антонову-Овсеенко, согласовав вопрос с Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойским, подобрать кандидатуру на пост главнокомандующего силами, действующими против Каледина и «его пособников», т. е. контрреволюционных войск Центральной рады. Антонов-Овсеенко предложил поручить командование ему самому [279–280]. В. И. Ленин согласился с этим назначением и 8 декабря предписал отъезжавшему на юг В. А. Антонову-Овсеенко «*ежедневно* по прямому проводу (лично или через адъютанта) извещать Совет Народных Комиссаров о том, *кого* именно назначает он, или другие военные власти, *ответственными* лицами по распоряжению отдельными операциями, особенно по передвижению и сбору войск и по командованию» [281].

Для борьбы против Дутова в Оренбургской губернии и Тургайской области Совет Народных Комиссаров назначил своим чрезвычайным комиссаром П. А. Кобозева [282].

Созданные штабы и назначенные комиссары Советского правительства должны были объединить разбросанные по стране отряды Красной гвардии и отряды революционных солдат и матросов с тем, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить разгром всех военных очагов внутренней контрреволюции.

Как уже отмечалось, В. И. Ленин лично руководил разработкой планов разгрома вооруженных сил контрреволюции и требовал от советских военачальников повседневной и точной информации.

Штаб В. А. Антонова-Овсеенко решено было организовать в Харькове и в районе Харьков — Купянск — Воронеж сосредоточить революционные силы. Главный удар предполагалось нанести в направлении Воронеж — Новочеркасск [283].

Антонов-Овсеенко приехал в Харьков 11 декабря [284]. Подоспевшие сюда революционные отряды под командованием матроса большевика Н. А. Ховрина и прапорщика большевика Р. Ф. Сиверса при поддержке харьковских красногвардейцев разоружили части Центральной рады: 2-й Украинский полк и бронедивизион [285].

Ознакомившись с обстановкой, В. А. Антонов-Овсеенко уточнил оперативный план разгрома Каледина [286]. Было решено, действуя из района Харькова в направлении Екатеринослава, освободить железнодорожные станции Лозовая и Синельниково и тем самым вбить клин между войсками Каледина и Центральной рады. Выполнение задачи возлагалось на группу войск из московских, харьковских и петроградских красногвардейцев и балтийских моряков под командованием П. В. Егорова. Группа насчитывала 1360 штыков при 3 орудиях и бронепоезде [287].

Одновременно с действиями войск П. В. Егорова три группы советских войск должны были развернуть наступление в Донбассе: группа Р. Ф. Сиверса — из района Харькова и группы Ю. В. Саблина и Г. К. Пет-

---

[279–280] *В. А. Антонов-Овсеенко.* Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, стр. 46.
[281] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 17—18.
[282] «Известия Челябинского Военно-революционного комитета», 2 декабря 1917 г.
[283] *В. А. Антонов-Овсеенко.* Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, стр. 52.
[284] *Н. А. Ховрин.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966, стр. 205—208.
[285] Там же.
[286] *В. Я. Борщевский.* Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. II, стр. 136, 138.
[287] Там же, стр. 147—148.

рова — из района Воронежа. Общая численность этих групп едва достигала 8 тыс. бойцов [288]. Однако штаб В. А. Антонова-Овсеенко знал, что как только эти группы выйдут в район Донбасса, они пополнятся многотысячной армией местных красногвардейцев.

Таким образом, оперативный план Антонова-Овсеенко предусматривал уничтожение в первую очередь контрреволюционного калединско-корниловского гнезда на Дону. Овладение узловыми станциями на Южной железной дороге (Харьков — Симферополь) ставило под контроль советского командования все пути, связывавшие Дон с Украинской радой, а также с фронтом, откуда калединское правительство могло получать подкрепления в виде казачьих частей. Движение несколькими путями против Каледина — через рабочие районы Донецкого бассейна, от Воронежа, Царицына и с Кавказа (оттуда предстояло двинуть стоявшую в районе Тихорецкой революционную 39-ю пехотную дивизию) — означало концентрическое наступление советских войск на центры донской контрреволюции, окружение калединского «государства». В дальнейшем этот план претерпел некоторые изменения (например, главный удар по калединскому Дону пришлось наносить не со стороны Воронежа, а через Донбасс), но его главная идея — окружение калединского гнезда — последовательно претворялась в жизнь.

Об обстановке, своих действиях и обо всех изменениях в плане разгрома южной контрреволюции Антонов-Овсеенко подробно информировал Ленина, Совнарком. Свой первоначальный план он изложил в письме Ленину 19 декабря. Развертывание борьбы с калединцами в Донбассе, прибытие новых сил (крупного отряда Ю. В. Саблина из Москвы, пехотного полка из Финляндии), о чем Антонов сообщал во втором докладе Ленину (25 декабря), позволили выработать окончательный план операций по ликвидации контрреволюции на Дону и Украине. В третьем докладе, от 11 января 1918 г., Антонов характеризует положение в канун решающих наступательных действий и сообщает в основных чертах уточненный план, предусматривающий теперь одновременные действия против Каледина и Рады. Если раньше действия против Рады ограничивались заслоном с ее стороны, разоружением частей, представлявших опору Центральной рады в Харькове и других гарнизонах, то теперь вставала задача перехода в наступление против Рады [289].

15 декабря группа Ю. В. Саблина вышла в район Луганска, Родакова, Дебальцева и заняла исходный рубеж для наступления. Группа Р. Ф. Сиверса 22 декабря вступила в Никитовку, Горловку, Авдеевку, Ясиноватую, откуда должна была начать наступление. По распоряжению бюро ревкомов Донецко-Криворожского бассейна во всех рабочих центрах Донбасса, и в особенности в Юзово-Макеевском районе, была организована подготовка и вооружение красногвардейских резервов для участия в борьбе против калединцев. Приказом В. А. Антонова-Овсеенко общее командование всеми советскими вооруженными силами Донбасса было возложено на Р. Ф. Сиверса [290].

---

[288] *Н. Гончаренко.* Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе, стр. 108, 124—125.

[289] Подробнее о плане и организации борьбы против южной контрреволюции см.: *В. Д. Поликарпов.* Доклады В. А. Антонова-Овсеенко в Совнарком (декабрь 1917 — январь 1918 гг.).— «Военно-исторический журнал», 1973, № 3, стр. 67—75.

[290] Там же, стр. 108.

В течение второй половины декабря в Донбассе развернулись кровопролитные бои. Особенно тяжелые бои завязались в Юзово-Макеевском районе. В течение 21—24 декабря советские войска не только отразили все попытки калединцев захватить этот район, но нанесли врагу тяжелые потери и вынудили его отвести свои войска от Макеевки, Юзова, Ханженкова, станции Иловайская. Провалилась попытка белогвардейцев вторгнуться и в Горловско-Щербиновский район [291].

Но этот успех Р. Ф. Сиверсу закрепить не удалось. Вскоре Каледин сумел приостановить наступление советских войск и, обеспечив численное превосходство, перешел в контрнаступление. В результате тяжелых боев отряды Р. Ф. Сиверса 27 декабря были вынуждены начать отход; враг занял значительную часть Юзово-Макеевского района. Советские войска отошли к Никитовке. Тяжелая обстановка сложилась и в районе Дебальцево — Родаково — Луганск, где действовала группа Ю. В. Саблина. Оставив в районе Дебальцево — Родаково часть бойцов, Ю. В. Саблин основные силы своей группы перебросил к Луганску, откуда намеревался развить наступление. Однако скрыть от врага перегруппировку своих войск Ю. В. Саблин не сумел. В ночь на 28 декабря калединский есаул В. М. Чернецов внезапным ударом захватил Дебальцево. 29 декабря Чернецов попытался захватить и Ясиноватую, но с ходу добиться этого ему не удалось. Здесь завязались тяжелые бои, длившиеся до 31 декабря, когда Чернецову удалось сломить оборону красногвардейцев-шахтеров и овладеть рудничным поселком [292].

К началу января 1918 г. сложились условия, позволявшие перейти в решительное наступление на мятежный Дон. Советское командование начало подготовку концентрического наступления на Ростов и Новочеркасск. Белогвардейское командование расценивало это наступление как сжатие «железного кольца» вокруг донских центров, но оказалось не в состоянии ни ликвидировать это кольцо, ни разорвать его.

Наступление в Донбассе намечалось развернуть тремя группами. Р. Ф. Сиверс, имея более 6000 бойцов, должен был наступать из района Никитовки в направлении Иловайская — Таганрог — Ростов; группа Ю. В. Саблина, насчитывавшая до 7500 бойцов, из района Луганска наносила удар в направлении Зверево — Каменская, Новочеркасск — Ростов; группа Г. К. Петрова, в составе которой было 2000 бойцов, наступала из Воронежа через Лихую — Новочеркасск на Ростов.

Действия советских войск в Донбассе поддерживались наступлением с юга частей так называемой Юго-Восточной армии под командованием А. И. Автономова. Эта армия была организована в районе станицы Тихорецкая из революционных полков 39-й дивизии, прибывшей с Кавказского фронта, и ставропольских партизанских отрядов [293–294]. Из Севастополя на поддержку революционных войск двигался отряд моряков под командованием А. В. Мокроусова.

К началу новых решающих боев против Каледина соотношение сил революции и контрреволюции на Дону резко изменилось. 30 декабря В. И. Ленин писал: «Против Каледина стоит явно большинство крестьян

---

[291] Там же, стр. 109.
[292] Там же, стр. 124—125.
[293–294] «Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа». Ростов-на-Дону, 1971, стр. 17—18.

и трудового казачества даже на Дону»[295]. В первой половине января 1918 г. трудовое казачество Дона выразило свое отношение к событиям, развернувшимся в этом крае, на съездах, состоявшихся 7 января в Воронеже и Царицыне и 10 января — в станице Каменской. Оценивая значение этих съездов, газета «Известия Военно-революционного комитета Донской области» в № 2 за январь 1918 г. писала: «Три казачьих съезда... говорят о начале революционной борьбы трудового казачества с казачьей и всероссийской буржуазией. Революционные волны, захлестнувшие всю Россию, докатились, наконец, и до Дона, всколыхнули его и понесли могучим потоком вперед к свободе, к союзу со всей Россией, к царству социализма».

Важное значение в развитии революции на Дону сыграл съезд фронтового казачества, открывшийся 10 января в станице Каменской. На съезде присутствовали представители 21 полка, 5 батарей и 2 запасных полков[296]. Съезд единодушно постановил объявить войну Каледину и взять власть в Донской области в свои руки. Был создан Военно-революционный казачий комитет, председателем которого стал казак Ф. Г. Подтелков, а секретарем — М. В. Кривошлыков[297]. 10 января казачий ВРК направил ультиматум войсковому правительству Каледина о сдаче им всей власти Военно-революционному комитету[298]. Для переговоров по поводу передачи власти ВРК направил в Новочеркасск делегацию во главе с Ф. Г. Подтелковым. Переговоры с войсковым правительством состоялись 16 января, но они не привели к положительным результатам[299]. Несмотря на то, что трудовое казачество открыто перешло на сторону революции, Каледин решил действовать до конца. Но это уже был акт отчаяния. Дни калединской контрреволюции были сочтены.

В начале января советские войска в соответствии с оперативным планом перешли в общее наступление. 15 января советские войска, действовавшие на таганрогском направлении, освободили Матвеев Курган и вышли на ближние подступы к Таганрогу. Весть о приближении советских войск всколыхнула рабочих Таганрога. 17 января они начали вооруженное восстание. В итоге двухдневного боя восставшие выбили контрреволюционные войска из Таганрога. 28 января войска Р. Ф. Сиверса, наступавшие со стороны Матвеева Кургана, вошли в Таганрог. Путь на Ростов был открыт.

Тяжелые бои развернулись в районе Зверево — Глубокая. Здесь против советских войск действовал лучший калединский отряд под командованием Чернецова. 20 января его войскам удалось захватить Каменскую, а 21 января — станцию Глубокая. Но это был временный успех врага. В тот же день, 21 января, вечером революционные казаки вместе с красногвардейцами наголову разбили отряд Чернецова, а его самого вместе с 40 офицерами взяли в плен[300].

Натиск советских войск непрерывно нарастал. 29 января калединцы вынуждены были оставить Дебальцево, Зверево, Лихую и Сулин и стали неудержимо откатываться к Ростову[301]. В их стане началась агония.

---

[295] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 211.
[296] *Ю. К. Кириенко.* Крах калединщины. М., 1976, стр. 177—178.
[297] Там же.
[298] Там же.
[299] *Л. Берз* и *К. Хмелевский.* Героические годы..., стр. 112—114.
[300] «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 241—242.
[301] Там же.

Командование Добровольческой армии во избежание неминуемого разгрома решило вывести свои войска на Кубань. Казачьи полки отказывались исполнять приказы своего атамана. 29 января Каледин, выступая на заседании войскового правительства, заявил: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно» [302]. Признав полный крах своей авантюры, он сложил полномочия войскового атамана и в тот же день застрелился.

Бои на Дону продолжались еще в течение двух недель. Освободив северные районы области, советские войска и отряды казачьего ВРК быстро выходили на подступы к Новочеркасску и Ростову [303]. 23 февраля В. И. Ленин направил телеграмму В. А. Антонову-Овсеенко с требованием: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов» [304]. Приказ вождя вдохновил советских воинов: в ночь на 24 февраля они освободили Ростов. 26 февраля войска Ю. В. Саблина взяли Новочеркасск — осиное гнездо донской контрреволюции. Остатки белоказаков, разбитых под Новочеркасском, бежали в Сальские степи, а немногочисленную Добровольческую армию, выбитую из Ростова, Корнилов увел на Кубань. Донская контрреволюция потерпела полное поражение. 23 марта 1918 г. Донской ВРК декретировал создание Донской Советской республики. Знамя Советов было водружено над территорией, которая всего несколько месяцев назад была главной опорой контрреволюции в России.

Установление Советской власти на Северном Кавказе

Разгром калединщины на Дону, как и намечал В. И. Ленин, открыл социалистической революции дорогу на Кавказ.

Борьба за установление власти Советов на Северном Кавказе протекала в исключительно сложных и трудных условиях. Слабость пролетарской прослойки, классовая борьба внутри казачества, а также между казачеством и «иногородними», рознь, раздуваемая в целях провокации международными империалистами и внутренней контрреволюцией как между казаками и горцами, так и между самими горскими народами,— все это препятствовало установлению и укреплению Советской власти.

Но революция быстро просвещала народные массы. Большевики умело и настойчиво проводили классовую линию, отделяя бедноту и противопоставляя ее эксплуататорским верхам и среди казачества, и среди народов и народностей Северного Кавказа. Горская беднота видела, как Советская власть передавала землю крестьянской и казачьей бедноте. Эксплуатируемые массы убеждались, что новая власть разогнала всю свору карателей и полицейских, нагайкой и саблей принуждавших к покорности. С каждым днем росло число активных сторонников Советской власти.

На Кубани основным препятствием установлению Советской власти были контрреволюционные силы Кубанской краевой рады.

В Екатеринодаре — главном городе области — известие о победе Октябрьской революции в центре было получено утром 26 октября. Казачье

---

[302] Там же.
[303] «Военно-исторический журнал», 1940, № 2, стр. 29.
[304] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 46.

войсковое правительство Кубани, входившей в состав Юго-Восточного союза, немедленно приняло постановление о непризнании Советской власти и объявило Кубанскую область на военном положении. Солдаты гарнизона, сочувствовавшие большевикам, были разоружены, руководители большевистской организации арестованы. Большевики ушли в подполье. Вся власть в Екатеринодаре сосредоточилась в руках контрреволюционного казачьего правительства, действовавшего в контакте с Калединым, при поддержке соглашательских партий и различных представителей империалистов США, Франции и Англии.

Большевики Кубани повели упорную борьбу против контрреволюционной Рады и ее «правительства». Опираясь на рабочих и солдат гарнизонов, они укрепляли связи с трудовым крестьянством и казачьей беднотой. По станицам и селам вели агитацию революционные казаки и солдаты, вернувшиеся с фронта. Создавались отряды Красной гвардии, доставалось оружие.

В декабре 1917 г. в Екатеринодаре состоялся съезд уполномоченных от населенных пунктов Кубани. Войсковое правительство рассчитывало опереться на этот съезд. Но большевики откололи левую часть съезда, которая стала заседать отдельно и избрала Совет народных депутатов — временный центр Советов области под председательством большевика Янковского. Кубанская рада разгромила революционный Совет.

Однако в ряде крупных центров Кубанской области (Кавказская, Тихорецкая, Армавир, Ейск, Майкоп, Крымская и др.) власть в руки Советов перешла в декабре 1917 г.— январе 1918 г.

17 января в станице Крымской состоялась конференция представителей советских станиц и представителей 39-й дивизии, возвратившейся с Кавказского фронта. Был образован Военно-революционный комитет, приступивший к подготовке вооруженного восстания. Однако попытка занять Екатеринодар окончилась 20 января неудачей.

Опираясь на советские районы области и на возвращавшихся с фронта солдат, революционно настроенных казаков, большевики области расширяли в массах свое влияние. 17 февраля I съезд Советов Кубанской области, состоявшийся в Армавире, провозгласил на Кубани Советскую власть. Однако вооруженная борьба продолжалась. В самом Екатеринодаре власть Советов победила вооруженным путем только 14 марта 1918 г.

В Новороссийске — главном городе Черноморской губернии — Советская власть установилась 1 декабря 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов имел опору среди рабочих местных цементных заводов и железнодорожных мастерских. В январе власть Советов была установлена также в уездных центрах Черноморской губернии — в Сочи и Туапсе.

Затянулся переход власти к Советам и на Ставрополье, где рабочий класс был малочисленным, а большевики в октябре 1917 г. еще не имели прочных позиций среди крестьян губернии. Предложения большевиков о захвате власти не получали поддержки в местных Советах, в которых еще продолжалось засилье эсеров и меньшевиков.

К концу 1917 г. политическая обстановка в губернии существенно изменилась. Большое влияние на массы оказывали проникавшие в города и села Ставрополья сведения о победе социалистической революции в центре страны, декреты Советской власти. С фронтов империалистической войны в родные места вернулось более 90 тыс. революционно настроенных солдат. Они вместе с крестьянами разгоняли созданные контрреволюционерами

буржуазные комитеты общественной безопасности и земства. В ряде сел Медвеженского уезда власть перешла к Советам [305].

1 декабря 1917 г. исполком Ставропольского Совета одобрил воззвание губернского комитета большевиков, призывавшее рабочих, крестьян и солдат к установлению Советской власти. Энергичную агитационную работу в войсках повел организованный 12 декабря в Ставропольском гарнизоне Военно-революционный комитет, руководимый большевиками.

Открывшийся 29 декабря в Ставрополе 4-й губернский крестьянский съезд прошел под большевистским руководством. Выражая волю трудящихся, он принял резолюцию о переходе всей власти в губернии, как в Ставрополе, так и на местах, к Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и защите этой власти с оружием в руках [306].

31 декабря открылось губернское народное собрание, в состав которого влились все делегаты крестьянского съезда. Вопреки сопротивлению соглашателей 1 января 1918 г. народное собрание подавляющим большинством голосов провозгласило в Ставропольской губернии власть Советов. Были избраны губернский исполком и Совет народных комиссаров, руководство которыми находилось в руках большевиков [307].

В установлении Советской власти в Пятигорске большую роль сыграли руководители местных большевиков Г. Анджиевский и И. Малыгин.

В еще более трудных и сложных условиях классовой борьбы и национальной вражды устанавливалась Советская власть на Тереке. В главном городе Терской области — Владикавказе — местный Совет рабочих и солдатских депутатов 28 октября большинством голосов высказался за поддержку Советской власти. 4 ноября на заседании Совета выступил С. М. Киров, приехавший со II Всероссийского съезда Советов, где он представлял Владикавказский и Нальчикский Советы. По его докладу была принята резолюция, в которой говорилось: «Заслушав доклад Кирова, очевидца и участника петроградской революции, общее собрание рабочих и солдатских депутатов с восхищением преклоняется перед героической борьбой революционных масс рабочих, солдатских, матросских и казачьих полков, не пожелавших проливать братскую кровь во имя контрреволюционного Временного правительства, и свидетельствует свою преданность новому пролетарско-крестьянскому правительству, взявшему в свои руки дело прекращения четырехлетней бойни, немедленного разрешения земельного вопроса в пользу тружеников земли, дело урегулирования производства, разрушаемого противонародной буржуазией, дело раскрепощения угнетенных народностей» [308].

Контрреволюционные организации Терской области — «национальные Советы» Чечни, Ингушетии, Кабарды, Осетии, а также Войсковое казачье правительство активно выступили против местного Совета рабочих и солдатских депутатов. В результате во Владикавказе и в Терской области существовали фактически две власти: контрреволюционные «националь-

---

[305] «Очерки истории Ставропольской организации КПСС». Ставрополь, 1970, стр. 81—82.

[306] Там же, стр. 86.

[307] «Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921)». Сборник документов и материалов, изд. 2-е, доп. Ставрополь, 1968, стр. 56.

[308] «Терские ведомости», 7 ноября 1917 г.

ные Советы» и казачье правительство, с одной стороны, и Совет рабочих и солдатских депутатов — с другой.

1 декабря Войсковое правительство и Центральный комитет союза горцев Кавказа при активном участии эсеров и меньшевиков создали «Временное терско-дагестанское правительство», которое объявило об отделении Терека от России. Это «правительство» вызвало с фронта части «дикой дивизии», казачьи полки и сформировало офицерско-юнкерские отряды. Была спровоцирована национальная резня между казаками и горцами, между ингушами и осетинами.

Контрреволюционные полки в конце декабря разгромили Совет в Грозном, где находились крупные нефтяные промыслы и где власть в руки Советов фактически перешла еще во второй половине ноября 1917 г. В начале января 1918 г. белогвардейцы разогнали Владикавказский Совет. Был арестован президиум Совета во главе с известным большевиком Ноем Буачидзе.

Большевики ушли в подполье и развернули напряженную борьбу за привлечение трудящихся казаков и горцев на сторону Советской власти. Прежде всего необходимо было прекратить войну между народами Северного Кавказа, объединить их для общей борьбы против контрреволюции.

Выдающаяся роль в установлении и укреплении Советской власти на Северном Кавказе принадлежала С. М. Кирову, руководившему в тот период владикавказскими большевиками. Прекрасный оратор, хорошо подготовленный марксист, обаятельный в обращении, умелый организатор, С. М. Киров побывал во многих аулах и селениях, ведя неутомимую разъяснительную работу. С. М. Киров сумел установить связи с недовольными, революционно настроенными представителями горских народов и направить их деятельность в русло классовой борьбы против феодалов и богачей. Большое внимание уделял С. М. Киров разоблачению планов местной контрреволюции, стремившейся оторвать горские народы от России и отдать их под контроль Турции, чьи агенты буквально наводнили район.

В конце января в Моздоке собрался I съезд народов Терека. Большевики приняли участие в работе съезда, чтобы объединить все революционные силы области, не допустить дальнейшего развертывания межнациональной войны. Главную роль в успешном решении этой задачи сыграл социалистический блок, созданный по инициативе С. М. Кирова и С. Г. Буачидзе. Вместе с большевиками в блок вошли кермениcты (партия осетинской бедноты). Под давлением масс в блок вынуждены были войти также эсеры и меньшевики.

Таким образом, большевикам удалось повести за собой основную массу делегатов съезда и добиться принятия резолюции о передаче всей полноты власти в области Терскому народному совету, избранному на последнем заседании съезда 1 февраля 1918 г.[309] В его составе были образованы чеченская, кабардинская, осетинская, казачья и иногородняя фракции. Война между народами была прекращена.

14 марта в Пятигорске открылась вторая сессия областного съезда народов Терека, провозгласившая Советскую власть на Тереке. Была образована Терская народная Советская республика, объявившая область автономной Советской республикой в составе РСФСР. 20 марта в резуль-

---

[309] «Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации». Орджоникидзе, 1969, стр. 59—61.

тате вооруженной борьбы Советская власть установилась и во Владикавказе. Здесь был избран Терский Совнарком во главе с С. Г. Буачидзе.

В марте власть Советов установилась также в Кизляре, Моздоке, Нальчике и Хасав-юрте — уездных центрах Терской области.

В Дагестанской области, за исключением Петровска, власть в руки Советов перешла лишь в апреле 1918 г. (Дербент, Кумух, Леваши).

В самом Петровске благодаря наличию там хотя и небольшой пролетарской прослойки власть Советов установилась в первой половине ноября 1917 г.

25 октября состоялось заседание Петровского Совета, на котором были зачитаны сообщения о переходе власти в руки Советов в Петрограде. 26 октября в городе состоялся большой митинг, посвященный событиям в Петрограде. На митинге выступили местные большевики Уллубий Буйнакский и Захарочкин. Был избран Военно-революционный комитет под председательством Буйнакского.

7 ноября в Порт-Петровск прибыл посланный Грозненским Советом большевик Н. Анисимов, который был делегатом от Грозного на II Всероссийском съезде Советов. Заслушав доклад Анисимова, Петровский Совет принял на этом заседании решение о признании власти Советов. В резолюции говорилось: «Вся власть отныне должна принадлежать трудовому народу. Пусть у власти стоит теперь тот, кто своими руками кует железо, сеет хлеб, защищает родную землю» [310].

В главном городе Дагестанской области Темир-Хан-Шуре власть Советов вооруженным путем была установлена 19 апреля, а в таких округах, как Аварский, Алдайский, Гунибский, Самурский и Кюринский, она еще продолжала оставаться в руках контрреволюции.

Советская власть в Нижнем Поволжье и в Уральской области

В Астрахани, тяготевшей, с одной стороны, к городам Нижнего Поволжья, а с другой — к районам Северного Кавказа, власть после Октябрьской революции в течение трех месяцев находилась в руках «Комитета народной власти», созданного городской думой. В этот комитет входили по пять представителей от местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, три представителя от городского самоуправления и по одному представителю от партий, входивших в Совет. Во главе комитета стоял председатель Совета рабочих и солдатских депутатов.

В сводке НКВД об общеполитическом положении на местах указывалось: «Недостаток подходящих сил заставил Советы пойти на компромисс и включить в «Комитет народной власти» представителей органов самоуправления. Но стремление окончательно закрепить власть за Советом уже имеется налицо. Военно-революционный комитет (состав солдатский) ведет борьбу за полную передачу власти народу» [311].

В сводке указывалось, что силой, которая мешала местному Совету установить Советскую власть в Астраханской губернии, было местное ка-

---

[310] *И. Разгон* и *А. Мельчин*. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1921 гг.). Махачкала, 1945, стр. 12.

[311] «Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)», стр. 83.

зачество. Сказывались также близость донского казачества и наплыв в эти районы контрреволюционных элементов [312].

Поняв, что их вхождение в «Комитет народной власти» было ошибкой, большевики Астрахани в конце декабря 1917 г. вышли из комитета и добились отзыва из него представителей Совета.

К январю 1918 г. перевес сил в городе был уже на стороне большевиков, заметно укрепивших свои ряды и поведших за собой Совет рабочих и солдатских депутатов. Большевиков поддерживали красногвардейцы и солдаты 156-го пехотного полка, избравшие в декабре 1917 г. большевика есаула М. Л. Аристова своим командиром. В конце декабря он возглавил Военно-революционный комитет, созданный при Астраханском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Большевики усилили подготовку к вооруженному восстанию. Зная, что верхи астраханского казачьего войска готовят разгром Совета, последний обратился к трудовому казачеству с разъяснением позиции Советской власти и с призывом не участвовать в мятеже. 5 января 1918 г. Астраханский Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от «Комитета народной власти» передать всю власть Совету к 15 января.

На 15 января 1918 г. большевистский комитет и Астраханский Совет назначили губернский съезд Советов, который должен был провозгласить Советскую власть в губернии. Но белоказаки решили разгромить Совет и арестовать большевиков еще до открытия съезда. 12 января они подняли мятеж, с разных сторон двинули на город казачьи части и начали его артиллерийский обстрел. Против отрядов Красной гвардии и 156-го пехотного полка были брошены три казачьих полка и несколько отрядов, набранных из офицеров и кулаков.

14 дней продолжались ожесточенные бои за Астрахань. Большую помощь рабочим и солдатам оказал Саратовский Совет [313].

Несмотря на призывы буржуазных националистов, многие нерусские рабочие активно поддерживали своих борющихся русских товарищей.

Власть Советов в Астрахани окончательно установилась 25 января 1918 г. 27 января I съезд Советов Астраханской губернии провозгласил переход всей власти в крае в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2 февраля было организовано 11 народных комиссариатов. По примеру центра все комиссары составляли Совет Народных Комиссаров — высший орган исполнительной власти в крае. До середины марта 1918 г. комиссары подчинялись крайисполкому, первым председателем которого был избран большевик-рабочий И. И. Липатов.

В трех уездах Астраханской губернии (из пяти) и в одном национальном районе (из двух) Советская власть была провозглашена в декабре 1917 г., до победы рабочих и солдат над контрреволюцией в самой Астрахани, а в остальных уездах — в конце января и в феврале 1918 г. [314]

В Уральском, Гурьевском, Темирском и Калмыковском уездах власть Советов установилась в марте 1918 г.

В Уральске к Октябрю большинство в местном Совете принадлежало эсерам и меньшевикам. Сообщение о победе Октябрьского вооруженного

---

[312] Подробнее об этом см.: *Б. Санджиев.* Установление Советской власти в Калмыкии. Элиста, 1959, стр. 30, 31.
[313] «Октябрь в Поволжье», стр. 238.
[314] Там же, стр. 253—254.

восстания в Петрограде было получено здесь 26 октября. В тот же день состоялось заседание Уральского Совета, который принял решение оказать поддержку Советскому правительству. Наряду с Уральским Советом в городе существовало Уральское войсковое казачье правительство. Штаб войскового атамана в Уральске фактически был штабом всех контрреволюционных сил Нижнего Урала. 27 октября войсковое казачье правительство потребовало немедленной отмены решения местного Совета о поддержке Советского правительства. Соглашательским партиям удалось собрать соответствующее большинство в Совете, которое отменило принятую накануне резолюцию [315].

Переизбрание Совета в Уральске произошло только в начале января 1918 г. Из 50 членов Совета нового состава около 30 человек были большевиками. Поддержку Совету оказал прибывший 14 января с фронта полк уральских казаков, который потребовал удаления всех сторонников старого режима, еще находившихся в Уральске.

Таким образом, местный Совет имел поддержку как со стороны рабочих, «иногороднего» населения, эксплуатировавшегося казаками-кулаками, так и со стороны казаков-фронтовиков.

Областной съезд Советов состоялся в Уральске 18—24 марта 1918 г. На съезде было принято постановление о роспуске казачьего правительства и контрреволюционного националистического казахского правительства Алаш-Орды. На съезде был избран областной исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако через несколько дней, 29 марта, в Уральске произошел контрреволюционный переворот, и областной исполком совета был разогнан [316].

* * *

Таким образом, в областях и губерниях юго-востока борьба за победу Октябрьской революции протекала в исключительно сложных условиях. В большинстве мест власть приходилось брать вооруженным путем, так как силы, стоявшие на стороне Советов, встретили упорное сопротивление не только российской, но и буржуазно-националистической контрреволюции в лице казачьих войсковых правительств и «национальных Советов».

Национальный вопрос в этих районах имел гораздо большее значение, чем в тех районах, речь о которых шла выше. Но ленинская национальная политика выдержала здесь все испытания и показала, что она полностью отвечает интересам народов.

После обнародования «Декларации прав народов России», впервые в истории провозгласившей право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, все буржуазные и

---

[315] «Правда», 19 февраля 1918 г.

[316] Подробнее об установлении Советской власти в Уральске и в Уральской области см.: «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 449—452. В этой коллективной монографии (стр. 452—453) изложена история борьбы за Советскую власть на территории Букеевской орды, тогда входившей в состав Астраханской губернии. См. также: *Т. Елеуов.* Борьба за установление Советской власти в Уральской области и бывшей Букеевской орде.— «Установление Советской власти в областях Казахстана (1917—1918)». Сборник статей. Алма-Ата, 1957, стр. 161.

мелкобуржуазные партии подняли крик о развале страны. Им вторили иностранные империалисты, которые в то же время пытались разорвать ее на части. Буржуазно-националистические правительства, образовавшиеся на местах с помощью российской и иностранной контрреволюции, стремились оклеветать советскую национальную политику, чтобы сохранить в своих руках власть и отстоять капиталистические порядки.

Но действительность оказалась сильнее контрреволюционной пропаганды. Трудящиеся всех народов получали равенство и суверенитет из рук рабочих и крестьян, совершивших Октябрьскую революцию. Они убеждались, что правящие классы, прикрываясь национальным флагом, на деле ведут к утверждению гнета «своей» национальной буржуазии.

И рабочие, и трудовое крестьянство всех народов, а также трудовое казачество поддержали Советскую власть: в начале 1918 г. она была установлена почти во всех районах Донской области, Северного Кавказа и всего юго-востока страны.

С главным военным очагом внутренней контрреволюции было покончено. Это был большой успех Советской власти. Но Советское правительство отнюдь не считало, что нанесение главного удара по Каледину должно на какое-то время задержать борьбу против других контрреволюционных очагов. Напротив, В. И. Ленин, Совнарком считали, что для обеспечения полного успеха в борьбе против Каледина необходимо одновременно нанести удары и против других очагов контрреволюции, прежде всего против атамана Дутова, который 26 октября поднял антисоветский мятеж, и против Центральной рады, тоже 26 октября 1917 г. заявившей, что она не признает Октябрьскую революцию и будет энергично бороться против ее распространения на Украине[317]. Без разгрома этих очагов контрреволюции невозможно было упрочить Советскую власть.

Разгром дутовщины

Мятеж атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова был одним из звеньев в общей цепи всероссийской контрреволюции.

Полковник генерального штаба царской армии, председатель Совета союза казачьих войск (после II съезда казачьих войск, состоявшегося в июне 1917 г.), Дутов был активным участником корниловского движения. Избранный позже атаманом Оренбургского казачьего войска, он рьяно боролся против революционного движения. Временное правительство назначило его особоуполномоченным по заготовке продовольствия в Оренбургской губернии и Тургайской области. Пользуясь своим положением, Дутов не только саботировал доставку хлеба в столицы, но тайно создавал продовольственные запасы для вооруженных частей, которые подготовлялись им для борьбы с революцией. Еще до Октября офицеры, посланные Дутовым по станицам, формировали из казаков пешие пластунские полки, добровольческие отряды из офицеров и юнкеров. Под предлогом необходимости отдыха Дутов, как и Каледин, стягивал в Оренбургскую область казачьи части с фронта.

Свою ненависть к революции Дутов переносил и на всю страну, в которой она началась и развивалась. На одном из заседаний казачьего вой-

---

[317] «Киевская мысль» (утренний выпуск), 27 октября 1917 г.

скового круга он откровенно заявил: «Мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские: Россия — больной, разлагающийся организм; из опасения заразы мы должны спасать свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается,— пусть гибнет» [318].

26 октября Дутов издал приказ о переходе всей власти в области в руки Оренбургского казачьего войскового правительства [319]. Планы его были весьма широкими. Прежде всего он предполагал быстро занять всю Оренбургскую губернию и Тургайскую область, прервать сообщение центра с Уралом и Сибирью и тем самым обречь Советскую Россию на голод. Далее Дутов стремился отрезать от Центральной России Среднюю Азию, чтобы дать возможность местной контрреволюции и английским интервентам захватить Туркестан. Наконец, соединившись с сибирскими и астраханскими казаками, Дутов намеревался захватить Саратов и Самару, а затем вместе с белоказаками Каледина и войсками генерала Алексеева и Корнилова двинуться на Москву.

Планы Дутова были известны дипломатам союзных держав и получили у них поддержку. «Французы, англичане и американцы,— писал Дутов на Украину одному из генералов,— со мной имеют непосредственное сношение и оказывают нам помощь» [320].

Поверенный в делах британского посольства в Вашингтоне К. Барклей писал 24 декабря (6 февраля), что Англия поддерживает на Дальнем Востоке капитана Г. Семенова, который с помощью оружия и средств Антанты займет Иркутск и Красноярск, двинется на Запад и «соединится с казаками Дутова, имея дальнейшей целью связаться с Калединым» [321].

Социальной опорой Дутова были кулацкие верхи казачества, офицерство, помещики, предприниматели и торговая буржуазия. Дутов получал поддержку и со стороны феодальных и буржуазных казахских элементов и созданных ими националистических организаций, прежде всего в лице так называемой Алаш-Орды. 13 декабря 1917 г. в Оренбурге проходил 3-й «общекиргизский национальный съезд», на котором было создано контрреволюционное националистическое правительство Казахстана —Алаш-Орда во главе с А. Букейхановым [322], находившимся в тесной связи с Дутовым и другими главарями контрреволюции.

Но силы дутовщины непрерывно ослаблялись нарастающей классовой борьбой между казачеством и крестьянством, жаждавшим земли; между казачьей старшиной, кулацкой верхушкой и беднотой, не имевшей средств для ведения хозяйства. В оренбургском казачестве уже в 1912 г. было не менее 13% безлошадных. А ведь каждый казак, призванный в армию, обязан был явиться на своем коне. Безлошадные вынуждены были прибегать к помощи общества, к займам и попадали в кабалу к кулакам. За время

---

[318] «Уральский рабочий», 5 декабря 1917 г.

[319] *В. Д. Поликарпов.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976, стр. 65.

[320] «Гражданская война в Оренбуржье. 1917—1919 гг.» Документы и материалы. Оренбург, 1958, стр. IV.

[321] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 40.

[322] *С. Н. Покровский.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918—1920 гг.). Алма-Ата, 1967, стр. 88.

войны процент безлошадных и беспосевных казаков увеличился еще больше. Нельзя забывать и про национальные противоречия, причем в национально-освободительном движении явно пробивалась демократическая струя, трудящиеся все быстрее втягивались в общеполитическую борьбу совместно с рабочими.

Тем не менее дутовщина оставалась одним из серьезных препятствий на пути революции на юго-восток и в Туркестан.

Боевые действия против Советской власти атаман Дутов начал, имея в своем распоряжении отряды численностью в 6—7 тыс. человек [323]. Этими силами он решил захватить ключевые пункты Оренбуржья — Челябинск, Троицк и Оренбург, а затем разгромить Советы во всем крае и мобилизовать казаков для общего похода контрреволюции против Советской России.

Как уже отмечалось, 30—31 октября сильные отряды дутовцев неожиданно окружили Челябинск и потребовали от Совета рабочих и солдатских депутатов передать власть контрреволюционной городской думе [324]. Сопротивление дутовцам было бесполезным из-за малочисленности революционных сил. 2 ноября в Челябинске установилась власть контрреволюционной городской думы.

Объявив войсковое правительство властью в области, Дутов, однако, не имел еще необходимых сил, чтобы быстро подавить революционное движение в Оренбурге, где Совет рабочих депутатов шел за большевиками. Атаман поэтому решил использовать соглашателей.

В Оренбурге по получении известия о победе вооруженного восстания в Петрограде был создан «Комитет спасения родины и революции» (преобразованный из «Комитета общественной безопасности»), в котором, как и в подобных комитетах в других местах, преобладали эсеры и меньшевики. Опираясь на этот «Комитет спасения», Дутов объявил город на военном положении и начал репрессии против большевиков. 5 ноября он закрыл большевистскую газету «Пролетарий», а через два дня, 7 ноября, арестовал ряд видных местных большевиков. Рабочие Оренбургских главных железнодорожных мастерских объявили стачку протеста, требуя освобождения арестованных. 15 ноября к железнодорожникам присоединились рабочие других предприятий [325]. (Эта стачка продолжалась вплоть до освобождения города советскими войсками.)

Несмотря на контрреволюционный террор, большевикам удалось добиться переизбрания местного Совета солдатских депутатов. Руководство Советом перешло в их руки [326]. Особенно большую работу проводил старый большевик С. М. Цвиллинг — делегат II Всероссийского съезда Советов. После съезда он был послан в Оренбург в качестве комиссара Петроградского Военно-революционного комитета. С. М. Цвиллинг по нескольку раз в день выступал на митингах и собраниях в воинских частях, на предприятиях и у железнодорожников.

14 ноября по постановлению общих собраний Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых, ротных и командных комитетов в Оренбурге

---

[323] *С. М. Петров.* Разгром дутовщины. Челябинск, 1940, стр. 77.
[324] «Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Челябинск, 1957, стр. 438.
[325] *С. М. Петров.* Разгром дутовщины, стр. 62, 65.
[326] «Гражданская война в Оренбуржье», стр. 10.

был образован Военно-революционный комитет во главе с С. М. Цвиллингом. ВРК подготовил «Приказ № 1» о переходе власти в его руки, призвал солдат исполнять лишь те распоряжения военного начальства, которые утверждены ВРК, и предложил каждой роте и команде выбрать по одному надежному человеку для связи. К начальнику гарнизона был направлен комиссар ВРК [327]. Однако не успел еще ВРК широко развернуть свою деятельность, как подвергся разгрому. В тот же день, 14 ноября, в 12 час. ночи сильный отряд юнкеров школы прапорщиков и казаков под командованием самого Дутова разгромил Оренбургский Совет и ВРК и арестовал 86 человек, в том числе С. М. Цвиллинга [328].

Падение Советской власти в Оренбурге и Челябинске привело к тому, что Туркестан оказался отрезанным от центральных районов России. Нарушались также связи центра страны с Сибирью и всем юго-востоком Советской республики. Учитывая растущую опасность дутовского мятежа, Советское правительство приняло срочные меры к его скорейшей ликвидации. Для организации разгрома мятежников Совнарком направил в район мятежа П. А. Кобозева. Он был назначен чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии и Тургайской области (Степной край) и начальником Ташкентской железной дороги [329].

Повсеместно в районе дутовского мятежа, а также в близлежащих местах большевики формировали отряды Красной гвардии. 20 ноября в Челябинск из Самары прибыл сводный отряд Самарского пехотного полка численностью в 500 штыков, созданный по инициативе В. В. Куйбышева. В Челябинске была восстановлена Советская власть, и он стал одним из районов сосредоточения революционных сил для борьбы с Дутовым. Вторым районом концентрации советских войск был Бузулук, где находился чрезвычайный комиссар П. А. Кобозев [330].

Из Башкирии для борьбы с Дутовым были направлены Уфимский, Белорецкий, Баймакский, Орский, Уфимский мусульманский (татаро-башкирский) и другие красногвардейские отряды [331]. Отряды прибывали из Перми, Мотовилихи, Омска, Кунгура, Екатеринбурга и других мест. С юга в направлении Оренбурга двигались Ташкентский, Перовский и Казанлинский советские отряды [332].

Отряду В. И. Чапаева, который в этот период принимал активное участие в подавлении кулацких мятежей в Николаевском уезде, было дано указание сдержать продвижение дутовских банд, пытавшихся вести наступление к Самаре и Саратову.

Вся страна пристально следила за ходом борьбы против дутовщины. 25 ноября 1917 г., когда в газетах было опубликовано специальное обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всему населению», призвавшее трудящихся на борьбу против Каледина, Дутова и других врагов Советской власти, Петроградский ВРК принял решение послать для борьбы с Дутовым отряд красногвардейцев и матросов [333].

---

[327] Там же, стр. 11, 12.
[328] Там же, стр. 351.
[329] *С. М. Петров.* Разгром дутовщины, стр. 136—137.
[330] Там же, стр. 137.
[331] *З. А. Аминев.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966, стр. 175—176.
[332] «Мужественные борцы за дело коммунизма». Сборник статей. Ташкент, 1957, стр. 93; *С. М. Петров.* Разгром дутовщины, стр. 141.
[333] «Документы Великой пролетарской революции», т. I. М., 1938, стр. 304.

В конце ноября по директиве Петроградского ВРК на дутовский фронт был отправлен сводный отряд матросов с линкоров «Андрей Первозванный», «Петропавловск» и других кораблей Балтийского флота, красногвардейцев, а также революционных солдат 170-го стрелкового полка под общим командованием мичмана С. Д. Павлова. Отряд насчитывал 400 человек и назывался «Северный летучий отряд» [334].

2 декабря П. А. Кобозев сообщил Совнаркому, что Оренбургская губерния объявлена на осадном положении и все ее трудящиеся призваны к решительной борьбе с Дутовым [335].

Между тем, пока в районах Челябинска и Бузулука собирались советские отряды, дутовцы продолжали активно действовать. В начале декабря им удалось захватить власть в Троицке — важном пункте на железнодорожной линии Челябинск — Оренбург [336].

Во второй половине декабря все революционные отряды, направленные на борьбу с Дутовым, наконец, сосредоточились в районе Челябинска и Бузулука. 20 декабря П. А. Кобозев направил Дутову и оренбургскому «Комитету спасения родины и революции» ультиматум с требованием прекратить контрреволюционные действия и передать власть в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов [337]. Дутов оставил ультиматум без ответа. Тогда 22 декабря по приказу П. А. Кобозева Бузулукская группа советских войск перешла в наступление с целью освобождения Оренбурга [338]. Однако из-за нехватки войск и материальных средств десятидневные бои под Оренбургом закончились для советских войск неудачно, и они были вынуждены отойти в район Бузулука.

По-иному шли военные действия в районе Челябинска. Прибывший в этот район «Северный летучий отряд» мичмана С. Д. Павлова совместно с красногвардейскими отрядами, сосредоточенными на этом участке фронта, в 20-х числах декабря перешел в наступление на Троицк. 24 декабря советские войска разбили противника и освободили станицы Еманжеминскую и Нижнеувельскую: путь на Троицк был открыт. В ночь на 25 декабря советские войска с боем взяли Троицк [339]. Это была первая большая победа революционных войск на дутовском фронте. Перебросить пламя контрреволюционного мятежа на Урал Дутову не удалось.

К концу 1917 — началу 1918 г. в распоряжение П. А. Кобозева стали поступать подкрепления. 27 декабря П. А. Кобозев информировал Совнарком о том, что для борьбы с Дутовым Уфа направила 450 бойцов, Челябинск — 200 и Екатеринбург — 500 [340]. Председатель Челябинского ВРК В. К. Блюхер 30 декабря сообщил П. А. Кобозеву, что из Миасса и Уфы в Бузулук выехал отряд петроградских матросов и красногвардейцев чис-

---

[334] *З. А. Аминев.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 176; *С. С. Хесин.* Матросы революции. М., 1958, стр. 277.

[335] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. 1917—1918 гг.». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957, стр. 168.

[336] «Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г.— 10 января 1918 г.». М., 1962, стр. 374.

[337] «Гражданская война в Оренбуржье», стр. 25—26.

[338] Там же, стр. 30, 31.

[339] «Борьба за Советскую власть на Южном Урале», стр. 439.

[340] «Гражданская война в Оренбуржье», стр. 26, 27.

ленностью в 900 человек [341]. В ночь на 4 января из Челябинска на борьбу с Дутовым отбыл отряд пермских красногвардейцев [342].

К началу января 1918 г. в районе Челябинска, Троицка и Бузулука было сосредоточено более 10 тыс. революционных бойцов. «Северный летучий отряд» был переброшен из Троицка в состав бузулукской группы [343]. Советские войска готовились к решительному наступлению с целью освобождения Оренбурга и окончательной ликвидации дутовской авантюры. 7 января 1918 г. они перешли в решительное наступление. Главный удар наносила бузулукская группа войск под командованием С. Д. Павлова. Комиссаром группы был П. А. Кобозев. Группа наступала вдоль линии железной дороги Бузулук — Оренбург. Со стороны Троицка и Златоуста революционные войска перешли в наступление несколько позже. Они также наносили удар на оренбургском направлении. Южнее со стороны Актюбинска наступление на Илецк — Оренбург начал красногвардейский Туркестанский отряд [344].

Бузулукская группа советских войск, почти не встречая сопротивления, стремительно продвигалась вперед. Лишь в 15 км восточнее станции Ново-Сергиевская завязался тяжелый бой с белоказаками, в результате которого они вынуждены были отступить.

16 января у станции Карталы, в 25 км западнее Оренбурга, отряд С. Д. Павлова нанес дутовцам решительное поражение. Дни дутовщины были сочтены. 17 января большевики Оренбурга подняли рабочих города на вооруженное восстание. Совместными усилиями революционных войск и восставших рабочих дутовцы были наголову разбиты. Дутов с немногочисленным отрядом бежал в Верхнеуральск [345]. 18 января над Оренбургом вновь взвилось победное знамя Советов. 24 января 1918 г. «Правда» опубликовала сообщение, подписанное В. И. Лениным: «Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся. Все правительственные учреждения в Оренбурге заняты советскими войсками. Властью на месте объявлен Оренбургский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов» [346].

С дутовским мятежом было покончено.

6

УКРАИНА

Победа Советской власти на Украине является составной частью Октябрьской революции. В основе ее лежали те же социально-экономические предпосылки, которые подготовили пролетарскую революцию в целом по всей

---

[341] Там же, стр. 28.
[342] «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957, стр. 259.
[343] *С. С. Хесин.* Матросы революции, стр. 270.
[344] Там же.
[345] Там же, стр. 271.
[346] «Правда», 24 января 1918 г.

России. Ее движущими силами были те же классы, которые привели к победе Октября во всей стране,— пролетариат и крестьянская беднота. Во главе их стояла Всероссийская партия большевиков.

Украинские рабочие принимали участие в боях за Октябрь в Петрограде, Москве, на Урале, в Поволжье и других районах России. Солдаты-украинцы активно содействовали победе революции на фронте. Трудящиеся Украины самоотверженно готовили победу Октября вместе со всеми трудящимися России.

Население Украины к 1913 г. составляло 35,2 млн. человек, ее территория — 603 тыс. кв. км [347]. Губернии, расположенные на огромной территории Украины, отличались друг от друга в социально-экономическом отношении, но были едины по своим историческим традициям, культуре, национальному составу. Единый процесс революции в этих губерниях имел как ряд общих закономерностей, так и свои особенности.

Украинский народ не имел своей государственности. Его национальная культура преследовалась. Украина была объектом эксплуатации со стороны буржуазии господствующей нации. Трудящиеся Украины испытывали тяжелый национальный гнет.

Но колонии царской России по своему положению были неодинаковы. По экономическому, политическому и культурному развитию В. И. Ленин делил их на колонии «чистейшего типа» и на колонии, где господствующая нация была вынуждена развивать местные производительные силы.

Разоблачая противников большевистской программы по национальному вопросу, отрицавших правильность лозунга самоопределения наций вплоть до отделения, В. И. Ленин писал: «...капитализм в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее, и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане, в Египте и других колониях чистейшего типа» [348].

Украина занимала особое место в русской колониальной системе. Следует отметить общность происхождения украинского и русского народов, общность их исторических судеб в борьбе с одними и теми же врагами и установившиеся с давних времен постоянный культурный обмен и взаимовлияние между обоими народами.

На Украине имелась развитая капиталистическая промышленность, тесно связанная с русской промышленностью. Украина давала 71% общероссийской добычи угля, 68% выплавки чугуна и 58% стали [349]. По густоте сети железных дорог Украина не уступала центральным районам России.

Промышленность Украины отличалась высокой концентрацией. Здесь действовали такие крупнейшие монополии, как «Продамет», «Продуголь» и сахарный синдикат, который В. И. Ленин приводил в качестве примера перерастания монополистического капитала в государственно-монополистический [350].

Синдикат «Продамет» объединял все крупнейшие металлургические заводы, а «Продуголь» держал в своих руках добычу и продажу угля [351].

---

[347] «Українська радяньска соціалістична республика». Київ, 1966, стр. 67.
[348] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 35.
[349] «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1953, стр. 696.
[350] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 302—303.
[351] «Победа Советской власти на Украине». М., 1968, стр. 15, 16.

Однако в экономике Украины имелись особенности, вытекавшие из ее полуколониального положения.

Решающие отрасли промышленности, главным образом угольная и металлургическая, возникали на Украине не в результате естественного развития народного хозяйства «снизу», а преимущественно в порядке насаждения капитализма извне и притом «сверху». Развиваясь вширь, капиталистическая система охватывала и Украину.

Отсюда вовсе не значит, как утверждали украинские буржуазные националисты, что на Украине не было «своих» капиталистов, что украинская нация была нацией безбуржуазной. На самом деле украинская буржуазия была представлена во всех отраслях промышленности, особенно связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья (например, свеклосахарная давала около 80% общероссийского производства сахара) [352].

К числу особенностей развития промышленности на Украине следует отнести также ее географическое размещение. В Центральной России промышленность складывалась вокруг нескольких центров (Петроград, Москва с областью, Урал), и ее размещение в основном совпадало с политическими центрами, прежде всего со столицами. Это приводило к созданию так называемых «ударных кулаков». В немногих районах сосредоточивались большие массы рабочих, что повышало роль и значение рабочего класса в политической жизни страны.

На Украине промышленность была рассредоточена по многим областям. Конечно, и здесь имелись промышленные центры — Донбасс, Николаев, Харьков и др., но они не совпадали с политическим центром, каким был Киев. Это не могло не ослабить роли пролетарских масс Украины в общем политическом движении.

Особенностью развития украинской экономики было и сильное влияние иностранного капитала. Из всей суммы иностранных капиталов, вложенных в промышленность России, на Украину приходилось 25%. В угольной промышленности Украины иностранцам принадлежало 63% основного капитала, в металлургии — 90% [353].

Известные особенности имел и рабочий класс Украины. И по численности, и по революционному опыту он был вторым крупнейшим отрядом (после русского) пролетариата России. В 1917 г. в промышленности Украины насчитывалось 821,8 тыс. рабочих [354]. Всего же наемных рабочих на Украине было более 3,5 млн. [355], что составляло примерно пятую часть общего числа всех рабочих России.

Во главе пролетариата Украины стояли испытанные, боевые большевистские организации. К концу октября 1917 г. большевики насчитывали до 42 тыс. человек, из которых 22 тыс. находились в Екатеринославской губернии, включая Донбасс [356].

К осени 1917 г. завершился затянувшийся процесс размежевания в объединенных организациях: большевики порвали со всеми группами меньшевистского толка, а левые эсеры вышли из блока с правыми эсерами.

---

[352] Там же, стр. 15.
[353] Там же, стр. 19.
[354] *А. Г. Рашин.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1958, стр. 261. По более точным данным 893 тыс. («Победа Советской власти на Украине», стр. 32).
[355] «Победа Советской власти на Украине», стр. 35.
[356] Там же, стр. 244.

шевиков и повсеместно создали свои самостоятельные организации. Большевики Украины, как и партийные организации всей России, руководствовались директивами и указаниями Центрального Комитета партии. Но национальные особенности Украины требовали создания такого центра, который мог бы постоянно учитывать их при проведении общей партийной линии. Это было тем более необходимо, что противники большевиков — украинские буржуазно-националистические партии — имели на Украине свое центральное руководство. Украинские большевики понимали эту необходимость, готовились к созданию своего руководящего центра, но к октябрьским дням еще не успели его создать.

Пролетариат Украины имел давние исторические традиции совместной с русскими рабочими борьбы против царизма, помещиков и буржуазии. Киевский и Екатеринославский Союз борьбы за освобождение рабочего класса были в числе пяти организаций — инициаторов созыва I съезда РСДРП, провозгласившего создание Российской социал-демократической рабочей партии. Рабочие Киева, Одессы, Екатеринослава, ряда предприятий Донбасса совместно с закавказскими пролетариями в 1903 г. впервые в истории организовали всеобщую стачку на Юге России, охватившую более 200 тыс. человек. Пролетарии Донбасса вписали много славных страниц в историю первой русской революции. Рабочие Украины, прежде всего Донбасса, принимали самое активное участие в революционном движении 1917 г. на всех этапах его развития.

Но некоторые особенности формирования пролетариата Украины не могли не сказаться на темпах и путях установления Советской власти на Украине. Национальный состав Украины не был однородным. К 1917 г. в восьми украинских губерниях насчитывалось: украинцев — 17 млн. (60% всего населения), русских — 8600 тыс. (немногим больше 30%), евреев — 1700 тыс. (около 6%), поляков — 348 тыс. (немногим более 1,2%), других национальностей (молдаване, греки, болгары и др.) — свыше 550 тыс. (почти 2%) [357]. Особенно неоднородным был национальный состав населения украинских городов.

Быстрое развитие крупной промышленности на Украине предъявляло спрос на квалифицированную рабочую силу, которой не было на месте. Он удовлетворялся главным образом за счет русских рабочих Центральной России. Все же основную массу рабочих Украины составляли, конечно, украинцы (около $^2/_3$ ее пролетариата) [358].

Неоднородность национального состава рабочих Украины в известной мере осложняла развитие политической борьбы. И все же преувеличивать значение этого обстоятельства не следует. Наличие русских рабочих в среде пролетариата Украины имело огромное положительное значение: они передавали товарищам по работе не только свои производственные навыки, но и свой огромный опыт революционной борьбы.

Другая особенность пролетариата Украины состояла в том, что степень его концентрации была меньшей, чем в целом по России.

---

[357] «Центральное статистическое управление УССР. Государственная статистика УССР». Харьков, 1925, стр. 119.

[358] «Победа Советской власти на Украине», стр. 36. Из этих данных видно, насколько ложным было утверждение украинских националистов, будто на Украине не было украинского пролетариата, а были лишь пришлые рабочие.

В начале XX в. на украинских заводах-гигантах (с числом рабочих более 500) было сосредоточено 42,1% всех рабочих, а в среднем по всей России на таких предприятиях работало более 50% рабочих [359].

Известные особенности имелись и в развитии сельского хозяйства Украины. Еще в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал, что на юге Украины помещики вели крупное капиталистическое хозяйство. Украинские, русские и польские магнаты владели на Украине огромными поместьями. Каких-нибудь 3,4% землевладельцев, владевших поместьями, размеры которых превышали 500 десятин, держали в своих руках почти 70% всей земли [360].

Как показал М. А. Рубач, кулачество на Украине проявляло бо́льшую экономическую активность по сравнению с центральными районами России. Здесь был и более высокий уровень середняцких хозяйств, перераставших в кулацкие [361]. К 1917 г. украинские кулаки, составлявшие чуть более 12% крестьянских дворов, держали в своих руках более половины всего земельного фонда крестьянства, около половины лошадей, треть рогатого скота и до трети мертвого инвентаря [362]. К 1917 г. кулаки арендовали 3,6 млн. десятин земли, а также сами сдавали свыше 500 тыс. десятин по несравненно более высокой арендной плате [363]. Однако помещики на Украине, хотя и теряли свои позиции и в землевладении, и в землепользовании [364], оставались основным врагом всего крестьянства.

Характерным для аграрных отношений на Украине был и больший удельный вес среднего крестьянства — оно составляло до 30% всех крестьян против 20% в Европейской России [365]. Этим и можно объяснить, почему из двух социальных войн в деревне — всего крестьянства против помещиков и внутри крестьянства между беднотой и кулачеством — вторая социальная война приобретала на Украине более широкий размах, чем во всей остальной России.

Характерной особенностью революционных событий на Украине было широкое национально-освободительное движение. Оно не было единым ни по своему классовому составу, ни по своим целям. В нем участвовали различные партии с разными программами. Достаточно лишь назвать основные партии, входившие в состав Центральной рады,— организации, претендовавшей на монопольное представительство и руководство национально-освободительным движением на Украине [366]: буржуазно-националистическая организация — Товарищество украинских поступовцев

---

[359] *Ф. Лось.* К вопросу о формировании рабочего класса на Украине.— «Вопросы истории», 1951, № 2, стр. 87—88.

[360] Точнее — 68,9% («Нариси розвитку народного господарства Украінської РСР». Київ, 1949, стр. 78).

[361] *М. Рубач.* Класове розшарування селянства Україні на передодні пролетарської соціалистичної революції.— «Наукові записки Інституту історіі та археологіі Академії наук УРСР», кн. I. Київ, 1943, стр. 219—222.

[362] Там же, кн. II, стр. 193.

[363] Там же, стр. 197.

[364] Удельный вес их в посевной площади составлял 18,5%, а в Подольской губернии — даже 32,1, в Киевской — 28,5% («Победа Советской власти на Украине», стр. 46).

[365] «Победа Советской власти на Украине», стр. 48.

[366] Число делегатов Центральной рады в середине 1917 г. дошло до 600 («Победа Советской власти на Украине», стр. 134).

(ТУП) [367], Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская партия социалистов-самостийников (УПСС — самостийники). Обращает на себя внимание то, что все эти партии, даже откровенно кадетская ТУП, называли себя социалистическими, явно пытаясь привлечь к себе массы. Но на деле в них не было ничего социалистического. Центральная рада боролась за сохранение капитализма, представляла интересы буржуазии, особенно сельской (кулачества) националистической интеллигенции, известной части кустарей и ремесленников.

В национально-освободительном движении на Украине с самого начала отчетливо проявились две классовые тенденции: буржуазная, представляемая Центральной радой, и революционно-демократическая, поддерживаемая большевиками.

После корниловщины, показавшей народным массам, что буржуазно-генеральская реакция намерена разгромить революционное движение и покончить со всеми надеждами на мир, землю и свободу, в национально-освободительном движении углубился раскол, причем преобладание получила революционно-демократическая тенденция. Передовая часть рабочих и крестьян убедилась в том, что Центральная рада находится в сговоре с Временным правительством. Этот факт нашел свое выражение, в частности, в усилении левых групп в соглашательских партиях. Он подтверждался и тем, что большинство национальных представителей на Демократическом совещании голосовало против коалиции с буржуазией. В. И. Ленин считал это голосование национальной курии Совещания одним из признаков общеполитического кризиса [368]. Но значительная часть трудящихся все же еще верила посулам Центральной рады, считавшей национальный вопрос главным и основным.

Лидеры Центральной рады чувствовали приближение революционного кризиса и боялись, что в своем падении Временное правительство увлечет их с собой. Пытаясь избегнуть такой судьбы и сохранить быстро тающее влияние в массах, Центральная рада, не порывая с Временным правительством, все же пошла на конфликт с ним по национальному вопросу. 21 октября министр юстиции П. Н. Малянтович даже приказал киевскому прокурору привлечь к ответственности Генеральный секретариат и Малую раду (так назывался орган, выделенный из состава Центральной рады для текущей законодательной работы) по обвинению в государственной измене [369]. Этот конфликт способствовал сохранению у части трудящихся Украины иллюзий, будто Центральная рада отстаивает их интересы, борется против общего врага — буржуазного Временного правительства. Не всем еще было ясно, что оба идущие ко дну соперничающие правительства — Временное правительство и Генеральный секретариат — своими нарочито раздуваемыми конфликтами пытались отвлечь народные массы от разрешения коренных вопросов революции. Несомненно, что эти неизжитые заблуждения в отношении Центральной рады в немалой степени затрудняли проведение социалистической революции на Украине.

---

[367] В ходе революции ТУП переименовал себя в Союз украинских автономистов-федералистов, а затем в Украинскую партию социалистов-федералистов (УПСФ—эсефы) («Победа Советской власти на Украине», стр. 133).

[368] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 278.

[369] «Победа Советской власти на Украине», стр. 231.

Следует остановиться еще на одном обстоятельстве: сосредоточении во многих городах и селах Украины больших масс мелких производителей, которые, как известно, составляли социальную базу соглашательских партий. Для Украины вообще была характерна многочисленность этих партий. К тем, которые были названы выше, следует добавить еще Бунд, русских эсеров, русских меньшевиков и другие, более мелкие партии и группы. В силу этого немало Советов на Украине ко времени Октября все еще находилось под руководством соглашательских партий. Они преобладали даже в таких центрах, как Харьков, Екатеринослав, Одесса и Николаев, хотя Советы и в этих городах все чаще принимали большевистские резолюции. По получении известий о победе революции в Петрограде, в Москве и других промышленных центрах лидеры соглашателей в Советах не осмеливаясь открыто выступить против популярного лозунга «Вся власть Советам!», прибегали к своеобразной тактике, применяемой ими по всей стране, особенно часто на Украине. Они выступали с предложением создавать органы под разными названиями: «Революционный комитет», «Временный революционный комитет» или «Военно-революционный комитет», представляющие все социалистические партии и демократические организации того или иного города. Соглашательские лидеры Советов исходили при этом из указаний центральных комитетов партий эсеров и меньшевиков, пытавшихся в дни Октября при помощи создания «однородного социалистического правительства» вырвать власть из рук большевиков. В некоторых городах на Украине, например в Одессе, соглашатели заявляли, будто II Всероссийский съезд Советов также высказался за «однородное социалистическое правительство». Вряд ли необходимо говорить, что все эти многопартийные «революционные комитеты» были новым вариантом старых «общественных комитетов», «комитетов спасения революции», ставивших своей задачей не допустить установления диктатуры пролетариата на местах. Бывали случаи, когда большевики посылали своих представителей (правда, временно) в такие псевдореволюционные комитеты, что объективно тормозило перевыборы Советов и переход всей власти к Советам революционным.

Перед большевиками Украины стояла задача разоблачить соглашателей и повести Советы за собой.

Наконец, не последней по значению особенностью Украины являлась острая борьба за влияние здесь между двумя воюющими блоками — центральными державами и Антантой. Украина была одним из главных объектов захватнических планов германских монополистов.

К ее порабощению стремились и державы Антанты, капиталисты которой занимали влиятельные позиции в украинской экономике.

Ко всем трудностям, с которым сталкивалась большевистская партия на Украине, следует добавить, что украинская контрреволюция располагала большими силами. Перед лицом общей опасности — социалистической революции — объединились все силы реакции: от местных органов власти бывшего Временного правительства до буржуазно-националистической Центральной рады и соглашателей. В аграрных районах края — Правобережье, Полтавщина и южные губернии — Центральная рада имела значительное влияние среди крестьян.

Все это отразилось на характере и сроках перехода власти к Советам. Борьба за Советскую власть на Украине приняла исключительно острый и затяжной характер.

Исходя из принятых основ районирования по экономическим, политическим и национальным признакам, Украину можно разбить на следующие подрайоны, для каждого из которых характерны свои особенности перехода власти к Советам.

1) Киевский, или Правобережный, охватывавший в основном Юго-Западный край с Киевской, Подольской, Волынской и Черниговской губерниями, а также сходную по условиям левобережную часть Полтавской губернии [370].

2) Левобережный (Донбасс), куда входили Екатеринославская и Харьковская губернии и частично Область Войска Донского;

3) Приморский (Херсонская и Таврическая губернии).

На первый взгляд может показаться, что в основу районирования Украины положен чисто географический принцип, но это не так: в данном случае мы учитывали и экономику, и влияние фронтов и флота, и близость к областям Центральной России.

Киевский район

Восстание в Киеве. Киев если не формально, то фактически был политическим центром Украины. Здесь обосновалась Центральная рада и ее Генеральный секретариат, признававшийся краевой властью Временным правительством. Во всех губерниях, уездах и в ряде волостей Центральная рада имела свои организации. Ее представительства находились при штабах Юго-Западного и Румынского фронтов, армий обоих этих фронтов, а также ряда корпусов [371].

В Киеве располагался штаб Киевского военного округа. Сравнительно недалеко от Киева — в Могилеве — находилась Ставка, которая поддерживала связи с Центральной радой и привлекала ее к участию в своих планах борьбы с социалистической революцией. Как уже отмечалось, когда Октябрьская революция охватила фронт, Ставка намеревалась передислоцироваться в Киев.

Контрреволюционное командование после корниловщины поддержало план Центральной рады «украинизировать» Юго-Западный и Румынский фронты, сосредоточив здесь все дивизии, укомплектованные украинцами.

В Киеве имелись консульские представительства Франции и Англии, обещавшие Центральной раде поддержку в борьбе против Советской власти.

Все эти обстоятельства превращали Центральную раду в одно из важнейших звеньев не только украинской, но и общероссийской контрреволюции.

К Киеву тяготел район Правобережной Украины. Здесь, а также на Левобережной Полтавщине рабочий класс не представлял собой столь

---

[370] Выделение этого подрайона тем более правомерно, что в конце августа 1917 г. в Киеве состоялся областной съезд Советов Юго-Западного края. На нем были представлены Советы рабочих и солдатских депутатов этих пяти губерний. На съезде был избран областной исполком Советов, в котором вначале преобладали меньшевики и эсеры, а с середины октября — большевики. Юго-Западный край был по существу тыловым районом Юго-Западного и Румынского фронтов.

[371] Представители Центральной рады имелись также в Петрограде, Москве и ряде других городов Центральной России.

большую силу, как, скажем, в Донбассе. В этих губерниях было мало больших промышленных предприятий. Рабочие, занятые в основном в пищевой и легкой промышленности, к началу революции еще не были достаточно организованы. Исключение составляли несколько сравнительно больших городов (Киев, Полтава, Кременчуг), где имелось довольно много рабочих и значительные большевистские партийные организации. В целом сеть большевистских партийных организаций на Правобережье была неширокой, а сами партийные организации — малочисленными.

В Полтаве, Кременчуге и некоторых других городах в партийных ячейках было значительное число большевиков, высланных царскими властями из Центральной России до Февральской революции. Сравнительно многочисленные большевистские организации имелись в воинских частях, расквартированных в Харькове, на Полтавщине и в правобережных губерниях.

В этих же районах большой остроты достигла классовая борьба в деревне. Бóльшая часть земли находилась в руках помещиков и кулачества. В то же время $^2/_3$ всех крестьян были безземельными или малоземельными.

На Правобережной Украине значительная часть земли находилась у польских помещиков, а торговля — в руках еврейской буржуазии, что осложняло межнациональные отношения и открывало простор для пропаганды украинских буржуазных националистов.

На Правобережной Украине располагалось немало украинизированных воинских частей и соединений, солдаты которых еще не освободились от националистического угара и доверяли Центральной раде. Вследствие этого Центральная рада и поддерживавшие ее украинские националистические партии пользовались здесь бóльшим влиянием, чем в других районах.

Все сказанное объясняет, почему в указанных районах на какое-то время установилась власть Центральной рады, а Советы взяли власть в свои руки несколько позднее.

Весть о вооруженном восстании в Петрограде пришла в Киев днем 25 октября. Задача, вставшая перед киевскими большевиками, была ясной: немедленно поддержать восстание в столице, не допустить отправки с фронта войск на его подавление. Большевики добились созыва исполкома Совета рабочих депутатов и поставили вопрос о немедленном создании революционного комитета для вручения ему власти. Однако в исполкоме преобладали соглашатели, и голоса разделились. Решено было созвать объединенный пленум Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, чтобы решить вопрос о власти.

Для выработки и принятия правильного решения на пленуме Советов киевские большевики развернули большую и активную работу на заводах и в частях.

Большое значение для исхóда борьбы имела линия Центральной рады. Ее позиция в общем была известна, но как раз в последние дни перед Октябрем конфликт между Центральной радой и Временным правительством обострился. Учитывая это, а также считаясь с фактом значительного политического влияния, которым еще пользовалась Центральная рада в массах, большевики решили 25 октября встретиться с ее представителями, выяснить, как она относится к петроградским событиям, и добиться хотя бы ее нейтралитета в предстоящей борьбе за власть в Киеве.

В ходе переговоров лидеры Центральной рады сочувственно отнеслись к вооруженному восстанию в Петрограде и обещали принять меры к тому, чтобы войска с Украины для его подавления не посылались.

Получив такие заверения, большевики согласились участвовать в Краевом комитете по охране революции на Украине, созданном Центральной радой 25 октября.

Но на другой день, 26 октября, Центральная рада приняла резолюцию против перехода власти в руки Советов. Стало очевидным, что лидеры Центральной рады в своих переговорах с большевиками маневрировали: они не прочь были воспользоваться низвержением Временного правительства, но вместе с тем боялись установления власти Советов. Победа Советской власти представлялась защитникам буржуазии из Центральной рады несравненно опаснее, чем низвержение Временного правительства.

Большевики немедленно заклеймили предательство Центральной рады и окончательно порвали с ней. В листовке к рабочим и солдатам, изданной 27 октября, большевики рассказали о своей попытке привлечь Центральную раду к общей борьбе за власть Советов. «Но,— говорилось в листовке,— Украинская Центральная рада, согласившись сразу, потом отказалась поддерживать нас в нашей борьбе за хлеб, мир и свободу для народа. Она выступила против власти рабочих и солдат, она предала рабочее освободительное движение...» Большевики призывали не доверять Центральной раде, «которая хочет победы контрреволюции и перехода власти к буржуазии» [372].

Обращение большевиков к рабочим и солдатам, разъяснявшее предательскую политику Центральной рады, сыграло свою роль. Заседавший в эти дни в Киеве 3-й войсковой съезд солдат-украинцев, созванный Центральной радой, не согласился с ее позицией и высказался против посылки войск на Петроград «для борьбы с представителями интересов трудового народа» [373].

Энергичная политическая работа, развернутая в эти считанные, но решающие часы подготовки выступления, сказалась в дружной поддержке рабочими и солдатами большевиков на объединенном пленуме Совета рабочих и Советах солдатских депутатов с участием представителей воинских частей и фабзавкомов. Собрание проходило бурно. Украинские националисты и все соглашательские партии — русские и украинские — требовали осудить петроградское вооруженное восстание как «авантюру», «преступление против революции». Но подавляющая часть пленума резко отрицательно отнеслась к этим клеветническим заявлениям: большевистская резолюция получила 489 голосов. Противники большевиков собрали 187 голосов (17 воздержались). Голосование наглядно показало, в чью пользу было соотношение классовых сил в Киеве: почти $^2/_3$ рабочих и солдат под-

---

[372] «Победа Советской власти на Украине», стр. 269. Буржуазно-националистические фальсификаторы истории все еще пытаются доказать, будто разрыв большевиков с Центральной радой произошел в связи с национальным вопросом: большевики-де отказались от национального самоопределения Украины. Но хорошо известно, что большевики были единственной партией, которая провозгласила право наций на самоопределение вплоть до отделения и последовательно боролась за проведение своей национальной политики в жизнь. Важно подчеркнуть, что разрыв большевиков с Центральной радой произошел не по вопросу о независимости Украины, а исключительно в связи с буржуазной политикой Центральной рады, ее стремлением сохранить капиталистический строй.

[373] Там же, стр. 270.

держивали большевиков. А если учесть, что состав Советов за последнее время не обновлялся, то становится очевидным, что действительное соотношение сил было еще более благоприятным для большевиков.

В резолюции, принятой на заседании 27 октября, предлагалось «организовать ревком Советов, передать ему всю полноту власти по Киеву, поручить ему всемерно проводить в жизнь постановления съезда Советов и подчинить его действия высшему контролю киевских Советов рабочих и солдатских депутатов, имеющих полное право переизбирать его в любой момент» [374].

Согласно резолюции пленума, немедленно был избран революционный комитет, в состав которого вошли одни большевики: Я. Б. Гамарник, А. Б. Горвиц, В. П. Затонский, А. В. Иванов, И. Крейсберг, И. Н. Кудрин, И. Ю. Кулик, И. Пуке, Г. Л. Пятаков и Л. Пятаков [375].

Ревком, во главе которого стал Л. Пятаков, заседал в бывшем царском Мариинском дворце, где находился комитет большевиков, штаб Красной гвардии и исполком Совета. Он немедленно приступил к организации восстания. Была мобилизована Красная гвардия, предупреждены революционно настроенные войсковые части. По приблизительным данным, ревком мог выставить более 6500 бойцов [376]. В это число входили заводские красногвардейские отряды (около 3 тыс.) [377] и армейские части, главным образом технические. В этих частях — 3-м авиапарке, 1-м запасном батальоне, 2-м запасном телеграфном батальоне — служили главным образом мобилизованные рабочие [378].

В распоряжении штаба Киевского военного округа находилось свыше 10 тыс. бойцов — юнкерские училища, школы прапорщиков, 17-й Донской казачий полк и др. части [379]. Кроме того, штаб округа обратился за помощью к заседавшему в Киеве с 20 октября многочисленному общеказачьему съезду [380]. Из числа делегатов съезда была сформирована воинская часть в помощь штабу Киевского военного округа.

В Ставке и штабах фронтов знали о готовящемся выступлении большевиков и предпринимали меры к тому, чтобы срочно укрепить силы Киевского военного округа. Утром 26 октября главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал Н. Г. Володченко приказал «немедленно отправить в Киев [в] распоряжение командвойск одну казачью дивизию

---

374 «Киевская мысль», 28 октября 1917 г.

375 «Победа Советской власти на Украине», стр. 271.

376 *М. Супруненко.* Велика Жовтнева соціалістична революція на Україні. Київ, 1948, стр. 65.

377 «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 478, 479.

378 «Победа Советской власти на Украине», стр. 272.

379 «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2. Київ, 1967, стр. 41.

380 ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 998, лл. 45, 46. Он был созван комиссией фронтовых частей при Совете союза казачьих войск по принципу широкого представительства: от казачьих организаций — пятая часть их состава, от действующих и запасных полков и батальонов — по 2 делегата, от действующих и запасных батарей, конных дивизионов, отдельных, особых и запасных сотен, конвойных полусотен и местных команд — по одному делегату. «Ввиду важности съезда,— телеграфировали инициаторы его из Совета союза казачьих войск,— необходимо присутствие представителей всех казачьих частей». Было очевидно, что съезд созывался не только для объединения казаков, но и для того, чтобы в нужный момент его можно было использовать как боевую силу.

с артиллерией»[381]. На следующий день (27 октября) в эшелоны стал спешно грузиться 1-й ударный полк под командованием Нежинцева[382]. Он должен был двинуться на Киев. Кроме того, в Киев были направлены три ударных батальона из Черкасс[383]. В боях на стороне бывшего Временного правительства приняли участие также чехословацкий отряд численностью 2500 человек[384] и 1-й Югославянский ударный полк[385]. 27 октября штаб Юго-Западного фронта приказал командующему 7-й армией немедленно направить в Киев еще одну из дивизий 22-го корпуса[386].

Одно лишь перечисление частей, направленных Ставкой в Киев и в основном прибывших туда своевременно, показывает то значение, которое контрреволюция придавала Киеву. И это понятно: победа Советской власти в Киеве открывала пролетарской революции путь на Юго-Западный и Румынский фронты, которые по сравнению с Северным и Западным фронтами считались более «спокойными». Вместе с тем победа Советской власти здесь оказала бы огромное воздействие на весь прифронтовой тыл, охватывавший бóльшую часть Украины.

Ставка, начавшая повсеместную борьбу с революцией — и под Петроградом, и в Москве, и на фронте, потребовала от штаба Киевского военного округа активных действий. Начальник Киевского военного округа генерал Квецинский, рассчитывая на численный перевес своих сил, на лучшую боевую выучку юнкеров и особенно на помощь Ставки, решил нанести удар по большевистским отрядам еще до того, как они завершат подготовку к восстанию. Смущала генерала лишь позиция Центральной рады. К тому же в гарнизоне Киева были украинизированные части, высказывавшиеся за поддержку Центральной рады. Известно было также, что Центральная рада пригласила большевиков в созданный ею 25 октября Краевой комитет по охране революции на Украине.

Вечером 26 октября Квецинский собрал в своем штабе совещание, в котором приняли участие комиссар округа И. И. Кириенко, прокурор и представители городского самоуправления. Около 6 час. вечера на совещание прибыли три представителя Центральной рады, как они объяснили, «для установления контакта со штабом». Им было заявлено, что штаб готов координировать свои действия с Центральной радой при условии, что последняя отмежуется от большевиков, отзовет с улиц украинизированные части и не будет «вмешиваться в штабные распоряжения войсками»[387].

Представители Центральной рады ушли, оставив у Квецинского впечатление, что конфликт с нею неизбежен. Однако скоро в штабе стало известно, что Центральная рада приняла резолюцию против петроградского восстания и что большевики порвали с Центральной радой, выйдя из Краевого комитета по защите революции.

Поздно вечером 27 октября комиссар Юго-Западного фронта Н. И. Иорданский говорил по прямому проводу со Ставкой, с помощником

---

[381] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 202, л. 124. Телеграмма была отправлена в 12 час. 48 мин.
[382] Там же, л. 238.
[383] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 163.
[384] «Победа Октябрьской революции на Украине», стр. 274.
[385] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 163.
[386] «Победа Советской власти на Украине», стр. 274.
[387] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 223.

начальника штаба главковерха В. В. Вырубовым. Доложив ему о взаимоотношениях штаба округа с Центральной радой, Иорданский в заключение сказал: «После резолюции Рады большевики ушли, это сделало возможным переговоры о деловом соглашении» [388] (с Центральной радой.— *И. М.*). Иорданский закончил свой доклад просьбой. «Не можете ли вы,— говорил он,— повлиять на Раду, чтобы она не затрудняла ликвидации большевиков?» — «Пошлю телеграмму Петлюре, постараюсь его убедить» [389],— ответил Вырубов. Поздно ночью он телеграфировал из Ставки Центральной раде в Киев: «По полученным мною сведениям, в Киеве не принято никаких мер к проведению в жизнь резолюции Центральной рады, направленной против большевиков... Прошу авторитетом и силами Центральной рады и комиссариата водворить в Киеве порядок. В случае недостаточности местных средств будут посланы войска» [390]. Таким образом, Ставка говорила с Центральной радой как с партнером в борьбе против революции. В Киеве, по-видимому, это поняли и быстро откликнулись. 28 октября исполнительный орган Центральной рады — Генеральный секретариат — обратился с воззванием «Ко всем гражданам Украины», в котором заявил, что «будет решительно бороться со всеми попытками поддерживать петроградское восстание» [391].

То была открытая угроза Киевскому Военно-революционному комитету, приступившему к практической подготовке восстания, и вместе с тем фактическое объявление о союзе с контрреволюционным штабом Киевского военного округа. В лагере контрреволюции это именно так и расценили. «В Киеве до сегодняшнего дня,— сообщили в Ставку из штаба Юго-Западного фронта,— было некоторое колебание и не совсем понятное поведение Рады. Сегодня имеем сведения, что Рада высказалась против большевиков за поддержку Временного правительства...» [392]

Заручившись поддержкой Центральной рады и получив сведения о прибытии в ночь на 28 октября казачьей дивизии [393], Квецинский стал формировать отряд для захвата Мариинского дворца — местопребывания центральных революционных организаций. 28 октября в 12 час. 05 мин. он телеграфировал в Ставку, что большевики готовятся выступить утром и что ночью они доставили во дворец оружие и боеприпасы. Генерал далее сообщал, что он усилил в городе караулы и подготовил войска для решительных действий [394].

В 19 час. 40 мин. Квецинский телеграфировал в Ставку: «Положение к вечеру прежнее. Большевики производят дальнейшую подготовку к выступлению. Штаб большевиков во дворце. Работаю [в] тесном сотрудничестве [с] общественными группами, представителями гражданских

---

[388] Там же, л. 307.
[389] Там же, л. 310.
[390] «Победа Советской власти на Украине», стр. 275—276. Чтобы подбодрить украинских националистов. Вырубов лживо утверждал, что «большевистский мятеж ликвидирован повсеместно». Это лишний раз говорит о том, что Ставка, как верховный штаб всероссийской контрреволюции, получив сведения о взятии войсками Краснова — Керенского Гатчины и мятеже юнкеров в Москве, перешла в общее наступление против революции.
[391] Там же, стр. 276.
[392] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 240.
[393] «Победа Советской власти на Украине», стр. 274.
[394] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 162.

властей и комиссариата, стоящими [на] точке зрения решительной борьбы [с] большевизмом»[395].

Вечером 28 октября отряд юнкеров и казаков неожиданно окружил дворец, в котором в тот момент находились члены Военно-революционного комитета, Киевского большевистского комитета, а также солдаты различных соединений. Телефоны дворца были отключены. Окруженным предложили сдать все оружие, имеющееся во дворце, обещая отпустить на свободу.

Одновременно во дворец явилась делегация из представителей городской думы, Центральной рады и партий эсеров и меньшевиков. Делегаты убеждали осажденных во дворце принять ультиматум.

Не имея возможности вызвать помощь, окруженные вынуждены были сдаться. Во дворец ворвалась группа офицеров, юнкеров и казаков. Все находившиеся здесь, несмотря на данное обещание, были арестованы. Солдат под конвоем отправили в казармы, а 14 большевиков (в том числе почти весь состав ВРК) были увезены в штаб Киевского военного округа. Тем временем другие отряды юнкеров разгромили типографию Совета рабочих депутатов и совершили нападения на рабочие организации, требуя выдать оружие, розданное ревкомом[396].

Утром 29 октября генерал Квецинский доложил в Ставку о результатах своей операции: «В 17 час. (28 октября.— *И. М.*) началось наступление к дворцу отрядов юнкеров и казаков с артиллерией и добровольческих дружин, образовавшихся из офицеров союза георгиевских кавалеров и делегатов казачьего съезда. Наступление было предпринято с целью окружения дворца и ареста большевиков»[397]. Далее Квецинский сообщал, что из-за вмешательства Малой рады (видимо, он имел в виду делегатов мелкобуржуазных и националистических партий, уговаривавших большевиков сдаться) пришлось отказаться от ареста всех большевиков и ограничиться их разоружением. Квецинский объяснял свою уступчивость в этом случае опасением «разрушить начавшее налаживаться соглашение с ними (представителями Центральной рады.— *И. М.*), что могло повести к резкому обострению отношений между разными частями гарнизона на национальной почве...» Квецинский, как видим, по существу подтверждал факт своего соглашения с Центральной радой. Действительно, представители Рады не обманули ожидания штаба округа и добились согласия большевиков на сдачу оружия, гарантируя им неприкосновенность. Но Центральная рада проявила характерное для нее вероломство: после выдачи оружия большевики все же были арестованы. Сам командующий «операцией» так объяснил это вероломство: «Во избежание самосуда над большевиками небольшое число их было арестовано и отправлено в штаб»[398]. Но генерал умолчал, что самосуд над большевиками грозил им со стороны юнкеров и казаков.

Удар по большевикам был тяжелым. Казалось, что восстание осталось без руководства. Но подготовка его проводилась с большой тщательностью: были созданы оперативные группы по районам, отряды хорошо знали свои задачи. Случайно избежавший ареста член ревкома В. П. Затонский вме-

---

[395] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 162.
[396] «Победа Советской власти на Украине», стр. 277.
[397] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 162.
[398] Там же.

сте с находившимися на свободе членами Киевского комитета большевиков рано утром 29 октября созвали в 3-м авиапарке совещание представителей заводов и воинских частей. Решили начать восстание в тот же день вечером. Совещание избрало новый ревком, в который вошли: А. Б. Горвиц, В. П. Затонский, А. В. Иванов, А. Е. Карпенко и И. Н. Кудрин. Сигналом для начала выступления должен был стать полет аэроплана над городом [399].

Восстание началось в намеченный срок. Восставшие атаковали Николаевское юнкерское училище, заняли артиллерийский склад, крепость и гарнизонную гауптвахту, освободив арестованных солдат. Красногвардейцы «Арсенала» отбили натиск атаковавших завод юнкеров. К полуночи бой затих. Из штаба округа 29 октября в 23 час. 50 мин. в штаб фронта сообщали следующую сводку о положении в Киеве: «На улицах перестрелка, Константиновское военное училище осаждается солдатами запасной конно-горной батареи. На стороне училища чехословацкий полк. Убито: офицер и пятеро солдат-чехов. Один юнкер ранен легко, другой — тяжело. Расположенная на Печерске 1-я рота первой школы прапорщиков подвергалась обстрелу» [400]. Как видно, штаб округа еще не представлял себе действительного размаха событий, но даже в этом явно не полном донесении подчеркивалось, что основной силой контрреволюции в Киеве, как и в Москве, были юнкера.

На следующий день бой разгорелся с новой силой. По призыву профсоюзов и фабзавкомов в Киеве была объявлена всеобщая стачка. Буржуазные газеты не вышли. Стал трамвай.

В этот день большевистские части добились больших успехов. Находившаяся на окраине города (в Слободке) артиллерия нанесла повреждения зданию Константиновского военного училища. Часть юнкеров в панике бежала, другие сдались. Красногвардейцы «Арсенала» вместе с солдатами телеграфного батальона атаковали школу прапорщиков и овладели ею. Потеря двух школ серьезно ослабила контрреволюционный лагерь. В нем началось разложение. Чехословаки отказались сражаться, заявив, что «питают искренние симпатии к украинскому народу и рука их никогда не обагрится братской славянской кровью» [401]. Казачьи части, прибывшие в Киев, заколебались. К восставшим перешла часть украинизированных полков имени Богдана Хмельницкого и имени Тараса Шевченко [402].

30 октября в 10 час. 15 мин. Квецинский телеграфировал в штаб Юго-Западного фронта: «Ночь прошла очень тревожно... У здания 1-го Киевского военного училища, где размещены части 1-го Югославского ударного полка, была перестрелка, во время которой убит один офицер этого полка; ударники ручными гранатами расстреляли толпу, есть убитые и раненые... Юнкеров обстреливают солдаты запасного понтонного батальона» [403]. Обращает на себя внимание, что в этом донесении (как и в отправленном накануне) речь идет о юнкерах и иностранных воинских частях: только они выступили на защиту контрреволюции.

---

[399] «Победа Советской власти на Украине», стр. 278. Автор статьи о революции на Киевщине называет в составе ревкома также М. И. Новикова и др. («Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 42).
[400] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 162—163.
[401] «Победа Советской власти на Украине», стр. 281.
[402] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 43.
[403] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 163.

Далее Квецинский сообщал, что в Киев начали прибывать эшелоны 1-й Кубанской казачьей дивизии.

Начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Н. Стогов, передавая Духонину телеграмму Квецинского, добавил от себя, что у него имеются более поздние сведения. «Обстановка в Киеве,— доложил он,— складывается весьма неблагоприятно... Стрельба около штаба округа усиливается, и возможно, что штаб округа будет взят большевиками» [404]. По сведениям Стогова, чехословаки в боевых действиях не участвуют, а казаки почему-то запаздывают.

В 22 час. 30 мин. 30 октября штаб армий Юго-Западного фронта дополнительно сообщил в Ставку, что «прибывший кубанский полк занял неопределенную позицию. Видимо, он выясняет положение на месте. Все будет зависеть от того, насколько повлияют на него представители казачьего съезда» [405]. Но общеказачий съезд ничего не смог сделать, он и сам уже принимал меры к тому, чтобы перебраться из Киева в Новочеркасск.

На выручку штабу Киевского военного округа поспешили представители Центральной рады и соглашательских партий: они предложили начать переговоры с ревкомом о прекращении боев. Большевики согласились принять участие в переговорах, так как опасались, что при штурме штаба могут пострадать 14 арестованных большевиков, находившихся там под арестом (позже А. В. Иванову как представителю ревкома удалось добиться обмена арестованных на 200 пленных юнкеров) [406].

На рассвете 31 октября собралась комиссия для выработки условий прекращения военных действий в Киеве. На ее заседание прибыли представители 23 организаций и политических партий, подавляющее большинство которых являлись сторонниками низвергнутого Временного правительства и Центральной рады. Переговоры затянулись.

Между тем боевые действия не прекращались. Штабу округа был предъявлен ультиматум о сдаче. Его руководители поняли, что переговоры практических результатов не сулили. Поэтому командование округом решило вывести свои войска из центра города на окраину и здесь, владея вокзалами, интендантским складом и складом огнестрельных припасов фронта, дождаться подхода обещанных подкреплений. Выступление было назначено на 5 час. утра 1 ноября. Но к 2-м час. ночи все войска уже покинули штаб, осталось лишь 12 чинов штаба во главе с генералом Квецинским и комиссаром Кириенко. Выйдя из штаба, они присоединились к 27-му Донскому казачьему полку и к 5 час. утра прибыли в назначенное место. В 9 час. 30 мин. утра 1 ноября казаки приняли резолюцию о том, что не будут исполнять приказов штаба округа, так как не знают, в чьих руках находится власть в Киеве. Командир полка увел казаков в деревню Белгородка. Чины штаба решили присоединиться к юнкерам, но те встретили их недружелюбно. Подошел Югославянский ударный полк, но сразу выяснилось, что и на него положиться нельзя. Квецинский вынужден был писать рапорт о своем полном поражении [407].

1 ноября Центральное бюро профсоюзов и Центральный совет фабзавкомов Киева призвали рабочих прекратить забастовку. Председатель рев-

---

[404] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 162.
[405] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 204, л. 212.
[406] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 44.
[407] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 186, лл. 9—25.

кома Л. Пятаков 2 ноября отправил радиотелеграмму Совету Народных Комиссаров: «Мятежники раздавлены... У нас убитых и раненых 9, у них около 400... Сообщите немедленно положение в Питере. Беспокоимся»[408].

Восстание в Киеве победило. Это имело огромное значение для развития и успеха социалистической революции не только на Украине, но и по всей стране. Киев был одним из первых крупных центров в национальных районах, поднявшим знамя восстания, поддержавшим пролетариат и солдат Петрограда. Киевское восстание показало, что трудящиеся Украины готовы оказать и оказали самоотверженную поддержку социалистической революции. Трудящиеся Киева с честью выполнили свой долг братской солидарности с русским и другими народами России.

Восстание в Виннице. Значение восстания в Киеве особенно ярко проявляется в свете событий в Виннице, тесно связанных единым революционным процессом с киевскими.

В Виннице имелось несколько промышленных предприятий — завод «Молот», фабрика «Ястреб», суперфосфатный завод и ряд мелких мастерских. Рабочие города в подавляющей части поддерживали большевиков.

Ставшая с началом первой мировой войны губернским городом Подолии, Винница являлась крупной тыловой базой Юго-Западного фронта. В городе находились различные технические части (солдаты которых были преимущественно из квалифицированных рабочих), эскадра воздушных кораблей с крупными мастерскими, пулеметные подразделения, самокатчики, оружейные мастерские 7-й армии, обмундировочные мастерские и т. д. Весь гарнизон Винницы насчитывал до 30 тыс. человек. В сентябре в Винницу с фронта прибыл 35-й автоброневой отряд, который командование считало надежной частью на случай каких-либо волнений. Большевистский комитет Винницы направил в этот отряд опытных агитаторов, и им удалось быстро завоевать солдат на свою сторону.

Большевистская организация Винницы, возглавляемая опытным организатором и агитатором Н. П. Тарногородским, к октябрьским дням имела в своем составе около 1 тыс. человек.

Винницкий Совет рабочих и солдатских депутатов после корниловского мятежа занял большевистские позиции. 16 октября исполком Совета избрал своим делегатом на II Всероссийский съезд Советов большевика И. А. Яковлева, солдата эскадры воздушных кораблей[409].

Революционное настроение гарнизона Винницы и влияние большевиков среди его солдат все сильнее беспокоили командование Юго-Западного фронта. В штабе опасались, что революционный гарнизон Винницы, расположенный в ближайшем тылу, окажет «разлагающее» влияние и на фронтовые части.

Особую тревогу вызывал 15-й Крымский запасный полк. Он был известен не только революционным настроением, но и революционными

---

[408] «Победа Советской власти на Украине», стр. 281—282. Число советских потерь указано явно неправильно. 4 ноября 1917 г. состоялись торжественные похороны погибших во время восстания 28—31 октября. На площади перед дворцом в могилу было опущено 10 гробов («Пролетарская мысль», 5 ноября 1917 г.). По другим данным, число жертв восставших исчислялось 20 убитыми («1917 год на Киевщине», стр. 346).

[409] «Боротьба за владу Рад на Поділії (березень 1917 р.— лютий 1918 р.)». Документи і матеріали. Хмельницький, 1957, стр. 125, 126.

действиями. В дни корниловщины полк отказался выполнять приказы командования, сместил реакционных офицеров и избрал командиром поручика И. Зубрилина, известного своим сочувствием большевикам[410].

Командование Юго-Западного фронта решило вывести 15-й запасный полк на фронт, а затем расформировать его. Опасаясь сопротивления, штаб вызвал в Винницу из Киева 29-й казачий полк. С фронта в город перебросили 32-й автоброневой отряд. Только после этого (20 октября) был отдан приказ о выводе из Винницы 15-го запасного полка.

Однако солдаты полка, узнав о приказе штаба фронта, отказались его выполнять. Большевики полка по согласованию с партийным комитетом Винницы решили организовать демонстрацию протеста. 23 октября полк в полном составе под красными знаменами подошел к зданию Совета. Состоялся огромный митинг. Выступление полка поддержали рабочие и солдаты других частей. Командир полка поручик И. Зубрилин заявил, что полк не будет выполнять приказов командования и отдает себя в распоряжение Совета. В знак разрыва с контрреволюционным командованием он сорвал с себя погоны. Перед собравшимися с речью выступила Е. Б. Бош — председатель областного комитета большевиков Юго-Западного края. Она прибыла в Винницу накануне для согласования действий местной партийной организации с Киевской. Бош призвала к борьбе за свержение Временного правительства и передачу власти Советам.

Вечером по предложению Н. П. Тарногородского состоялось заседание исполкома Совета, на котором решено было взять под свой контроль имеющееся в городе оружие и начать вооружение всех солдат гарнизона. Был создан ревком, названный Комитетом по охране революции, в составе: П. Жукова, С. Кудряшова, П. Прохорцева, Н. Тарногородского, И. Сдобнова, В. Журавлева и Мармера[411].

Штаб Юго-Западного фронта срочно сформировал карательный отряд из юнкеров и казаков, придав ему артиллерию и броневики. Во главе этого карательного отряда комиссар Юго-Западного фронта меньшевик Н. И. Иорданский поставил одного из своих помощников меньшевика Костицына. Таким образом, и здесь контрреволюция выдвигала на роль карателей «социалистов» — эсеров и меньшевиков. Прибыв с отрядом в Винницу утром 25 октября, Костицын вызвал к себе представителей Совета и потребовал поддержать его в попытке разоружить гарнизон. Позднее, полагаясь на поддержку соглашателей в исполкоме, Костицын сам явился в Совет. Но на его заседании оказались не только члены исполкома, но и многочисленные представители воинских частей и заводов. Исполком отказался выполнить требование Костицына, и он покинул Совет.

Тогда по предложению Е. Б. Бош исполком принял решение срочно вооружить гарнизон, усилить караулы на железнодорожной станции, которая находилась в 3—4 км от города, у оружейной мастерской 7-й армии и у телеграфа.

---

[410] И. Зубрилин (в прошлом зубной техник из Пятигорска) был мобилизован в начале войны, окончил школу прапорщиков, воевал, был ранен. В 1917 г. находился в 15-м Крымском запасном полку. После июльских событий был арестован властями Временного правительства за революционные взгляды, но солдаты полка силой освободили его с гауптвахты и вернули в полк.

[411] «Победа Советской власти на Украине», стр. 283. По другим источникам, в ревком входил также А. В. Снегов.

События в Виннице вызвали широкий отклик. В Киеве о них узнали уже 25 октября: на заседании Всероссийского общеказачьего съезда было сообщено, что в Виннице пехотный полк «взял склад боевых припасов и оружия и роздал оружие и припасы толпе» и что солдат пехотного полка поддержали пулеметчики [412]. Съезд сразу поставил винницкие события в связь с вооруженным восстанием в Петрограде. О них говорили как о начале «анархии на фронте», и они, несомненно, сыграли роль в принятии казачьим съездом следующей резолюции: «Всероссийский общеказачий фронтовой съезд с представителями войск, узнав о выступлении большевиков в Петрограде, постановил: однажды заявив о признании коалиционного Временного правительства, казачество держит свое слово твердо и не позволит темным силам играть судьбою России. Только Временное правительство, опирающееся на Временный Совет российской республики, может довести страну до Учредительного собрания. В грозные для отечества минуты съезд призывает все казачьи части к оружию, на защиту родины и свободы. Казачество, готовое до одного сложить свои головы, уверено, что его кровь не прольется безрезультатно и решительными мерами раз навсегда будет положен конец посягательствам на судьбу родины и свободы. К этому решению казачий съезд призывает все здоровые элементы страны» [413].

Видимо, в качестве предупреждения общеказачий съезд постановил распространить эту резолюцию как можно шире.

Между тем Костицын сообщил в штаб армий Юго-Западного фронта о положении в Виннице и потребовал поддержки. 25 октября штаб фронта отдал командующему Киевским военным округом приказ: «Отправить в Винницу на усиление 29-го Донского казачьего полка из Киева взвод казачьей батареи и две сотни дивизиона 5-й дивизии, туда же из Бердичева отправлены батальон юнкеров и броневики» [414].

Кроме того, командующему 7-й армией генерал-лейтенанту Я. К. Циховичу было также послано распоряжение послать на Винницу войска. 26 октября утром генерал Цихович доложил штабу фронта: «На Винницу немедленно направляю два полка 3-й гвардейской дивизии с дивизионом артиллерии... Из конницы могут двинуть туда гусар из Литина и отсюда (из Бара, где находился штаб 7-й армии.— *И. М.*) — около трех эскадронов улан» [415].

Ревком и партийный комитет в Виннице учитывали, что карательный отряд Костицына неминуемо получит поддержку. Поэтому решено было послать делегацию Совета в известный своим революционным настроением 2-й гвардейский корпус с просьбой оказать помощь, прежде всего артиллерией. Делегацию возглавила Е. Б. Бош, которую хорошо знали гвардейцы.

Вместе с прибывшим из Петрограда большевиком И. Васяниным, назначенным комиссаром 7-й армии, Е. Б. Бош объездила полки корпуса, призывая гвардейцев помочь революции. Один за другим полки принимали решение выступить в защиту Советов. Корпусной революционный комитет решил направить воинские части в Киев, Винницу и Жмеринку.

---

[412] «1917 год на Киевщине», стр. 312.
[413] Там же.
[414] «Победа Советской власти на Украине», стр. 284.
[415] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 143.

Тем временем в штабе армий Юго-Западного фронта узнали о событиях в Киеве. Возникла реальная угроза объединения революционных сил в Киеве и Виннице. Костицыну было приказано немедленно приступить к подавлению революционного выступления в Виннице.

28 октября в винницком Народном доме состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором Тарногородский доложил об ультиматуме командования. На заседании присутствовали представители солдатских комитетов воинских частей и фабзавкомов города. Совет не успел еще закончить обсуждения, как Народный дом был окружен юнкерами и броневиками. Костицын предъявил новый ультиматум о немедленной капитуляции, дав 10 мин. на размышление. Не получив ответа, каратели открыли по дому огонь [416].

В ответ ревком вызвал отряды 15-го запасного полка, эскадру воздушных кораблей и броневики из 35-го автобронеотряда. Вечером 28 октября началось восстание. Революционными частями командовал поручик И. Зубрилин.

В тот же день комиссар Юго-Западного фронта Н. И. Иорданский сообщал в Ставку помощнику начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубову: «Сегодня у нас боевой день: в Виннице, где большевики захватили власть и где сосредоточен значительный гарнизон, с 5 час. дня идет бой. Воздушная эскадра большевиков совершила предательское нападение на верные революции войска, и было столкновение между нашими и большевистскими броневиками. Большевистский броневик уничтожен. Один из команды сгорел, другой убит. Наши потери: два юнкера убиты, несколько ранено, убит один солдат, поврежден броневик... Общее руководство принадлежит моему помощнику Костицыну, темнота приостановила бой, завтра окончание. Большевики начинают разбегаться по окрестностям...» [417–418].

В отношении эскадры комиссар лгал: ее отряд не напал, а был вызван ревкомом после провокационного обстрела Народного дома и принял участие в боях. К тому же летчики сбрасывали не бомбы, как с перепугу решили каратели, а листовки. Что касается броневиков, то перед восстанием большевики договорились с командами броневиков из только что прибывшего 32-го автоброневого отряда не стрелять по броневикам, выступавшим на стороне революции. Но накануне боя командование, не доверяя солдатам, заменило их офицерами. Броневики карателей открыли огонь по советским броневикам, не ожидавшим провокации. Тем не менее советские броневики вели бой, несмотря на потери [419].

Каратели полагали, что им удалось подавить восстание уже 28 октября, т. е. в его первый же день. Комиссар штаба фронта Иорданский в приведенном нами его разговоре с Вырубовым в таком победном духе и докладывал.

---

[416] Как видим, нападение карателей в Виннице произошло в тот же день, что и выступление войск генерала Квецинского в Киеве — к вечеру 28 октября. Это говорит о том, что обе карательные акции направлялись из одного центра.

[417–418] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 155.

[419] О потерях в Виннице, к сожалению, сведений нет. Ставка насчитала до 1500 убитыми и ранеными («Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 650). Это явное преувеличение. Во всяком случае потерь было, видимо, много.

Информируя главнокомандующего армиями Западного фронта генерала П. С. Балуева о положении в армии, генерал Духонин говорил ему 29 октября: «Вчера в Виннице происходил бой, есть убитые и раненые, поле (боя.— *И. М.*) осталось за нами, несмотря на то, что большевики бомбардировали с аэропланов войска, верные правительству» [420].

Но усмирители явно поторопились. В ночь на 29 октября по приказу ревкома и командующего революционными частями И. Зубрилина солдаты 15-го полка и Вятской дружины, находившихся в военном городке по ту сторону Южного Буга, скрытно форсировали реку и вступили в центр города. Здесь они соединились с отрядами Красной гвардии и войсковыми частями, которые уже вели бой с карателями. Пришедшие отряды заняли почту, телеграф и другие правительственные учреждения.

Утром 29 октября бой в Виннице возобновился с новой силой. Стремясь преодолеть возросшее сопротивление, усмирители беспорядочно обстреливали центр города. Но артиллерийский огонь не приносил восставшим особых потерь, страдали главным образом мирные жители. Губернский комиссар, находившийся в Виннице, телеграфировал Центральной раде в Киев о положении в городе: «В Виннице 28 октября после обеда начались кровавые бои правительственных войск с большевистскими. Днем и ночью строчат пулеметы, артиллерийский бой, в городе окопы, предместье Замосты отрезано от города (оно было занято карателями, в руках которых находился и вокзал.— *И. М*), много раненых, убитых... Почтотелеграф занят большевиками. Связи с уездами нет... По слухам, на Винницу двигаются толпы солдат» [421].

Восставшие сражались стойко и мужественно, но боеприпасы у них кончились, не хватало продовольствия, хотя трудящиеся города снабжали революционные части. К тому же помощь 2-го гвардейского корпуса опаздывала. Учитывая все это и не желая подвергать мирное население дальнейшей опасности артиллерийского обстрела, ревком приказал революционным частям выйти из города и ждать подкрепления гвардейцев.

Насколько контрреволюция опасалась объединения киевского восстания с винницким, можно судить по тому факту, что Ставка не остановилась даже перед задержкой войск, предназначенных для срочной переброски под Петроград на помощь Керенскому. По окончании боя в Виннице Духонин телеграфировал Керенскому в Гатчину: «В Виннице произошел упорнейший бой с участием с обеих сторон даже броневиков и аэропланов, причем со стороны правительственных войск приняли участие проходившие эшелоны [3-й] Финляндской дивизии, что задержало теч[ение] движения на Петроград» [422].

На следующий день, 30 октября, Костицын издал приказ по гарнизону, в котором объявил о победе в Виннице (попутно он лгал, что в Петрограде, Москве и Киеве революция тоже подавлена). Всем солдатам он приказал находиться в казармах и сдать оружие. Поручик Зубрилин объявлялся «изменником Родины и революции» и подлежал доставке в «распоряжение властей». Было также отдано распоряжение об аресте Е. Б. Бош и

---

[420] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 166.

[421] «Боротьба за владу Рад на Поділії (березень 1917 р.— лютий 1918 р.)», стр. 160.

[422] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 646. На телеграмме стоит дата 29 октября, но речь в ней идет о событиях 30 и даже 31 октября. Видимо, дата указана ошибочно.

Н. П. Тарногородского и начале следствия по делу об участниках восстания.

Торжество победителей оказалось, однако, недолгим. Кексгольмский и Волынский гвардейские полки и артиллерийская бригада 2-го гвардейского корпуса вступили в Жмеринку и помогли установить там Советскую власть. Вслед за тем гвардейцы 2-го корпуса двинулись на Винницу. Карательный отряд 2 ноября бежал из Винницы. 4 ноября в городе была установлена Советская власть.

Советская власть победила с помощью революционных солдат также в Каменец-Подольском (1 ноября), в Проскурове (в начале ноября) в большей части Подолии [423]. Подобный же процесс происходил и на Волыни, где с помощью революционных гарнизонов Советская власть в начале ноября установилась в Новоград-Волынском, Коростене и других местах [424].

Вооруженное восстание в Виннице оказало влияние на последующие события на фронте.

Недаром генерал Духонин, докладывая Керенскому о событиях в Виннице, хотя и хвастал подавлением восстания, однако выразил опасение, что восставшие солдаты «рассыпались по окрестностям и внесут анархию в тылу армии» [425]. Вряд ли нужно разъяснять, что под «анархией» генерал имел в виду революцию, борьбу с которой он считал главной задачей Ставки.

Винницкое восстание вдохновило и развязало революционные силы во 2-м гвардейском корпусе, а его примеру последовали другие воинские части. В свою очередь революционная армия помогла довести восстание в Виннице до победы. Это восстание еще раз подтвердило, какой силой является союз пролетариата и крестьянства, бóльшая часть которого во время войны стали солдатами, если во главе этого союза стоит рабочий класс, руководимый большевистской партией.

Захват власти Центральной радой. Революционная волна на Украине, однако, не превратилась в девятый вал штурма капитализма: власть Советов в Киеве, Виннице и других местах Правобережной Украины оказалась непродолжительной. Едва революционные войска завершили разгром контрреволюционных сил, как Центральная рада неожиданно нанесла победителям удар в спину: ее воинские части заняли в Киеве правительственные учреждения, почту и телеграф, которые фактически не охранялись, так как советские войска были отвлечены на борьбу с войсками, оставшимися верными Временному правительству.

Еще во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Центральная рада требовала от штаба Киевского военного округа передать ей власть. 26 октября ночью из Киева сообщали в Ставку: «Рада стоит [на] точке зрения, что Временное правительство не существует и верховная власть его должна перейти Раде» [426]. Но реальных сил, чтобы осуществить свое требование, у Рады тогда не было. 3-й Украинский вой-

---

[423] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 408.
[424] «Победа Советской власти на Украине», стр. 285, 286.
[425] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 646.
[426] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 226.

сковой съезд, заседавший в Киеве, ее не поддержал, а украинские части колебались, причем некоторые из них, как уже отмечалось, даже поддержали большевиков. Поэтому Центральная рада не решилась открыто поддерживать контрреволюционный штаб. Однако она заключила с ним соглашение, согласно которому командующий округом мог распоряжаться всеми войсками, а Рада выделяла двух своих представителей в совещание по охране порядка в Киеве, которое создавалось при командующем [427].

Хотя Центральная рада маневрировала, тем не менее в Ставке и в штабе Юго-Западного фронта хорошо понимали подлинную суть ее политической линии. В разговоре с Духониным начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Стогов так характеризовал курс лидеров Центральной рады: «Полагаю, что они пока в нерешительности, с одной стороны, боятся порвать окончательно связь с правительством, с другой — не желают очень сердить и большевиков» [428]. В действительности Центральная рада выжидала подхода дополнительных сил. Тем временем она направляла во все учреждения своих представителей, старалась подчинить себе железнодорожный транспорт и даже вмешивалась в передвижение войск, добиваясь отправки некоторых украинизированных войсковых частей с фронта в Киев [429]. Так, Центральная рада, минуя все инстанции, отдала распоряжение начальнику украинизированной 156-й дивизии, направленной Ставкой на Петроград в помощь Керенскому, немедленно повернуть на Киев. Узнав о приказе Рады, полки стали настаивать на его выполнении, прекратив движение к Петрограду. Начальник дивизии сообщил об этом в штаб Юго-Западного фронта. Оттуда в 11 час. 17 мин. 30 октября ответили, что дивизия «переводится распоряжением Ставки и ни задерживать, ни останавливать ее перевозку никто, кроме Ставки, права не имеет». «Немедленно следуйте по назначению»,— требовала Ставка [430]. Начальник штаба фронта Стогов прибавил, что в Киев посланы другие войска, которые частично уже прибыли.

Не удовлетворившись ответом штаба Юго-Западного фронта, офицеры 156-й дивизии прислали в Ставку делегацию, которая потребовала разговора с Центральной радой по прямому проводу. Генерал Духонин обратился за разъяснением в штаб Юго-Западного фронта. Генерал Стогов ответил, что дивизии был послан приказ следовать по назначению, поскольку в Киев направлялись Кубанская дивизия и три батальона ударников из Черкасс. «Думаю, даже уверен,— говорил Стогов,— что все эти силы и без 156-й дивизии справятся с большевиками, раз будут против большевиков бесповоротно и активно» [431].

Два дня ушли на уговоры 156-й дивизии. В конце концов ее удалось отправить под Гатчину, а штабу Киевского военного округа было приказано никого не допускать к прямому проводу, в том числе и представителей Центральной рады.

Хотя 156-й дивизию и не удалось направить в Киев, но Центральная рада сумела перебросить сюда ряд других верных ей воинских частей.

---

[427] Там же, д. 186, л. 23.
[428] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 163.
[429] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 202, л. 368.
[430] Там же, д. 204, л. 174.
[431] «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 163.

Однако, опасаясь, что их все же будет недостаточно, Рада решила заручиться помощью штаба Киевского военного округа, который уже выехал из Киева. 2 ноября два представителя Центральной рады явились к генералу Квецинскому и комиссару округа И. И. Кириенко, которые были задержаны в городе украинскими офицерами, и заявили: «Против [Центральной] рады и [Генерального] секретариата готовится выступление большевиков, с которым они самостоятельно справиться не в состоянии». Ввиду этого посланцы просили «содействия командующего войсками»[432]. 3 ноября Генеральный секретариат распорядился освободить Квецинского и Кириенко, но солдаты, охранявшие их, отказались выполнить это распоряжение[433].

В тот же день Генеральный секретариат опубликовал заявление о том, что он берет власть в свои руки и что его власть распространяется не только на Киев и Правобережье, но и на Херсонщину, Харьковщину, Екатеринославщину и Таврию (без Крыма)[434].

Воспользовавшись чужим успехом, обманом пробравшись к власти, скрывая свой сговор с общероссийской контрреволюцией, Центральная рада маскировала свою буржуазно-националистическую классовую линию демагогической, туманной фразеологией. 7 ноября Центральная рада опубликовала свой III универсал. Авторы его внешне старались «подделаться» под декреты Советской власти, уже известные трудящимся Украины. Они писали о самостоятельном украинском государстве, о земле, мире, контроле над производством и распределением. «Отныне Украина становится Украинской народной республикой»,— объявлялось в нем[435]. Большевики и Советская власть, впервые выдвинувшие и проводившие в жизнь принцип самоопределения наций вплоть до отделения, также выступали за создание Украинской республики. Их позиция была выражена в «Декларации прав народов России», опубликованной 2 ноября 1917 г. А Центральная рада, объявляя о создании Украинской народной республики, ни словом не упомянула ни об этой «Декларации прав народов России», ни об отношении к самоопределению Украины Советского правительства. На деле объявленная Центральной радой республика носила буржуазный характер. Почти весь государственный аппарат сохранялся в неизменном виде. Подавляющее большинство старых чиновников оставались на своих местах. Перемена состояла лишь в том, что губернские и уездные комиссары бывшего Временного правительства становились (или иногда заменялись) комиссарами Центральной рады, а земские управы переименовывались в «народные управы». Сохранялись в силе почти все законы и распоряжения, действовавшие при Временном правительстве. Советские же законы и прежде всего декреты о мире и земле не признавались и даже не упоминались в универсале. Сам В. Винниченко откровенно писал, что Центральная рада и не собиралась изменить классовую суть украинского государства: «Мы только изменили его национальную форму,— вместо сине-бело-красного флага (флага дореволюционной России.— *И. М.*) мы вывешивали желто-голубой (флаг буржуазной Украинской республики.— *И. М.*)»[436].

---

[432] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 186, л. 23.
[433] «1917 год на Киевщине», стр. 357. Генеральный секретариат сообщил об освобождении арестованных 8 ноября (там же, стр. 367).
[434] «Киевская мысль», 3 ноября 1917 г.
[435] «1917 год на Киевщине», стр. 526.
[436] *В. Винниченко.* Відроження нації, ч. II. Київ — Відень, 1920, стр. 83.

В универсале объявлялось, что право собственности на землю помещиков и других нетрудовых владельцев земли, а также на удельные, монастырские, кабинетские и церковные земли отменяется. Но опять-таки ничего не говорилось об издании советского Декрета о земле, в котором провозглашалось, что помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа, что помещичьи имения, как и все земли (удельные, монастырские и т. п.), «со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов...» [437]. Показательно, что в универсале, обещавшем ликвидацию помещичьей собственности на землю, говорилось только о землях «сельскохозяйственного значения». Еще важнее, что в нем не говорилось о немедленной отмене земельной собственности и о передаче земли в распоряжение Советов и земельных комитетов. «Признавая, что земли эти являются собственностью всего трудового народа и должны перейти (мають перейти) к нему без выкупа,— гласил универсал,— Украинская Центральная рада поручает Генеральному секретариату по земельным делам немедленно выработать закон о том, как распоряжаться земельным комитетам, выбранным народом, теми землями до Украинского Учредительного собрания» [438].

Вопрос о земле был умышленно сформулирован таким образом, что его можно было понимать по-разному. Так оно и получилось: крестьяне толковали его в духе Декрета о земле и немедленно приступили к отобранию помещичьих земель, а помещики потребовали от Центральной рады запретить крестьянам отбирать помещичьи земли.

11 ноября состоялось совещание Генерального секретариата с представителями киевских банков, Всероссийского общества сахарозаводчиков, Союза земельных собственников, Союза служащих в учреждениях сельского хозяйства и управляющих акцизными сборами Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний. От Генерального секретариата в совещании приняли участие его глава В. К. Винниченко, генеральный секретарь труда Н. В. Порш, генеральный секретарь торговли и промышленности В. А. Голубович и др. Председатель Союза земельных собственников А. А. Вишневский огласил общую декларацию своего союза, Общества сахарозаводчиков и представителей польских землевладельцев с «решительным протестом» против отмены универсалом права собственности на землю. Он повторил обычный «довод» всех капиталистов, утверждая, что «созданная рядом поколений землевладельцев высокая сельскохозяйственная культура Украины с переходом всех земель в руки рядового селянства, лишенного пока необходимых знаний и капитала, будет уничтожена» [439]. Винниченко принялся успокаивать взволновавшихся помещиков и капиталистов, заверив их, что в универсале излагаются только взгляды Центральной рады, а практическое решение вопроса о земле будет зависеть от Украинского Учредительного собрания. Порш пошел дальше, прямо заявив, что Центральная рада будет продолжать карательную политику Временного правительства: для охраны заводов и культурных хозяйств будут присланы воинские отряды и «вообще будут при-

---

[437] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 24.
[438] «1917 год на Киевщине», стр. 526.
[439] «Киевская мысль», 12 ноября 1917 г.

няты самые решительные меры». Всего четыре дня назад под гром литавр и после торжественного молебна руководители Центральной рады хвастали, что приняли долгожданный закон о земле, а услышав окрик «хозяев», сразу стали срывать с себя мишуру «демократов» и «социалистов». Всего через неделю, 14 ноября, Генеральный секретариат Центральной рады заявил, что «универсалом провозглашены лишь те основные положения, которые должны лечь в основу соответствующих законов...» Уничтожение права собственности на землю,— разъяснял Генеральный секретариат,— следует понимать лишь в том смысле, что это право переходит к народу Украинской республики, что «бывшим до ныне владельцам» запрещается продавать, покупать, закладывать, дарить или передавать кому-либо землю. Далее в «разъяснении» без всяких обиняков говорилось о том, что «универсал не позволяет никаких самовольных захватов земель и иного имущества, порубки лесов и т. п., так как такие захваты и порубки неминуемо уже теперь уничтожат народное богатство и вызовут разруху и споры в крае и среди крестьянства» [440]. «Разъяснители» универсала постарались успокоить помещиков и относительно выкупа, указав, что вопрос «о форме и размере общественной помощи тем, кто понесет значительные потери вследствие земельной реформы», будет рассмотрен на Украинском Учредительном собрании.

Характерно, что партия польских землевладельцев, которая вышла из Центральной рады, когда обсуждался III универсал [441], вернулась в нее после опубликования процитированного официального разъяснения.

Помещики успокоились и стали настойчиво требовать присылки войск для подавления крестьянских выступлений. А крестьяне еще более активно приступили к решению земельного вопроса по-своему. Так, в Каменец-Подольском уезде к 21 ноября крестьяне конфисковали 50 помещичьих имений, а в Проскуровском уезде в ноябре — 24 имения [442]. Съезд крестьян Староконстантиновского уезда на Волыни в первой половине ноября принял решение о конфискации всей помещичьей земли. «Помещиков у нас сегодня не существует. Конец земельному рабству в уезде»,— отмечалось в заключительной части резолюции съезда [443].

За три месяца в Подолии крестьянами было разгромлено 99 помещичьих имений, в Киевской губернии — 52 [444].

Кстати, «разъяснение» к универсалу о том, что ликвидацию права на земельную собственность следует понимать лишь как запрет на продажу земли и другие земельные операции, совпадало с тем законом о запрещении купли-продажи земли, который летом 1917 г. подготовил министр земледелия Временного правительства эсер В. М. Чернов. Центральная рада, в которой преобладали мелкобуржуазные соглашательские партии, не затрудняла себя разработкой своей законодательной программы. Она проводила ту же буржуазную политику, что и Временное правительство, и прикрывала ее теми же «демократическими» вывесками, что и русские эсеры и меньшевики.

---

[440] «1917 год на Киевщине», стр. 528.
[441] Там же, стр. 365.
[442] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 410, 411.
[443] Там же, стр. 391.
[444] «Победа Советской власти на Украине», стр. 324.

В Универсале, например, говорилось об установлении контроля над производством, но не рабочего, а государственного, что по существу сохраняло контроль за предпринимателями и чиновниками. Не осуществив глубоких экономических реформ, Центральная рада по существу содействовала дальнейшему углублению кризиса народного хозяйства Украины.

Все это способствовало росту классовой, политической сознательности трудящихся, в том числе и тех, кто поначалу еще находился в плену националистических предрассудков. Этот процесс ускорялся под влиянием волнующих вестей о введении рабочего контроля, о безвозмездной передаче помещичьей земли крестьянам, о реальных шагах к заключению перемирия, вестей, которые шли из Советской России и тех украинских территорий, где уже установилась Советская власть.

Перед лицом нарастающего всестороннего кризиса Центральная рада в поисках выхода металась от одной меры к другой. В конце концов она решила добиваться помощи у иностранного империализма.

Центральная рада и Антанта. Центральную раду раздирали сомнения: на какую империалистическую группировку делать ставку? В ее составе были различные течения. Одни считали более выгодным сговор с Германией. Сторонникам этой точки зрения была известна ее заинтересованность в эксплуатации богатств Украины. Они знали также, что в Германии действовал так называемый «Союз визволення України». Эта буржуазно-националистическая организация возникла 4 августа 1914 г. во Львове на средства австро-венгерского правительства. Лидерами ее являлись: В. Дорошенко, А. Жук, М. Меленевский, А. Скоропись-Иолтуховский, Н. Зализняк. Союз ставил своей задачей отрыв Украины от России и создание Украинской конституционной монархии под протекторатом Германии, помогал австро-венгерскому командованию организовывать украинские буржуазно-националистические воинские формирования. Но вскоре Союз перебрался в Вену, а затем в Берлин. В Германии для военнопленных солдат-украинцев было создано три специальных лагеря, в которых находилось свыше 50 тыс. человек, а в Австро-Венгрии — два (около 30 тыс. человек). Условия жизни в этих лагерях были намного лучше, чем в общих лагерях. Сюда были направлены агитационно-пропагандистские силы националистов.

Однако они не смогли добиться сколько-нибудь значительного успеха. Об этом писал В. И. Ленин после беседы с русским солдатом, бежавшим из плена, в письме к Инессе Арманд от 30 января 1917 г.: «Только-де 2000 были за «самостийность» (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам.

Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!» [444а].

В отличие от трудящихся масс Украины, отстаивавших тесный союз с революционной Россией, большинство лидеров Центральной рады осенью 1917 г. выбрали ориентацию на страны Антанты.

[444а] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 377.

Американский консул в Москве Саммерс 16 (3) января 1918 г. сообщал в Государственный департамент выдержки из донесения консула Дугласа Дженкинса, посланного в Киев в конце ноября. Это сообщение раскрывает ту борьбу в Центральной раде, которая велась вокруг вопроса об ориентации на Германию или Антанту. «В разговоре с консулом Дженкинсом,— сообщал Саммерс,— господин Шульгин, [генеральный] секретарь Министерства иностранных дел, сказал, что страны Антанты должны разумно тратить средства, чтобы противодействовать пропаганде Австрии, хотя сам он не сторонник предоставления финансовой помощи его правительству. Он рекомендовал быть осторожным в подборе агентов для пропаганды и в трате средств, упомянув, что президент Центральной рады (Грушевский.— *И. М.*) находится среди тех, кто ведет работу за союз с Австрией».

Яснее не скажешь. В заключение Шульгин добавил: «Киев переполнен австрийскими тайными агентами, и Антанта должна также их иметь» [445]. Нечего говорить, что Антанта не нуждалась в особых приглашениях.

Сразу после вероломного захвата Центральной радой власти в Киеве французский генерал Табуи и майор английской службы Фицвильямс явились к генеральному секретарю по международным делам А. Я. Шульгину и заверили его, что поддержат Центральную раду.

Генерал Табуи был назначен французским комиссаром при Центральной раде. Фактически это означало, что Франция признает Раду украинским правительством. Американский консул Саммерс в упомянутом выше донесении в Вашингтон писал: «Генерал Табуи, глава французской военной миссии в Киеве, назначен комиссаром при украинском правительстве; он был официально принят (генеральным) секретарем по иностранным делам; он сообщил о своем назначении консульскому корпусу; все газеты объявили, что это является признанием Францией украинского правительства, хотя французские офицеры не так понимают это» [446].

Посол Франции в США Ж. Жюссеран 7 января 1918 г. (25 декабря 1917 г.) направил государственному секретарю Лансингу ноту, в которой сообщал, что ход событий в России, а также активная деятельность агентов Австро-Венгрии в Киеве приводит правительство Франции к выводу, что ему необходимо знать более определенную позицию по отношению к Украине. «Поэтому,— писал французский посол,— генерал Табуи получил указание объявить украинскому правительству, что правительство Франции очень радо признать его в качестве независимого правительства» [447]. Официальный представитель Франции подтвердил, таким образом, что его правительство признало Центральную раду [448].

---

[445] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 659.

[446] Там же.

[447] Там же, стр. 655.

[448] Впоследствии, когда попытка привлечь Раду на сторону Антанты провалилась и она «сориентировалась» на немцев, английские и французские политики пытались отрицать факт своего признания Украинской рады. В ответ на это немцы сообщали: «Из официальных украинских кругов указывают, что сообщение агентства Гавас от 22 февраля (1918 г.— *И. М.*), будто Франция не признала независимости Украины, а Табуи был уполномочен Нулансом заявить лишь протест против заключения Украиной сепаратного мира, лишено всяких оснований. Табуи торжественно вручил верительную грамоту украинскому правительству

Факт обоих признаний официально подтвердил и представитель Центральной рады А. А. Севрюк на мирной конференции в Брест-Литовске [449].

Несколько иную позицию пытались занять США. Когда французский посол в США Жюссеран в упомянутой выше ноте предложил правительству США занять по отношению к Центральной раде ту же позицию, что и Франция, заместитель государственного секретаря Ф. Л. Полк 11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.) ответил, что правительство США внимательно изучает русскую ситуацию в целом, но «еще не пришло к определенному решению о признании отдельных правительств в России» [450].

Вслед за этим Лансинг телеграфировал Френсису, что им получена нота Жюссерана с предложением признать Центральную раду, но американское правительство «не склонно пока признавать какое-либо независимое правительство в России». Но дальше в ответе Лансинг разъясняет свое «пока»: «пока мнение русского народа не будет более определенно высказано по этому поводу». В заключение своей телеграммы Лансинг давал указание своему послу: «публичные заявления президента ясно очертили симпатии США по отношению к демократии и самоуправлению» [451].

Напомним, что эта переписка шла в тот момент, когда президент В. Вильсон выступил со своими «14 пунктами», призванными ослабить огромное впечатление от ленинского Декрета о мире. Естественно, что американские дипломаты приспосабливались к туманным и напыщенным заявлениям своего президента. Но словесная неопределенность превращалась во вполне определенную политику, как только дипломатия США приступала к делу. (Забегая вперед, отметим, что в комментариях к «14 пунктам» совершенно ясно говорилось о расчленении России, в том числе и об отрыве от нее Украины.)

Стремясь загребать жар чужими руками, империалисты США зорко следили за своими союзниками, стараясь не отстать от них. Еще в ноябре, узнав о захвате власти Центральной радой, США послали в Киев Д. Дженкинса, бывшего до этого консулом в Риге. Ему было поручено создать американское консульство [452].

Ориентация Центральной рады на Антанту означала продолжение империалистической войны. Представители Антанты советовали Центральной раде выбить из рук большевиков важнейшее оружие укрепления Советской власти — борьбу за мир и с этой целью взять в свои руки ведение переговоров о перемирии. В действительности этот маневр должен был послужить прикрытием для продолжения войны.

Органами Советской власти была перехвачена шифрованная телеграмма о планах Рады и военных миссий Антанты. Телеграмма разоблачала

и тем самым признал независимость Украины. Точно так же в верительной грамоте представителя Великобритании при украинском правительстве Д. П. Бааге отмечалось, что «английское правительство окажет поддержку украинскому правительству в его усилиях успешно наладить управление страной, восстановить порядок и организовать борьбу против центральных держав» («Lockalanzeiger», 23.II 1918).

[449] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I. М., 1920, стр. 145.

[450] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 655.

[451] Там же, стр. 657.

[452] Там же, стр. 649—650.

подлинные планы Антанты: поддержать видимость российского фронта до февраля или марта и оттянуть окончательное заключение перемирия до весны.

Вечером 20 ноября в Киеве была получена телеграмма от помощника главнокомандующего Румынским фронтом Д. Г. Щербачева о том, что он начинает переговоры о перемирии и просит Раду прислать своих представителей для участия в этих переговорах. Генерал Щербачев сообщал, что, по соглашению с королевской Румынией, он решил заключить на определенных условиях перемирие с противником впредь до подписания мира «Центральным правительством». Объясняя этот маневр Щербачева, румынский премьер-министр И. Братиану вечером 20 ноября сообщил в телеграмме румынским дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме: «Щербачев поставлен перед альтернативой уступить место какому-нибудь большевику или приступить к заключению перемирия...» [453].

Получив предложение генерала Щербачева, Малая рада высказалась за посылку своих представителей к генералу Щербачеву: 21 ноября была принята резолюция, признающая необходимым немедленно приступить к переговорам о перемирии, уведомив об этом союзные державы [454]. В мотивировочной части резолюции указывалось, что вопрос о мире от имени России может решать только центральный орган социалистической федеративной власти, что попытка сформировать подобную власть до сих пор не удалась и что «при настоящих обстоятельствах такая власть может быть создана лишь в процессе осуществления мира». Таким образом, выбалтывался замысел новоявленных «миротворцев», направленный на то, чтобы вырвать власть из рук большевиков.

Против сепаратного перемирия выступили только меньшевики и бундовцы, но их «протесты» лишь ярче подчеркнули, что все дело идет о свержении Советской власти. «Нужно приложить все усилия,— говорил меньшевик Балабанов,— чтобы в противовес самозванной власти в Петрограде была организована полномочная центральная власть...» [455].

Центральная рада послала делегатов на Румынский и Юго-Западный фронты для участия в переговорах о перемирии.

В предыдущей главе, рассказывая о предательской деятельности Центральной рады, мы уже писали, что 23 ноября, т. е. через день после решения начать сепаратные переговоры о мире, Генеральный секретариат принял постановление о создании из Юго-Западного и Румынского фронтов единого Украинского фронта [456]. В целях маскировки настоящих мотивов данного решения указывалось, что переговоры о мире требуют объединения и координирования этого дела... на всем Украинском фронте. Интересы же страны в целом игнорировались. Антисоветская сущность постановления выразилась в требовании перевести всех солдат-украинцев с других фронтов на Украинский фронт. Что касается неукраинских частей этого фронта, то они должны были оставаться на месте якобы для защиты общих интересов народов всей России.

---

[453] *Е. Н. Дану.* Революционное движение за мир на Румынском фронте в 1917 г. Канд. дисс. Кишинев, 1970, стр. 229.
[454] «Киевская мысль», 23 ноября 1917 г.
[455] Там же.
[456] См. стр. 352.

В постановлении подчеркивалось, что в «охране фронта» принимают участие румынская армия и части молдавских войск. В конце постановления указывалось, что вся работа по заключению перемирия будет идти «в согласии с союзными державами» [457].

22 ноября фельдмаршал Макензен ответил Щербачеву согласием на предложение начать переговоры о перемирии. Румынское правительство также постановило принять участие в этих переговорах, организуемых помимо и против Советской власти. Генеральный штаб России сообщил телеграфно всем военным агентам за границей, что генерал Щербачев взял на себя инициативу ведения переговоров о перемирии на Румынском фронте.

Переговоры велись в чрезвычайно быстром темпе: 24 ноября они начались, а 26 ноября соглашение о перемирии было подписано. Так торопились перехватить лозунг мира у Советской власти. В ходе переговоров представители Центральной рады и королевской Румынии неоднократно подчеркивали, что не признают Советской власти и ведущихся ею переговоров о перемирии в Брест-Литовске. Первый пункт соглашения о перемирии, подписанного представителями Центральной рады и генерала Щербачева, гласил, что оно заключается временно впредь до решения вопроса о войне и мире «Всероссийским Учредительным собранием» [458].

Центральная рада уверяла, что будет бороться за общий мир, а на деле сразу же вступила на путь сепаратных переговоров. Ни один пункт условий перемирия не говорил о борьбе за всеобщий мир.

Согласие бывших союзников России на заключение перемирия позволило Раде высвободить военные силы для борьбы с большевиками, ускорило дезорганизацию русского фронта и расширило возможности Центральной рады в борьбе против Советской власти.

Союзники приняли меры для укрепления связей между Центральной радой, Румынией, верхушкой донского казачества и контрреволюционными организациями в России.

«У союзников,— писал Д. И. Дорошенко,— уже намечался план, что Украина вместе с Доном, чехословацкими легионами и различными национальными частями будет наряду с Румынией продолжать хотя бы пассивное сопротивление на фронте» [458а].

Франция предложила Центральной раде субсидию в 100 млн. франков. Это стало настолько известно, что член английской палаты Аутвайт спрашивал министра иностранных дел, сотрудничает ли Англия с Францией, предоставившей Украине субсидию в 11 млн. фунтов стерлингов. Неделю спустя, 12 февраля 1918 г., в парламенте Макдональд приводил уже как общеизвестный факт предоставление Францией займа Украинской раде и признание ее Францией и Англией [458б].

Генерал Табуи, назначенный французским комиссаром на Украине, развил энергичную деятельность. Нуланс всячески помогал ему и даже

---

[457] «Киевская мысль», 24 ноября 1917 г.

[458] *Е. Н. Дану.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 г., стр. 232.

[458а] *Д. И. Дорошенко.* Война и революция на Украине.— «Революция на Украине по мемуарам белых». М.— Л., 1930, стр. 87.

[458б] «Parlamentary Debates», 1918, vol. 101, p. 2058, 45.

послал своего представителя в Киев. «Французскому представителю Пелисье, направленному Нулансом в Киев,— пишет осведомленный французский историк,— Винниченко и Петлюра заявили, что Украина будет сражаться бок о бок с союзниками и последние должны помочь Украине организовать независимое государство и национальную армию. Эта декларация Винниченко и Петлюры была опубликована в «L'Information» [458в].

В обмен на помощь антантовских империалистов Петлюра обещал выставить 500-тысячную армию. «Некоторые антантовские генералы,— писал румынский историк о связях Центральной рады с Антантой,— надеялись создать сильную украинскую армию, которая имела целью прикрыть тыл Румынии, и убаюкивали себя иллюзией независимости Украины» [458г].

Борьба Центральной рады против власти Советов

Поощряемая Антантой, опираясь на союз с Калединым, а через него со всеми контрреволюционными группировками, Центральная рада приступила к выполнению основной задачи — ликвидации Советской власти. Она не признавала Советы: в ее III универсале о Советах не говорилось ни слова, точно так же, как ни слова не было сказано о победе пролетарской революции в Киеве, Виннице и других местах Украины. Напротив, в этом универсале утверждалось, что Центральная рада взяла на себя всю власть, потому что на Украине якобы не было власти.

Используя лозунг национального самоопределения, Центральная рада стремилась любыми способами распространить свою власть не только на всю Украину, но и на прилегающие районы. Твердя о «демократии», она самовольно, не ожидая волеизъявления народных масс, пыталась включить в состав Украины и те губернии, где преобладало неукраинское население, в том числе Бессарабию. Там, где устанавливалась ее власть, Советы подавлялись. Все это не могло не привести Центральную раду к конфликту с Советской Россией. Державы Антанты со своей стороны поощряли украинских буржуазных националистов на выступления против Советского правительства.

9 ноября, т. е. через два дня после опубликования III универсала, Генеральный секретариат Рады направил секретную телеграмму общеармейскому комитету в Ставку и донскому войсковому казачьему правительству, призывая их к совместной борьбе с Советской Россией. В телеграмме Генеральный секретариат осуждал обращение В. И. Ленина к солдатам, переданное по радио 9 ноября, в котором солдатам предлагалось брать дело мира в свои руки. Секретариат утверждал, что это якобы поведет к оголению фронта и к оккупации Украины армиями Австро-Венгрии. Далее он высказался за переговоры о мире, но совместно с союзниками и при условии, если их будет вести «правомочное правительство», признанное всеми народами России. Совет Народных Комиссаров, по мнению Генерального секретариата, не являлся таким правительством, вместо него должно быть создано однородное социалистическое министерство. Генеральный секретариат высказал мнение, что «правомочным и признанным

[458в] *A. Dubreuil.* Deux annes en Ukraine. Paris, 1919, p. 22.
[458г] *C. Kiritcesco.* La Roumanie dans la guerre mondiale 1916—1919. Paris, 1934, p. 411.

большинством населения России может быть правительство, организованное правительствами Украины, Кубани, Дона, Кавказа и других областей совместно с центральной российской революционной демократией» [459].

14 ноября предложение Центральной рады обсуждалось на закрытом заседании войскового правительства Дона. Было решено принять ее предложение, включить Украину в состав Юго-Восточной федерации и образовать, как гласило решение, «Союз юго-восточных областей и Украины для борьбы с существующим [ленинским] правительством». Предполагалось, что временной столицей нового «государства» будет Харьков. Таким образом, Каледин открыто говорил о подлинной цели объединения с Центральной радой. Донское войсковое правительство, приняв предложение Центральной рады, внесло в него лишь поправку: 1) мир не может быть сепаратным, 2) правительство должно быть коалиционным, но без участия большевиков [460].

Особой нужды в последнем «уточнении», собственно, не было, ибо лидеры всероссийской контрреволюции к этому времени уже отказались от маневра с включением большевиков в «однородное социалистическое правительство», показав тем самым, что под этой формулой они понимают свержение пролетарской власти.

Направляя телеграмму Общеармейскому комитету, Генеральный секретариат настаивал на быстром ответе, согласен ли комитет начать переговоры о создании нового правительства. На размышление ему давалось 12 часов [461]. Как уже отмечалось, 9 ноября Общеармейский комитет взял на себя задачу организации нового правительства.

Наряду с правительством Каледина Центральная рада становилась одним из центров общероссийской контрреволюции, чего и добивалась Антанта. Эта роль Центральной рады особенно усилилась после того, как Ставка была занята советскими войсками и в Киеве обосновались военные миссии стран Антанты. Сюда же стекались лидеры всех контрреволюционных партий. Центральная рада, таким образом, подхватила эстафету, выбитую из рук генералов контрреволюционной Ставки. Фактически она начала войну против Советской России.

Центральная рада занялась созданием вооруженных сил и прежде всего постаралась поставить под свой контроль армии, находившиеся на фронте. 11 ноября генеральный секретарь по военным делам С. Петлюра потребовал от верховного главнокомандующего объявить всем украинизированным частям на фронте о сформировании правительства Украинской республики в лице Генерального секретариата. Петлюра призывал не выполнять обращения В. И. Ленина к армии [462].

Как уже отмечалось, представители Центральной рады повели переговоры с генералом Щербачевым об объединении Румынского фронта с Юго-Западным в единый Украинский фронт и подчинении его Центральной раде. Одновременно велись переговоры и с командующим Юго-Западным фронтом генералом Володченко. Командование Юго-Западного фронта заявило о признании Центральной рады и ее Генерального секретариата

---

[459] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 156.
[460] Там же.
[461] До 10 час. следующего дня 10 ноября. Это позволяет определить срок посылки телеграммы: 10 час. вечера 9 ноября.
[462] «Киевская мысль», 12 ноября 1917 г.

высшей властью в крае, но оперативные вопросы оставляло в своих руках. Было подписано специальное соглашение о разделении функций сторон. Один из лидеров украинской контрреволюции впоследствии писал: «Думали собрать остатки армии, преимущественно украинизированные части, державшиеся лучше других, и прикрывать ими границу Украины» [463].

На Дон Центральная рада переправляла эшелоны с офицерами и юнкерами, часть которых бежала из центральных районов России, а другие набирались на Украине. Ряд военных училищ, например киевские, переезжал на Дон также с помощью Центральной рады. Так, юнкера 5-й школы прапорщиков, уезжая из Киева, явились в Центральную раду. Здесь их принял генеральный секретарь труда Н. В. Порш, заявивший, что Центральная рада ничего не имеет против юнкеров, «оказавшихся жертвой тяжелого недоразумения» [464].

По соглашению с командованием Румынского и Юго-Западного фронтов казачьи части снимались с позиций и посылались на Дон. Представители Центральной рады на Северном, Западном и Кавказском фронтах также требовали снятия казаков и переброски их на Дон и Кубань. В то же время Центральная рада отказывалась пропускать через Украину советские войска, направлявшиеся для борьбы с белоказачьей контрреволюцией.

Развязывая войну, Центральная рада стремилась укрепить свои позиции, а для этого ей надо было прежде всего покончить с Советами на Украине. Ликвидировав Советы на Правобережье, она предприняла попытку разогнать их в Харькове и Одессе. Центральная рада стала стягивать сюда войска. Захват Левобережья нужен был Раде и для установления прямой связи с Калединым. Каледин со своей стороны от имени Донского войскового правительства предписал «всем казачьим частям, идущим через Александровск (Екатеринославской губ.), оказывать самую решительную помощь украинскому народу, его войскам и представителям в борьбе с большевиками» [465]. Он рекомендовал казачьим частям, если этого потребуют обстоятельства, следовать указаниям властей. «Все это,— говорилось в постановлении войскового правительства,— должно быть сделано во имя союза донского казачества и Украины, и того, из-за чего борются с большевиками украинцы и донцы...» [466]

Это был союз украинской и казачьей контрреволюции в действии.

Коварный захват власти Центральной радой при поддержке всех соглашательских партий и по сговору с органами Временного правительства создал для большевиков Украины новую ситуацию. Выступление против Центральной рады с оружием в руках могло быть воспринято как нарушение принципа национального самоопределения, всегда отстаиваемого большевиками. Но оставить у власти узурпаторов значило бы предать интересы рабочих и солдат, проливших кровь во имя победы власти Советов. 3 ноября, в день объявления Центральной рады о взятии власти, было созвано объединенное заседание исполкомов Киевского Совета рабочих де-

---

[463] *Д. И. Дорошенко.* Война и революция на Украине.— «Революция на Украине по мемуарам белых», стр. 83.
[464] «1917 год на Киевщине», стр. 358.
[465] Там же, стр. 458.
[466] Там же.

путатов и Совета солдатских депутатов. Большевики выступили на нем с предложением, чтобы Советы не уступали власти буржуазной Раде. «Рабочие и солдаты своей кровью завоевали эту власть,— говорилось в большевистском заявлении,— и победоносная революция передала ее из рук правительства контрреволюционной диктатуры в руки революционного правительства рабочих и крестьян, выделенного из среды Советов» [467].

Большевики в то же время не возражали против признания Центральной рады краевой властью на Украине, если будет созван съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины, который реорганизует существовавшую Центральную раду в Центральную раду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При этом краевая власть должна будет действовать через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющиеся органами революционной власти на местах.

Нетрудно видеть, что речь шла об утверждении на Украине Советской власти с использованием национальных форм организации.

На следующий день, 4 ноября, состоялся объединенный пленум Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, на котором большевики вновь огласили свою декларацию. Несмотря на противодействие как русских, так и украинских соглашателей, пленум большинством в 433 голоса признал, что центральная власть должна принадлежать Советам (за создание «однородного социалистического правительства» высказалось 119 человек). Краевой властью на Украине пленум признал Центральную раду, но в соответствии с декларацией большевиков было решено созвать Всеукраинский съезд Советов для ее реорганизации [468].

Пленум постановил также, что власть в Киеве должна принадлежать Советам. За это проголосовало 438 депутатов, в то время как за предложение передать власть в Киеве городской думе высказалось всего 10, а смешанной комиссии из представителей Советов и городской думы — 14 человек. Решено было, наконец, объединить Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов в одну организацию с единым исполкомом, который и должен был осуществлять власть в городе.

Постановление о созыве Всеукраинского съезда Советов было поддержано во всех основных городах и районах Украины — Харькове, Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Донбассе. За созыв съезда высказывались и войсковые части. Так, совещание комитетов частей гарнизона Киева 29 ноября единогласно постановило: «Признать Центральную раду, только избранную Всеукраинским съездом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, краевой властью и требовать скорейшего созыва Всеукраинского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [469]. Совет Народных Комиссаров России также высказался за проведение Всеукраинского съезда Советов, о чем было сообщено в Киев [470].

Опираясь на всеобщую поддержку, исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Юго-Западного края 24 ноября постановил созвать съезд Советов в Киеве 3 декабря 1917 г.

Большевики в Советах разоблачали контрреволюционную деятельность Центральной рады, но эта работа ослаблялась отсутствием на Украине

---

[467] Там же.

[468] Там же, стр. 359—360. Необходимость реорганизации Центральной рады была признана 424 голосами против 76.

[469] «1917 год на Киевщине», стр. 413.

[470] «Победа Советской власти на Украине», стр. 352.

единых руководящих партийного и советского центров. Между тем в условиях решающей борьбы за власть Советов такое положение становилось абсолютно нетерпимым.

11 ноября Юго-Западный областной комитет РСДРП(б) обратился в ЦК большевиков с письмом о необходимости созыва краевого партийного съезда. В ответ Я. М. Свердлов сообщил, что Центральный Комитет поддерживает это предложение [471]. 3—5 декабря в Киеве состоялся краевой съезд РСДРП(б) (первое Всеукраинское совещание большевиков). В принятой им резолюции о Центральной раде подчеркивалось: «Краевой съезд РСДРП (большевиков) заявляет, что, разоблачая реакционную шовинистическую политику Центральной рады, затемняющую классовое сознание пролетариата, партия всеми мерами будет бороться против нынешнего состава Центральной рады и будет стремиться на Украине, как и по всей России, создать действительно революционную власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [472].

Центральная рада не хотела созыва Всеукраинского съезда Советов, не без основания опасаясь, что на выборах она потерпит неминуемый крах. Однако перед лицом революционных масс Центральная рада не осмелилась открыто запретить съезд, решив прибегнуть к маневру: было отдано распоряжение, согласно которому украинизированные воинские части и «сельские спилки» (организации, созданные в деревнях и находившиеся по большей части под руководством кулаков) выбирали делегатов и посылали их на съезд Советов, не считаясь ни с какими инструкциями и нормами, установленными организационным комитетом по созыву съезда.

В то же время Центральная рада усиленно подтягивала верные ей воинские части к Киеву. Соглашение со штабами Юго-Западного и Румынского фронтов позволяло, не считаясь с интересами защиты от немцев, снимать необходимые силы с фронта. В Киев непрерывно прибывали украинизированные части. Только 24 ноября сюда прибыли два украинских полка [473]. Подтянув силы, Центральная рада перешла к расправе над революционными войсками. По приказу генерального секретаря по военным делам С. Петлюры были расформированы местные дружины, часть которых вела борьбу против штаба Киевского военного округа. Вслед за тем в ночь на 30 ноября отряды 1-й Украинской гвардейской дивизии неожиданно напали на революционные части, активно участвовавшие в октябрьских боях,— 3-й авиапарк, 5-й авиапарк, 1-ю запасную горную батарею, тяжелый артиллерийский дивизион и др. Их солдат обезоружили, причем многих ночью отправили на вокзал и выслали в Россию. Среди обезоруженных были и украинцы [474].

Провокационное нападение вызвало всеобщий протест. Даже некоторые украинские части протестовали против предательского нападения. Профсоюзы объявили стачку. Но лидеры Центральной рады продолжали свою борьбу против Советов. На следующий день Петлюра обратился с воззванием к войскам «с просьбой о содействии» против врагов, которые покушаются «на свободу молодой республики». «Пришлось разоружить

---

[471] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник документов, т. 2. М., 1957, стр. 250, 251.

[472] «Победа Советской власти на Украине», стр. 355—356.

[473] «1971 год на Киевщине», стр. 407.

[474] Там же, стр. 419.

несколько большевистских частей» [475],— сообщал Петлюра, ясно давая понять, кого он считал «опасными людьми».

Разоружение советских войск и высылка их в Россию по существу были объявлением войны Советской России. В ответ на антисоветскую деятельность Центральной рады Совет Народных Комиссаров опубликовал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». Он был составлен В. И. Лениным 3 декабря, утвержден Советом Народных Комиссаров и передан по телеграфу в Киев 4 декабря. В нем снова подтверждалось право всех наций на самоопределение, вплоть до отделения от России. «Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров,— говорилось в «Манифесте»,— признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними» [476]. Подчеркнув, что национальная независимость украинского народа «признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно», «Манифест» напомнил об отношении Советской власти к Финляндской буржуазной республике и заверял, что не будет сделано никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входивших и желающих входить в состав Российской республики.

В «Манифесте» говорилось, что разногласия между Советской Россией и Центральной радой ни в коей мере не касались национальных прав украинского народа. Речь идет о двусмысленной буржуазной политике Рады, а затем о ее «неслыханной измене революции», выразившейся в борьбе Центральной рады против Советов, ее сговоре с контрреволюцией, разоружении советских частей на Украине, дезорганизации фронта путем одностороннего перевода украинских частей, отказе пропустить советские войска через Украину для борьбы с Калединым. Приведя эти неопровержимые факты, Совет Народных Комиссаров поставил Раде «перед лицом народов Украинской и Российской республик» следующие вопросы:

«1. Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта?

2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия верховного главнокомандующего никаких воинских частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места?

3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетски-калединским восстанием?

4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято?» [477]

Совет Народных Комиссаров заявлял, что «будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине», если не получит в течение 48 часов удовлетворительного ответа на поставленные вопросы.

Ответ Центральной рады, данный 4 декабря за подписями Винниченко и Петлюры, был таким же лживым, как и вся ее политика. Вопреки неоднократному заявлению Совнаркома о признании независимости Ук-

[475] Там же.
[476] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 143.
[477] Там же, стр. 145.

раины Генеральный секретариат утверждал, что Советское правительство якобы покушается на право наций на самоопределение и навязывает Украине чуждые ей формы политического устройства. Винниченко и Петлюра клеветали, будто эти формы (т. е. Советы) принесли России «анархию, экономический, политический и хозяйственный развал». В издевательском тоне они утверждали, что Центральная рада не хотела повторять этот опыт, почему и разоружила и отправила на родину «анархически настроенных великорусских солдат», якобы угрожавших внести в жизнь Украины «всю ту разнузданность, которая царит на территории народных комиссаров». Об атамане Каледине, о котором было хорошо известно как о палаче рабочих и всех трудящихся, развязавшем гражданскую войну во имя восстановления диктатуры буржуазии, лидеры Центральной рады писали как о руководителе движения за «самоопределение Дона». Лицемерно прикрываясь правом нации на самоопределение, Центральная рада заявляла, что не считает нужным пропускать через Украину советские войска для борьбы с Калединым, но не будет мешать казачьим частям проезжать через Украину на Дон. В заключение лидеры Центральной рады нагло заявляли: «Если народные комиссары Великороссии... принудят Генеральный секретариат принять их вызов, то Генеральный секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам» [478].

Отрицательный ответ Центральной рады означал, что она сознательно идет на открытую войну против Советской власти в России и на Украине.

Центральная рада подтвердила это и своей политикой на Всеукраинском съезде Советов, срок созыва которого тем временем наступил. По ее указке в Киев нахлынула масса избранных не Советами, а украинизированными частями и сельскими спилками делегатов. Всего приехало более 2 тыс. человек вместо ожидавшихся 500. Толпа самозванных «депутатов» ворвалась в помещение мандатной комиссии, захватила там печать и бланки. Началась раздача мандатов сторонникам Рады. Они захватили в свои руки организацию съезда, оттеснив оргбюро. 5 декабря на съезд явился весь состав Генерального секретариата. Лидеры Центральной рады, не опубликовавшие ленинский «Манифест к украинскому народу», в своих выступлениях извращали его содержание, уверяя, будто Советская власть не признает самоопределения Украины, вмешивается в ее внутренние дела и т. п. Взвинченные шовинистической агитацией, подобранные «делегаты» не давали говорить действительным представителям Советов. Участвовать в таком сборище значило маскировать его контрреволюционное, буржуазно-националистическое лицо. Большевики — представители Советов (их было 127 от 66 Советов Украины) решили покинуть Киев и собрать настоящий Всеукраинский съезд Советов в Харькове, где победила Советская власть и к тому же предстоял III съезд Советов Донецко-Криворожской области — крупнейшего пролетарского района Украины [479].

---

[478] «Летопись революции» (Киев), 1925, № 2, стр. 61.

[479] «Победа Советской власти на Украине», стр. 361. Киевское «сборище», сохранив для обмана название «Всеукраинского съезда Советов», одобрило деятельность Центральной рады и обещало ей поддержку в борьбе с правительством Советской России и большевистскими Советами на Украине (там же).

Установление Советской власти на Левобережье Украины

На Левобережье, главным образом в Донбассе, Советская власть установилась вскоре после победы ее в Петрограде и Москве.

Донбасс являлся крупнейшим промышленным районом России. В ноябре 1917 г. здесь числилось 280 тыс. рабочих[480]. В Донбассе сосредоточивались основные кадры украинского пролетариата. Рабочие Донбасса, Харькова и Екатеринослава под руководством большевиков прошли большую школу революционной борьбы, являлись оплотом социалистической революции, опорой большевистской партии. Еще летом 1917 г., к VI съезду РСДРП(б), в Донецко-Криворожском бассейне насчитывалось до 16 тыс. коммунистов[481]. К октябрю же здесь (вместе с Екатеринославом), как уже отмечалось, было около 30 тыс. большевиков[482].

Наиболее крупной большевистской организацией Донбасса являлась Луганская, насчитывавшая в Славянско-Сербском уезде около 8 тыс. членов партии; в Бахмутской уездной организации было 4,5 тыс., в Горловско-Щербиновской — 3 тыс., в Дружковской — 2,1 тыс., в Юзовской — 2 тыс., в Енакиевской — 1,2 тыс.[483]

Рабочий класс Донбасса в преобладающей своей массе шел за большевиками и ждал только сигнала, чтобы взять власть. Большевики имели прочную поддержку и среди крестьян Донбасса, тесно связанных с рабочими.

Однако в Донбассе переход власти к Советам имел свои трудности, связанные с особенностями географического положения района: он находился между двумя очагами контрреволюции — Правобережной Украиной, где власть захватила Центральная рада, и казачьим Доном. В октябре по просьбе донецких горнопромышленников Временное правительство дало указание Каледину ввести в Донбасс казаков. Подразделения Донского казачьего полка были введены в Ровеньки, Новопавловку, Танеевку. Казаки разгоняли Советы, арестовывали большевиков и революционных рабочих[484]. Керенский распорядился направить в Донбасс и казачью дивизию с Румынского фронта[485]. В ряде мест были сосредоточены части гайдамаков. Вследствие этого в некоторых районах Донбасса борьба за Советскую власть выливалась в ожесточенные вооруженные схватки. Но в целом на стороне пролетариата Донбасса было решающее превосходство сил, и победа одерживалась — где мирно, а где вооруженным путем — относительно быстро.

В центре Донбасса — Луганске власть к Совету перешла сразу вслед за Петроградом. К. Е. Ворошилов рассказывает в своих воспоминаниях: «Для Луганской организации в то время не стояло вопроса о возможности перехода власти к пролетариату, мы ждали только известия, когда это случится, в полной уверенности, что не случиться этого не может...»[486].

---

[480] «Известия Юга», 19 декабря 1917 г.
[481] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», стр. 363.
[482] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3. М., 1967, стр. 245.
[483] «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сборник документов. Киев, 1957, стр. 133, 154, 179.
[484] «Звезда», 19 декабря 1917 г.
[485] «Борьба за Октябрь на Артемовщине», стр. 142.
[486] *К. Е. Ворошилов.* Из недавнего, бесконечно далекого прошлого.— «Октябрь 1917 года». Статьи и воспоминания. Ростов-на-Дону, 1921, стр. 66.

«Октябрьские дни в городе Луганске были обыкновенными днями, похожими на предшествовавшие дни и сентября, и августа 17 года.

Помнится только, что по получении телеграммы из Питера о перевороте я как председатель Луганского Совета созвал пленум последнего, доложил радостную весть.

Сообщения были выслушаны серьезно, сосредоточенно. Посыпались деловые вопросы исполкому о принятых мерах, усилении охраны, общей бдительности, дополнительных арестах, относительно банка, суда, телеграфа и пр.» [487]

Луганский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о взятии власти в свои руки и о признании Совета Народных Комиссаров общероссийским правительством. Большевики Луганска и руководимый ими Совет, опираясь на Красную гвардию, отстранили представителей старой администрации, создали ревком, приняли меры по поддержанию революционного порядка в городе.

В Гришинском районе в октябрьские дни были организованы местные ревкомы, объединенные в районный Военно-революционный комитет [488].

В Дружковке 26 октября Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создал ревком. 31 октября чрезвычайное собрание Совета приняло постановление с приветствием II Всероссийскому съезду Советов и Петроградскому Военно-революционному комитету [489].

3 ноября Донецко-Криворожский комитет РСДРП(б) провел в Никитовке совещание представителей партийных организаций Донбасса — Луганска, Юзовки, Бахмута, Краматорска, Алчевска, Таганрога, Мариуполя, Александровск-Грушевского и других районов. На совещании были обсуждены два вопроса: о ходе подготовки вооруженной борьбы за утверждение власти Советов в Донбассе и о создании Вседонецкого военно-революционного центра.

В ночь на 4 ноября там же под руководством Г. И. Петровского состоялся областной съезд ревкомов Донбасса, который обсудил вопрос о текущем моменте и заслушал доклады представителей местных ревкомов. В принятой резолюции говорилось, что основной задачей ревкомов Донбасса является подготовка вооруженной борьбы с Калединым и Украинской Центральной радой. На съезде было избрано Центральное бюро ВРК Донбасса (Центробюро ревкома) в составе пяти человек.

Следует отметить, что не во всех Советах рабочих и солдатских депутатов Донбасса в октябре 1917 г. руководство находилось в руках большевиков. В Юзовке, Бахмуте, Лисичанске, Константиновке и Мариуполе большевикам пришлось вести ожесточенную борьбу за руководство Советами с меньшевиками и эсерами, вступавшими в блок с украинскими националистами. В указанных городах большевистские партийные организации были малочисленны и находились главным образом не в самих

---

[487] *К. Е. Ворошилов.* Из недавнего, бесконечно далекого прошлого.— «Октябрь 1917 года». Статьи и воспоминания, стр. 62.

[488] «Борьба за Октябрь на Артемовщине», стр. 238.

[489] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине». Сборник документов и материалов. Киев, 1951, стр. 129, 130. О быстрой победе Октябрьской революции в Енакиеве, Краматорске, Макеевке, Кадиевке, в Горловско-Щербинском, Чистяковском, Лозово-Павловском, Александровск-Грушевском, Берестово-Кальмиусском, Гуковском и Криндачевском районах см.: «Победа Советской власти на Украине», стр. 288—290.

городах, а в рабочих поселках вокруг них. Это облегчало соглашателям захват руководства в названных городских Советах.

Надо также иметь в виду, что в Донбассе меньшевики имели сравнительно крупную организацию: до 16 тыс. человек. При анализе классового состава партий выясняется, что большевики значительно преобладали среди шахтеров, а меньшевики имели влияние в рабочей аристократии среди служащих, инженеров и т. д. Они же располагали и бóльшим числом интеллигентных сил, журналистских кадров, хорошо подготовленных ораторов.

Но это преимущество меньшевиков успешно преодолевалось РСДРП(б). На помощь местным большевикам направлялись посланцы более крупных организаций. В Юзовке, например, побывал Г. И. Петровский, член IV Государственной думы от большевиков, присланный Центральным Комитетом в Донбасс для помощи местной организации РСДРП(б) [490–491]. Да и на местах в ходе живой революционной работы быстро росли кадры большевистских организаторов и пропагандистов.

В Юзовке на пленуме Совета, состоявшемся 31 октября, большевики внесли резолюцию с требованием передачи всей власти Совету и поддержки Советского правительства. Эсеры и меньшевики внесли свою резолюцию, осуждавшую восстание в Петрограде. После бурных прений соглашателям, имевшим большинство в Совете, удалось ее протащить.

Однако рабочие на заводах, шахтах и предприятиях выступали против соглашательской резолюции, обещая полную поддержку Совету Народных Комиссаров. На крупном заводе «Новороссийское общество» большевики устраивали собрания по всем цехам, и рабочие поддержали большевистскую резолюцию [492]. Опираясь на это революционное настроение рабочих, большевики потребовали перевыборов Совета. Понадобилось всего две недели, чтобы воочию показать противоречия между старым соглашательским руководством Совета и революционной массой. Во время перевыборов, состоявшихся в середине ноября, соглашатели потерпели поражение, руководство Советом перешло к большевикам. Новый состав Совета немедленно заявил, что берет власть в свои руки [493].

Такой исход борьбы против соглашателей в общем типичен для тех городов Донбасса, где они пытались приостановить победное шествие Советской власти. В Мариуполе соглашатели упорно сопротивлялись передаче власти Совету и противопоставили этому лозунгу требование создания «однородного социалистического правительства». Большевики организовали собрания на заводах и получили на них полную поддержку. После этого на заседании Мариупольского Совета с участием представителей предприятий была принята большевистская резолюция, приветствовавшая решения II Всероссийского съезда Советов и выражавшая полную поддержку Советскому правительству [494].

В Бахмуте, где большевики вышли из объединенной с меньшевиками организации только в октябре, сопротивление соглашателей удалось преодолеть с трудом. На заседании Бахмутского Совета рабочих и солдат-

---

[490–491] «Победа Советской власти на Украине», стр. 290.

[492] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 334.

[493] «Правда», 24 ноября 1917 г.

[494] «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сборник документов. Сталино, 1957, стр. 180, 181.

ских депутатов 31 октября разгорелись бурные дебаты по вопросу о власти. Большевики требовали передачи власти Совету. Соглашатели вместе с буржуазными националистами настаивали на создании «однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов». Любопытно отметить, что представители Центральной рады не осмелились выдвинуть предложение о передаче ей власти, а прятались за соглашателей. Соотношение партийных сил в Бахмутском Совете было таково, что только после третьего переголосования резолюция РСДРП(б) прошла большинством в три голоса [495]. Соглашатели, однако, не сложили оружия. Они настояли на перевыборах Совета, в котором сохранили преобладание.

Затяжка борьбы за переход власти к Советам в отдельных городах Донбасса как результат сопротивления блока эсеров, меньшевиков и украинских националистов не меняет общей картины: пролетарский Донбасс быстро подавил сопротивление противников Советской власти и дружно поддержал Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Донбасс стал основной базой развития социалистической революции на Украине и опорным пунктом в борьбе с казачьей и украинской контрреволюцией. Донбасс помешал объединению двух очагов всероссийской контрреволюции: калединщины на Дону и Центральной рады на Украине. Это в значительной степени облегчило Советской власти борьбу с обоими контрреволюционными центрами.

Крупным промышленным центром являлся Харьков, тесно связанный с Донбассом, поскольку часть бассейна в то время входила в Харьковскую губернию. На 140 его предприятиях трудилось до 35 тыс. рабочих. Промышленность Харькова, в которой преобладали металлургические и машиностроительные заводы, отличалась высокой концентрацией рабочих: на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ) работало до 6,5 тыс. человек, на заводе «Всеобщая электрическая компания» (ВЭК) — до 3 тыс., на заводе сельскохозяйственных орудий «Гельферих-Саде» — около 2 тыс., в железнодорожных мастерских — 2 тыс. и т. п. [496]

Харьковский пролетариат имел большие революционные традиции. Еще до Октября он показал образцы настойчивой борьбы за введение рабочего контроля на предприятиях, впервые применив такие формы, как массовый захват заводов и фабрик, устранение владельцев предприятий и взятие в свои руки управления производством.

В Харькове имелась крупная организация большевиков, насчитывавшая 3 тыс. членов партии. Во главе ее стоял член ЦК партии Ф. А. Сергеев (Артем). В организации было немало большевиков с большим партийным стажем. Среди них член IV Государственной думы М. К. Муранов, С. Ф. Буздалин, П. А. Кин.

В городе находился и областной комитет большевиков Донецко-Криворожского бассейна.

Борьбу за Советскую власть местным большевикам пришлось вести в тяжелых условиях. В Харькове находились руководящие органы промышленности Донбасса, в том числе Совет съездов горнопромышленни-

---

[495] *Н. Г. Гончаренко.* Октябрь в Донбассе. Луганск, 1961, стр. 210.
[496] *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1957, стр. 12.

ков Юга России — одно из самых реакционных объединений капиталистов страны.

В капиталистических объединениях, банках и других учреждениях работало большое число служащих, составлявших, как правило, социальную опору партий меньшевиков, эсеров, народных социалистов и бундовцев. Давно не переизбиравшийся Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов находился в руках мелкобуржуазных партий. В Харькове явственно был виден классово-партийный водораздел: с одной стороны, большевики во главе рабочих и солдатских масс, с другой — кадеты, вокруг которых сплотились соглашательские и националистические партии. С особой отчетливостью эта классовая поляризация проявилась позднее, на выборах в Учредительное собрание 14 ноября. Большевики получили почти 28 тыс. голосов, кадеты — около 25 тыс., блок левых и украинских эсеров — 12,5 тыс.[497], правые эсеры и меньшевики — примерно по 4 тыс.[498]

Следует отметить и особое стратегическое положение Харькова. Он, как и весь Донбасс, не давал казачьей и украинской контрреволюции объединиться. Поэтому Центральная рада так упорно стремилась укрепиться в Харькове. Здесь находилась одна из крупнейших местных организаций Центральной рады — так называемая Рада Слободской Украины, распространявшая свою деятельность на все Левобережье. Большевикам приходилось учитывать очень сложный национальный состав местного населения. Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что немалая часть мелкой буржуазии и широких масс еще полностью не разобралась в классовой природе Центральной рады.

Большевики Харькова могли опереться на верные революции вооруженные силы: более 3 тыс. красногвардейцев, получивших оружие из Тулы[499], а также ряд воинских соединений (30-й пехотный полк, фактическим руководителем которого был председатель полкового комитета большевик Н. А. Руднев, 1-й саперный полк, 232-й запасный пехотный полк, 4-й артиллерийский дивизион, 704-я и 705-я дружины, 3-я автороты)[500].

Но и контрреволюция располагала значительными силами. В ее распоряжении находились 28-й запасный пехотный полк и броневой дивизион. Сверх того, Центральная рада перебросила к Харькову украинизированные Чигиринский и Переяславский полки. 5-й запасный кавалерийский полк в Балаклее (недалеко от Харькова) был переименован в 1-й конно-казачий украинский полк[501].

Получив в ночь на 26 октября сведения о восстании в Петрограде, Харьковский большевистский комитет на экстренном заседании постановил выступить с требованием передачи всей власти Советам. Решено было вызвать отряды Красной гвардии, роту 30-го полка и артиллерию. Прибывшие части заняли Южный и Балашовский вокзалы, почту и телеграф,

---

[497] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 94.
[498] *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября, стр. 149.
[499] *П. Павлюк.* Харьківска Червона гвардія. Київ, 1948, стр. 58.
[500] *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября, стр. 129.
[501] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 95. В ходе боев Центральная рада переименовала и 28-й полк во 2-й Украинский.

городскую телефонную станцию. У здания Совета были выставлены караулы [502]. На следующий день, 26 октября, было созвано объединенное заседание исполкомов Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, областного Совета рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов и губернского Совета крестьянских депутатов. После зачтения телеграммы о победе восстания в Петрограде большевики предложили передать всю власть Советам и создать Военно-революционный комитет.

Во всех трех исполкомах преобладали эсеры, меньшевики и сторонники Центральной рады. Они знали о революционном настроении рабочих и солдат и не решились открыто выступить против создания Военно-революционного комитета. Однако, пользуясь своим большинством, они настояли на введении в комитет представителей всех партий, городской думы и Центральной рады. Они потребовали, в частности, чтобы половина мест в ревкоме принадлежала националистам. В составленном таким образом Военно-революционном комитете оказалось около 60 членов. В его исполнительное бюро вошли 9 человек, из них 2 большевика — Ф. А. Сергеев (Артем) и М. Л. Рухимович, 2 левых эсера — В. М. Орешин-Качинский, В. В. Сокольский, один меньшевик-интернационалист — Б. Н. Гуревич (Бер), 2 украинских эсера — О. П. Северов-Одоевский, И. З. Козменко, левый украинский социал-демократ — Н. И. Черневский и украинский социал-демократ М. Т. Петренко [503].

Если судить только по партийному составу, не учитывая местных конкретных условий, то Харьковский ВРК являлся соглашательским органом (его большинство считало ВРК «межпартийным» органом, будто бы представляющим волю Центральной рады [504]). Но на самом деле это было не так. Фактический руководитель ВРК большевик Ф. А. Сергеев (Артем) пользовался огромным авторитетом в массах как прекрасный организатор и оратор. Его с энтузиазмом встречали и поддерживали рабочие и солдатские массы. Кроме того, в соглашательских партиях быстро усиливались левые группировки, которые направляли в ревком своих представителей. «На практике,— писал член ревкома М. Л. Рухимович,— мы с левыми эсерами тотчас сблокировались и, перетянув одного украинца, получили большинство. Все решения, которые принимал ревком, в действительности были решениями, какие выносила наша большевистская фракция» [505].

Кстати, сам ВРК, объявляя о переходе к нему власти, заявил, что его орган — исполнительное бюро — состоит из большевиков и левых эсеров [506]. Однако, когда большевики на заседании Совета 30 октября предложили подчинить Военно-революционный комитет Совету рабочих и солдатских депутатов, то соглашательское большинство воспротивилось этому, требуя создания общероссийского «однородного социалистического министерства», а в Харькове — «безусловного признания революционной девят-

---

[502] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 90.
[503] «Українська РСР в период громодянської війни», т. І. Київ, 1967, стр. 122; *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября, стр. 140.
[504] «Пролетарская мысль», 8 ноября 1917 г.
[505] «Українська РСР в период громодянської війни», т. І, стр. 122.
[506] «Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. Харьков, 1957, стр. 240.

ки (так они называли исполнительное бюро.— *И. М.*) правильной формой власти» [507].

Соглашатели хотели считать ВРК таким органом, в котором якобы воплощалась их идея «однородного социалистического правительства», хотя в его составе не было ни меньшевиков, ни других правых соглашателей.

Учитывая глубокое расхождение между революционными настроениями масс и партийным составом городского Совета, большевики потребовали его перевыборов, чтобы, как говорилось в большевистской газете, «привести и Харьков к общероссийскому знаменателю» [508]. Соглашатели приняли предложение большевиков, но с оговоркой: проводить перевыборы лишь на тех предприятиях, где сами рабочие признают это необходимым.

Частичные перевыборы Совета 7 и 8 ноября принесли успех большевикам, особенно на крупных предприятиях: на паровозостроительном заводе за большевиков было подано 67,8% голосов, на заводе ВЭК большевики собрали более 80% голосов и т. д. [509]

После перевыборов состав Совета рабочих и солдатских депутатов стал следующим: большевиков — 47%, эсеров — 27%, меньшевиков и украинских националистов — соответственно по 10% [510]. Хотя большевики и не получили абсолютного большинства в Совете, но они стали в нем первой по численности партией. К тому же в рядах соглашательских партий усилилось левое крыло. Это привело к тому, что резолюции большевиков принимались не только в Совете, но и в ВРК. 8 ноября Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистское предложение о подчинении ему ВРК, хотя всего неделю назад это же предложение было отвергнуто. А 10 ноября Совет большинством голосов (120 против 75) принял большевистскую резолюцию с приветствием Советскому правительству и с требованием установления Советской власти на Украине [511].

Об отношении к Центральной раде в резолюции говорилось: «...мы признаем, что и на Украине, как и во всей остальной России, вся власть и на местах, и в центре, должна принадлежать съезду Советов рабочих и солдатских и крестьянских депутатов Украинской республики и *выделенным из него* (курсив наш.— *И. М.*) Центральной раде и Генеральному секретариату...» [512]

Но буржуазные националисты, поддержанные соглашателями, не хотели сдаваться без боя. Центральная рада подтягивала к Харькову новые воинские части, формировала в самом городе отряды «вольного казачества», пыталась разоружить или распустить революционные войска. Большевики вели настойчивую работу по разоблачению контрреволюционной деятельности Центральной рады.

---

[507] Там же, стр. 236.

[508] «Донецкий пролетарий», 2 ноября 1917 г.

[509] *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября, стр. 146.

[510] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 92.

[511] «Победа Советской власти на Украине», стр. 298.

[512] «Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 264. Меньшевистская газета «Известия Юга», публикуя сведения о принятии этой резолюции, извратила ее основные положения, изложив их так: «Вся власть и на местах и в центре должна принадлежать съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и секретариату» (т. е. националистическому Генеральному секретариату.— *И. М.*).

В начале декабря в Харьков стали прибывать советские отряды, направленные из центра на борьбу с Калединым. 8 декабря красногвардейцы и революционные солдаты гарнизона вместе с войсками, прибывшими из Советской России, заняли почту, телеграф, управление Южных железных дорог. Представители Центральной рады, пытаясь выиграть время до подхода вызванных ими войск, предложили начать переговоры о мирном разрешении конфликта.

Большевики выдвинули условия, в основном повторявшие требования ультиматума Советского правительства: «1) не расформировывать и не выводить силой войска Харьковского гарнизона; 2) разрешить свободный пропуск войск, направляющихся на борьбу с Калединым; 3) не оказывать сопротивления в снабжении остальной России хлебом, металлом, углем» [513].

Чтобы сорвать план ставленников Центральной рады, направленный на затягивание переговоров, советские войска в ночь на 9 декабря разоружили воинские части Центральной рады. 10 декабря на совместном заседании исполкомов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов был создан новый Военно-революционный комитет, руководство в котором безраздельно принадлежало большевикам.

В декабре Советская власть установилась также во всех уездах Харьковской губернии.

В еще более сложных условиях проходила борьба в Екатеринославе, где имелось до 50 тыс. рабочих, главным образом металлистов. На Брянском железоделательном заводе работало почти 11 тыс. рабочих, на заводе «Шодуар» — около 5 тыс. Не менее 10 тыс. железнодорожных рабочих трудились в депо, паровозных и вагонных мастерских Екатеринославского узла [514]. Партийная организация города и губернии являлась одной из самых крупных на Украине. В ней работали такие видные большевики, как В. К. Аверин, В. А. Ватин (Быстрянский), С. Н. Власенко, С. И. Гопнер, Э. И. Квиринг, Г. И. Петровский, Б. О. Ройзенман, Я. А. Яковлев.

Позиции Центральной рады в городе были довольно сильны. Ее основной вооруженной опорой являлся Сердюцкий полк им. Орлика (сердюками назывались в старину охранные войска гетмана Украины) [515]. Через Екатеринослав и Александровск шли казачьи эшелоны на Дон. Каледин приказал им активно содействовать Центральной раде в ее борьбе с большевиками.

Центральную раду поддерживали все соглашательские партии. В одном лишь этом факте, характерном для всех городов Украины, обнаруживается классовая суть Центральной рады: соглашатели считали ее преемницей буржуазного Временного правительства, которому они служили до его свержения.

О петроградских событиях в Екатеринославе узнали 25 октября. Вечером того же дня большевики предложили исполкому, собравшемуся вместе с представителями политических партий и городской думы, чтобы Совет взял власть в свои руки. Однако это предложение было

---

[513] «Победа Советской власти на Украине», стр. 343.
[514] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 97, 98.
[515] Там же, стр. 153.

отвергнуто. Решили перенести вопрос о власти на заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, созыв которого намечался на 27 октября. Временно до решения пленума единственной властью и органом по борьбе с контрреволюцией постановили считать исполком Совета [516].

26 октября Екатеринославский комитет большевистской партии обратился с воззванием «К солдатам, рабочим, ко всем трудящимся». «Все, как один,— говорилось в нем,— на поддержку героического революционного пролетариата Петрограда с требованием перехода власти в руки Советов» [517]. Рабочие заводов, солдаты 271-го запасного пехотного полка и железнодорожники поддержали большевиков, вынося резолюции с требованием передачи власти Советам [518].

27 октября Екатеринославский Совет рабочих и солдатских депутатов принял предложенную большевиками резолюцию, в которой заявил о присоединении к восставшим рабочим и солдатам Петрограда и призвал всех трудящихся сплотиться для создания власти рабочих, солдат и крестьян. «Уполномочиваем исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов города Екатеринослава,— говорилось в резолюции,— взять власть в городе и в губернии в свои руки...» [519] Резолюция требовала «принять немедленно решительные меры борьбы с контрреволюционной буржуазией», реквизировать буржуазную прессу, вооружить и привести в боевую готовность гарнизон и рабочих.

Резолюция полностью отвечала требованиям рабочих и солдат, дружно принимавшим решения о переходе власти к Советам. Но в Совете Екатеринослава преобладали соглашатели и украинские националисты. Боясь открыто выступить против масс и приняв резолюцию о переходе власти в руки органа исполкома Совета — ревкома, они тут же провели предложение о включении в его состав «представителей городского самоуправления и некоторых других организаций». Эта «поправка» превращала создаваемый ревком в подобие того «однородного социалистического министерства», за которое так ратовали все соглашательские партии. В губернском ревкоме (он был назван Временным революционным бюро) преобладание получили не большевики, а меньшевики, эсеры и представители украинских националистических партий. В результате этот «ревком» стал фактически орудием Центральной рады, а не Совета.

«Ревком», в частности, отказался опубликовать декреты Советского правительства о мире, о земле, о рабочем контроле. Большевики Екатеринослава не сразу разгадали маневр противника, не разоблачили его контрреволюционный характер и некоторое время продолжали оставаться в «ревкоме» [520].

Однако поняв ошибку, большевики повели кампанию за перевыборы Совета, не отражавшего настроения рабочих и солдат. Заводские коллективы и воинские части быстро отозвались на призыв большевиков.

---

[516] «Победа Советской власти на Украине», стр. 299.

[517] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 142.

[518] Там же, стр. 141—144.

[519] Там же, стр. 143.

[520] *А. Л. Фрайман.* Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Докт. дисс., т. 2. Ленинград, 1954, стр. 560; «Победа Советской власти на Украине», стр. 303; *В. Аверин.* От корниловских дней до немецкой оккупации на Екатеринославщине (сентябрь 1917 г.— апрель 1918 г.).— «Пролетарская революция», 1927, т. 11 (70), стр. 157—165.

Требование перевыборов Совета и ревкома содержалось, например, в резолюции солдат 228-го запасного пехотного полка от 12 ноября [521].

Как ни упирались противники большевиков, но под давлением трудящихся они вынуждены были согласиться на перевыборы Совета. Перевыборы проходили с 25 ноября по 1 декабря 1917 г. и принесли полную победу большевикам: в Совете нового состава они получили две трети мандатов [522]. Однако за это время Центральная рада подтянула гайдамацкие части и отряды «вольного казачества», расположив их в самом Екатеринославе, в Александровске, на узловой станции Синельниково и в других местах. Рада широко прибегала и к помощи казаков, проходивших через эти места на Дон. В таких условиях взять власть в свои руки мирным путем Совет уже не мог. Необходимо было готовить вооруженное восстание [523].

Большевики развернули работу по созыву Всеукраинского съезда Советов. «Тут, на Украине,— подчеркивалось в большевистской партийной газете,— как и по всей России, пролетариат не для того проливал кровь, чтобы у власти поставить своих непримиримых классовых врагов. Его лозунг, как и по всей России, «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»» [524].

Образование Украинской Советской республики

Как уже отмечалось, I Всеукраинский съезд Советов, открывшийся в Киеве 4 декабря 1917 г., был вынужден прервать работу в связи с попыткой Центральной рады использовать его в своих целях. 7 и 8 декабря часть делегатов съезда Советов нелегально небольшими группами выехала из Киева в Харьков. 9 декабря 127 делегатов от 66 Советов Украины приняли резолюцию с объяснением причин перенесения места работы съезда. В резолюции указывалось, что Центральная рада, стремясь спасти свое пошатнувшееся положение, путем прямого насилия над оргбюро съезда и его мандатной комиссией превратила его «в митинг представителей самых разнообразных организаций и самочинно объявила себя съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [525]. Поэтому представители Советов постановили «уйти с собрания, устраиваемого политиканами из Центральной рады, и обратиться ко всем трудящимся Украины с разъяснением нашего отношения к создавшемуся положению и с решительным протестом против неслыханного насилия украинской буржуазии и ее прислужников из так называемых «социалистов» над полномочными органами революционной демократии Украины — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [526].

В тот же день, 9 декабря, в Харькове открылся III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов.

---

[521] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 150.

[522] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», т. 2, стр. 167.

[523] Оно состоялось 27—29 декабря 1917 г., когда контрреволюционные войска Центральной рады были разбиты, о чем сказано будет дальше (там же, стр. 174).

[524] Там же, стр. 168.

[525] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 401.

[526] Там же.

На нем выступил прибывший из Киева представитель Всеукраинского съезда Советов большевик Г. Лапчинский, который внес предложение об объединении всех делегатов Советов Украины для совместного обсуждения политических вопросов. Несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, съезд принял это предложение [527].

Так был конституирован I Всеукраинский съезд Советов, который заседал в Харькове 11—12 декабря 1917 г. На нем были представлены Советы рабочих и солдатских депутатов всех губерний Украины, а также несколько Советов крестьянских депутатов и армейских комитетов [528]. Съезд открылся выступлением делегата-большевика С. Бакинского, только что вернувшегося из Петрограда, где он встречался с руководителями Советского правительства. Он передал съезду приветствие от Совета Народных Комиссаров. Доклад о текущем моменте был сделан Ф. А. Сергеевым (Артемом). Съезд по этому докладу принял резолюцию, в которой высоко оценил Октябрьскую революцию, создавшую реальную возможность решения основных вопросов о мире, о земле, о рабочем контроле и о народовластии. Осудив казачью и украинскую контрреволюцию, съезд приветствовал Советское правительство за его «решительную борьбу против буржуазной контрреволюции во всех ее проявлениях» [529].

Следующий доклад «О самоопределении Украины» сделал представитель Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов большевик В. М. Шахрай. Съезд принял резолюцию, подводившую итог борьбе за проведение в жизнь ленинского принципа права наций на самоопределение. Подчеркнув, что победа рабоче-крестьянской революции и декреты Советской власти уничтожают всякие формы национального угнетения, резолюция съезда отмечала: «На Украине же проведение в жизнь этого принципа (самоопределение наций.— *И. М.*) попало в руки украинской буржуазии и мелкобуржуазных социалистов, которые, провозгласив Украинскую республику, проводят мелкобуржуазную политику в интересах буржуазии, не только украинской, но и неукраинской» [530]. Разоблачив враждебную народу деятельность Центральной рады, съезд постановил признать «Украинскую республику как федеративную часть Российской республики» и объявить «решительную борьбу гибельной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной рады, раскрывая ее буржуазный контрреволюционный характер» [531].

По докладу представителя Кременчугского Совета Г. Ф. Лапчинского съезд принял резолюцию, в которой призвал трудящихся к созданию рабочей и селянской власти на Украине. Это важнейшее постановление Всеукраинского съезда гласило: «Власть на территории Украинской республики отныне принадлежит исключительно Советам рабочих, солдатских и селянских депутатов; на местах — уездным, городским, губернским и областным Советам, а в центре — Всеукраинскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, его Центральному исполнительному комитету и тем органам, которые он создаст.

---

[527] «Известия Юга», 10 декабря 1917 г.

[528] Точных данных о представительстве Советов и числе делегатов съездов не сохранилось. Авторы обобщающей работы «Победа Советской власти на Украине» (стр. 363) полагают, что на нем присутствовало примерно 200 делегатов.

[529] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 404.

[530] Там же, стр. 406.

[531] Там же, стр. 406—407.

Украина объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и селянских депутатов» [532].

Постановления I Всеукраинского съезда Советов имели огромное политическое значение. Они знаменовали начало новой эры в истории украинского народа, который добился полного освобождения от гнета помещиков и буржуазии, от всех форм эксплуатации. Многовековая борьба за национальное освобождение, за создание своей государственности увенчалась успехом. В федерации Украинской Советской республики с Российской Советской республикой нашел свое правовое выражение союз двух народов, крепнувший в совместной борьбе против общих врагов.

Всеукраинский съезд Советов завершил свою работу 12 декабря, избрав Центральный исполнительный комитет Украины. Он состоял из 35 большевиков, 4 левых эсеров, левого украинского эсдека и меньшевика-интернационалиста. На следующий день, 13 декабря, ЦИК Украины послал телеграмму в Петроград Совету Народных Комиссаров с сообщением о переходе всей власти в руки ЦИК Советов Украины и разрыве с преступной политикой Центральной рады, защищающей интересы буржуазии и призывающей к братоубийственной войне с Советской республикой. «Крестьяне, рабочие и солдаты Украины, — говорилось в телеграмме,— знают, что у них нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат России, и не допустят осуществления затеваемой Радой войны между братскими народами. Если тем не менее прольется на Украине братская кровь, то она прольется не в борьбе украинцев с великорусами, а в классовой борьбе украинских трудящихся масс с захватившей в свои руки власть Радой...» [533]

16 декабря Совет Народных Комиссаров принял постановление: «Приветствуя образование в Харькове истинно народной Советской власти на Украине, видя в этой рабочей и крестьянской раде подлинное правительство Народной Украинской республики, Совет Народных Комиссаров обещает новому правительству братской республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины.

Да здравствует власть рабочих, крестьянских и солдатских Советов! Да здравствует братство рабочих, солдат и крестьян Украины и России!» [534]

17 декабря был опубликован манифест ЦИК Советов Украины, объявлявший Центральную раду и Генеральный секретариат низложенными, а изданные ими законы и распоряжения — недействительными.

В тот же день на заседании ЦИК было сформировано первое рабоче-крестьянское правительство Украины — Народный секретариат в составе 13 секретарств, во главе которых стояли народные секретари, в том числе Ф. А. Сергеев (Артем), В. Х. Ауссем, Е. Б. Бош, С. С. Бакинский, В. П. Затонский, Э. В. Лугановский, В. Р. Люксембург, Н. А. Скрыпник, Е. П. Терлецкий, В. М. Шахрай, Г. Ф. Лапчинский. Все народные секретари, кроме Е. П. Терлецкого (левый эсер), были большевиками.

Советское правительство Украины, объявив недействительными законы и распоряжения Центральной рады, ввело в действие советские дек

---

[532] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 405.

[533] Там же, стр. 408.

[534] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 245—246.

реты о земле, о рабочем контроле над производством, о демократизации армии [535].

Первоочередной задачей Советского правительства Украины стала окончательная ликвидация сопротивления Центральной рады и распространение Советской власти на всю территорию республики.

Крах Центральной рады

Дни Центральной рады были сочтены. Но ее лидеры все еще увлекались мишурой парадов, торжественными молебнами, шумными демонстрациями на Софийской площади Киева, словно стараясь заглушить нарастающий гул народного протеста. Главной надеждой Рады стали теперь иностранные державы. Председатель Генерального секретариата В. К. Винниченко на заседании VII сессии Центральной рады 13 декабря говорил: «Франция, Англия, Америка, Бельгия, Румыния очень интересуются организацией Украинской республики...» (он, конечно, не раскрыл, в чем состоял классовый смысл этого «интереса»). Вместе с тем как писатель, склонный к преувеличенным образным восприятиям, Винниченко утверждал, что «Украина является теперь оазисом порядка и государственного строительства...» [536] Даже соратник Винниченко, бундовец Д. Липец (Петровский), не выдержал этого бахвальства. На той же сессии Центральной рады он выразил удивление по поводу того, что председатель секретариата назвал в своем докладе Украину «оазисом порядка», и не без сарказма добавил: «Однако сегодня получено 214 телеграмм о погромах за один день в трех губерниях Украины» [537]. Словно слепые, бродили лидеры Центральной рады по крутому склону, не замечая и не желая замечать, как волны народного движения подмывают откос, который вот-вот рухнет. Трудящиеся крестьяне выслушивали речи посланцев Центральной рады, но брали землю не по универсалу, а по ленинскому Декрету о земле. В деревни возвращалось все больше солдат, получивших мир не в результате велеречивых обещаний Рады, а благодаря деятельности Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Во всех городах и селах Украины шел нарастающий, неуклонный процесс высвобождения масс от националистических иллюзий, от доверия к демагогической политике Центральной рады. Этот процесс количественного накопления недоумения, недовольства, разных форм протеста рано или поздно должен был перейти в качественные изменения. Образование Советского правительства на Украине явилось одним из основных толчков такого превращения количества в качество.

Несмотря на явные антисоветские действия Центральной рады, Совет Народных Комиссаров стремился разрешить назревший конфликт мирным путем. Важно было разъяснить трудящимся, что собой представляет Центральная рада, куда ведет ее антинародная политика и что дает трудящимся Украины Советская власть. 5 декабря Совнарком обсуждал ответ Центральной рады на свой ультиматум. Он был признан неудовлетворительным, так как Генеральный секретариат ничего не сказал по существу предъявленных ему обвинений, а клеветнически утверждал, будто Совет-

---

[535] «Победа Советской власти на Украине», стр. 376, 377.
[536] «1917 год на Киевщине», стр. 445.
[537] Там же, стр. 449.

ское правительство не признает независимой Украинской республики и стремится к войне с украинским народом. Как раз в это время с попыткой посредничества между Совнаркомом и Центральной радой выступил так называемый «Украинский революционный штаб Петроградской краевой войсковой рады». 6 декабря Совет Народных Комиссаров ответил ему, что «Советская власть все делала для достижения именно мирного разрешения вопроса». Условия Рады, имеющие принципиальный характер (право на самоопределение), «не составляют предмета спора или конфликта, так как Совет Народных Комиссаров признает и проводит эти принципы во всей их полноте... Действительным предметом конфликта, совершенно замалчиваемым в передаваемых вами условиях Рады, является поддержка Радой буржуазной кадетско-калединской контрреволюции, направленной против власти Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов...

Соглашение с Радой возможно только при условии категорического заявления Рады об ее готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки калединского мятежа и контрреволюционного заговора кадетской буржуазии» [538].

Совнарком положительно отнесся и к другой попытке посредничества между ним и Центральной радой. На этот раз инициатива принадлежала II крестьянскому съезду в Петрограде.

7 декабря украинские представители этого съезда говорили по прямому проводу с Винниченко и генеральным секретарем труда Н. В. Поршем (оба являлись членами украинской социал-демократической партии). Делегаты сообщили, что говорят по поручению крестьянского съезда, и предложили прекратить враждебные действия против советских войск и возвратить отобранное у них оружие. В ответ руководители Центральной рады повторили то, что писали Совнаркому. Напрасно делегация II крестьянского съезда повторяла, что Совнарком «безусловно признает все права Украины на самоопределение, вплоть до отделения». Винниченко и Порш упрямо твердили свое. В заключение на прямой вопрос делегации, как относится Центральная рада к отправке советских войск против Каледина, последовал ответ, вскрывающий антисоветскую позицию лидеров Центральной рады: «Мы сохраняем строгий нейтралитет как по отношению к Великороссии, так и к Дону и к другим образующимся республикам. Поэтому через территорию Украинской республики не пропускаем войск ни на Дон, ни с Дона в Великороссию» [539].

Мы уже не говорим о том, как люди, называвшие себя «социал-демократами», могли ставить на одну доску контрреволюционера Каледина, о терроре которого против рабочих Донбасса они хорошо знали, и народную власть Советов. Но заявив делегатам крестьянского съезда о том, что Рада не пропускает войск ни на Дон, ни с Дона, Винниченко и Порш лгали. Ведь тот же самый Винниченко докладывал на Генеральном секретариате, что в Киев приезжала делегация рабочих Донбасса с протестом против террора казаков Каледина. Генеральный секретариат ограничился тогда следующим постановлением: послать ноту донскому правительству по поводу репрессий и срочно запросить представителя Генерального секретариата на Дону о фактическом отношении казаков к украинскому населению и рабочим Донецкого бассейна, но движения

---

[538] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 186.
[539] «1917 год на Киевщине», стр. 441.

казачьих войск на Дон не приостанавливать [540]. Запутавшимся политиканам приходилось неуклюже выпутываться из противоречия между их словами и делами. «Но требуя для себя свободного пропуска наших войсковых частей на Украину,— говорили они,— мы не можем препятствовать и другим в этом же. Поэтому пропускаем казачьи войска на Дон, если они этого хотят, а также великорусские — в Великороссию» [541].

Вечером 7 декабря переговоры о мирном улаживании конфликта с Радой вел делегат крестьянского съезда левый эсер В. А. Карелин. Он говорил с одним из генеральных секретарей Рады, украинским социал-демократом М. С. Ткаченко. Но и эти переговоры результатов не дали [542]. Однако попытки договориться продолжались. В Киев для переговоров выехала специальная делегация, возглавляемая левым эсером П. П. Прошьяном. 19 декабря 1917 г., по возвращении, Прошьян сделал доклад на заседании СНК о своих переговорах с Центральной радой. Была принята резолюция, предложенная В. И. Лениным [543]. Советское правительство и на этот раз не отказывалось от мирного урегулирования конфликта при условии, что Рада признает контрреволюционность Каледина и его пособников. Было решено обсудить этот вопрос с Всеукраинским ЦИК [544].

В этот же день, 19 декабря, Серго Орджоникидзе был назначен Совнаркомом «временным Чрезвычайным комиссаром Района Украины для объединения действий функционирующих там советских организаций во всех отраслях их работы (военной, продовольственной, банковой и пр.)» [545].

20 декабря 1917 г. Совнарком заслушал доклад Прошьяна о переговорах с представителями Рады и принял постановление о начале переговоров с Радой [546].

Между тем Центральная рада продолжала вести лицемерную, двурушническую политику. Продолжая переговоры с Советской властью и уверяя трудящихся, будто она стремится к мирному решению конфликта, Центральная рада принимала дальнейшие меры для подавления Советов и разгрома большевиков. Она ежедневно убеждалась в том, что народные массы Украины дружно поддержали Советскую власть и с энтузиазмом проводят в жизнь ее постановления. Кроме того, деятели Центральной рады видели, как быстро пролетарская революция побеждала на фронте, где не только дивизионные и корпусные, но армейские и фронтовые комитеты становились большевистскими. Оказавшись между революционной волной, идущей с Левобережья, и революцией, распространявшейся по фронту, Рада решилась на новое преступление. В ночь на 11 декабря по разработанному совместно с генералом Щербачевым плану выделенные ею отряды захватили штабы всех армий Румынского фронта, а также Особой и 11-й армий Юго-Западного фронта. При этом националисты разгоняли военно-революционные комитеты и подвергали аресту многих большевистских руководителей. Был арестован и без суда и следствия расстрелян наз-

---

[540] Там же, стр. 444—445.
[541] Там же, стр. 441.
[542] Там же. Совет солдатских депутатов Киевского округа в свою очередь посылал делегации для переговоров с Совнаркомом (там же, стр. 453).
[543] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 182—183.
[544] Там же, стр. 182.
[545] «Ленинский сборник», XXXV, стр. 11.
[546] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 263—265.

наченный Советской властью комиссаром Румынского фронта, видный деятель большевистской партии, активный участник Октября С. Г. Рошаль. В тюрьму был брошен и советский комиссар Юго-Западного фронта, также активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Г. И. Чудновский. 16 декабря генерал Щербачев, назначенный Центральной радой командующим «Украинским фронтом», разослал приказ о восстановлении в должностях военачальников, устраненных с постов революционными солдатами. Щербачев рекомендовал генералам осуществлять этот приказ, опираясь на национальные части [547]. Круг предательства Центральной радой интересов солдатских масс завершился: отказавшись от демократизации армии в украинизированных частях, она дошла до восстановления власти контрреволюционных генералов.

Новое преступление Центральной рады и ее сообщников преследовало двоякую цель: подавить революцию на фронте и открыть дорогу иностранным интервентам.

4 (17) января 1918 г. делегация Центральной рады в составе заместителя генерального секретаря по иностранным делам Галипа и генерального секретаря по вопросам финансов Галицийского прибыла в Яссы, где имела беседу с посланниками США, Англии, Франции и Италии в Румынии. Делегаты заявили, что Центральная рада, не имея армии для продолжения войны, не в состоянии противостоять общему стремлению к миру, особенно в том случае, если большевики заключат мир с Германией и Австро-Венгрией. Они сообщили далее, что Центральная рада усиленно формирует войска для обеспечения «порядка» в стране и борьбы с большевиками, но подчеркнули, что экономическое и финансовое положение Украины исключительно тяжелое. В связи с этим делегаты Рады просили: 1) признания независимости Украины со стороны держав Антанты и присылки их официальных дипломатических представителей; 2) финансовой помощи и 3) снабжения Украины промышленными товарами.

В ответ посланники поставили перед делегатами Центральной рады следующие условия: 1) не заключать сепаратного мира; 2) не вступать в контакты с Германией и Австро-Венгрией; 3) организовать с помощью офицеров Антанты армию, достаточную не только для обеспечения «порядка» в стране, но и для борьбы на внешнем фронте; 4) украинское правительство должно вступить в соглашение со всеми другими «автономными районами» России, а также с Румынией в целях создания единого фронта против Германии и ее союзников; 5) Украине следует помочь Румынии продовольствием и в налаживании транспорта.

Антантовские дипломаты указали, что признание независимости Украины, а также экономическая, финансовая и военная помощь ей будут зависеть от удовлетворительного ответа на все поставленные условия [548].

Делегаты Центральной рады сослались на отсутствие полномочий для принятия этих условий и обещали немедленно телеграфировать о них в Киев. Вступив в контакт с Антантой, контрреволюционная Центральная

---

[547] *М. С. Френкин.* Некоторые вопросы деятельности Центральной рады и ее войсковых органов в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— «Труды Московского Государственного историко-архивного института», т. 26. М., 1968, стр. 52.

[548] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia», vol. II, p. 660—662.

рада одновременно лихорадочно завершала начатые ею тайные переговоры с Германией.

Встречи Галипа и Галицийского с посланниками Антанты сыграли роль отвлекающего маневра: более важные переговоры одновременно велись Центральной радой с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске. Через неделю, 10 (23) января 1918 г., украинские делегаты в Яссах сообщили об этих переговорах дипломатам Антанты. «Киевское правительство,— говорил Галип,— не имея армии и будучи вынужденным все свои слабые полицейские силы использовать против максималистов (т. е большевиков.— *И. М.*), не может противостоять давлению германских сил» [549]. Он заявил, что после заключения мира с Германией украинское правительство сохранит добрые отношения со странами Антанты и сократит до минимума количество продовольствия, передаваемого немцам. В заключение Галип выразил надежду на продолжение помощи со стороны Антанты. Трудно сказать, чего здесь было больше — глупости или наивного желания подсластить горькую пилюлю — как можно было надеяться получать помощь от Антанты, если Украина будет оккупирована ее врагами?

«Универсальные дипломаты» вели в одно и то же время переговоры с двумя враждующими группировками, в обоих случаях предавая интересы народа.

Неразборчивые в средствах руководители Центральной рады готовы были пойти на все, лишь бы удержаться у власти и сохранить на Украине господство помещиков и капиталистов. 17 (30) января, как раз в тот период, когда Центральная рада завершала свой предательский сговор с германо-австрийскими завоевателями, посланники США, Англии, Франции и Италии в Румынии направили совместную телеграмму в Париж для передачи своим правительствам. Они писали, что премьер-министр королевской Румынии Братиану сообщил им о просьбе Центральной рады к королевской Румынии «послать румынские войска в Киев, Полтаву и Одессу» [550].

Рада открыто звала на помощь против своего народа иностранные войска, фактически признав, что ей не справиться с борьбой трудящихся.

Перед лицом этих фактов Советское правительство признало продолжение переговоров с Центральной радой бесполезным. Еще 30 декабря 1917 г. Совнарком принял написанное В. И. Лениным постановление, в котором говорилось: «Совет Народных Комиссаров признает ответ Рады настолько неопределенным и уклончивым, что он граничит с издевательством... Уклонение Рады от ответа на вопрос о том, прекращает ли она прямую и косвенную поддержку калединцев, срывает начатые нами мирные переговоры и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение гражданской войны, которую подняли буржуазные классы разных наций и которая совершенно безнадежна, ибо подавляющее большинство рабочих, крестьян и армии решительно стоит за социалистическую советскую республику» [551].

Таким образом, Рада сорвала все попытки Совнаркома уладить конфликт мирно и решила говорить с Советской властью языком винтовок.

---

[549] Там же, стр. 663—664. Генерал Щербачев предупредил послов 11 (24) января, что сепаратный мир уже подписан и вступит в силу примерно через 10 дней.

[550] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia», vol. II, p. 709.

[551] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 211—212.

Учитывая изменившееся соотношение сил, Украинское Советское правительство решило усилить борьбу против Центральной рады. С этой целью оно обратилось к В. А. Антонову-Овсеенко, комиссару по борьбе с контрреволюцией на юге России, с просьбой выделить войска для борьбы с украинской буржуазно-националистической контрреволюцией. Получив указания от В. И. Ленина, он согласился направить несколько своих отрядов в распоряжение Народного секретариата. Антонов-Овсеенко поставил перед группой войск П. В. Егорова задачу: развивая наступление из района Харькова в направлении Екатеринослава, освободить железнодорожные станции Лозовая и Синельниково и вбить клин между войсками Каледина и Центральной рады. Группа Егорова во взаимодействии с харьковскими красногвардейцами и солдатами 30-го революционного полка, которым командовал большевик Н. А. Руднев, в пятидневных боях (14—18 декабря) разгромила гайдамаков, освободила станцию Лозовая и все близлежащие от нее железнодорожные станции. 19 декабря советские войска освободили Павлоград и начали наступление в направлении на Синельниково, которое и было освобождено 23 декабря.

ЦИК Советов Украины 18 декабря 1917 г. создал краевой ВРК и поручил ему установить связи со всеми отрядами Красной гвардии, а также сформировать новые отряды по всей Украине. Для решения этой задачи большевистская партия направляла свои лучшие партийные и военные кадры. Создание и организацию Красной гвардии на Украине возглавили В. К. Аверин, Т. Л. Бондарев, Е. Б. Бош, Ю. М. Коцюбинский, А. Я. Пархоменко, В. М. Примаков, Н. А. Руднев и многие другие [552].

Освобождение Павлограда и Синельникова открывало революционным войскам дорогу на Екатеринослав. Екатеринославский ревком, возглавляемый большевиком Э. И. Квирингом, начал подготовку вооруженного восстания против Центральной рады. Оно намечалось на 28 декабря, т. е. на тот день, когда ожидался подход войск П. В. Егорова. Украинская контрреволюция со своей стороны готовилась к нападению на Екатеринославский Совет. Стремясь предупредить противника, ревком начал восстание не 28, а 27 декабря. Между тем войска Егорова задержались в районе Синельникова.

В Екатеринославе завязались кровопролитные бои местных красногвардейцев с гайдамаками. Восстанию грозил разгром. Но 28 декабря, в тот момент, когда уже казалось, что восстание будет потоплено в крови, в город вступил один из отрядов группы П. В. Егорова. К исходу 28 декабря гайдамаки были разгромлены, и в ночь на 29 декабря Екатеринослав был освобожден [553].

Освободив Екатеринослав и пополнившись за счет местной Красной гвардии, группа Егорова развернула наступление в двух направлениях — на Александровск и на Долгинцево, Пятихатка, Кривой Рог. 2 января 1918 г. советские войска освободили Александровск, а через неделю, 9 января,— Кривой Рог.

К тому времени, когда группа Егорова завершала выполнение своей операции, на помощь украинским трудящимся из Белоруссии были дви-

---

[552] «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1961, стр. 211—212.
[553] Там же, стр. 212—213; *В. Я. Борщевский.* Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. II. Днепропетровск, 1962, стр. 148—154.

нуты 1-й имени Минского Совета революционный полк и отряды белорусских красногвардейцев. Эти войска были объединены в 1-й минский революционный отряд под общим командованием большевика Р. И. Берзина [554]. Вскоре Р. И. Берзину были подчинены и революционные войска Гомеля и Гомельского района. Был сформирован сводный отряд красногвардейцев, моряков и солдат, присланных из Петрограда, общей численностью в 1800 бойцов [555].

До конца декабря 1-й минский революционный отряд нанес гайдамакам ряд чувствительных ударов. Так, ведя боевые действия в районе Бахмач — Ворожба, революционные войска 29 декабря освободили станции Мена, Макошино, а 30 декабря — станцию Дочь [556].

5 января 1918 г. объединенные отряды Красной гвардии и революционных сил Украины, а также советские войска, прибывшие для оказания братской помощи украинскому народу, перешли в решительное наступление по всему фронту. Наступление велось в трех направлениях: 1-й минский революционный отряд наступал на Бахмач — Киев; московский красногвардейский отряд, действуя от станции Ворожба, также наступал на Бахмач — Киев; отряд украинских красногвардейцев и полк Червоного казачества развили наступление на Полтаву — Киев [557].

На всех направлениях наступления сразу же обозначился успех революционных войск. 6 января харьковский красногвардейский отряд освободил Полтаву. Московский отряд также сообщал о своем успешном наступлении. 12 января Р. И. Берзин донес, что его отряд, наступая на бахмачском направлении, освободил станцию Бондаревка и ряд населенных пунктов и вышел к Чернигову [558]. 14 января этот отряд вступил в Чернигов, а на следующий день освободил Бахмач [559].

Приближалась окончательная развязка борьбы с Центральной радой. На Украине трудящиеся поднимались на борьбу за власть Советов. Отовсюду поступали сообщения о разгроме гайдамаков и установлении Советской власти. На сторону социалистической революции перешли и приняли активное участие в боях войска 2-го гвардейского корпуса Юго-Западного фронта. В течение декабря 1917 г.— января 1918 г., наступая на киевском направлении, они освободили Винницу, Казатин, Жмеринку, Фастов и Васильков [560]. Наступление войск 2-го гвардейского корпуса с запада замыкало окружение Киева.

По приказу Народного секретариата Украины все революционные силы широким фронтом развернули наступление на Киев [561]. 20 января 1918 г. Народный секретариат постановил: «Для защиты и укрепления народной власти и для окончательной победы рабочих и беднейшего кре-

---

554 *А. Хохлов.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917—март 1918 г.). Минск, 1965, стр. 133.

555 Там же, стр. 134.

556 «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сборник документов и материалов, т. 3. Киев, 1957, стр. 96.

557 *А. Хохлов.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917—март 1918 г.), стр. 137.

558 «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3, стр. 137, 150.

559 «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1957, стр. 42.

560 «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3, стр. 172, 209.

561 «Очерки истории Коммунистической партии Украины», стр. 214.

стьянства над буржуазией организовать новую социалистическую рабоче-крестьянскую армию — Червоное казачество...» [562] Повсюду на добровольческих началах шло строительство Украинской Красной Армии — Червоного казачества, получившего свое название в противовес буржуазно-националистическому «вольному казачеству». Вновь сформированные части немедленно вступали в бой с контрреволюционными войсками Центральной рады.

Стремясь облегчить советским войскам освобождение Киева, киевские рабочие в ночь на 16 января начали вооруженное восстание. Его основным опорным пунктом был завод «Арсенал». Сюда стягивались отряды с других заводов и воинские части. В городе разгорелись кровопролитные бои. 17 января петлюровцы, разбитые под станцией Круты, взорвали мост, что замедлило наступление революционных войск и их подход к Киеву.

Центральная рада спешно перебрасывала в Киев подкрепления. Арсенальцы, оставшись без патронов, вынуждены были сдаться. Началась расправа с восставшими трудящимися. Но революционные части уже подходили все ближе и ближе. На Киев шли войска, двинутые Антоновым-Овсеенко под командованием Муравьева. 21 января отряды под командованием главкома войск Украинской республики Ю. М. Коцюбинского пробились к Киеву и соединились с остатками повстанческих отрядов. Вскоре в Киев вступил отряд, наступавший со стороны Харькова. Бои в городе развернулись с новой силой. Лишь утром 26 января Киев был освобожден от войск Центральной рады. Их остатки мелкими группами отступали к Фастову [563]. Центральная рада бежала в Житомир.

Войсковые рады Юго-Западного и Румынского фронтов самораспустились. Представители обоих фронтов признали Всеукраинский ЦИК и Народный секретариат единственной властью на Украине [564]. 30 января 1918 г. Советское правительство Украины переехало из Харькова в Киев.

В. И. Ленин высоко оценил победу советских войск под Киевом. Он предложил перебросить Северную армию Муравьева на поддержку революционных отрядов в Бессарабии. «Мы ни на минуту не сомневаемся, телеграфировал Ленин, что доблестные герои освобождения Киева не замедлят исполнить свой революционный долг» [565].

Установление Советской власти на Правобережье

Вслед за Киевом Советская власть победила и в уездных городах Киевской губернии, в том числе в Бердичеве, где находился штаб армий Юго-Западного фронта.

Еще 18 ноября здесь собрался Чрезвычайный съезд армий Юго-Западного фронта. Контрреволюция возлагала на него определенные надежды. Но, как свидетельствовали наказы делегатам, больше половины его состава стояло за власть Советов. Правда, колеблющаяся позиция левых эсеров на съезде помешала провести резолюцию, предложенную большевиками,

---

[562] «Победа Советской власти на Украине», стр. 393.

[563] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3, стр. 53—54; «Борьба за власть Советов на Киевщине». Сборник документов и материалов. Киев, 1957, стр. 531, 536—537.

[564] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 402—403.

[565] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 365.

однако из 35 членов временного ВРК, образованного 24 ноября, оказалось 18 большевиков.

26 ноября в приказе № 1 ВРК объявил о признании Совета Народных Комиссаров высшей властью в стране [565а].

В Подолии власть Советов во всех уездах была установлена в декабре 1917 — начале января 1918 г.

О положении в Подолии, доведенной хозяйничаньем Центральной рады до полной разрухи, ярко «живописал» губернский комиссар в докладе Генеральному секретариату внутренних дел Рады 12 января 1918 г. «Настали действительно черные дни»,— сообщал он, например, о Новоушицком уезде. И далее докладывал, что милиция покидала свои посты, ибо милиционеры не получали жалованья, что телефонная связь не действовала, что работники почты бастовали и т. п. «Суд не судит,— скорбно сетовал автор доклада,— так как селяне не хотят суда и выгоняют судей, осужденных не карают, потому что нет милиции, чтобы приводить в исполнение решения суда» [566].

Комиссар просил срочной присылки полка «вольных казаков» для защиты помещичьих имений, а также присылки денег и надежных людей для наведения «порядка». Речь в докладе шла о Новоушицком уезде, но комиссар подчеркивал: «Все вышеуказанное распространяется в полной мере еще на Каменецкий и Могилевский уезды. О Проскуровском молчу, там, извините, господствуют «народные» комиссары». В такой форме губернский комиссар признал, что в Проскуровском уезде победила Советская власть. Губернский комиссар закончил свой доклад буквально воплем: «Как благодати, жду ответа, который меня повысит и воскресит... Рятуйте, телеграфируйте!» [567].

«Рятування», т. е. спасение, пришло скоро: 13 февраля в Виннице была установлена Советская власть.

В Могилеве-Подольском дислоцировались штаб 8-й армии и довольно значительный гарнизон. В первые дни Октябрьской революции власть в городе фактически находилась в руках революционного комитета 8-й армии, в котором преобладали большевики. Но в начале декабря местные украинские националистические организации при поддержке других контрреволюционных сил захватили контроль над штабом и власть в городе О положении в Могилевском уезде начальник уездной милиции 5 января 1918 г. сообщал подольскому губернскому комиссару: «Положение уезда тяжелое. Помещичьи имения, еще не разгромленные, считаются малыми единицами, но и им не избежать общей участи. Разрушительные инстинкты развиваются и ищут практического применения» [568]. Так представитель Центральной рады признал, что восстание крестьян охватило весь уезд. Украинские контрреволюционеры, у которых почва горела под ногами, продержались у власти недолго: при помощи солдат прибывшей с фронта дивизии власть Советов в Могилеве-Подольском была восстановлена [569].

В ряде других уездов Подолии Советская власть также устанавливалась с помощью революционных солдат Юго-Западного фронта. Но и в

[565а] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1942, стр. 286.
[566] «Красный архив», 1941, т. 2 (105), стр. 90.
[567] Там же, стр. 91.
[568] Там же, стр. 88.
[569] «Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.». Сборник исторических документов и материалов. М., 1943, стр. 88.

уездах, расположенных дальше от фронта, даже там, где не было воинских гарнизонов, трудящиеся поднимались против Центральной рады и устанавливали власть Советов.

Следует особо остановиться на положении в Полтаве, которая хотя и находится на Левобережье, но, как уже упоминалось, административно входила в состав Юго-Западного края.

Здесь Совет в первые же дни социалистической революции признал декреты II Всероссийского съезда Советов. Но 27 октября окружной военный штаб и юнкера подняли мятеж и попытались разгромить Совет. С помощью солдат гарнизона и прибывших из Миргорода саперов мятеж был подавлен, но решительных мер против контрреволюционеров не последовало (не были арестованы даже руководители мятежа). Центральная рада имела возможность формировать свои воинские части, а в начале декабря прислала в Полтаву войска из Киева. В ночь на 17 декабря украинские националисты разгромили Совет. Советская власть в Полтаве вновь утвердилась лишь в январе 1918 г., когда город был освобожден украинскими красногвардейцами и петроградскими рабочими.

В течение января Советская власть установилась и в большинстве уездных городов Полтавской губернии. Однако в Полтаве, как и в других городах Украины, строительство Советской власти осуществлялось недолго — до февраля — марта 1918 г., до начала оккупации Украины австро-германскими войсками.

На Волыни борьба за власть Советов приняла своеобразный характер. В административном центре Волынской губернии Житомире находились две школы прапорщиков, которые не допустили перехода власти к Советам. Однако в большинстве уездов и городов Волыни, расположенных в прифронтовой полосе, Советская власть была установлена с помощью революционных солдат Юго-Западного фронта. Так обстояло дело в Старо-Константинове, Луцке, Новограде-Волынском, Коростене, Изяславе, Сарнах и Дубно [570]. В Ровно, где Советская власть победила в середине декабря, в конце того же месяца произошел буржуазно-националистический мятеж. Гайдамацкие части ворвались в город, арестовали почти весь состав заседавшего в тот момент III Чрезвычайного съезда Юго-Западного фронта и расстреляли ряд большевистских делегатов. Мятеж был подавлен с помощью революционных солдат 25-го корпуса, и 31 декабря власть Советов в Ровно была восстановлена [571]. Войска Центральной рады вынуждены были покинуть и Житомир, со всех сторон окруженный районами, где уже установилась Советская власть. В конце января бежавшая из Киева Центральная рада вновь заняла Житомир, но пробыла тут недолго: в начале февраля советские отряды выбили гайдамаков из города и восстановили власть Советов [572].

---

[570] «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні», стр. 390—391.

[571] Там же, стр. 393.

[572] До недавнего времени датой установления Советской власти в Житомире считали 8—9 февраля 1918 г. Но в связи с подготовкой тома, входящего в серию «История городов Украины», исследователи уточнили даты: власть Советов в Житомире была установлена 5 февраля 1918 г., а 9 февраля в город ворвались петлюровцы, шедшие впереди германских оккупантов (*З. Вахбрейт.* Про дату встановлення Радянської влади в Житомире.— «Радянська Житомирщина», 23 травня 1967.

Утверждение Советской власти в Приморском районе Украины

Установление Советской власти в Херсонской и Таврической губерниях имело свои особенности. Оно было тесно связано с революционными событиями на Черноморском флоте и на Румынском фронте.

В этих районах не было широкой пролетарской прослойки, за исключением Одессы и Николаева. Имевшиеся рабочие вербовались в значительной степени из местного крестьянства, причем немалое их число еще не порвало своих связей с деревней.

До августа — сентября 1917 г. большевики в южных районах Украины входили в объединенные (с меньшевиками) организации. Это привело к тому, что у некоторых работников местных большевистских комитетов еще не были полностью изжиты мелкобуржуазные колебания и иллюзии, мешавшие вести решительную борьбу за установление Советской власти. Не разобравшись в сложной обстановке, некоторые партийные работники нередко соглашались на участие в таких органах, которые были революционными только по названию. Кроме того, на юге Украины сравнительно значительным влиянием пользовалась Центральная рада, имевшая здесь определенную социальную базу, прежде всего в лице зажиточного крестьянства и мещан (кулачество здесь было особенно многочисленным, кулаки вместе с помещиками владели $^2/_3$ всей посевной площади). На юге было много организаций украинских националистов и общероссийской контрреволюции, тесно связанных с иностранными миссиями. Контрреволюция опиралась здесь на воинские формирования гайдамаков, отдельные части Румынского фронта, многочисленные кадры офицерства. Заодно с контрреволюционными генералами и Украинской радой действовал меньшевистско-эсеровский ЦИК Румчерода (исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа).

Приморские губернии были ближайшим тылом удаленного от революционных центров и сравнительно отсталого в политическом отношении Румынского фронта. Победа революции здесь во многом зависела от того, за кем пойдет солдатская масса. Это учитывали большевики, которые вели упорную борьбу за привлечение солдат фронта на свою сторону, за разоблачение и изгнание соглашателей из Румчерода.

К трудностям установления Советской власти на юге Украины необходимо добавить деятельность представителей иностранных империалистов. Против большевиков действовали здесь не только агенты Антанты, но и ее противника — Германии. В этих районах было много немецких колоний. Германские агенты вели среди зажиточных колонистов большую работу, направляя борьбу против большевиков и организуя местные боевые отряды на оба возможных случая: для совместной с другими силами контрреволюции борьбы против установления Советской власти и для использования их в помощь войскам при планировавшейся Германией оккупации Украины.

Наиболее остро протекала борьба за Советскую власть в Одессе — крупнейшем промышленном, торговом и политическом центре юга. Многочисленный рабочий класс Одессы, руководимый большевиками (в Одесской организации РСДРП(б) насчитывалось до 2 тыс. членов), был настроен по-боевому и готов был взять власть немедленно. Однако соотношение сил в городе в конце октября 1917 г. было не в его пользу. Командова-

ние гарнизона могло рассчитывать на некоторые воинские части. С фронта были вызваны подкрепления. В городе сосредоточилось до 11 тыс. одних лишь офицеров. Центральная рада опиралась на украинизированные части, численность которых росла. Контрреволюция стремилась превратить Одессу в свою опорную базу на юге страны и готовилась начать вооруженную борьбу за власть.

25 октября в Одессе состоялось совещание представителей городских организаций, на котором был образован «революционный» комитет. Его членами стали не только посланцы городской думы, но и эмиссары свергнутого Временного правительства: военный комиссар, правительственный комиссар, морской комиссар, комендант. Одесские большевики допустили политическую ошибку, направив в это контрреволюционное сборище двух своих представителей. Состоявшееся в тот же день объединенное заседание исполкомов Одесских Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов признало этот «ревком» органом, обладающим всей полнотой власти [573]. Но на объединенном пленуме Советов 27 октября подавляющим большинством голосов была принята резолюция большевиков об установлении власти Советов. За нее голосовало 265 человек, в то время как за меньшевистскую — 23, а за эсеровскую — 15 [574]. И тем не менее Советы практически власть не осуществляли [575]. Соглашатели, руководившие исполкомами Советов, были заодно с контрреволюционерами.

Этим воспользовалась Центральная рада, предъявив претензию на власть. Добиваясь поддержки населения, представители Рады не остановились перед предложением объявить Одессу «вольным городом», но с подчинением Центральной раде. Усиленную работу против установления Советской власти вели и представители союзных консульств.

В такой сложной обстановке особое значение имело завоевание на сторону Советской власти Румчерода. 12—24 декабря в Одессе проходил II фронтовой и областной съезд Советов. На первом его заседании выступил приехавший из Петрограда В. Володарский, присланный ЦК РСДРП(б) для оказания помощи большевикам Одессы [576]. Большевикам удалось повести съезд за собой. Съезд поручил новому составу ЦИК Румчерода осуществить установление Советской власти на фронте и в области. Председателем нового ЦИК был избран старый большевик В. Юдовский.

Центральная рада попыталась лишить большевиков опоры в Одессе путем объявления демобилизации революционно настроенных частей гарнизона. Но большевики призвали воинские части не исполнять этого «приказа».

На сторону революции стали переходить воинские части Румынского фронта и команды военных кораблей, стоявших в Одесском порту. В городе создавались многочисленные отряды Красной гвардии. Все это обеспечило успех подготовлявшегося большевиками вооруженного восстания. Оно было назначено на 13 января 1918 г. Тщательно подготовленное и

---

[573] «Победа Советской власти на Украине», стр. 307.
[574] Там же, стр. 308.
[575] «Протоколы Одесского Совета рабочих депутатов (с 14 ноября по 9 декабря 1917 г.)».— «Летопись революции», 1931, № 1-2 (46-47), стр. 237—266; «Октябрь на Одесщине». Сборник воспоминаний к 10-летию Октября. Одесса, 1927, стр. 314—319.
[576] Речь Володарского см. в сборнике статей и воспоминаний «Октябрь на Одесщине», стр. 127—137.

поддержанное революционными моряками, оно победило бескровно. 14 января в Одессе установилась власть Советов.

«Власть перешла в руки Военно-революционного комитета при Румчероде,— сообщала «Правда».— Учреждения заняли советские войска» [577]. Сопротивление Советской власти попыталась оказать Центральная рада. Вечером 14 января ее местная организация предъявила ревкому ультиматум — освободить все занятые учреждения. Рано утром 15 января, не ожидая ответа, гайдамацкие части внезапно захватили вокзал и двинулись к центру города. Ревком призвал трудящихся к оружию. Красногвардейцы вступили с мятежниками в бой. Моряки поддержали красногвардейцев огнем корабельных орудий. К вечеру 16 января гайдамаки были выбиты из города и сложили оружие. Утром 19 января ревком обратился к трудящимся с воззванием, в котором сообщал о сдаче мятежников.

В губернском городе Херсоне исполком Совета рабочих и солдатских депутатов и президиум исполкома губернского Совета крестьянских депутатов 29 октября приняли резолюцию о поддержке власти Советов [578]. Но это решение не было реализовано. Губернская рада, опираясь на силу верных ей войск, попыталась утвердить свою власть. Борьба в Херсоне затянулась до середины января 1918 г. и закончилась победой Советов [579].

В Николаеве исполнительное бюро (исполком) городского Совета, учитывая волю рабочих города, утром 26 октября решило: признать власть Временного правительства свергнутой, поддержать восставших в Петрограде и считать высшей властью в Николаеве «Совет рабочих и военных депутатов, все приказания которого должны беспрекословно выполняться всеми учреждениями и гражданами г. Николаева».

Но на состоявшемся вечером 26 октября пленуме Совета вопрос о власти остался нерешенным: обе резолюции — большевистская (о переходе власти к Советам) и меньшевистская (требовавшая создания «однородного социалистического правительства») — получили одинаковое число голосов — по 73. 29 октября пленум Совета рассматривал вопрос вторично. На этот раз некоторое преобладание получили соглашатели, и резолюция большевиков о взятии власти была отклонена [580].

Украинские буржуазные националисты начали стягивать в город воинские части, чтобы захватить власть в свои руки. Большевики развернули большую политическую работу на предприятиях и в войсках гарнизона, настаивая на перевыборах Совета. Трудящиеся поддержали большевиков. Перевыборы Совета состоялись в начале января и принесли победу большевикам и левым эсерам. 14 января, в день объявления о переходе власти к Советам в Одессе, новый состав Совета рабочих и военных депутатов Николаева также постановил взять власть в свои руки [581]. Через несколько дней, 17—22 января 1918 г., красногвардейцы и революционные части разоружили гайдамаков, представлявших угрозу Советской власти.

В Елисаветграде соглашательское большинство местного Совета 29 и 31 октября дважды отклоняло резолюции большевиков о взятии Советом власти в свои руки. Большевикам пришлось выдержать длительную борь-

---

[577] «Правда», 19 января (1 февраля) 1918 г.
[578] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 2, стр. 365—366.
[579] «Победа Советской власти на Украине», стр. 312.
[580] Там же, стр. 311.
[581] Там же, стр. 426.

бу с блоком украинских националистов, эсеров и меньшевиков. Советская власть окончательно установилась в Елисаветграде только 29 января, когда с помощью прибывших с фронта солдат отряды гайдамаков были здесь разогнаны [582].

К концу января 1918 г. трудящиеся Украины под руководством большевистской партии при помощи русских и белорусских красногвардейцев, революционных моряков и солдат разгромили войска Центральной рады, освободили Киев, Екатеринослав, Полтаву, Николаев, Херсон, Одессу, Чернигов и многие другие важные пункты и обеспечили победу Советской власти на Украине [583].

Разгром войск Центральной рады и установление Советской власти на юге Украины ускорили переход власти к Советам в Крыму.

В Крыму местная контрреволюция усилилась за счет бежавших сюда после Февральской революции предпринимателей, помещиков, царских чиновников и офицеров, которые надеялись переждать здесь революционную бурю. Располагая большими денежными средствами и связями, они поддерживали различные контрреволюционные организации.

К осени 1917 г. активизировались татарские буржуазные националисты, организовавшиеся в июле 1917 г. в партию «Милли-Фирка» (национальная партия) и опиравшиеся на мусульманские националистические воинские формирования. «Милли-Фирка» выдвинула лозунг «Крым для крымцев», под прикрытием которого стремилась оторвать эту область от России и подчинить ее султанской Турции.

Малочисленность рабочих, оторванность от революционных центров страны, организационная слабость большевистских партийных ячеек (большевики Крыма, за исключением Севастополя, где самостоятельная большевистская организация существовала с апреля 1917 г., вышли из объединенных организаций лишь в сентябре — октябре 1917 г.) привели к тому, что в Советах Крыма господствовали эсеры и меньшевики. Все это и предопределило относительно долгую борьбу за установление Советской власти в Крыму.

Накануне Октябрьской революции большинство в Севастопольском Совете принадлежало соглашательским партиям, и только 15 декабря под давлением руководимых большевиками матросских масс в Севастополе был организован ревком, 16 декабря провозгласивший Советскую власть. Ревком принял решение о срочном переизбрании Совета, после чего преобладание в нем получили большевики [584]. Председателем переизбранного Совета стал матрос-балтиец Н. Пожаров, присланный ЦК РСДРП(б) в Севастополь еще в октябре 1917 г.

В Симферополе заседал созванный татарскими националистами в декабре 1917 г. курултай (вначале он находился в Бахчисарае, а затем переехал в Симферополь). Прикрываясь лозунгом «национальной независимости», он противился установлению Советской власти. Националисты рассчитывали выиграть время до окончания мирных переговоров в Брест-

---

[582] «Победа Советской власти на Украине», стр. 428.
[583] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3, стр. 56.
[584] «Революция в Крыму», 1927, № 1 (7), стр. 27. Подробнее об Октябрьской революции в Севастополе см.: *П. Н. Надинский.* Очерки по истории Крыма, ч. II. «Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917—1920 гг.)». Симферополь, 1957, стр. 34—36, 41, 42, 48, 49—51.

Литовске и до прихода на помощь Турции. Однако маневр миллифирковцев был разгадан: большевики призвали рабочих и солдат к вооруженному восстанию. Днем 12 января отряды Красной гвардии завода Анатра и железнодорожников захватили почту и телеграф; 14 января в Симферополь вошли отряды Красной гвардии из Севастополя. В городе установилась Советская власть.

В специальной декларации Севастопольского ревкома, опубликованной 27 января 1918 г., сообщалось: «Все центры Крыма в наших руках. Совет народных представителей в Симферополе, а с ним и татарский парламент, или курултай, распущены. Везде на местах власть находится в руках Советов, имея исполнительными органами свои военно-революционные комитеты» [585].

Буржуазно-националистическая контрреволюция в Крыму потерпела полное поражение. 29 января 1918 г. в Симферополе состоялся областной съезд Советов и был избран Таврический ЦИК Советов.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине протекала в сложных условиях борьбы с калединщиной на Дону и украинской Центральной радой, по сути дела также ставшей одним из центров общероссийской контрреволюции. Против сил революции единым фронтом выступали и атаман Каледин, и кадеты, и украинские националисты, поддержанные российскими и украинскими меньшевиками и эсерами, бундовцами и другими мелкобуржуазными партиями. Революция на Украине встретила и противодействие иностранных империалистов, причем обеих враждующих группировок — Антанты и германского блока.

Тем не менее и здесь в сложной политической обстановке пролетарская революция победила, как и во всей стране, в два-три месяца. В районах, где имелся многочисленный рабочий класс, где существовали крепкие большевистские организации, власть к Советам перешла почти одновременно с Петроградом и Москвой (Донбасс) или несколько позже (Харьков) без вооруженного восстания и почти без применения вооруженной силы. В большинстве же районов вследствие упорного сопротивления украинской буржуазной контрреволюции, поддержанной иностранными империалистами и мелкобуржуазными партиями, Советская власть установилась в декабре 1917 г.— январе 1918 г.

Быстрая победа Советской власти на Украине имела огромное значение для закрепления успеха Октябрьской революции по всей стране. Победа революции на Украине убедительно показала, что расчеты иностранных империалистов на расчленение России, на отрыв национальных районов от Советской России построены на песке. Только националистическая буржуазия в своекорыстной надежде сохранить свое классовое господство вступила на путь национальной измены, переходя на сторону тех империалистов, кто был ближе и кто больше обещал.

---

[585] «Известия Совета военных и рабочих депутатов» (Севастополь), 23 января 1918 г. Совет народных представителей — контрреволюционная организация, созданная в начале ноября 1917 г. на проходившем в Симферополе съезде представителей городских и земских самоуправлений Крыма и других антисоветских организаций.

В арсенале борьбы Центральной рады против Советской власти, казалось, были использованы все средства: ложь, хитрость, вероломство, предательство интересов народа, продажа и перепродажа Родины иноземным захватчикам. Но Рада пренебрегла законами классовой борьбы, особенно быстро усваиваемыми народными массами в дни революции. Три года украинские солдаты просидели в окопах вместе с русскими солдатами и солдатами других национальностей России. Вместе они проходили суровую школу революционного движения 1917 г. Вместе они сорвали попытку генералов, стремившихся вернуть старые, дореволюционные порядки. Солдаты-украинцы видели контрреволюционную активность своих офицеров и понимали, что в борьбе с революцией украинские офицеры идут вместе с реакционным русским офицерством. Солдаты не могли не заметить, что в войсковых украинских радах верховодят офицеры, а своего брата-солдата там маловато. Например, в «Раде всеукраинских войсковых депутатов» из 57 ее членов было только 10 солдат, а остальные — офицеры, урядники и военные чиновники. На Румынском фронте в «Войсковой раде» из 12 представителей было лишь 2 солдата, а на Юго-Западном фронте и того меньше — 3 солдата из 23 депутатов [586].

Офицерские рады призывали солдат-украинцев воевать во имя создания Украинской республики, получения земли и мира. Но все это проводилось в жизнь Советской властью, против которой их пытались направить. Многие солдаты-украинцы протестовали против насильственной «украинизации» армии, оставались на фронте делить с русскими братьями общую судьбу. А те, кто поддался временным настроениям, быстро разбирались в действительности, покидали «украинские» части и включались в общую борьбу за победу революции. Украинизированные части быстро таяли. Розовые надежды Центральной рады на создание стотысячной армии оказались миражом. Лидеры Центральной рады были выброшены с Украины и превратились в жалких прихлебателей, кочевавших за кормушками того или другого империалистического государства.

Народные массы Украины — рабочие и крестьянская беднота — единодушно поддержали социалистическую революцию. Огромную роль при переходе власти в руки Советов сыграли солдаты Юго-Западного и Румынских фронтов, матросы Черноморского флота и солдаты местных гарнизонов, в которых украинцы составляли большинство.

Картина победы пролетарской революции на Украине не имеет ничего общего с клеветнической версией, будто Советская власть была принесена туда на штыках завоевателей. Движущей силой социалистической революции и на Украине были рабочие и крестьянская беднота. Вместе с трудящимися всей Советской России они довели ее до победы.

В ходе революции трудящиеся массы Украины осознали, что вне союза с другими народами Советской страны, прежде всего с русским народом, Украина превратится в игрушку иностранных оккупантов, а рабочие и крестьяне снова попадут под ярмо помещиков и буржуазии.

Рабочие Советской России не оставляли в беде своих братьев по классу. Так, доведенные до голода хозяйничаньем Центральной рады, рабочие Николаева обратились в Петроград, откуда и получили необходи-

---

[586] *М. С. Френкин.* Некоторые вопросы деятельности Центральной рады и ее войсковых органов в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 33.

мую помощь. Рабочие одесского завода Гена направили делегацию к В. И. Ленину и также получили необходимую поддержку [587]. Киевский «Арсенал» получил деньги из Петрограда для расчета с рабочими [588].

Советская власть помогала трудящимся Украины не только финансами, но и оружием — рабочие Донбасса, Харькова, Екатеринослава получили оружие из Тулы. Из Петрограда и Москвы на помощь революции на Украине отправлялись тысячи солдат-украинцев. На Украину было направлено немало активных большевиков-украинцев, среди них В. А. Антонов-Овсеенко, Ю. М. Коцюбинский, В. М. Примаков.

В разгроме Центральной рады приняли активное участие красногвардейцы и матросы из Петрограда и Москвы, Минска и Брянска, Риги и Ревеля. Представители многих народов Советской страны помогали трудящимся Украины добиться мира, земли и свободы.

Революция на Украине еще раз подтвердила непоколебимое единство многонациональной по составу партии большевиков, самоотверженно и умело руководившей массами в борьбе за Советскую власть.

7

ПРИФРОНТОВЫЕ РАЙОНЫ [589]

В три прифронтовых района мы включаем следующие губернии:

а) в Северо-Западный район (Прибалтика) — Лифляндскую, Эстляндскую и Виленскую губернии.

б) в Западный район (Белоруссия) — Минскую, Могилевскую, Витебскую, Гродненскую, часть Виленской и близкие к ним Смоленскую, Псковскую и Новгородскую губернии.

в) в Юго-Западный район (Молдавия) — Бессарабскую губернию.

Губернии, входившие в указанные прифронтовые районы, отличались друг от друга уровнем промышленного развития, соотношением классовых сил и глубиной национальных противоречий. Белоруссия, например, отставала в промышленном развитии от Латвии и вместе с тем характеризовалась большей остротой национального вопроса.

Однако с точки зрения установления Советской власти эти разнородные районы имели одну общую характерную черту: близость к фронту, чем и объяснялось значительное, а иногда и определяющее влияние солдатских масс на ход происходивших здесь революционных событий.

Отсюда, конечно, не следует, что солдаты являлись главной, а тем более единственной движущей силой социалистической революции, что Советская власть устанавливалась в названных районах «силой штыка»

---

[587] «Победа Советской власти на Украине», стр. 413, 414.

[588] «1917 год на Киевщине», стр. 459, 460. Центральная рада пыталась отобрать эти деньги, прислав к «Арсеналу» в ночь на 29 декабря 1917 г. сотню украинских казаков с бронированными легковыми автомобилями, но вооруженные рабочие не пустили их на завод.

[589] Поскольку революционные события в уездах Петроградской губернии были тесно связаны с Петроградом, вопрос об установлении власти Советов в Петроградской губернии здесь специально не рассматривается.

мобилизованных сюда из других мест солдат. Во-первых, солдаты на Северном и Западном фронтах в основном шли за большевиками. В. И. Ленин указывал, что, судя по выборам в Учредительное собрание, армия к октябрю — ноябрю 1917 г. в целом была наполовину большевистской, а Северный и Западный фронты — почти на $^2/_3$ [590]. Во-вторых, солдаты-фронтовики отнюдь не всегда были «чужими пришельцами», среди них было много местных рабочих и крестьян (например, латышские стрелки в Прибалтике). В-третьих, роль и влияние солдатских масс на события зависели от соотношения классовых сил в данном районе, прежде всего от наличия пролетариата и большевистских организаций. Нам уже приходилось отмечать, что пролетариат таких промышленно развитых районов, как Латвия и Эстония, оказывал решающее влияние на революционные события в армиях Северного и Западного фронтов. Пролетариат шел здесь в авангарде и вел за собой солдатские массы.

Конечно, влияние армии сказывалось на темпах развития пролетарской революции и установления Советской власти. Но в основе этого процесса лежали общие объективные и субъективные предпосылки социалистической революции и специфические условия в отдельных районах.

Северо-Западный прифронтовой район (Прибалтика)

Латвия и Эстония были крупными промышленными центрами России, экономически тесно связанными с ее центральными районами.

В 1913 г. городское население Латвии составляло 38%. По объему промышленной продукции на душу населения она стояла на третьем месте после Петроградской и Московской губерний. Накануне первой мировой войны здесь насчитывалось 108 тыс. промышленных рабочих [591]. В Эстонии и Латвии была весьма значительной концентрация пролетариата: в 1913 г. число рабочих, занятых на одном предприятии, в среднем составляло 144 человека. 52% латвийского пролетариата и 72% эстонского пролетариата работало на предприятиях с 500 и более рабочих [592]. Имелись в Латвии и заводы, насчитывавшие свыше 1 тыс. рабочих, например, «Проводник» в Риге, на котором в 1913 г. трудилось более 13 тыс. рабочих [593]. Более 1 тыс. человек были заняты на Рижском и Даугавпилсском железнодорожных узлах.

Пролетариат Латвии подвергался жестокой эксплуатации со стороны как местной, так и иностранной буржуазии. В 1914 г. в Латвии существовало 89 акционерных обществ, причем почти половина их основного капитала принадлежала иностранцам. В Рижском банке в том же году иностранный капитал составлял 50% всего капитала [594].

---

[590] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 9, 10.

[591] *Ф. Деглав.* Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии? Рига, 1947, стр. 11; «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М., 1967, стр. 12.

[592] *Ф. Деглав.* Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии?, стр. 12; *П. Дауге.* Октябрьская революция в Латвии.— «Исторический журнал», 1940, № 11, стр. 33; «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 14.

[593] «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 11.

[594] *Ф. Деглав.* Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии?, стр. 11. Подробнее о монополизации промышленности Прибалтики и засилье в ней русского и иностранного капитала см.: «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 14—21.

Многочисленность латвийского пролетариата, его высокая концентрация на крупных предприятиях, жестокая капиталистическая эксплуатация и политическое бесправие рабочих при наличии сильной революционной социал-демократической организации — все это превращало рабочий класс Латвии в мощную революционную силу. Пролетарские круги Латвии всегда были тесно связаны с большевистским крылом РСДРП, а в революции 1905—1907 гг., как писал В. И. Ленин, «латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя» [595].

Значительные кадры рабочего класса, также имевшего давние революционные традиции, были в Эстонии. Перед первой мировой войной здесь насчитывалось более 40 тыс. промышленных рабочих [596], около $^2/_3$ которых работало в Таллине (Ревеле).

Литва была наиболее аграрным районом Прибалтики. Процент пролетариата здесь был наименьшим, а в промышленности преобладали главным образом ремесленные мастерские. Всего же в Литве в 1912 г. насчитывалось до 20 тыс. рабочих [597].

Таким образом, одной из наиболее характерных особенностей Прибалтики накануне Октября было наличие значительных сил пролетариата. Многочисленная политическая армия социалистической революции имелась и в прибалтийской деревне.

Безземельное и малоземельное крестьянство, которое по своему социальному положению являлось союзником пролетариата в социалистической революции, составляло в Эстонии $^2/_3$ всего крестьянского населения, а в Латвии — 80%. В Литве около пятой части крестьян совершенно не имели земли, а около половины были малоземельными. Наличие огромного числа безземельных крестьян представляло собой специфическую особенность прибалтийской деревни [598]. «Тело мокнет в поте, а глаза — в слезах»,— писал поэт Ян Райнис о горькой жизни неимущих крестьян.

Но особенности прибалтийской деревни этим не исчерпывались: безземелье трудового крестьянства являлось характерным для подавляющего большинства районов дореволюционной России. Специфическим для Латвии, Эстонии и Литвы было переплетение в деревне классового и национального гнета. Экономическая и политическая сила сосредоточивалась не только у местных кулаков («серых баронов»), но в немалой степени и у немецких помещиков, потомков «псов-рыцарей» («черных баронов»). В руках последних находились огромные земельные владения: в Латвии они владели 46,5% земельных площадей, в том числе $^2/_3$ всех лесов. Семья барона Вольфа имела здесь 36 поместий площадью в 289 894 га, семья фон Липпарта — 24 имения в 68 058 га и т. д. [599]

---

[595] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 305.

[596] «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 13.

[597] Там же. В Вильнюсской и Каунасской губерниях в 1906 г. было 21 636 фабрично-заводских и 70 166 ремесленных рабочих. Около 85% промышленных предприятий губернии насчитывали менее 50 рабочих в каждом. Лишь на одном заводе имелось более 500 рабочих и на одном — более 1000 (*Б. К. Глик.* Революционное рабочее движение в Литве в 1905 году. Канд. дисс. Вильнюс, 1952, стр. 15, 24).

[598] «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 29, 31—32.

[599] *А. Лейт.* Агрессия капиталистических держав в Советской Латвии (1917—1920 гг.). Рига, 1952, стр. 17.

Всего в латвийской деревне накануне первой империалистической войны проживало около 18 тыс. немецких колонистов. Прибалтийские бароны использовались кайзеровской Германией в ходе подготовки войны против России, а также в осуществлении агрессивных планов.

Переплетение классового гнета с национальным было свойственно и эстонской деревне.

Борьба трудящихся за землю, против экономического угнетения сливалась в Прибалтике с борьбой против засилья немецких баронов, против их национального и политического гнета. Значительные размеры приняло движение батраков. В латвийской деревне существовали классовые организации сельскохозяйственных рабочих — Советы безземельных. В Эстонии из 547 тыс. сельских хозяев 200 тыс. были сельскохозяйственными рабочими и батраками, а 188 тыс.— беднейшими крестьянами, арендовавшими небольшие земельные участки [600]. Большую поддержку сплочению и организации сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян оказывали латышские стрелковые полки [601].

В ходе классово-национальной борьбы прибалтийских народов создавались благоприятные условия для боевого союза рабочего класса и крестьянства.

Особенность развития революционных событий в Прибалтике (равно как и в Белоруссии) заключалась в том, что ее губернии являлись ареной военных действий. Почти вся Литва, южная часть Латвии длительное время были оккупированы немецкими войсками. Кайзеровские власти установили здесь жестокий оккупационный режим, проводили массовые реквизиции, а все оборудование неэвакуированных предприятий вывозили в Германию [602].

В период оккупации население Литвы вымирало от эпидемий холеры, тифа и других инфекционных болезней. Из занимаемых противником районов в Эстонию направлялись тысячи беженцев, которые оказывались здесь в бедственном положении.

Военные действия на территории Прибалтики, приносившие неисчислимые страдания народным массам, в определенной мере отрицательно влияли на развитие революционного движения. На незанятой противником территории серьезный ущерб работе партийных организаций наносила эвакуация. В августе 1915 г. в связи с приближением линии фронта начался вывоз в глубь России предприятий из Риги. Вместе с фабриками и заводами эвакуировалась и значительная часть рижского пролетариата. Из 87 тыс. фабрично-заводских рабочих, трудившихся в латвийской столице накануне войны, к октябрю 1916 г. осталось всего лишь 1500. Металлисты — основное революционное ядро местного пролетариата — были почти полностью эвакуированы или призваны в армию. Повлияла на сокращение общего числа рабочих и мобилизация молодежи. В результате классовая база для роста большевистской партии сузилась. Ее ряды, со-

---

[600] *И. С. Луговинов.* Установление Советской власти на северо-западе России. Воронеж, 1970, стр. 60.

[601] *Я. Каймин.* Латышские стрелки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.— «Коммунист Советской Латвии», 1954, № 10, стр. 25.

[602] Только из Латвии было вывезено 395 промышленных предприятий. Из 804 669 хозяйственных построек Латвии 83 402 (10,4%) были разрушены полностью, а 116 432 (14,5%)—частично. Около 600 тыс. человек потеряли кров (*А. Лейт.* Агрессия капиталистических держав в Советской Латвии, стр. 20).

стоявшие преимущественно из промышленных рабочих, поредели. В конце 1914 г. во всех пяти районах Риги насчитывалось 1364 члена партии. Осенью 1915 г. ввиду малочисленности организаций из пяти районных организаций остались две [603].

Но наряду с отрицательными сторонами близость фронта имела и серьезные положительные последствия. На территории Прибалтики (особенно в Эстонии) находилось значительное количество войск, в том числе такие активно участвовавшие в революционных событиях части, как 12-я армия и корабли Балтийского флота [604]. Здесь же дислоцировались латышские стрелковые полки, состоявшие из революционно настроенных рабочих и крестьянской бедноты. Их численность превышала 40 тыс. человек, они включали 8 действующих полков и запасный полк. Наряду с сибирскими частями они считались самыми боеспособными на Северном фронте. Число членов большевистской партии в латышских полках с 71 человека в марте выросло до 3 тыс. в августе 1917 г. [605]

Основная масса латышских стрелков уже в апреле поддерживала большевиков, а к октябрю они стали прочной вооруженной опорой пролетариата [606]. В 12-й армии, с которой латышские полки были тесно связаны, военная организация большевиков создала «левый блок», объединявший все революционные силы армии. Опираясь на этот блок, большевики сорвали попытки контрреволюции расформировать латышские и другие революционные полки. Русские революционные части помогали латышам, а латышские в свою очередь приходили на помощь русским революционным в йскам [607].

Еще более важное, по существу определяющее влияние на политическую обстановку в прибалтийских районах оказывала близость центра революционной борьбы и штаба большевистской партии — Петрограда, а также таких крупных революционных очагов, как Кронштадт, Гельсингфорс, Рига, Двинск, Ревель и Нарва.

На неоккупированной части Прибалтики существовали активные военные и гражданские большевистские организации. Накануне Октября в Латвии числилось 6500 большевиков, в Эстляндии — 8100 [608]. Партийные организации Прибалтики работали в тесном контакте с большевиками крупных революционных центров, прежде всего Петрограда. Я. А. Берзин (Зиемелис) и И. Т. Смилга входили в состав ЦК партии большевиков, а П. И. Стучка и Г. Крэла — в Петербургский комитет [609]. В ходе борьбы за

---

[603] *А. Шелюбский.* Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года.— «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 70.

[604] В Таллине (Ревеле) в 1917 г. стоял ряд крупных военных кораблей: «Петр Великий», «Баян», «Адмирал Макаров», «Олег». На отдельных кораблях, например на крейсере «Память Азова», с самого начала большевистское влияние было определяющим.

[605] В полках имелись крепкие партийные организации, возникшие еще до революции и тесно связанные с СДЛК, а также с Центральным и Петроградским комитетами большевистской партии.

[606] *А. П. Шелюбский.* Борьба большевиков за солдатские массы на Северном фронте в 1917 году. Канд. дисс. М., 1948, стр. 166, 195; *R. Kisic.* Oktobra revolucija un latviesu strelniek. Riga, 1958, стр. 41.

[607] *Я. Каймин.* Латышские стрелки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.— «Коммунист Советской Латвии», № 10, 1954, стр. 26.

[608] *И. С. Луговинов.* Установление Советской власти на северо-западе России, стр. 69.

[609] Там же, стр. 66—67.

влияние на массы крепла дружба русских, латвийских и эстонских большевиков.

Серьезных успехов большевики Прибалтики добились в интернациональном воспитании трудящихся. Пролетариату Латвии и Эстонии были чужды националистические предрассудки,— он подтвердил это своей длительной борьбой против своих и российских помещиков и буржуазии. Большевики Прибалтики сумели доказать широким массам, что местная буржуазия не может ликвидировать национальный гнет.

Мы уже писали о том, что в борьбе с нараставшим революционным движением помещики и буржуазия искали помощи у иностранных империалистов. В Прибалтике немецкие бароны делали ставку на вмешательство Германии, а в среде национальной буржуазии шли длительные споры о том, на кого ориентироваться — на Германию или Антанту [610]. Правительства западных держав охотно откликнулись на призывы о помощи. Прибалтика была тем плацдармом, за обладание которым шла упорная борьба между империалистическими кругами разных стран. Все же большинство национальной буржуазии склонялось на сторону Антанты. Один из лидеров буржуазных националистов, Гольдманис, на заседании буржуазного латышского «Временного национального совета» 17 ноября сообщал: «Переговоры с английскими и французскими представителями уже начаты, и их следует продолжать, так как чувствуется, что они идут нам навстречу... Таким образом, мы в настоящее время должны обращать свои взоры на союзников и Соединенные Штаты Америки, где также предприняты меры...» [611] Большевики разоблачили происки помещиков и буржуазии, рассчитывавших на приход иностранных интервентов, и народные массы не шли за буржуазными националистами. Это, в частности, показали выборы в Учредительное собрание. В Латвии, например, большевики получили на этих выборах 72% голосов, а в латышских стрелковых полках — 96,5% [612].

В решающие дни борьбы за свержение Временного правительства руководство партии большевиков поставило перед частями Северного фронта задачу не допустить переброски контрреволюционных войск на помощь Керенскому. Выполняя эту задачу, 26 и 27 октября по приказу Военно-революционного комитета 12-й армии 1-й и 3-й полки латышских стрелков заняли Цесис. В последующие дни 7-й полк вступил в Вольмар (Валмиера), а 6-й полк вместе с 436-м Новоладожским полком и артиллерией направился в Валк [613].

Сразу же после получения известий о свержении Временного правительства ЦК СДЛК организовал в городах и воинских частях митинги и издал информационный бюллетень о победе социалистической революции в Петрограде и переходе всей власти в руки Советов. Военно-революционный комитет 12-й армии отдал приказ об аресте всех контрреволюционных офицеров, и солдаты повсеместно выполнили его.

Пленарное заседание Латышского Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов, проходившее 8—9 ноября в Валке, приняло резолю-

---

[610] Подробнее см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 75; т. 2. М., 1968, стр. 805—810.

[611] *Я. Вилнис.* О попытках вмешательства во внутренние дела народов Прибалтики.— «Международная жизнь», 1956, № 9, стр. 31.

[612] «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 312.

[613] Там же, стр. 310—311.

цию о переходе власти к Советам на всей неоккупированной территории Латвии.

Пленум Совета послал в Петроград приветствие Совнаркома и ЦИК Советов. «Революционная Латвия в лице Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов,— говорилось в приветствии,— ликвидируя остатки старого правительства и беря всю власть в свои руки, шлет товарищеский привет революционному правительству Советов, Народным Комиссарам и Центральному Исполнительному Комитету Советов и обещает всеми силами и средствами поддержать их в великой борьбе» [614].

16—18 декабря в Вольмаре состоялся II съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных крестьянских депутатов Латвии. В работе съезда приняли участие 297 делегатов из городов, волостей и местечек неоккупированной части Латвии и всех латышских стрелковых полков. В составе делегатов было 258 большевиков, 34 беспартийных и 5 эсеров и меньшевиков. В работе съезда участвовали и представители Латгалии. Председателем съезда был избран большевик Ф. Розинь-Азис.

Съезд объявил, что перед революционной Советской властью стоит задача приступить к построению социализма. Съезд избрал Совет депутатов Латвии в составе 69 большевиков, среди которых были: Ф. Розинь-Азис, Э. Эфферт-Клусайс, Э. Викснинь, Б. Раузе, Я. Зиле, А. Самсон, Я. Вилкс, О. Лидак, К. Дворецкий-Каулинь, К. Гайлис, К. Сержант, Н. Аллен, Я. Круминь (Пилат), Ю. Межинь, Э. Зандрейтер.

22 декабря Совет рабочих, солдатских и безземельных крестьянских депутатов Латвии создал Советское правительство Латвии (Исколат) во главе с Ф. Розинь-Азисом [615].

В Эстонии, так же как и на неоккупированной территории Латвии, революция победила почти бескровно. 22 октября был образован Военно-революционный комитет Эстонского края; на следующий день он взял под свой контроль стратегически важные пункты в Ревеле и в районе крепости. Все воинские части заявили о своей готовности подчиниться Советам. В каждую часть и важнейшие учреждения были назначены комиссары Военно-революционного комитета [616].

24 октября по указанию ЦК РСДРП(б) Всеэстонский ВРК начал восстание. Утром 26 октября Военно-революционный комитет пригласил на заседание командующего сухопутными войсками Ревельского укрепленного района Генрихсона, начальника береговой обороны Жерве и коменданта крепости, потребовал от них подчиниться власти Советов и не передвигать войска без согласия комиссара ВРК [617].

Исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Эстонии одобрил меры ВРК. В Петроградский ВРК исполкомом была послана телеграмма: «Ревельский Военно-революционный комитет запретил отправку войск на Петроград из Ревеля. Если потребуется — будет прекра-

---

[614] «Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции». Документы и материалы. Рига, 1963, стр. 523; *А. А. Дризус.* Великий Октябрь в Латвии, стр. 306—310.

[615] «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 319—321.

[616] *Р. Миккер.* Борьба за Советскую власть в Эстонии в 1917—1919 гг.— «Исторический журнал», 1940, № 11, стр. 47—48; подробнее см.: *И. Саат, К. Сийливаск.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977, стр. 232—233, 239—245.

[617] *И. С. Луговинов.* Установление Советской власти на северо-западе России, стр. 232.

щен проезд в Петроград войск из всех пунктов района. Ждем распоряжений»[618].

Действия ВРК Эстонии не позволили контрреволюции направить войска из Ревельского района на подавление восстания в Петрограде. 26 октября было опубликовано воззвание Всеэстонского ВРК. «Совершилась величайшая революция,— говорилось в воззвании.— Все вы должны стать непобедимой стеной на защиту и поддержку революционной Советской власти. Будьте на страже, товарищи солдаты, матросы, рабочие!... Военно-революционный комитет при исполкоме Советов Эстонии обладает полнотой власти в Эстонии. На местах власть принадлежит Советам рабочих, солдат, безземельных крестьян и мелких дворохозяев как полноправным органам»[619]. 27 октября губернский комиссар и его подчиненные были отстранены, а их функции перешли к Военно-революционному комитету во главе с В. Кингисеппом.

Эстонская буржуазия, поддержанная соглашателями, пыталась противопоставить Советам губернский земский Совет, объявив его единственным органом власти. Но 15 ноября состоялась демонстрация рабочих, солдат и моряков, решительно протестовавших против этой контрреволюционной затеи. Демонстранты разогнали эстляндский земский Совет[620]. В Юрьеве эстонские буржуазные националисты пытались 21 ноября организовать мятеж против власти Советов. Но из 7 тыс. солдат 1-го Эстонского полка им удалось вывести на улицу всего лишь около двух рот, обманутых националистической пропагандой. Юрьевский Совет, поддержанный большинством солдат полка, подавил мятеж еще до того, как из Таллина подошел отряд В. Кингисеппа, присланный на помощь[621].

Советская власть была единодушно поддержана всеми трудящимися. «Ни земства, ни городские думы не имеют силы — повсюду только Советы. Абсолютное влияние большевиков. Крестьянство и батраки тоже на стороне большевиков»,— так лаконично и точно сообщил орган Народного комиссариата внутренних дел о победе Советской власти в Эстонии[622].

В Литве, оккупированной германскими войсками, Временное рабоче-крестьянское правительство было создано только 8 декабря 1918 г., а 16 декабря 1918 г. это правительство объявило власть «Тарибы» (буржуазно-националистический Национальный совет) низложенной.

С революционными событиями в Прибалтике и на Северном фронте было тесно связано установление Советской власти в Пскове, где находился штаб Северного фронта. Учитывая враждебность штаба Северного фронта революции, Петроградский ВРК принял решение создать в Пскове Северо-Западный боевой комитет, в распоряжение которого Я. М. Свердлов послал агитаторов из моряков Кронштадта, поручив им завоевать гарнизон на сторону революции и не допустить посылки контрреволюционных войск на Петроград[623]. Получив сообщение о восстании в столице, Северо-Западный боевой комитет 25 октября установил контроль над штабом Се-

---

618 «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 154.
619 «Борьба за Советскую власть в Прибалтике», стр. 132.
620 *И. С. Лутовинов.* Установление Советской власти на северо-западе России, стр. 289.
621 Там же, стр. 290.
622 «Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел», 1918, № 4, стр. 8.
623 *И. С. Лутовинов.* Установление Советской власти на северо-западе России, стр. 163—164.

верного фронта, почтой, телеграфом и железнодорожным узлом. Председатель комитета сообщил в Петроградский ВРК о принятых мерах[624]. 26 октября состоялись перевыборы Псковского Совета, принесшие победу большевикам. Вечером того же дня в Пскове был создан ВРК[625]. Он установил связь с революционными организациями Ревеля, Нарвы, Новгорода, Дна, Осташкова, призывая не пропускать контрреволюционные войска на Петроград.

Однако в связи с захватом Керенским Гатчины положение в Пскове осложнилось. Ставка потребовала от штаба Северного фронта освободить занятый ВРК железнодорожный узел. В город были введены казаки. Контрреволюционные войска 27 октября заняли вокзал, все важнейшие пункты города и арестовали председателя ВРК В. Л. Панюшкина. В Псков прибыл лидер эсеров В. М. Чернов. Был создан «Комитет спасения родины и революции».

Но контрреволюции не удалось ликвидировать ВРК. Рабочие и воинские части принимали резолюции поддержки ВРК и требовали освобождения его председателя. Опираясь на всеобщую поддержку, Псковский ВРК освободил из тюрьмы В. Л. Панюшкина и более 400 политзаключенных, вступивших затем в революционные отряды. ВРК овладел положением в городе, занял вокзал и задержал около 40 эшелонов, направленных Ставкой в столицу[626]. Подавив контрреволюцию в Пскове, большевики 1 ноября 1917 г. организовали Северо-Западный ВРК. Он объявил себя высшим органом власти в районе и потребовал от всех местных ревкомов поддержать Советскую власть[627]. 6 ноября в Пскове открылась конференция ревкомов Северо-Западной области и воинских частей Северного фронта. На конференции было принято решение обязать все ревкомы немедленно провести перевыборы тех Советов, где еще преобладали эсеры и меньшевики[628]. Конференция предложила местным ВРК установить контроль над средствами связи, учесть все продовольственные запасы и т. д.

Власть Советов в уездах Псковской губернии установилась в конце октября — начале ноября 1917 г.

* * *

Переход власти к Советам в Латвии и Эстонии совершился быстро и бескровно. Этому способствовал ряд важных обстоятельств.

Во-первых, наличие промышленного пролетариата, обладавшего большим опытом революционной борьбы. Пролетариат Латвии и Эстонии вместе с рабочими России активно участвовал в революционном движении, занимая одно из первых мест в рядах армии революции.

Во-вторых, существование в Латвии и Эстонии сильных большевистских организаций. Правда, эвакуация промышленности, вызванная военными условиями, ослабила партийные организации. Но крепкие революционные традиции позволили быстро справиться с трудностями и восполнить определенную часть потерь. При этом важно подчеркнуть, что

624 Там же, стр. 191.
625 «Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917—1918 гг.». Сборник документов. Псков, 1957, стр. 124.
626 *И. С. Луговинов.* Установление Советской власти на северо-западе России, стр. 229.
627 Там же, стр. 230—231.
628 «Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии», стр. 134.

эвакуированные из Латвии и Эстонии рабочие, среди которых было немало большевиков, вступали в ряды революционных борцов в новых районах и сыграли большую роль в установлении Советской власти на местах.

В-третьих, близость Петрограда. Революционная энергия и инициатива петроградских рабочих вдохновляли их прибалтийских братьев по классу, усиливали организованность пролетариев Латвии и Литвы. В Петрограде и Москве было много рабочих — уроженцев Прибалтики. Они поддерживали тесную связь с рабочими Латвии и Эстонии, передавали им свой опыт, накопленный в совместной с пролетариатом столицы борьбе. Развертывание революционных событий в прибалтийских районах было, таким образом, тесно связано с Октябрьской революцией в Петрограде, Москве и других городах страны.

В-четвертых, близость фронта. Местные партийные организации вели систематическую работу среди солдатских масс, помогая создавать большевистские комитеты в воинских частях, а военные организации большевиков в свою очередь активно участвовали в революционной борьбе трудящихся Прибалтики. Большевики латышских полков и эстонских формирований сыграли важную роль в победе пролетарской революции не только в Прибалтике, но и в Петрограде.

Для успеха революции в Прибалтике немаловажным обстоятельством являлось интернационалистическое воспитание трудящихся масс. На собственном опыте и с помощью разъяснительной работы партии большевиков трудящиеся убеждались, что ни буржуазные, ни соглашательские партии не разрешат национального вопроса, не ликвидируют национального гнета. Рабочие и крестьяне поняли, что только социалистическая революция вместе с уничтожением всех форм эксплуатации ликвидирует и национальный гнет. Это сознание явилось серьезным условием победы Советской власти.

Западный прифронтовой район (Белоруссия)

В Белоруссию входили Минская, Могилевская, Витебская, Гродненская и часть Виленской губернии [629]. В этих губерниях к началу XX в. проживало примерно 7,5 млн. человек, которые по национальной принадлежности распределялись следующим образом (в %) [630]:

Губерния	*Белорусы*	*Русские*	*Украинцы*	*Евреи*	*Поляки*	*Латыши*	*Литовцы*	*Прочие*
Минская	75,5	4,0	—	11,0	3	—	—	6,5
Могилевская	82,0	3,4	—	12,0	1	—	—	1,6
Виленская	55,7	5,0	—	12,5	8	—	18,7	0,1
Витебская	52,5	13,5	—	11,6	—	17,5	—	4,9
Гродненская	44,1	—	22,6	18,6	10	—	—	4,7

[629] В состав нынешней Белорусской Советской Социалистической Республики не входят Белостокский, Бельский и Сокольский уезды бывшей Гродненской губернии, Велижский, Двинский, Люцинский, Невельский и Себежский уезды бывшей Витебской губернии, а также Виленский, Свенцянский и Трокский уезды бывшей Виленской губернии.

[630] Процент подсчитан нами по данным сборника «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)», т. III. Минск, 1953, стр. 30.

Таким образом, белорусы составляли в пяти указанных губерниях компактное большинство.

В системе Российской империи Белоруссия являлась одной из отсталых окраин со слаборазвитой, главным образом ремесленного типа, промышленностью. Перед первой мировой войной в Белоруссии насчитывалось около 60 тыс. рабочих, разбросанных по 1300 предприятиям, причем только 7,1% общего числа предприятий (91) имели более 100 рабочих каждое [631].

Промышленная отсталость проявлялась не только в небольших размерах фабрик и заводов, но и в удельном весе промышленности Белоруссии в экономике края. Доля промышленной продукции в народном хозяйстве составляла здесь в 1913 г. 25% (против 42% по всей России) [632]. Производство средств потребления в белорусской промышленности решительно преобладало над производством средств производства. Основными отраслями промышленности Белоруссии были лесная, деревообрабатывающая, винокуренная, кожевенная, пивоваренная, мукомольная.

Развитие капиталистической промышленности Белоруссии, хотя и не столь интенсивное, как в центральных районах России, сопровождалось усилением роли банков, сращиванием банковского капитала с промышленным. На территории Белоруссии имели отделения шесть крупнейших банков («Соединенный», «Русско-Французский коммерческий», «Русско-Азиатский коммерческий», «Азово-Донской коммерческий», «Московский» и «Государственный»). В белорусскую экономику продолжал внедряться иностранный капитал. С 1908 по 1913 г. иностранные капиталисты организовали здесь 4 новых предприятия [633]. Всего в 1913 г. иностранному капиталу принадлежало 19 предприятий, производивших 6,7% валовой продукции фабрично-заводской промышленности Белоруссии [634].

Для экономического положения белорусского рабочего характерно, что он получал в среднем только $^2/_3$ того, что получал рабочий в России, и меньше половины (49%) средней заработной платы петроградского рабочего.

Больше половины и притом лучших земель в Белоруссии принадлежало помещикам. Владения размером свыше 500 десятин в Витебской, Минской и Могилевской губерниях не превышали 6% всех имений, земли же в них было сосредоточено 78,7% (5 095 336 десятин). В руках 91 крупного собственника сосредоточивалось 1 973 350 десятин (в среднем около 22 тыс. десятин на одно хозяйство). Например, княгиня Гогенлоэ владела 712 тыс. десятин, князь Витгенштейн — 700 тыс., граф Тышкевич — 296 тыс. и т. д. [635]

В помещичьих имениях хозяйство в большинстве случаев велось по-капиталистически, хотя в то же время сохранялось немало пережитков крепостничества: практиковались, например, кабальные отработки за взятую в аренду помещичью землю, была широко распространена смешанная — отработочная и капиталистическая — система.

---

631 «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)», т. III, стр. 81.

632 «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1954, стр. 430.

633 Там же.

634 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 18.

635 «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 13, 19, 27. СПб., 1906.

В. И. Ленин относил Минскую губернию к числу тех, где преобладала капиталистическая система ведения сельского хозяйства, а Витебскую и Могилевскую — к тем, где преобладала смешанная система [636].

Крестьянских дворов с наделом до 15 десятин в Витебской, Минской и Могилевской губерниях насчитывалось 394 828, т. е. 92,8% всех крестьянских хозяйств.

В белорусской деревне бедняцкие крестьянские хозяйства составляли более $^2/_3$ всех хозяйств. Среди них десятую часть крестьян составляли безземельные, пятую часть — безлошадные.

Накануне первой мировой войны в Белоруссии было более 200 тыс. сельскохозяйственных рабочих [637]. Наличие значительного слоя сельскохозяйственного пролетариата облегчало работу большевистской партии в деревне, целью которой было создание союза пролетариата с беднейшим крестьянством. В мае 1917 г. в Белоруссии стали создаваться Советы батрацких депутатов. Подавляющее большинство белорусских крестьян испытывали острую нужду в земле. Именно поэтому в 1917 г. они так активно боролись за захват помещичьих имений.

Кулачество Белоруссии широко практиковало покупку земли, арендовало наделы разорявшейся деревенской бедноты. По данным статистики 1905 г., только в восточных уездах Белоруссии насчитывалось 1 249 363 десятины купчих крестьянских земель [638].

Отработки, издольщина, наемный труд у помещика на кабальных условиях были широко распространены в Белоруссии [639].

В качестве объективной необходимости, обусловленной глубокими экономическими причинами, перед рабочими и трудящимися крестьянами Белоруссии, как и перед всей Россией, стояла задача ликвидации пережитков крепостничества, уничтожения помещичьего землевладения, передачи земли трудящимся крестьянам.

В Белоруссии трудящиеся не только несли на себе гнет царизма и русской буржуазии, но и подвергались эксплуатации польских помещиков, в руках которых находилась бóльшая часть земли. Таким образом, социальные противоречия дополнялись здесь национальными. Это не могло не обострить национально-освободительной борьбы в Белоруссии.

Мелкобуржуазный состав населения и ремесленный характер пролетариата объясняют наличие в Белоруссии нескольких буржуазно-националистических организаций: Белорусской рады, Белорусской партии народных демократов (БПНД), Бунда [640]. Однако им не удалось добиться сколько-нибудь серьезного влияния в массах. Среди ряда причин, обусловивших крах их националистической политики (тяжелые последствия эксплуатации, бедствия войны, деятельность большевистских организаций в частях Западного фронта), значительную роль сыграло и то, что эти партии поддерживали контрреволюцию.

Белоруссия полностью входила в прифронтовой район. Еще с лета 1915 г. ее территория стала ареной военных действий: фронт проходил по линии Двинск — Свенцяны — Пинск — Лунинец — Барановичи. Значи-

---

[636] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 188.
[637] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 27.
[638] «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 13, 19, 27.
[639] «История Белорусской ССР», т. I, стр. 431.
[640] *И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 520.

тельная часть белорусской территории с населением около 3 млн. человек была оккупирована немцами.

Близость фронта ухудшила положение широких масс трудящихся. В городах и селах появилась масса беженцев. Согнанные с родных мест, лишенные крова и работы, получая жалкую подачку от правительства, они особенно страдали от тягот войны. Но тяжелые бедствия обрушились и на коренных жителей. Число предприятий в Белоруссии за время войны резко сократилось: в Могилевской губернии из 212 предприятий к 1916 г. сохранилось 141, в Витебской — из 186 — 93. Валовая продукция промышленности упала на треть. В 1917 г. число предприятий продолжало сокращаться[641]. С оккупированной противником территории шел массовый вывоз промышленного оборудования и сырья в Германию. Посевная площадь уменьшилась наполовину. Экономическая разруха усиливала народное недовольство.

В Белоруссии были сосредоточены 2-я, 3-я и 10-я армии Западного фронта. Вся ее территория была до предела насыщена тыловыми военными организациями и предприятиями, а также специальными мастерскими. Для работы в них были мобилизованы квалифицированные рабочие Петрограда, Москвы, Урала, Донбасса и других промышленных районов. Так, в артиллерийской мастерской Минска работало до 2 тыс. рабочих, в Бобруйске — до 1,4 тыс., в Гомельских автомобильных мастерских, в авиационном и артиллерийском парках, на военной базе — до 10 тыс. человек[642]. В военных мастерских и на предприятиях, расположенных в Белоруссии, были сосредоточены значительные силы пролетариата, на которые опирались большевики в своей революционной работе. Здесь русские рабочие передавали свой революционный опыт белорусским товарищам, что укрепляло их боевой, революционный союз.

Большевистские организации пользовались среди трудящихся Белоруссии большим авторитетом. В Белоруссии и на Западном фронте работали в этот период ряд выдающихся деятелей большевистской партии — М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников, П. Н. Лепешинский.

Успехи в борьбе за массы были завоеваны белорусскими большевиками в ходе длительной, упорной борьбы против соглашателей. В Белоруссии долгое время существовали объединенные организации большевиков и меньшевиков. Апрельские тезисы В. И. Ленина явились для большевиков Белоруссии, как и для всей партии, программой деятельности и острым оружием в борьбе за организационное и идейное сплочение своих рядов. Оценивая значение Апрельских тезисов В. И. Ленина для большевиков Белоруссии, А. Ф. Мясников писал, что благодаря им «нам удалось оформиться самим как определенной организации, хотя и до этого все мы считали себя большевиками»[643]. 1 июня 1917 г. большевики и меньшевики-интернационалисты Минска приняли на своем собрании резолюцию, в которой указывали, что не считают для себя возможным оставаться в одной организации с меньшевиками и бундовцами и организуются самостоятельно с целью проведения независимой от них политической линии. На этом собрании был образован временный комитет новой большевистской организации из 7 человек в составе А. Ф. Мясникова, С. Г. Могилевского и др.

---

[641] «История Белорусской ССР», т. I, стр. 478.
[642] Там же, стр. 482.
[643] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», изд. 2-е, ч. 1. Минск, 1968, стр. 296.

17 июля 1917 г. Минский комитет РСДРП(б) обратился с воззванием к рабочим, трудящимся крестьянам Белоруссии и солдатам Западного фронта, в котором говорилось: «Теперь мы уже самостоятельная организация последовательной социал-демократии. Мы как передовой отряд рабочего класса стремимся к социалистическому строю путем твердой классовой борьбы пролетариата...» [644].

Почти одновременно с образованием Минского комитета РСДРП(б) порвали с «объединенчеством» витебские большевики. Они 2 июля 1917 г. создали новую организацию — «Витебскую организацию интернационалистов», которая после VI съезда РСДРП(б) была преобразована в Витебский комитет РСДРП(б). В июне — августе 1917 г. большевики порвали с «объединенцами» и сформировали свои большевистские организации в Полоцке, Бобруйске, Слуцке, во многих частях Западного фронта и его тыловых подразделениях [645].

Под руководством большевиков трудящиеся Белоруссии ко времени решающих боев за победу социалистической революции накопили значительный революционный опыт. Они активно участвовали в борьбе против буржуазного Временного правительства, в разгроме контрреволюционного заговора Корнилова в августе 1917 г. Большевики Белоруссии, опираясь на поддержку трудящихся, добились изоляции Ставки от фронта и не пропустили в Петроград значительную часть корниловских войск.

В дни подавления контрреволюционного корниловского мятежа в Белоруссии начали создаваться красногвардейские отряды. Здесь, как и в Петрограде, организация большевиками разгрома корниловского заговора способствовала сплочению революционных сил для борьбы за победу социалистической революции. В целях усиления партийного руководства революционной борьбой масс большевики Белоруссии 15—18 сентября 1917 г. в Минске провели I Северо-Западную областную и фронтовую конференцию РСДРП(б), которая завершила оформление областной большевистской организации Белоруссии и Западного фронта. На конференции присутствовало 88 делегатов, которые представляли 7132 члена партии и 2058 сочувствующих. Крупнейшими партийными организациями, пославшими своих представителей на конференцию, были организация 2-й армии, насчитывавшая 2388 членов партии, Минская — 1200, 10-й армии — 1156, Гомельская — 820, 3-й армии — 632, Слуцкая — 200, Бобруйская — 187, Замирьевская — 135 [646].

Конференция приняла решения по вопросам политического и экономического положения, о войне, о выборах в Учредительное собрание, о репрессиях против большевиков, избрала областной партийный центр — Северо-Западный областной партийный комитет РСДРП(б). Район его действия распространялся на Минскую, Могилевскую, Витебскую, частично Виленскую губернию и на весь Западный фронт. В состав комитета вошло 27 человек. Председателем его был избран А. Ф. Мясников, секретарем — В. Б. Селезнев [647].

---

[644] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы, т. I. Минск, 1957, стр. 479.

[645] Там же, стр. 888; «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», изд. 2-е, ч. 1, стр. 309.

[646] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. I, стр. 686—687.

[647] Там же, стр. 695.

В резолюции «О политическом положении» конференция клеймила позором меньшевиков и эсеров, отдавших власть в руки контрреволюции. «Единственными организованными центрами революционной страны,— говорилось в резолюции,— остаются и еще больше становятся Советы, которые с каждым днем рвут с приспособленчеством меньшевистских и эсеровских лжесоциалистов... Во многих местах Советы берут власть в свои руки... Основой Советов служат пролетариат, деревенская беднота и солдаты, чутко прислушивающиеся к голосу партии пролетариата — большевиков...» [648]. Создание областной большевистской организации в Белоруссии было важным шагом на пути подготовки к штурму власти буржуазии.

О значении создания областного партийного объединения большевистских организаций Белоруссии и фронта Я. М. Свердлов писал 17 сентября фракции РСДРП(б) исполкома 3-го Сибирского армейского корпуса: «О конференции в Минске мы теперь знаем из рассказов приехавших оттуда товарищей. Очень хорошо, что областное объединение стало фактом. Имея всегда большое значение, оно в настоящее время приобретает особо важное значение, тем более, когда входящие в организацию группы разбросаны в различных местах» [649].

В обстановке развернувшейся подготовки к вооруженному восстанию против буржуазного Временного правительства большевики Белоруссии провели 5—7 октября 1917 г. в Минске II Северо-Западную областную конференцию РСДРП(б). 453 делегата представляли 38 591 члена партии и 27 856 сочувствующих. За 20 дней, прошедших со времени I областной конференции, число большевиков и им сочувствующих возросло более чем в 6 раз. Если даже принять во внимание, что ко II конференции были полнее учтены все большевистские организации, то все же нельзя не отметить бурного роста рядов партии, явившегося ярким свидетельством роста влияния большевиков в массах трудящихся [650].

Делегаты конференции в своих выступлениях отмечали, что рабочие и солдаты по зову партии выступят против Временного правительства, что армия вышла из повиновения контрреволюционному командованию и готова поддержать выступления трудящихся.

Вся работа конференции проходила под знаком непосредственной подготовки социалистической революции и взятия власти Советами. «Ближайшей жизненной задачей спасения революции и страны,— говорилось в резолюции конференции,— является взятие в свои руки путем согласованной между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов революционной инициативы всей полноты власти как в центре, так и на местах» [651]. Используя печать, работу своих пропагандистов и агитаторов, большевики довели решения конференции до сведения трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта. Активная политико-массовая работа большевиков среди трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта обеспечила в конечном итоге быструю, почти одновременную с победой в центре России победу социалистической революции в Белоруссии и на Западном фронте.

---

[648] Там же, стр. 700.
[649] *Я. М. Свердлов.* Избранные произведения, т. II. М., 1959, стр. 48.
[650] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», изд. 2-е, ч. 1, стр. 357.
[651] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. I, стр. 828.

В Минске радиограмма Петроградского ВРК о победе вооруженного восстания была получена днем 25 октября. Северо-Западный комитет партии немедленно принял меры по организации контроля над правительственными учреждениями. В тот же день исполком Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, выражая волю масс трудящихся, издал «Приказ № 1», в котором население города и его окрестностей извещалось о событиях в Петрограде и о взятии власти Минским Советом рабочих и солдатских депутатов в Минске и его окрестностях [652].

25 октября из тюрьмы были освобождены солдаты и рабочие, арестованные властями Временного правительства после июльских событий. По мере нарастания революционных событий заключенные еще в тюрьме организовывались по-военному — взводы, роты, батальоны. Сразу по освобождении из тюрьмы из них был создан 1-й революционный полк имени Минского Совета. В тот же день полк был снабжен оружием, взятым с военных складов. Оружие получили рабочие ряда предприятий и железнодорожных мастерских, а также солдаты некоторых запасных частей. Вооруженные отряды уже вечером 25 октября заняли вокзал, почту, телеграф, радиостанцию [653]. На следующий день, 26 октября, исполком Минского Совета установил контроль над штабом Западного фронта, отдав распоряжение частям фронта и гарнизона исполнять только оперативные приказы штаба фронта, а во всем остальном подчиняться распоряжениям Совета.

Для руководства революционной борьбой трудящихся масс Белоруссии за установление и упрочение Советской власти по решению Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) при Минском Совете был организован 27 октября революционный комитет. В начале ноября он был преобразован в Военно-революционный комитет Северо-Западной области и Западного фронта, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в Белоруссии и на Западном фронте [654].

Бюро областного исполкома Советов Западной области в свою очередь приняло решение вступить в революционный комитет на следующих условиях:

1) сосредоточение в своих руках всей полноты власти впредь до образования таковой в центре и на местах;

2) охрана порядка и безопасности населения области;

3) недопущение пропуска эшелонов с фронта, направляемых контрреволюционным командованием на подавление вооруженного восстания в Петрограде и Москве;

4) борьба с распространением провокационных и клеветнических слухов о деятельности Советов и большевистской партии [655].

Смелые, решительные действия большевиков Минска парализовали контрреволюцию. Командующий войсками Западного фронта генерал П. С. Балуев 26 октября сообщал в Ставку: «В Минске все в свои руки взял Совет солдатских и рабочих депутатов... Сейчас явился караул и требует производить работу под контролем ихнего революционного штаба.

---

[652] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. II. Минск, 1957, стр. 30—31.

[653] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 262.

[654] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», изд. 2-е, ч. 1, стр. 371.

[655] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 265.

Положение скверное. Я не знаю, как из него выйду..., на гарнизон Минска надеяться не могу» [656].

Эсеры, меньшевики, бундовцы протестовали против действий Минского Совета. 26 октября на экстренном заседании исполкома Совета соглашатели в едином блоке выступили против «Приказа № 1», призвали осудить восстание в Петрограде и потребовали передачи власти городской думе [657]. Националистические организации — Белорусская рада, белорусский военный комитет Западного фронта и другие — призывали население не допустить перехода власти к Совету. Но противники социалистической революции вынуждены были ограничиться принятием резолюции: массы их не поддержали, а реальных военных сил они не имели.

Но скоро обстановка в городе и соотношение сил стали меняться. Из Ставки генералу Балуеву сообщили, что войска Керенского — Краснова спешно перебрасываются к Петрограду, чтобы подавить революцию. Ставка крайне нуждалась в том, чтобы сохранить в своих руках Минский железнодорожный узел: через него шла переброска воинских частей на помощь мятежникам в Москве. Поэтому Ставка требовала от штаба Западного фронта решительных действий против Минского Совета. Генерал Балуев и комиссар Западного фронта меньшевик В. А. Жданов по примеру Петрограда решили создать «Комитет спасения революции». В его состав вошли представители фронтового комитета, в котором преобладали эсеры и меньшевики, а также представители партий и организаций, не признававших власти Советов.

27 октября в Минске было получено сообщение о захвате частями Керенского — Краснова Гатчины. «Комитет спасения революции» стал срочно подтягивать войска с фронта. В Минск вступили казаки дислоцированной недалеко от города Кавказской казачьей дивизии и части Польского корпуса генерала И. Р. Довбор-Мусницкого [658]. Всего, по приблизительным данным, в Минск было стянуто до 20 тыс. солдат [659]. Опираясь на эту силу, «Комитет спасения революции» решил перейти в наступление. Минскому Совету был предъявлен ультиматум о передаче всей власти комитету [660].

Учитывая временное превосходство контрреволюционных сил и стремясь предотвратить столкновение между революционными частями и войсками, обманутыми сторонниками Керенского, Минский Совет решил вступить в переговоры с «Комитетом спасения революции». Большевики Минска надеялись при этом укрепить свои вооруженные силы, вызвав помощь с фронта, а также разъяснить сбитым с толку солдатам действительную роль «Комитета спасения».

Вступив в переговоры, большевики заявили, что они готовы войти в состав «Комитета спасения революции» при условии, если он откажется пропускать войска в Петроград и Москву на подавление пролетарской революции.

---

[656] *Л. Гапоненко.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). М., 1953, стр. 116.

[657] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 264.

[658] Подробнее об этом см.: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 2, *А. Я. Манусевич.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965, стр. 261—262.

[659] «История гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 278.

[660] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 269.

Руководители «Комитета спасения» не были полностью уверены в своем военном превосходстве: они понимали, что в стремительно меняющейся обстановке, когда политическое сознание масс под влиянием революционных событий быстро прояснялось, их обман может стать явным. Поэтому «Комитет спасения» решил принять условие большевиков, требовавших не пропускать фронтовые войска на Петроград и Москву. Соглашение было достигнуто, и 28 октября большевики направили своих представителей в «Комитет спасения».

В обращении исполкома Минского Совета «К рабочим, крестьянам, солдатам и всему населению Западного фронта» объяснялись причины, побудившие к этому соглашению: «Суть этого соглашения заключалась в том, что «Комитет спасения» обязался не посылать войска для подавления народного движения и сосредоточивает в своих руках всю власть по Западному фронту, впредь до организации власти на местах и в центре» [661].

Все же и после соглашения власть в значительной мере оставалась в руках Минского Совета. Мы уже писали, что 29 октября в разговоре с Духониным Балуев говорил: «Для того чтобы ликвидировать выступление большевиков, с моего и комиссара (В. А. Жданова.— *И. М.*) согласия, образовался «Комитет спасения революции». 27 числа все шло хорошо. Комитет вступил в борьбу с влиянием Совета рабочих и солдатских депутатов, но последний сдался только видимо и вошел в состав этого комитета. В настоящее время власть почти находится в его руках» [662].

На практике «Комитет спасения» не выполнял условий соглашения: он пропускал контрреволюционные части в Москву и предъявил Минскому Совету новый ультиматум — не обнародовать и не выполнять во всем районе Западного фронта распоряжений Совнаркома и Петроградского ВРК. Но это уже скорее были акты отчаяния, чем проявление силы. Войска Керенского — Краснова потерпели поражение под Пулковом, а в Москве мятеж юнкеров был подавлен. С фронта поступали многочисленные резолюции с требованием признать пролетарскую революцию и подчиниться Советскому правительству [663].

В ночь на 2 ноября в Минск прибыл блиндированный поезд под командованием большевика — члена ВРК 2-й армии В. И. Пролыгина, присланный Военно-революционным комитетом 2-й армии в ответ на просьбу Минского Совета о помощи. Вскоре к Минску подошли и другие воинские части, посланные с фронта в Минск на подавление контрреволюции. Прибытие этих частей изменило соотношение сил в пользу большевиков и позволило Минскому Совету восстановить свою власть. 2 ноября вечером в городском театре состоялось расширенное собрание Минского Совета с участием представителей фабрик, заводов, железнодорожников, воинских частей. В докладе «О текущем моменте» председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) А. Ф. Мясников сообщил о разгроме войск Керенского под Петроградом. Собрание приветствовало также сообщение о ликвидации происков контрреволюции в Минске [664].

«Стоя на страже интересов революции, интересов громадного большинства народа и всей трудовой демократии,— говорилось в приведенном

---

[661] «Звезда» (Минск), 2 ноября 1917 г.
[662] «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 166.
[663] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 273.
[664] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», изд. 2-е, ч. 1, стр. 373.

выше обращении,— Совет рабочих и солдатских депутатов считает дальнейшее участие свое в «Комитете спасения революции» бесполезным, а для дела революции положительно вредным»[665]. Исполком довел до всеобщего сведения, что он отозвал в связи с этим своих представителей из комитета.

3 ноября был издан приказ ВРК Западного фронта с призывом выполнять распоряжения только Совнаркома и ВРК[666].

На следующий день комиссар Западного фронта В. А. Жданов был арестован за вызов войск с фронта на подавление революции. Его отправили в распоряжение Петроградского ВРК. «Комитет спасения революции» был распущен, а председатель его эсер Т. М. Колотухин арестован за контрреволюционные действия[667].

В борьбе за переход власти к Советам в Белоруссии активное участие приняли поляки-интернационалисты. В Минске Польское социалистическое объединение, насчитывавшее около 800 членов, поддержало большевиков. Станислав Берсон, один из руководителей польских интернационалистов, вошел в состав ВРК[668]. Участие польских интернационалистов в социалистической революции сыграло тем более значительную роль, что в Минске и в его окрестностях находились части 1-го Польского корпуса, командование которого занимало откровенно контрреволюционные позиции. Активная деятельность польских интернационалистов оказала сдерживающее влияние на контрреволюционное командование корпуса, которое не осмелилось открыто выступить против революции в дни Октября. Такое выступление произошло позже — в декабре 1917 г., о чем будет сказано ниже.

Победа Советской власти в Минске, где находились Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) и Военно-революционный комитет Белоруссии и Западного фронта, способствовала ускорению перехода власти к Советам в других городах и уездах края, а также на Западном фронте.

В октябре — ноябре 1917 г. власть Советов установилась на всей территории Минской губернии, в Бобруйском, Борисовском, Мозырском, Речицком, Слуцком, Игуменском уездах[669].

Огромную роль в борьбе за власть в Белоруссии и на Западном фронте сыграли комиссары и агитаторы, присланные Северо-Западным и Минским комитетами большевиков, и эмиссары, прибывшие по мандатам Петроградского ВРК.

В ряде уездных городов Могилевской губернии власть перешла в руки Советов в конце октября.

Так было, например, в Орше, где существовала крепкая большевистская организация. Ее руководителем был П. Н. Лепешинский, являвшийся одновременно городским головой Орши.

Железнодорожный узел Орша имел большое значение для Ставки, ибо через него шли эшелоны на подавление революции в Петрограде и Москве. Для удержания узла были направлены части 2-й Кубанской дивизии.

---

[665] «Звезда» (Минск), 2 ноября 1917 г.
[666] Там же, 5 ноября 1917 г.
[667] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 276.
[668] «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1971, стр. 116.
[669] Подробнее о победе Октябрьской революции в уездах Минской губернии см.: «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 276—284.

Ставка возлагала большие надежды на Оршанский Совет, в котором преобладали эсеры и меньшевики. Исполком Совета 26 октября осудил Октябрьское вооруженное восстание и создал «Комитет спасения». Городская дума присоединилась к этому решению, вследствие чего П. Н. Лепешинский отказался от поста городского головы. Оршанские большевики обратились к железнодорожникам и рабочим предприятий города с призывом переизбрать Совет, не отражавший интересов трудящихся. Перевыборы состоялись 27 и 28 октября и принесли полную победу большевикам. Новый состав Совета на заседании 28 октября объявил о поддержке социалистической революции и переходе власти к Оршанскому Совету [670]. В этот же день был создан ВРК во главе с большевиком И. Г. Дмитриевым. На сторону ВРК перешел 623-й пехотный полк, выделенный командованием для посылки на Петроград. Оршанский ВРК установил контроль над железнодорожным узлом, сорвав все попытки Ставки направить через него войска для подавления революции. В Орше с помощью 623-го полка было задержано 10 эшелонов, следовавших с Юго-Западного фронта на Петроград и Москву [671]. В Гомеле власть Советов утвердилась 30 октября. До этого в исполкоме местного Совета большинство находилось в руках эсеров и меньшевиков.

30 октября после возвращения из Петрограда делегата II Всероссийского съезда Советов Г. М. Леплевского было созвано заседание Гомельского городского Совета и исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, которое обсудило решения II Всероссийского съезда Советов. На заседании была принята большевистская резолюция. В тот же день было опубликовано обращение местного Совета к населению о переходе власти в Гомеле к Совету и о создании ВРК во главе с Г. М. Леплевским [672].

В первой половине ноября были проведены перевыборы Гомельского Совета. Из 195 вновь избранных депутатов было 109 большевиков, 26 левых эсеров и 60 объединенцев. Новый президиум (3 большевика, 2 левых эсера и 2 объединенца) стал называться революционным комитетом [673].

21 ноября Полесский комитет РСДРП(б) в письме, адресованном ЦК партии, сообщал о положении в Гомеле: «Не только в резолюциях, но и на деле начинает осуществляться Советская власть. Выбранный общим собранием революционный комитет... с первых же дней отбросил политику полумер и вступил на путь энергичной и решительной революционной борьбы с контрреволюцией и безвластием в городе» [674].

---

[670] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 301.

[671] *М. Богданов.* Минский Совет рабочих и солдатских депутатов в Октябрьские дни 1917 года.— «Исторический журнал», 1942, № 11, стр. 29.

[672] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 308.

[673] Там же, стр. 310; *И. И. Саладков.* Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917—февраль 1918 г.). Минск, 1957, стр. 260.

[674] *И. И. Саладков.* Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 261. На основании сообщения исполкома Гомельского Совета от 22 ноября о переходе к нему всей власти и устранении комиссаров Временного правительства некоторые авторы приходят к выводу, что Советская власть в Гомеле установилась 22 ноября. Полагаю, что власть здесь перешла к Совету 30 октября, когда была принята большевистская резолюция и объявлено о создании ВРК, который действовал как власть со дня своего создания. В течение ноября в городе шло укрепление Советской власти.

В течение ноября—декабря Советская власть установилась и в других уездах Могилевской губернии: Рогачевском, Быховском, Горкинском, Климовичском, Чериковском и Сенновском, а в январе 1918 г.— в Мстиславском и Чаусском. Что касается самого Могилева, то в нем Советская власть окончательно утвердилась после ликвидации контрреволюционной Ставки.

На заседании Могилевского Совета 18 ноября под влиянием большевиков и большевистски настроенных рабочих была принята резолюция о признании единственным правительством Совета Народных Комиссаров и об обязательном исполнении его распоряжений. На этом же заседании был создан ВРК, в который вошли представители Советов, ВРК Западного фронта и отряда моряков Балтфлота [675].

В Витебске действовала крупная большевистская организация. Большую роль в ней играли латышские большевики из числа рабочих, работавших в местных артиллерийских мастерских, а также из числа солдат. Они объединялись Латышским комитетом РСДРП(б). В партийной работе участвовали, кроме того, литовские большевики и польские революционеры.

Витебским Советом рабочих и солдатских депутатов руководили соглашатели, которые еще до Октября создали военное бюро якобы для охраны населения, на деле ставшее органом контрреволюции. Но соглашатели, как показали события, не отражали настроений рабочих и солдат. Уже 26 октября, узнав о победе в Петрограде, рабочие и солдаты города вышли на улицы. Утром 27 октября состоялась массовая демонстрация с требованием «Вся власть Советам!» Демонстранты освободили из тюрьмы политических заключенных.

В тот же день большевики созвали представителей частей городского гарнизона. Собрание постановило создать Военно-революционный комитет, который должен был взять власть в свои руки. Губернский комитет большевиков, опираясь на поддержку масс, 27 октября создал ВРК, который сместил начальника гарнизона и установил свой контроль на почте, телеграфе, железнодорожной станции и в штабе военного округа [676]. ВРК принял меры против пропуска с фронта эшелонов, направляемых на подавление революции. Состоявшиеся в начале ноября перевыборы Витебского Совета дали победу большевикам. 11 ноября вновь избранный Совет принял резолюцию о полном признании Советской власти.

26 октября ВРК был создан в Двинске, где в это время находился штаб 5-й армии.

В Полоцке существовала немногочисленная организация большевиков, главным образом солдат. Опираясь на расположенный в Полоцке штаб 3-й армии, Полоцкий Совет, находившийся в руках эсеров и меньшевиков, в дни Октября создал «Комитет спасения» и высказался за создание вместо Совнаркома «однородного социалистического правительства». Местные большевики не сумели разоблачить контрреволюционную суть этого лозунга и даже поддержали эсеро-меньшевистское предложение. Однако после возвращения со II Всероссийского съезда делегата от Полоцка И. Л. Когана эта ошибка была исправлена. В начале ноября Петроградский ВРК направил в Полоцк делегата II съезда Советов А. Ф. Боярского, поручив ему не допускать прохода через Полоцк эшелонов с фронта. В Полоцке был

---

[675] «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 318—319.
[676] Там же, стр. 287.

создан ВРК во главе с А. Ф. Боярским, энергично приступившим к выполнению порученного задания. Он добился помощи железнодорожников Полоцкого узла, высказавшихся за поддержку Советской власти «в ее решительной борьбе за мир, хлеб и свободу» [677].

Развернув в массах политическую работу, большевики в декабре добились перевыбора Совета и получили в нем большинство мест.

В других уездах Витебской губернии (Городокском, Полоцком, Люпинском, Режицком, Невельском, Лепельском, Велижском, Дриссенском и Себежском) власть к Советам перешла в основном в течение ноября — декабря 1917 г. и частично в январе — феврале 1918 г. [678]

О быстроте установления Советской власти в Белоруссии и на Западном фронте свидетельствовали три съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшихся почти одновременно в середине ноября в Минске. 18 ноября в Минске открылся III съезд Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Съезд принял решение провести перевыборы и реорганизацию волостных земельных комитетов, а также решение о своем слиянии с Советами рабочих и солдатских депутатов.

19 ноября в Минске открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области. На съезде присутствовали представители 20 советов — Бобруйска, Борисова, Вилейки, Ветки, Ганцевичей, Гомеля, Докшиц, Дорогобужа, Замирья, Жлобина, Лунинца, Минска, Мозыря, Несвижа, Орши, Осиповичей, Речицы, Рогачева, Слуцка, Синявки.

Две трети делегатов съезда являлись большевиками, остальные — левыми эсерами. Докладчики с мест сообщили, что большинство местных Советов Белоруссии взяли власть в свои руки. Резолюция съезда приветствовала Совет Народных Комиссаров и призывала трудящихся к борьбе с контрреволюцией, рекомендуя повсюду завершить перевыборы Советов [679].

20 ноября в Минске открылся большевистский по своему составу II съезд армий Западного фронта. Председателем съезда был избран А. Ф. Мясников. В качестве представителей ЦК РСДРП(б) на съезде присутствовали Г. К. Орджоникидзе и В. Володарский [680].

Съезд присоединился к решению съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области по вопросу об организации единого органа Советской власти — Облисполкомзапа.

26 ноября состоялось объединенное заседание областного исполкома и фронтового комитета, на котором был избран президиум и образован Совнарком Западной области и фронта. Председателем президиума облисполкомзапа был избран Н. В. Рогозинский, вскоре отозванный на другую работу и замененный А. Ф. Мясниковым. Председателем областного Совета Народных Комиссаров стал К. И. Ландер [681].

---

677 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 294—295.

678 О перевыборах и съездах Советов в Лепельском и Полоцком уездах см.: «Коммунистический труд», 1922, № 18, стр. 20—22; «Полоцк». Исторический очерк. Минск, 1962, стр. 129—137.

679 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 405.

680 *Л. С. Гапоненко.* Борьба солдат Западного фронта за победу Советской власти.— «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». Сборник. М., 1953, стр. 226.

681 «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. II, стр. 297.

Все три съезда завершили процесс объединения рабочих, солдат и крестьян в единой организации. Они показали полный крах соглашателей и националистов, выступавших против Советской власти. Правые эсеры на III съезде Советов крестьянских депутатов, тешась иллюзией, будто деревня еще идет за ними, пытались уверить делегатов, что крестьянам не по пути с рабочими. Однако подавляющее большинство съезда отвергло их утверждения. На других съездах эсеры и другие соглашатели не проявляли особой активности, убедившись в своей изоляции.

С такой же быстротой произошло установление Советской власти в губерниях, прилегающих к Белоруссии.

Смоленская (уездные города: Белый, Гжатск, Вязьма, Дорогобуж, Духовщина, Ельня, Красный, Поречье, Рославль, Сычевка, Юхнов) и Новгородская губернии в определенной мере были связаны с прифронтовыми районами. Здесь находилось немало различных тыловых и других военных учреждений и организаций. В Смоленске, например,— штаб Минского военного округа.

26 октября состоялось заседание Смоленского Совета. Предложенная меньшевиками и эсерами резолюция была отвергнута большинством голосов. Совет создал ВРК. Ушедшие с заседания соглашатели собрались в городской думе и организовали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», открыто выступив против Совета. «Комитет спасения» опирался на штаб Минского военного округа, который активно поддерживал мятеж юнкеров в Москве, и на казачьи части. Войсковые части Смоленского гарнизона поддерживали ревком. Ими были заняты почта и телеграф; усилена охрана Совета; организовано патрулирование улиц города. Обе стороны готовились к вооруженному столкновению.

«Два штаба,— писала о положении в Смоленске газета московских большевиков,— один в городской думе: губернский комиссар, комиссар труда, лидеры меньшевиков и эсеров; другой — советский штаб — большевистский в союзе с левыми с.р. Состояние штабов враждебное» [682]. Ревком пытался урегулировать вопрос путем переговоров. На собрании представителей частей гарнизона ревком предложил резолюцию: власть — однородному социалистическому правительству, опирающемуся на Советы, земля — крестьянам, введение рабочего контроля. Резолюция была принята 150 голосами при 2 воздержавшихся [683].

Но «Комитет спасения», учитывая события в Москве и полагая, что мятеж там победит, отказался вести переговоры с ревкомом.

Вечером 30 октября казаки окружили здание, где заседал Совет. «Комитет спасения» предъявил ультиматум о закрытии заседания, разоружении его участников и передаче охраны города в руки комитета. Ультиматум, однако, был отвергнут. Совет призвал гарнизон к подавлению контрреволюционного выступления. Артиллеристы, поддержавшие Совет, открыли огонь по мятежникам и по городской думе, где находился «Комитет спасения». Вскоре мятеж был подавлен, а «Комитет спасения» распущен. Ревком создал в Смоленске Комитет общественной безопасности, в который вошли представители всех социалистических партий, но фактическая власть осталась в руках ревкома [684]. Воинские эше-

---

[682] «Социал-демократ», 1 (14) ноября 1917 г.
[683] Там же.
[684] *Г. А. Трукан.* Октябрь в Центральной России, стр. 353.

лоны, направленные Ставкой на подавление Советской власти в Москве, были задержаны, так как железнодорожный узел Смоленск находился под контролем ревкома. Вскоре «Комитет общественной безопасности» был ликвидирован, власть Советов закреплена.

В Новгороде власть в руки Советов перешла 28 октября, в Валдае, Старой Руссе и в Крестцах — в ноябре 1917 г. Несколько позднее (в течение декабря 1917 г.— января 1918 г.) Советская власть установилась в других уездных городах Новгородской губернии: Белозерске, Боровичах, Демянске, Устюжне, Череповце, Тихвине и Кириллове [685].

Разгром контрреволюционного мятежа Польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого

Одним из врагов Советской власти, с которыми приходилось бороться в Западной области, были белорусские буржуазные националисты, входившие в Белорусскую раду. Чтобы пресечь контрреволюционную деятельность Белорусской рады, 18 декабря 1917 г. решением областного Совнаркома съезд Рады был распущен, а вскоре были закрыты и все ее отделы [685а].

Революционные события в Белоруссии убедительно показали изолированность националистических партий. Отвергнутая народом Белорусская социалистическая громада не располагала своими воинскими частями, но откровенно поддержала контрреволюционные выступления генерала Довбор-Мусницкого, хотя хорошо знала, что ему нет никакого дела до национальных интересов белорусов и что он отстаивает земли и привилегии польских помещиков. Эта откровенная поддержка классовых врагов трудящихся Белоруссии стала далеко не последней причиной краха белорусских буржуазных националистов.

Выступление польского корпуса под командованием генерала Довбор-Мусницкого являлось одним из важных звеньев в общей цепи контрреволюционных мятежей конца 1917 — начала 1918 г.

Корпус начал формироваться еще при Временном правительстве летом 1917 г. Генерал Корнилов в период пребывания на посту верховного главнокомандующего придавал большое значение образованию воинских частей с крепкой дисциплиной (типа ударных батальонов) и в связи с этим покровительствовал организации этого корпуса. Корнилов и утвердил в должности командира Польского корпуса генерал-лейтенанта царской службы Довбор-Мусницкого [686]. Ярый монархист, известный тем, что в декабре 1916 г., будучи командиром 14-й стрелковой диви-

---

[685] «Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917—1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Новгород, 1957, стр. 258; *В. И. Равдоникас.* Тихвинский уезд в годы революции. Тихвин, 1925, стр. 42.

[685а] *З. Л. Серебрякова.* Областные объединения Советов России (март 1917 — декабрь 1918). М., 1977, с. 108.

[686] Следует отметить, что солдаты-поляки использовались не только для охраны Корнилова во время его пребывания в Быхове, но также и для охраны иностранных посольств в Петрограде. Так, Френсис сообщал Лансингу 3 ноября 1917 г., что отряд польских солдат охраняет американское посольство. Другие посольства, по словам Френсиса, также охранялись польскими солдатами («Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. I, p. 234).

зии, он приказал расстрелять без суда и следствия 13 солдат за отказ идти в бой [687], Довбор-Мусницкий был выведен из состава делегатов съезда армии в апреле 1917 г. за откровенно монархическое выступление.

Ко времени Октябрьской революции части 1-го Польского корпуса дислоцировались в районе Орша — Смоленск — Жлобин — Гомель. В Белгороде находился запасный полк корпуса. Численность корпуса достигала приблизительно 29 тыс. человек (3 дивизии: 12 пехотных и 3 кавалерийских полка) [688]. По словам начальника штаба корпуса генерала В. П. Агапеева, генерал Довбор-Мусницкий, «насколько позволяли силы корпуса, встал на защиту прав польских помещиков» в Минской, Могилевской и Витебской губерниях [689].

В ноябре 1917 г. Довбор-Мусницкий обратился к высшему командованию советских войск с просьбой о сосредоточении польских частей в районе Рогачев — Жлобин — Бобруйск. Довбор-Мусницкому было поставлено условие о демократизации частей Польского корпуса не позже 1 января 1918 г. Но контрреволюционное командование корпуса не согласилось с этим. По приказу своих офицеров солдаты Польского корпуса запретили крестьянам брать на учет польские имения в ряде волостей Игуменского уезда Минской губернии. В самом Минске польские уланы разоружили советскую реквизиционную комиссию на заводе польского владельца. Уланы даже обстреляли помещение, где проходил II съезд армий Западного фронта. Столкновения между польскими солдатами и красногвардейцами происходили и в других районах.

В целях прекращения бесчинств Польского корпуса Военно-революционный комитет Северо-Западной области и Западного фронта арестовал несколько офицеров, в том числе и генерала Довбор-Мусницкого. Их освободили, когда они заявили, что выведут свои воинские части из Минска и категорически запретят вмешательство польских частей в работу советских органов [690].

Однако генерал Довбор-Мусницкий нарушил свои обещания. Подстрекаемый контрреволюционными партиями, 11 января 1918 г. он телеграфировал из местечка Дукоры, где находился штаб корпуса, верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко и главнокомандующему войсками Западного фронта А. Ф. Мясникову, что если до 12 час. 12 января распоряжение о разоружении польских улан не будет отменено, он сочтет это началом враждебных действий. 12 января Довбор-Мусницкий телеграфировал главнокомандующему Западным фронтом А. Ф. Мясникову, что считает свой корпус находящимся в состоянии войны с Советской республикой [691]. Части корпуса были двинуты на Минск. В тот же день польские войска атаковали Жлобин, но отошли, встретив сопротивление красногвардейцев и солдат местного гарнизона. Выступления частей корпуса происходили и в других районах, охватив территорию Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний.

---

687 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 383.

688 *В. П. Агапеев.* Корпус ген. Довбор-Мусницкого.— «Белое дело». Сборник, т. IV. Берлин, 1928, стр. 184—185.

689 Там же.

690 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 378.

691 «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 257.

Не случайно, что мятеж Польского корпуса совпал по времени с переговорами о мире, которые вели представители Советского правительства с германским командованием в Брест-Литовске, а также с контрреволюционными выступлениями Каледина, Дутова и Центральной рады. Довбор-Мусницкий имел также тесную связь с контрреволюционной Белорусской радой.

В намерения Довбор-Мусницкого входило прорваться на Украину и соединиться с генералом Щербачевым. На Украине в это время происходило формирование 2-го Польского корпуса. Агенты союзников в Киеве оказывали значительную помощь формированию этого корпуса. Довбор-Мусницкий намеревался также установить контакт с командованием чехословацких войск, находившихся на Украине.

Верное принципам своей национальной политики, Советское правительство пыталось разрешить конфликт мирными средствами. Комиссариат по польским делам Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) направил к Довбор-Мусницкому делегацию польских социалистических партий — Социал-демократии королевства Польского и Литвы, Польской партии социалистов (левицы) и ППС-фракции. В составе делегации были выдающиеся польские революционеры, позже ставшие коммунистами: И. Уншлихт и Р. Лонгва. От имени Советского правительства делегация предложила ликвидировать конфликт на следующих условиях: 1) свободная агитация среди солдат Польского корпуса и в местностях, занятых частями корпуса; 2) введение в корпусе законоположений Советской власти: демократизации армии и выборности комсостава; 3) допущение в корпус комиссара от польского комиссариата Наркомнаца; 4) невмешательство корпуса в решение аграрного вопроса на местах [692].

Мятежный генерал, надеясь на помощь контрреволюционных партий и полагая, что Советская власть слаба и не имеет вооруженной силы, отказался от мирного соглашения. В ночь на 21 января 1918 г. поляки захватили Бобруйск, куда перебрался штаб корпуса.

21 января 1918 г. главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников отдал приказ о немедленном расформировании 1-го Польского корпуса. На следующий день Н. В. Крыленко объявил Довбор-Мусницкого врагом народа и приказал солдатам корпуса арестовать командный состав [693].

Дело борьбы с мятежным корпусом взял в свои руки Революционный полевой штаб при Ставке верховного главнокомандующего. Для руководства операциями штаб назначил комиссию в составе членов Революционного полевого штаба И. И. Вацетиса и И. П. Павлуновского, на которых было возложено командование отрядами, действующими против мятежников. На место боев выехал и заместитель начальника РПШ В. В. Каменщиков [694].

На подавление мятежа Довбор-Мусницкого советское командование перебросило с Украины Минский революционный отряд численностью в 2500 человек. В районе станции Осиповичи Минский отряд соединился с

---

692 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 381.

693 Там же, стр. 381, 382.

694 *В. Д. Поликарпов.* Революционные органы при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.).— «Исторические записки», т. 86, стр. 43—44.

двумя красногвардейскими отрядами. На осиповичском направлении было сосредоточено 4 тыс. революционных бойцов. Этой группе войск была поставлена задача не допустить прорыва врага к Минску [695].

В Глусской, Городокской, Осовецкой и Лясковичской волостях Бобруйского уезда Минской губернии форсированно создавались красногвардейские отряды, численность которых превысила 700 человек. Руководство боевой деятельностью этих отрядов было возложено на Глусский штаб Красной гвардии, возглавленный С. Л. Вилюгой. Во взаимодействии с 51-м стрелковым полком красногвардейцы должны были преградить путь Польскому корпусу на Слуцком направлении. Гомельский отряд Красной гвардии, насчитывавший 1 тыс. бойцов, получил задачу не допустить прорыва поляков к Жлобину [696].

Могилевский отряд Красной гвардии, в составе которого находилось 4300 бойцов, должен был разгромить поляков в районе Рогачева и Бобруйска. Отряду 10-й армии Западного фронта ставилась задача воспрепятствовать наступлению поляков из Молодечно на Минск. Смоленский красногвардейский отряд преграждал 3-й дивизии Польского корпуса путь из Рославля на Рогачев [697].

Решающие бои развернулись во второй половине января. Утром 24 января советские войска нанесли тяжелое поражение войскам Довбор-Мусницкого, наступавшим со станции Бобруйск в направлении на Осиповичи. Потеряв 600 человек убитыми, польские легионеры были вынуждены отступить [698]. 26 января советские войска перешли в наступление севернее Рогачева и к 28 января освободили ряд населенных пунктов. В ночь на 30 января мятежники были выбиты из Рогачева, а к утру 31 января советские войска овладели всеми укрепленными позициями 1-й польской дивизии. Лишь незначительная часть командного состава разгромленной дивизии врага едва прорвалась в Бобруйск [699].

3 февраля советские войска, действовавшие в районе Рогачев — Жлобин — Осиповичи, развернули общее наступление против остатков Польского корпуса [700]. Войскам Довбор-Мусницкого, находившимся в Бобруйске, грозил полный разгром.

Быстрая ликвидация мятежа Довбор-Мусницкого была достигнута прежде всего благодаря героизму советских отрядов. Но значительную роль сыграла и массовая пропаганда, в том числе и та, которую вели польские интернационалисты. Тысячи распропагандированных польских солдат покидали корпус. Сам Довбор-Мусницкий признал, что к середине января 1918 г. численность его корпуса сократилась более чем в 2 раза [701]. Многие из солдат, покинувших корпус, вступали в польские революционные батальоны, сформированные в декабре в Минске, а в январе 1918 г.— в Витебске и других местах [702]. Они принимали участие и в разгроме 1-го

---

695 *А. Хохлов.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917—март 1918 г.). Минск, 1965, стр. 141—142.
696 Там же, стр. 142—143.
697 Там же, стр. 141—142.
698 «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», т. II, стр. 839—840.
699 Там же, стр. 879.
700 *А. Хохлов.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов, стр. 157.
701 «Победа Советской власти в Белоруссии», стр. 384.
702 Там же, стр. 370—373.

Польского корпуса, и в боях против войск Центральной рады под Бахмачем, Конотопом, Киевом.

В связи с создавшимся положением генерал Довбор-Мусницкий созвал в Бобруйске совещание командного состава корпуса. На совещании было принято решение обратиться за содействием к германскому командованию в Брест-Литовске. 6 февраля Довбор-Мусницкий послал радиограмму генералу Гофману, в которой говорилось о признании поляками польского Регентского совета в Варшаве [703], фактически являвшегося орудием германского командования. Генерал Гофман дал согласие на пропуск в Брест-Литовск делегации Польского корпуса. Однако эта делегация была захвачена в плен советскими войсками, а к немцам удалось пробраться другой делегации поляков [704]. Через членов этой делегации остаткам Польского корпуса было предложено вести наступление на Минск одновременно с немцами. Указанное распоряжение немецкого командования было выполнено Довбор-Мусницким [705].

27 февраля он отдал приказ, в котором объявил, что корпус входит в состав вооруженных сил Польского государства и независим от Советского правительства. 21 марта Довбор-Мусницкий подписал договор с немцами о постепенной демобилизации корпуса и подчинении Довбор-Мусницкого варшавскому генерал-губернатору — немецкому генералу Безелеру [706].

Только этот договор помешал окончательному разгрому мятежа Польского корпуса советскими войсками [707].

* * *

В Белоруссии, как и на Западном фронте, Советская власть установилась в короткий срок: в решающих местах (в губернских городах, крупных уездных центрах и на железнодорожных узлах) примерно в течение трех недель.

Победа Советской власти в этих районах имела огромное значение: как и Прибалтика, Белоруссия отрезала путь контрреволюционным войскам, посланным на Петроград и Москву, с той, однако, разницей, что Прибалтика защитила пролетарскую революцию от контрреволюционных войск Северного, а Белоруссия — Западного, Юго-Западного и отчасти Румынского фронтов, ибо Ставка предпочитала брать войска с более удаленных, и, как ей казалось, более «спокойных» фронтов.

Успех революции в Белоруссии был обеспечен близостью Петрограда и Москвы, откуда приходила помощь — присылались комиссары и пропагандисты, помогавшие быстрому установлению Советской власти. Со своей стороны революционные силы Белоруссии (как и Прибалтики) приняли активное участие в борьбе с общероссийской контрреволюцией.

---

[703] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 292.

[704] *В. П. Агапеев.* Корпус ген. Довбор-Мусницкого.— «Белое дело», т. IV, стр. 188—189.

[705] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 294—297.

[706] *В. П. Агапеев.* Корпус ген. Довбор-Мусницкого.— «Белое дело», т. IV, стр. 191.

[707] Там же.

Важным условием победы Советской власти в Белоруссии явилось создание руководящего органа, объединявшего большевиков тыла и фронта. Это обеспечило единство действий и концентрацию революционных сил на решении важнейших вопросов.

Большевистские организации Белоруссии вели большую самоотверженную работу в массах, обеспечив объединение рабочих, солдат и крестьян.

Характерным для Белоруссии явилось установление тесной связи масс с армией, что укрепляло союз пролетариата и крестьянства и в конечном итоге предопределило быстрый успех социалистической революции.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, способствовавшее быстрой победе Советской власти в Белоруссии. Несмотря на свое окраинное положение и известное влияние иностранного капитала в промышленности, Белоруссия не ощущала такой непосредственной угрозы иностранного вмешательства и интервенции, как Украина или Закавказье. Германия была заинтересована в оккупации Белоруссии как плацдарма для наступления на Петроград и в глубь России, но в рассматриваемый период германские власти уже начали переговоры о мире и не решались сорвать их своим вмешательством в события, происходившие в Белоруссии. Державы Антанты не имели непосредственно доступа в пределы Белоруссии, а их ставленник генерал Довбор-Мусницкий потерпел поражение. Отсутствие прямой и серьезной угрозы иностранной интервенции облегчало борьбу революционных сил Белоруссии с контрреволюцией внутри страны.

Белоруссия была вторым после Украины по количеству населения и размеру территории национальным районом. Исторические судьбы белорусского народа были неразрывно связаны с русским народом. Пролетариат и все трудящиеся Белоруссии плечом к плечу с трудящимися России боролись против царизма и буржуазии и вместе совершили Октябрьскую революцию. Националистам не удалось рассорить народы Белоруссии или заразить ядом шовинизма более или менее значительные слои белорусских трудящихся. Все народы Белоруссии вместе участвовали в борьбе за установление Советской власти, показав, что пролетарский интернационализм является одной из решающих сил социалистической революции.

Победу большевиков и крах соглашательских и националистических партий в Белоруссии подтвердили выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 г. Большевики получили на Западном фронте 67% голосов, в Минском избирательном округе — 63,1% и в Витебском избирательном округе — 51% голосов. Только в четвертом избирательном округе (Могилевском) большевики не получили преобладания. По подсчетам И. М. Игнатенко — исследователя этого вопроса, по всем четырем избирательным округам большевики получили 49% голосов[708]. При этом надо учитывать, что голосование шло по старым спискам, составленным еще до Октября. А через 10 дней проходили выборы на три съезда, состоявшихся в Минске, о которых говорилось выше. На них большевики были поддержаны подавляющим большинством трудящихся.

---

[708] *И. М. Игнатенко.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.). Минск, 1962, стр. 385—387.

Юго-Западный прифронтовой район (Бессарабская губерния)

Переход власти к Советам в Юго-Западном прифронтовом районе, охватывавшем правобережные губернии Украины, был охарактеризован в соответствующем месте. Здесь речь пойдет о самой южной части прифронтового района.

Молдавия была отсталым аграрным районом царской империи. Промышленность в Молдавии была развита слабо (преобладали мелкие, ремесленного типа предприятия), число наемных рабочих не превышало 30 тыс.[709] В аграрном отношении это был край помещичьих латифундий и крестьянских голодных наделов: всего лишь 2 тыс. помещиков и церковных феодалов (монастырям и церквям) принадлежало около 40% всей земли, а 450 тыс. крестьянских дворов (половина всех крестьянских дворов) имели в среднем 5 гектаров земли на семью[710]. Подавляющая часть крестьянства была задавлена тяжелой эксплуатацией русских помещиков — губерния являлась заповедником черносотенных русских помещиков типа Пуришкевича и ему подобных.

Во время войны Молдавия оказалась ближайшим тылом Румынского фронта. Она была перенасыщена тыловыми учреждениями и запасными частями. Здесь было девять запасных пехотных полков, девять железнодорожных батальонов и т. д.[711]

Молдавия была многонациональным районом. По переписи на 1897 г. в ней проживало 47,6% молдаван, 19,6% украинцев, 8,1% русских, 11,8% евреев, 5,3% болгар, 3,1% немцев, 4,5% других народностей[712]. Как и во всех национальных районах России, в национально-освободительном движении здесь наметились два направления: революционно-демократическое и буржуазно-националистическое. Первое, представленное трудящимися массами и демократической интеллигенцией, было связано с деятельностью Советов. На руководство вторым претендовали буржуазные и мелкобуржуазные партии.

Националистическую пропаганду среди молдаван вела Молдавская национальная партия, созданная в апреле 1917 г. и тогда же объединившаяся с Молдавской прогрессивной партией. Она представляла интересы буржуазии и помещиков. Часть ее членов была связана с румынскими империалистическими кругами и готовила отторжение Молдавии от России и присоединение ее к королевской Румынии[713]. Политику буржуазных националистов поддерживал Центральный военно-исполнительный комитет, созданный в июле 1917 г. в Кишиневе из представителей войсковых национальных комитетов.

Среди еврейских торговцев и ремесленников националистическую пропаганду вели бундовцы, часть которых в начале войны порвала с объединенной организацией РСДРП и примкнула к сионистам[714].

---

[709] *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969, стр. 13.
[710] *С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман, Д. Е. Шемяков.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964, стр. 44, 50.
[711] Там же, стр. 43, 103.
[712] Там же, стр. 98.
[713] Там же, стр. 206—207.
[714] Там же, стр. 207.

На развитие революционных событий в Молдавии сдерживающее влияние оказывал руководимый соглашателями Румчерод. Большой трудностью являлось и отсутствие здесь большевистского центра. Местные большевики вышли из объединенной организации РСДРП только в начале октября, сохранив, однако, на некоторое время блок с меньшевиками-интернационалистами.

Революционные события 1917 г. внесли серьезные сдвиги в соотношение классовых сил в Молдавии. Произошла большевизация отдельных воинских частей гарнизона Кишинева и воинских соединений, расположенных в различных местностях края. Общенациональный кризис особенно остро проявился в крестьянском движении, принявшем характер восстания. Уже одно количество кавалерийских частей, затребованных губернским комиссаром В. Кристи у начальника Одесского военного округа на подавление крестьянских выступлений, свидетельствует о большом размахе движения: в Аккерманский уезд просили прислать пять казачьих сотен, в Оргеевский — три, Кишиневский — три, в Бельцский — две, в Бендерский — один кавалерийский полк, в Сорокский — три сотни [715]. Таким образом, почти три кавалерийских полка должны были подавлять крестьянское движение только в одной губернии.

Победа вооруженного восстания в Петрограде и первые советские декреты всколыхнули народные массы. На предприятиях, в полках, на деревенских сходах — повсюду принимались резолюции о поддержке Советской власти.

Успехи пролетарской революции встревожили всех ее противников. Особенно всполошились буржуазные националисты, не имевшие сколько-нибудь серьезного влияния в массах (на выборах в Учредительное собрание по гарнизону Кишинева они получили... 34 голоса, а по Кишиневу — 2,4% всех поданных голосов) [716].

Молдавская национальная партия не успела даже создать специального органа, которому можно было бы передать власть. Ее лидеры с завистью смотрели на Украинскую Центральную раду и не прочь были позаимствовать ее опыт. Их не остановили даже захватнические стремления Центральной рады, объявившей в июле 1917 г., что она включает Бессарабскую губернию в состав Украины. Только массовые протесты солдат-молдаван (но отнюдь не молдавских националистов) заставили Центральную раду умерить свой аппетит. Под давлением многочисленных протестов Рада заявила, что за присоединение Бессарабии к Украине выступают якобы лишь отдельные руководители украинского национального движения, но сама она не разделяет этого мнения [717]. Молдавские националисты сохраняли тесные связи с Центральной радой и, как увидим далее, не раз прибегали к ее помощи в борьбе против своего народа.

Торопясь поставить плотину перед наступающей социалистической революцией, 20 октября националисты созвали в Кишиневе Всероссийский военно-молдавский съезд, подобрав его состав из офицеров и военных чиновников. Съезд высказался против перехода власти к Советам и за созда-

---

[715] Там же, стр. 331.

[716] «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов», 16 (29) ноября 1917 г. и 30 ноября (13 декабря) 1917 г.

[717] *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 43, 45.

ние «Сфатул цэрий» (Совета страны) как главного административного органа Молдавии. Составлялся он из 120 человек, причем на съезде выбирались 44 депутата (на деле из-за глубоких разногласий выбрали только 32), а остальные подбирались специально созданным оргбюро [718]. Таким образом, без выборов, без правильно организованного представительства, по прихоти кучки самозванцев создавался этот «представительный» краевой орган. Первое заседание «Сфатул цэрий» было намечено на 26 ноября.

Между тем общая политическая обстановка быстро менялась. Все большее число местных Советов высказывалось за признание Советской власти. Части Кишиневского гарнизона также выступали за власть Советов. Позиции большевиков все более и более крепли. На 22 ноября было назначено совместное заседание Кишиневского Совета с представителями комитетов частей гарнизона. Не было никаких сомнений в том, какое решение примет это объединенное заседание.

Молдавские националисты решили пойти наперерез революционной волне. Они объявили, что заседание «Сфатул цэрий», намеченное на 26 ноября, состоится 21 ноября, независимо от числа прибывших депутатов (кстати, из 150 депутатов явилось только 95, т. е. меньше $^2/_3$).

Председатель «Сфатул цэрий», заместитель губернского комиссара Бессарабии, И. Инкулец признал, что, «если бы не было выступления большевиков, с открытием «Сфатул цэрий» не спешили бы» [719].

На закрытом заседании «Сфатул цэрий» был образован исполнительный орган — Совет генеральных директоров. Председателем его стал молдавский эсер П. Ерхан. В своем обращении к народу «Сфатул цэрий» обещал издать законы о введении 8-часового рабочего дня, о передаче помещичьей земли крестьянам, но, подобно Украинской Центральной раде, запрещал крестьянам проводить в жизнь советский Декрет о земле. Так же как и Центральная рада, «Сфатул цэрий» вообще не признал советских декретов, оставив в силе все законы Временного правительства и не отмененное им царское законодательство. Общая классовая природа — одинаковая классовая политика...

Учитывая, что широкие массы Молдавии были против отделения от России, «Сфатул цэрий» не осмелился и заикнуться о разрыве: он объявил о создании Молдавской народной республики, состоящей в федерации с Российской республикой. Но на деле руководители «Сфатул цэрий» тайно вели переговоры о совместном выступлении всех контрреволюционных «правительств» против Советской власти. «Сфатул цэрий» принял также решение ускорить формирование национальных частей, найдя в этом поддержку фактического командующего Румынским фронтом Щербачева.

Маневр, предпринятый националистами с целью предупредить установление Советской власти в Молдавии, не привел к успеху. 22 ноября в Кишиневе на объединенном собрании местного Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями комитетов воинских частей местного гарнизона была принята резолюция о переходе власти в руки Советов [720]. Газета Кишиневского Совета охарактеризовала эту резолюцию

---

[718] *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 64—74. Оргбюро самовольно увеличило число депутатов до 150.

[719] «Очерки истории Коммунистической партии Молдавии», изд. 2-е. Кишинев, 1968, стр. 67.

[720] «Бессарабская жизнь», 24 ноября 1917 г.; «Свободная Бессарабия», 25 ноября 1917 г.; см. также: «Известия Одесского Совета рабочих и солдатских депутатов»,

как свидетельство того, что Совет «признал правительство Народных Комиссаров, признал его политическую линию, наметившуюся в его мероприятиях» [721].

Эсеры и меньшевики в блоке с националистами пытались начать борьбу против этой резолюции в исполкоме и секциях Совета, а также в Бессарабском губисполкоме. Однако 29 ноября на заседании исполкома Кишиневского Совета его президиум был переизбран [722]. Председателем президиума стал председатель комитета 260-го запасного пехотного полка Е. М. Венедиктов [723]. В тот же день вечером Е. М. Венедиктов и присланный Петроградским ВРК моряк-балтиец Н. Симонов в сопровождении вооруженного отряда прибыли в кишиневскую тюрьму и приказали освободить офицеров и солдат, осужденных за участие в революционном движении. Среди освобожденных был и подпоручик И. Филиппов, руководитель солдатского восстания трех полков 163-й дивизии 6-й армии в мае 1917 г. [724]

Кишиневский Совет, подавая пример остальным Советам Молдавии, постепенно сосредоточивал в своих руках всю власть.

Тормозящее влияние на деятельность молдавских большевиков оказывали оторванность от центра (Центральная рада, захватив власть на Украине, крайне затруднила связь Молдавии с Петроградом и Москвой) и продолжавшееся пребывание большевиков в единой организации с меньшевиками-интернационалистами. Однако в начале декабря 1917 г. большевики создали свою самостоятельную организацию.

Изменившаяся обстановка на Румынском фронте и во всем районе (II съезд Румчерода, состоявшийся во второй половине декабря, как уже отмечалось, передал руководство большевикам) позволила Советам Молдавии к 1 января 1918 г. взять всю власть в свои руки.

Провал антисоветской авантюры королевской Румынии

Лидеры молдавских националистов с момента организации «Сфатул цэрий» отдавали себе отчет, что он не получит поддержки народных масс. И уже 27 ноября два его представителя тайком от самого собрания направились из Кишинева в Яссы, где в то время находилось правительство Румынии, чтобы просить его о помощи [725]. Этот факт позволяет предполо-

---

28 ноября 1917 г.; «Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 г.)». Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957, стр. 183—184; *Н. В. Березняков.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957, стр. 71—72.

721 «Известия Кишиневского Совета», 24 ноября 1917 г.

722 *С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман, Д. Е. Шемяков.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии, стр. 378.

723 Е. М. Венедиктов был штабс-капитаном старой армии, после свержения самодержавия перешел на сторону революции. Возглавлял революционный штаб войск по борьбе против румынских оккупантов. В 1918 г. погиб в боях с белоказаками на Дону (*С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман, Д. Е. Шемяков.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии, стр. 350).

724 Там же, стр. 414, 426—427; см. также: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 475—476.

725 *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 143.

жить, что дорога была уже проторена: молдавские националисты были связаны с королевским румынским правительством и ранее.

Воспользовавшись обстановкой, которая сложилась на Украине и на Румынском фронте, королевское правительство Румынии предприняло попытку захватить Бессарабию, оторвать ее от Советской России. Еще до Октябрьской революции оно заслало в Бессарабию большое количество своих агентов, развивших там усиленную деятельность. Свою агентуру румынское правительство имело и в «Сфатул цэрий».

В начале декабря лидеры «Сфатул цэрий» направили в Яссы еще двух представителей (на этот раз военных) для переговоров о получении оружия (оба они были задержаны большевистским ревкомом в Соколах). Еще через несколько дней в Яссах побывал один из видных деятелей «Сфатул цэрий», председатель его военного комиссариата В. Чижевский. Он был принят самим королем Фердинандом [726].

Миссии эти увенчались успехом: королевское правительство фактически взяло на себя содержание «Сфатул цэрий», ассигновав для этого из румынской казны более 2 млн. лей [727].

В середине декабря в Яссы прибыли два видных руководителя «Сфатул цэрий»: его директор по внутренним делам, крупный помещик, губернский комиссар Временного правительства В. Кристи и директор по межнациональным делам, откровенный монархист И. Пеливан. Здесь они получили согласие на введение в Бессарабию румынских войск, так как «Сфатул цэрий» не имел поддержки в собственных воинских частях: в молдавских полках развернулось революционное движение. Сам председатель Совета генеральных директоров Ерхан на закрытом заседании «Сфатул цэрий» 23 декабря признал: «Опираться на молдавские части, которые у нас имеются, мы не можем: они большевизированы. Единственный выход — ввод иностранных войск» [728].

Об этих переговорах знали и даже принимали в них участие посланники США, Англии, Франции и Италии, находившиеся в Яссах при королевском правительстве Румынии. Державы Антанты, не без труда втянувшие Румынию в мировую войну на своей стороне, обращались с ней как со страной, потерпевшей поражение: повелительно. В своих планах борьбы с революцией в России они неизменно рассчитывали на королевское правительство Румынии. Выше отмечалось, что уже 8 ноября при первых же известиях о победе вооруженного восстания в Петрограде английское правительство стало возлагать надежды на казачьего атамана Каледина и на его военный союз с Румынией. Советник американского президента Вильсона Хауз также настаивал на сотрудничестве Румынии с любыми контрреволюционными силами, готовыми сражаться против большевиков [729]. Общее мнение держав Антанты о роли Румынии выразило английское посольство в своем меморандуме правительству США. Отмечая, что сопротивление Германии могут оказать Центральная рада, Каледин и другие контрреволюционные правительства юга России, посольство подчеркивало:

---

[726] *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 144.

[727] Там же, стр. 120.

[728] *С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман, Д. Е. Шемяков.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии, стр. 549.

[729] «Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939, стр. 169.

«Совершенно ясно, что именно румынская армия может являться первым элементом этого сопротивления» [730].

Державы Антанты всячески поощряли просьбы «Сфатул цэрий» о вмешательстве Румынии. Посол США в Яссах Ч. Вопичка телеграфировал в Вашингтон, что 14 декабря его посетили представители «Сфатул цэрий» В. Кристи и И. Пеливан. «Они были представлены мне,— писал он,— румынским министром внутренних дел». Отметив, что оба посетителя представляют Молдавию, Вопичка подчеркнул: «Она враждебна большевикам и дружественна союзникам» [731].

Окрыленные поддержкой, Кристи и Пеливан вернулись в Кишинев и на закрытом заседании «Сфатул цэрий» 19 декабря заявили о возможности ввода румынских войск в Бессарабию [732].

Королевское правительство официально уведомило державы Антанты о своем согласии оказать вооруженную поддержку молдавским буржуазным националистам. 13 января 1918 г. посланник королевской Румынии в Вашингтоне доктор Ангелеску писал в Государственный департамент: «Правительство поручило мне сообщить Вашему превосходительству, что по соглашению с правительством Молдавской республики Бессарабии и генералом Щербачевым, командующим русской армией на Румынском фронте, оно представило румынские войска в распоряжение молдавского правительства» [733].

Председатель Совета министров Румынии Братиану в свою очередь подтвердил, что предоставление румынских воинских частей на помощь молдавской контрреволюции осуществлено по указанию союзников. Сообщая посланникам США, Англии, Франции и Италии о разрыве с Советской Россией, он напомнил им, «что все меры, более или менее необходимые против максималистов (т. е. большевиков.— *И. М.*), были приняты в согласии с союзными державами» [734].

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одном документе, характеризующем роль Антанты в организации антисоветской авантюры королевской Румынии. Едва лишь выяснилось, что эта авантюра стала оборачиваться тяжелыми последствиями для самих оккупантов, как уже упомянутый выше румынский посланник в США доктор Ангелеску 20 января (2 февраля 1918 г.) сообщил в Государственный департамент: «Исключительно тяжелое положение дел (с Румынией.— *И. М.*) является одним из последствий военных мер румынского правительства, принятых в пользу Украины, которые были затребованы от него в письменном и очень настойчивом виде представителями всех наших союзников, включая американского посла». «Мое правительство,— закончил свое письмо Ангелеску,— приказывает мне обратить внимание правительства США на положение, созданное для нас. Румыния еще раз стала жертвой последствий мер, ответственность за которые несем не только мы» [735].

За авантюру королевской Румынии, стоившую многих жертв и совет-

---

[730] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 608.
[731] Там же, стр. 708.
[732] «Одесские новости», 30 декабря 1917 г.
[733] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 707.
[734] Там же, стр. 709.
[735] Там же, стр. 711.

ским трудящимся, и народу Румынии, несли полную ответственность США, Англия и Франция.

С конца декабря румынское командование по указанию генерала Щербачева начало разоружать революционные части русской армии на Румынском фронте, разгонять полковые комитеты, лишать солдат продовольствия, хотя фронтовые склады имели запасы. На границе с Россией скапливались военные силы. Небольшие отряды румынских войск стали проникать на территорию Молдавии.

В конце декабря 1917 г. румынское командование отдало распоряжение своему представителю при Центральной раде в Киеве срочно перебросить Трансильванский полк под Кишинев [736]. Предполагалось нанести удар по главному городу Молдавии с тыла.

Для того чтобы иметь развязанные руки, генерал Щербачев еще 20 ноября предложил германскому командованию на Румынском фронте заключить перемирие, которое и было подписано 26 ноября 1917 г. с согласия держав Антанты. В декабре, как уже говорилось, все штабы армий на Румынском и Юго-Западном фронтах были заняты воинскими частями Центральной рады, причем командование было сосредоточено в руках генерала Щербачева, имевшего тесную связь со всеми контрреволюционными организациями — Центральной радой, «Сфатул цэрий», а также с румынскими оккупантами и стоявшими за их спиной иностранными империалистами.

Предательскую роль в этот период сыграл эсеро-меньшевистский ВРК Румынского фронта, оказавший поддержку генералу Щербачеву.

В ответ на враждебные действия румынских властей, отказывавшихся пропускать русские революционные воинские части в Советскую Россию, разоружавших эти части и расстреливавших членов солдатских комитетов, Совнарком 31 декабря дал Наркомвоену указание об аресте всех членов румынского дипломатического представительства в Петрограде. 1 января 1918 г. В. И. Ленин принял представителей дипломатического корпуса, которые обещали воздействовать на румынское правительство. В тот же день Советское правительство дало распоряжение об освобождении арестованных накануне сотрудников румынского представительства при условии выполнения румынскими властями требований Советского правительства в трехдневный срок [737].

Но румынские войска продолжали антисоветские действия. В начале января 1918 г. крупные соединения румынской армии в сопровождении гайдамацких частей вторглись в Бессарабию. Для успокоения населения было объявлено, что румынские войска пришли в Бессарабию для охраны порядка. Французский посланник в Румынии Сент-Олер опубликовал заявление о том, что румынские войска имеют целью охрану железных дорог и военных складов Румынского фронта и что румынская оккупация не будет иметь никакого влияния на дальнейшую политическую судьбу Бессарабии. В этом заявлении французский представитель указывал, что оно сделано им с согласия и одобрения всех представителей союзных держав в Румынии [738].

---

[736] *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 148.

[737] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 11, 12.

[738] «Историк-марксист», 1940, № 4-5, стр. 31.

По сведениям американского посла в Яссах, в Бессарабию вторглось до 50 тыс. румынских солдат [739].

13 января 1918 г. румынские оккупанты захватили Кишинев. Совет Народных Комиссаров вынес постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, высылке румынских дипломатических представителей и аресте румынского золотого фонда, находившегося в Москве. Генерал Щербачев был объявлен врагом народа и находящимся вне закона [740].

На борьбу с румынскими оккупантами были подняты революционно настроенные части Румынского фронта. В боях участвовал и отряд Г. И. Котовского. К середине февраля здесь была создана особая армия численностью в 6 тыс. штыков и сабель. Для борьбы с интервентами были также направлены отряды Красной гвардии и моряков из Одессы и других мест. Общая численность войск, мобилизованных на борьбу с румынскими оккупантами, достигала приблизительно 10 тыс. человек. Всего было создано три армии, которые сосредоточивались на следующих плацдармах: первая — на левом берегу Днестра, вторая — в районе Могилева-Подольского, третья — в районе Тирасполя [741].

1 февраля 1918 г. В. И. Ленин предписал главному командованию советских войск действовать «как можно энергичнее на Румынском фронте...» [742].

17 февраля В. И. Ленин дал указание о необходимости экстренной поддержки революционных отрядов Бессарабии. «Мы ни на минуту не сомневаемся,— указывал В. И. Ленин,— что доблестные герои освобождения Киева не замедлят исполнить свой революционный долг» [743].

Во второй половине февраля советские войска, действовавшие против румынских оккупантов, начали наступление. 24 февраля после переправы через Днестр они начали теснить румынские войска. Упорные бои происходили в районе Рыбниц. В начале марта советские войска разгромили под Рыбницей румынских оккупантов и продолжали продвигаться в глубь Бессарабии. Румынские пехотная дивизия и два конных полка, бросив артиллерию и другое вооружение, прекратили сопротивление.

Потерпев поражение, румынское правительство поспешило подписать с Советской Россией мирный договор. 5 марта в Яссах, а затем 9 марта в Одессе было подписано соглашение между РСФСР и Румынией об освобождении последней Бессарабии в течение двух месяцев [744].

Вторжение румынских войск было первой вооруженной иностранной интервенцией на территорию Советской страны. Вместе с советскими трудящимися за освобождение Бессарабии сражались румынские интерна-

---

[739] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 710.

[740] «Известия», 14 января 1918 г.

[741] *А. М. Федоров.* Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.), стр. 80.

[742] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 41.

[743] Там же, стр. 365.

[744] «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. I—II. М., 1935, стр. 156, 157. Как известно, румынские оккупанты, воспользовавшись вторжением германских войск на Украину, нарушили впоследствии это соглашение. Королевское правительство, переметнувшись на сторону Германии, с ее помощью вновь захватило Бессарабию, которая была освобождена лишь в 1940 г.

ционалисты. Под руководством Михая Бужора[744a], Александра Николау, Жака Маринеску, Штефана Бригодеряну и других румынских интернационалистов был сформирован румынский батальон. Как и другие интернациональные революционные отряды, он исполнил свой интернациональный долг в боях с королевской румынской армией под Бендерами, Измаилом, Вилковом, Дубоссарами и Шолданештаками.

* * *

Трудности развития пролетарской революции в Молдавии были вызваны общей экономической отсталостью края, население которого наряду с эксплуатацией своих помещиков и буржуазии испытывало гнет господствующих классов России. Малочисленность и распыленность местного пролетариата определяли известную слабость большевистской организации, только в начале декабря 1917 г. ставшей самостоятельной. Большим препятствием на пути установления Советской власти в Молдавии явились буржуазные и мелкобуржуазные националисты, лидеры которых еще до победы революции в Молдавии встали на путь предательства интересов своего народа, пригласив иностранные войска. Но при таких тяжелых условиях молдавские большевики сумели организовать рабочих и крестьянскую бедноту на борьбу за установление Советской власти. С помощью революционных солдат Румынского фронта трудящиеся Молдавии к концу 1917 г. передали всю власть в руки Советов. Только вмешательство интервентов задержало победное шествие Советской власти.

8

ПРОМЫШЛЕННЫЙ РАЙОН ЗАКАВКАЗЬЯ — БАКУ

В состав Закавказья (ныне Азербайджанская, Грузинская и Армянская советские социалистические республики) входили Бакинская, Елизаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Эриванская губернии, Батумская и Карсская области, Закатальский и Сухумский округа. Население Закавказья составляло почти 6,7 млн. человек (в 1914 г.).

Общая социально-экономическая характеристика, которую дал В. И. Ленин России, а именно «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[745] в значительной степени может быть отнесена и к дореволюционному Закавказью. В многоукладной экономике Закавказья выделялись высокомонополизированные отрасли промышленности, прежде всего нефтяная промышленность Баку. По уровню монополизации она стояла на одном из

[744a] Михаил Георгиевич Бужор был назначен 16 января 1918 г. Советом Народных Комиссаров «комиссаром — организатором по русско-румынским делам на Юге России» («Военно-революционные комитеты действующей армии», стр. 84).

[745] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 417.

первых мест не только в России. Из 182 фирм трем синдикатам — «Русской генеральной нефтяной корпорации» (РГО), «Товариществу бр. Нобель» и нефтяной компании «Шелл» — принадлежало 60% добычи нефти в стране и 86 акционерных капиталов всей нефтяной промышленности[746]. Нефтяные синдикаты были тесно связаны с русскими и иностранными банками.

Большое значение в хозяйстве Закавказья имела добыча медной руды: до 20 млн. пудов в год перед первой мировой войной. В меднорудной промышленности Армении хозяйничал французский, Грузии — английский и немецкий и Азербайджана — немецкий финансовые капиталы[747].

Добыча марганцевой руды в Грузии велась с помощью отсталой техники; причем вся руда продавалась иностранным фирмам, покупавшим ее по низким ценам, а затем перепродававшим во много раз дороже.

Остальная промышленность, за небольшим исключением (прежде всего шелковой и металлообрабатывающей), представляла собой обилие мелких предприятий, большей частью кустарного, ремесленного типа.

Что касается деревни, то, несмотря на проникновение капитализма (иногда довольно значительное, например, в хлопководстве), в ней преобладали самые отсталые формы землевладения и варварская эксплуатация крестьян со стороны дворянства. В руках отдельных помещичьих семей скапливалось гигантское количество земель — от 20 до 70 тыс. гектаров. В Бакинской губернии помещикам принадлежало в 2 раза больше земли, чем крестьянам, а в Елизаветпольской губернии помещики имели земли примерно в 3 раза больше, чем крестьяне[748]. Нищее, обезземеленное крестьянство вынуждено было арендовать землю на кабальных условиях.

Общая численность прмышленных рабочих Закавказья накануне первой мировой войны составляла более 300 тыс. человек: в Азербайджане — 170 тыс., в том числе более 100 тыс. в Баку, в Грузии — до 130 тыс., в Армении — 10 тыс.[749] Пролетариат Закавказья, особенно многонациональный по составу пролетариат Баку, обладал большими революционными традициями. Он активно участвовал в революционном движении 1917 г., а сентябрьская стачка бакинского пролетариата была одной из тех, которые непосредственно подводили к октябрьским классовым боям.

Немало славных страниц вписало в историю революции крестьянство Закавказья, особенно крестьяне Гурии, чье восстание в первой русской революции оставило глубокий след в сознании всего российского крестьянства. Это нашло свое проявление в крестьянской борьбе за землю, нараставшей в Закавказье буквально с каждой неделей революции 1917 г.

Близко от Закавказья проходил Кавказский фронт, подвергавшийся, хотя и медленнее других, процессу революционизирования. В октябре военные организации большевиков создали Временное краевое бюро, объединявшее работу всех военных организаций края в тылу и на фронте.

Отличительной особенностью Закавказья, наложившей отпечаток на ход Октябрьской революции в этом районе, было разнообразие национального состава. В Закавказье жили многочисленные национальные группы: азербайджанцы, грузины, армяне, русские, абхазцы, аварцы, курды, лез-

---

[746] «Победа Советской власти в Закавказье». Тбилиси, 1971, стр. 20.
[747] Там же.
[748] Там же, стр. 31.
[749] Там же, стр. 33.

гины, осетины и многие другие. В течение долгих веков у многочисленных закавказских народов закладывались основы дружбы в совместной борьбе с внешними и внутренними врагами. Изумительный образец интернациональной дружбы показал пролетариат Закавказья, создавший единую большевистскую организацию, которой гордились В. И. Ленин и вся партия.

Однако складывавшуюся дружбу народов Закавказья стремились нарушить почти 20 националистических партий, отстаивавших интересы своих господствующих классов. Среди этих партий своим влиянием и своей враждой к революции выделялись грузинские меньшевики, армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты.

2—7 октября в Тифлисе состоялся I краевой съезд большевистских организаций Кавказа. В нем участвовало 30 делегатов, представлявших 8636 членов партии. Основное содержание решений съезда выразила резолюция по докладу о текущем моменте, сделанному С. Шаумяном: «Съезд не закрывает глаза на то, что буржуазия и ее прислужники, керенские, церетели, бывшие и настоящие, так называемые министры-социалисты, не сдадут без боя своих позиций и что, с другой стороны, кроме наследия царского правительства, они оставляют нам новое тяжелое наследие, разруху и разочарование народных масс, вызванное семимесячной предательской соглашательской политикой. Но рабочий класс, солдаты, революционные представители крестьянства не должны останавливаться перед трудностями и жертвами и должны смело идти к завоеванию власти и спасению страны и революции от гибели» [750].

Съезд избрал краевой комитет, в состав которого вошли С. Шаумян, П. Джапаридзе, И. Фиолетов, Ф. Махарадзе, М. Цхакая, М. Орахелашвили, Г. Корганов, А. Атарбеков, С. Кавтарадзе, А. Назаретян, Д. Шавердов, Н. Кузнецов [751]. Создание накануне решающих событий революции краевого комитета большевиков имело большое значение.

Самой крупной большевистской организацией в Закавказье являлась Бакинская, во главе которой стояли такие видные деятели большевистской партии, как С. Шаумян и П. Джапаридзе. На VI съезде партии Шаумян был избран членом Центрального Комитета партии, а Джапаридзе — кандидатом в члены ЦК.

Еще в середине октября руководство Бакинского Совета фактически перешло к большевикам. На заседании Совета, которое состоялось 13 октября, эсеры и меньшевики заявили об отставке исполкома. Вечером 13 октября был образован Временный исполнительный комитет, председателем которого стал С. Шаумян.

Общее положение в крае газета Бакинского Совета характеризовала следующим образом: «Все сочувствие, все симпатии закабаленных голодающих масс беднейших крестьян, революционных солдат, матросов и рабочих на стороне Советов... Вся власть должна перейти к органу громадного, подавляющего большинства народа — к Советам» [752].

Как видим, пролетарская революция располагала сильными позициями в Закавказье. На ее стороне был самый влиятельный Совет — Бакинский, находившийся под руководством большевиков. Бóльшая часть про-

---

[750] «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане». Документы и материалы. Баку, 1957, стр. 155.
[751] «Победа Советской власти в Закавказье», стр. 129.
[752] «Известия Бакинского Совета», 25 октября 1917 г.

летариата поддерживала большевистские идеи. Бакинский пролетариат — авангард всего рабочего класса Закавказья — своей дружной сентябрьской стачкой показал готовность претворить эти идеи в жизнь. Местные гарнизоны также выступали на стороне революции. Процесс большевизации охватил бóльшую часть военных комитетов фронта. Как уже указывалось, большевики создали свой краевой комитет, руководивший деятельностью всех большевистских организаций Закавказья. Во главе большевистских организаций стояли опытные, испытанные лидеры партии, тесно связанные с ЦК и входившие в его состав.

Значительно слабее было влияние большевиков в деревне, хотя и там они вели энергичную работу. «В деревнях,— писал один из руководителей закавказских большевиков Ф. Махарадзе В. И. Ленину,— за некоторым исключением, партия не смогла еще создать организации, и, таким образом, почти вся крестьянская масса всецело была предоставлена в одно и то же время одурманивающему и растлевающему влиянию меньшевистских демагогов. Крестьянство Грузии в большинстве случаев знало о нас то, что им говорили про нас меньшевики» [753]. Но крестьянские массы постепенно выходили из-под повиновения властям и сами приступали к решению аграрного вопроса. Революционная практика каждодневно показывала им, что революционное решение вопроса о земле ничего общего не имеет с идеями меньшевизма и других националистических и мелкобуржуазных партий.

Можно сказать, что осенью 1917 г. в Закавказье в основном были налицо объективные и субъективные предпосылки социалистической революции, и не только потому, что Закавказье составляло органическую, неотъемлемую часть системы российского империализма, но и в смысле созревания необходимых условий революции в самом этом крае.

Но и контрреволюция располагала здесь немалыми силами. На ее стороне находились все националистические и соглашательские партии. Правда, у эсеров и меньшевиков шел процесс раскола (особенно у первых, левое крыло которых чаще поддерживало большевиков). Однако процесс этот еще не завершился организационным разрывом.

Бóльшая часть Советов и прежде всего Тифлисский Совет возглавлялась соглашателями. Краевой орган Советов был в руках меньшевиков. Они, как и их сторонники из партий мусаватистов и дашнаков, имели свою вооруженную силу. Эти партии верховодили и в деревенских организациях.

Контрреволюция в Закавказье явно рассчитывала на помощь казачества Северного Кавказа, которое могло быстро отрезать Закавказье от революционного центра.

Наконец, местную контрреволюцию поддерживали иностранные империалисты. Их давно манили богатейшие сырьевые ресурсы края, главным образом нефть. К ее захвату стремились как державы Антанты, так и германо-турецкого блока. Закавказье всегда было воротами из Азии в Европу, которыми стремились овладеть обе враждующие империалистические группы. Но Закавказье было также воротами из Европы в Азию, через которые революция могла проникнуть в страны Востока — Иран, Турцию, Индию, что особенно тревожило Англию. Надо учитывать, что

---

[753] *А. Н. Сургуладзе.* Закавказье в борьбе за победу социалистической революции. Тбилиси, 1971, стр. 39.

недалеко от Закавказья и среднеазиатских районов России — на Месопотамском фронте — Англия имела крупные военные силы. Отсюда можно было организовать карательные экспедиции против русской революции.

Соотношение классовых сил в Закавказье было таково, что пролетарская революция могла здесь встретить серьезное сопротивление. Большевики Закавказья хорошо понимали это, о чем, в частности, свидетельствует приведенная выше резолюция I краевого съезда закавказских большевистских организаций.

31 октября после получения известий о победе Октябрьской революции в центре состоялось заседание Бакинского Совета совместно с представителями промысловых, заводских, армейских и флотских комитетов. Подавляющим большинством голосов была принята большевистская резолюция, в которой говорилось: «Расширенный Совет рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, оставаясь на почве своего прежнего решения о необходимости власти Советов и недоверия к коалиционному правительству, с каковым решением Совет отправил на съезд в Петроград своих делегатов, в этой борьбе, происходящей в Петербурге и по всей России, становится определенно на сторону создающейся новой народной власти» [754].

Бакинский Совет вынес также постановление о необходимости немедленной разработки плана взятия всей власти исполкомом Совета. Этот план обсуждался на заседании Совета 2 ноября. Меньшевики, эсеры и дашнаки в знак протеста покинули заседание. Однако большинство членов Совета продолжало свою работу. По докладу С. Шаумяна Бакинский Совет принял программу практического перехода власти в руки Совета.

В воззвании Бакинского Совета, опубликованном 4 ноября, говорилось: «Бакинский расширенный Совет рабочих и солдатских депутатов, объявивший себя, согласно решению 31 октября и 2 ноября, сторонником нового, революционного правительства, вместе с тем постановил, что в Баку власть должна перейти всецело в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. В этом постановлении Советы рабочих и солдатских депутатов опираются на твердую волю и сознательную поддержку бакинского пролетариата и Бакинского гарнизона» [755].

Бакинский Совет приступил к проведению в жизнь советских декретов и к распространению Советской власти на весь Азербайджан.

Трудящиеся Азербайджана восторженно встретили известие о переходе власти к Советам в России и провозглашение Советской власти в Баку. Собрания и митинги рабочих и солдат в Елизаветполе, Агдаше, Шахтахты и других населенных пунктах выносили резолюции, приветствующие победу пролетарской революции в Петрограде. 7 ноября 1917 г. Шахтахтинский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Приветствовать декреты съезда Советов о земле и мире.

Считать выступление петроградских революционных пролетариев, матросов и солдат справедливым протестом против посягательства на свободу и революцию российского народа.

---

[754] «Известия Бакинского Совета», 2 ноября 1917 г. Имеется в виду II Всероссийский съезд Советов.

[755] «Бакинский рабочий», 4 ноября 1917 г.; см. также: «Известия Бакинского Совета», 5 ноября 1917 г.

Упразднить немедленно вновь образовавшийся «Комитет спасения родины и революции», двигающий свои войска на Петроград. Да здравствует власть Советов!» [756]

19 ноября трудящиеся Агдаша на многолюдном митинге, созванном по инициативе местных большевиков, единодушно приняли приветственную телеграмму на имя Совета Народных Комиссаров России, в которой Советское правительство признавалось единственно законным революционным правительством, способным осуществить чаяния трудового народа [757]. Митинг потребовал установить во всех уездах власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Весть о победе Великого Октября была встречена трудящимися Армении и Грузии с огромной радостью.

В ноябре 1917 г. трудящиеся Эривани совместно с солдатами местного гарнизона провели демонстрацию с требованием признания власти Совета Народных Комиссаров [758]. Трудящиеся и солдаты Джалилоглы (ныне г. Степанаван) заявили: «На Кавказе не может быть организовано иной власти, кроме Советской...» [759]

В январе 1918 г. возглавляемый большевиками Военно-революционный комитет в Сарыкамыше объявил здесь Советскую власть [760].

Резолюция митинга солдат Сарыкамышского гарнизона, насчитывавшего 30 тыс. человек, заканчивалась следующими словами: «Да здравствует Совет Народных Комиссаров, заключающий давно желаемый нами справедливый демократический мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров, передавший всю землю трудовому народу!» [761]

В поддержку Совета Народных Комиссаров выступили рабочие Алавердинских медных рудников, медеплавильных заводов и крестьяне уезда [762].

Восторженно встретили известие о переходе власти к Советам трудящиеся Грузии. На предприятиях и в полках гарнизонов состоялись митинги, принимавшие резолюции о передаче власти Советам. Состоявшийся в рабочем районе Тифлиса митинг с участием около 3 тыс. человек принял резолюцию большевиков, приветствовавшую петроградский пролетариат и призывавшую к установлению Советской власти в Закавказье [763].

Такая же резолюция была принята на митинге батумских рабочих. В Батуме под руководством большевиков был организован ревком и создан отряд Красной гвардии [764].

---

[756] «Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1963, стр. 248.
[757] «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», стр. 203—204.
[758] *А. М. Акопян, А. М. Эльчибекян.* Очерки по истории Советской Армении. Ереван, 1955, стр. 31.
[759] «Кавказский рабочий», 30 ноября 1917 г.
[760] *С. Х. Карапетян.* Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ереван, 1959, стр. 88.
[761] «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Сборник документов. Ереван, 1957, стр. 161.
[762] *С. Х. Карапетян.* Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении, стр. 89.
[763] «Победа Советской власти в Закавказье», стр. 197.
[764] Там же.

Большевистская фракция Тифлисского Совета еще 26 октября внесла резолюцию о присоединении к решениям II Всероссийского съезда Советов и о перевыборах Совета Тифлиса. Но соглашатели отвергли резолюцию. Они находились у руководства не только в Тифлисе, но и в Советах Елизаветполя, Эривани, Александрополя, Сухуми, не говоря уже о сельских районах Закавказья. В их руках находился и орган Временного правительства — Закавказский комитет. Опираясь на государственный аппарат и помощь иностранных империалистов, о чем будет сказано дальше, грузинские меньшевики в конце ноября неожиданно захватили арсенал, хотя его охраняли революционные солдаты, запретили большевистские газеты и предприняли аресты большевиков.

В гуще солдатских масс, не довольных соглашательским руководством Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов, родилась идея, поддержанная большевиками, о создании (28 октября) делегатского собрания, представлявшего все 70 воинских частей Тифлиса. Но большевики не сумели предотвратить попыток блока меньшевиков и националистов свести его работу на нет. Активную роль в событиях в Закавказье сыграли иностранные империалисты.

Иностранные империалисты и создание контрреволюционного блока в Закавказье

Агенты Антанты, особенно Англии, проявляли в Закавказье большую активность. Воззвание Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» встревожило английские правящие круги. Свобода мусульман в России, объявленная Советской властью, могла стать заразительным примером для Индии, где проживало 70 млн. мусульман. Опасались англичане и за свое господство на Ближнем Востоке, только что отвоеванном у турок. Вот почему английские империалисты пытались создать препятствия дальнейшему распространению большевизма. Они считали необходимым не только бороться с ним в «угрожаемых районах», но и ликвидировать самый очаг революционных идей — Советскую власть в России.

Крушение старой власти в России и внутренняя борьба, происходившая в Закавказье, по расчетам англичан создавали им благоприятные условия для того, чтобы самим закрепиться в этом районе и тем самым не только обезопасить, но и расширить свою колониальную империю.

В то же время над Закавказьем нависла угроза и со стороны Германии. Правда, после взятия Багдада в мае 1917 г. англичане, казалось, похоронили мечты германского империализма о проведении Берлинско-Багдадской железной дороги и о выходе Германии на подступы к Индии. Но у немцев оставался другой путь: они могли открыть себе дорогу в Индию через Закавказье. К тому же в случае оккупации Закавказья в руки немцев могли попасть богатейшие нефтяные запасы Баку, что не только сорвало бы топливную блокаду Германии, но и превратило бы ее в перспективе в сильнейшего конкурента на мировом нефтяном рынке.

В Англии чрезвычайно внимательно следили за развитием событий в Закавказье. Сюда направлялись консулы и военные представители, которые старались использовать против Советской власти все местные контрреволюционные силы, в свою очередь искавшие всяческой поддержки ино-

странных империалистов. Англия ставила перед собой задачу объединить контрреволюцию Закавказья с контрреволюцией Дона и Кубани, добиваясь создания из этих областей патронируемого ею федеративного государства. Эти объединенные силы предполагалось затем использовать прежде всего против Советской России, якобы «угрожавшей» Закавказью с севера, против местных большевиков, влияние которых все усиливалось, и, наконец, против германо-турецкого блока.

В расчетах английских империалистов не последнюю роль играло еще одно обстоятельство: стремление поссорить Турцию с Германией, чего можно было достигнуть, направив турок в Закавказье. Английские агенты, играя на пантуркистских идеях, разжигали у турецких захватчиков мечты о создании огромного турецкого государства за счет присоединения Закавказья и всех областей России, населенных мусульманами. Этим же обстоятельством можно объяснить, почему Англия, имевшая на Месопотамском фронте не менее 100 тыс. солдат, не предпринимала там активных действий, позволив турецкому командующему Энвер-паше снять силы для организации наступления в Закавказье.

Сама Англия не сумела выделить сколько-нибудь значительных вооруженных сил для помощи закавказской контрреволюции. Она ограничилась посылкой сравнительно небольшого отряда (около 600 человек) под командованием генерала Денстервиля, который с трудом добрался до Энзели (на южном побережье Каспия) и вынужден был, несолоно хлебавши, вернуться в Багдад.

О Денстервиле в Англии создана большая литература, всячески раздувающая значение его экспедиции. Да и сам Денстервиль в воспоминаниях постарался хвастливо расписать свою деятельность [765].

Известно, однако, что командующий Месопотамским фронтом генерал Маршалл, в подчинении которого находился Денстервиль, с большим сомнением относился к его предприятию, отмечая, что в распоряжении Денстервиля имелись крупные денежные средства, но не было сколько-нибудь серьезных военных сил. Это лишний раз свидетельствует о том, что английская дипломатия вела двуличную игру: поднимая шум о турецкой опасности, она в действительности стремилась использовать действия Турции в Закавказье в своих целях.

В этой игре английских империалистов тревожила лишь судьба нефтеносного Баку, где они мечтали закрепиться сами. Центром разведывательной деятельности английских агентов стал Тифлис. Отсюда они «проторили» путь в Новочеркасск к Каледину. Английское правительство уполномочило их выдать ему, а также генералу Алексееву по 10 млн. фунтов стерлингов. Предполагалось субсидировать также грузинских меньшевиков и армянских дашнаков [766].

В декабре 1917 г. состоялось совещание премьер-министров Франции, Англии и Италии, на котором обсуждался вопрос о Закавказье. Решено было направить «английскую и французскую военные миссии... к Каледину для обсуждения с ним положения и выяснения его программы» [767].

---

[765] *Денстервиль*, генерал-майор. Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918 гг. Воспоминания. Тифлис, 1925.

[766] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 591.

[767] Там же, стр. 584.

Англия ревниво относилась к присвоенной ею себе роли опекуна над Закавказьем. Американский представитель в межсоюзническом комитете по военным заказам и финансам Кросби жаловался Лансингу, что англичане в Закавказье действуют, не только не ставя в известность США, но не согласовывая свои шаги даже с Францией [768].

Английские империалисты обещали всем контрреволюционным группам денежную помощь, рассыпали направо и налево уверения в скором подходе их войск, не имея в то же время достаточных средств и сил. Их политика не имела ничего общего с интересами поддержания фронта и продолжения войны. Это отмечали даже их партнеры по коалиции. Уже упомянутый нами Кросби писал: «Ясно, что английские мероприятия в Персии и Армении продиктованы в значительной степени английскими интересами..., не имеющими отношения к мировой войне» [769].

Подобную же политику в Закавказье вели и США.

Всего через два дня после победы Октябрьской революции американский консул в Тифлисе Смит телеграфировал Лансингу, что Кавказ и армия якобы отказываются присоединиться к большевикам, но вряд ли выдержат больше пяти дней, если не получат финансовой поддержки. Смит просил перевести ему для этой цели 10 млн. долларов. Еще через несколько дней Смит сообщил Лансингу: «Баку в руках большевиков. Я посоветовал направить туда войска для подавления восстания» [770]. Американский представитель продолжал поддерживать связи с контрреволюцией и в дальнейшем. «Я работаю в полном контакте,— телеграфировал он,— с представителями Временного правительства, политическими и военными лидерами» [771].

Насколько тесным был этот «контакт», можно судить по следующему. 23 (10) ноября Смит сообщал Лансингу: «В субботу я буду присутствовать на заседании, где будет организовано закавказское правительство, которое объединится с Юго-Восточной федерацией и откажется от перемирия или сепаратного мира» [772].

Как и Англия, США не только поддерживали закавказскую контрреволюцию, но и добивались объединения ее сил с другими контрреволюционными организациями. 24 (11) ноября в присутствии консулов и военных агентов антантовских держав состоялось решение об образовании особого «правительства» Закавказья.

Закавказское «правительство» с самого начала встало на путь борьбы с Советской властью. Уже на собрании 24 (11) ноября обсуждался вопрос об объединении Закавказья с Юго-Восточной федерацией. Сообщая об этом, американский консул просил: «Будучи за объединение этих территорий (т. е. Закавказья.— *И. М.*) с Юго-Восточной федерацией и донскими казаками, усиленно рекомендую уполномочить меня признать де-факто это правительство...» [773].

Государственный секретарь Лансинг переслал эту телеграмму Смита в Париж на заключение дипломатическому советнику Вильсона полковнику Хаузу. Сам Лансинг считал желательным воздержаться от предо-

[768] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 592.
[769] Там же, стр. 598.
[770] Там же, стр. 580—581.
[771] Там же, стр. 581.
[772] Там же, стр. 582.
[773] Там же, стр. 582—583.

ставления консулу просимых полномочий до тех пор, пока не станет ясно, «что это признание не будет способствовать сепаратистским тенденциям или разрушению России или разжиганию гражданской войны» [774]. Такая позиция объяснялась, видимо, нежеланием «работать на Англию». Впрочем, государственный секретарь допускал возможность признания «правительства» Закавказья в будущем.

На повторный запрос Лансинга Хаузу, как относятся союзные державы и лично он к вопросу о признании, полковник ответил, что Англия, Франция и Италия безусловно за поддержку закавказской контрреволюции — так было решено на упоминавшемся совещании премьер-министров трех стран. Что касается позиций США, то полковник явно колебался. «Я лично считаю это опасным,— писал он по поводу возможности признания закавказского «правительства» де-факто,— так как это равносильно поощрению внутренних смут в условиях, когда мы не имеем определенной программы и силы, на которую можно было бы опереться в ее реализации. С другой стороны, если не оказать поддержки и не дать денег, то все может там развалиться» [775]. Словом, «горько есть, да жаль покинуть».

Между тем Смит продолжал бомбардировать Лансинга просьбами выделить средства на финансирование закавказской контрреволюции. 4 декабря (21 ноября) он сообщал, что единственный шанс для союзников в России — это использовать «лояльные войска» Кавказа. «Эта лояльность,— телеграфировал консул,— может быть обеспечена исключительно при условии оказания последним немедленной помощи деньгами, людьми и захватом Сибирской железной дороги». Обращает на себя внимание, что и американский представитель считал закавказскую контрреволюцию только звеном в общей цепи антибольшевистского фронта. У консула речь идет об установлении связи между южной и сибирской контрреволюцией. «Порядок» в России, писал он далее, может быть восстановлен лишь в том случае, «если союзники поддержат государства, враждебные большевикам».

Консул указывал, что его точку зрения разделяют французские и английские военные представители, которые уже ведут переговоры с вновь образованными на Кавказе «государствами». Он предлагал, наконец, дезорганизовать хозяйство Юга настолько, чтобы им не могли воспользоваться ни Германия, ни Турция, ни тем более большевики.

Но вооруженных сил для борьбы с большевиками не хватало. Мировая война еще продолжалась. Надо было поэтому активизировать закавказскую контрреволюцию.

5 декабря (22 ноября) консул Смит телеграфировал Лансингу, что закавказское «правительство» решило начать переговоры о трехмесячном перемирии. Военные представители союзников выступили с протестом против этого шага, носившим, однако, формальный характер. На деле в Закавказье, так же как и на Украине, Антанта фактически разрешила контрреволюционерам вести сепаратные переговоры о перемирии с противником. Перемирие развязывало руки контрреволюции для борьбы с большевизмом. Закавказское «правительство» обещало создать с этой целью и специальные национальные части.

11 декабря (28 ноября) в американском консульстве состоялось сове-

---

[774] Там же, стр. 583.
[775] Там же, стр. 584.

щание с участием председателя правительства Юго-Восточной федерации В. А. Харламова, английского генерала Шора и французского полковника Шардиньи. Харламов сообщил об организации федерации в составе Донской, Терской и Астраханской казачьих областей и Дагестана. К федерации уже примкнули уральские казаки, и ведутся переговоры с Украиной (Центральной радой). Было подчеркнуто, что Каледин и Алексеев создают армию, которая уже сейчас настолько сильна, что в состоянии отразить любое нападение дезорганизованной русской армии и занять Самару, Тамбов и Саратов». Показательно, что немцы здесь уже не фигурировали как противник; главным врагом прямо назывались большевики. Смит закончил свою телеграмму настойчивой просьбой оказать контрреволюционерам помощь деньгами [776]. При этом речь шла не о местных операциях, а о занятии всей Волги.

Американский представитель выдвинул также идею созвать Учредительное собрание в Киеве или в Новочеркасске, т. е. под крылышком контрреволюции. «Я лично всецело за то,— писал он 12 декабря (29 ноября),— чтобы инициативу созыва Учредительного собрания взял на себя комитет Государственной думы под председательством Родзянко, который сейчас находится в Новочеркасске». «Настоятельно рекомендую,— заканчивал Смит,— направить меня или иного чиновника дипломатического представительства или консульства в Новочеркасск и Екатеринодар для выяснения положения и обсуждения его с Алексеевым и Родзянко: другого чиновника надо направить немедленно в Киев» [777].

Американский представитель развивал лихорадочную деятельность. Поощряемый из Вашингтона (Лансинг прямо писал, что Госдепартамент «ценит ваши тщательно составленные доклады о положении дел» [778]), Смит проявлял бурное служебное рвение. 13 декабря (30 ноября) он снова телеграфировал Лансингу, что премьер-министр Закавказья просит 60 млн. руб. В противном случае власть может опять перейти к большевикам. «Это будет большим несчастьем,— отмечал Смит,— имея особенно в виду предполагавшееся в ближнем будущем объединение Закавказья с Юго-Восточной федерацией» [779]. Смит просил телеграфно уполномочить его предоставить в распоряжение закавказской контрреволюции эту сумму, обусловив, что она будет расходоваться под контролем представителей Антанты. При этом он выдвигал дополнительный серьезный довод: «Полагаю, что в этом случае я сумею добиться разоружения возвращающихся с Турецкого фронта войсковых частей, которые целиком большевизированы» [780].

18(5) декабря Смит сообщил Лансингу, что по договоренности с английским военным представителем он послал своего заместителя в Екатеринодар к Харламову, чтобы «добиться сотрудничества казаков с союзными, а также с грузинскими и армянскими войсками и участия их в разоружении возвращающихся полчищ солдат, которых насчитывается полмиллиона на участке железной дороги от фронта до Тифлиса» [781].

---

[776] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 588.
[777] Там же, стр. 589.
[778] Там же, стр. 590.
[779] Там же, стр. 589.
[780] Там же, стр. 590.
[781] Там же, стр. 592.

Смит со своим заместителем переслал Харламову письмо, согласованное с руководителями французской и английской военных миссий. По форме оно носило личный характер, начинаясь с обращения «дорогой Василий». Это давало право Смиту в случае неудачи замысла утверждать, что он выступал в качестве частного лица. Смит уведомлял Харламова, что в ближайшие дни ему будет оказана финансовая поддержка. Соглашаясь с тем, что казачья верхушка не в состоянии сейчас открыто примкнуть к Закавказской федерации из опасения вызвать протест среди рядовой массы, он рекомендовал прибегнуть к следующим мероприятиям:

«Во-первых, кубанское и терское правительства не должны допустить возвращения в Закавказье дезорганизованных войсковых частей, которые, возвращаясь с фронта домой..., только увеличивают собою число представляющих опасность лодырей...

Во-вторых, еще важнее, хотя и связано с некоторыми жертвами, необходимыми для общего блага, чтобы в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией были направлены казачьи отряды, которые совместно с грузинскими и армянскими частями создадут линию обороны по железнодорожной линии между фронтом и Тифлисом и займутся разоружением отрядов, возвращающихся с фронта, опасных для внутреннего порядка» [782].

В телеграмме Лансингу Смит от имени генерала Шора, полковника Шардиньи и своего собственного просил одобрения и содействия в проведении этих мер.

Ответ Лансинга, направленный 28 (15) декабря, составлен с ханжеством, характерным для дипломатии империалистов США: «Желательно, чтобы вы были тесно связаны с английскими и французскими представителями и находились в курсе получаемых ими от своих правительств указаний» [783]. Здесь как будто нет прямого утверждения плана Смита. Но он и не отклоняется, а делается попытка переложить ответственность на англичан и французов. Американский консул так и понял инструкцию своего правительства. Он требовал от Харламова выполнения намеченного плана. Параллельно он телеграфировал Лансингу, советуя напечатать бумажные деньги для новой «федеративной республики» в Индии или США за счет отпущенных союзниками кредитов. Он уверял Лансинга, что федерация насчитывает в своем распоряжении 6 тыс. донцов, 5 тыс. кубанцев и 25 тыс. терских казаков и силы ее непрерывно растут.

Под пером этого авантюриста белоказачья верхушка уже превращалась в тысячи и десятки тысяч сабель. Но, видимо, и сам Смит чувствовал внутреннюю слабость контрреволюции. Поэтому он настаивал на присылке хотя бы небольшого союзного отряда для поднятия настроения белоказаков: «Лучше всего направить в ту и в другую области (имеются в виду Дон и Кубань.— *И. М.*) небольшой иностранный отряд, не столько в качестве боевой единицы, сколько в качестве здоровой ячейки, вокруг которой сорганизуются русские силы; этим мы также докажем, что не бросаем слова на ветер» [784].

В районе Шамхора контрреволюционные банды, подстрекаемые иностранными империалистами, напали на эшелоны русских солдат, возвра-

---

[782] Там же, стр. 607.
[783] Там же, стр. 600—601.
[784] Там же, стр. 606.

щавшихся с Кавказского фронта. В результате этого подлого нападения погибли тысячи солдат [785].

Смит отнюдь не был одинок в своем антисоветском усердии. Все представители американского империализма в России вели одну и ту же линию.

Излагая историю борьбы с Калединым, мы уже писали, что член американской миссии Пуль вместе с представителями французской военной миссии неофициально виделся в Новочеркасске с Алексеевым, Калединым и Милюковым. Он телеграфировал американскому консулу в Москве Саммерсу, что переговоры об объединении Юго-Восточной федерации с Украиной развиваются благоприятно и что уже назначен главнокомандующий — генерал Алексеев. Сообщая эти данные в Вашингтон, Саммерс от себя добавил, что «единственное спасение России — армия Алексеева» [786].

США, так же как Англия и Франция, прикрывали свою деятельность разговорами о борьбе с Германией и Турцией, а на деле вели борьбу с властью Советов.

* * *

Закавказье, исключая Баку, являлось единственным национальным районом, в котором установление Советской власти задержалось. И вызвано это было не только сопротивлением местных помещиков и буржуазии, но и вмешательством иностранных империалистов. Годы сохранения здесь власти помещиков и буржуазии, принесшие столько страданий народным массам,— результат иностранной интервенции.

9

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Средняя Азия, входившая в Российскую империю, состояла из девяти областей: Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семиреченской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской. Пять первых областей составляли территорию собственно Туркестанского генерал-губернаторства, или, сокращенно, Туркестана. После Октябрьской революции они в основном вошли в состав образовавшихся в результате национального размежевания Узбекской, Туркменской и Киргизской Советских Социалистических Республик. Остальные четыре области, так называемые степные, составляли территорию современной Казахской ССР, к которой отошли также части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей.

---

[785] По далеко не полным данным, только в районе Шамхора было убито до 2 тыс. человек и несколько тысяч ранено. Бандиты захватили свыше 30 пушек, около 100 пулеметов и не менее 12 тыс. винтовок (*Ал. Ставровский.* Закавказье после Октября. М.— Л., 1925, стр. 12).

[786] См. стр. 446—447 настоящего тома.

Кроме перечисленных девяти областей, к Средней Азии относились также Бухарский эмират и Хивинское ханство, находившиеся в вассальной зависимости от царской России [787].

Среднеазиатские области были неоднородны по национальному составу [788]. Их населяли в подавляющем большинстве тюркские народы: киргизы (казахи), каракиргизы (киргизы), каракалпаки, узбеки, туркмены и др. Из индоевропейцев наиболее значительные группы составляли таджики и русские. До Октябрьской революции среднеазиатские народы не смогли консолидироваться в нации [789].

Средняя Азия и Казахстан перед Октябрьской революцией были уже полностью включены в систему российской экономики, представляя собой, по выражению В. И. Ленина, чистейшего типа колонию [790]. Колониальное, зависимое положение Средней Азии и Казахстана в системе Российской империи обусловило своеобразные черты их социально-экономического и политического строя.

С присоединением Средней Азии и Казахстана к России русский капитализм втянул их в мировое товарное обращение. Но он не произвел здесь коренного переворота в способе производства. Царизм и русский капитал не были заинтересованы в развитии производительных сил Средней Азии и Казахстана, видя в них исключительно источник сырья и рынок сбыта для развивающейся русской промышленности. Царская Россия вывозила из Средней Азии в первую очередь хлопок, необходимый для русской текстильной промышленности. Средняя Азия (главным образом Ферганская, Сыр-Дарьинская и Самаркандская области, а также Бухарский эмират) давала России перед первой мировой войной свыше половины перерабатываемого на фабриках России хлопка [791]. Вывозились также другие продукты земледелия и животноводства; из Казахстана вывозились скот, шерсть, кожа и т. п.

Промышленное развитие в Средней Азии и Казахстане в силу этого шло медленно и однобоко: преобладали небольшие предприятия по первичной обработке продуктов сельского хозяйства. В Туркестане, по данным, собранным летом 1914 г. «экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях р. Сыр-Дырьи», было зарегистрировано по четырем областям (без Закаспийской) 852 промышленных заведения, из них 233 хлопкоочистительных, 112 кожевенных, 73 муко-

---

[787] В результате проведения в конце 1924 г. национально-государственного размежевания республик Средней Азии территория бывшего Бухарского эмирата (после победы народной советской революции в 1920 г.— Бухарская Народная Советская республика) вошла в состав вновь образованных Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской АССР (с 1929 г.— Таджикская ССР), а территория Хивинского ханства (с 1920 г.— Хорезмская Народная Советская республика) — в состав Туркменской ССР, Узбекской ССР и Каракалпакской автономной области (с 1932 г.— Каракалпакская АССР).

[788] Сведения о народностях Средней Азии взяты из сборника «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г.», т. II. СПб., 1905, табл. XIII.

[789] После Октября на социалистической основе произошел процесс объединения разрозненных национальностей в новые, социалистические нации: казахскую, туркменскую, узбекскую, киргизскую, каракалпакскую и таджикскую.

[790] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 35.

[791] *Б. Гафуров* и *Н. Н. Прохоров.* Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940, стр. 23.

мольных, 30 хлопко-маслобойных заводов и т. п.[792] В основном это были небольшие предприятия. Тяжелая промышленность в Туркестане не развивалась.

В Казахстане в начале XX в. промышленность по первичной обработке сельскохозяйственного сырья оттеснила на второй план более старую отрасль — горнодобывающую промышленность, в которую усиленно внедрялись английские, французские и другие иностранные капиталисты. Среди предприятий по первичной обработке сырья на первое место в XX в. выдвигается промышленность по первичной обработке продуктов земледелия. В 1913 г. вся крупная промышленность Казахстана дала продукции на 6,7 млн. руб. (в ценах 1926—1927 г)., из них 72% (48,2% млн. руб.) приходилось на долю промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства. Горнодобывающая и горнообрабатывающая отрасли промышленности дали в 1913 г. продукции на 11,5 млн. руб.[793]

Механизация производства на промышленных предприятиях Средней Азии была слабой: на 702 обследованных промышленных заведения Туркестана (без Закаспийской области) в 1913 г. приходилось всего 507 механических двигателей[794].

Подавляющее большинство населения Средней Азии и Казахстана было занято в сельском хозяйстве. Так, из 11,7 млн. человек, составлявших, по официальным сведениям на 1916 г., население девяти среднеазиатских и степных (казахских) областей, только 1,7 млн. человек жили в городах[795].

По более или менее точным данным, принятым большинством исследователей, число фабрично-заводских и железнодорожных рабочих в Туркестанском крае не превышало 60 тыс. Из них железнодорожников в 1913 г. было до 25 тыс., в горнозаводской промышленности трудилось более 4 тыс. человек, в хлопкоочистительной промышленности — 8 тыс. человек. Три четверти рабочих составляли представители местных национальностей, использовавшиеся главным образом на подсобных работах. В Казахстане (без Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей) имелось 46,6 тыс. рабочих, главным образом в обрабатывающей промышленности.

Рабочие составляли небольшой процент населения: в Узбекистане удельный вес всех рабочих, включая строительных, поденных и сельских, был в 2 раза меньше, чем в среднем по России[796].

Кроме промышленных железнодорожных рабочих в городах Средней Азии и Казахстана проживали многочисленные ремесленники. Всего в

---

[792] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер.* Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, стр. 18, табл. 1. Из работавших в 1913 г. 702 заводов, хлопкоочистительных было 197, кожевенных — 72, мукомольных — 46, хлопкомаслобойных — 19 и т. д. По данным Р. А. Нуруллина, на 1914 г. в Туркестане насчитывалось примерно 1100 небольших предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности, причем в фабрично-заводской промышленности было занято 33,5 тыс. рабочих и на железной дороге — около 24,5 тыс. (*Р. А. Нуруллин.* Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1965, стр. 33).

[793] «20 лет Казахской ССР». Алма-Ата, 1940, стр. 32.

[794] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер.* Промышленные заведения Туркестанского края, стр. 40, табл. IV.

[795] «Статистический ежегодник России за 1916 г.», вып. 1. М., 1918, стр. 47.

[796] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 93—94.

Туркестане накануне Октября насчитывалось более 108 тыс. кустарей. Продукция кустарной промышленности составляла по стоимости более пятой части (22%) всей фабрично-заводской продукции края [797].

Наряду с формированием промышленного пролетариата, пока еще очень малочисленного, росла и местная национальная и компрадорская буржуазия.

С развитием хлопководства, с проникновением торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство возрастали товарность последнего, усиливалась эксплуатация трудового дехканства, его обезземеливание, концентрация земель, скота и инвентаря в руках крупных баев и купцов. Так, в Ферганской области в 1910 г. число обезземеленных сельскохозяйственных рабочих достигало 200 тыс. [798] В 1916 г. в этой области 16 тыс. байских хозяйств владели 312 тыс. десятин земли, а 233 тыс. крестьянских хозяйств имели лишь 98 тыс. десятин [799]. У одного бая было в среднем столько же земли, сколько у 60 крестьянских семей.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Средней Азии и Казахстана коснулось прежде всего хлопководческих районов Ферганской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей. Однако и в скотоводческих районах шел, хотя и замедленный, процесс дифференциации крестьянства. Так, по официальной статистике в 1909—1910 гг. в Семиречье 56% казахских и киргизских хозяйств имели лишь 11,8% поголовья скота, числившегося у коренного населения области [800].

Обезземеливанию местного дехканства способствовала система русской колонизации Средней Азии и Казахстана, проводимая царизмом со времени их присоединения к России. Стремясь создать себе здесь социальную опору, царское правительство насаждало в первую очередь крупные кулацкие хозяйства, сгоняя местное население с лучших участков земли. Так, в Семиреченской области в пользовании переселенцев находилась бóльшая часть культурных земель, в то время как они вместе с семиреченскими казаками составляли всего 18% населения [801].

Однако капиталистические отношения еще только начинали развиваться. Средняя Азия и Казахстан продолжали оставаться отсталой, аграрной окраиной со значительными пережитками феодально-патриархальных отношений. Царизм не был заинтересован в ликвидации этих пережитков. Основная масса крестьянства продолжала оставаться в полуфеодальной зависимости, сохранились докапиталистические формы эксплуатации. Так, в Средней Азии было широко развито чайрикерство — кабальная испольная работа на бая, при которой дехканин отдавал баю до $^3/_4$ своего урожая. Свыше 25% сельского населения Туркестана продолжало вести примитивное кочевое скотоводческое хозяйство [802]. Техника земледелия

---

797 Там же, стр. 107.

798 *А. Ниалло.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941, стр. 23.

799 *К. Е. Житов.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957, стр. 10.

800 «40 лет Казахской ССР», стр. 22.

801 *А. Ниалло.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии, стр. 18.

802 *Я. А. Чубуков.* Борьба большевиков Киргизии за установление и упрочение Советской власти. Автореф. докт. дисс. М., 1950, стр. 8.

была крайне отсталой. В узбекских кишлаках в 1910 г. было более 135 тыс. деревянных омачей и лишь 1070 железных плугов [803].

В политическом отношении Средняя Азия и Казахстан представляли собой бесправную колонию. Вся полнота власти находилась в руках царской администрации: генерал-губернатора, областных военных губернаторов и уездных начальников. Управление краем было построено на строго централизованных и бюрократических началах. Низшее звено местных властей — волостные управители, сельские старшины, аксакалы и т. п.— «выбиралось» из наиболее зажиточных, влиятельных слоев. Трудовое население в этих «выборах» не участвовало.

В еще более тяжелом положении находилось население Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Чтобы не обострять отношений с Англией, царизм не присоединял окончательно эти государства, и они представляли собой, по определению В. И. Ленина, «нечто вроде колоний» [804]. В них больше, чем в других районах Средней Азии, господствовал азиатский деспотизм, так как эмир и хан пользовались полной свободой во внутренних делах. Основными задачами всего их правительственного аппарата были сбор многочисленных налогов с трудящихся, беспощадная эксплуатация трудового народа.

Испытывая тройной гнет — местных феодалов, русской буржуазии и царской колониальной администрации, трудящееся население Средней Азии и Казахстана активно включалось в национально-освободительную борьбу. Первая мировая война ускорила рост национально-освободительного движения.

Национально-освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана вылилась летом 1916 г. в мощное народное восстание, явившееся наивысшей точкой обострения классовых противоречий в крае и одним из проявлений назревавшего во всей России революционного кризиса [805].

На повышение политической активности трудовых слоев населения Средней Азии и Казахстана и развитие национально-освободительного движения в крае огромное влияние оказало революционное движение в Европейской России. Достаточно напомнить о таких факторах, как: 1) влияние революции 1905—1907 гг.; 2) массовые переселения после 1905 г. русского крестьянства, включавшего немало демократически настроенных людей и быстро шедшего по пути дифференциации и выделения бедноты, интересы которой сливались с интересами местного дехканства; 3) влияние революционного движения в Европейской России в предвоенные годы; 4) непосредственное участие русского пролетариата городов Средней Азии и Казахстана в национально-освободительном движении; 5) пропаганда и агитация большевиков среди местного населения, мобилизованного в годы войны на тыловые работы, и включение мобилизованных в революционную борьбу русского пролетариата и крестьянства;

---

[803] Более подробно социально-экономические отношения в среднеазиатской деревне освещены в монографиях П. Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1917 гг.» (Алма-Ата, 1965); А. Юлдашева «Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX— начало XX в.)» (Ташкент, 1969); Б. Сулейменова «Аграрные отношения на юге Казахстана» (Алма-Ата, 1965); С. И. Ильясова «Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в.» (Фрунзе, 1963).

[804] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 274.

[805] Это выступление специально исследовано в монографии Х. Турсунова «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1963).

6) Февральская революция в России и рост революционного движения в стране против Временного правительства.

Вторая русская революция не внесла особых изменений в положение народов Средней Азии и Казахстана: беспощадная колониальная политика царизма сменилась по форме менее жестокой, но по классовой сути такой же колониальной политикой российской империалистической буржуазии. Национально-освободительное движение усилилось. Оно вливалось в общий поток борьбы за победу социалистической революции в России. Слияние национально-освободительного движения на окраинах с революционной борьбой в центре в общероссийский поток социалистической революции объяснялось тем, что все коренные вопросы исторического развития Средней Азии и Казахстана могли быть решены только на основе победы пролетарской революции и установления власти Советов по всей стране.

Основной революционной силой в борьбе за установление Советской власти в Средней Азии и Казахстане являлись рабочие промышленных предприятий, шахт, рудников, ремесленных мастерских и заведений, железнодорожный пролетариат, батраки, крестьянская беднота, революционно настроенные солдаты гарнизонов и отпускники, местное население, возвращавшееся домой с тыловых работ.

Революционная борьба за установление Советской власти в этих районах страны была закономерным явлением. Она определялась общностью предпосылок, движущих сил и гегемона революции как в центре, так и на окраинах [806]. Большое значение в успешном установлении власти Советов в Средней Азии и Казахстане сыграла правильная политика РСДРП(б) по национальному вопросу.

Победа пролетарской революции и установление власти Советов в Средней Азии и Казахстане осуществились в своеобразной обстановке отсталой в экономическом, политическом и культурном отношении национальной окраины с абсолютным преобладанием крестьянского населения. Эти специфические условия создавали здесь дополнительные серьезные трудности в борьбе за власть Советов, а позднее, в период гражданской войны, обусловили затяжную, напряженную и упорную борьбу в защиту завоеваний революции.

Главные трудности в борьбе за власть Советов создавали следующие обстоятельства:

1. Промышленный пролетариат Средней Азии и Казахстана как национальный, так и пришлый, был малочислен, распылен, недостаточно сплочен, не имел еще своих глубоких революционных традиций.

2. Основную массу населения составляли мелкобуржуазные слои. Это способствовало распространению мелкобуржуазных взглядов. Мелкобуржуазная среда не могла не отразиться и на процессе создания партийных организаций в Средней Азии и Казахстане. Большевистские группы создавались и оформлялись здесь в 1917 г. медленнее, чем в центре. В некоторых местах, например в Узбекистане, они организационно оформились только в конце 1917 г., а в Киргизии — даже в 1918 г. Большевистские группы в 1917 г. еще не отмежевались от меньшевиков, входили в объеди-

---

[806] Проявление общих закономерностей назревания и победы социалистической революции в Средней Азии и Казахстане исследовано в статье Х. Ш. Иноятова «В. И. Ленин об опыте социалистической революции и ее местных особенностях» («Народы Азии и Африки», 1969, № 5).

ненные с ними социал-демократические организации. Все это определяло известную слабость, колебания и недостаточную идейную закаленность большевистских партийных организаций в Средней Азии и Казахстане [807].

3. Благодаря все тому же мелкобуржуазному составу населения Средней Азии и Казахстана здесь более сильным и продолжительным влиянием пользовались мелкобуржуазные соглашательские партии.

4. Царизм и Временное правительство проводили здесь великодержавную политику, культивировали и разжигали национальную рознь и противоречия. Это сыграло на руку местным буржуазно-националистическим контрреволюционным группировкам и партиям (Алаш-Орда, Шуро-и-Исламия, Улема и т. п.), которым удалось вовлечь некоторую часть политически несознательных масс мусульманского населения в буржуазно-националистическое движение. Буржуазные националисты, опираясь на феодально-байскую верхушку и реакционное мусульманское духовенство, даже создали в конце 1917 — начале 1918 г. контрреволюционные областные и «национальные правительства» (Алаш-ордынское «правительство», «Кокандская автономия» и т. п.). Из-за отсталости и темноты крестьянских масс значительным влиянием среди них пользовалось реакционное мусульманское духовенство.

К этим трудностям следует добавить наличие белоказачьей контрреволюции (уральской, оренбургской и семиреченской), которая создала в конце 1917 г. свои войсковые «правительства» и выступила против Советской власти.

Местная контрреволюция поддерживалась русским кулачеством, которое в свое время усиленно насаждалось царизмом.

Большое значение имели активная помощь всероссийской контрреволюции и непосредственное вмешательство в дела Средней Азии и Казахстана иностранных империалистов. Оно облегчалось окраинным положением этого района.

Установление Советской власти в различных районах Средней Азии и Казахстана, как правило, отставало от центра России и проходило неодинаково [808]. В районах, примыкавших к сравнительно крупным проле-

---

[807] См. коллективную монографию: «История коммунистических организаций Средней Азии». Ташкент, 1967.

[808] *Р. И. Голубева.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане.— «Исторический журнал», 1939, № 11; *И. К. Додонов.* Победа Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1958; *Я. М. Досумов.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Кара-Калпакии. Ташкент, 1958; *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961; *К. Е. Житов.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957; *А. Г. Зима.* Победа Октябрьской революции в Киргизии. Фрунзе, 1966; *Х. Ш. Иноятов.* Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958; *он же.* Победа Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1967; *Т. Каримов.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и решение аграрного вопроса в Таджикистане, ч. 1. Душанбе, 1968; *К. Мухаммедбердыев.* Коммунистическая партия в борьбе за победу народной Советской революции в Хорезме. Ашхабад, 1959; *Г. Непесов.* Из истории Хорезмской революции. 1920—1924 гг. Ташкент, 1962; «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967; *С. Н. Покровский.* Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961; *А. А. Росляков.* Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов. Ашхабад, 1961; *Ш. Ташлиев.* Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957; *В. П. Харин.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане. Ташкент, 1958; «Хроника событий Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». Ташкент, 1962 и др.

тарским центрам, где эксплуататорские классы не имели достаточных сил, чтобы оказать вооруженное сопротивление, Советская власть побеждала мирным путем и относительно быстро. В других районах, где контрреволюция имела достаточную силу, борьба за власть Советов приобрела затяжной характер и осуществлялась путем вооруженного подавления эксплуататорских классов.

В большинстве городов и уездов Сыр-Дарьинской, Закаспийской, Самаркандской, Ферганской, Тургайской, Семипалатинской и Семиреченской областей власть Советов установилась в конце 1917 — марте 1918 г. Исключение составляли Ташкент, Красноводск, Перовск и Чарджуй, где Советская власть победила еще в конце октября.

Сыр-Дарьинская область

В Ташкенте, являвшемся центром Сыр-Дарьинской области и всего Туркестанского края, еще в сентябре 1917 г. произошли события, свидетельствовавшие о нарастании революционного кризиса [809].

О победе революции в Петрограде здесь узнали 27 октября. В тот же день комиссар буржуазного Временного правительства генерал П. А. Коровиченко, возглавлявший карательную экспедицию против Ташкентского Совета в сентябре 1917 г., отдал приказ об аресте исполкома Ташкентского Совета и о разоружении 1-го и 2-го запасных сибирских полков. Солдаты 1-го полка совместно с отрядами Красной гвардии и железнодорожных рабочих оказали вооруженное сопротивление. В течение 28—31 октября на улицах Ташкента происходили упорные бои, в результате которых 1 ноября власть в Ташкенте перешла в руки Советов.

В своем воззвании от 1 ноября Туркестанский Совет рабочих и солдатских депутатов и исполком Ташкентского Совета указывали: «Гражданская война, преступно вызванная контрреволюционерами, посягнувшими на свободу народа, вчера в 12 час. ночи кончилась победой демократии. Арестованные члены краевого Совета и исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов освобождены. Члены туркестанского комитета Временного правительства арестованы, школа прапорщиков разоружена.

Впредь до решения вопроса о власти в общероссийском масштабе власть в городе находится в руках краевого Совета и Исполнительного комитета Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов и Военного совета, каковые организации призывают население города Ташкента к спокойствию и предлагают приступить к своим обычным занятиям» [810].

2 ноября в Ташкенте состоялось совещание представителей краевых демократических организаций, профсоюзов и городских самоуправлений,

---

[809] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 892—894; см. также: «Победа Октябрьской революции в Узбекистане». Сборник документов, т. I. Ташкент, 1963, разд. II. Сентябрьские события в Ташкенте, стр. 307—448, разд. III. Обострение революционного кризиса. Вооруженное восстание в Ташкенте и установление Советской власти в Узбекистане, стр. 449 и сл.

[810] «Документы Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1942, стр. 120. Подробнее о вооруженном восстании в Ташкенте и о помощи восставшим со стороны рабочих и солдат других городов Средней Азии см.: *Г. Рашидов.* История социалистического Ташкента, т. I. Ташкент, 1965.

на котором обсуждался вопрос о создании временных органов краевой власти. На совещании преобладали эсеры и меньшевики: из 22 человек с правом решающего голоса большевиков было только 3. Туркестанский краевой Совет, соглашательский по своему составу, отказался от предложения совещания взять власть в свои руки. Совещание сформировало Туркестанский исполнительный комитет в составе эсеров, меньшевиков, представителей мусульманских буржуазных организаций и одного большевика. 8 ноября этот исполком, не отражавший настроений трудящихся, издал приказ о переходе власти в его руки.

15—22 ноября 1917 г. состоялся 3-й краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который подавляющим большинством голосов провозгласил власть Советов. На втором заседании съезда, 16 ноября, произошло слияние съезда Советов рабочих и солдатских депутатов с краевым съездом Советов крестьянских депутатов. Объединенный краевой съезд сформировал первое Советское правительство Туркестанского края — краевой Совет народных комиссаров, в состав которого вошло семь большевиков и восемь «левых» эсеров. Председателем краевого СНК был избран большевик Ф. Колесов.

В последний день работы краевой съезд принял резолюцию об организации власти Советов на местах о необходимости переизбрания областных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и о формах связи Советов мусульманских рабочих депутатов с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (на первых порах предлагалась организация мусульманских Советов отдельно от общих Советов).

Краевой съезд Советов допустил серьезную ошибку, недооценив демократические, хотя и не чисто пролетарские, мусульманские организации (союзы трудящихся мусульман, Советы мусульманских рабочих депутатов и т. п.) и не включив представителей мусульманских Советов в свой состав [811].

В Перовске Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки 30 октября и послал на помощь рабочим Ташкента отряд Красной гвардии. В других городах Сыр-Дарьинской области Советы рабочих и солдатских депутатов, руководимые большевиками, взяли власть в свои руки в течение ноября — декабря 1917 г. Так, 6 ноября власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов в Аулиэ-Ате. В начале декабря Аулиэ-Атинские уездные съезды крестьянских депутатов и трудящихся казахов выносили постановления о признании власти Советов и о слиянии Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов [812]. В течение ноября Советская власть установилась также в Чимкенте и Казалинске, а позднее и в других городах, а также поселках и аулах Сыр-Дарьинской области [813]. 2 декабря Совнарком Туркестанского края, Сыр-Дарьинский областной Совет и Ташкентский Совет приняли на объединенном заседании постановление о реорганизации власти в уездах обла-

---

[811] «История Узбекской ССР», т. III. Ташкент, 1967, стр. 104—106.

[812] *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, стр. 261, 262.

[813] «Вестник АН Казахской ССР», 1956, № 6, стр. 8; см. также: *З. В. Пашинцева.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Сыр-Дарьинской области.— «Установление Советской власти в областях Казахстана (1917—1918)». Сборник статей. Алма-Ата, 1957, стр. 5.

сти и о немедленном созыве областного съезда Советов «по организации уездных Советов» [814].

Быстрая победа Советской власти в Сыр-Дарьинской области объяснялась влиянием революционного Ташкента, наличием в области революционно настроенных рабочих в городах и на железных дорогах, успешной деятельностью большевистских организаций, которые в это время уже отделились от меньшевиков.

Самаркандская область

В Самарканде — центре области — Совет солдатских и рабочих депутатов находился перед Октябрьской революцией под влиянием большевиков. Но работа большевиков усложнялась здесь тем, что формально они находились в объединенной организации с меньшевиками (оформление самостоятельной большевистской организации произошло в начале декабря 1917 г.).

Еще 31 октября большевики создали ревком на железнодорожной станции [815]. В городе началось интенсивное вооружение рабочих и формирование отрядов Красной гвардии. 28 ноября большевиками было созвано экстренное собрание членов Совета солдатских, рабочих и мусульманских депутатов совместно с представителями воинских частей и общественных организаций. Собрание приняло резолюцию о признании Туркестанского СНК высшим органом власти в крае. Одновременно Самаркандский Совет объявил о принятии им на себя всей полноты власти в городе [816]. В ночь на 2 декабря отрядами Красной гвардии были заняты важнейшие учреждения Самарканда, арестованы видные контрреволюционеры. Власть полностью перешла в руки Советов. 4 декабря в Самарканде был образован Военно-революционный комитет, куда вошли и представители областного Совета. На следующий день ВРК взял в свои руки всю полноту власти в области [817].

Состоявшаяся 13 декабря в Самарканде областная конференция Советов с участием 33 делегатов от уездов приняла постановление о переходе всей власти в области к Советам, а также о необходимости реорганизации областного Совета, для чего было предложено всем уездам отправить в Самарканд своих делегатов [818].

В других городах Самаркандской области Советская власть установилась в основном в ноябре — декабре 1917 г. Так, 1 ноября взял власть созданный накануне ревком Каттакургана. 3 февраля 1918 г. в Каттакургане образовался уездно-городской Совет солдатских, рабочих, крестьянских и мусульманских депутатов, в руках которого сосредоточилась вся власть в уезде и городе [819].

---

[814] Госархив Ташкентской области, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 116.

[815] «Хроника событий Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». Ташкент, 1962, стр. 249.

[816] «Свободный Самарканд», 30 ноября 1917 г.

[817] Протокол заседания ВРК от 5 декабря 1917 г.— Госархив Самаркандской области, ф. 835, оп. 1, д. 1, л. 1.

[818] Госархив Самаркандской области, ф. 835, оп. 1, д. 1, лл. 5—6. Подробнее о победе Октябрьской революции в Самарканде см.: «История Самарканда», т. 2. Ташкент, 1970, стр. 22—23.

[819] Госархив Самаркандской области, ф. 409, оп. 1, д. 1, л. 12.

В Джизаке власть перешла к Совету 30 ноября, а в Ходженте 3—5 декабря, причем уездный Совет рабочих и солдатских депутатов, заседавший совместно с представителями профсоюзов, принял резолюцию о признании Туркестанского СНК краевой властью.

В радиограмме исполкома Ташкентского Совета Московскому Совету и штабу Московского военного округа сообщалось, что в Ташкенте, Кушке, Самарканде, Новой Бухаре «власть Советов прочна, в других городах края положение неопределенное» [820]. 10 декабря 1917 г. Совнарком Туркестанского края принял постановление об упорядочении и объединении деятельности местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а 8 января 1918 г. подтвердил «необходимость установления единства власти» и проведения в жизнь указанного постановления [821].

19—26 января в Ташкенте состоялся IV Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Туркестанского края. 23 января съезд принял предложенную большевистской фракцией резолюцию, в которой давался отпор сторонникам буржуазной автономии края и намечались практические шаги по подготовке пролетарской, советской автономии [822].

Ферганская область

В Ферганской области процесс установления Советской власти растянулся на более длительный срок; в главных городах области (в Андижане, Коканде, Намангане, Скобелеве) [823] власть Советов установилась в течение декабря 1917 — января 1918 г., а в некоторых центрах, главным образом в Киргизии, еще позже — весной 1918 г.

Проходивший в Фергане 6—7 декабря VI Ферганский областной съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов принял постановления о признании Туркестанского СНК высшей властью в крае и о переходе всей власти в области к Советам [824]. Местная газета сообщала, что «28 декабря в Коканде на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов смещен председатель Совета — меньшевик. Вместо него избран Бабушкин — большевик. Настроение Совета большевистское» [825]. В Намангане и Скобелеве Советская власть была установлена в январе 1918 г. [826]

Более замедленный процесс установления Советской власти в Ферганской области объяснялся малочисленностью и недостаточной сплочен-

---

[820] Госархив Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 17, л. 90. Некоторые подробности о положении в областях Туркестанского края с октября 1917 г. по июнь 1918 г. сообщались в сводке Наркомвнудела об общеполитическом положении на местах (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 125, лл. 25 об.— 27; «Из истории борьбы за установление Советской власти». М., 1943, стр. 100—102).

[821] Госархив Самаркандской области, ф. 835, оп. 1, д. 2, л. 46.

[822] *Х. Турсунов.* Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917—1924 гг.). Ташкент, 1971, стр. 131.

[823] Подробнее о победе Октябрьской революции в этих городах см.: «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967, стр. 406—409.

[824] *А. Г. Зима.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, стр. 199—204; «Наша газета», 16 декабря 1917 г.

[825] «Наша газета», 3 января 1918 г.

[826] *Х. Ш. Иноятов.* Победа Советской власти в Узбекистане, стр. 146.

ностью местного пролетариата, а также значительным влиянием здесь буржуазно-националистических и соглашательских партий и группировок. Местная контрреволюция, опираясь на национальную и русскую буржуазию, мусульманское духовенство и чиновничество, объявила в конце ноября об образовании в Коканде «автономного правительства» Туркестана [827].

Установление власти Советов в области осуществлялось поэтому в ожесточенной борьбе с контрреволюционными силами. В этой борьбе оформлялись и укреплялись самостоятельные большевистские организации в Намангане, Коканде, Скобелеве и других местах [828].

Закаспийская область

В Закаспийскую область сведения о победе Октябрьской революции в Петрограде дошли 27 октября.

С получением известий о пролетарской революции в центре большевистские группы в городах области начинали порывать с объединенчеством и оформляться в самостоятельные организации. Так было, например, в Асхабаде, Кизыл-Арвате, Красноводске, Мерве [829]. Большевистские организации руководили борьбой трудящихся области за победу власти Советов.

Раньше других победила Советская власть в Красноводске, где были крупные железнодорожные мастерские и революционно настроенный гарнизон. 30 октября состоялось объединенное заседание Красноводского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с представителями местных демократических организаций и частей гарнизона, на котором было принято постановление о поддержке Петрограда и Ташкента и о передаче всей полноты власти Советам как в центре, так и на местах [830].

Многие Советы Закаспийской области (Казанджикский, Красноводский, Кушкинский и др.) послали на III краевой съезд Советов в Ташкенте делегатов-большевиков. После сформирования Советского правительства Туркестана Советы Закаспийской области усилили борьбу за установление Советской власти по всей территории области.

В Ашхабаде — центре Закаспийской области — быстрому установлению Советской власти способствовало оформление большевиков в самостоятельную организацию, происшедшее, как уже упоминалось, еще в конце октября. Ее руководителями были Я. Е. Житников, рабочий П. Павлов и бывший член Петергофской организации большевиков Н. Г. Сорин. Создав самостоятельную организацию, большевики усилили свое влияние в среде трудящихся и быстро пополнили свои ряды. Рост большевистского влияния выявился на общегородском собрании трудящихся и солдат гарнизона 23—24 ноября, где было принято предложение большевиков по-

---

[827] О ликвидации «Кокандской автономии» см. стр. 605—607.

[828] Об организационном оформлении большевистских организаций на местах см.: «История коммунистических организаций Средней Азии».

[829] Организационное оформление большевистских партийных организаций в Закаспии и их борьба за власть Советов специально исследованы в монографии А. А. Рослякова «Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов».

[830] *О. Кулиев.* Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Ашхабад, 1953, стр. 59.

слать телеграмму В. И. Ленину с выражением полного и безграничного доверия Советскому правительству. Попытки кадетов и соглашателей сорвать посылку телеграммы были отвергнуты большинством собрания.

При голосовании вопроса о власти противники перехода ее к Советам предприняли обходный маневр: они предложили отделить Закаспийскую область в административном отношении от Ташкента, что по сути дела означало неподчинение центру Советской власти в крае [831]. Ввиду колебаний, вызванных маневром противников революции, было решено отложить вопрос о власти до созыва очередного областного съезда Советов [832]. Вслед за Ашхабадом такое же решение приняли Советы Мерва, Кизил-Арвата и других городов.

30 ноября в Ашхабаде открылся IV областной съезд Советов, на котором преобладали большевики и левые эсеры. Председателем съезда был избран большевик С. М. Молибожко. Основным вопросом повестки дня была организация власти в Закаспийской области. 2 декабря съезд принял по нему резолюцию большевиков, предусматривавшую создание вместо областного Совета — Совнаркома Закаспийской области, который рассматривался как исполнительный орган краевой и центральной власти, объединявший уездные и местные Советы области [833]. Чрезвычайно важное значение имел пункт этой резолюции о привлечении в СНК представителей местного туркменского населения (в него должны были войти три представителя от областного Туркменского съезда).

Предложение о посылке делегатов в СНК обсуждалось на Всетуркменском съезде, открывшемся почти одновременно со съездом Советов — 29 ноября 1917 г. Заправилы съезда из имущей верхушки потребовали включить в СНК четырех своих представителей, т. е. хотели получить там большинство. В противном случае они грозили осуществить создание «параллельной власти для коренного населения». Областной съезд Советов, в котором участвовали и представители коренного населения, отверг это требование. После этого в среде вожаков Всетуркменского съезда произошел раскол. Одна группа, руководимая Овезовым и Ораз-сердаром и поддерживавшая связь с местной контрреволюцией и иностранными империалистами, отказалась сотрудничать с Советской властью. Вторая группа во главе с Махтумкули-ханом объявила себя сторонниками лояльного отношения к Советской власти. В конечном счете Туркменский съезд распался, и делегаты его разъехались [834]. Между тем на последнем заседании областного съезда Советов, 3 декабря, был избран областной Совнарком в составе трех большевиков и одного беспартийного. Временно, до выдвижения туркменами трех своих представителей, в СНК были выдвинуты еще три человека — два большевика и один меньшевик-оборонец [835].

5 декабря состоялись перевыборы Ашхабадского Совета рабочих и солдатских депутатов, принесшие победу большевикам. Они получили подавляющее большинство в исполкоме. Председателем исполкома был из-

---

[831] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 417.
[832] Там же.
[833] «Из истории борьбы за подготовку и проведение Октябрьской революции в Туркменистане».— «Материалы по истории СССР», т. I. М., 1955, стр. 100, 122—124.
[834] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 419.
[835] *Ш. Ташлиев.* Установление и упрочение Советской власти в Туркестане, стр. 48—49.

бран большевик С. М. Молибожко. В Совет прошло также много левых эсеров.

В других городах Закаспийской области власть Советов тоже установилась в течение ноября — декабря 1917 г. Так, в Казанджике, в населении которого имелась значительная рабочая прослойка, уже в первые дни после победы восстания в Ташкенте Совет вынес постановление приветствовать Советскую власть. Вскоре после краевого съезда, состоявшегося в ноябре, Казанджикский Совет рабочих депутатов был переизбран: в него вошли большевики и беспартийные революционные рабочие. Председателем Совета был избран большевик Е. Ф. Пашетных. Совет взял власть в свои руки. Еще раньше взяли в свои руки власть Советы в Кушке и Челекене. Одновременно с переходом власти к Совету в Асхабаде установилась Советская власть и в Кизыл-Арвате. В середине декабря 1917 г. она утвердилась в Теджене, Мерве и Байрам-Али [836].

Тургайская область

Тургайская область находилась в близком соседстве с центрами казачьей контрреволюции — Оренбургом и Уральском. Это, естественно, влияло на процесс установления Советской власти. 5—6 января 1918 г., в разгар подготовки к разгрому дутовщины, Тургайский областной исполнительный комитет Советов крестьянских, казахских, рабочих и солдатских депутатов постановил: «Объявить во всеобщее сведение, что верховная государственная власть в Тургайской области принадлежит ему, а на местах — Советам крестьянских, казахских (киргизских), рабочих и солдатских депутатов» [837]. Власть в области перешла в руки Советов в основном в течение января — марта 1918 г.

Исключение представлял Кустанай, где Советская власть установилась еще в конце декабря 1917 г. 21 декабря там состоялось нелегальное совещание рабочих с руководителями прибывшего из Петрограда отряда моряков и представителями гарнизона (большевиками). Совещание приняло решение образовать ревком и передать ему всю полноту власти. 25 декабря большевистски настроенные рабочие и солдаты Кустаная, поддержанные петроградскими моряками, установили в городе Советскую власть [838]. Во главе ревкома стал матрос-большевик В. Чекмарев. 15—16 января 1918 г. Кустанайский уездный крестьянский и киргизский (казахский) съезд Советов избрал уездный исполком Советов.

В конце 1917 — начале 1918 г. власть Советов была установлена в Тургайском уезде [839].

8 января взял власть в свои руки Совет рабочих и солдатских депутатов Актюбинска. В начале февраля здесь был созван уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и киргизских депутатов, постановивший уста-

---

[836] «История Туркменской ССР», т. II. Ашхабад, 1957, стр. 64—68.
[837] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 445.
[838] Установление Советской власти в областях Казахстана подробно освещено в кн.: *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане.
[839] *О. А. Мозголина.* Установление Советской власти в Тургайской области.— «Установление Советской власти в областях Казахстана», стр. 95.

новить Советскую власть в уезде. Председателем уездного исполкома был избран большевик В. Зинченко [840].

В других городах области Советская власть установилась в основном в январе 1918 г.

21 марта — 3 апреля в Оренбурге состоялся Тургайский областной съезд Советов, на котором присутствовало около 600 делегатов (более половины из них казахи). В числе делегатов был виднейший руководитель революционной борьбы казахского народа Амангельды Иманов. Съезд исключил из своего состава националистов-алашордынцев и разработал положение об организации Советской власти в Тургайской области. Положение предусматривало создание аульных, сельских, волостных, уездных и областного Советов и областных отделов (комиссариатов).

Съезд подвел итоги борьбы за власть Советов в Тургайской области. Был избран областной исполком во главе с большевиком А. Джангильдином [841].

Семипалатинская область

В Семипалатинской области установление Советской власти затянулось. Оно встретилось с сопротивлением не только местных баев и кулаков-колонистов, но и казачьей верхушки, осевшей здесь после изгнания из Оренбурга, контрреволюционного офицерства, бежавшего из центральных районов, и «правительства» Алаш-Орды.

В главном городе области Семипалатинске Советская власть была установлена после упорной борьбы лишь 17 февраля 1918 г. 19 января 1918 г. на совещании Семипалатинского Совета рабочих и солдатских депутатов по предложению большевиков был организован ВРК и намечен план вооруженного восстания. В ночь на 16 февраля 1918 г. восстание началось и вскоре увенчалось успехом. На следующий день исполком Семипалатинского Совета в своем обращении к населению объявил, что власть перешла в руки Совета [842].

В некоторых уездах области власть перешла в руки Советов почти одновременно с Семипалатинском: в Усть-Каменогорске — 18 января, в Павлодаре — 19 января 1918 г. А в течение февраля — марта Советская власть утвердилась в Каркаралинске, Риддере и в других городах и районах области [843].

Семиреченская область

Советская власть в Семиреченской области была установлена позже, чем в других областях Казахстана. Это объяснялось отдаленностью области от промышленных центров, малочисленностью рабочих, влиянием контрреволюционного казачества и давлением англо-американских империалистов [844].

---

[840] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 448; «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской ССР». Алма-Ата, 1947; см. также: *С. М. Кенжебаев.* Борьба за власть Советов в Семипалатинской области.— «Установление Советской власти в областях Казахстана», стр. 125.

[841] *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, стр. 278.

[842] Там же, стр. 303.

[843] Там же.

[844] Установлению Советской власти в Семиречье посвящено исследование С. Н. Покровского «Победа Советской власти в Семиречье» (Алма-Ата, 1961).

В начале ноября 1917 г. офицерско-кулацкая верхушка семиреченского казачества разогнала в г. Верном, центре области, Совет рабочих и солдатских депутатов и образовала свое «войсковое правительство». Последнее отказалось выполнять распоряжение Туркестанского СНК и активно включилось в общероссийское контрреволюционное движение.

В конце 1917 г. в Верном была создана подпольная большевистская организация, которая возглавила подготовку к вооруженному восстанию. 2—13 января 1918 г. в Верном состоялся II областной крестьянский съезд Семиречья, представлявший как русских крестьян-переселенцев, так и казахское и киргизское население. Из 153 делегатов съезда 40 было от казахских и киргизских аулов. Съезд 131 голосом против 15 при 7 воздержавшихся принял предложенную большевиками резолюцию «О положении в России и о власти», в которой говорилось о поддержке власти Советов в центре страны. Съездом был избран областной крестьянский Совет. Однако белоказаки разогнали его, а часть его членов арестовали [845].

В феврале большевики Верного активизировали подготовку восстания. Они опирались на бывших солдат-фронтовиков, казахов, возвращавшихся с тыловых работ, низовые казачьи массы и крестьянскую бедноту. В ночь на 3 марта восстание началось, и уже 3 марта Советская власть в Верном победила. Были созданы областной ВРК и областной Семиреченский Совнарком [846].

Некоторые особенности имело установление Советской власти в уездах, населенных киргизами.

Основная масса киргизов проживала в Семиреченской и Ферганской областях, главным образом в уездах Пишпекском, Пржевальском и Ошанском. Роль авангарда и в этих районах принадлежала рабочим. Одними из первых установили Советскую власть шахтеры Сюлукты, где Совет находился под влиянием большевиков. 11 ноября сюлуктинские рабочие объявили о переходе власти в Ходжентском уезде в руки Советов.

В Ферганской области наиболее крупным предприятием являлись угольные копи Кызыл-Кия. Здесь Совет рабочих депутатов, узнав о свержении Временного правительства и о победе революции в Ташкенте, сразу взял всю власть в свои руки [847].

Почти одновременно с Сюлуктой и с южными районами Киргизии победила власть Советов и в северо-западном районе Киргизии — Таласе, входившем в Аулиентинский уезд Сырдарьинской области [848].

В Ошском уезде упорное сопротивление установлению Советской власти оказали эсеры. Только в середине января 1918 г. ошские рабочие и солдаты добились переизбрания Совета и изгнания из его состава соглашателей. Советская власть победила [849].

В Пишпеке в конце 1917 г. действовала большевистская инициативная группа из шести человек, которая провела значительную работу по

---

[845] *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, стр. 318; см. также: *И. В. Русаков.* Установление и упрочение Советской власти в Семиреченской области.— «Установление Советской власти в областях Казахстана», стр. 193.

[846] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР». Сборник документов. Алма-Ата, 1947, стр. 90; *Т. Елеуов.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, стр. 321.

[847] *А. Г. Зима.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, стр. 189, 192, 197.

[848] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 424.

[849] Там же, стр. 426.

сбору сил для борьбы с контрреволюцией. На общегородском митинге 31 декабря было положено начало созданию боевой Народной дружины. Утром 1 января 1918 г. дружинники, члены союза рабочих и ремесленников и союза «Бухара» окружили здание Совета и потребовали перевыборов. В новый состав Совета были избраны кандидаты по рекомендации большевиков. На первом же собрании нового Совета была принята резолюция о признании Советской власти и о полном подчинении Советскому правительству. В Пишпекском уезде власть перешла в руки Советов в январе 1918 г., т. е. ранее победы власти Советов в Верном. В большинстве аулов и селений уезда население высказалось за поддержку Советской власти. Состоявшийся в середине января Пишпекский уездный съезд Советов узаконил переход власти в уезде к Советам, признал власть СНК и избрал уездные органы власти [850].

В конце февраля 1918 г. Советская власть установилась в Токмакском районе Семиречья, а в Кызыл-Кия, как упоминалось, рабочие взяли власть в свои руки еще в декабре 1917 г. [851]

В других районах Семиреченской области Советская власть была установлена в основном в марте 1918 г. вслед за победой Советской власти в Верном. 6 марта 1918 г. Советская власть была установлена в Капале — центре Капальского уезда, 11 марта — в Джаркенте, 12 марта — в Сергиополе. Таким образом, на протяжении марта 1918 г. рабочие и крестьяне области, преодолевая сопротивление белоказаков, кулаков, баев, эсеров, меньшевиков и алашордынцев, установили Советскую власть во всем Семиречье, кроме Пржевальского уезда, где она победила только в июне 1918 г. [852]

Бухарский эмират и Хивинское ханство

В ряде городов и русских поселений Бухарского эмирата и Хивинского ханства Советская власть была установлена одновременно с другими районами Туркестанского края — в конце 1917 — начале 1918 г. Так, в Термезе власть перешла к Советам 1 ноября, в Новой Бухаре (Кагане) — 25 ноября 1917 г. [853] В Чарджуе еще 31 октября состоялось заседание Совета, на котором был избран ВРК, взявший всю полноту власти в свои руки [854]. Его председателем стал большевик Ф. Ф. Хрони. К январю 1918 г. власть в русских поселениях как Бухарского эмирата, так и Хивинского ханства перешла к Советам [855]. Эти Советы явились опорными пунктами в подготовке народной революции в обеих деспотиях, которая произошла лишь в 1920 г. Столь длительная задержка объяснялась малочисленностью здесь пролетариата, общей отсталостью населения, слабостью большевистских

---

[850] *А. Г. Зима.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, стр. 236. Подробнее о победе Октябрьской революции в Пишпеке и в уезде см. стр. 211—234.

[851] *Я. А. Чубуков.* Борьба большевиков в Киргизии за установление и упрочение Советской власти. Автореф. докт. дисс., стр. 21.

[852] «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 443.

[853] *А. П. Фомченко.* Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958, стр. 45—54.

[854] *Г. Непесов.* Из истории Хорезмской революции. 1920—1924 гг., стр. 86.

[855] *О. Кулиев.* Туркменистан в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции, стр. 66.

организаций, значительным влиянием буржуазно-националистических и соглашательских организаций, сплоченностью контрреволюционных сил Бухарского эмирата и Хивинского ханства, происками империалистов [856].

Разгром Кокандской автономии

В процессе утверждения Советской власти в Средней Азии была преодолена попытка контрреволюционного мятежа. Он явился одним из звеньев антисоветских выступлений в конце 1917 — начале 1918 г. Ведущая роль здесь принадлежала националистам, пользовавшимся поддержкой русских белогвардейцев и иностранных империалистов. Организаторы мятежа пытались установить контакт с атаманом Дутовым в Оренбурге и с другими контрреволюционными организациями (в Сибири, на Дону и др.).

26—29 ноября 1917 г. в Коканде был созван контрреволюционный съезд, образовавший «автономное правительство». В состав «правительства» Кокандской автономии вошли, кроме узбекских буржуазных националистов, также два представителя алашордынцев [857]. Националисты стремились распространить свою власть на территорию южных и юго-восточных районов Казахстана.

В поддержку контрреволюционному правительству пытались выступить буржуазные националисты и русские белогвардейцы Ташкента, организовавшие 30 ноября 1917 г. контрреволюционную демонстрацию. Это выступление было ликвидировано силами местной Красной гвардии.

Ташкентские белогвардейские организации стремились установить связь с кокандскими автономистами. Для этой цели 15 декабря был послан некий капитан Г. В Ашхабаде он встретился с одним из членов кокандского «правительства» и по договоренности с ним выехал в Новочеркасск за получением помощи от руководителей донской контрреволюции. 9 января 1918 г. капитан Г. приехал в Новочеркасск и в тот же день был принят генералом Алексеевым. По словам посланца ташкентской контрреволюции, Алексеев подробно интересовался событиями в Туркестане, количеством снаряжения и боеприпасов, численностью людей, годных для борьбы с Советской властью, настроением туземного населения и т. п.

Затем Алексеев поручил этому капитану и еще двум офицерам из своего штаба «разработать план организации освобождения Туркестана» [858].

Мятеж начался 12 января 1918 г. в кишлаке Таш-ад неподалеку от Коканда. Басмаческими бандами, организованными правительством Кокандской автономии, руководил Иргаш.

Поддержку кокандским автономистам оказали возвращавшиеся с фронта казаки, спровоцированные полковником Зайцевым на выступление против Советского правительства Туркестана. Им удалось захватить станцию Самарканд и повести наступление на Ташкент. 14 февраля под стан-

---

[856] *Х. Ш. Иноятов, Д. А. Чугаев.* Победа народных революций и образование народных советских республик в Хорезме и Бухаре.— «История СССР», № 2, 1966; *Ф. Ходжаев.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии.— Избранные труды, т. I. Ташкент, 1970.

[857] *Х. Ш. Иноятов.* Октябрьская революция в Узбекистане, стр. 257—260.

[858] *Ф. Гнесин.* Туркестан в дни революции большевизма.— «Белый архив», 1926, т. I, стр. 92—94.

цией Ростовцево произошел бой советских войск с белоказачьими отрядами полковника Зайцева. Последние были разгромлены и разоружены.

Одновременно происходили столкновения между бандами кокандских автономистов и революционными частями в самом Коканде. Сопротивление контрреволюционному выступлению возглавили Кокандский новогородской Совет и ВРК по борьбе с Кокандской автономией.

Потерпев неудачу в боях с Красной гвардией, басмаческие банды вынуждены были отступить, а так называемое правительство Кокандской автономии — начать переговоры с советским командованием. Часть членов кокандского «правительства» была склонна согласиться на перемирие. Однако Иргаш, объявивший себя главнокомандующим войсками Кокандской автономии, решил продолжать борьбу.

Тем временем подошли части ташкентской Красной гвардии, участвовавшие в разгроме белоказаков. 19 февраля они вступили в бой с басмаческими бандами Иргаша. Ему было предъявлено ультимативное требование — сложить оружие. Бандиты отказались. Тогда отряды Красной гвардии перешли в наступление и освободили Коканд. Иргаш с частью своей банды бежал. 22 февраля 1918 г. был подписан мирный договор, по условиям которого Кокандское автономное правительство должно было быть распущено.

Кокандские автономисты, так же как и другие контрреволюционные организации в Средней Азии, пользовались поддержкой иностранных империалистов. В Среднюю Азию засылались английские разведчики. Шпионской деятельностью занимались и английские дипломаты, например глава английской миссии в Ташкенте Мак-Картней, консул в Кашгаре подполковник Эссертон и др. В своей книге «В сердце Азии» Эссертон так характеризовал замысел британских империалистов: «Необходима была небольшая английская военная организация, от которой могли бы исходить щупальца с целью получения информации и использования всего, что показалось бы благоприятным» [859].

Английский генерал Маллисон пишет в своих воспоминаниях, что у англичан в Средней Азии «были агенты на расстоянии тысячи и более миль, даже в правительственных учреждениях был контингент людей, постоянно разъезжавших в местностях, которые я считал важными. Едва ли был хотя бы один поезд на Среднеазиатской железной дороге, в котором бы не было нашего агента, и не было ни одного значительного железнодорожного пункта, где не имелось бы двух-трех наших людей» [860].

В тесной связи с выступлением контрреволюции в Средней Азии находилась и уже упоминавшаяся посылка отряда английского генерала Денстервиля, предпринявшего в феврале 1918 г. первую неудачную попытку захватить Баку [861].

* * *

Установление Советской власти в Средней Азии и Казахстане встретило большие трудности. Сказались прежде всего отсталость края, преобладание докапиталистических форм хозяйства, удаленность от промышленных

---

[859] *P. S. Esserton.* In the Heart of Asia. L., 1925, p. 6.

[860] *A. Mallison.* The British Military Mission in the Turkestan, 1918—1920.— «The Journal of Royal Central Asian Society», 1922, N 9, p. 17.

[861] *Денстервиль*, генерал-майор. Британский империализм в Баку и Персии, стр. 46.

центров страны. Отсюда проистекали слабость пролетарской прослойки, малочисленность большевистских организаций, к тому же сохранявших до самого Октября, а то и дольше единство с меньшевиками. Положение в крае осложнялось запутанными национальными отношениями, когда один и тот же народ был «разбросан» по разным административным областям. Национальная вражда культивировалась веками не только царизмом, но и местными феодалами и духовенством.

Ко всему этому примешивались интриги иностранных империалистов, прежде всего английских, боявшихся, как бы искры революции не попали в Индию. В Средней Азии были немецкие военнопленные, на которых рассчитывала Германия, а Турция добивалась влияния через мусульманское духовенство.

Но все эти трудности были преодолены благодаря самоотверженности и правильной политике авангарда пролетариата — численно небольшой большевистской организации, благодаря мужеству и преданности революции рабочих всех национальностей, черпавших силу и уверенность в революционной борьбе пролетариата России. Большую роль в победе Советской власти сыграли местные гарнизоны, в которых многонациональное по составу крестьянство пошло на союз с пролетариатом [862]. Установление Советской власти в крае в значительной мере связано и с деятельностью десятков тысяч так называемых реквизированных, т. е. мобилизованных царизмом на тыловые работы трудящихся местных национальностей. Они прошли школу революции 1917 г. вместе с русскими солдатами и трудящимися в тыловых районах. Именно они, вернувшись домой, явились одним из главных приводных ремней, вовлекших местную бедноту в политическую борьбу.

Основной формой организации, в которой происходило объединение всех трудящихся, и главной формой их обучения совместной революционной борьбе явились Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вместе с ними и под их руководством действовали профсоюзы, союзы трудящихся мусульман («Иттифаки»), Советы мусульманских рабочих и чайрикерских депутатов.

В Советах преобладали представители рабочих, городской бедноты, беднейшего крестьянства, дехканства. В ряде Советов оказались и представители прогрессивных элементов национальной буржуазии и национальной интеллигенции, участвовавших в антиколониальной освободительной борьбе. В Советах происходило высвобождение широких масс из-под влияния реакционно-клерикальной идеологии, от доверчивого отношения к национальной буржуазии и от тлетворного влияния соглашателей.

Именно на опыте Советов Средней Азии и Казахстана В. И. Ленин пришел к важнейшему, имеющему историческое значение выводу о пригодности Советов как формы организации масс и государственной власти не только для капиталистических стран, которые вступают на путь революции, но и для стран с докапиталистическими отношениями.

---

[862] Роль солдатских масс в победе Октября в крае хорошо раскрыта в книге Д. И. Сойфера «Солдатские массы в борьбе за власть Советов в Туркестане (март — ноябрь 1917 г.)» (Ташкент, 1958).

10

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН

В Северный район входили Вологодская, Олонецкая и Архангельская губернии (частично на территории этих губерний в настоящее время находятся Карельская АССР и Коми АССР). При наличии огромной территории они были сравнительно малонаселенными [863].

Пролетариат здесь был немногочислен, распылен и еще сохранял немало мелкобуржуазных предрассудков, вынесенных из деревни, с которой он сохранял тесную связь [864].

Накануне войны в Архангельской губернии имелось 44 лесопильных завода с 19 800 рабочими, из них 26 заводов принадлежали иностранным капиталистам. В самом Архангельске, по данным на 1914 г., насчитывалось 42 предприятия, на которых было занято 11 783 рабочих [865].

Малочисленностью пролетариата обусловливалась и малочисленность местных партийных кадров. На значительной части территории Севера до Октябрьской революции не было самостоятельных большевистских организаций. Во многих уездах Вологодской и Архангельской губерний такие организации были созданы лишь в июне-сентябре 1918 г.

Но большевистское влияние на местное население росло, и важным каналом, через который среди жителей северных губерний распространялись идеи марксизма-ленинизма, была деятельность ссыльных большевиков. Известно, что именно здесь, как и в Сибири, были расположены места, куда жандармы доставляли «политических». Только в Вологодской губернии в годы реакции в 10 уездных городах насчитывалось 6—7 тыс. политических ссыльных. Многие из них были связаны с большевистскими центрами, снабжавшими их революционной литературой. Большевики распространяли получаемые материалы не только среди своих товарищей-ссыльных, но и среди местного населения. За 1908—1912 гг. жандармское управление губернии конфисковало и уничтожило 102 770 экземпляров нелегальной литературы [866].

Местные жители привлекались и на занятия социал-демократических кружков, в которых велась устная агитация.

В годы мировой империалистической войны состав политических ссыльных пополнился революционными рабочими. Общение этих рабочих, а также партийной интеллигенции с трудящимися северных районов в определенной мере компенсировало недостаточность местных большевистских сил.

---

[863] Так, Коми край занимает территорию 404 тыс. кв. км, что больше Бельгии, Голландии, Дании, Швейцарии, Финляндии вместе взятых. Проживало в нем, по данным на 1 января 1909 г., немногим более 215 тыс. человек («Ежегодник России. 1909 г.» СПб., 1910, стр. 1—3, 34—35).

[864] Особенно это относится к рабочим лесной промышленности. В Архангельской губернии большинство лесорубов были крестьянами.

[865] *А. Н. Аксенов.* Установление Советской власти в Архангельской губернии. Архангельск, 1956, стр. 6.

[866] *П. А. Ефимов.* Большевистские университеты подполья в годы реакции в вологодской ссылке.— «Ленинградский гос. пед. институт. Ученые записки», т. XXII. Кафедра истории КПСС, вып. 1. Л., 1956, стр. 90.

Специфической особенностью сельского хозяйства северных губерний, неземледельческих по своему характеру, являлось отсутствие того быстрого и резкого процесса расслоения крестьянства, который был характерен для других районов дореволюционной России [867].

На Севере почти не было помещичьих земель, основными собственниками земли являлись казна, монастыри и церкви. Трудовое крестьянство, вынужденное платить многочисленные налоги и нести натуральные повинности, в своей массе жило впроголодь. При наличии огромных лесных массивов крестьянство нуждалось даже в лесе.

Например, в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии у казны было 96% всей земли [868].

В Шенкурском уезде Архангельской губернии крестьянам принадлежало меньше 1% земли [869].

Во многих районах северных губерний (и это была еще одна их особенность) классовый гнет переплетался с национальным. В Вологодской и Архангельской губерниях наряду с русскими жили коми, карелы, ненцы и другие народности. Царское правительство и здесь, жестоко эксплуатируя коренное население, сознательно держало его в темноте.

Социальные и национальные противоречия обострились в годы первой мировой войны. Экономика северных районов расшатывалась еще более. В одной только Архангельской губернии было призвано в армию более 40 тыс. рабочих. Из-за нехватки рабочей силы и сырья стала свертываться лесопильная промышленность [870]. В Коми крае посевная площадь сократилась с 58 тыс. до 54,4 тыс., поголовье скота — с 120 до 107 тыс. [871]

Специфические особенности северных районов не могли не наложить своего отпечатка на ход революционных событий, происходивших здесь в 1917 г. В первое время в местных Советах было сильно влияние эсеров и меньшевиков, что задержало установление здесь Советской власти (перевыборы и большевизация Советов прошли здесь в основном в конце 1917—начале 1918 г.).

В Вологде власть к Совету перешла 6 декабря 1917 г. В этот день состоялось первое заседание переизбранного состава Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором теперь преобладали большевики. Председателем Совета стал Ш. З. Элиава [872]. 2 января 1918 г. на заседании Вологодского Совета рассматривался вопрос об организации власти в губернии и о выборе трех представителей на III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

«По первому вопросу,— говорилось в газетном отчете,— тов. Ш. З. Элиава представил собранию исчерпывающую мотивировку необходимости организации в губернии Советской власти и доложил выработанный осо-

---

867 *И. Минц.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931, стр. 53—60.

868 «Очерки по истории Коми АССР», ч. 1. Сыктывкар, 1955, стр. 220.

869 *А. Н. Аксенов.* Установление Советской власти в Архангельской губернии, стр. 8—9.

870 Там же, стр. 9.

871 *Г. Мымрин, А. Потылицын, Г. Кузнецов.* В борьбе за Советский Север. Архангельск, 1950, стр. 9; *Т. В. Ветошкин.* Образование Коми автономии. Канд. дисс. Л., 1949, стр. 24.

872 «Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895—1968». Вологда, 1969, стр. 184—185.

бой комиссией из членов исполкомов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов проект организации» [873].

Петроградский Военно-революционный комитет направил в Вологодскую губернию 15 своих представителей, которые активно помогали местным большевикам в установлении власти Советов [874].

В уездах Вологодской губернии власть в руки Советов перешла в основном в январе — марте 1918 г. (города Грязовец, Великий Устюг, Кадников, Никольск, Тотьма, Устюжна, Яренск) [875].

III Кадниковский уездный съезд крестьянских депутатов принял резолюцию, в которой говорилось: «в связи с положением Совета Народных Комиссаров, что на местах органами управления являются Советы, которые должны подчинить себе все учреждения, как административного и хозяйственного, так и финансового и культурно-просветительного характера, III Кадниковский крестьянский съезд считает необходимым проведение скорейшей организации местного управления через взятие власти волостными Советами крестьянских и рабочих депутатов и уездным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...» [876].

В некоторых уездах Вологодской губернии (например, Тотемском) было довольно сильно засилье эсеро-кулацких элементов.

В Великом Устюге власть находилась в руках «Оцексова» (Объединенный центральный комитет Советов), куда входили представители не только Совета, но и земства и городского самоуправления. Руководство «Оцексовом» находилось в руках левых эсеров. Ликвидирован «Оцексов» был лишь 21 марта 1918 г. С этого времени и началось здесь строительство Советской власти.

В Олонецкой губернии власть в руки Советов также перешла в основном в январе 1918 г. (города Олонецк, Вытегра, Каргополь, Лодейное Поле, Повенец, Пудож).

В главном городе губернии — Петрозаводске еще 7 декабря большевистская фракция губисполкома предложила признать власть Совнаркома. Однако эсеро-меньшевистское большинство исполкома отвергло это предложение [877]. 4 января в Петрозаводске состоялась подготовленная большевиками демонстрация с участием рабочих промышленных предприятий города, железной дороги и солдат местного гарнизона. Демонстранты шли с лозунгом: «Да здравствуют революционные Советы!»

На следующий день, 5 января, были переизбраны губернский исполком и президиум исполкома. Председателем избрали большевика В. Панферова. Органы бывшего Временного правительства были ликвидированы в Олонецкой губернии в течение февраля — марта 1918 г. [878]

В Архангельской губернии Советская власть установилась в течение декабря 1917 г.— апреля 1918 г.

В самом Архангельске еще 26 октября, когда было получено сообщение о событиях в Петрограде, состоялось экстренное объединенное заседание представителей Архангельского Совета, городского самоуправления,

---

[873] «Искра» (Вологда), 6 января 1918 г.
[874] «Очерки истории Вологодской организации КПСС», стр. 188.
[875] Там же, стр. 189; «Хроника революционных событий в Вологодской губернии (1917—1919 гг.)». Вологда, 1957, стр. 25.
[876] «Искра» (Вологда), 24 января 1918 г.
[877] «Очерки истории Карелии», т. II. Петрозаводск, 1964, стр. 32.
[878] *Г. Куприянов.* Карело-Финская ССР. М., 1949, стр. 50—53.

Целедфлота [879] и других общественных организаций. Большевики потребовали передачи власти в руки Советов, но эсеро-меньшевистское большинство собрания выступило против этого предложения.

На промышленных предприятиях Архангельска состоялись многолюдные митинги и собрания, организованные большевиками; повсюду принимались резолюции, одобрявшие действия петроградского пролетариата.

Буржуазия города и губернии оказывала ожесточенное сопротивление революционным силам. Так называемый «ревком» стремился разгромить революционные силы. В то же время архангельские большевики действовали недостаточно энергично. Часть руководящих большевистских работников сомневалась в возможности взять власть. В городе продолжали функционировать городская дума, губернская земская управа, в их руках находилась фактическая власть в городе и губернии.

18 января 1918 г. состоялось пленарное заседание Архангельского Совета, на котором присутствовало 226 человек. Были проведены перевыборы исполкома Совета, большинство в котором получили большевики.

17 февраля в Архангельске открылся I объединенный губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На съезде присутствовало 147 делегатов (57 — от съезда рабочих и солдатских депутатов и 90 — от съезда крестьянских депутатов). Съезд признал Советы единственной властью в губернии как в центре, так и на местах [880].

В Онеге и Пинеге власть Советов установилась в декабре 1917 г. [881], а в Коми — в январе 1918 г. [882] В Шенкурске Советская власть прочно утвердилась в конце февраля, после II уездного съезда Советов [883].

Из-за засилья эсеров в Советах крестьянских депутатов Советская власть в Холмогорах, Усть-Цильме (Печорский уезд) и Мезени установилась позднее — в течение марта и апреля 1918 г. [884]

В Мурманске противники Советской власти решили отказаться от «лобовой» атаки и предприняли обходной маневр. По инициативе командующего войсками района и флотом Белого моря Кетлинского они создали особый комитет, которому присвоили название «революционный» и передали ему всю власть. Американский консул в Архангельске Ф. Кол, осведомленный об этом маневре, в докладе американскому послу Френсису вскрыл подлинное назначение этого «ревкома». Он сообщал, что командующий войсками — это тот самый адмирал, который был назначен еще Керенским, что он вершит не только военно-морскими, но и гражданскими делами. «Когда произошла большевистская революция,— писал Кол Френсису в декабрьском отчете,— то антибольшевистские социалистические лидеры в согласии и при содействии командующего образовали революционный комитет, чтобы предупредить взятие власти местными большевиками. Комитет объявил себя высшей властью в губернии, военные и гражданские

---

[879] Целедфлот — Центральный комитет флотилии Северного Ледовитого океана.

[880] *А. Н. Аксенов.* Установление Советской власти в Архангельской губернии, стр. 26—29.

[881] «Очерки истории Архангельской организации КПСС». Архангельск, 1970, стр. 79.

[882] «Известия ЦИК», 16 января 1918 г.

[883] «Вестник Комиссариата внутренних дел», 24 апреля 1918 г.

[884] «Рабочее звено» (Архангельск), 1924, № 8, стр. 48; см. также: «Протоколы второго Архангельского губернского съезда Советов с 22 июня по 1 июля 1918 г.». Архангельск, 1918. Подробнее об установлении Советской власти в Архангельске и в Архангельской губернии см.: «Очерки истории Архангельской организации КПСС», стр. 76—83.

органы его постоянно поддерживают» [885]. Консул сообщил, что «ревком» «не объявил себя независимым» от Советской власти и даже призвал исполнять распоряжения Совнаркома. Но уже в следующем донесении он пояснил, чем диктовалась такая линия «ревкома»: он опасался голода, который должен был неизбежно последовать, если бы была объявлена «полная независимость» от Советской власти [886].

По свидетельству того же консула Кола, руководители «ревкома» выдвинули план создания независимой от Советской власти федерации северо-восточных губерний — Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Вятской и Пермской. Федерацию предполагалось объявить на совещании представителей земств, городских дум, Советов и профсоюзов этих губерний. Но, как писал консул, это «сепаратистское движение» сдерживалось теми же опасениями голода, вследствие чего «ревком» и решил вести «полуавтономную политику», т. е. открыто не порывать с Советской властью, но и не поддерживать ее [887].

Из-за слабости пролетарской прослойки в Мурманске и контрреволюционной деятельности некоторых оказавшихся предателями руководителей Мурманского Совета (Юрьева и др.) в Мурманске с начала марта 1918 г. стали хозяйничать англо-американские интервенты [888].

* * *

Власть Советов в городах и уездах Севера европейской части Советской России (в Вологодской, Вятской, Олонецкой и Архангельской губерниях) установилась сравнительно поздно, в основном в январе-феврале 1918 г., а в некоторых более отдаленных районах — еще позднее.

Малонаселенность края при плохих коммуникациях, слабость пролетарской прослойки, засилье в Советах меньшевиков и эсеров оказали свое влияние на ход Октябрьской революции на Севере. Тем не менее, хотя и с опозданием, Советская власть в большинстве районов Севера была установлена мирным путем, без вооруженного восстания, ибо местная буржуазия оказалась неспособна противостоять с оружием в руках революционным силам.

Сравнительно малочисленны были в этом районе гарнизоны, если не считать Архангельска, где находилась база Северной флотилии.

Следует также учесть и особое положение Архангельска и Мурманска, захват которых входил в планы иностранных империалистов — США, Англии, Франции. В Мурманске еще со времени войны находилась эскадра союзников. В Мурманский порт прибывали боеприпасы и различные материалы для царской армии. В целях их более быстрой переброски из Мурманска была построена железная дорога на Петроград.

Пребывание эскадры позволило Антанте сделать Мурманск своей опорной базой в борьбе против Советской власти. Командующий эскадрой еще

---

[885] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 468.

[886] Там же.

[887] Там же.

[888] *М. С. Кедров.* Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане). Л., 1930, стр. 32—37; *Г. Рейхберг.* Из истории разгрома иностранной военной интервенции на Севере Советской России.— «Исторический журнал», 1940, № 3, стр. 42—43.

в феврале доносил английскому правительству, что ему придется оккупировать Мурманск, так как моряки и солдаты местного гарнизона настроены большевистски, к тому же возможно, что белофинские войска по требованию Германии могут атаковать Мурманскую железную дорогу [889]. Не случайно иностранные послы, оставив Петроград ввиду наступления германских войск в феврале 1918 г., переехали в Вологду, хотя Советское правительство перенесло столицу в Москву и рекомендовало послам направиться туда же. Однако по настоянию Френсиса, являвшегося деканом посольской коллегии в России, послы не приняли предложения Советского правительства. Этот акт говорил не только о непризнании Советской власти (об отказе признать ее заявляли лидеры правительств Антанты), но и носил откровенно враждебный характер. Обычно посольства аккредитуются при правительстве. Френсис же настоял на отъезде в Вологду (позже послы переехали в Архангельск), поближе к тем местам, которые уже были намечены объектами оккупации. Из Вологды послы связывались с противниками Советской власти, поощряя, поддерживая и снабжая их необходимыми средствами, о чем подробно будет рассказано в другом месте. Но и приведенные нами факты свидетельствуют об участии иностранных представительств в антисоветской деятельности контрреволюционеров в Архангельске. В город еще задолго до вторжения интервентов стекались члены различных белогвардейских организаций, вступавшие в контакт с представителями империалистов Антанты и США.

Английский премьер-министр Ллойд Джордж впоследствии писал: «Союзники могли проникнуть в Россию двумя путями: либо через Арктику в Мурманск и Архангельск, либо через Владивосток в Сибирь» [890].

Отсюда следует, что события, связанные с установлением власти Советов на Севере (как и на Дальнем Востоке), нужно рассматривать в тесной связи с подготовкой и осуществлением иностранной военной интервенции в этих районах.

11

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В ряде мест этого огромного района установление Советской власти выходит за хронологические рамки данной работы. Тем не менее, по нашему мнению, целесообразно дать здесь всю картину победы Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, чтобы не разрывать показ единого процесса революции.

Известно, что Дальний Восток и Сибирь являлись теми районами, через которые в Советскую страну вторглись многочисленные войска интервентов. Ближе других к этим районам и наиболее заинтересованным в них были две крупнейшие империалистические державы — Япония и США.

---

[889] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 649.

[890] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. VI. М., 1937, стр. 82.

Япония почти не участвовала в первой мировой войне, но армия ее была отмобилизована. США хотя и вступили в войну в апреле 1917 г., но активные боевые действия их войск начались лишь к лету 1918 г. Обе эти державы еще до Октября предлагали Временному правительству помощь в борьбе с революционным движением и в установлении «твердого порядка». Кроме США и Японии, значительные интересы на Дальнем Востоке и в Сибири имели Англия и Франция. Каждая из этих стран торопилась использовать создавшееся положение для укрепления и расширения здесь своих позиций.

Однако чтобы реализовать свои планы и оказать серьезное влияние на исход борьбы с Советской властью, интервентам была необходима Транссибирская магистраль (отнюдь не случайно американская железнодорожная миссия Стивенса, присланная для оказания «технической помощи» Временному правительству, держала на этой дороге бóльшую часть своего персонала).

Перед революционными силами встала задача сохранить в своих руках важнейшую железнодорожную магистраль, чтобы не допустить продвижения оккупантов в глубь страны. Неоценимая заслуга трудящихся Сибири и Дальнего Востока перед пролетарской революцией состоит в том, что их самоотверженная борьба под руководством большевиков за установление Советской власти отодвинула сроки вторжения интервентов, облегчив возможность центральной Советской власти подготовить силы и средства для достойной встречи непрошеных гостей.

Сибирь и Дальний Восток включали в себя 11 губерний и областей: Акмолинскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, Якутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую [891].

В социально-экономическом отношении район в целом считался отсталым. Однако не следует преуменьшать общий уровень капиталистического развития Сибири. Значительная часть существовавших здесь промышленных предприятий входила в монополистические объединения. По данным промышленной переписи, Азиатская Россия производила 3,5% всех промышленных ценностей Российской империи [892].

Промышленность в Сибири была представлена главным образом такими отраслями, как угольная (более 8% добычи угля в России накануне первой мировой войны) и золоторудная (в 1910—1913 гг. добывалось до 3 тыс. пудов) [893]. С проведением Сибирской железнодорожной магистрали и началом строительства Забайкальской и Уссурийской железных дорог начала быстро развиваться обрабатывающая промышленность (особенно деревообрабатывающая, кожевенная и пищевая отрасли) [894]. ««Великая Сибирская дорога»,— писал В. И. Ленин,— (великая не только по своей

---

[891] К территории Сибири следует отнести Степной край (более 947 тысяч кв. км). Таким образом, вся территория Сибири составляла около 10 млн. кв. км (почти в 2 раза больше территории Европейской России), а с Дальним Востоком — около 13 млн. кв. км. По данным на 1911 г., в Сибири (вместе со Степным краем) проживало 10 828 852 человека, а с Дальним Востоком — около 12 млн. (*А. Г. Рашин.* Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 68 и др.).

[892] «История Сибири», т. III. Л., 1968, стр. 340.

[893] Там же, стр. 341, 342.

[894] Там же, стр. 180; *В. Ф. Борзунов.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965, стр. 41; *В. А. Кадейкин.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 — август 1918 г.). Кемерово, 1966, стр. 25.

длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь...» для капитализма [895].

Общая численность сибирского пролетариата ко времени Октябрьской революции составляла 300—330 тыс. человек, а вместе с членами семей — 1—1,5 млн. человек, т. е. не менее 10% всего сибирского населения. В Западной Сибири в 1917 г. было около 107 тыс. рабочих, в том числе 18 тыс. в Омске, по 10 тыс. в Красноярске и Томске.

В Приамурском крае в 1914 г., по неполным данным, насчитывалось 155 780 рабочих, из которых почти $^2/_3$ были заняты в строительном деле, 23% — в горной промышленности, 5% — в обрабатывающей, а остальные на работах в портах, на судах и в рыбной промышленности.

В Амурской области пролетариат составлял 18% населения. Однако значительная часть рабочих была здесь распылена, ибо работы велись преимущественно на золотых приисках и на Амурской железной дороге.

Во Владивостоке накануне Февральской революции было около 50 тыс. рабочих [896].

Огромное политическое значение имел приток рабочих из центра страны. Прибывавшие в Сибирь и на Дальний Восток пролетарии привозили с собой идеи и опыт передового рабочего движения. Следовательно, в целом промышленное развитие Сибири и некоторых районов Дальнего Востока (Владивосток, Сучан) создавало здесь базу для широкого революционного движения.

Своеобразие Сибири и Дальнего Востока заключалось в сочетании отдельных очагов и районов развитой промышленности с большими территориями, отсталыми в экономическом отношении.

Специфические черты сельского хозяйства Сибири определялись прежде всего его довольно высокой механизацией и общим развитием. Из 100 всех земледельческих орудий, применявшихся здесь в 1910 г., 76,6% являлись усовершенствованными (в Европейской России лишь 57,1%). Только в Западной Сибири в указанном году имелось более 36 тыс. сенокосилок, в то время как во всей Европейской России их было около 40 тыс. За 15 предвоенных лет Сибирь закупила сельскохозяйственного инвентаря на 150 млн. руб. Значительное количество сибирского зерна перевозилось в другие губернии, Сибирь давала 90% экспортного масла России.

Не следует противопоставлять крестьян сибирской деревни крестьянам европейской части страны. Но крестьянин в сибирской деревне все же меньше знал помещиков и помещичью эксплуатацию. Это не означает, что сибирскому крестьянству не противостояли помещичье государство, диктатура крепостников-помещиков. Беззаконие полицейского аппарата, всесилие чиновничества, произвол и самодурство урядников и приставов, а также национальное притеснение сибирский крестьянин ненавидел не меньше крестьянина Центральной России. Но поскольку в Сибири не было помещичьего землевладения, непосредственно помещичьего гнета он не

---

[895] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 82—83.

[896] *Л. И. Беликова.* Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1967, стр. 31; см. также: *А. И. Крушанов.* Октябрь на Дальнем Востоке, ч. 1. Владивосток, 1968, стр. 80. Эти цифры завышены. Видимо, в данном случае в число рабочих включены сезонники из Китая и Кореи, работавшие на строительстве Забайкальской и Уссурийской железных дорог.

испытывал. Поэтому в Сибири в 1917 г. общекрестьянская борьба за землю проявлялась мало [897].

Отсюда, однако, не следует, что в Сибири и на Дальнем Востоке слабо проявлялась внутридеревенская борьба. Нужно помнить, что сотни тысяч переселенцев, многие из которых так и не устроились на месте, были «неприписанными», т. е. не наделены землей. Они пополняли ряды деревенских пролетариев и полупролетариев. Мировая война усилила этот процесс. К 1917 г. в Сибири насчитывалось 370 тыс. наемных сельскохозяйственных рабочих. По подсчетам исследователей деревенская беднота составляла 40—50% всех дворов [898].

В Сибири имелось довольно много крупных (в несколько сот десятин) имений фермерского типа. Значительные земельные массивы имелись и у казачьих офицеров. Кулаки арендовали у крестьян надельные земли, вели предпринимательское хозяйство. Трудящееся крестьянство облагалось многочисленными податями и повинностями, жестоко эксплуатировалось кулаками и купцами-ростовщиками. Обострение борьбы проявлялось в неподчинении органам местной власти, самовольной запашке земель, использовании «казенных» лесов и лугов, неуплате налогов [899].

На Дальнем Востоке также не было помещичьего землевладения, существовала сильная прослойка кулаков-старожилов и десятки тысяч бедняков и батраков. В 1917 г. беднота здесь составляла 33% сельского населения, середняки — 45, кулаки — 22% [900].

Обострению социальных противоречий содействовало переселенчество из Европейской России и из Азии. Так, на Дальнем Востоке 80% населения составляли переселенцы из центральных районов (из них более половины русские, остальные украинцы и белорусы), около 17% — китайцы и корейцы и только 3% — коренные национальности. В предвоенные годы волна переселений была особенно большой. Приток переселенцев не только усиливал развитие производительных сил, но в определенной мере приносил в Сибирь и на Дальний Восток производственные отношения, характерные для центра, увеличивая социальное расслоение в местах новых поселений.

Значительная часть переселившихся жила в тяжелых условиях. В результате многие (36% в 1910 г. и 60% в 1911 г.) возвращались обратно. «...Это,— писал В. И. Ленин,— обострение кризиса и в России и в Сибири. В Россию возвращается беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобившаяся. В Сибири земельный вопрос должен был крайне обостриться, чтобы оказалось невозможным — несмотря на отчаянные усилия правительства — устроить сотни тысяч переселенцев» [901].

Особое место среди населения Сибири и Дальнего Востока занимало местное казачество (Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска). Среди казачества, так же как и среди крестьян, шел процесс дифференциации. Подобно кулацкой верхушке крестьянства, кулац-

---

[897] «История Сибири», т. III, стр. 198; см. также: *Л. М. Горюшкин.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX. Новосибирск, 1967, стр. 285.

[898] «История Сибири», т. III, стр. 324, 446.

[899] «История Сибири», т. III, стр. 300; *В. П. Сафронов.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 59.

[900] «Советский Дальний Восток». Чита — Владивосток, 1923, стр. 14.

[901] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 104.

кая часть казачества эксплуатировала наемный труд и нередко перекладывала тяготы военной службы на маломощную часть казачества. Процесс дифференциации среди казачества особенно усилился во время первой мировой войны и после Октябрьской революции, когда бедняцкая часть казаков стала переходить на сторону Советской власти.

Начало мировой войны сопровождалось в Западной Сибири и особенно на Алтае крупными волнениями мобилизованных крестьян. Они громили в городах воинские учреждения, полицейские управления; поджигали конторы по продаже сельскохозяйственных машин, принадлежавшие иностранным компаниям; сжигали и уничтожали заемные документы, кредитные и другие обязательства. Волнения приняли такой массовый характер, что для их ликвидации были вызваны войска не только из Сибирского, но и соседних с ними военных округов. Над мобилизованными была учинена жестокая расправа.

В годы первой мировой войны сибирская деревня в результате мобилизаций лишилась основной рабочей силы; значительное число крестьянских хозяйств осталось без рабочих рук. В целом сельское хозяйство шло к упадку. В Томской губернии, например, уже в 1915 г. посевная площадь сократилась на 16%, в 1916 г.— еще на столько же. Губерния не могла прокормить себя новым урожаем и питалась запасами прошлых лет. Ввоз сельскохозяйственных машин в связи с войной прекратился, а имевшиеся постепенно выходили из строя из-за порчи и износа. Часть крестьян превращалась в пролетариев и полупролетариев; хозяйство других сокращалось до таких размеров, что прокормить семью они уже были не в состоянии.

Хотя внутрикрестьянская борьба в сибирской деревне в годы войны углублялась, все же в 1917 г. она была менее острой, чем в центре. В известной мере это было и результатом влияния эсеров. Им не приходилось касаться жгучих вопросов о земле, как их товарищам по партии в Европейской России: в Сибири, как уже отмечалось, не было помещиков. Кроме того, эсеры занимали основные позиции в сельскохозяйственной кооперации, значительно шире распространенной в Сибири, чем в центре России. Капиталистическая по своей сути кооперация отвечала интересам кулачества и верхушечным слоям середняков. В этом состояла одна из серьезных экономических основ политического влияния эсеров в сибирской деревне.

Процесс изоляции эсеров от трудящегося крестьянства встречал в Сибири большие трудности и проходил медленнее, чем во многих центральных районах. Кадры большевиков в сибирских деревнях были немногочисленны. Основная часть волостных Советов была создана уже после победы Октября. Эсеры и меньшевики противопоставляли Советам местные земства.

Весьма острым в Сибири и на Дальнем Востоке был национальный вопрос.

В Якутии 82,3% населения составляли якуты, 10,5% — русские, остальные жители — эвенки, юкагиры (5%) и другие малые народности Севера — 2,2% [902]. В губернии не было ни школ, ни просветительных учреждений на местных языках. Грамотных коренных жителей насчитывалось лишь 0,7%. Церквей в Якутии было в 2 раза больше, чем школ.

---

[902] «История Якутской АССР», т. III. М., 1963, стр. 11.

В Забайкалье значительную часть рабочих составляли китайцы. Они подвергались жестокой эксплуатации. Предприниматели платили им меньше, а иногда пытались использовать в качестве штрейкбрехеров против русских. Отсталой же части русских рабочих они внушали мысль, будто главная причина их тяжелого положения — дешевый «желтый труд». Эсеро-меньшевистские руководители профсоюзов поддерживали такую политику [903].

На территории Забайкальской области, по данным на 1916 г., проживало 29% бурят. Трудящиеся буряты были жертвами колонизаторской и русификаторской политики царизма [904].

На Дальнем Востоке насчитывалось до 40 различных народностей. Три четверти населения составляли переселенцы из России — русские, украинцы, белорусы. На малые народы в полной мере распространялась колонизаторская политика царизма. На Дальнем Востоке, как и в Сибири, были такие народы, у которых еще сохранялись полуфеодальные и даже родовые отношения.

Особенности классово-социальных отношений в сочетании со специфическим географическим положением района отразились на состоянии и деятельности сибирских и дальневосточных большевистских организаций.

В годы первой буржуазно-демократической революции в Сибири была сильная большевистская организация. Сибирский союз РСДРП насчитывал в то время до 3500 членов [905].

Большую роль в деятельности революционных организаций играли политические ссыльные. В Сибирь и на Дальний Восток, так же как и на Север, царизм отправлял сотни активных участников революционного движения. В Нарымском крае к середине 1915 г. находилось около 300 политических ссыльных. Из 186 социал-демократов 100 являлись большевиками. Почти половина всех ссыльных имела стаж революционной деятельности 10 и более лет.

В Туруханском крае в конце 1915 — начале 1916 г. проживало 350—380 политических. Около 60% находившихся здесь ссыльных социал-демократов были большевиками, причем более 55% с революционным стажем свыше 10 лет.

Местом ссылки была и Якутия. В подпольную большевистскую группу «Правда», действовавшую здесь, входили Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский, К. И. Кирсанова.

В годы временного торжества реакции связь между большевистскими организациями Сибири и Дальнего Востока не носила регулярного характера; идейный уровень партийной работы, несмотря на усилия ссыльных большевиков, снизился. Организации были общими с меньшевиками.

---

[903] «Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье», вып. II. СПб., 1912, стр. 74—75.

[904] «История Бурятской АССР», т. II. Улан-Удэ, 1959, стр. 13; *П. Т. Хаптаев.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии, ч. 1—2. Улан-Удэ, 1964, стр. 68.

[905] Разгромленный победившей реакцией, Сибирский союз прекратил свое существование в 1908 г. Подробнее о Сибирском союзе см. «История Сибири», т. III, стр. 232; *М. Ветошкин.* Сибирские большевики в период русской революции. М., 1939; *Н. Н. Баранский* (*Николай Большой*). В рядах Сибирского социал-демократического союза. Томск, 1961; *С. А. Сидоренко.* Октябрь в Сибири и установление Советской власти в Сибири в 1917 году. Канд. дисс. Л., 1947.

Причины такого положения лежали в сравнительно слабой пролетарской базе (особенно на Дальнем Востоке), репрессиях царских властей, отсутствии единства взглядов в вопросе об отношении к меньшевикам. Организационный разрыв с ними был завершен здесь с опозданием: только в сентябре — октябре 1917 г. [906]

К этому времени были достигнуты серьезные успехи в создании активных большевистских организаций. Однако влияние местных меньшевиков и эсеров на массы далеко еще не было преодолено.

Другим препятствием в развитии пролетарской революции в Сибири и на Дальнем Востоке являлось движение сибирских областников [907]. Реакционными идеями о самостоятельном Сибирском государстве оно отвлекало трудящихся от революционной борьбы. Провозглашая лозунг самостоятельности Сибири, областники не собирались предоставлять свободу населяющим ее нерусским национальностям и народностям. Большевики разоблачили контрреволюционную сущность движения областников и призвали трудящихся к объединению всех сил Сибири для доведения социалистической революции до победного конца [908].

Контрреволюционеры Сибири и Дальнего Востока и их пособники в лице лидеров соглашательских партий пользовались поддержкой иностранного империализма — американского, английского, японского и французского. Западные и японские империалисты фактически имели свободный доступ на эти территории. Они придавали им большое политико-стратегическое значение и обладали здесь значительными экономическими позициями.

Окраинные восточные районы в экономическом отношении во многом зависели от Японии и США. Эта зависимость резко усилилась в годы первой мировой войны. К 1916 г. ввоз японских товаров возрос в 15 раз по сравнению с довоенным периодом. Американские товары в 1914 г. составляли 4% всех товаров, ввозимых из-за границы, а в 1915 г.— уже 23% [909]. Во Владивостоке в 1917 г. было более 50 отделений различных иностранных торговых контор и фирм, главным образом американских и японских.

В Сибири иностранные фирмы, продававшие сельскохозяйственные машины, получали почти 3 млн. руб. чистой прибыли ежегодно [910]. Американский делец Герберт Гувер и английский предприниматель Лесли Уркварт, действуя через «Русско-Азиатскую объединенную компанию»,

---

[906] *М. М. Шорников.* Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. Сведения о большевистских организациях в Сибири и на Дальнем Востоке см. также: «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.)». М., 1957, стр. 500—502.

[907] К октябрю 1917 г. в Сибири было 19 местных отделений областников. О контрреволюционной роли сибирского областничества см.: *И. М. Разгон, М. Е. Плотникова.* Г. Н. Потанин в годы социалистической революции и гражданской войны в Сибири.— «Вопросы истории Сибири». Сборник, вып. 2. Томск, 1965.

[908] *Н. И. Печеных.* Борьба большевиков с сибирским областничеством в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Канд. дисс. Л., 1955, стр. 114, 117.

[909] *В. Е. Гуздовский.* Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917, стр. 141.

[910] *А. Шиша.* Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1923, стр. 20.

в виде концессий захватили огромные месторождения полиметаллических руд на Урале и в Сибири.

Подобные же месторождения на Алтае были отданы в концессию австрийскому принцу фон Таксису, но последний продал их Уркварту. Этот район также входил в зону эксплуатации «Русско-Азиатской объединенной компании» [911].

В 1916 г. американские монополии протянули свои щупальца к Кузбассу, который находился на правах долгосрочной аренды в руках общества Кузнецких каменноугольных копей («Копикуз»). Не считаясь с национальными интересами страны, Временное правительство готово было передать американским империалистам и Кузнецкий каменноугольный бассейн с его огромными запасами угля. Эту позорную сделку сорвала Октябрьская революция [912].

В руках иностранных империалистов фактически находился весь экспорт из Сибири. Здесь в 1917 г. имелось 139 отделений различных банков, 44,3% капитала которых принадлежало иностранцам. В руках английской буржуазии находилась почти вся добыча золота в Сибири.

Большевикам Сибири предстояло бороться за власть в условиях, гораздо более сложных, чем в центральных губерниях России.

Еще 6—12 августа 1917 г. в Красноярске состоялась Средне-Сибирская конференция РСДРП(б), делегаты которой представляли 5 тыс. членов партии. Сибирские большевики присоединились к решению VI съезда партии и на их основе усилили борьбу за влияние в Советах и профсоюзах, развернули работу по созданию и вооружению Красной гвардии, а также по систематическому проведению контроля над производством и распределением [913].

Готовились к проведению социалистической революции и большевики Алтая. 2—3 октября состоялась 1-я Алтайская губернская партийная конференция. В докладах с мест отмечалось растущее влияние большевиков во всех уездах губернии. Конференция избрала губком партии и приняла решение о необходимости перехода власти к Советам [914].

В начале сентября 1917 г. большевики Томска, а затем и всей губернии разорвали связи с меньшевиками, создав самостоятельные большевистские организации [915]. Томские большевики усилили работу в массах, готовя их к переходу власти в руки Советов.

Одним из показателей назревания революционного кризиса было стачечное движение рабочего класса осенью 1917 г., широко охватившее и Сибирь. В обстановке вздорожания стоимости жизни и саботажа капиталистов, с одной стороны, и нового революционного подъема — с другой, рабочие Сибири все чаще бастовали. Если в июле — августе в Сибири произошло 13—15 стачек, то в сентябре — октябре — 23—25, т. е. число стачек возросло на 70—80%. Многократно увеличилось и число участников,

---

[911] «Сибирские огни», 1951, № 6, стр. 118.

[912] *А. А. Лукин.* Экономические интересы американского и английского капитала в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Томск, 1960, стр. 123.

[913] *В. П. Сафронов.* Красноярская большевистская организация в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 г.— 1918 г.). Красноярск, 1952, стр. 75—76.

[914] «Борьба за власть Советов на Алтае». Барнаул, 1957, стр. 99.

[915] «Очерки истории города Томска (1604—1954)». Томск, 1954, стр. 142.

а сами забастовки носили характер исключительно обостренной классовой борьбы [916].

Большевики Сибири в ходе скачек и забастовок и особенно борьбы за рабочий контроль готовили рабочих к установлению власти Советов.

I общесибирский съезд Советов, состоявшийся в Иркутске 16—23 октября, дал конкретные директивы по подготовке к захвату власти Советами и принял обращение к рабочим, солдатам и крестьянам [917].

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири — Центросибирь, сыгравший огромную роль как орган борьбы за победу социалистической революции, а затем — укрепления Советской власти в Сибири.

I общесибирский съезд Советов показал готовность передовой, сознательной части сибирских трудящихся поддержать победу Советов в центре страны. Разъехавшись на места, делегаты продолжали мобилизацию сил социалистической революции.

В Омске первое известие о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде было получено в ночь на 26 октября. Через два дня, 28 октября, состоялось пленарное заседание Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором была принята предложенная большевиками резолюция, обязывавшая исполком Совета взять власть в свои руки. На следующий день состоялась демонстрация войск Омского гарнизона, которая прошла под лозунгом солидарности с рабочими и солдатами Петрограда. 1 ноября юнкера подняли в городе мятеж, но уже на другой день вынуждены были сдаться превосходящим силам Совета.

18—20 ноября прошли перевыборы Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство голосов в новом составе Совета получили большевики (91 из 159).

22 ноября состоялось первое заседание вновь избранного Совета. 30 ноября он избрал исполком, в состав которого вошло 11 большевиков, 3 меньшевика-интернационалиста, 1 эсер-максималист и 2 беспартийных. В президиум исполкома Совета было избрано 4 большевика и меньшевик-интернационалист. Перед избранием президиума один из руководителей местной большевистской организации, З. И. Лобков, заявил, что исполком на своем заседании постановил объявить Совет единственной властью в городе. Исполком решил организовать ряд комиссий — финансовую, контрольно-экономическую, городскую, земскую и др. [918]

В уездных городах Акмолинской области (в Петропавловске, Акмолинске, Кокчетаве, Атбасаре), губернским городом которой являлся Омск, власть Советов установилась в основном в течение ноября — декабря 1917 г. [919]

---

[916] *Д. М. Зольников.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1969, стр. 278.

[917] «История Сибири», т. IV. Л., 1968, стр. 47; «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 г.— июль 1918 г.)». Сборник документов. Иркутск, 1957, стр. 66—69.

[918] «Омск в дни Октября и установления Советской власти (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов. Омск, 1947, стр. 51; *П. И. Рощевский.* Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959, стр. 71—72. Подробнее об установлении и упрочении Советской власти в Омске см.: *В. М. Самосудов.* Установление Советской власти в Омске и области.— «История СССР», 1967, № 5, стр. 110—116.

[919] Южные районы Акмолинской области входят в настоящее время в Казахстан (*П. М. Пахмурный.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в

III Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся в Омске 2—10 декабря. На съезд прибыло 113 представителей от 30 Советов Западной Сибири и 32 представителя — от местных рабочих и партийных организаций. Председателем съезда был избран большевик Н. Н. Яковлев.

Подавляющим большинством была принята предложенная большевиками резолюция о переходе власти в руки Советов в Западной Сибири и об организации советского аппарата на местах. «Ближайшей задачей рабочего класса и разоренного крестьянства,— говорилось в резолюции,— является укрепление центральной власти Советов путем проведения ее решений и овладения властью на местах. Сообразно этому все местные с. р. и с. д. должны немедленно приступить к организации власти в городах и поселках...» [920].

Этот съезд закрепил организацию органов Советской власти в Западной Сибири.

16 декабря 1917 г. Временный комиссариат по управлению Степным краем, образованный в Омске, призвал местные Советы края взять власть в свои руки [921].

В Томской губернии в ряде промышленных пунктов Кузбасса (Боготол, Мариинские прииски, Кемеровский завод) власть перешла в руки Советов уже к концу ноября. Рабочие Кузбасса поддерживали Томский Совет и требовали, чтобы он взял власть в свои руки [922].

В Томске 27 октября на объединенном заседании исполкома Томского Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей партийных и общественных организаций была принята резолюция о поддержке Советской власти и избрании ВРК. Но окончательно власть в руки Совета в Томске перешла 6 декабря, когда созданный контрреволюционными партиями «Комитет охраны революции» был распущен [923].

В Томской губернии Советская власть установилась в основном в декабре 1917 г. (Новониколаевский, Барнаульский, Мариинский, Каинский, Кузнецкий и Колыванский уезды).

6—7 декабря Советская власть утвердилась в Барнауле [924]. После получения известий о свержении Временного правительства в Петрограде здесь был создан «Комитет спасения революции». Хозяйничавшие в нем меньшевики и эсеры стремились не допустить перехода власти в руки Советов. Напряженная борьба закончилась в пользу Советов, ставших хозяевами положения сначала в Барнауле, а затем во всей Алтайской губернии.

В Новониколаевске (ныне Новосибирск) Советская власть установилась 13 декабря, в Судженке — 20 декабря [925].

Акмолинской области.— «Установление Советской власти в областях Казахстана (1917—1918)», стр. 47).

920 «Омск в дни Октября и установления Советской власти», стр. 52.

921 «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», стр. 455.

922 «Очерки истории города Томска», стр. 148.

923 «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документов. Томск, 1957, стр. 182.

924 «Борьба за власть Советов на Алтае (Исторический очерк)». Барнаул, 1957, стр. 123.

925 «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919)». Сборник документов. Кемерово, 1957, стр. 12.

Позднее, в течение января — февраля 1918 г., и в остальных уездных городах Томской губернии — Бийске, Змеиногорске, Нарыме — власть перешла в руки Советов.

В Енисейской губернии, которая на юге граничила с Монголией, а на севере — с Ледовитым океаном, власть Советов установилась, естественно, неодновременно. В Красноярске, который называли «Сибирским Кронштадтом», власть к Советам перешла 29 октября, когда под руководством председателя военной секции Красноярского Совета С. Лазо был осуществлен захват правительственных учреждений.

В Минусинске Советская власть утвердилась 31 октября [926], в Ачинске, Канске и Енисейске — в ноябре [927], а в Туруханске — в декабре 1917 г.

В Иркутске и Нижнеудинске (Иркутская губерния) власть в руки Советов перешла 20 ноября 1917 г. [928] В декабре Советская власть была установлена в Верхоленском, Киренском и Балаганском уездах. Собравшийся 23 февраля 1918 г. в Иркутске II Всесибирский съезд Советов провозгласил Советскую власть по всей Сибири.

Значительно позднее власть Советов реально установилась в Тобольской и Якутской губерниях. В Тобольской губернии (Тюмень, Тюкалинск, Тобольск, Ишим, Туринск, Ялуторовск, Тара) власть в руки Советов перешла в течение января — марта 1918 г., за исключением Кургана, где она была установлена 20 ноября 1917 г. [929]

Борьба за Советскую власть в Тобольске оказалась сопряженной с борьбой против монархических заговоров, которые плелись вокруг доставленных сюда еще в августе 1917 г. свергнутого Николая II и его семьи. Монархисты, прибывавшие в город, готовили побег Романовых на весну 1918 г., и красногвардейским отрядам, направленным сюда из Омска и Екатеринбурга, приходилось проявлять особую бдительность. После того, как власть в Тобольске перешла в руки местного Совета, Романовы по указанию из Москвы были перевезены в Екатеринбург под охрану уральских рабочих [929а].

В Якутской губернии силы контрреволюции создали свой штаб во главе с областным комиссаром Временного правительства эсером Соловьевым и готовили разгром революционных организаций. Однако местные рабочие, крестьяне и служащие отказывались признавать захваченный кадетами и эсерами областной Совет и требовали его упразднения. Власть Советов установилась здесь фактически лишь в июле 1918 г. (Якутск, Верхоянск, Вилюйск, Олекминск, Среднеколымск), причем в самом Якутске она победила вооруженным путем. Однако Советская власть просуществовала в этом районе недолго в связи с победой контрреволюцион-

---

[926] *А. И. Устинов.* Победа Советской власти на юге Енисейской губернии (Минусинский уезд). М., 1954.

[927] «За власть Советов». Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 — июнь 1918 г.). Красноярск, 1957, стр. 207.

[928] «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 101—113; *В. Шумяцкий.* Сибирь на путях к Октябрю. М., 1927, стр. 67.

[929] «Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.)». Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967, стр. 19.

[929а] Подробнее об этом см.: *Г. З. Иоффе.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, стр. 136—156; *А. М. Касвинов.* Двадцать три ступени вниз. М., 1978, стр. 414—436.

ных сил на территории Сибири (в том числе и в Якутской губернии) летом 1918 г. [930]

На Дальнем Востоке власть к Советам перешла в разное время. В крупном пролетарском центре Дальнего Востока — Сучане Советская власть победила 16 ноября 1917 г. В постановлении Сучанского Совета рабочих депутатов говорилось: «Сучанский Совет рабочих депутатов от души приветствует постановление Всероссийского Совета рабочих и крестьянских депутатов, гласящее, что вся власть должна перейти в руки Советов рабочих депутатов. Мы шлем свой сердечный привет новому, революционному правительству народных комиссаров и обещаем поддержать Советскую власть как истинную выразительницу и защитницу интересов трудового народа нашей многострадальной России. В то же время мы предлагаем краевому комитету в Хабаровске и Владивостоке сделать решительные шаги для осуществления вышеуказанного постановления II Всероссийского съезда Советов» [931].

После перевыборов 5 ноября большинство в новом исполкоме Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов получили большевики [932]. В резолюции, принятой Владивостокским Советом 18 ноября, говорилось, что он будет решительно бороться со всеми контрреволюционными действиями, направленными против Советов и революционных организаций. На этом же заседании Совета был принят устав Красной гвардии [933].

24 ноября состоялась демонстрация революционно настроенного Владивостокского гарнизона, прошедшая под лозунгом «Вся власть Советам!». 29 ноября Владивостокский Совет взял власть в свои руки. Власть представителей Временного правительства была низложена [934].

Почти одновременно с Владивостоком — 30 ноября — Советская власть установилась в Никольске-Уссурийском [935].

В Хабаровске власть к Советам перешла позднее — 6 декабря. А 12—20 декабря в Хабаровске состоялся III Дальневосточный краевой съезд Советов, провозгласивший установление Советской власти на всей территории Дальнего Востока [936]. В принятой съездом декларации говорилось: «Признавая Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов несокрушимым оплотом защиты завоеваний революции и борьбы против контрреволюционных попыток, III краевой съезд Дальнего Востока провозглашает единственным представителем центральной власти краевой центральный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

Все местные Советы, входящие в состав нашей краевой организации, объявляются правомочными органами центральной власти на местах» [937].

---

[930] «История Якутской АССР», т. III, стр. 23; *А. И. Новгородов.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969, стр. 164.

[931] «Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 24.

[932] «Известия Владивостокского Совета», 7 ноября 1917 г.

[933] Там же, 21 ноября 1917 г.; *Л. И. Беликова.* Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП(б) в 1917—1922 гг.). Хабаровск, 1967, стр. 97.

[934] «Известия Владивостокского Совета», 28 ноября 1917 г.; *А. И. Крушанов.* Октябрь на Дальнем Востоке, ч. II. Владивосток, 1969, стр. 42.

[935] «Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны». М., 1968, стр. 29.

[936] «Дальсовнарком. 1917—1918 гг.». Сборник документов и материалов. Хабаровск, 1969, стр. 11, 28—40.

[937] Там же, стр. 29.

В таких отдаленных районах, как Николаевск-на-Амуре (Уддский уезд) и Александровск-на-Сахалине, власть Советов фактически установилась только в феврале — марте 1918 г.

Единый фронт меньшевиков, эсеров, белоказачьих «правительств» атаманов Семенова, Гамова и др., выступавших при поддержке иностранных империалистов, привел к задержке установления власти Советов в Амурской и Забайкальской областях.

В Благовещенске местный Совет объявил себя высшим органом власти 13 января 1918 г. [938]

Благодаря энергичной работе местных большевистских организаций был подготовлен созыв IV Амурского областного крестьянского съезда, открывшегося в Благовещенске 25 февраля. Съезд послал приветствие ВЦИК, Совнаркому, В. И. Ленину и признал единственной властью как в центре, так и на местах власть Советов [939].

В тот же день состоялось объединенное заседание депутатов IV крестьянского съезда Амурской области с депутатами Совета рабочих и солдатских депутатов Благовещенска. На заседании была принята резолюция, в которой говорилось, что власть во всех селениях и городах Амурской области принадлежит только Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов [940].

В Забайкальской области переход власти в руки Советов, как уже указывалось, также затянулся. Определенную отрицательную роль в этом сыграла оппортунистическая линия руководства Читинской большевистской партийной организации, которое согласилось с созданием в Чите 4 января 1918 г. так называемого «Народного совета» на основе представительства местных Советов, земского и городского самоуправления. Понятно, что такого рода коалиция не могла организовать должный отпор контрреволюционным бандам атамана Семенова, действовавшим в Забайкалье и на территории КВЖД при поддержке Японии, США и других империалистических государств [941].

13 января 1918 г. читинские красногвардейцы начали ликвидацию контрреволюционных гнезд в городе. Но лишь 16 февраля силами Красной гвардии, поддержанной прибывшими с фронта революционно настроенными казачьими частями, «Народный совет» был окончательно ликвидирован, и Читинский Совет приступил к советизации области [942].

В Нерчинске Забайкальской области власть Советов установилась 20 декабря, в Верхнеудинске — 23 января 1918 г. [943], в Нерчинскозавод-

---

[938] «Октябрь на Амуре». Сборник документов 1917—1922. Благовещенск, 1961, стр. 20, 21; *И. А. Шиндялов.* За власть Советов (1917—1922 гг.). Хабаровск, 1971, стр. 16, 17.

[939] «Октябрь на Амуре», стр. 28 и сл.: *В. П. Малышев.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, стр. 73.

[940] «Известия Амурского областного Совета рабочих и солдатских депутатов», 17 марта 1918 г.

[941] «За власть Советов». Сборник документов о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917—1922 гг. Чита, 1957, стр. 48 и сл.; *Б. М. Шерешевский.* Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966, стр. 12.

[942] «Знамя революции» (Чита), 21 февраля 1918 г.

[943] Об установлении Советской власти в Чите, Нерчинске и Верхнеудинске см.: *В. И. Василевский, Г. В. Грунин, В. Г. Изгачев, Г. Е. Рейхберг, Б. М. Шерешевский.* Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967, стр. 59—74, 324—325.

ском, Акшинском, Селенгинском, Троицкосавском и Баргузинском уездах — в течение января — февраля 1918 г.

24 марта III съезд Советов Забайкальской области объявил о переходе власти в руки Советов. На этом съезде было принято решение об организации Красной гвардии и об уничтожении сословных привилегий казачества.

В областном городе Камчатки Петропавловске власть Советов установилась 1 января 1918 г. В принятой резолюции говорилось: «Петропавловский Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет себя высшей политической властью в сфере его влияния...» [944]. В уездах Камчатской области (Охотском, Анадырском, Гижигинском, Командорском и Чукотском) Советская власть установилась в течение февраля — марта 1918 г.

Таким образом, к марту 1918 г. власть Советов победила на всем Дальнем Востоке.

Иностранные империалисты в организации контрреволюции на Дальнем Востоке

Одной из причин затягивания процесса установления Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке было вмешательство иностранных империалистов. Сговориться относительно действий в этом районе им оказалось сложнее, чем в других местах: заинтересованных сторон здесь было больше, а противоречия между ними — острее.

В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал о «крайне обостреннном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем» [945].

Япония за время войны добилась крупных успехов, как экономических, так и политических. Вступив в войну должником, она выходила из нее кредитором. Она не только вытеснила германскую торговлю с Дальнего Востока, но и сильно сократила английскую торговлю в Китае, Индии и Австралии. Все германские колонии уже находились в ее руках. Теперь японские империалисты стремились закрепить свои успехи и искали для этого пути. У Японии имелись соглашения с Антантой, а также соглашение с США (так называемое «Лансинг-Исии соглашение»), подписанное в ноябре 1917 г. Казалось, что по этим соглашениям японцы могли выторговать себе еще кое-что. В то же время имелось опасение, что если Антанта одержит победу, то победители могут и ничего не дать. Этого, между прочим, представители антантовского блока и не скрывали. Так, убеждая государственный департамент согласиться на интервенцию Японии в Россию, американский посол в России Френсис откровенно высказал мнение, что за столом мирных переговоров все равно будет господствовать победившая Антанта. «Японии придется,— писал он,— принять те справедливые условия, которые ей предъявят, независимо от того, нравятся они ей или нет» [946].

---

[944] «Первый Совдеп. Документы и материалы о Петропавловском Совете рабочих и солдатских депутатов». Петропавловск-Камчатский, 1967, стр. 40.

[945] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 168.

[946] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 222.

В Японии это учитывали, и среди японских империалистов было немало таких, которые считали возможным закрепить достигнутые успехи путем сговора с Германией. В японской печати стали появляться материалы, призывавшие изменить внешнеполитическую ориентацию и вступить в переговоры с немцами. Высказывалось предположение о необходимости включить в японо-германский союз и Россию (конечно, не большевистскую). Позднее, в 1920 г., английский публицист Макговерн писал: «В конце 1917 и в начале 1918 г. в солидных журналах появился ряд статей, указывающих на необходимость союза с Германией. Вскоре же сформировалась партия, добивающаяся заключения германо-русско-японского союза, который — так во всяком случае говорилось — будет держать в подчинении весь мир» [947].

Германский империализм со своей стороны усиленно старался оторвать Японию от союза с Антантой. Бывший германский генеральный консул в Сиднее Г. Крамер писал: «Если японцы считают, что хорошая погода зависит от нас, пусть нанесут нам официальный визит; они убедятся, что двери для них всегда открыты. Но Япония не должна забывать, что оценка этой дружбы будет в значительной степени зависеть от того, насколько она поторопится сделать этот шаг,— лучше всего совместно с ее русским союзником» [948]. Английская «Таймс» напечатала это сообщение под заголовком: «Наглые приглашения Японии».

В Англии были весьма обеспокоены возможностью сговора Японии с Германией. В английском парламенте все чаще раздавались раздраженные голоса о том, что Новая Зеландия, Австралия и Канада ввозят больше товаров из Японии, чем из Англии.

«Таймс» взывала к морали японских деятелей, но, хорошо зная по собственному опыту, что политика правящих кругов капиталистических государств не имеет ничего общего с моралью, англичане предпринимали и практические шаги: они стремились втянуть Японию в войну против Германии. По их расчетам этим можно было достигнуть и еще две цели: использовать японские войска против Советской России и углубить противоречия между Японией и Соединенными Штатами, опасавшимися усиления позиций Японии на Дальнем Востоке. Как уже отмечалось, США заключили соглашения с Японией в начале ноября 1917 г., но политическая ситуация к этому времени коренным образом изменилась. Россия, во всяком случае на неопределенное время, выпадала из числа соперников на Дальнем Востоке, и противопоставить ее Японии уже было нельзя. Но нельзя было и допускать возможного соглашения Японии с Германией. Его можно было сорвать, открыв Японии дорогу в Сибирь, хотя оккупация Сибири настолько бы усилила Японию и открыла бы перед ней такие перспективы, что никакие договоры не заставили бы ее уйти из Сибири.

Франция, целиком увязшая в войне на Западе, не могла вести активной политики на Дальнем Востоке. Но она рассчитывала укрепить здесь свои будущие позиции путем поддержки Японии, тем более что такая поддержка способствовала вовлечению Японии в интервенцию против Советской России.

---

[947] *Mc. Govern.* Modern Japan. London, 1920, p. 210. Подробнее о возможности японо-германского соглашения в указанное время см.: *Г. Е. Рейхберг.* О подготовке и начале иностранной военной интервенции на Советском Дальнем Востоке.— «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 387—390.

[948] «Times», 5.XII 1917.

В такой крайне сложной обстановке империалистам США, Антанты и Японии приходилось вырабатывать единую политическую линию на Дальнем Востоке. Но в одном вопросе империалистические соперники сходились: не допустить победы и укрепления Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

Число официальных и неофициальных представителей США и Антанты на Дальнем Востоке непрерывно увеличивалось. Американский консул во Владивостоке Колдуэл потребовал от Лансинга расширить союзную контрразведку в Азиатской России [949]. Иностранные представители повсюду поддерживали эмиссаров бывшего Временного правительства, еще не изгнанных со своих мест. Как только обнаружилось, что во Владивостоке позиции большевиков усилились, японский генеральный консул Кикути 24 (11) ноября обратился к городскому голове с предложением ввести в город отряд японской милиции «для охраны интересов иностранных подданных» [950]. Буржуазная печать ставила в прямую связь вмешательство Японии в русские дела с ростом большевистского влияния.

Однако никакие интриги представителей международного империализма не могли приостановить победного шествия Советской власти. Как уже указывалось, в декабре 1917 г. она победила почти на всем Дальнем Востоке. Империалисты искали новые формы борьбы с Советской властью.

Накануне созыва III краевого Дальневосточного съезда Советов, который состоялся 12—20 декабря в Хабаровске и провозгласил власть Советов на всей территории Дальнего Востока, краевой комиссар свергнутого Временного правительства Русанов, поддерживавший связь с иностранными консулами и после победы Советской власти, созвал представителей земств края и предложил передать власть Краевому земскому комитету в составе шести человек: по одному представителю от каждой губернии и по одному — от каждого казачьего объединения. Комитет немедленно переехал в Благовещенск, где к этому времени Советская власть еще не была установлена.

Сообщая об этом Государственному департаменту, американский консул Колдуэл запрашивал инструкций, а со своей стороны рекомендовал Государственному департаменту ввести во Владивостокский порт военные суда, чтобы не допустить укрепления большевиков в городе. «Японский консул затребовал суда,— телеграфировал Колдуэл.— Самое лучшее, если с ними будут суда одного или нескольких союзников». Английское посольство в США, получив такие же сведения, заявило Государственному департаменту, что Англия неофициально признала земский комитет как «временное административное учреждение» и считает необходимым, чтобы США присоединились к этому шагу. 5 января 1918 г. (23 декабря 1917 г.) Лансинг ответил Колдуэлу: «Сноситесь неофициально с земством как временным административным учреждением» [951].

Во Владивостоке установилась новая, Советская власть, а империалисты делали вид, что власть по-прежнему находится в руках старого правительства, «законно», на основании «преемственности» передавшего ее

---

[949] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 11.
[950] «Свободный край» (Иркутск), 14 ноября 1917 г.
[951] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 16—19, 25—27.

земскому комитету. По существу это было прямой поддержкой только что свергнутых противников Советской власти.

Так было не только во Владивостоке. Иностранные представители приняли участие в контрреволюционном мятеже в Иркутске, поднятом юнкерами в декабре 1917 г.[952] При подавлении мятежа красногвардейцами были убиты три француза — участники антисоветского бунта: два офицера и один чиновник консульства. Французская печать подняла шум по поводу иркутских событий.

Извращая их, она утверждала, что юнкерский мятеж в городе был вызван большевиками, и убеждала Китай «принять меры», ибо «большевистская опасность» якобы угрожала Харбину, а союзникам рекомендовала поддержать Китай.

Французское правительство пошло еще дальше. 8 января (26 декабря 1917 г.) французский посол в США Жюссеран сообщил Государственному департаменту, что в связи с событиями в Иркутске французское правительство направляет в Харбин, а оттуда в Иркутск «максимально крупную французскую часть из оккупационного корпуса в Китае под командой дела Порнереда» [953]. Франция просила союзников о сотрудничестве в организации и деятельности этой «экспедиции».

Таким образом, уже в первые недели существования Советской власти империалисты осуществляли меры, которые впоследствии стали играть весьма значительную роль в антисоветской борьбе: блокирование пролетарской революции в национальных границах в случае провала попыток ее ликвидации.

Представители Антанты бдительно следили за тем, чтобы советская революция не перешагнула границы России, в частности не проникла в Маньчжурию. В этом они находили поддержку капиталистов и помещиков, выметенных революцией из пределов России и хлынувших в Маньчжурию и Северный Китай. Расселившись в городах и главным образом на узловых станциях КВЖД, они развернули здесь активную контрреволюционную деятельность. Харбин стал центром антисоветских заговоров и формирования белогвардейских отрядов.

В начале ноября 1917 г. американский и английский консулы посетили управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата и заявили, что поддержат его в борьбе против большевиков [954]. Осведомленный об этом американский посол в Китае П. Рейнш сообщил Государственному департаменту, что британский посол просит прислать в Харбин в случае необходимости отряд американских войск [955]. Консульский корпус в Харбине еще 22 (9) ноября постановил ввести в район КВЖД китайскую жандармерию, а если не удастся обеспечить достаточное количество жандармов, то ходатайствовать о присылке американских или английских частей.

Но революция распространилась и на КВЖД. 12 декабря (29 ноября 1917 г.) Совет рабочих депутатов в Харбине стал хозяином положения.

Был отдан приказ о смещении Хорвата с поста управляющего железной дорогой. В ответ по указанию американского, английского и японско-

---

952 Подробнее см. стр. 633 настоящего тома.

953 «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 21.

954 Там же, стр. 3—4.

955 Там же, стр. 4.

го послов китайские власти ввели в район КВЖД 7 тыс. солдат. 25 (12) декабря послы потребовали от них решительных действий. На следующий день китайцы приступили к разоружению советских отрядов и захвату железной дороги. Китайский гражданский губернатор был назначен губернатором-распорядителем КВЖД. Наркоминдел выразил резкий протест против оккупации Китаем КВЖД, но это не возымело действия: империалистские захватчики не ответили на протест.

Территория КВЖД была первой, захваченной у Советской власти США, Англией, Японией и Францией при помощи китайских милитаристов. Оккупированный район стал базой формирования антисоветских отрядов, а железная дорога позволяла перебрасывать их по кратчайшему расстоянию к Владивостоку и Иркутску.

Прежде всего эта база была использована для сколачивания белогвардейской банды атамана Семенова, еще в сентябре 1917 г. посланного Советом союза казачьих войск на Дальний Восток для борьбы с большевизмом. В то время его миссия не удалась. Теперь, поддержанный иностранными империалистами, он приступил к созданию отряда. Деньги Семенов получал от бежавших из России капиталистов. Кредиты ему были открыты японским консулом и, независимо от Японии, английским представителем [956].

В созданный Семеновым «Особый маньчжурский отряд» были завербованы офицеры, юнкера, а большей частью местные преступные элементы — участники различных бандитских шаек.

План Семенова, согласованный с иностранными дипломатами, сводился к тому, чтобы обезопасить западные границы своей маньчжурской базы, затем занять Забайкальский участок Сибирской железной дороги, захватить Читу и поднять на антисоветский мятеж верхушку забайкальского казачества. Одновременно уссурийские казаки атамана Калмыкова должны были обезопасить восточные подступы к Маньчжурии, а амурские казаки, которыми командовал атаман Гамов,— занять всю Амурскую область. Тем самым силами трех казачьих войск — Забайкальского, Уссурийского и Амурского — предполагалось захватить весь Дальний Восток.

Следующий этап плана Семенова предполагал продвижение на запад — занятие Иркутска, Красноярска, всей Сибирской железной дороги. Далее, в случае благоприятного развития событий, перед ним вставала перспектива соединения с атаманами Дутовым и Калединым.

Указанный план Семенова по поручению английского министерства иностранных дел был изложен в подробном письме поверенного в делах английского посольства в Вашингтоне К. Барклея 6 февраля (24 января) 1918 г. [957] Барклей писал, что, если Семенов получит помощь, он сможет довести свой отряд до 3 тыс. человек. В письме отмечалось, что ежемесячное содержание семеновского отряда обойдется всего в 10 тыс. фунтов стерлингов. Сообщив все эти расчеты, Барклей добавил, что английскому послу в Пекине поручено заявить Семенову о полной поддержке его плана. «Правительство его величества,— писал в заключение Барклей,— самым серьезным образом надеется, что правительство Соеди-

---

[956] *Pollard.* China's Foreign Policy, 1917. New York, 1933, p. 116—117; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 46.

[957] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II, p. 38—41.

пенных Штатов согласится поддержать капитана Семенова и, в случае согласия с предложенными планами, готово будет принять участие в этих действиях и в соответствующих расходах» [958].

В середине декабря 1917 г. Семенов приступил к выполнению своего плана. 19 декабря его банда внезапным налетом захватила пограничную станцию Маньчжурия. Члены местного Совета были арестованы и зверски убиты. Солдат местной дружины подвергли порке и силой заставили вступить в семеновский отряд. Вслед за тем Семенов захватил станции Борзя и Оловянная. Сведения об этом успехе белых были немедленно сообщены в Лондон. В конце января 1918 г. о них уже знал и Государственный департамент в Вашингтоне [959].

Советская власть направила против Семенова красногвардейские части. В результате возник Даурский (Забайкальский) фронт [960].

Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке

Немалую роль в организации контрреволюционных выступлений в Сибири сыграли сибирские областники. 4—6 декабря в Томске заседала 1-я сессия Сибирского областного Совета, а с 6 по 15 декабря — Чрезвычайный общесибирский съезд. Он открылся на другой день после того, как Томский Совет принял решение об установлении в городе Советской власти. Подавляющее большинство съезда было настроено против социалистической революции. Из 155 делегатов только 34 делегата представляли Советы крестьянских, солдатских и рабочих депутатов [961]. Съезд постановил не признавать Советской власти, создать автономную власть, для чего созвать Сибирское Учредительное собрание, а до его созыва передать власть избранному на съезде Сибирскому областному Совету, который должен был созвать областную думу. Во главе Совета был поставлен Г. Н. Потанин, а в состав вошли П. Я. Дербер, А. Е. Новоселов, Патушинский, Шатилов, Ермаков и Захаров (все эсеры). Были также созданы финансово-экономический комитет, национальный совет и военный совет. Областной Совет становился первым «правительством» областников в Сибири, которое начало готовить свержение здесь власти Советов.

По словам одного из руководителей сибирских областников, И. А. Якушева, неотложной задачей Сибирского областного Совета являлось создание во всех крупных городах Сибири политических эмиссариатов. «Необходимо было,— писал Якушев,— организовать сибирское общество, ознакомить его с активной областнической работой, указать ему пути приложения творческих сил для борьбы за автономию Сибири... Эмиссариаты должны были впредь до сформирования военных штабов взять на себя ру-

---

[958] Там же, стр. 41.
[959] Там же, стр. 40.
[960] *В. И. Василевский* и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье, стр. 88 и сл.; *Г. Рейхберг.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1946, стр. 37.
[961] *И. М. Разгон.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции.— «Вопросы истории Сибири», вып. 4. Томск, 1969, стр. 24.

ководство Военного Совета, заботы о создании добровольческих сибирских отрядов для борьбы с большевиками»[962].

В декабре 1917 г. Сибирский областной Совет командировал в Петроград своего уполномоченного — инженера Кулаева для налаживания контактов с контрреволюционными партиями и организациями в Петрограде.

Другие уполномоченные были направлены в Киргизию и Туркестан для связи с местными контрреволюционными организациями и «правительствами» (с атаманом Семеновым контакт был установлен ранее). Связь была установлена также с Украинской Центральной радой, для чего в Киев в качестве уполномоченного был направлен А. Е. Новоселов. Помимо Новоселова, полковник А. А. Краковецкий, назначенный главным комиссаром Сибирской армии, также прибыл в Киев, где организовал так называемый Сибирский военный комиссариат. По словам Якушева, этот комиссариат проводил последовательную работу по объединению военнослужащих сибиряков и концентрации всех сибирских частей под командованием генерала Щербачева. В этом Центральная рада оказывала Сибирскому комиссариату всяческую помощь[963].

Следует отметить тот большой интерес, который проявляли иностранные представители и агенты к деятельности контрреволюционных областнических организаций Сибири. Так, французский военный агент и разведчик полковник Пишон, приехавший в декабре 1917 г. в Томск, посетил заседание Сибирского областного Совета[964].

На 7 января 1918 г. в Томске было назначено открытие Сибирской областной думы. Однако оно не состоялось вследствие малочисленности собравшихся делегатов и было перенесено на 6 февраля. Но в ночь на 26 января по требованию Центросибири, Западно-Сибирского областного комитета Советов и местных Советов, решением Томского Совета областная дума была распущена, а часть членов думы и областного Совета — арестована.

Еще до роспуска думы Г. Н. Потанин сложил с себя звание председателя областного Совета, мотивируя свой уход тем, что областной Совет, где преобладали эсеры, не привлекает к активной деятельности цензовую буржуазию. Потанин активно выступал за союз мелкобуржуазной контрреволюции с буржуазией.

28 января часть депутатов областной думы, избежавших ареста, собралась нелегально, избрала президиум думы во главе с И. А. Якушевым и создала «Временное правительство автономной Сибири» во главе с правым эсером П. Я. Дербером. Впоследствии большинство членов этого «правительства» уехали в Харбин, а затем во Владивосток, установив тесный контакт с иностранными империалистами[965].

Областная Сибирская дума являлась центром объединения всех контрреволюционных сил Сибири, одной из которых было земство.

С победой Октябрьской революции в центре страны земские органы Сибири никакой хозяйственно-организационной и культурной работы не

---

962 *И. А. Якушев.* Очерки областного движения в Сибири.— «Вольная Сибирь» (Прага), 1928, № 3, стр. 15 и сл.

963 Там же, стр. 12 и сл.

964 *В. Максаков* и *А. Турунов.* Хроника гражданской войны в Сибири. М., 1926, стр. 55.

965 Подробнее об этом см.: «Обвинительное заключение по делу партии эсеров». М., 1922, стр. 21—23; см. также «Красный архив», 1928, т. 29.

вели, а весь свой административный и пропагандистский аппарат, а также денежные средства направили на борьбу против Советов. Многие уездные и особенно губернские земские управы и почти все городские думы вели упорную борьбу с Советами за политическую власть. Местные самоуправления приняли участие в создании областной Сибирской думы и в организации кампании ее защиты после разгона в январе 1918 г.[966]

Как уже отмечалось, одно из контрреволюционных выступлений было организовано белогвардейцами в Иркутске в декабре 1917 г.

8 декабря Иркутский ВРК предъявил командованию местного военного училища и трех школ прапорщиков требование сдать оружие и распустить юнкеров. Однако большинство юнкеров и офицеров отказались выполнить приказ ВРК. В тот же день они захватили дом бывшего генерал-губернатора, где в то время находилась бóльшая часть советских организаций.

Для руководства советскими войсками, направленными на подавление мятежа, был создан штаб ВРК. Советская сторона располагала следующими силами: 9-м, 10-м, 11-м, 12-м полками, двумя дружинами, тремя батареями. Во время мятежа в Иркутск прибыли отряды Красной гвардии из других городов Сибири, в том числе отряд из Красноярска во главе с С. Лазо. В распоряжении белогвардейцев находились 1-я и 2-я школы прапорщиков, военное училище, казачья сотня, часть воспитанников кадетского корпуса и старших классов средних учебных заведений[967].

В результате упорной борьбы 17 декабря советским войскам удалось подавить контрреволюционный мятеж в Иркутске.

Для организации борьбы с Семеновым из Иркутска в Забайкалье был направлен сводный отряд, состоявший из солдат, революционных казаков и красногвардейцев. Начальником этого отряда был назначен С. Лазо. 23 февраля 1918 г. на II съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов всей Сибири было утверждено решение областного Совета Восточной Сибири о предоставлении Сергею Лазо чрезвычайных полномочий как комиссару по борьбе с контрреволюцией в Сибири[968].

Отряды Красной гвардии и революционного казачества, направленные из различных мест Сибири и Дальнего Востока, в конце февраля начали наступление против Семенова. К 1 марта 1918 г. красными частями были заняты станции Харанор, разъезд № 81 и Даурия. 5 марта была освобождена станция Шарасун, а 8 марта — Мациевская. Так как семеновские банды бежали в пределы Северной Маньчжурии, делегацией Центросибири, в состав которой входил и Сергей Лазо, 15 марта было заключено соглашение с китайскими властями о непропуске семеновских банд через границу. Договор был заключен сроком на 20 дней — до 5 апреля 1918 г.[969]

На территории Северной Маньчжурии шло формирование белогвардейских отрядов, предназначавшихся для выступления против Советского Приморья и захвата Владивостока и Хабаровска. Районом действия этих отрядов были вначале станции Пограничная и Гродеково, где образовался так называемый Гродековский фронт. Активную роль здесь играл в тот период обосновавшийся на станции Пограничная японский ставленник

---

[966] *Е. Н. Бабикова.* Буржуазные органы власти и самоуправления Западной Сибири и их ликвидация в 1917–1918 гг. Автореф. канд. дисс. Томск, 1970, стр. 19—20.
[967] «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 132—142, 147—150.
[968] «Власть труда» (Иркутск), 26 февраля 1918 г.
[969] *В. Василевский* и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье, стр. 95.

есаул И. П. Калмыков [970] (на IV войсковом казачьем съезде, состоявшемся в Имане в середине января 1918 г., он был избран атаманом Уссурийского казачьего войска). Первая попытка Калмыкова начать 25 марта наступление со станции Пограничная на станцию Гродеково успеха не имела. Революционно настроенная часть уссурийских казаков дала отпор белобандитам.

Почти одновременно с Калмыковым на средства, полученные от интервентов, на КВЖД стал формировать специальный отряд уже упоминавшийся нами генерал Д. Л. Хорват. Во главе своего отряда он поставил бывшего командира 1-го Сибирского корпуса генерала Плешкова. Еще одним организатором белогвардейских отрядов на КВЖД был полковник Орлов. Все они особенно активизировались весной и летом 1918 г.

В Благовещенске в марте 1918 г. выступил атаман Амурского казачьего войска И. М. Гамов, так же, как и другие атаманы, являвшийся ставленником иностранных империалистов. 6 марта его вооруженные отряды предприняли попытку захватить власть в городе [971].

Гамовский мятеж продолжался несколько дней. Только после прибытия подкреплений из Хабаровска, Владивостока и Читы и организации в деревне Астрахановке военно-оперативного штаба, сумевшего сосредоточить здесь почти 12-тысячную армию, удалось перейти в решительное наступление на белобандитов, засевших в Благовещенске. Большую роль в ликвидации гамовского мятежа сыграли моряки Амурской флотилии. 13 марта Благовещенск был полностью освобожден от белых, большинству которых все же удалось бежать на другую сторону Амура в г. Сахалян (Северная Маньчжурия).

Таким образом, установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке происходило в тяжелых условиях борьбы с контрреволюцией, организуемой и поддержанной иностранными империалистами. Но и в такой обстановке переход власти в руки Советов в крупнейших городах Сибири и Дальнего Востока, как уже отмечалось, произошел в основном в течение ноября — декабря 1917 г.[972]

Это свидетельствует о том, что пролетарские и бедняцкие массы крестьянства всей необъятной страны глубоко прониклись сознанием необходимости социалистической революции и под руководством большевистской партии довели ее до победы.

* * *

За короткий срок в три-четыре месяца — с октября 1917 г. по январь — февраль 1918 г. — Великая Октябрьская революция победила по всей огромной стране.

«По всей России,— говорил В. И. Ленин,— вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью имен-

---

[970] Некоторые подробности о деятельности Семенова, Калмыкова и других белобандитов на Дальнем Востоке см.: *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. 1. Париж, 1920—1922, стр. 105—109.

[971] *Г. Рейхберг.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.), стр. 44—50.

[972] «История Сибири», т. IV. Л., 1968; см. карту «Установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке» (стр. 44—45).

но потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года» [973].

За указанное время Советская власть проникла в самые глухие уголки страны. В ряде случаев, главным образом на национальных окраинах, приходилось силой преодолевать сопротивление господствующих классов. Но отсюда отнюдь не следует, что социалистическая революция натолкнулась на сопротивление национальных окраин, что угнетенные царизмом и буржуазией народы якобы не хотели принять Советскую власть.

Сопротивление и в центре, и на местах оказали одни и те же реакционные силы: прежде всего кадеты, вокруг которых объединились все буржуазные и соглашательские партии, затем царские генералы (Каледин, Алексеев, Дутов, Деникин), сплотившие и организовавшие местные националистические группы из феодальных и буржуазных классов и поддержанные иностранными империалистами. Всюду, и в центре, и на местах, борьба шла между блоком помещиков и буржуазии всех наций, действовавшим под руководством главной партии контрреволюции — кадетов, поддержанным соглашательскими партиями и иностранными империалистами, и союзом трудящихся всех наций и народов, сплотившихся вокруг пролетариата и его партии большевиков [973а].

Представляя и осуществляя этот союз пролетариата и крестьянской бедноты всех наций, Советская власть подавила первый антисоветский мятеж Краснова — Керенского, мятежи юнкеров в Петрограде и Москве, разгромила калединщину и контрреволюционную Украинскую Центральную раду. Звено за звеном ликвидировала она сеть контрреволюционных правительств, которую пытались создать против Советской республики иностранные империалисты.

Говоря о победе Октябрьской революции, В. И. Ленин указывал, что ее необходимо было закрепить в гражданской войне, развязанной свергнутыми эксплуататорскими классами. «Это заняло около трех месяцев,— писал он,— начиная с победы над Керенским под Гатчиной, продолжая победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества в Москве, Иркутске, Оренбурге, Киеве, кончая победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону» [974].

Здесь важно подчеркнуть обстоятельство, на наш взгляд, недостаточно отмеченное в литературе: поражение контрреволюции на местах было нанесено в основном местными же силами, силами трудящихся национальных районов, разумеется при помощи из центра.

В этот период Советская власть еще не имела ни своей армии, ни централизованного военного аппарата. Когда Каледин, Дутов и другие мятежники перешли к активным боевым действиям, она располагала сравнительно немногочисленной Красной гвардией: в ее рядах насчитывалось

---

[973] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 5.

[973а] Подробно этот вопрос освещен в работах: *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 106—112; «Крах помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.)». М., 1977, стр. 266—284.

[974] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 393.

до 200 тыс. передовых рабочих. Правда, после победы Советской власти в Петрограде Красная гвардия быстро росла, но все же и этих сил было недостаточно для разгрома внутренней контрреволюции. К тому же Красная гвардия была децентрализованной военной организацией. Ее руководящие центры — штабы не имели не только единообразной структуры, но даже единого наименования. Использовать для борьбы с внутренней контрреволюцией старую армию было также нельзя. Ей приходилось, пока не был заключен мир, держать огромный фронт против войск австро-германского блока. Следует также учитывать, что в ноябре — декабре 1917 г. в армии шел процесс ломки, вызванный социалистической революцией, проводилась демократизация (изгонялся контрреволюционный командный состав, переизбирались солдатские комитеты и т. д.). Из старой армии и флота для борьбы с внутренней контрреволюцией можно было направить лишь отдельные отряды, показавшие свою преданность делу социалистической революции.

Необходимо учитывать, что, кроме крупных контрреволюционных районов, возникло множество мелких очагов, грозивших разгореться в большие пожары. В первые же дни революции страна точно зловещей сыпью покрылась различными контрреволюционными комитетами «спасения родины и революции», «общественной безопасности» и им подобными организациями (Петроград, Москва, Минск, Нижний Новгород, Симбирск, Курск, Пенза, Тамбов, Томск, Харьков, Тюмень, Тверь, Туапсе, Барнаул, Тула, Смоленск и многие другие города) [975]. В ряде мест функции подобных контрреволюционных организаций взяли на себя городские думы и управы (Витебск, Верный, Ташкент и др.) [976]. Они заявляли о непризнании Советской власти и готовились к вооруженной борьбе против революционного народа. Необходимость военного подавления этих мелких антисоветских выступлений отвлекала значительные силы Красной гвардии и отрядов старой армии от главной задачи — разгрома крупных очагов контрреволюции на Дону, Украине, Урале и в некоторых других районах страны. Вот почему главная тяжесть борьбы с контрреволюцией падала на местные советские силы.

Но, как уже отмечалось, центр, конечно, оказывал огромную помощь местам: он осуществлял общее политическое руководство, направлял отряды, военных руководителей, пропагандистов и агитаторов. Огромное значение имел общий стратегический план революции, разработанный В. И. Лениным, о чем мы уже писали.

Интересно, что много лет спустя белогвардейский генерал А. И. Деникин отказывался верить, что план разгрома военных очагов контрреволюции был составлен не военспецами. «Невзирая на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов,— писал он,— в общем направлении их чувствовалась рука старой Ставки и определенный стратегически-политический план» [977].

Советская власть победила на местах в разное время, в зависимости от соотношения и расстановки классовых сил в том или ином городе или районе. В промышленных, пролетарских центрах власть Советов была

---

[975] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 7, 75, 84, 86, 150, 153, 215, 246, 284 и др.
[976] Там же, стр. 63, 64, 272, 274 и др.
[977] *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1920—1922, стр. 211.

провозглашена немедленно по получении известий о переходе власти к Советам в Петрограде. В городах, где пролетарская прослойка была незначительна, где не было большевистски настроенных гарнизонов, а эсеры и меньшевики составляли большинство в исполкомах местных Советов, приходилось вести упорную борьбу, иногда переходившую в вооруженное столкновение с силами контрреволюции.

Нижеследующая таблица дает обобщенное представление о сроках установления Советской власти на местах. В ее основу положена следующая периодизация: 1) от Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде до победы социалистической революции на фронте и ликвидации контрреволюционной Ставки (25 октября — 20 ноября 1917 г.); 2) от ликвидации Ставки и до окончания работ III Всероссийского съезда Советов (21 ноября 1917 г.— 18 января 1918 г.); 3) от окончания работ III Всероссийского съезда Советов и до конца триумфального шествия Советской власти (19 января — 11 февраля 1918 г.); 4) от конца триумфального шествия и до середины 1918 г. (февраль — июнь 1918 г.).

В таблице курсивом выделены города, где переход власти в руки Советов совершился вооруженным путем.

Установление Советской власти в губернских и других крупных городах

С 25 октября по 20 ноября 1917 г.	*С 21 ноября 1917 г. по 18 января 1918 г.*	*С 19 января по 11 февраля 1918 г.*	*С 12 февраля 1918 г. и позднее*
1. *Петроград*	1. Акмолинск	1. Архангельск	1. *Верный*
2. Москва	2. Ашхабад	2. *Астрахань*	2. *Екатеринодар*
3. Баку	3. Армавир	3. Благовещенск	3. *Новочеркасск*
4. Валк	4. Вятка	4. Верхнеудинск	4. Пятигорск
5. Венден	5. *Екатеринослав*	5. Вологда	5. Тобольск
6. Витебск	6. *Житомир*	6. Елисаветград	6. Темир-ханшура
7. *Винница*	7. *Калуга*	7. Коканд	7. *Якутск*
8. Вольмар	8. Кишинев	8. Семипалатинск	
9. Владикавказ	9. Кострома	9. Тамбов	
10. Владимир	10. Кустанай	10. Чернигов	
11. Владивосток	11. Николаев	11. Чита	
12. Воронеж	12. Новороссийск		
13. Гомель	13. Новониколаевск		
14. Екатеринбург	14. Одесса		
15. Иваново-Вознесенск	15. Омск		
16. Ижевск	16. Оренбург		
17. Иркутск	17. Полтава		
18. *Казань*	18. Пенза		
19. Каменец-Подольск	19. Петрозаводск		
20. *Киев*	20. Петропавловск-на-Камчатке		
21. Красноярск	21. Симбирск		
22. Кронштадт	22. Ставрополь		
23. Курган	23. Самарканд		
24. Курск	24. Севастополь		

Окончание

С 25 октября по 20 ноября 1917 г.	*С 21 ноября 1917 г. по 18 января 1918 г.*	*С 19 января по 11 февраля 1918 г.*	*С 12 февраля 1918 г. и позднее*
25. Луганск	25. *Симферополь*		
26. Минск	26. Скобелев		
27. Могилев	27. Томск		
28. Новгород	28. Тула		
29. *Нижний Новгород*	29. Уральск		
30. Орел	30. Хабаровск		
31. Орехово-Зуево	31. Херсон		
32. Пермь			
33. Петровск (порт)			
34. Псков			
35. Ревель (Таллин)			
36. Рязань			
37. Ростов-на-Дону			
38. Самара			
39. *Саратов*			
40. *Смоленск*			
41. *Ташкент*			
42. Тверь			
43. Уфа			
44. Харьков			
45. Царицын			
46. Челябинск			
47. Ярославль			
48. Юрьев			

Таблица показывает, что в большинстве крупных городов и промышленных центров Советская власть установилась в первые же три недели после победы вооруженного восстания в Петрограде и постановления II Всероссийского Съезда Советов о переходе власти к Советам. В подавляющем большинстве этих городов власть установилась мирным путем. Это является ярким свидетельством подготовленности страны к переходу власти в руки Советов. Российская контрреволюция не сумела противостоять решимости и воле десятков миллионов рабочих и трудящихся.

Из таблицы видно, что Советская власть установилась позднее в тех районах, где контрреволюция заранее создала себе плацдармы и действовала с помощью иностранных империалистов. К ним относятся Область Войска Донского, Северный Кавказ, частично Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток и некоторые другие районы. Здесь приходилось гасить очаги контрреволюции вооруженной силой.

Из-за вмешательства иностранных империалистов надолго задержался переход власти к Советам в таком, например, национальном районе, как Закавказье.

Установление Советской власти на местах происходило не автоматически, не по телеграфу, не при пассивном, безразличном отношении широких масс, как пытаются доказать буржуазные историки.

Заметим, что до недавнего времени зарубежные буржуазные историки Октябрьской революции все свое внимание сосредоточивали на революции в центре страны — Петрограде. Теперь положение стало меняться: все чаще они обращаются к событиям Великого Октября на местах в надежде найти здесь аргументы против Октябрьской революции как революции народной, осуществившей чаяния самых широких масс. Об этих попытках свидетельствует, в частности, довольно большой доклад английского историка Дж. Кипа «Октябрь в провинции», с которым он выступил на конференции в Гарварде, приуроченной к 50-летию Советской власти [978].

Английскому историку не по душе концепция советских исследователей о триумфальном шествии Советской власти: он называет ее «стереотипной метафорой». Разделив территорию России на пять районов (Центральный промышленный район и Урал, Поволжье и Западная Сибирь, Черноземный центр, фронтовые и прифронтовые районы и Украина), Кип затем пробует воссоздать «подлинную» картину победы Октября на местах. Достаточно, однако, лишь беглого взгляда, чтобы определить, какая рука ее рисовала. Продолжая линию многих своих коллег, занимающихся поисками разного рода разногласий в большевистской партии накануне Октября, Кип утверждает, что в октябрьские дни между ««верхами» партии и местными партийными организациями не было прочных организационных связей, что «места» нередко выражали несогласие с центром, проявляли «непонимание» планов и намерений Ленина и т. п. [979] Не получая своевременных указаний, «места» якобы часто действовали на свой страх и риск и порой даже не представляя «очертаний» того «порядка», который должен был сменить режим Временного правительства. Если верить Кипу, то многие местные партийные организации выступали за «советскую демократию» в понимании «Каменева и других «гибких» членов ЦК» [980]. И это утверждается вопреки десяткам постановлений и резолюций местных партийных организаций, осуждавших штрейкбрехеров и требовавших применения суровых мер против них, вопреки многочисленным фактам руководства Центральным Комитетом местными организациями!

Далее Кип воспроизводит избитое клише, согласно которому октябрьский период характеризовался усталостью, апатией масс, их чуть ли не безразличием к происходившему. «События,— уверяет он,— шли столь стремительно, а обычный ход политической жизни был настолько нарушен, что большинство людей оказались сбитыми с толку. Относительно немногие, вероятно, чувствовали, что наступил поворотный момент истории или то время, когда они должны были сражаться и умирать за свои идеалы...» [981]. В такой обстановке большевики, по Кипу, в конечном счете сумели выиграть, так как «консервативные элементы» России в отличие от большевистской партии руководствовались не «соображениями реальной политики», а некими абстрактными «моральными принципами» [982]. Кип, однако, не пояснил, кого он в данном случае имеет в виду: полковника Рябцева, атаманов Дутова, Каледина или кого-либо из им подобных носителей абстрактных «моральных принципов...»

[978] Материалы конференции были затем опубликованы в специальном сборнике под названием «Революционная Россия» («Revolutionary Russia», Ed. by R. Pipes. Cambridge, Mass., 1968).
[979] Там же, стр. 189.
[980] Там же, стр. 193.
[981] Там же, стр. 211.
[982] Там же, стр. 215.

Основные положения доклада Кипа были поддержаны американским ученым М. Фэйнсодом, также доказывавшим, что борьба большевиков за Советскую власть в провинции носила характер «хаотических и путаных импровизаций» [983]. Октябрь на местах, утверждал Фэйнсод, это «картина неразберихи, в которой пассивность и апатия играли намного большую роль, чем это обычно принято считать» [984].

Английский историк У. Мосс опубликовал статью об Октябре в Саратове [985]. Этот город он выбрал в качестве примера для характеристики октябрьских событий в тех местах страны, где Советская власть устанавливалась вооруженным путем. Здесь Мосс, глядя на события глазами кадетского «Саратовского листка» и «внепартийного» «Саратовского вестника», видит одну «трагикомедию» [986]. Стараясь выглядеть «объективным», он дает следующую оценку Октябрю в Саратове: «Революция в Саратове сочетала в себе в разной степени героизм и трусость, революционную честь и вульгарные инстинкты толпы...» «Такова, вероятно,— заканчивает Мосс,— подлинная природа большевистской революции. Впрочем, из такой путаницы и неразберихи состоят, может быть, все революции» [987].

Как видим, начало разработки новой для буржуазной историографии темы победы Октябрьской революции на местах не ознаменовалось оригинальными выводами и концепциями. Она и в данном случае во многом все еще идет за белоэмигрантскими авторами.

Зарубежные авторы, поставив перед собой задачу найти в истории пролетарской революции на местах подтверждение своей интерпретации истории Октября, лишь обнаружили свое незнание и свой ненаучный метод. Им невдомек, что процесс установления Советской власти на местах являлся гражданской войной, в которой руководимые большевиками народные массы разгромили сопротивление всех сил контрреволюции как общероссийской, так и буржуазно-националистической, поддержанной иностранными империалистами. Буржуазные историки и не могут признать это, иначе им пришлось бы согласиться с тем, что они так долго старались опровергнуть, а именно, что движущими силами революции являлись рабочие и крестьянская беднота всех народов и наций, сплотившие вокруг себя всех трудящихся, что во главе гигантских масс стояла партия большевиков, вдохновившая, организовавшая и направлявшая их на борьбу, что Октябрьская революция, следовательно, была подлинно народной революцией. Впрочем, надо отметить, что наряду с повторением ряда традиционных для буржуазной историографии положений некоторые последние работы советологов содержат и нечто новое. Например, в работе А. Рабиновича и Дж. Кипа отчетливо прослеживается отказ от старой антисоветской концепции Октября как верхушечного переворота [988]. Оба автора в общем признают, что большевики опирались на массы, что массы оказывали большевикам поддержку. Кип, пожалуй, одним из первых обратившийся к изучению массовых организаций не только в центре, но и на местах, пи-

---

983 «Revolutionary Russia», p. 218.
984 Там же, стр. 219.
985 *W. Mosse.* Revolution in Saratov (October — November 1917).— «The Slavonic and East European Review», 1971, vol. LXIX, N 117.
986 Там же, стр. 589.
987 Там же, стр. 601—602.
988 *A. Rabinowitch.* The Bolsheviks Come to Power. N. Y., 1976, p. XVII; *J. Keep.* The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. Ldn., 1976, p. XV etc.

шет, что революционные процессы находили свое выражение в Советах, профсоюзах, фабзавкомах и т. д., что в них «бился пульс революции» [989]. Казалось бы, правильная констатация. Но на самом деле она направлена на противопоставление массового революционного движения большевистской партии. Кип проводит идею использования большевиками массового движения и массовых организаций в своих целях, в интересах установления собственной власти. Согласно его утверждениям выходит, что массы (пролетарский характер революции он, конечно, отрицает) боролись за передачу власти Советам, состоявшим из представителей всех демократических организаций, т. е. за подлинно народную власть. Однако большевики,— разъясняет далее Кип,— используя свои организационные и иные преимущества, сумели подчинить массовые революционные организации и в конце концов поставить их под свой неограниченный политический контроль. Уже вскоре после Октября, если верить Кипу, с весны 1918 г. они превратились в простые «резонаторы» партийных решений [990].

Эта «концепция» своего рода троянский конь советологии. Она как бы порывает со старой точкой зрения, берущей начало в белоэмигрантской литературе, о «насильственном большевистском перевороте», и в то же время, маскируясь признанием демократичности Октября, проводит старый антикоммунистический тезис о большевиках как «узурпаторах». Но что общего это имеет с исторической действительностью? Еще раз напомним о речи В. И. Ленина, произнесенной им на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г. Он говорил тогда, что большевики проводят не партийную, не большевистскую политику, а «политику рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа» [991].

Нетрудно видеть, что в «трактовке» Кипа и других на авансцену выдвигается троцкистская идейка «термидора», перерождения революции. Этот «термидорианский аспект» в трактовке Октября увязывается, по-видимому, с нынешней антисоветской кампанией «в защиту прав человека». Здесь мы видим, как под эту кампанию пытаются подвести некий «исторический базис»: с одной стороны, признается демократическая, «плюралистическая» основа революции, а с другой, ей противопоставляется советская общественно-политическая система, под властью большевиков принявшая якобы «тоталитарный характер».

Указанный «сдвиг» в антикоммунистической интерпретации Октября ставит перед советскими историками задачу усиления борьбы с троцкистскими фальсификациями, широкого показа глубоко демократической природы Октября, исторического значения его победы.

Борьба с контрреволюцией на окраинах осложнила и удлинила процесс установления и укрепления власти Советов на местах. Однако, как указывал В. И. Ленин на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 14 марта 1918 г., «в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось» [992].

---

989 *J. Keep.* The Russian Revolution, p. IX.
990 Там же, стр. 471.
991 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 36.
992 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 94—95.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

1

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ. ТРУДНОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции положение большевистской партии коренным образом изменилось. Из партии гонимой, преследуемой она превратилась в партию правящую. Если раньше она была руководителем трудящихся масс в борьбе за разрушение старого строя, то теперь она возглавила борьбу пролетариата и трудящегося крестьянства за упрочение Советской власти и построение коммунистического общества. В системе диктатуры пролетариата партия заняла особое место: она стала ее руководящей силой, направляя деятельность Советов, профсоюзов, кооперативов и союзов молодежи на осуществление всех задач социалистической революции.

Новые задачи потребовали известных изменений в строительстве партии.

Понадобились новые силы и притом в значительно возросшем количестве. Между тем наличных партийных сил, блестяще справившихся с задачей низвержения буржуазного строя, было явно недостаточно для решения гигантских задач создания нового общества.

Необыкновенно увеличился размах агитации. В Петрограде, например, за три месяца после победы вооруженного восстания только агитаторский отдел ПК организовал около 600 митингов, лекций и собраний [1]. Кроме того, в том же Петрограде проводили митинги агитационный отдел ВЦИК, Петроградский Совет, районные комитеты партии. Изменилась тематика выступлений на митингах. Прежде всего большевики звали массы на подавление сопротивления противников Советской власти. Но уже приходилось все больше учить массы государственному строительству, отвечать на их многочисленные вопросы о том, как строить новое общество. Требования на докладчиков шли от Советов, армии, профсоюзов, многочисленных общественных организаций. Партии нужны были новые кадры.

Они выдвигались из неисчерпаемого источника — рабочих и передовых слоев крестьянства, главным образом солдат, прошедших школу

---

[1] *А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции. Л., 1969, стр. 30.

революции. Но это, конечно, не значило, что партия должна была обязательно вовлекать всех их в свои ряды. Лишь лучшие, наиболее сознательные люди принимались в партию, которая не поступалась никакими организационными принципами большевизма, выдержавшими испытание долгих лет.

Но именно потому, что перед пришедшими к власти рабочим классом и трудовым крестьянством вставали новые грандиозные задачи — укрепления власти Советов по всей стране, создания нового государственного аппарата, осуществления аграрных преобразований на основе Декрета о земле, обеспечения выхода страны из войны и др. — именно поэтому жизненной необходимостью стало дальнейшее организационное укрепление партии, резкое развитие ее активности. Ибо, как уже отмечалось, партия является главной, направляющей силой в системе диктатуры пролетариата.

В решении этой задачи партия встретилась с рядом трудностей, прежде всего с быстрым расширением ее состава, широким наплывом новых членов партии.

Назвать точное число членов большевистской партии к концу 1917 г., когда она стала у власти, трудно. Во всяком случае различные проведенные подсчеты позволяют утверждать, что в ней в это время насчитывалось около 400 тыс. членов [2]. Между тем еще к VI съезду (июль 1917 г.) в партии состояло 240 тыс. человек. Следовательно, всего лишь за 2—2,5 месяца (главным образом за сентябрь и октябрь) ее численность возросла почти вдвое, что являлось резким количественным скачком. Особенно быстро стали расти ряды партии в дни Октября и после, когда социалистическая революция развертывалась по всей стране.

Этот факт, с одной стороны, безусловно был положительным, ибо он убедительно свидетельствовал об огромной популярности партии большевиков, о безусловной поддержке ее программы и лозунгов самыми широкими массами трудящихся. Об этом, в частности, говорят десятки и сотни писем, присланных в ЦК в первые послеоктябрьские недели со всех концов страны [3]. С другой стороны, в быстром расширении состава партии имелся и определенный отрицательный момент. Во II томе «Истории Великого Октября» уже говорилось о так называемых «мартовских эсерах», т. е. тех десятках и даже сотнях тысяч людей, выходцев из разных общественных, преимущественно мелкобуржуазных, слоев, которые хлынули в партию эсеров после победы Февральской революции. Это обстоятельство во многом было результатом «моды» на эсе-

---

[2] Я. М. Свердлов на заседании ЦК 16 октября 1917 г. говорил, что «теперь она (партия.— *И. М.*) объединяет не менее 400 тыс.», и привел, как сказано в протоколе, доказательства («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, стр. 94). К сожалению, эти доказательства не нашли отражения в протоколе. Подсчеты, главным образом по материалам партийных организаций, позволили уточнить цифру — около 350 тыс. членов партии («История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 243). Разница в численности незначительная, но надо иметь в виду, что ряд партийных конференций проходил за несколько недель до Октября, а рост партии продолжался и после конференций.

[3] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник документов, т. 2. М., 1957, стр. 163. 170, 301 и др.

ровскую партию, и оно же стало одной из причин идейной и организационной дряблости партии социалистов-революционеров [4].

От такой угрозы партия большевиков была надежно застрахована ленинскими принципами партийного строительства, закрепленными в ее Уставе, и многолетней борьбой за чистоту своих рядов. Следует отметить, что еще до Октября партия предвидела возможность быстрого расширения своего состава: на VI съезде в Уставе был записан пункт, по которому новые члены должны были приниматься местными парторганизациями только по рекомендации двух членов партии и после утверждения общего собрания. Однако, сильно нуждаясь в кадрах, некоторые местные партийные организации поддались соблазну быстро увеличить свои ряды и нередко нарушали важнейшее уставное требование о принятии новых членов. В партию вступали, а точнее сказать, «записывались» не только отдельные лица, но иногда целые группы, воинские части, даже села и деревни [5].

В качестве примера можно привести заявление, присланное в ноябре 1917 г. из г. Пошехонье в ЦК, а затем пересланное в Московский областной комитет партии. Заявление гласило: «Довожу до сведения Петроградского Центрального комитета Рос. СДРП, что рабочие города Пошехонья, записавшиеся в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), просят внести их имена в партийные списки и снабжать их литературой и что они будут отчислять известный процент из своего заработка». Далее следовало 18 фамилий «записавшихся» [6].

С октября 1917 г. по январь 1918 г. только число рабочих партийных организаций, зарегистрированных в ЦК, возросло на 35%, а военных — почти на 100% [7]. Еще больший рост дали крестьянские ячейки. За 1918 г. их число увеличилось с 203 до 2304, т. е. больше чем в 10 раз! [8] В итоге при общем абсолютном росте партии за счет крестьян и рабочих процент рабочих снизился на 9,1, а процент крестьян увеличился на 7,3. Понятно, что наряду с политически сознательными рабочими, крестьянами и солдатами среди вступавших было немало людей, не подготовленных к партийной работе. Вот несколько характерных примеров. Двое крестьян из Виленской губернии писали в ЦК: «Здравствуйте, большевики. Имеем честь покорнейше просить мы вас, а вот что: мы желали бы приписаться в вашу партию большевиков, да не знаем как, то покорнейше просим указать, и мы с полным удовольствием присоединились бы к вам вдвоем: Михаил Семенович Маркович, Иван Егорович Крупка. Мы вероисповедания православного, лет Михаилу — 17, Ивану — 21, из роду бедного, и желали бы присоединиться к вашей партии...» [9] Крестьяне с. Троицкого Пензенской губернии направили в ЦК письмо, в котором говорилось: «От имени Троицкой социал-демократической рабочей партии (большевиков) покорнейше просим Всероссий-

---

[4] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 132.

[5] Решение о едином членском партийном билете было принято Бюро ЦК РСДРП(б) еще в марте 1917 г., но на практике оно было реализовано лишь в 1920 г. В изучаемое нами время единого партийного билета не было, не было и централизованного учета выдачи партбилетов.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 26, л. 37.

[7] «Партийное строительство», 1941, № 9, стр. 59.

[8] «Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.», вып. 4. М., 1923, стр. 35.

[9] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 343.

ский Центральный Комитет партии с.-д. большевиков зачислить нас в названную почтеннейшую партию, с каковой мы всегда готовы идти совместно и поддерживать партийное справедливое требование»[10]. Из Тверской губернии сообщали: «Доводим до вашего сведения, что в селе Страшевичах Старицкого уезда, Тверской губ. образовалась партия на основе программы и устава социал-демократов большевиков, насчитывающая в настоящее время 134 члена... Просим признать нас...» [11]

Подобные примеры можно было бы продолжить. Конечно, подавляющее большинство из вступивших в партию в октябрьские дни шло в партию, руководствуясь своим классовым сознанием, их влекла последовательная и решительная защита партией интересов трудящихся, но качественный состав партии в результате снижения требовательности при приеме новых членов не мог не ухудшиться [12]. Это в свою очередь нередко вело к снижению активности и особенно дисциплины в парторганизациях. В январе 1918 г. в одном из писем Секретариата ЦК отмечалось: «Остро стоит и организационный вопрос, так новые организации растут последовательно и неуклонно, старые также, хотя есть и нежелательные факты колебаний, шатаний и неурядицы» [13]. Несколько раньше, в конце декабря 1917 г., Секретариат ЦК в письме Таврическому губкому РСДРП (б) напоминал: «Мы считаем за лучшее, чтобы при вербовке членов не гнаться за количеством, а за качеством» [14].

Центральный Комитет отдавал себе полный отчет в том, какое отрицательное значение может иметь массовый наплыв в партию, особенно перед созывом ее VII съезда. На заседании ЦК РСДРП (б) 24 января 1918 г., когда обсуждался порядок дня VII съезда партии, В. И. Ленин заявил, что его «смущает огромное наличие в партии октябрьских большевиков, что может помешать съезду в выработке выдержанной программы»[15]. «Тов. Ленин считает необходимым,— говорится далее в протоколе заседания ЦК,— чтобы при приеме членов делалась обязательная надпись о том, когда вступил в партию: до 25/X или после него...» [16].

По решению ЦК в выборах на VII Чрезвычайный съезд партии (март 1918 г.) могли участвовать только те коммунисты, которые имели партийный стаж не менее трех месяцев, т. е. вступили в партию не позже июльских событий. Секретариат ЦК постоянно напоминал об этом местным партийным организациям. Так, в письме комитету РСДРП (б) Петрозаводского узла Мурманской железной дороги говорилось: «В огромном большинстве все организации Мурманской дороги составлены из октябрьских большевиков, и потому они не смогут принять участие

---

[10] Там же, стр. 352.
[11] Там же, стр. 374.
[12] Следует отметить, что нарушение Устава о порядке приема в партию приводило к тому, что в партию нередко попадали меньшевики и эсеры. В Москве 11,4% вступивших в РКП(б) в 1918 г. были выходцами из других партий, в Петрограде — 8,1% («Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.», вып. 4, стр. 47).
[13] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 171.
[14] Там же, стр. 127.
[15] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 193.
[16] Там же. В ответ на это замечание В. И. Ленина Е. Д. Стасова разъяснила, что почти во всех парторганизациях ведется «двоякая регистрация членов» и что «октябрьские большевики считаются не вполне равноправными членами организации...» (там же).

в голосовании на партийный съезд...» [17] В другом письме также подчеркивалось, что «участие в голосовании могут принимать лишь товарищи, состоящие в рядах партии не менее трех месяцев, дабы не наводнить партию октябрьскими большевиками» [18].

Но определенное наводнение партии октябрьскими большевиками было лишь одной из причин, приведших к известному спаду партийной работы в первые месяцы Советской власти. Другая, не менее важная причина состояла в том, что лучшие силы партии — ее старая гвардия — были почти полностью переброшены на советскую и военную работу, направлены в Советы, профсоюзы и т. д. И это вполне понятно, так как после победы Октября на первый план выдвигались грандиозные задачи по строительству советского государственного аппарата, осуществлению социалистических преобразований и защите первого в мире социалистического государства [19]. Нехватка опытных партийных работников на местах становилась буквально бедствием. В ЦК партии со всех концов страны шли письма с одним и тем же настоятельным требованием: пришлите парторганизаторов, лекторов, пропагандистов, литераторов для работы в печати. Вот некоторые из этих писем, живо передающие положение, в котором оказались многие местные организации партии. Из Вятского комитета РСДРП (б) 8 ноября 1917 г. писали: «Ждем поддержки. Руководители необходимы, хотя бы человека два, даже один. Посылайте обязательно и немедленно, не просим, а требуем, ибо масса ждет действий, а активно действовать мы не в состоянии — нет сил». В письме Архангельского комитета РСДРП (б) от 13 ноября 1917 г. подчеркивалось: «Самый наболевший вопрос у нас — отсутствие теоретических сил». Из Ставропольского комитета РСДРП (б) в конце ноября 1917 г. писали: «Есть сильная нужда в работниках. Сил буквально нет, два-три и обчелся» [20].

В Московское областное бюро сообщали из Черниговской области: «Товарищи! Доводим до вашего сведения, что в с. Новом Рожне Новозыбковского уезда Черниговской губернии нами организован комитет РСДРП большевиков. Ввиду еще не совсем окрепшей и молодой организации просим вас не отказать поддерживать с нами связь для совместной работы на этом святом поприще. По возможности помогайте нам как указаниями, так и разъяснениями о настоящем ходе событий» [21].

Подобного рода просьбы поступали в конце 1917 — начале 1918 г. из Таврического, Севастопольского, Симбирского, Екатеринбургского, Тюменского, Уральского и других комитетов РСДРП (б) [22].

---

[17] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 189.

[18] Там же, стр. 201—202.

[19] Примечательно, что отдельные партийные работники, понимавшие важность общегосударственной работы, явно недооценивали значение партработы. Так, И. А. Акулов, направленный из Петрограда в Екатеринбург, писал в ЦК: «Признаться, меня огорчает, что областной комитет заставил меня взяться за секретарство в нем. Я ехал работать в экономических организациях рабочего класса». («Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 354).

[20] Там же, стр. 244, 260, 310.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 45, л. 255.

[22] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 311—312, 341—343, 347, 391, 394—395, 450 и др.

Уход опытных партийных организаторов на советскую, военную и другую работу приводил к спаду, а порой даже и к прекращению партийной работы в отдельных местностях. Из Курска, например, сообщали в Москву: «Списка партийных организаций в губернском комитете не имеется. Определенного помещения губернский комитет не имел. Дежурства не неслись. Делопроизводство в хаотическом виде, было всего два заседания, о которых имелись протоколы. Члены комитета перестали посещать заседания. Местного секретаря не было за отсутствием средств, митинги не устраиваются, агитация не ведется, советскими работниками не руководят» [23]. Из Севастополя 2 декабря 1917 г. сообщали: «За дальностью расстояния полная оторванность от центра, отсутствие нашей местной партийной печати, недостаток и даже больше — отсутствие работников, отсутствие мало-мальски способных агитаторов — создают очень трудные условия для работы» [24]. Приехавший по поручению ЦК в Екатеринбург И. А. Акулов писал в декабре 1917 г. в ЦК: «Насколько удалось выяснить, в Екатеринбурге жизнь в партийных организациях замерла совершенно» [25]. О том же Акулов писал Е. Д. Стасовой и в конце января 1918 г.: «О нашей партийной (в узком смысле) работе могу сказать только: тихо. Все силы ушли в работу Советов, в работу по контролю, производству и т. п. Недостаток сил всюду огромный. Люди активные, с инициативой по уши ушли в творчество новой общественности, масса предоставлена самой себе» [26].

Характерен доклад, присланный одним из партийных работников в Московское областное бюро после посещения парторганизаций Владимирской и Нижегородской губерний. В докладе, в частности, отмечалось: «Во всех организациях работают главным образом в большинстве исключительно рабочие. Интеллигенция уходит к меньшевикам и с-р. Редко и как исключение встречается кто-либо в большевистских организациях. Во многих местах рабочие идут ощупью к организации и не знакомые на практике с их созданием создают их собственным умом и силами. Я думаю, в связи с этим на местах имеется инертное отношение членов партии к деятельности своей организации. Руководит обыкновенно группа наиболее деятельных товарищей. Собрание посещают из 500 человек, например, 20—100 человек. В некоторых местах собрания бывают открытые и, кроме членов партии, приходит много публики, что отчасти мешает работе собрания. Необходимо бы создать как можно скорее партийные школы, необходимо при их помощи вливать новое в жизнь партии, ибо, как мне кажется, инертность зачастую объясняется тем, что люди годами живут друг с другом, примелькались все и присмотрелись один к другому. Посещение съездов, школ, приезды товарищей из центра каждый раз вносили бы что-нибудь новое в жизнь парторганизации и усиливали интерес к ее деятельности. В общем необходимо посещение как можно чаще местных, в особенности отдаленных от Москвы, организаций» [27].

Но что мог ответить Центральный Комитет на места, чем он мог реально помочь местным партийным организациям, если и в центре, в Пет-

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 51, л. 38.
[24] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 342.
[25] Там же, стр. 353.
[26] Там же, стр. 400.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 46, л. 7.

рограде и Москве, ощущался острый недостаток партийных работников? [28]

В январе 1918 г. в одном из писем Е. Д. Стасова следующим образом описывала работу в Секретариате ЦК: «Секретариат функционирует ежедневно с утра и до 6—8 часов. Все товарищи, имеющие нужду в ЦК, приходят за всевозможными сведениями и вопросами, которые удовлетворяются как личной беседой с секретарем, так и путем направления товарищей в соответственные учреждения... В Секретариате работают несколько письмоводителей, конторщик, библиотекарь и секретарь с помощниками. На последних лежит вся корреспонденция, составление и рассылка уведомлений и бюллетеней, выборка из писем для печати и поддерживание тесной организационной связи с местными организациями» [29].

Вот почему на настоятельные просьбы с мест о присылке людей Секретариат ЦК вынужден был постоянно разъяснять, что «в настоящий момент все силы ушли в строительство новых форм общественности», что «все теоретики и опытные работники ушли в правительственную работу, в различные комиссариаты» [30] и «для работы в партии совсем нет людей» [31].

Так создавалось, на первый взгляд, парадоксальное положение: численность партии резко возросла, а партийных работников не хватало, вследствие чего, как говорилось в одном из писем Секретариата ЦК, партийная работа оказалась «несколько в загоне» [32].

Трудностями партии и особенно ослаблением внутрипартийной работы в отдельных местностях старались воспользоваться потерявшие влияние, но еще здесь окончательно политически не разбитые меньшевики и эсеры [33]. Изгнанные массами с руководящих постов в Советах, в армейских комитетах, во многих профсоюзах, обанкротившиеся политики из эсеров и меньшевиков отнюдь не прекратили борьбу. Существование их партий не было запрещено. Они закрепились в городских думах и земствах, упорно стараясь противопоставить их Советам. Оставались они и в некоторых Советах и других общественных организациях. Сопротивление эсеров и меньшевиков становилось сильнее по мере того, как социалистическая революция побе-

---

[28] Показателен следующий факт. На заседании ЦК РСДРП(б) 29 ноября 1917 г. Я. М. Свердлов сообщил, что в ближайшее время предстоят армейские и фронтовые съезды, на которые необходимо делегировать членов ЦК. «Но в распоряжении у него (т. е. Свердлова.— *И. М.*),— записано в протоколе,— совершенно нет людей, а потому он просит дать кого-либо из товарищей для этих съездов» («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 154). ЦК выделил в распоряжение Я. М. Свердлова М. М. Лашевича, С. В. Муранова и Г. К. Орджоникидзе.

[29] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 201.

[30] Там же, стр. 50, 57.

[31] Там же, стр. 69; см. также стр. 105, 117, 205 и др.

[32] Там же, стр. 52.

[33] О быстрой потере влияния соглашателей на массы свидетельствует, в частности, отчет о поездке по Смоленскому району, присланный в Московское областное бюро. В нем говорилось: «Параллельно существует меньшевистская организация, где номинально числится 800 человек. На последнем общем собрании меньшевиков за резолюцию против демократии и выражение протеста против большевиков голосовало всего 40 человек. Каждый день подаются коллективные заявления в местную меньшевистскую организацию о выходе из организации. Эсеровская организация также весьма слабая. Большевистская организация имеет большую армию сочувствующих, особенно среди солдат, но совсем мало активных работников, которые могли бы обслужить эти массы» (ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 56, л. 54).

доносно распространялась по всей стране. Они пользовались любыми затруднениями Советской власти, нередко ими же создаваемыми, чтобы ослабить позиции большевиков. Так, в начале апреля из Московского областного бюро РКП(б) сообщали в ЦК: «На этой неделе происходят перевыборы в Совет в Твери. Туда *необходимо* направить товарища, который смог бы прочесть там лекцию и выступать на митингах... Существует самая реальная опасность прохождения меньшевиков. У нас все силы заняты» [34]. В тот же день Московское областное бюро РКП(б) настоятельно просило прислать «*товарища с именем и безусловно дельного*» в Тулу. «У нас сейчас все товарищи в расходе,— говорилось в письме.— В Туле *серьезная меньшевистская опасность*» [35]. То же самое писали из Омского комитета РКП(б): «С переходом власти в руки Совета все наши и без того немногочисленные работники ушли в советскую работу и погрязли в ней по уши; тогда как другие партии, освободившись от работы в Совете, пошли в массы и стали вести беспрерывную агитацию против нас, пользуясь всевозможными мерами» [36].

Борьба с эсерами и меньшевиками, таким образом, не кончилась, она продолжалась в новых формах. От партии большевиков требовались и усиление разоблачения, и учет новых форм сопротивления, и привлечение к борьбе более широких масс трудящихся.

Имелось и еще одно обстоятельство, которое требовало усиления партийной работы непосредственно в послеоктябрьский период. Мы имеем в виду тот удар в спину, который нанесли партии правые элементы во главе с Зиновьевым и Каменевым, не согласными с линией партии и даже покинувшими ответственные посты, на которых они находились. Подробнее мы остановимся на этом дальше, но здесь необходимо отметить, что отступничество штрейкбрехеров вызвало настоящее ликование в лагере контрреволюции: и среди кадетов, и среди эсеров и меньшевиков, и среди иностранных империалистов. Все они кричали о кризисе в партии большевиков, о неминуемом крахе партии.

Падение нескольких высохших листьев, сорванных с дерева ветром революции, они пытались выдать за падение самого дерева. Однако и на этот раз их ждало жестокое разочарование. Ни одна большевистская партийная организация не поддержала кучку растерявшихся, испугавшихся трудностей штрейкбрехеров. Вся партия осудила их поведение. Еще раз были убедительно продемонстрированы единство партии, ее сплоченность вокруг В. И. Ленина и ЦК. Но сама возможность штрейкбрехерского выступления настоятельно требовала усиления внутрипартийной работы. Это было необходимо тем более, что в ноябре — декабре 1917 г. появились признаки разлагающей деятельности так называемых «левых коммунистов», выступивших против мирной политики партии (их деятельность особенно активно развернулась зимой 1917 г. и весной 1918 г.).

Так партии сразу после Октября пришлось повести борьбу и против «правых», и против «левых».

---

[34] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями» (март — июль 1918 г.), т. 3. М., 1967, стр. 167—168.
[35] Там же, стр. 168.
[36] Там же, стр. 165.

Партийное строительство после Октября

В нашей исторической литературе долгое время бытовало, да, пожалуй, и сейчас еще бытует мнение, что перестройка партийно-организационной работы в послеоктябрьский период началась после VII съезда партии (март 1918 г.), а до этого вопросы партийного строительства якобы почти не ставились. Факты, однако, свидетельствуют об ином. Необходимость изменения и усиления внутрипартийной работы в связи с приходом партии к власти была сразу осознана руководящими партийными органами. Повестки дня заседаний ЦК РСДРП(б) конца 1917 — начала 1918 г. показывают, что вопросы партийной оргработы рассматривались на этих заседаниях несколько раз [37]. Руководствуясь решениями Центрального Комитета, Секретариат ЦК непосредственно после победы Октябрьского вооруженного восстания постоянно напоминал местным организациям о первостепенной важности партийной работы. Так, уже в начале ноября 1917 г. Секретариат ЦК писал в Курский комитет РСДРП(б): «Конечно, в настоящий момент умы заняты другим, но мы не можем бросать нашего партийного строительства...» [38]. Та же мысль несколько позже подчеркивалась в письме Секретариата ЦК Царицынскому комитету РСДРП(б): «Несмотря на всю важность работы в правительстве, земстве, муниципиях и т. д., крайне необходимо сохранить партию и ее организационный аппарат...» [39].

Но ЦК и его Секретариат, конечно, не ограничивались одними лишь общими указаниями и напоминаниями. Стремясь выяснить общую картину состояния местных партийных организаций, ЦК уже в ноябре 1917 г. разослал на места Опросный лист. Он был разработан ЦК еще в мае 1917 г., затем в июле — августе дополнен некоторыми пунктами. Теперь, после победы Октября, в него было включено еще 11 пунктов, и всего, таким образом, он состоял из 50 вопросов, на которые местные организации должны были сообщать в Центральный Комитет свои ответы не реже двух раз в месяц [40].

Опросный лист имел своей целью не только сбор информации. В сущности он являлся своеобразной инструкцией по организации партийной работы, разъясняя, как и в каких группах населения ее вести, какова должна быть структура партийного комитета, откуда черпать средства на издание газет и листовок, как работать в Советах, в муниципальных органах и т. п.

В ноябре — декабре 1917 г. Секретариат ЦК разослал на места циркулярное письмо местным партийным организациям, составленное Московским областным бюро. В этом письме указывались те общие мероприятия, которые местные парторганизации должны были осуществить в целях закрепления победы социалистической революции. К их числу относились: военно-революционные меры (прежде всего создание Красной гвардии), овладение государственными учреждениями, борьба с саботажем чиновников, закрытие погромных и контрреволюционных газет, налажи-

---

[37] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 151—153, 165—166 и др.
[38] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 13.
[39] Там же, стр. 53.
[40] Там же, стр. 59—63.

вание продовольственного дела и др.[41] Это письмо (как, впрочем, и другие советы и указания, поступавшие от центральных партийных органов) оказывало существенную помощь местным организациям, так как многие из них, не имея опыта практической работы по созданию нового, социалистического общества, остро нуждались в руководстве. Хорошо зная об этом, ЦК, несмотря на огромную перегруженность работой, стремился оказать местным партийным организациям быструю и разнообразную помощь. Уже в первой половине 1918 г. была установлена прочная связь с 540 партийными комитетами на местах, главным образом посредством переписки. В письмах содержались рекомендации по созданию новых партячеек, по налаживанию между ними тесной связи, по различным вопросам агитационно-пропагандистской работы, борьбы с контрреволюцией, укрепления Советской власти и проведения в жизнь первых социалистических преобразований. Не имея возможности направить на места необходимое число опытных партийных работников, ЦК посылал партийным комитетам большое количество газет и литературы, разъясняющей Устав и Программу партии, стоящие перед ней задачи и т. д. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что ЦК партии постоянно указывал на необходимость развития местной инициативы, проявления самодеятельности масс и низовых организаций. Интересно в этой связи привести отрывок из письма Секретариата ЦК, направленного в январе 1918 г. Смоленскому комитету РСДРП(б). В письме говорилось: «Вы правы, говоря, что на местах люди не умеют проводить в жизнь декреты, раз они не сопровождаются приказом о проведении в жизнь, но ваше предложение о циркулярах (имеются в виду циркуляры «сверху».— *И. М.*) неприемлемо... Это постоянное ожидание указки убивает самодеятельность и совершенно не приучает к проявлению инициативы. Точные указания и предписания будут по-прежнему приучать все к тому же: «барин приедет, барин рассудит». Пусть некоторое время кое-где будет застой, недоделанное и даже упущенное, а потом, видя, что указки нет, население само примется создавать свою жизнь»[42].

И действительно, преодолевая невероятные трудности, в тяжелейших условиях хозяйственной разрухи и вспыхивающих контрреволюционных мятежей местные партийные организации своей повседневной героической работой поднимали массы на строительство нового, социалистического общества. При этом вопросы партийного строительства постоянно стояли в центре их внимания. Эти вопросы, как правило, обсуждались на многочисленных областных и губернских партийных конференциях[43].

Петроградский комитет и районные партийные организации Петрограда начали принимать меры, направленные на активизацию партработы с конца ноября 1917 г. Уже в декабре были проведены перевыборы ряда районных комитетов. Для подготовки новых кадров 3 января 1918 г. при ПК была создана школа районного партийного актива. К концу декабря 1917 — началу января 1918 г. при райкомах начали постоянно действовать совещания представителей низовых партийных коллективов[44]. По-

---

[41] Там же, стр. 44—48.

[42] Там же, стр. 163.

[43] С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. состоялось около 30 таких конференций (*Ф. Г. Заикина.* Организационная перестройка Коммунистической партии после победы Октября.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 55).

[44] «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», т. II. Л., 1968, стр. 28.

степенно налаживался учет коммунистов. В декабре 1917 г. ПК ввел единый партбилет с марочной системой отметки членских взносов и провел перерегистрацию членов партии. К январю 1918 г. относятся первые упоминания о кандидатах в члены партии [45]. Опыт внутрипартийной работы в Петрограде был обобщен в Уставе Петроградской организации, разработанном в конце 1917 — начале 1918 г. Устав закреплял территориально-производственный принцип построения партийных организаций; высшим партийным органом коммунистов города становилась городская партийная конференция, а в перерывах между ее созывами — Петроградский комитет, избранный конференцией (ранее комитет составлялся из представителей районов). Число членов Петроградского комитета уменьшалось до 9 человек, но при комитете создавался совет, в который делегировались коммунисты с мест [46].

Московский комитет партии вынес постановление об улучшении партийной работы на местах 9 ноября 1917 г. Но наиболее активно эта работа развернулась в начале января 1918 г. после 6-й Московской окружной конференции. Эта конференция выработала ряд мероприятий, направленных на улучшение партийной работы в губернии. Намечалось проведение местных конференций и собраний партийных ячеек, создание новых ячеек и районных комитетов, усиление партийной работы среди крестьян [47], укрепление связей местных комитетов с окружным комитетом и др. [48]

В Самаре 25 января 1918 г. открылся II губернский партийный съезд. Наряду с другими вопросами в повестке дня стоял вопрос о партийной работе в губернии. На съезде был избран новый губком, которому поручалось обратить особое внимание на укрепление партийного руководства, повышение руководящей роли партийных организаций в социалистическом строительстве [49].

Вопросы, связанные с активизацией партийной работы, обсуждались почти на каждом заседании Царицынского горкома, которые проходили в декабре 1917 г. и январе — феврале 1918 г. Весной 1918 г. по решению горкома в губернии была проведена перерегистрация членов партии [50].

7 апреля 1918 г. состоялось городское партийное собрание в Симбирске, которое избрало новый комитет РКП(б). Комитет повел энергичную работу по укреплению старых и созданию новых партийных организаций. Особое внимание было уделено уездам, куда направлялись агитаторы.

---

[45] «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», т. II, стр. 29.

[46] Там же, стр. 29—30.

[47] Эта работа всегда была в центре внимания руководящих партийных органов Москвы и области. Так, в протоколе заседания узкого состава Московского областного бюро от 30 ноября 1917 г. записано: «Затем был доклад Е. Ярославского о деревенской работе. Принято решение возложить функции крестьянской секции на партийную по выборам в Учредительное собрание комиссию. Характер работы членов: посылка агитаторов на места, поручить им делать доклады по программным вопросам, организовать группы сочувствующих, создать деревенские комитеты, волостные и уездные объединения» (ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 44).

[48] «Очерки истории Московской организации КПСС (1883—1965)». М., 1966, стр. 301.

[49] «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС». Куйбышев, 1967, стр. 218—219.

[50] «Очерки по истории Волгоградской партийной организации». Волгоград, 1966, стр. 178, 180.

Введены были новые правила приема в члены партии, создавались группы сочувствующих [51].

Такого же рода деятельность проводилась многими партийными комитетами в других городах и губерниях страны [52].

Оказание конкретной практической помощи местным партийным организациям было лишь частью (и притом не главной) разнообразной работы в области партийного строительства, которая велась в период осени 1917 — зимы и весны 1918 г. Уже в это время основной задачей стала организационная перестройка партии в связи с качественным изменением ее положения: приходом к власти. Для того чтобы организовать управление страной и усилить влияние партии, необходимо было привести ее организационную структуру в полное соответствие с системой Советов, иначе говоря, «увязать» политику Советов с политикой партии. Важность решения этой проблемы была подчеркнута на заседании ЦК 29 ноября 1917 г.[53]

Между тем такого соответствия не было. Сеть Советов, как известно, покрыла всю страну, причем Советы возникли в губернских, уездных, волостных и других центрах, т. е. в основе их образования и деятельности лежал административно-территориальный принцип. По-иному обстояло дело с партийными организациями. Перед Октябрем они создавались по территориально-производственному признаку. Партийные ячейки различных заводов и предприятий объединялись в районные, городские, окружные и областные организации (военные организации строились в соответствии с подразделением частей). К концу октября 1917 г. имелось 13 областных [54], 343 районных и подрайонных и 288 городских партийных объединений [55]. После VI съезда партии стали возникать партийные ячейки в деревне, объединявшиеся в уездные и губернские комитеты (укомы и губкомы). К концу октября в стране насчитывалось 32 губкома и всего лишь 35 укомов [56]. Волостных же комитетов (волкомов) не было совсем.

В результате случалось так, что в одних местах Советы были лишены партийного руководства, часто уходили из-под партийного контроля, а в других, наоборот, практическая деятельность Советов подвергалась мелочной опеке со стороны парткомов. На этой почве на местах нередко возникали конфликты между исполкомами Советов, с одной стороны, и парткомами и их фракциями в Советах — с другой. Такое положение, конечно, было нетерпимым, ибо оно серьезно затрудняло проведение единой партийной линии.

Организационная перестройка партии прежде всего должна была, следовательно, идти по линии создания губкомов и особенно укомов и волко-

---

[51] «Очерки истории Ульяновской организации КПСС». Ульяновск, 1964, стр. 359—360.

[52] Следует отметить, что в большинстве очерков по истории местных партийных организаций (а они вышли во многих областях страны) уделено явно недостаточное внимание истории партийного строительства в конце 1917 — начале 1918 г. Это весьма существенный пробел, и ликвидировать его могут прежде всего ученые и авторские коллективы, работающие на местах.

[53] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 151.

[54] *Ф. Г. Заикина.* Организационная перестройка Коммунистической партии после победы Октября, стр. 52.

[55] *В. Аникеев.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 132.

[56] *Ф. Г. Заикина.* Организационная перестройка Коммунистической партии после победы Октября, стр. 52.

мов. Само собой понятно, что эта работа не могла завершиться в один или несколько месяцев: она требовала относительно продолжительного времени и в основном была закончена к концу 1918 г. Но важно подчеркнуть, что началась она уже в рассматриваемый нами период: в конце 1917 — начале 1918 г. Так, к февралю 1918 г. имелось уже 39 губкомов, 52 укома и 16 волкомов [57]. В дальнейшем резко возрастала численность укомов и особенно волкомов. К концу 1918 г. первых насчитывалось уже 350, а вторых — 1139 [58]. Постепенно, хотя и с большими трудностями, создавался аппарат губернских партийных комитетов. Обычно он состоял из организационного, агитационного, литературно-просветительного, финансового, военного и других отделов [59]. Что касается укомов и тем более волкомов, то всю работу в них в первые месяцы Советской власти вели обычно председатели комитетов — рабочие или солдаты-фронтовики, опиравшиеся на трудящиеся массы. В одном из сообщений, присланном в ЦК из Воронежской губернии, говорилось: «Деревенские массы, до сих пор питавшиеся глухими отзвуками города, сами принялись за организацию коммунистических ячеек. И те маленькие, никому не видные люди, партийные работники в деревнях и селах, совершают великое дело углубления партийной жизни, сохраняя бодрый дух и благородную энергию» [60].

Чтобы помочь местным партийным работникам, Секретариат ЦК 1 марта 1918 г. направил на места особую анкету (она была составлена Николаевским уездным комитетом партии Самарской губернии). Она содержала 27 вопросов, ответы на которые могли дать довольно полную картину партийной работы в ячейках и волкомах. Раз в неделю заполненная анкета должна была присылаться в уездный комитет [61].

Особо следует сказать о партийном строительстве и партийной работе в армии, которым большевики всегда уделяли огромное внимание.

После победы Октября на фронте старая армия фактически прекратила свое существование. Новая — Красная Армия первоначально создавалась на основе добровольчества (до мая 1918 г.). В этот период в формирующиеся красноармейские отряды влилось огромное число коммунистов. Как пишет исследователь этого вопроса Ю. П. Петров, «партийная прослойка в добровольческих частях Красной Армии была велика и составляла не менее 15—20%, а чаще ¼ личного состава» [62]. Всего коммунистов в Красной Армии в то время насчитывалось более 100 тыс.[63]

Первые парторганизации в воинских частях возникли в Петрограде. В марте образовалось 7 организаций, в апреле — 11, в мае — 7 [64]. Примерно в это же время или чуть позже появились первые партийные ячейки в отрядах Красной Армии, расположенных в Москве (особенно в Латышской стрелковой дивизии), Орле, Курске, Минске, Уфе, Тирасполе, южноуральских отрядах, которыми командовал В. К. Блюхер, и др.

[57] *Ф. Г. Заикина.* Организационная перестройка Коммунистической партии после победы Октября, стр. 56.
[58] **Там же.**
[59] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 64.
[60] Там же, стр. 62.
[61] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 3, стр. 5—6.
[62] *Ю. П. Петров.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918—1961). М., 1964, стр. 12.
[63] Там же.
[64] **Там же.**

Круг деятельности красноармейских партийных ячеек был весьма разнообразен. Они занимались вопросами воинского обучения, дисциплины, снабжения, агитационно-пропагандистской работой и т. д. Единообразия в руководстве первыми партийными организациями Красной Армии не существовало. Ими руководили либо Военная организация РКП(б), либо местные партийные комитеты. Но 15 марта 1918 г. ЦК партии принял решение о ликвидации Всероссийского бюро военных организаций и передаче всего его имущества «в кассу ЦК» [65]. 22 марта исполнительный коллектив Военной организации РКП(б) объявил ее ликвидированной и предписал всем армейским ячейкам объединиться с общепролетарскими партийными организациями. Теперь армейские ячейки подчинялись ЦК и местным партийным комитетам. Это позволяло укрепить связь пролетарских и армейских партийных коллективов. Нужно сказать, что местные комитеты постоянно обсуждали армейские дела на своих заседаниях. Так, Петроградская организация с января по июль 1918 г. пять раз обсуждала вопросы партийного строительства в Красной Армии [66].

Но вполне естественно, что у красноармейских партийных организаций были свои специфические вопросы, требующие обсуждения и решения. 18—20 апреля 1918 г. в Петрограде состоялась 1-я конференция армейских коммунистов. На ней присутствовало 117 делегатов от 57 армейских коллективов, представлявших 2451 члена партии. Конференция обсуждала следующие вопросы: о текущем моменте, об организации Красной Армии, о командном составе, о партийной работе и др. Конференция признала желательным создать при районных и городских комитетах партии специальные комиссии по военным вопросам и выработала «Инструкцию партийным организациям войсковых частей» [67].

Резолюции Петроградской конференции легли в основу работы конференции воинских частей других районов страны.

В дальнейшем, в связи с усилением реальной угрозы интервенции, все острее. Декретом Совнаркома от 8 апреля 1918 г. учреждались волостзадачи подъема общего политического уровня красноармейцев ставились ные, уездные, губернские и окружные военные комиссариаты. Одновременно было создано Всероссийское бюро военных комиссаров, которое должно было объединять и направлять работу военных комиссаров на фронте и в тылу [68].

В начале марта 1918 г. Центральный Комитет партии (как и Совнарком) переехал в Москву [69]. Это было сопряжено с целым рядом трудностей организационного характера, в том числе и в столь важной сфере, как поддержание прочной связи с местными партийными организациями. Вначале письма в ЦК по-прежнему поступали в Петроград, причем секретарь ЦК Е. Д. Стасова (она осталась в Петрограде) в течение некоторого времени в своих ответах не могла даже указать точного московского адреса

---

[65] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 3, стр. 25—26.

[66] *Ю. П. Петров.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте, стр. 11.

[67] Подробнее об этом см.: *Ю. П. Петров.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте, стр. 15; *он же.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии. М., 1961, стр. 102—103.

[68] Подробнее об этом см.: *Ю. П. Петров.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте, стр. 34—57.

[69] В Петрограде некоторое время работало Бюро ЦК в составе шести человек. Для решения важных вопросов они вызывались в Москву.

ЦК[70]. Но эти трудности были, конечно, временные. 9 апреля 1918 г. Е. Д. Стасова писала К. Т. Новгородцевой в Москву: «Конечно, сейчас переписка значительно схлынула и, вероятно, перекочевала к Вам. Думаю, что с помощью Юр. Ник. и его жены, а также и архива переписки Вы уже вошли целиком в курс дела и потому связь с провинцией останется живой»[71].

Уже к весне 1918 г. стали сказываться первые результаты партийного строительства, начавшегося сразу после победы Октября. В некоторых местах партийные комитеты сами приступили к укреплению своих рядов. Так, в частности, было даже в столь отдаленном городе, как Петрозаводск, куда 30 марта 1918 г. из Секретариата ЦК писали: «Приветствуем вас с вашей энергичной работой по части основательной чистки партии от всех случайных элементов...»[72]. На заявления с мест о принятии в партию Секретариат ЦК направлял ответы, в которых указывал на необходимость соблюдения всех пунктов Устава. В качестве примера приведем письмо Секретариата ЦК от 20 марта Е. Я. Корнееву, который стал инициатором создания парторганизации в станице Букановской на Дону. В письме говорилось: «На месте Вы можете организовать группу сочувствующих большевикам и вести работу согласно постановлению партии, затем списаться с ближайшими партийными организациями, просить их послать к Вам временно опытных партийных товарищей, которые дали бы Вам указания, как вести партийную работу, как строить организацию. И когда две ближайшие организации дадут нам о Вас отзыв, что вся собранная Вами группа сочувствующих достаточно знакома с программой и ведет работу в духе партии, тогда ЦК может признать вас партийной организацией»[73].

В то же время партийные организации сами стали предъявлять более жесткие требования при приеме в партию. Так, многие организации все более настойчиво требовали от вступающего рекомендаций двух членов партии с дореволюционным стажем. Стали применять и публикацию в газетах списков вновь вступающих в партию. Если не поступало отводов, вопрос о принятии в партию ставился на обсуждение партийного собрания. Многие организации начали практиковать прохождение кандидатского стажа. Появились первые группы сочувствующих, которые являлись как бы подготовительной школой к членству в партии. В качестве примера приведем отдельные пункты из Устава организации сочувствующих, утвержденного Рязанской общегородской конференцией летом 1918 г.

«...2) В группы сочувствующих входят все, кто поддерживает Российскую Коммунистическую партию (большевиков) в ее борьбе за освобождение пролетариата и всего трудового народа от политического и экономического рабства.

3) Несогласие с отдельными пунктами партийной программы или с каким-либо решением не является препятствием для принятия в группу

---

[70] Вначале он помещался в гостинице «Дрезден» на Скобелевской (ныне Советской) площади. Некоторые его отделы находились в Кремле, на Воздвиженке (ныне проспект Калинина), в гостинице «Националь».

[71] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 3, стр. 171. В письме речь идет о Ю. Н. Флаксермане и его жене С. А. Флаксерман, работавших с К. Т. Новгородцевой в Секретариате ЦК.

[72] Там же, стр. 43.

[73] Там же, стр. 33.

сочувствующих, причем это расхождение должно быть оговорено при вступлении или при принятии решения.

4) Прием в группу сочувствующих производится по рекомендации одного члена партии или одного сочувствующего и утверждается местной партийной ячейкой.

...6) В группу сочувствующих совершенно не допускаются члены других политических партий» [74].

Уже в апреле были проведены первые перерегистрации (например, в Петроградской организации), цель которых состояла в том, чтобы освободиться от чуждых элементов. В результате всех этих мероприятий некоторые парторганизации значительно уменьшались по числу членов, но зато в них повышались дисциплина и ответственность коммунистов за порученное дело.

Партийная работа на местах постепенно активизировалась. 3 марта Секретариат ЦК в своем письме Новониколаевскому комитету РСДРП(б) (Томская губерния) отмечал: «Конечно, недостаток в людях везде огромный, и вследствие этого есть много недочетов в работе, но понемногу дело приходит в норму, люди помаленьку привыкают к новым требованиям, и аппарат начинает работать исправнее» [75].

Определенные успехи в налаживании партийного аппарата, достигнутые осенью 1917 — весной 1918 г., позволили Центральному Комитету в полной мере развернуть работу в области партийного строительства с мая 1918 г. Начало этой работе было положено «Циркулярным письмом ЦК РКП(б) комитетам, группам и всем членам партии» [76] и «Обращением ЦК РКП(б) к комитетам, группам и членам партии» [77]. Значение этих двух документов заключалось в том, что отныне внимание партийных работников сосредоточивалось на внутрипартийной работе, которая выдвигалась на первый план.

Решительными и последовательными мерами, которые начали проводиться сразу после победы Октября, партия перестраивала и укрепляла свои ряды, чтобы сохранить организацию такой же единой и монолитной, какой она была на протяжении всей ее истории. В этом была жизненная необходимость, ибо Советская Россия шла навстречу великим преобразованиям и суровым испытаниям.

---

[74] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 165—167.

[75] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 3, стр. 10. Показательно в этом отношении собрание широкого состава Московского областного бюро, состоявшееся 28 декабря 1917 г. На нем, в частности, обсуждался вопрос о перестройке работы Бюро. Некоторые его члены предлагали ограничить работу Бюро чисто информационными функциями. Это, однако, было отвергнуто на том основании, что превращение «ОБ в информационный орган поведет к распаду партии, расстроив ту работу, *которая в данное время налаживается*» (курсив наш.— *И. М.*) (ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 15, л. 28).

[76] «Правда», 22 мая 1918 г.

[77] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 3, стр. 81—83.

2

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Организация центральных органов Советской власти — Совнаркома и ВЦИК

Основоположники марксизма учили, что государство диктатуры пролетариата, владея от имени и в интересах народа средствами производства, будет не только орудием подавления (эту роль играют и буржуазные государства), но и орудием созидания, построения нового, социалистического общества. В отличие от диктатуры буржуазии — орудия подавления большинства народа в интересах эксплуататорского меньшинства — диктатура пролетариата является орудием господства трудящегося большинства над эксплуататорским меньшинством общества. Таким образом, пролетарское государство — государство нового типа, в корне отличное от эксплуататорских государств по своим задачам, характеру и методам деятельности.

Обобщив опыт Парижской Коммуны, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что в результате социалистической революции пролетариат должен сломать старую государственную машину, созданную буржуазией, и заменить ее своей, совершенно новой государственной машиной.

Учение Ленина о Республике Советов как государственной форме диктатуры пролетариата стало ярким прожектором, осветившим пути государственного строительства после победы социалистической революции.

Еще накануне Октябрьской революции Ленин раскрыл преимущества Советов как наиболее массовых, революционных и демократических организаций, объединяющих всех трудящихся без различия пола, расы, национальности. Через Советы, указывал Ленин, наиболее полно и гибко осуществляется руководящая роль пролетариата в политической борьбе масс, в Советах воплощается союз рабочего класса и крестьянства. Именно Советы могли наилучшим образом решить три основные задачи диктатуры пролетариата: во-первых, сломить сопротивление свергнутых революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать попытки реставрации капитализма; во-вторых, сплотить всех трудящихся вокруг пролетариата в целях строительства социализма; в-третьих, вооружить революцию, организовать оборону страны от внешних врагов.

Но указывая на то, что Советская власть является наилучшей формой диктатуры пролетариата, В. И. Ленин допускал возможность развития форм государственной власти пролетариата, их разнообразие.

«Все нации придут к социализму, это неизбежно,— писал В. И. Ленин,— но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата...» [78]

Пролетариат России, руководимый большевистской партией, шел к вооруженному восстанию, имея уже готовые формы своей государственной власти. Но чтобы новая власть, провозглашенная II Всероссийским съездом Советов, могла управлять страной, необходимо было, во-первых, сло-

---

[78] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 123.

мать старую, буржуазную государственную машину, во-вторых, построить новый, советский государственный аппарат, приспособляя его к выполнению задач диктатуры пролетариата. Оба эти процесса были неотделимы друг от друга.

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной незадолго до Октябрьской революции, В. И. Ленин писал: ««Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [79].

Следует тут же указать, что В. И. Ленин считал, что сломать необходимо преимущественно «угнетательский аппарат»: старую армию, суд, полицию, касту бюрократического чиновничества, но аппарат, выполняющий «массу работы учетно-регистрационной» (банки, синдикаты, управления транспортом и т. д.), разбивать нельзя. «Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным» [80]. Советская власть должна была использовать и ту часть служащих старых ведомств, которая готова была перейти на службу революции.

Таково было принципиальное отношение большевиков к старому государственному аппарату, его отдельным частям.

Строительство Советского государства началось с организации его центральных органов. Первыми шагами в решении этой задачи были образование II Всероссийским съездом Советов Совнаркома и ВЦИК.

Образованию правительства Советского государства В. И. Ленин придавал особенно большое значение. Еще до победы вооруженного восстания в Петрограде он обдумывал вопросы его организации и роль в условиях диктатуры пролетариата. Ленин считал, что правительство должно быть центральным органом Советской республики, который возглавит всю работу по слому старого и созданию нового государственного аппарата, будет осуществлять внутреннюю и внешнюю политику пролетариата.

Избранное II Всероссийским съездом Советов правительство Советской республики, возглавляемое В. И. Лениным, состояло из народных комиссаров — руководителей комиссий (народных комиссариатов): 1) по внутренним делам (А. И. Рыков), 2) земледелия (В. П. Милютин), 3) труда (А. Г. Шляпников), 4) по делам военным и морским (комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко), 5) торговли и промышленности (В. П. Ногин), 6) народного просвещения (А. В. Луначарский), 7) финансов — И. И. Скворцов (Степанов), 8) иностранных дел — Л. Д. Бронштейн (Троцкий), 9) юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов), 10) продовольствия — И. А. Теодорович, 11) почт и телеграфа — Н. П. Авилов (Глебов), 12) по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин) и 13) железнодорожным, оставшийся временно незамещенным. В ноябре постановлением ВЦИК были созданы еще два народных комиссариата — государственного контроля (нарком Э. Э. Эссен)

---

[79] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 303.
[80] Там же, стр. 307.

и государственного призрения (в апреле 1918 г. переименован в Наркомат социального обеспечения) (нарком А. М. Коллонтай).

Комиссия по военным и морским делам 6 ноября была преобразована в два самостоятельных комиссариата: по военным делам и по морским делам. Эти комиссариаты возглавили Н. И. Подвойский и П. Е. Дыбенко [81].

В первые дни после победы вооруженного восстания Совет Народных Комиссаров занимал две комнаты в Смольном. В одной из них работал председатель Совнаркома В. И. Ленин, во второй, разделенной перегородкой на две части, разместились управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич и секретарь Н. И. Горбунов с двумя сотрудниками канцелярии. Здесь обосновались и некоторые народные комиссариаты. Над одним столом висела надпись «Народный комиссариат финансов». Весь «штат» этого комиссариата состоял из одного В. Р. Менжинского, исполнявшего обязанности наркома, так как И. И. Скворцов (Степанов), избранный наркомом II съездом Советов, находился в Москве и к работе в наркомате не мог приступить [82].

Советское правительство начало управлять страной в обстановке исключительных трудностей. Аппарата управления Совнарком еще не имел, не было такого аппарата и на местах. Еще продолжалась вооруженная борьба с сопротивлявшимися силами контрреволюции, хозяйство находилось в состоянии развала, на страну надвигался голод.

Буржуазия и ее прислужники — меньшевики и эсеры запугивали рабочий класс ужасами «хаоса», «развала государства». Они утверждали, что трудящиеся сами, без буржуазной интеллигенции, не способны управлять государством. Уничтожение буржуазного государства и власти эксплуататоров они изображали как уничтожение страны и «гибель цивилизации».

Враги революции не только пророчествовали, не только пугали. Они делали все, что было в их силах, чтобы помешать пролетариату строить свое государство. В частности, они старались не дать Советской власти возможности использовать, поставить себе на службу какие-либо части старого государственного аппарата.

26 октября газета «Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов», в редакции которой еще сидели соглашатели, писала: «Вчера мы назвали большевистское восстание безумной авантюрой. Сегодня, когда оно увенчалось успехом в Петрограде, мы не изменяем своего мнения... Мы совершенно уверены в том, что большевики не в состоянии будут организовать государственную власть».

Одним из средств, с помощью которых антисоветские силы хотели помешать пролетариату организовать управление страной, был контрреволюционный саботаж чиновников. Это был расчет на дезорганизацию всей жизни страны.

Организаторами саботажа являлись партии кадетов, меньшевиков и эсеров. Во главе саботажников стояли руководимые ими «Комитет спасения родины и революции», «Союз защиты Учредительного собрания», подпольное «Временное правительство», состоявшее из нескольких министров

---

[81] *М. П. Ирошников.* Создание Советского центрального государственного аппарата. М.— Л., 1966, стр. 50.

[82] Назначенный II Всероссийским съездом Советов наркомом юстиции Г. И. Оппоков (Ломов) был направлен решением ЦК РСДРП(б) на работу в Москву, и руководство комиссариатом осуществлял П. И. Стучка.

и главным образом заместителей министров, оставшихся на свободе после ареста Временного правительства [83].

Руководящую роль в организации саботажа играли также Петроградская и Московская городские думы. Был, в частности, создан «Центральный Совет стачечных комитетов учреждений и ведомств города Петрограда». Средства для саботажников поступали от различных торговых и промышленных фирм и банков, из кассы ВЦИК 1-го созыва. На финансирование саботажников пошли также 40 млн. руб., захваченных в Государственном банке министрами Временного правительства. Газета «День» организовала подписку в фонд саботировавших чиновников.

Формы саботажа были разнообразны: отказ от работы, сознательное запутывание дел, «итальянские забастовки».

Уже 26 октября начался саботаж служащих 14 министерств и многих учреждений Петрограда. Характерны были преступные действия чиновников — саботажников Военного министерства: они перепутали картотеку убитых, раненых и пропавших без вести на войне. Тем самым они лишили Советскую власть возможности давать миллионам людей справки о судьбе их близких, а также оказывать помощь семьям погибших. Служащие министерства, оставшиеся верными народу, начали приводить картотеку в порядок, но преступники по ночам снова перепутывали ее.

Прекратив работу в банках и казначействе, саботажники стремились лишить рабочих заработной платы, население городов — продовольствия. Это было одной из многочисленных попыток спровоцировать недовольство населения Советской властью.

Не только в Петрограде и Москве, но и в других городах страны произошли забастовки, в которых участвовали чиновники почты, телеграфа и других учреждений. Саботажниками принимались меры к остановке трамвая, нарушению нормальной работы коммунальных учреждений.

Так, в Самаре в течение целой недели (с 27 октября — по 3 ноября) продолжалась забастовка служащих и работников телеграфной станции. Она прекратилась лишь после ввода на телеграф роты революционных солдат и распоряжения комиссара о том, что все неявившиеся на работу будут уволены. Во многих городах бастовали служащие суда, казенных и контрольных палат, губпродкомов.

В своем выступлении на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде 13 января 1918 г. В. И. Ленин говорил:

«Я должен сказать, что никогда эксплуатируемые классы не смогут освободиться, если они не создадут твердой, беспощадной, революционной власти. Относительно саботажников я скажу, товарищи, что мы знаем адреса квартир, на которые приходили чиновники-саботажники и расписывались в получении жалованья за три месяца вперед, на что было выдано Рябушинским 5 миллионов, а англо-французскими империалистами столько-то, а румынскими столько-то. Вот что такое саботаж: это подкупленные лица, высшие служащие, преследующие только одну цель: сорвать Советскую власть, хотя многие из них этого не знают. Саботаж, это — стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся. Но для того, чтобы им эта цель не удалась, нам надо сломить их сопротивление» [84].

---

[83] Подпольное «Временное правительство» было ликвидировано 20 ноября 1917 г.
[84] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 308.

Лишь небольшая часть служащих, низший технический персонал министерств и учреждений отказались от участия в саботаже. 8 ноября 1917 г. были опубликованы резолюции, в которых служащие Министерства торговли и промышленности и Министерства продовольствия протестовали против саботажа чиновников [85]. Собрание почтово-телеграфных служащих Москвы 14 ноября выразило протест против саботажа и постановило образовать «Комитет содействия новой власти» [86]. Получив решение общего собрания Сената о непризнании Совнаркома, рабочие сенатской типографии отказались его напечатать и заявили, что считают себя в распоряжении Советского правительства [87].

В этот период особенно велика была роль Петроградского Военно-революционного комитета. После II Всероссийского съезда Советов 29 октября ВЦИК ввел в состав ВРК 13 своих членов [88], и он стал называться ВРК ВЦИК. Из боевого штаба восстания ВРК превратился в чрезвычайный орган государственной власти рабочих и крестьян, осуществлявший решения Совнаркома и ВЦИК.

Деятельность ВРК охватывала всю страну. Он заслушивал сообщения с мест о положении в Москве, Харькове, Архангельске, Курске, Пскове, Донбассе, Нижнем Новгороде, Владимире, Самаре. ВРК оказывал помощь местным Советам в борьбе за власть, посылал в провинцию агитаторов, инструктировал местные ВРК. Опираясь на Красную гвардию, революционных солдат и матросов, ВРК наносил решительные удары по контрреволюции, по саботажникам.

В своем обращении от 7 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет призывал всех граждан к борьбе с саботажем. В обращении говорилось, что эксплуататорские классы оказывают сопротивление Советскому правительству, что их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п. ВРК предупреждал эти классы: если они не прекратят саботаж и доведут дело до прекращения подвоза продовольствия, то они же первыми почувствуют на себе всю тяжесть создаваемого ими положения.

«*Богатые классы и их прислужники*,— указывалось в обращении,— *будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы, имущество главных виновников будет конфисковано.*

Мы выполнили свой долг — мы предостерегли играющих с огнем.

Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех рабочих, солдат и крестьян» [89].

В предписании Совнаркома Военно-революционному комитету, написанном В. И. Лениным и опубликованном 12 ноября, предлагалось «при-

---

[85] «Летопись Великой Октябрьской социалистической революции». М.— Л., 1942, стр. 52.
[86] «Социал-демократ», 15 ноября 1917 г.
[87] «Армия и флот», 26 ноября 1917 г.
[88] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 1. М., 1966, стр. 275.
[89] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 2. М., 1966, стр. 187.

нять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр.» [90]

17 ноября Петроградский Совет вынес постановление, в котором говорилось о необходимости порвать с гнилым буржуазным предрассудком, согласно которому управлять государством могут только буржуазные чиновники: «Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнетом капитала и нужды организаторские силы» [91].

24 ноября ВРК объявил всех саботирующих работу чиновников государственных и общественных учреждений врагами народа. «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профессиональные союзы, кооперативы и все вообще народные организации,— говорилось в обращении,— приглашаются установить над контрреволюционными чиновниками, подрывающими народную власть, бдительный и суровый надзор» [92].

Решительно вели борьбу с саботажниками и ревкомы на местах. 4 ноября ревком Самары выпустил воззвание, объявляющее всех участников политических стачек против Советской власти изменниками революции и народа и подлежащими немедленному аресту.

В Иваново-Вознесенске в первых числах ноября были арестованы саботировавшие почтово-телеграфные служащие. Спустя 5 часов они дали подписку, что будут исправно исполнять свою работу [93].

Функции ВРК сокращались по мере организации аппарата наркоматов и ВЦИК. На заседании Совнаркома 25 ноября В. И. Ленин внес предложение «о разгрузке ВРК». Было решено освободить ВРК от излишней работы, для чего предложить «всем ведомствам перенять у Военно-революционного комитета все касающиеся их ведомств дела» [94].

5 декабря ВРК принял постановление о своем роспуске. Все его дела передавались в соответствующие отделы ВЦИК, Совнаркому, а также Петроградскому или районным Советам [95].

На этом закончилась славная боевая деятельность Петроградского Военно-революционного комитета.

Большие трудности Совнаркому на первоначальном этапе его деятельности создали оппортунисты, подрывавшие его деятельность изнутри. Поводом для них стал ультиматум Викжеля от 28 октября о создании «однородного социалистического правительства».

Мы уже писали, что штрейкбрехеры Октября Зиновьев и Каменев испугались давления Викжеля, потребовавшего создания «однородного социалистического правительства» от большевиков до народных социалистов включительно под угрозой объявления всеобщей железнодорожной стачки.

Ультиматум Викжеля требовал создания вместо Совета Народных Комиссаров нового правительства с включением в него меньшевиков и правых эсеров, не признававших власти Советов, выступавших против

---

[90] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 89.
[91] «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 18 ноября 1917 г. (далее — «Известия»).
[92] «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 3. М., 1966, стр. 319.
[93] «Бюллетень ЦК РСДРП(б)», 4 ноября 1917 г.
[94] «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3, стр. 349.
[95] Там же, стр. 569.

социалистической революции и диктатуры пролетариата. Создание такого правительства, по меткому выражению Н. К. Крупской, означало бы «впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, не способное спеться, сдвинуться с места» [96].

ЦК РСДРП(б) признал необходимым вступить в переговоры с Викжелем, чтобы выиграть время, разгромить мятежи Керенского и юнкеров, предотвратить возможность всеобщей стачки железнодорожников. При этом, как уже говорилось, ЦК дал точные директивы назначенной им делегации для ведения переговоров: правительство должно быть ответственным перед ЦИК Советов, избранным II Всероссийским съездом Советов; правительство признает советские декреты о мире, о земле и решение о введении рабочего контроля.

Однако штрейкбрехеры Октября нарушили эти директивы и приняли деятельное участие в переговорах, обсуждая вопрос о создании правительства, которое должно было быть ответственно не перед ЦИК Советов, а перед восстановленным и пополненным Предпарламентом. По сути дела Каменев и его сторонники своим поведением способствовали эсерам и меньшевикам в их попытке ликвидировать Советскую власть мирно, путем переговоров.

В ночь на 2 ноября ЦК РСДРП(б) осудил поведение делегатов, нарушивших его директивы. Еще 1 ноября ВЦИК в свою очередь принял резолюцию, отвергавшую так называемое однородное социалистическое правительство. Решение ВЦИК было единогласным: за него голосовали и левые эсеры, и даже штрейкбрехеры Октября. Казалось бы, что вопрос был исчерпан. Но согласие левых эсеров и оппортунистов-большевиков было притворным. Левые эсеры, поддержавшие большевиков на II съезде Советов, оставались вместе со своими правыми коллегами в составе Советов и других организаций, подвергались систематическому давлению со стороны правых и то и дело колебались в сторону контрреволюции. Они знали также о том, что Зиновьев, Каменев и их сторонники не сложили оружия в борьбе против Ленина и ЦК партии. Левые эсеры решили использовать это обстоятельство.

1 ноября левые эсеры единогласно проголосовали за резолюцию большевиков, отвергавшую предложение Викжеля, а 2 ноября они выступили во ВЦИКе с заявлением, что «позиция, занятая большинством ЦИК в вопросе о создании общесоциалистической власти, делает образование последней невозможным и этим толкает страну в пропасть дальнейшей гражданской войны» [97].

Левые эсеры ультимативно потребовали пересмотреть постановление ЦИК о платформе только вчера единогласно принятого соглашения.

Колебания левых эсеров окрылили и штрейкбрехеров Октября. Зиновьев, зачитав постановление ЦК партии большевиков, заявил, что фракция большевиков его не обсуждала, и предложил устроить перерыв заседания ЦИК. В 3 часа 15 мин. утра 3 ноября Каменев огласил резолюцию ЦК большевиков, в которую фракция внесла ряд изменений, идущих навстречу требованиям левых эсеров, отстаивавших линию Викжеля. Оппозиция тем самым нарушала Устав партии, согласно которому фрак-

---

[96] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, стр. 319.

[97] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва». М., 1918, стр. 21.

ция должна подчиняться постановлениям ЦК партии. Измененная резолюция предлагала расширить ЦИК до 150 человек, присоединить к ним 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 — от войсковых частей и флота, 40 — от профессиональных союзов (25 — от Всероссийских профессиональных объединений, 10 — от Викжеля и 5 — от почтово-телеграфного союза), 50 — от Петроградской городской думы. В правительстве не менее половины мест должно было быть предоставлено большевикам, а министерства труда, внутренних дел и иностранных дел при всех условиях должны были находиться в руках большевиков.

Уступки оппозиции были с удовлетворением приняты левыми эсерами: резолюция Каменева была принята большинством (против 6 и 1 воздержавшийся). ВЦИК по предложению левоэсеровской фракции выделил комиссию для продолжения переговоров с Викжелем в составе: Каменев, Зиновьев, Рязанов — от большевиков, Карелин и Прошьян — от левых эсеров.

Сразу после заявления левых эсеров о поддержке резолюции Каменева Прошьян предложил, чтобы министерство земледелия было предоставлено левым эсерам. Выходило, что рука руку моет: оппортунисты из большевиков пошли на уступки, а левые эсеры в ответ отказались от своего прежнего отрицательного отношения к вхождению в Совнарком и согласились войти в состав реорганизуемого правительства. Таким образом, образовался блок левых эсеров и оппортунистов — штрейкбрехеров Октября.

Антипартийное поведение Каменева, Зиновьева и их сторонников было немедленно разоблачено ЦК партии большевиков. Ленин принял срочные меры для разгрома оппозиции, которая срывала решения ЦК и грозила партии расколом. По свидетельству члена ЦК А. С. Бубнова, 3 ноября Ленин приглашал к себе в кабинет членов ЦК и знакомил их с текстом составленного им ультиматума оппозиции. Ультиматум подписали 10 членов и кандидатов ЦК: В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, А. А. Иоффе, М. К. Муранов, Я. М. Свердлов, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий.

Центральный Комитет потребовал от оппозиционеров подчинения партийной дисциплине и проведения политики ЦК [98]. В ответ на это Каменев, Рыков, Зиновьев, Милютин и Ногин 4 ноября заявили о выходе из ЦК, а народные комиссары Ногин, Рыков, Милютин и Теодорович [99] — о выходе из Совнаркома. Это был удар в спину революции.

Враги Советской власти оценили эти события как начало краха, раскола партии. Находившийся в Ставке Чернов спешно дал правым эсерам в Петроград директиву взять курс на политическую изоляцию большевиков и «в интересах дела» войти в переговоры с левыми эсерами [100]. Но бегство кучки дезертиров не могло приостановить победоносного хода социалистической революции. Вся большевистская партия единодушно поддержала Центральный Комитет.

8 ноября по предложению ЦК партии Каменев был снят с поста председателя ВЦИК. На этот пост был избран верный ленинец Я. М. Свердлов. Зиновьев был снят с поста председателя Петроградского Совета, Ногин —

---

[98] Там же, стр. 48.
[99] И. А. Теодорович вскоре вернулся на свой пост.
[100] ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 55, л. 51.

с поста председателя Московского Совета. Партия направила в Совнарком новых работников: Г. И. Петровский был назначен народным комиссаром внутренних дел, А. Г. Шлихтер — наркомом земледелия. Наркому труда А. Г. Шляпникову правительство поручило временно исполнять обязанности наркома торговли и промышленности [101].

Центральный Комитет партии исключил дезертиров из своего состава, оставив лишь Зиновьева, который взял свою отставку обратно и выступил в печати с покаянным заявлением.

Твердая и последовательная линия ЦК партии и Советского правительства встретила полную поддержку партийных организаций и трудящихся масс. Со всех концов страны в Смольный шел поток телеграмм, писем, резолюций с одобрением политики партии. Петроградские большевики на экстренной общегородской конференции 4 ноября (на ней выступил В. И. Ленин) осудили «тех, кто пытался внести дезорганизацию и раскол в партийные ряды» [102]. Большевики Нарвской заставы столицы приняли резолюцию, в которой говорилось: «Мы заявляем ушедшим комиссарам и членам ЦК большевиков Каменеву и Зиновьеву, что рабочий класс не простит им дезертирства с ответственных постов в столь грозный момент» [103]. Московская партийная организация полностью поддержала ЦК. Московский комитет объявил Рыкову и Ногину порицание и предупредил их, что они не будут допущены к работе в Совете, если не откажутся от своей оппортунистической позиции [104]. Харьковская партийная конференция 9 ноября единогласно осудила поведение дезертиров и предложила ЦК «в случае продолжения такой тактики с [их] стороны... поступать с ними, как со всякими дезорганизаторами рабочего дела и пролетарской партии» [105].

Луганский комитет большевиков заявил: «Луганский комитет РСДРП(б) приветствует Центральный Комитет за стойкую и правильную позицию, занятую им в этот исторический момент, переживаемый международным пролетариатом, в то же время выражает свое глубокое возмущение товарищами, дезертировавшими из Народного Комиссариата и Центрального Комитета партии, и настаивает на исключении из партии тех из них, которые не вернулись к своим постам» [106].

На фабриках и заводах, в армейских частях, в селах и деревнях принимались резолюции, в которых рабочие, солдаты и крестьяне выражали полное доверие Советскому правительству, осуждали оппозиционеров-дезертиров, а также эсеров и меньшевиков.

Рабочие-железнодорожники сурово осудили контрреволюционную деятельность Викжеля. Так, собрание мастеровых паровозных мастерских и рабочих Николаевской железной дороги приняло резолюцию: «Викжель арестовать и препроводить в Военно-революционный комитет» [107].

Железнодорожники станции Петроград Балтийской линии Северо-За-

---

[101] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 4, л. 4.
[102] «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. II. Л., 1968, стр. 9.
[103] Там же.
[104] «Очерки истории Московской организации КПСС». М., 1966, стр. 291.
[105] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине». Киев, 1951, стр. 120.
[106] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 285.
[107] «Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета». М., 1957, стр. 287.

падной железной дороги вынесли следующую резолюцию: «...2. Приветствовать Военно-революционный комитет и Совет Народных Комиссаров. 3. Строго осуждаем и протестуем против деятельности Викжеля, как не отражающего мнения железнодорожного пролетариата...» [108]

Потерпев провал, Викжель и после этого еще продолжал свои попытки спасти контрреволюцию: созывал главные дорожные комитеты, где отстаивал свою позицию; связывался с армейскими соглашательскими комитетами; принимал участие в сговоре контрреволюционных сил — Каледина, Украинской Центральной рады и т. д. Но неумолимый ход революции, как и предвидел Ленин, расстроил все эти планы: рабочие-железнодорожники все настойчивее выступали против Викжеля. Процесс этот нарастал изо дня в день и закончился тем, что в декабре 1917 г. Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников выразил Викжелю недоверие, а в январе 1918 г. Викжель был ликвидирован. Викжель окончательно сошел со сцены, оставив после себя лишь термин «викжелянье», означавший колебания, попытку усесться между двумя стульями, добиться примирения двух классов с целью спасения диктатуры буржуазии.

Несмотря на все политические, экономические и организационные трудности, Совнарком шаг за шагом ломал сопротивление врагов диктатуры пролетариата и вводил в жизнь новые политические порядки, новую законность, новые социалистические отношения. В самые тяжелые дни в Смольном все дышало уверенностью в победе. «Ильич,— вспоминала Н. К. Крупская,— стоял в центре всей этой работы, организовывая ее..., это была работа, поглощавшая все силы, натягивавшая нервы до последней крайности; приходилось преодолевать чрезвычайные трудности, вести самую отчаянную борьбу, часто борьбу с близкими по работе товарищами» [109].

Советское правительство развернуло гигантскую деятельность во всех областях государственной жизни. В форме декретов оно давало массам руководящие указания по наиболее важным, принципиальным вопросам революционной перестройки страны. Посредством этих декретов проводилась политика большевистской партии. ЦК указывал партийным организациям, чтобы они руководствовались декретами Совнаркома как партийными директивами. Так, 6 декабря ЦК писал коммунистам Сумского Совета рабочих и солдатских депутатов: «Что касается общей линии, то следует руководствоваться декретами Народных Комиссаров» [110].

Декреты Советского правительства были особой формой пропаганды идей социализма в массах. По словам Ленина, первые декреты — это «инструкции, зовущие к *массовому практическому делу*» [111].

С 27 октября 1917 г. до 10 января 1918 г. (до III Всероссийского съезда Советов) было издано более 250 правительственных актов-декретов, постановлений, предписаний, обращений [112]. Из них примерно 56 касались организации новых органов власти, 35 — назначений руководителей советских правительственных учреждений, 20 — ликвидации старых правительственных учреждений, 14 — увольнения старых чиновников, 20 — вопросов национальных, 15 — национализации фабрик и заводов,

---

[108] Там же.
[109] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 335, 336.
[110] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. 2, стр. 79.
[111] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 199.
[112] Подсчитано по кн.: «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957.

14 — вопросов земли и мира, 5 — соглашений с другими партиями, 12 — Учредительного собрания, 20 — улучшения материального положения трудящихся, 23 — борьбы с контрреволюцией, 30 — ассигнований средств на различные государственные нужды.

В первое время в повестку дня заседаний Совнаркома включалось большое число вопросов — по 20—25. Здесь сказывалось отсутствие опыта государственной работы как у сотрудников аппарата Совнаркома, так и у народных комиссаров. Наркомы стремились даже небольшие ведомственные вопросы решать в правительстве. Владимир Ильич настойчиво требовал не допускать перегрузки заседаний Совнаркома, требовал от наркомов проявления большей инициативы и самостоятельности. Нередко он снимал с повестки мелкие вопросы и возвращал их на разрешение соответствующих ведомств. 23 декабря 1917 г. Совнарком создал специальную комиссию (Малый Совнарком) для рассмотрения сравнительно мелких дел, вопросов непринципиального характера.

Состав Совнаркома и число наркоматов изменились в связи с завершением переговоров с левыми эсерами. Как известно, за несколько часов до образования Советского правительства и до представления списка его членов на утверждение II Всероссийского съезда Советов большевики предложили представителям левых эсеров войти в состав Советского правительства [113]. Но левые эсеры, боясь открытого разрыва с правыми эсерами, не приняли предложения. 4 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК В. И. Ленин вновь предложил руководителям левых эсеров войти в состав правительства и занять, в частности, пост наркома земледелия [114], и они вновь отказались разделить с большевиками ответственность за судьбы страны.

Все же во второй половине ноября после длительных колебаний, под давлением массы рядовых членов, многие из которых уходили к большевикам, лидеры левых эсеров ответили согласием на предложения большевиков вступить в Советское правительство.

17 ноября на заседании ВЦИК по вопросу об изменении состава Совнаркома было принято следующее решение:

«1. Комиссариат земледелия передается партии левых с.-р.

2. Во все коллегии при Сов. Нар. Ком. левые с.-р. вводят своих представителей.

3. В Комиссариат земледелия большевики вводят своего представителя» [115].

Тем временем завершился организационный разрыв левых эсеров с правыми. Фактически раскол начался давно, задолго до Октябрьской революции. После победы вооруженного восстания в Петрограде ЦК партии эсеров исключил из партии всех левых эсеров, оставшихся на II Всероссийском съезде Советов. Фракция левых эсеров и Петроградский комитет эсеров, разделявший позиции левых, образовали временное Центральное бюро, поручив ему созвать партийный съезд. Их поддержали гельсингфорсский, воронежский и ряд других эсеровских комитетов. Все они были исключены ЦК эсеров из партии. 19 ноября открылся I съезд левых эсе-

---

[113] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 72.

[114] См. там же, стр 61.

[115] «Протоколы заседаний ВЦИК... II созыва», стр. 71. Представителем большевиков в Наркомземе стал В. Н. Мещеряков (секретарь коллегии земледелия).

ров, который оформил создание самостоятельной партии левых эсеров [116].

Разрыв левых эсеров с правыми помог им прекратить колебания и занять более самостоятельную позицию в вопросе о вхождении в состав Советского правительства.

24 ноября 1917 г. ВЦИК назначил народным комиссаром земледелия левого эсера А. Л. Колегаева [117]. Однако Колегаев к работе не приступил, так как левые эсеры все еще не приняли окончательного решения, добиваясь большего числа мест в правительстве. Переговоры продолжались. 7 декабря на заседании СНК состоялся обмен мнениями по поводу привлечения левых эсеров в министерства. Было принято решение: «После обсуждения считать приемлемым привлечение с.-р. в министерства с некоторым изменением условий, предложенных ими». 9 декабря 1917 г. СНК принял постановление, в котором говорилось о передаче некоторых наркоматов под начало левых эсеров и об оставлении Колегаева наркомом земледелия.

На этом же заседании Я. М. Свердлов сообщил о достижении полного соглашения с левыми эсерами, подчеркнув, что последние «обязуются проводить советскую политику» [118].

Так был заключен правительственный блок большевиков с левыми эсерами, обязавшимися в своей деятельности проводить общую политику Совнаркома. В Совнарком вошли 7 левых эсеров в качестве народных комиссаров: юстиции (И. З. Штейнберг), почт и телеграфа (П. П. Прошьян), земледелия (А. Л. Колегаев) и вновь созданных комиссариатов: по местному самоуправлению (В. Е. Трутовский) и имуществ Российской республики (В. А. Карелин); 2 левых эсера были назначены наркомами без портфелей [119]. Таким образом, стало 17 народных комиссариатов, а всего в составе Совнаркома — 21 член, из них 14 большевиков и 7 левых эсеров. Хотя левые эсеры и выступали в Совнаркоме по ряду вопросов против большевиков, однако, будучи в меньшинстве, они не могли изменить политику Советского правительства.

Народные комиссариаты формировались в сложной обстановке. Не хватало подготовленных кадров. Все делопроизводство, документация, различные данные, относящиеся к отдельным отраслям государственной жизни, находились в соответствующих министерствах, чиновники которых саботировали.

Советское правительство предприняло попытку овладеть аппаратом бывших министерств, рассчитывая временно, до организации аппарата наркоматов, использовать его для ведения текущей неотложной работы. Так, в декрете ВЦИК и СНК от 9 ноября 1917 г. об учреждении Государственной комиссии по просвещению говорилось: «Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения. Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению» [120].

---

[116] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 192.

[117] Там же, стр. 206.

[118] *Разгон А. И.* К вопросу о складывании блока большевиков и левых эсеров в октябре 1917 — январе 1918 г. *Тумаринсон В. Х.* К вопросу о соглашении большевиков с левыми социалистами-революционерами.— Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. М., 1977, ч. 1, стр. 144—156, 162—177.

[119] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 200, 215.

[120] Там же, стр. 61—62.

Однако, как уже отмечалось, в большинстве бывших министерств чиновники отказались от всякого сотрудничества с Советской властью. Как правило, народные комиссары, придя в министерства, заставали пустые помещения, запертые шкафы и сейфы.

Саботаж буржуазии принял такие масштабы, что победивший пролетариат вынужден был проводить ломку старого аппарата быстрее и решительнее, чем это раньше предполагалось. Пришлось ломать и такие его части, которые при более благоприятных условиях могли бы быть сохранены и использованы революцией. Но важно подчеркнуть, что ломка старого не была анархическим процессом. Советская власть стремилась не просто одним ударом сломать, немедленно распустить все без разбора старые учреждения. Это дезорганизовало бы управление в ряде важных областей жизни страны. Нужно было заставить соответствующие министерства и ведомства выполнять свои функции до создания нового аппарата. Вот почему даже министерства и другие центральные учреждения ликвидировались не все сразу. Петроградский ВРК направил в них своих комиссаров. Назначенные II Всероссийским съездом Советов народные комиссары в первые месяцы революции также выступали в качестве комиссаров над старыми министерствами и ведомствами. Они и возглавляли борьбу с саботажем в министерствах. Одновременно формировались аппараты народных комиссариатов и налаживалась их работа [121].

Противники Советской власти злорадствовали по поводу отсутствия у нее специалистов и предсказывали неминуемый и скорый ее крах. Но этим «пророчествам» не суждено было сбыться.

Во-первых, следует подчеркнуть, что ни одна политическая партия не была так теоретически и практически подготовлена к управлению новым государством, как большевики. Огромная заслуга в этом принадлежала В. И. Ленину. Еще до октябрьского переворота он тщательно продумал направление и перспективы политики, которую будет вести пролетариат во всех важнейших областях государственного строительства. В его работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.), «Удержат ли большевики государственную власть?» (октябрь 1917 г.) и в гениальном произведении «Государство и революция» (написанном в августе-сентябре 1917 г. и опубликованном в начале 1918 г.) освещались вопросы, непосредственно относящиеся к строительству нового государства. Благодаря Ленину большевики строили новое государство не эмпирически, хотя, конечно, многие вопросы вставали в ходе государственного строительства, не «по вдохновению», хотя, безусловно, творческая инициатива сопровождала ломку старого и создание нового общества, а по заранее продуманному, научно обоснованному плану, разработанному Лениным.

Во-вторых, за долгие годы революционной борьбы партии В. И. Ленин выпестовал ряд выдающихся деятелей. У руководства ВЦИК и наркоматов стояли опытные, хорошо владевшие марксистской теорией соратники В. И. Ленина. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов был не только хорошо подготовленным теоретиком-марксистом, но и высокоталантливым органи-

[121] «Перед народными комиссарами, избранными в первый состав Совнаркома,— верно отметил исследователь вопроса о создании Советского государства Е. Н. Городецкий,— стояла двойная задача — строить новый центральный аппарат и подчинить себе старый аппарат, постепенно ликвидируя его» (*Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 156).

затором. Наркомат по делам национальностей возглавил И. В. Сталин, еще до революции изучивший национальный вопрос. Во главе Наркомата просвещения был поставлен А. В. Луначарский — публицист, писатель, один из наиболее образованных людей своего времени. Его ближайшими помощниками были выдающийся педагог Н. К. Крупская и известный историк-марксист М. Н. Покровский. Наркомами стали виднейший экономист И. И. Скворцов (Степанов), В. Р. Менжинский, имевший специальное финансовое образование, крупный знаток аграрного вопроса, труды которого были хорошо известны экономистам-аграрникам, В. П. Милютин. В большевистской партии находились такие видные инженеры, как Г. М. Кржижановский и Л. Б. Красин. Даже в такой специальной области, как военная, большевики имели свои подготовленные кадры: К. Е. Ворошилов приобрел опыт в боевых дружинах революций 1905 и 1917 гг., М. В. Фрунзе и А. Ф. Мясников долгое время работали в армии. Комиссарами по военным и морским делам были назначены один из старейших работников большевистских военных организаций Н. И. Подвойский, бывший офицер В. А. Овсеенко (Антонов) и моряк, руководитель Центробалта П. Е. Дыбенко. Народным комиссаром по военным делам, а потом и верховным главнокомандующим был назначен Н. В. Крыленко, которого Ленин ценил как одного «из самых горячих и близких к армии представителей большевиков» и работника, умеющего правильно выражать политическую линию партии [121а]. Уже эти примеры свидетельствуют о том, что подбор высших правительственных руководителей отнюдь не носил случайного характера. Высокоодаренные люди, хорошо сведущие в порученной им отрасли государственного управления, направляли деятельность сотрудников наркоматов.

В-третьих, в лице Советов революция имела готовый аппарат власти. В период двоевластия Советы наряду с Временным правительством фактически являлись второй властью. Они вторгались во все сферы управления, и их депутаты (десятки тысяч человек!) приобретали богатый опыт государственного строительства. Сразу после Октября, когда Советы стали единовластными, этот опыт начал со всей полнотой использоваться на практике.

Наконец, необходимо иметь в виду, что в формировавшийся аппарат Советского государства направлялись рабочие и солдаты, прошедшие суровую школу революции, проявившие себя на работе в Советах, войсковых комитетах, фабзавкомах.

К сказанному следует добавить общую закономерность всех народных революций: они открывают широкую дорогу талантам из народа, которых сковывал и душил капитализм. В процессе революции выдвигались тысячи и тысячи организаторов. Накануне Октября в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин писал: «У нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством» [122].

[121а] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 377; т. 32, стр. 257; т. 36, стр. 114—115.

[122] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 313.

Конечно, из-за неопытности ряда новых работников в деятельности организуемых наркоматов возникало немало трудностей. Г. И. Петровский, работавший наркомом внутренних дел, рассказывал: «Многого мы тогда не знали... Иногда мы просто не знали, как и приступить к решению того или иного вопроса. Помню, что уже по приезде в Москву я просто «решил» вопрос о том, как быть с такими учреждениями, как Сенат, Синод, некоторые сословные учреждения,— повесил на дверях этих учреждений замки... и все. Ленин рассмеялся, когда узнал об этом «решении», а потом указал мне, что прежде, чем закрыть, надо было изучить их деятельность, узнать получше людей, работавших там, и честных, желающих работать, привлечь, а контрреволюционеров арестовать» [123].

Не сразу были найдены наиболее целесообразные формы и методы работы наркоматов, существовал известный разнобой в их структуре и делопроизводстве. И все же руководимые Совнаркомом народные комиссариаты успешно решали стоявшие перед ними задачи. Новый государственный аппарат с необыкновенной быстротой создавался и так же скоро овладевал искусством управления.

Высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Советского государства в период между Всероссийскими съездами Советов являлся ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. II Всероссийский съезд Советов избрал во ВЦИК 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов интернационалистов, 3 украинских социалистов, эсера максималиста. Однако его состав не был стабилен. Он вырос вчетверо за счет кооптации представителей от профсоюзов и войсковых комитетов, в связи с введением во ВЦИК делегатов от крестьянских съездов и группы большевиков и левых эсеров — членов Учредительного собрания. Но и после многочисленных пополнений, после того, как на арене ВЦИК появились анархисты, меньшевики — по-прежнему $^3/_4$ мандатов в нем принадлежало партии рабочего класса — большевикам [124].

На третий день победы революции, 27 октября, состоялось первое заседание ВЦИК, на котором была принята резолюция «Всем Советам, всем рабочим, солдатам и крестьянам». «II Всероссийский съезд Советов...,— гласила она,— закончил свои работы. Он избрал новый полномочный руководящий орган — Центральный Исполнительный Комитет, к которому переходят полностью все права съезда. Тем самым кончились полномочия прежнего Центрального Исполнительного Комитета, избранного на съезде 1-го созыва. Точно так же кончились полномочия всех комиссаров и представителей, назначенных прежним Центральным Исполнительным Комитетом в армию и на места. Всякие организации или отдельные лица, прикрывающиеся именем Центрального Исполнительного Комитета, но не уполномоченные II съездом, являются самозванными, и их распоряжения не подлежат исполнению» [125]. Резолюция призывала Советы сообщать во ВЦИК сведения о положении на местах, наладить с ним постоянную связь и оказывать ему поддержку в деле углубления и укрепления революции.

---

[123] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах страны. М., 1958, стр. 259.

[124] *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 22, 26—27, 38—43.

[125] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 17.

Порядок работы ВЦИК и структура его аппарата были определены положением, принятым 2 ноября 1917 г. Пленарные заседания ВЦИК предполагалось проводить раз в две недели. Однако срочные вопросы политической жизни республики вынуждали ВЦИК собираться чаще [126].

При ВЦИК были организованы отделы: иногородний, агитационный, экономический, юридический, военный, национальный, по выборам в Учредительное собрание, международный, финансовый, муниципальный, литературно-издательский, автомобильный [127]. Исполнительным органом ВЦИК являлся Президиум, избиравшийся фракциями. Преобладали в составе Президиума ВЦИК большевики: Я. М. Свердлов, А. В. Баранов. В. Володарский, Ф. Э. Дзержинский, П. И. Стучка и др. Секретарем ВЦИК был избран большевик В. А. Аванесов.

Особенно большую работу во ВЦИК вел его председатель, ближайший соратник Ленина Я. М. Свердлов, человек огромного организаторского таланта. Он председательствовал на заседаниях ВЦИК, руководил Президиумом, готовил вопросы к обсуждению, подбирал кадры в государственный аппарат. Одновременно он выполнял огромную работу как секретарь ЦК.

Через иногородний и агитационный отделы ВЦИК поддерживал непосредственную, живую связь с массами. Агитаторы и эмиссары ВЦИК направлялись во все концы необъятной страны и всюду помогали массам брать власть и строить свои органы власти.

Деятельность ВЦИК налаживалась в упорной борьбе с антисоветскими силами, не примирившимися со своим поражением, с представителями мелкобуржуазных фракций и с оппортунистами в самом ВЦИК.

В борьбе против ВЦИК контрреволюция, в частности, попыталась использовать меньшевистско-эсеровский ЦИК 1-го созыва. Убравшись из Смольного, ЦИК 1-го созыва расположился в доме на Фонтанке, где помещался «Комитет спасения родины и революции». Бывшие лидеры этого ЦИК захватили с собой все документы, печать, денежные средства [128].

Предпринимались попытки издавать от имени старого ЦИК антисоветские газеты, листовки и воззвания, но рабочие типографий отказывались их печатать [129]. «Дважды мы бросали свои силы на заводы, и нас там не слушали»,— жаловался один из руководителей старого ЦИК на одном тайном заседании. «Сила в руках большевиков. Общественные силы тоже на их стороне»,— признавал другой. «Массы настроены против нас, и в настоящее время мы ничего... сделать не можем»,— с отчаянием говорил третий [130].

Однако поощряемые всей контрреволюцией самозванцы из старого ЦИК не прекращали своей деятельности. 8 ноября ВЦИК обратился к ним с требованием сдать в течение трех дней все дела [131]. Это требование не было выполнено. 19 ноября вопрос обсуждался на заседании Президиума ВЦИК. Было принято решение об аресте имущества и специальных фон-

[126] 13 декабря 1917 г. Президиум ВЦИК постановил проводить заседания 2—3 раза в неделю (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 32, д. 8, л. 1).

[127] «Протоколы заседаний ВЦИК... II созыва», стр. 19, 34, 106, 107. 26 декабря Президиум ВЦИК признал целесообразным объединить ряд отделов ВЦИК с соответствующими наркоматами (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 32, д. 10, л. 13).

[128] *С. Стриевская.* В новом ВЦИК.— «Новый мир», 1957, № 10, стр. 180.

[129] «Красный архив», 1925, т. 3 (10), стр. 120.

[130] Там же, стр. 99, 102, 108.

[131] «Протоколы заседаний ВЦИК... II созыва», стр. 45.

дов, захваченных старым ЦИК, и о принятии мер к возвращению его архива и всех дел [132]. Совнарком издал декрет о передаче государству ценностей, числившихся за старым ЦИК.

Яростным атакам по многим вопросам ВЦИК подвергался изнутри. Небольшевистские фракции, из которых самой многочисленной была левоэсеровская, встречали в штыки почти каждый советский декрет. Большие трудности создавали и оппортунисты из большевистской фракции — Каменев, Зиновьев, Рязанов, Рыков, в ряде случаев по существу блокировавшиеся с левыми эсерами.

Особенно накаленной была обстановка на заседании ВЦИК 4 ноября, когда обсуждался декрет Совнаркома от 27 октября о закрытии буржуазных газет, вызвавший бешеную ярость контрреволюции. На заседании против декрета ополчились левые эсеры. Вместе с ними выступили оппортунисты. Ларин внес проект резолюции об отмене декрета и о пересмотре всех произведенных арестов и закрытий газет [133]. По существу это было выражением недоверия Совнаркому.

Выступление Ларина вдохновило левых эсеров. Очередной их оратор Карелин клеветал на большевиков, утверждая, что они, придя к власти, будто бы отказались от своей программы. «Три недели назад,— говорил он,— большевики были самыми яростными защитниками свободы печати...»

Слово взял В. И. Ленин. «Мы и раньше заявляли,— говорил он,— что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет значит перестать быть социалистом... Мы не можем дать буржуазии возможность клеветать на нас... Мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи» [134]. Резолюция Ларина была отвергнута. Большинством 34 голосов против 24 при 1 воздержавшемся ВЦИК полностью одобрил действия Совнаркома [135].

После этого левые эсеры огласили «спешный запрос» к Совнаркому, обвиняя его в издании декретов без предварительного обсуждения во ВЦИК. Ленин выступал в прениях трижды. Он подчеркнул, что Советское правительство в своей деятельности не может считаться ни с какими формальными рогатками, когда речь идет об интересах революции, когда обстановка требует решительных и срочных мер.

На голосование были поставлены две резолюции: левых эсеров о недоверии Совнаркому и М. С. Урицкого об одобрении деятельности Советского правительства. Деятельность Совнаркома была одобрена большинством голосов [136].

Огромные трудности в деятельности ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов как высшего органа государственной власти возникали в связи с параллельным существованием Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, избранного еще в мае 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов и руководимого правыми эсерами.

Исполком Всероссийского Совета опирался на большинство губернских и значительную часть уездных Советов крестьянских депутатов, которые осенью не переизбирались и продолжали оставаться в руках правых эсеров.

---

[132] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 32, д. 3, л. 7.
[133] «Протоколы заседаний ВЦИК... II созыва», стр. 23.
[134] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 54.
[135] «Протоколы заседаний ВЦИК... II созыва», стр. 27.
[136] Там же, стр. 32.

В интересах революции необходимо было парализовать антисоветскую деятельность правых эсеров в крестьянских Советах, объединить Советы крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов под единым руководством. Для этого требовалось, в частности, добиться слияния ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с Исполкомом Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Предполагалось, разумеется, не механическое объединение. Ведь Исполком крестьянских Советов, избранный в мае 1917 г., уже ни в какой мере не отражал политических настроений крестьян в ноябре 1917 г. Задача заключалась в том, чтобы созвать съезд Советов крестьянских депутатов (кстати, он должен был собраться еще в августе 1917 г., но эсеровский исполком, видя, что ситуация складывается не в пользу эсеров, саботировал его созыв), который избрал бы новый исполком.

Инициативу созыва съезда взял в свои руки ВЦИК. 27 октября 1917 г. он принял решение о созыве съезда 10 ноября [137].

Правоэсеровский Исполком крестьянских Советов включился в работу по подготовке съезда, но с единственной целью — обеспечить на нем большинство своим сторонникам, если же это не удастся, то сорвать съезд. С этой целью, в частности, создавалась путаница в нормах представительства, на места посылались противоречивые указания, принимались меры к тому, чтобы на съезде были представлены только делегаты верхушечных крестьянских Советов — губернских и уездных, где еще верховодили правые эсеры. Неразбериха дошла до того, что многие крестьянские Советы вообще отказались посылать делегатов на съезд. Мало того, 8 ноября, когда делегаты уже находились в пути, Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов постановил открыть съезд не в Петрограде, а в Могилеве под крылом контрреволюционной Ставки. Расчет был на то, что здесь, вдали от революционной столицы, опираясь на Ставку и меньшевистско-эсеровский общеармейский комитет, съезд создаст правительство во главе с эсером Черновым.

Постановление правоэсеровского исполкома было встречено бурей протестов со стороны крестьян и солдат. Так, Петроградский гарнизонный Совет крестьянских депутатов в резолюции протеста оценил решение исполкома как попытку «сорвать съезд и использовать его ради своих реакционных замыслов» [138]. Против принятого решения высказались уже прибывшие в Петроград делегаты. Потерпела провал также попытка исполкома перенести начало съезда на 30 ноября.

Съезд открылся в столице в назначенный день — 10 ноября и был назван Чрезвычайным. 18 ноября на съезде уже присутствовало 330 делегатов с правом решающего голоса, из них 195 левых эсеров, 65 правых эсеров и эсеров «центра», 37 большевиков [139]. Еще через несколько дней число делегатов с правом решающего голоса стало более 400 [140].

Вопреки своим расчетам правые эсеры оказались на съезде в меньшинстве, так как левые эсеры по многим вопросам выступали вместе с большевиками. Правда, левые эсеры постоянно колебались, не хотели открыто рвать с правыми эсерами, однако под давлением рядовых делегатов они

---

[137] Там же, стр. 3.
[138] *П. Н. Соболев.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958, стр. 251.
[139] «Известия Чрезвычайного крестьянского съезда», 22 ноября 1917 г.
[140] Там же, 24 ноября 1917 г.

все же в основном поддерживали большевиков. Поэтому правые эсеры в конце концов ушли со съезда.

Съезд проходил очень бурно. Особенно острый характер принимала борьба по вопросам о власти и о земле. Антисоветские, клеветнические заявления правых эсеров встречали резкий отпор делегатов. Большинство выступавших представителей крестьян решительно поддерживали Советское правительство. В то же время многие из них под влиянием левых эсеров высказались за «однородно-социалистическое правительство», не понимая еще, что этот лозунг несовместим с Советской властью.

Эсеровское большинство съезда отказалось выслушать доклад Совнаркома. «Если мы дадим слово народным комиссарам, — говорили левые эсеры, — мы тем самым предрешим вопрос об образовании власти» [141]. Ленин выступал поэтому не как председатель Совнаркома, а как делегат съезда от партии большевиков.

Первое появление Ленина на трибуне (14 ноября) было встречено неистовыми криками правой части съезда: «Долой его!.. Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаем вашего правительства!» [142]

В. И. Ленин спокойно ждал, пока шум несколько стих. Как только он начал говорить, правые эсеры опять подняли шум, но левая часть съезда призвала их к порядку.

В. И. Ленин просто и убедительно осветил делегатам коренные вопросы революции и показал, что только прочный союз трудящихся крестьян с пролетариатом обеспечит их вековые чаяния. Он беспощадно разоблачал контрреволюционность правых и непоследовательность левых эсеров. «Чтобы вести колеблющихся, — говорил он, — надо перестать колебаться самим товарищам левым эсерам..., левые эсеры и до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец» [143].

В другом выступлении, 18 ноября, Ленин опроверг заявления левых эсеров о том, будто интересы крестьян в корне противоположны интересам рабочих, задачам социалистической революции. Он обосновывал необходимость союза трудящегося крестьянства с рабочим классом.

Еще 14 ноября большинство съезда высказалось за поддержку Совета Народных Комиссаров. 15 ноября в Смольном состоялось первое объединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 19 ноября Чрезвычайный съезд избрал из своей среды временный исполком Совета крестьянских депутатов из 108 членов, который объединился с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на платформе II Всероссийского съезда Советов. Было также решено, что в объединенный ВЦИК войдет еще 100 делегатов от фронта и флота и 50 — от профессиональных союзов. В тот же день Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов завершил свою работу.

Между тем в Петроград продолжали прибывать делегаты, опоздавшие на съезд. Поэтому 25 ноября на объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было решено открыть заседания II Всероссийского съезда Совета крестьянских депутатов. Съезд работал с 26 ноября по 10 декабря. По данным мандатной комиссии, при-

---

[141] «Известия», 14 декабря 1917 г.
[142] *Джон Рид.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 238.
[143] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 94.

сутствовало 790 делегатов с правом решающего голоса, из них 350 левых эсеров, 305 правых эсеров и эсеров «центра», 91 большевик. Остальные делегаты представляли другие партии и беспартийных [144]. Таким образом, правые эсеры, хотя и оставались в меньшинстве, но по сравнению с Чрезвычайным крестьянским съездом усилили свои позиции. Это объясняется тем, что среди вновь прибывших делегатов было много представителей руководства губернских Советов крестьянских депутатов, спешно вызванных старым правоэсеровским исполкомом.

Обстановка на съезде была очень напряженной. Правые эсеры прилагали все усилия, чтобы сорвать деловую работу, отколоть левых эсеров от большевиков и повести съезд за собой. Они клеветали на большевиков, извращали сущность революционных мер Советской власти, обвиняли большевиков в развязывании гражданской войны. Разоблачая эту контрреволюционную демагогию, блестящую речь произнес В. Володарский. Он напомнил съезду о той волне арестов и насилий, которая была при керенщине. «Если у них это называется гражданский мир, то я тоже готов сказать: да здравствует гражданская война, она тогда обозначает спокойствие» [145].

2 декабря на съезде выступил Ленин, разоблачивший клевету на политику большевиков и Советской власти, объяснивший отношение большевиков к предстоящему созыву Учредительного собрания, а также мотивы, побудившие Советскую власть арестовать кадетов — членов Учредительного собрания и объявить партию кадетов партией врагов народа. «Когда люди устраивают восстание против рабочих и крестьян, против Советов, — говорил он, — а другой рукой показывают высокий мандат в Учредительное собрание, мы перед этим не остановимся» [146].

Речь Ленина произвела громадное впечатление на участников съезда. Правда, левые эсеры, не желая рвать с правыми, проголосовали за их резолюцию, которая требовала передачи власти Учредительному собранию и осуждала аресты кадетов. Однако под влиянием большевиков съезд 4 декабря снова провел голосование и большинством голосов отверг резолюцию правых эсеров.

Тогда правые эсеры ушли со съезда. Они рассчитывали вызвать этим раскол крестьянства и умалить авторитет и значение II крестьянского съезда. Они начали проводить свои заседания, которые называли «съездом». Это было открытое сборище контрреволюционеров. В качестве докладчиков здесь выступали бывший министр земледелия С. Л. Маслов, три товарища министра правительства Керенского. Их выступления были рассчитаны на то, чтобы восстановить крестьян против рабочих. Так, докладчик Кондратьев (бывший товарищ министра продовольствия) «объяснил» продовольственный кризис тем, что рабочие якобы расхищают продукты, а причиной падения промышленности объявил введение 8 часового рабочего дня [147].

Во всех выступлениях и резолюциях правые эсеры призывали крестьян на борьбу с Советской властью. Но крестьянство уже убедилось в их контрреволюционности и не оказало им никакой поддержки.

---

[144] «Известия», 16 декабря 1917 г.
[145] «Красная летопись», 1925, № 3, стр. 251.
[146] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 141.
[147] «Красная летопись» 1929, № 4, стр. 229.

Между тем II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов продолжал работу. Он одобрил деятельность Совнаркома и избрал новый ЦИК Советов крестьянских депутатов из 250 человек. Из них 108 вошли во ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вместо временного состава, избранного Чрезвычайным съездом.

Так был окончательно создан единый высший орган государственной власти Советской республики — ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [147а].

Организация защиты революционного порядка

Контрреволюция не примирилась и не думала примириться со своим поражением. Чтобы дезорганизовать нормальную жизнь в стране и парализовать управление государством, она не только организовывала саботаж чиновников, но и провоцировала воров, жуликов и бандитов на злейшие преступления. Стремясь толкнуть на преступный путь наименее сознательные слои населения, агенты буржуазии пытались спаивать их. В Петрограде члены монархической организации Пуришкевича разбрасывали листовки с адресами винных складов.

В течение нескольких дней деклассированные элементы разгромили свыше 20 винных складов. Начались погромы магазинов, частных квартир. Как потом выяснилось, много водки поступало в чайные, где она выдавалась бесплатно.

Петроградский Совет вынужден был создать специальный комитет борьбы с погромами, который объявил Петроград на осадном положении. Комитет действовал быстро и решительно. Он объявил, что попытки разгрома винных складов, магазинов, лавок «будут прекращаться пулеметным огнем без предупреждения» [148].

Как и следовало ожидать, контрреволюция использовала ею же организованные пьяные погромы с целью дискредитации Советской власти, социалистической революции. Кадетская газета «Наш век» лицемерно писала в те дни, что власть Советов держится «на темных низменных инстинктах и потому, какое бы положение они (большевики.— *И. М.*) ни вводили, какие бы воззвания ни сочиняли..., им не остановить пьяных погромов, которые составляют только начало. Это еще громилы «люльки раскуривают»» [149].

Но надежды кадетов на то, что «это только начало», не оправдались.

ВРК принимал решительные меры по борьбе с пьяными погромами. Специальные отряды красногвардейцев и матросов по указанию ВРК охраняли винные склады, вылавливали погромщиков.

В первое время после победы Октября функции борьбы с контрреволюцией выполнял Петроградский ВРК.

[147а] П. Н. Соболев в своей монографии «Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год диктатуры пролетариата» (М., 1977) обстоятельно показывает, как на армейских и крестьянских (уездных, губернских, Всероссийском чрезвычайном и II Всероссийском) съездах большевики боролись за упрочение союза рабочего класса и крестьян.

[148] «Армия и флот», 8 декабря 1917 г.

[149] Там же.

Как известно, ВРК организовал разгром антисоветского мятежа Керенского — Краснова, ликвидировал бунт юнкеров, подавлял саботаж в министерствах. ВРК взял на себя и функции охраны революционного порядка. 30 октября ВРК так определил программу своей деятельности:

«1) Военно-революционный комитет выполняет дела, порученные ему Советом Народных Комиссаров. 2) В ведении Военно-революционного комитета находится охрана революционного порядка. 3) Борьба с контрреволюцией. 4) Охрана пунктов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета Народных Комиссаров» [150].

Уже в первые дни революции ВРК закрыл контрреволюционные газеты «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Петроградский листок», «Современное слово», «Петроградская газета», «Новое время», «Новая Русь», «Живое слово», «Копейка» [151].

30 октября ВРК разоблачил шпионскую группу в Петроградской школе прапорщиков инженерных войск. Юнкера были разоружены. В ноябре ВРК ликвидировал антисоветский заговор монархиста Пуришкевича.

В последних числах октября при ВРК была создана военно-следственная комиссия под председательством сначала Я. С. Шейнкмана, а затем, с 4 ноября, — П. И. Стучки. Членами комиссии ВРК назначил М. Ю. Козловского, Б. Д. Мандельбаума и Л. Н. Алексеевского [152]. В эту комиссию направлялись арестованные офицеры, чиновники-саботажники, руководители антисоветских партий и организаций.

22 ноября 1917 г. Ф. Э. Дзержинский выступил на заседании Петроградского ВРК с предложением об организации специальной комиссии для борьбы с контрреволюцией. Вопрос этот стал особенно острым в связи с развернувшимся в центре и на местах антисоветским саботажем. 6 декабря 1917 г. СНК по предложению В. И. Ленина рассматривал вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе» [153]. Принятое постановление гласило: «Поручить тов. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа» [154].

7 декабря в Совнаркоме с докладом о борьбе с контрреволюцией выступил Ф. Э. Дзержинский. До начала заседания В. И. Ленин прислал ему записку с проектом декрета «О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками». В записке он обосновал необходимость борьбы с контрреволюцией.

«Буржуазия, помещики и все богатые классы, — писал Ленин, — напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических пре-

---

150 «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 351.
151 Там же, стр. 239.
152 Там же, т. 2, стр. 60.
153 «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов. М., 1958, стр. 72.
154 Там же.

образований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками» [155].

В тот же день по докладу Ф. Э. Дзержинского Совнарком принял постановление о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Были определены и задачи Чрезвычайной комиссии: «1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия во всей России, со стороны кого бы они ни исходили; 2) предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; 3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения...» [156]

Так возникло грозное оружие диктатуры пролетариата — ВЧК. Председателем Чрезвычайной комиссии партия поставила Ф. Э. Дзержинского — пламенного революционера, бесстрашного и кристально честного большевика, соратника В. И. Ленина, члена ЦК партии большевиков.

В первый состав коллегии ВЧК вошла группа стойких большевиков: Я. Х. Петерс, И. К. Ксенофонтов, В. В. Фомин, С. Е. Щукин и др. [157] В аппарат ВЧК партийные и профсоюзные организации направили передовых, проверенных в огне борьбы рабочих и матросов. Коллектив чекистов был спаян преданностью революции, сознательной железной дисциплиной. Чекист Я. Озолин в своих воспоминаниях о ВЧК писал: «Никто из работников ЧК, начиная от самого старшего и кончая самым младшим, не смел думать так или иначе уклоняться от исполнения данного поручения; все были связаны железной дисциплиной, но эта железная дисциплина не исходила из-под палки, а была добровольная и, выражаясь поэтическим языком, «до готовности взойти на костер». Так же обстояло дело с взаимным доверием. В то время нельзя было ни на одну минуту держать на работе товарища, если не питать к нему доверие на сто процентов» [158].

В составе ВЧК были созданы информационный и организационный отделы, отдел борьбы с контрреволюцией и саботажем, отдел по борьбе со спекуляцией и подотдел борьбы с преступлениями по должности банковских чиновников [159]. На местах при Советах создавались местные чрезвычайные комиссии. В обращении «Ко всем Советам на местах», опубликованном 15 декабря 1917 г., ВЧК призвала рабочих, солдат и крестьян прийти ей на помощь в борьбе с врагами революции: «Все сведения и данные об организациях и отдельных лицах, деятельность которых направлена во вред революции и власти народа, направляйте в Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем» [160]. Опора на массы, тесная связь с ними — в этом был главный источник силы ВЧК.

Функции ВЧК, ее полномочия и права в деле пресечения контрреволюции, а также меры наказания преступников уточнялись в ходе борьбы с

---

[155] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 156.
[156] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», стр. 79.
[157] *Я. Х. Петерс.* Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции.— «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 6.
[158] *Я. Озолин.* Из воспоминаний о ЧК.— «Рабочий суд», 1927, № 24, стр. 1955.
[159] *П. Г. Софинов.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 20, 21.
[160] «Известия», 15 декабря 1917 г.

врагами. В постановлении Совнаркома о создании ВЧК были указаны следующие меры наказания: «...конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.» Комиссия должна была вести предварительное расследование, передавая судебные дела в революционные трибуналы. О применении террора вначале не было и речи. Однако преступления контрреволюции, саботаж, антисоветские заговоры и террористические акты вынудили расширить полномочия и права ВЧК. Первые удары ВЧК обрушились на руководящие центры саботажников. Она арестовала «Центральный совет стачечных комитетов», ликвидировала офицерские организации «Союз спасения родины и революции», «Военную лигу», обезвредила немало агентов иностранных разведок и шпионов, контрреволюционных агитаторов.

Левые эсеры пытались ограничить и подорвать деятельность ВЧК. Сотрудники наркома юстиции левого эсера И. З. Штейнберга освободили арестованных членов монархической организации Пуришкевича.

18 декабря 1917 г. по ордеру, подписанному Ф. Э. Дзержинским, были арестованы руководители контрреволюционного «Союза защиты Учредительного собрания». Левые эсеры стали добиваться их освобождения, Штейнберг без ведома ВЧК отдал приказ об освобождении арестованных.

19 декабря этот вопрос обсуждался в Совнаркоме. По предложению Ленина была принята резолюция, в которой наркому юстиции категорически воспрещалось отменять или изменять постановления «комиссии Дзержинского». Их изменение или отмена допускались только путем обжалования в Совнарком[161]. Тогда левые эсеры предложили резолюцию «О компетенции Комиссариата юстиции». Эта резолюция предусматривала полное подчинение ВЧК и ее следственной комиссии Наркомату юстиции. Эсеры пытались выговорить себе право контроля боевых органов диктатуры пролетариата. Резолюция была отвергнута Совнаркомом.

21 декабря этот вопрос снова обсуждался в Совнаркоме. На этот раз левые эсеры пытались добиться если не контроля, то хотя бы «наблюдения» Комиссариата юстиции над деятельностью ВЧК. Ленин не был против контроля, но при условии, что Наркомюст будет осуществлять контроль вместе с Наркомвнуделом и президиумом Петроградского Совета. Это исключало возможность монополизации левыми эсерами контроля над деятельностью ВЧК.

После провала своих домогательств левые эсеры потребовали, чтобы аресты, имеющие особое политическое значение, проводились «лишь с ведома Народного Комиссариата Юстиции». Совнарком отверг и это предложение и принял резолюцию Ленина, в которой указывалось: **«Об арестах, имеющих выдающееся политич[еское] значение. К[омис]сии извещают Н[ародные] К[омиссар]иаты Ю[стиции] и Вн[утренних]Дел»**[162]. Таким образом, левым эсерам не удалось лишить органы ЧК самостоятельности и оперативности в борьбе с контрреволюцией.

После заключения соглашения с большевистской партией о вступлении в Советское правительство левые эсеры приняли решение войти и в состав ВЧК. Большевики, честно выполняя условия правительственного блока, положительно отнеслись к этой инициативе левых эсеров. Однако левые эсеры хотели ввести своих представителей в ВЧК без утверждения их

---

[161] «Ленинский сборник», XXI, стр. 111.
[162] Там же, стр. 113—114.

Совнаркомом, рассчитывая, что это даст им большую свободу действия в ВЧК. При обсуждении вопроса в Совнаркоме 7 января 1918 г. Ф. Э. Дзержинский выступил против этого. Было принято решение ввести в коллегию ВЧК представителей левоэсеровской фракции ВЦИК с утверждением кандидатов в Совнаркоме. В новый состав коллегии ВЧК, утвержденный Совнаркомом 7 и 8 января, вошли большевики: Ф. Э. Дзержинский, И. К. Ксенофонтов, Я. Х. Петерс, В. В. Фомин, С. Е. Щукин, В. Р. Менжинский и левые эсеры: М. Ф. Емельянов, В. Д. Волков, В. А. Александрович, П. Сидоров [163]. Вступление левых эсеров в ВЧК не изменило характера ее деятельности. Большевики оставались в ней в большинстве, возглавляли все основные звенья органов ВЧК.

Чрезвычайная комиссия продолжала наносить по контрреволюции уничтожающие удары. В Петрограде и других городах ВЧК произвела обыски в домах буржуазии и изъяла большое количество оружия, которое могло быть направлено против Советской власти. Были разоблачены организации, занимавшиеся спекуляцией, распродажей золота, ценных бумаг, различных товаров. О деятельности организации крупной московской буржуазии «Союз торговли и промышленности» «Еженедельник ЧК» писал: «Эта кучка мародеров сплавляла, распродавала по страшно дорогим ценам колоссальное народное достояние таким же хищникам разного рода, которые, продержав тот или иной груз на железной дороге, загнав его за взятку в тупик или сложив на склад и выдержав известное время, повышали на эти товары цены до неимоверной цифры» [164].

ВЧК разоблачила подпольные антисоветские организации, которые с помощью иностранных империалистов переправляли на Дон и Украину контрреволюционных офицеров и технику. Как мы уже писали, посол США в Петрограде Френсис и сотрудник американской миссии Красного Креста полковник Андерсон поручили белогвардейскому офицеру Калпашникову отправить Каледину на Дон эшелон с 80 автомобилями и военным снаряжением. В удостоверении, выданном Френсисом Калпашникову, указывалось, что эшелон направляется в Румынию. После разоблачения этой попытки «Известия» писали: «Сейчас этот таинственный поезд никуда не пойдет. Он задержан в Петрограде Советской властью.

Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами» [165].

ВЧК раскрыла и ликвидировала различные подпольные контрреволюционные организации, действовавшие под такими названиями, как «Союз реальной помощи», «Все для родины», «Организация борьбы с большевиками и отправки войск к Каледину», «Белый крест», «Черная точка» и др.

ВЧК стала грозой буржуазии, неусыпным стражем революции. Во всей своей деятельности она опиралась на широкие массы трудящихся — в этом и заключался «секрет» ее успехов. «...Когда Советская власть переживает трудные минуты,— говорил Ленин,— когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удается эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих

---

[163] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 297.
[164] «Еженедельник ЧК», 1918, № 2, стр. 8.
[165] «Известия ЦИК», 9 декабря 1917 г.

и крестьян, а тут они в конце концов всегда натыкаются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»»[166].

Постепенно охрана революционного порядка стала осуществляться и народной милицией. Еще 28 октября, на третий день после победы вооруженного восстания в Петрограде, Народный комиссариат внутренних дел принял постановление «О рабочей милиции»[167]. Оно гласило:

«1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием.

4. Настоящий закон вводится в действие по телеграфу».

Таким образом, милиция должна была находиться в подчинении Советов. Однако это постановление ничего не говорило о милиции, созданной при Временном правительстве. Вставал вопрос о возможности ее использования Советской властью. Злободневность этого вопроса определялась тем, что новую милицию предстояло еще создавать, а для охраны революционного порядка нужна была вооруженная сила немедленно. Красная гвардия не могла полностью взять на себя выполнение этой функции — она нужна была прежде всего для военного подавления контрреволюции.

Ответ на вопрос давала сама революционная практика Советов. Старая милиция была неоднородна по своему составу. Наряду с реакционными в ней находились и демократические элементы. Это создавало в ряде случаев возможность временно использовать определенную часть старой милиции.

Руководство старой милиции присоединилось к саботажникам, заняло антисоветские позиции. Начальник милиции Петрограда Н. В. Иванов 27 октября отдал приказ всем районным комиссариатам милиции: «Лицам, являющимся от Военно-революционного комитета, дел не сдавать»[168]. Петроградский ВРК, нанося удары по органам управления милиции, в то же время стремился использовать рядовых милиционеров в борьбе с уголовниками, нарушителями порядка в столице. По предписанию ВРК районные Советы Петрограда направили во все милицейские участки своих комиссаров. Демократическая часть милиции организовала свой союз, который в середине ноября направил в распоряжение ВРК 6 тыс. милиционеров. На стороне контрреволюционной городской думы Петрограда осталось всего 600 милиционеров[169].

19 ноября вопрос о милиции обсуждался на заседании ВРК. Было принято решение создать комиссию по реорганизации охраны Петрограда: в нее вошли представители районных Советов, Центральной комендатуры Красной гвардии и (временно) союза милиционеров[170]. Милиция впредь до ее ликвидации была подчинена этой комиссии.

4 декабря 1917 г. Наркомвнудел ликвидировал Главное управление милиции. Во всех районных Советах были созданы комиссии, проверявшие

---

166 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 418.
167 СУ, 1917, № 1, ст. 15.
168 *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 307.
169 Там же, стр. 308.
170 «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3, стр. 174.

состав милиционеров. Всем милиционерам было предложено представить письменные рекомендации фабрично-заводских комитетов или войсковых частей. Милиционеры, представившие рекомендации, оставлялись на службе по охране Петрограда. Однако на этом процесс ликвидации старой милиции в Петрограде не закончился. Вскоре выяснилось, что многие оставшиеся милиционеры, согласившиеся вести борьбу с уголовными элементами, отказывались выступать против политических врагов Советской власти. Это же отмечалось и на местах. Наркомвнудел дал местным Советам указание решительно освобождать милицию от всех «нейтралистских элементов» [171].

Таким образом, часть старой милиции временно использовалась постольку, поскольку она признавала контроль Советов и выполняла их распоряжения. Она существовала наряду с Красной гвардией и создававшейся рабочей милицией.

Процесс ликвидации старой милиции проходил по стране с ноября 1917 г. до января 1918 г., а в ряде районов — до весны 1918 г. В это же время шли поиски путей создания новой милиции. 5 июня 1918 г. коллегия Наркомвнудела утвердила проект декрета «О Народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции)». В нем шла речь о создании постоянной милиции. Этот проект декрета был доложен Всероссийскому съезду председателей губернских Советов, состоявшемуся в начале августа 1918 г. Резолюция съезда гласила: «Признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне и ощущение острой нужды на местах в постоянном аппарате для поддержания революционного порядка, охраны Советской власти и отстояния дорогих завоеваний революции, съезд признает необходимым организацию Советской рабоче-крестьянской милиции» [172].

В октябре 1918 г. в составе Наркомвнудела было создано управление Рабоче-Крестьянской милиции, объединившее руководство милицией, создававшейся местными Советами.

Охрана революционного порядка, борьба с контрреволюционерами, саботажниками, уголовниками требовали также организации нового, пролетарского суда. Старый суд революция не могла использовать. Как часть буржуазного угнетательского государственного аппарата, он подлежал ликвидации.

И в судебной области трудящиеся массы проявляли творческую инициативу и энергию. В. И. Ленин писал, что «революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата» [173].

Новые, революционные судебные органы возникали по всей Советской республике под различными названиями: «суд общественной совести» (Кронштадт), «временные народные суды» (Саратовская, Смоленская, Ярославская и некоторые другие губернии), «временный революционный суд» (Петроград), «следственная комиссия» (Москва). Эти суды разбирали дела нарушителей революционного порядка — хулиганов, пьяниц, грабителей, воров.

---

[171] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 311.
[172] «Вестник Народного комиссариата внутренних дел», 1918, № 20, стр. 11.
[173] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 197.

Пример подавал Петроград. В последних числах октября 1917 г. Выборгский районный Совет создал временный народный суд для борьбы с грабежами и хулиганством [174]. Члены суда были представителями Совета, районных бюро профсоюзов и фабзавкомов, районной управы, совета домовых комитетов. Выборгский районный Совет сделал попытку привлечь к строительству нового суда и старых мировых судей, но из этого ничего не получилось [175].

Население района с большим интересом встретило создание нового суда. Когда открылось первое заседание, зал был переполнен. Судебная процедура была очень проста: стороны давали объяснения, затем из числа присутствующих могли выступать желающие (двое за обвинение, двое против). Первым рассматривалось дело солдата-милиционера, который в пьяном виде открыл стрельбу. Его приговорили к увольнению из милиции. По второму делу обвиняемый в воровстве был приговорен к году принудительных работ. Рассматривались также дела о спекуляции и продаже спиртных напитков в гостинице и трактире. Суд приговорил виновников к штрафу, гостиница подлежала закрытию, а трактир — реквизиции и передаче Совету под общественную столовую [176].

По образцу суда Выборгского района создавались суды и в других районах Петрограда. Новые суды быстро приобрели авторитет у населения, к ним обращались с бóльшим доверием, чем к еще существовавшим старым мировым судам. Так, в ноябре 1917 г. суд Пороховского района Петрограда рассмотрел 381 дело административного характера и 11 — уголовного. В отчете комиссара юстиции Пороховского района отмечается: «При создавшейся конкуренции двух судов, резко противоречивших один другому, население пошло не к мертвой букве закона, а к живому суду трудового народа» [177].

Новые суды отбросили старые уголовные законы, они руководствовались революционным правосознанием и революционной совестью. Это вело к появлению местных правил, разнобою в решении судебных дел. Необходимо было обобщить накопленный опыт масс и выработать единую судебную систему, единую законность.

По поручению В. И. Ленина П. И. Стучка, возглавлявший во второй половине ноября 1917 г. Народный комиссариат юстиции, разработал первый проект о новом суде. Под руководством П. И. Стучки и при постоянной помощи В. И. Ленина продолжалась работа над проектом, было составлено еще два его варианта [178].

22 ноября Советское правительство утвердило декрет о суде [179]. Упразднялась вся старая судебно-прокурорская система: окружные суды, судебные палаты и правительствующий Сенат, все военные, морские и коммерческие суды. Приостанавливалось действие института мировых судей. Вводились прямые демократические выборы судей. Прежние мировые судьи не лишались права работать в качестве местных судей, но для этого они должны были быть избраны или временно Советами, или окончательно путем прямых выборов.

---

[174] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 110.
[175] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 321.
[176] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 112.
[177] Там же, стр. 124.
[178] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 328—335.
[179] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 124—126.

Местные суды решали дела, по которым гражданский иск не превышал 3 тыс. руб.[180], и уголовные, если обвиняемому угрожало наказание не свыше 2 лет лишения свободы.

Упразднялись существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры. На роли обвинителей и защитников допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

Местные суды решали дела именем Российской республики, в своих решениях и приговорах они могли руководствоваться «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию».

Для рассмотрения дел контрреволюционеров, саботажников, злоупотреблений торговцев, промышленников, чиновников учреждались революционные трибуналы в составе председателя и шести заседателей. Они избирались губернскими или городскими Советами. Предварительное следствие по этим делам вели особые следственные комиссии, которые также создавались Советами.

Оценивая декрет, Ленин на III Всероссийском съезде Советов говорил: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества»[181].

Декрет о суде был встречен врагами революции с ненавистью. Старые судебные органы попытались саботировать декрет, но оказались бессильны помешать проведению его в жизнь. Уже в день опубликования декрета общее собрание Сената заявило о «незаконности» новых судебных учреждений. 29 ноября распоряжением комиссара ВРК были закрыты Сенат, Главный военный суд и Петроградский коммерческий суд[182]. Чиновники старых судебных учреждений, стремясь вызвать хаос, уничтожали или запутывали дела, отказывались вести текущую работу. В Москве не нашлось ни одного мирового судьи, который бы согласился продолжать работу.

Строительство нового суда встречало много трудностей. Не хватало людей с юридическим образованием, признавших советские законы. Председатели судов и судьи, избиравшиеся, как правило, из рабочих, не обладали юридическими знаниями.

Решение об упразднении старого суда не сразу было правильно понято даже среди советских и партийных работников. Не все могли сразу отрешиться от предрассудков в отношении старой юстиции. П. И. Стучка в конце 1918 г. писал: «Почти целый месяц продолжалось переубеждение отдельных товарищей, в том числе даже весьма решительных по прочим вопросам, но в непонятной почтительности останавливавшихся перед входом в «храм правосудия». Отвергая всякие компромиссы, они шли на компромисс с юстицией старого строя. Противники всякого соглашательства, они колебались пред «правительствующим» Сенатом. Одни из них соглашались лишь на постепенную ломку, но сами не могли сговориться, начать

---

[180] В феврале 1918 г. новым декретом о суде сумма гражданского иска была повышена до 10 тыс. руб.

[181] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 270.

[182] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 335—336.

ли ломку старого здания с фундамента или с крыши. А другие нашли, что прежде всего надо написать новые материальные законы. А до тех пор... Не знаю, так ли скоро сдались бы наши оппоненты, если бы сама юстиция не перешла в наступление» [183]. Но, несмотря на все трудности, новые судебные органы, где раньше, где позже, создавались и начинали действовать.

В соответствии с декретом о суде стали создаваться и революционные трибуналы. 28 ноября было опубликовано подписанное П. И. Стучкой «Руководство для устройства революционных трибуналов» [184].

«Руководство» предусматривало, что «революционный трибунал свободен в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка». Но этот выбор был все же ограничен тем, что в перечислении мер наказания значились: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы. Смертная казнь в перечне наказаний отсутствовала, а высшей мерой наказания являлось тюремное заключение. Инструкция, составленная для Московского революционного трибунала, предписывала в качестве высшей меры наказания 4-годичное тюремное заключение.

Как видим, к врагам революции предусматривали применять чрезвычайно мягкие наказания. Объясняется это тем, что в первое время в массах еще сильны были иллюзии, будто можно будет обойтись без принуждения, насилия. «Если мы виноваты в чем-либо,— говорил Ленин,— то это в том, что мы были слишком гуманны, слишком добросердечны по отношению к чудовищным, по своему предательству, представителям буржуазно-империалистического строя» [185].

Насколько мягки были первые приговоры революционных трибуналов, свидетельствуют суды над бывшей графиней Паниной, черносотенцем Пуришкевичем и другими контрреволюционерами.

Суд над Паниной состоялся в середине декабря 1917 г. в Петроградском ревтрибунале. Панина обвинялось в том, что, являясь товарищем министра просвещения в последнем составе Временного правительства, она присвоила деньги, принадлежавшие министерству, и использовала их для финансирования саботажников-контрреволюционеров.

Зал заседания был переполнен буржуазной публикой, явившейся посмотреть, как большевики будут расправляться со своей «жертвой», «великомученицей», как писала о Паниной буржуазная печать.

Несмотря на то, что обвинение было полностью доказано, трибунал вынес Паниной лишь общественное порицание, ее должны были содержать под стражей, пока она не вернет взятых ею денег [186].

Такой же мягкий приговор был вынесен по делу организатора антисоветского заговора черносотенца Пуришкевича: его приговорили к четырем годам общественных принудительных работ условно, причем после первого года (с зачетом предварительного заключения) Пуришкевичу предоставлялась свобода, и если в течение первого года свободы он не проявит контрреволюционной деятельности, то он освобождался от дальнейшего наказания. По амнистии 1 мая 1918 г. он был освобожден [186а].

---

[183] «Правда», 7 декабря 1918 г.
[184] «Известия», 28 ноября 1917 г.
[185] *В. И. Ленин.* Полн. собрание сочинений, т. 35, стр. 283—284.
[186] «Известия», 12 декабря 1917 г. Подробнее об этом см.: *Д. Л. Голинков.* Крах вражеского подполья. М., 1970, стр. 37—40.
[186а] *Д. Л. Голинков.* Крах вражеского подполья, стр. 56—57.

В течение нескольких месяцев после издания декрета о суде народные суды и ревтрибуналы создавались на огромной территории Советской республики.

Для руководства советским строительством нужен был постоянный орган. Таким органом в составе первого Советского правительства, созданного II Всероссийским съездом Советов, являлся Народный комиссариат внутренних дел.

На наркома А. И. Рыкова была возложена задача ликвидировать Министерство внутренних дел Временного правительства и создать рабоче-крестьянский по составу аппарат советского Комиссариата внутренних дел. Но Рыков ничего не сделал для выполнения этих задач. 4 ноября 1917 г. он вместе с В. П. Ногиным, В. П. Милютиным, И. А. Теодоровичем и А. Г. Шляпниковым вышел из состава СНК.

В результате дезертирства Рыкова из Совнаркома строительство Народного комиссариата внутренних дел и слом аппарата старого Министерства внутренних дел затормозились.

Осуществление этих задач взял на себя Военно-революционный комитет, что отмечал В. И. Ленин на заседании Совнаркома 15 ноября 1917 г. Но на этом же заседании встал вопрос о необходимости разгрузки ВРК. По предложению Я. М. Свердлова было решено направить в аппарат создаваемого Комиссариата внутренних дел ряд ответственных работников Военно-революционного комитета. На следующий день, 16 ноября, Совнарком назначил народным комиссаром внутренних дел Г. И. Петровского, а членами коллегии наркомата — М. И. Лациса, М. К. Муранова, И. С. Уншлихта, Ф. Э. Дзержинского, М. С. Урицкого, П. Е. Лазимира [187].

Победивший пролетариат должен был сломать старую буржуазно-помещичью государственную машину и в первую очередь звенья государственного аппарата, ведавшие организацией насилия над массами, в частности Министерство внутренних дел.

Придя к власти в феврале 1917 г., буржуазия сохранила царскую государственную машину, лишь слегка реформировав ее. Так было и с Министерством внутренних дел, в котором, как говорилось в докладе о деятельности НКВД за 1917—1918 гг., осталось немало чиновников — сторонников царских министров-палачей Плеве и Столыпина [188].

Такой состав служащих Министерства внутренних дел вполне устраивал возглавлявших министерство меньшевиков И. Г. Церетели и А. М. Никитина и эсера Н. Д. Авксентьева. В «Исторической справке об учреждении Народного комиссариата внутренних дел», составленной в 1918 г., говорилось:

«Полное отсутствие системы во внутреннем распорядке, груды бумаг с неразрешенными делами, запутанность во всех областях делопроизводства, стачки и саботаж, как скрытый, так и явный, со стороны служащих-чиновников, их открытое возмущение новой властью — вот чем встретило

---

[187] «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1962, стр. 311. В состав коллегии Наркомвнудела в 1918 г. входили также Смирнов, Правдин, Яковлева, Тихомиров, Эльцин, Антонов-Саратовский, Васильев-Южин, Алгасов (левый эсер, работавший по коммунальному отделу) (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, д. 255, лл. 1, 4, 7, 10, 12, 13, 15, 17, 27, 31); см. также: *Г. И. Петровский.* О революционных событиях 1917 года.— «Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти (октябрь 1917—1918)». Документы и материалы. М., 1960, стр. 431.

[188] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 3, л. 5.

«социалистическое» министерство внутренних дел времен Керенского новую рабочую власть.

И был момент, когда в Министерстве внутренних дел первое время из служащих оставались на своих местах лишь представители новой власти — комиссары и невольные слуги старого строя — курьеры... Груды сваленных бумаг, запертые столы и шкафы без ключей (их в знак протеста унесли с собой бывшие чиновники министерства.— *И. М.*) — вот все делопроизводство того времени Министерства внутренних дел» [189].

Вахтеры, курьеры и немногие младшие чиновники — вот весь контингент бывшего министерства, который остался при Советской власти работать в Комиссариате внутренних дел и то после представления рекомендаций от профсоюзов и других общественных организаций [190].

За исключением этих немногих бывших служащих министерства, весь штат советского Комиссариата внутренних дел (а к лету 1918 г. в нем было 450 человек [191]) состоял из рабочих и солдат, направленных на работу в наркомат Военно-революционным комитетом, а в дальнейшем профсоюзами и фабзавкомами Петрограда и Москвы.

Организационный период в работе Наркомвнудела — ликвидация бывшего министерства и создание первоначального ядра сотрудников советского комиссариата — продолжался примерно полтора месяца.

«Пока набирались новые сотрудники,— отмечалось в упомянутой выше «Исторической справке»,— пока шла разработка запущенного делопроизводства и знакомство с положением вещей, старых ответственных чиновников под конвоем привозили в Комиссариат внутренних дел и заставляли их под угрозой ареста продолжать техническую работу, контролируемую новой властью. Это продолжалось с месяц, пока не начинали организовываться новые отделы» [192].

Функции советского Комиссариата внутренних дел в корне отличались от функций буржуазного Министерства внутренних дел.

Главной обязанностью царского министерства и министерства Временного правительства было подавление революционных выступлений трудящихся силами полиции или буржуазной милиции.

Поскольку в ведении Народного комиссариата внутренних дел находилась рабоче-крестьянская милиция, обязанная не только следить за общественным порядком, но и бороться с политическими противниками Советской власти, функции подавления контрреволюции входили в задачи, поставленные перед наркоматом. Но главными задачами Народного комиссариата внутренних дел были руководство строительством советского аппарата на местах, постановка работы в Советах по единому плану, контроль за точным выполнением ими декретов центральной власти и организация связи Советов между собой [193].

Наркомвнудел был единственным центральным органом, систематически работавшим над определением «практических форм организации на местах, организационных положений Конституции (будущей.— *И. М.*)...» [194]

---

[189] Там же, д. 10, л. 2.
[190] Там же, д. 6а, л. 3 об.
[191] Там же, оп. 2, д. 3, л. 8.
[192] Там же, л. 6.
[193] Там же, л. 8.
[194] Там же, л. 17.

Непосредственную связь центральной власти с местными Советами осуществлял инструкторский отдел Народного комиссариата внутренних дел. В марте — июне 1918 г. в 51 губернию (включая и Сибирь) было послано 385 инструкторов [195]. Им предоставлялись очень широкие полномочия: они должны были руководить ломкой старого местного государственного аппарата, создавать советский аппарат власти на местах и следить за правильной его деятельностью [196]. Инструкторы изучали и обобщали местный опыт советского строительства, помогая тем самым выработать единую структуру Советов.

В «Исторической справке об учреждении Народного комиссариата внутренних дел» отмечалось, что работа инструкторов наркомата «кропотливая, но чрезвычайно плодотворная. Незаметно, без шума они по всей стране, вплоть до самой глухой деревни, клали камень за камнем нового строя и таким образом воздвигали величественное здание новой, Советской России» [197].

В первые месяцы своей деятельности Народный комиссариат внутренних дел, изучая местный опыт советского строительства, вырабатывал единую структуру исполкомов Советов, устанавливал прочную связь между нижестоящими и вышестоящими Советами.

Местные Советы быстро и оперативно выполняли указания Наркомвнудела. Случаев неповиновения было очень немного — не более 10 [198].

В годовом отчете за 1917—1918 гг. сотрудники наркомата отмечали, что «почти нет местности в России, которой бы не приходилось иметь непосредственное сношение... с НКВД» [199].

Структура аппарата Народного комиссариата внутренних дел менялась в зависимости от требований жизни, число отделов увеличивалось за счет выделения подотделов в самостоятельные отделы (летом 1918 г. было 6 отделов, а в декабре того же года — уже 13) [200]. В основном связь центра с провинцией и сбор информации о советском строительстве осуществляли следующие отделы Наркомата внутренних дел: отдел местного хозяйства, отдел управления, бюро печати и информации (экспедиция НКВД), контрольно-ревизионная комиссия, статистический отдел, Главное управление милиции, инструкторский отдел [201].

Отдел местного хозяйства ведал хозяйственно-экономической деятельностью местных Советов, выдачей им ссуд и займов, рассматривал сметы приходов и расходов местных Советов и дела о местных налогах и пошлинах. Этот же отдел собирал и разрабатывал статистические данные о муниципальном хозяйстве местных Советов [202].

Отдел управления НКВД осуществлял общее административное руководство Советами и их инструктирование по проведению в жизнь решений Всероссийских съездов Советов, ВЦИК и Совнаркома. Отдел контролировал работу местных Советов, а также наблюдал за правильностью выборов в Советы [203].

---

195 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 10, л. 8.
196 Там же, л. 7.
197 Там же, д. 3, л. 48.
198 Там же, лл. 13—14.
199 Там же, л. 15.
200 Там же, оп. 1, д. 255, лл. 15—16; д. 265, лл. 1—2.
201 Там же, д. 265, л. 1.
202 Там же, лл. 2—3.
203 Там же, л. 3.

Контрольно-ревизионная комиссия осуществляла административную ревизию местных Советов путем рассылки ревизоров [204].

Статистический отдел ведал сбором и обобщением данных о хозяйственной жизни страны, об итогах выборов в Советы и т. д. Он также разрабатывал и рассылал на места разного рода опросные листы и анкеты, данные которых в дальнейшем обрабатывались [205].

В течение полугода, примерно к V Всероссийскому съезду Советов, создание единого, стройного советского аппарата власти от сельских и волостных Советов до Всероссийского съезда Советов в основном было завершено.

Местные самоуправления после Октября

Строительство Советов и их хозяйственных аппаратов сопровождалось ломкой старых, буржуазных органов местного самоуправления.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции совершенно по-новому поставила вопрос о местном самоуправлении. По всей стране снизу доверху устанавливалась власть Советов, самая последовательно демократическая власть трудящихся. Советская власть представляет по своему существу полное и всестороннее самоуправление в сочетании с демократическим централизмом. Каждый местный Совет охватывает все вопросы местной жизни — экономические, административные, коммунальные и пр.

Если до Октября местное самоуправление могло явиться некоторой отдушиной в системе царской и буржуазной бюрократии, то в новых условиях существование старых земских и городских учреждений, органов старого, буржуазного местного самоуправления становилось анахронизмом, нелепостью.

Однако вопрос о сломе органов местного самоуправления решался несколько иначе, чем о сломе других звеньев старого государственного аппарата. Нельзя было сразу же и повсеместно ликвидировать городские думы и земства.

Во-первых, надо было дать возможность трудящимся города и деревни, которые еще имели какие-то иллюзии в отношении органов самоуправления, убедиться на собственном опыте в необходимости их ликвидации. Партия неуклонно осуществляла свою испытанную тактику: убеждать массы во всем на их собственном опыте. Нужно было убедить массы в превосходстве Советов как органов местного управления, нужно было, чтобы массы сами убедились в антинародном характере старого самоуправления, органов буржуазного парламентаризма.

Так же, как отношение Учредительного собрания к основным декретам Советской власти позволило разоблачить его антинародную контрреволюционную сущность, так и отношение земств и дум к Советам, да и к самим декретам, разрешавшим основные вопросы дня — о земле, о мире и т. п., показывало массам неспособность старого самоуправления удовлетворить подлинные нужды народа.

Во-вторых, органы местного самоуправления, прежде чем их сломать, нужно было всемерно использовать в интересах диктатуры пролетариата.

---

[204] Там же, л. 5.
[205] Там же, лл. 4—5.

Аппарат местного самоуправления не являлся аппаратом непосредственного угнетения, поэтому его можно было сохранить до тех пор, пока Советская власть не создаст свой коммунальный аппарат.

Однако, оставляя на некоторое время городские думы и земства, нужно было подчинить их советским органам, взять под контроль диктатуры пролетариата, пресекая всякие попытки контрреволюционной деятельности.

В большинстве районов страны старые органы самоуправления продолжали существовать. Более того, поле их деятельности в отдельных вопросах даже расширилось.

28 октября был опубликован декрет СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле». Все продовольственные грузы, прибывавшие в город, должны были поступать в распоряжение городского самоуправления и распределяться им.

Городские самоуправления получили право брать «под свой надзор и руководство все или некоторые торговые и торгово-промышленные продовольственные предприятия, в том числе лавки, рестораны, трактиры, мельницы и пр.» [206].

Распоряжением Народного комиссариата внутренних дел от 30 октября городское самоуправление получало право секвестра пустующих помещений и вселения нуждающихся в жилые помещения [207]. 16 декабря были расширены финансовые права Петроградского городского общественного управления [208]. 18 декабря Совнарком издал декрет «Об отпуске 200 млн. руб. кредитов в распоряжение междуведомственной комиссии для выдачи займов городам и земствам» [209].

Подобные мероприятия были направлены на всемерное использование органов местного самоуправления в интересах Советского государства.

Вместе с тем предоставление правительственной субсидии земствам и городским самоуправлениям усиливало их зависимость от местных Советов, так как земские и городские самоуправления, возбуждавшие ходатайства о займах, были обязаны представлять заключения местных Советов.

Общее руководство местными самоуправлениями вначале принадлежало Народному комиссариату внутренних дел, где для этой цели существовал специальный отдел. Немного позднее, декретом Совнаркома от 18 декабря 1917 г., был создан особый Комиссариат по местному самоуправлению для объединения деятельности всех городских и земских учреждений [210]. Новый наркомат, помимо руководства текущей деятельностью местных самоуправлений, должен был постепенно подготовить переход основных административно-хозяйственных функций дум и земств к местным Советам. Наркомат по местному управлению создавался как временный орган, поскольку городские думы и земства подлежали ликвидации.

Наркомом нового комиссариата стал левый эсер В. Е. Трутовский. Как известно, по соглашению большевистской партии с левыми эсерами им передавались Наркомзем и Наркомюст. Кроме того, левые эсеры Трутовский и В. А. Алгасов вошли в Наркомвнудел в качестве комиссаров без портфеля с правом совещательного голоса.

---

206 СУ, 1917, № 1, ст. 6.
207 Там же, ст. 14.
208 Там же, № 11, ст. 162.
209 Там же, ст. 168.
210 Там же, № 10, ст. 153.

С выделением из НКВД нового Наркомата по местному самоуправлению Трутовский и Алгасов перешли туда на руководящую работу.

Согласившись уйти из Наркомвнудела, левые эсеры рассчитывали взять полностью в свои руки Наркомат по местному самоуправлению и использовать его для укрепления городских дум и земств, для противопоставления их повсюду местным Советам.

Программным документом Трутовского на посту наркома было «обращение к муниципальным отделам Советов и к городским и земским управам», разосланное новым наркоматом.

Признавая, что «органы самоуправления должны постепенно стать хозяйственной организацией Советов», Трутовский далее указывал: «Практическую работу ведет исполнительный орган — городская управа или земская управа. Она в курсе всех дел, ибо она постоянно наблюдает за их исполнением. Поэтому при реорганизации муниципалитетов особенное внимание нужно обращать на то, чтобы процесс перехода на новые рельсы совершался безболезненно. Управа, поскольку она признает власть Советов, может продолжать свою прежнюю работу, но ответственной она становится перед Советами трудящихся». Далее Трутовский проводит идею о необходимости привлечения к участию в управлении «специалистов». Из них предлагается организовывать коллегии, в которые следует приглашать и тех, кто когда-то работал, «по выбору», даже лиц, «не уполномоченных Советской властью» [211].

Здесь одновременно содержались и правильный призыв к подчинению местных самоуправлений власти Советов, и стремление левых эсеров сохранить первые и в будущем, хотя бы как «хозяйственную организацию Советской власти».

Но замыслам, рассчитанным на превращение нового наркомата в опорный пункт левых эсеров, не суждено было сбыться. Еще до того, как Трутовский приступил к работе, на должность управляющего прежним Главным управлением по делам местного хозяйства был назначен большевик Смирнов. После образования наркомата и назначения Трутовского наркомом Смирнов фактически продолжал управлять делами. Руководителями отделов наркомата также стали большевики, проводившие линию партии.

Тем не менее, учитывая тенденции левых эсеров в отношении деятельности нового наркомата, Наркомвнудел сам все время занимался вопросами местного самоуправления.

Политика Коммунистической партии и Советской власти в отношении старых органов местного самоуправления станет еще более понятной, если учесть непримиримую враждебность подавляющего большинства дум и земств социалистической революции.

Избранные или реорганизованные еще при Временном правительстве думы и земства, где было засилье соглашателей и кадетов, встали на путь саботажа всех мероприятий Советской власти.

---

[211] «Пролетарская революция», 1925, № 2 (37), стр. 152—153. Интересно проследить эволюцию идей Трутовского по сравнению с летом 1917 г. Тогда он писал о привлечении к руководству городской и земской жизнью союзов земских и городских служащих (см. статью Трутовского «Всероссийский съезд земских и городских служащих» в журнале «Известия Петроградской городской думы», 1917, № 5—6, стр. 135). Теперь он говорит о привлечении к руководству лиц, «не уполномоченных Советской властью», т. е. представителей свергнутых классов.

Некоторые городские думы становились центрами саботажа и контрреволюции не только в пределах города, но и в масштабах уезда, губернии. Вот почему антинародную деятельность таких дум необходимо было сразу же пресечь.

В первые месяцы после победы социалистической революции Советское правительство прибегло к роспуску и перевыборам тех городских дум, которые являлись открытыми центрами контрреволюции.

Особенно большие надежды контрреволюция возлагала на столичные думы, выступившие после Октябрьской революции в качестве активных организаторов антисоветских сил. Петроградскую городскую думу В. И. Ленин называл «гнездом корниловцев».

26 октября Петроградская городская дума, на $^2/_3$ состоявшая из контрреволюционных элементов — правых эсеров, меньшевиков и кадетов (председателем думы был правый эсер Шрейдер), вынесла резолюцию, в которой она признавала захват власти большевиками в Петрограде незаконным и требовала «предать суду всех лиц, причастных к захвату власти» [212].

Петроградская городская дума явилась одним из активных организаторов штаба контрреволюции — «Комитета спасения родины и революции». Она же была организатором открывшегося 9 ноября «Всероссийского земского и городского собора». Председателем его был избран эсер Руднев. Целью «Собора», на который явилось 70 делегатов от 20 городов, уездных или губернских земств, было ни больше, ни меньше, как «организовать власть и этим положить конец анархии». Петроградский городской голова правый эсер Шрейдер, выступая на указанном съезде, объявил местные самоуправления — городские думы и земства — «единственной законной властью в стране» [213].

Казалось бы, что вся эта контрреволюционная деятельность давала основание немедленно разогнать Петроградскую городскую думу. Но большевики этого не сделали: в данном случае партия последовательно руководствовалась ленинским указанием — «не принять изжитое для нас за изжитое для класса, за изжитое для масс».

Требовалось некоторое время для того, чтобы вся масса городского трудового населения на жизненном опыте убедилась в антинародном характере думы. В этом трудящимся помогли большевики — гласные городской думы, выступавшие на собраниях рабочих с разоблачениями контрреволюционного большинства думы.

30 октября большевики — гласные городской думы опубликовали обращение к населению Петрограда, в котором писали о том, что правые эсеры и кадеты превратили городскую думу в арену политической борьбы против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [214].

Это обращение обсуждалось рабочими на фабриках и заводах, рабочими и служащими городских предприятий. Рабочие сами вскрывали факты саботажа со стороны городской думы и выносили резолюции о проведении перевыборов.

Свои требования рабочие мотивировали и тем, что выборы в городскую думу в августе 1917 г. проходили в обстановке произвола и преследований, были недемократическими, прошли без участия самой активной части молодежи — 18—19-летних граждан.

---

[212] «Рабочая газета», 27 октября 1917 г.
[213] «Известия», 11 ноября 1917 г.
[214] Там же, 31 октября 1917 г.

Городская дума между тем сознательно усугубляла хозяйственную разруху и голод, грозила оставить город без хлеба, света, воды и трамвайного движения.

11 ноября М. И. Калинин и другие гласные — большевики городской думы и районных дум вновь выступили с обращением к своим избирателям, в котором еще раз разоблачили саботажническую антисоветскую политику городской думы [215]. Трудовое население Петрограда было, таким образом, полностью подготовлено к роспуску думы. Это учло Советское правительство, и декретом от 16 ноября оно распустило Петроградскую думу.

В декрете Совнаркома, подписанном Лениным, указывалось, что избранная 20 августа (до корниловщины) Центральная городская дума утратила право на представительство петроградского населения. Большинство наличного состава думы, потерявшее всякое политическое доверие масс, использовало свое положение для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва мероприятий Советской власти.

Декрет распускал Петроградскую городскую думу и назначал новые выборы [216].

Одновременно с декретом было опубликовано новое «Положение о выборах гласных Петроградской городской думы», которое предоставило избирательное право 18—19-летним гражданам [217].

Декрет Совета Народных Комиссаров и «Положение о выборах» были с большим удовлетворением и одобрением встречены рабочими заводов и фабрик Петрограда.

Выборы, состоявшиеся 27—28 ноября, еще раз подтвердили, что эсеры, меньшевики и кадеты не выражали волю масс.

Контрреволюционеры хотели организовать бойкот выборов, чтобы заранее опорочить их результаты, но трудящиеся массы решительно и бесповоротно шли за большевистской партией, и сорвать выборы не удалось.

Единственное, чего достигли все буржуазные и соглашательские партии вместе взятые, это уменьшения числа голосовавших на 153,5 тыс. человек (по сравнению с выборами 20 августа). В выборах приняли участие 395 844 человека, из которых 358 184 (или 90%) отдали свои голоса большевикам [218].

Из 200 избранных гласных 188 человек были большевиками, 10 — эсерами и 2 принадлежали к другим партиям.

30 ноября новая городская дума избрала свой исполнительный орган — городскую управу. Городским головой был единодушно избран М. И. Калинин.

Новая, большевистская дума начала работу в обстановке продолжавшегося саботажа служащих городских учреждений. Саботажники способствовали дезорганизации народного хозяйства, вредили Советской власти. Когда в декабре 1917 г. М. И. Калинин явился в здание городской думы, чтобы принять дела и приступить к работе, все высшие и средние служащие уп-

---

[215] «Известия», 11 ноября 1917 г.
[216] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства», 17 ноября 1917 г.
[217] «Известия», 17 ноября 1917 г.
[218] Там же, 1 декабря 1917 г.

равы демонстративно ушли. Остались только сторожа, курьеры и некоторые мелкие служащие.

М. И. Калинин и другие большевики — работники городской управы, проявив незаурядную энергию и знание местных нужд, сумели быстро найти нужные силы и средства и в сравнительно короткий срок наладили городское хозяйство.

Петроградские рабочие активно поддерживали все мероприятия новой управы и ее председателя М. И. Калинина по борьбе с саботажниками. Среди петроградских рабочих М. И. Калинин находил и людей для работы в городских учреждениях.

Выступая на заседании думы 13 декабря 1917 г., М. И. Калинин говорил: «Саботаж растет и вредит нам в данное время. Но, с другой стороны, этот процесс самоочищения имеет и положительные стороны, заставляя нас строить совершенно новые формы муниципального дела.

Присутствие старых служащих на новых местах являлось бы, безусловно, тормозом, быть может, даже непреодолимым этому новому строительству» [219].

По свидетельству М. И. Калинина, из состава служащих старого аппарата городского самоуправления в новый аппарат к июлю 1918 г. вошло всего 5%.

Саботажем занимались и районные думы старого состава (избранные в мае — июне 1917 г.), действовавшие по указаниям старой городской думы.

Так, меньшевистско-эсеровская дума Спасского района дезорганизовала продовольственное снабжение и, используя продовольственные затруднения, выступала с антисоветской агитацией.

Выполняя волю рабочих, районный Совет рабочих и солдатских депутатов распустил Спасскую районную думу. Это решение было санкционировано 2 декабря 1917 г. исполнительным комитетом Петроградского Совета.

Вслед за ней были распущены думы Нарвского [220] и Невского [221] районов, саботировавшие выполнение распоряжений, отданных Советской властью.

22 декабря 1917 г. состоялось междурайонное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда. В связи с забастовкой думских служащих оно обсудило вопрос о роспуске районных дум и приняло следующее решение: «Считая одновременный роспуск дум нецелесообразным ввиду его технической невыполнимости, поручить каждому району самостоятельно решать данный вопрос, распускать думы по мере необходимости, обращаясь за санкционированием в исполнительный комитет Петроградского Совета» [222].

Вслед за этим исполнительный комитет Петроградского Совета предоставил всем районным Советам право применять в отношении саботирующих районных дум самые решительные меры, вплоть до роспуска.

В это время к управлению городским хозяйством пришли новые люди: рабочие, солдаты, матросы, мелкие служащие. Для их подготовки в начале

---

[219] «Известия Петроградского городского общественного управления», 6 января 1918 г.
[220] «Известия», 12 декабря 1918 г.
[221] Там же, 24 декабря 1917 г.
[222] «Известия», 23 декабря 1917 г.

1918 г. были организованы трехмесячные курсы муниципальных работников.

Новая городская дума сумела быстро разрешить самые сложные задачи. К моменту переизбрания думы задолженность городской казны равнялась 44 млн. руб. По инициативе М. И. Калинина эта задолженность была покрыта путем выпуска городского займа на 20 млн. руб. и налогового сбора с богатых классов.

Раньше трамвайное хозяйство города ежедневно давало убыток 130 тыс. руб. Новая дума перестроила управление городского транспорта, и трамвайное хозяйство стало прибыльной отраслью. 15 мая 1918 г. в газете «Известия Петроградского общественного управления» была помещена статья М. И. Калинина, подводившая некоторые итоги работы большевистской думы. В этой статье М. И. Калинин, отметив те трудности, с которыми приходилось бороться думе, писал:

«Теперь, после пятимесячной тяжелой работы, мы с чувством удовлетворения можем сказать, что центральный аппарат городского хозяйства нами налажен, наши: 1) отдел налогов сумел собрать до 30 млн. руб.; 2) отдел имуществ и фондов охватил уже организационно 1,5 тыс. домов, 3) отдел благоустройства (за который нас особенно ругают) также провел интенсивную работу: так, после почти годовой неуборки улиц их начинают мести, постепенно очищаются дворы от мусора, в ближайшем будущем приступят к починке мостовых и пр., 4) отдел предприятий, по которому город особенно много понес убытка вначале, теперь достиг того, что почти все предприятия работают безубыточно». Всего этого удалось достичь, несмотря на то, что численность аппарата думы уменьшилась на 400 человек (с 1000 до 600) [223].

Одним из важных вопросов, который думе пришлось решать сразу после ее возникновения, был вопрос об ее отношениях с Петроградским Советом и с районными думами, в большинстве которых еще сидели кадеты и соглашатели. И большевики — гласные думы сумели найти правильное решение этого вопроса. Они подготовили проект «Временного положения о Петроградском городском общественном управлении», который после утверждения его (с некоторыми изменениями) Петроградским Советом вошел в силу и действовал на протяжении ряда месяцев. В этом «Положении» указывалось, что Петроградская городская дума является одним из органов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и ведает делами местного управления и хозяйства, а также другими делами, возлагаемыми на нее особым постановлением Петроградского Совета.

«Дума является,— говорилось в «Положении»,— единственным полновластным органом Петроградского Совета в пределах ведения делами местного хозяйства и управления. Все органы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, осуществляющие те же задачи, что и Петроградская городская дума, сливаются с исполнительными органами последней.

Для осуществления возложенных на Петроградскую городскую думу задач на местах образуются районные управы, согласно существующему делению города на административные единицы, причем все районные думы распускаются.

---

[223] «Известия Петроградского общественного управления», 15 мая 1918 г.

Районные управы с числом членов не более семи избираются районными Советами рабочих и солдатских депутатов и в своей работе подчинены общему контролю этих районных Советов и подотчетны Центральной городской думе и Центральной городской управе как органам Петроградского Совета...» [224]

Московская городская дума, избранная 25 июня 1917 г. и состоявшая в большинстве из меньшевиков, эсеров и кадетов, создала в решающие дни Октябрьской революции «Комитет общественной безопасности», являвшийся московским филиалом контрреволюционного «Союза спасения родины и революции».

После подписания договора о прекращении военных действий Московская городская дума не остановила борьбы против власти Советов. Она собирала контрреволюционные силы, разваливала хозяйственную жизнь города, организовывала саботаж чиновников, вела контрреволюционную агитацию.

4 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет по настоянию Московского городского комитета большевиков принял решение о роспуске городской думы. 7 ноября это решение было подтверждено исполнительными комитетами Советов рабочих и солдатских депутатов, а 16 ноября его утвердил Совет Народных Комиссаров. Все управление жизнью Москвы передавалось в ведение комиссаров, избранных на заседании исполнительного комитета Совета 7 ноября. Для ведения хозяйства города был создан временный Совет районных дум (8 ноября), работавший в тесном контакте с комиссарами. Аппарат Совета районных дум был одновременно аппаратом Московского Совета, его работа направлялась президиумом Московского Совета.

Контрреволюционные «деятели» распущенной думы, однако, не сложили оружия, не прекратили антисоветской работы. 8 ноября эсеры, меньшевики и кадеты — бывшие гласные Московской думы собрались под председательством Минора и вынесли резолюцию о неподчинении постановлению о роспуске. Изгнанные из городской думы с помощью Красной гвардии, они стали проводить свою контрреволюционную деятельность подпольно.

В декабре подпольная дума призвала органы местного самоуправления к неподчинению Советской власти.

Вскоре после роспуска Московской городской думы Московский Совет, руководствуясь теми же соображениями, что и Петроградский, постановил провести новые выборы в думу.

Было опубликовано «Положение о выборах», намечен день выборов, создана комиссия по выборам и представлены списки кандидатов от партии большевиков. Другие партии — кадеты, эсеры и меньшевики — заявили об отказе от участия в выборах. Левые эсеры сначала собирались было подать списки, но, когда узнали об отказе других непролетарских партий, тоже решили в выборах не участвовать. В такой обстановке большевики решили выборы в думу не проводить [225].

Совет районных дум существовал до апреля 1918 г., когда он был упразднен, а его отделы преобразованы в отделы Московского городского Совета.

---

[224] «Известия Петроградского общественного управления», 2 марта 1918 г.
[225] *Б. Волин.* Вокруг Московской думы.— «Пролетарская революция», 1922, № 6.

Бывшие члены разогнанной Московской городской думы и их представители в ноябре — декабре объехали ряд городов, мобилизуя контрреволюционные, антисоветские силы под флагом «защиты» Учредительного собрания и борьбы с Советским правительством. Кадеты, эсеры и меньшевики рассчитывали превратить городские думы и земства в прочную организационную опору на местах для контрреволюционного Учредительного собрания.

11—15 января 1918 г. в Москве проходило Всероссийское совещание представителей городов и земств, созванное Союзом земств и городов. Оно было задумано как Всероссийский съезд в защиту Учредительного собрания, но из-за недостаточного числа делегатов (около 400 человек, в том числе 53 большевика и левых эсера) объявлено совещанием. Сколько-нибудь внушительной демонстрации против Советской власти не получилось, так как даже на этом совещании прозвучал лозунг «Вся власть Советам!», записанный в наказах ряда земств. Тем не менее контрреволюционное большинство совещания в своей резолюции от 15 января фактически призвало городские и земские самоуправления не подчиняться Советской власти («сохранить всю полноту местной государственной власти, обеспечивая ее всеми доступными средствами от покушений»), образовывать денежные фонды и передавать их в распоряжение Учредительного собрания, а также принять участие в союзах защиты Учредительного собрания [226].

Однако вскоре все эти контрреволюционные «союзы» были распущены Советской властью.

Активное вооруженное сопротивление переходу власти в руки Советов оказали городские думы и земства некоторых городов страны: Саратова, Калуги, Нижнего Новгорода, Казани, Харькова, Екатеринослава, Астрахани.

Саратовская дума после получения сообщения о победе пролетарской революции в Петрограде организовала «Комитет защиты революции» и военный штаб и начала сколачивать из офицеров и учащихся контрреволюционные вооруженные силы. Однако рабочие и солдаты за городской думой не пошли. После окружения советскими отрядами укрепленных пунктов контрреволюционеров дума вынуждена была согласиться на разоружение.

В Нижнем Новгороде дума в октябрьские дни также создала «Комитет спасения революции», ставший штабом контрреволюции. К думе стягивались контрреволюционные силы. Но они были окружены и разоружены советскими отрядами.

В распоряжении контрреволюционной Калужской городской думы в октябрьские дни оказались значительные вооруженные силы: нижегородский драгунский полк, несколько броневиков и батальон «смертников». Сопротивление этого гнезда контрреволюции удалось окончательно сломить только в декабре 1917 г. с помощью революционных войск, прибывших из Москвы.

Газета «Калужская правда» так характеризовала деятельность старой городской думы: «Вся работа городской думы была направлена на разрушение и порчу всего хозяйства: шла купля-продажа городского добра; из банков расхищались крупные денежные суммы, исчезающие неизвестно

---

[226] «Раннее утро», 16 января 1918 г.

куда, между тем как голодные солдатские жены, приходившие получать жалованье, отсылались «отцами города» в Совет.

Также ни для кого не тайна, что городская дума принимала очень деятельное участие в саботаже чиновничества, субсидируя его и поощряя на стачку.

Короче говоря, городское самоуправление, задавшись целью во что бы то ни стало противодействовать Советской власти, не стеснялось в средствах и не брезгало никакими способами борьбы, даже если от них страдало все население Калуги и Калужской губернии. Цель этой тактики ясна: расстроить городское хозяйство в корень, чтобы Совет очутился у разбитого корыта» [227].

В других городах, например, Симбирске, Туле, Воронеже, Тамбове, органы местного самоуправления, хотя и не оказывали открытого вооруженного сопротивления Советской власти, но руководили контрреволюционным саботажем, стремясь вызвать разруху и голод, мешали деятельности Советов, не признавали их власти.

Такую же антисоветскую деятельность проводили и земства. Под предлогом неуплаты крестьянами земских налогов они закрывали школы, больницы. Совещание губернских земских управ, созванное Главным комитетом земского союза в декабре 1917 г., где присутствовали представители 28 губернских земств, заняло открыто контрреволюционную, антисоветскую позицию.

Антисоветская деятельность городских дум и земств велась в тесном контакте с такими контрреволюционными организациями, как местные «Комитеты общественного спасения» и др.

Вступая в столкновения с контрреволюционными думами и земствами, местные Советы нередко запрашивали, имеют ли они право распускать органы местного управления. На это Наркомвнудел отвечал: «Да, имеют, если они противодействуют Советской власти. Больше того, Советы обязаны их распускать в подобных случаях, ибо никакого двоевластия на местах быть не должно» [228].

В ноябре — декабре были распущены Советами или переизбраны лишь отдельные наиболее контрреволюционные думы: Московская, Петроградская, Саратовская, Калужская, Тульская, Курская. В случаях перевыборов в думы избирались большевики, работавшие в контакте с Советами и под их руководством.

Но большинство земских и городских самоуправлений все еще продолжало оставаться в руках эсеров и меньшевиков. С января 1918 г. наступил период ликвидации старых органов местного самоуправления.

24 декабря 1918 г. был опубликован циркуляр Наркомвнудела об организации местного самоуправления. Циркуляр гласил, что единственными органами власти на местах являются Советы, которые должны заменить все прежние органы местного самоуправления [229]. ВЦИК постановлением от 5 января объявлял контрреволюционными всякие попытки со стороны несоветских учреждений присвоить себе функции государственной власти [230]. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого

---

[227] «Калужская правда», 20 декабря 1917 г.
[228] «Вестник отдела местного самоуправления НКВД», 8 января 1918 г.
[229] СУ, 1917, № 12, ст. 179.
[230] СУ, 1918, № 14, ст. 202.

народа», принятая III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, утверждала за Советами всю полноту власти.

24 января 1918 г. отдел местного управления Наркомвнудела опубликовал циркуляр, в котором указывалось: «При существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места.

Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против Советской власти, они должны быть распущены, а где они работают с Советами, должны слиться с ними»[231]. В циркуляре указывалось, что ликвидация местных самоуправлений должна производиться постепенно, по мере того, как Советы сами овладеют их работой.

Начало массовой ликвидации дум и земств не случайно совпало с роспуском Учредительного собрания. Это были два звена одной контрреволюционной цепи. К этому времени земства и думы, как и Учредительное собрание, уже успели дискредитировать себя в глазах широких трудящихся масс. Своими выступлениями против Советской власти, против декретов о земле и о мире, принятых на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, они полностью разоблачили свою антинародную контрреволюционную сущность. Следующая таблица дает представление о сроках замены старых органов самоуправления Советами:

Время ликвидации органов городского самоуправления (думы и управы)

Декабрь 1917 г.	Москва		Тюмень
	Петроград	Апрель 1918 г.	Рязань
	Саратов		Екатеринодар
	Калуга		Пенза
Январь 1918 г.	Нижний Новгород		Самарканд
	Новгород		Ставрополь
	Самара		Тамбов
	Тверь		Чита
	Вятка		Петропавловск
	Харьков		Кострома
	Екатеринослав		Семипалатинск
	Хабаровск		Мелитополь
Февраль 1918 г.	Казань		Майкоп
	Минск		Ейск
	Орел		Томск
	Уфа	Май 1918 г.	Воронеж
	Ярославль		Иркутск
	Кострома		Владивосток
	Ново-Николаевск		Петрозаводск
	Пермь		Оренбург
	Бердянск		Липецк
	Винница	Июнь 1918 г.	Вологда
Март 1918 г.	Владимир		Симбирск
	Тула		Архангельск
	Симферополь		Астрахань

---

[231] «Вестник отдела местного управления НКВД», 1918, № 4, стр. 7—8.

Из приведенных данных видно, что городские думы ликвидировались прежде всего в тех городах, где Советам приходилось брать власть вооруженным путем: в Москве, Саратове, Калуге, Нижнем Новгороде, Харькове, Екатеринославе. Здесь думы оказывали активное сопротивление, поэтому их пришлось ликвидировать уже в декабре 1917 г. или в январе 1918 г. К тому же в этих городах с большой пролетарской прослойкой легче было создавать новый аппарат власти.

Наоборот, в городах земледельческой полосы и далеких окраин ликвидация старого аппарата самоуправления несколько затянулась и в основном проходила в апреле — июне 1918 г. (Рязань, Пенза, Самарканд, Ставрополь, Тамбов, Чита, Воронеж, Владивосток, Архангельск, Астрахань и др.). Но были и исключения. Иваново-Вознесенское городское самоуправление, которое с самого начала было большевистским, работало в тесном контакте с Советом, под его непосредственным руководством. Поэтому Иваново-Вознесенская дума была упразднена позже многих других — в мае.

Интересна судьба Петроградской городской думы. В связи с переездом правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в Москву в марте 1918 г. в Петрограде был создан Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны. Комиссаром городского хозяйства этой Коммуны стал М. И. Калинин, уже занимавший пост городского головы, а членами коллегии комиссариата — большевики — члены управы. Таким образом, персональный состав городской управы и нового Комиссариата городского хозяйства совпали. Но если городская дума и все ее отделы по своей структуре являлись все же инородным телом в системе органов Советской власти, то новый комиссариат был уже чисто советским органом.

В течение ряда месяцев дума и комиссариат существовали параллельно. Это объяснялось необходимостью постепенно перестроить всю систему управления городским хозяйством и овладеть ею. Городская управа в качестве Комиссариата городского хозяйства была непосредственно подотчетна Петроградскому Совету. Со временем необходимость в сохранении городской думы как органа, направляющего деятельность городской управы, исчезла. 20 апреля состоялось последнее заседание думы, а 27 апреля городская управа возбудила ходатайство перед Петроградским Советом о роспуске думы. Формально городская дума еще некоторое время продолжала существовать, хотя на практике действовала лишь городская управа.

24 августа городская управа снова возбудила свое ходатайство[232], и, наконец, в середине сентября 1918 г. городская дума была распущена, городская управа упразднена, а все управление городским хозяйством сосредоточено в Комиссариате городского хозяйства при исполнительном комитете Петроградского Совета.

Одновременно с процессом ликвидации городских дум подготавливалось упразднение земств. Волостные, уездные и губернские земства оказывали упорное сопротивление, стремясь во что бы то ни стало отстоять свое существование. Они использовали в этих целях свои органы печати, устраивали саботаж и стачки служащих. Советам нередко приходилось арестовывать руководителей земств.

---

[232] «Известия Петроградского общественного управления», 31 августа 1918 г.

Так, в Новгороде на своем съезде, состоявшемся 23 декабря, губернское земство объявило себя «единственной властью в губернии» и разослало по уездам телеграфное извещение об этом. В ответ на этот вызывающий контрреволюционный акт Совет арестовал всех членов земского собрания (90 человек) [233].

В Хвалынске (Саратовской губернии) земская управа явилась одним из организаторов контрреволюционного «Комитета спасения родины» [234]. Число таких примеров можно было бы продолжить.

На местах, особенно в волостях, кулаки использовали и такой метод борьбы против Советской власти, как провозглашение старых земств «Советами» при сохранении их прежнего состава. Бывали случаи, когда кулацко-эсеровские земства даже выступали в качестве организаторов фиктивных «Советов». При этом они находили поддержку со стороны тех эсеровских исполнительных комитетов Советов крестьянских депутатов, которые еще не были переизбраны в первые месяцы после Октябрьской революции.

К таким методам контрреволюционной деятельности прибегал, например, Петроградский губернский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, возникший еще при Временном правительстве и состоявший в основном из эсеров. Не решаясь открыто выступить против Советской власти, этот губисполком поручал организацию волостных Советов волостным земским управам. Он рассчитывал создать сеть кулацких «Советов», которые явились бы придатком земств. В начале декабря 1917 г. губисполком предписал земским управам созвать по деревням сходы для выборов членов волостных Советов. Руководство выборами он возложил на председателей земских управ. В их распоряжение были предоставлены финансовые средства. В соответствии с этим указанием земские управы в декабре 1917 — январе 1918 г. создали волостные «Советы» в Сосницком, Рождественском, Царскосельском, Петроградском, Лужском и других уездах.

Однако и этот маневр эсеров вскоре потерпел неудачу.

Процесс ликвидации волостных земств протекал несколько быстрее, чем уездных и губернских. Дело в том, что уже с начала 1918 г. в деревне развернулась борьба за осуществление Декрета о земле, за раздел помещичьей земли. Земства, являвшиеся орудием кулачества, мешали осуществлению завоеваний Октября. К тому же волостное хозяйство было относительно несложным, и волостные Советы могли наладить его сами. Вот почему процесс создания волостных Советов, как правило, сопровождался ликвидацией волостных земств. Последние были в основном ликвидированы уже в январе — феврале 1918 г. (77,4%). К апрелю 1918 г. их не осталось вовсе [235].

Трудящееся крестьянство на собственном опыте убеждалось в необходимости покончить также с уездными и губернскими земствами. В конце февраля 1918 г. на I Петроградском губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был создан губернский исполком. В своем постановлении от 1 марта об организации управления Петроградской губернией новый губернский исполнительный комитет указал, что

---

[233] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 31, л. 8.
[234] Там же, л. 22.
[235] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 465.

земства и земские управы упраздняются. Вместо них при Советах создаются земские отделы.

Некоторое представление о ходе ликвидации уездных и губернских земств в 1918 г. дает следующая далеко не полная таблица [236].

Январь	*Февраль*	*Март*	*Апрель*	*Май*	*Июнь*
Москва	Витебск	Архангельск	Владивосток	Белев	Вологда
Нижний Новгород	Вятка	Красноярск	Кострома	Венев	Великий Устюг
Самара	Казань	Саратов	Курск	Ефремов	
Коломна	Новгород	Тула	Пенза	Кузнецк	
Одоев	Орел	Уфа	Петроград	Наровчат	
Чембар	Пермь	Кемь	Тамбов	Сольвычегодск	
	Козлов	Минусинск	Харьков		
	Речица	Онега			
		Романово-Борисоглебск	Троицко-Севск		
		Шенкурск			
		Елатьма			

Уже из этих отрывочных данных видно, что процесс ликвидации земств особенно бурно проходил весной 1918 г. Левоэсеровские элементы в руководстве Комиссариата по местному самоуправлению тщетно пытались спасти думы и земства. Им в ряде случаев удавалось оттянуть решение вопроса, искусственно задержать существование дум и земств, но последние были обречены.

Март стал месяцем быстрой ликвидации старых органов местного самоуправления по всей стране. 20 марта был распущен и Комиссариат по местному самоуправлению. Думы и земства лишились опоры в центре, что еще более ускорило их ликвидацию. К лету этот процесс в основном закончился.

В то же время Советы развернули большую работу по созданию новой советской системы управления местным хозяйством. Все дела и технический аппарат дум и земств передавались в соответствующие отделы местных Советов. Складывалось единообразное местное управление по всей стране. Оно становилось составной частью советского государственного аппарата.

Строительство Советов на местах

Под руководством центральных органов Советского государства, прежде всего Совнаркома, ВЦИК и Наркомвнудела, развернулось строительство советского аппарата на местах. Большевистская партия придавала ему огромное значение. На VII съезде РКП(б) в марте 1918 г. Я. М. Свердлов

[236] *В. Аверьев.* Ликвидация буржуазных органов местного самоуправления.— «Советское государство», 1936, № 4, стр. 110.

говорил: «Работой в Советах должны были закрепиться те завоевания, которые были достигнуты Октябрьской революцией..., мы всю свою душу, все свои главные силы вливаем поныне в советскую работу» [237].

В процессе строительства Советов особенно большие трудности создавала нехватка кадров. Большинство старого чиновничества, как уже говорилось выше, встретило революцию враждебно. Да и тех, кто не встал в ряды саботажников, можно было использовать главным образом на технической работе. Советскому аппарату, особенно на руководящую работу, нужны были люди, преданные революции, политически закаленные и имеющие к тому же какую-то общеобразовательную подготовку. Большевистская партия направила для работы в Советах значительную часть своих опытных кадров. Правда, по сравнению с потребностями огромной страны их было ничтожно мало. Однако партия глубоко верила в творческие силы трудящихся.

Большевики начали советское государственное строительство не с организационных схем, да таких схем сначала и не было. Главное на первых порах заключалось в том, чтобы помочь массам, разбуженным революцией, поверить в свои творческие силы, проявить инициативу в деле управления государством. «*Ваши* Советы, — писал Ленин 5 ноября 1917 г. в обращении «К населению», — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы... Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь» [238]. Рабочие и крестьяне должны смело взяться за управление страной, не дожидаясь по каждому поводу указаний сверху, — таков лейтмотив и директивы Совнаркома, посланной на места в середине ноября 1917 г. «Рабочие, солдаты и крестьяне должны понять, — говорилось в ней, — что теперь власть вся сверху донизу принадлежит им. Осуществлять эту власть они могут через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

Не ожидайте, товарищи, указаний сверху, не ждите предписаний и сами на практике осуществляйте эту власть...

Только вы сами на местах сможете себе помочь, а правительственная власть будет убирать препятствия и помогать вам отбивать атаки сторонников помещиков и капиталистов путем издания общих законов...» [239]

В этой же директиве Совнаркома был дан конкретный план действий местных Советов. В каждом Совете предлагалось создать отделы: финансовый, городского и земского самоуправления, податной, землеустройства, общего управления и т. д. Советы должны были назначить комиссаров во все старые учреждения: казенную палату, казначейство, податную инспекцию, акцизное управление и др. [240]

24 декабря 1917 г. Наркомвнудел опубликовал обращение ко всем местным Советам, в котором подчеркивалось, что они являются органами местной власти и должны подчинить себе все существующие учреждения административного, хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения [241]. Указывалось, что все прежние местные органы управления должны быть заменены системой Советов — областными, губернскими,

---

[237] *Я. М. Свердлов.* Избранные статьи и речи. М., 1939, стр. 56.
[238] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 66.
[239] «Известия», 15 ноября 1917 г.
[240] Там же.
[241] СУ, 1917, № 12, ст. 179.

уездными и волостными. Эта сеть советских организаций, обладая полной автономией в вопросах местного значения, должна была проводить свою деятельность в соответствии с общими законами Советской власти и постановлениями вышестоящих органов.

В обращении отмечалось, что областные, губернские и уездные Советы должны обратить особое внимание на организацию крестьянских Советов и на теснейшее организационное их объединение с Советами рабочих и солдатских депутатов. «При этом необходимо иметь в виду, чтобы Советы крестьянских депутатов объединили собою действительно демократические пролетарские и полупролетарские элементы деревни, чтобы в них не было места кулакам, торговцам и прочим сторонникам и насадителям кабальных отношений» [242], — указывалось в обращении.

Вместе с обращением была разослана инструкция Наркомвнудела о правах и обязанностях Советов. Инструкция устанавливала определенное единство в советском строительстве на местах и обеспечивала демократическую централизованную систему местных органов Советской власти. Инструкция предусматривала формы построения исполнительных органов — исполкомов и президиумов, число и названия отделов местных Советов. Военно-революционные комитеты, согласно инструкции, ликвидировались, поскольку они выполнили свою историческую роль.

Тем самым был положен конец существованию временных чрезвычайных органов власти, какими являлись ревкомы. При этом допускалось как временная мера назначение комиссаров в те губернии и уезды, где Советская власть недостаточно укрепилась [243].

В инструкции подчеркивалось, что основным принципом построения советского государственного аппарата является демократический централизм. Советы были самостоятельны в вопросах местного характера, но должны были неуклонно выполнять декреты центральной Советской власти и постановления вышестоящих местных органов.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что коммунисты стоят за такой централизм, который обеспечивает единство и стройность советской организации и в то же время создает все условия для учета местных особенностей, развития инициативы и почина на местах ради достижения общей цели. Демократический централизм принципиально отличен от бюрократического централизма, сковывающего инициативу масс и сводящегося к шаблону. Демократический централизм скрепляет единство центра и мест, требует строжайшего подчинения нижестоящих органов вышестоящим и в то же время способствует проявлению всесторонней активности и самодеятельности масс.

В организации Советской власти на местах активное участие приняли комиссары, инструкторы и агитаторы Петроградского Военно-революционного комитета, а также несколько тысяч агитаторов, посланных ВЦИК.

Большую роль в организации Советской власти в деревнях сыграли возвратившиеся домой солдаты-фронтовики. В активное государственное строительство включались десятки и сотни тысяч рабочих и крестьян. Из среды трудящихся выдвигались замечательные организаторы. Опыт и творческая инициатива масс обобщались в постановлениях и декретах прави-

---

[242] СУ, 1917, № 12, ст. 179.
[243] Там же, ст. 180.

тельства. Ленин отмечал, что строительство Советской власти началось «сразу и сверху и снизу».

Опорными пунктами строительства Советов на местах были города. К моменту победы Октябрьской революции в большинстве городов страны (в 593 из 829) Советы уже имелись [244].

В период триумфального шествия революции организовывались Советы и в других городах. Выборы депутатов проводились по производственному принципу — по фабрикам, заводам, профессиональным союзам. Этот принцип обеспечивал участие в выборах одних трудящихся. Как правило, в городские Советы избирались подлинные представители рабочего класса, среди депутатов было много большевиков.

Со значительными трудностями встретилось строительство Советов в деревне. До победы Октябрьской революции в волостях Советов было очень мало. Так, в центрально-промышленных губерниях Советы имелись только в 1,6% всех волостей [245]. В селах и деревнях Советов, за редким исключением, не было вовсе.

Задачи советского строительства в деревне осложнялись тем, что, как уже отмечалось, здесь на первых порах большевистские партийные организации встречались редко. Летом 1918 г. даже в центральных губерниях России большевистские организации имелись лишь в 10% общего числа волостей [246]. Очевидно, что к моменту победы Октября их было еще меньше. Слабость партийных сил на селе не могла, разумеется, не сказаться на советском строительстве.

Инициаторами создания Советов на селе очень часто являлись возвращавшиеся из армии демобилизованные солдаты, рабочие ближайших городов, агитаторы городских партийных организаций.

Волостные Советы состояли из делегатов деревень и сел, избиравшихся на общекрестьянских сходах на основе всеобщего избирательного права. Наряду с трудовыми крестьянами в Советы попадали и представители деревенской буржуазии. В ряде случаев кулаки, используя свое экономическое влияние на бедноту, оказывались даже во главе Советов.

Организация волостных Советов в основном завершилась к апрелю 1918 г. По данным, охватывающим 1001 волость 12 центральных губерний, процесс создания волостных Советов выглядел так: в 16 волостях (1,6%) они имелись до победы Октября, в 67 (6,7%) были организованы в ноябре — декабре 1917 г., в 391 (39%) — в январе 1918 г., в 354 (35,4%) — в феврале, в 137 (13,7%) — в марте, в 30 (3%) — в апреле, в 6 (0,6%) — в мае и позже [247].

Каков был партийный состав волостных Советов? Некоторое представление о нем могут дать сведения по 504 волостным Советам семи губерний Северной области, избранным в период с декабря 1917 по май 1918 г. [248]

---

[244] *Д. А. Чугаев.* История создания и упрочения Советского государства. Доклад, обобщающий содержание научных трудов, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, стр. 10.

[245] *П. Н. Абрамов.* Опросный лист волостного Совета (1918 г.).— «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 200.

[246] *П. Н. Абрамов.* Советское строительство на селе в докомбедовский период.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, стр. 66.

[247] *П. Н. Абрамов.* Опросный лист волостного Совета (1918 г.), стр. 199.

[248] «Вестник областного Комиссариата внутренних дел (Союза коммун Северной области)», 1919, № 5, стр. 476—507.

	Большевики	*Сочувствующие большевикам*	*Левые эсеры*	*Сочувствующие левым эсерам*	*Другие партии*	*Беспартийные*
Число	2978	1829	570	377	180	10 619
%	18	11	3,5	2,3	1,1	64,1

По этим данным, волостные Советы на $^2/_3$ состояли из беспартийных. Но большевики и сочувствовавшие им составляли значительную группу и далеко опережали по влиянию все остальные партии, в том числе и левых эсеров.

Организация сельских Советов несколько отставала от волостных. Массовое создание сельсоветов относится к весне — лету 1918 г. Как и в волостные Советы, депутаты сельских Советов избирались на общекрестьянских сходах, что приводило в ряде случаев к засорению их чуждыми революции людьми.

Первостепенное значение в строительстве Советского государства имело слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов.

Процесс объединения Советов начался после победы Февральской революции. Однако к осени 1917 г. результаты объединения были еще сравнительно невелики: из общего числа 1429 Советов объединенных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов насчитывалось всего 235 [249].

После победы Октябрьской революции процесс объединения Советов значительно ускорился. Большое влияние на этот процесс оказали съезды крестьянских Советов — Чрезвычайный и II Всероссийский, принявшие решение о создании единого ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, а также об объединении III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.

Несмотря на объединение центральных органов Советов, слияние Советов на местах обычно проходило в обстановке острой политической борьбы. Инициатива сбъединения, как правило, исходила от Советов рабочих и солдатских депутатов. Как только эти Советы брали власть в свои руки, они сразу же ставили вопрос о создании единой власти рабочих, солдат и крестьян. В связи с этим обострялась борьба с правыми эсерами. Последние делали все возможное, чтобы не допустить объединения низовых Советов. Борьба обычно оканчивалась тем, что крестьяне давали «отставку» обанкротившимся эсеровским лидерам и избирали в качестве руководителей своих Советов большевиков. После этого объединение не представляло уже больших трудностей.

28—31 декабря в Воронеже состоялся I губернский съезд крестьянских депутатов, на котором присутствовало 169 делегатов с правом решающего и 10 — с правом совещательного голоса. Из них было 92 большевика, 61 левый эсер и 16 беспартийных. Убедившись, что этот съезд пойдет за большевиками, правые эсеры созвали параллельно свой «крестьянский съезд» в Валуйках. Однако их попытка противопоставить этот съезд воронежско-

[249] *Д. А. Чугаев.* История создания и упрочения Советского государства, стр. 10.

му провалилась. Воронежский губернский съезд крестьянских депутатов принял постановление послать 12 своих представителей в исполком Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов и тем самым объединиться с рабоче-солдатским Советом [250].

В Тверской губернии правоэсеровский исполком Совета крестьянских депутатов созвал 17 ноября губернский крестьянский съезд с целью протащить решение против объединения с Советом рабочих и солдатских депутатов. На съезд явилось всего 25 человек. С самого начала антисоветская направленность съезда стала столь очевидной, что 7 представителей крестьян в знак протеста покинули зал заседания. Правоэсеровское руководство вынуждено было объявить съезд совещанием.

Инициативу созыва настоящего съезда Советов крестьянских депутатов взял на себя Тверской Совет рабочих и солдатских депутатов. Этот съезд открылся 3 декабря. На нем присутствовало 127 депутатов с правом решающего и 15 — с правом совещательного голоса от 11 из 12 уездов губернии [251]. По всем вопросам повестки дня — о власти, о земле и др. — съезд принял резолюции, предложенные большевиками. Съезд осудил действия правоэсеровского руководства, избрал новый исполком и принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости «соединиться с Советом рабочих и солдатских депутатов для совместной работы на пользу всего трудового народа и для осуществления твердой и сильной власти народа при посредстве Советов» [252].

Представление о процессе объединения губернских Советов дают следующие данные. Из 30 губерний, о которых есть сведения, в 2 Советы объединились в октябре 1917 г., в 2 — в ноябре, в 9 — в декабре, в 19 — в январе 1918 г. и в 5 — в феврале [253].

Правоэсеровское влияние в исполкомах губернских крестьянских Советов было сильнее, чем в исполкомах уездных Советов. К тому же на уездных съездах Советов имелось больше представителей, избиравшихся непосредственно крестьянами. Этим объясняется то, что в большей части губерний уездные Советы объединились раньше, чем губернские. Так, из 42 уездов Московской, Владимирской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний в 31 уезде Советы объединились уже к концу декабря 1917 г., тогда как губернские Советы — в январе — феврале 1918 г. [254] Однако в тех уездах, где влияние правых эсеров и меньшевиков в уездных Советах было более значительным, объединение проходило позже и нередко под воздействием уже объединенных губернских Советов.

В промышленных районах, где влияние рабочего класса и партии большевиков на крестьянство было более сильным, слияние Советов проходило быстрее, чем в аграрных. Так, в Петроградской, Московской, Нижегородской, Тверской и Владимирской губерниях объединение уездных Советов завершилось уже в декабре 1917 г., а в аграрных губерниях — Воронеж-

---

[250] *И. Г. Воронков.* Большевики в борьбе за Октябрьскую социалистическую революцию. Воронеж, 1952, стр. 142; «Известия Московского Совета», 4 января 1917 г.
[251] «Известия Тверского Совета», 8 декабря 1917 г.
[252] Там же, 14 декабря 1917 г.
[253] *Х. А. Ерицян.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960, стр. 185—186.
[254] Там же, стр. 129.

ской, Вятской, Тамбовской, Рязанской, Вологодской — в январе — марте 1918 г.[255]

В целом по РСФСР слияние уездных Советов в основном завершилось к началу марта 1918 г.

В ходе борьбы за объединение Советов быстро таяло влияние правых эсеров среди крестьянства. В объединенные Советы они попадали в ничтожном числе. С каждым днем возрастал авторитет партии большевиков.

В составе 17 губернских Советов, о которых имеются данные на середину марта 1918 г., было 1600 членов, из них 1065 (66,5%) большевиков, 310 (19,4%) левых эсеров, 48 (3%) правых эсеров, 27 (1,6%) меньшевиков. Таким образом, в объединенных губернских Советах значительно преобладали большевики[256].

Из 222 объединенных уездных Советов, о которых имеются сведения на середину марта, большевики имели абсолютное преобладание в 145, а относительное большинство — в 192 (87%) всего числа Советов. В 11 уездных Советах из тех же 222 большинство имели левые эсеры.

Суммарный партийный состав этих 222 уездных Советов, по данным Х. А. Ерицяна, был такой: большевиков — 60%, сочувствующих им — 4,1, левых эсеров — 19, сочувствующих им — 0,8, правых эсеров — 2, эсеров-максималистов —0,79, меньшевиков — 2,6, социал-демократов-объединенцев — 0,92, анархистов — 0,59, беспартийных — 9,2%[257].

Объединение Советов обеспечило единство политической основы Советского государства, укрепило союз рабочего класса с крестьянством, еще больше сплотило крестьян вокруг большевиков и в то же время нанесло сокрушительный удар по правым эсерам. Был ликвидирован параллелизм в деятельности Советов.

Объединенные Советы, направляемые большевиками, сосредоточили в своих руках руководство всей политической и хозяйственной жизнью данного района. Они создавали единый аппарат управления.

После Октябрьской революции губернские и уездные съезды Советов проводились очень часто — через два-три месяца. Это давало возможность привлекать к управлению и решению важнейших вопросов местной и общегосударственной жизни новые и новые слои трудящихся и непрерывно улучшать состав исполнительных комитетов, избиравшихся на съездах.

21 ноября 1917 г. ВЦИК принял декрет «О праве отзыва делегатов»[258]. По требованию более половины избирателей должны были проводиться перевыборы во все Советы. Декрет ВЦИК, написанный В. И. Лениным, являлся ярким выражением демократичности Советской власти. Трудящиеся массы могли в любое время отозвать депутатов, не оправдавших доверие избирателей. Право отзыва стало важным принципом советской демократии.

Строительство Советов встречало много трудностей. Народ шел по непроторенным путям. Не было опыта. Советская власть строилась в обстановке острой классовой борьбы. Следует к тому же учесть разнообразие условий в различных областях России, отрыв мест от центра вследствие транспортных затруднений. Но пролетарское чутье, революционная энер-

---

[255] *Х. А. Ерицян.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции, стр. 130.
[256] Там же, стр. 190.
[257] Там же, стр. 152, 189.
[258] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 116—119.

гия масс, руководство Коммунистической партии позволяли преодолевать все трудности.

В. И. Ленин говорил позже: «Мы убеждены, что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание» [259].

Но бурное строительство Советов, бьющая через край самодеятельность масс, при отсутствии опыта неизбежно должны были привести к «болезням роста». Трудящиеся массы, как говорил В. И. Ленин, «путем собственных ошибок» приобретали опыт и навыки государственного строительства.

Не всюду новые органы власти со всей решительностью ломали старые буржуазные учреждения и порядки. Бюрократические традиции, известная косность оказывали влияние на часть работников нового, еще неопытного советского аппарата. В монографии Е. Н. Городецкого рассказывается о таком случае: в начале 1918 г. бывший земский начальник одного из уездов Оренбургской губернии Фирсов жаловался в Оренбургский Совет на отстранение его от работы «без официального уведомления». Видимо, не решаясь самостоятельно решить этот вопрос, Совет переслал жалобу Фирсова в Наркомвнудел. Разъяснение наркомата гласило: «Октябрьской революцией уничтожен институт земских начальников, а поэтому ни о каких официальных уведомлениях об увольнении не может быть и речи, так как земские начальники уволены не приказом, а народным восстанием» [260]. В феврале 1918 г. Костромско-Ярославское управление бывшего министерства земледелия объявило о торгах по продаже леса казенных дач. В связи с этим фактом орган Наркомзема «Леса республики» писал: «Почему до сих пор существует Костромско-Ярославское управление? Почему до сих пор все леса не переданы в ведение лесных отделов губернских Совдепов? Почему и как местная Советская власть питает и кормит учреждение, давно уже похороненное, как позволяет ему распоряжаться общенародным достоянием, отдавая его на съедение кулакам-промышленникам?» [261].

Налаживанию управления страной мешала разнородность в организации аппарата местной власти. В строительстве Советов и их аппаратов не было согласованности и единообразия. В одних Советах создавались исполкомы, в других — только президиумы Советов; в одних исполкомах были президиумы, в других — бюро исполкомов. В одних случаях губисполком и горисполком работали раздельно, в других они были объединены. Не было единообразия и в структуре аппарата самих исполкомов. Каждый Совет сам устанавливал количество отделов, их названия и численность сотрудников. Затрудняли дело также частые реорганизации и перестройки аппарата.

Неправильное понимание лозунга «Вся власть Советам!» нередко порождало местничество и сепаратизм отдельных Советов, отказывавшихся от руководства со стороны центральной власти.

Местничество и сепаратизм приводили к тому, что отдельные губернии и уезды объявляли себя республиками или трудовыми коммунами: Курская республика, Калужская республика, Тверская республика, Алтайская

---

[259] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 249.
[260] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 456.
[261] Там же.

республика, Казанская республика, Ростово-Нахичеванская трудовая коммуна, Кронштадтская и Уфимская городские коммуны, Николаевская уездная социалистическая трудовая коммуна и т. д.

Создавались местные ЦИК и Совнаркомы: ЦИК Северной области, ЦИК и Совнарком Сибири, ЦИК Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, Совнарком Московской области, Совнарком Петроградской трудовой коммуны, Совнаркомы Симбирской, Тульской и Тамбовской губерний, Советы народных комиссаров Рузаевского, Бугульминского, Мокшанского уездов и т. д.

Местные Совнаркомы нередко исполняли только те декреты и постановления центральной власти, с которыми они были согласны. Некоторые Советы (Царицынский, Самарский, Казанский) даже установили свои таможенные пошлины.

Один из участников революционных событий в Ельце, В. Х. Бровкин, рассказывает:

«Когда вышел закон о Советской власти, то в Ельце образовался Совет Народных Комиссаров. Мы создали ЦИК в Ельце, как в Москве, с его отделами: раз власть на местах, и у нас должно быть так же. Это было в ноябре 1917 г.

Народных комиссаров было 14 человек. Я был народным комиссаром здравоохранения.

На первом заседании Совета Народных Комиссаров распределяли комиссариаты — кого куда. Было поручено каждому организовать комиссариат. Затем, когда организовали комиссариаты, был назначен срок, чтобы на втором заседании доложили наркомы об организации своих комиссариатов. И на этом заседании нарком путей сообщения машинист Соколов (это спустя две недели после первого заседания) приходит и говорит: «Ну, как я буду организовывать? С чего мне начать? У меня нет помещения, и мне никто его не дает. И чем я буду управлять? Укажите мне границы моих путей сообщения, где моя территория» [262].

Тенденция к сепаратизму была своеобразной реакцией масс на царский и буржуазный централизм. Ленин отмечал, что «в этом стремлении к сепаратизму было много здорового, доброго, в смысле стремления к созиданию» [263]. Но в нем была и большая опасность, так как левые эсеры, анархисты пытались использовать инициативу масс во вред диктатуре пролетариата, сознательно насаждали сепаратизм, местничество с целью помешать строительству стройной, крепкой советской государственной системы.

Здоровую инициативу мест нужно было ввести в определенное русло. Партия требовала беспрекословного подчинения местных советских органов центральной власти в общегосударственных делах.

На основе обобщения опыта мест Советское правительство разрабатывало положения, определявшие единые основы советского строительства.

Создавая свой административно-хозяйственный аппарат, Советы стали руководить всеми областями хозяйственной и культурной жизни, они вовлекали в борьбу с эксплуататорами широкие массы трудящихся.

Сразу же после возникновения Советы стали решать задачи местного

---

[262] «Рассказы о революции и гражданской войне». Воронеж, 1939, стр. 13—14.
[263] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 21.

хозяйства, заботились о сохранении промышленности от расхищения, организовывали продовольственное дело, занимались проведением аграрных преобразований, финансовыми вопросами, жилищным делом, топливом, организацией рабоче-крестьянской милиции. Уже в этот период стала проявляться инициатива Советов по организации здравоохранения, просвещения, благоустройству городов, развертыванию строительства.

Организованные во всероссийском масштабе, Советы объединили политическую, хозяйственную и культурную деятельность рабочих и крестьян. Они были не только формой организации авангарда трудящихся, но и постоянной и единственной основой государственной власти.

* * *

Ни одна из буржуазных революций не ставила себе задачи сломать старый государственный аппарат, она только приспосабливала, улучшая и реформируя, старую государственную машину к интересам нового господствующего класса. И то понадобились годы, чтобы выполнить эту задачу. Даже Великая французская буржуазная революция, поставившая задачу ликвидировать все старые местные органы власти в целях создания централизованного буржуазного государства, не скоро справилась с созданием своей государственной машины. К. Маркс писал, что только «Наполеон завершил эту государственную машину» [264].

Впервые в истории задачу слома старого государственного аппарата и создания вместо него нового начала решать Парижская Коммуна, но сделала она это лишь в масштабах столицы, да и просуществовал новый государственный аппарат всего 72 дня. А Советская власть, опираясь и на героический опыт парижских коммунаров, и на огромный опыт, накопленный трудящимися в течение восьми месяцев деятельности Советов до Октября, добилась ликвидации старого и создания нового государственного аппарата и притом в масштабах гигантской страны в срок, немногим больший, чем просуществовала Парижская Коммуна. Конечно, совершенствование и укрепление нового государственного аппарата продолжалось и дальше, но в основном пролетарское государство было создано в первые месяцы после Октября. Советская власть установилась на всем пространстве страны, за исключением тех районов, в которых на время задержалась у власти контрреволюция, дошла до самых низших звеньев административного деления страны — уездов, волостей и деревень. В этом грандиозном государственном строительстве участвовали все народы страны, наиболее активные и деятельные представители которых объединялись Советами.

Происходило это массовое строительство в борьбе с упорным и систематическим противодействием противников Советской власти. Сначала кичливые и самодовольные бюрократы объявили стачку, не забыв захватить жалованье за три месяца вперед. Они напыщенно и самоуверенно угрожали: пусть попробуют обойтись без нас... Они не хотели и не могли понять, что победивший пролетариат и не собирается овладевать старой государственной машиной, а отдает на слом ее эксплуататорскую, насильственную основу и приступает к созданию нового государственного аппарата на базе Советов. Стоявшие за спиной чиновников-саботажников капитали-

---

[264] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 206.

сты и помещики прибегали к самым разнообразным формам и приемам сопротивления — от подкупа и натравливания на Советскую власть разложившихся подонков и пьяных погромов до ожесточенной гражданской войны. «Идеологи» контрреволюционного лагеря, оперируя целым арсеналом «доказательств», вплоть до фальсифицированных цитат из Маркса, запугивали народ несбыточностью начатого строительства: никто и нигде не ломал старый аппарат государства, освященный веками.

Но трудящиеся с энтузиазмом, творческим подъемом, с уверенностью в своих силах создавали новое государство. Преодолевая сопротивление врагов, применяя в нужных случаях насилие, Советы брали в свои руки все отрасли государственного управления.

«Мир не видел,— с законной гордостью говорил В. И. Ленин 12 января 1918 г. на III съезде Советов,— ничего подобного тому, что происходит сейчас у нас в России, в этой огромной стране, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов: колоссальная организационная работа во всех уездах и областях, организация низов, непосредственная работа масс, творческая, созидательная деятельность, которая встречает препятствия со стороны различных буржуазных представителей империализма» [265].

Успех строительства нового аппарата объяснялся прежде всего тесной связью пролетарского государства с самими широкими слоями трудящихся. Большевики использовали то «чудесное средство», о котором писал В. И. Ленин накануне Октября и которым не владеет ни одна капиталистическая страна,— смелое привлечение бедноты к управлению государством. Организованные Советами и руководимые большевиками народные массы выдвинули тысячи организаторов, инициативных, мужественных, стойких, преданных.

Создатели нового государства выдвигались из самых различных слоев трудящихся, но, разумеется, прежде всего из среды пролетариата, самим своим положением в производстве подготовленного к восприятию и установлению дисциплины, сплоченного воедино совместным трудом на фабриках и заводах. Вместе с тем, по своему положению, образу жизни, бытовым условиям и т. п. рабочий класс был близок ко всем трудящимся, хорошо понимал их нужды и интересы. Недаром Ленин всегда говорил о необходимости направлять передовых рабочих в народные массы, привлекать к участию в строительстве аппарата власти, осуществлению продовольственной политики и т. д. На плечи пролетариата легла основная работа в области просвещения, работа в деревне среди крестьянской бедноты. В этом ярко проявилась гегемония рабочего класса, его руководство самыми широкими массами трудящихся.

Еще одним источником, из которого Советская власть черпала необходимые ей кадры, были демобилизованные солдаты. Они являлись наиболее активной и передовой частью крестьянства. Пройдя в армии школу пролетарской революции, солдаты возвращались в самые далекие и глухие места, откуда они были призваны в армию, и становились там во главе Советов, помогая крестьянской бедноте сплачиваться, принимать участие в строительстве новой жизни. Демобилизованные солдаты нередко брали на себя и партийную работу, создавая большевистские ячейки в деревне.

---

[265] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 284.

Не случайно рост деревенских партийных организаций начал усиливаться после возвращения демобилизованных солдат.

Сила Советской власти заключалась и в том, что новое государство не знало того разделения властей на законодательную и исполнительную, которое в истории буржуазного парламентаризма на деле приводило к подчинению законодательной власти исполнительной, к подчинению парламента правительству. Советы сами издавали законы и сами же приводили их в исполнение, обладая для этого признанным широкой массой трудящихся авторитетом и вооруженной силой.

В. И. Ленин полагал, что это имеет всемирно-историческое значение в развитии демократии, ибо «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*» [266].

Успех государственного строительства обеспечивался глубоким доверием трудящихся к своим Советам: народные массы обладали правом, неведомым и самым демократическим странам капитализма, правом отзыва депутатов, не справляющихся с делом или не оправдывающих своего избрания. Трудящиеся понимали, что такое право отзыва является радикальным средством против превращения служащих нового аппарата во всесильных чиновников.

В борьбе за введение и укрепление власти Советов трудящиеся встретились с сопротивлением органов буржуазного парламентаризма — городских дум и земств, многие из которых открыто возглавили антисоветские мятежи. Преодолевая их сопротивление, широкие массы трудящихся изживали иллюзии буржуазного парламентаризма и на собственном опыте убеждались в преимуществах Советской демократии.

Всем этим объясняется активное участие самых широких масс в быстром создании советского государственного аппарата.

---

[266] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 304—305.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ

Творческая инициатива рабочих

В триумфальном шествии Советской власти огромную роль сыграли экономические преобразования в стране. Они были начаты Советской властью сразу после ее победы. «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»[1],— мы уже приводили эти слова В. И. Ленина. Они были сказаны 25 октября 1917 г. в 2 часа 30 мин., когда успех вооруженного восстания был обеспечен.

Впервые в истории человечества народ стал хозяином всех богатств страны. Руководимые большевистской партией, рабочие и крестьяне начали с первых же часов революции создавать не только совершенно новые формы политического управления, но и основу социалистической системы хозяйства. Народы России стали прокладывать неведомые человечеству пути строительства социалистического общества. Пути эти были теоретически намечены большевистской партией, В. И. Лениным еще до Октябрьской революции и получили наиболее полное отражение в экономической платформе, принятой VI съездом РСДРП(б). Эта экономическая платформа являлась составной частью программы борьбы большевиков за социалистическую революцию.

Ликвидация войны и организация производства в интересах рабочих и беднейших крестьян не для войны, а для восстановления разрушенного ею хозяйства, планомерное регулирование производства и распределения и с этой целью национализация и централизация банков, национализация синдицированных предприятий и транспорта, организация через кооперативы и продовольственные комитеты правильного товарообмена между городом и деревней, установление действительного рабочего контроля и постепенное развитие его в полное регулирование производства, отмена коммерческой тайны, отказ от уплаты внутренних и внешних государственных долгов, коренное преобразование всей налоговой системы, введение всеобщей трудовой повинности в интересах правильного использования

---

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 2.

рабочей силы и поднятия производства, конфискация помещичьей земли и национализация всей земли [2] — вся эта программа отвечала жизненным интересам трудящихся, она сплотила пролетариат и беднейшее крестьянство вокруг большевистской партии.

В. И. Ленин в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» подробно обосновал этот большевистский план спасения страны от гибели и, развивая решения VI съезда партии, дополнил рядом новых, принципиально важных положений. Он подчеркнул значение учета и контроля за народнохозяйственной жизнью со стороны берущего в свои руки государственную власть пролетариата. Вождь партии исходил из того, что Россия созрела для социалистических преобразований, так как и здесь, хотя и с отставанием, капитализм перерастал в государственно-монополистический, являвшийся высшей возможной в условиях старого строя ступенью обобществления производства.

«Войной и разрухой,— пояснял Ленин в другой статье,— все страны вынуждены идти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму. Таково объективное положение. Но в обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм. Нельзя идти вперед при революции, не идя к социализму,— таково объективное положение, созданное войной и революцией. Его учла наша Апрельская конференция, поставив лозунги «республики Советов» (политическая форма диктатуры пролетариата) и национализация банков и синдикатов (основная из переходных мер к социализму)» [3].

Чрезвычайное значение имело выдвинутое в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» положение о необходимости для страны победоносной пролетарской революции догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и в экономическом отношении [4]. Такая до дерзости смелая постановка вопроса в момент, когда Россия находилась на грани экономической катастрофы, свидетельствовала о величайшей вере партии и ее вождя в творческую энергию революционного пролетариата и его союзника, в созидательные возможности социалистической революции.

Наряду с уже указанными в резолюции VI съезда переходными мерами к социализму, Ленин назвал принудительное синдицирование, т. е. объединение капиталистов в союзы по отраслям под контролем пролетарского государства. Определяя путь к социализму, авангард пролетариата, по словам Ленина, «ясно, прямо, точно и во всеуслышание» заявил: «...вот какой дорогой лежит наш путь: через республику Советов, через национализацию банков и синдикатов, рабочий контроль, всеобщую трудовую повинность, национализацию земли, конфискацию помещичьего инвентаря и проч. и проч. В этом смысле программу переходных мер к социализму мы дали» [5]. Таким образом, Ленин еще до Октябрьской революции определил первые шаги социализма как сочетание социалистических мероприятий с рядом переходных мер, подрывающих экономическую мощь буржуазии.

---

[2] «КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля — 5 ноября 1917 г.». М., 1957, стр. 8—9.
[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 373.
[4] См. там же, стр. 198.
[5] Там же, стр. 373.

Это учение Ленина было дальнейшим развитием высказанной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» идеи о путях и формах экспроприации капиталистов. «Это может, конечно,— писали они,— произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны, как средство для переворота во всем способе производства» [6].

Задача организации новой экономики страны, как и нового государственного аппарата, была связана с величайшими трудностями. Одна из этих трудностей состояла в том, что социалистическая революция в отличие от буржуазной не получает в наследство готовых форм организации новой экономики. Ей приходится разрушать старые производственные отношения и создавать новый государственный экономический организм, который направлял бы работу миллионов людей по единому плану.

«Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные» [7],— говорил Ленин.

Партии пришлось приступить к решению этой величайшей задачи в обстановке экономической разрухи, развала всего хозяйства страны, являвшихся следствием империалистической войны и саботажа буржуазии. Даже такие ключевые отрасли промышленности, как металлургия и топливо, имевшие решающее значение в военной экономике, находились к моменту Октябрьской революции в состоянии глубокого упадка.

После победы Октябрьской революции буржуазия и помещики вступили на путь бешеной борьбы: они устраивали вооруженные выступления, саботаж, вредительство, стремились вызвать голод и безработицу. При этом надо иметь в виду, что и после победы диктатуры пролетариата буржуазия на первых порах еще сохраняет ряд преимуществ: в ее распоряжении имеются деньги, навыки в организации и управлении, международные связи, технические знания, поддержка международной реакции и оппортунизма.

Хозяйственно-политическая обстановка в Советском государстве усложнялась также в связи с капиталистическим окружением и мелкобуржуазным характером России.

Но большевистская партия и Советское правительство не остановились перед всеми этими трудностями. Социализм, приводил Ленин высказывание Маркса и Энгельса, нельзя ввести сразу путем декретирования, он побеждает путем «долгих мук родов» [8], в результате ожесточенной борьбы с умирающим капитализмом.

Хотя основные направления, по которым надлежало вести социалистические преобразования, и были намечены партией, методы их осуществления должна была подсказать революционная практика масс. Ленин подчеркивал, что «социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» [9].

---

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 446.
[7] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 6.
[8] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 278.
[9] Там же, стр. 57.

Нельзя забывать и о том, что, если исключить сравнительно небольшой опыт Парижской Коммуны, социалистические преобразования осуществлялись в нашей стране впервые в истории человечества.

Ключевой переходной мерой, в осуществлении которой некоторый опыт был накоплен еще до революции, был рабочий контроль над производством и распределением.

Значение рабочего контроля в переходный от капитализма к социализму период было со всей силой показано Лениным в гениальной работе «Государство и революция»: «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*» [10]. По-новому определить меру труда и вознаграждения нельзя было путем кабинетных размышлений или абстрактных научных исследований. Для этого требовались массовая практика, участие миллионов, что и давал рабочий контроль.

В. И. Ленин подчеркивал, что вопрос о рабочем контроле неразрывно связан с вопросом о власти. «Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь... Без Советов эта задача, по крайней мере для России, была бы неразрешима» [11].

В противовес большевистскому лозунгу «рабочего контроля» меньшевики до Октябрьской революции, как уже говорилось, выдвигали лозунг «государственного контроля» в условиях буржуазного государства. Ленин тогда же разоблачил контрреволюционность такого «контроля», имевшего целью не допустить рабочих к вмешательству в вопросы управления. Он показал, что действительный контроль возможен только в том случае, когда у власти находятся трудящиеся, а не эксплуататоры.

Еще до Октябрьской революции рабочие вопреки преследованиям со стороны Временного правительства пытались ввести свой контроль на предприятиях. В некоторых районах и отраслях эти попытки носили массовый характер. До Октября требование введения рабочего контроля было одним из важнейших лозунгов мобилизации масс пролетариата на завоевание власти, он был направлен против саботажа капиталистов, но он не являлся формой коренной перестройки социального характера производства. Пролетарская революция изменила не только масштабы, но и само содержание рабочего контроля. Теперь он стал формой перехода к социалистическому переустройству промышленности, к рабочему управлению, формой участия масс в создании социалистической экономики. Рабочий контроль вел постепенно к слому старых, капиталистических порядков на предприятиях. Он служил средством политического воспитания трудящихся.

Рабочий контроль имел также большое значение для укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Последнее было заинтересовано в нем как в мере борьбы против разрухи.

В. И. Ленин считал рабочий контроль вопросом первостепенной важности. ЦК РСДРП(б), обсуждавший вопрос о подготовке партии ко

---

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 97.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 306.

II съезду Советов, постановил внести вопрос о рабочем контроле в повестку дня съезда наряду с вопросами о войне, о власти и о земле [12]. Правда, II съезд Советов не смог обсудить вопрос о рабочем контроле. Но уже в первых официальных документах Советской власти — в решениях II съезда Советов, в обращении «К гражданам России!», в «Декларации прав народов России», а также в многочисленных выступлениях Ленина — рабочий контроль был провозглашен в качестве государственного мероприятия.

Вместе с тем Ленин указывал, что за осуществление рабочего контроля должны взяться сами трудящиеся массы. «Помню,— писал в своих воспоминаниях свидетель Октябрьской революции прогрессивный американский журналист Альберт Рис Вильямс,— группа рабочих одной фабрики пришла как-то к Ленину и спросила его, как наладить работу фабрики. Он развел руками и сказал: «Откуда мне знать, как пустить в ход фабрику? Пойдите и попробуйте, а затем возвращайтесь и расскажите, что вы сделали, и тогда я постараюсь кое-чему научиться на ваших промахах и ошибках и — прибавил он шутя — напишу об этом книгу» [13].

Перед большевиками встала задача развернуть творческие силы народных масс. Рабочих, проявивших чудеса героизма, самоотверженности, высокой сознательности в свершении социалистической революции, большевики организовывали на новый подвиг — построение социалистического общества.

«Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности,— писал Ленин.— Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб. Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет» [14].

И рабочие, руководимые большевиками, приступили с первых же дней Октября к осуществлению такого контроля. В новых условиях, после установления Советской власти, диктатуры пролетариата, рабочий контроль должен был и мог стать «всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов» [15].

Пример в организации рабочего контроля давали рабочие революционной столицы. Большую работу развернул Центральный совет фабзавкомов Петрограда и его окрестностей (ЦС ФЗК), возглавляемый большевиками. Петроградский Военно-революционный комитет назначил на некоторые важнейшие предприятия комиссаров, осуществлявших рабочий контроль и пресекавших саботаж промышленников.

Центральный совет фабрично-заводских комитетов столицы выступил одним из инициаторов издания общегосударственного акта о рабочем контроле и его органах и внес в СНК свой проект такого постановления. Примеру Петрограда следовали местные советы фабзавкомов и военно-революционные комитеты (Харьков, Ревель, Саратов, Урал).

---

[12] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, стр. 118.
[13] «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов». М.— Л., 1927, стр. 105.
[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 57.
[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 306.

Инициативу в организации рабочего контроля проявляли Советы рабочих депутатов. Так, в Серпухове по указанию Совета фабзавкомы предприятий выделили из своего состава контрольные комиссии, которые были объединены в один контрольный коллектив при Серпуховском Совете рабочих депутатов [16]. 27 октября 1917 г. исполком Саратовского Совета постановил: «...фабрично-заводским комитетам взять надзор за правильным течением жизни на заводах и фабриках в свои руки» [17]. Саратовский Совет призвал революционные массы к созидательной и творческой работе. На заседании Совета большевики говорили: «Мы взяли политическую власть в свои руки, а теперь начнем борьбу за власть экономическую... Первым шагом в этом деле является осуществление рабочего контроля и учет продуктов» [18].

Для придания рабочему контролю стройной системы и организации его во всероссийском масштабе ВЦИК и СНК 14 ноября 1917 г. приняли «Положение о рабочем контроле» [19], проект которого был написан Лениным и опубликован в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» 1 ноября и в «Правде» 3 ноября.

«Положение» гласило, что рабочий контроль вводится «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства». Устанавливался контроль над производством, куплей, продажей и хранением материалов и продуктов, а также над финансовой деятельностью всех предприятий. Он осуществлялся рабочими через свои выборные органы: заводские комитеты, советы старост.

Эти выборные органы, руководимые большевиками и тесно связанные с массами, были твердым оплотом диктатуры пролетариата на каждом предприятии.

Общее руководство рабочим контролем в пределах города или промышленного района осуществлял местный совет рабочего контроля, являвшийся органом соответствующего Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Тем самым преграждался путь анархо-синдикалистским элементам для использования рабочего контроля в своих интересах и противопоставления его диктатуре пролетариата. Для руководства рабочим контролем в масштабах всей страны учреждался Всероссийский совет рабочего контроля из представителей от ВЦИК, исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Всероссийского совета профессиональных союзов. Этим отметались местнические тенденции, подчеркивалось общегосударственное значение рабочего контроля.

Коммерческая тайна отменялась. Это делало рабочий контроль действенным, особенно опасным для капиталистов, ибо он распространялся на «святая святых» буржуазии. Решения органов рабочего контроля были обязательны для владельцев. Ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества предприятий объявлялись как владельцы, так и представители рабочего контроля.

Вся система органов рабочего контроля создавалась как единый, стройный государственный аппарат, обеспечивавший регулирование хозяйства страны в интересах трудящихся. Тем самым закладывалась основа

---

[16] «Рабочий контроль», 1918, № 1, стр. 15.

[17] *Н. Афанасьев.* Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947, стр. 72.

[18] Там же.

[19] «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 83—85.

для организации хозяйства на плановых началах в общегосударственном масштабе. Необходимо подчеркнуть, что «Положение о рабочем контроле» было первым законом, сформулировавшим задачу планомерного регулирования народного хозяйства.

Декрет о рабочем контроле нанес первый сокрушительный удар по капиталистическому производству, положил конец неограниченной власти буржуазии на предприятиях.

Декрет был встречен большинством рабочих с энтузиазмом. Вслед за опубликованием декрета они, не теряя времени, сразу же начали проводить его в жизнь, вырабатывая с этой целью инструкции по рабочему контролю. Такие инструкции были выработаны 1-й областной конференцией фабзавкомов Урала (1—5 декабря 1917 г.), III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири, Центральным советом фабзавкомов Петрограда, многими местными Советами и другими органами рабочих. Инструкции вырабатывались как по отдельным центрам и районам, так и по отраслям промышленности (нефтяная, металлообрабатывающая, текстильная, швейная и др.) [20].

Особенно большую роль сыграла «Инструкция по рабочему контролю» Центрального совета фабзавкомов Петрограда. Она указывала на необходимость самого активного вмешательства в дело организации производства и снабжения предприятий сырьем и топливом. Она рассматривала рабочий контроль «как переходную ступень к организации всей хозяйственной жизни страны на социалистических началах, как первый неотложный шаг, делаемый снизу, параллельно с работой в центральных органах народного хозяйства».

Ни одно распоряжение администрации, согласно «Инструкции», не могло быть проведено в жизнь без ведома и согласия заводского комитета [21].

Эта «Инструкция» была издана отдельной брошюрой и стала основой для деятельности контрольных комиссий по всей стране.

Фабзавкомы или контрольные комиссии крупных предприятий, исходя из особенностей производства, разрабатывали собственные инструкции, основываясь на инструкциях центральных руководящих органов, а также местных организаций, занимающихся вопросами промышленного производства (губернских советов народного хозяйства, советов профсоюзов, отраслевых профсоюзов и т. д.).

Другую линию в отношении рабочего контроля пытались проводить меньшевики, исходившие из представления о неизбежности возврата к «нормальному» капиталистическому производству. Их позиция нашла отражение в инструкции Всероссийского совета рабочего контроля, где меньшевики еще пользовались влиянием. Она провозглашала, что управление предприятием остается за владельцем, а органы рабочего контроля должны лишь «содействовать», «наблюдать», «выяснять» [22]. Таким образом, большевистской идее распорядительного контроля противопоставлялась оппортунистическая идея наблюдательного и осведомительного контроля. Меньшевикам и другим оппортунистам удалось протащить резолюцию о

---

[20] *В. А. Виноградов.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917—1918). М., 1955, стр. 20.

[21] «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1918 гг.» Сборник документов, т. I. Л., 1947, стр. 237—243.

[22] Там же, стр. 244—245.

неучастии контрольных комиссий в управлении предприятиями даже на I Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. [23]

Ведущую роль в деле организации рабочего контроля играли руководимые Советами фабрично-заводские комитеты. Ленин призывал их активнее включаться в государственную работу и не только заниматься делами своего предприятия, но и быть организационной ячейкой для налаживания всей государственной экономической жизни.

Осуществляя контроль над производством, рабочие противодействовали попыткам буржуазии закрывать предприятия, расхищать средства, наносить ущерб Советскому государству.

Как вводился и постепенно углублялся рабочий контроль на местах, можно проследить на примере Иваново-Вознесенского района. Сразу же после получения декрета ВЦИК и СНК в городе состоялось совещание президиумов фабзавкомов, стачечных комитетов [24] и представителей профсоюзов по вопросу о проведении его в жизнь. Решено было в качестве первоочередной меры произвести на предприятиях полный учет фабрикатов, полуфабрикатов и сырья как по книгам, так и в натуре [25]. Следующим шагом в развитии контроля явилось распространение его на снабжение предприятий сырьем и топливом. Контрольные комиссии и фабзавкомы брали это дело в свои руки в ответ на попытки фабрикантов закрывать предприятия или сокращать выпуск продукции под предлогом невозможности достать все небходимое для продолжения производства [26].

Постепенно органами рабочего контроля начал регулироваться и сбыт. Был введен порядок, при котором ни один аршин ткани не мог быть вывезен с фабрики без разрешения контрольной комиссии или фабзавкома. Последние руководствовались указаниями губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и мануфактурного отдела Наркомата промышленности и торговли. Дальнейшее расширение контроля над сбытом шло по линии усиления регулирующего вмешательства государственных органов и в конечном итоге привело к полному переходу сбыта в ведение губернского совета народного хозяйства и Районтекстиля [27].

Уже на первых стадиях развития рабочего контроля его органы властно вмешивались во взаимоотношения рабочих с предпринимателями, брали в свои руки вопросы увольнения и перевода рабочих, ввели по инициативе профсоюза текстильщиков новый тариф оплаты труда, утвержденный затем губернским Советом народного хозяйства [28].

К февралю 1918 г. рабочий контроль начал распространяться и на финансовую сторону жизни предприятий, на поступление и расходование средств. Без разрешения фабзавкома или контрольной комиссии не мог быть оплачен ни один счет. Местным банкам запрещалось выдавать деньги по документам, не имеющим визы фабзавкома.

---

[23] ЦГИА СССР, ф. 126, оп. 1, д. 48, л. 15 об.
[24] Они были созданы для руководства всеобщей стачкой текстильщиков накануне Октября.
[25] *И. Юрасов.* Рабочий контроль в промышленности Иваново-Вознесенского района (губернии) в 1917—1918 гг. Канд. дисс. Л., 1951, стр. 176.
[26] Там же, стр. 225.
[27] Там же, стр. 330—331.
[28] Там же, стр. 180—181, 184, 186—187.

Органы местной Советской власти ведали распределением правительственной ссуды текстильным предприятиям, что позволяло им эффективно содействовать осуществлению контрольно-регулирующих мероприятий.

Пройденная школа позволяла контрольным комиссиям и фабзавкомам чувствовать себя настолько уверенно, что в ответ на попытки саботажа капиталистов они, как это было на фабриках Краснова, Полушина, Кочеткова, вновь пускали остановленные предприятия в ход, беря все управление в свои руки [29].

Очерченный путь — от ревизии наличной продукции, сырья, топлива к рабочему управлению — характерен для развития рабочего контроля по стране в целом. В тех местах, где были наиболее крепкие партийные организации, где в Советах и рабочих организациях с самого начала преобладало влияние большевиков, процесс этот протекал быстрее. Интенсивнее шел он также в тех отраслях, где трудились передовые отряды кадрового пролетариата. В других местах и отраслях движение шло медленнее, иногда задерживалось на первых ступенях.

Чрезвычайно трудной степенью для контрольных комиссий оказался финансовый контроль, требовавший специальных знаний и навыков. Обследование 600 предприятий Москвы, проведенное в феврале 1918 г., показало, например, что учет сырья проводился на 32% заводов и фабрик, охваченных рабочим контролем, учет топлива — на 27% из них, а финансовый контроль — на 8% предприятий [30]. Однако постепенно органы рабочего контроля приобрели опыт и в этой области. Вошел в практику и получил утверждение Советской власти порядок, когда средства с текущих счетов предприятий могли выдаваться банками только по требованиям, заверенным фабзавкомами [31].

Авангардная роль в борьбе за рабочий контроль принадлежала Петрограду и Москве. Выше отмечалось общероссийское значение инструкции о рабочем контроле ЦС ФЗК Петрограда. Тот же ЦС ФЗК разработал устав фабрично-заводского комитета, подробно определявший права и обязанности фабзавкомов в области рабочего контроля и ориентировавший их на властное вмешательство во все области управления предприятием и на решительную работу с саботажем [32].

Контрольные комиссии заводов Петрограда иногда составляли для себя планы деятельности. План рабочей дирекции Петроградского металлического завода состоял, например, из следующих пунктов:

«1) Немедленный учет денег, инвентаря, материала, топлива, рабочей силы... 2) Выяснение положения о запасах, имеющихся на заводе... 3) Выяснение потребности числа рабочих и служащих и количества материалов и топлива для оставшихся заказов. 4) Принятие мер к изысканию и получению новых заказов и нужного для них сырья и топлива...» [33]

Некоторые предприятия Петрограда (Петроградский металлический завод, механический завод «Урания» и др.) одними из первых в стране перешли в рабочее управление.

---

[29] *И. Юрасов.* Рабочий контроль в промышленности Иваново-Вознесенского района (губернии) в 1917—1918 гг. Канд. дисс., стр. 181.

[30] *В. А. Виноградов.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР, стр. 40.

[31] Там же, стр. 41—42.

[32] Там же, стр. 22—23.

[33] «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.», т. I, стр. 256.

В Москве союз текстильщиков обратился к своим членам с воззванием, свидетельствовавшим о глубоком понимании значения рабочего контроля: «Декрет о контроле над производством, изданный Советом Народных Комиссаров, возлагает на вас огромную задачу государственной важности. *Этот декрет ставит рабочий класс в положение не только производителя, но и организатора производства*» [34]. Правление союза текстильщиков Московского промышленного района выработало инструкцию для контрольно-хозяйственных комиссий, в которой в качестве одной из главных задач выдвигалась проверка финансовой стороны деятельности предприятий [35]. В числе первых в стране перешел в рабочее управление Московский завод Михельсона.

Рабочий контроль явился началом организации общегосударственного учета и планирования. Рабочие учились относиться к своему труду, к деятельности своего предприятия с точки зрения общегосударственных интересов. В этом отношении очень характерна инициатива, проявленная контрольной комиссией союза текстильщиков. Учитывая, что на одних фабриках имелись большие запасы бумажной пряжи, на других же ощущался острый недостаток в ней, контрольная комиссия при союзе в целях планомерной работы предприятий приступила к перераспределению пряжи [36].

Было бы неправильно представлять дело так, словно сразу после издания декрета Советского правительства или соответствующих местных инструкций рабочий контроль, как по мановению жезла, охватил промышленность всей России. Это был сравнительно длительный процесс, далеко не равномерный в различных отралях производства, группах предприятий, районах страны. И неудивительно. Ведь основы нового экономического порядка — здесь особенность периода, на которую указывал Ленин [37],— вырабатывались прежде всего самими рабочими снизу. А при разнообразии условий на огромной территории России не могло не возникнуть заметных различий.

По подсчетам В. З. Дробижева, на середину 1918 г. специальные органы рабочего контроля были созданы только в четвертой части учтенных переписью предприятий страны. Но если взять лишь сравнительно крупные предприятия (с числом рабочих свыше 200), процент имевших специальные органы рабочего контроля поднимется до 70,5, а на крупнейших предприятиях (свыше 1000 рабочих) эти органы были созданы почти повсеместно [38].

Рабочий контроль получил наибольшее развитие на крупнейших и крупных предприятиях. Это не означает, однако, что он мало затрагивал средние и мелкие предприятия. Дело в том, что функции органов рабочего контроля очень часто выполняли сами фабзавкомы, имевшие широкое распространение [39].

---

[34] *В. А. Виноградов.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР, стр. 19.
[35] Там же, стр. 21.
[36] «Рабочий контроль», 1918, № 1, стр. 15.
[37] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 274.
[38] *В. З. Дробижев.* Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966, стр. 45—46.
[39] В ведущих отраслях промышленности летом 1918 г. фабзавкомы имелись на 36,7—87,5% предприятий (там же, стр. 46—51).

По степени внедрения рабочего контроля впереди других шли такие отрасли, как черная металлургия, химическая промышленность, металлообработка и машиностроение, текстильная, кожевенная и деревообрабатывающая промышленность, железнодорожный транспорт. Отставали топливная, бумажная, пищевая отрасли промышленности и производство стройматериалов.

Что касается динамики развития рабочего контроля и охвата им промышленности, то ее можно проиллюстрировать следующими данными. Из числа специальных органов рабочего контроля, существовавших летом 1918 г., было создано до Октябрьской революции 12,9%, в ноябре 1917 г.— марте 1918 г.— 48,2 и с апреля 1918 г.— 38,9%. А из фабзавкомов до Октября возникло около половины, за ноябрь — март — примерно четверть и начиная с апреля — еще четверть [40]. Следовательно, полосой наиболее интенсивного развития рабочего контроля являлись ноябрь 1917 — март 1918 г., хотя и для весенне-летних месяцев 1918 г. характерна активная контрольно-преобразовательная деятельность пролетариата.

Саботаж капиталистов в промышленности

Буржуазия с нескрываемой злобой встретила Декрет о рабочем контроле. Она кричала, что большевики «дезорганизуют промышленность», «разрушают производительные силы» и т. д., пытаясь маскировать этими криками свою саботажническую, вредительскую деятельность, которую начала с первых же дней после Октябрьской революции. Еще в октябре 1917 г. саботажники хотели остановить всю уральскую промышленность. В ноябре 1917 г. съезд горнопромышленников Урала предложил всем правлениям заводов не допускать рабочего контроля, а в случае его введения — закрывать предприятия.

22 ноября общее собрание Петроградского общества заводчиков и фабрикантов категорически отвергло контроль рабочих над промышленностью как классовый и «декретированный властью..., не признанной большею частью населения России» [41]. На следующий день Петроградское общество заводчиков и фабрикантов созвало представителей наиболее крупных всероссийских торгово-промышленных организаций. На этом собрании бывших воротил экономической жизни было решено, что «в случае предъявления на предприятиях требования о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать» [42].

Общее собрание Самарского общества заводчиков и фабрикантов 25 ноября постановило: «Считать декрет о рабочем контроле над производством неприемлемым». Капиталисты Самары, так же как и петроградские предприниматели, отказывались признать Советскую власть. «Общее собрание,— говорилось в их резолюции,— полагает приемлемым лишь такой контроль, который, будучи введен правильно установленными правительственными органами, явился бы контролем государственным...». Собрание

---

[40] *В. З. Дробижев.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР. (По материалам промышленной переписи 1918 г.).— «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 49.

[41] ЦГАОР СССР, ф. 4100, оп. 1, д. 63, л. 19 об.

[42] Там же, ф. 10, оп. 1, д. 87, л. 22.

предложило владельцам предпринять все меры к удержанию производства в своих руках, ибо рабочий контроль является «попыткой организованного захвата предприятий с целью социализации их» [43]. Самарские промышленники были настолько уверены, что выражают и защищают общие интересы капиталистов, что специальный пункт их резолюции рекомендовал эту тактику владельцам заводов и фабрик всей страны.

Ярославское общество заводчиков и фабрикантов 29 ноября также высказалось против рабочего контроля, а в случае требований его введения призывало «не останавливаться перед принятием самых решительных мер» [44].

Одно сопоставление дат принятия резолюций заводчиков против введения рабочего контроля говорит не о разрозненных выступлениях, не о сопротивлении отдельных капиталистов, а об организованном отпоре. Действительно, во главе борьбы против рабочего контроля стал Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов. Он был организован еще на конференции районных обществ 9—10 августа 1917 г., объединив тогда капиталистов, на предприятиях которых было занято свыше 1 млн. рабочих [45]. Накануне Октября в него входила 21 районная организация [46]. На предприятиях, охваченных союзом, числилось 1,5 млн. рабочих, более половины общего числа фабрично-заводских рабочих страны [47].

Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов с момента своей организации деятельно и энергично выступал в защиту капиталистов против стачек рабочих, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, против вмешательства рабочих организаций в производство и т. п. Особенно активно и систематически боролся он и при Временном правительстве против рабочего контроля — капиталисты понимали, чем грозит им это вмешательство в их «святая святых» — право собственности.

Менее чем через месяц после своего создания (а до этого так же рьяно вели подобную работу местные общества заводчиков и фабрикантов), 4 сентября 1917 г., Всероссийский союз издал циркуляр № 4, в котором предложил общую тактику предпринимателей. Союз рекомендовал относиться к фабзавкомам в строгом соответствии с «Положением», изданным Временным правительством 23 апреля 1917 г., т. е. не позволять фабзавкомам вмешиваться в деятельность администрации, особенно в вопросы найма рабочих, охраны заводов, в хозяйственные мероприятия и т. п. В случае же конфликтов создавать примирительные комиссии на заводах или при обществах заводчиков и фабрикантов. Стараться не допускать сепаратных соглашений между отдельными заводчиками и рабочими, а действовать сообща, согласовывая свои решения с Обществом заводчиков и фабри-

---

[43] ЦГИА СССР, ф. 126, оп. 1, д. 68, лл. 62—64.
[44] Там же, лл. 66—67.
[45] Там же, д. 1, л. 2.
[46] Там же, лл. 59—114. Екатеринославское, Иваново-Вознесенское, Казанское, Киевское, районное общество Кременчуга и поселка Крюково, Курское, Московского промышленного района, Нижегородское, Одесское, Орловское, Петроградское, Ревельского промышленного района, Ростово-Нахичеванское на Дону, Самарское, Саратовское, Тифлисского промышленного района, Совет областного союза Харьковского района, Херсонское, Совет областного союза Ярославского района, а также Елизаветградское и Таганрогское.
[47] *Р. Ш. Ганелин* и *Л. Е. Шепелев.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г.— «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сборник статей. Л., 1957, стр. 299—300.

кантов. Циркуляр № 4 заканчивался указанием на необходимость соблюдать дисциплину среди предпринимателей. «Все эти положения,— говорилось в циркуляре,— должны быть признаны членами союза руководящими в их дальнейшей деятельности и по мере возможности проводимы в жизнь, так как только таким путем возможно спасение русской промышленности и введение ее в нормальное русло» [48].

Любопытно отметить, что союз советовал владельцам поощрять создание профсоюзов, не позволяя последним, однако, выходить за рамки чисто профессиональных интересов. Если вспомнить, что немало профсоюзов, особенно в провинции, еще находились под руководством меньшевиков, то замысел союза предпринимателей становился понятным: они хотели противопоставить соглашательские организации боевым организациям рабочих — фабзавкомам.

Такова была тактика буржуазии, изложенная от имени всего класса Всероссийским союзом заводчиков и фабрикантов.

Буржуазное Временное правительство серьезно считалось с деятельностью Всероссийского союза и поддерживало его. О значении Всероссийского союза можно судить хотя бы по такому примеру: в августе 1917 г. он обратился к министру торговли и промышленности С. Н. Прокоповичу и председателю Главного экономического комитета Н. Н. Саввину с предложением передать союзу все снабжение заводов и фабрик сырыми материалами и топливом. Оба адресата в принципе согласились с этим и обещали провести решение во Временном правительстве в кратчайший срок. На этом основании Всероссийский союз секретно запросил районные союзы, в чем нуждаются фабрики и заводы, и даже приступил к составлению плана снабжения [49].

Решение не состоялось скорее всего потому, что через некоторое время Прокоповича «ушли», но сам факт переговоров говорил об «аппетитах» союза и его влиянии.

После победы Октябрьской революции предпринимательские организации не были ликвидированы; остался, в частности, Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов, вокруг которого объединились другие предпринимательские организации. Он взял на себя руководство борьбой против Советской власти всего класса буржуазии. Всероссийский союз рассылал циркуляры с изложением своей тактики, директивные указания о поведении предпринимателей, опросные листы о положении промышленности и т. п. 18 ноября он обратился с циркуляром ко всем районным организациям, в котором сообщал, что лишен возможности регулярно сноситься с ним, но просил не рвать связи и присылать сведения, «как отражаются события последнего времени на работе промышленных предприятий района» [50].

Можно сказать, что если Центральный Комитет партии кадетов был политическим штабом контрреволюции, то Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов являлся ее экономическим штабом. Общеклассовое представительство Всероссийского союза подтверждается его директивой об отношении к Учредительному собранию. 6 ноября в связи с приближением срока выборов в Учредительное собрание Всероссийский союз

---

[48] ЦГИА СССР, ф. 126, оп. 1, д. 11, л. 167.
[49] Там же, л. 161.
[50] Там же, д. 15, л. 34.

обратился ко всем обществам с призывом проводить в депутаты своих собственных кандидатов или, если это не удается, поддерживать те партии, «которые стоят на почве общегосударственных интересов и, в частности, сознают всю важность нормального и свободного развития промышленной жизни для судеб государства» [51]. Нужно ли пояснять, что Всероссийский союз имел в виду партии буржуазии.

После победы Октябрьского вооруженного восстания и разгрома мятежа Керенского — Краснова многие предприниматели отказывались платить красногвардейцам за дни участия в этих великих событиях. В связи с этим Военно-революционный комитет при Петроградском Совете принял решение об оплате заводоуправлениями труда красногвардейцев и 9 ноября снова подтвердил свое решение. Бюро Центральной комендатуры Красной гвардии сообщило об этом решении всем районным комендатурам и предписало им «строго следить за точным выполнением указанного выше постановления Военно-революционного комитета» [52]. Общество заводчиков и фабрикантов обсудило 11 ноября вопрос об оплате за дни выступления «рабочих-красногвардейцев в конце октября и начале ноября» и разослало циркуляр всем членам общества, в котором сообщало:

«Обсудив означенный вопрос и принимая во внимание, что выступление рабочих-красногвардейцев ни в какой связи с работой промышленных предприятий не находилось, что всякого рода выступления в интересах политических организаций или государства могут подлежать оплате лишь со стороны последних, но ни в коем случае не со стороны предприятий, совет общества признал означенные требования не подлежащими удовлетворению» [53].

За революцию пусть платят те, кто ее совершал, вызывающе ответили капиталисты, против которых она была направлена.

Всероссийский союз старался не только сохранить, но и расширить сеть входящих в него обществ. Он обращался с предложением сохранять связи к Одесскому, Киевскому и Ростовскому обществам даже тогда, когда соответствующие районы были заняты оккупантами.

Главной формой антисоветской борьбы в экономике стала борьба против рабочего контроля. Тут класс выступал против класса. Это была как бы гражданская война в области экономических отношений.

Сначала буржуазия, хорошо понимавшая, какие цели преследует рабочий контроль, пыталась обломать его революционное острие, превратив его в «осведомительный». Зная о разногласиях при подготовке инструкций об осуществлении контроля, лидеры Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов поддерживали те из них, которые носили примиренческий характер или позволяли толковать контроль как осведомительный. «При умелой тактике,— говорилось в одном из документов союза о рабочем контроле,— не исключена возможность ввести этот институт в рамки осведомительных функций и тем обезвредить его» [54].

Но по мере распространения рабочего контроля, по мере того, как бурно развивалась творческая инициатива рабочих, Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов стал требовать от предпринимателей

---

[51] Там же, д. 11, л. 113.
[52] ЛГАОРСС, ф. 1776, оп. 2, д. 165, л. 144.
[53] Там же, ф. 6276, оп. 1, д. 9, л. 179.
[54] Там же, ф. 1776, оп. 2, д. 68, л. 37 об.

идти на крайнее средство: закрывать те заводы, где введен рабочий контроль.

Некоторые предприниматели, соглашаясь в принципе с этим решением, просили предоставить самим хозяевам право выбирать время закрытия. 3 декабря Всероссийский союз обсудил этот вопрос и постановил: создать исполнительный комитет, который наблюдал бы за ходом выполнения постановления и толковал бы его в конкретных случаях, т. е. взял в свои руки определение сроков закрытия тех заводов, где введен рабочий контроль [55].

В целях достижения единодушия и укрепления дисциплины Всероссийский союз созвал первый делегатский съезд обществ заводчиков и фабрикантов. Он состоялся 7—9 декабря 1917 г. в Москве. В нем участвовали делегаты 11 обществ [56]. По основному вопросу — о рабочем контроле — съезд принял резолюцию, в которой говорилось: «...признать, что рабочий контроль, вводимый на основании декрета Совета Народных Комиссаров, сводящийся на практике к неорганизованному захвату рабочими отдельных предприятий, не находится ни в какой связи с идеей государственного контроля и, дезорганизуя промышленность, угрожает ей окончательной гибелью...» [57] Отметив, что на практике рабочий контроль в некоторых случаях сводится к осведомительному контролю, съезд рекомендовал создавать при обществах особый орган для рассмотрения каждого случая осуществления рабочего контроля в отдельности и принятия решений о мерах противодействия, но при этом подчеркнул, что «предприятия, в которых контроль этот осуществляется в форме активного вмешательства в управление таковыми, подлежат закрытию».

На деле это было равнозначно призыву организовать общий локаут, ибо и осведомительный контроль с каждым днем, по мере накопления опыта и вовлечения все новых слоев рабочих, превращался в активный рабочий контроль.

Съезд обществ заводчиков и фабрикантов рассмотрел и вопрос о средствах для продолжения борьбы. На съезде был обсужден доклад «о взаимном страховании» от забастовок. Было решено создать соответствующий фонд (страховой капитал), для чего каждое предприятие должно было внести вступительный взнос, равный десятикратному размеру одного дня убытков от простоя завода. Кроме того, устанавливался ежегодный взнос, пропорциональный вступительному. Операции предполагалось начать, как только соберут 10 млн. руб. [58] «Слишком много и без того потеряно времени и пора понять, что только одна организация сможет спасти промышленность и что теперь борьба возможна только рублем» [59],— таким выводом заканчивался доклад о «взаимном страховании».

---

[55] ЛГАОРСС, ф. 1776, оп. 2, д. 63, л. 1.
[56] Там же, д. 65, лл. 1, 5 об.
[57] Там же, д. 11, л. 106.
[58] Там же, д. 65, л. 5—5 об.
[59] Там же, д. 11, л. 99. Идею «взаимного страхования» подхватили другие предпринимательские организации. Например, Антрацитсоюз принял «Положение о фонде обеспечения на случай остановки работ на предприятиях Антрацитсоюза». Оно предусматривало оказание членам союза «поддержки и помощи во время рабочих стачек, бойкота, локаута, вызванных неосновательными требованиями со стороны работополучателей...»

На съезде было также принято решение о создании торгово-промышленных палат, объединяющих не только промышленность, но и торговые предприятия. Дело шло, таким образом, о сплочении всего класса капиталистов в единой организации, хотя до Октября Всероссийский союз возражал против образования таких палат. Рассылая после делегатского съезда примерный устав, Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов сообщал, что Петроградское, Московское, Ярославское и Екатеринославское общества уже приступили к созданию палат, и призывал: «...торгово-промышленный класс не должен уклоняться от применения всех доступных ему средств, способствующих скорейшей организации палат. Тяжелое положение, в которое поставили его современные события, должно побудить его к возможно большему объединению торгово-промышленных сил, организации сильных авторитетных органов представительства промышленности и торговли, каковыми явятся палаты»[60].

Это был широко задуманный и подготовленный капиталистами план борьбы с Советской властью в области экономики, организации всероссийского локаута, всеобщего саботажа. В этом плане предусматривались наряду со старыми и новые формы борьбы, неизвестные или редко применявшиеся до сих пор в практике экономической борьбы.

После своего делегатского съезда Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов шире развернул свою антисоветскую деятельность. По всей стране усилилось сопротивление буржуазии рабочему контролю. Капиталисты закрывали предприятия, объявляли локауты. Только в Петрограде за декабрь 1917 г. они закрыли 44 предприятия[61]. Буржуазия развернула безудержную спекуляцию всеми товарами, особенно продовольственными, обрекая народные массы на голод. Банки, вступив в соглашение с промышленниками, не выдавали средств тем предприятиям, где вводился рабочий контроль.

Рабочий контроль был встречен в штыки и организациями технических специалистов. Делегатское собрание союза инженеров Петрограда 12 ноября 1917 г. приняло постановление о бойкоте комиссий по контролю[62]. Против рабочего контроля высказался также союз мастеров Петрограда, решивший, однако, не отстраняться от участия в контрольных комиссиях, а бороться за изменение «Положения» изнутри[63].

Вместе с капиталистами против действенного рабочего контроля выступали эсеры и меньшевики. Они стремились протащить в контрольные комиссии своих ставленников. Меньшевики и эсеры пытались оправдать подобную деятельность «теоретически», заявляя, что пролетариат не справится с организацией производства, что он не может обойтись без капиталистов. Ленин нанес сокрушительный удар этой «теории». «Раз навсегда порвем с предрассудком,— говорил он 4 декабря 1917 г.,— что государственные дела, управление банками, заводами — невозможная для рабочих задача. Но все это можно решить лишь громадной повседневной организационной работой.

Необходимо организовать обмен продуктов, учет, контроль ввести в систему — это задачи рабочего класса...

---

[60] Там же, д. 11, л. 20.
[61] *В. А. Виноградов.* Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР, стр. 24.
[62] ЦГАОР СССР, ф. 472, л. 27, оп. 1, л. 3.
[63] Там же, ф. 4100, оп. 1, д. 63, л. 18.

Рабочая масса должна взяться за организацию контроля и производства в широком государственном масштабе» [64].

Буржуазия и ее приспешники были в некоторых случаях поддержаны представителями империалистических держав: в Москве консулы посетили Московский Совет и заявили протест против декрета о рабочем контроле под тем предлогом, что он распространяется и на предприятия иностранных подданных [65].

Подавление саботажа

Советское правительство помогало органам рабочего контроля пресекать саботаж буржуазии. 15 ноября 1917 г. на заседании СНК было решено издать закон о конфискации предприятий, владельцы которых не подчиняются декрету о рабочем контроле. 24 ноября Ленин подписал постановление СНК о праве местных Советов производить конфискацию предприятий саботажников. Уже в декабре 1917 г. постановлениями СНК, а также местных Советов был конфискован ряд предприятий злостных саботажников.

Выше уже говорилось, что 6 декабря Ленин поставил вопрос о борьбе с саботажем буржуазии, а на следующий день, 7 декабря, был создан специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем — Всероссийская чрезвычайная комиссия во главе с Ф. Э. Дзержинским. Она проделала огромную работу по пресечению наиболее злостных случаев вредительства, саботажа и спекуляции. Но саботаж охватил всю промышленность, многие предприятия по всей стране. В борьбе с ним активную роль должна была сыграть вся масса рабочих. Руководимый большевиками пролетариат поднялся против саботажников, контрольные комиссии и Советы рабочих депутатов решительно подавляли контрреволюционный саботаж буржуазии. Так, Уральский областной комитет Совета рабочих и солдатских депутатов распустил контрреволюционное бюро горнопромышленников, конфисковал все его имущество и денежные средства. Владелец завода «Урбан» (Москва) отказался допустить проверку завода. Тогда завком решил привлечь его к уголовной ответственности [66]. Администрация Московского завода подъемных сооружений в ноябре — декабре 1917 г. перестала завозить железо на завод и задерживала выдачу заработной платы, мотивируя это отсутствием денег. Контрольная комиссия, однако, установила, что деньги были расхищены владельцами. Она предложила владельцам «немедленно внести на текущий счет завода взятые из кассы предприятия в течение 1917 г. суммы» [67].

Общее собрание рабочих и служащих завода «Роберт Круг» (Петроград), заслушав доклад о саботаже администрации, 25 декабря 1917 г. постановило: «1) не допускать подобный саботаж; 2) предотвратить окончательную остановку завода и могущую произойти от этой остановки безработицу; 3) взять завод в свои руки» [68]. Так сопротивление капиталистов

---

[64] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 147—148.
[65] «Известия Московского Совета», 1917, № 234.
[66] «Красный архив», 1940, т. 6 (103), стр. 124.
[67] «Исторический архив», 1949, № 4, стр. 408—409.
[68] «Красный архив», 1940, т. 6 (103), стр. 125.

заставляло иногда идти дальше, чем предусматривалось декретом и инструкциями о рабочем контроле, и переходить к управлению предприятиями.

Пролетариат ломал сопротивление и буржуазии и ее приспешников. Рабочие изгоняли прошедших ранее в правления профсоюзов и фабзавкомов меньшевиков и эсеров. Большевистские партийные организации посылали своих членов в фабзавкомы и контрольные комиссии для последовательного осуществления закона о рабочем контроле.

В течение ноября — декабря были достигнуты значительные успехи в установлении рабочего контроля. Открытый саботаж был сломлен.

После первых решительных мер Советской власти против саботажников тактика буржуазии, примерно с начала 1918 г., меняется: главной формой борьбы становится не открытое сопротивление, а скрытый саботаж, попытки обезвредить рабочий контроль, сделать его пассивным, осведомительным.

Так, Союз объединенной промышленности Центрального района в январе 1918 г. разослал своим членам циркуляр, в котором рекомендовал впредь проявлять «полную готовность к учреждению рабочего контроля и содействовать ему», но одновременно скрывать от рабочих «тайны производства» и разъяснять им, что администрация может руководить предприятием и отвечать за ведение дела только «в том случае, если ей не ставят препон в ее правах по распоряжениям» [69].

Сменил свой вызывающий, агрессивный тон, но, разумеется, полностью остался на позициях антисоветской борьбы и Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов. Из его циркуляров и инструкций исчезают прямые и откровенные призывы не признавать Советской власти. Он старается выступать в роли «посредника» между капиталистами и Советской властью, в роли толкователя инструкций о рабочем контроле. Так, из Ярославля в середине января 1918 г. в союз поступила жалоба предпринимателей на заводской комитет, который ввел контроль не только на машиностроительном и чугунолитейном заводе, но и на техническом складе завода, находящемся на другом конце города. 29 января 1918 г. Всероссийский союз «разъяснил», что рабочий контроль вводится по положению и в промышленных, и в торговых предприятиях, но так как склад «является самостоятельным торговым предприятием, ничего общего, кроме владельцев, с заводом не имеющим», то рабочий комитет завода не имеет права вводить там контроль [70]. В феврале 1918 г. Всероссийский союз разослал циркуляр всем обществам заводчиков и фабрикантов с просьбой сообщить ему о всех нуждах и делах местной промышленности, «для разрешения которых могло бы быть, по обстоятельствам случая, полезно обращение в центральные учреждения Советской власти» [71]. Угрозы и отказ подчиняться Советской власти сменились ходатайствами и просьбами [72].

---

[69] *И. Юрасов.* Рабочий контроль в промышленности Иваново-Вознесенского района (губернии) в 1917—1918 гг., стр. 166—167.

[70] ЦГИА СССР, ф. 126, оп. 1, д. 68, лл. 32—33.

[71] Там же, д. 15, л. 17.

[72] Изменение тактики Всероссийского союза позволило ему просуществовать до осени 1918 г. Еще в августе его сотрудники получали продовольственные карточки, и только в сентябре 1918 г. он самоликвидировался, по собственному признанию, «ввиду оторванности союза от местных обществ и полного непоступления с мест членских взносов» (там же, д. 46, л. 7; д. 57, л. 18).

Но буржуазии не удавалось усыпить бдительность рабочего класса. В ходе борьбы с саботажем контрольные комиссии брали управление предприятиями в свои руки. Рабочий контроль перерастал в рабочее управление производством. Таким образом, рабочий контроль помог Советской власти сломать саботаж буржуазии и втянуть в дело управления широкие массы рабочих. Тем самым создавались условия для национализации промышленности. Позже, весной 1918 г., Ленин говорил, что национализация предприятия — дело «одной минуты», но важен вопрос, есть ли умение организовать производство на деле. Такого умения, знаний, опыта у рабочих сначала не было. Ленин указывал, что Советская власть не могла сразу национализировать промышленность, так как социализм «может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание» [73].

«И всякой рабочей делегации,— говорил Ленин,— с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано...» [74]

Это подсказывала рабочим и сама жизнь.

Президиум Костромского союза текстильщиков в письме фабричным комитетом и контрольным комиссиям указывал: «Помните пословицу: семь раз отмерь, один раз отрежь. Старое правление убрать недолго, но если окажется, что новое еще не в состоянии справиться с делом, вся вина падет на фабричный комитет. Особенно будьте осторожны в удалении специалистов, ибо без них нам еще не справиться. Итак, дружно со всей предусмотрительностью, за серьезную и ответственную работу» [75].

Шуйский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по докладу М. В. Фрунзе о национализации промышленности принял резолюцию: «а) Отстаивать национализацию текстильной промышленности в принципе как меру, проведение которой будет неизбежно в общем ходе развития нашей революции; б) ввиду неподготовленности в данный момент фабричных комитетов к руководству предприятиями и общего неблагоприятного политического и экономического положения, усугубляемого необычайно острым продовольственным кризисом, признать невозможным проведение этой меры теперь же — в ближайшие дни...» [76]

Рабочие сами рассматривали контроль как переходное мероприятие к национализации предприятий.

Активный рабочий контроль, решительное вмешательство органов контроля в управление, борьба с саботажем буржуазии положительно

---

[73] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 139.
[74] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 258.
[75] *М. А. Шпиндлер.* Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии.— «Ученые записки Ярославского и Костромского государственных педагогических институтов», вып. 62. История. Ярославль, 1967, стр. 198.
[76] «1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. Хроника событий». Иваново-Вознесенск, 1930, стр. 33—34.

влияли на состояние промышленности. Была предотвращена остановка многих предприятий, рабочие принимали все меры для обеспечения бесперебойной работы заводов. В отдельных районах удалось добиться повышения производительности труда[77]. Рабочий контроль не позволял буржуазии осуществить ее планы остановки промышленности. Он не позволял буржуазии расхищать средства предприятий. Контрольные комиссии, систематически проверяя финансовые документы, кассовую наличность, раскрывали преступные финансовые комбинации. Контрольные комиссии препятствовали разбазариванию средств, разрешали расходовать средства только на нужды завода.

Еще в сентябре 1917 г. в статье «Задачи революции» Ленин писал: «Только обуздав мародерство капиталистов и прекратив умышленную остановку ими производства, можно будет добиться повышения производительности труда, установления всеобщей трудовой повинности, правильного обмена хлеба на продукты промышленности, возвращения в казну многих миллиардов бумажных денег, скрываемых богачами»[78].

Рабочий контроль, обуздав капиталистов, явился также важным оружием и в борьбе с разрухой и голодом. Но этим не исчерпывается его значение. Рабочий контроль в условиях диктатуры пролетариата подготавливал переход к планомерному регулированию всего народного хозяйства, был массовой школой подготовки кадров хозяйственников из рабочих, а органы рабочего контроля — фабрично-заводские комитеты — выступали в качестве органов Советской власти.

Одна из основных задач введения рабочего контроля — привить массам навыки руководства. Никто еще не подсчитал, хотя бы приблизительно, сколько людей прошло эту школу управления. Но если принять во внимание, что рабочий контроль уже к марту 1918 г. был введен более чем на 60% всех предприятий страны, а на каждом предприятии в соответствующих комиссиях участвовали десятки людей, то станет ясно, что речь идет о многих десятках тысяч рабочих, прошедших через школу управления. И училась эта армия будущих руководителей хозяйства не по книгам, не в школах, а на живой творческой работе, вторгаясь в тайны производства, овладевая искусством руководства им. Вряд ли нужно напоминать, что на эту работу посылались и выдвигались передовые рабочие, вожаки масс.

Не надо, однако, думать, что Советская власть пренебрегала учебой в школах и на курсах. Напротив, помимо выращивания кадров непосредственно на производстве, в стране была создана сеть краткосрочных курсов и школ по подготовке инструкторов рабочего контроля, по ведению фабрично-заводского хозяйства и техническому обучению членов фабзавкомов и контрольных комиссий. Тысячи передовых рабочих, участвуя в органах рабочего контроля, изучая на практике экономику производства, одновременно учились на курсах и в школах рабочего контроля и в результате превратились в первых пролетарских руководителей хозяйства. Е. Н. Городецкий, анализируя данные статистических обследований руководящих кадров нашей промышленности в 1919—1923 гг., приходит к обоснованному выводу, что «руководящий состав промышленности прошел школу борьбы в двух революциях и гражданской войне, школу, в ко-

---

[77] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 252.
[78] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 235.

торой опыт рабочего контроля занимал почетное место... Подавляющее большинство рабочих директоров вышли из тех отраслей промышленности, в которых были в 1917—1918 гг. наиболее высокие и организованные формы рабочего контроля и рабочего управления» [79].

Органы рабочего контроля призывали рабочих крепить трудовую дисциплину, увеличивать выпуск продукции, так как после победы Октябрьской революции рабочий класс сам стал хозяином промышленности.

Переход от установленной капиталистами палочной дисциплины к сознательному социалистическому отношению к труду был очень сложным процессом. В годы войны в состав рабочего класса влилось немало выходцев из мелкобуржуазных слоев, которым была чужда сознательная дисциплина. Некоторые рабочие восприняли свободу как право работать когда и сколько им заблагорассудится. Участились прогулы, опоздания на работу и преждевременный уход с предприятия. Немало рабочего времени отнимали неправильно организуемые митинги.

Передовые кадровые пролетарии, в первую очередь металлисты, развернули борьбу за сознательное социалистическое отношение к труду. Благодаря умелому сочетанию методов убеждения и принуждения создавались условия для становления социалистической дисциплины труда [80].

Резолюция 1-го областного съезда рабочих-металлистов и горнорабочих Урала (январь 1918 г.) «О пролетарской дисциплине» гласила, что только создание железной, пролетарской дисциплины обеспечит разгром капитализма и ликвидацию разрухи [81].

«Кто нарушает производство, кто ленится, кто мешает работе — тот враг стране, враг народа» [82],— говорилось в обращении Костромского Совета рабочих и солдатских депутатов и фабзавкомов ряда крупных текстильных фабрик города.

Начинает коренным образом меняться отношение рабочих к своему труду. В борьбе за повышение производительности труда рабочие сами вырабатывают правила трудовой дисциплины. Так, рабочие Новороссийского металлургического завода 25 ноября 1917 г. на общем собрании избрали товарищеский суд и установили различные меры наказания — выговор, увольнение — за недобросовестное отношение к работе, самовольные отлучки, невыход на работу, опоздания, порчу машины и т. д. [83]

Пример борьбы за укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда показывали рабочие Петрограда. Фабрично-заводские комитеты города вели борьбу с прогулами и разгильдяйством, сочетая меры убеждения с мерами принуждения. Сознательные рабочие подтягивали отстающих.

Завком Франко-Русского завода 13 ноября постановил: «Во всем должна производиться точная и внимательная работа; ни один кусок железа, стали и других материалов не должен гнить, пропадать даром; все должно быть взято на учет; ни один рабочий, мастер, техник, инженер не

---

[79] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 257.
[80] *Л. Б. Генкин.* Становление новой дисциплины труда. М., 1967, стр. 30, 31, 41, 42, 57, 58, 92, 96.
[81] «Вестник профессиональных союзов Урала», 1918, № 2-3.
[82] *М. А. Шпиндлер.* Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии, стр. 194.
[83] «Из истории борьбы за установление Советской власти». М., 1943, стр. 77—78.

должен быть паразитом в этом направлении... Манкирование, уклонение от своих обязанностей будет беспощадно наказываться» [84].

Завком Радиотелеграфного завода в январе 1918 г. принял постановление: увольнять с завода за неявку на работу без уважительных причин; за уход с работы до гудка «посылать гулять на одну неделю без содержания» [85].

Победа диктатуры пролетариата, введение рабочего контроля над промышленностью, появление нового отношения рабочих к труду создали впервые в истории человечества условия для организации социалистического соревнования. Эту задачу и выдвинул Ленин в начале января 1918 г. в статье «Как организовать соревнование?» [86]. «Наша задача теперь,— писал он,— когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование... Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплуататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда... Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры» [87].

Практически осуществляя рабочий контроль, трудящиеся убеждались в преимуществах социалистических основ хозяйства перед капиталистической системой. Рабочий контроль укрепил уверенность народа в возможности социалистического переустройства страны.

Реализация рабочего контроля — первого крупного социалистического мероприятия в экономике — привела к величайшим экономическим сдвигам, явилась первым этапом в борьбе диктатуры пролетариата против экономического могущества буржуазии, за создание основ социалистической экономики.

Рабочий контроль являлся частью грандиозного ленинского плана овладения командными высотами и создания социалистического народного хозяйства. Его развитие со временем привело к превращению органов рабочего контроля в органы регулирования производства. Он полностью соответствовал производственным отношениям и задачам первого периода социалистических преобразований после победы Великой Октябрьской социалистической революции. III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. подтвердил декрет о рабочем контроле и охарактеризовал его «как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики» [88].

---

[84] *М. Гордон.* Участие рабочих в организации производства. Л., 1927, стр. 18.

[85] «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.», т. I, стр. 360.

[86] Эта статья В. И. Ленина впервые была опубликована 20 января 1929 г. в газете «Правда».

[87] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 196.

[88] «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 92.

2

ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О ТРУДЕ

В ходе борьбы за рабочий контроль менялось не только место победившего класса в общественном производстве, но и условия его труда. Советская власть с первых же дней видела свою важнейшую задачу в улучшении материального положения рабочих. Интересы передового класса совпадали при этом с общенациональными задачами спасения страны от экономической катастрофы и создания предпосылок для быстрого движения вперед.

Уже 29 октября 1917 г. СНК принял декрет «О 8-часовом рабочем дне». Постановление удовлетворяло одно из основных требований рабочего класса, за которое он боролся десятилетиями. После Февральской революции, хотя и был сделан важный шаг к осуществлению этого требования, 8-часовой рабочий день не стал повсеместным, не получил законодательного оформления и сводился на нет практикой сверхурочных работ. Декретом от 29 октября новая продолжительность рабочего дня вводилась на всех предприятиях, причем сверхурочные работы запрещались.

Но декрет имел и более широкое значение. Он означал реализацию целого ряда основных положений программы-минимум большевистской партии о труде, устанавливал продолжительность отдыха в конце недели не менее 42 часов, запрещал ночной труд женщин и подростков, вводил для последних 6-часовой рабочий день, запрещал фабричный труд подростков до 14 лет и др. Это было первое крупное мероприятие Советской власти, улучшившее материальное положение рабочего класса. То, против чего царизм боролся многие годы, а Временное правительство саботировало на протяжении всего периода своего существования, власть Советов осуществила сразу, на четвертый день революции.

Однако предприниматели стали бойкотировать декрет. В ответ на введение 8-часового рабочего дня они снижали заработную плату. Тогда по указанию отдела охраны труда Народного комиссариата труда рабочие начали создавать на местах, на предприятиях, при профсоюзах комитеты (союзы, ячейки) охраны труда для проведения в жизнь закона о 8-часовом рабочем дне [89]. Рабочие организации заставляли предпринимателей соблюдать советские декреты.

Советское правительство приняло также и другие постановления, улучшавшие положение трудящихся. 8 ноября Ленин подписал декрет СНК об увеличении на 100% пенсий рабочим и служащим, пострадавшим от несчастных случаев [90].

Вслед за этим Советское правительство приняло ряд мер, направленных к полной реорганизации страхового дела. 14 ноября Ленин подписал «Декрет о бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений предприятий» [91]. Если предприятие не имело лечебных учреждений, предприниматели обязаны были выдать больничным кассам средства на их

---

[89] «Известия», 3 января 1918 г.
[90] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 58.
[91] Там же, стр. 85, 86.

оборудование. Таким образом, дело организации лечения было передано в руки самих рабочих.

В декабре 1917 г. Наркомат труда опубликовал «Положение о страховом совете» и «Положение о страховых присутствиях», которые в корне изменяли состав этих руководящих органов страхования. Большинство мест в них предоставлялось рабочим [92].

Вслед за этим Советская власть осуществила несколько мероприятий, являвшихся переходом от социального страхования к социальному обеспечению всех трудящихся.

22 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК о страховании на случай болезни [93]. Согласно этому декрету повсеместно учреждались больничные кассы, которые должны были выдавать денежные пособия рабочим и служащим на время болезни в размере полного заработка, оказывать бесплатную врачебную помощь застрахованным и членам их семей, а также бесплатно выдавать им необходимые лекарства, медицинские принадлежности и улучшенное питание. В случае беременности женщины освобождались от работы в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением заработка. Для кормящей матери был установлен 6-часовой рабочий день.

Предприниматели были окончательно изгнаны из больничных касс. Но они должны были нести все расходы по социальному страхованию. Рабочие же от взносов освобождались.

Декрет значительно улучшал положение трудящихся. Он являлся ярким свидетельством заботы большевистской партии и Советского правительства о рабочих.

Советская власть приняла решительные меры по улучшению жилищного положения рабочих. Уже 30 октября было опубликовано постановление Наркомвнудела «О передаче жилищ в ведение городов». Оно предоставляло городским самоуправлениям право секвестровать все пригодные для жилья пустующие помещения и вселять в них нуждающихся граждан [94].

В. И. Ленин, прекрасно знавший, насколько тяжелыми были жилищные условия рабочих России, не только считал необходимым приступить к переселению рабочих в дома буржуазии, но и сам активно участвовал в разработке декретов и постановлений, касающихся улучшения квартирных условий пролетариата.

В первых числах ноября 1917 г. был обнародован декрет Петроградского Совета «О реквизиции теплых вещей для солдат на фронте» [95], в который Ленин добавил пункт о реквизиции квартир богатых для облегчения нужды бедных [96].

В. И. Лениным был написан опубликованный в ноябре 1917 г. проект декрета «Об отмене права частной собственности на городские недвижимости» [97]. Хотя этот проект декрета стал законом лишь в августе 1918 г., изложенные в нем основные положения жилищной политики Коммунисти-

---

[92] *З. А. Астапович.* Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918 гг.). М., 1958, стр. 57—58.

[93] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 267—276.

[94] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 30 октября 1917 г.

[95] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 65.

[96] «Ленинский сборник», XXI, стр. 104—105.

[97] Там же, стр. 105—106; «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 25 ноября 1917 г.

ческой партии стали немедленно проводиться в жизнь городскими Советами.

Опираясь на эти постановления, местные органы Советской власти приступили к массовому переселению рабочих из негодных или малопригодных для жилья квартир на окраинах в буржуазные кварталы в центральной части городов. При этом широко практиковалось закрепление целых домов, части домов либо этажей за рабочими определенных предприятий.

Наибольший размах приняло переселение рабочих в Петрограде и Москве. Так, Петроградский Совет 1 марта 1918 г. принял постановление вселить семьи безработных и красноармейцев в буржуазные квартиры, а их владельцев заставить потесниться. Больше одной комнаты на человека им не оставлять [98].

К апрелю 1918 г. в Петрограде было конфисковано 900 домов, принадлежавших ранее буржуазии [99]. В Москве было переселено в благоустроенные квартиры центра свыше 300 тыс. человек.

Параллельно с переселением принимались меры по ограничению прав и доходов домовладельцев. Управление недвижимостями передавалось домовым комитетам, наемная плата в крупных домовладениях вносилась не хозяевам, а городским самоуправлениям. Тем самым подготовлялась почва для отмены частной собственности на недвижимости в городах.

Еще в конце октября было опубликовано постановление о приостановке с 1 ноября 1917 г. выплаты квартплаты низкооплачиваемыми рабочими. Домовладельцы обязывались за свой счет ремонтировать квартиры рабочих. В случае отказа произвести ремонт дом конфисковывался.

Все эти мероприятия особенно энергично проводились в жизнь в Петрограде районными Советами [100].

Осуществление указанных мероприятий проходило в обстановке острой классовой борьбы. Капиталисты сопротивлялись их проведению. Но рабочий класс, объединенный в Советы и профсоюзы и сплоченный вокруг большевистской партии, ломал это сопротивление и заставлял буржуазию подчиняться советским законам.

Пролетарское государство унаследовало от старой России массовую безработицу. В борьбе с ней Советское правительство опиралось на профсоюзы и фабзавкомы, которые на местах изыскивали меры для трудоустройства максимального числа рабочих [101].

Чтобы приостановить рост числа безработных, органы рабочего контроля взяли в свои руки также вопросы найма, увольнения и распределе-

---

[98] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 3 марта 1918 г.; «Беднота», 27 марта 1918 г.

[99] *С. Х. Гофман.* Партия большевиков в борьбе за улучшение жилищных условий рабочего класса Петрограда в первые годы Советской власти (октябрь 1917—март 1919 г.).— «Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда». История КПСС, вып. VIII. Л., 1968, стр. 80.

[100] «Районные Советы Петрограда в 1918 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов». Сборник документов. М.— Л., 1964, стр. 171; *С. Х. Гофман.* Партия большевиков в борьбе за улучшение жилищных условий рабочего класса Петрограда в первые годы Советской власти (октябрь 1917 — март 1919 года), стр. 75—77.

[101] О борьбе Советской власти с безработицей в 1917—1918 гг. см. *В. Д. Федоров.* Партия — организатор борьбы с безработицей (1917—1918 гг.).— «Ученые записки Горьковского университета». Серия истории, 1968, вып. 94, стр. 39—52.

ния рабочей силы. Предприятия, производившие мирную продукцию, переводились на трехсменную работу.

Не имея возможности сразу покончить с таким тяжелым явлением, как безработица, Советская власть предприняла шаги с целью облегчить положение безработных и сохранить кадры рабочего класса. 13 декабря 1917 г. было опубликовано «Положение ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы»[102]. Это положение предусматривало выдачу безработным пособия в размере средней заработной платы для данной местности, устанавливаемой местным или областным советом профсоюза.

27 января 1918 г. было издано постановление об учреждении местных и областных бирж труда, которые должны были вести учет безработных и куда должны были поступать заявки о потребности в рабочих и служащих.

Несколько позднее — в марте 1918 г., когда в связи с демобилизацией армии и промышленности число безработных значительно возросло, в Петрограде и других городах были организованы бесплатные столовые для безработных[103].

В первые же месяцы после победы Октябрьской революции рабочий класс, опираясь на свои организации, успешно провел борьбу с предпринимателями за введение новых тарифов. Главной целью борьбы было повышение минимума заработной платы в связи с ростом цен на продукты и предметы широкого потребления.

Борьбу профсоюзов и фабзавкомов поддерживали и направляли местные и центральные органы Советской власти.

Прежде всего нужно было повысить до прожиточного минимума нищенскую заработную плату большого отряда чернорабочих и неквалифицированных рабочих. Их заработная плата стала отправным пунктом для определения тарифных ставок остальных категорий рабочих.

Погоня за сверхприбылью и в еще большей мере стремление ослабить единство пролетариата обусловили отсутствие при капитализме системы тарифных ставок. Заработок рабочего во многом зависел от воли предпринимателя, от прихоти мастера. Теперь нужно было выработать научно и практически обоснованные тарифные ставки и нормы выработки и тем самым создать условия материальной заинтересованности рабочего в поднятии производительности труда.

После победы Октябрьской революции сдельная оплата труда перестала быть орудием потогонной системы капиталистической эксплуатации.

Прекрасно сознавая, что сдельная оплата труда при наличии научно обоснованных тарифных ставок и норм выработки станет мощным средством поднятия производительности труда, передовые рабочие сами выступали за переход на сдельную оплату[104].

Рабочая секция Петроградского Совета на своем заседании 4 декабря 1917 г. приняла резолюцию, в которой устанавливался минимум заработной платы для чернорабочих от 8 руб. до 10 руб. 40 коп. в день.

Пленум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов 16 января 1918 г. принял декрет «О минимуме заработной платы». Согласно этому

---

[102] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 200—204.

[103] «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сборник документов и материалов. М., 1964, стр. 241.

[104] *Л. Б. Генкин.* Становление новой дисциплины труда, стр. 107—113, 121—122.

декрету, в Москве и ее окрестностях (в пределах Окружной железной дороги) для всех рабочих устанавливался следующий минимум заработной платы: для мужчин — 9 руб., для женщин — 8 руб., для подростков — от 6 до 9 руб. в день. При этом женщинам, выполняющим одинаковую работу с мужчинами, устанавливалась и равная с ними заработная плата. Рабочим и работницам, занятым на тяжелых и вредных работах, минимум заработной платы повышался на 1 руб.

В январе 1918 г. была сделана попытка определить прожиточный минимум во всероссийском масштабе [105].

Введение новых тарифов встретило сопротивление капиталистов и сопровождалось многочисленными конфликтами.

Конфликты с предпринимателями разбирались местными органами Наркомтруда — губернскими и уездными отделами труда, которые, как правило, становились на сторону рабочих. В составе НКТ был выделен специальный отдел, занимавшийся вопросами введения новых тарифов.

Пересмотр тарифов снизу, вовлекая в активное строительство новой жизни широкие пролетарские массы, в то же время вел к огромному разнобою, а иногда и к проявлению неверных тенденций в области заработной платы (уравниловка). Большевистская партия энергично исправляла попытки ввести полную уравниловку. Советское правительство пристально изучало местный опыт, выделяя наиболее ценное, прогрессивное и делая его достоянием всей страны.

Большое значение имело опубликованное 19 января 1918 г. положение Петроградского союза металлистов «О нормах заработной платы рабочим металлической промышленности Петрограда и его окрестностей» [106]. В нем устанавливались принципы выработки тарифных норм: 1) прожиточный минимум; 2) профессиональное искусство, сложность и точность работ; 3) тяжесть условий труда и опасность производства; 4) положение металлической промышленности в общей системе производства.

Все профессии и специальности были разбиты на пять групп, каждая из которых делилась на три категории. При такой значительной дифференциации разрыв в оплате высших и низких групп и категорий был сравнительно небольшой (в 1,5 раза). Особую оплату получали ученики. Чрезвычайно важно, что в «Положении» нормы оплаты были строго увязаны с нормами производительности труда.

«Положение» послужило образцом для выработки новых тарифных договоров металлистами Московской области, Урала, Донбасса, Поволжья [107].

Важным был и изданный ЦИК и СНК 11 декабря 1917 г. декрет о нормах оплаты труда и 8-часовом рабочем дне для рабочих и служащих на железных дорогах [108]. Согласно этому декрету, устанавливалось 14 категорий заработной платы на железных дорогах в зависимости от квалификации. При этом уровень заработной платы высококвалифицированных рабочих и инженеров был значительно выше уровня заработной платы неквалифицированных рабочих.

---

[105] *З. А. Астапович.* Первые мероприятия Советской власти в области труда, стр. 45.
[106] «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата», стр. 264—268.
[107] *З. А. Астапович.* Первые мероприятия Советской власти в области труда, стр. 48—49.
[108] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 205—209.

Политика Советского правительства в отношении оплаты труда служащих характеризовалась понижением высоких жалований и заботой о положении трудовой интеллигенции. Ноябрьское постановление СНК о размерах предельных жалований наркомам являлось реализацией принципа Парижской Коммуны о том, что заработок высших государственных служащих не должен превышать уровня оплаты среднего рабочего. Не менее характерно постановление СНК от 2 января 1918 г. о прибавках народным учителям с тем, чтобы заработная плата каждого учителя за ноябрь и декабрь 1917 г. была доведена до 100 руб. в месяц.

После Февральской революции 1917 г. предприниматели неистово боролись против повышения заработной платы рабочим. Путем бухгалтерских махинаций они скрывали свою прибыль и доказывали, что повышение заработной платы лишит их всякой прибыли, всякого стимула для продолжения работы и вынудит остановить предприятия, приносящие убытки. Промышленность развалится,— доказывали их ученые лакеи. Наиболее крупным хищникам удавалось даже получать правительственные дотации.

Излишне говорить, что эти правительственные дотации разошлись по бездонным карманам хищников-капиталистов, но не пошли на повышение заработной платы рабочих. Более того, на ряде заводов, хотя и получивших дотацию, не была выплачена задолженность рабочим по заработной плате.

Но вот свершилась Октябрьская революция. К власти пришел новый класс. Новый рачительный хозяин — рабочий класс тщательно подсчитал все ресурсы предприятий и уверенно стал менять условия труда. Делалось это за счет прибыли частных владельцев. Заводы и фабрики от этого не разорились, не прекратили работы. Напротив, промышленность стала работать лучше. Зная о деятельности Советской власти, рабочие многих предприятий, находившихся в областях, где не была установлена Советская власть, обращались неоднократно в Петроград в Совет Народных Комиссаров с просьбой оказать финансовую помощь (например, рабочие Киева и Одессы), и получали необходимую поддержку. Если бы не гражданская война, развязанная капиталистами и потребовавшая напряжения всех сил государства, то процесс улучшения производства пошел бы еще быстрее и новый общественный строй гораздо раньше, чем это произошло, выявил бы все свои преимущества над капитализмом.

Первые декреты Советской власти о труде изменили положение рабочего класса в России. Коренным образом стала меняться его социальная психология. Самые широкие массы рабочих убедились, что из класса угнетенного и эксплуатируемого рабочий класс превратился в господствующий класс, который, несмотря на страшные лишения, проявлял чудеса героизма в борьбе с многочисленными врагами, окружавшими Советскую страну.

3

ОРГАНИЗАЦИЯ ВСНХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

По всей огромной Советской стране развернулась работа по осуществлению рабочего контроля над производством и распределением. Шел бурный процесс овладения рабочими управлением предприятиями. На очередь выдвигалась новая грандиозная задача социалистического переустройства — национализация промышленности и организация народного хозяйства страны на социалистических началах, что требовало превращения «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...» [109]

Необходимо было создать экономический аппарат Советской власти, в первую очередь единый хозяйственный центр — полновластный орган диктатуры пролетариата в экономической области. Потребность в нем объяснялась еще и тем, что при осуществлении рабочего контроля на отдельных предприятиях в большей или меньшей степени проявлялась тенденция к местничеству, а иногда и к синдикализму.

Задача создания аппарата социалистического переустройства хозяйства, вставшая в первые же дни социалистической революции, представляла гигантские трудности. Ни одно государство в истории человечества (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое) не нуждалось в создании нового способа производства, а возникало на базе уже созревших в недрах старой общественной формации новых производственных отношений. Государство же диктатуры пролетариата в период перехода от капитализма к социализму должно было создать новый способ производства. Вот почему в социалистической революции организационные, созидательные задачи приобрели первостепенное значение.

В. И. Ленин указывал, что в буржуазных революциях главная задача трудящихся состояла в выполнении разрушительной работы по уничтожению феодализма. Положительную работу по организации нового общества там выполняла буржуазия. Наоборот, «главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции,— а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России,— является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [110].

Постепенный переход к рабочему управлению хозяйственной жизнью страны был подготовлен развитием рабочего контроля. Этот переход осуществлялся в условиях упорного сопротивления справа и противодействия слева.

Буржуазия и значительная часть технических специалистов усматривали в трудностях проведения рабочего контроля подтверждение своей

[109] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 7.
[110] Там же, стр. 171.

мысли о неспособности рабочего класса к управлению и стремились путем локаутов и саботажа ускорить неизбежный, по их мнению, возврат к прошлому.

Мелкобуржуазные социалисты считали, что попытки вмешательства рабочих в управление приведут к гибели капиталистического производства, а следовательно, и самого рабочего класса.

Внешне диаметрально противоположную позицию занимали «левые коммунисты». Из трудностей и противоречий рабочего контроля они делали вывод о необходимости немедленного перехода к рабочему управлению, созданию гигантских государственных трестов и синдикатов, установлению государственного социализма. Они стремились перескочить через неизбежную в любой стране, где у власти стал пролетариат, стадию развития — период подготовки пролетариата к управлению хозяйством путем рабочего контроля. Такой головокружительный скачок неизбежно привел бы к краху.

Большевистской партии удалось отстоять обоснованный марксистско-ленинской теорией подход к решению хозяйственно-созидательных задач революции.

Инициатива в создании новых, пролетарских органов планомерного руководства хозяйством исходила от Ленина. Еще 26 октября, на второй день после победы Октябрьского восстания, на совещании руководящих работников партии, профсоюзов и ЦС фабзавкомов в Смольном он поставил вопрос о создании государственного органа по управлению всем народным хозяйством.

В дальнейшем разработка вопроса велась сразу по нескольким линиям, оставаясь в поле пристального внимания Ленина. История подготовки проекта создания Высшего совета народного хозяйства подробно прослежена в монографии Е. Н. Городецкого «Рождение Советского государства». Подчеркнем лишь, что в ходе работы большевикам пришлось давать отпор стремлениям меньшевиков и левых эсеров сделать ВСНХ подобием парламентского комитета с пропорциональным представительством различных слоев населения.

В. И. Ленин на заседании ВЦИК 1 декабря 1917 г. говорил, что «Высший совет народного хозяйства не может быть сведен к парламенту, а должен быть таким же боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет Народных Комиссаров является в политике» [111].

В тот же день ВЦИК утвердил проект, одобренный Лениным. 5 декабря был опубликован декрет об учреждении при СНК Высшего совета народного хозяйства.

«Задачей высшего совета народного хозяйства,— гласил декрет,— является организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью Высший совет народного хозяйства вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений соответствующих народных комиссариатов..., Всероссийского совета рабочего контроля, а также соответственную деятельность фабрично-заводских и профессиональных организаций рабочего класса» [112].

---

[111] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 134.
[112] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 172—173.

Какую же конкретную программу экономических мероприятий ставили партия и Советское правительство перед высшим органом диктатуры пролетариата в области народного хозяйства? Небольшой по времени, но чрезвычайно богатый по содержанию опыт осуществления пролетарской революции позволил внести в экономическую программу партии некоторые уточнения и новые акценты. Они были в тезисной форме сделаны в работах Ленина «Вопросы экономической политики» [113] и «Набросок программы экономических мероприятий» [114] и более развернуто — в «Проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» [115].

Существо изменений сводилось к постепенному перенесению центра тяжести с уже декретированного и осуществляемого рабочего контроля на рабочее управление. В этой связи программные положения о национализации банков и промышленности ставились на практическую почву. Национализация банков позволяла принять меры по оздоровлению финансов страны и осуществлению эффективного финансового контроля над промышленностью. Важными практическими задачами были демобилизация промышленности, перевод ее на мирное производство, борьба с безработицей. Саботаж буржуазии и части буржуазной интеллигенции диктовал потребность во всеобщей трудовой повинности. Необходимо было также принять меры по улучшению работы железных дорог, подвозу продовольствия и топлива, предпосылкой чему должна была послужить национализация железнодорожного транспорта. Наконец, острая нехватка продовольствия и необходимых для населения товаров требовала организации централизованного потребления.

Для осуществления этих задач ВСНХ был наделен широкими полномочиями. Он получил право конфискаций, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли, а также регулирования производства и распределения продуктов и финансирования промышленности. Ему были подчинены все учреждения по регулированию хозяйства. ВСНХ составлялся из представителей Всероссийского совета рабочего контроля, Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда, наркоматов и сведущих лиц (буржуазных специалистов), которые приглашались с правом совещательного голоса [116]. Таким образом, был создан центральный государственный орган контроля, планирования, регулирования и управления промышленностью. Вместе с введением рабочего контроля — первичной ячейки по государственному регулированию промышленности — это мероприятие явилось важным этапом на пути к национализации и социалистической реорганизации хозяйства.

Функции ВСНХ и взаимоотношения его с другими хозяйственными ведомствами уточнялись и в дальнейшем. Так, 11 января 1918 г. СНК принял постановление, что ни одно ведомство не вправе учреждать или реорганизовывать органы, регулирующие хозяйство, без ведома и согласия ВСНХ. В свою очередь ВСНХ не мог принимать постановления, касающие-

---

[113] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 123.
[114] Там же, стр. 124.
[115] Там же, стр. 174—177.
[116] «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов. 1917—1920 гг. М., 1954, стр. 499—500.

ся функций учреждений какого-либо комиссариата, без предварительного извещения комиссариата, обязанного в этом случае в недельный срок дать свое заключение [117].

Вождь Советского государства Ленин придавал ВСНХ исключительно большое значение. «От рабочего контроля,— говорил он на III съезде Советов,— мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которая будет проведена в ближайшие дни, даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства» [118].

В. И. Ленин считал, что создание ВСНХ — это «один из крупнейших факторов современного государственного строительства» [119]. Он указывал, что ВСНХ носит не синдикалистский, а именно коммунистический (марксистский) характер. Ленин предлагал популяризировать опыт ВСНХ, так как это «архиважно» не только для России, но и для всех стран, которые приступили бы к социалистическому строительству. Он неоднократно принимал непосредственное участие в работе ВСНХ. Под его руководством был разработан ряд важнейших постановлений этого учреждения.

Создание ВСНХ явилось важной подготовительной мерой к национализации крупной промышленности. 14 декабря 1917 г. на первом же заседании бюро ВСНХ Ленин предложил проект декрета о социализации народного хозяйства. Критическое положение экономики в стране, угроза голода, борьба с саботажем буржуазии требовали принятия чрезвычайных мер. Проект декрета предусматривал национализацию банков, акционерных предприятий, аннулирование внешних и внутренних займов, введение всеобщей трудовой повинности, создание потребительских обществ для учета и распределения продуктов, принятие рабочими организациями и местными Советами срочных мер по организации полезных работ на демобилизуемых и находящихся под угрозой закрытия предприятиях [120].

Таким образом, сразу после создания ВСНХ Ленин предложил нанести мощный концентрированный удар по экономической базе буржуазии. Этот план был в дальнейшем осуществлен.

ВСНХ являлся центральным органом планового регулирования хозяйства страны. На местах создавались уездные, губернские, областные, а иногда и городские советы народного хозяйства, руководимые ВСНХ и действовавшие под общим контролем местных Советов рабочих и крестьянских депутатов. Органы рабочего контроля постепенно превращались в часть аппарата местных совнархозов.

23 декабря 1917 г. ВСНХ принял положение об организации районных (областных) СНХ. В положении указывалось:

«В целях организации и регулирования всей экономической жизни... в соответствии с общегосударственными и местными интересами организуются районные (областные) СНХ» [121]. Областные СНХ осуществляли общее руководство хозяйством нескольких смежных экономически тесно связанных между собой губерний. Через областные СНХ аппарату ВСНХ было легче руководить хозяйственной жизнью всей страны. В декабре 1917 г. организовался СНХ Московской области, в январе 1918 г.— Север-

---

[117] ЦГАОР СССР, ф. 4100, оп. 1, д. 73, л. 26.
[118] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 274—275.
[119] Там же, стр. 128.
[120] См. там же, стр. 174—177.
[121] «Экономическая жизнь», 9 ноября 1918 г.

ный СНХ, включивший губернии: Петроградскую, Олонецкую, Новгородскую, Псковскую, Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую.

Руководствуясь указаниями Ленина о первоочередной национализации ведущих отраслей тяжелой промышленности, ВСНХ организовывал областные и губернские СНХ прежде всего в крупнейших промышленных районах страны. К маю 1918 г. ВСНХ опирался уже на 7 областных, 38 губернских и 69 уездных совнархозов [122].

Областные СНХ направляли деятельность органов рабочего контроля, руководили национализированными предприятиями в области, выясняли потребности области в топливе, сырье, продовольствии и принимали меры по удовлетворению этих потребностей, вырабатывали планы наиболее полного использования имеющихся производительных сил.

Вся страна покрывалась сетью организаций, регулировавших хозяйственную жизнь на местах и объединяемых ВСНХ.

СНХ создавались и в крупных городах. Так, уже в декабре они были созданы в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Саратове, Екатеринбурге, Харькове и других городах. Вначале они формировались на съездах Советов, представителей профсоюзов и фабзавкомов. Затем были созданы кадры инструкторов, которые посылались из центра на места с целью организации СНХ.

Местные СНХ составлялись из представителей, избранных на совместных конференциях профсоюзов и фабзавкомов по отраслям промышленности, посланцев Советов и рабочих кооперативов. В них избирались и представители административно-технического персонала (специалисты) в количестве не более трети состава.

Советы народного хозяйства — органы диктатуры пролетариата в экономической области — находились в связи и в подчинении у политических органов диктатуры пролетариата — Советов. Единство структуры и организация СНХ на основе демократического централизма создавали единую стройную систему органов регулирования народного хозяйства.

Система СНХ удачно сочетала участие широких масс в управлении на местах с обеспечением интересов Советского государства в целом.

ВСНХ и местные совнархозы использовали в своей деятельности учетно-распределительный аппарат капиталистических монополий и государственных «регулирующих» органов старой России. Большевистская партия исходила при этом из марксистско-ленинского учения о государстве и революции. Ленин в работах, созданных накануне Октябрьской революции, указывал на необходимость разграничивать в капиталистическом государстве преимущественно угнетательский аппарат (постоянная армия, полиция, чиновничество), подлежащий слому, и аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, который «выполняет массу учетно-регистрационной работы». «Этого аппарата,— писал он,— разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать*, *отсечь*, *отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным» [123]. Задача заключалась в ис-

---

[122] «Пролетарская революция», 1940, № 6, стр. 51. Подробнее об организации ВСНХ и местных СНХ см.: *Ю. К. Авдоков.* Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1971.

[123] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 307.

пользовании в интересах пролетарской революции и построения социализма тех материальных предпосылок для организации учета и контроля во всероссийском масштабе, которые создал государственно-монополистический капитализм.

При Временном правительстве всю систему государственно-монополистического «регулирования» официально возглавляли два учреждения — Экономический совет, превратившийся в безвластную говорильню, и Главный экономический комитет — бюрократический орган, ставший штабом «экономической корниловщины». Декретом СНК от 15 ноября 1917 г. оба они были упразднены. Но делопроизводство их, по тому же декрету, сохранялось и «временно, впредь до образования Совета народного хозяйства» передавалось в ведение уполномоченных СНК по организации высшего экономического органа страны [124].

Большое практическое значение имели в прошлом четыре особых совещания и прежде всего Особое совещание по обороне, которое ведало почти всей мобилизованной на войну промышленностью и располагало аппаратом на местах в виде заводских совещаний. Советское правительство сохранило на время Особое совещание по обороне, но сразу же изменило его руководящий состав. Во главе совещания стал старый большевик Н. И. Подвойский, его заместителем был назначен инженер П. А. Козьмин. Было разработано новое положение о совещании, и в декабре его реорганизовали в Совещание по финансированию. В декабре же было издано постановление о демократизации состава заводских совещаний: впредь они должны были состоять на $^2/_3$ из представителей организаций трудящихся и лишь на $^1/_3$ — из специалистов и промышленников. Особое совещание по обороне провело большую работу по ликвидации военных заказов, в том числе иностранных, по использованию освободившихся материалов и запасов для нужд народного хозяйства. Ему приходилось в известной мере заниматься и вопросами военно-технического снабжения армии [125].

Было сохранено на некоторое время, опять-таки с изменением руководящего состава, и Особое совещание по топливу с его местными органами — районными совещаниями по топливу. После образования в составе ВСНХ отдела топлива Особое совещание по топливу упразднили (30 декабря 1917 г.), а его служебный аппарат, денежные, технические и иные средства передали отделу топлива. Районные совещания по топливу были поглощены соответствующими отделами или секциями областных совнархозов [126].

Помимо особых совещаний, Советское государство использовало аппарат и делопроизводство целого ряда «регулирующих» комитетов — Управления главноуполномоченного по снабжению металлами (Расмеко), Главного комитета по кожевенным делам, Комитета текстильной промышленности и др. После образования ВСНХ учетно-регулирующий аппарат этих комитетов был включен в состав соответствующих отделов или глав-

---

[124] *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. I. Л., 1957, стр. 258.

[125] Там же, стр. 296—297; *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 254—255; *И. А. Гладков.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950, стр. 215.

[126] *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. I, стр. 297.

ков. Например, Расмеко был превращен в «исполнительный орган» металлургического отдела ВСНХ, Комитет текстильной промышленности вошел в состав созданного в январе 1918 г. Центротекстиля, Главный комитет по кожевенным делам — в Главкожу.

Наряду с государственно-монополистическими учреждениями использовался учетно-распределительный аппарат капиталистических монополий. Так, в январе 1918 г. ВСНХ издал постановление о конфискации акционерных обществ «Продамет» и «Кровля» и превращении их в государственные учреждения по регулированию железоделательной промышленности, подведомственные металлургическому отделу ВСНХ [127]. На них возлагалась реализация продукции всех металлургических заводов как национализированных, так и частных. Таким образом, созданные еще при капитализме объединения были не только сохранены и использованы, но даже укрупнены под руководством Советского государства. Как увидим ниже, и государственные объединения национализированных предприятий часто создавались на основе бывших синдикатов и трестов.

Заметим, что овладение учетно-распределительным аппаратом, доставшимся в наследство от капитализма, не было простым и легким делом. Здесь, как и в ряде других звеньев государственной машины, пришлось столкнуться с саботажем служащих и специалистов, с отсутствием у представителей Советской власти соответствующих знаний и навыков. Тем не менее, как резюмирует исследователь вопроса, «в конечном итоге основная масса работников военно-регулирующих органов, за исключением наиболее активных «сопротивленцев» и саботажников, была включена в советский государственный аппарат, а накопленные военно-регулирующими органами технические и учетно-статистические материалы и навыки были использованы для нужд социалистического строительства» [128].

Перед советами народного хозяйства — руководящими органами по проведению экономической политики Советской власти — стояли огромные задачи. Впервые в истории человечества рабочему классу предстояло создать управление производством в масштабе всей страны. Рабочий класс не располагал опытом управления. Каждый шаг по строительству народного хозяйства являлся подлинным социалистическим творчеством.

В обстановке разрухи и острейшей классовой борьбы создавался новый аппарат управления, закладывались основы планового регулирования хозяйства. Необходимо было организовать широкие массы рабочего класса и крестьянскую бедноту и привлечь их к активному участию в построении социалистического общества. Гигантское переустройство хозяйства требовало огромного числа работников. Предстояло выделить руководителей и организаторов из народных масс. «Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня» [129],— говорил Ленин на III съезде Советов.

Нужно было в первую очередь решить ряд ближайших задач, представлявших огромные трудности: предотвратить надвигавшуюся хозяйственную катастрофу, вызванную войной и саботажем буржуазии, осуществить демобилизацию промышленности, пустить в ход бездействующие

---

[127] СУ, 1918, № 19, ст. 282.
[128] *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. I, стр. 297.
[129] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 276.

предприятия, сократить безработицу, подчинить буржуазию учету и контролю, привлечь буржуазных специалистов к налаживанию производства.

Перевод военных заводов на мирную продукцию начался еще в декабре 1917 г. Решением СНК от 23 января 1918 г. Комиссариату труда, профсоюзам и совнархозам поручалось немедленно начать перевод металлических заводов на работы по ремонту и увеличению производства железнодорожных материалов, а также по производству продукции для обмена на хлеб. Советам народного хозяйства было предложено выяснить, какие производства необходимо развить и какие заказы подлежат выполнению [130].

ВСНХ впервые приступил к планомерному регулированию народного хозяйства. Он учел приблизительные потребности страны в важнейших предметах потребления и определил возможности их удовлетворения за счет внутреннего производства и импорта. После этого ВСНХ сделал первый набросок хозяйственного плана на основе учета сырьевых и продовольственных ресурсов страны. На 1918 г. намечалась программа: добыть 5—6 млн. тонн угля, произвести 1—1,5 млн. тонн чугуна, 1,5 млн. тонн стали, получить 200 млн. пудов товарного хлеба.

Под руководством ВСНХ местные советы народного хозяйства приступали к организации нового планового социалистического производства.

Ярким примером деятельности местных СНХ может служить работа Совета народного хозяйства района, куда входили Петроград и окружавшие его губернии. Этот район, прежде всего Петроград, имел огромное экономическое значение. Достаточно сказать, что промышленность Петрограда дала в 1917 г. 23% всей промышленной продукции страны.

В составе руководящих органов СНХ Северного района было 80—90% представителей от Петроградского Совета, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Это обеспечивало тесную связь СНХ с рабочими массами. Во главе СНХ был поставлен В. М. Молотов.

СНХ Северного района со всей решительностью внедрял рабочий контроль на предприятиях, обучал рабочих делу управления. Правильная организация СНХ и проведение последовательной пролетарской политики явились важнейшим условием преодоления огромных хозяйственных трудностей начала 1918 г. К моменту организации СНХ Северного района промышленность Петрограда катастрофически катилась вниз. Вследствие контрреволюционного саботажа буржуазии, эвакуации некоторых предприятий, нехватки топлива и сырья заводы закрывались. На 1 апреля 1918 г. из 799 обследованных заводов закрылось 265. Из 208 тыс. рабочих указанных предприятий осталось 121 тыс. [131]

Принятыми СНХ Северного района мерами процесс падения промышленного производства был остановлен. СНХ в централизованном порядке начал распределять все наличные запасы топлива в зависимости от важности и нуждаемости того или иного производства. Он энергично взялся за организацию разработки торфа и заготовку дров. В артели лесорубов было объединено около 60 тыс. человек. Были учтены все запасы сырья. Распределение дефицитных материалов производилось органами СНХ. В его руках было сосредоточено и дело финансирования предприятий. Принимались меры по ликвидации безработицы. В проведении всех указан-

---

[130] ЦГАОР СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 55, л. 1.

[131] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства». М., 1918, стр. 235.

ных мероприятий СНХ Северного района опирался на фабзавкомы и контрольные комиссии.

Совету народного хозяйства Северного района удалось добиться неплохих результатов. «Теперь,— докладывал его представитель на I Всероссийском съезде СНХ,— замечается за последнюю неделю и даже месяц несомненное поднятие производительности труда во всех областях промышленности, а в особенности деревообделочной, и не только у нас в Петрограде, но и везде, где делаются сельскохозяйственные машины. Под влиянием СНХ производство это увеличилось почти на 100%, и не только в Питере, но и в Олонецкой и Архангельской губерниях, благодаря тем мерам, которые принимаются профессиональными союзами и Советом народного хозяйства» [132]. СНХ Северного района явился подлинным органом дикататуры пролетариата по руководству процессом социалистического переустройства страны.

Такую же роль сыграл и Самарский губернский СНХ, руководимый видным деятелем большевистской партии В. В. Куйбышевым. Этот СНХ был создан из представителей фабзавкомов, профсоюзов и советских органов. Ломая сопротивление буржуазии, СНХ в короткий срок добился больших результатов в организации учета, контроля и планового ведения хозяйства губернии. Для управления национализированными заводами здесь было создано Центральное заводоуправление. Заводы, выпускавшие военную продукцию, переводились на производство сельскохозяйственных машин. Самые крупные заводы в Самаре и в губернии получили заказ на 800 молотилок, 42 тыс. плугов и на другие сельскохозяйственные орудия [133].

Совнархоз Саратовской губернии контролировал все хозяйственные организации губернии, руководил 50 предприятиями. Совнархоз добился открытия сахарного завода и начал строить суперфосфатный завод.

Ценным оказался опыт Южного областного СНХ, председателем которого был старый большевик Ф. А. Сергеев (Артем). Для контроля снизу над деятельностью завкомов и рабочих правлений и для помощи губернским и уездным СНХ и контрольным комиссиям Южный СНХ создал институт уполномоченных, который укрепил связь рабочих организаций с областным СНХ [134].

Однако были случаи, когда руководство местными органами народного хозяйства оказывалось в руках людей, стремившихся превратить их из органов диктатуры пролетариата в органы сотрудничества с буржуазией. Так, руководство Московского районного экономического комитета (МРЭК) включало представителей меньшевиков и капиталистов. МРЭК проводил политику сотрудничества с капиталистами. Меньшевистско-буржуазный блок фактически использовал МРЭК для подрыва основных экономических мероприятий Советской власти: он противодействовал национализации предприятий, разваливал работу на национализированных предприятиях, саботировал рабочий контроль. Однако долго проводить подобную работу через МРЭК ему не удалось. Рабочие-коммунисты, входившие в состав комитета, вели борьбу за очищение его от капиталистов. В мае 1918 г. на областном съезде совнархозов в результате перевыборов капиталисты

---

[132] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства», стр. 237.
[133] *И. А. Гладков.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг., стр. 214.
[134] «Донецкий пролетарий», 8 марта 1918 г.

были изгнаны из руководства. Во главе вновь избранного Московского областного совнархоза встал большевик Я. Э. Рудзутак.

В осуществлении рабочего контроля и организации управления производством активно участвовали Советы, фабзавкомы и профсоюзы. В 1918 г. армия организованных в профсоюзы рабочих достигла уже внушительной цифры — 1946 тыс. человек[135]. Подлинными руководителями профсоюзов выступали большевики. Влияние меньшевиков и эсеров падало с каждым днем. Об этом говорит и партийный состав I съезда профсоюзов (январь 1918 г.). Среди делегатов было: большевиков — 66%, меньшевиков — 16, представителей других партий — 10, беспартийных — 8% [136].

Вопреки противодействию меньшевиков и эсеров съезд принял резолюцию, которая подчеркивала, что «одним из основных элементов регулирования народного хозяйства является рабочий контроль, а профсоюзы должны принять активное участие в его деятельности» [137].

Съезд после упорной борьбы с меньшевиками и анархо-синдикалистами принял решение об объединении фабзавкомов и профсоюзов. Фактически эти две рабочие организации вели параллельную работу. Усложнение хозяйственно-организационных задач, а также освобождение профсоюзов от засилья меньшевистско-эсеровских элементов, мешавших укреплению рабочих организаций, диктовали необходимость объединения. После объединения активность профсоюзов еще больше поднялась.

Руководимые большевиками профсоюзы играли ведущую роль в контрольных комиссиях и в органах управления национализированными предприятиями.

Для решения ряда вопросов управления и обмена опытом на местах часто созывались съезды и конференции представителей предприятий. Эти же вопросы ставились и на съездах Советов. На Урале созывались специальные областные съезды национализированных предприятий. На I таком съезде в начале января 1918 г. было принято «Временное положение об организации управления национализированными предприятиями». По этому положению весь личный состав предприятия выбирал орган управления — Совет уполномоченных, или «деловой совет», в который входили $^2/_3$ представителей от рабочих и $^1/_3$ от инженерно-технического персонала и служащих[138]. Функции рабочего контроля переходили к фабзавкомам. Для управления всей национализированной промышленностью района при областном СНХ создавалось управление заводами Урала.

Иначе начали строиться правления национализированных предприятий Северного района. Они создавались на $^2/_3$ из представителей СНХ Северного района и на $^1/_3$ — из выборных от рабочих. Этот принцип себя больше оправдал. Конструируемые таким образом заводоуправления были теснее связаны с СНХ, и через них легче было осуществлять регулирование промышленности по единому плану. Кроме того, такой порядок наносил удар по местничеству и цеховщине, которые иногда проявлялись среди отсталых рабочих на предприятиях. Эта практика вскоре нашла общероссийское признание и легла в основу «Положения» об управлении на-

---

[135] «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг.». М., 1924, стр. 246.

[136] «Ежегодник Коминтерна». Пг.— М., 1923, стр. 446.

[137] «Стенографический отчет I Всероссийского съезда профсоюзов». Пг., 1918, стр. 369.

[138] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства», стр. 221.

ционализированными предприятиями, принятого на I съезде СНХ в начале июня 1918 г.

ВСНХ через свои отделы и секции (горный отдел, отдел металла, химический отдел, отдел государственных сооружений и др.) осуществлял руководство местными СНХ страны, управление национализированными предприятиями, регулирование и распределение продукции различных производств, заведование строительством дорог и каналов. ВСНХ осуществлял и общее руководство рабочим контролем. Местные СНХ также имели в своем составе многочисленные отделы и секции. Советы рабочего контроля на местах постепенно входили в совнархозы, все шире развивая свою деятельность на заводах и фабриках.

В начале 1918 г. в системе ВСНХ стали создаваться главные и центральные управления для регулирования отдельных отраслей промышленности. В середине января 1918 г. был создан Главный комитет по делам кожевенной промышленности (Главкожа), в конце января Центротекстиль (центр по управлению текстильной промышленностью). К августу 1918 г. главков и центров было уже 18. В пределах своей отрасли главки являлись полновластными органами диктатуры пролетариата.

В порядке принудительного синдицирования предприятия целой отрасли хозяйства подчинялись главку. Одновременно они подчинялись рабочему контролю снизу. Так совершался переход от рабочего контроля на отдельных предприятиях к рабочему контролю над отраслями промышленности.

В. И. Ленин указывал, что метод беспощадной расправы в отношении капиталистов «некультурных», отказывающихся подчиняться постановлениям Советского государства, нужно соединять с известным компромиссом в отношении капиталистов, подчиняющихся требованиям пролетарской власти. Рабочим необходимо было использовать опыт капиталистов в организации и управлении целыми отраслями хозяйства. Нужно было заставить капиталистов служить рабочему классу. Вот почему Ленин считал возможным временно, до национализации, допустить участие в главках капиталистов — крупных знатоков промышленности, но не более трети всего состава. Они здесь использовались как специалисты.

Через главки Советское государство финансировало частные предприятия, а вся готовая продукция последних поступала на государственные склады. Главкожа, например, в плановом порядке регулировала работу 5 тыс. предприятий, руководствуясь интересами Советской страны.

В главках и центрах вместе с тем на практике готовились кадры рабочих, способных управлять целыми отраслями промышленности. Выступая на III Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил: «У нас есть не только государственный закон о контроле, у нас есть еще даже более ценное — попытки пролетариата вступать в договоры с союзами фабрикантов, чтобы обеспечить рабочим управление целыми отраслями промышленности» [139].

Наконец, система совнархозов стала объединять технические и научные силы для содействия разрешению очередных хозяйственных задач. С этой целью в феврале 1918 г. были организованы Центральный совет экспертов при ВСНХ и советы экспертов на местах.

---

[139] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 277.

Эти советы должны были, как говорилось в решении об их организации, осуществлять «исчерпывающее и всестороннее обследование условий развития существующих и создания новых отраслей промышленности; выработку мер государственного руководства производительной жизнью страны и планомерного его устроения; выработку программ производительной деятельности в разных отраслях промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли и мер для проведения их в жизнь» [140]. Следовательно, целью государственного объединения научно-технических сил являлось сближение науки с производством [141].

Таким образом, уже в первые месяцы после Октябрьской революции под руководством большевистской партии были созданы центральные и местные экономические органы диктатуры пролетариата — совнархозы, руководившие процессом социалистического переустройства хозяйства страны. Они сыграли огромную роль в ликвидации экономического саботажа буржуазии, организации планового регулирования экономики и подготовке национализации промышленности.

4

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ

Выступая на III Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил: «Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся,— был переход к национализации банков» [142].

На необходимость этой меры Ленин указывал еще до победы Октябрьской революции. «Национализация банков и синдикатов,— писал он в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»,— в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность сэкономить силы и средства, она означала бы также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его» [143].

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин разъяснял, что банковский аппарат, созданный капиталистами, разрушать не надо, что его следует подчинить Советам и использовать для учета и контроля.

«Крупные банки,— писал Ленин,— *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его

---

[140] «Правда», 1 марта 1918 г.

[141] Одновременно были предприняты меры по мобилизации на решение кардинальных хозяйственных задач крупнейших ученых, объединенных в системе Академии наук (*Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 262—282),

[142] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 273.

[143] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 194.

еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества» [144].

Большевистская партия учла ошибку Парижской Коммуны, которая не решилась посягнуть на банки и тем самым оставила в руках буржуазии мощное средство борьбы против пролетарской власти. Готовясь к социалистической революции, большевики в качестве одной из ближайших мер после своей победы намечали национализацию всей буржуазной банковской системы, что должно было нанести сокрушительный удар по экономической базе контрреволюции, ликвидировать зависимость России от иностранного капитала и облегчить национализацию промышленности.

Напомним, что к 1917 г. крупнейшим банкам принадлежало свыше 50% акций многих промышленных и транспортных монополий страны. Эти банки распространяли свой контроль и влияние на 468 акционерных предприятий с капиталом свыше 2 млрд. руб., что составляло 19% общего числа акционерных обществ и 44% — их капитала [145]. Особенно значительным было влияние банков в ведущих отраслях тяжелой промышленности страны, а также на частном железнодорожном и водном транспорте.

Во главе российских банков стоял Государственный банк — центральное эмиссионное и крупнейшее коммерческое кредитное учреждение страны, систематически в широких масштабах кредитовавшее частные акционерные коммерческие банки.

В 1917 г. Государственный банк России имел 11 контор и 133 постоянных отделения в провинции. Его депозиты составляли 1535 млн. руб., а учетно-ссудные операции — 7764 млн. руб. Общий баланс банка достигал 12 641 млн. руб., а золотой запас, хранившийся в его кладовых, оценивался почти в 1300 млн. руб. [146]

Центральным звеном банковской системы были акционерные коммерческие банки, которых к 1917 г. насчитывалось 59. Они имели в стране почти 900 филиалов. Депозиты этих банков достигали 6747 млн. руб., задолженность клиентов по учетно-ссудным операциям — 8494 млн. руб., а общая сумма балансов банков — 13 051 млн. руб.

Удельный вес депозитов частных банков в общей сумме депозитов всей кредитной системы России достигал 73%, а удельный вес учетно-ссудных операций — 50%.

Сумма всего баланса частных кредитных учреждений (акционерных коммерческих банков, обществ взаимного кредита, городских общественных банков) на 1 октября 1917 г. достигала 14 414 млн. руб. [147]

Большое значение в финансовой жизни страны имели восемь крупнейших акционерных коммерческих банков (Русско-Азиатский, Петроградский международный, Азово-Донской, Русский банк для внешней торговли, Русский торгово-промышленный банк, Сибирский торговый, Соединенный

---

[144] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 307.

[145] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М., 1956, стр. 64; «Советская историческая энциклопедия», т. 2. М., 1961, стр. 104.

[146] *С. Механик.* Великая Октябрьская социалистическая революция и национализация банков.— «Деньги и кредит», 1967, № 1, стр. 43.

[147] Там же, стр. 44.

банк и Петроградский частный коммерческий), на которые приходилось более половины всех банковских капиталов России и 66% всей суммы сводных балансов банков.

Одна из особенностей старой России состояла в том, что крупнейшие русские банки были тесно связаны с проникавшими сюда иностранными финансово-капиталистическими группами и банками.

Насколько значительным было засилье иностранного капитала в России, видно из того, что 47% капиталов крупнейших акционерных коммерческих банков страны принадлежали иностранцам.

Кроме коммерческих банков, существовали и другие кредитные учреждения: общества взаимного кредита и городские общественные банки, имевшие лишь местное значение, но существенно дополнявшие сеть банков (их насчитывалось свыше 1300) [148]. Особым звеном банковской системы были учреждения земельного кредита, на судьбе которых мы остановимся в другом месте, там, где речь пойдет о преобразованиях в деревне.

«...Только контроль за банками,— писал Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»,— за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания простонародья» [149].

Хозяйственная разруха в стране и организованный саботаж буржуазии и банковских служащих после победы Советской власти не позволяли медлить в вопросе о национализации банков.

Саботаж, начатый банками в первые же дни Октябрьской революции, срывал выплату заработной платы рабочим. Поэтому уже 30 октября за подписями В. И. Ленина и В. Р. Менжинского было издано постановление об открытии банков, в противном случае, указывалось в нем, «все директора и члены правлений банков будут арестованы...» [150]

В результате открытый саботаж частных банков был в значительной мере сломлен, но контрреволюционная деятельность банковских служащих продолжалась. Они начали создавать 2-миллионный фонд для поддержки забастовки чиновников. Чиновники Государственного банка отказались выдавать деньги Советской власти. В то же время они финансировали силы контрреволюции. В течение ноября подпольное Временное правительство успело получить из этого банка 41 931 тыс. руб. [151]

С 25 октября по 10 ноября только в центре было выпущено в обращение 610 млн. руб. На места через отделения Государственного банка было выслано 459 млн. руб. В основном эти деньги направлялись на финансирование буржуазии и чиновников старого государственного аппарата.

Частные банки начали переводить деньги за границу.

Контрреволюция стремилась распространить саботаж на всю кредитную систему. Саботажем руководили бывшие члены Временного правительства, обсуждавшие этот вопрос на своих тайных заседаниях [152].

---

[148] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 64; *С. Механик.* Великая Октябрьская социалистическая революция и национализация банков, стр. 44.
[149] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 163.
[150] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 30—31.
[151] «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 204.
[152] Там же, стр. 203—210.

Необходимо было в первую очередь вырвать из рук буржуазии Государственный банк — эмиссионный центр и основное кредитное учреждение страны, в зависимости от которого находились все частные банки.

Государственный банк еще 25 октября был занят отрядом моряков, направленным ВРК. Комиссаром банка ВРК назначил Морозова, а комиссаром экспедиции заготовления государственных бумаг Жолнеровича. В ответ на эти действия новой, революционной власти служащие банка, подстрекаемые банкирами, высшими чиновниками и реакционной верхушкой профсоюзов министерств, объявили забастовку. Через неделю банк открылся, однако служащие, угрожая вновь прекратить работу, требовали невмешательства комиссаров в его деятельность и отказывались финансировать Совет Народных Комиссаров.

После ряда попыток разъяснительной работы среди служащих ВЦИК и СНК категорически потребовали от них подчинения распоряжениям Советской власти. 11 ноября за отказ признать Советскую власть Совнарком уволил без права на пенсию ряд высших чиновников бывшего Министерства финансов, в том числе управляющего Государственным банком И. П. Шипова. Советское правительство назначило новым комиссаром банка (на правах управляющего) бывшего комиссара телеграфа С. Пестковского, которого вскоре сменил В. В. Оболенский (Осинский) — член партии с 1907 г. и опытный экономист.

За исключением низших служащих, согласившихся сотрудничать с Советской властью, большинство саботажников все же пыталось сопротивляться. 15 ноября забастовка возобновилась. Тогда были приняты решительные меры, вплоть до ареста наиболее активных участников саботажа. В тот же день, 15 ноября, представители Советской власти овладели ключами от банковских кладовых и сейфов.

Партийные организации и профсоюзы Петрограда направили в Комиссариат финансов и Государственный банк преданных революции работников. В финансовых учреждениях стали создаваться большевистские ячейки. Член Рождественского райкома партии Е. М. Соловей, назначенный комиссаром отдела заграничных операций Государственного банка, рассказывает:

«Приходим, все чиновники ушли, остались счетчики, низшие служащие, курьеры, сторожа и двойная охрана — прежняя и наша, из красногвардейцев и солдат. Стоит много несгораемых шкафов, столы все закрыты, книг никаких нет, не знаешь, с чего начинать. Я обратился к Свердлову, говорю: Яков Михайлович, дайте пару матросов, чтобы привести хоть одного специалиста из отдела, который бы хоть ящик открыл и рассказал кое-что. Свердлов послал двух матросов, и действительно они привели специалиста по отделу заграничных операций..., удалось получить у него ключи, открыть сейфы, ящики и т. д.... Постепенно мы стали набирать штат работников. Помогали нам преимущественно низшие служащие, счетоводы... Потом мало-помалу в Госбанке организовалась партийная ячейка. Мы, не будучи специалистами в области финансов, постепенно входили в работу и овладевали делом, которое было нам доверено» [153].

17 ноября Совнарком получил из Госбанка первые 5 млн. руб. С 22 ноября в нем уже функционировали почти все отделы, причем число служащих превысило 400 (до революции их насчитывалось свыше 1000) [154].

---

[153] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 203.

[154] *А. Гиндин.* Как большевики овладели Государственным банком (Факты и документы октябрьских дней в Петрограде). М., 1961, стр. 8—80.

После овладения Государственным банком был установлен контроль за деятельностью частных акционерных коммерческих банков. 3 декабря между Госбанком и частными петроградскими банками состоялось соглашение, по которому первый возобновлял кредитование частных банков, а те в свою очередь соглашались на контроль Госбанка за расходованием отпускаемых ими сумм. Частные банки обязались систематически представлять сведения о состоянии своих касс, сообщать данные о связях с акционерными обществами. Созданный вскоре после этого ВСНХ получил право посылать своих уполномоченных (при участии представителей Госбанка) в любой частный банк для просмотра всех бухгалтерских книг и документов [155]. Такой контроль был переходной мерой к национализации частных банков.

«Нам удалось,— говорил Ленин,— основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки» [156].

Однако частные банки саботировали контроль. Путем всяческих махинаций они использовали народные деньги для борьбы против Советской власти.

Нередко частные банки получали средства в Государственном банке якобы для финансирования промышленных и торговых предприятий, а на самом деле передавали их капиталистам и помещикам в контрреволюционных целях. Частные банки отказывались выдавать средства предприятиям, где был установлен рабочий контроль. Этим они пытались остановить предприятия и еще больше увеличить хозяйственную разруху. Банки выдавали жалованье бастующим чиновникам за несколько месяцев вперед, саботируя в то же время финансирование органов Советской власти.

Руководители частных банков пошли на контрреволюционный заговор с целью сорвать все финансовые мероприятия Советского правительства. Они планировали выпуск специальных чеков на сумму в 1 млрд. руб., чтобы лишить Госбанк монопольного права эмиссии и получить средства для дальнейших тайных махинаций. «Но,— говорил Ленин,— нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам»» [157].

«Мы,— разъяснял Ленин,— хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами» [158]. Банковский саботаж сократил предполагавшийся период контроля, ускорил национализацию банков.

Решено было начать национализацию частных банков с Петрограда, так как здесь сосредоточивалось до $^3/_4$ всех средств частных банков страны.

В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает, что после проведения предварительной подготовки к национализации частных банков было получено указание Ленина, «чтобы вся эта операция была произведена решительно, одновре-

---

[155] *А. Гиндин.* Как большевики национализировали частные банки (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962, стр. 28—29.
[156] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 273.
[157] Там же, стр. 172.
[158] Там же, стр. 173.

менно, с большим тактом и с полной корректностью к директорам банков, которым, как только они будут свезены в Смольный, надо будет немедленно предложить приступить к работе в национализированных банках, взяв с них соответствующую расписку» [159].

14 декабря с 7 до 11 час. утра отряды матросов и красногвардейцев заняли все банки и кредитные учреждения Петрограда. В них были назначены комиссары. Директора ряда банков подверглись аресту [160]. Вечером того же дня ВЦИК по предложению Ленина утвердил декрет о национализации банков. Банковское дело объявлялось государственной монополией. Национализация распространялась не только на акционерные коммерческие банки, но и на все частные кредитные учреждения [161].

Для руководства бывшими частными банками создавался в каждом случае специальный комиссариат (позднее — управление), опиравшийся в своей деятельности на комиссаров банков и ранее направленный на работу в банки пролетарский актив.

Важную роль в овладении частными банками сыграло созданное в январе Центральное контрольное бюро во главе с большевиком И. В. Иоршем [162]. Путем убеждения удалось склонить на сторону активного сотрудничества с Советской властью часть служащих. Согласились продолжать работу в качестве служащих и некоторые бывшие банкиры. Большинство же банковских чиновников, объединенных в реакционный союз Кредиттруд, ответили на национализацию забастовкой. Хотя их противодействие было окончательно сломлено только в апреле 1918 г., ряды саботажников все время редели. Уже в конце декабря удалось наладить работу по выдаче заработной платы рабочим в 18 кредитных учреждениях столицы. В январе число служащих в бывших частных банках увеличилось в несколько раз, а функции этих учреждений значительно расширились [163].

Чтобы предотвратить расхищение буржуазией ценностей из банковских сейфов, ВЦИК еще 14 декабря принял декрет о ревизии всех остальных сейфов. Все деньги подлежали внесению на текущие счета, а золото конфисковывалось и передавалось в общегосударственный золотой фонд [164]. Практически ревизии стальных сейфов в Петрограде начались с 23 декабря и продолжались несколько месяцев.

Только в Сибирском банке было обнаружено около 50 пудов золота, а в Русско-Азиатском банке — 10 пудов золота [165]. Эти средства отныне стали общенародным достоянием. Вслед за Петроградом были заняты и национализированы банки и в других городах страны.

За национализацией частных акционерных банков последовало объединение их с Государственным (с января 1918 г. Народным) банком с передачей ему всех активов и пассивов. Бывшие частные банки становились отделениями Государственного (Народного) банка.

---

[159] *В. Бонч-Бруевич.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931, стр. 202—203.

[160] Через два дня их освободили под денежный залог.

[161] СУ, 1917, № 10, ст. 150.

[162] Об этом подробнее см.: *А. Гиндин.* Как большевики национализировали частные банки, стр. 85—91.

[163] Там же, стр. 64, 97.

[164] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 230—231.

[165] «Правда», 30 (17) января 1918 г.

Национализацией банков, передачей всей земли в руки трудящихся, говорил Ленин на III Всероссийском съезде Советов,— «Россия вступила на верный путь к осуществлению социализма...» [166].

Но Советское правительство не ограничилось лишь национализацией банков, которая возможна и при буржуазно-демократической революции.

23 декабря 1917 г. был принят «Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам» [167]. Этот декрет наносил сильный удар по капиталистам и освобождал народное хозяйство страны от уплаты огромной дани буржуазии и помещикам. После этого по декрету СНК, опубликованному 23 января 1918 г., были конфискованы все акционерные капиталы бывших частных банков [168]. Банковские акции аннулировались. В январе 1918 г. Ленин констатировал: «Сейчас уже банки перешли в ведение Советов» [169].

Диктатура пролетариата отняла у буржуазии не только банковский механизм, но и акционерные капиталы банков. Эта конфискация буржуазной собственности являлась важным социалистическим мероприятием того периода. Режим «банкирского всемогущества» был сломлен, саботаж банков ликвидирован, а огромные средства могли быть использованы в интересах социалистического строительства и обороны Советской республики.

Таким образом, национализация банков, проведенная Советской властью, диктатурой пролетариата, стала важнейшим социалистическим мероприятием.

Национализация банков облегчила переход к национализации промышленности и плановому регулированию хозяйства страны. Советское государство, став хозяином всех ценностей и акций банков, стало владельцем многих предприятий, которые фактически принадлежали банкам.

Национализация банков была важным средством преодоления экономической зависимости России от иностранного капитала и укрепляла обороноспособность страны.

«Обороноспособность, военная мощь страны с национализацией банков *выше*, чем страны с банками, остающимися в частных руках» [170],— писал Ленин.

Национализация банков позволила нанести еще один удар по экономической мощи русской буржуазии и международного империализма. Этим ударом был декрет ВЦИК об аннулировании государственных займов, опубликованный 25 февраля 1918 г. Декрет гласил: «1. Все государственные займы, заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазии, перечисленные в особо публикуемом списке, аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г... 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы» [171].

Трудящиеся Советской республики освободились от платежей за долги царского и Временного правительств. К концу 1917 г. долги этих

---

[166] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 277.
[167] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 285.
[168] Там же, стр. 390.
[169] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 309.
[170] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 195.
[171] СУ, 1918, № 27, ст. 353.

антинародных правительств составляли огромную сумму — 36,2 млрд. руб., в том числе внутренние — около 23 млрд. руб. и внешние — 13,2 млрд. руб. [172]

Аннулировав иностранные займы, Советское правительство сняло с Советской республики тяжелое бремя долгов. Ежегодно Россия платила иностранным капиталистам несколько сот миллионов рублей одних лишь процентов, не считая погашения долгов. Отныне эти средства могли быть направлены в народное хозяйство.

Декрет ВЦИК об аннулировании государственных займов вместе с тем охранял интересы малоимущих граждан, которые в свое время на трудовые доходы приобрели облигации внутренних займов (на сумму не свыше 10 тыс. руб.). Охранялись также интересы кооперативов, местных самоуправлений, демократических общественных организаций. Объявлялись неприкосновенными вклады в государственные сберегательные кассы.

Декрет Советского правительства об аннулировании государственных долгов вызвал взрыв ненависти в лагере империализма. Дипломатический корпус в Петрограде обратился в Наркоминдел с нотой протеста, французское и британское правительства опубликовали совместный меморандум, в котором осуждали советский декрет. В Англии и Франции капиталисты создали организации для защиты интересов держателей акций, выпущенных царским правительством. Вся буржуазная печать была полна угроз в отношении Советской страны.

Но советский народ претворил декрет в жизнь. Россия навсегда освободилась от экономической зависимости от иностранного империализма. Опасность экономического порабощения страны международным империализмом была ликвидирована.

5

НАЧАЛО НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА

Период с ноября 1917 г. по февраль 1918 г. Ленин назвал периодом «красногвардейской атаки на капитал». Действуя методами подавления, методами «легкой кавалерии» и «непосредственной экспроприации экспроприаторов», пролетариат в ожесточенной борьбе с контрреволюцией шаг за шагом сосредоточивал в своих руках экономические командные высоты.

Национализация земли, введение рабочего контроля, создание первых экономических органов диктатуры пролетариата (ВСНХ и совнархозов) и национализация банков подготавливали условия для национализации промышленности. В проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков Ленин прямо связывал это мероприятие с последующим объявлением всех промышленных акционерных предприятий государственной собственностью [173].

---

[172] *И. Ф. Гиндин.* О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г.— «История СССР», 1957, № 5, стр. 169.

[173] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 174.

Творчески развивая марксизм, большевистская партия, руководимая Лениным, вела рабочий класс России по пути, указанному К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». «Пролетариат,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [174].

Национализация промышленности была одной из важнейших частей ленинской программы социалистических преобразований, но, как мы уже видели, пролетариат не мог сразу после победы Октября взять в свои руки все производительные силы страны. Необходим был целый ряд переходных мер, чтобы подготовить национализацию промышленности. Прежде всего пролетариату нужно было научиться управлять через рабочий контроль, создать свои собственные органы управления промышленностью, подготовить кадры рабочих руководителей. Для всего этого требовалось время.

Однако в ряде случаев жизнь диктовала переход к немедленной национализации отдельных предприятий, ставила рабочий класс перед задачей непосредственного управления ими уже в первые недели пролетарской революции.

Победа Октябрьской революции сделала Советское государство хозяином бывших казенных заводов. По данным ВСНХ, их было 26 [175]. К числу наиболее крупных из них принадлежали заводы военного ведомства — Тульский, Ижевский и Сестрорецкий (оружейные), Охтенский (пороховой), Петроградский (патронный); заводы морского ведомства — Обуховский, Ижорский (артиллерия, боеприпасы, броня), судостроительные верфи; заводы горного ведомства — Пермский (артиллерия, снаряды, корабельное и котельное железо), Златоустовский (холодное оружие, снаряды, шанцевый инструмент), Воткинский (паровозы, пароходы, оборудование для железнодорожных мостов).

Помимо казенных заводов, рабочие брали в свои руки предприятия, брошенные хозяевами, а также предприятия, владельцы которых проводили контрреволюционный саботаж, останавливали работу.

В этих случаях национализация нередко сопровождалась подавлением сопротивления буржуазии. «Задача организационная,— писал Ленин,— сплетается в одно неразрывное целое с задачей беспощадного военного подавления вчерашних рабовладельцев (капиталистов) и своры их лакеев — господ буржуазных интеллигентов» [176]. Инициатива большей частью шла с мест. Рабочие, видя саботаж и вредительство капиталистов, ставили перед Советским правительством вопрос о национализации предприятий в интересах дальнейшего развития производства.

Об этом свидетельствуют многочисленные резолюции, постановления и письма рабочих коллективов, посылавшиеся в СНК. Так, резолюция областного совещания рабочих-металлистов Донецкого и Криворожского бассейнов от 21 ноября 1917 г. гласила: «Тяжелое положение страны усугубляется саботажем промышленников, пытающихся усилением общей разру-

---

[174] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 446.

[175] «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1. М., 1918, стр. 280.

[176] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 197.

хи заставить подчиниться себе народные массы и захватить в свои руки государственную власть. Для планомерной борьбы с закрытием заводов областная конференция Донецкого и Криворожского бассейнов считает необходимым следующее: 1) В случае закрытия заводов промышленниками немедленно приступить к обследованию производства как со стороны финансовой, так и технической, и если будет найден злой умысел со стороны промышленников, то требовать от государственной власти немедленно секвестра завода...» [177] Вынуждал производить национализацию и отказ предпринимателей подчиниться рабочему контролю. 6-я Петроградская общегородская конференция фабрично-заводских комитетов 22 января 1918 г. постановила: «Все фабрики, заводы, рудники, владельцы которых не признают рабочего контроля, явно и скрыто саботируют, не желают продолжать работу на предприятиях, должны быть немедленно переданы в собственность пролетарской республики» [178].

Национализировались, кроме того, предприятия, которым угрожал финансовый крах, задолжавшие казне, а также предприятия, имевшие особо важное значение для Советского государства. Из 41 случая национализации и конфискации предприятий по декретам СНК с декабря 1917 г. по январь 1918 г. в 22 случаях декреты мотивировались отказом администрации подчиниться закону о рабочем контроле, а в 12 случаях — государственной важностью предприятий. В качестве примера можно привести предприятия полиграфической промышленности, которые были необходимы для политического просвещения широких масс. В ноябре-декабре 1917 г. было национализировано значительное число типографий как в Петрограде, так и в других городах страны.

Но вначале Советское государство ограничивалось национализацией ведущих промышленных предприятий, т. е. забирало в свои руки командные высоты в промышленности. Экспроприация средних и мелких капиталистов была пока преждевременна, и при попытках такого рода на местах ВСНХ приходилось разъяснять, что мелкая и средняя промышленность не подлежит национализации, что она должна работать под контролем местных совнархозов.

Для подготовки к национализации малоконцентрированной промышленности было намечено создание ряда государственно-капиталистических объединений, в которых капиталисты целых отраслей должны были работать по планам и под контролем Советского государства. Одно из таких объединений было создано в январе 1918 г. по договору между профсоюзом кожевников и Обществом фабрикантов и заводчиков кожевенного производства. Согласно условиям договора, кожевенные предприятия должны были работать по государственному плану и при помощи правительственных субсидий, а вся их продукция должна поступать в распоряжение государственных органов. Соответственно реорганизовывался Комитет по кожевенным делам, который впредь должен был состоять на $^2/_3$ из представителей рабочих и на $^1/_3$ — из представителей капиталистов. Ленин придавал подобным соглашениям большое значение. Однако государственно-капиталистические объединения не получили сколько-нибудь широкого развития вследствие позиции буржуазии, не желавшей работать с Советским государством.

---

[177] «Из истории борьбы за установление Советской власти». М., 1943, стр. 74.
[178] «Национализация промышленности в СССР», стр. 345.

Национализация крупной промышленности осуществлялась в двух основных формах: собственно национализация, т. е. переход предприятий во владение Советского государства, и менее распространенная форма — секвестр, когда владельцы лишались права распоряжаться своими предприятиями, хотя и сохраняли право собственности на них [179]. Отказ буржуазии от предложенного сосуществования, ее активная антисоветская борьба привели к тому, что национализация осуществилась как безвозмездная конфискация капиталистической собственности, причем различия между собственно национализацией и конфискацией свелись на нет.

Одной из первых в нашей стране была национализирована фабрика Ликинской мануфактуры (Владимирская губерния). Еще в августе 1917 г. ее владелец объявил рабочим локаут, а фабрику закрыл. 17 ноября 1917 г. Ленин подписал следующее постановление СНК:

«Совет Народных Комиссаров... считает, что:

1. Закрытие фабрики, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей, недопустимо.

2. Материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство.

3. В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4 тыс. рабочих и их семей находит необходимым пустить указанную фабрику в ход, а посему постановлено...

4. Фабрику товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при поселке Ликино Владимирской губернии объявить собственностью Российской республики...» [180]

К моменту национализации владелец фабрики успел расхитить все финансовые средства. Новое правление обнаружило в фабричной кассе всего 505 руб. Рабочие не получали заработную плату в течение четырех месяцев, не было топлива, конторские книги были уничтожены. Но все это не смутило рабочих. Они сразу же принялись за налаживание производства, развернули борьбу за трудовую дисциплину, выработали меры общественного воздействия на бракоделов [181]. После национализации фабрики производительность труда повысилась на 50% [182].

Особенно откровенно саботировали мероприятия Советской власти и разваливали промышленность уральские капиталисты. Ведя борьбу против рабочего контроля, они прекратили финансирование предприятий и доставку на них продовольствия. Рабочим грозил голод, заводы останавливались. Это вынудило прибегнуть к национализации промышленности Урала, которая началась с крупных предприятий горнозаводских округов [183].

Обычно рабочие, руководимые партийными организациями и Советами, брали заводы в свои руки, вводили рабочее управление и начинали налаживать производство. Декреты Совнаркома в большинстве случаев утверждали уже фактически проведенную здесь национализацию.

---

[179] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 70, 73.

[180] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 105.

[181] «Борьба классов», 1933, № 11.

[182] *Л. Б. Генкин.* Становление новой дисциплины труда, стр. 83.

[183] Об установлении рабочего контроля и рабочего управления на предприятиях Южного Урала см.: *А. П. Абрамовский.* Переход от рабочего контроля к управлению национализированными предприятиями Южного Урала (декабрь 1917 г.— май 1918 г.).— «Вопросы истории КПСС», вып. 5 (Челябинский государственный педагогический институт). Челябинск, 1970.

Одним из первых на Урале, да и во всей стране, был национализирован Богословский горный округ. В этом громадном промышленном комбинате работало до 40 тыс. рабочих и проживало 104 тыс. человек. Здесь вырабатывалось 20% всего производства металла на Урале.

Капиталисты округа не признавали рабочего контроля. Но рабочие вводили его вопреки буржуазии, отстраняя администрацию. Затем через фабрично-заводской комитет они обратились в СНК. 7 декабря 1917 г. Ленин подписал декрет о национализации Богословского горного округа. В свою очередь рабочие округа дали Совнаркому обязательства соблюдать трудовую дисциплину, поднять производительность труда и подчинить предприятия плановому руководству Народного комиссариата торговли и промышленности [184].

Созданное в округе правление послало делегатов к Ленину за инструкциями. В короткий срок был создан аппарат управления предприятиями, налажено их финансирование. Уже к весне производительность промышленности округа достигла уровня 1916 г. [185]

9 декабря был национализирован Симский горный округ. В конце 1917 г. его заводы были накануне полного краха. Администрация не подвозила горючее, руду, продовольствие, саботировала рабочий контроль. Тогда делегаты Симского окружного Совета прибыли в СНК к Ленину с предложением национализировать округ. Ленин выдвинул условие, чтобы при этом была поднята производительность труда и организовано пролетарское управление округом в целом и каждым предприятием в отдельности. Делегаты дали Совнаркому следующее обязательство: «Мы, нижеподписавшиеся, представители окружного Совета рабочих и солдатских депутатов Симского горного округа, принимая от имени указанного учреждения заведование предприятиями Симского горного округа, обязуемся перед Советом Народных Комиссаров:

1. Поднять производительность всех предприятий и рабочих в нашем округе.

2. Представлять отчет народному комиссару торговли и промышленности и труда не реже двух раз в месяц.

3. Устанавливать заработную плату согласно действующим в данной местности тарифам, выработанным профессиональными союзами.

4. Установить на предприятии полный порядок и трудовую дисциплину.

5. Заявить о потребностях рабочих Комиссариату труда.

6. Войти в соглашение с ближайшими Советами для охранения железнодорожных путей, узловых станций Челябинска и других мест от контрреволюционных посягательств.

7. Все продукты Симского округа подлежат учету и распределяются согласно плану, даваемому Народным комиссариатом торговли и промышленности» [186].

Этот замечательный документ — одно из первых известных обязательств представителей трудящихся своему правительству о поднятии производства. Он был оглашен на собраниях рабочих всех предприятий

---

[184] «Уральский рабочий», 4 февраля 1918 г.

[185] *И. А. Гладков.* Очерки строительства планового хозяйства в 1917—1918 гг., стр. 126.

[186] Там же, стр. 147.

округа. Рабочие горячо приветствовали национализацию и заверили СНК и В. И. Ленина, что заводы и рудники в их руках будут работать лучше, чем при капиталистах.

И действительно, Совету рабочих и солдатских депутатов, фабзавкомам и созданным органам рабочего управления (деловым советам) удалось быстро укрепить трудовую дисциплину, наладить и поднять производство.

Из-за отказа подчиниться рабочему контролю и саботажа предпринимателей был национализирован Сергинско-Уфалейский горный округ. Он был одним из крупнейших горных округов Урала. Здесь трудилось 25 тыс. рабочих и проживало свыше 70 тыс. человек. Тяжелое положение на предприятиях округа побудило Уфалейский окружной Совет рабочих депутатов отправить в СНК делегацию с просьбой о национализации. 27 декабря был подписан декрет Совнаркома о конфискации Сергинско-Уфалейского горного округа [187]. В этот же день последовал декрет СНК о национализации Кыштымского горного округа [188].

В январе 1918 г. национализация горнозаводской промышленности Урала была в основном закончена. К апрелю 1918 г. на Урале была национализирована также почти вся платино- и золотодобывающая промышленность.

Национализация уральской промышленности имела большое значение, так как Урал располагал богатейшими природными ресурсами и здесь сосредоточивалось много предприятий горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

Вследствие саботажа буржуазии отдельные предприятия брали в свои руки рабочие Петрограда, Москвы, Донецкого бассейна и других промышленных центров страны. Эта фактическая национализация затем юридически оформлялась правительственными декретами.

В Петрограде к концу марта 1918 г. было национализировано 10 заводов, а к маю в ведении СНХ Северного района находилось уже 40 национализированных предприятий [189].

Декретами Совнаркома в этот период национализируются предприятия Русско-Бельгийского металлургического общества (15 декабря 1917 г.) [190], общества «Электрического освещения 1886 г.» (16 декабря 1917 г.) [191], заводы Путилова (27 декабря 1917 г.) [192], самолетостроительный завод Андреева-Ланского и К° (17 января 1918 г.) [193], Сестрорецкий металлический завод (17 января 1918 г.) [194], Невский завод (17 января 1918 г.) [195], Иваново-Вознесенская ткацкая мануфактура (27 января 1918 г.) [196] и др.

В Центральном промышленном районе рабочие к концу марта взяли в свои руки свыше 50 предприятий. В Москве, в частности, были национализированы заводы «Динамо» (из-за задолженности государству и важности производства), Гужона (из-за саботажа старого правления), Ми-

---

[187] СУ, 1918, № 13, ст. 190.
[188] Там же, ст. 192.
[189] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства», стр. 237.
[190] СУ, 1917, № 9, ст. 130.
[191] Там же, ст. 140.
[192] СУ, 1918, № 13, ст. 191.
[193] Там же, № 16, ст. 234.
[194] Там же, ст. 235.
[195] Там же, ст. 236.
[196] Там же, № 27, ст. 358.

хельсона (из-за важности производства), Ростокинская красильно-аппретурная фабрика (за неподчинение владельца декрету о рабочем контроле) и др.

Быстро шла национализация в важнейшем угольно-металлургическом районе страны — Донбассе [197]. Здесь капиталисты бросали предприятия, предварительно испортив оборудование и затопив шахты. Рабочие брали шахты и заводы в свое управление, объявляя их собственностью Советской республики. В ноябре 1917 г. СНК обсудил вопрос о национализации угольной промышленности. Совнарком поручил советским органам Донбасса создать комиссию для ее осуществления. К началу марта 1918 г. был национализирован ряд крупнейших металлургических заводов и половина всех шахт бассейна. Дальнейший процесс национализации был сорван здесь германской интервенцией.

Туркестанский СНК в феврале — марте 1918 г. объявил достоянием Российской федеративной республики предприятия по обработке хлопка, каменноугольные и нефтяные предприятия края, а также все типографии [198].

Велась активная подготовка к национализации бакинской нефтяной промышленности [199].

Процесс национализации крупной промышленности постепенно охватывал всю страну. Основной процент национализированных предприятий падал на чернометаллургическую и металлообрабатывающую промышленность (218 предприятий, или 42,5%). И это понятно: они были ключевыми, решающими отраслями. Кроме того, необходимость первоочередной национализации ряда металлургических и металлообрабатывающих заводов вытекала из потребностей демобилизации промышленности [200], ее перестройки на мирное производство в условиях разрухи и сопротивления буржуазии.

Национализация предприятий проводилась не только центральными органами — СНК и ВСНХ, но и местными — Советами рабочих и крестьянских депутатов и совнархозами. Совнарком еще в ноябре 1917 г. рекомендовал местным Советам подходить к конфискации фабрик и заводов с большой осторожностью, предварительно определив техническое и финансовое состояние каждого предприятия [201].

Образец государственного подхода показал Северный СНХ, который проводил национализацию предприятий важнейших отраслей промышленности и отдельных крупных компаний, имевших особо важное значение для всей промышленности.

Но нередко местные рабочие организации не учитывали целесообразности и национализировали маловажные предприятия, которые становились обузой для государства. Постановление ВСНХ от 16 февраля 1918 г.

---

[197] *М. А. Барокова.* Рабочий контроль на промышленных предприятиях Донбасса (1917—1918 гг.). Львов, 1968, стр. 38—59.

[198] *А. В. Венедиктов.* Организация государственной промышленности в СССР, т. 1, стр. 179.

[199] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 83—84.

[200] Уже 29 ноября 1917 г. Ленин поставил на обсуждение СНК вопрос о переводе военных заводов на хозяйственно-полезные работы (см. «Ленинский сборник», т. XXI, стр. 118—119). 9 декабря СНК разослал обращение к рабочим о переходе на производство продукции мирного времени.

[201] ЦГАОР СССР, ф. 130, д. 1, л. 7.

упорядочило дело национализации. Конфискацию предприятий отныне могли осуществлять только СНК и ВСНХ [202].

С января — февраля 1918 г. процесс национализации начинает охватывать крупнейшие капиталистические объединения. Так, 23 января 1918 г. постановлением ВСНХ были национализированы металлургические акционерные общества-монополисты «Продамет» и «Кровля» [203]. 24 января 1918 г. ВСНХ национализировал предприятия акционерного общества «Шодуар». Заводы «Шодуар» давали 70% производства труб в России, на них работало 11 тыс. рабочих.

По данным ВСНХ, всего с 25 октября 1917 г. по 1 июня 1918 г. было национализировано и секвестровано 512 предприятий, из них 264 — областными СНХ, 123 — местными СНХ и Советами (губернскими и нижестоящими). Только 125 предприятий были национализированы Совнаркомом и ВСНХ [204].

Таким образом, из общего числа национализированных и секвестрованных предприятий 75% перешли в ведение государства по постановлениям местных органов власти (см. нижеследующую таблицу).

В целом первый этап национализации промышленности, продолжавшийся до весны 1918 г., характеризовался следующими основными чертами: 1) национализация проходила в условиях жестокой классовой борьбы и нередко без достаточной подготовки, 2) национализировались отдельные крупные предприятия или группы предприятий отдельных районов, 3) национализация проводилась как центральными, так и местными органами власти. Но хотя национализация еще не велась по определенному плану, она все же не была, как пытались ее представить меньшевики, хаотичной. Национализировались прежде всего крупные предприятия (преимущественно тяжелой индустрии), а тысячи средних и мелких оставались ненационализированными. Обычно национализировались предприятия, где рабочие через рабочий контроль уже приобрели некоторые навыки управления, знания организации производства. Весь процесс национализации с самого начала проходил под руководством Советской власти и под контролем СНК и ВСНХ.

Но, конечно, национализация была связана с большими трудностями. Позднее Ленин говорил об этом периоде: «Каждая национализированная фабрика, каждая область национализированной промышленности...— все это воплощало в себе сконцентрированный опыт капитализма и причиняло нам неизмеримые трудности» [205].

Аппарат по управлению народным хозяйством только начинал создаваться. ВСНХ в первые месяцы после создания еще не имел необходимых рабочих органов, его связь с местами не всегда была достаточно прочной, подготовленных кадров для управления не хватало, а большинство буржуазных специалистов находилось в лагере саботажников. Однако благодаря большевистскому руководству трудности преодолевались.

Как уже отмечалось, рабочие проявляли величайшую заботу о предприятиях, ставших народным достоянием; принимали все меры для повышения выпуска продукции. Как правило, после национализации про-

---

[202] «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1, стр. 203.
[203] СУ, 1918, № 19, ст. 282.
[204] «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1, стр. 280.
[205] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 140.

Национализированные и секвестрованные предприятия по отраслям производства

Группа	Государственные (бывшие казенные)	Национализированные			Секвестрованные			Итого
		СНК и ВСНХ	областными СНХ	местными органами	СНК и ВСНХ	областными СНХ	местными органами	
Металл (чернометаллургическая, металлообрабатывающая промышленность)	23	50	39	2	—	7	1	218
	—	18	26	5	1	45	1	
Топливо	—	4	2	11	—	—	—	17
Электротехника	—	5	1	2	—	10	—	18
Волокнистые вещества	—	3	5	7	—	7	4	26
Химическое производство	—	4	21	4	—	8	5	42
Дерево и бумага	—	1	7	24	—	22	6	60
Минералы	—	—	4	1	—	5	—	10
Пищевые и вкусовые предприятия	—	9	12	16	—	10	7	54
Обработка животных продуктов	—	—	1	6	—	1	5	13
Полиграфия	3	1	9	5	—	2	—	20
Транспорт	—	1	2	4	—	—	—	7
Смешанные производства	—	2	16	6	—	2	1	27
Всего	26	98	145	93	1	119	30	512

изводительность труда на предприятиях повышалась. Так, рабочие национализированных шахт Макеевского рудника по собственному почину ввели правило о соблюдении «строгой трудовой дисциплины». Для всех рабочих были установлены твердые нормы выработки. В результате было достигнуто увеличение добычи угля с 60 тыс. до 90 тыс. пудов в день [206].

Производительность Русско-Бельгийского завода, конфискованного в декабре 1917 г., к апрелю поднялась с 70 тыс. пудов металла в день до 110 тыс. пудов [207].

Луганский паровозостроительный завод Гартмана до войны выпускал 14—15 паровозов в месяц. В годы войны производительность завода неуклонно снижалась и дошла в октябре 1917 г. до 3 паровозов в месяц. Под предлогом низкой производительности администрация уже собиралась закрыть его. В январе 1918 г. завод был национализирован. Благодаря самоотверженному труду рабочих к весне 1918 г. он стал выпускать до 12 паровозов в месяц и производил работы по бронированию поездов [208].

На национализированных Петровских металлургических заводах производительность труда к апрелю 1918 г. выросла на 30—40% [209].

---

[206] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства», стр. 55.
[207] «Торгово-промышленная газета», 1918, № 14.
[208] «Народное хозяйство», 1918, № 3, стр. 28.
[209] *И. А. Гладков.* Очерки по истории социалистического планирования. М., 1939, стр. 34.

Уральские заводы в первые месяцы 1918 г. давали 3210 тыс. пудов чугуна в месяц, почти столько же, сколько они давали в те же месяцы 1917 г. Но условия работы в 1918 г. были несравненно труднее (отсутствие необходимых материалов, топлива, саботаж буржуазии и т. д.) [210]. Таким образом, здесь тоже сказались благотворные результаты национализации промышленности.

Одновременно с началом национализации крупной промышленности Советское государство взяло в свои руки большую часть транспорта. Ленин указывал, что железные дороги есть «самое крупное выражение капиталистического механизма, наиболее централизованно построенное на основе крупной материальной техники и наиболее необходимое для государства...» [211]. Необходимость овладения этой ключевой позицией экономики объяснялась ее катастрофическим состоянием. К разрухе на транспорте, вызванной войной, после революции добавился саботаж железнодорожных чиновников, а также разрушительное действие стихийной волны демобилизации.

Октябрьская революция превратила Советское государство в собственника бывших казенных железных дорог, составлявших $^3/_4$ общей протяженности железнодорожной сети России. Однако практическое овладение этим огромным хозяйством затянулось на несколько месяцев, потому что руководство старого аппарата управления железными дорогами встало на путь борьбы с Советской властью. Саботаж возглавили меньшевистско-эсеровские лидеры профсоюза железнодорожников — Викжеля. Необходимо было ликвидировать засилье меньшевистско-эсеровских саботажников на железнодорожном транспорте и создать рабочее управление дорогами.

Железнодорожные рабочие пошли за большевиками. Под большевистским руководством созывались съезды представителей железных дорог, которые смещали старые дорожные комитеты и избирали рабочее управление. Уже в начале января в руках пролетариата были основные дороги страны — Николаевская, Омская, Рязано-Уральская, Северо-Донецкая и др.

В январе состоялся чрезвычайный съезд железнодорожников, утвердивший «Положение об управлении железными дорогами Российской республики Советов». Управление отдельными железными дорогами отныне должны были осуществлять Советы железнодорожных депутатов, а всеми дорогами страны — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжедор). Контрреволюционный Викжель был распущен.

Частные железные дороги временно оставались в руках прежних владельцев, но были подчинены общему руководству Наркомата путей сообщения.

26 января 1918 г. был издан декрет о национализации торгового флота [212]. Национализация спасала его от гибели или угона за границу, которые готовили саботажники-судовладельцы.

Овладение транспортом, связывавшим экономику огромной страны в единое целое, имело важное народнохозяйственное значение. При обсуждении вопроса о национализации речного транспорта Ленин высту-

---

[210] «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства», стр. 320.
[211] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 140.
[212] СУ, 1918, № 19, ст. 290.

пил на заседании Совнаркома с решительным осуждением синдикалистского уклона. Он указывал, что если встать на точку зрения, что речные суда должны принадлежать речникам, промышленные предприятия — работающим на них рабочим, банки — банковским служащим, то лучше совсем отказаться от национализации. Национализируемые предприятия и учреждения должны принадлежать всему народу и представляющим его интересы советским учреждениям и организациям. Ленин подчеркнул необходимость безусловной и беспощадной борьбы «против синдикалистского и хаотического отношения к национализируемым предприятиям» [213].

6

БОРЬБА С ГОЛОДОМ

Все меры, проводимые победившей пролетарской революцией (установление рабочего контроля, национализация банков и страхового дела, а также важнейших отраслей промышленности), должны были также содействовать успешной борьбе с голодом [214].

Продовольственное положение в стране, особенно в столичных центрах, было настолько катастрофическим, что нужны были срочные и поистине героические меры, чтобы спасти народ от голода. Тяжелое положение усугублялось еще и тем, что контрреволюция сразу после победы Советской власти попыталась нанести ей удар, организовав через Министерство продовольствия саботаж продовольственных органов по всей стране.

Надежды контрреволюции выдал один из лидеров меньшевиков Ф. Дан: «Петроград через короткий промежуток будет лишен хлеба, и власть, организованная большевиками, будет свергнута» [215]. Но этим надеждам не суждено было сбыться: буквально с первых же часов своего существования Советская власть занялась решением продовольственного вопроса.

Антинародная политика царского, а затем буржуазного Временного правительства привела страну на грань голода. Так, хотя в Петрограде хлебный паек был снижен до 200 г в день, запасов продовольствия в городе на 25 октября 1917 г. оставалось всего лишь на один-два дня. Что касается Северного фронта и Петроградского военного округа, то на 20 октября они имели запас хлеба на пять дней, сухарей — на четыре дня, мяса и рыбы — на два дня, фуража — на два-три дня [216]. В опреде-

---

[213] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 218.
[214] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 235.
[215] «Известия ЦИК», 26 октября 1917 г.
[216] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, ч. 2. М., 1957, стр. 291; см. также: *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917—1920 гг.). М., 1971, стр. 20—21.

ленной мере это объяснялось, конечно, тем, что империалистическая война привела к сокращению посевных площадей в помещичьих и крестьянских хозяйствах и к резкому падению урожайности всех сельскохозяйственных культур.

Если в 1916 г. посевная площадь России составляла 88% к уровню 1914 г., а валовой сбор хлебов и картофеля — 71,4% к среднему ежегодному сбору довоенных лет, то в 1917 г. сельское хозяйство давало лишь половину довоенного объема товарного хлеба [217]. И все же главное было не в этом. Несмотря на обусловленное войной сокращение сельскохозяйственного производства, на неурожай, постигший в 1917 г. многие губернии Европейской России, в стране имелись немалые запасы хлеба, в том числе неизрасходованный урожай зерновых культур 1915 и 1916 гг. (около 670 млн. пудов, оставшихся от урожая этих лет, и немногим более 700 млн. пудов, собранных в 1917 г.). А по подсчетам Министерства продовольствия Временного правительства, фронту и городам до нового урожая 1918 г. требовалось 1120 млн. пудов хлеба [218].

Но основную массу сельскохозяйственных продуктов на рынок давали помещики и кулаки. Между тем Временное правительство, защищая их интересы, а также интересы городских торговцев, почти ничего не предприняло для изъятия у них хлебных запасов и для прекращения взвинчивания ими цен на продукты питания. В результате из месяца в месяц подвоз продовольствия в города сокращался, а цены на хлеб и другие продукты питания росли гораздо быстрее, чем заработная плата рабочих. Уже осенью 1917 г. рабочие и беднота многих городов России вынуждены были голодать. Голодали и солдаты в окопах.

Надвигавшийся голод остро ставил вопрос о самом существовании Советской власти. Не обеспечив хотя бы минимумом продовольствия вооруженные силы социалистической революции, нельзя было победить Краснова и Керенского, Дутова и Каледина. Не дав хлеба городам, невозможно было приступить к социалистическим преобразованиям. Но где взять хлеб? Как наладить снабжение города и фронта?

Подавляющая часть товарного зерна, как уже отмечалось, находилась в руках помещиков и кулаков. Помещичье хозяйство, согласно Декрету о земле, ликвидировалось, а все запасы зерна из помещичьих амбаров переходили в руки государства. Но организованную конфискацию помещичьих имений провести в течение нескольких дней было немыслимо (она прошла, как мы покажем в дальнейшем, в основном с ноября 1917 г. по март 1918 г.).

Кроме того, осуществить конфискацию помещичьих имений должно было трудящееся крестьянство. Только опираясь на бедняков, пролетариат мог изъять излишки хлеба и у кулаков. Следовательно, продовольственная политика по существу сводилась к политике взаимоотношений рабочего класса с трудовым крестьянством, и разрешение продовольственного вопроса всецело зависело от налаживания и укрепления тесного союза между ними.

Наилучшей формой экономических связей между рабочим классом и трудовым крестьянством большевистская партия считала правильный

---

[217] *М. А. Краев.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954. стр. 117.

[218] *С. Н. Прокопович.* Народное хозяйство в дни революции (Три речи). М., 1918, стр. 36.

товарообмен. Однако в сложившихся конкретных условиях он был крайне затруднен: промышленность и транспорт находились в состоянии разрухи, подавляющая часть работавших заводов и фабрик продолжала выпуск военной продукции. К тому же сразу после победы Октябрьской революции в Петрограде Генеральный секретариат Украинской Центральной рады предписал всем продовольственным органам Украины прекратить отправку хлеба в Петроград, Москву, на Северный и Западный фронты. Отказывались посылать продовольствие в центр страны Донской и Семипалатинский областные комитеты, а также Оренбургский губернский продовольственный комитет. Саботировали распоряжения Советского правительства чиновники бывшего Министерства продовольствия и служащие продовольственных органов большинства губерний.

Заявляя о надклассовости и внепартийности продовольственного дела, работники продовольственного аппарата бывшего Временного правительства (большинство из них были эсерами и меньшевиками) на деле активно помогали контрреволюции, стремившейся задушить Советскую власть голодом.

Учитывая все эти трудные обстоятельства, большевистская партия и Советское правительство вынуждены были осуществить ряд чрезвычайных мер.

Чрезвычайные меры по борьбе с голодом

Хотя в первые же дни своей деятельности Советское правительство приняло меры для увеличения отправки хлеба в Петроград с юга страны и из Сибири, положение в городе было настолько критическим, что ждать, пока прибудут поезда с хлебом, было невозможно. Нужно было изыскать продовольствие хотя бы на несколько дней в самом Петрограде и его окрестностях. Сотни рабочих и матросов были направлены на все станции Петроградского железнодорожного узла. Им удалось обнаружить много вагонов с продовольствием. Немедленно был мобилизован городской транспорт. Тысячи рабочих, солдат и матросов выгружали вагоны и в спешном порядке отправляли продовольствие в магазины и пекарни.

Немало запасов продовольствия было припрятано буржуазией, городскими торговцами. В городе процветала спекуляция продуктами питания. Петроградский Военно-революционный комитет возглавил борьбу трудящихся города со спекулянтами. В воззвании к рабочим и солдатам города, к крестьянам окрестных деревень ВРК призывал каждого, кто знает о спрятанных запасах продовольствия, о наличии складов или пустых помещениях, пригодных под хранилища, немедленно сообщать в Смольный специальной комиссии. «Недопустимо далее такое положение, когда бедняк умирает от голода, а богач держит запас под спудом с целью спекуляции» [219]. По призыву ВРК рабочие повели решительную борьбу со спекуляцией хлебом, контрабандой провозимые продукты конфисковывались.

В обращении СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам и солдатам, опубликованном 8 ноября 1917 г., говорилось: «Продовольствие в стране есть. У помещиков, кулаков, торговцев

---

[219] «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сборник документов и материалов. М., 1964, стр. 168—169.

имеются огромные скрытые запасы съестных припасов. Совет Народных Комиссаров принял самые решительные меры. Комиссары Совета вместе с матросами, солдатами и красногвардейцами реквизируют во всех частях страны продовольственные запасы и направляют на фронт. Всем спекулянтам, мародерам, казнокрадам и контрреволюционерам, чиновникам, мешающим продовольственной работе, объявлена беспощадная борьба»[220].

12 ноября 1917 г. Ленин от имени Совнаркома предложил Военно-революционному комитету принять самые решительные меры по искоренению спекуляции и саботажа, сокрытия продовольственных запасов, злостной задержки грузов и пр. Виновные в этих преступлениях подлежали немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду[221].

В результате энергичных революционных действий трудящихся Петрограда на железнодорожных станциях и складах, в закромах торговцев и буржуазии были обнаружены сотни тысяч пудов продовольствия. В ноябре усилился приток грузов в Петроград по железным дорогам и Мариинской водной системе. Все это позволило создать небольшие запасы продовольствия в городе и увеличить хлебный паек до 300 г в день на человека[222]. Теперь рабочие Петрограда стали получать хлеба несколько больше, чем до победы Октябрьской революции.

Революционный опыт рабочих Петрограда по борьбе с голодом очень быстро стал достоянием всей страны. В середине ноября 1917 г. Московское областное бюро РСДРП(б) выработало инструкцию, предписывающую рабочим через свои организации развернуть борьбу с голодом: взять под контроль грузы, поступающие на железнодорожные станции; провести ревизию складов; конфисковать у буржуазии излишки продовольствия. В свою очередь эта инструкция легла в основу циркулярного письма местным партийным организациям, составленного ЦК РСДРП(б) и разосланного между 20 ноября и 15 декабря 1917 г.[223]

Но более или менее длительное время снабжать население крупных городов продовольствием, обнаруженным на станциях железных дорог, складах и в закромах у буржуазии, было, конечно, невозможно.

Создание Наркомпрода

Планомерное ведение хозяйства было немыслимо без сосредоточения в руках Советского государства всего продовольственного дела. Правильное распределение хлеба, указывал Ленин, означает «правильное распределение труда», в результате чего «мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности»[224].

Продовольственное дело должно было быть сосредоточено в руках Народного комиссариата по продовольствию, созданного решением II Все-

---

220 СУ, 1917, № 3, ст. 29.

221 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 89.

222 *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 188—189; *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб..., стр. 27.

223 «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник документов, т. 2. М., 1957, стр. 47—48.

224 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 449.

российского съезда Советов в составе первого Советского правительства. На Наркомпрод возлагались задачи не только заготовлять продукты питания и снабжать ими армию и население городов. Хорошо понимая, что заготовка сельскохозяйственной продукции может быть успешной только в случае налаженного товарообмена между городом и деревней, Советская власть возложила на Наркомпрод и функции заготовки промышленных товаров, необходимых для деревни и снабжения ими крестьянства.

Организация Наркомпрода была столь же трудной, как и организация других народных комиссариатов. Чиновники бывшего Министерства продовольствия пошли на открытый саботаж, объявили стачку.

В середине ноября 1917 г. была создана коллегия Наркомпрода в составе И. А. Теодоровича (народный комиссар), М. И. Калинина, Д. З. Мануильского, С. З. Розовского, П. А. Козьмина и А. С. Якубова. Но И. А. Теодорович фактически не успел приступить к созданию аппарата наркомата: он выехал в Сибирь для налаживания отправки хлеба в промышленные центры страны. 19 ноября 1917 г. решением Совнаркома исполняющим обязанности наркома по продовольствию был назначен А. Г. Шлихтер. Он и возглавил работу по формированию аппарата Наркомпрода.

На первых порах, как это наблюдалось и в других народных комиссариатах, опорой членов коллегии Наркомпрода были направленные на работу в наркомат рабочие и немногие младшие служащие прежнего министерства.

20 ноября члены коллегии явились в Аничков дворец, где помещалось Министерство продовольствия, и, несмотря на сопротивление чиновников, приступили к работе.

Члены коллегии Наркомпрода пытались вступить в деловой контакт с работниками бывшего министерства. Очень важно был привлечь на сторону Советской власти хотя бы часть его аппарата. Но контрреволюция предприняла все, чтобы не допустить этого. Еще до Октябрьской революции Временное правительство наметило созыв в Москве Всероссийского продовольственного съезда. Он открылся 18 ноября. На нем присутствовали ответственные чиновники бывшего министерства, контрреволюционные руководители губернских продовольственных учреждений, буржуазные кооператоры. Съезд открыто призвал к всеобщей забастовке и немедленному прекращению доставки продовольствия в революционные центры. Он избрал из состава контрреволюционной верхушки старого продовольственного аппарата «Всероссийский продовольственный совет» («десятка») во главе с меньшевиком В. Громаном. Эта «десятка» пыталась стать «верховной властью» в продовольственном деле впредь до восстановления «законного правительства» [225].

Чувствуя за собой поддержку продовольственных органов провинции (особенно производящих губерний), «десятка» в конце ноября явилась в Наркомат продовольствия и попыталась присвоить себе его функции как руководящего органа. Но к этому времени среди рядовой части саботажников бывшего министерства уже начались колебания. Учитывая это и желая привлечь к работе возможно большее число специалистов продовольственного дела, Советское правительство пошло на переговоры с «десят-

---

[225] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 1. М., 1963, стр. 113—114; *М. И. Давыдов*. Борьба за хлеб..., стр. 33—34.

кой». Вопрос о переговорах с «десяткой» рассматривался в Совнаркоме 27 ноября и 4 декабря [226]. Главари саботажников предъявили ультимативное требование: предоставить им полную автономию в области продовольственного снабжения. Совнарком со своей стороны предложил «десятке» заключить деловое соглашение о работе под руководством Советского правительства и Наркомпрода. Но саботажники отказались, и 5 декабря Совнарком постановил «переговоры с «десяткой» прекратить и организовать продовольственное дело помимо «десятки» и вопреки ей» [227]. В обращении к населению «О саботаже чиновников Министерства продовольствия» Совнарком квалифицировал этот саботаж как политическую вылазку контрреволюции против диктатуры пролетариата [228]. Некоторые члены «десятки» были арестованы.

В Наркомат продовольствия была направлена группа видных партийных работников — опытных организаторов. В начале декабря в его состав влились работники из аппарата Петроградского ВРК, уже имевшие некоторый опыт продовольственного дела.

Контрреволюционные саботажники предприняли еще одну попытку сорвать работу наркомата. После ареста некоторых членов «десятки» чиновники опять забастовали, дела беспорядочно разбросали по комнатам, захватили наиболее важные документы и скрылись. Наркомпрод, однако, быстро преодолел и это препятствие. Постепенно под его руководством продовольственное дело стало налаживаться как в центре, так и на местах.

25 февраля 1918 г. народным комиссаром по продовольствию был назначен А. Д. Цюрупа — один из старейших членов большевистской партии, хорошо знавший жизнь крестьянства и продовольственное дело. А. Г. Шлихтер в качестве чрезвычайного комиссара по заготовкам был направлен в Сибирь.

К марту 1917 г. структура Наркомпрода в основном определилась [229]. Он стал дееспособным центральным органом Советской власти по борьбе с голодом.

Продовольственные органы на местах

В ноябре 1917 — марте 1918 г. шел процесс формирования советского продовольственного аппарата на местах.

Некоторые Советы рабочих депутатов еще до Октябрьской революции создали свои продовольственные комиссии, немало сделавшие для обеспечения рабочих и городской бедноты, но в основном продовольственное снабжение городского населения было сосредоточено в руках городских самоуправлений. Советское правительство, проявляя заботу о жизненных интересах трудящихся, сочло целесообразным на период установления и упрочения власти Советов сохранить продовольственное дело в руках соответствующего аппарата городских самоуправлений, но поставить их под контроль Советов рабочих и солдатских депутатов.

---

[226] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 34, л. 2.
[227] Там же, л. 30.
[228] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 22 ноября (5 декабря) 1917 г.
[229] Подробнее об этом см.: *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб...., стр. 31—35, 40—42.

27 октября 1917 г. было введено в действие подписанное Лениным «Постановление о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле». Этим актом самоуправлениям предоставлялись очень широкие полномочия: они должны были следить за поступлением продовольственных грузов в город и имели право проводить конфискацию излишков продовольствия [230].

Но обычно служащие продовольственных отделов городских дум в провинции (так же как и служащие дум Петрограда и Москвы) после перехода власти в руки местных Советов объявляли стачку.

Поэтому многие провинциальные Советы буквально с первого же дня после победы Октябрьской революции должны были брать продовольственное дело под свой контроль. Обычно работой по снабжению населения продовольствием по примеру Петрограда руководили местные военно-революционные комитеты.

По поручению Совета Народных Комиссаров Петроградский Военно-революционный комитет (а точнее созданный при нем 29 октября продовольственный отдел) занимался разрешением продовольственного вопроса не только в столице, но и в других городах страны.

На заседаниях отдела, в частности, были заслушаны сообщения представителей Владимира и Ржева [231].

Петроградский Военно-революционный комитет предписывал местным военно-революционным комитетам уделять серьезное внимание продовольственному вопросу. Им вменялось в обязанность реквизировать у буржуазии излишки продовольствия и установить контроль и охрану над складами, магазинами и пекарнями, а также заниматься заготовкой хлеба, конфискуя зерно у помещиков. Постепенно местные партийные организации и Советы должны были брать дело продовольственного снабжения в свои руки. Позднее наиболее полное отражение эти указания Советской власти по организации продовольственного дела получили в директиве ВЦИК и Наркомпрода от 21 декабря 1917 г., подписанной Я. М. Свердловым и А. Г. Шлихтером [232]. Она была направлена в 111 городов страны [233].

К апрелю 1918 г. в подавляющем большинстве губерний, представленных на Всероссийском съезде эмиссаров по продовольствию, продовольственное дело уже перешло в руки Советов [234]. Это позволяло проводить единую продовольственную политику.

Крупные промышленные центры (Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск и др.) находились в потребляющих губерниях, крестьянство которых само в значительной мере питалось привозным хлебом и не могло сколько-нибудь существенно помочь рабочим. Выход был один — заготовлять продовольствие в производящих губерниях, а для этого направлять туда отряды рабочих, солдат и матросов. Ленин поставил об этом вопрос еще 25 октября 1917 г. Организация и отправка отрядов были возложены на Петроградский Военно-революционный комитет.

---

[230] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 26—29.

[231] «Петроградской Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 1. М., 1966, стр. 276; т. 2. М., 1966, стр. 227, 271.

[232] «Сборник узаконений, постановлений и распоряжений по продовольственному делу». М., 1918, стр. 183—184.

[233] *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб..., стр. 43.

[234] Там же, стр. 47—48.

К 7 ноября 1917 г. из Петрограда в провинцию выехало не менее 7 тыс. матросов, рабочих и солдат [235]. Перед ними была поставлена задача убедить трудящееся крестьянство оказать помощь рабочим, давшим им, крестьянам, помещичью землю.

Рабочие везли с собой в деревню для обмена на хлеб промышленные товары: мануфактуру, металлические изделия (топоры, серпы) и т. д.

Продовольственным отрядам было предписано приступать к реквизиции хлеба только в том случае, если не удастся обменять промышленные товары на достаточное количество хлеба и убедить крестьян продавать продукты по твердым ценам.

Хлеб и другие продукты питания реквизировались по установленным государством ценам. Владельцу хлеба выдавалась квитанция о размере произведенной реквизиции и гарантии государства выплатить стоимость отобранных продуктов.

Но крестьянам полагалось оставлять по полтора пуда в месяц на едока и по 5 пудов — для обсеменения каждой посевной десятины [236].

Продовольственные отряды должны были не только покупать и реквизировать хлеб, но и следить за его отправкой в города.

Борьба с попытками контрреволюции усилить голод

К декабрю 1917 г. благодаря революционным мероприятиям, осуществленным трудящимися, продовольственное положение в Петрограде и в других пролетарских центрах несколько улучшилось. Но уже в середине декабря оно вновь резко ухудшилось и продолжало оставаться крайне напряженным в течение всего января 1918 г. Подчеркивая остроту продовольственного вопроса, Ленин 14 декабря 1917 г. писал: «Два вопроса стоят в настоящий момент во главе всех других политических вопросов: вопрос о хлебе и вопрос о мире» [237].

В резком обострении продовольственного положения в центре страны была повинна контрреволюция. Восстания Дутова и Каледина отрезали центр России от хлебных районов Дона, юга России и Приуралья. В центральных русских губерниях кулаки яростно противодействовали продовольственной политике Советской власти. Не прекратился саботаж железнодорожных чиновников и служащих старых продовольственных органов. Эсеро-меньшевистские элементы из Викжеля задерживали на дорогах тысячи вагонов с продовольственными грузами [238].

В. И. Ленин видел решение продовольственного вопроса в еще большей мобилизации рабочих, солдат и матросов на борьбу с голодом, в укреплении союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, в беспощадной борьбе со спекулянтами, мародерами и саботажниками. Об этом он [illegible]ности, говорил 14 января 1918 г. на расширенном заседании президиума Петроградского Совета, где обсуждалось критическое положение с продовольствием в городе. В эти дни в Петрограде выдавали по 100 г хлеба в день на человека, а запасов муки даже для такого сверхскудного обеспе-

---

[235] Там же, стр. 26.
[236] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 190.
[237] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 169.
[238] «Красный архив», 1939, т. 6 (97), стр. 11.

чения оставалось всего на пять дней. Ленин призвал рабочих и солдат Петрограда выделить своих лучших представителей от каждой фабрики, каждого завода и от каждой роты. Рабочие и солдаты должны были выявить все запасы хлеба в городе, еще раз тщательно проверить железнодорожные станции и склады, провести фронтальный обыск в буржуазных кварталах [239]. И вновь у буржуазии были конфискованы тысячи пудов продовольствия. Выявленные запасы позволили увеличить ежедневный хлебный паек со 100 до 200 г [240].

Для борьбы с саботажем железнодорожных чиновников и противодействия возможным нападениям бандитских групп на хлебные эшелоны многие провинциальные партийные комитеты, отправляя поезда с хлебом в центр страны, обеспечивали их охраной, состоявшей из вооруженных отрядов красногвардейцев и революционных солдат. Ленин одобрял эту меру [241]. В проекте постановления Совнаркома от 14 января 1918 г. «О мерах по улучшению продовольственного положения» он писал, что СНК предлагает «В[сероссийскому] прод[овольственному] Совету и К[омисса]риату Прод[овольствия] усилить посылку не только к[омисса]ров, но и многочисленных вооруженных отрядов для самых революц[ионных] мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы со спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте» [242].

30 января Совет Народных Комиссаров утвердил декрет об охране дорог. В целях обеспечения планомерного снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости учреждалась Всероссийская междуведомственная чрезвычайная комиссия по охране дорог. Редактируя проект декрета, Ленин дополнил его пунктом об обязанности охраны вести беспощадную борьбу со спекуляцией и с неразрешенным провозом продовольственных грузов.

С каждым месяцем в хлебные губернии направлялось все больше продовольственных отрядов. Для руководства заготовками продовольствия и его отправкой в центр страны, на юг (Украина) и в Сибирь были назначены чрезвычайные комиссары по продовольствию.

Мы уже отмечали, что 20 декабря 1917 г. Ленин подписал декрет Совнаркома о назначении Г. К. Орджоникидзе чрезвычайным комиссаром Украины с особыми полномочиями по снабжению хлебом Петрограда, Москвы и других местностей Советской России [243].

Его деятельность может служить ярким примером осуществления советской политики заготовки хлеба в тяжелое для страны время. По предложению Орджоникидзе Херсонский губернский съезд крестьянских депутатов и представителей земельных комитетов принял воззвание к крестьянам России, в котором говорилось: «Петроградский пролетариат — краса и гордость революции — победитель Каледина, буржуазной Киевской рады, голодает.

Товарищи крестьяне, вы должны накормить голодных...» [244].

---

[239] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 311.
[240] *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб..., стр. 29—31.
[241] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 29.
[242] «Ленинский сборник», т. XVIII, стр. 74—75.
[243] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 587; *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 36.
[244] *М. И. Давыдов.* Борьба за хлеб..., стр. 28.

Съезд от имени крестьян губернии обязался незамедлительно отправить голодающим городам 1,5 млн. пудов хлеба. И крестьяне Херсонской губернии выполнили свое слово. Хлебные эшелоны двинулись в Петроград, Москву, Калугу, Владимир, Кинешму, в Олонецкую и Новгородскую губернии.

По примеру херсонцев увеличили отправку хлеба крестьяне Таврической, Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний [245]. По инициативе Г. К. Орджоникидзе в конце февраля в Харькове был создан Чрезвычайный областной продовольственный комитет юга России (Чокпрод). Только с 25 февраля по 10 марта Чокпрод отправил 900 вагонов хлеба.

В. И. Ленин очень высоко оценил энергичную деятельность Г. К. Орджоникидзе и просил его с той же энергией продолжать сбор и отправку хлеба [246].

Маршрутные поезда с хлебом направлялись в Петроград в сопровождении красногвардейцев и солдат из Белоруссии, Поволжья, Туркестана и других местностей [247].

Исключительное значение в деле продовольственного снабжения центра страны наряду с Украиной имела Сибирь. Ее роль как источника хлеба еще более возросла после оккупации Украины германскими войсками.

В первые же недели Советской власти из Петрограда, Москвы и других крупных промышленных городов центра страны в Сибирь для заготовки хлеба были направлены специальные комиссары и продовольственные отряды, состоявшие из передовых рабочих и матросов. Сибирские рабочие активно поддерживали их. Так, рабочие Омска в конце 1917 г. сформировали хлебный эшелон и отправили его в Петроград. Поезд сопровождали 30 вооруженных красногвардейцев и 40 солдат. Комендантом этого хлебного эшелона был питерский рабочий-путиловец Селезнев. Красногвардейцев Омска в Москве принял В. И. Ленин, выразивший им благодарность за доставленный хлеб [248].

С каждым месяцем из Сибири поступало все больше продовольственных грузов: в январе 1918 г.— 587,5 тыс. пудов, в феврале — 1867,5 тыс., в марте — 3304,3 тыс. пудов [249].

Продовольственная политика Советской власти в первые месяцы ее существования, несмотря на некоторые недостатки, была единственно возможной в условиях разоренной страны, враждебных действий кулаков, прямого и скрытого саботажа служащих буржуазных продовольственных органов.

Большевистская партия и Советская власть сумели сделать главное — поднять широкие массы рабочих, крестьян, солдат и матросов на борьбу с голодом. Постепенно приобретался опыт создания первых продовольственных отрядов, сыгравших в дальнейшем решающую роль в борьбе за хлеб. Одновременно создавался центральный и местный советский продовольст-

---

[245] Там же.

[246] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 35.

[247] *А. Хохлов.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 г.— март 1918 г.). Минск, 1965, стр. 171; «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 423; *В. Чекмарев.* По заданию В. И. Ленина.— «В огне революции». Алма-Ата, 1957, стр. 30—34 и др.

[248] *И. Г. Залепин.* С делегацией сибиряков у Ленина.— «Народы России о Ленине». Сборник воспоминаний. М., 1969, стр. 89—93.

[249] *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 194.

венный аппарат. По мере демобилизации промышленности она все в большем объеме стала выпускать потребительские товары, поступавшие в деревню в обмен на продовольствие.

Так в январе 1918 г. в деревню в обмен на продовольствие было направлено промышленных товаров на 13 млн. руб., а в марте — мае уже на 43 млн. руб. [250]

Советской власти удалось поднять и организовать массы трудящихся и спасти страну от голода, которым контрреволюция пыталась задушить диктатуру пролетариата.

* * *

Из всех трудностей, выпавших на долю первого в мире пролетарского государства, самые большие трудности были связаны, пожалуй, с осуществлением экономических преобразований. Новый экономический строй — строй социалистический — в отличие от всех прежних не созревал в недрах старого общества. Там складывались только отдельные условия его создания — крупная промышленность, пролетариат, готовый ею овладеть, но социалистического уклада не было, его надо было создавать. В этом состоит одно из основных отличий пролетарского государства от буржуазного: его задачей является активно создавать новый экономический строй, в то время как буржуазия ограничивается устранением препятствий для дальнейшего развития капиталистического уклада, уже созревшего в условиях феодализма.

Победивший пролетариат в России вступил на путь строительства социализма впервые в истории. Опыта такого строительства не было, если не считать начальных шагов Парижской Коммуны. Кадров тоже не было. Враги наступали со всех сторон: одни выступали с оружием в руках; другие саботировали, портили, вредили, подрывали производство; третьи злорадствовали, предрекали провал, запугивали массы, создавали напряженную обстановку.

Рабочий класс, поднятый на борьбу и организованный большевиками, преодолевая трудности, приступил к выполнению задачи, во имя которой была совершена великая социалистическая революция,— к созданию нового общества.

Идеологи буржуазии уверяли, будто это строительство шло без плана, «по наитию» тех, кого революция подняла к руководству. Но трудящиеся видели, знали и на каждом шагу убеждались, что строительство нового общества происходило не вслепую, хотя и шло по непроторенным дорогам, что оно велось по научному плану, продуманному основоположниками марксизма, широко развитому и конкретизированному Лениным.

Идеологи буржуазии клеветали и продолжают клеветать, будто большевики сразу декретировали введение социализма, призвали народ к немедленной национализации всей промышленности, к немедленному введению социализма и т. п. На самом деле ни в декретах, ни в распоряжениях Советской власти, ни в ходе агитационно-пропагандистской работы большевистской партии такие задачи не выдвигались. Напротив, ход экономического строительства, пропаганда, вся действительность показывали, с какой тщательностью партия подготавливала каждый шаг, как одно

---

[250] «Известия Наркомпрода», 1918, № 4-5, стр. 35—37; *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики, стр. 191.

звено тянуло за собой другое без какого-либо «перепрыгивания» через этапы. Это не значило, что большевики перестали быть революционерами, превратились в «постепеновцев», как кричали анархиствующие элементы. Партия Ленина действовала как последовательно революционная сила. Она проводила коренные преобразования и осуществляла их революционным путем, не забывая в то же время, что новый общественный строй не может быть создан без самого активного творческого участия народных масс.

В вопросе о национализации Ленину приходилось бороться как против «левых коммунистов», требовавших в начале 1918 г. «немедленной всеобщей национализации», хотя условий для этого еще не было, так и против меньшевиков и эсеров, пугавших партию и рабочий класс, что национализация погубит промышленность.

В борьбе против «левых коммунистов» Ленин неоднократно указывал, что национализацию промышленности надо проводить постепенно и последовательно, по мере того, как в ходе выполнения задач учета и контроля будут подготовлены кадры для управления промышленностью.

Напуганные экспроприацией буржуазии, меньшевики кричали о некультурности и неподготовленности рабочего класса России к руководству хозяйством. Но рабочий класс, руководимый большевистской партией, уже в этот период революции на практике доказал контрреволюционность подобных «теорий». Рабочие успешно овладевали искусством управления и, несмотря на трудности и отдельные ошибки, быстро налаживали работу предприятий и поднимали производительность труда.

В «Письме к американским рабочим» Ленин так оценивал этот первый самостоятельный опыт рабочих в строительстве новой жизни: «... если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации» [251].

7

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ В ДЕЙСТВИИ

Земельный закон — в массы

В течение всей революции 1917 г. партия большевиков неустанно указывала крестьянам, что ликвидировать гнет помещиков они смогут лишь после перехода всей власти в руки Советов и победы социалистической революции. Уже на другой день после взятия власти, 26 октября, II Всероссийский съезд Советов принял написанный В. И. Лениным Декрет о земле [252].

---

[251] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 61.

[252] История разработки В. И. Лениным Декрета о земле изложена Е. А. Луцким в статье «Подготовка проекта Декрета о земле» («Октябрь и гражданская война в СССР». Сборник. М., 1966, стр. 233—248).

Первый советский аграрный закон провозгласил, что помещичья собственность на землю отменяется немедленно и без всякого выкупа, что право частной собственности на землю отменяется навсегда и вся земля в стране национализируется.

Советская власть сразу после своего установления декретировала проведение в жизнь требований миллионов крестьян, изложенных в сотнях наказов, привезенных делегатами I Всероссийского крестьянского съезда, присланных позже или опубликованных в местной прессе. 19 августа 1917 г. в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» был опубликован Сводный крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных наказов. Ленин целиком включил его в Декрет о земле. Этот Сводный наказ, отражавший пожелания и надежды революционной части крестьянства, должен был служить «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований» [253], провозглашенных Декретом о земле.

Объясняя, почему большевики целиком включили в Декрет о земле Сводный крестьянский наказ, Ленин писал: «Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики *ни слова своего* не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы *эсерами* в *эсеровской* газете» [254].

Буржуазные историки, опираясь главным образом на сведения эсеров, до сих пор пишут, будто Декрет о земле является эсеровским законом. Это утверждение отвергается уже тем фактом, что сами эсеры яростно выступали против Декрета о земле, не признавая его своим законом.

На I Всероссийском съезде военного флота Ленин 22 ноября 1917 г. говорил: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял декрет о земле, в котором большевики целиком воспроизводят принципы, указанные в крестьянских наказах. В этом сказалось отступление от программы социал-демократов, ибо наказы соответствуют духу программы эсеров, но это же служит доказательством, что народная власть не хотела навязывать своей воли народу, а стремилась идти навстречу ей» [255].

«Соответствовать духу эсеровской программы» не значит быть эсеровским законом.

Сводный наказ не был законом и не планировался как закон. Наказы составлялись на волостных или других крестьянских съездах, совещаниях самими крестьянами, притом настроенными революционно. Конечно, в составлении наказов принимали участие эсеры, в том числе левые эсеры. Сами наказы, как писал Ленин, соответствовали «духу программы эсеров», но того времени, когда эсеровская партия в условиях первой буржуазно-демократической революции еще боролась за интересы крестьян. Боясь потерять левеющие массы, эсеры свели 242 крестьянских наказа в сводный, примерный наказ и опубликовали в своей газете.

---

[253] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 24. Об истории составления Сводного наказа и причинах включения его в Декрет о земле см.: *Е. А. Луцкий.* Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие».— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. II. Л., 1969.

[254] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 13—14.

[255] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 114.

В. И. Ленин не называл Декрет о земле эсеровским законом. Напротив, он противопоставлял советский закон о земле эсеровскому законопроекту. В предисловии к брошюре «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков» Ленин призывал крестьян сравнивать, сличать, сопоставлять законопроект эсеров и закон о земле. «Главный документ, относящийся к эсерам,— писал Ленин,— это — законопроект эсеровского министра Маслова о земле... Прочтите внимательно законопроект эсеровского министра о земле и большевистский закон о земле, изданный теперешним, большевистским, получившим полномочия от Второго Всероссийского съезда Советов правительством. Мы ни на минуту не сомневаемся, каково будет окончательное суждение крестьян» [256]. Сами правые эсеры, как и эсеры центра, не собирались превращать крестьянские наказы в закон. Будучи правящей партией и имея в составе Временного правительства министром земледелия старого члена своей партии С. Л. Маслова, эсеры, как мы уже писали [257], накануне Октября предложили сделать аграрным законом не сводный крестьянский наказ, а свой проект. По этому проекту, вопреки аграрной программе эсеров, помещичья земля не подлежала конфискации: в создаваемый временный арендный фонд переходила только земля помещиков, сдававшаяся в аренду; сады, виноградники, посевы сахарной свеклы, конопляники и т. п. оставались у помещиков. А по Декрету о земле подвергалась конфискации вся помещичья земля. По законопроекту Маслова распоряжение земельным арендным фондом передавалось в руки земельных комитетов, причем каждый вышестоящий комитет был менее демократичным, чем стоящий ниже, т. е. любое распоряжение волостного или уездного комитета могло быть отменено губернским и общероссийским комитетом. По законопроекту Маслова Советы крестьянских депутатов вообще отстранялись от распоряжения землей. А по Декрету о земле распоряжение конфискованной землей передавалось наиболее демократическим организациям — волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов.

Наконец, по проекту эсеровского закона помещичья земля, сдававшаяся до этого помещиками в аренду, передавалась крестьянам не безвозмездно: крестьяне обязывались за полученную землю платить арендную плату; она поступала земельным комитетам, которые, уплатив налоги и другие платежи, передавали оставшуюся сумму прежним владельцам. Земельные комитеты превращались, таким образом, в стражей помещичьих интересов. А по Декрету о земле помещичья земля конфисковывалась немедленно и безвозмездно.

Центральный Комитет партии эсеров назвал проект Маслова «громадной важности законопроектом» и именно его, а не Сводный крестьянский наказ рекомендовал популяризировать как свой земельный законопроект [258]. Понадобилось свергнуть буржуазное Временное правительство, в котором участвовали эсеры, чтобы Сводный крестьянский наказ, выражавший интересы громадной массы крестьянства, мог быть включен в земельный закон. «Эсеры кипятились,— писал позже Ленин,— возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из

---

[256] Там же, стр. 84.
[257] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, стр. 854—855.
[258] «Дело народа», 19 октября 1917 г.

правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!» [259].

История человечества не знала ничего подобного тому, что провозглашал и проводил в жизнь Декрет о земле, ни по размаху и глубине аграрных преобразований, ни по социально-экономическим последствиям. Недаром Ленин назвал Декрет о земле и Декрет о мире двумя законами мировой важности [260].

В итоге проведения в жизнь Декрета о земле впервые в истории был ликвидирован целый класс — класс помещиков, веками управлявший огромной страной. Ликвидация этого класса проводилась путем конфискации помещичьей собственности, являвшейся основой полукрепостнического гнета в деревне и пережитков феодализма в стране.

Конфискация помещичьих имений наносила сильнейший удар и по буржуазии, притом не только потому, что многие ее представители были одновременно и землевладельцами, но и главным образом в силу того, что конфискация помещичьего землевладения означала для буржуазии потерю около четырех миллиардов рублей, выданных под заложенные и перезаложенные в банках помещичьи имения. Мощь финансового капитала в деревне уничтожалась, подрывалось влияние капитала в деревне вообще.

Впервые в истории все земли в стране, все недра земли, леса и воды, имеющие общегосударственное значение, объявлялись общенациональной собственностью.

В зависимости от того, кому принадлежала земля, декрет предусматривал три способа превращения ее в общенациональную собственность. Путем конфискации были национализированы все земли нетрудовых хозяйств (имения помещиков и буржуазии, земли церкви и монастырей).

В результате победы социалистической революции собственностью пролетарского государства стали и казенные земли.

Наконец, без конфискации были национализированы крестьянские земли. Бóльшую часть земли, принадлежавшей до революции крестьянам, составляли так называемые надельные земли, находившиеся в собственности общины. Крестьянская частная собственность на землю не получила в России широкого распространения, что содействовало осознанию крестьянами необходимости национализации земли.

Судьба многомиллионного крестьянства России коренным образом менялась. В результате национализации земли крестьянство было освобождено от уплаты 1500 млн. руб. задолженности Крестьянскому поземельному банку, от ежегодной уплаты 700 руб. золотом арендных платежей помещикам, от уплаты натурой за аренду земли, а также от миллионных затрат на покупку земли.

Национализация земли сломала все перегородки, разобщавшие крестьян, ликвидировала раздробленность населения деревни на разряды и категории.

Основной же результат великих аграрных преобразований, провозглашенных в советском земельном законе, состоял в том, что огромное большинство крестьянства, его трудящаяся масса получила ясную перспективу перехода к социализму, не знающему никаких форм эксплуата-

---

[259] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 14.
[260] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 56.

ции. Уничтожая имевшиеся в стране крепостнические пережитки, Декрет о земле доводил до конца буржуазно-демократическую революцию в России. «Именно большевики, только большевики,— подчеркивал Ленин,— только в силу победы *пролетарской* революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции» [261].

В декрете было оговорено, что «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа» [262]. Это означало, что рабочий скот и орудия становились не собственностью отдельных хозяйств, а общественным достоянием. Но и весь земельный закон в целом, ликвидируя частную собственность на землю, вводя национализацию земли, создавал земельный строй, как характеризовал его Ленин, «*наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму» [263].

Национализация земли, проведенная диктатурой пролетариата, являлась социалистической национализацией: она не только доводила до конца буржуазно-демократическую революцию, но и стала одной из предпосылок социалистического развития сельского хозяйства. В этом важнейшая особенность и отличие национализации земли в период пролетарской революции от национализации в период буржуазно-демократической революции, которая лишь создает условия для развития капитализма в сельском хозяйстве.

В Декрете о земле было установлено, что «право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается» [264].

Что касается формы пользования землей, то в декрете признавалось: «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме» [265].

Известно, что принцип уравнительного землепользования противоречил аграрной программе большевиков. Критики большевизма и в прошлом, и в настоящем приписывали и приписывают Ленину, будто он всегда при всех условиях выступал против уравнительности в землепользовании. Это абсолютно неверно. Ленин разоблачал надежды, иллюзии, предрассудки, связанные с тем, что уравнительность это и есть социализм, ликвидация капитализма в деревне. Но Ленин не отрицал прогрессивного характера требования уравнительности в условиях буржуазно-демократической революции. «Когда говорят: «из уравнительного передела ничего не выйдет»,— писал он в 1907 г.,— то марксист должен понимать, что это «ничего» относится *исключительно* к социалистическим задачам, исключительно к тому, что капитализма это не устранит. Но из попыток такого передела,

---

[261] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 326.
[262] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 25.
[263] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 326.
[264] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 25.
[265] Там же, стр. 26.

даже из идеи такого передела *очень многое* выйдет на пользу буржуазно-демократического переворота» [266].

Партия разъясняла крестьянам, что вопреки их надеждам и иллюзиям уравнительное землепользование само по себе не может предотвратить расслоение крестьянства и спасти крестьян от нищеты и эксплуатации. «И на земле,— разъяснял Ленин,— принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу» [267].

Не разделяя надежд на уравнительное землепользование, как якобы избавляющее крестьянство от всех зол капитализма, Ленин тем не менее включил требование уравнительности в Декрет о земле. Это было отступлением от программы партии, что Ленин еще в ноябре 1917 г. открыто признавал: «В этом сказалось отступление от программы социал-демократов...» [268]

Фальсификаторы истории большевизма на этом основании писали о приспособленчестве большевиков. Смешно и глупо говорить о приспособленчестве партии, снискавшей себе в истории признание непримиримого борца за чистоту марксизма. Все дело в коренном изменении общего соотношения классовых сил: победа социалистической революции, ликвидация основ капитализма, всесилия банков и т. п. создавали такую конкретную обстановку, в которой совсем по-другому ставился и решался вопрос о формах землепользования.

В. И. Ленин предельно четко показал, почему большевики включили в Декрет о земле пункт об уравнительном переделе земли. Еще до победы Великого Октября, в конце августа 1917 г., когда все свидетельствовало о приближении социалистической революции, он писал в статье о крестьянских наказах: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано,— то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой» [269].

Идея уравнительного землепользования исходила от самих крестьян и по существу была идеализацией капитализма с точки зрения мелкого производителя. Но эту идею отстаивала крестьянская беднота, выразив ее в многочисленных наказах. А крестьянская беднота — движущая сила социалистической революции, опора революции в деревне. Сам Декрет о земле был принят прежде всего для удовлетворения чаяний крестьянской бедноты. Об этом говорил Ленин, когда докладывал о декрете на II Всероссийском съезде Советов: «Правительство рабоче-крестьянской револю-

---

[266] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 260.
[267] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 96.
[268] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 114.
[269] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 115.

ции в первую голову должно решить вопрос о земле,— вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты» [270].

Если бы требование уравнительного передела земли отстаивалось эсерами, но не отвечало воле крестьян, партия большевиков, разумеется, никогда не стала бы проводить его в жизнь. «Здесь раздаются голоса,— говорил Ленин на II Всероссийском съезде Советов,— что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам».

В той же речи Ленин говорил: «Мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы,— не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь» [271].

Партия согласилась на уравнительное землепользование еще и потому, что в тот период не было ни социальных, ни технических предпосылок для перевода основных масс крестьянства на рельсы крупного социалистического производства.

Уравнительное распределение земли было прогрессивно в период буржуазно-демократической революции, так как оно ликвидировало помещичье землевладение. В условиях диктатуры пролетариата проводимое на основе национализации земли уравнительное распределение не могло мешать развитию социалистических форм земледелия.

«Никогда уравнительное землепользование и т. п. меры,— писал Ленин,— *не* повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банков, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) все народное хозяйство и т. д.» [272].

Учитывая гигантское значение Декрета о земле, необходимо было как можно скорее довести его до сведения крестьян. Это обеспечило бы переход крестьянских масс на сторону восставшего пролетариата.

Вслед за петроградскими и московскими большевистскими газетами Декрет о земле опубликовали газеты, издававшиеся местными комитетами РСДРП(б) и шедшими за большевиками Советами.

«Декрет о земле,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— перепечатывали много раз и бесплатно рассылали во множестве экземпляров во все волости России, и, пожалуй, ни один закон не был опубликован у нас так широко,

---

[270] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 23.
[271] Там же, стр. 27.
[272] Там же, стр. 104.

как закон о земле, которому Владимир Ильич придавал такое огромное значение»[273].

Местные большевистские комитеты тоже печатали декрет отдельными листовками, распространяли их среди солдат, рассылали по селам.

Вернувшиеся на места делегаты II Всероссийского съезда Советов сообщали делегировавшим их рабочим, солдатам и крестьянам о свержении Временного правительства и о принятых съездом декретах.

Понимая, что от поддержки самых широких слоев трудящихся зависит успех дела, которое начали петроградские рабочие и солдаты,— переход власти к Советам,— партия большевиков решила направить в провинцию, в деревню в качестве агитаторов передовых рабочих и солдат.

«Мы должны опираться на массы,— говорил Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) 1 ноября 1917 г.,— должны послать в деревни агитаторов»[274].

3 ноября 1917 г. агитационный отдел Петроградского ВРК обратился к трудящимся со специальным воззванием, в котором призывал рабочих, солдат и матросов поехать в провинцию.

Деятельностью эмиссаров и агитаторов, направленных в провинцию из Петрограда, руководили иногородний отдел ВЦИК и агитационный отдел столичного Военно-революционного комитета.

Например, в мандате члена ВЦИК Арефьева Н. С. указывалось: «Направляется в Саратовскую губернию для проведения в жизнь законов, изданных Советской властью, в частности закона о земле, а также для организации на местах Советов крестьянских депутатов, как органов народной власти, и политических групп, ставящих своей целью поддержку и пропаганду Советской власти»[275].

Эмиссарам поручалось сообщить местным Советам о переходе в Петрограде власти к народу и содействовать немедленному взятию местными Советами всей власти в свои руки. Они должны были также приложить максимум усилий, чтобы Декрет о земле стал как можно скорее известен всему крестьянству.

Большую работу в деревне проделали агитаторы, отправленные на места Петроградским Военно-революционным комитетом. За один месяц (ноябрь 1917 г.) в деревни 53 губерний было отправлено 643 агитатора[276].

Большую помощь местным Советам оказали революционные моряки Балтийского флота. По решению Центробалта сразу после победы восстания в столице в Воронежскую, Тамбовскую, Курскую, Орловскую, Самарскую и другие губернии был направлен в качестве агитаторов 331 моряк[277].

Придавая решающее значение влиянию революционных рабочих на крестьянство, Ленин в первые дни после Октября сам инструктировал эмиссаров, направляемых в провинцию. 2 ноября 1917 г. он выступил

---

[273] *В. Бонч-Бруевич.* В. И. Ленин в Петрограде и Москве (1917—1920 гг.). М., 1956, стр. 112.

[274] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 43.

[275] Цит. по: *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 9.

[276] «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». Сборник статей, вып. 1. М., 1953, стр. 158.

[277] *С. С. Хесин.* Военные моряки в борьбе за власть Советов (октябрь 1917 г.— март 1918 г.). М., 1953, стр. 117—118.

перед отправлявшимися в провинцию рабочими и солдатами, а 3 ноября состоялась его беседа с уезжавшими в деревню балтийскими моряками, которая продолжалась более часа.

Совнарком 2 ноября утвердил подписанную Лениным «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию». «Эмиссар по прибытии в указанную губернию,— говорилось в ней,— созывает совещание исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где докладывает о земельном законе...» [278].

Эмиссары должны были помочь принять практические меры для перехода помещичьих земель в руки волостных земельных комитетов. В инструкции в то же время указывалось, что долгом крестьян является теперь ускорить и увеличить отправку хлеба в город, чтобы устранить угрозу голода [279].

В ноябре 1917 г. большевистские организации крупных городов в свою очередь посылали в деревню сотни агитаторов, которые помогали крестьянству осуществлять Декрет о земле.

«Московский Совет и Военно-революционный комитет вскоре после победы вооруженного восстания послали своих эмиссаров в Калужскую, Тамбовскую, Астраханскую и Саратовскую губернии» [280], — пишут авторы, специально изучавшие вопрос о посылке агитаторов в деревню. Военная секция Саратовского Совета направила 300 солдат из состава местного гарнизона для работы в волостях губернии в качестве эмиссаров Совета, разъяснения крестьянам декретов Советской власти о мире и о земле, организации выборов представителей на губернский съезд Советов и выявления наличия хлеба и других продовольственных запасов [281].

Направили в деревню своих агитаторов большевистские комитеты Украины [282]. Большая группа агитаторов и уполномоченных была послана в деревню партийными организациями Белоруссии и фронта. Военно-революционный комитет Западного фронта в специальной инструкции от 21 ноября 1917 г. рекомендовал уполномоченным разъяснять декреты Советской власти. Инструкция требовала, чтобы уполномоченные особое внимание уделили работе по учету помещичьих имений, инвентаря и хлеба. Они должны были оказать помощь земельным комитетам в составлении описей имений и находящегося там инвентаря и организовывать их охрану [283].

Примерно такие же обязанности были возложены Ярославским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на 166 инструкторов, посланных в начале 1917 г. для помощи крестьянам губернии в осуществлении Декрета о земле [284]. О деятельности эмиссара большевика Буторина,

---

[278] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 41.
[279] Там же, стр. 41—42.
[280] *И. Г. Дыков, П. Н. Соболев.* Первые советские агитаторы и эмиссары в 1917 г.— «История СССР», 1957, № 5, стр. 144.
[281] *Н. Афанасьев.* Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947, стр. 91.
[282] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. Киев, 1957, стр. 70, 71.
[283] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии (1917—1920 гг.). Минск, 1966, стр. 47.
[284] «Установление Советской власти в Ярославской губернии». Сборник документов и материалов. Ярославль, 1957, стр. 304—305.

посланного в Соколовскую волость Пошехонского уезда Ярославской губернии, рассказывалось в местной газете «Власть труда». Созванный им волостной сход единодушно высказался за немедленную конфискацию помещичьих имений. Имения были конфискованы. Буторин представил в Ярославский Совет 21 опись конфискованных помещичьих имений, расположенных в Соколовской волости [285].

В первые же недели существования Советской власти в деревню были посланы тысячи рабочих, моряков и передовых солдат. За два месяца только ЦИК, как докладывал Я. М. Свердлов на III Всероссийском съезде Советов, послал 3 тыс. эмиссаров [286]. Кроме того, агитаторов в деревню в большом числе посылали также местные Советы и большевистские комитеты, а также армейские организации.

Это было первое массовое «хождение в народ» революционных рабочих и солдат, систематически и неизменно проводившееся партией большевиков и Советской властью и в дальнейшем. В этом массовом походе проявилось не только стремление новой власти как можно скорее рассказать массам о советском земельном законе. В нем сказались народный характер Октябрьской революции, гегемония пролетариата в революционном движении. «Величайший земельный переворот — провозглашение в Октябре отмены частной собственности на землю, провозглашение социализации земли, — указывал Ленин, — этот переворот остался бы неизбежно на бумаге, если бы городские рабочие не пробудили бы к жизни деревенский пролетариат, деревенскую бедноту, трудящееся крестьянство...» [287].

Органы проведения в жизнь Декрета о земле

Осуществление аграрной революции во многом зависело от активности трудящегося крестьянства, поскольку конфискацию помещичьих имений Декрет о земле возложил на самих крестьян, на их организации — волостные земельные комитеты и уездные Советы крестьянских депутатов.

Не имея точных директив, как осуществлять декрет, крестьяне посылали ходоков за указаниями к «самому Ленину». Вождь революции Ленин, несмотря на огромную занятость, принимал крестьянских ходоков и давал им исчерпывающие разъяснения по всем вопросам. В связи с многочисленными обращениями крестьянских ходоков в Совнарком Ленин написал «Ответ на запросы крестьян», который был перепечатан на пишущей машинке и за подписью Ленина выдавался на руки ходокам с мест.

В этом ответе крестьянам говорилось, что «Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самим брать всю власть на местах в свои руки» [288].

«...Все помещичьи земли полностью поступают в руки Советов крестьянских депутатов, — писал Ленин крестьянам. — Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

---

[285] *П. А. Бутылкин.* Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги социалистического землевладения в Ярославской губернии (1917—1918 гг.). Канд. дисс. М., 1950, стр. 241.

[286] *Я. М. Свердлов.* Избранные статьи и речи. 1917—1919. М., 1944, стр. 39.

[287] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 354—355.

[288] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 69.

Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов крестьянских депутатов, являются *законом* и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь»[289].

Еще в 1917 г. Ленин рекомендовал создавать Советы в деревне, а после победы Октября неоднократно подчеркивал, что «распространение системы Советов и на сельское население... абсолютно необходимо»[290].

Накануне Октябрьской революции Советы крестьянских депутатов существовали во всех губерниях, в большинстве уездов и лишь в незначительной части волостей[291].

Вот почему проведение в жизнь Декрета о земле было возложено на волостные земельные комитеты, которые, как мы в свое время показали, существовали в большинстве волостей и в ходе крестьянской борьбы за землю были демократизированы в гораздо большей мере, чем волостные исполнительные или волостные продовольственные комитеты[292].

В этой связи требовалось, чтобы волостные земельные комитеты были в кратчайший срок созданы повсеместно и очищены от защитников помещичьей собственности.

31 октября 1917 г. нарком земледелия большевик В. П. Милютин ввел в действие правила о волостных земельных комитетах, одобренные еще I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 23 июня 1917 г. Как и многие другие мероприятия, исходившие от народных масс, правила эти не были введены в жизнь буржуазным правительством, а лидеры съезда — эсеры и меньшевики, состоявшие в коалиции с буржуазией, не настояли на их реализации. Правила, выработанные еще при Временном правительстве, далеко не во всем соответствовали новым условиям. Но главная задача их введения в действие заключалась в том, чтобы обеспечить демократизацию всех волостных земельных комитетов и их повсеместную организацию. Почти одновременно коллегия Наркомзема избрала комиссию, которая должна была разработать проект нового, советского «Положения» о земельных комитетах. Принятый коллегией проект «Положения» 29 ноября 1917 г. поступил в Совнарком, где был переработан специальной комиссией с участием Ленина. 13 декабря 1917 г. Совнарком опубликовал «Положение о земельных комитетах»[293]. В этом «Положении» содержались указания о структуре земельных комитетов всех инстанций. Уездные и губернские земельные комитеты составлялись из представителей нижестоящих земельных комитетов (уездные — из волостных, губернские — из уездных) по одному представителю от каждого. Всеми земельными комитетами создавались коллегиальные исполнительные органы — земельные управы, которые должны были вести текущие дела и следить за проведением в жизнь постановлений комитетов[294]. Победа Октябрьской революции означала изгнание из состава земельных комитетов всех представителей свергнутой власти: уездных и губернских комиссаров или замещавших их лиц, а также представителей старых судебных властей.

---

289 Там же, стр. 68—69.

290 *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 509.

291 Причины того, почему крестьяне гораздо менее активно, чем рабочие и солдаты, создавали свои Советы, рассмотрены нами в «Истории Великого Октября» (т. 1. М., 1977, гл. 10).

292 *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 494.

293 «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 218—224.

294 Там же.

Временное правительство, рассматривая земельные комитеты как правительственные учреждения, призванные охранять помещичьи имения, запрещало включать в их состав представителей местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Согласно «Положению о земельных комитетах», утвержденному Советской властью, в земельные комитеты всех инстанций в обязательном порядке должны были входить представители местного Совета крестьянских депутатов и Совета рабочих и солдатских депутатов [295].

По «Положению» от 13 декабря 1917 г. в уездный комитет, кроме представителей волостей, входило 6 представителей Совета крестьянских депутатов, 4 представителя Совета рабочих и солдатских депутатов и по одному представителю от земства и городской думы. В состав губернского земельного комитета, кроме делегатов уездов, было введено 12 представителей Совета крестьянских депутатов, 6 представителей Советов рабочих и солдатских депутатов и по одному представителю от земства и городской думы [296].

15 декабря Наркомзем, направив губернским земельным комитетам напечатанное в виде брошюры «Положение о земельных комитетах», предложил «немедленно... пополнить земельные комитеты представителями Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» [297]. Это обеспечивало контроль со стороны Советов над деятельностью земельных комитетов, правда, организационно еще не зависимых от местных Советов депутатов. Тем самым было предвосхищено превращение земельных комитетов в земельные отделы Советов.

Состав большинства волостных земельных комитетов, как мы уже отмечали, был демократизирован в ходе крестьянской борьбы за землю еще летом и особенно осенью 1917 г.

В ноябре 1917 г. — январе 1918 г. повсеместно, где установилась Советская власть, проходила дальнейшая демократизация волостных земельных комитетов. Бедняки и середняки переизбирали те комитеты, пользуясь бездействием которых помещики или их управляющие продавали кулакам живой и мертвый инвентарь имений.

В Самарской губернии 5 ноября 1917 г. собрание крестьян села Ново-Белькова Николаевского уезда, «обсудив вопрос об упущении с живым и мертвым инвентарем в экономиях, входящих в район нашей волости, который распродавался по усмотрению служащих и хозяев означенных экономий в их собственных интересах, а также и в том, что они, пользуясь самоуправством, растаскивают беспрепятственно народное достояние, по праву принадлежащее народу», усмотрело в этом «бездействие и халатное отношение волостного земельного комитета». Собрание потребовало немедленного переизбрания его членов «с заменой людьми, более заслуживающими доверия революционного народа» [298]. Впредь до обновления земельного комитета общее собрание поручило Ново-Бельковскому сельскому исполнительному комитету принять на учет близлежащие имения.

---

[295] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 218—224.
[296] Там же.
[297] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 115.
[298] *Е. И. Медведев.* Аграрные преобразования в Самарской деревне в 1917—1918 годах. Куйбышев, 1958, стр. 28.

Впрочем, полная замена состава имела место лишь в меньшей части волостных земельных комитетов. Из остальных комитетов удалялись только отдельные члены, известные как защитники помещичьей собственности.

«В Московской губернии, — пишет П. Н. Першин, — как показала анкета делегатов Московского областного съезда Советов 10—16 декабря 1917 г., 23 из 40 учтенных в анкете волостных земельных комитетов, т. е. больше половины, не пришлось переизбрать «вследствие левизны состава». 13 комитетов были переизбраны...» [299] К середине декабря лишь 4 старых волостных комитета продолжали идти за контрреволюционным губернским земельным комитетом, отказались согласиться на перевыборы и не приступили к учету и приемке помещичьих хозяйств.

На Украине в декабре 1917 г. при активном участии возвратившихся с фронта большевистски настроенных солдат от врагов трудящегося крестьянства была очищена подавляющая часть тех волостных земельных комитетов, где они имелись [300].

В тех волостях, где к моменту установления Советской власти земельные комитеты еще не были демократизированы, конфискация помещичьих имений оттягивалась. Крестьяне этих волостей выступали против своих земельных комитетов, требуя их немедленного переизбрания.

На собрании крестьян деревни Лидковки Могилевского уезда было решено просить «правительство Советов... сделать распоряжение о немедленном замещении членов губернских, уездных и волостных учреждений новыми представителями», которые будут «служить интересам трудящегося народа» [301]. «Мы признаем правильными все декреты, изданные крестьянским правительством, и шлем проклятие всем лицам, которые своим саботажем предпочитают заморить голодом армию и бедное крестьянство, чем провести в жизнь декрет...» [302],— писали крестьяне одной из волостей Саранского уезда Пензенской губернии в наказе своему делегату на Пензенский губернский земский съезд.

Крестьяне искали помощи в борьбе с контрреволюционными земельными комитетами у местных комитетов партии большевиков, у Советов рабочих и солдатских депутатов.

Орловский комитет РСДРП(б) в декабре 1917 г. сообщал Московскому областному бюро РСДРП(б), что некоторые земельные комитеты мешали крестьянам проводить в жизнь Декрет о земле, а помещики, пользуясь этим, распродавали имущество. В партийную организацию, сообщал Орловский комитет, приходили крестьяне с протоколами собраний, «в которых излагались жалобы на губернские, уездные и волостные крестьянские комитеты, что им, крестьянам, мешают названные комитеты проводить в жизнь декрет о земле...» [303].

---

[299] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.). М., 1966, стр. 113.

[300] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 116.

[301] ЦГАОР СССР, л. 393, оп. 11, д. 28, л. 236.

[302] «Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии». Сборник документов и материалов. Пенза, 1957, стр. 185—187.

[303] «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг.». Сборник документов. Орел, 1957, стр. 122.

Понимая, какую роль играют волостные земельные комитеты в реализации Декрета о земле, многие большевистские организации возглавили работу по обновлению их состава.

В уже упомянутой инструкции эмиссарам Военно-революционного комитета Западного фронта от 21 ноября 1917 г. говорилось, что волостные комитеты, если они «идут против рабочего и крестьянского правительства и не желают проводить в жизнь декреты его, должны быть переизбраны всей волостью» [304].

Местные Советы также приняли активное участие в очищении земельных комитетов от противников конфискации помещичьих имений.

В Белоруссии I съезд Советов Западной области в резолюции от 21 ноября 1917 г. предложил Советам возглавить проведение в жизнь Декрета о земле. Съезд признал необходимым составлять волостные земельные комитеты только из представителей беднейшего крестьянства [305]. 15 декабря 1917 г. Витебский губернский съезд Советов решил, что «волостные земельные комитеты, не удовлетворяющие свое назначение, должны быть переизбраны и впредь должны вести работу под контролем избравшего их населения» [306].

Большевики и беспартийные рабочие и солдаты помогли крестьянам быстро демократизировать волостные земельные комитеты и через них начать конфискацию помещичьих имений. К январю 1918 г. демократизация волостных земельных комитетов была в основном завершена. Это создало условия для формирования новых уездных и губернских земельных комитетов из представителей волостных земельных комитетов и Советов.

О партийном составе земельных комитетов к середине января 1918 г. можно судить по составу делегатов Всероссийского съезда земельных комитетов, открывшегося 17 января 1918 г. На нем присутствовали 534 представителя преимущественно уездных земельных комитетов. Левые эсеры, большевики и примыкавшие к ним беспартийные составляли примерно 60% всех делегатов. Когда правые эсеры попытались сорвать съезд, то вместе с ними со съезда ушло лишь 157 человек (29,2%), причем часть правых эсеров перешла к левым [307].

Земельные комитеты и после их реорганизации составляли самостоятельную систему. Хотя они строились под руководством Советов и с широким представительством последних, но в административном отношении они не были непосредственно подчинены исполнительным комитетам Советов. Это затрудняло проведение единой аграрной политики Советской власти.

К концу марта 1918 г. по всей Советской республике завершилось объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов [308].

---

[304] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы, т. II. Минск, 1957, стр. 246.

[305] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 41.

[306] Там же.

[307] *Е. А. Луцкий.* Всероссийский съезд земельных комитетов в январе 1918 г.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 2. М., 1957, стр. 66.

[308] *П. Н. Соболев.* Привлечение беднейшего крестьянства на сторону социалистической революции.— «Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции (март — октябрь 1917 г.)». М., 1967, стр. 191—192.

После этого появилась возможность превратить демократизированные земельные комитеты в органы Советов.

В «Основном законе о социализации земли», опубликованном 19 февраля 1918 г., уже нет специального упоминания о земельных комитетах. Проведение в жизнь аграрной революции закон возлагал на местные Советы. Этим было положено начало замены земельных комитетов земельными отделами Советов. Вплоть до июля 1918 г. земельные отделы Советов обычно именовались комиссариатами земледелия, а заведующий отделом — соответственно волостным, уездным или губернским комиссаром земледелия [309].

В центральных губерниях страны подавляющая часть губернских и уездных земельных комитетов была заменена комиссариатами земледелия в течение января — марта 1918 г.

Преобразование волостных земельных комитетов в волостные комиссариаты земледелия зависело от хода организации волостных Советов. В большинстве волостей центральных губерний страны оно завершилось в марте — апреле 1918 г.

Широко практиковались съезды волостных и уездных комиссаров земледелия. Эти съезды разрабатывали директивы комиссариатам земледелия и утверждали местные инструкции о конфискации помещичьих имений и распределении конфискованных земель.

Осуществлять руководство всеми земельными комитетами, а позже земельными комиссариатами (отделами) страны был призван Народный комиссариат земледелия. Однако он не сразу смог приступить к выполнению своих функций.

При сформировании Советского правительства II Всероссийский съезд Советов по предложению Ленина включил в состав Совета Народных Комиссаров в качестве наркома земледелия большевика В. П. Милютина. Но он пробыл на этом посту всего 10 дней. 4 ноября Милютин вместе с некоторыми другими работниками партии вышел из состава ЦК РСДРП(б) и Совета Народных Комиссаров.

Кратковременная деятельность Милютина на посту наркома земледелия свелась в основном к подготовке законодательного оформления резолюции I Всероссийского съезда Советов о волостных земельных комитетах и инструкции эмиссарам, которую он подписал вместе с Лениным. После ухода Милютина с поста наркома Ленин срочно вызвал старого члена партии А. Г. Шлихтера, работавшего комиссаром продовольствия Москвы. 13 ноября 1917 г. на заседании СНК он был официально назначен исполняющим обязанности народного комиссара земледелия.

Работа А. Г. Шлихтера состояла преимущественно в непосредственном общении с представителями крестьян, с теми «ходоками», которые в Смольном искали разрешения всех своих вопросов и сомнений [310].

Фактически ни Милютин, ни Шлихтер не приступили к ломке аппарата правоэсеровского министерства земледелия и созданию аппарата советского Наркомзема.

---

[309] По первой Конституции РСФСР (июль 1918 г.) названия «комиссариат» и «комиссар» сохранились лишь за республиканскими учреждениями и их руководителями. Местные комиссариаты земледелия стали именоваться земельными отделами Советов, а комиссары — заведующими земельными отделами.

[310] *А. Г. Шлихтер.* Учитель и друг трудящихся (Из воспоминаний о Ленине). М., 1957, стр. 33.

Между тем после победы Октябрьской революции союз служащих министерства земледелия вместе с другими государственными служащими объявил забастовку. В ней не участвовали только низшие служащие и отдельные группы специалистов, протестовавшие против саботажа.

П. Н. Першин, детально исследовавший организацию Наркомзема, отмечает, что «среди ведущих специалистов-лесоводов... была широко распространена идея национализации лесов... Осуществление такого плана, как известно, входило в общую большевистскую программу социалистического переворота. Когда это было осознано специалистами лесного хозяйства, они поняли, что установление Советской власти обеспечивает осуществление их собственных убеждений в той отрасли хозяйства, в которой они трудились. Поэтому более или менее значительная часть специалистов центрального управления лесами вскоре после Октябрьской революции пошла работать с Советской властью. В состав левоэсеровской коллегии Наркомзема при ее образовании вошел бывший при Временном правительстве товарищ министра земледелия профессор Петроградского лесного института Н. И. Фалеев, который в то время ведал лесным департаментом. Он и возглавил Центральное управление лесами Советской республики... В общем же как центральный, так и местный аппарат прежнего управления лесами продолжал работать и после установления Советской власти, что не раз отмечалось в официальных документах того времени...» [311]

Разумеется, этого было далеко не достаточно. Для создания аппарата Наркомзема, как и других наркоматов, требовалось опереться на рабочих, передовых солдат и матросов.

Но левые эсеры, к которым, как отмечалось в предыдущей главе, перешло руководство Наркомземом, не предприняли никаких действенных шагов к созданию рабоче-крестьянского аппарата наркомата. Эта «бездеятельность» была лишь частью широко задуманного левыми эсерами плана изъятия руководства аграрной революцией из рук партии большевиков и Советского правительства. Левые эсеры намеревались вообще ликвидировать подчиненный Совнаркому Наркомат земледелия, а руководство проведением аграрной революции возложить на Главный, губернские и уездные земельные комитеты, в которых они имели большинство. 17 января 1918 г. А. Л. Колегаев выступил с таким предложением от имени коллегии Наркомзема на объединенном заседании крестьянской секции III Всероссийского съезда Советов и Всероссийского съезда земельных комитетов [312].

После отклонения этого предложения левые эсеры попытались превратить наркомат и местные комиссариаты земледелия в свою вотчину.

Составной частью левоэсеровского плана была также попытка создать чисто эсеровский контингент слушателей курсов инструкторов по социализации земли. Например, 5 матра 1918 г. Могилевскому губернскому комиссариату земледелия за подписью А. Л. Колегаева была направлена телеграмма: «Немедленно совместно с губернскими комитетами партии левых социал-революционеров организуйте областные курсы по социализации земли...» [313] Такие же телеграфные предписания были направлены и в другие губернии.

---

[311] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 99.
[312] «Голос трудового крестьянства», 21 января 1918 г.
[313] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 151, л. 2.

Губернские комитеты левых эсеров стали еще яростнее добиваться, чтобы подавляющая часть слушателей курсов инструкторов по социализации земли принадлежала к их партии. В период с 1 по 15 мая 1918 г. подотдел текущей земельной политики Казанского губернского комиссариата земледелия организовал областные курсы по подготовке инструкторов к проведению социализации земли, на которые были приглашены слушатели из Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской и Пензенской губерний. Левые эсеры, руководившие Казанским губернским комиссариатом земледелия, требовали от уездных земельных отделов прислать на эти курсы непременно членов партии левых эсеров. В Самаре, Пензе и Симбирске лидеры казанских левых эсеров предлагали посылать от губерний на эти курсы по возможности эсеров [314].

В течение всего времени пребывания в составе Советского правительства левые эсеры тормозили организацию работоспособного аппарата Наркомзема. В этот период в нем было создано лишь несколько отделов.

Ведущую роль в Наркомземе, по крайней мере в течение первого полугодия после установления Советской власти, играл отдел текущей земельной политики. До Октябрьской революции этот отдел входил в состав управления делами Главного земельного комитета. Заново созданный теперь уже в составе Наркомзема, отдел текущей земельной политики сосредоточил у себя всю работу по связи комиссариата первоначально с земельными комитетами, а потом и с земельными отделами местных Советов, инструктируя их и руководя работой по осуществлению аграрных преобразований.

В числе первых в составе Наркомзема был создан также землемерно-технический отдел, который должен был организовать и провести землеустроительные операции, связанные с передачей конфискованных земель в пользование крестьян. Со второй половины февраля 1918 г. руководство всеми этими операциями сосредоточилось в указанном отделе. На местах же работники бывших землеустроительных комиссий перешли на работу в землемерно-технические отделы губернских и уездных земельных комитетов.

После того как левые эсеры разорвали блок с большевиками и вышли из состава Советского правительства, Совет Народных Комиссаров назначил заместителем наркома земледелия, а 3 апреля 1917 г. наркомом земледелия большевика С. П. Середу, работавшего до того председателем Рязанского губисполкома [315] и хорошо знавшего положение в деревне.

В начале апреля 1918 г. руководство аппаратом Народного комиссариата земледелия целиком перешло в руки большевиков. П. Н. Першин пишет, что в состав коллегии Наркомзема вошли большевики В. Н. Мещеряков, Н. М. Петровский, В. Н. Харлов, немного позднее — А. Ф. Митрофанов, В. В. Кураев, М. В. Фофанова и др. «Большинство из них до этого работали на местах (в Рязанской, Смоленской, Пензенской и других губерниях) и хорошо знали, как складывались земельные отношения в деревне» [316].

---

[314] *Е. И. Медведев.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958, стр. 535; *М. А. Кибардин.* К вопросу о реализации Ленинского декрета о земле в Казанской губернии (октябрь 1917 — июнь 1918 г.).— «Ученые записки Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина», т. 120, кн. 5. Казань, 1960, стр. 113.

[315] «Протоколы ВЦИК IV созыва». М., 1918, стр. 4.

[316] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 92.

В конце апреля — начале мая 1918 г. левые эсеры во главе со Спиридоновой и Карелиным ультимативно потребовали, чтобы большевики вновь передали руководство Наркомземом в их руки. 2—3 мая Ленин обсуждал этот вопрос с большевиками — работниками Наркомзема и написал проект заявления в ЦК партии:

«1. Предложение тт. Сп[иридонов]ой и К[а]р[ели]на состоит в том, ч[то]бы б[ольш]е[ви]ки отдали К[омисса]риат З[емле]д[ел]ия в полное фактическое обладание лев[ым] с[оциалистам]-р[еволюционер]ам, при сохранении за б[ольш]е[ви]ками только политического представительства». (Иными словами, левые эсеры требовали сохранить в силе решение ВЦИК от 17 ноября 1917 г.— *И. М.*).

«2. Основанием для такого предложения,— продолжал Ленин,— является то, что, по мнению т.т. Сп[иридоновой] и Кар[елина], К[омисса]риат З[емле]д[ел]ия разваливается, работа для лев[ых] с[оциалистов]-р[еволюционер]ов становится невозможной, они вынуждены будут уйти все, ибо их будто бы «вышибают» и т. д.» [317].

В. И. Ленин и большевики — руководители Наркомзема С. П. Середа и В. Н. Мещеряков решили, что поднятый левыми эсерами вопрос является чисто политическим и поэтому подлежит передаче на рассмотрение в ЦК РКП(б). Вопрос о Наркомате земледелия обсуждался на заседании Центрального Комитета РКП(б) 3 мая 1918 г. Было доложено о совещании Ленина с большевистской фракцией коллегии Наркомзема и его мнении. ЦК РКП(б) признал притязания левых эсеров неосновательными и отклонил их. Руководство наркоматом осталось в руках большевиков [318].

Левые эсеры за время своего пребывания у руководства Наркомземом не создали нового, советского аппарата наркомата и не превратили его в штаб по проведению аграрной революции. Они совершенно не уделяли внимания организации сельскохозяйственного производства и не только препятствовали созданию колхозов и совхозов, но и поощряли раздел между крестьянами земли и инвентаря культурных имений, на базе которых должны были быть созданы коммуны и образцовые советские экономии.

«Левоэсеровский Наркомзем,— пишет П. Н. Першин,— ничего не сделал по подготовке к весенней посевной кампании...» [319]

Новая большевистская коллегия Наркомзема прежде всего должна была создать аппарат наркомата, способный проводить в жизнь аграрную политику большевистской партии. Нужно было также, чтобы Наркомзем возглавил работу по оказанию помощи деревне в переходе к коллективной обработке земли. Приходилось создавать заново и весь аппарат агрономического руководства сельскохозяйственным производством. Организационные меры, принятые в этом направлении большевистской коллегией Наркомзема, дали возможность в июле 1918 г. реорганизовать бывший департамент земледелия, выделив из него три отдела — сельского хозяйства, опытный и учебный.

Во второй половине 1918 г. в аппарате Наркомзема функционировали следующие отделы: текущей земельной политики, землемерно-техниче-

---

[317] «Ленинский сборник», XXI, стр. 147.

[318] *В. Г. Ломовцева.* Организация Народного комиссариата земледелия РСФСР в 1917—1918 гг.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 19. М., 1965, стр. 69—70.

[319] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 95.

ский, земельных улучшений, лесной, переселенческий, сельского хозяйства (земледелия), опытный, животноводства, национального земельного фонда, сельскохозяйственной экономики и статистики, кустарной промышленности, учебный, издательский, финансовый и хозяйственный [320].

Саботаж левых эсеров значительно затормозил организацию Наркомзема и принижал его роль в руководстве аграрной политикой. В связи с этим особенно ярко видна прозорливость Ленина, возложившего реализацию Декрета о земле на волостные земельные комитеты и уездные Советы крестьянских депутатов. Эти органы демократизировались в ходе крестьянской борьбы против помещиков в 1917 г., а мероприятия Советской власти ускоряли эту демократизацию, помогли очистить их от саботажников и шаг за шагом превратить в звено общей системы Советов.

Формы ликвидации помещичьего землевладения

В 1921 г. вышла в свет работа Б. Н. Книповича, а год спустя — книга И. А. Кириллова [321], в которых рассматривался интересующий нас вопрос. Оба автора, не приводя никаких конкретных примеров и не сделав статистических подсчетов разгромленных имений, их процента от общей массы частновладельческих хозяйств и от организованно конфискованных имений, утверждали, что ликвидация помещичьего землевладения в 1917—1918 гг. проходила стихийно, в форме разгрома имений. И. А. Кириллов, например, писал: «Прекрасные постройки, редкий племенной скот, сельскохозяйственные машины, все было растащено и развезено... Приходилось начинать везде сначала, ничего целого в имениях не было» [322].

К сожалению, некоторые советские историки, не изучив архивных материалов, впоследствии также утверждали (а некоторые утверждают и теперь), что конфискация помещичьих имений проходила в основном стихийно и сопровождалась их разгромом [323].

В 1948 г. Е. А. Луцкий опубликовал статью «К истории конфискации помещичьих имений в 1917—1918 гг.» [324] Изучив хранящиеся в местных архивах фонды ряда земельных отделов губернских и уездных Советов, он первым в советской исторической науке сделал вывод о том, что «основной формой ликвидации помещичьего землевладения была организованная, революционная конфискация помещичьих имений, проводившаяся

---

[320] *Вл. Мещеряков.* Организация Народного комиссариата земледелия и земельных отделов (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). М., 1918, стр. 10. Подробно организация и деятельность Наркомзема в 1917—1918 гг. рассмотрена В. Г. Ломовцевой в статье «Организация Народного комиссариата земледелия РСФСР в 1917—1918 гг.».

[321] *Б. Н. Книпович.* Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг.— «Сборник о земле», вып. 1. М., 1921; *И. А. Кириллов.* Очерки землеустройства за три года революции. Пг., 1922.

[322] *И. А. Кириллов.* Очерки землеустройства за три года революции, стр. 58.

[323] Подобную точку зрения высказала, например, Е. А. Кочетовская («Национализация земли в СССР». М., 1947, стр. 123). М. И. Шумилов также утверждает, что многие помещичьи имения были разгромлены, а совхозы, как правило, организовывались на базе разрушенных имений («Октябрьская социалистическая революция и исторические судьбы батрачества». М., 1967, стр. 117).

[324] *Е. А. Луцкий.* К истории конфискации помещичьих имений в 1917—1918 гг.— «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, т. V, № 6, 1948.

земельными комитетами и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...» [325]

По материалам Рязанского областного архива за ноябрь — декабрь 1917 г. и за январь 1918 г. Е. А. Луцкий насчитал 62 случая (в том числе за ноябрь 56 случаев) разгромов имений, в то время как (по неполным анкетным данным) с конца октября 1917 г. до июня 1918 г. было организованно принято на учет 766 имений [326].

К изучению истории конфискации помещичьих имений Е. А. Луцкий привлек молодых исследователей. По подсчетам Н. С. Журавлевой, в Тверской губернии в ноябре — декабре 1917 г. полному или частичному разгрому подверглись 33 имения, а 810 имений в октябре 1917 г.— мае 1918 г. были организованно взяты на учет волостными Советами, земельными комитетами или комиссариатами земледелия [327].

А. Г. Долгополов показал, что в ноябре — декабре 1917 г. в пяти уездах Орловской губернии (Елецком, Дмитровском, Мценском, Болховском и Орловском) было принято на учет 281 помещичье имение. В этих же уездах и за тот же период имели место 87 случаев разгрома помещичьих имений [328].

А. А. Говорков подсчитал, что в Курской губернии с ноября 1917 г. по март 1918 г. (включительно) было разгромлено 59 имений, а организованно принято на учет 280 имений [329]. Необходимо отметить, что приведенные А. А. Говорковым данные об организованной конфискации имений в январе — марте 1918 г. относятся лишь к 8 из 15 уездов губернии, тогда как сведения о разгромах имений собраны им по всей губернии.

По данным М. А. Кибардина, в Казанской губернии из 525 помещичьих имений оказались разгромленными около 140, т. е. немногим более 25% всех имений, находившихся на территории губернии [330].

А. В. Шестаков [331] приводит данные о 123 случаях разгрома за период с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. Это число надо сопоставить с общим числом имений, принятых на учет и в ведение земельных органов. В справке Тамбовского губземотдела на 1 ноября 1918 г. указывалось, что по 186 волостям (из 334) было принято на учет 1273 имения [332]. По Тамбовской губернии (как и по Курской) сведения о разгромах помещичьих имений собраны по всей губернии, тогда как данные об организованном принятии имений на учет приведены лишь по $^2/_3$ территории этой губернии.

Таким образом, становится очевидным, что если исследователи огра-

---

[325] *Е. А. Луцкий.* К истории конфискации помещичьих имений в 1917—1918 гг., стр. 514.

[326] Там же, стр. 510—511.

[327] *Н. С. Журавлева.* Конфискация помещичьих имений в Тверской губернии в 1917—1918 гг.— «Исторические записки», т. 29, стр. 51—52, 56.

[328] *А. Г. Долгополов.* Ликвидация помещичьего землевладения в 1917—1918 гг. в Орловской губернии.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», № 3. М., 1960, стр. 35.

[329] *А. А. Говорков.* К вопросу о конфискации помещичьих имений в Курской губернии в 1917—1918 годах.— «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. VII, 1949, стр. 73, 75—77, 79—80.

[330] *М. А. Кибардин.* К вопросу реализации ленинского декрета о земле в Казанской губернии, стр. 99.

[331] А. В. Шестаков — автор работы «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма», вып. 1. Воронеж, 1930.

[332] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 205.

ничиваются приведением данных о помещичьих имениях, разгромленных в той или иной губернии [333], но не указывают, какой процент они составляли от числа имений, организованно принятых на учет земельными комитетами данной губернии, то у читателей может сложиться ошибочное представление о ходе и характере ликвидации помещичьего землевладения в стране.

П. Н. Першин отмечает, что в октябре — декабре 1917 г. разгромы помещичьих имений происходили в отдельных местах Воронежской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Нижегородской, Тульской, Смоленской и других губерний [334].

В Белоруссии разгромы помещичьих имений отмечались в Могилевской, Минской и Витебской губерниях. Но «в целом, — подчеркивает исследователь аграрной революции в Белоруссии, — конфискация помещичьих имений... проведена была организованно» [335].

На Украине в прифронтовых уездах Подольской и Волынской губерний было разгромлено до 50—60% общего числа имений. В их восточных уездах, а также в Киевской губернии процент разгромов снижался до 20—25. В левобережных губерниях Украины разгрому подверглось не более 15—20% имений. В степных губерниях Украины наибольшее число помещичьих имений было разгромлено в северо-западных уездах Херсонской губернии и северных уездах Екатеринославской губернии.

М. А. Рубач, чьи данные о разгроме помещичьих имений на Украине мы здесь привели, отмечает, что число разгромов значительно уменьшалось (составляя приблизительно 5—10% общего числа помещичьих имений), там, где сильнее оказывалось влияние пролетариата и пролетарских центров, в которых уже была установлена Советская власть [336].

Это было характерным не только для Украины, но и для всей страны в целом: число разгромов помещичьих имений было больше в сельскохозяйственных и меньше — в промышленных губерниях. А в некоторых губерниях промышленного центра страны (например, в Московской и Владимирской) разгромов не было вовсе [337].

Но почему крестьяне и после 25 октября 1917 г. в ряде мест страны громили помещичьи имения?

Как правило, это происходило там, где Советская власть была установлена не в ноябре, а в декабре 1917 г. или даже январе 1918 г. Говоря о

---

[333] К сожалению, ограничивается данными о числе разгромленных имений в Орловской и Рязанской губерниях В. Д. Шмитков («История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 353).

[334] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 177.

[335] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 53.

[336] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 184.

Нам представляются значительно преувеличенными данные о проценте имений, разгромленных в Подольской и Киевской губерниях. Известно, что с начала ноября 1917 г. до конца января 1918 г. в Киевской губернии полностью были разгромлены 52 помещичьих имения, на Подолии — 99 («Победа Советской власти на Украине». М., 1967, стр. 323—324). Напомним, что в этих районах у власти была Центральная рада.

[337] *В. Р. Копылов.* Конфискация помещичьих имений в Московской губернии в 1917—1918 гг.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 6. М., 1954, стр. 67; *А. Д. Малявский.* Конфискация помещичьих имений по Владимирской губернии в 1917—1918 гг.— «Ученые записки Курского государственного педагогического института», вып. V. Курск, 1956, стр. 60.

разгромах помещичьих имений в Рязанской губернии (Советская власть здесь была установлена в декабре 1917 г.), С. П. Середа в докладе на губернской конференции РСДРП(б) 27 ноября 1917 г. отметил: «Волостные комитеты скрывали от крестьян новый закон о земле, уездные комиссары не признавали новой власти, народ не верил старым комиссарам, не знал новых законов, и вот горят народные хозяйства» [338]. По нашему мнению, это объяснение может быть отнесено и к другим районам страны. Надо лишь подчеркнуть, что почти повсюду инициаторами и главными участниками разгромов помещичьих имений являлись кулаки. Так, выходившая в Харькове газета «Земля и воля» писала о Купянском уезде: «Кто же больше всего занимался разгромами? Конечно, крестьянство. Но не те крестьяне, которые почти ничего не имеют, а те, которые имеют по нескольку лошадей, две-три пары быков, имеют также и много земли. Вот они-то больше всего и действовали, забирали, что для них оказывалось подходящим, нагружали на быков и увозили. А бедняки вряд ли могли чем-либо попользоваться» [339].

«Больше всех в нашей местности,— писал в своих воспоминаниях крестьянин И. Н. Гапоненко из села Новая Маячка Таврической губернии,— участвовала в борьбе против помещиков беднота. Была часть середнячества, которая сразу примкнула к бедноте, ведя общую борьбу против помещика. Но от разгрома помещиков больше всего выиграла зажиточная часть крестьянства, которая имела своих лошадей, своими подводами возила к себе награбленное у помещика» [340].

Разгромы помещичьих имений прекращались, как только в деревне устанавливалась Советская власть и волостные земельные комитеты, очищенные от врагов трудового крестьянства, приступали к организованной конфискации помещичьих имений.

Советская власть энергично боролась с разгромами помещичьих имений, становившихся общенародным достоянием. Когда председатель Острогожского Совета (Воронежская губерния) телеграфно запросил Ленина, как поступить с ценностями, находившимися в помещичьих имениях, Ленин 6 декабря 1917 г. телеграфировал ему: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» [341].

В первые два-три месяца после установления Советской власти ряд губернских и уездных съездов Советов, исполкомов или земельных отделов обратился к крестьянам с призывом немедленно прекратить погромы имений. Обычно в таких обращениях к населению указывалось на бессмысленность разгромов после установления Советской власти. Советы заявляли, что они будут предавать революционному суду всех повинных в разгромах имений [342].

---

[338] «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1918 гг.)». Сборник документов. Рязань, 1957, стр. 138.

[339] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 175.

[340] «1917 год в деревне (Воспоминания крестьян)». М., 1967, стр. 214.

[341] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 17.

[342] С такими воззваниями к крестьянам в ноябре 1917 г. обратился, в частности, Тетюшский уездный крестьянский съезд Казанской губернии, в декабре — VI крестьянский съезд Фатежского уезда Курской губернии, в январе 1918 г.— Уфимский

В ряде губерний страны создавались специальные комиссии, боровшиеся с разгромом помещичьих имений [343].

Большую роль в борьбе с разгромами помещичьих имений сыграла сельская Красная гвардия, которая создавалась при многих уездных и волостных Советах Московской, Калужской, Новгородской, Могилевской, Черниговской, Псковской, Воронежской и других губерний [344].

В качестве одного из примеров можно упомянуть Велико-Устюжский уездный Совет (Вологодская губерния), который предписал выбрать по 4 человека из крестьян от каждой волости и образовать из них «постоянную Красную гвардию», вооруженную пулеметами. Благодаря этому отряду был предупрежден разгром ряда имений [345].

18 февраля 1918 г. Николаевский уездный земельный отдел (Самарская губерния) докладывал уездному Совету народных комиссаров, что коллегиат, управляющий конфискованным имением, должен принять энергичные меры к его охране. «В случае возникновения беспорядков, направленных к расхищению экономий,— писали из земельного отдела,— таковые немедленно должны быть прекращаемы всеми возможными средствами, включительно до применения оружия, для чего необходимо:

а) чтобы коллегиат управления немедленно дал знать о возникающих беспорядках ближайшему волостному Совету и требовал высылки от Совета вооруженной силы для подавления беспорядков и телеграфно извещал о беспорядках земельный отдел Николаевского уездного Совета народных комиссаров;

б) при социалистической армии Николаевского уездного Совета народных комиссаров должен быть сформирован конный отряд, который по первому требованию мог бы выступить для подавления беспорядков» [346].

Решительная борьба органов Советской власти с разгромами помещичьих имений была поддержана трудовым крестьянством. Например, Медвеженское волостное собрание (Ливенский уезд Орловской губернии) 7 ноября 1917 г. вынесло следующее решение: «Погромщиков заносить в черные позорные списки, и эти лица после проведения земельной реформы будут высылаться сходом из своего села» [347].

Не только решительные меры, принятые Советами к прекращению стихийного уничтожения помещичьей собственности, но и начатая волостными земельными комитетами организованная конфискация частновладель-

---

губернский съезд волостных и уездных земельных отделов Советов и Воронежский губернский земельный отдел, в феврале 1918 г.— Рязанский губернский съезд Советов *(П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 184—186).

[343] Такие комиссии существовали, например, во многих волостях Орловской губернии *(А. Г. Долгополов.* Ликвидация помещичьего землевладения в 1917—1918 гг. в Орловской губернии, стр. 37).

[344] В монографии Р. Г. Цыпкиной «Сельская Красная гвардия в Октябрьской революции» (По материалам губернии Центрального промышленного района) (М., 1970) приведен интересный материал об организации сельской Красной гвардии, ее участии в конфискации помещичьих имений и пресечении разгромов частновладельческих хозяйств.

[345] *В. Н. Лаврентьев.* Строительство совхозов в первые годы Советской власти. М., 1957, стр. 31.

[346] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии». Сборник документов. Куйбышев, 1957, стр. 304.

[347] *А. Г. Долгополов.* Ликвидация помещичьего землевладения в 1917—1918 гг. в Орловской губернии, стр. 34.

ческих хозяйств привели к повсеместному и почти полному прекращению разгромов. В целом по стране отмечалось очень немного случаев, когда после начала организованной конфискации имений кулакам удавалось спровоцировать крестьян на погромы имений.

Саморазоблачение лжедрузей крестьян в деревне

Разгром имений был одной из наиболее стихийных форм борьбы крестьянства с помещиками. В это же время Советская власть через волостные земельные комитеты осуществляла организованную ликвидацию помещичьего землевладения.

Противников конфискации нетрудовых хозяйств возглавили правые эсеры, на протяжении всего существования своей партии претендовавшие на звание «друзей народа». Еще до победы Октябрьской революции они пытались вести борьбу с аграрной революцией, опираясь на находившиеся в их руках земельные комитеты: Главный, большинство губернских и многие уездные.

После победы вооруженного восстания в Петрограде Главный земельный комитет 28 октября разослал по телеграфу следующее обращение ко всем земельным комитетам: «Главный земельный комитет объявляет этот якобы декрет (речь шла о ленинском Декрете о земле. — *И. М.*) незаконным и недействительным... Главный земельный комитет предлагает всем губернским, уездным и волостным земельным комитетам и призывает всех граждан не исполнять и не допускать исполнения этого декрета» [348].

Мотивировалось это тем, что декрет издан за месяц до созыва Учредительного собрания и что его издание может лишь усилить беспорядки и самочинные захваты земель. «Пусть население в спокойной уверенности ожидает того близкого часа, — говорилось в обращении, — когда земельный вопрос будет разрешен и земля передана трудовому народу велением Учредительного собрания, а земельные комитеты пусть продолжают возложенное на них великое дело подготовки земельной реформы» [349].

Телеграмма Главного земельного комитета явилась для многих губернских и уездных земельных комитетов сигналом к открытому непризнанию Советской власти и провозглашенного ею Декрета о земле. С такого рода заявлениями выступили Новгородский, Ярославский, Олонецкий, Костромской, Вологодский, Уфимский, Вятский, Московский, Харьковский, Екатеринославский, Херсонский, Подольский губернские и Московский областной земельные комитеты [350].

Они не только требовали от уездных и волостных земельных комитетов неукоснительного исполнения законов свергнутого Временного правительства, но и обращались к крестьянам с призывом не проводить в жизнь большевистского Декрета о земле. Многие уездные земельные комитеты (как и губернские) заняли открыто контрреволюционную позицию.

---

[348] «Воля народа», 31 октября 1917 г.

[349] Там же.

[350] *Н. В. Саутин.* Великий Октябрь в деревне на северо-западе России (октябрь 1917—1918 г.). Л., 1959, стр. 38; *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 115—118; *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 193, 194; ЦГАОР СССР, ф. 478, оп. 6, д. 86, лл. 49—50.

Так, 14 ноября Ямбургский уездный земельный комитет Петроградской губернии постановил: земельный вопрос может решить лишь Учредительное собрание, декрет СНК о земле незаконен, земельные комитеты должны принять деятельное участие в охране частновладельческих земель [351].

23 ноября Вельский уездный земельный комитет (Вологодская губерния) заявил о своей полной поддержке губернской земельной управы в невыполнении «приказаний новых народных комиссаров партии большевиков» [352].

Подобного рода примеры отнюдь не были единичными. Ведя борьбу с ленинским Декретом о земле, контрреволюционные земельные комитеты шли даже на нарушение постановления Временного правительства, которое отменило как незаконное так называемое «Распоряжение № 3», изданное в Тамбовской губернии перед Октябрем. Напомним, что, борясь с крестьянским восстанием, охватившим в сентябре 1917 г. Тамбовскую губернию, местные эсеры издали «Распоряжение № 3», в котором убеждали крестьян отказаться от немедленного захвата помещичьей земли, подождать до Учредительного собрания, которое якобы, несомненно, передаст земли крестьянам. Пока же «Распоряжение» рекомендовало земельным и продовольственным комитетам произвести «полный и точный учет» имений со всеми угодьями и сельскохозяйственным имуществом. Это был маневр, с помощью которого эсеры хотели создать впечатление, будто они также стоят за конфискацию помещичьей земли. На самом же деле суть «Распоряжения № 3», поддержанного руководством партии эсеров, сводилась к тому, чтобы не допустить немедленной конфискации помещичьей земли, а, поручив земельным комитетам «взять ее на учет», по существу превратить комитеты в хранителей помещичьих имений [353]. Временное правительство, как уже отмечалось, отменило это «Распоряжение». Но теперь в борьбе с революционной конфискацией помещичьих имений многие губернские и уездные земельные комитеты пытались противопоставить революционной конфискации помещичьих имений меры, предложенные тамбовскими правыми эсерами в «Распоряжении № 3».

Своего рода сигналом к этому послужил циркуляр бывшего товарища министра земледелия правого эсера Н. И. Ракитникова [354] от 20 ноября 1917 г. В этом циркуляре находившийся почти месяц не у дел бывший товарищ министра предлагал губернским и уездным земельным комитетам, не признавая Декрет о земле, «при первых же аграрных вспышках присту-

---

[351] ЦГАОР СССР, ф. 478, оп. 6, д. 450, лл. 27, 30.

[352] Там же, д. 86, лл. 49—50.

[353] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, стр. 843, 853.

[354] Победа Октябрьской революции означала автоматическое отстранение от должности всех министров и товарищей министров свергнутого Временного правительства. Поэтому Советская власть не должна была издавать официальный документ, содержащий перечень всех лиц, отстраненных от должности революцией. Хотя ни фактически, ни юридически никто из членов свергнутого Временного правительства не обладал никакой властью, некоторые бывшие товарищи министров попытались сделать вид, что «ничего не произошло» и они по-прежнему выполняют свои обязанности. Так появился и упомянутый выше циркуляр Ракитникова. Узнав о контрреволюционной деятельности Ракитникова и других служащих бывшего министерства земледелия, Советское правительство 29 ноября 1917 г. издало, а 1 декабря опубликовало в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» приказ об увольнении товарищей министра земледелия Н. И. Ракитникова, А. В. Чаянова и управляющего канцелярией министра А. В. Прибылева.

пить к описи и учету всех частновладельческих имений по образцу Тамбовского или Нижегородского комитета..., по возможности оставляя заведование ими за прежней администрацией владельца» [355].

Орловский, Московский, Новгородский, Витебский, Киевский, Черниговский, Подольский, Харьковский и Полтавский губернские земельные комитеты действительно пытались провести в жизнь тамбовское «Распоряжение № 3» и таким путем предотвратить осуществление ленинского Декрета о земле [356]. В этих губерниях отмечались случаи, когда в «конфискованных» имениях оставлялись не только старые управляющие, но и помещики, и на них возлагалась охрана принятого на учет имущества. Обычно помещики старались распродать оставленное под их охрану имущество и скрыться.

На Украине, как мы уже отмечали, Центральная рада также стремилась видимостью конфискации имений спасти помещичью собственность от экспроприации революционным народом. Это стремление наглядно проявилось в циркуляре генерального секретаря Центральной рады по земельным делам, направленном земельным комитетам. Циркуляр предлагал им составить детальную опись инвентаря во всех нетрудовых хозяйствах по возможности в присутствии владельцев и за их подписью. Им предлагалось разъяснять, что когда Учредительное собрание решит вопрос о переходе инвентаря, они получат компенсацию в соответствии с составленными описями [357].

В ряде губерний страны были случаи, когда земли оставались в руках не только мелких, но и средних помещиков.

В Тверской губернии (в Ларцевской и Федоровской волостях Корчевского уезда и Кобелевской волости Старицкого уезда) на учет были приняты имения только размером 50 десятин и более. В ряде волостей Зубцовского уезда на учет брались имения не менее чем 30 десятин. В Ржевском уезде не подлежали конфискации имения до 25 десятин. В Никулинской, Казикинской и Борзысской волостях Вышневолоцкого уезда на учет принимались имения размером свыше 300 десятин земли [358]. В Рышковской и Колоденской волостях Курской губернии на учет брались помещичьи имения свыше 80 десятин земельной площади, в Троицкой — свыше 30 десятин [359] и т. д.

Борьба правых эсеров против советского земельного закона быстро и окончательно привела их к полному саморазоблачению в глазах широких масс крестьянства. Борьба эсеров велась преимущественно в форме отказа губернских и уездных земельных комитетов, где они преобладали, проводить в жизнь ленинский Декрет о земле, а также путем издания местных инструкций, которые в нарушение советского аграрного законодательства оставляли за помещиками большую или меньшую часть их земли и инвентаря. Трудящиеся крестьяне на опыте убедились в том, что те, кто рекламировал себя как «друзей народа», фактически оказались защитниками помещиков. Крестьянин В. Т. Захаров писал в своих воспо-

---

[355] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 188.
[356] «Победа Советской власти на Украине», стр. 87.
[357] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 189.
[358] *Н. С. Журавлева.* Конфискация помещичьих имений в Тверской губернии в 1917—1918 гг., стр. 53.
[359] *А. А. Говорков.* К вопросу о конфискации помещичьих имений в Курской губернии в 1917—1918 годах, стр. 80.

минаниях об эсерах Дергачевской волости Новоузенского уезда Самарской губернии: «Эсеры стояли за частичный раздел земли, даже вносили предложения обязательно выплатить стоимость земли тому, у кого она отберется (церковная земля, по их мнению, должна была остаться на месте). Большевики стояли за захват всей без исключения земли, причем никакой платы, по их мнению, не должно быть. Это их мнение было решающим, так как за ними пошли не только бедняки, но даже и бóльшая часть середняков, а на эсеров стали смотреть как на защитников помещиков. Таким образом, эсеры остались одни, без массы крестьянства. Вместе с эсерами осталось только несколько человек зажиточных, а также попы и дьяконы» [360]. Эта характеристика правых эсеров верна не только для Самарской губернии, но и для всей страны.

Советская власть ликвидировала выступивший против Декрета о земле Главный комитет [361]. Губернские и уездные эсеровские земельные комитеты были реорганизованы.

Участие трудящегося крестьянства в проведении Декрета о земле

Буржуазные и мелкобуржуазные партии уверяли, что едва крестьянство приступит к реализации советского земельного закона, как в деревне наступят хаос, анархия, всеобщая резня. Но эти «прогнозы» оказались такими же беспочвенными, как и утверждения, что ленинское обращение к солдатам с призывом брать дело мира в свои руки приведет к краху новой власти. Враги пролетарской революции не осознавали ни значения Советов, созданных по всей стране, ни роли организаторской деятельности партии большевиков, ни силу творческой инициативы народных масс, освобожденных великой революцией.

Глубочайшей верой в народ звучал призыв Ленина к крестьянам «самим брать всю власть на местах в свои руки» и непоколебимо было его убеждение, что «рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян...» [362]

В первом аграрном законе Советской власти — Декрете о земле — была не только провозглашена ликвидация помещичьего землевладения, но и указывалось, что само крестьянство должно в организованном порядке осуществить эту меру через волостные земельные комитеты.

«Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу,— говорилось в Декрете о земле,— объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом» [363]. Волостным комитетам вменялось в обязанность составлять подробную опись всего конфискуемого помещичьего имущества.

Это положение декрета получило дальнейшее развитие в «Инструкции об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений», изданной 13 декабря Наркоматом земледелия.

---

[360] «1917 год в деревне», стр. 229.

[361] Подробнее об этом см.: *Е. А. Луцкий.* Ликвидация Главного земельного комитета (1917—1918 гг.).— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IX. М., 1957, стр. 44.

[362] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 69.

[363] Там же, стр. 24.

Подробную опись и оценку хозяйств с точным указанием количества и качества земли, угодий, построек, живого и мертвого сельскохозяйственного и промышленного инвентаря и т. д. должна была производить комиссия, специально создаваемая для этой цели волостным земельным комитетом. В комиссию входили: земельный комиссар, представители волостного Совета крестьянских депутатов, волостного земства, а также понятые — крестьяне, избранные сельским сходом ближайшего к конфискуемому имению населенного пункта. Опись полагалось составлять в четырех экземплярах, причем подлинник направлялся в губернский земельный комитет, одна из копий вручалась владельцу конфискованного имения, две другие передавались в волостные и уездные земельные управы. Земельный комиссар оставался в имении и следил за сохранностью взятого на учет имущества [364].

Таким образом, защищая интересы трудящегося крестьянства, советское аграрное законодательство требовало проведения строго организованной конфискации помещичьих имений и других нетрудовых хозяйств и их последующей охраны. Как же прошла на практике ликвидация помещичьих имений?

После того как крестьянам стало известно содержание принятого II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Декрета о земле, те волостные земельные комитеты, в которых большинство принадлежало представителям трудящегося крестьянства, приступили к конфискации помещичьих имений.

Даже там, где Советская власть еще не была установлена, ленинский Декрет о земле мобилизовывал массы крестьян на решительную борьбу против помещиков. Невзирая на грозные предупреждения еще не смещенных губернских и уездных комиссаров бывшего Временного правительства, не обращая внимания на призывы эсеровских губернских и уездных земельных комитетов подождать до уже недалекого Учредительного собрания, крестьяне целого ряда губерний еще до установления Советской власти в их местностях приступали к организованной конфискации помещичьих имений.

Так было, например, в Тульской губернии, где Советскую власть провозгласили в конце декабря на V губернском съезде крестьянских депутатов. Съезд высказался в поддержку декретов II Всероссийского съезда Советов, приветствовал отмену частной собственности на землю и обратился к крестьянам с призывом взять помещичьи земели в ведение демократизированных земельных комитетов. Но фактическое проведение в жизнь Декрета о земле в уездах Тульской губернии началось значительно раньше этого решения [365].

На Украине ленинский Декрет о земле претворялся в жизнь даже там, где власть еще находилась в руках буржуазно-националистической Центральной рады и вопреки ее запретам [366]. В Подольской и Киевской губерниях конфискация помещичьих имений стала массовым явлением еще до установления Советской власти [367].

---

[364] «Экономическая политика СССР», т. 1. М., 1947, стр. 37—38.

[365] Подробнее об этом см.: *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 170.

[366] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции, стр. 77—78.

[367] Там же, стр. 80.

Многие большевистские комитеты, действовавшие в районах, где Советская власть окончательно еще не победила, тем не менее руководили крестьянами, конфисковавшими помещичьи имения. Например, в Оханском уезде Пермской губернии власть Советов была установлена лишь в марте 1918 г., но уже в ноябре 1917 г. местный большевистский Военно-революционный комитет возглавил борьбу за реализацию ленинского Декрета о земле. В ноябре — декабре 1917 г. волостные земельные комитеты уезда уже брали помещичьи земли в свое распоряжение [368].

Эсеры, верховодившие в земельных комитетах, уговаривали подождать до Учредительного собрания, убеждали не трогать помещичьих имений, угрожали крестьянам, но они, даже голосуя за эсеров, проводили в жизнь Декрет о земле. «Все еще назывались мы социалистами-революционерами,— вспоминал крестьянин Николаевского уезда Самарской губернии В. Г. Лысов,— а на деле полностью выполнили программу большевиков» [369].

Шедшие за большевиками губернские и уездные Советы обычно сразу же после взятия власти в свои руки предписывали земельным комитетам немедленно приступать к организованной конфискации помещичьих имений.

27 октября 1917 г. большевистский исполком Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил себя единственной властью в губернии и специальным постановлением обязал земельные комитеты немедленно учесть и взять в свое распоряжение все помещичьи монастырские, церковные и удельные земли, а также усадьбы, дома и инвентарь. Комитеты обязывались организовать охрану взятых на учет имений, а описи представить в Совет [370].

В Петроградской губернии 10 ноября 1917 г. по предложению большевиков исполком Лужского Совета объявил по уезду о переходе всей помещичьей земли и инвентаря в ведение волостных земельных комитетов. Большевики уезда сразу же приняли меры по сохранению инвентаря, конфискуемого в имениях.

2 декабря 1917 г. по предложению местной большевистской организации вопрос о проведении в жизнь Декрета о земле обсудил Череповецкий уездный съезд (Новгородская губерния) представителей рабочих, крестьян и солдат. Съезд поручил волостным земельным комитетам немедленно взять на учет все частновладельческие хозяйства и обеспечить их сохранность [371].

17 декабря 1917 г. по предложению Солигаличского уездного Военно-революционного комитета (Костромская губерния), руководимого присланным из Петрограда большевиком Вылузгиным [372], съезд представителей волостей обратился с призывом к трудящемуся крестьянству брать на учет помещичьи имения [373].

---

[368] *Э. Д. Попова.* Земельные комитеты Северного Приуралья в 1917 году (По материалам Вятской и Пермской губерний). Канд. дисс. М., 1966, стр. 226—227.

[369] «1917 год в деревне», стр. 224.

[370] «1917 год в Саратовской губернии». Сборник документов (февраль 1917 г.— декабрь 1918 г.). Саратов, 1957, стр. 191—193.

[371] *Н. В. Саутин.* Великий Октябрь в деревне на северо-западе России, стр. 33—34.

[372] Вылузгин погиб 27 февраля 1918 г. во время контрреволюционного восстания в Солигаличе.

[373] См. «История СССР», 1959, № 5, стр. 86.

Но к ноябрю 1917 г. далеко не все волостные земельные комитеты были очищены от защитников помещичьей собственности. Иногда крестьяне, не рассчитывая на инициативу своего антидемократического по составу волостного земельного комитета, сами приступали к конфискации имений.

Крестьяне деревень Дягино и Лягино Ржевского уезда Тверской губернии утром 2 ноября 1917 г. получили Декрет о земле, а уже днем они отправились, как писали крестьяне, «миром в имение Копытово, переписали весь живой и мертвый инвентарь. Рожь смолотили и ссыпали в амбар и приставили сторожей, чтобы не было хищения. И все у нас вышло спокойно, по-хорошему, по-душевному» [374].

В ряде мест крестьяне, понимая, что помещики, пользуясь бездеятельностью волостного земельного комитета, могут разбазарить свой живой и мертвый инвентарь, принимали меры по охране помещичьей собственности.

В качестве типичного примера можно сослаться на постановление крестьян Туровлянской волости Витебской губернии. В нем указывалось: «Объявить всем владельцам и арендаторам имений и фольварков, что все находящееся в имениях движимое и недвижимое имущество объявляется народным достоянием и за продажу или увоз такового виновные будут немедленно арестованы и преданы суду военно-революционного трибунала» [375].

В ряде других мест крестьяне, не ограничиваясь подобными предупреждениями, устанавливали действенный контроль над помещичьими имениями.

Крестьяне Березовской волости Одоевского уезда Тульской губернии 5 ноября 1917 г. решили направить в имения своих доверенных, которых предлагали как можно чаще контролировать [376].

Изучение истории аграрной революции 1917—1918 гг. еще далеко не завершено. Но уже проведенные исследования позволяют сделать вывод, что в ноябре — декабре 1917 г. в подавляющей части уездов европейской территории страны началась организованная конфискация помещичьих имений. Волостные земельные комитеты, волостные Советы и стоящие на платформе Советской власти волостные земские управы проводили в жизнь Декрет о земле.

Обычно при конфискации имений составлялась подробная опись, в которой указывалось, сколько земли на каких полях принадлежит владельцу имения.

Нередко опись составлялась настолько подробно, что в ней указывались не только возраст, пол, порода, но и масть конфискованных животных, перечислялись сельскохозяйственные машины и орудия и указывалась степень их изношенности.

Для охраны взятого на учет имущества в имении оставался земельный комиссар или сторож.

16 ноября 1917 г. президиум рабочей секции Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад своего представителя,

---

[374] «Второй Всероссийский съезд Советов». Сборник документов. М., 1957, стр. 540.
[375] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 52—53.
[376] «Октябрь в Туле». Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году. Тула, 1957, стр. 278.

вернувшегося из Лукояновского уезда. Он доложил, что им было взято под красногвардейскую охрану несколько помещичьих имений и проведены сходы, на которых разъяснялось содержание ленинского Декрета о земле. На сходах принимались решения, обязывающие крестьян собрать все разграбленное из помещичьих имений для передачи волостным земельным комитетам [377].

В Тверской губернии Городенский волостной земельный комитет сообщал, что во время конфискации имений «на имущество составлена опись и по каждому имению заведено особое дело; надзор за всеми имениями и имуществом установлен сторожами, и каждое имение посещается членами комитета ежедневно для личного осмотра» [378].

В крупных капиталистических хозяйствах функции земельного комиссара нередко возлагались на кого-нибудь из батраков. В Рышковской волости Курской губернии в ноябре 1917 г. волостная земская управа постановила отобрать имение Клейнмихеля, произвела опись всего инвентаря, а во главе экономии был поставлен бывший рабочий имения [379].

2 января 1918 г. Бельская уездная земельная управа сообщала, что в конфискованных имениях установлен контроль волостных земельных комитетов. Имения передаются в управление либо комитетам из рабочих, либо отдельным лицам, находящимся под контролем местного комитета [380].

В различных уездах одной губернии конфискация помещичьих имений нередко заканчивалась неодновременно. Так, Зарайский уездный крестьянский съезд Рязанской губернии установил в уезде власть Советов 6 ноября 1917 г. Съезд предложил «немедленно приступить к принятию всех имений вместе с живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем в ведение волостных земельных комитетов по описи и под контролем волостных Советов крестьянских депутатов» [381].

В течение ноября — первой половины декабря земельными комитетами в Зарайском уезде было конфисковано более 30 имений. Представитель Зарайского уезда сообщал на Рязанском уездном крестьянском съезде (в середине декабря 1917 г.), что приемка имений «проходит в образцовом порядке: нет ни грабежей, ни погромов». «Мы, — говорил он далее, — устроили три образцовые молочные фермы. Распродали из имений всю лишнюю птицу и на эти деньги получили транспорт мануфактуры... Весь племенной скот тщательно сохраняется». Вместе с тем он упрекал крестьян некоторых волостей Рязанского уезда в том, что они вплоть до декабря не начинали приемки помещичьих хозяйств. «Я, товарищи, просто недоумеваю при виде вашей апатичности, — говорил зарайский представитель. — Возьмите с нас пример, сбросьте вековую спячку и в полном порядке, не нарушая законов теперешнего революционного правительства, возьмите на учет все крупные частновладельческие имения, созданные вашим же потом и кровью» [382].

---

[377] *Г. В. Чернов.* Начало революционных преобразований в деревне на основе ленинского Декрета о земле (На материалах Нижегородской губернии).— «Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского», вып. XLII, 1958, стр. 83.

[378] *Н. С. Журавлева.* Конфискация помещичьих имений в Тверской губернии в 1917—1918 гг., стр. 54.

[379] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 198.

[380] ЦГАОР СССР, 478, оп. 6, д. 73, л. 22—22 об.

[381] *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. II, стр. 168.

[382] Там же, стр. 168—169.

В Александровском и Ковровском уездах Владимирской губернии проживало много рабочих. Ковровский и Александровский Советы со времени своей организации (Ковровский — с марта 1917 г., а Александровский — с апреля 1917 г.) шли за большевиками, которые в течение всего периода подготовки социалистической революции вели довольно активную работу среди местных крестьян. Александровский уездный Совет рабочих и солдатских депутатов в конце октября 1917 г. поставил перед уездным Советом крестьянских депутатов ближайшую задачу: осуществить на практике декрет II Всероссийского съезда Советов о переходе земли в распоряжение народа.

Одновременно уездный Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к крестьянам с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи крестьяне! Ваша мечта о земле исполнилась. Дело за вами: если хотите, чтобы земля помещиков перешла в ваши руки, требуйте собрания вашего Совета, который и должен решить вопрос о переходе к нему помещичьей земли со всем инвентарем» [383].

Рабочие — представители большевистского исполкома Александровского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов — принимали непосредственное участие в конфискации имений, тем самым на практике осуществляя пролетарское руководство крестьянскими массами уезда. Местная газета сообщала, что «членом исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов г. Александрова в присутствии члена волостного земельного комитета и уполномоченных ближайшего общества в течение трех дней начала ноября 1917 г. были конфискованы три помещичьи имения» [384].

Председатель Александровского уездного Совета крестьянских депутатов 30 ноября 1917 г. сообщил в исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов, что в уезде «помещичьи земли с живым и мертвым инвентарем полностью переданы в волостные земельные комитеты, настроение крестьян превосходное, злоупотреблений и каких бы то ни было беспорядков в уезде нет» [385].

В начале декабря 1917 г. в «Правде» сообщалось, что в Ковровском уезде «помещичьи земли перешли в ведение земельных комитетов» [386].

Кроме Александровского и Ковровского (а также перешедшего в Иваново-Вознесенскую губернию Шуйского уезда), во Владимирской губернии имелось еще 10 уездов. В 9 из них к концу апреля 1918 г. конфискация помещичьих имений была полностью завершена или близка к завершению. Лишь в Вязниковском уезде, как заявил в конце апреля 1918 г. уездный комиссар земледелия, «за недавней организацией комитета работа в уезде идет втемную. Учета земель почти нет» [387].

Большинство имений во Владимирской губернии было конфисковано в течение трех месяцев: с декабря 1917 по февраль 1918 г.

Подавляющая часть помещичьих имений в Нижегородской губернии была конфискована в декабре 1917 — январе 1918 г. [388]

---

[383] «Голос труда» (Александров), 1 ноября 1917 г.

[384] «Известия исполкома Владимирского губернского и уездного Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 14 ноября 1917 г.

[385] «Голос трудового крестьянства» (Петроград), 28 декабря 1917 г.

[386] «Правда», 9 декабря 1917 г.

[387] *А. Д. Малявский.* Конфискация помещичьих имений во Владимирской губернии в 1917—1918 гг., стр. 57.

[388] *Г. В. Чернов.* Начало революционных преобразований в деревне на основе ленинского Декрета о земле (На материалах Нижегородской губернии), стр. 89.

К февралю 1918 г. в стране было конфисковано около 75% помещичьих имений [389].

Время проведения конфискации зависело от сроков установления Советской власти и изгнания из волостных земельных комитетов защитников помещичьей собственности. В тех местах, где Советская власть была установлена вскоре после победы Октябрьской революции в центре, где содержание аграрных законов Советского правительства было быстро доведено до сведения крестьян и где подавляющее большинство трудящихся сплачивалось вокруг Советов, конфискация помещичьих имений завершалась быстрее.

Мы располагаем сведениями о сроках окончания конфискации помещичьих имений по Белоруссии в целом и по 14 губерниям разных районов страны: Владимирской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Петроградской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской и Эстляндской.

В Белоруссии, в Казанской, Нижегородской, Петроградской, Псковской и Эстляндской губерниях конфискация завершилась в феврале 1918 г.; в Московской, Орловской и Таврической губерниях — в марте 1918 г.; во Владимирской, Костромской и Тверской губерниях — в апреле 1918 г.; в Курской и Рязанской губерниях — в мае 1918 г. [390]

Во всех этих губерниях к началу весенних полевых работ 1918 г. конфискация помещичьих имений была завершена, и на очередь дня встала задача распределить среди беднейшего крестьянства конфискованную землю и средства ее обработки.

Не только в этих губерниях, но и в целом по всей стране весной 1918 г. началось распределение земель, конфискованных у частных владельцев. Следовательно, в целом по стране конфискация помещичьих имений в основном была завершена к весне 1918 г.

---

[389] «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 465; «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством». М., 1969, стр. 158.

[390] Составлено по следующим работам: *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 50; *А. Д. Малявский.* Конфискация помещичьих имений во Владимирской губернии в 1917—1918 гг., стр. 56—57; *М. А. Кибардин.* К вопросу о реализации ленинского Декрета о земле в Казанской губернии (октябрь 1917 — июнь 1918 г.); *С. И. Родионов.* Проведение в жизнь ленинского Декрета о земле в Костромской губернии (1917—1918 гг.). Канд. дисс. Л., 1953, стр. 207; *А. А. Говорков.* Ликвидация помещичьего землевладения в Курской губернии. Канд. дисс. М., 1948, стр. 202—203; *В. Р. Копылов.* Конфискация помещичьих имений в Московской губернии в 1917—1918 гг., стр. 66; *Г. В. Чернов.* Начало революционных преобразований в деревне на основе ленинского Декрета о земле (на материалах Нижегородской губернии), стр. 90; *Э. В. Островский.* Распределение земель в Новгородской губернии в 1918 г.— «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 250; *А. Г. Долгополов.* Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства в Орловской губернии, стр. 222; *Е. П. Редакова.* Борьба большевистской партии за проведение Декрета о земле (по Петроградской губернии). Канд. дисс. М., 1952, стр. 85; *она же.* Проведение Декрета о земле в Псковской губернии.— «Ученые записки Псковского государственного педагогического института им. Кирова», вып. VI, 1958, стр. 14; *Е. А. Луцкий.* К истории конфискации помещичьих имений в 1917—1918 гг.; *Н. С. Руденко.* Реализация ленинского Декрета о земле в Тавриде в 1918 г.— «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Очерки социально-экономической и политической истории СССР». М., 1964, стр. 40; *Н. С. Журавлева.* Ликвидация помещичьего землевладения в Тверской губернии, стр. 139, 144; «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. I. Таллин, 1961, стр. 310.

Начало конфискации излишков земли у кулаков

Крестьяне конфисковывали не только помещичьи имения, но и все удельные, монастырские, церковные земли со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и т. д.

Но в ряде случаев, чаще всего там, где помещичьей, казенной и церковной земли либо не было совсем, либо было мало, бедняки и середняки уже в конце 1917 — начале 1918 г. конфисковывали кулацкую купчую землю.

Отобрание у кулаков излишков земли отвечало духу Декрета о земле, в котором говорилось, что «земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» [391].

Обычно исследователи указывают, что Ленин включил этот пункт в декрет с целью дать трудовому крестьянству полную уверенность в сохранении за ним имеющейся у него земли. Это бесспорно. Но кроме того, этот пункт декрета означал, что у нерядовых крестьян или казаков, т. е. у кулаков, все их земли, превышающие трудовую норму, могут быть конфискованы.

Прямых указаний на отчуждение излишков кулацких земель в декрете нет и не могло быть. Перед всем крестьянством стояла задача уничтожить помещичье землевладение. Нельзя было искусственно, сверху вносить раскол в деревню, но надо было создать условия, чтобы никакие законодательные акты не препятствовали борьбе бедноты с кулачеством. Этим задачам и отвечал приведенный пункт Декрета о земле.

Во Владимирской и Курской губерниях, как правило, конфисковывались все излишки земли, независимо от сословия владельца и размеров хозяйства [392].

В Ярославской губернии помещичья земля составляла 25% земли, находившейся в частной собственности. Острое малоземелье ускорило борьбу бедняков с кулаками за землю. Здесь одновременно с конфискацией помещичьих имений отбирали купчую землю у кулаков. В Даниловском уезде из 179 описей конфискованных имений 76 относились к купчим землям. Большинство из них (57) было конфисковано к январю 1918 г. [393]

В Костромской губернии также одновременно с землей помещиков беднота нередко конфисковывала и купчие земли [394].

Мамадышский уездный земельный комитет (Казанская губерния) только за 8 декабря 1917 г. рассмотрел жалобы 16 кулаков, у которых крестьяне различных селений отобрали купчую и арендованную землю [395].

Участник крестьянского движения В. Г. Лысов писал о разделе земли в Липовской волости Николаевского уезда Самарской губернии: «К зиме

---

[391] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 26.

[392] *А. Д. Малявский.* Конфискация помещичьих имений во Владимирской губернии в 1917—1918 гг., стр. 60; *А. А. Говорков.* Ликвидация помещичьего землевладения в Курской губернии, стр. 204.

[393] *П. А. Бутылкин.* Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги социалистического землевладения в Ярославской губернии, стр. 257.

[394] *С. И. Родионов.* Проведение в жизнь ленинского Декрета о земле в Костромской губернии, стр. 192.

[395] *М. А. Кибардин.* К вопросу о реализации ленинского Декрета о земле в Казанской губернии, стр. 130.

1917 г. оказалось, что вся помещичья земля, луга и леса взяты крестьянами. При разделе земли разбору никакого не было, всю разделили одинаково: и помещичью, и церковную, и «столыпинскую», и всю прочую, какая бы только ни находилась в собственности» [396].

На Украине, особенно в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях, в ноябре и декабре 1917 г., как правило, брались на учет не только помещичьи, но и кулацкие хозяйства [397].

М. А. Рубач обнаружил в комплекте протоколов Кременчугской уездной земельной управы (за ноябрь 1917 — февраль 1918 г.) сведения об отчуждении излишков земли у 380 кулаков. Он отмечает, что это далеко не все факты отчуждения кулацкой земли в уезде [398].

К весне 1918 г. в целом по стране лишь у части кулаков была конфискована их купчая земля [399].

Осуществлявшаяся бедняками и середняками конфискация кулацких земель углубила раскол в деревне, что было важнейшей предпосылкой распределения всех конфискованных земель в интересах бедноты. Но основная борьба трудящегося крестьянства с кулачеством за землю была впереди.

Конец класса помещиков

Вопрос о ликвидации помещиков как класса не изучен. Известно, что убывание помещичьего землевладения — процесс длительный, но неуклонный: капитализм делал свое дело особенно быстро в последнее десятилетие существования царизма. Спасти помещиков не могла и столыпинская реформа, проводимая за счет разорения и страдания миллионов крестьян. Но сколько осталось у помещиков земли к 1917 г., к сожалению, более или менее точно сказать нельзя.

Ясно, однако, что Октябрьская революция, осуществившая конфискацию помещичьей земли, этой основы многовекового господства дворянства, привела не только к ликвидации помещичьего землевладения, но и к ликвидации класса помещиков.

Нельзя сказать, что дворянство сошло со сцены без борьбы. Напротив, весь 1917 год полон яростными попытками помещиков сохранить власть. Они выступали в тесном блоке со всеми слоями буржуазии при поддержке соглашателей. Но основное сопротивление революции оказывали дворяне, заполнявшие все отрасли государственного аппарата, особенно в армии, где дворянство сохранило преобладание в офицерском корпусе.

Еще до Октябрьской революции помещики не были в состоянии эффективно бороться с крестьянским движением. Теперь, даже сознавая, что приходит конец их собственности, они не могли оказать сколько-нибудь активного противодействия проведению в жизнь Декрета о земле.

---

[396] «1917 год в деревне», стр. 224.
[397] *М. А. Рубач.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине, стр. 229.
[398] Там же, стр. 350—351.
[399] *П. Н. Абрамов.* К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917 г.— май 1918 г.).— «Исторические записки», т. 81.

Лишь в некоторых местах помещики попытались оказать вооруженное сопротивление представителям земельных комитетов, конфисковывавшим их имения. Так, 23 ноября 1917 г. решением Могилевского губернского Совета крестьянских депутатов предлагалось арестовать всех помещиков, которые оказали вооруженное сопротивление конфискации имений [400].

В Гридненской волости Костромского уезда Костромской губернии кулаки, подстрекаемые помещиком, пытались разогнать сход крестьян, обсуждавших советские аграрные законы, и убить крестьянского вожака [401].

В Белоруссии помощь помещикам оказывал мятежный Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого. Видя, с какой яростью польские легионеры защищают помещиков и их добро, крестьяне стали громить помещичьи владения [402]. Декрет о земле нередко приходилось проводить при помощи вооруженной силы. В таких случаях военно-революционные комитеты посылали отряды в деревню для помощи крестьянам в конфискации, а затем и для охраны уже принятых на учет имений. В ряде волостей Белоруссии создавались крестьянские вооруженные отряды для охраны принятых имений [403].

Но в целом по стране после установления Советской власти не пришлось применять военную силу для подавления противников конфискации помещичьих имений. Уже одно это говорило об обреченности класса помещиков. Многие из них так же, как отечественная и международная буржуазия, не понимая, в чем сила Советской власти, наивно надеялись, что она продержится если не несколько недель, то уж никак не дольше нескольких месяцев. Они рассчитывали после падения Советской власти отобрать у крестьян свою землю, скот и инвентарь, благо сохранялись тщательно сделанные описи конфискованных имений. Некоторые помещики надеялись взыскать с крестьян все убытки, понесенные не только после Октябрьской, но и после Февральской революции. Нелегально существовавший Всероссийский Союз земельных собственников в первой половине 1918 г. разослал помещикам письма, в которых просил сообщить, что у них было конфисковано, с тем, чтобы в дальнейшем, т. е. после свержения власти Советов, предъявить счет крестьянам. Из ряда мест страны крестьяне направляли в Наркомзем письма, требуя немедленно положить конец контрреволюционной деятельности Союза земельных собственников. 9 июля 1918 г. коллегия Наркомзема возбудила перед ВЧК дело о Союзе земельных собственников. 16 июля 1918 г. ВЧК сообщила отделу текущей политики НКЗ, что дело Союза земельных собственников закончено и союз ликвидирован [404].

Белоэмигрантские и буржуазные историки и мемуаристы на протяжении всего времени существования Советской власти утверждают, что рабочие и крестьяне жестоко обошлись с помещиками. На деле же в ходе ликвидации помещичьего землевладения наглядно проявилось возросшее классовое самосознание трудового крестьянства. Никаких актов насилия

---

[400] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 57.
[401] *С. И. Родионов.* Проведение в жизнь ленинского Декрета о земле в Костромской губернии, стр. 240.
[402] *Б. М. Фих.* Аграрная революция в Белоруссии, стр. 54.
[403] Там же, стр. 53.
[404] ЦГАОР СССР, ф. 478, оп. 1, д. 78, лл. 97, 96, 89, 90; оп. 6, д. 3, л. 21.

по отношению к помещикам не было. Разум и гуманность народа проявились в том, что крестьяне еще до Октябрьской революции считали необходимым, чтобы после конфискации помещичьей земли государство предоставляло бы бывшим помещикам прожиточный минимум в течение определенного времени. В пункте 1-м крестьянского наказа, вошедшего в Декрет о земле, указывалось, что «за пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования» [405].

Изданная 13 декабря 1917 г. «Инструкция земельным комитетам», по-видимому, исходя из того, что время, вполне достаточное для приспособления бывших помещиков к новым условиям, уже прошло, указывала, что только нетрудоспособные бывшие владельцы имений могут получать ежемесячный прожиточный минимум из доходов своего бывшего хозяйства, определяемый губернским земельным комитетом [406].

Вопрос материального обеспечения нетрудоспособных бывших помещиков был уточнен в статье 8-й «Основного закона о социализации земли». Эти бывшие помещики могли «по удостоверению местных судов и земельных отделов Советской власти... пользоваться правом получения пенсии... в размере существующей солдатской пенсии» [407].

В первых советских законах нет указаний об обязательном выселении из имений бывших помещиков, отказавшихся обрабатывать землю личным трудом.

Вокруг многих помещиков, оставшихся в своих бывших имениях, стали сплачиваться все контрреволюционные элементы деревни. Поэтому, согласно пункту 1-му «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли», изданной Наркомземом 11 апреля 1918 г., «в целях закрепления завоеваний трудового народа земельные отделы Советов должны немедленно выселить, на основании закона о социализации земли ст. 1, 2, 3 и 7, всех бывших помещиков, доверенных и нетрудовых арендаторов из имений...» [408].

В циркуляре отдела текущей земельной политики Наркомзема (16 сентября 1918 г.) всем губернским и уездным земельным отделам говорилось, что «уездные земотделы имеют право по отзывам волостных земотделов, всесторонне проверенным, оставлять некоторых бывших помещиков, которые своей деятельностью не проявили контрреволюционных стремлений и в настоящее время ведут хозяйство, не прибегая к наемному труду на отведенной в их пользование земли и утверждать отвод им земли по норме» [409]. Уездные земельные отделы обязывались не только немедленно сообщать губернскому земельному отделу о каждом случае наделения бывшего помещика землей из его бывшего имения, но и подробно мотивировать такое решение.

Местные Советы и земельные комитеты разрешали бывшим помещикам, покидавшим свои усадьбы, взять с собой предметы личного обихода.

25 апреля 1918 г. в распоряжении Московскому губернскому земель-

---

[405] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 25.
[406] «Экономическая политика СССР», т. 1, стр. 41.
[407] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 408.
[408] «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству (25 октября 1917 г.—25 октября 1918 г.)». М., 1918, стр. 491.
[409] Там же, стр. 962.

ному отделу отдел текущей земельной политики Народного комиссариата земледелия РСФСР указал, что конфискации подлежат все излишние предметы обстановки в том случае, если помещик не владеет в другом месте еще одним домом, который местными властями может быть конфискован полностью.

При выселении всех бывших помещиков, их доверенных и нетрудовых арендаторов им с разрешения уездного земельного отдела выдавались только те предметы личного пользования, которые не были предметами роскоши или произведениями искусства.

Советское аграрное законодательство сохраняло за мелкими собственниками их землю, если ее размеры не превышали местных трудовых норм и если земля обрабатывалась самими владельцами без помощи наемных рабочих [410].

Если помещик изъявлял желание личным трудом обрабатывать часть своей бывшей земли, то ему оставлялись земля из расчета местной трудовой нормы и необходимый живой и мертвый инвентарь.

* * *

Вопрос о крестьянстве — это прежде всего вопрос о союзниках пролетариата в революции. Основным признаком, определяющим характер революции, является переход власти в руки нового класса. «Понятно, что пролетарской революции,— говорил Ленин на VIII съезде партии большевиков,— пришлось начать с основного отношения между двумя враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией. Основной задачей было — передать власть в руки рабочего класса, обеспечить его диктатуру, свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые безусловно являются помехой в деле всякого социалистического строительства вообще» [411].

В борьбе за переход власти в руки рабочего класса, за установление диктатуры пролетариата его союзником выступала крестьянская беднота. Вместе с ним она являлась движущей силой социалистической революции, т. е. была заинтересована в доведении ее до конца. Только переход власти к рабочим, установление диктатуры пролетариата позволили решить земельный вопрос и привлечь на сторону революции основные массы крестьянства.

Кулачество добивалось ликвидации помещичьего землевладения и потому в той или иной мере участвовало в свержении власти помещиков — своих конкурентов в эксплуатации широких масс трудового крестьянства. Но участвовать в революции в целях достижения своих определенных классовых целей отнюдь не значит быть ее движущей силой. Кулаки не были заинтересованы в социалистической революции, а тем более в доведении ее до конца, в ликвидации капитализма. Их цели ограничивались доведением до конца лишь буржуазно-демократической революции. Кулачество было врагом социалистической революции и выступало за сохранение капитализма, за диктатуру буржуазии.

Середняцкие слои крестьянства занимали промежуточное, колеблющееся положение в социалистической революции. Как труженик середняк

---

[410] «Экономическая политика СССР», т. 1, стр. 37, 38.
[411] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 187—188.

готов был поддержать борьбу рабочих и крестьянской бедноты за ликвидацию всех форм угнетения, а как собственник склонялся на сторону буржуазии, не прочь был поддержать ее в борьбе за сохранение капитализма. Учитывая эту двойственную природу середняка, Ленин выдвинул стратегический лозунг по отношению к середняку в социалистической революции — лозунг нейтрализации. Вместе с тем Ленин разъяснял, что нейтрализация середняка не однотипна, не одинакова с нейтрализацией буржуазии в буржуазно-демократической революции эпохи империализма, а коренным образом от нее отличается. Нейтрализовать буржуазию значило не позволить ей захватить руководство массами в буржуазно-демократической революции, сорвать попытки ее главной политической партии — кадетов выдать себя за сторонников народной свободы. Нейтрализация же середняка вовсе не означала устранения его от революции; напротив, она требовала привлечения его на сторону пролетариата.

В. И. Ленин подчеркивал, что в России существовал «истинно-русский» аграрный вопрос [412]. Ни в одной капиталистически развитой стране, прошедшей через буржуазную революцию, не существовало массового революционного движения мелких землевладельцев, боровшихся за переход к ним земель крупных собственников. Капиталистическая деревня знала в основном лишь одну форму борьбы — между наемными рабочими и капиталистическими фермерами. В России же, хотя и являвшейся капиталистической страной, но еще не осуществившей одной из задач буржуазной революции — ликвидации помещичьего землевладения — развивалось массовое революционное движение за землю. Российской деревне были свойственны две социальные войны: общекрестьянская — против помещиков и внутрикрестьянская — между крестьянской беднотой и деревенской буржуазией. Первая социальная война преобладала в 1917 г. В силу этого российский пролетариат мог использовать общекрестьянскую войну против помещиков, особенно борьбу середняка и осуществить его нейтрализацию в форме привлечения на свою сторону и соглашения с ним.

«...Лучшие представители социализма старого времени...,— отмечал Ленин на VIII съезде РКП(б),— говорили о *нейтрализации крестьянства*, т. е. о том чтобы сделать из среднего крестьянства, если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий ей, нейтральный, не становящийся на сторону наших врагов общественный слой» [413].

VIII съезд партии утвердил написанную Лениным резолюцию, в которой специально указывалось: «Съезд напоминает, что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством» [414].

Огромное значение Декрета о земле состоит прежде всего в том, что он решил вопрос о союзниках пролетариата в борьбе за взятие и упрочение власти. Рабочий класс в союзе с крестьянской беднотой сверг диктатуру буржуазии и установил диктатуру пролетариата. Проведением советского земельного закона он добился поддержки самых широких масс крестьянства.

---

[412] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 306.
[413] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 128—129.
[414] Там же, стр. 210.

«Мы победили в России,— писал Ленин,— потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса..., но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $^{9}/_{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону...» [415].

Но значение Декрета о земле не ограничивается привлечением массы крестьян на сторону социалистической революции. Пролетариат привлек эти массы на свою сторону не обещаниями, не заявлениями, а реализацией надежд, чаяний, интересов громадного большинства народа. Диктатура пролетариата была установлена для того, чтобы осуществить важнейшие требования трудящихся, освободить их от гнета империализма, ликвидировать все формы эксплуатации. Веками мечтали трудящиеся крестьяне покончить с безземельем и малоземельем, покончить с кабалой и насилием помещиков. Начертав на своем знамени лозунг освобождения народа от всех форм эксплуатации, насилия и гнета, диктатура пролетариата не могла не приступить сразу к удовлетворению коренных нужд крестьянской бедноты. Именно поэтому, как мы уже отмечали, Ленин заявил на II Всероссийском съезде Советов 26 октября, что «правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле» [416]. Не удивительно, что сразу после принятия Декрета о мире, выражавшего интересы подавляющего большинства населения, II съезд Советов утвердил Декрет о земле. «Победивший пролетариат,— указывал Ленин,— издал «декрет о земле», а в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприировал полностью и без выкупа помещиков» [417]. Впервые в истории крестьянство получило землю из рук победившего рабочего класса. Это превратило союз пролетариата с трудящимся крестьянством в великую силу дальнейшего развития революции. В одном из многочисленных писем,— направленных Ленину крестьянами в начале 1918 г., говорилось: «Приветствуем политику нашей Советской власти и в любое время пойдем на ее защиту. Ибо, защищая ее, мы защищаем свои интересы, защищаем общественные и государственные интересы и завоевания Октябрьской революции» [418].

К оценке Декрета о земле как документа, реализовавшего вековые надежды трудящихся крестьян, Ленин возвращался много раз. В одной из своих последних речей на заседании ВЦИК 31 октября 1922 г. он говорил: «...Наши законы с первого же дня после знаменитого 25 октября 1917 года сразу, в отличие от всех и всяких законов, выступили с положением о земле, которое... все существенное, что для крестьянина абсолютно необходимо, что обеспечивало ему союз с рабочим,— дало» [419].

Величайшее значение Декрета о земле состоит не только в том, что он сразу коренным образом изменил положение большинства крестьян. В отличие от законов всех прошлых революций советский земельный за-

---

[415] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 30.
[416] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 23.
[417] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 13.
[418] *Г. В. Шарапов.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961, стр. 105.
[419] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 247.

кон не только удовлетворил немедленные требования крестьян, но и открыл им путь для избавления от гнета капитала.

Великая французская буржуазная революция, как писал Маркс, «превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников» [420]. Но они попали под гнет капитала, стали жертвами беспощадного классового расслоения, подвергались разорению, оказались прикрепленными к своей парцелле — маленькому клочку земли. Октябрьская революция не только превратила крестьян из полукрепостных в свободных пользователей земли, но и заложила основы для полного избавления их от капиталистической эксплуатации. Декрет о земле, ликвидировавший помещичье землевладение и национализировавший всю землю, вместе с национализацией банков, введением рабочего контроля, национализацией промышленности и другими великими экономическими преобразованиями обеспечил крестьянам переход к социализму.

В этом непреходящее значение ленинского Декрета о земле.

---

[420] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 210.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КРАХ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА. ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1

СОЗЫВ И РОСПУСК УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Саботаж созыва Учредительного собрания правительством буржуазии

Уже борьба с городскими думами и земствами подводила народные массы к пониманию классовой сути буржуазного парламентаризма. Городские думы и земства в подавляющем большинстве своем оказались во главе контрреволюции. Петроградская городская дума активно участвовала в создании «Комитета спасения родины и революции» и столь же активно содействовала войскам Керенского — Краснова в их попытках захватить революционный Петроград. Московская городская дума стояла во главе юнкерского мятежа против Советской власти и являлась основным виновником тысяч жертв, понесенных народом в борьбе с контрреволюцией. Саратовская городская дума также была организатором антисоветского мятежа. Калужская городская дума была центром контрреволюционного мятежа. Так было по всей стране: ни одна остававшаяся под руководством буржуазии и ее соглашательских сторонников городская дума не подчинялась власти Советов без сопротивления, часто вооруженного. Основы той общественной пирамиды, которую предполагалось увенчать Учредительным собранием, оказались, таким образом, контрреволюционными. В этом можно видеть одну из главных причин того, почему народ так быстро отвернулся от Учредительного собрания: борьба с городскими думами и земствами, которым был поручен его созыв и которые поддерживали Учредительное собрание, показала массам его контрреволюционную суть. В литературе это недостаточно подчеркивалось.

Временное правительство по соглашению с Петроградским Советом в своей декларации от 2 марта обязалось созвать Учредительное собрание, но не указало срока созыва. Только почти месяц спустя — 25 марта Временное правительство объявило об учреждении «Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание». Оно формировалось из назначенных правительством председателя, его товарищей, а также назначенных членов или приглашенных лиц. В состав Особого совещания, по положению, включались специалисты государственного права, статистики и другие компетентные лица, а также политические и общественные деятели, «представляющие главные политиче-

ские и национально-политические течения России»[1]. Картина представительства в Особом совещании оказалась следующей: по назначению правительства — 10 человек, от буржуазных партий — 6, от Петроградского Совета — 4, от Совета крестьянских депутатов — 2, от национальных групп — 9. Только после длительных переговоров между Петроградским Советом и Временным правительством число представителей этого Совета было увеличено до 8, а Совета крестьянских депутатов — до 6, а также введены представители мелкобуржуазных националистических партий. Но и после этого в Особом совещании преобладали кадеты (особенно среди приглашенных специалистов — юристов). Председателем Совещания был утвержден член ЦК кадетской партии Ф. Ф. Кокошкин. От большевиков в Совещание входил старый член партии, юрист по образованию М. Ю. Козловский[2].

При Временном правительстве первого состава Особое совещание так и не приступило к работе. Лидер кадетов П. Н. Милюков, отвечая на острую критику слева, пытался оправдать эту бездеятельность Особого совещания «техническими причинами»: будто бы Петроградский Совет слишком долго тянул с ответом о представительстве. Но на деле это был, несомненно, явный саботаж подготовки Учредительного собрания со стороны буржуазного правительства. Понадобилось выступление народных масс в апрельские дни, чтобы устранить правительство Гучкова — Милюкова и в начале мая заменить чисто буржуазное правительство коалицией представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий. Коалиционное правительство тоже обязалось созвать Учредительное собрание, но также не установило срока его созыва.

Однако под давлением растущего революционного движения коалиционное правительство поручило Особому совещанию приступить к работе, и его первое заседание состоялось 25 мая. Оно было открыто напутственной речью министра-председателя князя Г. Е. Львова, довольно откровенно раскрывшего цели, которые преследовала буржуазия. «Учредительное собрание,— говорил Львов,— высший орган государственной воли, воли народной, который должен завершить великую русскую революцию, который должен выработать все основы жизни будущего свободного демократического государства»[3]. Львов призывал «забыть и отвлечься от интересов частных» и все подчинить целому — государству.

Львов, таким образом, признал, что буржуазия стремилась с помощью Учредительного собрания «завершить русскую революцию», т. е. не допустить дальнейшего ее развития и перерастания в социалистическую.

Кадеты, как и сотрудничавшие с ними в правительстве соглашатели, создавали вокруг Учредительного собрания ореол всемогущества. Буржуазные и мелкобуржуазные партии превращали Учредительное собрание в фетиш, откладывали решение всех животрепещущих вопросов до его созыва, сеяли в массах конституционные иллюзии, чем пытались отвлечь их от участия в революционной борьбе.

В то же время кадеты отдавали себе отчет в том, что в сложившихся условиях они не имеют шансов на получение большинства в Учредительном собрании, а потому саботировали его созыв, не назначая срока выборов. Они как бы превращали Учредительное собрание в приманку, на деле

[1] «Речь», 26 марта 1917 г.
[2] После июльских событий он был исключен из состава Особого совещания.
[3] «Речь», 26 марта 1917 г.

всячески отодвигая его. У соглашателей было больше надежд на успех в избирательной кампании, но уверенности в победе не было. Они, так же как и кадеты, добивались, чтобы Учредительное собрание закрепило буржуазную революцию и, на словах требуя его скорейшего созыва, на деле позволяли буржуазии саботировать выполнение и этого требования народа [3а].

Три месяца прошло, пока, наконец, дело подготовки проекта положения сдвинулось с мертвой точки. Однако это не означало прекращения саботажа: работа Особого совещания под различными предлогами затягивалась. Но главное состояло в том, что представляла собой эта подготовка.

Во всех правительственных заявлениях и выступлениях печати правящих партий говорилось, что выборы в Учредительное собрание будут всеобщими, а Особое совещание исключило из состава избирателей довольно большое число лиц. Оно предоставило право голоса избирателям, достигшим ко дню выборов возраста в 21 год. А между тем в армию брали уже 18-летних. Умирать за родину на фронте они получали право, а от выборов отстранялись! Только массовые протесты заставили Особое совещание отступить: право голоса было предоставлено 20-летним, но все же два призывных возраста, сотни тысяч молодых, политически активных людей к выборам не допускались.

Особое совещание исключило из избирательных списков дезертиров. Речь шла о сотнях тысяч людей, которые стихийно протестовали против войны и покидали фронт. И вновь лишь давление масс заставило Особое совещание заявить, что дезертиры будут допущены к выборам, если они явятся в воинские части за семь дней до выборов.

Исключая из списков сотни тысяч избирателей, как правило, из числа трудящихся, Особое совещание не лишило права голоса представителей бывшей династии Романовых, чинов царской охранки и т. п.— все это под предлогом сохранения принципа всеобщности и демократичности выборов. Лишь под давлением массовых протестов Временное правительство отступило и согласилось лишить Романовых активного избирательного права, но предоставить им пассивное право, т. е. они могли быть избранными, но не голосовали.

Временное правительство торжественно обязалось сделать выборы в Учредительное собрание равными, но и это обещание нарушило. Оно утвердило представленное Особым совещанием распределение числа депутатов от избирательных округов. Распределение было произведено так, что промышленные округа выбирали меньше депутатов, чем аграрные: так, Тамбовский округ выбирал 16 депутатов, а Московский — 9, округ Области Войска Донского — 17 (позже было увеличено даже до 19), а Владимирский — 9, Кубано-Черноморский округ — 14 (позже доведено до 16), а Ярославский — 6, Оренбургский — 11 (позже увеличили до 12), а Петроградский — 7 [4]. Особое совещание действовало по тому же принципу, что и царские власти при выборах в Государственную думу: старалось уменьшить представительство рабочих и увеличить представительство крестьян. Нельзя, в частности, не обратить внимания на увеличение числа депутатских мест для казачьих округов.

[3а] Подробнее об отношении партий к Учредительному собранию см.: *О. Н. Знаменский.* Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976, стр. 23—60.

[4] «Речь», 15 августа 1917 г.

С целью ослабить представительство революционных сил Особое совещание лишило моряков-балтийцев права создать самостоятельный округ. Они должны были войти в Финляндский избирательный округ и голосовать совместно с русским населением Финляндии, состоявшим преимущественно из чиновников государственных учреждений.

Не довольствуясь всеми этими типичными для буржуазного парламента уловками, направленными на то, чтобы урезать права трудящихся, Особое совещание возложило организацию выборов на местные самоуправления. Правда, Временное правительство обещало произвести реорганизацию местных самоуправлений, но мы уже показали, как медленно и недемократично проводились эти выборы.

Советы были отстранены от организации выборов, их представительство в избирательных комиссиях не предусматривалось. С самого начала революции Учредительное собрание противопоставлялось Советам как временным организациям. Буржуазная пресса всячески доказывала, что с приходом «всероссийского хозяина», как величалось Учредительное собрание, Советы должны уступить ему место. «Существование Советов,— писала буржуазная газета,— потеряет всякий смысл с открытием Учредительного собрания» [5].

Видный деятель кадетов М. С. Аджемов на майском съезде своей партии, выступая по вопросу о том, какие органы должны проводить выборы в Учредительное собрание, говорил с нескрываемой злобой и презрением: «Если говорят: городские, земские и волостные самоуправления, то для меня понятно, какие это самоуправления, но когда говорят «всякие организации», какие есть на местах, то, позвольте же, какие это организации? Здесь Совет рабочих и солдатских депутатов, там кронштадтская республика, здесь царицынская самочинная организация, там славяно-сербская какая-то республика, в Томске еще республика. Наконец, сегодня — республика, а завтра, может быть, не республика, а Тарутинская — я не помню хорошо — какая-то монархия» [6].

Как видим, задолго до Октября лозунг Учредительного собрания становился лозунгом борьбы против Советов. Отстранение Советов и передача организации выборов в Учредительное собрание местным самоуправлениям вдвойне были выгодны правящим партиям: во-первых, однотипность классовой сути обеих организаций уже обеспечивала интересы буржуазии: во-вторых, решение Особого совещания, согласно которому выборы могли быть проведены по истечении двух месяцев со времени образования волостных и городских самоуправлений на демократических началах, позволяло оттягивать выборы в Учредительное собрание: надо было ждать, пока на необъятных просторах страны завершатся выборы самоуправлений. Председатель Особого совещания Ф. Ф. Кокошкин на VII съезде партии кадетов еще в марте 1917 г. говорил: «Было бы, однако, неправильно предполагать, что Учредительное собрание может собраться в течение двух-трех или даже четырех месяцев, как некоторые полагают» [7]. В качестве решающего довода за отсрочку выборов он выдвигал необходимость создания новых органов местного самоуправления. «Для производства выборов на местах,— говорил Кокошкин,— должны быть созданы органы,

---

[5] «Русские ведомости», 16 июня 1917 г.
[6] «Речь», 15 июня 1917 г.
[7] Там же.

которые могли бы руководить выборной операцией. Этими органами, вероятно, будут органы местного самоуправления, но не нынешние, а будущие, которые будут созданы на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Учитывая длительность этой процедуры, составление списков, время на обжалование ошибок и т. п., «Учредительное собрание,— говорил Кокошкин,— едва ли может быть созвано ранее конца лета» [8].

Коалиционное Временное правительство, т. е. с участием эсеров и меньшевиков, тоже не торопилось с указанием срока созыва Учредительного собрания.

Только 14 июня Временное правительство объявило дату созыва Учредительного собрания — 30 сентября с тем, чтобы выборы провести 17 сентября. Составление избирательных списков возлагалось на волостные земства и городские самоуправления, избранные на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Нетрудно понять, почему именно в эти дни было принято решение о сроках созыва: большевики готовили демонстрацию, в ходе которой, помимо главного лозунга «Вся власть Советам!», выдвигалось требование созыва Учредительного собрания. Менее чем через два месяца — 9 августа — после подавления выступления народных масс в июле Временное правительство отложило созыв Учредительного собрания на 28 ноября, а выборы — на 12 ноября.

Эсеры и меньшевики покорно согласились с этим.

Объявив о переносе выборов в Учредительное собрание, буржуазия одновременно созвала 12 августа контрреволюционное Государственное совещание, т. е. показала, что стремится подменить Учредительное собрание таким органом, где ей обеспечено преобладание. Становилось ясно, что буржуазия ведет дело к срыву Учредительного собрания.

Ко всему этому необходимо добавить, что в правых кругах настойчиво говорили о созыве Учредительного собрания не в Петрограде, а в «спокойной» Москве.

Особое совещание к августу завершило, наконец, составление «Положения о выборах в Учредительное собрание», которое было утверждено правительством. Вместо Особого совещания была создана Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание. Любопытно, что члены этой комиссии утверждались Временным правительством по представлению ликвидируемого Особого совещания [9]. Устанавливалась тем самым прямая преемственность между обеими организациями. В своей деятельности Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание опиралась на проделанную Особым совещанием работу и продолжала ту же линию на урезывание демократичности Учредительного собрания и обеспечение максимально возможного представительства в нем господствующих классов. Так комиссия лишала права участвовать в выборах более 2 млн. солдат, томившихся в плену, опасаясь, что настроение военнопленных окажется отнюдь не в пользу буржуазии, затягивавшей войну [10].

Комиссия постановила выделить при голосовании во фронтовых округах казачьи части, чтобы ослабить тем самым влияние революционизирующихся солдат на казаков. Казаки должны были голосовать независимо от

---

[8] «Речь», 15 июня 1917 г.
[9] «Речь», 25 июня 1917 г.
[10] *Н. Рубинштейн.* Большевики и Учредительное собрание. М., 1938, стр. 27.

того, где они находились, со своими казачьими округами: донцы — с населением Области Войска Донского, кубанцы — с Кубанским округом [11].

Из приведенных данных видно, что обе комиссии Временного правительства многое сделали, чтобы ослабить представительство трудящихся в Учредительном собрании, разумеется, если оно будет созвано. Кадетские юристы, хорошо знавшие буржуазное право, сумели взять из опыта парламентаризма все, что могло способствовать укреплению диктатуры буржуазии. Большое участие в этой подготовительной работе приняло и созданное при Временном правительстве Юридическое совещание, в котором также верховодили кадеты.

Но мы не случайно оговорились: если Учредительное собрание будет созвано. Уверенности в этом не было никакой. Напротив, все говорило о том, что буржуазное правительство готовится под благовидным предлогом снова отложить выборы, чтобы затем совсем отказаться от Учредительного собрания.

Большевики и Учредительное собрание

Требование созыва Учредительного собрания было очень популярно в народных массах. Важную роль в пропаганде лозунга Учредительного собрания сыграла партия большевиков. В первой же своей программе, принятой на II съезде РСДРП(б) в 1903 г., большевики провозгласили ближайшей целью политической борьбы свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания, свободно избранного всем народом. Главная же партия буржуазии — кадеты,— сделавшая в 1917 г. лозунг Учредительного собрания своим идейным знаменем в борьбе против Советской власти, долгое время после своего создания не выдвигала требования созыва Учредительного собрания. Только в период революции 1905 г. кадеты в целях привлечения масс на свою сторону заговорили о созыве Учредительного собрания, не включив, однако, этого требования в свою программу и отнюдь не добиваясь его всенародного характера и полновластия. Напротив, их лидеры тайно от народа не раз вели переговоры с царизмом, пытаясь вступить с ним в соглашение и по поводу Учредительного собрания.

Выдвигая требование созыва Учредительного собрания, большевики, однако, подходили к нему, как и ко всякому общественному институту, с классовых позиций. В борьбе против самодержавия лозунг Учредительного собрания играл революционную роль: оно как бы увенчивало буржуазно-демократическую революцию. Но марксисты всегда выступали против увековечения Учредительного собрания, против его фетишизации, преклонения перед ним во все времена и при всех условиях, ибо в основе его лежала буржуазная идея, будто весь народ и в условиях господства капитала через своих представителей действительно определяет формы государственного устройства. Маркс еще в 1852 г. в своей известной работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» разоблачил фальшивую идею, будто бы в буржуазном парламенте осуществляется действительное «народоправство», «народный суверенитет». «В парламенте,— разъяснял он,— нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю» [12].

---

[11] Там же.

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 205.

На II съезде РСДРП(б), на котором в качестве одной из ближайших целей был принят лозунг Учредительного собрания, в программу партии было включено в качестве конечной цели требование проведения социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Отсюда следовало что большевики борются за более высокую ступень демократии — пролетарскую демократию и в случае столкновения Учредительного собрания с диктатурой пролетариата отдадут предпочтение этой последней. Когда оппортунисты на съезде выступили против внесения в программу требования диктатуры пролетариата, Г. В. Плеханов, тогда еще стоявший на позициях марксизма, произнес свои знаменитые слова: «Успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться... Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент..., то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, *то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели*». Это выступление напомнил Ленин накануне открытия Учредительного собрания [13].

Агитируя в массах за Учредительное собрание, большевики еще в период первой революции требовали не ограничиваться формальным провозглашением лозунга Учредительного собрания, а создавать материальные условия для его созыва. Вопрос сводился к тому, кто может и должен созвать Учредительное собрание, чтобы оно оказалось действительно учредительным и всенародным. Было ясно, что царизм станет противодействовать его созыву, буржуазия в лице кадетов — добиваться сговора с царизмом о дележе власти. «Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать,— писал Ленин,— свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренне хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого» [14].

В. И. Ленин придавал большое значение вопросу о том, кто и при каких условиях созовет Учредительное собрание, а в дальнейшем, когда осенью 1915 г. в России стала подниматься революционная волна и буржуазные и мелкобуржуазные партии заговорили о возможности Учредительного собрания, Ленин отметил в статье «Несколько тезисов», намечавшей тактику партии: «Лозунг «учредительного собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос *теперь* в том, кто созовет его» [15].

После свержения царизма большевики взяли курс на социалистическую революцию. Неиссякаемое творчество рабочих выдвинуло новую форму государственной власти — Советы, представлявшие интересы народных масс несравненно более полно, чем любая парламентская республика. Напомним, что в Апрельских тезисах Ленин писал: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депута-

---

[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 184—185.
[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 13.
[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 48.

тов по всей стране, снизу доверху»[16]. То, что предвидел II съезд РСДРП(б) полтора десятилетия назад, стало фактом: Учредительному собранию сама жизнь, развитие революции противопоставили несравненно более демократическую форму государственной власти — Советы.

Отсюда не следовало, что большевики должны были немедленно выступить против Учредительного собрания. Идея Республики Советов еще не овладела массами, ее нужно было пропагандировать, добиваться ее признания. Большевики видели, что Временное правительство саботирует созыв Учредительного собрания, а вступившие в соглашение с буржуазией эсеры и меньшевики фактически потворствуют этому. Большевики неустанно разоблачали усвоенную Временным правительством тактику затягивания и проволочек, выдвигали вопрос о том, кто созовет Учредительное собрание. Народные массы подводились к пониманию того, что только переход власти к Советам обеспечит созыв Учредительного собрания. На вопрос «Надо ли созывать Учредительное собрание?» Ленин отвечал: «Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление *силы* Советов рабочих, солдат, крестьян и пр. депутатов; организация и *вооружение* рабочих масс — единственная гарантия»[17].

Учитывая, что конституционные иллюзии, распространяемые кадетами и соглашателями, охватили широкие слои населения, не искушенного в политике, большевики ставили перед собой задачу их разоблачения. «Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России,— писал Ленин в известной статье «О конституционных иллюзиях»,— не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы»[18].

Особенно широко распространены были эти иллюзии как раз в связи с Учредительным собранием. Кадеты и соглашательские партии убеждали массы, что страна находится накануне Учредительного собрания, что в России все носит временный и условный характер — придет Учредительное собрание, срок созыва которого уже назван, и установит порядок. Кадеты сеяли эти иллюзии по расчету, меньшевики и эсеры — по причине непонимания законов классовой борьбы и вследствие соглашения их с буржуазией. За соглашателями шли значительные массы мелкой буржуазии. «С самого начала революции наметились,— писал Ленин,— два взгляда на Учредительное собрание. Эсеры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное собрание провозглашено, Учредительное собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого! А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти Советов созыв Учредительного собрания и успех его обеспечен»[19].

С такими взглядами на Учредительное собрание подошла партия большевиков к Октябрьской революции.

Придя к власти, большевики выполнили свое обещание о созыве Учредительного собрания, как и все другие. II Всероссийский съезд Советов в

---

[16] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 115.
[17] Там же, стр. 197.
[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 33.
[19] Там же, стр. 36.

воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам!» от 25 октября 1917 г., написанном Лениным, сообщив о низложении власти Временного правительства и переходе всей власти к Советам, объявил, что Советская власть «обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания» [20]. В Декрете о земле отмечалось, что конфискуемая у помещиков земля, так же как земли удельные и т. п., переходит в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов «впредь до Учредительного собрания» [21]. Наконец, в постановлении II съезда Советов об образовании Временного рабочего и крестьянского правительства говорилось: «Впредь до созыва Учредительного собрания» [22].

27 октября только что сформированный Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление о проведении выборов в Учредительное собрание. Оно гласило:

«1. Выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября.

2. Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в назначенный срок» [23].

Важно подчеркнуть, что в первом же постановлении о созыве Учредительного собрания новая власть сразу пресекла прежние попытки отстранить Советы от проведения выборов: оставив за избирательными комиссиями и городскими думами их обязанности по организации выборов, Советская власть возложила ответственность за обеспечение последних также на Советы и армейские комитеты.

В течение марта — октября 1917 г. правительства всех составов, буржуазные и мелкобуржуазные партии клялись в верности Учредительному собранию, а на деле откладывали его созыв. Учредительное собрание было созвано правительством победившей социалистической революции.

Критики Советской власти до сих пор еще исписывают кипы бумаги, чтобы опорочить большевиков: нельзя было за 17 дней до созыва Учредительного собрания поднимать восстание, надо было подождать... Но, не говоря уже о том, что Учредительное собрание не признало законы о мире и о земле, отвечавшие интересам подавляющего большинства народа, не было никаких гарантий — и никто из противников большевизма не может назвать их,— что старое правительство вообще созвало бы Учредительное собрание.

Говорил же член ЦК кадетов Кокошкин на VII съезде этой партии, что во время войны созыв Учредительного собрания невозможен. А бывший управляющий делами буржуазного Временного правительства В. Д. Набоков впоследствии признавал, что оно хотело отложить выборы до окончания войны, но боялось заявить об этом открыто. «Если бы Временное правительство,— писал Набоков,— чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло сразу объявить, что созыв Учредительного собрания произойдет по окончании войны...» [24]

---

[20] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 11.
[21] Там же, стр. 24.
[22] Там же, стр. 28.
[23] «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 25—26.
[24] *В. Д. Набоков.* Временное правительство.— «Архив русской революции», т. 1. Берлин, 1922, стр. 72.

Эсеровский министр В. М. Чернов подтвердил, что таково было мнение правящих кругов. «Нет сомнения,— признавал он,— что в исключительно трудных условиях русской революции — мировая катастрофическая война и внутренняя катастрофическая разруха — в наших «государственно-мыслящих сферах» немалую силу имела тайная мысль, что с Учредительным собранием лучше бы дождаться конца войны» [25].

Таким образом, остается неопровержимым фактом, что только переход власти к Советам обеспечил созыв Учредительного собрания.

Учредительное собрание — знамя контрреволюции

Кадетам очень хотелось, чтобы большевики сразу отменили выборы в Учредительное собрание, тогда можно было бы обвинить их в попрании демократизма. Но Советская власть разгадала чаяния противника.

Большевистская партия не отказалась от своего обещания созвать буржуазный парламент.

Если передовые слои пролетариата, несомненно, изжили парламентские иллюзии, то в крестьянских массах они еще имели корни. Ленин многократно предупреждал, что партия не должна смешивать руководство членами партии с руководством массами. Большевики считали необходимым подвести народные массы к Учредительному собранию, чтобы они на собственном опыте убедились в его контрреволюционности.

По сведениям Всероссийской избирательной комиссии, в 73 гражданских избирательных округах предполагалось избрать 735 депутатов, от армии — 80, а всего — 815. В подавляющем числе округов выборы состоялись в намеченный срок, в 27 окраинных округах их пришлось отложить на две недели [26].

---

[25] «Год русской революции». М., 1918, стр. 57.

[26] В Кубано-Черноморском округе выборы состоялись в начале февраля 1918 г. и то лишь в Екатеринодаре («Всероссийское Учредительное собрание». Стенографический отчет. М.— Л., 1930, стр. 115). Впервые данные о выборах, но только по 54 избирательным округам, были опубликованы членом Учредительного собрания эсером Н. В. Святицким («Год русской революции. 1917—1918». Сборник статей. М., 1918, стр. 106—111). Он пользовался газетными данными, которые были неполными и в ряде случаев неточными. По его подсчетам, в 54 избирательных округах был избран 601 депутат — 338 эсеров (из них 239 правых, 30 левых и 69 украинских), 156 большевиков и 14 кадетов. По сведениям составителей примечаний к XXII тому 2-го и 3-го изданий сочинений В. И. Ленина, основанным на анкетах депутатов, в Учредительное собрание было избрано 715 человек (412 эсеров, 183 большевика, 17 меньшевиков, 81 представитель национальных организаций, 16 кадетов, 2 народных социалиста и 4 депутата неизвестной партийной принадлежности) (*В. И. Ленин.* Сочинения, изд. 3, т. XXII, стр. 598. М., 1929).

В 1930 г. был опубликован общий список депутатов Учредительного собрания, основанный на архивных данных. Он включал 707 человек (эсеров — 370, левых эсеров — 40, большевиков — 175, меньшевиков — 16, представителей национальных групп — 86, кадетов — 17, энесов — 2, неизвестной партийной принадлежности — 1) («Всероссийское Учредительное собрание», стр. 114—115).

В 1940—1941 гг. Е. Н. Городецкий с научными сотрудниками Р. И. Кроль и З. Л. Кроненбергом изучили по прессе и архивам материалы выборов по 67 избирательным округам, значительно дополнив сведения Святицкого (*Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 436—437). Дополнительные данные о выборах в Учредительное собрание см.: *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, стр. 416—422 — и особенно подробно: *О. Н. Знаменский.* Всероссийское Учредительное собрание, стр. 257—297. Однако новые данные, как справедливо подчеркивает О. Н. Знаменский (имея в виду и свои материалы), «нисколько не поколебали выводов, сделанных В. И. Лениным

По 67 избирательным округам в выборах участвовало 44 433 309 человек из общего числа избирателей 90 млн. [27] Число воздержавшихся от голосования составляло более 50%! Это можно объяснить рядом причин, главные из которых — охлаждение масс к Учредительному собранию, поскольку основные вопросы революции (о мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне, о введении рабочего контроля) решались Советской властью, и апатия после выборов в местные самоуправления, ничего не изменивших в положении трудящихся. В 54 избирательных округах большевики получили 9,02 млн. голосов (25%), эсеры и меньшевики с примыкающими к ним группами — 22,62 млн. голосов (62%), кадеты и другие партии помещиков и буржуазии —4,62 млн. голосов (13%) [28].

Глубокий классовый анализ статистических данных о выборах впервые дал Ленин в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» [29]. Напомним эти выводы Ленина.

Выборы ярко подтвердили, что большевики являются партией пролетариата. В Петрограде они получили (округленно) 45% голосов избирателей, а в столичной губернии — 50, в Москве — 50, в Екатеринбурге — 43, в Иванове — 64, в Твери — 47, в Ярославле — 47, в Красноярске — 58, в Ревеле (Таллине) — почти 48%. В целом по 67 губернским городам за большевиков голосовало 36,5% [30]. «Большевики имели за собой,— таков важнейший вывод Ленина,— не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунистами *революционный* авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах» [31]. В обеих столицах большевики получили почти в 4 раза больше голосов, чем эсеры, и больше, чем эсеры и кадеты вместе взятые. Меньшевики получили в столицах только по 3% голосов.

В армии большевики также имели политические «ударные кулаки»: получив почти половину голосов армейских избирателей вообще, большевики имели подавляющий перевес на Северном и Западном фронтах, наиболее близких к столицам. К этому следует добавить, что в большинстве городов, где были расположены гарнизоны, солдаты голосовали преимущественно за большевиков [32]. Это означало, что наиболее организованная часть крестьянской бедноты, которая преобладала в армии, шла за большевиками.

В своем анализе выборов в Учредительное собрание Ленин ответил и на вопрос, почему правым эсерам, поддержанным другими мелкобуржуазными партиями, удалось получить преобладание. Основной причиной было то обстоятельство, что партия эсеров, фактически распавшаяся на две, выступала на выборах с единым списком — левые эсеры организационно оформились как самостоятельная партия только после Октября. При этом руководство эсеровской партии, зная о настроениях масс, ставило в изби-

---

в конце 1919 г. ...» (стр. 270). Тем не менее вопрос этот все еще требует дальнейшего исследования.

[27] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 437.

[28] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 2. Дополнительные данные еще по 13 избирательным округам, превышающие данные Н. В. Святицкого на 8 миллионов голосов, не изменяют пропорции между партиями (*Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 437).

[29] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 1—24.

[30] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 437.

[31] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 6.

[32] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 438—439.

рательных списках левых эсеров на последние места. Так, в списке эсеров по Москве сначала шли Руднев, Минор, а затем левая эсерка Биценко. Избиратель, желавший голосовать за левого эсера, вынужден был в качестве, так сказать, «принудительного ассортимента», голосовать и за руководителей юнкерского мятежа в Москве. Этот вывод косвенно подтверждается и тем, что в немногих случаях, когда левые эсеры выступали самостоятельно, они получали значительно больше голосов, чем правые. Так, в Петрограде левые эсеры получили 16,2% голосов, а правые — 0,5%; на Балтийском флоте за левых эсеров голосовало почти 30%, а за правых в 3 раза меньше — около 10%; в Казанском округе, где в течение революции преобладали левые эсеры, они собрали более 30% голосов, а правые — всего 1,2% [33]. Вопрос, несомненно, нуждается в дальнейшем исследовании. Но и уже имеющиеся данные говорят о том, что деревня голосовала за несуществующую партию — от правых эсеров массы давно отвернулись.

Немалое значение в успехе эсеров имело и то, что выборы состоялись всего через каких-нибудь две-три недели после победы вооруженного восстания в Петрограде. В столь короткий срок трудно было довести до глубинных масс сведения о революции и особенно показать на деле, что несут с собой декреты Советской власти. Конечно, их принятие и публикация сыграли гигантскую роль в привлечении широких масс на сторону революции, но тем не менее нужно было известное время, чтобы массы поняли всю грандиозность переворота и все последствия победы социалистической революции.

К этому следует добавить и те жульнические приемы, к которым прибегали верховодившие в избирательных комиссиях кадеты, эсеры и меньшевики. Во многих местах избиратели не получали списков большевистских кандидатов, часть избирателей не попадала в избирательные списки, сложная система выборов не разъяснялась. Попы в церквах призывали не голосовать за большевиков.

Крестьянин П. С. Бабичев в своих воспоминаниях рассказывает, как проходили выборы в деревне Курской губернии. В назначенный день пришли в школу избиратели. Им вручали списки. Большинство читать не умеет. «Сперва спрашивали,— рассказывает автор,— «за кого будешь голосовать, тетка?» Потом и спрашивать перестали. «Пиши, как знаешь». И значит, все голоса по милости вот этой забитости пали на эсеров» [34].

Прежде всего кадеты использовали Всероссийскую комиссию по выборам, в которой их партии и правым эсерам принадлежало большинство и которая стояла на позициях непризнания Советской власти. Еще 7 ноября 1917 г., накануне выборов, заместитель председателя Всероссийской комиссии В. Д. Набоков разослал телеграмму всем местным избирательным комиссиям: «Совершавшиеся в Петрограде, Москве и других городах печальные события самым неблагоприятным и тяжелым образом отразились на всем выборном производстве». Далее он уточнял, что нарушения в работе транспорта привели к тому, что на места не были доставлены вовремя бумага и конверты, что некому будет удовлетворять ходатайства с мест о допущении изменений избирательного закона, так как «это право принадлежит Временному правительству» [35]. Набоков сообщал, что работы

---

[33] Там же, стр. 441.
[34] «1917 год в деревне (Воспоминания крестьян)». М., 1967, стр. 35.
[35] «Всероссийское Учредительное собрание», стр. 151.

Всероссийской комиссии были прерваны 25 октября, когда восставшие захватили Мариинский дворец, где размещалась комиссия. «Во многих частях России,— клеветал он,— события повлекли за собою полную анархию, сопровождающуюся террором. Выборы неминуемо будут происходить в напряженной атмосфере гражданской войны и усобицы, грозящей исказить народное представительство». В тот же день и председатель комиссии Н. Н. Авинов потребовал от всех комиссий сообщить, как отразились последние события на организации выборов [36].

Совнарком дважды — 6 и 13 ноября — требовал от комиссии отчета об организации и ходе выборов, но комиссия, получив первое требование, постановила: «Оставить без рассмотрения» [37]. Та же тактика игнорирования Советского правительства продолжалась и в дальнейшем.

Отказавшись явиться на вызов Советского правительства, Н. Н. Авинов 14 ноября выступил с докладом о ходе выборов в Учредительное собрание [37а] на заседании подпольного Временного правительства [37б]. Подпольное Временное правительство заслушало также доклад Н. Н. Авинова об указе о созыве Учредительного собрания и поручило докладчику представить проект указа: самозванное правительство решило взять в свои руки созыв Учредительного собрания.

17 ноября враждебные большевикам газеты поместили воззвание оставшихся на свободе бывших членов Временного правительства об открытии Учредительного собрания 28 ноября в здании Таврического дворца.

Опубликование в печати антисоветского воззвания раскрыло замыслы контрреволюции. Советская власть приняла меры против ее враждебной деятельности. 20 ноября СНК постановил взять организацию комиссии по созыву Учредительного собрания в свои руки. Три дня спустя, 23 ноября, по приказу СНК кадеты и правые эсеры — члены Всероссийской комиссии были арестованы (их освободили 27 ноября), а М. С. Урицкий был назначен комиссаром над Всероссийской комиссией с правом смещения ее членов и назначения новых с целью обеспечения правильности работы.

21 ноября Ленин внес во ВЦИК проект декрета о праве отзыва депутатов, сопроводив его обстоятельным комментарием. Он говорил о рево-

---

[36] Там же, стр. 152.

[37] «Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии». Пг., 1917, № 6.

[37а] «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 213.

[37б] Временное правительство было низвергнуто 25 октября 1917 г. Глава бывшего правительства А. Ф. Керенский находился в бегах, а большинство министров посажены в казематы Петропавловской крепости. Но, действуя в соответствии с замыслом ЦК кадетов, оставшиеся на свободе заместители министров вместе с группой освобожденных Советской властью так называемых министров-социалистов — К. А. Гвоздев, А. М. Никитин, С. Н. Прокопович — решили продолжать деятельность Временного правительства (*В. Д. Набоков.* Временное правительство.— «Архив русской революции», кн. I, стр. 89—91; *А. А. Демьянов.* Моя служба при Временном правительстве.— «Архив русской революции», кн. IV, стр. 60, 120). С этой целью был составлен подложный протокол заседания Временного правительства от 17 августа за номером 157а, согласно которому заместители министров, в случае отсутствия министров на заседании правительства, получали право решающего голоса. На основании этого сфабрикованного документа самозванное Временное правительство издавало распоряжения против Советской власти, выудило из Государственного банка до 40 млн. рублей, из которых, в частности, выплачивало жалованье чиновникам-саботажникам. Подпольное Временное правительство действовало с 6 по 16 ноября 1917 г. («Красный архив», 1924, т. 6, стр. 195—221).

люционных, народных началах советской системы, преимуществах советской демократии перед буржуазной, о путях развития и совершенствования советской демократии. Ленин напомнил, что право отзыва выросло из практики Советов и подчеркнул, что юридическое оформление его поднимет Советы — эти «наиболее совершенные носители идеи государственности» — на новую ступень демократизма.

Далее В. И. Ленин показал, какие дополнительные обстоятельства заставляют настаивать на введении права отзыва в канун Учредительного собрания: выборы в него проходили по старым спискам, когда партия эсеров выступала еще как единая организация, и многие крестьяне, да и другие избиратели были введены, таким образом, в заблуждение. Нужно представить массам возможность внести коррективы,— заключил Ленин [38].

ВЦИК принял предложенный Лениным проект декрета; принцип отзыва вошел затем в Конституцию 1918 года, он действует и поныне.

Что же касается Учредительного собрания (как и любого другого представительного учреждения), то декретом было определено: съезды Советов рабочих и солдатских и Советов крестьянских депутатов, созванные в каждом соответствующем избирательном округе, имеют право назначать перевыборы депутата (или депутатов), посланных ранее от данного избирательного округа в это собрание. Сами же перевыборы происходят обычным порядком — через всеобщее голосование [39].

В. И. Ленин в выступлениях на II съезде Советов крестьянских депутатов и в «Тезисах об Учредительном собрании» настаивал на том, чтобы в каждой губернии, городе, в деревне крестьяне требовали отзыва не отвечающих их интересам депутатов.

II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов принял специальную инструкцию о немедленном отзыве тех членов Учредительного собрания, которые выступают против Советской власти.

ВЦИК также обратился ко всем Советам и армейским организациям с призывом принимать решения об отзыве и перевыборах. «Президиум,— говорилось в обращении ВЦИК,— видит в этом один из лучших способов отпора тем партиям и группам, которые хотят использовать Учредительное собрание против власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [40].

В ряде избирательных округов трудящиеся действительно воспользовались своим новым правом. Так, губернский съезд Советов крестьянских депутатов в Пскове постановил отозвать избранного прежде в Учредительное собрание правого эсера Г. К. Покровского. Смоленский Совет принял решение отозвать из Учредительного собрания Е. К. Брешко-Брешковскую, А. А. Аргунова и В. В. Подвицкого. Съезд представителей 12-й армии потребовал отозвать прежде избранных им в Учредительное собрание Н. Д. Авксентьева, А. Р. Гоца, М. А. Лихача и В. А. Колерова [41].

26 ноября Совнарком принял решение о том, что первое заседание Учредительного собрания должно будет собраться по приглашению ко-

---

[38] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 106—107, 109—111.

[39] Дополнительные данные о прохождении декрета через Президиум, фракции и пленум ВЦИК см.: *А. И. Разгон.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата, стр. 255—267.

[40] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 303.

[41] «Всероссийское Учредительное собрание», стр. 183, 187.

миссара Всероссийской комиссией по выборам после прибытия в Петроград более 400 членов Учредительного собрания. Заседание могло открыть только лицо, уполномоченное Совнаркомом [42].

Вопреки этому постановлению кадеты, эсеры и меньшевики принимали все меры к тому, чтобы довести до конца свой план самочинного открытия Учредительного собрания. Они призвали организовать 28 ноября антисоветскую демонстрацию.

Петроградская дума, распущенная Советской властью, на тайном заседании постановила: объявить 28 ноября «днем национального всероссийского праздника»; уведомить об этом все городские думы и земства [42а].

Руководящей силой подготовки антисоветского выступления были кадеты, полностью поддержанные правыми эсерами и меньшевиками. Накануне демонстрации, вечером 27 ноября Центральный Комитет кадетов обсудил план ее проведения. Учитывая, что выборы не могут быть завершены раньше конца ноября, т. е. кворума не будет, ЦК партии кадетов решил объявить собрание прибывших депутатов совещанием, которое должно избрать председателя Учредительного собрания и ждать приезда остальных депутатов.

Днем 28 ноября толпы демонстрантов — юнкера, чиновники (нередко вооруженные) — смяли охрану Таврического дворца, чтобы дать возможность для самочинного открытия Учредительного собрания. Демонстранты шли со знаменами, на которых было написано: «Вся власть Учредительному собранию!» Ворвавшись в Таврический дворец, несколько десятков членов Учредительного собрания объявили себя частным совещанием. Большего было сделать нельзя, так как в Петрограде к этому времени собралось всего 170 депутатов.

В тот же день эсеровские депутаты попытались собраться в Таврическом дворце вторично, но отряд моряков закрыл это незаконное собрание.

Организованная кадетами при поддержке правых эсеров попытка захватить в свои руки открытие Учредительного собрания была связана с деятельностью контрреволюции в других районах России. Конечно, и до этого было ясно, кто стоит за спиной Каледина и Дутова, Центральной рады и алашордынцев. Но организацией антисоветской демонстрации кадеты сами показали, кто связывает отдельные контрреволюционные звенья в единую цепь, кто играет роль штаба всероссийской контрреволюции.

Вечером 28 ноября состоялось заседание Совета Народных Комиссаров, на котором был принят «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции», написанный Лениным. Декрет вступал в силу с момента его подписания, т. е. немедленно.

На следующий день было опубликовано правительственное сообщение о заговоре и подготовке кадетами восстания. В нем разоблачались контрреволюционная работа кадетской Всероссийской избирательной комиссии и попытка кадетов с помощью вооруженных офицеров и юнкеров открыть Учредительное собрание и выдать голоса нескольких десятков депутатов за голос Учредительного собрания. «Совнарком,— говорилось в сообщении,— обязуется не слагать оружия в борьбе против кадетской партии и ее калединских войск. Фактические вожди контрреволюционной граж-

---

[42] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 159.

[42а] *О. Н. Знаменский.* Всероссийское Учредительное собрание, стр. 299, 306.

данской войны будут арестованы. Буржуазный мятеж будет преодолен, чего бы это ни стоило»[43].

Выступление кадетов в Петрограде окончательно раскрыло их замыслы: они хотели сделать Учредительное собрание центром, вокруг которого сплотились бы все враждебные большевикам силы.

После неудачи 28 ноября контрреволюция стала готовиться к новой попытке, приуроченной к открытию Учредительного собрания. Она черпала уверенность в успехе в обострении гражданской войны на Дону, на Украине и в некоторых других районах, где усиливалось сопротивление установлению Советской власти. Разоблаченные как организаторы гражданской войны и объявленные врагами народа, кадеты как бы ушли в тень и начали выдвигать вперед в качестве руководителей контрреволюции правых эсеров. На деле кадеты действовали вместе с ними.

Контрреволюционные партии создали так называемый Союз защиты Учредительного собрания, куда вошли кадеты, эсеры, меньшевики, народные социалисты и т. п. Местные союзы были созданы в Москве и некоторых провинциальных городах. Они вели антибольшевистскую пропаганду и готовились в день открытия Учредительного собрания организовать антисоветские вооруженные выступления.

ЦК партии эсеров мобилизовал к открытию Учредительного собрания свои военные и боевые организации. Организацию при ЦК возглавлял Б. Соколов, во главе петроградской организации был поставлен Г. Семенов[44]. Обе организации занимались созданием тайных боевых эсеровских дружин, вооружая их револьверами и бомбами. Велась работа в Семеновском и Преображенском полках, где эсеры имели своих сторонников в полковых и некоторых ротных комитетах. Они надеялись, что солдаты этих полков выступят в поддержку Учредительного собрания. На стороне эсеров соглашался выступить и 5-й броневой дивизион, офицеры которого принимали участие в заговоре. В других частях гарнизона эсеры не имели никакой поддержки.

Заговорщики намеревались установить связь с Украинской Центральной радой, с Калединым и Алексеевым на Дону, с националистическими организациями на Кавказе, в Поволжье, Сибири, т. е. со всеми контрреволюционными очагами. Правые эсеры предполагали вызвать представителей контрреволюционных организаций, а также Викжеля в Петроград за несколько дней до мятежа[45]. План его сводился к следующему: в день открытия Учредительного собрания предполагалось организовать митинги в гарнизоне и демонстрацию у Таврического дворца. Под ее прикрытием

---

[43] «Правда», 30 ноября 1917 г. О. Н. Знаменский, автор ценной, богатой новыми данными работы о Всероссийском Учредительном собрании, пишет: «Ведущая роль в разработке этих планов принадлежала правоцентристскому руководству партии эсеров. Кадеты... вообще старались держаться несколько особняком» (стр. 300). Но тогда непонятно, почему Совнарком по предложению Ленина принял «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции», т. е. кадетов. Думается, следует различать партию-организатор, каким являлись кадеты, представлявшие буржуазию в целом, и исполнителей-соратников, какими сознательно выступали правые эсеры, верные своей линии соглашения с буржуазией.

[44] О подготовке мятежа подробно рассказано в признаниях самих организаторов (*Г. Семенов.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. М., 1922).

[45] Эсеровский документ об организации мятежа опубликован Е. Н. Городецким («Рождение Советского государства», стр. 443).

эсеровские дружинники во главе с 5-м броневым дивизионом и части, организованные кадетами, движутся к Семеновскому полку, выводят его на улицу и направляются к преображенцам. Затем одни вооруженные части направляются к Таврическому дворцу и охраняют его, а другие тем временем штурмуют Смольный.

С самого начала подготовки выступления решено было обратиться за помощью к союзникам [46]. Правые эсеры и ранее знали дорогу в союзные посольства. Достаточно вспомнить, что еще Авксентьев от имени «Комитета спасения родины и революции» сразу после победы вооруженного восстания в Петрограде был у союзных послов, пытаясь заручиться их поддержкой. Но особенно большую роль сыграли те связи, которые имели с иностранцами кадеты.

Еще 15 ноября ЦК партии кадетов сообщил всем союзным послам, что он не признает «незаконной власти» и считает, что предложения Советской власти о мире не связывают Россию никакими обязательствами. Союзные послы с радостью встретили заявление кадетов, обещав довести его до сведения своих правительств [47].

Союзные послы внимательно следили за ходом избирательной кампании в Учредительное собрание. Собирались сведения не только о выборах в столицах, но и особенно в окраинных районах, которые могли стать и действительно стали позже местом иностранной интервенции [48].

Союзные послы были в курсе планов контрреволюции в отношении Учредительного собрания. 18 (5) ноября 1917 г. американский консул в Тифлисе Ф. Смит сообщил в Вашингтон, что подготовка выборов в Учредительное собрание продолжается. «Члены его от местного района (т. е. Закавказского округа.— *И. М.*),— телеграфировал Смит,— соберутся здесь, если Учредительное собрание в целом не будет созвано в Петрограде» [49].

12 декабря (29 ноября) 1917 г. после провала кадетско-эсеровских планов захватить в свои руки открытие Учредительного собрания американский консул сообщал в Вашингтон: «По официальным источникам, Российское Учредительное собрание будет созвано в Киеве или Новочеркасске, где положение окажется благоприятным для кадетов» [50]. По сведениям Смита, кадеты считали, что в Петрограде Учредительное собрание может оказаться под германским влиянием, а в Москве будет разогнано большевиками. Называя Киев и Новочеркасск как места предполагаемого созыва Учредительного собрания, американский консул с удовлетворением отмечал: «Любой из этих двух центров будет благоприятным для влияния союзников». Сообщив, что бывшие члены Временного правительства предпочитают созвать Учредительное собрание в Киеве, консул добавил: «Я лично склоняюсь к тому, чтобы Учредительное собрание созвал думский комитет во главе с Родзянкой». Он советовал государственному секретарю срочно послать его или какого-нибудь другого дипломата в Новочеркасск и Екатеринодар поговорить об этом с Родзянко и генералом Алексеевым. Разумеется, это было личным предложением Смита, но

---

[46] *Г. Семенов.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг., стр. 12.
[47] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, стр. 445.
[48] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 468.
[49] Там же, стр. 581.
[50] Там же, стр. 589.

тот факт, что он высказал его в официальном обращении к Лансингу, достаточно говорит о заинтересованности союзников в планах контрреволюции, связанных с Учредительным собранием.

Это подтверждает и донесение американского генерального консула в Москве М. Саммерса. 18(5) декабря 1917 г. он сообщал Лансингу, что победа Каледина и Алексеева «несомненна». Они ликвидируют большевистское движение скорее, чем предполагалось, восстановят армию и покончат с анархией в России. «Они также гарантируют,— уверял Саммерс,— существование и деятельность Учредительного собрания, которое большевики угрожают разогнать» [51]. Надежды кадетско-эсеровской контрреволюции на помощь союзников имели под собой известные основания: лозунг Учредительного собрания был общим лозунгом российской контрреволюции и международных империалистов.

Тем временем в Петроград продолжали прибывать депутаты Учредительного собрания. В Таврическом дворце приступили к работе фракции политических партий. Возглавляли большевистскую фракцию Каменев, Зиновьев, Рыков и Рязанов. Их заявления и предложения показывали, что они сползают на буржуазно-демократические позиции оценки Учредительного собрания как действительного представителя народа и органа власти. Проведение такой линии в сущности было наруку кадетско-эсеровской контрреволюции. 11 декабря Центральный Комитет партии большевиков обсудил положение во фракции «ввиду того,— как записано в протоколе,— что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК» [52]. Ленин предложил сместить бюро фракции, занявшее небольшевистскую позицию, изложить членам фракции в виде специальных тезисов позицию партии по отношению к Учредительному собранию, напомнить фракции устав партии о подчинении фракций всех представительных учреждений Центральному Комитету, назначить члена ЦК для руководства фракцией и выработать устав фракции [53]. Центральный Комитет постановил созвать фракцию, сделать на ней доклад от ЦК, обсудить тезисы об отношении к Учредительному собранию, провести перевыборы бюро фракции и усилить ее представителями ЦК.

12 декабря Ленин прочитал на заседании большевистской фракции Учредительного собрания составленные им по поручению ЦК тезисы.

В тезисах Ленин писал, что большевики внесли в программу партии требование созыва Учредительного собрания, «так как в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма». Но «империалистическая республика с Керенским во главе» готовила подделку выборов, нарушая демократизм. Большевики, выставляя требования созыва Учредительного собрания, много раз заявляли, что «республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием» [54]. Ленин подчеркивал также, что республика Советов — единственная форма, способная обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму. Далее в тезисах отмечалось, что списки кандидатов в Учредительное собрание были

---

[51] Там же, стр. 593.
[52] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, стр. 160.
[53] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 160.
[54] Там же, стр. 162.

составлены в середине октября, до победы социалистической революции, когда партия эсеров выступала как единая. После Октября партия эсеров раскололась, и в силу этого многие депутаты, прошедшие по старым спискам, не выражают истинную волю избирателей. И, что еще более важно, «классовым источником несоответствия между волей народа и особенно трудящихся классов, с одной стороны, и составом Учредительного собрания, с другой» [55], является то, что уже после представления списков кандидатов произошла социалистическая революция, коренным образом изменившая соотношение классов. Начавшись в столице, она охватила армию и всю страну. За это время произошли смещения и перевыборы старых верхушечных организаций — армейских комитетов, губернских крестьянских Советов и т. п., которые «выражали пережитую, соглашательскую, полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап, и которые неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс» [56].

К этому Ленин добавил, что гражданская война, развязанная кадетско-калединской контрреволюцией, исключает возможность решать острые вопросы «формально-демократически», голосованием в представительных учреждениях, а требует беспощадного военного подавления мятежа, без чего невозможно обеспечить победу пролетарски-крестьянской революции. «Ход событий,— писал в тезисах Ленин,— и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию»... *стал на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть» [57]. Единственным шансом на безболезненный исход кризиса является быстрое осуществление народом права отзыва депутатов, не отвечающих его интересам, и безоговорочное признание Учредительным собранием Советской власти и ее декретов.

Тезисы Ленина были приняты большевистской фракцией единогласно. 13 декабря они были опубликованы в «Правде».

Между тем в столицу продолжали прибывать депутаты. 20 декабря Совет Народных Комиссаров постановил: открыть Учредительное собрание 5 января 1918 г. при условии наличия установленного кворума из 400 депутатов [58].

Готовясь к открытию Учредительного собрания, глава Советского правительства В. И. Ленин 3 января 1918 г. внес во ВЦИК написанный им проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». По существу это была первая Советская Конституция. Она подводила итог гигантским достижениям великой социалистической революции и намечала дальнейшие перспективы ее развития.

«Декларация» объявляла Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам. Второй пункт «Декларации» гласил: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» [59].

---

[55] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 163.
[56] Там же, стр. 164.
[57] Там же, стр. 164—165.
[58] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 266.
[59] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 221.

Во втором разделе «Декларации» подтверждались все основные законы Советской власти, ведущие к установлению социалистической организации общества: отмена частной собственности на землю и объявление всех земель, со всеми постройками и инвентарем, достоянием всего трудящегося народа; введение рабочего контроля и образование Высшего совета народного хозяйства «в целях обеспечения власти трудящегося народа над эксплуататорами, и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства»; национализация банков. «Декларация» объявляла о введении всеобщей трудовой повинности «в целях уничтожения паразитических слоев общества».

В «Декларации» провозглашалось разоружение буржуазии, вооружение трудящихся и создание Красной Армии. «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров,— гласила «Декларация»,— декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов» [60].

В третьем разделе подтверждались советская политика мира, непреклонное стремление вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, «заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн», и ставилась задача «достижения», во что бы то ни стало, революционными мерами, демократического мира между народами, без аннексий и без контрибуций, на основе свободного самоопределения наций» [61]. «Декларация» поддерживала советскую политику борьбы против порабощения империализмом сотен миллионов людей в колониях и в малых странах и одобряла провозглашение полной независимости Финляндии, вывод русских войск из Персии и объявление свободы самоопределения Армении. Одобрялся советский закон об аннулировании займов, заключенных правительством царя, буржуазии и помещиков.

«Декларация» продолжала линию, намеченную Лениным в его «Тезисах об Учредительном собрании». Она провозглашалась от имени Учредительного собрания. В ней имелся пункт, предлагавший этому собранию признать Советскую власть и присоединиться к ее законам. «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров,— говорилось в «Декларации»,— Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества» [62].

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была принята единогласно и почти без поправок [63]. ВЦИК постановил: «Приведенные выше основные положения должны быть немедленно опубликованы и прочтены официальным представителем Советской власти, открывающим Учредительное собрание, с трибуны Учредительного собрания и лечь в основу деятельности Учредительного собрания» [64].

---

[60] Там же, стр. 221, 222.
[61] Там же, стр. 222.
[62] Там же, стр. 223.
[63] Небольшое изменение было внесено лишь в пункт о земле: было записано, что земля «объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования».
[64] «Правда», 4 января 1918 г.

4 января 1918 г. «Декларация» была опубликована. Таким образом, Советская власть сделала все возможное, чтобы мирно разрешить конфликт, возникший в связи с несоответствием состава Учредительного собрания новому соотношению классовых сил, и указала реальный путь выхода из тупика, в который завели себя правые эсеры и их сообщники.

Но заговорщики продолжали антисоветскую борьбу. Они создали, как отмечалось, союзы защиты Учредительного собрания, которые вели подготовку к захвату власти Учредительным собранием и ликвидации Советской власти. Советское правительство знало об этой деятельности. Оно предприняло еще одну попытку избежать столкновения.

3 января 1918 г. ВЦИК принял написанное Лениным постановление, в котором подчеркнул, что на основании всех завоеваний Октябрьской революции и согласно «Декларации прав трудового и эксплуатируемого народа» «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям». «Поэтому,— говорилось в постановлении ВЦИК,— всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы» [65].

Это предупреждение было также опубликовано в печати, но заговорщики не посчитались с ним. Тем самым они приняли на себя всю ответственность за последствия своей контрреволюционной деятельности.

Потерянный день

5 января 1918 г. контрреволюция попыталась реализовать свой, как ей казалось, тщательно разработанный план. К Таврическому дворцу направлялись демонстрации с плакатами: «Вся власть Учредительному собранию!» Состав их был тот же, что и 28 ноября: бывшие чиновники старой власти, офицеры, буржуазные интеллигенты, студенты, гимназисты. Ни один завод или воинская часть не только не выступили, но и не прислали своих делегаций. Демонстрантам порой удавалось потеснить патрули красногвардейцев и матросов, но дальше они наталкивались на новые, более многочисленные отряды революционных войск. Демонстрантам так и не удалось пробиться к Таврическому дворцу. Кадетские и эсеровские дружинники открывали по войскам стрельбу из револьверов, бросали ручные гранаты, но вооруженные вылазки контрреволюционеров немедленно подавлялись. Как ни тщательно был подготовлен план антисоветского выступления, эта затея с треском провалилась. Не удалось организовать и «гневного протеста» против представителей Советской власти, когда они появились в зале заседания, т. е. устроить парламентскую обструкцию. Напротив, многочисленные группы рабочих, солдат и красногвардейцев, толпившиеся на тротуарах у здания дворца и собравшиеся на хорах зала заседаний, встречали свистом, презрительным смехом и язвительными репликами лидеров контрреволюции.

Собравшись в Таврическом дворце, члены Учредительного собрания распределились по фракциям. Правые эсеры решили выдвинуть в предсе-

---

[65] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 226.

датели В. М. Чернова, а открытие Учредительного собрания, вопреки постановлению об открытии его представителем Совнаркома, поручить старейшему депутату — эсеру С. П. Шевцову. Эсеровская фракция наметила специальную тройку — В. М. Зензинова, А. Б. Эльяшевича и В. В. Руднева, которые из первого ряда должны были дирижировать ее действиями.

Большевики на своей фракции постановили при выборах председателя поддержать кандидатуру левых эсеров М. А. Спиридонову. Открытие собрания решено было, как наметил ЦК РСДРП(б), поручить Я. М. Свердлову от имени ВЦИК. Он должен был огласить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В случае отказа Учредительного собрания обсудить и принять ее фракция большевиков предполагала немедленно покинуть заседание.

Воспользовавшись задержкой большевиков на фракционном заседании, правый эсер С. М. Лордкипанидзе по заранее задуманному плану предложил открыть Учредительное собрание старейшему из его членов. Под свист и протесты слева, под крики: «Долой! Самозванец!» эсер Шевцов взобрался на трибуну и попытался объявить Учредительное собрание открытым. В это время подошел Я. М. Свердлов. Он властно отстранил Шевцова и, перекрывая шум своим громким голосом, объявил от имени ВЦИК об открытии собрания. Затем под бурные аплодисменты слева и со стороны публики на хорах Я. М. Свердлов огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Он выразил надежду, что «истинные представители трудящегося народа, заседающие в Учредительном собрании, должны помочь Советам покончить с классовыми привилегиями» [66].

Огласив декларацию, Я. М. Свердлов предложил приступить к избранию председателя. Лордкипанидзе от правоэсеровской фракции стал говорить, что «Учредительное собрание может только само открыться» и что «нет иной власти, кроме власти Учредительного собрания». Под шум протестов против этого вызывающего заявления он добавил: «Однако на этой почве вам, господа, как бы вы этого ни хотели, мы окончательного боя не дадим, на эту уловку мы не пойдем и на этом формальном поводе разорвать с нами, с Учредительным собранием, мы вам возможности не дадим» [67]. Лордкипанидзе закончил предложением избрать председателем В. М. Чернова.

Сразу вслед за ним выступил представитель фракции большевиков И. И. Скворцов-Степанов. Он разоблачил выпад эсера. «Я прежде всего,— говорил Скворцов-Степанов,— должен выразить изумление тому, что гражданин предыдущий оратор угрожал разрывом с нами... Граждане, сидящие направо, разрыв между нами уже давно совершился. Вы были по одну сторону баррикады с белогвардейцами и юнкерами, мы были по другую сторону баррикады с солдатами, рабочими и крестьянами...» [68]

Поддержанный бурными рукоплесканиями слева и на хорах, Скворцов-Степанов заявил: «Я ответил предыдущему оратору только потому, что он коснулся этого вопроса, для того чтобы не было никаких недоразумений: между нами все кончено. Вы в одном мире с кадетами и буржуа-

---

[66] «Учредительное собрание». Стенографический отчет. Пг., 1918, стр. 1. С некоторыми дополнениями и уточнениями отчет опубликован в кн. «Всероссийское Учредительное собрание».

[67] «Учредительное собрание», стр. 7.

[68] Там же.

зией, мы в другом мире — с крестьянами и рабочими». Покончив с полемикой, он от имени большевиков и левых эсеров предложил в председатели Учредительного собрания М. А. Спиридонову.

Так буквально с первых же минут заседания Учредительного собрания предстали друг против друга два мира: новый, строящийся, созидающий и старый, уходящий в прошлое, представителей которого Ленин очень метко назвал «пришельцами с того света» [69]. Пути буржуазного парламентаризма с его говорильней, казуистическими выпадами, формалистическими уловками был противопоставлен путь советской демократии, расчищающей почву для смелого, творческого создания нового общества. Это противопоставление все резче и ярче вырисовывалось в ходе дальнейшей работы Учредительного собрания.

При голосовании кандидатур в председатели В. М. Чернов получил 244 голоса, а М. А. Спиридонова — 153 [70].

Заняв место председателя, Чернов поблагодарил за избрание и затем произнес длинную речь. Лидер эсеров выступил с призывом к прекращению гражданской войны и примирению борющихся сил, которые должны склониться перед волей Учредительного собрания.

«Учредительное собрание,— заявил он,— представляет собой самое живое единство всех народов России, и потому уже фактом открытия первого заседания Учредительного собрания, уже самим фактом этого открытия провозглашается конец гражданской войне между народами, населяющими Россию» [71].

Полагать, что собрание, не обладающее реальной властью, не имеющее в своем распоряжении никакого аппарата, может одним фактом своего появления, одной декларацией сразу прекратить гражданскую войну, значило уподобиться тем суеверным и невежественным людям, которые открещивались заклинанием: чур! рассыпься!

Но в заявлении Чернова сквозили не только наивность и нежелание считаться с законами классовой борьбы. Суть его состояла в другом: лидер эсеров фактически выступил в роли защитника контрреволюционных зачинщиков гражданской войны — Украинской Центральной рады и калединцев. Не случайно со стороны левой части собрания раздался возглас: «Долой буржуазную Раду, долой контрреволюционную Раду, долой калединцев!»

В своем выступлении Чернов раскрыл задачу Учредительного собрания — не дать Советской власти разгромить ее врагов.

Неудивительно после этого, что Чернов поддержал саботаж капиталистов, пытавшихся сорвать все экономические мероприятия Советской власти. Учредительному собранию, говорил Чернов, «никакой саботаж не страшен», народам России «придется так же мало бояться саботажа, как льву комариного укуса» [72]. Это было явным поощрением саботажников-капиталистов в их преступном стремлении развалить промышленность, свергнуть Советскую власть.

Вся дальнейшая речь Чернова была выдержана в духе соглашательства. Неоднократно заявляя, что Учредительное собрание якобы наглядно

---

[69] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 229.
[70] «Учредительное собрание», стр. 9.
[71] Там же, стр. 13.
[72] Там же, стр. 19.

демонстрирует «волю к социализму», свидетельствует о «тяге к социализму широких народных масс России», Чернов, однако, ни одного слова не сказал о необходимости ликвидации капитализма в стране. Напротив, он фактически выступил за возвращение к дооктябрьскому положению, когда в России при содействии эсеров и меньшевиков осуществлялась диктатура буржуазии. Он высказался против введения рабочего контроля в промышленности и противопоставил ему старую соглашательскую идею государственного контроля, т. е. передачи контроля в руки государства, в котором власть находится в руках капиталистов. Коснувшись первых социалистических преобразований, осуществляемых Советской властью, Чернов говорил об их «скороспелости», называл деятельность Советской власти «азартным и рискованным опытом» и противопоставлял ей «методическое размеренное социальное строительство, которое в последнем счете должно установить равные права всех граждан на трудовое существование...»[73] Чернов откровенно признал, что эсеры выступают за восстановление и укрепление буржуазно-демократического строя, в рамках которого медленно и постепенно, «в последнем счете» страна перейдет к социализму.

Речь Чернова, намечавшая программу Учредительного собрания, была направлена против власти Советов. Фракция большевиков требовала обсуждения Учредительным собранием «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», но правоэсеровское большинство собрания настойчиво уклонялось от этого.

Используя свое количественное преобладание, правые эсеры стремились закрепить его организационно, чтобы полностью взять в свои руки руководство собранием. Вопреки предложениям большевиков и левых эсеров избрать президиум, где были бы представлены все фракции, правые эсеры настояли на том, чтобы ограничиться выбором секретаря. Их доводы сводились к тому, что выборы президиума потребуют много времени[74] и потому лучше, не мешкая, заняться законодательной работой. Правые эсеры явно боялись разгона Учредительного собрания и пытались поскорее протащить свои законы. В секретари президиума выдвинули кандидатуру эсера М. В. Вишняка. От большевиков П. Е. Дыбенко прислал записку с предложением избрать А. Ф. Керенского. На возражение Чернова, что Керенский отсутствует, слева последовала язвительная реплика: «Председателю Чернову наиболее подходящий секретарь»[75]. В секретари был избран эсер Вишняк.

Левые эсеры выступили против стремления черновцев уйти от обсуждения «Декларации». И. З. Штейнберг от имени фракции левых эсеров заявил: «Мы полагаем, что все те речи, которые мы сегодня выслушали из уст председательствующего, который старался наметить порядок занятий Учредительного собрания,— это речи не новые, речи давно нами слышанные и речи, давно уже жизнью опровергнутые»[76]. Критикуя высказывания Чернова, Штейнберг настаивал на принятии «Декларации». «Фракция левых эсеров предлагает,— говорил он,— народному Учредительному собранию в первую очередь смотреть как на священную обязанность здесь обсудить и принять эту программу, которая создана кровью и слезами трудового народа, программу, здесь оглашенную, в изложении Центрального Испол-

---

[73] Там же, стр. 16.
[74] Там же, стр. 22.
[75] Там же.
[76] Там же, стр. 32.

нительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [77].

Но правоэсеровское большинство Учредительного собрания не вняло этим призывам. На трибуну поднялся И. Г. Церетели — лидер меньшевиков, бывший министр Временного правительства и непримиримый враг большевизма.

Появление Церетели на трибуне вызвало резкие протесты. Речь его прерывалась свистом, гневными восклицаниями. Под градом язвительных реплик, напоминавших бывшему министру, к чему привела соглашательская политика, Церетели заявил, что не будет отстаивать прошлую политику, а будет критиковать современную политическую деятельность большевиков. Он твердил, что новое правительство якобы ничего не добилось ни в области промышленности, ни в продовольственном вопросе, ни в передаче земли крестьянам. Церетели еще откровеннее, чем Чернов, ратовал за буржуазный парламентаризм, в условиях которого, по его мнению, пролетариат должен был созреть, окрепнуть, а потом уже пойти дальше. Церетели призвал считать единственной властью Учредительное собрание, к которому-де меньшевики стремились, но не ответил на реплики, почему они его не созвали, а вместе с буржуазией откладывали его созыв.

Выступление лидеров эсеров и меньшевиков свидетельствовало о том, что революция их ничему не научила: они продолжали повторять то, что отражало уже прошедший этап революции. «Точно история,— писал Ленин,— нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года!

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий «социального», луиблановского фразерства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое» [78].

Большевики снова, уже в письменном виде, потребовали обсуждения «Декларации». Вопрос был, наконец, поставлен на голосование: против обсуждения выступило 237 членов Учредительного собрания, за — 146.

Со стороны большинства Учредительного собрания это было уже прямым противопоставлением себя Советской власти, власти рабочих и крестьян, победа которых в Октябрьской революции обеспечила возможность созыва самого собрания: контрреволюционное большинство отказалось признать власть Советов и ее декреты. Большевики и левые эсеры потребовали перерыва для обсуждения создавшегося положения.

После перерыва большевики огласили написанную Лениным «Декларацию». В ней подчеркивалось, что ВЦИК, выполняя волю большинства трудящихся — рабочих, солдат и крестьян,— предъявил Учредительному собранию требование признать завоевания Октябрьской революции, советские декреты о мире, земле, рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов. Но большинство Учредительного собрания, выполняя волю буржуазии, отвергло это предложение. «В Учредительном собрании,— говорилось в заявлении большевиков,— получила большинство партия правых эсеров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Это партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой бур-

---

[77] «Учредительное собрание», стр. 33.
[78] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 229.

жуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контрреволюционной» [79].

Заклеймив измену правых эсеров, большевики заявили, что не желают прикрывать преступления врагов народа и покидают Учредительное собрание, а решение вопроса об отношении к оставшейся контрреволюционной его части передают Советской власти.

Левые эсеры сначала проявили колебания и остались на заседании. Они предложили Учредительному собранию немедленно принять хотя бы тот пункт «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где говорилось о советской политике мира. Большинство членов Учредительного собрания не приняло их предложения, и они также покинули заседание, заявив, что решение большинства есть «продолжение все той же политики лицемерия и трусости как путь, на который большинство встало с самого начала нынешнего заседания...» [80].

Оставшиеся члены Учредительного собрания продолжали выполнение задуманного эсерами плана проштамповать до неминуемого роспуска Учредительного собрания подготовленные ими законопроекты. Ветер революции сбросил в мусорный ящик истории эти решения, но они позволяют еще раз выпукло показать контрреволюционный характер партий, выдвинувших их. «Законы» эти принимались без прений, без поименного голосования (хотя председательствующий несколько раз заявлял, что оно будет проведено), даже без подсчета голосов,— так торопились контрреволюционные члены Учредительного собрания.

Едва левые эсеры оставили зал, как Чернов начал зачитывать предложенный правыми эсерами «Проект основного закона о земле». После прочтения 10 пунктов его прервал начальник караула матрос А. Железняков, потребовавший ввиду усталости караула прекратить заседание Учредительного собрания. Чернов поставил зачитанные им 10 пунктов на голосование, и они были приняты Учредительным собранием [81]. Остальные пункты закона о земле Чернов предложил передать специальной комиссии Учредительного собрания.

В эсеровском законе не было даже упоминания о советском Декрете о земле и ничего не говорилось о том, что во многих районах России он уже был реализован. Правые эсеры не осмелились выступить против ликвидации частной собственности на землю и в первом же параграфе проекта записали: «Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется» [82]. Однако в эсеровском основном законе о земле отсутствовало предложение конфискации помещичьей земли, чего требовали массы крестьян. Напротив, отмена собственности на землю была сформулирована так, что требование конфискации помещичьей земли потонуло в туманно сформулированном пункте: «Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат сему закону, отменяются». По точному смыслу пункта получалось, что отменяется и собственность крестьян на купленную ими землю.

---

[79] Там же, стр. 227.

[80] «Учредительное собрание», стр. 107.

[81] Обнародованные на заседании Учредительного собрания и принятые им первые 10 пунктов «Проекта основного закона о земле» были опубликованы в газете «Дело народа» 7 января 1918 г. под названием «Закон о земле».

[82] Там же.

Но суть правоэсеровского закона состояла не только в том, что его авторы растворили требование ликвидации помещичьего землевладения в общем пункте о ликвидации земельной собственности. Замысел правых эсеров скрывался в пункте третьем: «Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления на основаниях, установленных настоящим законом» [83]. Здесь, как говорится в поговорке, была собака зарыта... Распоряжение землей передавалось государственным органам, а правительством же, как надеялись эсеры, будет не Совет Народных Комиссаров, а коалиция буржуазных партий с черновыми и церетели. Во имя этого и велась борьба.

Именно эти надежды высказывали лидеры эсеро-меньшевистской контрреволюции. Чернов в своем выступлении критиковал советский Декрет о земле, призывая «из области голых лозунгов и общих формул перейти, наконец, в область осуществления, в область реального, действительного, общегосударственного, уравнительного, трудового землеустройства» [84]. Разглагольствуя в обычной для правых эсеров манере, Чернов заявил: «... вся Рооссия ждет, чтобы вместе с Учредительным собранием всероссийским и Учредительными собраниями всех народов и территорий России было, наконец, приступлено к действительной реализации народных желаний, которым угрожает слепой разгул стихии, и вместо беспорядочного расхищения общего достояния произошло в государственных формах действительно справедливое распределение земли в уравнительное пользование между всеми трудящимися...» [85]

Чернову вторил Церетели, также отвергавший советский Декрет о земле, следствием которого будто бы явилось то, что «земельное богатство страны беспорядочно расхищается более состоятельными группами деревенского населения и кулаками и выплывает из рук тех беднейших слоев крестьянства, которым революция обещала землю» [86]. Церетели требовал передать дело «укрепления земли за народом» Учредительному собранию и созданному им правительству. И он в сущности призывал к ликвидации власти Советов и восстановлению диктатуры буржуазии.

Предательство партией эсеров трудового крестьянства, чьи интересы были изложены в 242 наказах, наглядно видно при анализе всего «Проекта основного закона о земле», подготовленного аграрной комиссией фракции этой партии в Учредительном собрании и опубликованного в центральном органе партии эсеров — газете «Дело народа» [87]. В проекте предлагалось конфисковать, правда, без выкупа, лишь земли, леса и воды. В законе, претендовавшем на исчерпывающее разрешение земельного вопроса, говорилось о праве крестьян собирать в лесу грибы и ягоды, мед пчел и дикорастущие плоды. Однако в законопроекте ни слова не говорилось о конфискации живого и мертвого инвентаря частновладельческих хозяйств, конных заводов, рассадников племенного скота, сельскохозяйственных пред-

---

[83] «Дело народа», 7 января 1918 г.
[84] Там же, стр. 15.
[85] Там же, стр. 16.
[86] Там же, стр. 48.
[87] «Проект основного закона о земле» в редакции аграрной комиссии фракции социалистов-революционеров был опубликован в газете «Дело народа» 28 декабря 1917 г. (первые 29 пунктов) и 3 января 1918 г. (пункты 30—49). В разделах «Пользование недрами», «Пользование лесами», «Пользование водами» в пунктах 48—49 говорилось об условиях пересмотра закона.

приятий, усадебных построек и т. д. Следовательно, помещики оставались собственниками построек и всего своего движимого имущества. Совершенно был обойден вопрос о конфискации излишнего кулацкого инвентаря, на чем настаивало трудовое крестьянство в 242 наказах. По эсеровскому законопроекту бедняки могли получить лишь землю без средств ее обработки, что неизбежно привело бы к сосредоточению земли в руках кулачества, имевшего капитал, живой и мертвый инвентарь.

Эсеры, уверявшие, что они вводят в деревне социализм через социализацию земли с помощью уравнительного передела всех земель, на деле отказались от уравнительного передела, формально провозглашенного в их законопроекте. Передел земли должен был осуществляться в одной и той же местности по двум нормам: потребительной и трудовой (пункт 19). По потребительной норме, обеспечивавшей нищенское полуголодное существование, должны были наделяться безземельные и малоземельные крестьяне. Землепользование кулаков урезывалось до трудовой нормы, которую семья могла обработать личным трудом.

Следовательно, сохранялось неравенство в землепользовании между бедняками и бывшими кулаками.

После роспуска Учредительного собрания правые эсеры не прекратили борьбу с советским Декретом о земле, пытаясь подменить его своим земельным законопроектом. Этот документ был полностью опубликован в газете «Земля и труд» 13 января 1918 г. (так правоэсеровская редакция с января 1918 г. стала именовать «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»), уже не как разработанный аграрной комиссией фракции эсеров в Учредительном собрании, а как принятый фракцией социалистов-революционеров в Учредительном собрании. В том же номере газеты были опубликованы пространные «Мероприятия по введению основного закона».

В нарушение всех общепризнанных юридических норм «Мероприятия» или, иными словами, инструкция по проведению «Основного закона» содержала положения, по существу противоречащие самому основному закону. Это была неуклюжая попытка жонглирования двумя документами по земельному вопросу. Выше мы отмечали, что эсеры, открыто заявлявшие, что они «никогда не предполагали даром, бесплатно отобрать сады, виноградники, огороды и т. п., а тем более скот, инвентарь (орудия), служебные постройки и даже дома» [88], в своем «Проекте закона о земле» не говорили о конфискации инвентаря, построек, племенных хозяйств, питомников и т. д. В «Мероприятиях» же (пункт 8) указывалось, что «племенные, семеноводческие и вообще образцовые хозяйства поступают в ведение государства либо непосредственно через местный орган, осуществляющий руководство хозяйством, или на договорных началах передающий ведение хозяйства обществам, товариществам или даже отдельным лицам» [89]. Отметим, что этими «отдельными лицами» могли оказаться и бывшие землевладельцы. Весь помещичий живой и мертвый инвентарь и все постройки сверх нормы, необходимой для ведения бывшим помещиком трудового хозяйства, согласно пункту 10-му, отчуждались без выкупа и поступали в распоряжение земства [90]. Земство же, как известно,

---

[88] «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», 30 октября 1917 г.
[89] «Земля и труд», 13 января 1918 г.
[90] Там же.

было антидемократическим, буржуазно-помещичьим, защищавшим интересы кулачества. Передача инвентаря в руки земства означала передачу его кулакам.

Как уже отмечалось, эсеровский закон о земле не обсуждался Учредительным собранием. Более того, он даже не был зачитан полностью: Чернов огласил лишь несколько главных его пунктов. Остальное решено было передать комиссии, «которая бы в семидневный срок рассмотрела все оставшиеся неоглашенными пункты закона о земле» [91].

В такой же спешке, шуме, под протесты рабочих и солдат на хорах контрреволюционное сборище опять без всякого обсуждения приняло второй «закон» — о мире. Выступить открыто против политики мира охвостье Учредительного собрания не осмелилось. Правые эсеры пошли примерно на тот же маневр, что и с Декретом о земле: они признали добытое ценой огромных усилий перемирие, но предложили Учредительному собранию отстранить Советскую власть и взять дальнейшее ведение переговоров о мире на себя. В качестве конкретных мер резолюция предлагала: а) вместе с союзниками «приступить к совместному определению точных условий демократического мира» (с этой идеей соглашатели носились еще в период буржуазной власти, но союзники отказались) и б) немедленно созвать «международную социалистическую конференцию в целях всеобщего демократического мира» [92] (это была старая провалившаяся идея эсеров и меньшевиков). Было решено выделить полномочную делегацию для ведения переговоров с представителями союзных держав и вручения им резолюции.

Выходило, что главная цель резолюции, как и предыдущей, сводилась к смене власти. Это был не акт о мире, а акт срыва дела мира. Примечательно, что эсеры даже назвали свою резолюцию не законом о мире, а «обращением к союзникам».

Третьим решением Учредительного собрания было объявление России демократической федеративной республикой. С мест при этом раздавались требования провозгласить федерацию Советских республик, но они не были приняты во внимание. Контрреволюционное большинство оставшихся явно имело в виду федерацию с республикой Украинской Центральной рады, калединским войсковым правительством и прочими контрреволюционными образованиями.

Точных или хотя бы приблизительных данных о том, каким числом голосов были приняты учредиловские «законы», нет. Известно, однако, что при голосовании вопроса о мире мусульманская делегация (видимо, несколько десятков человек) заявила о своем присоединении к соответствующим пунктам «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» [93].

Проголосовав наспех, опять-таки без обсуждения, последний «закон», Учредительное собрание решило устроить перерыв (было уже 4 часа 40 мин. утра), назначив следующее заседание на 5 час. дня 6 января.

---

[91] «Учредительное собрание», стр. 110.

[92] Там же, стр. 111.

[93] Там же, стр. 99. При подсчетах делегация входила в состав представителей «национальных групп». Ленин в тезисах «Проекта декрета о роспуске Учредительного собрания» написал: «Уход мусульман» (Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 232). По-видимому, Ленин имел в виду это заявление мусульманской фракции, ибо об ее уходе сведений в протоколах нет.

Но вторично собраться ему не пришлось. В ночь на 6 января Совнарком принял написанный Лениным декрет о роспуске Учредительного собрания. Днем позже он был принят ВЦИК. В декрете напоминалось, что революция с самого начала выдвинула Советы как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов. Особое внимание уделялось раскрытию превосходства Советов как новой формы власти над учреждениями буржуазного парламентаризма. Подчеркивалось, что в ходе борьбы организованных в Советы трудящихся изживался буржуазный парламентаризм. Массы убеждались, что для социалистической революции необходимы не так называемые «общенародные» учреждения, в которых воля буржуазии выдается за волю всего народа, а классовые учреждения, в которых выражается действительная воля трудящихся и эксплуатируемых. «В течение всего первого периода российской революции,— говорилось в декрете,— Советы множились, росли и крепли, на собственном опыте изживая иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передавшая всю власть в руки Советов» [94].

Далее излагалась история подготовки и выборов в Учредительное собрание, вскрывались причины победы правых эсеров на выборах и констатировалось, что партия Керенского, Авксентьева и Чернова отказалась признать Советскую власть и ее декреты. «Тем самым,— говорилось в декрете,— Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракции большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен».

Напомнив, что эсеры и меньшевики и вне стен Учредительного собрания ведут «самую отчаянную борьбу против Советской власти», а в своих газетах открыто призывают к ее свержению, поддерживают и защищают саботажников, декрет заканчивался следующим выводом: «Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания могла бы, в силу этого, играть роль только прикрытия борьбы контрреволюционеров за свержение Советской власти.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается» [95].

Декрет был опубликован 7 января.

Найдя двери Таврического дворца закрытыми, оставшиеся члены Учредительного собрания организовали заседание в частной гимназии Гуревича и постановили собраться позже в каком-нибудь из центральных городов страны. На втором заседании решили съехаться к 1 февраля в Киев, где еще правила Центральная рада, и оттуда продолжить борьбу. Была выделена комиссия для подготовки переезда.

Но в Киев члены распущенного Учредительного собрания тоже не попали: он был освобожден от Центральной рады восставшими рабочими и крестьянами Украины при поддержке братьев по классу из России, Белоруссии и Прибалтики.

---

[94] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 235.
[95] Там же, стр. 236, 237.

С Учредительным собранием, представлявшим пройденный этап революции, трудящиеся расстались необыкновенно просто: оно упало, как сухой лист с дерева. Никто, кроме контрреволюционеров и представителей Антанты, не поддержал Учредительного собрания. Легкость, с которой трудящиеся сбросили с себя ветошь буржуазного парламентаризма, объясняется всей историей революции, опытом борьбы с буржуазией и соглашателями в органах местного самоуправления. «Развитие русской революции,— писал Ленин в проекте декрета о роспуске Учредительного собрания,— изжило буржуазный парламентаризм в ходе борьбы и соглашательства, создав советскую республику как форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» [96].

2

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Верховный орган советской демократии

10 января 1918 г. в Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Через три дня, 13 января, в Смольном собрался III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. В тот же день в Таврическом дворце оба съезда объединились в единый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это событие имело огромное значение. Надежды правоэсеровских лидеров на то, что им удастся противопоставить одни Советы другим, потерпели полный крах. Был положен конец параллельному существованию двух форм Советов. Окончательно сложилась единая система Советов — органов государственной власти диктатуры пролетариата. Это укрепило союз рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Состав объединенного съезда можно воссоздать по имеющимся данным о делегатах, прибывших на III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и III съезд Советов крестьянских депутатов.

III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов представлял 370 местных Советов и 116 армейских, корпусных, дивизионных и полковых комитетов. На съезде присутствовало 942 делегата с правом решающего и 104 с правом совещательного голоса.

III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов представлял около 340 Советов (губернских, уездных и др.) и 129 солдатских комитетов (армейских, корпусных, дивизионных, полковых), избравших 705 делегатов с правом решающего и 115 с правом совещательного голоса [97]. Всего, таким образом, на III Всероссийский съезд Советов было избрано 1647 делегатов с правом решающего и 219 с правом совещательного голоса [98].

---

[96] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 232.

[97] *Е. Г. Гимпельсон.* Некоторые новые данные о составе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.— «Вопросы истории», 1960, стр. 214—215.

[98] Около 40 делегатов были делегированы с мандатами на оба съезда, свыше 20 опоздали на съезд. Поэтому на съезде присутствовало несколько меньше делегатов.

Таким образом, объединенный съезд был подлинным форумом трудящихся всей страны. Он представлял почти все области и губернии России, а также ее национальные районы.

Следующая сводка показывает, как были представлены Советы национальных районов на съезде:

Район	*Число Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представленных на съезде*	*Число крестьянских Советов*	*Район*	*Число Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представленных на съезде*	*Число крестьянских Советов*
Украина	51	9	Закавказье	1	1
Белоруссия	36	37	Средняя Азия	3	1
Прибалтика	16	2	Крым	1	—
Северный Кавказ	7	1			

Средняя Азия не успела прислать всех своих представителей на съезд; присутствовали только те представители, которые к тому времени находились в Петрограде. От Закавказья был представлен только Баку — советский оазис среди меньшевистско-мусаватистско-дашнакской контрреволюции. Прибыли также делегаты от Чувашии, Татарии, Башкирии, Северного Кавказа.

Партийный состав делегатов свидетельствовал о крупных успехах большевиков не только в городе и на фронте, но и в деревне. К партии большевиков принадлежало более 62% делегатов съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и около 40,5% делегатов съезда Советов крестьянских депутатов. Левых эсеров и сочувствовавших им на крестьянском съезде было 30,9% делегатов [99]. Такое крупное представительство левых эсеров объяснялось тем, что они выступали как партия, поддерживающая Советскую власть.

Направляя делегатов на съезд, местные Советы вручали им наказы и резолюции о поддержке Советской власти и политики Совнаркома. Так, в резолюции Моршанского Совета рабочих и солдатских депутатов (4 января 1918 г.) говорилось: «Всемерно поддерживать Совет Народных Комиссаров в его работе по укреплению и завоеванию революции... Признавать и всемерно поддерживать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как единственных выразителей воли народа» [100].

Резолюции Совета рабочих депутатов завода Гусь-Хрустальный (Владимирская губерния), принятая 6 января, гласила: «Только правительство Народных Комиссаров, поставленное Советами, является властью, отвечающей интересам рабочего класса и крестьянства, и никакой иной власти быть не должно, и потому собрание признает единственной власть Советов и Народных Комиссаров и высказывает этой власти полное доверие и поддержку» [101].

---

[99] *Е. Г. Гимпельсон.* Некоторые новые данные о составе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стр. 216.

[100] «Красный архив», 1937, т. 6 (85), стр. 15.

[101] Там же.

Исполком Совета рабочих депутатов Мариинских приисков (Томская губерния) в своем приветствии к съезду писал: «Потребовать от Совета Народных Комиссаров ввести в центре и на местах Советскую власть» [102].

Собрание крестьян Томашской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии постановило послать горячий привет III Всероссийскому съезду Советов с выражением полного доверия. «Надеемся,— говорилось в приветствии,— что этот съезд утвердит все декреты, изданные народными комиссарами, и проведет их в жизнь» [103].

Наказ, принятый Советом рабочих и солдатских депутатов г. Лебедянь Харьковской губернии, гласил: «Признаем Российскую федеративную республику Советов и поэтому признаем как в России, так и на Украине только власть Советов рабочих и крестьян» [104].

Такие же наказы давали делегатам и многие воинские части.

Международный пролетариат, с величайшим сочувствием следивший за борьбой революционной России, также приветствовал съезд митингами, демонстрациями, забастовками. На самом съезде с приветствиями от трудящихся зарубежных стран выступили представители Швейцарии, Польши, Норвегии, Румынии, Швеции, США.

Решения III съезда Советов

Открывая III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК Я. М. Свердлов говорил о задачах верховного органа государственной власти страны: «Мы должны будем здесь вынести крайне ответственные и важные решения. Акт роспуска Учредительного собрания мы должны сопоставить с созывом 3-го Всероссийского съезда Советов — этого верховного органа, который единственно правильно отражает интересы рабочих и крестьян. Из этого сопоставления выясняется вся сложность задач, которые нам предстоит разрешить. Перед нами один из важнейших вопросов: строительство новой грядущей жизни и создание всероссийской власти. Мы должны здесь окончательно решить, будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян» [105].

На втором заседании 11 января съезд заслушал отчетные доклады ВЦИК и Совнаркома. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, сообщая съезду о проделанной за два с половиной месяца работе, нарисовал картину напряженной творческой деятельности по созданию как центрального, так и местного государственного аппарата.

В отчетном докладе Совнаркома Ленин подвел итоги преобразующей деятельности Советской власти в основных областях жизни страны.

Эти итоги были величественны. Старый аппарат государственной власти был сломан и заменен самой демократической в мире Советской властью, пользующейся полной поддержкой большинства трудящихся; частная собственность на землю была отменена, а помещичья земля —

---

[102] «Красный архив», 1937, т. 6 (85), стр. 17.
[103] Там же, стр. 19.
[104] Там же, стр. 23.
[105] «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 18.

конфискована и передана трудовому крестьянству; был введен рабочий контроль над производством, после чего развернулась подготовка национализации основных отраслей промышленности; был создан Высший совет народного хозяйства, национализированы банки и подготовлен декрет об аннулировании государственных займов.

Победа Советской власти, подчеркнул Ленин, «достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству» [106].

«Россия вступила на верный путь к осуществлению социализма» [107] — в этих знаменательных ленинских словах было сформулировано значение первых успехов Советской власти.

Ленинская теория о возможности построения социализма в одной стране стала величайшей материальной силой: освобожденный народ начал претворять гениальное ленинское учение в жизнь. С трибуны съезда глава Советского правительства разоблачал капитулянтские взгляды меньшевистско-эсеровских лидеров, продолжавших твердить о невозможности победы социализма в одной стране.

«Когда нам изображают трудность нашего дела,— подчеркнул Ленин,— когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее вольных и невольных сторонников извратить самую непреложную истину» [108].

В докладе Ленина были также подведены итоги борьбы советского народа против Каледина и Украинской рады. Говоря о достигнутых успехах, Ленин отметил внутренний распад контрреволюции на Украине и на Дону, отсутствие у нее какой-либо поддержки со стороны масс. И все же положение молодой республики Советов оставалось очень сложным: страны Антанты и США начали интервенцию, Германия также готовилась к нападению на Советскую Россию.

Предвидя надвигающиеся испытания, Ленин поставил задачу создания вместо старой, переставшей существовать армии, новой, социалистической Красной Армии. Когда эта задача будет решена, сказал Ленин, «Российская Советская Республика будет непобедима» [109].

В заключение своего доклада Ленин осветил всемирно-историческое значение великого социалистического переворота в России. «Наша социалистическая республика Советов,— сказал он,— будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов» [110].

В прениях по докладу Ленина выступили меньшевики Л. Мартов, Н. Н. Суханов и другие, пытавшиеся доказать, что в России нет сил, способных строить социалистическое общество. Эту задачу, утверждали они, можно решать лишь в международном масштабе. Меньшевики нападали

---

[106] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 269.
[107] Там же, стр. 217.
[108] Там же.
[109] Там же, стр. 270.
[110] Там же, стр. 279.

на диктатуру пролетариата, на Советы и советскую демократию, требуя заменить ее «диктатурой демократии», т. е. буржуазной демократией. Отвечая «критикам», Ленин говорил: «Те, кто так много говорит о диктатуре демократии,— те бросают только бессмысленные, нелепые фразы, в которых нет ни экономического знания, ни политического понимания». Советы — это высшая форма демократии, продолжал он. Смешно говорить «о какой-то буржуазно-демократической революции в то время, когда назревает полный расцвет социалистического строя и крах капитализма» [111].

По предложению большевистской фракции съезд полностью одобрил политику Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и выразил им полное доверие.

Великие победы, уже одержанные Октябрьской революцией, были записаны в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Отвергнутая контрреволюционным Учредительным собранием, она была предложена III съезду Советов.

Делегаты III съезда Советов приняли «Декларацию» с энтузиазмом. В напряженной тишине большого зала Я. М. Свердлов читал текст этого исторического документа. Объявление России Республикой Советов, провозглашение свободного союза свободных наций было встречено бурной овацией. Лишь небольшая кучка меньшевиков и эсеров демонстративно выражала свой протест. В специальной резолюции, осуждавшей поведение группки капитулянтов, делегаты съезда заявили: «Съезд видит в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой ЦИК, выражение подлинной воли трудящихся классов России. Каждая строка этой декларации продиктована самими трудящимися классами и за требования, выраженные в этой программе Советов, будут до последней капли крови бороться все сознательные рабочие, крестьяне и солдаты» [112].

Большое значение имел обсуждавшийся на съезде национальный вопрос. 15 января с докладом по этому вопросу выступил народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин.

Принятая съездом резолюция «О федеральных учреждениях Российской республики» состояла из следующих пунктов:

1. Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов.

2. Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, созываемый не реже, чем через три месяца.

3. Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. В периоды между Съездами верховным органом является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

4. Правительство Федерации, Совет Народных Комиссаров, избирается и смещается, в целом и в частях, Всероссийским съездом Советов или Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

5. Способ участия советских республик отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличавшихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федераль-

---

[111] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 281, 282.
[112] «Третий Всероссийский съезд Советов...», стр. 92.

ных и областных учреждений Российской республики, определяется немедленно по образовании областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными исполнительными комитетами этих республик.

6. Все местные дела решаются исключительно местными Советами... Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представляет Российскую Федерацию Советов в ее целом... [113]

Разработка этих положений поручалась ВЦИК для внесения на очередной съезд Советов.

В другой резолюции съезд целиком одобрил национальную политику Совнаркома. «Съезд,— гласила резолюция,— выражает свое глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилием,— в братский союз свободно соединившихся на федеративных началах советских республик России» [114].

Постановление «О федеральных учреждениях Российской республики», так же как и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», почти целиком вошло в советскую Конституцию, принятую летом 1918 г.

Обсудил съезд и политику Советского правительства в связи с мирными переговорами в Брест-Литовске. Съезд одобрил ленинскую внешнюю политику и предоставил Совнаркому неограниченные полномочия в деле заключения мира.

Съезд единодушно принял решение об изменении названия верховной власти. «Ранее она,— говорил Я. М. Свердлов,— как вам известно, называлась: «Временное рабочее и крестьянское правительство». Теперь, когда... мы призваны непосредственно к закреплению нового государственного строя путем новых основных законов и организации на основании их всей социальной жизни, мы должны откинуть слово «Временное» и впредь именовать нашу верховную власть «Рабочим и крестьянским правительством Российской Советской республики»» [115]. Съезд отменил ссылки в декретах на то, что они вводятся «впредь до окончательного разрешения их Учредительным собранием».

На своем последнем заседании 18 января III съезд Советов рассмотрел проект «Основного закона о социализации земли». К январю 1918 г. в губерниях европейской части страны быстрым темпом осуществлялась организованная конфискация помещичьих имений. С приближением весны на очередь дня вставала задача распределения между крестьянами конфискованных у частновладельцев земель и средств ее обработки. Поскольку в Декрете о земле лишь в принципе был разрешен вопрос об уравнительном распределении конфискованной земли и национализации частновладельческого инвентаря, необходим был закон детально определяющий, как проводить распределение земли, рабочего и продуктивного скота, сельскохозяйственных машин.

Проект нового «Основного закона о социализации земли» устанавливал порядок распределения помещичьей земли. Этот проект был выработан левыми эсерами, рассчитывавшими с его помощью поднять свой авто-

---

[113] «Съезды Советов в документах. 1917—1936», т. I. М., 1959, стр. 30—31.
[114] Там же, стр. 31—32.
[115] Там же. стр. 46—47.

ритет среди крестьянства. Однако левые эсеры включили в проект пункты, отстранявшие Советы от руководства аграрными преобразованиями и передававшие распоряжение землей в руки земств и земельных комитетов. По предложению Я. М. Свердлова первый раздел левоэсеровского проекта был принят съездом за основу с последующим редактированием его президиумом. Доработка остальных разделов «Основного закона о социализации земли» была поручена крестьянской секции съезда. В окончательном варианте он подлежал утверждению вновь избранного Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

На заседаниях крестьянской секции, проходивших совместно с Всероссийским съездом земельных комитетов, текст проекта подвергся переработке. Как земства, так и земельные комитеты полностью устранялись от руководства перераспределением земли и вообще от какого-либо участия в аграрных преобразованиях. Земельные комитеты должны были прекратить свое существование. Распоряжение землей передавалось земельным отделам Советов — комиссариатам земледелия.

В переработке проекта принял участие Ленин. 27 января 1918 г. ВЦИК утвердил этот закон [115а].

В. И. Ленин считал принятие земельного закона важным этапом в проведении аграрной политики Советского государства. Он отмечал, что закон о социализации земли «еще раз подтверждает отмену всякой собственности на землю, передает распоряжение и землей и *всем частновладельческим* инвентарем советским властям *под контролем федеральной Советской власти...*» [116]. Этим законом, указывал Ленин, «Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место» [117].

«Закон о социализации земли» подтверждал и развивал принцип национализации земли, подчеркивал социалистическую тенденцию развития сельского хозяйства.

На последнем заседании съезд избрал новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Из 306 членов ВЦИК было 160 большевиков, 125 левых эсеров, 2 меньшевика-интернационалиста, 3 анархиста-коммуниста, 7 эсеров-максималистов, 7 правых эсеров, 2 меньшевика-оборонца [118].

«Можно сказать с неоспоримым основанием,— говорил Ленин в заключительном слове,— что третий съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории... Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран» [119].

III Всероссийский съезд Советов завершил первый этап социалистической революции, когда был заложен фундамент первого в мире пролетар-

---

[115а] История разработки «Закона о социализации земли» подробно изложена в монографии В. Н. Гинева «Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.» (Л., 1977, стр. 244, 273—285), а также в статье В. В. Кабанова «Разработка Основного закона о социализации земли» («Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927». М., 1927).

[116] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 320.

[117] Там же, стр. 322.

[118] «Третий Всероссийский съезд Советов...», стр. 87.

[119] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 286.

ского государства, в котором власть принадлежала трудящимся. Рабочие и трудящиеся крестьяне убедились в иллюзорности буржуазно-парламентской демократии. Советская, подлинно народная демократия доказала свои громадные преимущества.

3

У ИСТОКОВ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Развитие марксистского учения о создании многонационального государства

Победа Великой Октябрьской социалистической революции впервые в истории создала условия для действительного и полного раскрепощения угнетенных народов. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс пророчески писали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой» [120].

Классики марксизма-ленинизма связывали последовательное разрешение национального вопроса с победой диктатуры пролетариата. В их трудах освещены проблемы государства, происхождения и развития наций, роль и значение национального вопроса в революционном движении и принципы решения проблемы национальных взаимоотношений. Маркс и Энгельс последовательно и решительно выступали против всех форм национального гнета, бичевали любые проявления насилия и неравноправия, выступали против привилегий господствующей нации, присущих буржуазному обществу. «Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы»,— эти слова учителей революционного пролетариата не раз цитировал Ленин.

Маркс и Энгельс не ставили перед собой задачу определить новую форму многонационального государства, в котором будет решен национальный вопрос. Они наметили лишь общее направление борьбы за ликвидацию всех форм социального и национального порабощения, высказываясь при этом за демократическую республику как наиболее отвечающую общей тенденции развития общества и против федерации. Не следует забывать, что в середине XIX в. Марксу и Энгельсу пришлось бороться против Прудона, который, как и все анархисты, проповедовал федерацию как единственную при всех условиях форму государственного строительства: федерацию общин, областей, государств. Но выступая против федерации в анархистском ее понимании, против признания ее всеобщей государственной формой, Маркс допускал применение федералист-

---

[120] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 445.

ского принципа в определенных конкретно-исторических условиях. «Я все более и более прихожу к убеждению,— писал он 29 ноября 1869 г. Л. Кугельману,— и теперь дело в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса,— что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, *пока он не только не станет действовать* заодно с ирландцами, но и не возьмет на себя инициативу в деле упразднения основанной в 1801 г. унии (навязанной Ирландии правительством Англии после подавления ирландского национально-освободительного движения.— *И. М.*) и *замены ее свободным союзом* на федеративных началах» [121]. Здесь мы видим яркий пример марксистского метода: подходить к общественным вопросам с исторической точки зрения и всегда с классовых позиций, подчиняя национальный вопрос интересам революции, интересам рабочего движения. Анализируя высказывания Маркса по национальному вопросу, Ленин писал: «По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса» [122].

Энгельс полностью разделял точку зрения Маркса. Более 20 лет спустя, критикуя проект германской социал-демократической программы 1891 г., он писал: «По-моему, пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства» [123].

В работе «Государство и революция» Ленин, приведя эту цитату, писал: «Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос» [124].

В. И. Ленин развил учение основоположников марксизма по национальному вопросу в новых условиях [124а].

Империализм принес с собой обострение всех противоречий капитализма, в том числе противоречий между небольшим числом привилегированных колониальных держав и громадной массой закабаленных и зависимых народов мира. В этих условиях особое значение приобрела четкая, правильная постановка национального вопроса. «...Мы должны *связать* революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе» [125],— писал Ленин.

Еще до II съезда партии Ленин в «Искре» приступил к разъяснению основного пункта проекта партийной программы о праве наций на само-

---

[121] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, изд. 2-е, т. 32, стр. 531 (курсив наш.— *И. М.*).
[122] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 301.
[123] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, изд. 2-е, т. 22, стр. 238.
[124] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 72.
[124а] Подробнее см.: *И. И. Минц.* Развитие взглядов В. И. Ленина на создание многонационального государства нового типа.— «Коммунист», 1972, № 10.
[125] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 62.

определение. Ленин приветствовал манифест «Союза армянских социал-демократов», автором которого был С. Г. Шаумян, и «особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу» [126]. Одобряя эту попытку, Ленин, однако, отметил, что она не доведена до конца, ибо манифест выдвигал требование создания федеративной республики. «...Общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России,— писал Ленин,— должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое *само*определение» [127].

Как и основоположники марксизма, Ленин признавал федерацию допустимой в отдельных случаях, при определенных условиях. «Что же касается до *поддержки* требования *национальной* автономии,— писал Ленин,— то эта поддержка отнюдь не является постоянной, программной обязанностью пролетариата. Эта поддержка может стать для него необходимой лишь в отдельных, исключительных случаях» [128].

«Не дело пролетариата,— разъяснял Ленин,— *проповедовать* федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное *классовое* государство. Дело пролетариата — *теснее* сплачивать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм» [129].

В тот же период, т. е. до II съезда партии, Ленин выступил против националистических заблуждений Польской социалистической партии (ППС). ППС считала необходимым при всех условиях поддерживать требование национальной независимости, всегда выдвигать его на первое место как программное требование и на этом основании солидаризировалась с русскими эсерами, которые проповедовали федеративное устройство государства как единственно правильное и революционное. Вновь и вновь Ленин разъяснял, что революционные социал-демократы должны всегда и безусловно бороться и протестовать против всякого национального насилия, несправедливости, гнета, выступать за право национального самоопределения для всех закабаленных, зависимых и неполноправных народов. «Но,— подчеркивал он,— безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения» [130].

II съезд РСДРП высказался за создание демократической республики, обеспечивающей наряду с другими правами право на самоопределение за всеми нациями, входившими в состав Российской империи.

Программные требования Ленин отстаивал и во время первой русской революции, и в период реакции в борьбе с оппортунистами и отступниками от марксизма: меньшевиками, ликвидаторами, троцкистским блоком всех антипартийных групп.

В период реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг., национальный вопрос занял видное место в общественной жизни России. Империализм усилил не только великодержавный шовинизм

---

[126] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 104.
[127] Там же, стр. 105.
[128] Там же.
[129] Там же.
[130] Там же. стр. 233.

в среде крайней реакции, но и национализм буржуазии национальных меньшинств. Вместе с тем усилились разброд и шатания в национальных социал-демократических партиях. Национальный вопрос обсуждался на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Поронино (Польша) в 1913 г. По докладу Ленина была принята резолюция по национальному вопросу. Она подтвердила общую национальную платформу партии и, учитывая конкретную обстановку, выдвинула ряд положений, развивающих ее.

Прежде всего впервые в решениях партии разъяснялось, что право угнетенных наций на самоопределение предполагает также право на отделение и образование самостоятельного государства. В то же время подчеркивалось, что право наций на самоопределение вплоть до отделения «непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации». «Этот последний вопрос,— гласила резолюция,— с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» [131].

Следующий пункт резолюции, принятой Поронинским совещанием, касался вопроса о единстве пролетарского движения. «Интересы рабочего класса требуют,— говорилось в резолюции,— слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.» [132].

Совещание поручило ЦК, партийной печати и местным организациям подробно освещать национальный вопрос. В развитие этого решения И. В. Сталин написал свою известную работу «Марксизм и национальный вопрос», а С. Г. Шаумян — «О национально-культурной автономии».

В. И. Ленин выступил с работой «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.), в которой разъяснил и теоретически обосновал решения совещания ЦК с партийными работниками. Ленин изложил национальную программу партии с учетом тех дополнений, которые внесло совещание: борьба за введение демократической республики, которая примет закон о запрещении национального угнетения, неравноправия или привилегий какой-либо одной нации; право всех наций на национальное самоопределение вплоть до государственного отделения и обеспечение решения этого вопроса свободным, демократическим путем; объявление незаконным, противоконституционным любого постановления, нарушающего эти права наций, и привлечение к уголовной ответственности за малейшее нарушение этих прав.

«Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д.,— подчеркивал Ленин,— рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму» [133].

Охарактеризовав основные принципы национальной политики партии, Ленин уделил особое внимание разоблачению оппортунистического лозун-

---

[131] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 59.
[132] Там же, стр. 58.
[133] Там же, стр. 118—119.

га «культурно-национальной автономии». Согласно этому лозунгу, любой гражданин, где бы он ни жил, должен заявить о своей принадлежности к той или иной нации, а составленная таким искусственным образом нация должна обладать правом вводить налоги, иметь свой парламент или сейм и другие учреждения для развития «своей» национальной культуры. Ленин убедительно показал, что сама постановка вопроса о культурно-национальной автономии абсолютно неверна. «В *каждой* национальной культуре,— писал Ленин,— есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры» [134].

Эта четкая формулировка с предельной точностью определила классовую основу лозунга «национально-культурной автономии». Опасность этого оппортунистического требования состояла в том, что оно проводило буржуазную политику скрыто, прикрывая ее якобы марксистской фразеологией. «Основной, принципиальный грех этой программы,— отмечал Ленин,— тот, что она стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм» [135].

Необходимо отметить (и Ленин это подчеркивал), что национальная программа большевиков имела не только русское значение. В своей работе «Критические заметки по национальному вопросу» Ленин писал:

«Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма» [136].

Большевистская программа исходила из этого общего мирового закона капитализма, и это придавало ей международный характер. «С обеими тенденциями,— писал Ленин,— считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение), а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным» [137].

В. И. Ленин еще раз подчеркнул, что марксизм в принципе против федерализма и децентрализации, ибо капитализм для своего развития требует крупных и возможно более централизованных государств, но при этом он отметил два обстоятельства. Во-первых, он указал на то, что пролетарская партия при решении национального вопроса не должна связывать себя обязательством по вопросу о конкретных формах государствен-

---

[134] Там же, стр. 120—121.
[135] Там же, стр. 131.
[136] Там же, стр. 124.
[137] Там же.

ности, ибо изменение классовой обстановки может привести и к принятию федерации. «*При прочих равных условиях*,— разъяснял Ленин,— сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство» [138]. Во-вторых, выступая против децентрализации, за централизованное государство, Ленин отстаивал не централизм вообще, а централизм демократический.

«...Непозволительно было бы забывать,— писал Ленин,— что, отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм...

Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*» [139].

Насколько высоко Ленин ценил решения по национальному вопросу, принятые Поронинским совещанием, можно судить по его письму С. Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. «Это *надо было* сделать,— писал Ленин.— Пусть сунутся теперь оппортунистические (бундовские, ликвидаторские, народнические) сволочи — пусть дадут *свои* столь же *точные* и столь же *полные* ответы на *все* наши вопросы, затронутые и решенные в нашей резолюции. Пусть попробуют. Нет, мы не «спасовали» перед оппортунистами, а *разбили* их по *всем* пунктам!» [140]

В этом письме Ленин выступил против мнения Шаумяна, согласно которому право наций на самоопределение означает не только право на отделение, но и «право на федеративную связь». Возражая Шаумяну, Ленин писал: «Абсолютно несогласен. Оно *не* означает права на *федерацию*. Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия. Как же может быть *право одной* стороны на *согласие* с ней другой стороны??» [141]. Таким образом, основное, что подчеркивал Ленин в понятии «федерация», это то, что федерация представляет собой «союз равных».

Обращает на себя внимание последовательность классового подхода Ленина к данному вопросу и строгое соблюдение им принципа историзма. Пролетариат не должен выдвигать требование федерации в качестве программного лозунга, ибо при капитализме в условиях буржуазно-демократической революции это означало бы поддержку классового государства, в котором буржуазия будет эксплуатировать рабочий класс. Такой лозунг привел бы, кроме того, к разобщению и ослаблению революционного рабочего движения. В условиях буржуазно-демократической революции достаточно требовать полной ликвидации национального угнетения и предоставления права на самоопределение, добиваясь сплочения рабочего класса всех народов в единой демократической республике. Совсем иначе обстоит дело в условиях социалистической революции, когда при выдвижении федерации как формы союза речь будет идти о создании государства не буржуазного, а социалистического.

Мы уже писали, что первое испытание большевистская национальная программа выдержала в ходе мировой войны, разразившейся через полгода после Поронинского совещания ЦК [142]. С началом мировой войны господ-

---

[138] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 143.
[139] Там же, стр. 144.
[140] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 236.
[141] Там же, стр. 235.
[142] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 400—401.

ствующие классы обоих враждующих лагерей объявили ее справедливой, освободительной, ведущейся во имя «спасения нации». Большевиков, единственную партию, которая признала войну империалистической, несправедливой, все буржуазные и мелкобуржуазные партии обвинили в «национальном нигилизме», отказе от принципа национальной самостоятельности, отсутствии патриотизма, отрицании национальной гордости. Ленин ответил на эти обвинения широко известной статьей «О национальной гордости великороссов».

В ней он повторил основные принципы национальной программы большевиков. «И мы вовсе,— писал Ленин,— не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений» [143].

Февральская революция создала новую обстановку в стране. Наряду с буржуазным Временным правительством по всей стране возникли Советы. В них трудящиеся приобретали опыт руководства государством без буржуазии и против буржуазии. Большевистская партия взяла курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Перед пролетариатом встала задача сплотить и поднять на социалистическую революцию трудящихся всех национальностей. VII (Апрельская) Всероссийская конференция приняла написанную Лениным резолюцию по национальному вопросу. Она целиком основывалась на резолюции Поронинского совещания, почти дословно повторяла ее главные положения, но учитывала новые сдвиги и явления, происходившие в национальном движении.

Конференция подтвердила, что право наций на отделение нельзя смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия должна решать в каждом отдельном случае с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Учитывая шумиху, поднятую оппортунистами вокруг пресловутой «культурно-национальной автономии», а также то, что этот лозунг мог оказать известное влияние на отдельные группы трудящихся, резолюция Апрельской конференции полнее, чем раньше, вскрывала его отрицательные стороны. «Рабочих, живущих в одной местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях,— говорилось в резолюции,— культурно-национальная автономия искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной «национальной культуре», т. е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата» [144].

В качестве одной из основных задач партии резолюция выдвигала слияние рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, что позволяло «пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом» [145].

В национальном движении, охватившем все угнетенные народы России, несмотря на разницу в уровне развития наций, в формах борьбы и т. д., явственно наметились две тенденции: буржуазно-националистиче-

---

[143] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 109.
[144] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 440.
[145] Там же.

ская и революционно-демократическая. Буржуазия и буржуазная интеллигенция, боявшиеся остаться один на один с трудящимися массами, стремились не допустить углубления революции и поддерживали Временное правительство как опору в борьбе за сохранение своих позиций. Народные массы со своей стороны стремились к решению основных вопросов: о мире, о земле, о ликвидации национального гнета, о свободе, о 8-часовом рабочем дне.

В сплочении пролетарского и революционно-демократического движения огромную роль сыграла большевистская партия, выдвигавшая на первый план решение социальных вопросов и подчинявшая национальные требования задачам развития социалистической революции. Трудящиеся всех наций убеждались, что добиться мира, земли, хлеба и свободы можно, только передав власть Советам, которые обеспечат реализацию и социальных, и национальных требований.

В. И. Ленин неоднократно выступал в печати, отстаивая право на самоопределение Финляндии, Украины и других национальных районов России. «Именно безоговорочное признание этого права,— писал Ленин об Украине,— одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» [146].

Буржуазные националисты и поддерживавшие их эсеры и меньшевики, стремясь парализовать влияние ленинской национальной политики, развернули широкую кампанию против большевиков, обвиняя их в стремлении расчленить Россию, развалить единое Российское государство и т. п. Это было ложью уже только потому, что большевики неоднократно заявляли, что в принципе стоят за единое крупное государство. Кроме того, большевики, как уже отмечалось, считали недопустимым смешивать право на самоопределение вплоть до отделения с целесообразностью отделения, требовали в каждом отдельном случае решать этот вопрос с точки зрения классовых интересов пролетариата.

Но новая ситуация потребовала от большевистской партии более конкретного ответа на вопрос о будущем тех угнетенных наций, которые получат право на самоопределение. На VII Апрельской конференции, выступая по национальному вопросу, Ленин говорил: «Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся» [147].

В. И. Ленин подчеркнул, что переход власти к Советам позволит наряду с осуществлением всех социальных требований трудящихся коренным образом разрешить и национальный вопрос.

Несколько позже в «Наказе выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов» Ленин высказался еще определеннее: «...Великороссы не будут насильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдель-

---

[146] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 341—342.
[147] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 436.

ного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное» [148].

Наконец, на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, протестуя против отказа Временного правительства принять национальные требования Финляндии и Украины, Ленин сказал: «Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик» [149].

Значит ли это, что Ленин отказался от прежнего подхода к федерации? Отнюдь нет. В период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин дальше развил национальную платформу большевистской партии, опираясь на марксистское требование исторического подхода и соблюдения классовых интересов пролетариата, борющегося за социализм. Он сам убедительно сказал об этом в статье «Украина»: «Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоевывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм» [150].

Эту ленинскую политику пролетариат и возвел в государственный закон, как только победившая Октябрьская революция установила в России диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

Первые шаги национального строительства в Советской стране

Большевистская партия с первых же дней после победы Октября приступила к осуществлению марксистско-ленинской программы по национальному вопросу. Задача заключалась в том, чтобы превратить Россию, являвшуюся тюрьмой народов, в свободный и добровольный союз наций.

Из 140 млн. населения России русские составляли около 75 млн., а 65 млн. составляли 50 национальностей и национальных групп, находившихся на различных ступенях экономического, политического и культурного развития. Из 65 млн. этого населения 35 млн. еще не прошли путь капиталистического развития; были и такие народности, у которых еще сохранился первобытнообщинный строй.

Советской власти необходимо было преодолеть веками насаждавшееся «сверху» недоверие между разными народами, искоренить как великодержавный русский шовинизм, так и местный национализм ранее угнетенных национальностей. Предстояло еще теснее сплотить русский пролетариат с трудящимися национальных окраин, обеспечить сотрудничество и дружбу народов.

Уже II Всероссийский съезд Советов в обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам» заявил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [151]. Претворяя

---

[148] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 41.
[149] Там же, стр. 286.
[150] Там же, стр. 342.
[151] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 11.

в жизнь решения II съезда Советов, Совнарком 2 ноября 1917 г. опубликовал написанную Лениным «Декларацию прав народов России», в которой определялись основные принципы Советской власти по национальному вопросу:

«1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [152].

В «Декларации» нашла полное воплощение основная идея большевистской партии по национальному вопросу: только на основе взаимного доверия можно строить прочный союз народов России. Практическое осуществление права наций на самоопределение, вплоть до отделения соответствовало интересам трудящихся всех национальностей, приступивших к строительству социализма.

Эсеры и меньшевики продолжали запугивать, что право наций на самоопределение приведет к распаду страны, угрожали, что этим правом воспользуется местная буржуазия в своих интересах. Ленин отвечал, что большевикам нечего бояться распада старой России: «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [153]. Ленин был убежден, что от временного распада страна придет к прочному единству на основе добровольности, равенства и доверия.

Эта уверенность Ленина основывалась на глубоком понимании того, что после победы пролетарской революции коренным образом изменятся классовая сущность национального вопроса и сам характер национального освободительного движения. В период империализма, когда существует национальный гнет, классовая сущность национального вопроса проявляется в борьбе против империализма, в борьбе за уничтожение национального угнетения. После победы социалистической революции, ликвидирующей национальный гнет, сущность этого вопроса перемещается в другую плоскость и состоит уже в том, чтобы создать правильные взаимоотношения между пролетариатом ранее угнетавшей нации и трудящимися ранее угнетенных наций. После пролетарской революции национальное движение, руководимое пролетариатом, связывается с победой и задачами диктатуры пролетариата.

Естественно, что в условиях социалистической революции самоопределение наций понимается как право на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс. Власть должна перейти не национальной буржуазии, а пролетариату и трудовому крестьянству.

На базе ликвидации буржуазного способа производства и установления диктатуры пролетариата стал действовать новый объективный закон общественного развития — стремление трудящихся различных национальностей к объединению всех своих сил для общей борьбы за построение

---

[152] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 8.

[153] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 115.

социализма и коммунизма. Этим объективным законом большевистская партия и руководствовалась в государственно-национальном строительстве.

Второй Всероссийский съезд Советов создал 27 октября в составе первого Советского правительства специальный орган — Народный комиссариат по делам национальностей, который должен был практически осуществлять национальную политику партии. Наркомнац, во главе которого был поставлен И. В. Сталин, был учреждением принципиально нового типа. В некоторых буржуазных государствах существовали министерства, которые занимались делами народов колоний (в Англии, Франции). Но они проводили политику колониального порабощения и угнетения народов. Наркомнац же создавался для претворения в жизнь принципа самоопределения наций, обеспечения их политических прав, удовлетворения их культурных и хозяйственных нужд, ликвидации их отсталости.

Вся работа Наркомнаца — культурная, экономическая, военная и др.— велась соответствующими национальными комиссариатами.

В первые месяцы после Октября при Наркомнаце были образованы следующие национальные комиссариаты: польский, литовский, белорусский, еврейский, армянский, мусульманский.

Национальные комиссариаты, образованные позже, назывались отделами Наркомнаца. В марте — мае 1918 г. были созданы эстонский, латышский, украинский, чехословацкий отделы, в мае — октябре — чувашский, вотский, зырянский, ненецкий, киргизский, калмыцкий, отдел южных славян и отдел горцев Кавказа.

К осени 1918 г. Наркомнац насчитывал 7 национальных комиссариатов и 11 национальных отделов, которые имели в свою очередь разветвленную сеть нацотделов при губернских, уездных и городских Советах.

Во главе национальных комиссариатов и отделов Наркомнаца стояли видные большевики и авторитетные представители национальных революционных организаций. Армянский комиссариат возглавлял В. А. Аванесов, белорусский — И. В. Лагун, еврейский — С. М. Диманштейн, латышский — О. Я. Карклин, мусульманский — М. Вахитов, польский — Ю. М. Лещинский, отдел горцев Кавказа — Умар-Бек-Алиев, отдел мари — Н. А. Алексеев, немецкий — Г. К. Клингер, украинский — И. Ю. Кулик, чувашский — Д. С. Эльмень, эстонский — Г. Г. Пегельман, калмыцкий — А. Мещеряков, литовский — В. С. Мицкявичус (Капсукас) [154].

Основные задачи Наркомнаца и национальных комиссариатов на местах заключались в следующем: они информировали Советскую власть о нуждах данной национальности и сообщали на места законы и распоряжения Советской власти, организовывали культурно-просветительную работу, вели широкую агитацию среди трудящихся масс, улаживали возникавшие конфликты, разрабатывали основы административно-территориальной национальной автономии [155].

Разветвленный аппарат Наркомнаца помогал советским органам в проведении общегосударственных мероприятий в национальных районах, в привлечении их населения к советскому и культурному строительству.

Деятельность Наркомнаца протекала в сложных условиях. К моменту Октябрьской революции многонациональная Россия была в состоянии распада. Буржуазные «национальные Советы» и «правительства» Украины,

[154] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 697, л. 10.

[155] «Наркомнац. Отчет о деятельности (ноябрь 1917 г.— июль 1918 г.)». М., 1919, стр. 5.

Финляндии, Белоруссии, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, прикрываясь фальшивыми лозунгами «независимости», объявили Советскому государству войну.

Буржуазно-националистическое движение выступало в качестве центробежной силы, направленной к разрыву связей между народами России. «Национальные правительства» играли роль агентуры иностранных империалистов в борьбе против Советской власти. Они обманывали рабочих и крестьян, извращая цели и содержание национальной политики Советского правительства; усиленно насаждали вражду между народами; клеветнически утверждали, что Советская власть якобы против самоопределения. Этот контрреволюционный обман разоблачался Советским правительством.

Так, ВЦИК РСФСР в своем воззвании к украинскому народу писал: «Братья украинцы, вас уверяют, будто мы выступаем против самоопределения Украины. Это ложь. Ни на минуту не помышляем мы покушаться на права Украины. Революционный пролетариат один только заинтересован в том, чтобы за всеми нациями было обеспечено право на самоопределение, вплоть до отделения» [156].

Наркомнац сыграл большую роль в деле разоблачения и разгрома буржуазных «национальных правительств» и других контрреволюционных организаций. При участии Наркомнаца были ликвидированы контрреволюционные татарские националистические организации: «Всероссийский мусульманский военный Шуро», «Национальный парламент мусульман внутренней России и Сибири», «Башкирский курултай», контрреволюционный «Высший литовский Совет в России» и др.

Для сближения народов большое значение имело обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», опубликованное 20 ноября 1917 г. В воззвании подчеркивалось, что с политикой захватов и угнетения народов колоний, проводившейся царизмом, покончено. «Отныне,— говорилось в нем,— ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно» [157]. Советское правительство принимало все меры к ограждению прав национальностей, ликвидации всего того, что оскорбляло национальное достоинство и чувства людей.

24 ноября 1917 г. ВЦИК принял решение о передаче украинскому народу украинских реликвий (знамена, бунчуки, грамоты и пр.), хранившихся в Петрограде [158]. Эти реликвии были отобраны у украинского народа еще при Екатерине II в наказание за повстанческое движение на Украине.

9 декабря 1917 г. Совнарком, удовлетворяя ходатайство мусульман, принял постановление о передаче мусульманам «Священного корана Османа», находившегося в Государственной публичной библиотеке [159].

В январе 1918 г. решением Наркомнаца в распоряжение мусульман была передана мусульманская башня «Сумбеки» в Казани — памятник древнего татарского государства. Тогда же решением Наркомнаца башкирскому народу в лице областного Совета башкир были переданы Народный дом и мечеть «Караван-сарай» в Оренбурге [160].

---

[156] «Внешняя политика СССР», т. I. М., 1957, стр. 31.
[157] «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 113—114.
[158] СУ, 1917, № 5, ст. 76.
[159] Там же, № 6, ст. 103.
[160] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 14 января 1918 г.

Советское правительство на деле осуществляло провозглашенное право на отделение. 4 декабря 1917 г. Совнарком в манифесте к украинскому народу заявил о признании Народной Украинской республики, ее права отделиться от России или вступить с ней в переговоры о федеративных или иных взаимоотношениях. «Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа,— говорилось в манифесте,— признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же без ограничений и безусловно» [161].

18 декабря 1917 г. Совнарком принял решение о предоставлении самостоятельности Финляндии. 22 декабря 1917 г. декрет о независимости Финляндии был утвержден ВЦИК [162].

Пролетариат Финляндии не смог воспользоваться независимостью, которую финский народ получил от Советского правительства. Финская буржуазия захватила власть в стране.

Тем не менее провозглашение независимости Финляндии Советским правительством имело огромное значение, так как облегчало дело ликвидации недоверия финских трудящихся к русскому народу. Признание независимости Финляндии ярко и убедительно показало, что у Советской власти слово и дело не расходятся: она выполнила свои обещания по решению национального вопроса, провозглашенные в программе большевиков.

29 декабря 1917 г. Совнарком декретом «О Турецкой Армении» объявил что «рабочее и крестьянское правительство России поддерживает право армян в оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости» [163].

Мероприятия Советского правительства убеждали трудящихся всех национальностей в том, что Советская власть — их власть и что проводимая ею политика ничего общего не имеет с политикой насилия и угнетения, которую проводили эксплуататорские классы.

Советская власть развернула огромную работу по оказанию отсталым народам помощи в развитии их экономики и культуры. На языках различных народов стали выходить газеты, журналы, книги; создавались школы и культурно-просветительные учреждения. Русский пролетариат оказывал всевозможную помощь отсталым народам.

Все это способствовало нарастанию революционной борьбы рабочих и крестьян в тех национальных районах, где у власти еще находилась местная буржуазия. Эта борьба сыграла огромную роль в победе Советской власти по всей стране. В ходе ее росла тяга трудящихся разных народов к единству, к объединению всех усилий во имя общей цели. Так возникла и начала действовать мощная центростремительная сила, направленная на образование единого многонационального Советского государства.

Перед большевистской партией встала задача всемирно-исторической важности — помочь народам найти пути и формы объединения с тем, чтобы создать первое в мире многонациональное Советское государство.

Для национального строительства Советского государства величайшее значение имела «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанная Лениным и принятая III Всероссийским съездом Советов 11 января 1918 г.

---

[161] СУ, 1917, № 6, ст. 90.
[162] Там же, № 11, ст. 163.
[163] «Первая Советская Конституция», стр. 342.

Вторая статья «Декларации» гласила, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».

«Декларация» провозглашала федеративные начала советского национального государственного строительства. В то же время каждой нации предоставлялась свобода выбора форм участия в федерации, в федеральном правительстве и в других федеральных учреждениях [164].

В принятой III съездом Советов резолюции «О федеральных учреждениях Российской республики» определялись как высшие, так и местные органы власти.

Переход к федеративному устройству был подсказан Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, после Октябрьской революции большевистская партия высказалась за федерацию как необходимую форму государственного устройства Советских республик на переходный период от капитализма к социализму. Такое изменение отношения партии к федерации объяснялось следующими причинами.

Ко времени Октябрьской революции в обстановке распада буржуазно-помещичьей России некоторые национальности фактически уже отделились друг от друга в результате сепаратистской политики буржуазно-националистических правительств окраин, боровшихся против Советской власти.

В такой обстановке федерация была шагом вперед на пути сближения и объединения народов. Кроме того, в первые месяцы социалистической революции наметился новый тип федерации, неизвестной до Октября. В ходе советского строительства наметились такие формы федерации, которые не только не противоречили задачам диктатуры пролетариата, а, наоборот, полностью отвечали им.

Жизнь показала, что путь объединения наций в условиях невиданного по размаху национального движения значительно более сложен, чем можно было предполагать до Октябрьской революции. Учитывая практику советского строительства, обобщая богатейший опыт пролетарской революции, Ленин развил дальше марксистское учение о государственном устройстве в переходный период от капитализма к социализму и, в частности, о федерации.

В. И. Ленин пришел к выводу, что в результате победы Советской власти на окраинах России федерация с успехом может быть использована в целях создания многонационального Советского государства.

В условиях диктатуры пролетариата, при осуществлении лозунга права наций на самоопределение, вплоть до государственного отделения, советская федерация явилась средством укрепления доверия между трудящимися разных национальностей, средством их добровольного объединения для борьбы против общих классовых врагов.

Опыт борьбы Советской власти против контрреволюционных националистических правительств окраин, в частности против Центральной рады, показал, что единство России на основе федерации может быть достигнуто лишь на основе победы Советов.

Состоявшийся в декабре 1917 г. I Всеукраинский съезд Советов провозгласил на Украине Советскую власть.

В резолюции о самоопределении Украины съезд записал, что он при-

---

[164] СУ, 1918, № 15, ст. 215.

знает «Украинскую республику федеративной частью Российской республики» [165]. Тем самым съезд заложил основы федеративных связей между Украинской Советской республикой и РСФСР. Решение I Всеукраинского съезда Советов явилось выражением тенденции к тесному объединению украинского и русского народов, которое крепло в длительной совместной борьбе народов России против царизма, помещиков, капиталистов и иностранных захватчиков.

В ответ на решение I Всеукраинского съезда Советов правительство РСФСР приветствовало Советскую власть на Украине и обещало ей всемерную поддержку [166].

В начале января 1918 г. представители Украинского Советского правительства начали переговоры с правительством РСФСР о форме федеративной связи. 8 января 1918 г. украинские представители были приняты Лениным. Совнарком РСФСР согласился ввести представителя УССР в свой состав. На Украине стало действовать общефедеральное законодательство. Правительство РСФСР, весь русский народ оказывали Украинской республике большую помощь финансами, материалами, кадрами. Но переговоры о конкретных условиях и правовом закреплении федерации не были доведены до конца. Началась оккупация Украины немецкими захватчиками.

Образование РСФСР имело огромное значение для объединения всех народов. РСФСР стала ядром, вокруг которого сплачивались другие народы, оплотом в их совместной борьбе против контрреволюции.

Вопрос о конкретных формах федерирования национальных областей III съезд Советов предоставил решать каждой нации на своем съезде. Но федерация должна была строиться на основе добровольности — таков был важнейший принцип ленинского плана государственного строительства.

Советская федерация — это федерация нового, высшего типа, федерация социалистическая. Ее важной особенностью является то, что она обеспечивает национальностям различные формы автономии в зависимости от степени их экономического, политического и культурного развития. Одна из форм Советской федерации — союз независимых Советских республик. Другая форма основывалась на принципах областной автономии в пределах Российской Советской республики, как это предусматривалось первой программой партии 1903 г.

Вопрос об областной автономии имел исключительное значение в условиях борьбы с буржуазно-националистическими «правительствами» и партиями.

Буржуазные националисты на окраинах после разгрома контрреволюционных очагов изменили тактику. Для обмана масс и привлечения их на свою сторону они на словах стали признавать центральную Советскую власть, добиваясь автономии для «своего народа». Но им была нужна не советская, а буржуазная автономия, и они не признавали власти местных Советов. Лозунг автономии служил для них оружием в борьбе против Советов, за установление власти национальной буржуазии на местах.

Большевистская партия, напротив, добивалась, чтобы автономия обеспечила власть не национальной буржуазии, а трудящимся массам, а для этого она должна была строиться на базе Советов. Таким образом, строительство областной автономии увязывалось с задачами советизации нацио-

---

[165] «Образование СССР». Сборник документов. М.— Л., 1949, стр. 74.
[166] «Правда», 30 декабря 1917 г.

нальных окраин, сплочения окраин вокруг российского пролетариата, борьбы против буржуазного национализма.

Создание советских автономий началось весной 1918 г. Советские организации в Татарии и Башкирии разработали схему образования Татаро-Башкирской Советской республики и план федерирования с Советской Россией. Советское правительство пошло навстречу пожеланиям трудящихся татар и башкир. 24 марта Народный комиссариат национальностей опубликовал «Положение о Татаро-Башкирской Советской республике Российской Советской Федерации» [167].

Учредительный съезд Советов Татаро-Башкирии был назначен на 15 сентября 1918 г. Но идея создания Татаро-Башкирской республики не осуществилась. Начались интервенция и гражданская война. Территория проектируемой республики была оккупирована врагом.

В Туркестане буржуазно-националистическая контрреволюция пыталась использовать лозунг автономии для борьбы с Советской властью. Созданная ею так называемая Кокандская автономия была рассчитана на отрыв Туркестана от Советской республики. Чтобы обезвредить буржуазных националистов, необходимо было немедленно помочь народам Туркестана использовать их право на самостоятельное государственное существование. Однако туркестанские большевики допустили серьезные политические ошибки в этом вопросе, встав на путь отказа от самоопределения Туркестана. К тому же они не сумели сразу же создать советский аппарат, который мог бы опереться на широкие массы не только рабочих, но и крестьян-мусульман.

С целью исправления допущенных ошибок в проведении ленинской национальной политики в Туркестан в качестве чрезвычайного комиссара Советского правительства в апреле 1918 г. был послан большевик П. А. Кобозев. В Туркестан были также направлены представители Наркомнаца Х. Ибрагимов и А. С. Клевлеев.

Под руководством ЦК партии большевики Туркестана исправили свои ошибки. 20 апреля 1918 г. они созвали V съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов Туркестанского края. Съезд единодушно принял решение об объявлении советской автономии Туркестана и утвердил «Положение о Туркестанской Советской республике Российской Советской Федерации». Были избраны ЦИК и Совнарком Туркестана. Съезд направил в Москву комиссию из пяти человек для определения взаимоотношений с РСФСР. Комиссия была принята председателем ВЦИК Я. М. Свердловым.

Весной 1918 г. началась подготовка создания автономии казахских районов. А. Джангильдин, назначенный Совнаркомом в мае 1918 г. чрезвычайным и военным комиссаром Степного края, должен был созвать съезд Советов Казахстана, на котором и предполагалось провозгласить автономию. Но гражданская война не позволила тогда осуществить этот проект.

Так на обломках разрушенной царской тюрьмы народов начала строиться новая многонациональная Россия на основе союза и дружбы свободных народов, вступивших на путь создания социалистического государства. Этот союз был подготовлен совместной революционной борьбой трудящихся всех наций против царизма и капитализма, а также исторически сложившимися экономическими и культурными связями между народами России.

---

[167] СУ, 1918, № 30, ст. 394.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляя вниманию читателей последний, 3-й том «Истории Великого Октября», автор, однако, не считает свой труд завершенным. И не только потому, что изучение истории величайшей революции, охватившей огромную страну, нельзя закончить, даже если его ведет большой коллектив: каждый год исследований приносит все новые материалы и раскрывает все новые стороны проблемы. Нашу работу нельзя считать законченной еще и потому, что социалистическая революция в отличие от буржуазной не ограничивается переходом власти в руки нового класса. Этим она начинается, после чего перед ней встают гигантские организационные задачи по созданию нового общества, новой системы производственных отношений. Мы посвятили этому значительную часть предлагаемой работы.

Но основным, решающим условием для построения социализма и коммунизма является именно переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, установление диктатуры пролетариата. Не случайно В. И. Ленин в своей периодизации Октябрьской революции выделяет переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства в самостоятельный этап.

«Припомните главные этапы нашей революции,— писал В. И. Ленин в 1921 г.— Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки» [1]. К пониманию этого этапа подводит вся наша работа: исследование социально-экономических предпосылок революций 1917 г., процесса перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую, изменения соотношения классовых сил на всех этапах революции, установления диктатуры пролетариата и, наконец, победного шествия Советской власти по всей стране, а также осуществленных ею великих преобразований.

Перед автором стояла сложная и трудная задача. За долгие годы изучения истории Великого Октября создана огромная литература, насчитывающая тысячи названий. Труды по истории Октября неравноценны по уровню, написаны в разное время, причем преобладающая их часть посвящена проведению революции в тех или иных областях и республиках или отдельным ее проблемам.

В связи с этим назрела необходимость подвести итоги проделанному, проанализировать вышедшую литературу и создать обобщающий труд. Прежде всего требовалось показать великую революцию как единый процесс, имевший общую экономическую и политическую основу. Нужно было охарактеризовать как общие закономерности революции, так и специфику проведения ее на местах. Кроме того, труд, подводящий итоги изучения истории революции, имел задачей показать, насколько исследователи овла-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 102.

дели ленинской методологией и выявить, какие стороны ленинской оценки Октября остались недостаточно освещенными и какие вопросы требуют дополнительного исследования.

Разумеется, для написания обобщающего труда недостаточно было лишь проанализировать вышедшую литературу. Понадобилось привлечь новые архивные материалы и другие источники, а также современную иностранную литературу, далеко не в полной мере использованную исследователями. Не нам судить, насколько удалось выполнить этот замысел,— об этом, вероятно, скажут читатели и специалисты.

В нашей работе каждая глава завершается выводами, что позволяет обойтись без специального заключения. И все же хотелось бы остановиться на ряде вопросов, которые потребовали особого внимания и представляют интерес в свете опыта современного революционного движения.

В. И. Ленин задолго до Октября учил, что социалистическая революция — не одноцветное явление и не одноактная драма. Это сложнейший процесс, поднимающий на свержение старого строя не только пролетариат и его союзника — крестьянскую бедноту, которые являются движущими силами революции, но и огромные массы трудящихся, среди которых имеются группы с различными классовыми интересами и целями.

Ленин смеялся над теми, кто мыслил себе социалистическую революцию так, будто в одном месте выстроится пролетарское войско и скажет: «Мы за социализм», а в другом месте станет армия буржуазии и заявит: «Мы за империализм»,— и это, якобы, и будет социалистическая революция. Еще в 1916 г. Ленин прозорливо писал: «Социалистическая революция в Европе не *может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не* возможна *массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки» [2]. Задача партии — направить борьбу всех недовольных и угнетенных, объективно нападающих на капитал, «завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [3].

Насколько прозорлив был В. И. Ленин, как оправдалось его предвидение, говорят решения современных международных совещаний коммунистических и рабочих партий, содержащих подробный анализ различных сил, заинтересованных в свержении империализма. В этой связи чрезвычайно важно было осветить опыт большевистской партии по сплочению в период подготовки Октября всех революционных потоков.

В монографии уделено особое внимание роли партии и ее вождя В. И. Ленина в революции. Мы отмечали необходимость глубокого и всестороннего изучения этого вопроса еще в предисловии к первому тому. Но необходимо подчеркнуть, что история партии подвергается наиболее частым ожесточенным нападкам со стороны антикоммунистов, что требует систематической и решительной борьбы против любых попыток ее фальсификации.

---

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54—55.
[3] Там же, стр. 55.

Международные совещания коммунистических и рабочих партий с гордостью отмечали, что большевистская партия, созданная и руководимая Лениным, снискала себе уважение и признательность пролетариата всех стран самоотверженным служением интересам рабочих и всех трудящихся, верностью марксистскому мировоззрению, настойчивой и систематической борьбой за чистоту марксистских идей против всех и всяких видов ревизионизма, троцкизма и национализма, смелой, творческой деятельностью в развитии марксизма в новых условиях, непревзойденным умением вести революционную работу и в нереволюционное время. «Сегодня,— говорилось в обращении Международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.,— мы с полным основанием говорим об учении Ленина теми же словами, какими он сам охарактеризовал марксизм: это учение всесильно, потому что верно» [4].

В современных условиях особую важность приобретает богатейший опыт большевиков, которые сумели объединить все революционные силы общества, направить их на свержение старого порядка, поднять и организовать трудящихся на построение нового, социалистического общества.

На долю большевиков выпали огромные трудности, вызванные бешеным сопротивлением сил старого мира, неизведанностью путей социалистического строительства, экономической отсталостью и разрухой.

«Трудности необъятны,— писал В. И. Ленин об условиях работы партии.— Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши «твердокаменными» и представителями «костоломной политики». Но мы научились также — по крайней мере: до известной степени научились другому необходимому в революции искусству — гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным» [5].

Опыт международного революционного движения подтвердил правоту и всемирно-историческое значение учения Ленина о Советах. С того времени, когда он уже в первых Советах открыл прообраз новой формы власти, большевистская партия неустанно боролась за создание, укрепление и освобождение их от соглашательских руководителей, в лучшем случае пытавшихся сохранить Советы как форму организации трудящихся, но не как форму государственной власти. Конечно, ни один исследователь истории Октября не проходил мимо Советов, об их роли написано немало, но все же еще явно недостаточно работ, показывающих деятельность Советов уже в 1917 г. как второй власти, власти трудящихся. Вот почему значительную часть своего исследования автор посвятил освещению деятельности Советов, которые еще накануне Октября выступали как вторая власть, власть трудящихся, вторгавшаяся во все области общественной жизни. Изжив соглашательство, перейдя под руководство партии большевиков, Советы стали тем рычагом перестройки старого общества, с помощью которого пролетариат и крестьянская беднота вывели страну на путь создания социалистического общества.

Автор обратил внимание и на то, что в литературе недостаточно освещалась еще одна сторона вопроса о Советах. Трудящиеся получили воз-

[4] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 332.

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

можность воочию сравнить Советы не только с царским государственным аппаратом, но и с институтами буржуазно-парламентского типа в лице городских дум, земств и т. п., которые соглашатели пытались реформировать, улучшить, но сохранить. Изживание буржуазного парламентаризма шло в Советах и тогда, когда ими руководили соглашатели, выступавшие против того, чтобы Советы стали властью. Сравнив на собственном опыте обе формы власти, рабочие и крестьянская беднота разочаровались в своих «властителях дум», убедились в предательской роли меньшевистско-эсеровских лидеров и вручили руководство Советами большевикам. В этом опыте борьбы за власть Советов, в изживании буржуазного парламентаризма можно видеть одну из причин того, почему народные массы так быстро отвернулись от Учредительного собрания, которое по замыслу буржуазии и соглашателей должно было «увенчать» здание буржуазной демократии.

«Советский строй, — писал В. И. Ленин, — есть максимум демократизма для рабочих и крестьян, и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата» [6].

Выявлению основных причин быстроты и успешности создания нового типа власти — Советского государства, установлению власти Советов по всей стране и ее деятельности посвящена большая часть книги.

Ныне, когда с каждым днем усиливается борьба между социализмом и империализмом, особое значение приобретает вопрос о том, какой класс сплотит воедино всех угнетенных и поведет человечество к полному освобождению от гнета капитализма. Марксизм-ленинизм давно открыл, а опыт Октября и мирового революционного движения подтвердил ту истину, что гегемоном освободительной борьбы является единственный до конца революционный класс — пролетариат. Против этого особенно выступают адепты империализма, используя всевозможные группы ревизионистов и оппортунистов, как тех, кто пытается утверждать, будто бы пролетариат «растворился» в массе населения, так и тех, кто доказывает, будто эстафета революционного движения перешла из рук пролетариата к «мировой деревне». Естественно, что вопрос о гегемонии пролетариата занял первостепенное место в нашей работе.

В течение всего революционного 1917 года рабочий класс России выступал гегемоном, руководителем народных масс. Никогда и никому не уступал он своей гегемонии, руководя массами как в периоды натиска, так и во время вынужденных отступлений. Факты, приведенные в работе, в то же время показывают, что нельзя смешивать объективной роли пролетариата как единственного гегемона с осуществлением им задачи сплочения политических сил и организации штурма империализма. Величие партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина в том, что она сплотила воедино рабочих всех народов России, вооружила их сознанием неизбежности и необходимости свержения буржуазного правительства, правильно определила момент «созревания плода» и повела политическую армию на штурм и ликвидацию диктатуры буржуазии.

Опыт Октябрьской революции и последующего международного революционного движения подтверждает ленинскую мысль о необходимости

---

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 147.

подавления сопротивления буржуазии, готовой идти на все ради сохранения власти в своих руках. Диктатура пролетариата в России, как показано в данной работе, выполнила эту задачу, быстро и решительно подавив сопротивление буржуазии и всех ее сторонников. Современные фальсификаторы Октября пытаются объяснить триумфальное шествие Советской власти «апатией» масс. Они уверяют, что большевикам удалось установить свое господство, потому что «народ безмолвствовал». Но о какой апатии может идти речь, если многочисленные данные, приведенные в книге, свидетельствуют о том, что не было ни одной губернии или города, где трудящиеся активно не боролись бы за установление Советской власти. Дело было не в «апатии» масс, а в изоляции сил старого порядка, не имевших сколько-нибудь широкой поддержки. Быстрое подавление сопротивления контрреволюции показывает, насколько созрели социально-экономические предпосылки пролетарской революции и как глубоко в народные массы проникло сознание, что только переход власти к Советам может спасти их от голода, вымирания, гнета и насилия. А без такого сознательного участия народных масс, как показала история, революции не побеждают.

Не следует забывать, что подавление сопротивления контрреволюции произошло в гражданской войне, развязанной свергнутыми классами. Они поставили на карту все, чтобы не допустить установления Советской власти. Победа Советов в этой гражданской войне еще раз убедительно показала, что сопротивление свергнутых классов было обречено, что оно привело лишь к кровавым жертвам, понесенным народом, и ускорило полный крах контрреволюции.

Опыт гражданской войны вскрыл одну из закономерностей эпохи Великого Октября. Народ, особенно если во главе его стоит подлинно революционная партия, в состоянии добиться победы над внутренними эксплуататорами. Только вмешательство иностранных империалистов может поставить под сомнение победу союза рабочих и других слоев трудящихся масс. Этот вывод неоднократно подтверждался современной борьбой за освобождение от ига империализма.

Необходимо упомянуть еще об одной проблеме, которая в работах по истории революции часто излагается бегло, а именно — истории партийного и советского строительства и первых социалистических преобразований. Даже во многих очерках по истории местных партийных организаций очень скупо говорится о крутом изменении положения партии большевиков после победы Октября: из силы, разрушающей старое эксплуататорское общество, она превратилась в силу, руководящую строительством нового общества. За короткий исторический срок была проделана гигантская работа. Страна была полностью очищена от всех остатков средневековья и крепостничества. Монархия, сословность, помещичье землевладение, национальный гнет, бесправное положение женщины, власть религиозного дурмана были ликвидированы как ни в одной из предшествующих революций.

Очистка этих «авгиевых конюшен» средневековья являлась задачей буржуазно-демократической революции, но осуществила ее пролетарская революция. В. И. Ленин неоднократно указывал, что вопросы буржуазно-демократической революции были решены «походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы» [7].

[7] Там же.

Но помимо доведения до конца буржуазно-демократической революции, гигантски много было сделано для осуществления главной задачи революции — социалистического преобразования общества. Была установлена диктатура пролетариата, власть полностью перешла в руки пролетариата и беднейшего крестьянства под руководством рабочих. В огромной степени повысилась организованность трудящихся и прежде всего их ведущей силы — рабочего класса. Его представители находились в каждой отрасли государственного управления, в каждом звене социалистического хозяйства.

Октябрьская революция развеяла по ветру предрассудок, усиленно внедрявшийся в сознание трудящихся буржуазией и ее «учеными» лакеями, будто трудящиеся неспособны управлять государством. Рабочий класс смело брался за штурвал управления страной.

Советская власть немедленно после победы революции установила рабочий контроль над производством и потреблением, обеспечивший подготовку кадров для управления хозяйством. Смело и решительно проведена была национализация банков, в корне подорвавшая господство буржуазии и гнет капитала над трудящимися. Советская власть приступила к национализации ведущих отраслей промышленности. Были отданы на слом старый государственный аппарат, все органы насилия над трудящимися и создан новый аппарат государственной власти.

В. И. Ленин, анализируя ход пролетарской революции за короткий срок с 25 октября до роспуска Учредительного собрания, писал:

«...Мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, *для* социалистической, пролетарской революции: (1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию *им* государственной власти. (2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. (3) Мы создали советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов» [8].

Ни одна из предыдущих революций, даже Великая французская революция XVIII в., не знала ничего подобного в смысле столь быстрого и решительного создания нового государства. К. Маркс, например, еще в 1844 г. писал о длительности создания аппарата государственной власти буржуазии: «Жизненная история французской революции, ведущей свое летосчисление с 1789 г., не закончилась еще 1830-м годом...» [9] А Великая Октябрьская социалистическая революция установила власть Советов по всей необъятной стране и создала новый тип государства в каких-нибудь 10 недель. Конечно, его укрепление и совершенствование продолжалось и в дальнейшем, но в основном новая форма государственной власти — советский тип государства — была создана в первые же два с половиной месяца развития Октябрьской революции.

Разумеется, не следует забывать, что Великий Октябрь совершался в значительно более благоприятных условиях, чем революции XVIII — XIX вв. Развитие капитализма в России зашло несравненно дальше, перейдя уже в последнюю стадию — империализм. Классовые противоречия были здесь острее и глубже. В стране сформировался и закалился в революционных боях пролетариат, явивший миру новые формы борьбы, вплоть

[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 102.
[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 2, стр. 138.

до вооруженного восстания, и создавший новую форму государственной власти — Советы. По всей России развернулось могучее революционное движение, во главе которого шел пролетариат, и она превратилась в центр международного рабочего движения. Но главная отличительная черта и характерная особенность Октября состояли в том, что он происходил тогда, когда уже была создана революционная партия нового типа — марксистско-ленинская, большевистская партия.

Говоря о трудностях Парижской Коммуны, первого опыта рабочего правительства, В. И. Ленин отмечал, что ее «смысл и цели... не знало громадное большинство крестьян во Франции»[10]. В Октябре 1917 г. было иначе. Советы рабочих и солдатских депутатов были теми органами, в которых воплотилась идея Ленина о союзе пролетариата и крестьянства как решающей общественной силе. Неустанно развивая и обогащая эту идею, Ленин учил партию подходить к разным слоям крестьянства в разных исторических условиях с классовых позиций. Эта четкая классовая постановка вопроса обеспечила партии правильный выбор союзников пролетариата в великом деле свершения пролетарской революции и социалистического строительства.

Стремясь отвлечь народные массы от социализма, антикоммунисты нередко «пугают» их «эгоизмом большевиков» — они будто бы не считались с интересами народа, а брали власть для себя, для своей партии, не признавали, якобы, блоков и соглашений с другими партиями. Этот «довод» говорит не только о классовых целях защитников буржуазии — оклеветать большевиков, не допустить массы идти по пути Октября, — но и свидетельствует о полном невежестве фальсификаторов. Достаточно напомнить, что большевики были единственной партией, которая уже в апреле 1917 года провозгласила лозунг «Вся власть Советам!». Как известно, в Советах тогда преобладали эсеры и меньшевики, и, следовательно, большевики призывали передать всю власть в стране эсерам и меньшевикам, оставляя за собой право свободной агитации. Лозунг «Вся власть Советам!» не снимался с повестки дня вплоть до июльских событий, когда мелкобуржуазные лидеры скатились в лагерь контрреволюции. Но и после этого, когда генерал Корнилов поднял мятеж, большевики снова предложили эсерам и меньшевикам брать власть; они, однако, отказались, предпочли союз с буржуазией. Второй Всероссийский съезд Советов не исключал эсеров и меньшевиков из своего состава: они сами покинули съезд. Тем не менее Второй съезд Советов принял резолюцию о пополнении избранного им Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) представителей ушедших партий, при условии признания ими перехода власти к Советам. Но мелкобуржуазные лидеры остались в лагере контрреволюции. Однопартийная система не являлась требованием большевистской программы, она сложилась исторически.

Не выдерживает критики и другой «довод» антикоммунистов, выдвигаемый ими для «запугивания» масс: будто коммунисты считают обязательным для всех стран и народов весь опыт истории Октябрьской революции. В. И. Ленин задолго до революции критиковал и высмеивал этот «довод». Он писал, что каждый народ внесет в свою революционную борьбу за социальное освобождение нечто специфическое, зависящее от исторических условий, традиций, представлений и т. п. Ярко и определенно разъ-

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 261.

яснял позицию коммунистов Л. И. Брежнев: «Нет сомнения, что переход к социализму других народов и стран с различными уровнями развития и национальными традициями принесет еще большее разнообразие конкретных форм социалистического строительства. Это вполне естественно.

Однако, как подтверждает жизнь, остаются и сохраняют свою силу общие коренные, неотъемлемые черты социалистической революции и социалистического строительства». Одна из важнейших черт совокупного опыта развития мирового социализма связана с главным вопросом революции — вопросом о власти. «Или власть рабочего класса, выступающего в союзе со всем трудовым народом. Или власть буржуазии. Третьего не дано» [11].

Современные буржуазные фальсификаторы истории Октябрьской революции пытаются уверить читателей, будто большевики отказались от своей аграрной программы и приняли на вооружение эсеровскую платформу уравнительного распределения земли. Нетрудно понять, чего стоит политическая партия, лидеров которой пришлось разоблачать и изгонять с руководящих постов для того, чтобы провести в жизнь... ее же идеи! Но этот факт еще раз убеждает, что классовый подход является единственно научным, единственно правильным методом. В действительности существо дела не в том, что эсеры поддерживали — кстати, не ими выдвинутую, а родившуюся в недрах крестьянства — идею уравнительности, а в том, как они хотели провести ее в жизнь: эсеры предполагали реализовать ее в союзе с буржуазией при сохранении капитализма. А большевики сумели убедить трудящихся крестьян на их собственном опыте, что этого можно добиться только в союзе с пролетариатом и под его руководством. Жизнь показала трудящимся крестьянам, что только социалистическая революция, только диктатура пролетариата может обеспечить их интересы. «Мы никогда не сомневались в том, — говорил Ленин на III Всероссийском съезде Советов, — что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о которых говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось, после 25 октября, сразу, в течение нескольких недель, преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза» [12].

Неоценимую роль в успехе Октябрьской революции сыграло постоянное внимание, которое большевики уделяли отстаиванию коренных интересов трудящихся. «...Победа... Советской власти...,— писал Ленин,— достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству» [13].

Мы остановились лишь на некоторых общих вопросах, не касаясь многих других, которые рассматриваются в этой работе. Среди них вопрос о том, что Октябрь открыл новую эпоху всемирной истории, превратив борьбу за мир из смутных ожиданий и неопределенных пожеланий в четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов; о международном значении Великого Октября, значительно повысившего организо-

---

[11] *Л. И. Брежнев.* Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, стр. 17—18.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 262.
[13] Там же, стр. 269.

ванность пролетариата и всех прогрессивных сил, положившего начало «весне человечества», открывшего путь к миру, свободе, социализму.

Добавим, что в процессе работы над историей Великого Октября мы всегда помнили вдохновенные слова организатора, руководителя Октября и его первого историка В. И. Ленина: «...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, истории господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн» [14].

Мне остается еще раз поблагодарить тех скромных, трудолюбивых, отзывчивых сотрудников архивов и библиотек, в которых я работал, всех авторов, на труды которых я опирался, а также учеников и коллег из Научного Совета по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» за помощь в подготовке к изданию трех томов «Истории Великого Октября».

[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 148.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аболь К. Я. 76, 77
Абрамов П. Н. 707, 817
Абрамович Р. А. 159
Абрамовский А. П. 765
Аванесов В. А. 35, 673, 871
Авдоков Ю. К. 748
Аверин В. К. 396, 518, 519, 528
Аверьев В. 704
Авилов Н. П. (Глебов Н.) 659
Авинов Н. Н. 836
Авксентьев Н. Д. 58, 96, 99, 107, 133, 135, 136, 147, 282, 347, 356, 676, 688, 837, 840, 848, 853
Автономов А. И. 459
Агапеев В. П. 563, 566
Агапов В. Е. 256
Агеев П. М. 112, 451
Аджемов М. С. 827
Азаров В. И. 396
Азарх Р. М. 78
Акопян А. М. 581
Акрелян 344
Аксенов А. Н. 608, 609, 611
Акулов И. А. 646, 647
Алгасов В. А. 396, 688, 692, 693
Александер К. А. 590
Александров А. К. 75
Александрович В. А. 682
Александрович Л. А. 369
Алексеев А. 259
Алексеев М. В. 98, 445—448, 469, 583, 586, 588, 605, 635, 839—841
Алексеев Н. А. 871
Алексеевский В. А. 364
Алексеевский Л. Н. 679
Алешин А. А. 11, 78
Алешкин 334
Алибегов И. Я. 338
Аллен Н. 545
Альтман С. Г. 78
Альтфатер В. М. 310
Аминев З. А. 471, 472
Амосов А. М. 78
Ангарский Н. С. 9, 40, 58, 59, 75
Ангелеску 573
Андерсон 682
Анджиевский Г. Г. 463
Андреев А. 9, 68, 344
Андреев В. 434
Андреев П. 242
Андреев-Рожен Э. В. 62, 84, 177, 185, 233
Андрианов Н. А. 427
Аникеев А. П. 150
Аникеев В. В. 9, 653
Анин Д. 217
Анисимов Н. А. 465
Ансеров Н. 362
Антонов-Овсеенко В. А. 120, 121, 131, 138, 139, 457, 458, 461, 528, 530, 539, 659, 671
Антонов-Саратовский В. П. 430, 688
Антонюк Д. И. 568, 569, 571, 574
Анучин С. А. 344
Аргунов А. А. 837
Аргутинский А. 139
Арефьев Н. С. 790
Аристов М. Л. 466
Аристов С. 404
Арманд И. Ф. 9, 11, 499
Ароштам Г. Н. 78
Аросев А. Я. 9, 45, 55, 62, 66, 175, 178, 226, 272
Артамонов 249
Артем см. Сергеев Ф. А.
Артемов И. И. 441
Артемов М. П. 27, 29
Артемьев С. А. 427
Артишевский В. В. 70
Арутюнянц П. Г. 242, 258
Астапович З. А. 739, 742
Астахов В. И. 514—517
Астров Н. И. 21, 260
Атарбеков А. 578
Ауссем В. Х. 522
Афанасьев Н. 721, 791
Афиногенов 365
Афонин Е. Л. 65, 204
Афтенюк С. Я. 568, 569, 571, 572, 574

Бааге Д. П. 501
Бабиков Е. Н. 633
Бабичев П. С. 398, 835
Бабушкин 598
Бабушкин Г. Л. 424
Бакинский С. С. 521, 522
Баклаев Г. П. 408
Балабанов 502
Балуев П. С. 90, 94, 114, 169, 188, 229, 232—234, 319, 336—337, 493, 554—556
Бальбатов С. М. 148
Бальфур А. Д. 305, 307
Баранов А. В. 419

Баранов П. И. 362, 368
Барановский В. Л. 89, 90, 101, 103, 108, 109, 113, 140—142, 146, 147, 150, 162, 163
Барановский Н. Н. (Николай Большой) 618
Барболин С. Д. 213, 259
Барклей К. 469, 630
Барокова М. А. 768
Барышников В. Н. 9
Батышев И. Г. 76
Бах Г. Г. 287
Бахарев К. И. 406
Бахметьев Б. А. 282, 287
Безелер 566
Беленький Г. Я. 49, 75
Беликова Л. И. 615, 624
Беляев И. В. 406
Беляков Н. К. 244, 310
Березин Т. Я. 310
Березкин А. В. 100
Березняков Н. В. 571
Берз Л. И. 450, 451, 453, 460
Берзин О. М. 64, 67, 175, 196, 197
Берзин Р. И. 349, 529
Берзин Я. А. (Зиемелис) 543
Берсон С. 557
Бертело 295, 303
Берти Ф. 278
Биндусов А. А. 399
Бирман М. А. 278
Биценко А. А. 310, 835
Благоев Д. 278
Благонравов Г. И. 134, 137
Блохин А. Д. 11, 66, 70, 175, 239
Блюхер В. К. 419, 429, 472, 654
Бобинский С. Я. 75
Бобров 256
Богаевский М. П. 112
Богданов 146
Богданов Б. О. 282
Богданов М. С. 126, 558
Богданов П. Г. 411
Богомаз 334
Богословский 204
Богров-Сергеев С. Е. 65, 78
Боде Н. Н. 147, 446
Бойе 120
Болдырев В. Г. 162, 293, 294, 331
Большаков Н. 404
Бондарев Т. Л. 528
Бонч-Бруевич В. Д. 660, 759, 760, 789, 790
Борзунов В. Ф. 614
Борисов И. И. 78
Борчанинов А. Л. 394, 418
Борщевский А. С. 75
Борщевский В. Я. 454, 457, 528
Бочков А. И. 427
Бош Е. Б. 490, 491, 493, 522, 528
Боярский А. Ф. 343, 559, 560
Брандт 28—30, 229, 233, 234
Братиан И. 502, 527, 573
Брежнев Л. И. 884
Брешко-Брешковская Е. К. 837
Бригодерян Ш. 576
Бровкин В. Х. 712
Бродская С. А. 78
Броун-Ракитин М. 135, 136
Брудерер А. А. 134—136
Буачидзе С. Г. (Ной) 464, 465
Бубнов А. С. 149, 243, 665
Будзынский С. Я. 9, 62, 64, 66, 70
Бужор М. 576
Буздалин С. Ф. 514
Буйнакский У. Д. 465
Букейханов А. 469
Булат А. А. 356
Бумажный Е. И. 9
Бундурин Ф. М. 56, 411
Буров М. Н. 439
Бурышкин П. А. 172
Бутаев 365
Буторин 791
Бутылкин П. А. 792, 816
Бухарин Н. И. 9
Бухаров Н. 354
Быков П. М. 416
Бьюкенен Д. 99, 100, 281, 286, 288, 302, 305, 307

Вавилов П. А. 429
Вайнштейн С. М. 152, 356
Вакутов 256
Вальден П. Б. 131
Вальтер 114
Ваничков В. Ф. 126
Варганов В. А. 454
Варенцова О. А. 9, 40, 75
Васенко Е. Л. 419
Василевский В. И. 626, 631, 633
Васильев А. Г. 324
Васильев-Южин М. И. 423, 430, 688
Васюков В. С. 99
Васянин И. П. 350, 354, 491
Ватин В. А. (Быстрянский) 518
Вахбрейт З. 532
Вахитов М. 427, 871
Вахрамеев И. И. 123
Вацетис И. И. 564
Вегер И. С. (Отец) 243, 244
Ведерников А. С. 11, 33, 39, 53, 55, 59, 60, 62, 66, 217, 218, 221
Вейсброд Б. С. 74
Венедиктов А. В. 749, 750, 768
Венедиктов Е. М. 571
Верветченков Я. 256
Верземнек О. К. 40, 75
Вериго 143
Вершинин Л. А. 326
Ветошкин М. 618
Ветошкин Т. В. 609
Викснинь Э. 545
Виленкин 100
Вилкс Я. 545
Виллер С. 357
Вилнис Я. 544

Вильгельм II 277, 291
Вильсон В. 279, 301, 304, 308, 501, 572, 584
Вильямс А. Р. 720
Вилюга С. Л. 565
Винниченко В. К. 496, 497, 504, 509, 510, 523, 524
Виноградов В. А. 722, 724, 725, 731
Виноградская П. С. 52, 175, 245
Вирановский Г. Н. 351
Витгенштейн 549
Витковский К. Ф. 73
Витоль 365
Вишневский А. А. 497
Вишняк М. В. 847
Владимиров П. 9
Владимирская В. И. 278
Владимирский А. Л. 66
Владимирский М. Ф. 9, 11, 12, 45, 49, 53, 54, 82, 175, 209, 215, 227
Власенко С. Н. 518
Вноровский 240
Вознесенский А. Н. 84, 198, 199, 210, 212, 217, 259
Войрш Р. 293, 376
Войтинский В. С. 88—91, 93, 102, 103, 105, 140—142, 147, 150, 166, 325
Войтов А. 330
Войтович В. 40
Волгин В. П. 250, 256
Волин Б. М. 79, 698
Волков В. Д. 682
Володарский В. 129, 345, 368, 534, 560, 673, 677
Володченко Н. Г. 104, 352, 377, 483, 505
Вольский 250, 256
Вольф 541
Вомпе П. А. 148, 149, 152, 220, 260
Вопичка Ч. 573
Воробьев Н. 40, 365
Воробьев Я. З. 425
Ворожцов Н. П. 350
Воронков И. Г. 438, 709
Воронович Н. 106
Воропаев В. 78
Ворошилов К. Е. 454, 511, 671
Вотинова К. Я. 415
Врангель П. Н. 103
Врачев И. Я. 437
Вылузгин 811
Вырубов В. В. 103, 110, 169, 187, 188, 212, 485, 492

Гаврилов Г. Т. 395, 431
Гайлис К. А. 163, 324, 328, 355, 545
Галин 28, 30, 230
Галин 526, 527
Галкин А. В. 126, 396
Галус П. Г. 592
Гальперин Л. Е. 62, 99
Гамарник Я. Б. 483
Гамов И. М. 625, 630, 634
Ганелин Р. Ш. 727
Гапоненко И. Н. 804
Гапоненко Л. С. 7, 8, 40, 334, 337, 339, 342, 345, 376, 381, 382, 400, 422, 434, 555, 560
Гар О. Б. 220, 260
Гаркавенко Д. А. 355
Гаррет 287
Гафуров Б. 589
Гвоздев К. А. 836
Геккер А. И. 369
Гендельман М. Я. 152
Генкин Л. Б. 736, 741, 765
Георгенбергер И. Е. 116
Герасимов М. П. 429
Гертлинг 277
Гимпельсон Е. Г. 854, 855
Гиндин А. 758—760, 762
Гинев В. Н. 860
Гинсбург А. 427
Гирс М. Н. 287
Гладков И. А. 749, 752, 756, 757, 765, 766, 768, 770, 775, 779, 781
Глебов Б. 137
Глебов Л. Д. 440
Глик Б. К. 541
Гнесин Ф. 605
Говорков А. А. 802, 808, 815, 816
Гогенлоэ 549
Голеевский 281
Голенко Г. К. 9, 66
Голинков Д. Л. 136, 446, 687
Голуб П. А. 318, 321, 346, 352, 355, 357, 376, 383, 423
Голубев И. М. 65, 76
Голубева Р. И. 594
Голубович В. А. 497
Гольдман К. 256
Гольдманис 544
Гончаренко Н. Г. 451, 453, 454, 458, 514
Гончаров Н. К. 65, 78
Гончарюк 365
Гопнер С. И. 518
Горбунов А. И. 40, 78
Горбунов Н. И. 660
Горвиц А. Б. 483, 487
Гордиенко И. М. 126
Гордон М. 737
Городецкий Е. Н. 131, 380, 382, 385, 669, 670, 682—686, 703, 711, 735, 736, 745, 749, 833, 834, 839, 840
Горюшкин Л. М. 616
Готовкин М. И. 406
Гофман М. 310—312, 566
Гофман С. Х. 740
Гофмейстер 294
Гоц А. Р. 58, 107, 135, 136, 147, 282, 347, 837
Грасис К. Я. 427
Граф Н. 98, 446
Грачев Е. 426
Грейбер 364
Греков А. Н. 87
Григоров Б. Н. 84, 85, 187, 188

Грицман Я. А. 74
Громан В. 776
Громашевский Л. В. 344
Грузман Ш. А. 454
Грунин Г. В. 626
Грунин И. А. 148
Грунт А. Я. 7, 8, 23, 24, 26, 40, 86, 90, 214
Грушевский М. С. 500
Губанов В. Н. 437
Гувер Г. 619
Гузарский Ю. 358
Гуздовский В. Е. 619
Гулькевич К. Н. 287
Гуревич 853
Гуревич Б. Н. (Бер) 516
Гуревич-Борисов А. 73
Гусев А. С. 40, 65
Гусев Т. 78
Гучков А. И. 15, 825
Гюше 448

Давыдов М. И. 772, 775—778, 780
Давыдов Н. М. 395
Давыдовский Я. Л. 204
Дан Ф. И. 58, 152—156, 772
Данилевич 104, 105, 108, 146, 147
Данилов И. 409
Данилов С. 406
Дану Е. Н. 295, 359, 502, 503
Дахин 334
Дашевский И. С. 352
Дворецкий-Каулинь К. 545
Деглав Ф. 540
Дегтярев Л. С. 365
Дедусенко Я. Т. 109
Декандоль 448
Дементьев 343
Демидов В. П. 40, 76, 216, 226, 227
Демидов С. 40
Демьянов А. А. 836
Ден 29
Деникин А. И. 259, 445, 634—636
Денстервиль Л. 583, 606
Дербер П. Я. 631, 632
Джангильдин А. 602, 876
Джапаридзе П. А. (Алеша) 578
Джедсон У. В. 296, 300, 301
Дженкинс Д. 500, 501
Дзевялтовский И. Л. 120
Дзержинский Ф. Э. 158, 446, 665, 673, 679—682, 688, 732
Диманштейн С. М. 871
Димитров Г. 278
Дитерихс М. К. 90, 94, 110, 115, 147, 163, 189, 190, 199, 200, 207, 209, 211, 229, 230, 232, 233, 303
Дмитриев И. Г. 355, 558
Добрынин П. Г. 40, 205, 214, 242
Довбор-Мусницкий И. Р. 144, 145, 150, 303, 321, 336, 447, 555, 562—567, 818
Додонов И. К. 594
Додонова А. А. 62, 175
Долгополов А. Г. 802, 805, 815
Долгоруков П. Д. 16
Донской Д. Д. 105, 372
Дорошенко В. 499
Дорошенко Д. И. 351, 503, 506
Досумов Я. М. 594
Дрениц 256
Дризул А. А. 324, 329, 545
Дробижев В. З. 725, 726
Дубовой Н. И. 454
Дунаевский В. А. 453
Дутов А. И. 86, 369, 419, 428, 431, 444, 445, 447, 456, 457, 468—473, 564, 605, 630, 635, 640, 773, 779, 838
Духонин Н. Н. 27, 38, 88—90, 94, 101—104, 106, 109—112, 114, 115, 117, 144, 145, 147, 150, 160, 162—164, 166, 167, 169, 186—191, 219, 229—233, 283, 290—293, 295—299, 302, 303, 316, 320, 338, 347—349, 351, 488, 493—495, 556
Душкин А. Б. 446
Дыбенко П. Е. 127, 131, 139, 165, 166, 240, 659, 660, 671, 847
Дыков И. Г. 790, 791
Дэниелс Р. 46, 268

Евсеев Д. Г. 126
Егоров А. И. 330
Егоров Е. Н. 126
Егоров Н. Ф. 126
Егоров П. В. 457, 528
Ежов Н. Я. 427
Елеуов Т. 467, 594, 596, 601—603
Емельянов 143
Емельянов В. А. 75
Емельянов М. Ф. 682
Еремеев К. С. 126, 131, 244, 362
Еремин 73
Ерицян Х. А. 709, 710
Ермаков 631
Ерман Я. З. 395, 431
Ермолаев 78
Ермощенко В. И. 429
Ерхан П. 570, 572
Ершов Н. Е. 427, 428
Есауленко А. С. 568, 569, 571, 572, 574
Ефимов П. А. 608
Ефремов Д. И. 78
Ефремов Е. Е. 65

Жаворонков Р. И. 204
Жаров 197
Жданов В. А. 28, 110, 198, 335, 555—557
Жебрунов А. 213
Желевский 342
Железняков А. 849
Житников Я. Е. 599
Житов К. Е. 591, 594
Жлоба Д. П. 454
Жолнерович 758
Жугин А. И. 405
Жук 240
Жук А. 499
Жуков П. 490

Жуо Л. 278
Журавлев В. 490
Журавлева Н. С. 802, 808, 813, 815
Жюссеран Ж. 306, 500, 501, 629

Заблоцкий 250
Забродин В. А. 76
Заикина Ф. Г. 651, 653, 654
Зайцев 214
Зайцев 330
Зайцев 606
Зайцев Ф. И. 454
Закгейм Д. С. 409
Закржевский 143
Залепин И. Г. 781
Зализняк Н. 499
Залмаев Я. В. 454
Зандрейтер Э. 545
Заонегин Г. З. 332
Заорская В. В. 590
Затонский В. П. 483, 486, 487, 522
Захаров 344
Захаров 631
Захаров В. Т. 808
Захаров С. М. 413, 414
Захарочкин З. 465
Звездов А. А. 126
Зеленов М. 194
Зеленский И. А. 76
Зелинский Е. В. 98, 445
Землячка Р. С. (Самойлова) 9, 11, 40, 49, 53, 76, 79, 257
Зензинов В. М. 96, 98, 107, 845
Зив В. С. 414
Зиле Я. 545
Зима А. Г. 594, 598, 603, 604
Зимин Н. Н. 40, 78, 79
Зиновьев Г. Е. 45, 122, 287, 665, 666, 674
Зинченко В. 602
Зитта В. Ф. 256
Златоверов М. О. 215, 238, 242
Злодеев Н. И. 126, 130
Знаменский А. А. 76
Знаменский Г. В. 363, 369
Знаменский О. Н. 825, 834, 838
Зольников Д. М. 621
Зоф В. И. 126, 350
Зубатов В. 259
Зубатов В. П. 142
Зубрилин И. 490, 492, 493
Зуев П. И. 366

Ибрагимов Ш. Н. 76
Ибрагимов Х. 876
Иванов 344
Иванов А. В. 483, 487, 488
Иванов В. И. 76
Иванов Н. В. 683
Иванов С. А. 326
Игнатенко И. М. 567
Игнатов Е. Н. 39, 61, 62, 184, 208, 225
Игнатьев В. И. 133, 166
Игнатьев Г. С. 24
Избачев В. Г. 626
Ильясов С. И. 592
Илюшин А. К. 350
Иманов А. 602
Инкулец И. 570
Иноятов Х. Ш. 593, 594, 598, 605
Ионенко И. М. 423, 426
Иорданский Н. И. 104, 110, 113, 187, 352, 484, 485, 490, 492
Иорш И. В. 760
Иоффе А. А. 310, 665
Иоффе Г. З. 623
Иоффе С. С. 56
Иргаш 605, 606
Ирошников М. П. 660
Исаев А. А. 99
Исаков П. 352
Исполатов Н. Н. 441
Исув И. А. 57, 59—61, 180, 184, 192, 193, 207
Иткис М. Б. 568, 569, 571, 572, 574

Кабакчиев Х. 278
Кабанов В. В. 860
Кавтарадзе С. И. 578
Кадейкин В. А. 614
Казанский М. К. 406
Кайгородов 197
Кайминь Я. 323, 324, 542, 543
Каледин А. М. 99, 100, 111—114, 117, 158, 159, 164, 190, 232, 244, 304, 331, 357, 369, 372, 435, 443—462, 468, 469, 471, 504, 505, 509—511, 518, 524, 537, 564, 572, 583, 586, 588, 630, 635, 640, 674, 682, 773, 779, 780, 838, 839, 841, 857
Калинин 426, 427
Калинин М. И. 695—697, 702, 776
Калманович М. И. 334
Калмыков И. П. 630, 634
Калмыков К. В. 182
Калнин О. Ю. 76
Калпашников 449, 682
Каменев Л. Б. 45, 122, 151, 153, 154, 156—159, 220, 264, 287, 310, 639, 649, 663—666, 674, 841
Каменщиков В. В. 337, 381, 384, 564
Капустин М. И. 293, 324, 325, 329, 332, 333, 336, 380, 382
Караваев М. П. 269
Карапетян С. Х. 581
Карасев Ф. 352
Караулов 369
Карахан Л. М. 310
Кардашев Н. Н. 437
Карелин В. А. 525, 665, 669, 800
Каримов Т. 594
Карклин О. Я. 871
Карпенко А. Е. 487
Кауль 411
Каутский К. 390
Кауфман А. А. 16
Кафенгауз Л. Б. 185

Кац 365
Кашицын 330
Квасников А. М. 623
Квесис Ю. К. 40
Квецинский М. Ф. 484—488, 492, 496
Квиринг Э. И. 518, 528
Кедров М. С. 612
Кенжебаев С. М. 602
Кеннан Д. 282, 287, 290, 301, 302
Керенский А. Ф. 11, 15, 37, 38, 48, 51, 58, 69, 71, 86—95, 98—117, 119—133, 136, 139—147, 149, 150, 152, 154, 155, 157—169, 189—191, 211, 220, 222, 224, 228, 229, 231—235, 239, 240, 243, 247, 251, 282, 283, 285, 289, 298, 304, 317, 319, 320, 325, 326, 330, 331, 338, 339, 394, 416, 431, 485, 493—495, 511, 544, 555, 556, 635, 664, 677, 689, 729, 773, 824, 836, 841, 847, 848, 853
Керт М. 297, 299, 300
Кибардин М. А. 799, 802, 815, 816
Кибрик Б. С. 34, 35
Кизельштейн И. С. 9, 54
Киквидзе В. И. 357, 358
Кикути 628
Кин П. А. 514
Кингисепп В. Э. 326, 546
Кип Дж. 639—641
Кириенко И. И. 484, 488, 496
Кириенко Ю. К. 113, 460
Кириллов И. А. 801
Киров С. М. 395, 463, 464
Кирсанова К. И. 618
Киселевский 28
Киуру М. Х. 321
Кишкин Н. М. 13, 84, 431
Клевлеев А. С. 876
Клемансо Ж. 278, 279, 295, 304, 305
Клингер Г. К. 871
Кляцкин С. М. 381, 383, 385
Книпович Б. Н. 801
Книрш Б. И. 142
Кнорин В. Г. 334
Кобозев П. А. 457, 471—473, 876
Кобро 256
Ковалевский Ф. М. 188
Коварский И. Н. 172, 182
Коган Г. 39
Коган И. Л. 344, 559
Козелев Б. Г. 54, 68, 209
Козловский М. Ю. 679, 825
Козменко И. З. 516
Козьмин П. А. 749, 776
Коковихин М. П. 350
Кокошкин Ф. Ф. 825, 827, 828, 832
Кокурин Л. 246
Кокушкин И. А. 9
Кол Ф. 611, 612
Колдуэл 628
Колегаев А. Л. 669, 798
Колеров В. А. 837
Колесов Ф. 596
Коллонтай А. М. 660
Колотухин Т. М. 336, 557
Кольцов А. А. 65, 77
Колющенко Д. В. 419
Комаров А. И. 436
Кондратьев В. А. 71, 241, 247
Кондратьев Н. Д. 185, 677
Кондурушкин И. С. 364
Кондуфор Ю. Ю. 514—517
Константинов И. К. 62
Константинов М. (Михеев) 246
Коптев М. В. 407
Копылов В. Р. 803, 815
Корганов Г. Н. 372, 578
Коргунов 334
Коренной 76
Корнеев Е. Я. 656
Корнилов Л. Г. 11, 86, 91, 100, 113, 145, 158, 159, 244, 369, 445, 456, 461, 469, 562, 635, 883
Коробов С. А. 427
Коровиченко П. А. 595
Корчин М. Н. 450, 452, 453
Косиор И. В. 11, 73
Костеловская М. М. 257
Костицын Т. Д. 490—493
Котляревский С. А. 185
Котовский Г. И. 575
Коутс З. 279
Коцебу П. А. 366, 370
Коцюбинский Ю. М. 310, 528, 530, 539
Кочетовская Е. А. 801
Кошутин 68
Кравец Н. Г. 148
Кравчук Г. Г. 195, 220, 230, 231, 233
Краев М. А. 773
Краковецкий А. А. 133, 136, 632
Краменчов 232
Крамер Г. 627
Красин Л. Б. 671
Краснов П. Н. 86—88, 90—95, 98, 101, 102, 104—111, 113—116, 118—125, 127—134, 136, 139—145, 149, 150, 154, 157, 159—161, 165—168, 220, 224, 244, 251, 282, 283, 289, 320, 326, 394, 416, 555, 556, 635, 679, 729, 773, 824
Крейсберг И. 483
Кремлев И. Л. 134, 136
Кржижановский Г. М. 671
Кривошлыков М. В. 460
Кристи В. 569, 572, 573
Кроль Р. И. 833
Кроненберг З. Л. 833
Кросби 447, 584
Кротов И. К. 131
Кругликов 404
Круминь Я. (Пилат) 324, 545
Крупка И. Е. 644
Крупская Н. К. 664, 667, 671
Круссер А. С. 362, 364
Крушанов А. И. 615, 624
Крыленко Н. В. 125, 129, 210, 290—294, 329, 348—350, 353, 356, 365, 367, 368,

377, 378, 381, 383, 384, 457, 463, 464, 659, 671
Крымов А. М. 92
Крысяков 81
Крэла Г. 543
Крюков П. В. 438
Крюков Ф. О. 9
Ксенофонтов И. К. 680, 682
Кугельман Л. 862
Кудрин И. Н. 483, 487
Кудрин Н. 70
Кудряшов С. 490
Кузнецов 77
Кузнецов Г. 609
Кузнецов Н. 578
Кузьмин 214
Кузьмин И. 139, 146
Кузьмин Н. Н. 350
Кузьмина Т. Ф. 9
Куйбышев В. В. 428, 429, 471, 752
Кулиев О. 599, 604
Кулик И. Ю. 483, 871
Кулюкин А. 82
Кунгуров 256
Куприянов Г. 610
Кураев В. В. 440, 441, 799
Курлат Ф. Л. 7, 8, 26, 40, 41, 218, 227, 228, 243, 259
Куропаткин А. Н. 135, 137
Кутлер Н. Н. 13
Кучин Г. Д. 318, 328, 329
Кучменко Н. И. 126
Кучмин И. Ф. 360
Кушнер П. И. 62, 68, 221, 227

Лавернь Ж. 295, 300
Лаврентьев В. Н. 805
Лавров А. С. 441
Лаврухин 143
Лагун И. В. 871
Лаевский Р. А. 352, 354
Лазимир П. Е. 688
Лазо С. Г. 623, 633
Ландер К. И. 334, 560
Лансинг Р. 100, 282, 299, 300, 306, 448, 449, 500, 501, 562, 584—587, 628, 840, 841
Лапчинский Г. Ф. 521, 522
Ларин Ю. 674
Лацис М. И. 126, 688
Лашевич М. М. 71, 125, 350, 648
Лебедев А. В. 138
Лебедев В. 136
Лебедев П. П. 343
Лебедева Я. И. 75
Левит С. А. 424
Левицкий Б. А. 37, 38, 351
Левшин 404
Лейт А. 541, 542
Ленин В. И. 5, 6, 8, 10, 12—14, 24, 43, 44, 46, 48, 85, 113, 116, 117, 120—124, 126—132, 137, 139, 140, 150, 156—159, 163, 165, 166, 178, 224, 226, 243, 244, 264, 266, 269, 270, 274, 275, 282, 287, 290—293, 310, 312, 313, 318, 328, 329, 335, 337, 345, 347, 348, 352, 365—367, 374, 375, 385, 387, 390, 392, 394, 395, 398—402, 413, 414, 416, 435, 443, 454—459, 461, 468, 473, 474, 477, 478, 499, 504, 505, 509, 523, 525, 527, 528, 530, 538—541, 550, 551, 574—576, 578, 579, 589, 592, 600, 607, 614, 616, 665—668, 670—674, 676, 677, 679, 680, 837
Лепешинский П. Н. 551, 557, 558
Леплевский Г. М. 558
Лещинский Ю. М. 871
Либкнехт К. 277
Лидак А. Ю. 78
Лидак О. 545
Лизинген А. фон 376
Липатов И. И. 466
Липеровский Ю. Н. 361
Липец Д. (Петровский) 523
Липпарт 541
Лисинова Л. 242, 259
Лисовский 76
Лисовский Н. К. 416—419
Литкенс 248
Лихач М. А. 328, 329, 837
Лихачев В. М. 49, 53, 79
Лихачев И. И. 75
Ллойд Джордж Д. 279, 305, 448, 613, 614
Лобков З. И. 621
Логачев П. О. 29
Логунова Т. А. 7, 41
Лозовский Л. И. 204
Лозовский С. А. 151, 154
Локкарт Б. 271
Ломов А. (Оппоков Г. И.) 6, 9, 11, 33, 43, 44, 46, 52, 62, 191, 207—209, 248, 659, 660
Ломовцева В. Г. 800
Ломтатидзе Е. В. 250
Лонгва Р. В. 564
Лордкипанидзе Г. И. 362
Лордкипанидзе С. М. 845
Лось Ф. 477
Лотоцкий А. И. 351
Лугановский Э. В. 522
Лукин А. А. 620
Лукин Н. М. 262
Лукирский С. Г. 94, 103, 110, 111, 141, 147
Лукомский А. С. 303
Лукоянов М. Н. 418
Луначарский А. В. 659, 671
Лутовинов И. С. 127, 134, 136, 137, 326, 542, 543, 545—547
Луцкий Е. А. 783, 784, 796, 801, 802, 809, 815
Лысов В. Г. 811, 816
Лысов В. Т. 75
Лысяков Е. И. 349
Львов Г. Е. 825
Лэнсдаун 306, 307
Люблин В. Н. 437

Людвинская Т. Ф. 49, 76, 77
Люксембург В. Р. 522

Мазуренко Ю. П. 95, 142, 162
Майоров С. М. 299
Макговерн 627
Макдональд Р. 503
Макензен А. 503
Мак-Картней 606
Маклаков В. А. 287, 288, 305
Максаков В. В. 632
Максимов К. Г. 11, 245, 266
Максимовский В. Н. 56
Малаховский В. Ф. 126
Малеванов Л. Л. 446
Маленков Е. М. 9, 40, 79, 213
Малиновская Е. К. 270
Малицкий А. Л. 151, 152, 155, 156
Малкин Б. Ф. 153
Маллисон 606
Малыгин И. В. 372, 463
Малышев 344
Малышев В. П. 625
Мальков М. А. 76
Малявин Б. С. 229, 232, 233
Малявский А. Д. 803, 814—816
Малянтович П. Н. 19, 478
Мамай Н. 130
Мандельбаум Б. Д. 679
Мандельштам А. В. (Одиссей) 76, 425
Маниковский А. А. 290, 291
Мансыров 446
Мануильский Д. З. 776
Манусевич А. Я. 555
Манцев В. Н. 20
Маринеску Ж. 576
Маркин И. 217
Маркин-Панкратов И. Т. 76
Маркович М. С. 644
Маркс К. 658, 713, 718, 823, 829
Маркус Ф. 324, 328
Мармер 490
Мартов Л. 152, 159, 857
Марушевский В. В. 281, 291, 297, 303
Масленников А. А. 429
Маслов К. П. 425
Маслов С. Л. 677, 785
Матросов И. И. 9
Махарадзе Ф. 578, 579
Махтумкули-хан 600
Медведев Е. И. 794, 799
Медведев С. П. 329
Медведовский С. П. 357, 358
Медведь Ф. Д. 78
Межинь Ю. 545
Меленевский М. 499
Мельников С. И. 429
Мельничанский Г. Н. 62, 68, 197
Мельчин А. 465
Менжинский В. Р. 660, 671, 682, 757
Меркулов Н. Т. 11, 75
Метельков П. Ф. 148
Механик С. 756, 757
Мехоношин К. А. 121
Мещеряков А. 441
Мещеряков А. 871
Мещеряков В. Н. 668, 799, 800, 801
Мещеряков Н. Л. 11, 12
Миккер Р. 545
Миллер Я. 145
Милх Л. Д. 427
Милюков П. Н. 13, 16, 136, 150, 298, 445, 588, 825, 868
Милютин В. П. 11, 53, 71, 158, 659, 665, 671, 688, 793, 797
Минор Л. С. 835
Мительман М. 137
Митрофанов А. Ф. 799
Михайловский И. И. 139
Михалевский 256
Михеев М. М. 408
Мицкевич С. И. 11
Мицкявичус В. С. (Капсукас) 871
Могилевский С. Г. 338, 551
Могунов В. 256
Мозголина О. А. 601
Моисеев А. С. 437, 438
Моисеев М. Н. 136
Мокроусов А. В. 459
Молибожко С. М. 600, 601
Молотов В. М. 751
Монахов М. Н. 75
Моргунов В. 256
Морозов 758
Морозов В. Ф. 439, 441
Моррис 100, 285, 300
Мосс У. 640
Мостовенко П. Н. 45, 62, 69, 70, 183, 227
Мстиславский С. Д. 310, 311
Муравьев 530
Муравьев М. А. 131
Муралов Н. И. 9, 11, 43, 45, 59, 62, 175, 178, 209, 217, 221
Муранов М. К. 129, 514, 665, 688
Муранов С. В. 648
Муратов Х. И. 364, 370
Муфель Б. М. 135
Мухаммедбердыев К. 594
Мухин А. 353
Мымрин Г. 609
Мышкин Ю. 242
Мышкис 68
Мясников А. Ф. 334, 338, 342, 345, 346, 348, 376, 551, 552, 556, 560, 563, 564, 671

Набоков В. Д. 99, 287, 288, 832, 835, 836
Надинский П. Н. 536
Назаретян А. 578
Назаров 451
Наумченков Я. 398
Нахгальцев И. 70
Нахимсон С. М. 324, 328, 329
Непесов Г. 594, 604
Нестерович-Берг М. 175
Нефедов М. 76—78
Ниалло А. 591

Никитин 331
Никитин А. М. 19, 57, 170, 186, 836, 888
Никифоров 344
Николаев 334
Николаев 364
Николаев А. М. 141
Николаев И. Ф. 125
Николаев М. Ф. 62
Николаев Н. Н. 126
Николай II 91, 287
Николау А. 576
Ниссель Г. 99, 160, 282
Новгородов А. И. 624
Новгородцева К. Т. 656
Новиков М. И. 487
Новожилов 344
Новоселов А. Е. 631, 632
Новоторяев 330
Ногин В. П. 6, 9, 11, 43, 52—54, 57, 122, 175, 176, 178, 179, 191, 207—209, 221, 659, 665, 666, 688
Нокс А. 99
Норов Н. 45
Носке Г. 277
Нуланс Ж. 307, 500, 503, 504
Нуруллин Р. А. 590

Обух В. А. 11, 44
Обухов Н. А. 310
Овсюк 227
Оглоблин А. 403
Одинцов С. И. 310
Ознобишин Д. В. 293, 294, 310, 313
Озолин Я. 680
Олич Ф. В. 310
Олькеницкий Г. Ш. 427
Ольминский М. С. 9, 11, 215
Орахелашвили М. Д. 578
Орджоникидзе Г. К. 129, 345, 525, 560, 618, 648, 780, 781
Орехов А. М. 11
Орешин-Качинский В. М. 516
Орландо В. 305, 308
Орлов 634
Осинский Н. (Оболенский В. В.) 9, 45, 758
Осипов 334
Островитянов К. В. 73, 74, 215
Островский Э. В. 815
Острогорский М. И. 454

Павлов 194
Павлов П. 599
Павлов С. Д. 419, 472, 473
Павлов-Григорьев 365
Павлуновский И. П. 118, 564
Павлюк П. 515
Павлюков И. Ф. 431
Падерин А. Н. 90
Панина С. В. 687
Панферов В. 610
Панюшкин В. Л. 117, 327, 547
Парский Д. П. 344
Парфенов И. Д. 446
Пархоменко А. Я. 454, 528
Патушинский 631
Пахмурный П. М. 622
Пашетных Е. Ф. 601
Пашинцева З. В. 596
Пегельман Г. Г. 871
Пеливан И. 572, 573
Пелисье 504
Перекрестов С. В. 103, 188, 232, 316
Перкинс Т. Н. 280
Перлин В. П. 66, 197
Першин П. Н. 795, 798—800, 802, 803, 805, 806, 808, 810, 813
Пестковский С. С. 210, 758
Петерс Я. Х. 125, 680, 682
Петерсон К. А. 318, 396
Петибридж Р. 399
Петин Н. Н. 234
Петлюра С. В. 284, 352, 485, 504, 505, 508—510
Петраков М. И. 246
Петренко М. Т. 516
Петров 223
Петров Г. К. 457—459
Петров И. Ф. 76
Петров С. М. 414, 470, 471
Петров С. Н. 76
Петров Ю. П. 654, 655
Петровский Г. И. 512, 513, 518, 618, 666, 672
Петровский Н. М. 799
Пече Я. Я. 9, 39, 40, 66, 175, 215
Печеных Н. И. 619
Пилацкая О. В. 75
Пинежский Е. 127
Пирогов 331
Пишон 305, 307, 632
Плансон В. А. 155
Платон, митрополит 249, 270
Плеве В. К. 688
Плесков А. 256
Плеханов Г. В. 15, 830
Плеханов Н. П. 62, 66, 70
Плешков М. М. 634
Плотникова М. Е. 619
Пневский Н. В. 111
Подбельский В. Н. 9, 49, 54, 215, 268
Подвицкий В. В. 837
Подвойский Н. И. 121—123, 127, 128, 130, 131, 137, 292, 457, 660, 671, 749
Подтелков Ф. Г. 460
Пожаров Н. А. 536
Позерн Б. П. 117, 293
Познанский Я. М. 66, 235
Покровский Г. К. 837
Покровский М. Н. 11, 262, 671
Покровский С. Н. 469, 594, 603
Поликарпов В. Д. 101, 125, 289, 348, 350, 384, 458, 469, 564
Полк Ф. Л. 501
Полковников Г. П. 87, 101, 133, 134, 136, 138

Полонский В. И. 33
Пономарев Д. И. 454
Поночевный 87—88
Попов В. Н. 111
Попов П. Н. 446
Попов С. П. 91
Попова Э. Д. 811
Порнеред де ла 629
Порш Н. В. 497, 506, 524
Потанин Г. Н. 631, 632
Потапов 244
Потоцкий Д. Н. 453
Потылицын А. 609
Правдин 688
Пресняков П. Г. 78
Пржевальский М. А. 105, 372
Пригоровский М. Д. 244
Примаков В. М. 126, 528, 539
Прокопович С. Н. 19, 185, 728, 773, 836
Прокудин 411
Пролыгин В. И. 556
Протасов Л. Г. 436, 437, 439
Прохоров 76, 77
Прохоров Н. Н. 589
Прохорцев П. 490
Прошьян П. П. 525, 665, 669
Прямиков Н. Н. 40, 65, 76, 257
Пузанцев А. 77
Пуздорский Р. Я. 256
Пуке И. 483
Пуль Д. К. 447, 588
Пульгунов П. С. 70
Пупко С. Л. 70, 241, 268
Пуришкевич В. М. 98, 445, 446, 568, 678, 679, 681, 687
Пятаков Г. Л. 483
Пятаков Л. 483, 489
Пятницкий И. А. 9, 40, 45, 48, 49, 53, 54, 59, 78, 79, 177, 205, 215, 227

Рабинович А. 256, 640
Рабичев Н. Н. 437
Равдоникас В. И. 562
Рагоза А. Ф. 364
Раенко Я. Н. 450, 452, 453
Разгон А. И. 20, 310, 313, 669
Разгон И. М. 449, 465, 619, 631
Разживин Г. В. 356—358
Райнис Я. 541
Ракитников Н. И. 156, 282, 807
Раскольников Ф. Ф. 123, 244
Ратнер Е. М. 59—61, 176, 180
Раузе Б. 545
Рашидов Г. 595
Рашин А. Г. 400, 401, 475, 614
Редакова Е. П. 815
Редко 647
Рейнш П. 629
Рейхберг Г. Е. 397, 612, 626, 627, 631, 634
Рид Д. 259, 676
Робинс Р. 262
Ровный П. И. 200, 208—212, 218, 219, 228, 229, 272
Рогали-Левицкий 227
Рогачевский 136
Рогов М. И. 235, 261
Рогов Ф. И. 366
Рогозинский Н. В. 338, 340, 384, 560
Родзянко М. В. 13, 171, 445, 447, 586, 840
Родионов С. И. 815, 816, 818
Родичев Ф. И. 16
Рожен Э. В. см. Андреев-Рожен Э. В.
Розенталь К. Г. 235
Розенштейн М. А. 65, 76
Розинь-Азис Ф. 545
Розмирович Е. Ф. 293, 294
Розовский С. З. 776
Ройзенман Б. О. 518
Ройтман Н. Д. 568, 571, 572
Романов 250
Романов И. 431
Романов И. Р. 425
Романовский И. П. 445
Ромеи 303
Ромм В. Г. 125
Росляков А. А. 594
Ростовщиков П. В. 40
Ротшильд В. И. 73
Рошаль М. Г. 163
Рошаль С. Г. 127, 317, 368, 526
Рощевский П. И. 621
Рубан Н. В. 17, 19
Рубач М. А. 477, 791, 794, 795, 803, 804, 806, 810, 817
Рубинштейн Н. 828
Руденко Н. С. 815
Рудзутак Я. Э. 33, 66, 753
Руднев В. В. 21, 37, 57—59, 170—173, 175, 179, 181, 182, 184—188, 190—192, 198, 208, 209, 217, 221, 227, 248, 254, 256, 258, 260, 267, 694, 835, 845
Руднев Н. А. 515, 528
Русаков И. В. 11, 40, 65, 78, 603
Русанов 628
Рут Э. 301
Рухимович М. Л. 516
Рыков А. И. 62, 122, 151, 153, 158, 659, 665, 666, 674, 688, 841
Рыкунов М. В. 62, 68, 75, 221
Рычкова Г. П. 418, 419
Рябушинский П. П. 13, 15, 263
Рябцев К. И. 25—27, 30, 51, 57—59, 68, 69, 82, 114, 144, 164, 169, 174—181, 184—201, 208, 210, 212, 213, 218—220, 222—224, 228, 229, 231, 234, 237, 241, 247, 248, 252—254, 256, 258, 259, 271, 320, 408, 437
Рязанов Д. Б. 151, 154, 158, 665, 674, 841

Саат И. 126, 545
Саблин Ю. В. 62, 213, 214, 457—459, 461
Савва-Степняк С. А. 62, 70, 224
Саввин Н. Н. 728
Савельев А. С. (Шелехес) 40, 65, 75

Савинков Б. В. 98, 100, 106, 150, 445
Савицкий Д. В. 140, 325
Савостьянов 399
Саврасов Л. А. 75
Садовский П. М. 82
Сазонов 344
Саладков И. И. 558
Самарин Г. И. 65
Саммерс М. Н. 63, 251, 252, 261, 446—448, 500, 588, 841
Самойлов Ф. Н. 405
Самосудов В. М. 621
Самсон А. 545
Санджиев Б. 466
Сапронов Т. В. 54
Сапунов Е. Н. 194
Сарманов 441
Саутин Н. В. 806, 811
Сафронов А. К. 20
Сафронов В. П. 616, 620
Сафронов Г. П. 367
Сахаров В. В. 9, 11, 139
Сацукевич А. Г. 384
Свердлов Я. М. 47, 210, 395, 396, 416, 508, 546, 553, 648, 665, 669, 670, 673, 688, 704, 705, 758, 778, 792, 845, 856, 858—860, 876
Свидерский А. И. 416
Свободин М. Г. 76
Святицкий Н. В. 834
Сдобнов И. 490
Северов-Одоевский О. П. 516
Северьянов 240
Севрюк А. А. 501
Селезнев 781
Селезнев В. Б. 552
Семашко Н. А. 11
Семенов Г. 99, 147, 445, 469, 625, 630—633, 839, 840
Семернин П. В. 450, 452, 453
Сент-Олер 574
Сергеев В. 420
Сергеев Ф. А. (Артем) 456, 514, 516, 521, 522, 752
Серебрякова З. Л. 562
Середа С. П. 799, 800, 804
Сержант К. 545
Серкин И. О. 29
Сессиль Р. 448
Сиверс Р. Ф. 457—460
Сидоренко С. А. 618
Сидоров 334
Сидоров 76
Сидоров П. 682
Сийливаск К. 126, 545
Силкин А. 353
Симонов Н. 571
Синани 38
Сиссон Э. 301
Ситников Г. Г. 400
Скалон 446
Скворцов-Степанов И. И. 9, 11, 171, 215, 659, 660, 671, 845
Склянский Э. М. 124, 293, 324, 331, 332
Скобелев М. И. 282, 286, 288, 339, 347
Скорбач И. 410
Скоропись-Иолтуховский А. Ф. 499
Скороходов П. А. 136
Скраме И. И. 75
Скрыпник Н. А. 522
Слесарев И. Г. 39, 40, 65, 75
Слуцкая В. К. 126
Смидович П. Г. 9, 11, 59, 62, 179—181, 184, 185, 192, 207, 208, 221, 227, 255, 256
Смилга И. Т. 543
Смирнов 176, 178
Смирнов 330
Смирнов 688
Смирнов А. В. 765
Смирнов А. Г. 406
Смирнов В. М. 53, 62, 66, 204, 255, 256
Смирнов Н. И. 9
Смирнов Ф. С. 214, 258
Смит Ф. В. 447, 584—587, 840
Смольянинов В. А. 126
Снарский 234
Снегов А. В. 490
Собакин Н. Д. 331
Собинов Л. В. 270
Соболев П. Н. 675, 678, 790, 791, 796
Соболева П. И. 18, 20
Сойфер Д. И. 607
Соколов Б. 839
Соколов Н. 431
Сокольников Г. Я. 151, 153, 310, 665
Сокольский В. В. 516
Солерс Б. И. 363
Соловей Е. М. 758
Соловьев В. И. 54, 56, 196
Соловьев З. П. 75, 235
Соловьев О. Ф. 100, 108
Соловьев Ю. Я. 289
Солодов Ф. 81
Сольц А. А. 9, 11
Соннино Д. С. 305, 308
Сорин Н. Г. 599
Сорокин И. 256
Сосновский Л. 416
Софинов П. Г. 445, 680
Спиридонова М. А. 800, 846
Спирин Л. М. 635, 833
Стааль А. Ф. 239, 260
Ставровский А. 588
Сталин И. В. (Джугашвили) 290, 659, 665, 671, 858, 864, 871
Станкевич В. Б. 106, 107, 133, 147, 150, 157, 166, 298
Старостин 364
Старцев В. И. 127
Стасова Е. Д. 645, 647, 648, 655, 656
Сташков Р. Н. 310
Стефашкин И. Р. 65
Стивенс Д. 301
Стогов Н. Н. 231, 488, 495
Столыпин П. А. 688
Стрелков Н. 74

Стриевская С. 673
Струве П. Б. 13
Студенецкий С. А. 172, 182, 254, 256
Стуков И. Н. 9, 54, 175, 209, 248
Стучка П. И. 543, 660, 673, 679, 685—687
Сулацкий 224
Сулейменов Б. 592
Сумбатов-Южин А. И. 270
Супруненко М. 483
Сургуладзе А. Н. 579
Суханов Н. Н. 857
Сысин 250
Сычев Н. 214

Табуи Ж. 500, 503
Тагиров И. 426
Тарасов А. А. 426
Тарногородский Н. П. 489, 490, 492, 494
Ташлиев Ш. 594, 600
Тверитин В. Д. 65, 75
Тейтельбаум М. И. 62
Теодорович И. А. 659, 665, 688, 776
Тер-Арутюнянц М. К. 349, 384
Терещенко М. И. 298
Терлецкий Е. П. 522
Тизенгаузен Э. П. 110, 169, 212
Тиунов С. Я. 429
Тихменев Н. С. 338
Тихомиров 688
Тишенинов 189
Тищенко С. Г. 438
Ткаченко М. С. 525
Тодорский А. Н. 354
Токарев 419
Толешев А. Н. 65
Толстяков К. А. 427
Томский М. П. 243
Топуридзе Д. А. 430
Третьяков С. Н. 13
Триандафиллов В. К. 357, 383
Трифонов Е. А. 137
Троицкий М. Н. 362
Троцкий Л. Д. 60, 301, 302, 659, 665
Трубецкой 447
Трукан Г. А. 8, 18, 20, 245, 400, 404, 405, 407—409, 411, 412, 423, 425, 437, 561
Трутовский В. Е. 669, 692, 693
Трушин В. 146, 165
Тузлуков И. К. 441
Туляков Н. С. 76, 216
Туманов Е. 81
Тумаринсон В. Х. 669
Турсунов Х. 592, 598
Турунов А. 632
Турчан В. М. 384
Тышкевич 549
Тюлин 230

Уйтгауз Ш. 285
Ульянова М. И. 48
Ульянский А. 137
Ульянцев Т. И. 127
Умар-Бек-Алиев 871
Унгерн-Штернберг П. Л. 289
Уншлихт И. С. 564, 688
Упырь В. А. 350
Урицкий М. С. 665, 674, 688, 837
Уркварт Л. 619, 620
Урнов Б. 11
Усаков В. 70
Усиевич Г. А. 9, 11, 36, 40, 62, 63, 68—70, 177, 179, 183, 185, 221, 225, 241, 257, 272
Устинов А. И. 623
Устьянцев 355
Уханов К. В. 11, 78

Фабрициус Я. Ф. 329
Фадеев-Васильев Г. П. 453
Файдыш В. П. 40, 73, 215
Факторович Д. 78
Фалеев Н. И. 798
Федоров 252, 253
Федоров 367
Федоров А. М. 575
Федоров А. Ф. 405
Федоров В. Д. 740
Федоров П. Ф. 266
Федотов П. Ф. 66
Фейт А. 150
Фельдман С. Д. 65, 73
Фердинанд, румынский король 358
Филатьев Г. В. 185
Филиппов И. 571
Филлер С. И. 75
Финн Э. 293
Фиолетов И. Т. 578
Фих Б. М. 791, 796, 803, 812, 815, 818
Флаксерман С. А. 656
Флаксерман Ю. Н. 656
Флеровский И. П. 127
Фомин В. В. 334, 396, 680, 682
Фомин П. 265
Фомченко А. П. 604
Фосс 27
Фофанова М. В. 799
Фрайман А. Л. 96, 149, 163, 167, 519, 642
Френкин М. С. 377, 384, 385, 526, 538
Френсис Д. 88, 100, 251, 285, 286, 296, 299, 300, 302, 447—449, 501, 562, 611, 613, 626, 682
Фридлянд В. 250, 251
Фролов А. 454
Фрунзе М. В. 247, 406, 551, 671, 734
Фурманов Д. А. 393, 394, 405
Фэйнсод М. 640

Хаптаев П. Т. 618
Хараш Я. А. 150, 318
Харин В. П. 594
Харитонов 344
Харламов 240
Харламов В. А. 23, 445, 447, 586, 587
Харлов В. Н. 799
Харченко Т. 454
Хауз Э. 280, 304—308, 572, 584, 585

Хаустов Ф. П. 139
Херсонский С. 27—29
Хесин С. С. 131, 472, 473, 790
Хмелевский К. А. 450, 451, 453, 460
Ховрин Н. А. 457
Ходжаев Ф. 605
Ходоровский И. И. 76, 77
Хорват Д. Л. 629, 634
Хохлов А. 529, 565, 781
Хохряков П. Д. 418
Хрещатицкий Б. Р. 143
Хрони Ф. Ф. 604
Хрущев Ф. Г. 185

Цвиллинг С. М. 470, 471
Церетели И. Г. 347, 688, 848, 850
Цивцивадзе И. В. 9, 49, 53, 73
Цихович Я. К. 104, 114, 357, 491
Цихон А. М. 76
Цуриков А. А. 366
Цхакая М. Г. 578
Цыпкин Г. А. 40, 41
Цюрупа А. Д. 417, 777

Чайковский Н. В. 133, 286, 288
Чапаев В. И. 429, 471
Чаянов А. В. 807
Чекирисов А. 454
Черемисов В. А. 87, 89—91, 106, 108, 142, 145, 147, 292, 293, 298, 325, 326
Черепанов Д. А. 35, 61, 250, 256
Черневский Н. И. 516
Чернецов В. М. 459, 460
Чернов В. М. 105, 147, 150, 160, 282, 283, 290, 298, 328, 334, 337, 339, 347, 360, 498, 547, 665, 675, 833, 845—850, 852, 853
Чернов Г. В. 813—815
Черняк М. И. 78
Черчилль У. 160
Четвериков 234
Чижевский В. 572
Чижов 404
Чиненов И. Н. 9, 75
Чирков П. М. 41
Чубарьян А. О. 295
Чубуков Я. А. 591, 604
Чугаев Д. А. 605, 707, 708
Чугурин И. Д. 126
Чудновский Г. И. 120, 129, 131, 146, 350, 526

Шавердов Д. 578
Шалаев 68, 365
Шарапов Г. В. 822
Шардинья 447, 587
Шатилов 631
Шаумян С. Г. 372, 578, 580, 863, 864, 866
Шаховской Д. Н. 81, 446
Шахрай В. М. 521, 522
Шварев В. 434, 441
Шверник Н. М. 394
Шеболдаев Б. П. 373
Шевцов С. П. 845
Шейдеман Ф. 277
Шейнкман Я. С. 427, 679
Шелюбский А. П. 543
Шемяков Д. Е. 568, 571, 572
Шеногин Ф. М. 75, 215
Шепелев Л. Е. 727
Шер В. В. 38
Шерешевский Б. М. 625, 626
Шестаков А. В. 802
Шефлер М. Е. 72
Шиллерт Ю. Ф. 11, 73
Шиллинг Н. Н. 348
Шингарев А. И. 17
Шиндялов Н. А. 625
Шипов И. П. 758
Шитов 259
Шихлинский А. А. 341
Шиша А. 619
Шишарин 365
Шкирятов М. Ф. 9, 247, 411
Шленов А. 76
Шлихтер А. Г. 53, 72, 81, 196, 263, 666, 776—778, 797
Шляпников А. Г. 659, 666, 688
Шляпников Я. 65
Шмерлинг 239
Шмитков В. Д. 803
Шор 447, 586, 587
Шоричев С. Ф. 75
Шорников М. М. 619
Шорохов Д. И. 405
Шпиндлер М. А. 735, 736
Шрейдер Г. И. 95, 99, 694
Штейнберг И. З. 669, 681, 847
Штернберг П. К. 9, 40, 62, 73, 79, 240
Шубин 293
Шубников Н. В. 11, 175
Шуленков 68
Шульгин А. Я. 500
Шумилов М. И. 801
Шумяцкий В. 623
Шуцкий 204

Щербаков П. П. 76
Щербаков-Сидоров 77
Щебрачев Д. Г. 105, 232, 284, 297, 302, 303, 351, 358, 359, 362, 364, 366, 369, 370, 377, 383, 502, 503, 505, 525—527, 564, 570, 573—575, 632
Щукин С. Е. 336, 680, 682

Эберт Ф. 277
Эвальд 404
Эйлер А. А. 84, 187, 188
Эйхгорн фон 376
Элиава Ш. З. 609
Эльмень Д. С. 871
Эльцин 688
Эльчибекян А. М. 581
Эльяшевич А. Б. 845
Энгельс Ф. 658, 718
Эрваль Р. 253
Эссен Э. Э. 659

Эссертон 606
Эфферт-Клусайс Э. 545

Югов А. 19
Юдовский В. Г. 362, 368, 534
Юзефович Я. Д. 163, 328
Юлдашев А. 592
Юрасов И. 723, 724, 733
Юревич Э. И. 40

Ягодкин 362
Яковлев И. А. 489
Яковлев Н. Н. 622
Яковлев Я. А. 518
Яковлева В. Н. 9, 45, 46, 48, 50, 54, 177, 191, 209, 688
Якубов А. С. 776
Якулов 256
Якуненко 78
Якупов Н. М. 326, 334, 339, 347, 427
Якушев И. А. 631, 632
Янковский И. И. 462
Янушевский В. П. 66
Янышев М. П. 20, 56
Ярославский Е. М. 9, 11, 54, 67, 72, 176, 178, 618, 652
Ярошкевич 365
Ясенев В. Я. 61, 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОСКВЕ 5

1. Значение Москвы с областью в социалистической революции 7

Москва революционная (7). Завоевание большевиками трудящихся Москвы и области (10). Мобилизация сил контрреволюции в Москве (13). Контреволюция наступает. Разгром Калужского Совета (23)

2. Москва перед восстанием 31

Рабочие требуют взятия власти Советами (31). Большевики готовятся взять власть (43)

3. Московские Советы берут власть 52

Большевики начинают восстание (52). Военно-революционный комитет — орган власти Советов (57). Районные Советы и организация власти (72)

Глава вторая

ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА И ИХ ПРОВАЛ 87

1. Поход Краснова — Керенского 87

Вновь 3-й кавалерийский корпус (87). Замыслы контрреволюции (94). Наступление контрреволюционных войск на Петроград (102)

2. Разгром войск Краснова — Керенского 116

В. И. Ленин руководит подавлением контрреволюции (116). Подавление юнкерского мятежа (132). Поражение контрреволюционных войск под Пулковом (139). Викжель в роли спасителя контрреволюции (148). Армия на стороне революции (161). Ликвидация контрреволюционного мятежа (165)

Глава третья

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО МЯТЕЖА В МОСКВЕ 169

1. Начало антисоветского выступления 169

Организация мятежа (169). Ультиматум Рябцева (174)

2. Революция отбивает натиск контрреволюции 201

Организация отпора контрреволюции (201). Наступление революционных войск (212). Перемирие (219). Ставка пытается организовать помощь контрреволюции в Москве (228)

3. Революционные войска переходят в решительное наступление 235

Коренной перелом в борьбе (235). Петроград и Центральный промышленный район организуют помощь Москве (242). Последние попытки спасти мятежников (247). Капитуляция мятежников (253). Сражающаяся Москва (260)

Глава четвертая

НАЧАЛО БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЗА ВСЕОБЩИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР 274

1. Блок империалистов Антанты и российской контрреволюции против советской политики мира 274
Народы приветствуют Декрет о мире (274). Силы контрреволюции против мира (281). Расчеты и происки дипломатии стран Антанты (284)

2. Заключение перемирия 289
Большевики срывают расчеты контрреволюции (289). Державы Антанты открыто выступают против всеобщего мира (295). Поиски Антантой путей свержения Советской власти (303). Завершение переговоров о перемирии (308)

Глава пятая

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ФРОНТЕ 316

1. Октябрьские дни на Северном фронте 323
12-я армия (327). 1-я армия (329). 5-я армия (331)

2. Октябрь на Западном фронте 333
2-я армия (338). 10-я армия (341). 3-я армия (343)

3. Ликвидация контрреволюционной Ставки 347

4. Октябрьские события на Юго-Западном фронте 350

5. Октябрьский переворот на Румынском фронте 358
8-я армия (363). 4-я армия (364). 6-я армия (364). 9-я армия (366). Попытка внутренней и внешней контрреволюции подавить революцию на Румынском фронте (367)

6. Октябрьский переворот на Кавказском фронте 370

7. Солдатские массы в борьбе за перемирие 374

8. Демократизация армии 379

Глава шестая

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ 389

Основные районы страны 389

1. Промышленные губернии Центра 400

2. Урал 413

3. Поволжье 421

4. Центральный Черноземный район 434

5. Юго-Восточный район 444
Организация всероссийской контрреволюции (444). Каледин развязывает гражданскую войну (451). Разгром всероссийской кадетско-калединской контрреволюции (454). Установление Советской власти на Северном Кавказе (461). Советская власть в Нижнем Поволжье и в Уральской области (465). Разгром дутовщины (468)

6. Украина 473
Киевский район (480). Борьба Центральной рады против власти Советов (504). Установление Советской власти на Левобережье Украины (511). Образование Украинской Советской республики (520). Крах Центральной рады (523). Установление Советской власти на Правобережье (530). Утверждение Советской власти в Приморском районе Украины (533)

7. Прифронтовые районы 539

Северо-Западный прифронтовой район (Прибалтика) (540). Западный прифронтовой район (Белоруссия) (548). Разгром контрреволюционного мятежа Польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого (562). Юго-Западный прифронтовой район (Бессарабская губерния) (568). Провал антисоветской авантюры королевской Румынии (571)

8. Промышленный район Закавказья — Баку 576

Иностранные империалисты и создание контрреволюционного блока в Закавказье (582)

9. Средняя Азия и Казахстан 588

Сыр-Дарьинская область (595). Самаркандская область (597). Ферганская область (598). Закаспийская область (599). Тургайская область (601). Семипалатинская область (602). Семиреченская область (602). Бухарский эмират и Хивинское ханство (604). Разгром Кокандской автономии (605)

10. Северный район 608

11. Сибирь и Дальний Восток 613

Иностранные империалисты в организации контрреволюции на Дальнем Востоке (626). Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке (631)

Глава седьмая

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 642

1. Новые задачи партии. Трудности перестройки 642

Партийное строительство после Октября (650)

2. Советское государственное строительство 658

Организация центральных органов Советской власти — Совнаркома и ВЦИК (658). Организация защиты революционного порядка (678). Местные самоуправления после Октября (691). Строительство Советов на местах (704)

Глава восьмая

НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 716

1. Рабочий контроль над производством и распределением 716

Творческая инициатива рабочих (716). Саботаж капиталистов в промышленности (726). Подавление саботажа (732)

2. Первые декреты Советской власти о труде 738

3. Организация ВСНХ и местных органов народного хозяйства 744

4. Национализация банков 755

5. Начало национализации промышленности и транспорта 762

6. Борьба с голодом 772

Чрезвычайные меры по борьбе с голодом (774). Создание Наркомпрода (775). Продовольственные органы на местах (777). Борьба с попытками контрреволюции усилить голод (779)

7. Декрет о земле в действии 783

Земельный закон — в массы (783). Органы проведения в жизнь Декрета о земле (792). Формы ликвидации помещичьего землевладения (801). Саморазоблачение лжедрузей крестьян в деревне (806). Участие трудящегося крестьянства в проведении Декрета о земле (809). Начало конфискации излишков земли у кулаков (816). Конец класса помещиков (817)

Глава девятая

КРАХ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА. ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ 824

1. Созыв и роспуск Учредительного собрания 824

Саботаж созыва Учредительного собрания правительством буржуазии (824). Большевики и Учредительное собрание (829). Учредительное собрание — знамя контрреволюции (833). Потерянный день (844)

2. III Всероссийский съезд Советов 854

Верховный орган советской демократии (854). Решения III съезда Советов (856)

3. У истоков образования Союза Советских Социалистических Республик . 861

Развитие марксистского учения о создании многонационального государства (861). Первые шаги национального строительства в Советской стране (869)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 877

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 886

МИНЦ
ИСААК ИЗРАИЛЕВИЧ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Издание второе

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Том 3

Утверждено к печати
Научным Советом по комплексной проблеме
«Великая Октябрьская социалистическая революция»
и Институтом истории АН СССР

Редактор издательства **А. Г. Синельников**
Художник **Н. А. Седельников**
Технические редакторы
Ю. В. Серебрякова, О. М. Гуськова
Корректор **В. А. Бобров**

ИБ № 15512

Сдано в набор 26.12.78.
Подписано к печати 28.05.79.
Т-11403. Формат 70×100¹/₁₆ Бумага № 1
Гарнитура обыкновенная Печать высокая
Усл. печ. л. 73 Уч.-изд. л. 79,6
Тираж 22200 экз. Тип. зак. 1499
Цена 5 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

5 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИК
И. И. МИНЦ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

3

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ